

В. І. Борисов

**ВИБРАНІ
ТВОРИ**

Харків
«Право»
2018

У к л а д а ч і:

В. В. Базелюк – канд. юрид. наук; С. В. Гізімчук – канд. юрид. наук, доц.;
Л. М. Демидова – д-р юрид. наук, проф.; Д. П. Євтєєва – канд. юрид. наук;
М. Г. Заславська – канд. юрид. наук, доц.; Ю. В. Калініченко – канд. юрид.
наук; Г. С. Крайник – канд. юрид. наук; Н. О. Мороз; Н. В. Нетеса – канд. юрид.
наук; В. В. Олійниченко; М. М. Панов – канд. юрид. наук, ст. наук. співроб.;
О. О. Пашенко – канд. юрид. наук, доц.; М. В. Сенаторов – канд. юрид. наук;
М. В. Шепітько – канд. юрид. наук, ст. наук. співроб.

Відповідальний за випуск:

М. В. Шепітько

Борисов В. І.

Б82 Вибрані твори / В. І. Борисов ; уклад.: В. В. Базелюк, С. В. Гізімчук,
Л. М. Демидова та ін. ; відп. за вип. М. В. Шепітько. – Харків : Право, 2018. –
784 с. : іл.

ISBN 978-966-937-359-5

Видання включає вибрані твори доктора юридичних наук, професора, академіка НАПрН України, відомого фахівця в галузі кримінального права Вячеслава Івановича Борисова. До збірки увійшли наукові праці, присвячені проблемам теорії кримінального права, кримінально-правової політики в Україні, вини та її форм, кримінальної відповідальності за вчинення окремих злочинів. Вибрані праці охопили фрагменти дисертацій, наукові статті та доповіді, підручники, навчальні посібники, тексти лекцій та інші твори.

Для наукових співробітників, викладачів, аспірантів, студентів вищих навчальних закладів, представників судових та правоохоронних органів, а також усіх тих, хто цікавиться проблемами кримінального права.

УДК 343.2/.7(081)

ПЕРЕДМОВА

У 2018 р. виповнюється 75 років від дня народження та 45 років науково-педагогічної діяльності провідного вченого у галузі кримінального права, відомого в Україні та за її межами, талановитого керівника та педагога, доктора юридичних наук, професора, академіка Національної академії правових наук України, заслуженого юриста України Вячеслава Івановича Борисова.

Наука потребує від людини усього її життя, значної напруги та великої пристрасті, про що у свій час говорив видатний учений, фізіолог І. П. Павлов. Саме ці слова можна сказати про Вячеслава Івановича, справою всього життя якого, його пристрастю, повітрям та життєвим середовищем стала наука.

В. І. Борисов народився 7 лютого 1943 року у м. Волжську Марійської АРСР (тепер – Республіка Марій Ел, Російська Федерація) у сім'ї військовослужбовців. Після звільнення УРСР від фашистських загарбників разом з матір'ю переїхав до Житомира. Після закінчення 7 класів залізничної середньої школи № 45 вступив до Житомирського будівельного технікуму та отримав спеціальність техника-будівельника. Трудовий шлях майбутній вчений розпочав у 1961 році муляром будівельно-монтажного управління № 74 будтресту № 7 м. Житомира. У 1962–1965 роках служив у лавах Радянської Армії. Службу проходив у будівельних військах Новосибірського та Забайкальського військових округів.

У 1966 році В. І. Борисов вступив до Харківського юридичного інституту (тепер – Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого (НЮУ ім. Я. Мудрого); раніше – Українська державна юридична академія, Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого, Національний університет «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»). Під час навчання брав активну участь у науковій студентській роботі. Вже починаючи з 2-го курсу протягом подальших чотирьох років очолював студентське наукове товариство інституту, неодноразово відмічався нагородами різного рівня за участь у конкурсах та конференціях. Так, наукова доповідь, підготовлена ра-

зом із співкурсорником А. О. Селівановим (тепер – академік Національної академії правових наук України, постійний представник Верховної Ради України у Конституційному Суді України) та подана на другий Все-союзний конкурс наукових студентських робіт з проблем суспільних наук, міжнародного молодіжного руху та історії ВЛКСМ, була відзначена Дипломом I ступеня республіканського конкурсу УРСР та Дипломом і медаллю лауреата Всесоюзного конкурсу.

У 1970 р. В. І. Борисов з відзнакою закінчив Харківський юридичний інститут та вступив до аспірантури цього навчального закладу. У 1974 році захистив дисертацію на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за темою «Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ» (спеціальність 12.00.08 – кримінальне право та процес) (науковий керівник – професор В. В. Сташис), По закінченню аспірантури залишився на кафедрі кримінального права Харківського юридичного інституту, де працював асистентом, старшим викладачем, доцентом. У 1978 році В. І. Борисову було присвоєно вчене звання доцента.

Із серпня 1983 р. по липень 1985 р. В. І. Борисов був у закордонному відрядженні у Народній Демократичній Республіці Ємен (далі – НДРС), де викладав у Аденському університеті кримінальне право НДРС та кримінологію, а також був старшим групи спеціалістів із СРСР юридичного факультету цього навчального закладу. Працюючи викладачем, В. І. Борисов продовжував займатися науковою роботою, зокрема, у спів-авторстві з О. І. Рарогом (тепер – професор, доктор юридичних наук) було підготовлено і видано у перекладі арабською мовою підручник «Кримінальне право НДРС. Частина Загальна» та декілька індивідуальних наукових праць.

Повернувшись до України, В. І. Борисов продовжив працювати доцентом кафедри кримінального права Української державної юридичної академії, з 1991 р. по 1994 р. виконував обов'язки заступника завідувача цієї кафедри. У 1993 р. він захистив докторську дисертацію на тему «Основные проблемы охраны безопасности производства в уголовном законодательстве Украины» (спеціальність 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право), у 1995 р. йому було присвоєно вчене звання професора.

У 1995 р. В. І. Борисов дав згоду працювати у Академії правових наук України (АПРН України) (тепер – Національна академія правових наук України (НАПрН України), спочатку обіймав посаду начальника управління планування та координації наукових досліджень цієї Академії, а пізніше очолив Інститут вивчення проблем злочинності АПРН

України (тепер – Науково-дослідний інститут вивчення проблем злочинності імені академіка В. В. Сташиса НАПрН України (НДІВПЗ імені академіка В. В. Сташиса НАПрН України), де і працює близько 20 років. Окрім того, з 2005 р. по теперішній час В. І. Борисов – професор кафедри кримінального права № 1 НЮУ імені Я. Мудрого за сумісництвом.

У 1996 р. В. І. Борисов обраний членом-кореспондентом НАПрН України, у 2004 р. – дійсним членом (академіком), а у 2012 р. – академіком-секретарем відділення кримінально-правових наук цієї академії.

Свої здібності, світогляд, сміливість наукових поглядів В. І. Борисов проявляє у різноманітних напрямках наукової діяльності: кримінальне право, кримінологія, кримінально-виконавче право, соціологія кримінального права, міжнародне кримінальне право. Особливу увагу у своїх роботах він приділяє теорії кримінального закону, необережній формі вини, відповідальності за злочини проти життя та здоров'я, економічні та службові, проти правосуддя, а також проблемам запровадження інституту кримінального проступку у законодавство України, питанням реформування правоохоронних органів в Україні тощо.

Окремий напрям його наукових досліджень – кримінальна відповідальність за порушення правил охорони праці та безпеки виробництва. У докторській дисертації та наступних наукових публікаціях В. І. Борисов уперше у вітчизняній науці кримінального права здійснив системний аналіз чинників соціальної обумовленості кримінально-правової заборони посягань на безпеку виробництва в Україні та комплексно дослідив загальні ознаки складів злочинів у цій сфері. Значну увагу ним приділено й дослідженню мотивації злочинних порушень правил безпеки виробництва та визначенню чинників, що впливають на неї. Наукову цінність становлять і сформульовані вченим вихідні положення щодо конструювання санкцій за конкретні види злочинів проти безпеки виробництва, які передбачають широке застосування альтернативних ув'язненню видів покарання. На підставі цього ним було сформульовано родове поняття цих злочинів та запропоновано доктринальну модель системи норм про кримінальну відповідальність за посягання на безпеку виробництва, яка була втілена у нині чинному Кримінальному кодексі України 2001 р. Не можна не згадати в цьому контексті і пропозицій В.І. Борисова до проекту Конституції України 1996 р. щодо закріплення права людини на охорону життя та здоров'я у процесі трудової діяльності, визнання життя людини найвищою соціальною цінністю. За значні досягнення в розробці проблем правового убезпечення виробництва у 1993 році він був обраний дійсним членом Академії інженерних наук України.

Свої знання та кропіткий труд Вячеслав Іванович втілює у близько 450 наукових працях, у тому числі монографіях, підручниках, навчальних посібниках, науково-практичних коментарях, що є свідченням значного внеску у розвиток вітчизняної юридичної науки. Серед них: «Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ» (1977); «Ответственность за нарушение правил техники безопасности на производстве» (1984); «Уголовно-правовая охрана безопасности общественного производства (развитие уголовного законодательства, его социальная обусловленность, юридические признаки составов преступления)» (1991); «Уголовная ответственность за нарушение правил, норм и стандартов, обеспечивающих безопасность дорожного движения» (у співавт., 2001); «Організований наркобізнес (поняття, форми, підстави кримінальної відповідальності)» (у співавт., 2005); «Протидія організованій злочинності у сфері торгівлі людьми» (у співавт., 2005); «Злочини проти безпеки виробництва: поняття та види. Кримінальна відповідальність за порушення правил ядерної або радіаційної безпеки» (у співавт., 2006); «Потерпілий від злочину (міждисциплінарне правове дослідження)» (у співавт., 2008); «Проблеми забезпечення ефективності діяльності органів кримінального переслідування в Україні» (у співавт., 2010); «Теоретичні основи забезпечення якості кримінального законодавства та правозастосовчої діяльності у сфері боротьби зі злочинністю в Україні» (у співавт., 2011); «Кримінальна відповідальність за порушення правил безпеки під час виконання робіт з підвищеною небезпекою» (у співавт., 2012); «Теоретичні та прикладні проблеми соціальної адаптації осіб, звільнених з місць обмеження або позбавлення волі» (у співавт., 2013); «The Legal System of Ukraine Past, Present and Future. Vol. V : «Criminal-Law Sciences. Urgent Problems of Combating Criminality in Ukraine» (у співавт. 2013); «Правова доктрина України (у 5 т.). – Т. 5: Кримінально-правові науки в Україні: стан, проблеми та шляхи розвитку» (у співавт., 2013); «Політика у сфері боротьби зі злочинністю України: теоретичні та прикладні проблеми» (у співавт., 2016); «Актуальні питання кримінального законодавства України та практики його застосування» (у співавт., 2017) тощо.

Активну участь вчений бере у написанні підручників із кримінального права, методичних рекомендацій, науково-практичних коментарів до Кримінального кодексу України. Зокрема, він є співавтором таких видань: підручник «Кримінальне право України. Загальна частина» (1997, 2001, 2003, 2004, 2007, 2010, 2015); «Кримінальне право України. Особлива частина». (2001, 2003, 2004, 2007, 2010., 2015); «Кримінальний

кодекс України: науково-практичний коментар» (2003, 2004, 2006, 2008, 2013).

Багатогранним є організаторський талант вченого. За час керування НДІВПЗ ім. академіка В. В. Сташиса НАПрН України він організував потужний та авторитетний колектив фахівців із кримінально-правових дисциплін. Починаючи з 2011 р. В. І. Борисов як заступник голови оргкомітету проводить роботу з підготовки щорічної Харківської міжнародної конференції з кримінального права та суміжних наук, що відбувається у НЮУ ім. Я. Мудрого. Цей захід став всеукраїнською платформою для дискусій вітчизняних та зарубіжних фахівців з актуальних теоретичних питань та проблем правозастосовної практики. У 2017 р. побачив світ 17-й том Великої української юридичної енциклопедії «Кримінальне право» – видання, над яким протягом трьох років під керівництвом доктора юридичних наук, професора, академіка НАН України В. Я. Тація працював колектив провідних вітчизняних науковців. В. І. Борисов був заступником голови редакційної колегії цього видання, членом робочої групи та автором низки термінів в ньому.

Талановитість В. І. Борисова як педагога і вчителя проявляється в його лекціях та практичних заняттях, де глибокий аналіз кримінального законодавства й практики його застосування поєднано з доступною, чіткою формою викладення навчального матеріалу. Протягом багатьох років вчений очолює наукові студентські гуртки, учасники якого активно виступають на наукових конференціях та конкурсах і здобувають дипломи переможців. Вихованці В. І. Борисова стали відомими юристами, науковцями, суддями, прокурорами, народними депутатами.

Багато уваги вчений приділяє вихованню молодих науковців. Він підготував 11 кандидатів юридичних наук, а нині здійснює наукове керівництво кількох аспірантів та виступає науковим консультантом трьох докторантів. Можна з впевненістю стверджувати, що на сьогодні сформувалася наукова школа академіка В. І. Борисова, учні якого розвивають його ідеї, досліджуючи актуальні питання кримінального права.

В. І. Борисов виконує значну роботу із методичного забезпечення юридичної освіти в Україні. З 1979 по 2005 роки він був вченим секретарем Науково-методичної комісії з правознавства Міністерства освіти України, є одним із розробників Загальнодержавної освітньо-професійної програми вищої школи «Право» Міністерства освіти України, а також рейтингової системи оцінки знань студентів з кримінального права. Разом з колегами по кафедрі він підготували базу даних «Навчальний електронно-інформаційний комплекс (НЕІК) з кримінального права України», на що було отримано Свідоцтво про реєстрацію авторського права на твір.

Високий авторитет та багаторічний досвід роботи В. І. Борисова нерозривно пов'язані з активною участю в атестації наукових кадрів. Він є членом спеціалізованої вченої ради Д 64.086.01 в НЮУ ім. Я. Мудрого по захисту кандидатських та докторських дисертацій, а з 2012 р. очолює спеціалізовану вчену раду К 64.502.01 НДІВПЗ ім. академіка В. В. Сташиса НАПрН України із захисту кандидатських дисертацій зі спеціальності 12.00.08. В. І. Борисов неодноразово виступав офіційним опонентом по захисту кандидатських та докторських дисертацій.

Науково-педагогічну та адміністративну діяльність вчений успішно поєднує з громадською роботою. Так, у 1975 р. він очолював Раду молодих учених ХІОІ, у 1977 р. був обраний заступником голови Харківської обласної науково-методичної ради з пропаганди правових знань, читав лекції у Харківському міському народному університеті правових знань, був членом позаштатного відділу «Право та мораль» газети «Ленінська зміна». З 2000 р. В. І. Борисов – член Кримінологічної асоціації України; з 2002 р. – член Співки юристів Харківської області; з жовтня 2011 р. – один із засновників та заступник голови громадської організації «Всеукраїнська асоціація кримінального права».

Важливим напрямом діяльності В. І. Борисова є його участь у законопроектній роботі. Починаючи з 1993 р., він був членом робочої групи Кабінету Міністрів України з підготовки проекту чинного Кримінального кодексу України 2001 р.; науковим консультантом Комісії Верховної Ради України з питань законності і правопорядку; членом робочої групи Комітету Верховної Ради України з питань боротьби з організованою злочинністю і корупцією з доопрацювання проєктів законів України щодо відповідальності за корупційні правопорушення; членом робочої групи Ради національної безпеки і оборони України з підготовки питання «Про стан злочинності у державі та координацію діяльності органів державної влади у протидії злочинним проявам»; експертом Міністерства юстиції України з питань реформування кримінального законодавства; членом Науково-консультативної ради при Верховному Суді України; членом юридичної секції Науково-консультативної ради Національної експертної комісії України з питань захисту суспільної моралі; членом Науково-експертної ради при Державній службі України з контролю за наркотиками; багато років являється консультантом Комітету Верховної Ради України з питань правової політики. У 2012 р. В.І. Борисова було включено до складу Конституційної Асамблеї як спеціального допоміжного органу при Президентіві України, утвореного з метою напрацювання пропозицій щодо змін до Конституції України.

В. І. Борисов є головним редактором збірника наукових праць «Питання боротьби зі злочинністю», заступником головного редактора електронного наукового видання «Вісник асоціації кримінального права України», членом редакційних колегій низки періодичних видань, зокрема, «Вісника Національної академії правових наук України», «Право України», «Проблеми законності» та ін.

Значну увагу В. І. Борисов приділяє міжнародному співробітництву у сфері наукового забезпечення боротьби зі злочинністю. З 1998 по 2003 роки він обіймав посаду заступника директора Харківського центру вивчення організованої злочинності, директором якого був академік В. В. Сташис. Центр було створено згідно з договором між Американським університетом (Вашингтон, США) та НЮУ ім. Я. Мудрого з метою проведення наукових досліджень з проблем боротьби з організованою злочинністю, корупцією, наркобізнесом, торгівлею людьми, легалізацією (відмиванням) коштів, здобутих злочинним шляхом та ін., розроблення та впровадження рекомендацій, спрямованих на усунення причин й умов, що сприяють злочинності у зазначених сферах, тощо. Також В. І. Борисов брав активну участь у реалізації Програми американсько-українського науково-дослідного партнерства, яка проводилася Національним інститутом юстиції Департаменту юстиції США та НАПрН України і стала невід'ємною частиною взаємодії у галузі правохоронної діяльності між Україною та США. У 2003 р. вчений разом із іншими фахівцями приймав участь у міжнародному проєкті Інституту відкритого товариства (м. Цуг, Швейцарія) «Пілотажний дослідницький проєкт застосування в Україні затримання і запобіжного заходу у вигляді взяття під варту». З 2014 р. В. І. Борисов – член Міжнародної асоціації кримінального права, а з 2017 р. – член національної групи від України у цій асоціації.

Плідна робота В. І. Борисова відзначена державними нагородами: орденами «За заслуги» III ступеня (2003) і II ступеня (2013), медаллю «Ветеран труда» (1992). У 1998 році йому присвоєно почесне звання заслуженого юриста України, у 2006 він став лауреатом Державної премії України в галузі науки і техніки. В. І. Борисов має й численні відомчі відзнаки, зокрема, він тричі став лауреатом Премії імені Ярослава Мудрого за видатні заслуги: в законотворчій діяльності (2001), освітньо-видавничій діяльності (2002) та в науково-дослідницькій діяльності з проблем правознавства (2011). В.І. Борисов – лауреат III Всеукраїнського конкурсу Спілки юристів України за номінацією «Юрист – науковий співробітник» (2003), «Відмінник освіти України» (2003), «Видатний юрист України» (2012). У 2012 р. його відзначено Подякою

Генерального прокурора України за вагомий внесок у зміцнення правових основ законності та правопорядку. У 2013 р. нагороджено медаллю «Верховний Суд України – 90 років»; у 2014 р. отримав від Голови Конституційної Асамблеї України Подяку за вагомий внесок у розвиток українського конституціоналізму; у 2017 р. нагороджений орденом «За заслуги» Союзу юристів України.

Викликають поваги не лише професійні, а й високі людські якості Вячеслава Івановича. Йому властиві порядність, принциповість, інтелігентність, толерантність та чуйність, за що його поважають і цінують у колективах НДІ ВПЗ ім. академіка В. В. Сташиса НАПрН України, НЮУ ім. Ярослава Мудрого та серед широкої юридичної громадськості.

Особистий та професійний ювілеї стали приводом для укладення вибраних праць академіка В. І. Борисова. Вони були підготовлені його учнями та колегами, що працюють із ним у НДІ ВПЗ ім. академіка В. В. Сташиса НАПрН України, НЮУ ім. Ярослава Мудрого, а також у практичній сфері. Із усього творчого доробку були обрані одні з найбільш значимих праць вченого та такі, що показують широту його поглядів і висвітлюють його фундаментальні ідеї.

В. Я. Тацій
доктор юридичних наук, професор,
ректор Національного юридичного
університету імені Ярослава Мудрого,
академік НАН України

ВІД УКЛАДАЧІВ

Ідея підготовки Вибраних творів відомого фахівця у галузі кримінального права, доктора юридичних наук, професора, директора НДІ вивчення проблем злочинності імені академіка В. В. Сташиса НАПрН України, професора кафедри кримінального права Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого, академіка та академіка-секретаря відділення кримінально-правових наук НАПрН України Вячеслава Івановича Борисова належить його учням, які вирішили упорядкувати його понад 450 наукових праць та опублікувати окремі з них у формі збірки творів. Ця робота охопила пошук наукових творів професора, їх класифікацію, вичленування найбільш відомих наукових праць, їх підготовку до опублікування.

Вибрані твори є квінтесенцією наукового доробку відомого фахівця в галузі кримінального права Вячеслава Івановича Борисова, оскільки вона демонструє не тільки його творчий шлях від аспіранта до академіка НАПрН України, але й включає систематизовані в хронологічному порядку найбільш відомі, значущі та визнані наукові праці. Для зручного користування книгою матеріали були розподілені за такими рубриками: 1) дисертації; 2) наукові статті; 3) наукові доповіді, повідомлення та тези до науково-практичних заходів; 4) рецензії та передмови до наукових видань; 5) підручники, навчальні посібники та тексти лекцій; 6) довідкові видання та статті до енциклопедій; 7) науково-практичні коментарі до законодавства про кримінальну відповідальність.

Окремий блок проблем, які досліджувались автором, присвячені кримінально-правовій відповідальності за вчинення злочинів, що посягають на сферу безпеки. Учні професора – аспіранти, здобувачі, докторанти та кандидати юридичних наук – продовжують дослідження названих проблем під керівництвом або при консультуванні Вячеслава Івановича Борисова, що вказує на формування наукової школи академіка В. І. Борисова. Саме тому у Вибраних творах професора публікується автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук на тему «Кримінальна відповідальність за порушення правил під час виконання будівельних робіт» (1974) та дисертація на здобуття

наукового ступеня доктора юридичних наук на тему «Основні проблеми охорони безпеки виробництва в кримінальному законодавстві України» (1993).

У цілому творчий шлях В. І. Борисова демонструє широту його поглядів – від дослідження проблем кримінально-правової відповідальності за вчинення окремих злочинів до розгляду проблем вини та її форм, дії закону про кримінальну відповідальність та формування кримінально-правової політики в Україні. Наукові статті та повідомлення з цих проблем, відображені у відомих періодичних виданнях, були включені до Вибраних творів.

До даної роботи увійшли тексти лекцій щодо проблем кримінальної відповідальності за порушення правил під час виконання будівельних робіт (1975), необережності та її видів (1991), аналізу злочинів проти волі, честі та гідності, злочинів проти статевої свободи та статевої недоторканості (2008). До книги також були включені параграфи та розділи підручника з Кримінального права України (2015) та матеріалів до Науково-практичного коментаря до Кримінального кодексу України (2013), в яких В. І. Борисов приймав участь як редактор та автор 5-ти видань обох наукових праць. Досягненням професора є й те, що в 2017 р. було опубліковано 17-й том Великої юридичної енциклопедії – «Кримінальне право». В. І. Борисов став одним із редакторів та авторів цієї важливої праці. Тому необхідним стало включення окремих статей професора, що увійшли до Енциклопедії. Збірка наукових праць також охопила наукові доповіді, повідомлення та тези до науково-практичних конференцій, рецензії та передмови до наукових видань, які були підготовлені та опубліковані раніше професором В. І. Борисовим у різні періоди творчої діяльності.

Ця праця буде корисною фахівцям в галузі кримінального права, науковим співробітникам, викладачам, аспірантам, студентам вищих навчальних закладів, а також представникам судових та правоохоронних органів.

*Л. М. Демидова
доктор юридичних наук, професор,
професор кафедри кримінального права № 1
Національного юридичного університету
імені Ярослава Мудрого*

*М. В. Шепітько
кандидат юридичних наук,
старший науковий співробітник,
докторант НДІ вивчення проблем злочинності
імені академіка В. В. Сташиса НАПрН України*

ДИСЕРТАЦІЇ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ*

В свете исторических решений XXIV съезда КПСС перед капитальным строительством, имеющим важное значение в создании материально-технической базы коммунизма, стоят большие задачи. Капитальные вложения на 1971 – 1975 гг. увеличиваются почти на 40% по сравнению с восьмой пятилеткой и составляют около 500 млрд. рублей¹. Указывая на большое значение капитального строительства в жизни нашей страны. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета XXIV съезду КПСС отметил, что несмотря на значительные достижения «положение дел в капитальном строительстве нельзя признать удовлетворительным» и что здесь еще «есть крупные неполадки в самом строительстве. Имеют место нарушения плановой и финансовой дисциплины. Недостаточно используются новые эффективные материалы и конструкции. Низким остается качество строительства»².

Устранение этих недостатков в строительстве обеспечивают различные меры, в том числе экономические, технические, организационные, культурно-воспитательные и правовые. В системе последних, определенное место занимает и уголовная ответственность за преступное нарушение правил при производстве строительных работ, предусмотренная

* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и процесс. – Харьков, 1974. – 19 с. Защита диссертации состоялась 12 мая 1974 года на заседании Совета Харьковского юридического института. Научный руководитель – заслуженный работник Высшей школы Украинской ССР, профессор В. В. Сташис. Официальные оппоненты – доктор юридических наук – А. Б. Сахаров; кандидат юридических наук, доцент – Ф. Г. Бурчак. Ведущая организация – Верховный Суд Украинской ССР.

¹ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971. стр. 161.

² Там же, стр. 63.

в ст. 219 УК УССР (ст. 215 УК РСФСР). Применение этой нормы в судебной практике встречается с некоторыми затруднениями при квалификации преступления, при отграничении его от некоторых смежных преступлений и при назначении наказаний, указанных в санкциях ст. 219 УК УССР. Вопросы эти мало еще исследованы в нашей литературе. Им посвящены некоторые журнальные статьи и соответствующие параграфы учебников, курсов и монографий. Вопросы уголовной ответственности за данное преступление отчасти затронуты в двух кандидатских диссертациях по криминалистике (Ю. С. Тихонов, П. В. Кобзаренко). Безусловно эти работы представляют значительный интерес, однако не охватывают многих вопросов темы и содержат некоторые подлежащие дальнейшему обсуждению положения.

Все это и обусловило выбор темы настоящей диссертации.

В своей работе диссертант руководствовался трудами классиков марксизма-ленинизма, Программой КПСС, решениями съездов и другими партийными документами. В диссертации использована литература по уголовному праву, а также имеющая отношение к теме другая правовая и техническая литература. В работе дан анализ действующего уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ, а также использованы многочисленные нормативные акты, где помещены соответствующие правила. Работа основывается на судебной практике Харьковской области за 10-летний период (1962–1972 гг.), Донецкой, Днепропетровской, Ворошиловградской, Житомирской и других областей Украинской ССР за 1967–1972 гг.

Диссертация состоит из введения, в котором дано обоснование темы, пяти глав и краткого заключения.

Глава первая посвящена анализу **объекта** нарушения правил при производстве строительных работ. Рассматривая вопрос о родовом объекте этого преступления, автор относит его к группе преступлений, посягающих на отношения общественной безопасности, ответственность за которые установлена в гл. X Особенной части УК УССР. Автор исходит из того, что основанием общественной безопасности служит определенного рода деятельность, которая может иметь повышенную опасность для окружающих и которая осуществляется членами общества, как в процессе производства, так и при удовлетворении других различных потребностей. «Повышенно опасная для окружающих» деятельность представляет собой правомерную человеческую деятельность, однако содержащую в себе повышенную степень вероятности причинения вреда в связи с использованием источников повышенной

опасности (это, в первую очередь, различного рода технические системы), либо с использованием материальных предметов, обладающих отдельными свойствами этих источников (например, обваливающаяся в шахтах порода, наличие траншей, котлованов на строительстве, строительные материалы при их погрузке-разгрузке, осуществляемой вручную). Наличие данного рода деятельности и вызывает у общества потребность в создании безопасного для него состояния, т. е. отношений общественной безопасности. Эти отношения как родовой объект ряда преступлений, указанных в гл. X Особенной части УК УССР, представляют собой совокупность охраняемых уголовным правом общественных отношений, выражающих заинтересованность социалистического общества в поддержании безопасного для него состояния в сферах использования транспортных средств, работ на общепроизводствах, либо порядка обращения с общепроизводственными предметами материального мира.

Ущерб данным отношениям причиняется в результате нарушения конкретных мер и условий, почему источники повышенной опасности либо иные предметы, обладающие отдельными свойствами этих источников, приводятся в состояние опасное для общества. Заложенные в этих источниках (предметах) силы (физические, механические, химические и т. д.) в этих случаях выходят из-под контроля, что приводит к резкому возрастанию степени вероятности причинения серьезного вреда жизни или здоровью людей, уничтожению или повреждению имущества.

Непосредственный объект преступления, указанного в ст. 219 УК УССР представляет собой часть родового объекта, относится к нему как часть к целому. Особенности строительного производства, характеризующие его как деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, дают основание утверждать, что непосредственным объектом рассматриваемого преступления является общественная безопасность в сфере производства строительных работ, т. е. общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование строительного производства, а также спокойствие, как работающих на строительстве, так и посторонних ему лиц. Эти отношения являются основным непосредственным объектом преступления. Но данное преступление может причинить ущерб и другим общественным отношениям, а именно, отношениям по охране жизни или здоровья граждан, социалистической или личной собственности, условиям труда. Указанные отношения выступают в качестве дополнительных непосредственных объектов преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР. Эти

последние могут быть обязательными или факультативными. К первым относятся: отношения, установленные по поводу охраны жизни и здоровья людей, отношения социалистической собственности и отношения личной собственности. С учетом причинения вреда этим дополнительным обязательным объектам и сконструирована диспозиция ст. 219 УК УССР, где обрисовала объективная сторона преступления. Именно, причинение вреда этим отношениям является свидетельством того, что деяние достигло такой степени общественной опасности, которая должна влечь за собой уголовную ответственность.

Дополнительным факультативным непосредственным объектом являются отношения по охране условий труда участников строительного производства. Такое решение вопроса вызвано тем, что ущерб условиям труда причиняется не во всех случаях совершения деяний, квалифицируемых по ст. 219 УК УССР, а лишь в связи с нарушением определенных мер и условий, предусмотренных в специальных правилах техники безопасности и производственной санитарии на строительстве. В иных случаях нарушения правил охраны труда применяется ст. 135 УК УССР (ст. 140 УК РСФСР) как общая норма.

Глава вторая диссертации посвящена анализу объективной стороны преступления, указанного в ст. 219 УК УССР, которая включает в себя: общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и причинную связь между этим деянием и указанными в законе последствиями.

Анализ общественно опасного деяния, как элемента объективной стороны преступления, предусмотренного в ст. 219 УК УССР предполагает выяснение понятий «производство строительных работ» и «правил при производстве строительных работ». Под «производством строительных работ» следует понимать деятельность, осуществляемую на строительстве, которая связана с технологическими процессами по получению строительной продукции либо по ее видоизменению (реконструкции, ремонту, а также разборке и передвижке). Технологические процессы – это производимые в определенной последовательности различные виды строительных работ. Продукция строительного производства включает как готовые здания и сооружения, так и их отдельные конструктивные элементы.

К строительным работам относятся – работы целевого назначения: общестроительные (например, земляные, каменные) и специальные (например, монтаж систем водоснабжения, канализации, технологического оборудования) и работы вспомогательного назначения (погрузочно-разгрузочные, заготовительные, транспортные).

Диссертант не соглашается с В. Н. Ивановым, Ю. С. Тихоновым, П. В. Кобзаренко, которые относят проектные работы к «производству строительных работ». Проектные, как и изыскательские работы, имеют место до непосредственного получения строительной продукции и проводятся в условиях не специфичных для строительного производства, как деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих.

На практике часто вызывает трудности отнесение к строительным работам различного рода вспомогательных работ Погрузочно-разгрузочные работы, если они осуществляются в тех же условиях, что и строительные работы целевого назначения, т. е. в месте расположения строительного производства, следует относить к производству строительных работ. Нарушение правил этих работ вне строительства (например, на строительных промышленных предприятиях, централизованных базах, в карьерах, железнодорожных грузовых дворах, на предприятиях других отраслей народного хозяйства) не охватывается признаками ст. 219 УК УССР. Таким же образом решается вопрос и о квалификации нарушений правил заготовительных работ, которые, как правило, осуществляются на специализированных промышленных предприятиях. Что касается механизированных транспортных работ, то под понятие «производство строительных работ», подпадают работы, которые, во-первых, являются неотъемлемой составной частью строительной операции (например, монтаж блоков с помощью кранов), либо представляют собой отдельную строительную операцию, но в пределах строительного производства (например, перемещение материалов с помощью кранов из одного места хранения на другое); во-вторых, эти работы производятся такими механизмами, которые находятся стационарно на определенном месте в целях перемещения материалов (например, башенный кран, подъемник, транспортер), либо ходовая часть которых в момент перемещения груза специально закрепляется (например, автомобильные и гусеничные краны). Нарушение же правил перевозки материалов и изделий надвигающихся строительных механизмах (тракторах, скреперах и т. п.), причиняет ущерб иной сфере – сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и охватывается при прочих необходимых условиях признаками статьи 215 УК УССР (ст. 211 УК РСФСР).

Характеризуя понятие «правил при производстве строительных работ», диссертант исходит из того, что диспозиция ст. 219 УК УССР является бланкетной и отсылает к другим нормативным актам, регулирующим

производство строительных работ. Указанный в этой диспозиции перечень правил носит общий характер и включает в себя правила, которые непосредственно регулируют технологию производственных процессов, правила регулирующие профилактические мероприятия (санитарные, противопожарные), либо вспомогательные работы (например, некоторые правила эксплуатации строительных механизмов). Правильное представление о системе правил, названных в ст. 219 УК УССР требует их определенной классификации. В диссертации эти правила классифицируются: а) по целевому назначению; б) по содержанию сформулированных в них требований; в) по источнику и пределам применения; г) по отраслевой принадлежности; д) по времени действия. Такая классификация правил может помочь правильной квалификации преступления.

Выяснив содержание правил при производстве строительных работ, диссертант переходит к анализу самого нарушения этих правил. Под нарушением указанных правил в диссертации понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение определенной производственной деятельности, предусмотренной правилами, либо выполнение в ходе производственной деятельности действий, запрещенных правилами. Таким образом, нарушение правил может быть осуществлено как путем противоправного действия, так и противоправного бездействия. Анализ практики показывает, что нарушение правил чаще всего выглядит не как единичный акт действия или бездействия, а представляет собой совокупность таких актов, целую их систему, где нарушается не одно, а различные правила, а в поведении виновного сочетается и преступное действие и преступное бездействие.

Далее, продолжая характеристику нарушений, диссертант показывает, что они определяются особенностями соответствующих правил. Здесь уделено внимание дискуссионному вопросу о понятии строительных правил. В литературе считают, что «строительные правила» это и есть правила техники безопасности при производстве строительных работ (И. И. Слуцкий, З. А. Вышинская), что правила техники безопасности не входят в понятие «строительные правила» (В. Д. Накутан, С. Г. Келина) и, наконец, что это понятие включает как строительные правила, регулирующие технологические процессы, так и правила техники безопасности (Ю. С. Тихонов, Н. П. Яблоков). Следует признать правильным это последнее мнение, так как приведенное в диспозиции ст. 219 УК УССР понятие «строительные правила» обрисовано в самом широком смысле и включает в себя, как строительные правила, которые регулируют технологию строительных процессов,

так и правила техники безопасности. Однако, для устранения здесь различных толкований целесообразно уточнить редакцию ст. 219 УК УССР, указав в ней, в частности, на нарушение строительных правил, а также на нарушение специальных правил техники безопасности, при производстве строительных работ. Данное предложение подтверждается материалами практики, где более 70% случаев применения ст. 219 УК УССР составляли нарушение специальных правил техники безопасности.

Переходя к анализу последствий преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР, диссертант считает, что основным его последствием является ущерб, причиняемый отношениям общественной безопасности. Этот ущерб причиняется самим фактом нарушения правил. Следовательно, для установления того обстоятельства, что общественной безопасности причинен ущерб, достаточно лишь констатировать само нарушение. Диспозиция же ст. 219 УК УССР прямо указывает лишь на последствия производные от имевшего место нарушения правил. Именно эти последствия необходимо обязательно устанавливать для констатации объективной стороны рассматриваемого преступления. Таким образом, это преступление относится к преступлениям с материальным составом, предполагающее определенные последствия и причинную связь между самим нарушением правил и этими последствиями. В качестве последствий в диспозиции, ст. 219 УК УССР названы: вред здоровью людей, человеческие жертвы или иные тяжкие последствия и, наконец, возможность наступления таких последствий.

Понятие «вред здоровью людей» (ч. 1 ст. 219 УК УССР) является оценочным. Однако, указывая в ч. 2 ст. 219 УК УССР на «иные тяжкие последствия», закон определяет как бы и «верхний» предел понятия «вред здоровью людей». Если к «иным тяжким последствиям» Пленум Верховного Суда СССР¹ относит «причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких телесных повреждений («средней тяжести» – по УК УССР) двум или более лицам...», то очевидно, что причинение менее значительных повреждений – подпадает под признаки «причинения вреда здоровью людей». Это телесные повреждения средней тяжести, причиненные одному

¹ См.: Постановление № 5 Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1973 г. «О внесении дополнений и изменений в постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений». «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1973, № 3, стр. 12.

лицу, а также легкие телесные повреждения, повлекшие расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности, причиненные несколькими лицам.

Наступление человеческих жертв или иных тяжких последствий. Эти, указанные в ч. 2 ст. 219 УК УССР, последствия охватывают не только несчастные случаи с участниками производства и посторонними лицами, но и случаи значительного материального ущерба государственной или общественной организации или личному имуществу граждан.

Изучение практики показывает, что суды «иные тяжкие последствия» трактуют различным образом. Так, они не всегда относят сюда причинение тяжких телесных повреждений одному лицу или, широко понимая это последствие, включают в него причинение легких телесных повреждений нескольким лицам. Подобная неопределенность практики дает основание для предложения об изменении редакции ныне действующей ч. 2 ст. 219 УК УССР, почему целесообразно заменить указание на «иные тяжкие последствия» более конкретным понятием «тяжкие телесные повреждения». Такое решение способствовало бы также конкретизации пределов, указанного в ч. 1 ст. 219 УК УССР понятия «вред здоровью людей». В него тогда будут включены, наряду с профессиональными заболеваниями, легкие и средней тяжести телесные повреждения. Причем было бы обоснованным выделить ответственность за эти последствия в самостоятельную часть, например, 2-ю, ст. 219 УК УССР, оставив в ч. 1 этой статьи лишь указание на ответственность за такие нарушения, которые могли повлечь за собой человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. В связи с этим, ответственность за наступление в результате нарушения правил «человеческих жертв или тяжких телесных повреждений» должна быть предусмотрена в ч. 3 ст. 219 УК УССР.

Что касается материального ущерба в виде уничтожения или повреждения социалистического или личного имущества, охватываемого ныне также понятием «иные тяжкие последствия», то диссертант считает возможным включить в качестве последствий нарушения соответствующих правил причинение «значительного материального ущерба» в ч. 2 ст. 219 УК УССР, а «особо крупного материального ущерба» — в ч. 3 ст. 219 УК УССР предлагаемой им редакции.

Среди последствий в ныне действующей ч. 1 ст. 219 УК УССР указано и на возможность наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий. Представляется однако, что такого рода деликты не представляют собой большой общественной опасности и, как о том правильно писал И. П. Яблоков, должны влечь за собой уголовную от-

ветственность лишь при условии, что за такие же действия лицо уже подвергалось ранее (например, в течение 1 года) мерам общественного, дисциплинарного или административного воздействия.

Для правильного решения вопроса о причинной связи между нарушением правил и наступившими последствиями необходимо учитывать ряд особенностей. Так, для этого преступления, в большинстве случаев, характерно не прямое развитие причинной связи, а опосредствованное. Нарушение правил при таком развитии причинной связи способно достигнуть общественно опасного последствия лишь в сочетании с действием других вредных и, главным образом, внешне случайных факторов (физических, химических, технических и т. и.), а также неосторожных действий потерпевшего и других лиц.

В этих случаях причинная связь является необходимой и, следовательно, достаточной для уголовной ответственности, конечно, при наличии других признаков состава. Рассматривая такие случаи иногда утверждают, что наличие такого рода привходящих факторов придает причинной связи случайный характер, а так как виновному последствию вменяются на общих основаниях, то для подобных случаев, деление последствий на объективно-случайные и объективно-необходимые теряет свое значение (М. С. Гринберг). С этим нельзя согласиться. И при таких ситуациях последствие представляет собой закономерный результат конкретного нарушения, а причинная связь является не случайной, а необходимой. В литературе указывалось, что в основе действий человека лежат объективные закономерности, существующие между действием и его конечным эффектом – последствиями. При этом в любом конечном эффекте всегда имеет место обязательный, устойчивый, повторяющийся элемент (элементы) и побочные (производные) необязательные эффекты действия, которые тем не менее скрыто содержались в самом действии (И. Н. Трубников, Н. А. Романов). Действительно, обязательным, устойчивым, повторяющимся последствием любого нарушения правил при производстве строительных работ является причинение ущерба отношениям общественной безопасности в сфере производства строительных работ. Производным, необязательным эффектом нарушения правил является причинение «вреда здоровью», «человеческих жертв», «иных тяжких последствий». С учетом данной объективной закономерности развития этих процессов и устанавливается техническая норма (правило) соблюдение которой дает возможность предотвратить причинение ущерба общественной безопасности и возможность наступления производных последствий. Эти последние, хотя и не являются обязательным,

устойчивым эффектом нарушения, однако скрыто присущи любому нарушению соответствующего правила. Наступление этих последствий реально возможно, как в силу самого факта нарушения правил (тогда имеет место прямая причинная связь), так и в сочетании с приводящими факторами. В последнем случае, эти факторы и служат дополнением и формой проявления необходимости, заложенной в действии (нарушении). Поэтому, если даже приводящие факторы внешне и выглядят как случайные явления по отношению к процессу производства, они теряют значение случайных для данного конкретного, изолированного нарушения. Ведь, именно, в виду наличия этих факторов, закономерное последствие в виде «вреда здоровью», «человеческих жертв» и т. п., скрыто заложенное в любом нарушении, и способно наступить.

Особую сложность представляет установление причинной связи при нарушении целой системы правил, нарушение каждого из которых в различной степени влияет на наступление последствий. В этих случаях, очень важно выяснить какие именно нарушения правил привели к наступившим последствиям. Такой подход дает возможность выделить те нарушения правил, которые стоят в причинной связи с последствиями, и те нарушения, которые, хотя и таили в себе угрозу причинения вреда, однако, по отношению к наступившему последствию были нейтральными.

В третьей главе рассматривается **субъективная сторона** нарушения правил при производстве строительных работ. В литературе отмечается, что психическое отношение субъекта к объективным признакам данного преступления представляет собой единый психический процесс, который протекает в рамках неосторожной вины (Н. Ф. Кузнецова, Н. П. Яблоков). Другие авторы полагают, что субъективная сторона данного преступления характеризуется двойной (смешанной) формой вины (Н. Д. Дурманов, П. С. Матышевский). Данная позиция отстаивается и в диссертации. Наличие основного последствия ущерба отношениям общественной безопасности в сфере производства строительных работ, а также производных последствий, являющихся материальным выражением причинения ущерба отношениям по охране жизни и здоровья людей, социалистической и личной собственности – дает основания для самостоятельного установления психического отношения лица как к факту нарушения правил, так и к наступившим в результате такого нарушения производным последствиям.

Само нарушение правил может быть совершено с прямым умыслом, косвенным умыслом, преступной самонадеянностью и пре-

ступной небрежностью. Прямой умысел характеризуется наличием у лица сознания общественно опасного характера своего действия (бездействия) и желанием нарушить правила. Сознание общественной опасности – это сознание того, что деяние причиняет вред социалистическим общественным отношениям, противоречит охраняемому правопорядку и интересам социалистического общества в целом. Для констатации этого факта виновный должен сознавать фактические признаки преступления, т. е. то, что он, будучи участником строительного производства, совершает такое действие (бездействие), которое составляет нарушение правил. Сознанию общественной опасности сопутствует также сознание противоправности, т. е. субъект понимает запрещенность своего действия (бездействия), понимает, что он поступает вопреки правилам, регулирующим его производственную деятельность. Желание нарушить правила означает, что нарушение представляет собой цель действий виновного, результат, к которому он стремится. Эта цель может быть как непосредственной, конечной, так и промежуточной, для достижения другого более отдаленного результата.

При нарушении правил с косвенным умыслом, виновный сознавая общественную опасность своего действия (бездействия), не желает нарушить правила, но сознательно допускает такое нарушение. При сознательном допущении, характерном для косвенного умысла, нарушение правил не является целью виновного (ни непосредственной, ни промежуточной), оно является побочным результатом его действий, направленным на другую преступную или непротивоправную цель. Совершая при таких условиях деяние и не рассчитывая на конкретные обстоятельства, которые должны это нарушение предотвратить, лицо тем самым их сознательно допускает. При преступной самонадеянности, виновный, сознавая, что его действия (бездействие) могут составить нарушение правил, наоборот, легкомысленно рассчитывает, что этого не произойдет.

Преступная небрежность в отношении факта нарушения правил при производстве строительных работ имеется в тех случаях, когда совершая какое-либо действие, работник строительства не сознает, что им совершается неправомерное действие или воздерживается от совершения требуемого деяния и тем самым нарушает правила при производстве строительных работ, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог это обстоятельство сознавать. Отрицательный признак «не сознавал» ставится в вину лицу только в том случае, если будет установлено, что лицо должно и могло сознавать общественно опасный

характер своего действия (бездействия). Данный вопрос разрешается судом на основе исследования объективного и субъективного критерия преступной небрежности. Объективный критерий применяется для выяснения вопроса о том, должен ли работник строительства сознавать фактическую сторону совершаемого им действия (бездействия) и его общественно опасный и противоправный характер. Объективный критерий для каждого работника строительства не одинаков, он дифференцируется в зависимости от того служебного положения, которое занимает работник, а также от специальных профессиональных знаний рабочего. Вопрос о том, должен или не должен был виновный осознавать, что своими действиями он нарушает правила при производстве строительных работ, неразрывно связан с вопросом о возможности данного лица сознавать указанные обстоятельства, т. е. решается на основании критерия субъективного. Когда лицо вследствие каких-то обстоятельств, относящихся к его личности не имело возможности, т. е. не могло сознавать, что своими действиями нарушает правила, следует считать, что в действиях лица отсутствует преступная небрежность.

При определении субъективной стороны преступного нарушения правил при производстве строительных работ, возникает вопрос об определении психического отношения к такому нарушению правил, которое «заведомо» для виновного «могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Иногда считают, что о «заведомости», можно говорить лишь при умышленном отношении виновного к преступлению или к определенному признаку объективной стороны (Л. С. Горелик, В. Д. Меньшагин). С данным положением полностью согласиться нельзя. Заведомость означает осведомленность действующего лица о характере поведения и связанных с ним обстоятельств, т. е. полностью относится к интеллектуальному моменту вины и не содержит каких-либо данных характеризующих волевой момент. Интеллектуальный момент психического отношения (виновного к факту нарушения правил как при прямом и косвенном умысле, так и при преступной самонадеянности характеризуется сознанием того, что его действие или бездействие может привести к нарушению правил. Следовательно, при трактовке «заведомости» нет никаких оснований ограничивать ее лишь умышленным отношением виновного к факту нарушения правил и не включать сюда преступную самонадеянность лица.

Отношение виновного к общественно опасным последствиям, наступающим в результате нарушения правил при производстве строительных работ, может выражаться лишь в неосторожности, т. е. преступной

самонадеянности или преступной небрежности. Признание возможности здесь и косвенного умысла (В. Д. Меньшагин, П. С. Матышевский) вызывает возражения. Установление косвенного умысла к последствиям свидетельствует о значительно большей степени общественной опасности, меняет юридический характер совершенного преступления. Такие деяния причиняют, прежде всего, ущерб отношениям по охране жизни и здоровья людей, социалистической или личной собственности и требуют иной квалификации, именно как умышленных преступлений против личности или собственности.

При преступной самонадеянности субъект предвидит реальную возможность того, что в результате допущенного им нарушения правил наступят вредные последствия. Однако он не допускает наступления предвиденных им последствий, а легкомысленно рассчитывает на их предотвращение. Чаще всего отношения виновных к последствиям заключаются в форме преступной небрежности (80% из числа изученных дел), где субъект не предвидит возможности наступления этих последствий, хотя должен был и мог их предвидеть.

В рамках двойной формы вины возможны различные варианты психического отношения виновного к факту нарушения правил и к наступившим последствиям. Прямой, косвенный умысел и преступная самонадеянность по отношению к факту нарушения правил могут сочетаться как с преступно-самонадеянным, так и преступно-небрежным отношением виновного к последствиям. Однако, преступную небрежность по отношению к нарушению правил может сопровождать только лишь преступная небрежность и в отношении последствий. В целом, преступление, предусмотренное ст. 219 УК УССР следует относить к неосторожным деликтам, что вытекает из места расположения, которое занимает эта статья в системе Особенной части Уголовного кодекса и из ее соотношения с другими нормами, характера объекта посягательства и особенностей конструкции объективной стороны данного посягательства.

Глава заканчивается анализом мотивов поведения виновного при нарушении правил, что может иметь важное значение для оценки степени общественной опасности данного преступления и лица, его совершившего, а тем самым и для индивидуализации наказания.

Глава четвертая дает характеристику субъекта нарушения правил при производстве строительных работ. Субъект данного преступления помимо общих признаков: вменяемости и достижения 16-летнего возраста, обладает также специальными признаками. Диспозиция ст. 219 УК УССР, будучи бланкетной отсылает к соответствующим правилам,

которые возлагают обязанность соблюдения установленных в них требований на исполнителей соответствующей деятельности. Посторонние лица, не будучи ознакомленными со всеми особенностями повышенно опасной деятельности, присущей строительному производству, иногда, только путем специальных знаков, предупрежденные об указанных особенностях, не могут быть отнесены, вопреки мнению Н. Д. Дурманова и Н. Ф. Кузнецовой, к субъектам данного преступления.

К субъектам данного преступления относятся, в первую очередь, такие должностные лица, как: начальники (управляющие) и главные инженеры строительно-монтажных организаций (трестов, учреждений) и приравненных к ним организаций; работники службы техники безопасности; главные механики и главные энергетики; механики и энергетики; производители работ (старшие производители работ, начальники участков); мастера, бригадиры; руководители транспортных и погрузочно-разгрузочных работ. Эти лица несут ответственность за соблюдение правил в силу возложенных на них обязанностей по руководству и непосредственной организации строительных работ. Отсутствие обязанностей по соблюдению тех или иных конкретных правил, исключает ответственность за их нарушение по ст. 219 УК УССР. В таких случаях, лицо виновное в наступлении общественно опасных последствий, может нести уголовную ответственность, например, по статьям УК о должностных преступлениях либо о преступлениях против личности или социалистической собственности

Наряду с определением общих принципов ответственности должностных лиц по ст. 219 УК УССР, в диссертации рассматриваются специальные вопросы ответственности некоторых категорий должностных лиц. Отмечается, например, что руководители строительных производств несут ответственность по данной статье лишь в случаях, когда они не приняли мер против заведомо известного им нарушения специальных правил при производстве строительных работ нижестоящими должностными лицами или совместно с ними допустили нарушение, либо когда они взяли на себя непосредственное руководство отдельными видами строительных работ или фактически дали рабочим указания или распоряжения противоречащие правилам их производства.

К числу субъектов преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР относятся также рядовые рабочие, на которых возложены обязанности по исполнению различных работ и соответствующих правил строительного производства, о содержании и соблюдении которых рабочий был информирован в установленном порядке. Здесь возникает

вопрос об ответственности рабочих за нарушение рассматриваемых правил в возрасте от 16 до 18 лет, если они выполняли строительные работы, которые в соответствии с правилами могут поручаться лишь рабочим, достигшим 18-летнего возраста. В диссертации высказано мнение, что при определенных условиях и в соответствии со ст. 10 УК УССР такие лица могут нести ответственность по ст. 219 УК УССР, конечно, при наличии всех прочих признаков состава.

По ст. 219 УК УССР, помимо должностных лиц руководителей и непосредственных организаторов строительных работ и рядовых рабочих, могут отвечать и некоторые должностные лица и служащие, которые непосредственно не участвуют в производственных процессах (например, нормировщики, снабженцы, сторожа и т. п.). Хотя специальные правила, действующие при производстве строительных работ, прямо не предусматривают соблюдения каких-либо обязанностей со стороны этих лиц, на них распространяются общие требования соблюдать технологическую дисциплину, правила по технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране. В соответствии с этим, применение к таким лицам ст. 219 УК УССР возможно: когда до их сведения в установленном порядке были доведены наряду с общими требованиями охраны труда и требования специальной безопасности при производстве строительных работ; либо когда они, как участники строительного производства, знали требования общих правил охраны труда на строительстве и имели реальную возможность осознавать общественную опасность, совершаемых ими действий, обусловленных специальными правилами. В случае отсутствия у лица реальной возможности осознавать, что своими действиями он нарушает специальные правила производства строительных работ, данное лицо не может нести ответственности по ст. 219 УК УССР.

Рассмотрение вопроса о субъекте преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР, дает основание уточнить ее диспозицию, указав в ней, что за нарушение правил при производстве строительных работ могут отвечать лишь должностные лица, рабочие и служащие строительного производства.

В пятой главе рассмотрены вопросы применения наказания за преступное нарушение правил при производстве строительных работ. Практика применения наказания в отношении осужденных по ст. 219 УК УССР, по изученным делам, показала, что реализация этой нормы имеет ряд особенностей, которые в общем виде сводятся к следующему. Из общего количества лиц, привлеченных к ответственности за

нарушение правил при производстве строительных работ по ч. 1 ст. 219 УК УССР было осуждено – 9,6%. Этим лицам назначались, главным образом, наказания в виде исправительных работ или штрафа. а также применялось условное осуждение в порядке ст. 45 УК УССР (ст. 44 УК РСФСР). По ч. 2 ст. 219 УК УССР лишение свободы было применено только к 10,4%, 36% осуждены условно, а остальные – к исправительным работам, которые не предусмотрены санкцией этой части статьи и применялись в порядке ст. 44 УК УССР (ст. 43 УК РСФСР). Таким образом, хотя в санкциях ст. 219 УК УССР и предусмотрено лишение свободы, в практике применения этих санкций назначаются более мягкие виды наказаний или условное осуждение. Это вызвано, как показывают результаты обобщения, прежде всего тем, что при назначении судами наказания наблюдается некоторая переоценка ряда смягчающих обстоятельств и данных положительно характеризующих личность виновного. Кроме того, и это важно отметить, предусмотренные в санкциях ст. 219 УК УССР наказания не всегда дают судам полную возможность назначения наказания соответствующего тяжести и опасности совершенного преступления. Переоценка личности осужденных при назначении наказания по данной статье не является случайным обстоятельством, так как в большинстве своем осужденные являются активными участниками социалистического производства (из них по изученным делам – 80% – инженерно-технические работники, 20% – рабочие), обладают достаточным жизненным и производственным опытом. Среди них почти нет таких, которые были ранее судимы. Однако, объективные, т. е. лежащие вне личности осужденного обстоятельства, мало оцениваются судами при назначении наказания. Так, лишь в отношении 13% осужденных было указано, что их действия привели к «тяжким последствиям», отсутствует какое-либо указание на форму вины при совершении преступления. Такую практику во всех без исключения случаях вряд ли можно полностью оправдать.

Анализируя санкции ст. 219 УК УССР в связи с подменяемыми в практике наказаниями, диссертант признает вполне целесообразным осуждение лиц по ч. 1 ст. 219 УК УССР к штрафу, исправительным работам. Указание же в санкции этой нормы на лишение свободы может быть при предлагаемых изменениях ст. 219 УК УССР исключено.

В тех же случаях, когда совершая преступление, указанное в ч. 1 этой статьи, лицо проявляет заведомое нарушение правил, да еще и при карьеристских или иных низменных интересах, достаточным было бы применение такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельно-

стью. Практика назначения наказания по ч. 2 ст. 219 УК УССР приводит к выводу, что имеющаяся здесь санкция в виде лишения свободы на срок до пяти лет, мало применяется судами и последние в порядке ст. 44 УК УССР, назначают здесь, как правило, исправительные работы. Все это дает основание сделать предложения по изменению санкций ст. 219 УК УССР. Имея в виду, что в предлагаемой диссертантом редакции ст. 219 УК УССР должна состоять из трех частей, их санкции могли бы выглядеть следующим образом: в ч. 1 – исправительные работы на срок до одного года или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в строительных организациях на срок до двух лет, или штраф в размере до ста рублей; в ч. 2 – лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года, или штраф в размере до 200 рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового; в ч. 3 – лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

Определенный интерес вызывает применение за преступления, указанные в ст. 219 УК УССР Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». Несмотря на относительно небольшой срок действия этого Указа, имеющиеся материалы практики показывают, что он применяется не за счет сокращения исправительных работ и условного осуждения, предусмотренного ст. 45 УК УССР, а, как правило, вместо безусловного лишения свободы.

В кратком заключении, которое завершает диссертацию, сформулированы предложения по изменению и дополнению ст 219 УК УССР.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Практика рассмотрения судами дел по ст. 219 УК УССР. «Радянське право», 1972, № 12 (на украинском языке).
2. Общественная безопасность как объект преступного нарушения правил при производстве строительных работ. Материалы теоретической конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской работы за 1972 год. Киевская высшая школа МВД СССР, 1973.
3. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 219 УК. УССР. «Радянське право», 1973, № 12 (на украинском языке).

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ*

Актуальность темы исследования. Эффективное использование достижений научно-технического прогресса (далее – НТП) существенным образом увеличивает возможности человека, повышает результативность его деятельности, создает необходимые предпосылки для решения исторических задач, провозглашенных Декларацией о государственном суверенитете Украины. Вместе с тем в ходе НТП рельефно обозначилось обострение диалектических противоречий между положительными социальными и экономическими результатами и отрицательными его последствиями. Последние вызывают все более ощутимые потери, особенно в сфере производства. Так, появление новых его отраслей (например, ядерной энергетики, электроники и т.п.) сопровождается различными вредными агентами (радиоактивные излучения, ультразвук, магнитные и электрические поля и др.), которые способны причинить значительный вред жизнедеятельности человека. Наступлению таких отрицательных последствий во многом способствует и девиантное поведение работников, занятых на производстве: недобросовестность, безответственность, невнимательность и т.п. Примерами исключительной опасности отрицательных последствий НТП, наступление которых обусловлено подобным поведением людей, явилась катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986 г.), то и дело имеющие место взрывы на угольных шахтах, в частности на Суходольской-Восточной Луганской области (1992 г.), и др. Трагедии такого рода требуют новых подходов к проблемам организации, надежности, технического и правового обеспечения безопасности производства. Этому должны способствовать различные меры социально-экономического, организационно-технического, санитарно-гигиенического, культурно-воспитательного и правового характера. В системе последних немаловажная роль отведена нормам уголовного закона и в особенности тем из них,

* Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук. – Харків, 1992 р. – 399 с. Захист дисертації відбувся 29 березня 1993 р. в Українській юридичній академії (тепер – Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого). Офіційні опоненти – доктор юридичних наук, професор, член-кореспондент Академії правових наук України І. П. Лановенко, доктор юридичних наук, професор А. О. Пінаєв, заслужений діяч науки Російської Федерації, доктор юридичних наук, професор О. Б. Сахаров. Провідна організація – Київський університет імені Тараса Шевченка (тепер – Київський національний університет імені Тараса Шевченка).

которые обеспечивают уголовно-правовую охрану безопасности производства.

В действующем Уголовном кодексе Украины (далее – УК или УК Украины)¹ ответственность за посягательства на безопасность производства предусмотрена в нескольких статьях, помещенных в различных его главах. Так, в главу IV «Преступления против политических и трудовых прав граждан» включена статья «Нарушение правил охраны труда» (ст. 135). В главе X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» установлена ответственность за «Нарушение правил безопасности горных работ» (ст. 218), «Нарушение правил при производстве строительных работ» (ст. 219), «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах» (ст. 220), «Нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых веществ» (ст. 221), «Нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов» (ст. 228³). Заключение в этих статьях предписания представляют в системе Особенной части УК своеобразное системное нормативное образование, общим признаком которого является функция охраны отношений безопасности производства от преступных посягательств. Эта функция призвана также содействовать реализации конституционных прав граждан по охране их жизни и здоровья, выступать гарантом имущественных интересов собственников, обеспечивать сохранность производственной и окружающей природной среды. В связи с таким большим значением названных норм УК их теоретическому анализу уделено серьезное внимание. Данным проблемам посвятили свои работы В. И. Антипов, А. П. Бораданков, М. С. Брайнин, С. Я. Булатов, З. А. Вышинская, В. К. Глистин, М. С. Гринберг, Э. Н. Зинченко, С. А. Квелидзе, С. П. Келина, П. В. Кобзаренко, А. Г. Корчагин, А. С. Кризнер, И. Ф. Крылов, А. В. Кузнецов, И. П. Лановенко, В. Т. Мальяренко, В. Д. Меньшагин, В. Д. Пакутин, А. Б. Сахаров, С. И. Свинкин, Б. А. Сергиевский, И. И. Слуцкий, И. Н. Сорокотягин, А. Н. Телевка, Б. С. Утевский, М. И. Федоров, Г. И. Чангули, В. А. Широков, А. К. Шогенов, Н. С. Шостак, Н. П. Яблоков и другие правоведы. Эти исследования имеют, безусловно, важное научное и практическое значение. Среди них следует выделить разработки, проведенные профессором И. П. Лановенко, защитившим в 1972 г. докторскую диссертацию на тему «Уголовная ответственность за преступления против трудовых прав граждан и безопасности производства в Украинской ССР»

¹ В дальнейшем при ссылках на статьи УК, если иное не оговорено, имеется в виду Уголовный кодекс Украины 1960 г.

и опубликовавшим в развитие этой темы ряд монографий. Значительный вклад в разработку указанной проблемы внесли профессора М. С. Гринберг и А. Г. Корчагин, изучавшие преступления, совершаемые в сфере взаимодействия человека и техники. Необходимо также особо отметить и работы специалиста в области криминалистики профессора Н. П. Яблокова. Все это, несомненно, положительно сказалось на разработке проблем уголовно-правовой охраны безопасности производства. Нельзя, однако, не отметить, что ответственность за преступления против безопасности производства исследовалась главным образом путем анализа их отдельных видов. Некоторые обобщающие характеристики имеются в работах профессоров М. С. Гринберга, И. П. Лановенко и А. Б. Сахарова. Однако общие проблемы ответственности за эти преступления оказались все еще недостаточно исследованными. Так, вне поля зрения остались вопросы о социальной обусловленности норм УК об охране безопасности производства. Вместе с тем проведенные в последние десятилетия (70-е – 90-е годы) специальные разработки по общей теории права и уголовному праву показали, что в современных условиях, более чем когда-либо, обнаруживается необходимость выявления социальной обусловленности уголовно-правового запрета, зависимость его содержания и объема от конкретных социальных условий. Установление и раскрытие соответствующих факторов такой социальной обусловленности позволяет не только объяснить необходимость уголовной ответственности за преступления против безопасности производства, но и прогнозировать развитие соответствующих норм уголовного законодательства, повысить научную обоснованность самого содержания закона. Особую актуальность приобретает этот вопрос для работ по подготовке нового УК Украины.

В связи с размещением норм об ответственности за преступления против безопасности производства в разных главах Особенной части УК, среди ученых нет единого мнения в отнесении тех или иных преступлений к числу посягающих на безопасность производства. Кроме того, наблюдаются значительные расхождения в конструировании их системы и критериев её формирования, а также надлежащего места этих норм в Особенной части Кодекса, формулировании отдельных преступлений, родового и непосредственных объектов, характера причинной связи, определения последствий, а также субъективных признаков. Для решения этих вопросов необходима разработка концептуальной теоретической модели целостной, органичной системы норм об ответственности за посягательства на безопасность производства. Такой

подход дает возможность значительно повысить уровень уголовно-правовой охраны всей системы отношений безопасности производства в целом и отдельных ее видов (безопасность труда, повышенно опасных работ, исключительно опасных производств, а также безвредности производства).

Наконец, разработка обозначенных проблем представляет собой одно из направлений междисциплинарного исследования безопасности производства. Известно, что безопасность производства является предметом регулирования конституционного, трудового, природоохранительного, гражданского, административного и других отраслей права. Наличие такого комплексного механизма правового обеспечения отношений безопасности производства требует определения места норм УК в системе норм иных отраслей права.

Изложенное, таким образом, свидетельствует о важности накопившихся проблем в уголовно-правовой охране безопасности производства. Все это и обусловило выбор темы настоящей диссертации. Она подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ кафедры уголовного права Украинской юридической академии в рамках республиканской Комплексно-целевой программы «Проблемы совершенствования Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Украины».

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является теоретический и методологический анализ основных проблем охраны безопасности производства нормами УК, направленный на выработку в данной сфере генеральных направлений развития уголовного законодательства Украины как на ближайшую, так и отдаленную перспективу, а также совершенствование практики применения действующего УК.

Для достижения этой цели поставлены следующие основные задачи:

- 1) провести комплексный интегративный анализ социально-экономических, технических, нормативных, криминологических и исторических факторов, которые обосновывают социальную обусловленность уголовно-правового запрета, обеспечивающего охрану безопасности производства, и на этой основе определить дальнейшие пути его развития;
- 2) раскрыть сущность безопасности производства, выявить ее наиболее важные виды, уровни, сферы и тем самым выработать эффективную систему ее охраны уголовным законом;
- 3) провести юридический анализ общих объективных и субъективных признаков преступлений, посягающих на безопасность производства, исходя из чего сформулировать их родовое понятие, которое могло бы стать концептуальной теоретической моделью для конструирования соответствующих норм

УК; 4) изучить практику применения действующего законодательства об ответственности за преступления, посягающие на безопасность производства, с целью разработки рекомендаций по повышению ее эффективности; 5) сформулировать доктринальную модель системы норм об ответственности за посягательства на безопасность производства в новом УК Украины.

Предмет исследования. В работе исследуются отношения безопасности производства как объекта уголовно-правовой охраны, основные факторы социальной обусловленности такой защиты, взаимодействия уголовного закона с предписаниями других отраслей права и техническими нормами. Изучены общие признаки преступлений, посягающих на безопасность производства, их логическая система, а также практика применения уголовного законодательства. Тем самым, главное внимание в диссертации уделено теоретическим и методологическим проблемам Особенной части в рамках охраны отношений безопасности производства. Наряду с этим рассматриваются вопросы Общей части УК в тех пределах, которые необходимы для данной темы.

Логика исследования. Автор на протяжении ряда лет разрабатывал вопросы ответственности за отдельные виды преступлений против безопасности производства, что позволило путем движения (перехода) от конкретного к абстрактному прийти к решению общих проблем уголовно-правовой охраны безопасности производства. Такой подход в конечном итоге привел к выявлению системы факторов социальной обусловленности такой охраны, определению родового понятия состава данных посягательств. Это, в свою очередь, дало возможность сформулировать доктринальную модель системы норм об ответственности за посягательства на безопасность производства, предложить ряд новелл для Общей части разрабатываемого УК Украины, высказать суждения по улучшению практики применения действующего законодательства, а также сделать некоторые предложения к проекту новой Конституции Украины и по совершенствованию отдельных норм трудового законодательства.

Методологической основой диссертации является диалектический метод познания социальных и правовых явлений, так или иначе относящихся к предмету исследования. Применены и частнонаучные методы: логико-юридический, социологический, сравнительно-правовой, историко-правовой, аксиоматический, статистический, системно-структурного анализа и синтеза.

Основные выводы и положения диссертации базируются на анализе уголовного законодательства, постановлений Пленумов Верховных

Судов України и бывшего СССР. В пределах темы рассмотрено конституционное, трудовое, природоохранительное, хозяйственное, гражданское и административное законодательство Украины и бывшего СССР. При сравнительном анализе рассматривалось уголовное законодательство других стран. Кроме того, изучены стандарты, правила, положения, инструкции, другие нормативные документы, регулирующие безопасность труда и производства, санитарные правила.

Наряду с литературой по уголовному праву использованы публикации по государственному, трудовому, административному, гражданскому и природоохранительному праву, общей теории и истории государства и права, криминологии, философии, социологии, психологии, в том числе инженерной. Изучена техническая литература по проблемам безопасности производства.

В качестве эмпирической базы исследования использованы собственные выборочные обобщения материалов судебной практики Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Киевской, Луганской, Харьковской областей Украины и г. Киева (всего изучено более 600 дел). Проанализированы обобщения материалов опубликованной судебной практики, а также данные других исследователей, изучавших проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на безопасность производства. Кроме того, проведен анализ 386 материалов следственной практики прокуратуры Харьковской области и г. Харькова, а также опубликованной судебной практики Верховного Суда Украины и Верховного Суда бывшего СССР, данные о несчастных случаях на производствах Харьковской области и г. Харькова, статистические показатели производственного травматизма в Украине и бывшем СССР.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она: 1) представляет собой первое монографическое исследование, где дается системный анализ факторов социальной обусловленности уголовно-правового запрета, обеспечивающего охрану безопасности производства в Украине; 2) содержит комплексный анализ общих признаков состава преступлений, посягающих на безопасность производства, что позволило сформулировать родовое понятие этих преступлений и предложить доктринальную модель системы норм об ответственности за посягательства на безопасность производства в будущем УК Украины.

Основные положения, определяющие научную новизну диссертации и выносимые на защиту, сводятся к следующему:

1. Формулируется исходный тезис, согласно которому научное обоснование уголовно-правовой охраны отношений безопасности производства

(включая совершенствование норм, декриминализацию, принятие новых) должно основываться на системно-социологическом анализе факторов, определяющих социальную обусловленность этих норм. В связи с этим предложена следующая интегративная система факторов: а) социально-экономические и технические; б) нормативные; в) криминологические; г) исторические.

2. Показано, что социально-экономические и технические факторы отражают зависимость правовой организации безопасности производства, как объекта правового регулирования и охраны, от материальных условий существования общества, уровня его научного и технического развития.

3. Исходя из потребностей исследования, высказано суждение, что производство (на уровне особенного, предметного понятия) – это сложная социально-экономическая и техническая относительно замкнутая система, в основе функционирования которой лежит труд человека, направленный на получение общественно полезного результата. Составным элементом такой системы являются технические и правовые нормы.

4. В результате изучения технической природы опасных и вредных производственных факторов безопасность производства рассматривается как такое техническое состояние, при котором нейтрализуется возможность поражающего воздействия на людей, имущество и окружающую природную среду опасных и вредных производственных факторов. Видами такой безопасности признаются: безопасность труда и общественная безопасность в сфере производства. По сферам обеспечения безопасность труда делится на техническую и санитарную, а по уровням – на безопасность обычных и повышенно опасных работ, что следует учитывать при построении модели системы норм УК об ответственности за преступления против безопасности производства.

5. Обосновывается, что определяющее влияние на развитие уголовного законодательства, охраняющего безопасность производства, оказывает НТП. Поэтому в ближайшей и отдаленной перспективе будут возникать проблемы коррекции или дополнения норм УК, охраняющих безопасность производства; декриминализации нарушений менее серьезного характера; введения в УК новых общих и специальных норм. В любом случае обозначенная система норм должна отвечать двум требованиям: а) охватывать всю совокупность отношений безопасности производства; б) отражать такие ее элементы или отдельные характеристики (величины, качества), которые определяют различия в

степени общественной опасности нарушений соответствующих видов правил безопасности и производственной санитарии.

6. Ведущая роль среди нормативных факторов отводится конституционным нормам. Вместе с тем констатируется, что нормы действующего УК не в полной мере отвечают конституционному принципу охраны жизни и здоровья человека в процессе труда. Вне сферы их действия осталась значительная часть условий безвредности производства, требующих уголовно-правовой охраны.

7. Аргументируется, что формирование уголовно-правового запрета должно находиться в тесной связи со всей системой правового обеспечения отношений безопасности производства. Данная система состоит из регулятивных и охранительных норм права и представляет сложное межотраслевое правовое образование (со своими элементами и связями). Уголовно-правовые нормы, являясь элементом (частью) такого образования, должны быть подчинены его общим задачам и соответствовать другим его элементам. Анализ такого соответствия позволяет обнаружить пробелы в правовой охране (на межотраслевом уровне) и состыковывать, в случае необходимости, нормы УК с другими правоохранительными нормами.

8. Среди криминологических факторов выделяется основной – это общественная опасность нарушений правил безопасности производства. Наиболее характерными ее показателями выступают: социальная ценность охраняемых общественных отношений, в основе формирования которых находятся естественные потребности человека в сохранении его жизни и здоровья на производстве; общественно опасные последствия и их социальные свойства: многообъектность (жизнь, здоровье, имущество, окружающая природная среда), неустранимость вреда, тяжесть реально причиненного ущерба; признаки субъекта – должностное лицо, инженерно-технический или иной работник, ответственные за соблюдение правил безопасности на производстве; содержание вины, определяющим признаком которой является неосторожное отношение к последствиям; место, где совершается рассматриваемое преступление, – завод, фабрика и другая общественно-производственная деятельность людей, независимо от формы собственности (индивидуальная производственная деятельность не входит в сферу отношений, охраняемых статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК); характер работ и производств (обычные и повышено опасные работы, исключительно опасные производства, работы по обращению с исключительно опасными предметами).

9. Доказывается, что для обоснования уголовно-правовой охраны безопасности производства обязательна оценка характера и объема ущерба, причиняемого обществу несчастными случаями на производстве, профессиональными заболеваниями, а также материальным ущербом. Криминализация общественно опасных деяний с учетом рассматриваемого фактора обоснована лишь при констатации определенных качественных показателей. Из них определяющим является объем возможного физического ущерба, дополнительным – материального. Для криминализации нарушений правил безопасности, которые содержат лишь абстрактную (общую) опасность (угрозу) наступления последствий, предлагается введение дисциплинарной или административной преюдиции.

10. Показано, что история становления и развития уголовного законодательства по охране безопасности производства характеризуется двумя тенденциями: первая – принятие законодателем общих норм об ответственности за нарушение правил, регулирующих условия и охрану труда, вторая – установление специальных норм, охранявших безопасность отдельных исключительно опасных производств, некоторых повышенно опасных работ, а также порядок обращения, в том числе на производстве, с отдельными опасными веществами (материалами, предметами). В конструировании норм постепенно наметился переход к использованию бланкетных диспозиций. Просматривается стремление законодателя к более строгой уголовной ответственности должностных лиц. Такие тенденции, равно как и опыт конструирования отдельных норм, как представляется, должны учитываться при подготовке нового УК Украины.

11. Выдвигается тезис, что родовым объектом преступлений, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, являются отношения, обеспечивающие безопасность производства. Дается системно-структурный анализ этих отношений путем выявления их предмета, субъектов и социальной связи между субъектами. Определяются основные непосредственные объекты данных преступлений. Такими являются: безопасность труда; безопасность производства горных работ; безопасность производства строительных работ; общественная безопасность в сфере производства работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах; общественная безопасность в сфере обращения (хранения, использования, учета, перевозки, пересылки) со взрывчатыми веществами; общественная безопасность в сфере обращения (хранения, использования, учета, перевозки, совершения других действий) с радиоактивными материалами. На основании этого преступления, посягающие на безопасность производства, предлагается свести в такую систему:

а) преступления против безопасности труда (ст. 135 УК); б) преступления против безопасности производства повышенно опасных работ (статьи 218, 219 УК); в) преступления против общественной безопасности в сфере исключительно опасных производств или работ, связанных с использованием исключительно опасных веществ и материалов (статьи 220, 221, 228⁵ УК).

Обосновывается, что такие преступления имеют и дополнительные объекты – как обязательные, так и факультативные. Дополнительными обязательными объектами выступают жизнь и здоровье человека, а дополнительными факультативными – собственность и окружающая природная среда.

В связи с предложенным решением определяется «механизм» причинения вреда: лицо, которое обязано соблюдать правила безопасности на производстве, при их нарушении воздействует непосредственно на «социальную связь», разрывает либо изменяет ее в определенном звене (это означает, что в отношениях безопасности производства происходят: деформация, дезорганизация, ослабление социальных связей, утрата «управления» и контроля). В результате снижается установленный уровень безопасности. Производственные опасности выходят из-под контроля, повышая определенным образом (в какой-то степени, значительно, резко) вероятность причинения вреда дополнительным объектам – жизни, здоровью, собственности и др. Причем показано, что вред этим отношениям (угроза такого вреда) причиняется опосредованно – через основной объект.

12. Предлагается все нормы о преступлениях против безопасности производства сгруппировать в одну, самостоятельную, главу УК, приняв при этом за основу то, что: а) все они посягают на один и тот же родовой объект – безопасность производства; б) совпадают по дополнительному обязательному объекту – причиняя вред жизни и здоровью человека; в) совершаются на производстве; г) имеют сходный механизм причинения вреда их основному непосредственному объекту. Эта глава в новом УК Украины могла бы быть помещена после главы «Преступления против общей (вариант: общественной) безопасности» и перед главой «Транспортные преступления».

13. При характеристике деяния как признака объективной стороны, показано, что нарушение правил обычно выглядит не как единичный акт действия или бездействия, а представляет совокупность таких актов, их систему, где нарушается не одно, а различные требования безопасности, причем такое нарушение может быть как непосредственным, так и опосредованным, связанным с функциями технических систем,

воздействующих на предметы объективного мира (включая потерпевшего). Деяния, которые описаны в бланкетных диспозициях соответствующих статей УК, предполагают нарушение не только уголовно-правовых запретов, но и норм других отраслей права, т.е. характеризуются так называемой смешанной противоправностью. Правила, обеспечивающие безопасность производства, классифицируются в работе по разным основаниям, что имеет значение для правильной квалификации преступлений.

14. Анализ соответствующих статей УК дает основание утверждать, что объективную сторону исследуемых преступлений закон связывает с констатацией деяния: а) не указывая на пределы опасности для жизни, здоровья, собственности, окружающей природной среды – они конкретизируются теорией и практикой (ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК); б) указывая на пределы его конкретной опасности (ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 218, ч. 1 ст. 219, ч. 1 ст. 228⁵ УК); в) указывая на реальный вред. Опасность (угроза) причинения вреда жизни, здоровью, другим благам трактуется в диссертации как своего рода последствие. Ввиду того, что описание реальных последствий не всегда адекватно отражает четкое понимание ущерба, причиняемого безопасности производства, предлагается пользоваться унифицированными понятиями: «средней тяжести телесное повреждение», «тяжкое телесное повреждение», «человеческие жертвы» и т.п. Вместе с тем обосновывается сохранение и такого оценочного понятия, как «иные тяжкие последствия», которое бы охватывало причинение иного особо тяжкого вреда, в частности материального.

15. Исходя из концепции необходимого причинения развивается тезис об использовании теории вероятности для обоснования опосредованной причинной связи как закономерной. Это связь между производственной деятельностью человека, содержащей объективную возможность наступления опасных последствий, – системой условий реализации такой возможности (установленной на основе определенной математической вероятности и блокируемой техническими нормами) и общественно опасными последствиями. Для причинной связи главным (необходимым) условием ее развития должно быть нарушение человеком требования безопасности, которое, вступая во взаимодействие с иными условиями причинения, может вызвать последствие как немедленно, так и через определенный промежуток (порой продолжительный) времени.

16. Признавая в рассматриваемых преступлениях концепцию «смешанной» формы вины, автор выделяет ситуации множественности нарушений соответствующих правил. Здесь у субъекта по отношению к различным нарушениям возможны следующие комбинации: прямого и

косвенного умысла; прямого умысла и преступной самонадеянности; прямого умысла и преступной небрежности. Не исключены и более сложные сочетания умысла и неосторожности, в системе которых противоправными являются сознание и желание нарушения какого-то правила (-ил) безопасности – первого (-ых) в ряду множественности нарушений. Определяющим, однако, остается отношение субъекта к последствиям, которое может быть только неосторожным.

17. Уделено значительное внимание мотивации преступных нарушений правил безопасности производства. Выделены факторы, влияющие на эту мотивацию: экономия энергетических ресурсов человеческого организма; адаптация к опасности; самоутверждение в глазах партнеров по работе; утверждение своего «я»; стремление следовать сложившимся в коллективе традициям, обычаям; перенесение привычки; подражание «идеалу»; переоценка собственного опыта; стрессовые состояния; склонность к риску, вкус к риску; спонтанный (непрагматичный) риск; производственный (профессиональный) риск. Установлено, что 70 % всех преступлений совершаются по социально оправданным и социально-нейтральным мотивам и целям. Предлагается закрепить правомерный производственный риск в сфере производства как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в главе «Преступления против безопасности производства» (в качестве примечания к ней).

18. Приводится классификация субъектов анализируемых преступлений по их правовому статусу: а) должностные лица (статьи 135, 218-220, 221, 228⁵); б) рабочие и служащие (статьи 218-220, 221, 228⁵); в) посторонние лица (статьи 220, 221, 228⁵). Предлагается решение вопроса об ответственности руководящих работников производства. Такие лица подлежат ответственности по указанным статьям УК, если они не приняли мер против заведомо известного им нарушения специальных правил безопасности нижестоящим работником; совместно с ним допустили нарушение; взяли на себя непосредственное руководство отдельными работами; дали указание (распоряжение) рабочим, противоречащее требованиям безопасности.

19. Сформулированы исходные положения о конструировании санкций за конкретные виды преступлений против безопасности производства. Эти санкции: а) должны быть достаточно гибкими; б) их необходимо ранжировать в различных статьях в зависимости от основного непосредственного объекта посягательства (безопасности соответствующего вида), а в пределах статьи – от тяжести возможных последствий; в) за менее опасные преступления следует устанавливать в санкциях основное наказание в виде штрафа в альтернативе с лишением права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; г) типичным видом наказания должны выступать исправительные работы, ограничение свободы и, возможно, арест; д) необходимо сохранить санкции в виде лишения свободы в случае наступления тяжких последствий; е) в качестве дополнительного наказания следует предусмотреть лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

20. На основании изучения признаков, общих для всех конкретных составов преступлений, сформулировано родовое понятие преступлений против безопасности производства, которое может быть использовано в качестве концептуальной теоретической модели для конструирования в будущем УК Украины отдельных составов преступлений против безопасности производства.

21. Предложен проект модели главы «Преступления против безопасности производства», который включает в себя ответственность за следующие преступления: «Нарушение правил безопасности труда должностным лицом или инженерно-техническим работником», «Нарушение правил безопасности труда рабочим или служащим», «Нарушение на производстве санитарных правил», «Нарушение правил безопасности, установленных для промышленной продукции, зданий и сооружений», «Нарушение правил взрывобезопасности при проектировании, сооружении или эксплуатации взрывоопасных предприятий или взрывоопасных цехов», «Нарушение правил безопасности обращения со взрывчатыми веществами или содержащими их изделиями», «Нарушение правил ядерной безопасности при проектировании, сооружении или эксплуатации объектов атомной энергетики», «Нарушение правил безопасного обращения с радиоактивными материалами», «Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или использовании правил химической или биологической безопасности».

Обосновывается необходимость включить в Общую часть нового УК Украины следующие положения: 1) если при определении понятия преступления будет признано целесообразным сохранить перечень объектов уголовно-правовой охраны, то его следует дополнить указанием на безопасность производства; 2) указать, что за преступления против безопасности производства наступает ответственность с 18 лет; 3) предусмотреть возможность лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания на определенное время или бессрочно операторов технических систем, виновных в причинении тяжких последствий.

Предлагается в проекте новой Конституции Украины: 1) выделить в качестве общего положения право человека на охрану жизни – высшую естественную человеческую ценность; 2) закрепить в качестве специального положения права граждан на охрану их жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности; 3) сформулировать в отдельной статье перечень социальных субъектов, обязанных обеспечивать охрану труда и безопасность производства.

Обосновывается целесообразность еще до принятия нового УК внести Пленуму Верховного Суда Украины уточнения в постановление от 10 октября 1982 г. «О практике применения судами Украинской ССР законодательства по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда».

Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства о труде и прокурорскому надзору в области охраны безопасности производства.

Апробация работы. Основные положения, теоретические и практические выводы диссертации обсуждались на республиканских и региональных межвузовских научно-практических конференциях в городах Харькове (1975, 1978, 1989, 1990), Киеве (1992), Москве (1976, 1989, 1990), Краснодаре (1989), Волгограде (1991), на методологических семинарах и заседаниях секции наук криминального цикла Украинской юридической академии, а также изложены в научных публикациях автора общим объемом более 40 печатных листов.

Некоторые развиваемые в диссертации положения нашли признание в науке уголовного права, в определенной части использованы при проектировании норм об уголовной ответственности за преступления против безопасности производства, а также в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Украины.

Докладная записка по совершенствованию действующего уголовного законодательства представлена в рабочую комиссию при Кабинете Министров Украины по разработке проекта УК Украины. Направлены предложения в рабочую группу Конституционной комиссии Верховной Рады Украины. Материалы диссертации использовались автором при подготовке и обсуждении с его участием проекта постановления Пленума Верховного Суда Украины по делам о преступлениях в сфере безопасности производства. Также используются при работе соискателя в качестве научного консультанта Комиссии Верховной Рады Украины по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью, а также в лекционной работе среди практических работников и населения.

Полученные результаты применяются в процессе преподавания в Украинской юридической академии, других юридических вузах Украины,

а также в Аденском университете (республика Йемен), где автор в течение 2-х лет преподавал уголовное право, подготовив для этого вуза несколько учебно-методических пособий. По теме диссертации изданы учебные пособия, тексты лекций, методические указания, раздаточные и другие материалы для студентов.

Практическая значимость диссертации заключается в следующем:

а) разработаны предложения по совершенствованию законодательства об уголовной ответственности за преступления против безопасности производства, а равно как и по совершенствованию конституционного, трудового и административного законодательства, которые могут быть учтены в проводимых ныне законопроектных работах; б) даны рекомендации по правильному и наиболее эффективному применению соответствующих норм действующего УК Украины, которые могут быть использованы в следственно-судебной практике; в) положения и выводы исследования могут найти свое применение в преподавании уголовного и трудового права в юридических учебных заведениях; г) материалы работы могут служить основой для дальнейшей разработки вопросов уголовной ответственности за конкретные преступления против безопасности производства.

Структура работы. В соответствии с целью, предметом и логикой исследования диссертация состоит из введения, двух разделов, включающих восемь глав, заключения и списка использованной литературы.

В первом разделе дан комплексный интегративный анализ социально-экономических, технических, нормативных, криминологических и исторических факторов, которые обосновывают социальную обусловленность уголовно-правового запрета, обеспечивающего охрану безопасности производства; определены пути его совершенствования и дальнейшего развития. **Во втором разделе** проведен юридический анализ общих объективных и субъективных признаков преступлений, посягающих на безопасность производства, что позволило разработать родовое понятие преступлений против безопасности производства, сконструировать доктринальную модель системы норм об ответственности за посягательства на безопасность производства. **В заключении** приведено родовое понятие преступлений против безопасности производства, сформулированы предложения, вытекающие из диссертационного исследования, содержится модель главы «Преступления против безопасности производства».

Материалы следственной и судебной практики, законодательство и литература в диссертации использованы по состоянию на 15 ноября 1992 г.

Раздел І. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

В последние десятилетия (70-е – 90-е годы) специалистами по общей теории права и уголовному праву ведутся значительные исследования социальной обусловленности норм права¹. В современных условиях, как отмечает, например, В.Д. Филимонов, более чем когда-либо прежде возникает необходимость выявления социальной обусловленности уголовно-правовой нормы, зависимости ее содержания от конкретных социальных условий². Под таким углом зрения представляется необходимым и анализ норм УК об охране безопасности производства. Социальная обусловленность таких норм определяется различными по значимости социальными, экономическими, политическими, психологическими и иными факторами, установление и раскрытие которых позволяет объяснить необходимость уголовно-правового запрета посягательств на безопасность производства, прогнозировать развитие соответствующих норм уголовного законодательства³, повысить научную обоснованность содержания закона⁴. Особенно актуален данный вопрос для законопроектных работ по подготовке нового УК Украины, которые проводятся в настоящее время.

¹ См.; например: Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Сов. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101–105; Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971; Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 68–71; Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975. – С. 82; Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного законодательства и научное обеспечение нормотворчества // Сов. государство и право. – 1976. – № 8. – С. 76–83; Злобин Г. А., Келлина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. – М., 1978. – С. 102–119; Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981; Основания уголовно-правового запрета. – М., 1982; Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М., 1983; Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – Владивосток, 1987; и другие.

² См.: Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – С. 3.

³ См.: Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. – В кн.: XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. – М., 1977. – С. 12.

⁴ См.: Таций В. Я. Право иметь право // Правда Украины. – 1991. – 10 янв.

Несмотря на общность мнений о важности разработки проблем социальной обусловленности уголовного закона, она всё еще не решена и остается дискуссионной. Так, В. Д. Филимонов считает, что основанием норм, устанавливающих уголовную ответственность, является опасность причинения вреда общественным отношениям, и выделяет к этому еще три уровня криминологических оснований данных норм. К первому уровню он относит: негативные явления общественного бытия и сознания; влияние на сознание людей идеологии других государств (так называемых капиталистических); ошибки в хозяйственной деятельности, плохо поставленную воспитательную работу. На втором уровне автор рассматривает личность преступника как основание норм уголовного права. Третий же уровень характеризуется состоянием антисоциальных явлений в обществе, их количеством, структурой, динамикой¹. Г. А. Злобин и С. Г. Келина считают, что недостаточно констатировать факт социальной обусловленности уголовного закона, необходимо раскрыть способ, с помощью которого осуществляется «перелив» общественной потребности в норму уголовного права. Полагая, что общественная опасность – отнюдь не единственная предпосылка криминализации, они различают основания криминализации и криминализационные поводы. Основания – это процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых определяет объективную необходимость создания или упразднения уголовно-правовой нормы. Поводы криминализации – это единичные события, привлечшие внимание законодателя и возбудившие общественное мнение². Н. И. Коржанский пишет, что социальная обусловленность уголовно-правового запрета определяется в основном социальной ценностью общественных отношений, экономическими факторами и эффективностью правовой охраны³.

Не вдаваясь в подробный анализ таких различий, следует заметить, что перспективы для теории имеют те концепции, которые связывают решение вопроса с определением факторов социальной обусловленности, их системно-социологическим анализом.

Установление факторов, которые объясняют необходимость существования уголовно-правовых норм, их совершенствование, принятие новых или отказ от действующих, также представляет определенную

¹ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – С. 22–26.

² Злобин Г. А., Келина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний. – С. 106–107.

³ Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – С. 171.

трудность. До настоящего времени нет единства в терминологическом обозначении этих факторов. Их называют основаниями, принципами, условиями, задачами, критериями¹. Имеются расхождения в определении числа указанных факторов, их группировки. Так, по мнению П. А. Фефелова, к таким относятся: критерий повышенной общественной опасности и критерий необходимых условий для реализации принципа неотвратимости наказания². Г. А. Кригер и Н. Ф. Кузнецова признают уголовно-правовую норму социально обусловленной, если она «квалифицирует деяние, которое: 1) причиняет существенный вред социалистическим общественным отношениям; 2) выявляет антиобщественную установку или антиобщественную ориентацию личности; 3) получило такое распространение, что в целом как социальное явление представляет значительную общественную опасность; 4) иные, кроме уголовно-правовых, меры не могут оказать сдерживающего влияния; 5) социальная психология и правосознание граждан созрели для восприятия такого деяния как преступления; 6) установленная ответственность соответствует уровню социалистических общественных отношений, закономерностям развития социалистического общества; 7) она соответствует также принципам и тенденциям эволюции советского уголовного права»³. Исследования в данном направлении насчитывают к настоящему времени до двадцати таких факторов⁴, перечень которых, как справедливо отмечает А. И. Коробеев, может быть продолжен⁵.

Очевидно, что при таком положении определение факторов социальной обусловленности следует связывать с предметом исследования. Требование формального учета конкретно всех известных факторов

¹ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – С. 65.

² См.: Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний. – С. 101–104.

³ Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. – С. 114.

⁴ См.: Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости. – С. 68–71; Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство. – С. 82; Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – С. 67–72; Коржанский И. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – С. 171, 186; Основания уголовно-правового запрета. – С. 210 и след.; Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – С. 91–93; Орехов В. В. Социология в науке уголовного права. – Л., 1985. – С. 12–13; Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986. – С. 80; Алиев Н. Б. Теоретические основы уголовного правотворчества. – Ростов н/Д., 1983. – С. 106; Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – С. 66.

⁵ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – С. 67.

и тех, которые могут быть определены в перспективе, вряд ли стандартно-приемлемо к каждому массовидному социально-негативному явлению. Исходя из различий в видах, характере явлений, детерминирующих уголовно-правовой запрет, факторы, которыми обуславливается существование или принятие соответствующей уголовно-правовой нормы (группы норм), могут быть неодинаковыми и по их числу, и по содержанию каждого из них. В свою очередь, отдельные факторы, возможность исследования которых применительно к явлению теоретически допустима, могут лишь незначительно либо самым общим образом характеризовать уголовно-правовой запрет (например, общие законы управления). Практическое их использование для объяснения конкретной нормы УК (принятия, сохранения, отказа) вряд ли целесообразно.

Исходя из предмета исследования представляется возможным выделение и анализ наиболее значимых факторов, гетерогенная совокупность которых достаточна для объяснения существования и совершенствования уголовно-правовых норм, охраняющих именно безопасность производства, декриминализации каких-либо из них или принятия новых. При этом правильное решение проблемы может быть достигнуто с позиций системно-структурного исследования¹. Такой подход позволяет преодолеть ограниченность механистического метода исследования, который может быть оправдан только на первых этапах рассмотрения проблемы как в целом, так и применительно к отдельным нормам, их группам.

Все факторы, обуславливающие необходимость уголовно-правовой охраны безопасности производства (включая совершенствование норм, декриминализацию, принятие новых), представляется возможным свести в четыре относительно самостоятельные группы:

1) социально-экономические и технические (отражающие зависимость правовой организации отношений безопасности производства от материальных условий существования общества, уровня его научного и технического развития);

2) нормативные (показывающие обусловленность уголовно-правовой охраны отношений безопасности производства положениями Конституции и нормами других отраслей права);

3) криминологические (определяющие общественную опасность нарушений правил безопасности производства, их распространенность, величину материального и морального ущерба, причиняемого обществу);

4) исторические (определяющие тенденции развития уголовного законодательства Украины за нарушения правил охраны труда и за посяательства на общественную безопасность в сфере производства).

¹ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – С. 67.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Социально-экономическая и техническая сущности производства. Признаки и понятие производства

Методологической основой социально-экономической и технической обусловленности охраны нормами УК безопасности производства является известное в философской и экономической литературе положение о соотношении базиса и надстройки: «Являясь формой развития производительных сил, производственные отношения, будучи первичными материальными общественными отношениями, выступают в качестве базиса по отношению к идеологии, идеологическим отношениям и учреждениям – общественной надстройке»¹. Отсюда с очевидностью следует вывод, что источник правовых механизмов коренится в сфере производственно-экономических отношений.

Общеизвестно, что материальной основой существования и развития человеческих цивилизаций является общественное производство². Производство – понятие, характеризующее специфический человеческий тип обмена веществ с природой – процесс активного преобразования людьми природы с целью создания необходимых материальных условий для своего существования³, это система исторически определенных общественных отношений, внутри и посредством которой осуществляется производственное взаимодействие между человеком и природой⁴. При этом люди вступают во взаимодействие не только с природой. Они не могут производить материальные блага, не объединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена результатами своей деятельности. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их взаимодействие с природой. Поэтому производство

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 537.

² См.: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. – М., 1979. – Т. 3. – С. 375.

³ См.: Философский словарь. – М., 1986. – С. 388.

⁴ См.: Дудченко Н. А. Общественное производство: структура и факторы развития. – Киев, 1991. – С. 95.

рассматривается как основная форма общественного сотрудничества людей¹. Производство носит общественный характер ещё и потому, что члены общества, производя необходимые для их жизни средства, косвенным образом производят и свои общественные отношения, и самих себя как социальных субъектов со своими способностями и потребностями².

Общественное производство подразделяется на две основные сферы трудовой деятельности людей: материальное производство и нематериальное (духовное) производство. Такое деление сфер общественной трудовой деятельности в свое время проводил К. Маркс, который, в частности, труд в науке и искусстве определял как «духовное производство», создание услуг труда вообще как «нематериальное производство»³.

Материальное производство как таковое есть, во-первых, воздействие человека (общества) на материю и силы природы, во-вторых, трудовое преобразующее воздействие, результаты которого – вещи, энергия, услуги и т. п. – служат удовлетворению общественных потребностей, являются потребительной стоимостью. В-третьих, это такая форма трудовой деятельности людей, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности. Все эти три момента в единстве образуют сущность материального производства вообще как абстрактной категории всеобщей исторической материально-производ-

¹ См.: Философская энциклопедия. – М., 1967. – Т. 4. – С. 387.

² См.: Философский словарь. – М., 1986. – С. 388.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 428; В отечественной политической экономии и философии также многими учеными проводится деление общественного производства на материальное и нематериальное (духовное) производство (см., например: Большая Советская Энциклопедия. – М., 1975. – Т. 21. – С. 56; Политическая экономия: Учеб. для вузов / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев и др. – М., 1989. – С. 53). Однако понятием нематериальное (духовное) производство пользуются в политической экономии не все. Эту сферу человеческой деятельности некоторые авторы называют «непроизводственной сферой общественного труда» (См.: Кронрод Я. А. Процесс социалистического производства. – М., 1989. – С. 41). Представляется, однако, что о материальном и нематериальном производстве можно говорить как о двух сферах общественного производства, если последнее воспринимать самым общим образом как научную абстракцию. Уместно вновь обратиться к Марксу, который писал, что «производство вообще» – это абстракция, «но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Однако это всеобщее или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях» (См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 годов. – М., 1973. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 47. – С. 461).

ственной человеческой деятельности безотносительно к специфически историческим ее формам¹. В Украине и других государствах бывшего Союза, согласно принятой классификации, сферами материального производства являются: промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, водное хозяйство, транспорт грузовой, связь (по обслуживанию предприятий производственной сферы), строительство, торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки, прочие виды деятельности сферы материального производства. При этом такие отрасли, как торговля и общественное питание, а также материально-техническое снабжение и сбыт, относятся к материальному производству, потому что в них преобладают производственные операции².

В отраслях нематериального (духовного) производства создаются особые нематериальные блага (духовные ценности), а также оказываются нематериальные услуги. Это услуги здравоохранения, образования, научное консультирование и др.³

Материальное и нематериальное (духовное) производство составляют диалектическое единство, сущность которого заключается в создании полезных, необходимых для общества результатов. Обе сферы общественного производства взаимосвязаны, взаимопроникают, обуславливают нормальное и эффективное функционирование друг друга. При этом, однако, материальное производство является определяющей стороной, основой развития общества⁴.

Вне системы общественного производства находится трудовая деятельность человека в рамках домашнего хозяйства, так называемые неорганизованные промыслы населения (собирающие лесных плодов, заготовка дров, охота и рыболовство и т.п.)⁵, а также работа отдельных лиц по договору найма. Эти виды труда не охватываются «непосредственно-общественной организацией производства»⁶. Вместе с тем, в условиях перехода Украины к новым экономическим отношениям, по мере объединения отдельных производителей в кооперативы, малые предприятия, иные ассоциации производителей идет процесс обобществления и такого труда, а следовательно, и включения его в систему общественного производства.

¹ См.: Кронрод Я. А. Процесс социалистического производства. – С. 28.

² См.: Большая Советская Энциклопедия. – М., 1975. – Т. 21. – С. 56.

³ См.: Политическая экономия. – М., 1989. – С. 54–55.

⁴ См.: Философская энциклопедия. – М., 1967. – Т. 4. – С. 387.

⁵ См.: Кронрод Я. А. Процесс социалистического производства. – С. 40.

⁶ См.: Кронрод Я. А. Процесс социалистического производства. – С. 40.

Сущностной основой любого производства, независимо от вида, выступает прежде всего процесс труда¹. Именно «процесс труда... вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»². Труд человека отличается целесообразностью, осознанностью действий, всегда направлен на достижение определенного результата³. Характерной чертой материального общественного производства является осуществление человеком труда при посредстве соответствующих средств и прежде всего орудий труда (различного рода машины и механизмы, приспособления и инструменты, двигатели, передаточные аппараты и т.д.)⁴. С их помощью человек воздействует на предметы труда в существующих условиях среды⁵. Именно в таком взаимодействии проявляется техническая сущность (сторона) всякого материального производства⁶. Решающим элементом в этой системе является человек, который своим трудом активно преобразует вещество природы, заставляет служить его своим целям⁷.

В условиях нематериального производства деятельность человека направлена не на преобразование внешней природы или производство потребительной стоимости, а на отражение внешнего мира в сознании человека (интеллектуальное осмысление, анализ), на создание духовных ценностей, либо на предоставление самого человеческого труда как услуги (врачевание, обучение, труд в системе обеспечения порядка управления и т.п.). Но и здесь может осуществляться воздействие

¹ См.: Производство, распределение и потребление общественного продукта при социализме. — Челябинск, 1974. — С. 20.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. — С. 195.

³ См.: Политическая экономия. — М., 1989. — С. 38.

⁴ Средствами труда являются вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда (физическая материя природы, ее силы) и которые служат в качестве проводника воздействия на этот предмет. К средствам труда относятся прежде всего орудия труда. Это такие вещи, которые, хотя непосредственно и не входят в процесс труда, но являются для него совершенно обязательными, ибо без них труд вообще не мог совершиться. Это всеобщие условия производства: производственные здания, дороги, другие средства сообщения и каналы связи. Всеобщим средством труда является сама земля, а в сельском хозяйстве она непосредственно входит в процесс производства в качестве главного средства и предмета труда (См.: Политическая экономия. — М., 1989. — С. 40).

⁵ См.: Котик М. А. Психология и безопасность. — Таллин, 1989. — С. 23–24.

⁶ См.: Производство и его продукт в развитом социалистическом обществе. — Киев, 1983. — С. 10.

⁷ См.: Социалистическое производство: Политико-экономический справочник. — М., 1988. — С. 31, 32.

человека посредством средств и орудий труда на физическую материю природы, ее силы или использование таковых. Однако такое воздействие (использование) совершается попутно, ради получения особых нематериальных благ (научного открытия, изобретения, вещей духовной культуры, знаний, восстановления здоровья и т.п.). Именно в этой части наблюдается сближение и даже взаимопроникновение технической стороны материального производства с нематериальным (духовным) производством. Материальное производство элементами своей материально-технической базы и своими функциями, имеющими место на основе использования этой базы, проникает в рамки нематериальной производственной сферы и здесь продолжается, создавая свои результаты – продукты как основу для развертывания разнообразной общественно полезной трудовой деятельности человека вне материального производства. Например: техническое оборудование, с помощью которого ученые создают энергию, плазму, поля, лучи, информацию (ЭВМ); медицинское техническое оборудование; техническое оборудование киносъемочных и концертных площадок. Это также оборудование в сфере образования, используемое и для производственного обучения, и для производства продукции (например, оборудование технических баз профессионально технических училищ).

Отмечая такую общность, Я. А. Кронрод писал: «Поскольку техническое оборудование и прочие продукты, создаваемые материальным производством, поступают в непродуцированную сферу – здесь обмениваются, распределяются и перераспределяются, постольку здесь осуществляются производственные отношения, связанные с движением этих материальных результатов производства в непродуцированной сфере»¹.

Именно такого рода техническая общность материального и нематериального производства обуславливает определенное сходство, а во многих случаях и совпадение нормативно-технического и правового обеспечения этой стороны общественного производства. Что касается уголовного права, то наглядным отражением отмеченной общности является распространение всей действующей системы уголовно-правовых норм, охраняющих производство (в частности, его безопасность), на обе его сферы. Очевидно, и в будущем Уголовном кодексе это универсальное свойство рассматриваемой группы норм следует сохранить.

Применительно к потребностям уголовного законодательства, тем задачам, которые стоят перед ним, как отрасли, охраняющей наиболее значимые общественные отношения, важно показать не только социально-

¹ Кронрод Я. А. Процесс социалистического производства. – С. 46.

экономические и технические сущности производства, но и обозначить, очертить его признаки и тем самым перейти от абстрактного (общего) к предметному (особенному) его пониманию. Изложенное выше позволяет указать на следующие признаки:

Производству присуща трудовая деятельность человека, которая направлена на получение общественно полезного результата, т. е. труд. Данный признак всеобщий. Он характерен для любого вида производства. Именно в связи с этой деятельностью возникает проблема правового регулирования и охраны.

Техника¹ производства – это процесс непосредственного соединения труда человека с вещественными факторами производства (средствами и предметами труда). Этот признак присущ всему материальному производству и той части нематериального (духовного) производства, где труд человека сопряжен с воздействием на физическую материю природы, ее силы или использованием таковых. Важнейший компонент техники производства – технологический процесс, последовательность направленных на получение общественно полезного результата действий (технологических операций), каждое из которых основано на каких-либо естественных процессах (физических, химических, биологических и др.) и человеческой деятельности. Данный признак вычленяет из трудовой деятельности человека ту часть, которая опосредована связью с вещественными факторами производства.

Общественный характер производства. Этот признак позволяет вывести за пределы понятия производства труд человека в рамках домашнего хозяйства, неорганизованные промыслы населения, работу отдельных лиц по договору найма. Это не означает, что обозначенная трудовая деятельность человека остается вне рамок правового обеспечения, в частности уголовного закона. Поскольку такая деятельность является несложной, общепринятой, регулируется, как правило, обычаями, то и в уголовном законе безопасность ее исполнения обеспечивается системой общих норм, непосредственно охраняющих жизнь и здоровье человека (неосторожное убийство, неосторожное причинение средней тяжести или тяжких телесных повреждений).

Разделение труда. Общественный характер производства закономерно предопределяет разделение труда между участниками производства.

¹ Известны различные определения слова «техника», особенно в сочетании с другими словами. В рассматриваемом нами сочетании приемлемым является следующее толкование: «Техника... совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей» (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 708).

«Разделение труда означает сосредоточение людей по различным видам деятельности, обуславливающее определенную систему отношений между ними»¹. Применительно к задачам уголовного права существенное значение приобретает единичное разделение труда по вертикали. Такое разделение имеется в рамках отдельного предприятия или объединения (учреждения, организации, колхоза, кооператива) между различными его участниками. Именно в силу технического разделения труда выделяются непосредственные исполнители производства: рабочие, крестьяне, определенные категории инженерно-технических работников. В нематериальном производстве – специалисты (исследователи, лаборанты, преподаватели, другие категории). Именно для их деятельности характерно непосредственное соединение мускульной и интеллектуальной энергии со средствами и предметами труда.

Значительная роль на производстве отводится его организаторам – должностным лицам (от мастера – до руководителя производства). Объем полномочий, которыми они наделены, существенно выделяет их из числа других участников производства: рабочих, служащих. В соответствии с их правовым положением на производстве возрастает их социальная ответственность в обществе за свой труд. Более высокий социальный статус должностных лиц обуславливает и более серьезную их правовую ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей по организации и функционированию производства, в том числе за нарушение правил безопасности производства, что, в частности, подтверждается указанием на ответственность должностных лиц по ст. 135 УК, практикой назначения наказаний за преступления, предусмотренные статьями 218–220 УК.

Нормативно-техническое и правовое обеспечение производства. Для того, чтобы техника производства была целенаправленной, эффективной, давала полезный результат, она должна отвечать определенным техническим требованиям (порядку, условиям, методам и другим характеристикам), обусловленным законами физической природы, психофизиологическими возможностями человека, организацией взаимодействия человека и природы. Установленные на основании знания и опыта требования оформляются в технические нормы и являются обязательными для производства. Соблюдение технических норм обеспечивается посредством права. Необходимость правового обеспечения производства обуславливается также его общественным свойством и разделением труда, предполагающих сложный характер организационных

¹ Социалистическое производство: Политико-экономический справочник. – С. 16.

и правовых связей и отношений между людьми. Определенная роль в этой системе отводится и уголовному праву.

Пространство и время – статические признаки производства. Их выделение позволяет рассматривать производство не только как деятельность человека, направленную на получение общественно полезного результата, но и как устойчивую, относительно замкнутую материальную структуру, имеющую координаты в пространстве и времени. В рамках такой структуры осуществляется непосредственно труд человека.

Производственное пространство состоит из места и среды. *Место* – территориальный компонент пространства, на котором идет процесс непосредственного и опосредованного соединения рабочей силы человека с вещественными факторами производства. Это стройка, шахта, цех промышленного предприятия, научная лаборатория и т.п., где осуществляются работы (токарные, столярные, строительные, горные, исследовательские, иные). Здания, сооружения, рабочие площадки, подъездные пути и другие материальные условия функционирования материального и нематериального производства дают возможность вести работы на относительно автономных территориях, в большей или меньшей степени изолированных от иных сфер человеческого общежития.

Особой спецификой обладает транспорт (железнодорожный, водный, воздушный, автомобильный) как вид общественного производства. Транспортное производство тесно связано с непродуцированной сферой человеческого общежития. Его услугами пользуются пассажиры. Дороги (в первую очередь автомобильные) являются общими: по ним осуществляется движение производственного транспорта, независимо от ведомственной принадлежности, и индивидуального. Дорогами пользуются также пешеходы. Поэтому при характеристике транспорта не приходится говорить об относительно автономных территориях, изолированности этого производства. Исключение составляют места постоянной парковки и ремонта транспортных средств.

Вещественным субстратом данного производства являются транспортные средства – источники повышенной опасности. Все это обуславливает корреляцию и подчинение определенной части производственных отношений – обеспечивающих безопасность труда водителей – интересам общественной безопасности. С точки зрения общественных интересов транспорт воспринимается как деятельность всеобщая, безотносительно к функциональной направленности отдельного транспортного средства. Поэтому в системе общественных отношений, охраняемых уголовным законом, транспорт (безопасность

его движения и эксплуатации) справедливо выделяется в самостоятельный социальный институт¹.

Среда – экологический компонент производственного пространства. В самом общем смысле слова – это все то, что окружает человека на производстве², является показателем внешних условий его трудовой деятельности³. Окружающая человека среда включает: расположение оборудования, средств и предметов производства относительно друг друга и положение человека среди них. Это также: воздух, температура, освещение, шум, электрополе, излучение и другие показатели. Относительные автономия и изоляция производства являются предпосылками создания благоприятных условий, необходимых и достаточных для эффективного труда. Однако в действительности производственная среда обладает и значительными неблагоприятными факторами: захламленностью рабочего места, повышенной загазованностью, недостаточным освещением и т.п., которые становятся или могут стать причиной снижения эффективности производства, несчастных случаев с людьми, профессиональных заболеваний и других негативных последствий. Именно поэтому возникает необходимость особого социального контроля за данным компонентом производства, включая использование уголовного закона.

Время производства. Производственная деятельность человека характеризуется протяженностью во времени, когда происходят последовательная смена физических или иных состояний, переход одного явления в другое. Конечным показателем времени производства является получение общественно полезного результата. В сфере материального производства время охватывает весь процесс создания определенного продукта на предприятии: от момента поступления средств производства до его изготовления. Оно складывается из: 1) времени нахождения средств производства в качестве производственного запаса, который обеспечивает непрерывность производственного процесса; 2) рабочего периода – времени, когда осуществляется процесс труда; 3) времени перерывов в труде; 4) времени, в течение которого предметы труда

¹ См.: Куринов Б. А. Автотранспортные преступления. Квалификация и ответственность. – М., 1976; Касынюк В. И. Уголовная ответственность за транспортные преступления. – Киев, 1977; Лукьянов В. В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. – М., 1979; Чуцаев А. И. Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Уголовно-правовые проблемы. – Саратов, 1988; Коробеев А. И. Транспортные правонарушения. Квалификация и ответственность. – М., 1990 и другие.

² См.: Котик М. А. Психология и безопасность. – С. 52.

³ См.: Философская энциклопедия. – М., 1970. – Т. 5. – С. 28.

подвергаются в соответствии с технологией воздействию естественных или искусственных процессов (для некоторых отраслей)¹. Для уголовного права определение времени производства имеет важное значение, поскольку именно им исчерпывается и время опасного нарушения – когда может быть допущено отступление от требований технических норм. С помощью времени производства должна решаться также проблема давности привлечения к уголовной ответственности за нарушение правил безопасности на производстве.

Отмеченные признаки позволяют определить производство (на уровне особенного, предметного понятия) как сложную социально-экономическую и техническую относительно замкнутую систему, в основе функционирования которой лежит труд человека, направленный на получение общественно полезного результата. Составным элементом такой системы являются технические и правовые нормы. Данное определение отличает производственную деятельность людей от иных видов общественно полезной деятельности, которые также могут содержать элементы опасности для исполнителей, других лиц, иных благ (например, оперативная деятельность работников МВД, спортивные состязания и др.) и требовать правовой защиты. Его использование позволяет установить пространственные пределы действия норм УК, охраняющих безопасность производства: это материальное и нематериальное общественное производство, та его часть, где деятельность человека сопряжена с вещественными факторами: предметами, орудиями, средствами, продукцией производства².

§ 2. Техническая природа опасных и вредных производственных факторов. Состояние безопасности как социальная потребность

Человек в процессе производства своей трудовой деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Посредством орудий он воздействует на предмет труда в существующих условиях производственной среды. Согласно законам физики всякие воздействия вызывают ответные противодействия со стороны как предметов труда (например, при их видоизменении), так и используемых орудий – вещественных факторов производства. Такого

¹ См.: Политическая экономия. Словарь. – М., 1981. – С. 48.

² В дальнейшем в диссертации при обозначении предмета исследования используется в основном понятие «производство» и реже «общественное производство». Данные понятия по содержанию равнозначны, что следует из текста изложенного выше параграфа.

рода техническое свойство труда (воздействие – противодействие) имманентно материальному производству. Оно возможно и в условиях нематериального производства. Например, при использовании приборов, инструментов, аппаратов для ведения научных исследований, медицинского обслуживания, технического обучения и т.п.

Общественное производство представляет сложное взаимодействие между человеком и вещественными факторами производства. В ходе или в результате этого процесса человек в силу обозначенных выше обстоятельств подвергается или может быть подвергнут воздействиям производственных факторов¹ самого различного характера и степени: механическим, химическим, тепловым, электрическим, электромагнитным и т.п. «Все, что окружает работника, оказывает воздействие на функциональное состояние его организма»². Человеческому организму присуще воспринимать те или иные внешние воздействия только до тех пор, пока они не превышают определенных уровней и продолжительности. Выход за пределы допустимого воздействия становится опасным или вредным³ для человека. Производственный фактор, воздействие которого на работающего в определенных условиях приводит к травме или другому внезапному резкому ухудшению здоровья, носит название опасного, а фактор, воздействие которого приводит к профессиональному заболеванию или снижению работоспособности работающего, – вредного. В зависимости от уровня и продолжительности воздействия вредный производственный фактор может стать опасным⁴. Опасному или вредному воздействию могут быть подвергнуты не только непосредственные исполнители труда, но и другие участники производства. При определенных условиях такому воздействию могут подвергаться посторонние лица, имущество данного производства или чужое, окружающая природная среда.

¹ «Производственный фактор» – понятие, используемое в технической литературе и стандартах по безопасности труда при характеристике внешних воздействий на работника производства (см.: ГОСТ 12.0.002-80. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – М., 1980. – С. 2).

² Балинт И., Муран М. Психология безопасности труда. – М., 1968. – С. 85.

³ «Опасный фактор» и «вредный» – основные классификационные типы производственных факторов. Этими терминами пользуются в технической, медицинской и правовой литературе при описании поражающих или неблагоприятных воздействий производственных факторов на человека, средства производства, окружающую природную среду (см., например: ГОСТ 12.0.003-74. ССБТ. Опасные и вредные производственные факторы. Классификация; ч. 2 ст. 17 Закону України від 14 жовтня 1992 р. «Про охорону праці» // Голос України. – 1992. – 24 листоп.

⁴ См.: Краснов Л. М. Организация работы по охране труда на предприятии. – Днепропетровск, 1990. – С. 14.

Непосредственным источником подобного неблагоприятного воздействия может стать любой из компонентов производства. Так, например, рабочий, обрабатывающий на станке деталь, может быть травмирован отлетевшей металлической стружкой – т.е. предметом труда. Травма может быть причинена вращающимся элементом станка – орудием труда.

Таким образом, возможность опасного или вредного воздействия – объективное свойство взаимодействия между человеком и вещественными факторами производства. Поэтому такого рода воздействия производственных факторов нельзя не учитывать при организации производства и разработке технических требований, обеспечивающих его безопасность и условия безвредности.

При современном уровне развития техники и организации производства некоторые возможности опасного или вредного воздействия могут быть локализованы, например, путем изоляции разными способами, транспортировки материалов в замкнутых системах, дистанционного управления производственными процессами. В таких случаях технические и технологические меры позволяют устранить опасность или вредность воздействия. Подобное подавление возможного поражающего или неблагоприятного воздействия обозначенных факторов является самой совершенной формой обеспечения безопасности производства. Однако большинство факторов «пока еще может быть устранено или уменьшено лишь при обязательном соблюдении установленных правил поведения»¹, т.е. благодаря действию человеческого фактора производства. «Любой элемент рабочего места может стать при определенных условиях потенциальным источником опасности, и это зависит исключительно от степени невнимательности, неосторожности или усталости рабочего»². При более углубленном изучении причин опасного или вредного воздействия производственных факторов могут обнаружиться дефекты в организации труда на более высоком уровне его разделения: необученность рабочего; ненадлежащие условия труда; отсутствие защитных средств и т.п.

В зависимости от интенсивности (степени) возможного воздействия на работающих опасных и вредных производственных факторов работы, выполняемые на производстве, подразделяются на обычные и повышенной опасности. Подобное деление проводится в расчете на исправную работу техники и обычные нормальные условия и организацию труда.

¹ Балинт И., Мурані М. Психологія безпеки праці. – С. 145.

² Балинт И., Мурані М. Психологія безпеки праці. – С. 146.

Обычные работы характеризуются невысокой опасностью¹, что, как правило, связано: с характером травм – они незначительные; количеством потерпевших – обычно один человек; отсутствием имущественного ущерба. Однако нельзя недооценивать и опасность таких работ. По мнению специалистов, «несчастные случаи... чаще всего возникают при работах с невысокой опасностью»².

В отличие от обычных, работы повышенной опасности характеризуются высокой степенью вероятности причинения вреда лицам, их осуществляющим. Им также свойственна высокая цена нарушения (ошибки) их производства: вред как результат такого нарушения может быть значительным – гибель одного или нескольких работников, увечья, тяжелые травмы, групповые несчастные случаи и т.п. Причины несчастных случаев (как и других последствий) при выполнении работ повышенной опасности лежат не только в пределах конкретного (виновного или невиновного) поведения человека, но и за его пределами. Также они могут быть обусловлены свойствами используемых орудий и средств производства.

Материальным субстратом работ повышенной опасности, как и других видов повышенно опасной человеческой деятельности, ряд теоретиков признают источник повышенной опасности³. В науке уголовного права понятие источника повышенной опасности дал М. С. Гринберг. По его мнению, это «достаточно мощная техническая система, создающая в силу своей неполной подконтрольности известную вероятность причинения вреда»⁴. Предметы материального мира как источники повышенной опасности должны иметь следующие признаки: «1) большую мощность; 2) сложность; 3) относительную надежность; 4) неполную подконтрольность и 5) способность причинить значительный ущерб»⁵. Исследования

¹ Опасность, отмечает О. А. Красавчиков, – «это объективная возможность наступления соответствующих обстоятельств, но не более. Возможность и действительность не тождественны; хотя последняя и предполагает существование первой. Чтобы в рассматриваемого рода случаях возможность была реализована в действительность, должны иметь место определенные факты причинения, вне которых соответствующая опасность остается потенциальной» (см.: Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М., 1966. – С. 21).

² См.: Котик М. А. Психология и безопасность. – С. 53.

³ См.: Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – С. 27.

⁴ Гринберг М. С. Преступления в области техники. (Сущность и объект) // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 91.

⁵ Гринберг М. С. Преступления в области техники. (Сущность и объект) // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 92.

несчастных случаев, наступивших в процессе работ повышенной опасности (например, при производстве горных, строительных), свидетельствуют, однако, что часто приходится иметь дело с такими предметами, которые не имеют всех указанных признаков источника повышенной опасности, но обладают отдельными свойствами, создающими при их использовании повышенную опасность. Например, обваливающаяся в шахтах порода, наличие траншей, котлованов на строительстве, строительные материалы при их погрузке-разгрузке, осуществляемой вручную¹. Поэтому, надо полагать, материальным субстратом (общей основой) работ повышенной опасности является не только источник повышенной опасности, но и материалы (предметы), которые обладают только отдельными свойствами опасности (например, повышенная самовоспламеняемость некоторых предметов, возможность процессов саморазложения у химических веществ, величина возводимых сооружений и т.п.).

Обеспечение безопасности работ повышенной опасности требует создания на производстве особых организационно-технических режимов – уровней безопасности. Так, к таким работам допускаются лица, прошедшие специальную подготовку по технике безопасности². На таких работах используется более совершенная техника безопасности³. Перечень таких работ известен, он содержится в нормативно-технических актах, в нормах других отраслей права (в частности, трудовом)⁴. К ним, в частности, относятся все работы, связанные с подъемными кранами (независимо от отрасли, где они используются), баллонами высокого давления, электросетью высокого напряжения.

Имманентность опасных и вредных факторов обуславливают потребность в состояниях (условиях, среде), которые необходимы для охраны жизни, здоровья, сохранения имущества, окружающей природной среды. Таким состоянием на производстве является его безопасность. Человек стремится, желает его. Состояние безопасности снимает напряжение, беспокойство, страх перед возможной опас-

¹ См.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков, 1977. – С. 13.

² В Законе Украины от 14 октября 1992 г. «Об охране труда» в ч. 2 ст. 20 сказано: «Працівники, зайняті на роботах з підвищеною небезпекою... повинні проходити попереднє спеціальне навчання і один раз на рік перевірку знань відповідних нормативних актів про охорону праці» (см.: Голос України. – 1992. – 24 листоп.).

³ См.: Борисов В. И. Квалификация преступных нарушений правил безопасности социалистического производства. – Киев, 1988. – С. 9.

⁴ «Перелік таких робіт затверджується Державним комітетом по нагляду за охороною праці». (см.: ч. 2 ст. 20 Закона України «Об охране труда»).

ностью, человек благодаря безопасности становится уверенным в себе, в своих действиях.

Под безопасностью в широком смысле слова понимают состояние (положение), при котором отсутствует (не угрожает) опасность. Безопасность производства – видовое понятие, состоящее из двух элементов: производства и безопасности. Безопасность производства – это такое техническое состояние, при котором нейтрализуется возможность поражающего воздействия на людей, имущество и окружающую природную среду опасных и вредных производственных факторов. Данное состояние устанавливается и контролируется человеком через систему общественных отношений. Составной частью безопасности производства является его безвредность – система производственных условий, защищающая работающих (для некоторых производств также постоянных лиц) от неблагоприятного воздействия на их здоровье вредных производственных факторов. Такое воздействие отличается относительно слабой интенсивностью в своем непосредственном проявлении, оно малозаметно (и поэтому терпимо), однако действуя продолжительное время, вызывает (может вызывать) значительные *по опасности* для общества последствия: профессиональные заболевания большого числа работников, преждевременную смерть людей, загрязнение окружающей среды. К видам безопасности производства относятся безопасность труда и общественная безопасность в сфере производства. Основной вид безопасности любого производства – безопасность труда. Это состояние условий труда, при котором исключено воздействие на работающих опасных и вредных производственных факторов¹. Данное состояние охватывает внутреннюю безопасность. В нем заинтересованы его работники (рабочие, служащие, инженерно-технический персонал, другие лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством).

По сферам обеспечения безопасность труда делится на техническую и санитарную. Техническая – это состояние условий труда, при котором исключается (не допускается) поражающее воздействие на работающих опасных производственных факторов; санитарная – это состояние, при котором исключается или уменьшается воздействие на работающих вредных производственных факторов.

Ряд производств содержат угрозу (способны ее вызывать) причинения ущерба также внепроизводственным интересам. Формируются они либо в сфере производства, либо вокруг (около) или в результате такой

¹ См.: ГОСТ 12.0.002-80. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – М., 1980. – С. 1–2.

деятельности. Это интересы посторонних производству лиц (их жизнь, здоровье), имущественные (сохранность от повреждения или уничтожения имущества, принадлежащего другим предприятиям, организациям, учреждениям или отдельным гражданам), экологические (частота окружающей природной среды) и прочие. Необходимость их защиты от опасностей обуславливает создание особого вида безопасности вне производства (внешней), но в связи с ним – общественной безопасности в сфере производства. Так, И. П. Лановенко отмечает специфику данной группы преступлений: «...нарушения правил безопасности в процессе таких работ и на таком производстве чреваты опасностью для более широкого круга лиц, и эта опасность приобретает характер общественный. Поэтому мы и говорим об уголовно-правовой охране общественной безопасности производства»¹. Это условия функционирования производства, ведения отдельных работ, использования полученной продукции, при которых исключено поражающее или разрушающее воздействие на интересы общества опасных и вредных факторов. Некоторые производства (как техническое целое), в силу ряда факторов среды и используемых веществ, материалов, предметов, обладают исключительной опасностью для жизни и здоровья как работающих, так и посторонних лиц, имущества, окружающей природной среды. Это взрыво-, радиационная (атомная), химическая (токсическая) и биологическая опасность. Такие производства обуславливают особый режим их функционирования, в том числе правовой, обеспечивающий их безопасность.

Исключительной опасностью обладают некоторые вещества, материалы (как предметы труда). Обращение с ними (хранение, использование, учет, транспортировка) опасно в любой сфере деятельности человека, в том числе на производстве. Речь идет о взрывчатых и химических (особо токсических) веществах, радиоактивных материалах, биологических (опасных для человека) объектах, использование которых на производстве подчинено общему (в интересах всего общества) и специальному (в интересах конкретного производства) режимам безопасности.

Таким образом, безопасность производства как техническое состояние требует нормативного регулирования и охраны. Ее элементы (виды, сферы, уровни), наряду с объединяющими признаками, обладают качественной самостоятельностью, что следует учитывать при разработке правовых норм, в том числе уголовного закона.

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Особенная часть. – Киев, 1985. – С. 191–192.

§ 3. Научно-технический прогресс – фактор, обуславливающий совершенствование уголовно-правовой охраны безопасности производства

Научно-технический прогресс в той или иной степени присущ всем эпохам общественного развития и осуществляется в двух основных формах: эволюционной и революционной. Эволюционной форме НТП свойственно распространение и совершенствование в производстве техники или технологических процессов, основанных на одних и тех же научно-технических принципах. Революционная форма НТП означает переход к использованию в производстве качественно новых научно-технических принципов. Так, механическая обработка металла резанием заменяется методами точного литья, давления. Примерами революционной формы НТП могут служить использование энергии атомного ядра, получение искусственных алмазов и т.д.¹ Подобные технические новации требуют кардинальной замены производственного аппарата и материалов, перехода к новым технологиям и формам организации производства, совершенствования системы отношений безопасности производства, включая их правовое обеспечение².

Начиная с середины 50-х гг. XX в. технические перевороты охватили практически все элементы, конструкционные материалы, технологию, организацию труда и производства в основных отраслях народного хозяйства. Такие изменения качественного характера свидетельствовали о переходе к революционной форме НТП. В этот период был сделан целый ряд фундаментальных открытий в естественных науках и осуществлено их производственное применение. Это время овладения энергией атома, создания первых ЭВМ и квантовых генераторов, выпуска серии полимерных и других искусственных материалов, выхода человека в космос³. Характерной чертой революционной формы НТП является интеграция науки и производства⁴.

Важнейшей составляющей современного этапа НТП является подлинная революция в организации производства и труда, в системе управления. Новой технике и технологии соответствует и новая организация

¹ См.: Политическая экономия. – М., 1989. – С. 99.

² Исследованию сущности научно-технического прогресса, влияния его на право посвящены работы: Трудовое право и научно-технический прогресс. – М., 1974; Социалистическое право и научно-техническая революция. – М., 1979; Казьмин И. Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. – М., 1986 и ряд других.

³ См.: Политическая экономия. – М., 1989. – С. 99–100.

⁴ См.: Научно-техническая революция и общество. – М., 1973. – С. 54, 55 и др.

производства и труда. Ведь современные технологические системы обычно основываются на взаимосвязанной цепочке оборудования, которое обслуживает довольно разносторонний коллектив должностных лиц и работников. В связи с этим выдвигаются новые требования к организации коллективного труда, взаимоотношению между работниками производства. Значительно повышается роль должностных лиц – организаторов производства, а среди работников – операторов технических систем. В этих условиях неизмеримо возрастает регулятивная функция права. Однако, для того, чтобы данная функция была успешной, право должно быть мобильным, подвижным – соответствовать НТП, способствовать его развитию.

Современный этап НТП по своим потенциям, а во многом и по результатам – величайшее благо для общества. Революция в науке и технике в колоссальной степени увеличивает возможности человека, повышает эффективность его деятельности, создает условия для достижения изобилия материальных благ и духовных ценностей, подлинной гуманизации производства, для расцвета личности.

Вместе с тем на данном этапе рельефно обозначилась еще одна особенность революционного развития науки и техники – обострение диалектических противоречий НТП: грандиозных полезных социальных и экономических результатов, с одной стороны, и отрицательных последствий (проблем, трудностей, тенденций) – с другой¹.

Диалектика противоречий НТП сопровождает всю систему общественного производства, включая его безопасность. Так, например, введение дистанционного способа управления наряду с положительными результатами (возрастание профессионально-технического уровня работников, усиление творческого характера их труда) в то же время обедняет двигательными компонентами трудовую деятельность человека, что создает возможность возникновения аварийных ситуаций, брака в работе². Появление новых отраслей материального производства (например, электроники, атомной промышленности), использование новых видов энергии и природных ресурсов сопровождаются различными вредными агентами (радиоактивные излучения, ультразвук, магнитные и электрические поля и др.). При больших психических и физических нагрузках, приходящихся на долю работников – операторов технических

¹ См.: Научно-техническая революция и социализм. – М., 1973. – С. 41–42; Политическая экономия. – М., 1989. – С. 106–107; Иойрыш А. И., Чопорняк А. Б. Атомное законодательство капиталистических стран (сравнительно-правовой анализ). – М., 1990. – С. 6.

² См.: Физиологические и психологические основы труда. – М., 1974. – С. 11.

систем, возрастает степень вероятности ошибок, в том числе и неправых.

Возникновение указанных неблагоприятных последствий обусловлено причинами объективного характера.

Вместе с тем наступлению отрицательных последствий НТП способствует и девиантное поведение человека (его недобросовестность, безответственность, невнимательность, психофизические недостатки, иные негативные качества) в технических системах, которое имеет тенденцию к росту. Это также могут быть недостатки в управлении производством, допуск к работе неопытного или не имеющего необходимых знаний работника, другие отступления от требований безопасности¹. Примерами исключительной опасности отрицательных последствий НТП, наступление которых было обусловлено виновным поведением человека, являются авария на Чернобыльской АЭС (1986 г.), взрыв под Уфой на магистральном продуктопроводе Западная Сибирь–Урал–Поволжье (1989 г.), пожар на комбинате консервной тары в бухте Находка Приморского края (1986 г.), авария на складе сжиженного хлора насосной станции северного водозабора в Хабаровске (1989 г.), взрыв на шахте «Суходольская-Восточная» Луганской области (1992 г.). Произошедшие трагедии служат серьезным предупреждением о необходимости разработки новых подходов к проблемам организации, надежности, риска, технического и правового обеспечения безопасности производства.

НТП вызывает коренное изменение взаимодействия природы и человека, затрагивает также целый ряд нравственных, гуманитарных проблем. В частности, такие проблемы возникают в экологии, генной инженерии в области ДНК человека, некоторых областях психотерапии и т.д. Все это непростые, часто болезненные противоречия, требующие поиска социальных, технических и правовых средств их разрешению. Происходит это не автоматически, а в результате глубоких изменений в системе общественных отношений; продуманных, научно обоснованных действий, которые призваны не допустить крайнего обострения противоречий НТП. В этих условиях резко возрастает роль правовой охраны безопасности производства, в том числе мерами уголовно-правового характера. Право приобретает своеобразную функцию, определенную

¹ В современных условиях, отмечает немецкий ученый Кауфман: «Квота несчастных случаев, которые объясняются «человеческой несостоятельностью», особенно несостоятельностью потерпевшего, по новой статистике возрастает до 70–90 %». (см.: Франц-Ксавер Кауфман. Безопасность как социологическая и социально-политическая проблема. – Штутгарт, 1973. – С. 66 (на нем. яз).

современным этапом НТП, – всемерно содействовать положительным тенденциям и нейтрализовать или сводить к минимуму его негативные элементы¹.

Государство, его исполнительные и надзорные органы, научно-исследовательские институты по охране труда, общественные институты ведут значительную работу по прогнозированию, ограничению и преодолению отрицательных последствий НТП в сфере безопасности производства. На основе соответствующих законодательных и иных нормативных актов используются системы социально-экономических, организационно-технических, санитарно-гигиенических и культурно-воспитательных мероприятий и средств, направленных на обеспечение жизни, здоровья, человека, сохранности имущества, окружающей природной среды.

Определенную роль в этом процессе играют и те нормы действующего УК, задача которых – охрана безопасности производства как в целом, так и отдельных повышено или исключительно опасных производств или работ (статьи 135, 218–220, 221, 228⁵). Конструкция этих норм позволяет их использовать, в определенных пределах, и для охраны новых производств. Так, если нарушение на этих производствах причиняет ущерб безопасности труда, преступные деяния виновных должны квалифицироваться по ст. 135 УК. Ответственность по статьям 218–220, 221 или 228⁵ УК может наступить, когда на новых видах производств нарушаются правила, несоблюдения которых наказываются по этим статьям закона (например, нарушение горных работ при разработке радиоактивных руд, при установлении всех остальных признаков состава подпадает под признаки ст. 218 УК). Вместе с тем на новых производствах либо при обращении с веществами (материалами), обладающими особо опасными свойствами, возможно нарушение правил, которые не охватываются ни ст. 135, ни статьи 218–220, 221, 228⁵ УК. Так, например, нарушение правил обращения с токсическими химическими веществами, опасными биологическими объектами может привести к масштабному поражению людей, ущербу окружающей природной среде (как это, например, имело место в результате химических катастроф на комбинате американской компании в Бхопале – Индия, на заводе фирмы «Сандос» в Берне – Швейцария)². Нельзя согласиться с мнением некоторых авторов о том, что действующий УК обеспечивает

¹ Иойрыш А. И., Чопорняк А. Б. Атомное законодательство капиталистических стран (сравнительно-правовой анализ). – С. 6.

² См.: Тимошенко А. С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект // Сов. государство и право. – 1989. – №1. – С. 90.

в полной мере безопасность НТП¹. Например, развитие атомной энергетики обуславливает постановку вопроса о ядерной безопасности общества. Даже утечку радиоактивных веществ, которая может иметь место при эксплуатации АЭС, исследователи сравнивают со случаями внезапного прорыва плотины, а ущерб приравнивают к убыткам в размере аварии крупного транспортного самолета². Имеющиеся статьи действующего УК, как правильно заметил И. И. Карпец: «лишь с большой натяжкой можно отнести к составам, которые могут влечь ответственность за неправомерное использование атомной энергии»³. Подтверждением является квалификация действий руководителей Чернобыльской АЭС В. Брюханова, Н. Фомина, А. Дятлова, которые не обеспечили безопасности эксплуатации станции. Из-за допущенных ими нарушений произошел взрыв атомного реактора, распространение радиации, погибли люди. Использование ч. 2 ст. 220 УК явно не отразило всей тяжести последствий, вызванных ядерным взрывом на АЭС, действие которых продолжается до настоящего времени и будет продолжаться еще многие годы⁴.

Естественно, поставленный вопрос не ограничивается одними случаями нарушения правил использования атомной энергии. К таким же, а возможно и более опасным последствиям могут привести, например, нарушения правил использования термоядерной энергии, захоронения радиоактивных отходов, эксплуатация искусственных космических объектов и др.

Таким образом, в условиях НТП стремительное развитие науки и техники, не исключающее возможности наступления различного рода отрицательных последствий в сфере производства, ставит вопрос о совершенствовании уголовного законодательства в этой области⁵.

Здесь возможны различные пути развития уголовного законодательства: реконструкция, коррекция или дополнение ныне действующих норм Особенной части УК; декриминализация нарушений менее

¹ См., например: Пионтковский А. А. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса // Сов. государство и право. – 1972. – № 4. – С. 33–34.

² См.: Иойрыш А. И. Атомная энергия. Правовые проблемы. – М., 1975. – С. 206–207.

³ Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., 1976. – С. 211.

⁴ См.: Светлов А. Я. Ответственность неотвратима. – Киев, 1989. – С. 184–185.

⁵ См.: Курляндский В. И. Некоторые вопросы ответственности в связи с научно-техническим прогрессом // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права: Материалы науч. практ. конф. – М., 1975. – С. 11.

серьезного характера; введение в УК новых общих и специальных норм. Каждое из этих направлений приемлемо и должно дополнять друг друга.

Следует заметить, что некоторые специалисты выступают против введения в УК новых специальных норм об ответственности за посягательства на безопасность производства. «Принятие специальных норм об ответственности за нарушение правил безопасности в конкретных отраслях промышленности (горной, строительной), – полагает И. П. Лановенко, – представляется нам в условиях стремительного технического прогресса и взаимопроникновения отраслей малоперспективным.

На современном этапе развития принципиально важно не то, в какой отрасли хозяйства нарушены правила безопасности, а какие именно вредные последствия наступили или могли наступить в результате нарушения таких правил»¹.

Такую же позицию занимают В. Е. Квашис и Ш. Д. Махмудов, которые пишут: «Мы не можем согласиться с тем, что дальнейшая дифференциация ответственности, а следовательно и расширение норм, в сфере использования техники вызывается социальной необходимостью. Скорее, речь должна идти об унификации норм уголовного закона, об ответственности за преступную неосторожность в сфере действия всех источников повышенной опасности. Пути такой унификации нам видятся в переходе от специальных норм к общим»².

В отличие от этой точки зрения, М. С. Гринберг считает, что имеющиеся в УК составы, предусматривающие ответственность за посягательства на общественную безопасность, необходимо сохранить. При этом он полагает, что наряду с уточнением этих статей целесообразно создание общего состава нарушения правил по технике безопасности, не подпадающего под признаки конкретных составов, где деяние могло бы выглядеть следующим образом: «Нарушение правил по технике безопасности, не подпадавшее под признаки деяний, предусмотренных статьями 211–217 и ст. 220 настоящего Кодекса (применительно к УК России. – В. Б.)»³. Как видим, предложенная конструкция нормы свидетельствует о том, что ей отводится роль резервной нормы, для случаев,

¹ Лановенко И. П. Повышение предупредительного значения норм об уголовной ответственности за нарушения трудовых прав граждан // Вопросы государства и права развитого социалистического общества: Тез. республик. науч. конф. – Харьков, 1975. – С. 221. См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – Свердловск, 1974. – С. 174.

² Квашис В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность. – Душанбе, 1975. – С. 96.

³ Квашис В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность. – Душанбе, 1975. – С. 96.

когда будут иметь место посягательства на общественную безопасность в той или иной сфере повышенно опасной производственной деятельности, ответственность за которые не предусмотрена специальными нормами. В конечном итоге М. С. Гринберг включает в систему преступлений против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники следующие посягательства на безопасность производства: 1) нарушение правил охраны труда и техники безопасности; 2) нарушение правил специальной безопасности – статьи 214–217 УК РСФСР (статьи 218–220, 221 УК Украины); 3) нарушение иных правил по технике безопасности¹. Как видим, М. С. Гринберг предлагает сочетать в УК общие и специальные нормы об ответственности за посягательства на безопасность производства. Такое направление развития рассматриваемой системы норм надо признать перспективным. Что касается конкретного предложения М. С. Гринберга о включении в УК нормы, которая выполняла бы функцию резервной, то оно вряд ли удачно. Такая норма не дает представления об опасности самого деяния (нарушения), его качественного отличия от деяний, предусмотренных иными специальными нормами. При таком описании диспозиции также вряд ли возможно правильно вывести санкцию, соответствующую опасности деяния.

Развитие уголовного законодательства Украины об ответственности за посягательства на безопасность производства идет по пути постепенного расширения в УК специальных норм и их уточнения (коррекции). Нельзя, однако, исключать и возможности их сокращения в будущем Кодексе, работа над которым в настоящее время ведется. Принципиально важно другое: в своей совокупности нормы УК, задачей которых является охрана безопасности производства, должны отвечать, по крайней мере, двум требованиям: 1) охватывать всю систему отношений безопасности производства; 2) отражать такие ее элементы или отдельные их характеристики (величины, качества), которые в достаточной мере определяют различия в степени общественной опасности возможных нарушений соответствующих правил безопасности или санитарных норм. Здесь должны подлежать учету виды и уровни безопасности, сферы охраны, а также социальные интересы и связи, виды производственной деятельности и источники опасности, масштабы возможного вреда и степени вероятности его причинения, субъекты деятельности. В своей основе эти элементы находятся в развитии, что обусловлено НТП. Это требует постоянного совершенствования систем отношений безопасности производства, в том числе и норм уголовного права, охраняющих их. Так, в связи с широким использованием в производстве,

¹ См.: Гринберг М. С. Указ. соч. – С. 175.

науке и других видах человеческой деятельности радиоактивных материалов возникла потребность в более тщательном упорядочении отношений радиационной безопасности, что нашло свое отражение в уголовном законодательстве (см.: статьи 221, 228²-228⁵ УК). Разумеется, НТП – это только один из множества факторов, обуславливающих необходимость новаций в уголовном законодательстве, однако на создание ряда норм НТП оказывает решающее воздействие. К таким нормам, в частности, относятся статьи 135, 218-220, 221, 228⁵ УК.

Глава 2. НОРМАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Конституция Украины и охрана нормами УК безопасности производства. Вопрос об охране безвредности производства

Среди факторов, обуславливающих необходимость безопасности производства уголовным законом, важное место занимает фактор конституционного соответствия (конституционной адекватности)¹.

Конституционное соответствие означает, что уголовно-правовая норма (нормы) не противоречит Основному Закону государства (первое условие соответствия) и достаточно полно реализует провозглашенные в нем принципы и положения (второе условие соответствия). Это также означает, что конституционные принципы и положения, имея довольно высокую степень обобщенности и масштабности², являются юридической базой уголовного закона³, содержат наиболее существенные отправные предписания формирования его норм, определяют основные тенденции их развития. В свою очередь, уголовно-правовые нормы и по содержанию и по форме также должны отвечать Конституции государства, развивать ее, выступать реальным гарантом охраны провозглашенных в ней принципов и положений. «В основе уголовного права, – уместно замечает В. М. Коган, – лежат притязания на юридическую защиту признанных господствующих интересов»⁴. Безусловное

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета. – М., 1982. – С. 230–231.

² Зивс С. А. Конституция СССР в системе советского законодательства // Сов. государство и право. – 1978. – № 6. – С. 14–16.

³ См.: Бажанов М. И. Основы уголовного законодательства и Уголовный кодекс // Пробл. соц. законности. – Харьков, 1991. – Вып. 26. – С. 11.

⁴ Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М., 1983. – С. 29.

соответствие любой уголовно-правовой нормы общим принципам права – важный фактор ее социальной обусловленности¹.

Для установления соответствия необходимо знать содержание конституционных принципов и положений, что может иметь не только теоретическое, но не менее важное и практическое значение.

Конституционные нормы, которые непосредственно обуславливают необходимость специального правового регулирования и охраны отношений безопасности производства, в том числе уголовным законом, содержатся в статьях 21, 40, 58 действующей Конституции Украины².

В ст. 40 Конституции Украины закреплено право граждан на охрану здоровья. В юридической литературе отмечается, что сформулированное в этой статье право на охрану здоровья является сложным, включает в качестве составных элементов по крайней мере два правомочия: право всех граждан на получение бесплатной медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения, и право на охрану здоровья в процессе труда³.

Если право граждан на получение бесплатной квалифицированной медицинской помощи получило развитие в основном в административном законодательстве, то право на охрану здоровья в процессе труда нашло закрепление, развитие и охрану в нормах целого ряда отраслей законодательства, включая уголовное.

В системе конституционных прав граждан право на охрану здоровья в процессе труда занимает важное место, что обусловлено его особой ценностью среди принадлежащих человеку социальных благ⁴. Право на охрану здоровья в процессе труда охватывает все формы общественно полезной деятельности человека, включая производственную. Сформулированное самым общим образом, оно включает и право на охрану жизни – высшую человеческую ценность. Поэтому более точно говорить, в том числе и в тексте Конституции, о праве человека на охрану жизни и здоровья⁵. В качестве составных компонентов оно включает

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета. – С. 229.

² Положения этих норм нашли развитие в проекте новой Конституции Украины – ст. 21 и ст. 40 (см.: Голос України. – 1992. – 17 лип.).

³ См.: Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. – М., 1982. – С. 154.

⁴ См.: Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. – С. 13.

⁵ В докладной записке, подготовленной автором и представленной 8 апреля 1991 года кафедрой, на которой он работает, в Конституционную комиссию Верховного Совета Украинской ССР, было обращено внимание на необходимость уточнения текста Конституции: включения в нее положения о праве человека на охрану жизни – высшую естественную человеческую ценность. В концепции новой Конституции Украины, одобренной Верховным Советом Украинской ССР 19 июня 1991 года,

и право на определенные состояния (условия, среду), которые необходимы ему для сохранения естественных ценностей (жизни, здоровья), данных ему природой: при использовании технических средств, работе на производстве, выполнении служебного задания, множестве других случаев. Таким состоянием на производстве, как уже отмечалось, являються безопасность и условия его безвредности.

Провозглашая соответствующее право на охрану здоровья, ст. 40 Конституции Украины содержит указания и на наиболее важные мероприятия, необходимые для его реализации, что делает обозначенное право реальным. Из текста статьи следует, что оно обеспечивается «...развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды». Приведенное подтверждает, что ст. 40 среди правоположений, ею предусмотренных, имеет ввиду также охрану жизни и здоровья человека на производстве. С целью развития мер по оздоровлению окружающей среды, ст. 40 Конституции Украины предусматривает тем самым и охрану интересов посторонних для производства лиц¹. Всё вместе подчеркивает достаточную самостоятельность конституционного предписания о праве человека на охрану его жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности.

Исходя из особой социальной значимости защиты жизни и здоровья работающих на производстве (как и при осуществлении любой иной общественно полезной деятельности), а также уже сложившихся в обществе сложных и весьма разнообразных организационно-технических и правовых систем по обеспечению этих важнейших социальных благ, следует закрепить в тексте новой Конституции право граждан на охрану жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности². В соответствии со ст. 2 Кодекса законов о труде Украины такое право является

это предложение нашло отражение. В разделе II «Права человека и гражданина» указано: «Высшей социальной ценностью является человек, его жизнь...»; в новой Конституции будет закреплено «право на жизнь» (см.: Правда Украины. – 1991. – 28 июня). Проект Конституции Украины, вынесенный 1 июля 1992 г. Верховным Советом Украины на всенародное обсуждение, предполагает закрепление права на жизнь в ст. 21: «Кожна людина має невід’ємне право на життя» (см.: Голос України. – 1992. – 17 лип.).

¹ Так называемые «посторонние лица» могут работать на соседних предприятиях, в учреждениях, организациях, кооперативах; они могут жить рядом с опасным или вредным производством. Поэтому на их здоровье вполне могут неблагоприятно действовать опасные и вредные производственные факторы.

² Предложение нашло отражение в ст. 40 проекта Конституции Украины; преамбуле Закона Украины от 14 октября 1992 г. «Об охране труда» (см.: Голос України. – 1992. – 24 листоп.).

одним из основных трудовых прав граждан, что нашло подтверждение и в Законе Украины от 14 октября 1992 г. «Об охране труда»¹.

Наряду с провозглашением права человека на охрану здоровья, Основной Закон Украины закрепляет положения, которые *обязывают* государство заботиться об условиях и охране труда, развивать и совершенствовать эти отношения. В ст. 21 сказано: «Государство заботится об улучшении условий и охране труда, его научной организации, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях хозяйства». Исходя из этих положений, государство должно выступать организатором состояния безопасности производства и условий его безвредности; принимать правовые нормы по их обеспечению, вплоть до применения санкций; осуществлять планирование и финансирование мероприятий по технике безопасности и производственной санитарии; организовывать научную деятельность и добиваться использования новейших достижений науки и техники.

К сожалению, усилий по улучшению условий и охране безопасности производства, предпринимаемых государством, его исполнительными органами, явно не хватает. Экономика Украины постоянно несет большой урон в связи с несчастными случаями на производстве. Так, в 1989 г. число пострадавших в Украинской ССР на производстве составило 119 970, в том числе со смертельным исходом – 2 635 человек. Материальные потери от несчастных случаев, связанных с производством, составили 35 370 тысяч рублей². К 1992 г. количество лиц, получающих травмы на предприятиях Украины, составило более 140 тысяч³.

Такая тревожная статистика требует более активного поиска путей эффективного снижения производственного травматизма, в том числе за счет ужесточения нормативных предписаний, расширения круга социальных субъектов, обязанных создавать условия для охраны жизни и здоровья людей на производстве. Это тем более важно в условиях перехода к новой системе хозяйственных отношений, становления и развития предприятий, основанных на собственности отдельных граждан, коллективной и совместной, а также арендных. Поэтому в новом Основном Законе целесообразно дать развернутый перечень субъектов,

¹ «Цей Закон, – сказано в его преамбуле, – визначає основні положення щодо реалізації конституційного права громадян на охорону життя і здоров'я в процесі трудової діяльності» (см.: Голос України. – 1992. – 24 листоп.).

² См.: Охрана здоровья в СССР. Статистический сб. – М., 1990. – С. 168, 170.

³ См. Голос України. – 1992. – 27 черв.

обязанных заботиться об охране труда, обеспечивать безопасность производства. Например, статья, подобная действующей ст. 21 Конституции Украины, могла бы иметь такое содержание: «Государство, его органы, предприятия, учреждения, организации, кооперативы, независимо от используемых форм собственности, а также отдельные наниматели обязаны заботиться об охране труда, улучшении его условий и научной организации, создании безопасных и безвредных производств, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации во всех сферах трудовой деятельности человека».

Безопасность производства зависит не только от организационных, профилактических, контрольных мероприятий, проводимых государством, его органами, профсоюзами, должностными лицами соответствующих предприятий, организаций, кооперативов, но и от работника – непосредственного субъекта трудовой деятельности, от его отношения к соблюдению правил техники безопасности, производственной санитарии, иных правил охраны труда. Именно поэтому ст. 58 Основного Закона Украины обязывает граждан соблюдать трудовую дисциплину в избранной ими сфере общественно полезной деятельности. Закрепление такой обязанности является важной конституционной предпосылкой для формулирования правовых норм (в том числе уголовно-правовых) об ответственности работника (в том числе рабочих и служащих) за нарушение ним требований безопасности на производстве.

Основной Закон провозглашает не только право граждан на охрану здоровья и обязанность государства и всех граждан его обеспечивать, но и содержит гарантии защиты этого права¹. Такие гарантии закреплены, в частности, в статьях 4, 55, 56 и 162 Конституции Украины. Так, ст. 4 устанавливает, что государство Украина, все его органы действуют на основе законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Статья 55 возлагает на все государственные органы, общественные организации и должностных лиц обязанность охранять права и свободы граждан и предоставляет им право на судебную защиту от посягательств, в частности, на жизнь и здоровье. В ст. 56 закреплено право граждан обращаться с жалобами на действия должностных лиц, государственных и общественных органов. Согласно ст. 162 высший надзор за соблюдением и правильным применением законов осуществляют Генеральный прокурор Украины и подчиненные ему прокуратуры.

¹ См.: Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. – С. 156.

Значение указанных, как и иных, конституционных норм-гарантий, состоит в том, что они создают дополнительную охрану других норм Конституции, придают особую значимость содержащимся в них предписаниям¹. По своей сущности гарантирующие конституционные нормы являются установлениями общего характера. В них даются субъектам общественных отношений (государству, его органам, общественным институтам, гражданам) принципиальные установки, которыми они должны руководствоваться при обеспечении конституционного права.

Конституционные положения об охране здоровья граждан, в том числе на производстве, обозначены, как уже было отмечено, общим образом. Эти положения выступают правообразующей основой существования и развития законов и подзаконных актов, которые непосредственно охраняют здоровье человека; они распространяются на все сферы общественно полезной деятельности человека, в том числе на производственную. Однако последняя в силу ее специфики и масштабности требует создания особой правовой системы защиты жизни и здоровья работающих, посторонних производству лиц, иных социальных благ. В нее входят: а) юридические нормы, определяющие условия и порядок реализации конституционного права граждан на охрану здоровья в процессе труда на предприятиях, учреждениях, организациях, в кооперативах (независимо от форм собственности), а также у отдельных граждан²; б) юридические средства его охраны – в том числе в случае нарушений установленных требований безопасности и безвредности производства; в) правовые нормы, регламентирующие порядок действий государственных органов, общественных организаций и отдельных граждан по защите нарушенного права³. Составным элементом этой системы являются нормы уголовного права, заключенные в статьях 135, 218–220, 221 и 228⁵ УК. Эти нормы, наряду с нормами других отраслей права, являются юридическими средствами охраны обозначенного конституционного положения; развивают и детализируют «право на охрану здоровья». Поэтому, несмотря на относительно редкое применение в судебной практике уголовно-правовых норм, непосредственно охраняющих безопасность производства, их закрепление в УК (реальное бытие закона) надо рассматривать как необходимую и важную уголовно-

¹ См.: Основин В. С. Особенности конституционных норм // Сов. государство и право. – 1979. – № 4. – С. 17–18.

² См., например: Положения про Державну експертизу умов праці. Затв. постановою Ради Міністрів УРСР від 1 грудня 1990 р.

³ См., например: Положение о расследовании и учете несчастных случаев на производстве. – М., 1989.

правовую гарантию соблюдения одного из основополагающих прав человека, провозглашенного Основным Законом государства, развиваемого в концепции и проекте новой Конституции Украины, – права гражданина на охрану жизни и здоровья. Такие нормы должны быть сохранены и в будущем УК Украины.

Выступая юридической гарантией, указанные нормы УК наряду с нормами административного, трудового и гражданского права устраняют возможное противодействие в реализации конституционного права человека на охрану здоровья. Сущность такого рода гарантии заключается главным образом в угрозе применения строгих санкций за наиболее опасные нарушения правил безопасности на производстве¹. «Законодатель издает уголовно-правовые нормы, чтобы оказать сдерживающее влияние на поведение людей только в тех случаях, когда иные социальные регуляторы оказываются малоэффективными. Общественный интерес в таких случаях может быть обеспечен посредством угрозы уголовного наказания»².

В процессе применения уголовно-правовых норм оказывается существенное профилактическое воздействие как на нарушителя³, так и на других участников производства. Кроме того, во многом устраняются причины и условия, способствующие опасным нарушениям на производстве.

Здесь следует отметить и то, что эти нормы уголовного закона, являясь производными от конституционных положений и служащие гарантом их соблюдения, не могут не изменяться при обновлении Основного Закона государства⁴. Например, в связи с расширением конституционных прав граждан⁵ или хотя бы уточнением содержания таких прав. Так, вполне допустимо в перспективе установление уголовной ответственности за такие деяния, как нарушение международных конвенций о порядке эксплуатации искусственных космических объектов, порядке и условий осуществления ядерных испытаний в военных и мирных целях, правил безопасности при захоронении радиоактивных отходов.

¹ См.: Кондратьев А. А. Гарантии охраны трудовых прав рабочих и служащих. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1985. – С.12.

² Демин О. Ф. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм – первооснова их эффективности // Социальная эффективность норм об уголовной ответственности за посягательства на экономическую систему. – Горький, 1985. – С. 45.

³ Изучение судебной практики применения ст. 135 УК свидетельствует, что рецидив по делам этой категории составляет 0,3 %.

⁴ См.: Основания уголовно-правового запрета. – С. 257–258.

⁵ См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – Владивосток, 1987. – С. 125.

Учитывая исключительно важный характер охраняемых общественных отношений, следует признать вполне оправданным стремление законодателя обеспечить возможно полную защиту конституционных прав граждан, распространив ее и на случаи, когда вероятность их нарушения является небольшой¹.

Итак, социальная обусловленность необходимости уголовно-правовой охраны безопасности производства, ее дальнейшее развитие следуют из конституционных положений об охране жизни и здоровья в процессе труда. При этом, надо заметить, не требуется, чтобы такое следование было буквальным. Важно, чтобы оно было достаточным в принципе. В практическом плане учет этого фактора должен осуществляться прежде всего путем постановки вопроса: «Не противоречит ли в чем бы то ни было существующая или предлагаемая норма уголовного закона Конституции Украины?» Отрицательный ответ на этот вопрос является одним из необходимых условий констатации соответствия. Из текстов статей 135, 218–220, 221, 228⁵ УК следует, что между нормами, предусмотренными этими статьями, и приведенными выше конституционными положениями противоречий нет. Вместе с тем, отсутствие противоречий еще не свидетельствует о достаточной реализации в нормах УК рассмотренных конституционных положений. Анализ действующего уголовного законодательства, практики его применения, а также норм государственного, трудового, гражданского, иных отраслей законодательства, обеспечивающих жизнь и здоровье работающих на производстве, дает основания для утверждения, что нормы УК Украины не в полной мере соответствуют положениям Основного Закона об охране здоровья человека. На производстве, как было показано, такая охрана достигается не только за счет безопасности производства, но и при условии его безвредности. Последнее обеспечивается с помощью санитарных правил и правовых норм, регламентирующих их применение². Несмотря на очевидную распространенность нарушений санитарных правил, УК не имеет специальных норм для охраны условий безвредности производства. Только в некоторых случаях такое состояние на производстве охраняется нормами УК, наряду с экологической безопасностью, выступая в качестве дополнительного объекта охраны. Так, ст. 228 УК предусматривает ответственность за загрязнение

¹ См.: Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – С. 67.

² См., например: Санитарные правила организации технологических процессов и гигиенических требований к производственному оборудованию: Утв. Минздравом СССР 4 апр. 1973 г. // Охрана труда в машиностроении. – М., 1990. – Т. 2. – С. 234–262.

атмосферного воздуха вредными для здоровья людей отходами производства. Очевидно, что указанное деяние опасно и для лиц, работающих на производствах, ставших источниками такого загрязнения. Однако вредных факторов, которые могут неблагоприятно воздействовать на организм работающего, намного больше. К ним относятся вибрации, тепловые, электромагнитные и ионизирующие излучения, повышенные шумы и множество других. Наличие таких факторов требует создания на производстве условий безвредности, обеспечиваемых организационно-техническими и правовыми нормами.

Нельзя недооценивать опасности влияния на человека неблагоприятных для здоровья факторов. Например, по данным американского Национального института защиты здоровья, на рабочих местах в США в 1987 году от профессиональных заболеваний умерло более 70 тыс. человек. Профессиональные заболевания, делают вывод ученые этого института, являются одной из наиболее распространенных причин преждевременной смерти человека¹. Мы не располагаем такими данными по Украине или странам бывшего СССР, но некоторые опубликованные цифры о профессиональных заболеваниях дают основания для вывода о том, что негативные показатели воздействия неблагоприятных факторов на человека значительны. Так, в 1989 году в СССР число пострадавших на производстве от профессиональных отравлений и заболеваний составило около 15,3 тыс. человек, в УССР – 2 852, в том числе в связи с хроническими отравлениями и заболеваниями – 2 763 человека².

Сказанное обуславливает постановку вопроса о введении в УК норм, которые бы охраняли и условия безвредности производства. Решение вопроса возможно, разумеется, лишь «в некоторых границах»³. Например, за систематическое нарушение должностным лицом санитарных правил на производстве⁴ при условии, когда иные, менее репрессивные меры, примененные к нему, не дали ожидаемого результата, и субъект продолжает не выполнять требования санитарии. Или когда такие нарушения, осуществляемые в течение определенного времени, стали

¹ См.: Правда Украины. – 1990. – 4 сент.

² См.: Охрана здоровья в СССР. Статистический сб. – С. 171.

³ Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 68.

⁴ Указание в ряде норм действующего УК на санитарные правила (статьи 135, 219) не означает, что законодатель тем самым имел в виду и охрану безвредности производства. В этих случаях, как было показано, охраняются отношения безопасности производства от нарушений особого рода требований санитарии, которые приводят или могут привести к поражению человека, что характерно для нарушений технических требований.

основной причиной тяжелых профессиональных заболеваний среди значительного числа работников производства; лиц, проживающих или работающих вблизи него; серьезного ухудшения экологической обстановки на производстве и вокруг него.

Таким образом, нормы действующего УК, охраняющие безопасность производства, отвечают Основному Закону государства, содержащему положения об охране здоровья, отвечают и проекту новой Конституции Украины, в которой специально обозначено право человека на безопасный труд. В ст. 40 этого документа сказано: «Каждый имеет право на условия труда, которые отвечают требованиям безопасности (подчеркнуто нами. – В. Б.) и гигиене труда и не являются вредными». Необходимость такой охраны, как видим, прямо обозначена в приведенной ст. 40 проекта новой Конституции Украины.

Что касается перспектив развития уголовного законодательства, то очевидно, что учет фактора конституционного соответствия должен быть обязательным при работе как над проектами новых уголовно-правовых норм, в частности, за нарушение на производстве санитарных правил, так и при обосновании необходимости сохранения определенной части норм действующего ныне УК Украины.

§ 2. Соответствие уголовно-правовых норм общей системе правового обеспечения безопасности производства

Для организации и обеспечения безопасности производства и условий его безвредности государство, следуя провозглашенным в Конституции положениям об охране здоровья, использует достаточно сложную систему законов и подзаконных актов, относящихся к различным отраслям права (трудового, природоохранительного, гражданского, хозяйственного, административного и др.)¹, равно как и технические нормы. Наличие такого комплексного механизма нормативного обеспечения безопасности и безвредности объясняется спецификой производства – особого рода социально-экономической и технической системы; связью отношений производства с самыми различными видами общественных отношений; особенностями создания и использования средств, предметов и результатов труда в условиях высокой степени

¹ Например, Закон Украинской ССР от 27 марта 1991 г. «О предприятиях в Украинской ССР», в ст. 31 которого сказано: «Предприятие обязано... обеспечивать безопасность производства, санитарно-гигиенические нормы и требования по защите здоровья его работников, населения и потребителей продукции» (см.: Правда Украины. – 1991. – 7 мая).

разделения производственной деятельности человека, а также своеобразием (путем установления состояния безопасности) организационно-технической и правовой защиты людей, имущества, окружающей природной среды от воздействия опасных и вредных производственных факторов.

В связи с этим важно определить место норм УК в системе правового обеспечения отношений безопасности производства, их назначение, взаимосвязь с нормами иных отраслей права, а также техническими нормами.

Известно, что правовые нормы, обеспечивающие организацию общественных отношений, подразделяются на регулятивные и охранительные¹. В теории права отмечается, что нормы, в состав которых входит юридический факт, связанный с предоставлением субъектам и участникам отношений прав и возложением на них обязанностей в целях обеспечения нормальной организации общественных отношений, являются регулятивными². К ним в рассматриваемой системе относятся нормы: 1) непосредственно регулирующие организацию отношений безопасности производства; 2) определяющие деятельность по надзору и контролю за соблюдением нормативно-технических требований техники безопасности, промышленной санитарии, безопасности производственного оборудования и производственных процессов, средств индивидуальной защиты работающих, иных мер охраны труда; 3) регламентирующие деятельность профсоюзов по вопросам охраны труда, и некоторые другие³. В качестве примеров регулятивных норм можно назвать: статьи 153–157 главы XI «Охрана труда» КЗоТ Украины; Положение о разработке инструкций по охране труда⁴; постановление Совета Министров СССР от 23 января 1981 г. «О приемке в эксплуатацию законченных строительством объектов», которым не допускается приемка в эксплуатацию объектов с недоделками, нарушающими требования

¹ См.: Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – Воронеж, 1990. – С. 9–10.

² См.: Левин И. Д. Логика и право // Изв. АН СССР. Отд. экономики и права. – М., 1944. – № 3. – С. 18; Курылев С. В. О структуре юридической нормы // Тр. Иркут. ун-та, 1958. – Т. 27. – Вып. 4. – С. 186; Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1982. – Т. 2. – С. 67.

³ См.: Система советского законодательства. – М., 1980. – С. 64–67; Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. – С. 100.

⁴ Положение о разработке инструкций по охране труда: Утверждено Госкомтруда СССР, ВЦСПС 5 декабря 1985 г. и согласовано с Госгортехнадзором СССР 25 ноября 1985 г. // Охрана труда в машиностроении. Сб. нормативно-технических документов. – М., 1990. – Т. 1. – С. 3–17.

правил по технике безопасности и производственной санитарии¹; Положение о поставках продукции производственно-технического назначения, которым установлена обязанность предприятия-изготовителя продукции перед предприятием-заказчиком выполнять все требования по качеству, в том числе и требования правил и норм по технике безопасности и производственной санитарии, предъявляемые к машинам, агрегатам и т.д., которые в большинстве случаев предусмотрены государственными стандартами²; Типовое положение для инженерно-технических работников, осуществляющих надзор на предприятиях и в организациях за содержанием и безопасной эксплуатацией подъемных сооружений³.

Предметным содержанием значительной части регулятивных норм, которыми обеспечивается нормальная организация отношений безопасности производства, являются технические нормы⁴. С. А. Голощапов, характеризуя их, писал: «Технические нормы (в широком смысле) содержат требования по охране труда к средствам и предметам труда, и потому они составляют содержание правовых норм, регулирующих различные виды общественных отношений»⁵. В технических нормах формулируются обязательные для поддержания состояния безопасности и условий безвредности требования, основанные на законах механики, физики, химии, других сил природы с учетом психофизиологических возможностей человека в системе «человек-техника-производственная среда». Они оформляются в правила, инструкции, стандарты и другие нормативно-технические акты. На необходимость их исполнения (порядок, условия) указывается в нормах трудового, колхозного, административного, гражданского, других отраслей права. Иначе говоря, в целях обеспечения нормальной организации отношений безопасности производства технические нормы включаются в качестве составного элемента правовых норм. С помощью регулятивных механизмов, заложенных в правовых нормах, технические нормы приводятся в исполнение.

¹ См.: СП СССР. – 1981. – № 7. – Ст. 43.

² См.: СП СССР. – 1981. – № 9. – Ст. 62.

³ Утверждено Госгортехнадзором СССР 28 ноября 1967 г. // Охрана труда в машиностроении. Сб. нормативно-технических документов. – Т. 1. – М., 1990. – С. 281–286.

⁴ См., например: Правила устройства и безопасной эксплуатации сосудов, работающих под давлением: Утв. Госгортехнадзором СССР 27 ноября 1987 г. Согласованы с ВЦСПС 27 ноября 1987 г. // Охрана труда в машиностроении. Сб. нормативно-технических документов. – Т. 2. – М., 1990. – С. 5–84.

⁵ Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. – С. 72.

Особую группу в системе правового обеспечения составляют охранительные нормы. Они устанавливают правовые последствия правонарушений или других обстоятельств, препятствующих осуществлению регулятивных норм¹. По мнению С. С. Алексеева, к правоохранительным относятся «нормы, направленные на регламентацию мер юридической ответственности, а также специфических государственно-принудительных мер защиты субъективных прав и превентивных средств (обобщенно – санкций)... Своеобразие охранительных норм, – пишет далее он, – состоит в том, что они всегда содержат юридическую санкцию»². Расположенные в различных отраслях права, в том числе уголовном, они действуют лишь в связи с регулятивными нормами. Охранительная норма, – замечает П. Ф. Елисейкин, – вне отношения к регулятивной норме бессмысленна³. В то же время регулятивная норма хотя и первична по отношению к охранительной, но вне связи с ней теряет качество принадлежности к праву. Ведь «юридическая», «правовая» – это значит, применительно к норме, исходящая от государства и поддерживаемая (охраняемая) соответствующими санкциями. Только в связи с охранительной нормой регулятивная может быть воспринята как юридический феномен⁴. Поэтому, надо полагать, регулирование и охрана общественных отношений, в том числе по безопасности производства, особенно, в виду того, что они предусмотрены различными отраслями права, должны быть и согласованными и взаимосвязанными.

На основании изложенного возникает вопрос о связи охранительных норм с техническими. Как было отмечено, последние приводятся в исполнение с помощью регулятивных норм: как действуют технические нормы, при каких условиях, кто является субъектом их исполнения – ответ дают регулятивные нормы. Что касается охранительных, то они обеспечивают исполнение технических норм путем угрозы ответственности и ее применения к отдельным субъектам правоотношений (правонарушителям). Таким образом, связь между охранительной и технической нормой опосредуется через действие регулятивной нормы.

¹ См.: Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – С. 9–10.

² Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций: в 2 т. – Свердловск, 1972. – Т. 1. – С. 237.

³ См.: Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы: (Понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1977. – Вып. 2. – С. 28.

⁴ См.: Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы: (Понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1977. – Вып. 2. – С. 28.

Поэтому применение охранительной нормы, в том числе уголовно-правовой, в связи с нарушением субъектом правил безопасности производства возможно лишь через познание содержания механизма действия регулятивной нормы.

Специфика правового обеспечения отношений безопасности производства такова, что одни из них, регулируемые определенной отраслью права, охраняются ее же нормами; другие – требуют применения к правонарушителям норм других отраслей права. Так, соблюдение норм административного права обеспечивается в основном санкциями этой же отрасли, соблюдение же норм трудового права, регулирующих рассматриваемые отношения, – не только санкциями данной отрасли (дисциплинарные взыскания; возмещение материального ущерба), но и санкциями административного и уголовного закона.

В литературе справедливо отмечается, что вид ответственности определяется не только принадлежностью к той или иной отрасли права, но и, главным образом, характером правонарушения, степенью его тяжести¹. «Высокая общественная опасность правонарушения может обусловить такие меры государственного принуждения, которые по своему характеру не устанавливаются той отраслью права, чьи нормы нарушены»². В силу особой серьезности последствий, которые могут наступить в результате выполнения технических норм, обязательное соблюдение которых предусмотрено регулятивными отраслевыми нормами, ответственность за наиболее общественно опасные их нарушения выносятся за пределы отраслевого законодательства (трудового, гражданского и др.), устанавливается в нормах административного и уголовного права. Так, ст. 265 КЗоТ Украины определяет, что должностные лица, виновные в нарушении законодательства о труде и правил по охране труда, в невыполнении обязательств по коллективным договорам или соглашениям по охране труда или в препятствовании деятельности профсоюзных организаций, несут ответственность в порядке, установленном законодательством Украины. Речь идет о дисциплинарной, материальной, административной и уголовной ответственности. Но если порядок применения дисциплинарной ответственности предусмотрен в статьях 147–152 КЗоТ Украины, а материальной – в статьях 130–138 этого Кодекса, то вопросы применения административной и уголовной ответственности рассматриваются за его пределами – в нормах административного и уголовного закона.

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981. – С. 6.

² Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – С. 22.

Следовательно, специфика системы отношений безопасности производства такова, что их охрана законодателем предусматривается как санкциями административного и уголовного, так и санкциями соответствующих отраслей законодательства. В ряду охранительных норм уголовно-правовые устанавливают наиболее строгие меры борьбы с невыполнением субъектом требований, содержащихся в технических нормах. Поэтому применяются они (или должны применяться), когда иные меры воздействия не могут дать желаемого результата и дальнейшее поведение субъекта становится очевидно опасным¹. Например, субъект, несмотря на меры правового воздействия, которые были применены к нему ранее, продолжает отступать от требований технических норм, относится к их соблюдению беспечно. К таковым относятся также случаи, связанные с наступлением реальных, достаточно значительных по степени тяжести последствий, – средней тяжести или тяжкие телесные повреждения, смерть человека, значительный материальный ущерб.

Применение мер уголовной ответственности к лицам, вызвавшим своим поведением наступление таких последствий, воспринимается общественным сознанием, как достаточно строгая, но справедливая мера правового реагирования на допущенное общественно опасное деяние (см., например: ч. 2 ст. 135, ч. 2 ст. 218 УК). Там, где желаемый результат достигается путём применения иных мер, не репрессивных – административных, дисциплинарных, гражданско-правовых, уголовная ответственность нецелесообразна. Уместно обратиться и к рекомендациям XII Конгресса международной ассоциации уголовного права, где, в частности, сказано: «Неосторожные нарушения менее серьезного характера должны влечь за собой административную ответственность или гражданскую санкцию. Социальные и просветительные меры должны применяться достаточно широко для предотвращения и сдерживания этих менее серьезных неосторожных деяний»². Именно поэтому представляется важным при конструировании уголовно-правовых норм вводить в их тексты признаки, которые позволяли бы четко проводить отличие их от охранительных норм иных отраслей права, подчеркивали бы строгость их возможного применения, как крайней меры борьбы государства с нарушениями правил безопасности производства. Эти признаки должны быть однозначными в понимании, с тем, чтобы не допускалось разночтение закона лицами, определяющими вид ответственности, в том числе уголовной. Такими признаками для рассматриваемых норм

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели. – С. 6.

² См.: Рекомендации XII Конгресса международной ассоциации уголовного права. – М., 1979. – С. 2.

могут быть указания на преюдицию (как условие уголовной ответственности) и последствия определенной тяжести.

Специалисты, изучая место уголовно-правовых норм в правообеспечивающей системе, задаются вопросом, какие нормы нарушаются совершением преступления. Так, В. М. Коган полагает, что «преступление нарушает уголовно-правовую норму и служит условием ее применения»¹. С ним не согласен Е. Я. Мотовиловкер. «Нарушенная преступлением норма, – пишет он, – является *другой* нормой по отношению к охранительной уголовно-правовой норме, указывающей в своей гипотезе на факт преступления»². Для ответа на этот вопрос необходимо определить источник запрета в системе правовых норм. В нашем случае это запрет на нарушение требований технических норм. Где, каким образом он обозначен в норме права и содержится ли запрет в уголовно-правовой норме? Обратимся вновь к мнению Е. Я. Мотовиловкера: «Запрещающая норма, – полагает он, – соответствует охранительной норме, связана с ней, но является внешней (другой) по отношению к последней. Соблюдение запрета связано с поддержанием нормального хода общественных правоотношений. Поэтому запрещающая норма носит регулятивный характер»³. Однако формирование запрета в среде регулятивных норм не исключает, как представляется, возможности воспроизведения его в уголовно-правовой норме или же самостоятельного оформления в норме УК специальных запретов в отношении отдельных форм антиобщественного поведения. Для воспроизведения запрета в уголовно-правовой норме законодатель, конструируя ее, использует бланкетную диспозицию. В диспозиции запрет повторяется самым общим образом (из числа рассматриваемых нами практически все нормы имеют такие диспозиции). Конкретные же запретительные меры формулируются в нормах иных отраслей права, регулирующих отношения безопасности производства. Используя регулятивные нормы, законодатель также указывает в них субъектам общественных отношений на серьезные правовые последствия, которые ожидают нарушителя, включая применение уголовной санкции. Поэтому, если рассуждать о функциональном назначении рассматриваемых норм УК, то главное для них – не запрет на нарушение – деяние (он уже был конкретно обозначен в регулятивной норме), а угроза применения серьезных санкций. Просматривается еще одна особенность анализируемых норм УК. Она

¹ Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. – Алма-Ата, 1966. – С. 34.

² Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – С. 22–23.

³ Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – С. 22–23.

заключается в том, что формулируемый в ней запрет должен охватывать всю возможную совокупность регулятивных норм, вне зависимости от их отраслевой принадлежности, вида производства. Поэтому запрет в норме УК и формулируется, как правило, общим образом. Из этого следует, что, совершая деяние, предусмотренное нормой УК, имеющей бланкетную диспозицию, субъект нарушает положения, сформулированные регулятивной нормой другой отрасли права. К этим положениям и отсылает норма УК, когда возникает вопрос о ее применении. Между уголовно-правовой и регулятивными нормами имеется жесткая корреляционная зависимость. Нарушение положений регулятивных норм, обязывающих соблюдать требования нормативно-технических предписаний (правил, инструкций, приказов и т.п.), при определенных признаках общественной опасности (например, тяжесть последствий) требует применения уголовно-правовой нормы, а если ее нет, то создания (принятия). В иных случаях, при отсутствии признаков преступления, применяются административно-правовые нормы, содержащие санкцию, либо охранительные нормы той отрасли права, положения которой были нарушены. В определенных случаях возможно применение вместо правового принуждения мер общественно-го воздействия. В свою очередь, уголовно-правовая норма, имеющая бланкетную диспозицию, не может быть применена без установления регулятивных норм: выяснения их содержания, определения объема и условий действия. Соблюдение регулятивных норм обеспечивает нормальное функционирование общественных отношений, в нашем случае – отношений безопасности производства. Применение же охранительной нормы, в том числе уголовно-правовой, возможно, когда факт правонарушения налицо, когда общественные отношения претерпели деформацию, был нарушен нормальный ход их функционирования. Далее, поскольку предметной основой регулятивных норм, обеспечивающих безопасность производства, являются технические, то нарушение (действие, бездействие) должно находиться в связи с конкретными их требованиями. Такая связь заключается в неисполнении, ненадлежащем исполнении или совершении действий вопреки требованиям технических норм.

Таким образом, бланкетная уголовно-правовая норма обладает только относительной самостоятельностью, поскольку занимает самостоятельное место в системе норм УК. Вместе с тем ее применение возможно лишь в связи с нормами иных отраслей права, как результат нарушения последних. Можно и так сказать: бланкетная уголовно-правовая норма воспроизводит запрет, содержащийся в регулятивных нормах, и

содержит признаки, при наличии которых, в связи с отступлением от запрета, возможно применение уголовно-правовой санкции.

В системе охранительных норм уголовно-правовая занимает заключительное место, завершает (должна завершать) как бы иерархию мер принуждения. Вот почему важна согласованность между ними, особенно между нормами административного и уголовного права.

Однако имеются уголовно-правовые нормы, содержащие в диспозициях непосредственные запреты на определенные деяния. Между ними и регулятивными нормами нет жесткой корреляционной зависимости. Установление запрета, предусмотренного этими нормами, возможно вне связи с иными отраслями права. Деяние, запрет на совершение (несовершение) которого содержится в них, очевидно, элементарно для осознания его общественной опасности. Совершить его может практически любое лицо, обладающее общими признаками субъекта. Законодатель, формулируя такое деяние в уголовно-правовой норме, исходит, как правило, из норм общей предосторожности – неписаных правил поведения, выработанных человеческим опытом. Именно по этим основаниям, в связи с нарушением на производстве общих норм предосторожности, применяются ст. 98 и ст. 105 УК.

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы.

Правовые нормы, обеспечивающие безопасность производства, в своей совокупности должны обладать признаками межотраслевого системного правового образования (со своими объектом, элементами и связями). Общим объектом регулирования и охраны этого образования являются соответствующие общественные отношения. Уголовно-правовые нормы, охраняющие эти отношения, являются элементом (частью) такого образования, они должны быть подчинены его общим задачам и соответствовать другим его элементам. Вместе с тем, нормы УК должны обладать признаками, качественно отличающими их от иных охранительных норм. Анализ межотраслевого соответствия позволяет обнаружить пробелы в правовой охране и состыковать, в случае необходимости, нормы УК с другими правоохранительными нормами путем введения соответствующих признаков в диспозиции статей либо принятия новых норм, в том числе уголовно-правых.

Уголовно-правовые нормы, охраняющие отношения безопасности производства, будучи бланкетными, обладают только относительной самостоятельностью – в части использования санкции. Что касается реального их применения, то оно возможно только в сочетании с регулятивными нормами других отраслей права.

Глава 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Общественная опасность нарушений правил безопасности производства

Основным фактором социальной обусловленности уголовно-правовых норм, в том числе предназначенных охранять безопасность производства, является общественная опасность деяния¹. Общественная опасность – категория социальная, что в настоящее время является общепризнанным в литературе². Содержание общественной опасности занимает важное место в изучении проблемы, поскольку данный фактор определяет необходимость вести исследование правомерности уголовно-правового запрета путем изучения социальной сущности явления. «Лишь то деяние может быть правомерно криминализировано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока»³. Общественная опасность деяния является его социально-политической характеристикой в целом⁴, т. е. все признаки преступного деяния участвуют в формировании этого свойства. Поэтому полную характеристику общественной опасности преступных нарушений правил безопасности производства можно дать лишь изучив всю совокупность объективных и субъективных признаков рассматриваемых преступлений как в целом (общие черты), так и особенности отдельных составов преступлений. Задача же данной части исследования – обозначить (выяснить, установить и оценить) наиболее характерные черты (информативные данные) общественной опасности, подтверждающие необходимость сохранения уголовно-правового запрета, обеспечивающего безопасность производства, его совершенствования, а возможно, и декриминализацию каких-то отдельных законоположений.

Законодатель в статьях 135, 218-220, 221, 228⁵ УК называет преступлениями определенные виды нарушений правил охраны труда, техники безопасности, промышленной санитарии, безопасности производства отдельных работ, обращения с опасными материалами и т.п., что

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета. – М., 1982. – С. 216.

² См.: Современные тенденции развития социалистического уголовного права. – М., 1983. – С. 17; Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М., 1989. – С. 21.

³ См.: Основания уголовно-правового запрета. – С. 216.

⁴ См.: Курс советского уголовного права. – М., 1970. – Т. 2. – С. 131.

уже предполагает общественную опасность таких нарушений. Однако данное предположение не может рассматриваться как проявление безграничной воли законодателя, его желания назвать деяние общественно опасным и установить уголовную ответственность. Трудно поэтому согласиться с утверждением, что: «...только то, что, по мнению законодателя, выражающего общенародную волю, представляет опасность для интересов общества, запрещается уголовным законом и становится тем самым уголовно противоправным»¹. Законодатель, основываясь на информативных данных, характерных для определенного вида деяний и лиц, их совершающих, должен констатировать общественную опасность таких деяний (в определенных случаях – прогнозировать), определить ее степень (уровень). Исходя из этого, в совокупности с другими факторами решать вопрос о необходимости уголовной ответственности. «Уголовный закон, – пишет В. М. Коган, – обозначает в качестве преступлений те деяния, которые общественно опасны, и только потому, что они общественно опасны»². Общественная опасность представляет собой объективную реальность, присущую некоторым деяниям в определенных условиях места, времени, обстановки, характера их совершения³. Поэтому нельзя согласиться с истолкованием общественной опасности как некой оценочной категории, существующей лишь постольку, поскольку она признается таковой общественным правосознанием⁴.

Как неотъемлемое свойство преступных деяний, общественная опасность характеризуется, как было отмечено, совокупностью объективных

¹ Гальперин И. М., Курляндский В. И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975. – С. 17. Здесь уместно привести замечание В. С. Прохорова, что «решение вопроса, что опасно, а что не опасно для общества, не зависит от регулятивных возможностей права» (см.: Прохоров В. С. Преступление и ответственность. – Л., 1984. – С. 22).

² Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М., 1983. – С. 77.

³ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. – М., 1948. – С. 97; Шаргородский М. Д. Рецензия на книгу Л. Шуберта «Об общественной опасности преступного деяния» // Правоведение. – 1960. – № 4 – С. 153; Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Сов. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101. «Общественная опасность, – пишет Ю. И. Ляпунов, – категория объективная, существующая вне и помимо нас...» (см.: Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – С. 25).

⁴ См.: Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. – М., 1960. – С. 23.

и субъективных признаков¹. В первую очередь, это социальная ценность общественных отношений, которым причиняется ущерб деянием². Безопасность производства представляет определенную систему общественных отношений, регулируемых и охраняемых целым рядом отраслей права: трудовым, административным, гражданским и др. Социальная ценность этих отношений заключается в том, что с их помощью на производстве (в системах «человек – техника – производственная среда») достигаются и устанавливаются условия, состояния, благодаря которым исключается (должно исключаться) или существенным образом уменьшается поражающее или неблагоприятное воздействие на людей, имущество (орудия и средства производства, предметы, готовая продукция и т.п.), окружающую природную среду опасных и вредных производственных факторов. Такие состояния и условия обеспечивают (должны обеспечивать) безопасность как непосредственно производства (или внутреннюю), так и безопасность вообще – в связи с функционированием производства, как вида общественной деятельности людей. В основе формирования этих отношений находятся естественные потребности человека в сохранении его жизни и здоровья на производстве – для работающих, или в связи с ним – для посторонних. Во внутренней безопасности заинтересованы его работники – рабочие, служащие, инженерно-технический персонал, другие лица, постоянная или временная деятельность которых связана с этим производством. Во внешней (общественной) безопасности – общество в целом. Необходимость защиты внутренних и внешних интересов от опасных и вредных производственных факторов предопределяет организацию и функционирование отношений безопасности производства³.

Как видим, рассматриваемые отношения (интересы, по поводу которых они организуются и функционируют), представляют в своей совокупности достаточно высокий уровень социальной ценности, с тем, чтобы охранять их также нормами уголовного права (продолжать такую охрану, развивать, совершенствовать).

¹ См.: Панов Н. И. Проблема криминализации общественно опасных деяний с учетом способов их совершения // Материалы IV советско-западногерманского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса. – Киев, 1990. – С. 125.

² «Характер общественной опасности прежде всего зависит от ценности, того блага, которому причиняется ущерб конкретным человеческим поступком, т.е. от ценности тех или иных общественных отношений» (см.: Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986. – С. 72).

³ Подробно вопрос о содержании обозначенных отношений, их элементах, механизме функционирования рассматривается при исследовании объекта преступления против безопасности производства.

Вместе с тем обозначенная ценность сама по себе еще не предопределяет необходимости обязательного использования уголовно-правовых норм для охраны общественных отношений от деяний, способных причинить им ущерб. Являясь позитивным свойством, социальная ценность, как явление объективной действительности, подчеркивает меру вредности посягательства, повышая или снижая ее¹. Очевидно, нужны и другие обстоятельства (признаки, условия), определяющие достаточную для криминализации степень общественной опасности рассматриваемых деяний.

В литературе отмечают, что «кроме ценности блага при решении вопроса о признании или непризнании деяния преступлением учитывается характер посягательства, то есть способ, которым причиняется ущерб»².

Деяния, которыми причиняется ущерб отношениям безопасности производства, осуществляются путем нарушения определенных правил безопасности производства. Они могут состоять в ненадлежащем исполнении (действии) или неисполнении (бездействии) требований, предусмотренных нормативами по охране труда (правилами по технике безопасности, промышленной санитарии, стандартами, техническими условиями и т.п.) или нормативами по безопасности производства определенных работ, обращения с опасными предметами, материалами, веществами. Они могут заключаться также в совершении в ходе производственной деятельности действий, запрещенных правилами. Однако на признание деяний преступлением способ их осуществления существенного влияния, как представляется, не оказывает. В этом состоит одна из особенностей деяний, способных причинить ущерб безопасности производства.

Путем нарушения, равного по методу, приемам исполнения, может быть осуществлено и уголовно наказуемое деяние, и административный деликт. Возможно применение за такие же нарушения мер дисциплинарного воздействия. В большинстве же случаев отступления от установленных требований нейтрализуются действиями других работников производства либо даже самими нарушителями. Несмотря на то, что нарушения нормативно-технических предписаний приводят к логически мыслимым и математически доказуемым деформациям в отношениях безопасности производства, законодатель, устанавливая уголовную ответственность и оценивая в связи с этим общественную опасность посягательства в целом, акцентирует основное внимание не на деянии

¹ См.: Прохоров В. С. Преступление и ответственность. – С. 61.

² Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – С. 72.

(действию, бездействию), а на возможных последствиях деяния – причинении ущерба жизни, здоровью человека (для всех преступлений против безопасности производства), а также собственности, природной среде (для преступлений, ответственность за которые установлена нормами главы X УК). Правда, в отдельных случаях, при ведении исключительно опасных работ, когда степень вероятности причинения ущерба здоровью, жизни, другим благам очень высока, а объем и масштабы возможных общественно опасных последствий ожидаются значительные, законодатель предусмотрел уголовную ответственность и за сам факт нарушения требования(-ий) безопасности (см.: ч. 1 ст. 220, ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 228⁵ УК). Однако здесь усматривается очевидный недостаток, так как таким же образом, как отмечалось, законодатель предусмотрел дисциплинарную и административную ответственность за подобные деяния. Поэтому вполне обоснованно в теории¹ и судебной практике² при анализе деяний, предусмотренных статьями 220, 221 и 228⁵ УК, предпринимаются попытки дать приемлемые рекомендации о том, какие из них следует считать уголовно-наказуемыми деяниями, а какие – относить к дисциплинарным или административным деликтам. Однако во многих случаях такие рекомендации остаются вне должного внимания практических работников. Вопрос о признании соответствующего нарушения правила (-ил) безопасности преступлением или правонарушением решается в зависимости от субъективной оценки содеянного лицом, непосредственно применяющим закон, его понимания общественной опасности. Как видим, законодатель, определяя таким образом деяние в УК, дал возможность произвольным усмотрениям признавать преступлением то, что имеет черты проступка, и, наоборот. Очевидно, что такая двусмысленность, вытекающая из конструкции уголовно-правовой нормы, должна решаться только в пользу признания деяния проступком, что в большинстве случаев и имеет место. Из этого следует, что уголовный закон не должен содержать определенных, которые могут быть истолкованы по-разному.

¹ См., например: Борисов В. И. Ответственность за преступное нарушение правил безопасности промышленного производства. – Харьков, 1976. – С. 32; Антипов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1983. – С. 11.

² См., например, п. 16 постановления Пленума Верховного Суда УССР от 10 октября 1982 г. № 6 «О практике применения, судами Украинской ССР законодательства по делам, связанным с нарушением правил охраны труда» // (см.: Збірник постанов Пленуму Верховного Суду Української РСР 1962–1984 р.р. – Київ, 1985. – С. 219).

В литературе, посвященной проблемам ответственности за неосторожность, высказано авторитетное суждение о целесообразности криминализации только тех деяний, совершение которых повлекло общественно опасные последствия. «Неосторожные деяния, – пишет В. Н. Кудрявцев, – в принципе должны влечь уголовную ответственность только при наличии фактического существенного вреда»¹. Как общая посылка, такое мнение заслуживает поддержки. Однако применительно к посягательствам против безопасности производства оно приемлемо далеко для всех случаев. В условиях бурного развития техники, увеличения мощности источников повышенной опасности, расширения масштабов опасной и вредной производственной деятельности вряд ли следует отказываться от уголовной ответственности за нарушения правил безопасности на исключительно опасных и особо вредных производствах, где от работников требуются предельная внимательность и осторожность. Отступления от установленных технических нормативов, совершаемые на таких производствах, ведут к дезорганизации отношений безопасности производства: создается обстановка неконтролируемости, ненадежности; снижается упорядоченность процессов, опосредующих использование опасных или вредных, но технически необходимых для производства веществ – взрывоопасных, радиоактивных и некоторых других. Поэтому нарушениям правил безопасности при производстве работ, в частности, на взрывоопасных предприятиях (цехах), при обращении со взрывчатыми веществами или радиоактивными материалами должен быть поставлен достаточно жесткий правовой запрет. Вместе с тем, связывать уголовную ответственность с любым проявлением неосторожности, даже если оно имеет место на исключительно опасных производствах, – означало бы «беспредельно расширять сферу преступного и уголовно наказуемого»². Поэтому более правильным будет установление уголовной ответственности за нарушения правил безопасности, допускаемые субъектом не один раз (неоднократно) или несколько раз (систематически), при условии применения к нему мер дисциплинарного или административного воздействия. Если они не дают должного эффекта, и субъект продолжает нарушать правила, то в таком случае проявляется устойчивость отрицательной установки личности, идущей на нарушение (в большинстве случаев сознательно) особых мер предосторожности. Лицо игнорирует не только требования, содержащиеся в технических нормах, но и меры правового воздействия, которые были применены к нему, чтобы заставить его

¹ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М., 1987. – С. 7.

² Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 60.

точно и неукоснительно соблюдать правила безопасности при исключительно опасной работе. Уголовная политика, отмечается в литературе, ориентирует законодателя на необходимость учета в определенных случаях и такого условия¹.

Для признания нарушения(-ий) правила(-ил) безопасности производства преступлением немаловажное значение имеют следующие социальные свойства его (их) последствий: 1) «многообъектность»; 2) неустранимость вреда; 3) тяжесть реального ущерба.

1. Нарушение правила(-ил) безопасности производства причиняет ущерб (способно его вызвать) целому комплексу общественных отношений². В него входят: безопасность производства, жизнь и здоровье человека, сохранность собственности, чистота окружающей среды. Также это могут быть отношения в сфере экономики, управления и др. Ядром системы являются жизнь и здоровье человека, ущерб которым причиняется опосредованно, через разрушение (повреждение, деформацию) отношений безопасности производства. Указанное свойство – разрушение целостности сложной социальной системы, формирование которой связано со значительными организационными усилиями и материальными затратами, намного повышает опасность рассматриваемых деяний (как в целом, так и каждого отдельно) по сравнению, например, с деяниями, которые непосредственно причиняют ущерб жизни человека (неосторожное убийство) или его здоровью (неосторожное причинение тяжкого или средней тяжести телесного повреждения).

2. С «многообъектностью» последствий неразрывно связано и другое их социальное свойство – неустранимость³. Оно состоит в том, что усилия, направленные на ликвидацию последствий нарушения правила (-ил) безопасности производства, не могут привести к полной компенсации ущерба. Если возможны восстановление состояния безопасности и условий безвредности, ремонт техники, оборудования, то нельзя

¹ См.: Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – С. 77. Например, включая в 1978 г. в УК ст. 220¹ (нарушение правил пожарной безопасности), законодатель счел необходимым в ч. 1 этой статьи предусмотреть в качестве условия уголовной ответственности за нарушения правил пожарной безопасности административную преюдицию (нарушение правил пожарной безопасности, совершенное лицом, к которому в течение года было применено административное взыскание за такое же нарушение).

² О «многообъектности» последствий подробнее см.: Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. – М., 1982. – С. 40.

³ См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. – Душанбе, 1972. – С. 102; Квашис В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. – Владивосток, 1986. – С. 43-44.

возвратить жизнь погибшему от несчастного случая, восстановит полностью (особенно при тяжелых травмах) здоровье пострадавшему.

3. Для признания нарушения правила (-ил) безопасности производства преступлением немаловажное значение имеет тяжесть реально причиненного ущерба. В действующем УК с учетом этого свойства последствий сконструированы ч. 2 ст. 235 УК (несчастные случаи с людьми), статьи 218, 219 УК, где в ч. 1 указано на «причинение вреда здоровью людей», а в ч. 2 – на «причинение человеческих жертв или иных тяжких последствий», о таких же последствиях сказано в других нормах УК. Тем самым законодатель стремился отразить в нормах УК наиболее опасное свойство последствий, связанное с причинением ущерба жизни и здоровью человека. Такой подход к конструированию ответственности за неосторожное причинение вреда нарушением правила (-ил) безопасности себя оправдал. Именно ориентируясь на причинение реального ущерба жизни, здоровью (в сочетании с другими признаками состава преступления), органы следствия решают вопрос о привлечении субъекта, допустившего нарушение соответствующего правила безопасности производства, к уголовной ответственности.

Общественная опасность есть признак, относящийся к преступлению в целом, а не только к деянию. Поэтому следует согласиться с тем, что в качестве одного из системообразующих обстоятельств, влияющих на оценку степени общественной опасности, следует использовать и признаки субъекта¹. Как и иные составляющие, признаки субъекта вносят свой «вклад» в диалектический процесс формирования общественной опасности деяния как антисоциальной системы². Поэтому правильное понимание их «позитивно-негативной» роли возможно только во взаимосвязи с деянием, совершаемым субъектом, в нашем случае – нарушением правила(-ил) безопасности производства.

Основным субъектом, ответственным за нарушение правила(-ил) безопасности производства, выступает должностное лицо. В тексте ст. 135 УК прямо указано на то, что субъектом нарушения правил охраны труда является должностное лицо. Субъектами преступлений,

¹ См.: например, Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – С. 73. Следует отметить, что Н. А. Беляев говорит в своей монографии о признаках, относящихся к личности преступника, однако фактический анализ изложенного ним и приведенные примеры свидетельствуют, что автор дает оценку признакам субъекта как элемента состава преступления, показывает, каким образом они оказывают влияние на общественную опасность деяния, ее степень.

² Подробнее о формировании общественной опасности деяния см.: Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – С. 99–108.

ответственность за которые установлена статьями 218-220, 221, 228⁵ УК, также могут быть должностные лица. Закон не уточняет, о каких должностных лицах идет речь. Теория и практика о круге должностных лиц придерживается единого мнения, ограничительно толкуя это понятие. Ими могут быть только те должностные лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать безопасность производства на определенном участке работы¹.

Признание субъектами уголовной ответственности за нарушение правил безопасности производства только или в основном должностных лиц объясняется их особым положением (ролью) в системе «человек-техника-производственная среда». Являясь специалистами, как правило, с высшим или средним специальным образованием, они своей деятельностью обеспечивают функционирование производства на различных участках и уровнях. Будучи организаторами и распорядителями производства, они несут ответственность не только за технику производства, но и за обеспечение его безопасности, условий безвредности, равно как и за другие направления функционирования производства. При этом, чем выше уровень деятельности должностного лица, тем значительнее его роль в производстве и тем больше его социальная ответственность. В каждом новом отношении, как верно отмечает А. И. Щербак, обязанности должностного лица «возрастают и, следовательно, увеличивается объем возлагающихся на личность, адекватных обязанностям, видов ответственности»².

Социальная ответственность в целом и ее специфическая разновидность – правовая ответственность должностных лиц на производстве – имеют объективные основания, состоящие, как было ранее показано,

¹ См., например: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» // (см.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 12. По данным наших обобщений судебной практики, субъектами уголовной ответственности по ст. 135 УК были признаны: бригадиры (звеньевые) – 12,7 %; прорабы, механики, мастера – 45 %; заместители начальников участков (цехов) – 4 %; инженеры по технике безопасности – 1,7 %; инженеры отделов – 4 %; главные энергетики (механики, электрики), старшие диспетчеры – 5,3 %; начальники цехов (участков, отделов), заведующие фермами (током, гаражом) – 18,7 %; главные инженеры, заместители директора – 6,3 %; директора (заведующие, начальники) предприятий, учреждений, организаций – 2,3 %. Число должностных лиц, осуждаемых по статьям 218–220, 221, 228⁵ УК, колеблется в пределах 78–91 %.

² Щербак А. И. Правовая ответственность должностных лиц аппарата государственного управления. – Киев, 1980. – С. 9.

в общественной природе человека и его деятельности на производстве. Деятельность должностного лица на производстве регламентируется, она имеет строгую нормативную базу, которой определены его полномочия (права и обязанности) по организации работ на соответствующем участке и уровне. Специфика этой деятельности состоит в том, что она имеет очевидный социально-профессиональный аспект. С одной стороны, должностное лицо, отвечающее за безопасность производства, наделено определенными организационно-распорядительными обязанностями (которые могут дополняться административно-хозяйственными); с другой – является специалистом производства (механиком, химиком, физиком и т.п.). Однако в таком сочетании на первый план выступает его должность как правовое установление, организационно-юридическая форма управленческого труда. Должность определяет пределы компетенции лица, круг его организационно-распорядительных обязанностей и правовую ответственность, тогда как специальность характеризует род трудовой деятельности, требующей определенных знаний, трудовых навыков и практического опыта¹. В таком сочетании должности и специальности более динамичны показатели первой составляющей, которые способны существенно изменять на производстве правовое положение лица, расширять его компетенцию, увеличивать социальную значимость полномочий, а следовательно, и ответственности. Чем выше должность, тем большее влияние она оказывает (должна оказывать) на производство и тем значимее ответственность лица за правильное выполнение своих юридических обязанностей, возложенных на него законом². Сущность такой позитивной ответственности, – писал П. Е. Недбайло, – в «...самостоятельной и инициативной деятельности в рамках правовых норм... Она во всех случаях включает в себя достижение положительных целей – это ответственность за успех в работе»³. Вместе с тем, в случаях аномалии, неправомерного отклонения в должностной деятельности – неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей, нарушения правил безопасности – наступают или могут наступить достаточно масштабные по объемам и степени опасности последствия, способные повлечь травмирование или заболевание людей, человеческие жертвы, парализовать производство в целом или определенные его участки. Подобная возможность общественно

¹ См.: Петришин А. В. Статус должностного лица: природа, структура, специализация. – Киев, 1990. – С. 36.

² См.: Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. – 1979. – № 5. – С. 73.

³ Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. – 1971. – № 3. – С. 50–52.

опасных последствий предопределяет, по общему правилу, повышенную негативную ответственность должностных лиц (если сравнивать ее с ответственностью других участников производства) за нарушение правил безопасности, что в настоящее время имеет отражение (и по-прежнему должно его находить) в нормах права, включая уголовный закон.

Здесь следует заметить, что с ростом частного предпринимательства, кооперирования работников в ассоциации производителей вне государственных структур законодатель, возможно, откажется от понятия «должностное лицо» либо ограничит его лицами, работающими непосредственно в органах государственной власти и управления. Однако не приходится сомневаться, что фигура на производстве, подобная должностному лицу в настоящем понимании, сохранится. В таком случае возможна замена в нормах УК понятия «должностное лицо» на другое – например, инженерно-технический работник или наниматель, собственник, ответственное лицо и т. п. Правовой статус таких лиц по-прежнему должен будет предопределять их особую (повышенную в сравнении с другими участниками производства) ответственность за безопасность производства – как позитивную, так и негативную.

Приведенные основания ответственности должностных лиц за нарушение правил охраны труда в действующем УК (ст. 135), преимущественного осуждения таких лиц по статьям 218–220, 221, 228⁵ (но сравнению с другими субъектами) не снимает проблемы уголовной ответственности недолжностных лиц производства за нарушение ими правил безопасности. Ведь в условиях НТП, интенсификации производства, расширения его видов и изменения его социальной структуры по-прежнему нетерпимым остается недобросовестное отношение к работе любого участника производства.

Человек, вооруженный современными знаниями и техникой, производит все больше продукции, а его труд все теснее зависит от деятельности тысяч других работников. В таких условиях небрежность даже одного рабочего также может обернуться чрезвычайно серьезными последствиями. Поэтому на рабочих и служащих, пусть и в меньшем объеме, в пределах их непосредственной производственной деятельности, также возложена правовая обязанность соблюдать правила безопасности производства (см., например, ст. 159 КЗоТ Украины).

Определенным образом сформулированы и виды правовой ответственности: дисциплинарной, материальной, административной, уголовной. Однако, что касается последней, вопрос ответственности рабочих и служащих за нарушение ими правил безопасности на производстве

в действующем УК решается непоследовательно. Из закона следует, что рабочие и служащие могут быть субъектами нарушений правил безопасности производства горных (ст. 218 УК), строительных (ст. 219 УК) работ, на взрывоопасных предприятиях (ст. 220 УК), при обращении со взрывчатыми веществами (ст. 221 УК), радиоактивными материалами (ст. 228⁵ УК). Ответственность рабочих и служащих за нарушения правил безопасности на иных производствах (в металлургии, химической промышленности, сельском хозяйстве и т.д.) прямо уголовным законом не предусмотрена. Статья 135 УК, как отмечалось, указывает только на должностных лиц. Именно поэтому на практике часто возникает вопрос об ответственности рабочих и служащих, которые нарушили правила безопасности на иных производствах. Некоторые следователи и суды считают, что в таких случаях нет состава преступления, поскольку лицо, допустившее нарушение, не является должностным. Теория и высшие судебные органы считают, что и в таких случаях в действиях участника производства имеется состав преступления, но против жизни и здоровья человека¹. Анализируя такие ситуации, ряд исследователей обосновали предложение об установлении специально уголовной ответственности рабочих и служащих за нарушение ими правил охраны труда, с пониженной санкцией, применяемой к должностным лицам². Такое предложение вызвало возражения. Так, А. Б. Сахаров полагает, что специфика рассматриваемого преступления заключается в его направленности против гарантированных безопасных условий работы трудящихся, а это определяет и особые свойства его субъекта как лица, которое по своему служебному положению уполномочено осуществлять техническое руководство другими работниками, обеспечивая соблюдение указанных требований закона об охране труда. Поэтому, по его мнению, субъектами уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда могут быть только должностные лица³. Однако, как представляется, предложение М. И. Федорова и И. П. Лановенко заслуживает поддержки. Уже отмечалось, что обязанность соблюдения правил безопасности согласно трудовому законодательству возложена

¹ См., например: Матишевский П. С., Тихенко С. И. Радянське кримінальне право. – Київ, 1966. – С. 20; Советское уголовное право. Часть Особенная. – М., 1973. – С. 280; Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 14.

² См.: Федоров М. И. Борьба с преступлениями в области охраны труда по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1954. – С. 20; Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – Киев, 1975. – С. 192.

³ См.: Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. – М., 1958. – С. 112–113.

не только на должностных лиц, но и на рабочих и служащих. И последнее, как было показано, не остаются вне уголовной ответственности в случае опасного нарушения ими правил охраны труда. В то же время дифференциация ответственности участников производства по различным главам УК представляется искусственной и в определенной мере искажающей уголовную статистику. Кроме того, право на безопасность труда является субъективным правом каждого участника производства. Поэтому все они вправе требовать соблюдения правил охраны труда не только со стороны должностных, но и других рабочих и служащих. Иное дело, что уровень позитивной ответственности должностных лиц и по их социальному положению в системе совместного труда, и по качеству исполнения, и по объему прав и обязанностей является более высоким, чем у рядовых работников производства, поэтому и негативная, в том числе уголовная ответственность этих лиц должна быть, по общему правилу, повышенной¹. Так же, как для рабочих и служащих, обосновывается уровень ответственности лиц, посторонних для производства, которые могут быть субъектами преступлений, предусмотренных статьями 220, 221, 228⁵ УК. Ограниченность и элементарность их деятельности на производстве (экскурсия, получение услуги и т.п.), в связи с которой возможно нарушение некоторых очевидных правил безопасности, предопределяют незначительность влияния данного обстоятельства (постороннее лицо) на формирование общественной опасности соответствующих деяний. Очевидно, что для деяний, предусмотренных статьями 220, 221 и 228⁵ УК, определяющими являются другие элементы системы: исключительная опасность производства или отдельных работ, масштабы последствий.

Для оценки общественной опасности преступления имеет значение также содержание вины – психическое отношение субъекта к совершаемому им деянию (в нашем случае – нарушению правила безопасности производства) и общественно опасным последствиям. Как признак субъективной стороны состава преступления вина является неотъемлемым интеллектуально-волевым и побудительным атрибутом действия (бездействия) и, следовательно, принимает самое активное участие в процессе формирования общественной опасности преступления².

¹ Необходимость дифференцированного подхода при определении ответственности должностных лиц и рядовых работников вызывается также различиями в характере и объеме общественно опасных последствий, которые наступают или могут наступить в результате нарушений ими правил безопасности (См.: Лановенко И. П., Скрипник А. Н., Розовский Б. Г. Безопасность труда в горной промышленности и уголовный закон. – Киев, 1978. – С. 52-53).

² См.: Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – С. 92.

Рассматриваемые преступления относятся к неосторожным¹. Принято считать, что при равенстве объективных признаков единичное неосторожное преступление менее опасно, чем соответствующее умышленное². Это объясняется тем, что умышленное деяние сознательно направлено на причинение преступных последствий либо на совершение явно преступных действий, а при неосторожности воля субъекта, совершающего преступление, направлена на совершение действия (бездействия), противоречащего требованиям надлежащей заботливости, осмотрительности, внимательного отношения к интересам других лиц³. Как пишет А. И. Рарог, «При неосторожности «момент вины» заключается не в «преступной воле», как при умысле, а в неосмотрительности, невнимательности «незаботливом отношении к интересам общества и отдельных граждан»⁴.

Еще одним показателем неосторожности, снижающим общественную опасность преступления, является социальная оценка субъектом своего деяния. Сознвая фактические признаки нарушения, субъект не оценивает его как преступление, хотя может при этом сознавать его общественную опасность на уровне противоправного проступка – дисциплинарно – или административно наказуемого. Такая оценка действия (бездействия) имеет, как правило, место при так называемой смешанной форме вины⁵, когда у лица, совершающего преступление, обнаруживаются некоторые признаки умысла по отношению к нарушению требования(-ний) безопасности (сознание и желание). В остальных случаях совершения неосторожного преступления, когда психическое отношение субъекта к действию (бездействию) и общественно опасным последствиям относительно однородно, субъект вообще не оценивает свое поведение как общественно опасное (при преступной небрежности) или вполне осознанно перестает оценивать его как общественно опасное (при преступной самонадеянности), поскольку нейтрализует опасность (в своем сознании) обстоятельствами, которые способны предотвратить возможность наступления общественно опасных последствий в данный момент.

¹ Более обстоятельно данное положение рассматривается в главе «Субъективная сторона преступлений против безопасности производства».

² См.: Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1977. – С. 21.

³ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. – Изд. 2. – СПб., 1902. – С. 572–573; 615; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М., 1974. – С. 67.

⁴ Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – Саратов, 1987. – С. 78.

⁵ Подробнее о смешанной форме вины смотри в главе «Субъективная сторона преступлений против безопасности производства».

Общественная опасность нарушения требования (-ний) безопасности на производстве зависит также от места, где оно допускается, и характера работ.

Местом совершения преступления является производство. Уголовный закон в статьях 135, 218–220, 221, 228⁵ УК в равной степени берет под охрану отношения безопасности в сфере как материального, так и нематериального производства. Таким образом, местом совершения преступных нарушений правил охраны труда, техники безопасности и иных правил безопасности являются производственные объединения, заводы, фабрики, комбинаты, кооперативы, промышленные и строительные объекты Вооруженных Сил, совместные, малые и арендные предприятия, учебные заведения и другая общественная производственная деятельность людей, независимо от формы собственности. Индивидуальная производственная деятельность не входит в сферу отношений, охраняемых статьями 135, 218–220, 221, 228⁵ УК. Например, несколько лиц работают по договору найма у гражданина, ремонтируют ему квартиру. Кто-либо из них (допустим, признанный другими старшим) неправильно установил леса, вследствие чего происходят их обрушение и травмирование одного из работающих. В данном случае, в силу того, что эти работники не являются участниками отношений общественного производства, они находятся и вне сферы отношений безопасности производства, урегулированных правом, снабженных строительными нормами и правилами, обеспеченных надлежащей организацией и охраняемых нормой ст. 219 УК. При наличии иных признаков состава преступления в таком случае можно ставить вопрос о привлечении лица, нарушившего правила предосторожности при индивидуальной трудовой деятельности, к ответственности по ст. 98 УК (неосторожное убийство) или ст. 105 УК (неосторожное тяжкое или средней тяжести телесное повреждение). Деяние, сопряженное с преступным нарушением мер личной безопасности и совершенное в процессе индивидуальной производственной деятельности, считается менее опасным, чем преступное нарушение правил безопасности производства. Поэтому наказание по ст. 98 УК предусматривает лишение свободы на срок до трех лет, тогда как наказание за наименее опасное преступление против безопасности производства, сопровождаемое гибелью человека, предусматривает лишение свободы на срок до четырех лет – ч. 2 ст. 135 УК. В свою очередь, чем опаснее производство, тем строже санкции уголовно-правовых норм, взявших такое производство под охрану. Так, если максимальное наказание за нарушение правил при производстве строительных работ составляет лишение свободы на срок до пяти лет, то

нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

В определенных случаях на формирование общественной опасности деяния оказывает влияние характер работ, в связи с выполнением которых допускается нарушение правила (-ил) безопасности. Как уже отмечалось, по уровню возможной опасности работы подразделяются на «нормальные» и «повышенно опасные». Задача состоит в уточнении круга последних. Помимо названных в главе X УК и специально взятых под охрану статьями 218-220, 221, 228⁵ УК, к такого рода работам следует также отнести такие, которые требуют соблюдения правил обращения с высокотоксичными промышленными ядами (химические соединения, используемые в промышленности и оказывающие вредное воздействие на организм человека); правил радиационной безопасности при использовании ядерной (атомной) энергии и некоторые другие. Исключительная опасность таких работ требует особого организационно-технического и правового режимов, соблюдение которых должны обеспечивать и меры уголовно-правового характера, в том числе путем создания специальных норм дополнительно к существующим в УК.

Как видим, место и характер работ являются обстоятельствами, которые учитывались и должны учитываться законодателем при выработке составов преступлений против безопасности производства и определения их общественной опасности.

Анализ изложенных выше обстоятельств (признаков, условий) позволяет заключить, что общественная опасность нарушения (-ий) правила (-ил) безопасности производства – категория сугубо социальная, социологическая. Данные обстоятельства представляются достаточными для признания определенной части нарушений правил безопасности производства уголовно наказуемым деянием, поскольку в своем диалектическом единстве (совокупности) содержат реальную возможность причинения опасного вреда (ущерба) отношениям безопасности производства.

§ 2. Физический и материальный ущерб отношениям безопасности производства

Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны безопасности производства во многом определяется причинением или возможностью причинения значительного физического и материального ущерба защищаемым правом социальным благам: жизни, здоровью человека,

собственности, природной среде. Оценка характера и объема ущерба, который может быть причинен нарушением правил безопасности производства, является обязательной для обоснования необходимости уголовно-правовой охраны рассматриваемых общественных отношений.

Нарушения правил безопасности отрицательно влияют на безопасность производства. Происходит снижение уровня безопасности. Возможны случаи и обратного порядка – когда не принимаются меры по установлению требуемого уровня безопасности. Опасные производственные факторы выходят из-под контроля, что резко повышает вероятность причинения ущерба жизни, здоровью человека, собственности, окружающей природной среде, иным социальным благам.

Появление неконтролируемой опасности или сохранение таковой – непосредственный ущерб, причиняемый нарушением правил безопасности. «Причинение вреда отношениям общественной безопасности, нарушает ли оно связи людей по поводу использования техники, или влечет снижение надежности лиц, участвующих в отправлении этих связей, или вызывает разрушение механизмов и машин, ведет к снижению упорядоченности процессов, опосредующих «обмен веществ» между человеком и природой»¹. Данный ущерб может быть теоретически установлен и доказан, однако для практических потребностей такие действия вряд ли целесообразны. Каждое нарушение обладает спецификой, зависящей от взаимодействия различных объективных и субъективных факторов. В свою очередь, вызванный нарушением ущерб, может характеризоваться отличительными для данного вида безопасности количественными и качественными единицами измерения, параметрами и т.п. Поэтому для установления ущерба состоянию безопасности достаточно констатации нарушения вообще. Следует заметить, что в отличие от нарушения может иметь место формальное отступление от требований безопасности, не влияющее и не способное повлиять на состояние безопасности. Такое отступление нельзя признавать нарушением правила безопасности. К лицу, его допустившему, возможно и могут быть применены меры соответствующего реагирования, но не в связи с посягательством на безопасность производства, а в случае иного нарушения порядка осуществления производственной деятельности, например, небрежность в учете материалов производства, отступление от технологических требований изготовления продукции, неправильное использование специалистов и т.п.

Действующее уголовное законодательство Украины предусматривает возможность ответственности за само нарушение правил безопасности,

¹ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 58.

в частности, на взрывоопасных производствах и при обращении со взрывчатыми веществами, последствия которых исчерпываются дезорганизацией отношений безопасности производства (ч. 1 ст. 220 УК, ч. 1 ст. 221 УК). В теории такого рода деяния часто называют деликтами, ставящими в опасность, либо преступлениями, создающими абстрактную опасность вредного последствия¹. В диспозиции ч. 1 ст. 220 УК сказано: «Нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах». Таким же образом сформулирована ответственность и в ч. 1 ст. 221 УК: «Нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых веществ, а также незаконная пересылка этих веществ по почте или багажом». Законодатель, определяя таким образом ответственность, имел в виду возможность причинения взрывом исключительно тяжкого ущерба интересам общества, который может быть вызван, в ряде случаев, элементарным действием (например, курением в помещении, опасном по концентрации газа). Несмотря на относительную доступность в установлении большинства нарушений правил взрывоопасности, практика не пошла по пути широкого применения ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК. Вопрос об уголовной ответственности за так называемые беспоследственные нарушения правил взрывоопасности решается избирательно, от случая к случаю. Должностные лица, от которых он зависит, применяют к большинству нарушителей иные меры правового воздействия, как правило, дисциплинарные. Такое положение свидетельствует о том, что законодатель неудачно сконструировал положение об уголовной ответственности по ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК, диспозиции которых не указывают на качественные отличия преступления от проступка. Кроме того, такой подход к конструированию нормы уголовного закона несовместим с принципом экономии репрессии. «Связывать уголовную ответственность с любым проявлением неосторожности – значило бы беспредельно расширять сферу преступного и уголовно наказуемого»².

В ряде случаев законодатель связывает ответственность за нарушение правил безопасности с возможностью причинения реального физического и материального вреда (см.: ч. 1 ст. 135 УК, ч. 1 ст. 218 УК, ч. 1 ст. 219 УК, ч. 1 ст. 228⁵ УК). При этом законодатель предусматривает ответственность не за всякий вред, который может наступить, а лишь за возможность наступления достаточно тяжелых для общества последствий в виде «человеческих жертв», «иных тяжких последствий»,

¹ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 58.

² См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 60.

«опасности для жизни или здоровья». Ущерб, причиняемый безопасности производства, нарушениями, создающими возможность такого рода вреда, характеризуется более высокой опасностью, чем при беспоследственных нарушениях. Он свидетельствует о значительных качественных изменениях в состоянии безопасности, когда с необходимостью могут (или могли) наступить оговоренные в законе последствия. Несмотря на реальность опасности, уголовная ответственность к лицам, допустившим создание такой ситуации на производстве, применяется редко, что отмечается многими специалистами¹. Так, изучение материалов следственной и судебной практики применения ст. 135 УК показало, что привлечение к уголовной ответственности должностного лица, создавшего на производстве в результате нарушения правил охраны труда опасность для жизни или здоровья человека, носит единичный, а точнее – исключительный характер. При этом оно имело место, как правило, в сочетании с привлечением к ответственности иных лиц, деяния которых непосредственно вызывали тяжкие последствия и содержали признаки ч. 2 ст. 135 УК (2,4 %)². Редко (0,3 %) применяется также ст. 219 УК к работникам строительства за нарушение, которое «заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Объясняется это известной неопределенностью (аморфностью) понятия «создание опасности», трудностью ее установления, доказывания и отграничения от иных, менее опасных нарушений, правил безопасности. Кроме того, на мнение лиц, применяющих закон, существенное влияние оказывает отсутствие реального последствия, наступление или ненаступление которого во многом зависит от конкретной производственной ситуации, состояния технических систем, поведения участников производства, других факторов, взаимодействие ряда которых воспринимается внешне как случайное стечение обстоятельств. Такая ситуативность ожидаемого последствия во многом влияет на оценку посягательства в целом, признания его преступлением или проступком. Надо заметить, что законодатель в ряде случаев, конструируя ответственность за общественно опасные деяния (например, злоупотребление служебным положением, халатность, другие), предоставляет лицу, применяющему закон, «некоторую возможность» в сомнительных ситуациях (когда грань, отделяющая преступное поведение от непроступного,

¹ См.: Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. – М., 1977. – С. 114.

² Так, по данным Верховного Суда Украины по ч. 1 ст. 135 УК были осуждены в Украине в 1989 г. – 2, в 1990 г. – 3 и в 1991 г. – 3 человека.

неочевидна) самому решать вопрос о выборе вида ответственности¹. Однако такие сомнительные, пограничные ситуации – лишь некоторая (малая) часть от общего количества подобных деяний, обладающих признаками преступления. Если же законодательная формулировка дает основания правоприменителю с сомнением относиться ко всей (почти ко всей) совокупности деяний, признаваемых уголовным законом преступлениями, то, очевидно, что избранная конструкция неудачна. Этот вывод относится как к формулировкам, данным в ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК, так и к конструкциям ответственности с использованием понятия «создание опасности» (ч. 1 ст. 135 УК, ч. 1 ст. 218 УК, ч. 1 ст. 219 УК, ч. 1 ст. 228⁵ УК).

Основную опасность для общества представляют нарушения правил безопасности, причиняющие реальный ущерб: смерть человека, причинение различной степени тяжести телесных повреждений или повреждение имущества, ущерб окружающей природной среде.

По собранным нами данным о несчастных случаях в республиках бывшего СССР, ежегодно получали травмы на производстве около 700 тысяч человек. Так, в 1986 году число пострадавших на производстве составило 715 тысяч человек; в 1987 – 690; в 1988 – 669; в 1989 – 675. Гибнут на производстве ежегодно от 14 до 17 тысяч человек (в 1986 – 15,2; в 1987 – 14,6; в 1988 – 14,4; в 1989 – 14,5)². В Украинской ССР число пострадавших на производстве в 1989 году составило 119 970, в том числе со смертельным исходом – 2 635 человек³.

Из общего количества несчастных случаев на производстве травматизм, в том числе со смертельным исходом, из-за нарушений правил безопасности производства составляет примерно 60–80 %. Так, по данным С. Квелидзе, в 1988 году из-за грубых нарушений правил охраны труда и техники безопасности погибло в СССР свыше 12 тысяч человек⁴. Для сравнения: за 1987 год в СССР число лиц, совершивших умышленные убийства, составило 14,6 тысяч человек; в 1988 – 16,7⁵. Как видим, количество гибнущих на производстве от несчастных случаев практически такое же, как и от умышленных убийств, что свидетельствует о том, что производственный травматизм является достаточно серьезной проблемой для общества.

¹ См.: Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М., 1983. – С. 34.

² См.: Охрана здоровья в СССР. Статистический сб. – М., 1990 – С. 167.

³ См.: Охрана здоровья в СССР. Статистический сб. – М., 1990 – С. 168.

⁴ См.: Квелидзе С. Об ответственности за нарушение правил безопасности труда // Сов. юстиция. – 1990. – № 22. – С. 14.

⁵ См.: Известия. – 1989. – 15 февр.

Производственный травматизм по основным комплексам народного хозяйства в 1987 и 1988 гг. имел следующие показатели¹:

№ п/п	Комплекс народного хозяйства	Травмировано (тыс. человек)		Погибло (тыс. человек)	
		1987	1988	1987	1988
1	Машиностроительный	61,1	58,3	0,4	0,4
2	Топливо-энергетический в том числе в угольной промышленности	71,7	69,4	1,7	1,7
		56,5	54,8	0,8	0,7
3	Металлургический	20,6	17,3	0,6	0,5
4	Строительный	30,2	21,3	0,9	0,8
5	Химико-лесной	36,7	34,6	0,7	0,7
6	Агропромышленный ¹	306,2	301,8	6,3	6,2

Основными причинами производственного травматизма со смертельным исходом (по материалам выборочных исследований, проведенных в 1987 г.; в процентах) являются: конструктивные недостатки машин, механизмов, оборудования, приспособлений и инструментов (6,0); неисправность машин, механизмов, оборудования, приспособлений и инструментов (10,3); неудовлетворительное техническое состояние зданий, сооружений и их элементов (1,4); несовершенство технологических процессов (2,5); нарушения технологических процессов (12,3); нарушения правил дорожного движения (19,9); неудовлетворительная организация работ (19,7); неприменение средств индивидуальной защиты (3,2); недостатки в обучении и инструктировании по безопасным приемам труда (6,3); использование работающих не по специальности (1,1); прочие причины (17,3)².

Огромны также материальные потери от несчастных случаев, связанных с производством, которые включают выплаты по листкам нетрудоспособности; стоимость испорченного оборудования, инструмента и материалов; стоимость разрушенных зданий, сооружений и другие

* По сравнению с 1988 г. отмечался рост уровня травматизма в сельском хозяйстве на 9 %, в промышленности – на 3 %. При этом в сельском хозяйстве число пострадавших (на 10 000 работающих) на 24 % превышает соответствующий показатель в промышленности и в два раза – в строительстве (см.: Охрана здоровья в СССР. – М., 1990. – С. 167).

¹ Выставка «Охрана труда – 90». Москва. ВДНХ СССР. Стенд № 11.

² См.: Охрана здоровья в СССР. – С. 169.

расходы. Так, в республиках бывшего СССР такие потери составили: в 1988 году – 165 134 тысяч рублей; в 1989 – 184 495; по Украинской ССР: в 1988 году – 33 544 тысяч рублей; в 1989 – 35 370 тысяч рублей¹.

Именно такой ущерб, его масштабы, тяжесть, побочные последствия, связанные с компенсациями, лечением, восстановлением технических систем, и является наиболее непосредственным социально-экономическим фактором формирования правовых норм, охраняющих безопасность производства.

Криминализация общественно опасных деяний с учетом рассматриваемого фактора допустима лишь при достижении ущербом определенного уровня². Так, в свое время выдвигалось предложение о необходимости криминализации опасных нарушений правил использования атомной и термоядерной энергии³. Однако оно не нашло поддержки, поскольку долгое время доминировало мнение об абсолютном техническом обеспечении безопасности эксплуатации реакторов⁴. Взрыв 26 апреля 1986 г. реактора на Чернобыльской АЭС, нанесший катастрофический по масштабам вред обществу, исчисляемый в миллиардах рублей, явился поводом для широкого обсуждения вопроса о необходимости криминализации нарушений правил безопасности при использовании атомной энергии. Именно тяжесть возможного ущерба, а не, например, распространенность, должна стать правообразующим обстоятельством криминализации нарушений правил безопасности при использовании атомной энергии. Вместе с тем возможность ущерба, подобно тому, который имел место от взрыва на Чернобыльской АЭС, следует прогнозировать как крайне редкое явление. Поэтому, конструируя норму, необходимо, наряду с такими последствиями, как катастрофа, вызванная взрывом атомного реактора, также выделять иные последствия, менее опасные, не вызываемые взрывом, но достаточные для признания их общественно опасными. Такими могут быть признаны аварии, повлекшие распространение радиоактивности. Кроме того, криминализации должно подлежать поведение

¹ См.: Охрана здоровья в СССР. – С. 170.

² См.: Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. – Владивосток, 1987. – С. 82.

³ См.: Борисов В. И. Охрана нормами УК УССР безопасности новых видов промышленного производства // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Тез. республик. науч. конф., 24–26 сент. 1975. – Харьков, 1975. – С. 226.

⁴ Типичным примером является следующее утверждение: «На современном производстве отсутствует сама техническая возможность ядерных взрывов. Технические процессы с использованием ядерных реакторов рассчитываются таким образом, что возможность аварии с ядерным взрывом полностью исключается» (см.: Кузнецов В. Д. Безопасность атомных электростанций. – М., 1975. – С. 7).

лиц, допускающих неоднократное нарушение требований безопасности при эксплуатации источников атомной энергии.

Тяжесть физического и материального ущерба в уголовном законе отражена законодателем при описании последствий: «несчастные случаи с людьми» (ч. 2 ст. 135 УК), «вред здоровью людей» (ч. 1 ст. 218 УК и ч. 1 ст. 219 УК), «человеческие жертвы или иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 218 УК, ч. 2 ст. 219 УК, ч. 2 ст. 220 УК, ч. 2 ст. 221 УК), «гибель людей или иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 228⁵ УК). Объем физического ущерба, наступление которого предусматривает уголовное законодательство, достаточно широк: от легких телесных повреждений, которые повлекли кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности, причиненных хотя бы одному человеку, до гибели нескольких лиц. Несмотря на столь широкий диапазон физического ущерба, в котором количество случаев причинения легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности, и телесных повреждений средней тяжести значительно преобладает над тяжкими телесными повреждениями и гибелью людей, практика применения уголовно-правых норм, охраняющих безопасность общественного производства, свидетельствует об обратной устойчивой зависимости: статьи об ответственности за нарушения требований безопасности применяются, как правило, при наступлении смерти человека, причинении потерпевшему тяжких телесных повреждений, реже – средней тяжести телесных повреждений и от случая к случаю – при причинении потерпевшему легких телесных повреждений, повлекших расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности.

Так, анализ судебной практики применения ст. 219 УК показал, что по ч. 1 статьи за нарушение правил безопасности при производстве строительных работ, причинившее вред здоровью человека, осуждается 5–7 % от общего числа осужденных за это преступление¹. Такая тенденция в оценке тяжести нарушений правил безопасности на производстве со стороны работников правоохранительных органов обуславливает постановку вопроса о том: наступление каких последствий требует применения мер уголовно-правового воздействия, а каких – не требует. Поэтому представляется возможным декриминализировать нарушение правил безопасности, причинившее потерпевшему легкое телесное повреждение, повлекшее кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности. Декриминализация может

¹ Так, по данным Верховного Суда, в Украине по ч. 1 ст. 219 УК было осуждено: в 1989 г. – 8 из 53; в 1990 – 4 из 40; в 1991 – 5 из 39 человек.

быть осуществлена безотносительно к виду производств и работ. Уголовная ответственность за нарушение, повлекшее такое последствие, возможна лишь при условии применения к субъекту мер преюдициального воздействия за подобные или иные менее опасные нарушения (беспоследственные, деликты реальной опасности или повлекшие незначительные последствия), им ранее допущенные.

Среди показателей физического вреда выделяются групповые несчастные случаи, то есть происшедшие одновременно с двумя и более работниками, независимо от тяжести телесных повреждений¹. Так, на предприятиях и организациях стран бывшего СССР в 1988 г. произошло 927 групповых несчастных случаев со смертельным исходом, в результате которых погибло 1 378 человек, или 15,7% от общего числа погибших в целом по СССР². Органы, обеспечивающие надзор за безопасностью производства (профсоюзы, государственные инспекции), в документах по расследованию и учету несчастных случаев на производстве отводят групповым несчастным случаям особое место, ставя их в один ряд со случаями со смертельным исходом. Так, Положение о расследовании и учете несчастных случаев на производстве, принятое 17 августа 1989 года и утвержденное совместным постановлением Президиума ВЦСПС и Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и атомной энергетике, требует специального расследования группового несчастного случая и случая со смертельным исходом. Положение также предусматривает обязательное информирование о таких случаях органы прокуратуры. Выделение групповых несчастных случаев обусловлено опасностью, возможностью причинения вреда жизни, здоровью нескольким лицам. Является очевидным, что некоторая, наиболее опасная часть «групповых несчастных случаев» должна быть определенным образом отражена в уголовном законе, например, в понятии «иные тяжкие последствия».

Нарушение условий безвредности. Как было отмечено, составной частью безопасности производства является его безвредность. Условия безвредности устанавливаются организационными, санитарно-гигиеническими и правовыми мерами. Благодаря им защищаются работающие (а для ряда производств – также посторонние лица, окружающая природная среда) от неблагоприятного воздействия на здоровье человека вредных факторов (высокие уровни шума, вибрации, ионизирующие,

¹ См.: Коршунов Ю. Новое положение о расследовании и учете несчастных случаев на производстве // Хоз-во и право. – 1990. – № 4. – С. 125.

² Выставка «Охрана труда – 90». Москва, ВДНХ СССР.

тепловые и другие излучения, запыленность, загазованность, контакты с новыми химическими веществами, материалами и т.п.). Условия безвредности должны предотвращать или уменьшать влияние на работающих неблагоприятных производственных факторов, свойства которых в момент их непосредственного действия на организм человека лишь незначительно (без видимых изменений) отрицательно влияют на него. И только со временем влияние таких факторов приводит или может привести к существенному ухудшению состояния здоровья, преждевременному профессиональному заболеванию, негативным генетическим эффектам, смерти человека. Экогенный вред, обусловливаемый производственными факторами, в своей массе имеет латентный характер, когда лишь с большей долей вероятности можно предположить его накопление, но невозможно определить объем из-за невыраженности проявления¹. Презумпция вреда должна возникать тогда, когда превышаются уровни безвредности – предельно допустимые концентрации вредных веществ в производственной среде. Хотя с естественно-научных позиций реальная угроза вреда не тождественна фактически причинённому вреду, однако, такого рода угрозе вреда, с целью его пресечения и возмещения, необходимо дать правовую оценку. Пагубное влияние на здоровье человека, а следовательно и на интересы общества в целом, вредных производственных факторов явно недооценивается. Мы не располагаем развернутыми данными по странам бывшего СССР или Украине о воздействии таких факторов, но некоторые опубликованные цифры о профессиональных заболеваниях дают основания для вывода о том, что воздействие вредных факторов на здоровье населения значительно. Так, в 1989 году в бывшем СССР число пострадавших на производстве от профессиональных заболеваний и отравлений составило около 15,3 тысяч человек, в УССР – 2 853, в их числе в связи с хроническими отравлениями и заболеваниями – 2 763 человека². Есть основания прогнозировать значительные масштабы отдаленных, в том числе достаточно опасных последствий, как следствие влияния на человека вредных производственных факторов. Так, по данным американского Национального института защиты здоровья на рабочих местах, в США в 1987 году от профессиональных заболеваний умерло более 70 тысяч человек. Профессиональные заболевания, делают вывод ученые этого института, являются одной из наиболее распространенных причин преждевременной смерти человека³. Приведенные данные подтверждают постановку вопроса о введении в УК

¹ См.: Васильева М. И. Охрана права граждан СССР на здоровую окружающую среду // Вестн. Моск. ун-та. – Серия II. Право. – 1990. – № 6. – С. 57.

² См.: Охрана здоровья в СССР. Статистический сб. – С. 171.

³ См.: Правда Украины. – 1990. – 4 сент.

специальной нормы, которой будет установлена уголовная ответственность за нарушение на производстве санитарных правил.

§ 3. Распространенность нарушений технических норм на производстве

Уголовно-правовая норма признается необходимой, когда охватывает, во-первых, типичные, а во-вторых, достаточно распространенные формы девиантного поведения¹. Названные условия характерны для норм УК, охраняющих безопасность производства.

Надо заметить, что каждое отступление от требований технической нормы обладает конкретикой, которая во многом зависит от характера производства, вида работ, используемых технических систем, средств, орудий и предметов производственной деятельности, положения участников производства и других обстоятельств. Изучение таких отступлений, выявление их общих черт, группирование по признакам и видам вполне возможны и широко используются для обоснования технических норм (предписаний, запретов), создания режимов технической безопасности, условий безвредности, разработки профилактических мероприятий. Что касается конструирования уголовно-правовых норм, рассматриваемых нами, то такой подход неприемлем. Практически нельзя в их диспозициях описать все возможные отступления от требований технических норм, даже при определенной доле их типизации (например, непроведение инструктажа, допуск к особо опасным работам, неограждение вращающихся конструкций и т.п.). Здесь надо заметить, что в свое время такой подход к формулированию диспозиции уголовного закона имел место. В ч. 1 ст. 132 УК УССР 1922 г. законодатель указал на нарушение нанимателем установленных Кодексом законов о труде и общим положением о тарифе правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда. Однако уже 10 октября 1923 г. законодатель отказался от такой формулировки, дав в ст. 132 этого УК более общее описание общественно опасного деяния: нарушение нанимателем Кодекса законов о труде и издаваемых в развитие и дополнение его декретов, постановлений, инструкций, регулирующих условия труда, равно как и нарушение действующих норм об охране труда и социальном

¹ Основания уголовно-правового запрета. – С. 218–220; Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М., 1983; Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – С. 72.

страховании. Опыт прошлого позволил законодателю при формировании диспозиций ныне действующих уголовно-правовых норм, охраняющих безопасность производства, использовать общее понятие – *нарушение*, которым охвачены все мыслимые отступления от требований безопасности на производстве, совершаемые путем действия (бездействия). Такой подход к описанию социально отрицательного поведения надо признать конструктивным. Понятие «нарушение» достаточно однозначно воспринимается и участниками производства, и лицами, применяющими закон, в том числе уголовный. Понятие «нарушение» для участника производства имеет смысл в связи с понятием «техническая норма» или «санитарная норма» и уже по своему исходному определению означает нечто «ненормальное». Норма и нарушение – парные понятия. Связь технической или санитарной нормы и отступление от требований, в них предусмотренных, их противоположность в рамках определенного единства свидетельствуют о невозможности установления и исследования нарушений самих по себе, в отрыве от технических или санитарных норм. Норма и нарушение всегда подразумевают друг друга, одно без другого невозможно. Ясно, что не может быть нарушений без соответствующей технической или санитарной нормы, но и последние не имеют смысла без возможного отступления от требований, ими предусмотренных. Итак, типичной формой антиобщественного поведения в сфере безопасности производства является нарушение технической нормы, содержащей требования безопасности, или санитарной нормы, определяющей условия безвредности.

Значительное количество нарушений вызывают наступление общественно опасных последствий (смерть человека, причинение вреда здоровью, имущественный ущерб, другие тяжкие последствия) либо создают реальную угрозу их наступления. Однако наиболее распространенными на производстве являются нарушения, которые содержат лишь абстрактную (общую) опасность (угрозу) наступления последствий различной степени тяжести. Так, исследования И. П. Лановенко показали, что на каждый тяжелый или смертельный несчастный случай приходится несколько десятков нарушений, которые повлекли незначительные травмы. Но даже легкие травмы составляют примерно один к десяти – двадцати по отношению к «благополучному исходу». Выборочные же опросы рабочих показали, что большинство нарушений правил техники безопасности остаются невыявленными¹. Несмотря на широкую распространенность именно таких отступлений от требований технических норм, законодатель не посчитал нужным их криминализировать, за

¹ См.: Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – Киев, 1975. – С. 250.

некоторым исключением. Борьба с такого рода поведением ведется, как правило, мерами организационного, воспитательного, дисциплинарного, административного, гражданско-правового характера. Несмотря на значительное их применение, уровень нарушений правил техники безопасности, норм производственной санитарии, иных правил безопасности производства остается по-прежнему высоким и не имеет тенденций к снижению. Таким образом, защита общества от такого вида деяний не обеспечивается указанными мерами, менее репрессивными, чем уголовно-правовые, в силу малой эффективности, что обуславливает необходимость включения в систему правовых мер борьбы с такими нарушениями (деликтами абстрактной (общей) опасности) и уголовно-правовое воздействие. Такое направление развития уголовного законодательства в борьбе с технической неосторожностью считал возможным В. И. Курляндский, по мнению которого, ответственность за небрежность в обращении с техникой должна определяться характером «самого нарушения правил поведения, т.е. осознаваемой и поддающейся субъективному контролю деятельности, предшествующей наступлению вреда»¹. Однако, надо полагать, что уголовно-правовое воздействие не может применяться ко всем нарушениям вообще. «Любая попытка криминализировать слишком распространенные формы поведения, – справедливо заметил Г. А. Злобин, – была бы, несомненно, дисфункциональной, так как результат вышел бы за пределы практических возможностей уголовной юстиции и тем самым была бы возведена в норму безнаказанность деяний, объявленных преступными»². Поэтому, очевидно, что уголовная наказуемость нарушений правил безопасности производства, которые содержат общую опасность (угрозу) наступления последствий, должна быть ограничена количественными и временными пределами, в частности, применением ранее к субъекту за такие нарушения один раз или дважды мер менее жесткого правового воздействия в течение года. Убедившись в неэффективности мер, применявшихся ранее к лицу, нарушающему правила безопасности, государство должно прибегнуть к крайней мере принуждения – уголовной ответственности, стремясь таким образом предупредить нарушения правил со стороны этого лица (как впрочем, и другими лицами), так как любое нарушение содержит угрозу (даже если она абстрактна) наступления опасных последствий.

¹ Курляндский В. И. Некоторые вопросы ответственности в связи с научно-техническим прогрессом // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. – М., 1975. – С. 18.

² Основания уголовно-правового запрета. – С. 218–219.

Использование одно- или двукратной преюдиции при установлении уголовной ответственности – известный для законодателя прием. УК содержит значительное количество составов преступлений, где неперенным условием уголовной ответственности предусмотрено предварительное совершение правонарушений, за которые виновные лица привлекались, как правило, к административной ответственности (см.: статьи 161, 196¹, ч. 2 статей 199, 207¹, 213¹, 220¹ УК и др.).

Устанавливая в одних случаях однократную преюдицию, а в других – двукратную, законодатель, по мнению А. И. Марцева, исходит «из признания одних проступков общественно вредными, других – более вредными»¹. Такое суждение весьма приблизительно объясняет использование одно- или двукратной преюдиции, как условия уголовной ответственности. Представляется, что для нарушений правил безопасности на производстве основанием для выбора одно- или двукратной преюдиции должен служить целый комплекс объективных и субъективных факторов, обуславливающих различия в опасности нарушений. Это: виды производств и работ, опасные и вредные производственные факторы, сферы безопасного обеспечения, масштабы возможного вреда, субъекты деятельности, личностная позиция правонарушителя. Поэтому для уголовно-правовой охраны исключительно опасных производств (взрыво-, радиационно опасных) и работ, сопряженных с использованием предметов (веществ, материалов), обладающих такой же опасностью, достаточно однократной преюдиции, как условия уголовной ответственности. Личностная позиция правонарушителя здесь отходит как бы на второй план, хотя, естественно, сохраняется и влияет на трансформацию правонарушения в преступление, так как лицо, к которому были применены меры воздействия, допускает вторичное нарушение правил безопасности. Однако определяющими факторами признания нарушения преступлением являются объективные. В первую очередь, масштабы ожидаемых общественно опасных последствий, которые могут иметь характер катастроф, а также высокая вероятность перехода возможной опасности в действительность.

Что касается иных менее опасных производств и работ, то при определении уголовной ответственности за нарушение на них правил безопасности предпочтение следует отдать двукратной преюдиции.

Здесь решающее значение приобретает антисоциальное поведение правонарушителя, заключающееся в игнорировании не только требований безопасности, содержащихся в технической норме, но и мер правового воздействия, применяемых к нему для предупреждения последующих

¹ Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. – Красноярск, 1990. – С. 98

нарушений. «Возможность дважды, а не один раз воздействовать на виновного мерами административного взыскания увеличивает предупредительный эффект этих мер»¹. Двукратная преюдиция, как условие уголовной ответственности, может иметь место во всех иных случаях нарушения правил безопасности на производстве.

Законодатель, формулируя уголовную ответственность, использует, как правило, в качестве преюдициального условия применение мер административного воздействия. Для рассматриваемых правонарушений представляется возможным и необходимым использование, в качестве условия уголовной ответственности, не только мер административного воздействия, но и дисциплинарного наказания, широко применяемого на производстве к нарушителям требований технических норм. Чтобы последующее нарушение стало преступлением, первостепенное значение имеет не форма реагирования государства на предшествующие правонарушения, а их фактическое наличие (накопление количества). Поэтому, будет ли лицо подвергнуто дисциплинарному наказанию или мерам административного взыскания, существенного значения не имеет. И в том и в другом случаях имеет место констатация факта предшествующего нарушения технических норм. При этом не должно иметь принципиального значения, в какой последовательности применяются эти меры.

Переход к такой конструкции уголовной ответственности за беспосредственные нарушения правил безопасности позволит отказаться от неоправдавших себя формулировок, в соответствии с которыми применение уголовного закона возможно за деяние, создавшее на производстве опасность причинения вреда (см.: ч. 1 ст. 135 УК, ч. 1 ст. 218 УК, ч. 1 ст. 219 УК, ч. 1 ст. 228⁵ УК). Использование дефиниции общей опасности в сочетании с преюдициальными мерами позволит, как представляется, повысить эффективность применения уголовного закона.

Что же касается нарушений правил безопасности производства, вызывающих реальные общественно опасные последствия, то их, конечно, значительно меньше, чем беспосредственных нарушений. Однако отнести их к единичным, исключительным нельзя. Они обладают определенной долей распространенности² и поэтому требуют сохранения

¹ Симоненко А. Н. Характеристика составов преступлений с административной преюдицией по УК РСФСР // Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью. – Омск, 1983. – С. 49–50.

² Так, в 1989 г. в бывшем СССР было зарегистрировано преступлений, совершенных против политических и трудовых прав граждан, – 2 731. (См.: Преступность и правонарушения в СССР. – М., 1990. – С. 15). Из них преступления, связанные с нарушением правил охраны труда, составляют 90–95 %. Определенное представление о

уголовной ответственности. Исследование криминологических факторов позволяет сформулировать некоторые выводы:

- среди криминологических факторов выделяется основной – это общественная опасность нарушений правил безопасности, производства. Ее характерными показателями являются: социальная ценность охраняемых общественных отношений; общественно опасные последствия и их социальные свойства (многообъектность, неустранимость вреда, тяжесть реально причиненного ущерба); признаки субъекта; содержание вины; место, где совершаются рассматриваемые преступления; характер работ и производств. Совокупность обозначенных обстоятельств представляется достаточной для признания определенной части нарушений правил безопасности производства уголовно наказуемым деянием;

- для обоснования уголовно-правовой охраны безопасности производства обязательна оценка характера и объема ущерба, причиняемого обществу несчастными случаями на производстве, профессиональными заболеваниями, а также материальным ущербом. Криминализация общественно опасных деяний с учетом рассматриваемого фактора обоснована лишь при констатации определенных качественных показателей. Решающим из них является объем возможного физического ущерба; дополнительным – материального. Минимальным физическим ущербом, достаточным для криминализации нарушений правил безопасности, которые сопровождаются наступлением реальных общественно опасных последствий, надо признать средней тяжести телесное повреждение, а не легкое, повлекшее последствия, как это следует из действующего закона;

- серьезный физический и материальный ущерб причиняется нарушениями на производстве санитарных правил. Вместе с тем пагубное их влияние на человека явно недооценивается. Такое положение обуславливает установление уголовной ответственности за нарушение на производстве санитарных правил;

- нарушения правил безопасности производства, вызывающие реальные общественно опасные последствия, обладают определенной долей распространенности и поэтому требуют сохранения уголовной ответственности;

- типичными и наиболее распространенными на производстве являются нарушения правил безопасности, которые содержат лишь

распространенности преступлений против безопасности производства в Украине могут дать следующие данные Верховного Суда об осужденных по статьям 135, 218–220, 221, 228⁵ УК. В 1989 г. осуждено по этим статьям – 194 человека, в том числе по ст. 135–103; в 1990 – 148, в т.ч. по ст. 135 – 85; в 1991 – 141, в т.ч. по ст. 135 – 66 человек.

абстрактную (общую) опасность (угрозу) наступления последствий различной степени тяжести. Комплекс известных правовых мер, менее репрессивных, чем уголовно-правовые, используемый в борьбе с такими нарушениями, остается малоэффективным, что обуславливает необходимость включения в него норм уголовного закона. Уголовная наказуемость таких нарушений должна быть ограничена количественными и временными пределами – применением ранее к субъекту один раз или дважды мер менее жесткого правового воздействия в течение года.

Глава 4. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Правильное понимание ныне действующего законодательства, направлений его дальнейшего совершенствования предполагает изучение исторического опыта становления и развития уголовного закона по охране безопасности производства, так как обязательным условием изучения любого общественного явления является исторический подход.

С первых дней советской власти на территории бывшей Российской империи и колонизированных ею украинских землях значительное место в нормотворческой деятельности новых государственных структур занимали законы о труде, в том числе направленные на обеспечение его безопасности. Уже на второй день после октябрьского переворота в Петрограде 2-м Всероссийским съездом Советов был образован Народный Комиссариат Труда. 29 октября 1917 г. СНК принял Декрет «О восьмичасовом рабочем дне», который распространялся на все частные и государственные предприятия, всех работавших по найму. По существу это был Декрет об охране труда в широком смысле слова. Особое внимание Декрет уделил женщинам и подросткам: они не допускались к подземным работам, подросткам до 16 лет запрещались ночные работы, а всем подросткам до 18 лет – сверхурочные. Нарушение Декрета каралось «по суду лишением свободы до одного года»¹. Он получил широкий резонанс за пределами Советской России, и в частности в Украине².

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 10.

² См.: Сафронова И. П. Из истории советского трудового права в УССР // Сборник по истории Советского государства и права УССР. – Харьков, 1954. – С. 142, 150, 152–153.

Уголовно-правовая охрана труда в УССР была неразрывно связана с общей задачей правопорядка и законности в республике, являлась ее составной частью. В литературе отмечалось, что появление первых советских уголовно-правовых актов в Украине относится к началу 1918 г.¹ Однако для этого периода было характерно принятие правовых актов, направленных на борьбу с умышленными преступлениями, наиболее опасными для государства.

По мере становления государственности на Украине правительство республики стало уделять внимание борьбе с нарушениями правил охраны труда на производстве. В постановлении СНК УССР от 22 июля 1921 г. «О мерах борьбы с должностными преступлениями» указывалось, что одной из важнейших задач советской власти является улучшение работы ее аппарата и утверждение в республике твердого правопорядка². И. П. Лановенко, характеризуя это постановление, отмечает, что оно «явилось важным правовым рычагом в борьбе с должностными лицами – нарушителями трудового законодательства и правил техники безопасности»³. Соглашаясь в принципе с такой оценкой, следует, однако, заметить, что это постановление, как и ранее принятые, обеспечивали безопасность труда самым общим образом, в ряду с иными интересами в области трудовых отношений. Каких-либо специальных норм, которыми выделялась бы особая опасность посягательств именно на безопасность труда или безопасность общественного производства в целом, законодательство УССР до принятия Уголовного кодекса не имело.

24 мая 1922 г. был принят первый УК РСФСР. Принятие этого документа имело политическое и практическое значение не только для Российской Федерации, но и для других союзных республик, в том числе Украинской ССР, представители которой принимали активное участие в обсуждении его проекта⁴. Нормы УК РСФСР 1922 г., в том числе направленные на охрану безопасности труда и производства, были восприняты уголовными кодексами других союзных республик, изданными в 1922–1923 гг. Так, УК УССР, принятый постановлением ВУЦИК 23 августа 1922 г.,⁵ содержал группу норм, охранявших безопасность труда. Среди них следует выделить ст. 132, расположенную

¹ См.: Брайнін Я. М. Розвиток основ кримінального права УРСР до першої кодифікації // Проблеми правознавства. – К., 1967. – Вип. 7. – С. 121.

² См.: СУ УССР. – 1921. – № 14. – С. 383.

³ Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – Киев, 1975. – С. 98.

⁴ См.: Бабій Б. М. Українська радянська держава (1921–1925). – К., 1961. – С. 366.

⁵ См.: ЗУ УРСР. – 1922. – № 36. – Ст. 553.

в главе IV «Преступления хозяйственные», которая устанавливала в ч. 1 ответственность за: «Нарушение нанимателем установленных кодексом законов о труде и общим положением о тарифе правил, регулирующих продолжительность рабочего дня, сверхурочные часы, ночную работу, работу женщин и подростков, оплату труда, прием и увольнение, а также нарушение специальных норм об охране труда». Наказывалось такое деяние: «штрафом не ниже 100 руб. золотом или принудительными работами на срок не ниже трех месяцев, или лишением свободы на срок до одного года». Ответственность по ч. 2 наступала в случаях: «Если нарушение обнимает группу рабочих или значительное их количество, то наказание повышается до лишения свободы на срок не ниже одного года и штрафа не ниже 1 000 руб. золотом».

Цель этой нормы, как отмечает И. П. Лановенко, состояла в гарантировании средствами уголовного права строгого выполнения действующего трудового законодательства, систематизированного в Кодексе законов о труде¹. Норма обеспечивала охрану трудовых прав граждан (соблюдение рабочего времени, условия работы сверхурочно, труд женщин, подростков и т.п.), в том числе право на безопасный труд.

УК УССР 1922 г. содержал и другие нормы, обеспечивавшие безопасность труда. Так, в главе V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» в разделе I «Убийство» была включена ст. 147, в части 2 которой устанавливалась ответственность за случаи, когда «неосторожное убийство явилось результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности». К числу таких относились и правила, обеспечивающие безопасность труда. Такой вывод, в частности, подтверждается санкцией за это деяние: «Мера наказания, — указывалось в ней, — может быть увеличена до трех лет лишения свободы, причем суд может воспретить осужденному навсегда или же на определенный срок ту деятельность, при выполнении которой он причинил смерть».

Аналогичное указание содержалось и в ч. 2 ст. 154 УК УССР 1922 г., предусматривавшей ответственность за причинение телесных повреждений по неосторожности: «Если неосторожное телесное повреждение явилось последствием сознательного несоблюдения правил предосторожности, установленных законом или законным распоряжением власти, мера наказания может быть увеличена до одного года лишения свободы, причем суд может воспретить осужденному на определенный срок продолжение той деятельности, при выполнении которой он причинил телесное повреждение».

¹ Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. — С. 106.

В этой же главе УК имелась ст. 156, которая предусматривала ответственность за посягательства на трудоспособность: «Заведомое поставление работающего в такие условия работы, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить свою трудоспособность, карается – лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже одного года». В примерном перечне деяний, которые подпадали под действие рассматриваемой нормы, комментаторы называли: направление подростка на работы, требующие особой ловкости и опыта; направление рабочего на работы с использованием ядовитых веществ или на участки, где имелись вредные для здоровья испарения, без предоставления надежных средств индивидуальной защиты и др.¹ Таким образом, для состава преступления, предусмотренного этой статьей, не имело значения, сопровождалось ли деяние причинением фактического ущерба здоровью человека или такое последствие отсутствовало. Преступление могло быть совершено только путем заведомого поставления работающего в опасные условия работы, что расценивалось теорией и практикой того времени как указание на единственно возможную форму вины – умышленную. Профессор М. М. Гродзинский, комментируя эту норму, писал: «Ст. 156-я имеет в виду «заведомое» поставление работающего в условия, грозящие утерей трудоспособности, иначе говоря, статья эта предусматривает лишь умышленное деяние...»². Что же касается посягательств на трудоспособность, которые могли бы быть совершены неосторожно, то к ним предлагалось применять ст. 132 УК³.

10 октября 1923 г. текст ст. 132 УК УССР был изменен. В новой редакции закон предусматривал ответственность: «Нарушение нанимателем Кодекса законов о труде и издаваемых в развитие и дополнение его декретов, постановлений, инструкций, регулирующих условия труда, а равно и нарушение действующих норм об охране труда и социальном страховании – карается штрафом не ниже 100 руб. золотом или лишением свободы на срок до одного года. Если нарушение обнимает группу рабочих, наказание повышается до лишения свободы на срок не ниже одного года или штрафа не ниже 1 000 руб. золотом»⁴. Таким образом, законодатель в ст. 132 УК УССР отказался от перечисления деяний, признаваемых общественно опасными, и заменил их перечень более

¹ См.: Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий. – Харьков, 1925. – С. 306.

² Гродзинский М. М. Преступления против личности. – М., 1924. – С. 36.

³ См.: Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий. – С. 345.

⁴ См.: Изменения и дополнения к Уголовному кодексу УССР (постановление ВУЦИК от 10 октября 1923 г.). – Харьков, 1923.

общим указанием на нарушение правил, регулирующих условия и охрану труда. Такое решение, как отмечалось, следует признать правильным. Развитие общественного производства и совершенствование трудовых отношений меняли содержательную сторону каждого деяния, а также требовали введения в диспозицию уголовного закона новых указаний. Поэтому переход к бланкетной диспозиции значительно улучшил конструкцию данной уголовно-правовой нормы.

Как известно, УК УССР 1922 г. в ст. 10 предусматривал возможность применения аналогии. И. П. Лановенко отмечает, что использование положений этой статьи при совершении деяний против трудовых прав граждан и безопасности производства получило в практике значительное распространение¹. Автор приводит целый ряд норм, которые, по его мнению, использовались по аналогии в борьбе с указанными посягательствами: ст. 107 УК, в которой была установлена ответственность за бездействие власти – невыполнение должностным лицом действий, которые оно по служебной обязанности должно было выполнить; ст. 108 УК об ответственности за халатное отношение к службе – невнимательное и небрежное отношение к возложенным по службе обязанностям. Такой вывод является правильным. Вместе с тем трудно согласиться с суждением И. П. Лановенко о том, что по аналогии применялись также статьи 147 и 154 УК УССР 1922 г. в случаях, когда предусмотренные в них последствия были результатом нарушения безопасности труда. Как уже отмечалось, части вторые названных статей прямо указывали на ответственность за несоблюдение правил предосторожности. В юридической литературе тех лет отмечалось, что в число этих правил входят также правила, обеспечивающие безопасность труда. Так, профессор Э. Я. Немировский, комментируя ст. 154, писал: «Сюда следует отнести и несоблюдение правил предосторожности: например, техники...»². При анализе ч. 2 ст. 147 он отмечал, что уголовный закон имеет в виду «правила специальности» или «правила, установленные властью»³.

Анализ первого УК УССР показывает, что законодатель тех лет уделил достаточное внимание охране безопасности труда от наиболее опасных посягательств. Однако при применении норм УК возникали трудности, которые, помимо иных причин, были обусловлены и недостатками законодательной техники, допущенными при конструировании отдельных норм, охранявших безопасность труда, а также их чрезмерным числом.

¹ См.: Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – С. 104.

² Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная. – Одесса, 1926. – С. 322–323.

³ Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная. – Одесса, 1926. – С. 315.

Так, общих норм, которые могли применяться за нарушение правил безопасности, в частности, и при осуществлении трудовой деятельности, было четыре: ст. 132, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 154, ст. 156 УК УССР. Кроме того, в зависимости от опасности производственной деятельности или отдельных работ закон предусматривал уголовную ответственность за нарушение правил безопасности еще в трех специальных нормах (статьи 217, 217¹, 221 УССР 1922 г.). Это существенным образом затрудняло применение уголовного закона, так как во многом положения этих норм повторялись.

В УК УССР 1927 г. (который действовал до 1 апреля 1961 г.) ответственность за нарушение правил охраны труда была предусмотрена в ст. 121. Часть 1 этой статьи устанавливала ответственность за: «Нарушение нанимателем законов или правил, регулирующих применение труда, в частности, законов об охране труда и социальном страховании, и издаваемых в развитие их постановлений и инструкций Наркомтруда (с 1933 г. – ВЦСПС), если это нарушение не подлежит преследованию в административном порядке», наказание: «принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до трехсот рублей». Ответственность по ч. 2 наступала в случаях: «Если это нарушение обнимает группу рабочих, однородно по своему составу в отношении всех входящих в данную группу лиц и совершено в отношении всех их одновременно», наказание: «лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года или штраф до десяти тысяч рублей». В ч. 3 статьи была предусмотрена ответственность за: «Заведомое, с нарушением законов или правил об охране труда, поставление работника в такие условия, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность», наказание: «лишение свободы на срок до двух лет, или принудительные работы на срок до одного года, или штраф до пятисот рублей».

Сопоставление ст. 121 УК УССР 1927 г. со статьями УК УССР 1922 г., которыми устанавливалась ответственность за посягательства на трудовые права, в том числе на безопасность труда, показывает, что эта статья фактически включила в себя положения, ранее содержавшиеся в статьях 132 и 156 УК УССР 1922 г. Так, ответственность за нарушения общих положений Кодекса законов о труде, предусматривавшаяся ст. 132 УК УССР, была воспроизведена в ч. 1 и ч. 2 ст. 121 УК УССР 1927 г. Что касается положений ст. 156 УК УССР 1922 г., то они были изложены в ч. 3 ст. 121 УК УССР 1927 г.

В литературе тех лет отмечалось, что объективная сторона нарушения правил охраны труда «разнообразна и может выражаться в любом нарушении законов, регулирующих применение труда, охрану труда и

социальное страхование»¹. Указывалось, что деяние могло заключаться в нарушении законов об оплате труда; о несоблюдении установленного законом количества часов для работы на вредных производствах; о применении труда женщин, вопреки условиям, установленным Кодексом законов о труде, и т.п.² Все эти нарушения могли быть совершены как умышленно, так и неосторожно. Если нарушение правил охраны труда было совершено в отношении группы рабочих не менее трех человек, если оно однородно по своему составу в отношении всех входящих в данную группу лиц и совершено в отношении всех их одновременно, ответственность наступала по ч. 2 ст. 121 УК УССР 1927 г.³

Часть 3 ст. 121 УК УССР 1927 г. признавалась квалифицированным преступлением по отношению к основному составу, предусмотренному ч. 1 этой статьи. По ч. 3 ответственность предусматривалась за сознательное поставление работника в такие условия труда, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность. Таким образом, ст. 121 УК УССР 1927 г. законодателем была сформулирована так, чтобы сократить количество норм, предусматривавших уголовную ответственность за преступные нарушения правил охраны труда, а также исключить, в случае производственного травматизма, применение норм, не имевших отношения к обеспечению безопасности труда. Однако из-за неточностей в конструировании эта задача не была достигнута. Так, законодатель в ч. 3 указал на сознательное поставление работника в опасные условия. Это давало основания полагать, что такое нарушение может быть совершено только умышленно. По этой причине авторы, комментировавшие данную норму, считали: «если утрата трудоспособности явилась результатом неосторожности или неосмотрительности, то действие, смотря по обстоятельствам, или вовсе не подлежит уголовному преследованию, или может преследоваться по ст. 151 УК УССР»⁴ – как неосторожное телесное повреждение. Санкция ст. 151 УК УССР была более строгой, чем ч. 3 ст. 121 УК, и поэтому «в тех случаях, когда работающий лишался своей трудоспособности, – писали составители Комментария к УК УССР, – возможно было также применение и ее, иначе пришлось бы сделать неправильный вывод, что здоровье работающего охраняется менее, чем здоровье какого-либо лица»⁵. Отмечалось

¹ Советское уголовное право. Часть Особенная. – М., 1951. – С. 270.

² Советское уголовное право. Часть Особенная. – М., 1951. – С. 270.

³ Советское уголовное право. Часть Особенная. – М., 1951. – С. 270.

⁴ Уголовный кодекс советских республик. Текст и практический комментарий / Под ред. С. Канарского. – Изд. 3-е. – Харьков, 1928. – С. 314.

⁵ Уголовный кодекс советских республик. Текст и практический комментарий / Под ред. С. Канарского. – Изд. 3-е. – Харьков, 1928. – С. 314.

также, что указание в ч. 3 ст. 121 УК УССР на «утрату трудоспособности» в буквальном смысле этого понятия не охватывало случаев гибели рабочих. Вследствие этого возникал вопрос о возможности применения к таким последствиям ч. 2 ст. 144 УК, где речь шла о «неосторожном убийстве, явившемся следствием сознательного несоблюдения правил предосторожности», которое наказывалось лишением свободы до трех лет. Поэтому имевшая место в практике квалификация случаев «смертельного производственного травматизма по ч. 3 ст. 121 УК УССР не соответствовала букве и смыслу закона»¹.

28 декабря 1960 г. Верховным Советом УССР был принят действующий Уголовный кодекс Украины². За нарушение правил охраны труда законодатель установил ответственность в ст. 135 УК главы IV «Преступления против политических и трудовых прав граждан». Статья имеет две части. В ч. 1 указано на нарушение должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если оно создавало опасность для жизни или здоровья трудящихся. Наказывается такое нарушение – исправительными работами на срок до одного года, или штрафом в размере до ста рублей, или общественным порицанием. Если деяние, указанное в ч. 1, влечет несчастные случаи с людьми, ответственность наступает по ч. 2. Наказывается оно лишением свободы на срок до четырех лет.

Следовательно, законодатель, формулируя ст. 135 УК, стремился устранить неточности, пробелы, присущие ранее действовавшему законодательству. Однако по мере применения ст. 135 УК стали обозначаться серьезные проблемы в толковании содержания ряда ее признаков, отграничении от смежных составов, другие вопросы. Практически не применяется ч. 1 этой статьи. Это обусловило необходимость принятия пленумами Верховных Судов СССР, УССР, других республик, входивших в состав бывшего СССР, специальных постановлений с разъяснениями по применению норм, предусматривающих ответственность за преступления против безопасности производства, что позволило значительно улучшить практику применения уголовного закона³. Однако ряд

¹ Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – С. 153.

² До 17 июня 1992 г. – Уголовный кодекс Украинской ССР (см.: ст. 39 Закона Украины о внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Украинской ССР, Кодекс Украинской ССР об административных нарушениях и Таможенный кодекс Украины).

³ См.: О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. № 4 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977 гг.).

спорных вопросов толкования и применения ст. 135 УК еще остается, что требует продолжения теоретических исследований. С учетом ранее проанализированных факторов социальной обусловленности представляется необходимым по-иному сформулировать норму (нормы) ответственности за посягательства на безопасность труда, расширить круг субъектов, уточнить квалифицирующие признаки.

§ 2. Развитие уголовного законодательства о посягательствах на общественную безопасность в сфере производства

Параллельно с уголовным законодательством о нарушении правил охраны труда в Украине, как и других республиках бывшего СССР, принимались уголовно-правовые нормы, охранявшие общественную безопасность в сфере производства. Эти нормы обеспечивали либо именно данные общественные отношения, либо, наряду с ними, и другие отношения безопасности (общественной, экологической, производства). Так, в связи с действием исключительно опасных предприятий (взрывоопасных) или осуществлением отдельных повышенно опасных работ (горных, строительных) принимались нормы, охранявшие общественную безопасность в сфере их производства. Нарушение правил безопасности на таких предприятиях или при выполнении указанных работ содержало высокую степень вероятности поражающего воздействия как на работающих, так и на других лиц – посторонних для данного производства. Кроме того, такому опасному воздействию (разрушению, порче, уничтожению) могло быть подвергнуто и имущество (здания, сооружения, станки, оборудование и т.п.), в том числе и имущество

Ч. 2. – М., 1978. – С. 315–322; О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1973 г. № 5 // Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1973. – № 3. – С. 10; О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 // Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 12–17; О практике применения судами Украинской ССР законодательства по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда: постановление Пленума Верховного Суда Украинской ССР от 10 октября 1982 г. № 6 // Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 78–80; О практике применения судами Украинской ССР законодательства и выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда УССР по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда: постановление Пленума Верховного Суда Украинской ССР от 3 октября 1986 г. – № 9 // Рад. право. – 1987. – № 1. – С. 79–81.

посторонних лиц (предприятий, организаций, отдельных граждан). Имелись также нормы, которые принимались не в связи с охраной какого-либо определенного вида производства или работ, а в связи с деятельностью, нарушение порядка ведения которой было опасно вообще, в том числе, когда такая деятельность осуществлялась на производстве (например, при обращении с огнем).

К числу первых нормативных актов, принятых в УССР, где указывалось на необходимость применения уголовно-правовых мер к лицам, виновным в нарушении требований, обеспечивавших общественную безопасность (включая безопасность производства), следует отнести циркуляр № 38/16 Народного Комиссариата Юстиции УССР «О едином образном понимании некоторых важнейших преступлений и о их подследности» (принятом не ранее 9 марта 1921 г.)¹. Документ содержал положения (наряду с иными) о наказуемости неосторожного причинения пожара, а равно несоблюдения «правил, предписанных при обращении с огнем»².

В целях обеспечения организации и безопасности ведения горных работ СНК УССР 1 апреля 1922 г. было издано Постановление «О горном надзоре». В этом документе указывалось, что «горный надзор учреждается для наблюдения за точным выполнением всеми горными предприятиями законов и распоряжений правительства в области горного дела и для осуществления технического надзора за ведением горнопромысловых операций в отношении их правильности, целесообразности и безопасности» (ст. 1). Органам горного надзора было предоставлено право «привлекать к ответственности в судебном и административном порядке виновных в нарушении законов и распоряжений правительства в области горнопромысловых операций и ведения горных работ» (ст. 2)³.

Таким образом, до перехода к кодифицированному уголовному законодательству в УССР было принято незначительное количество уголовно-правовых норм, охранявших общественную безопасность в сфере производства. Объясняется это, видимо, тем, что законодатель тех лет уделял основное внимание решению вопросов, которые были связаны с установлением новых государственных и общественных институтов,

¹ См.: Борьба с преступностью в Украинской ССР (сборник документов). – Т. 1. – Киев, 1966. – С. 233–237.

² См.: Борьба с преступностью в Украинской ССР (сборник документов). – Т. 1. – Киев, 1966. – С. 234.

³ См.: Борьба с преступностью в Украинской ССР (сборник документов). – Т. 1. – Киев, 1966. – С. 354.

организацией их функционирования и охраны. В ряду последних значительная роль отводилась уголовно-правовым мерам борьбы с умышленными посягательствами (террористическими актами, бандитизмом, убийствами, спекуляцией и др.) – очевидными для лиц, устанавливающих и осуществлявших новую власть.

Именно поэтому интерес представляет решение рассматриваемого вопроса в первом УК УССР 1922 г. Кодекс имел ряд специальных норм (3), охранявших общественную безопасность в сфере отдельных производств или выполнения некоторых опасных работ. Речь идет о статьях 217, 221, а также 217¹ УК. Эти статьи были расположены законодателем в главе VIII Особенной части «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок».

Статья 217 УК УССР 1922 г. предусматривала ответственность за неисполнение или нарушение при производстве строительных работ, установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил. Наказывалось это деяние принудительными работами или штрафом до 300 рублей золотом.

Заслуживает внимания комментарий тех лет по применению данной статьи, который был сделан И. К. Сухоплюевым в книге «Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий», содержание которого полезно привести: «1. По 217-й ст. УК наказывается неисполнение или нарушение строительных, санитарных и противопожарных правил. Неисполнение может быть как неосторожным, так и умышленным. Равным образом, и нарушение правил может быть умышленным (п. «а» 11-й ст. УК) или неосторожным (п. «б» 11-й ст. УК). Умышленное неисполнение правил равносильно умышленному нарушению их, а неумышленное, по неосторожности, неисполнение правил равносильно неумышленному нарушению правил, т.е. нарушению их по неосторожности. Поэтому не следует придавать особого значения примененным в тексте 217-ой ст. УК двум выражениям: «неисполнение» наряду с «нарушением»¹.

2. Правила для производства строительных работ устанавливаются или законом, или обязательным постановлением. Под правилами, установленными законом, разумеются правила, декретированные Совнаркомом или ВУЦИКом; под правилами, устанавливаемыми обязательными постановлениями, – такие, которые устанавливаются местной властью

¹ Последнее суждение интересно тем, что со временем законодатель отдал предпочтение, при конструировании подобных норм более общему понятию – «нарушение» (прим. авт. – В.Б.).

на определенный, ограниченный законом, срок и распространяются только на район действия данной власти¹.

3. 1-я ст. «Положения об издании обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» (Собр. Узаконений РСФСР, № 48, 1922 г., ст. 603; Собр. Узаконений Укр., № 38—1922 г., ст. 577) дает право Губернским и Окружным (б. Уездным) Исполкомам и их Президиумам издавать для населения своего района в пределах, установленных законом, обязательные постановления по предметам управления и охранения порядка, а также в развитие действующих декретов и положений по вопросам общественной безопасности и порядка, народного здравоохранения, строительного устава и т.п., на срок не свыше одного года, со включением в текст постановления указаний на ответственность, налагаемую в административном порядке за их несоблюдение. Хотя декрет ВЦИКа по данному вопросу был принят 27-го июля 1922 г. в РСФСР, т.е. после утверждения УК, равно, как и в УССР, аналогичное постановление ВУЦИКа было принято 30-го августа 1922 г., т.е. после принятия ВУЦИКом 23-го августа 1922 г. Уголовного кодекса, однако это не означает, что преступления по 217-й ст. УК были изъяты из ведения Нарсуда и переданы в ведение администрации для наложения взысканий в административном порядке. В некоторых местностях может не быть обязательных постановлений о производстве строительных работ, а в существующих обязательных постановлениях могут быть пропуски, состоящие в неупоминании в обязательном постановлении или технических строительных правил, или санитарных правил, или противопожарных правил, или, наконец, характера ответственности, хотя бы и в административном порядке. Подобного рода неполнота обязательного постановления пополняется действием ст. 217 Угол. Кодекса.

4. Если со дня совершения проступка прошло более одного месяца, нарушитель при производстве строительных работ обязательного постановления подлежит, по общему правилу, ответственности исключительно в судебном порядке, на основании п. «в» 9-й ст. декрета ВЦИКа и Совнаркома РСФСР от 27 июля 1922 г. и на основании п. «г» 9-й ст. постановления ВУЦИКа от 30 августа 1922 г. В административном порядке взыскание может быть наложено на нарушителя постановления только в течение одного месяца со дня совершения проступка. Административное наказание налагается для ускорения репрессий. Если же административная власть не спешит с наложением административного

¹ Здесь достаточно четко обозначен бланкетный характер диспозиции ст. 217 (прим. авт. — В.Б.).

взыскания за нарушение обязательных постановлений и пропускает один месяц со дня совершения проступка, наказание может быть наложено лишь в судебном порядке.

5. 217-я ст. УК карает лишь за нарушение правил при производстве строительных работ, поэтому выражение: «установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил» не подлежит распространительному толкованию. По 217-й ст. УК нельзя привлекать за нарушение противопожарных правил, если пожар произошел не от нарушения строительных правил. К последнему случаю применима 217¹ ст. УК. Равным образом, нельзя по ст. 217 УК привлекать за нарушение вообще санитарных правил, без какой-либо связи с производством строительных работ. Нарушение санитарных правил не при производстве строительных работ наказывается по ст. 217².

6. Наконец, ст. 217 говорит лишь о неисполнении или нарушении правил. Но если указанные деяния повлекли за собой какие-либо тяжкие последствия, – виновный подпадает под действие и других статей УК, в зависимости от обстоятельств дела¹.

7. Субъектом преступления, предусмотренного 217-й ст. УК, являются владельцы построек, производящие строительные работы. Они отвечают за нарушение обязательных постановлений относительно расстояний между постройками, относительно устройства печных труб и проч. Виновным в неисправном возведении постройки с нарушением строительных, санитарных и противопожарных правил может быть не только частное лицо, но и должностное лицо, распоряжающееся постройкой здания, предназначенного для удовлетворения казенных нужд»².

В ст. 221 УК УССР 1922 г. была предусмотрена ответственность за нарушение установленных законом или обязательным постановлением технических правил об установке механических двигателей. В тех случаях, когда происходили несчастные случаи с людьми, ответственность наступала по совокупности с другими статьями кодекса. Наказание – принудительные работы до одного года или штраф до 300 рублей золотом.

¹ Данное суждение подтверждает основной недостаток ст. 217, сконструированной по признакам преступления с формальным составом. Деяние, описанное в этой статье УК УССР 1922 г., ничем не отличалось от подобных административных и дисциплинарных деликтов. Надо полагать, что реально ее применение было возможно в совокупности с другими статьями УК (В.Б.).

² Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий. – Харьков, 1925. – С. 431–432.

Специалисты, комментировавшие применение этой статьи, отмечали, что под ее действие подпадали также нарушения правил установки и эксплуатации паровых котлов и аппаратов, работавших под давлением пара и газа, а также правил безопасности ведения горных работ. В отношении последних в Комментарий к УК УССР 1922 г. было сказано: «Точно также органам горного надзора постановлением Совнаркома УССР от 1-го апреля 1922 года «О горном надзоре» (Собр. Указ., 1922, № 16, ст. 257) было предоставлено право привлекать к ответственности виновных в нарушении законов и распоряжений правительства в области горнопромышленных операций и ведения горных работ вообще, и об установке механических двигателей – в частности»¹. По-видимому эти рекомендации были основаны на институте аналогии уголовного закона, поскольку ст. 221 УК УССР 1922 г. прямых указаний на ответственность за нарушения правил безопасности эксплуатации и установки паровых котлов и аппаратов, а также правил безопасности в области горнопромышленных операций и ведения горных работ не содержала. Трудно согласиться с выводом И.П. Лановенко, что применение статьи 221 УК УССР 1922 г. к случаям нарушения указанных правил свидетельствовало о ее расширительном толковании².

В УК УССР 1922 г. при его принятии была включена также ст. 217¹, предусматривавшая ответственность за нарушение противопожарных мер³. Интерес представляет вопрос о соотношении этой статьи и оставшегося в силе постановления СНК УССР от 24 ноября 1921 г. «Об ответственности за пожары и непринятие противопожарных мер».

В ст. 217¹ УК УССР 1922 г. было сказано: «Нарушение установленных законом или обязательным постановлением противопожарных

¹ См.: Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий. – С. 439.

² См.: Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – С. 116–117.

³ Следует заметить, что значок «1» применительно к рассматриваемой норме обозначал всего лишь отступление от нумерации статей, принятой в УК РСФСР 1922 г., тогда как в действующем законодательстве такие значки обозначают, что соответствующая норма издана после принятия УК и включена в него дополнительно. Дело в том, что законодательные органы, принимая УК УССР 1922 г., сохранили одинаковую с УК РСФСР 1922 г. нумерацию и содержание статей. Фактически имело место не принятие в Украине своего УК, а перенос на территорию УССР законодательства, принятого в РСФСР. Вместе с тем, вводный закон к УК УССР, в отличие от УК РСФСР, полностью отменившего действие всех ранее изданных уголовно-правовых норм, сохранил действие 11 законов (ст. 2). Упомянутым вводным законом соответствующие уголовно-правовые нормы были включены в Особенную часть УК УССР в виде самостоятельных статей с особой нумерацией (статьи 79¹, 125², 217¹ и др.), что давало возможность сохранить в целом единую с УК РСФСР нумерацию кодекса.

мер карается – штрафом до 300 рублей золотом или принудительными работами, или же лишением свободы на срок до одного года». И. К. Сухоплюев, комментировавший в 1925 г. эту статью, отмечал: «Ст. 217¹ карает лишь за нарушение установленных мер, безотносительно к тому, был ли вследствие этого пожар или нет»¹. Возможно, мнение И. К. Сухоплюева соответствовало сложившейся в то время практике привлечения лиц к уголовной ответственности за нарушение противопожарных мер. Тем не менее, изучение текста Постановления СНК УССР от 24 ноября 1921 г. дает основания для другого вывода. Постановление предусматривало уголовную ответственность в случаях, когда нарушения противопожарных мер приводили к пожарам: «Вся ответственность за пожарные случаи, – было отмечено в ст. 2 Постановления, – падает персонально на лиц, указанных в ст. 1, виновность которых полагается установленной ввиду самого факта пожара...»². Поэтому представляется, что ст. 217¹ УК УССР 1922 г. указывала только на сам факт наказуемости таких деяний. Постановление же от 24 ноября 1921 г. конкретизировало признаки деяния, указывало на обстоятельства, при которых нарушения противопожарных мер следует признать преступлением.

Принимая в 1927 г. второй УК, законодатель УССР пошел по пути сокращения норм, охранявших общественную безопасность в сфере производства или выполнения отдельных опасных работ. В УК УССР 1927 г. была включена только одна статья – 96, которая предусматривала ответственность за неисполнение при производстве строительных работ, установленных законом или распоряжением власти, строительных, санитарных или противопожарных правил, а равно правил по горной промышленности, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности производства работ, а равно нарушение указанных правил, если они повлекли за собой тяжкие последствия. Наказание – лишение свободы на срок до трех лет или штраф до трех тысяч рублей. Эта статья была помещена в разделе II «Преступления против порядка управления».

Статья 96 УК УССР 1927 г. в измененном виде воспроизводила ст. 217 УК УССР 1922 г. и ст. 217 «а» УК РСФСР 1922 г., а также частично ст. 217¹ УК УССР 1922 г. Предназначение этой статьи было в том, чтобы наряду с общей нормой, охранявшей безопасность труда (ст. 121), иметь применительно к повышенно опасным работам специальную норму, которая отражала бы более значительную общественную опасность

¹ Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий. – С. 433.

² Борьба с преступностью в Украинской ССР. – Т. 1. – С. 355.

нарушения безопасности при выполнении строительных и горных работ. Исходя из буквального толкования текста ст. 96 УК УССР, она должна была применяться как к случаям одних только нарушений правил безопасности, так и тогда, когда нарушения повлекли тяжкие последствия. Тем не менее, комментаторы тех лет считали, что «привлечение к ответственности по ст. 96 УК УССР может последовать в УССР в том лишь случае, если описанные правонарушения повлекли *тяжелые последствия*. Если в описанных случаях правонарушений не последовало тяжелых последствий, то за их совершение установлена в УССР и РСФСР ответственность в административном порядке: 1) в том случае, когда соответствующие правила установлены законом или постановлениями центральной власти по лит. «а» ст. 1 Пост. ВУЦИК и СНК УССР от 27 июля 1927 года – «О предоставлении административным органам права применять меры административного воздействия за маловажные правонарушения» (С.У. УССР 1927, № 39, ст. 177) и 2) в том случае, когда соответствующие правила, но не горной промышленности, установлены обязательными постановлениями на основаниях, установленных в этих постановлениях. В РСФСР административная ответственность установлена за описанные правонарушения, если они не повлекли за собою тяжелых последствий – 2 ч. ст. 108»¹. Таким образом, считали, что ст. 96 УК УССР 1927 г. (как и ст. 108 УК РСФСР) содержала описание административного проступка и уголовного преступления, но если УК РСФСР предусматривал ответственность за административный проступок прямо в уголовном законе – «принудительные работы на срок до одного месяца или штраф до ста рублей, налагаемые в административном порядке», то УК УССР на меры административного наказания не указывал, такое наказание назначалось на основании соответствующих постановлений.

За период действия УК УССР 1927 г. количество норм, предназначавшихся для охраны общественной безопасности в сфере производства, увеличилось до трех.

В 1935 г. впервые в республике была введена уголовная ответственность за нарушение технического режима, производственно-технической дисциплины или условий работы, которые обеспечивали безопасность взрывоопасного производства, а также за курение, появление в пьяном виде или сон на таком производстве. Более строгое наказание предусматривалось, если указанные действия приводили к взрыву или пожару (ст. 121² УК УССР). Отдельно была установлена уголовная

¹ Уголовный кодекс советских республик. Текст и постатейный комментарий. – С. 245–246.

ответственность за нарушение технического режима или условий работы во взрывоопасных цехах лицами, отвечавшими за установленную производственно-техническую дисциплину (ст. 121³)¹.

14 февраля 1953 г. Президиум Верховного Совета бывшего СССР принял Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил безопасности ведения работ в угольных и сланцевых шахтах»². Указ устанавливал ответственность за нарушение правил в строящихся и действующих шахтах, как за случаи, когда нарушения могли повлечь тяжелые последствия, так и за случаи их наступления. Этот Указ интересен тем, что в нем дифференцировалась ответственность должностных лиц (части 1 и 2) и рабочих и служащих (части 3 и 4). Предусматривалась более строгая ответственность первых (до 10 лет лишения свободы) по сравнению с наказуемостью действий рабочих и служащих (до 5 лет лишения свободы). Однако дифференциация ответственности по субъекту не нашла развития в последующем уголовном законодательстве, хотя, как было отмечено, такая потребность имеется.

Таким образом, несмотря на попытку уменьшить число норм, охранявших общественную безопасность в сфере производства, за период действия УК УССР 1927 г. наметилась тенденция к расширению такого рода норм. Это во многом можно объяснить значительным развитием промышленной индустрии, созданием новых производств, среди которых особо выделялись взрывоопасные предприятия (цеха).

Тенденция расширения специальных норм была продолжена и при формировании уголовного законодательства 1958–1962 гг. При принятии в 1960 г. УК УССР ответственность за посягательства на общественную безопасность в сфере производства была предусмотрена в четырех статьях: 218 – за нарушение правил безопасности горных работ; 219 – за нарушение правил при производстве строительных работ; 220 – за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах; 221 – за нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ. Эта тенденция сохранилась и после принятия УК. Так, в связи с широким использованием в материальном производстве, науке и других видах деятельности радиоактивных материалов возникла потребность более тщательного упорядочения отношений радиационной безопасности, что нашло отражение и в уголовном законодательстве.

¹ СЗ УССР. – 1935. – № 26. – Ст. 148.

² См.: Сборник документов по истории Уголовного законодательства – СССР и РСФСР (1953-1991 гг.). – Ч. I. Законодательство СССР. – Казань, 1992. – С. 15.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1988 г. «Об уголовной ответственности за незаконные действия с радиоактивными материалами» УК УССР был дополнен статьями 228², 228³, 228⁴, 228⁵. Социальное назначение норм, предусмотренных этими статьями, – защита отношений радиационной безопасности как разновидности общественной безопасности. Непосредственно предметом нашего исследования является норма, предусмотренная ст. 228⁵, которая, в ряду производственных отношений охраняет также безопасность производства от радиационных опасностей. При принятии этих норм была изменена редакция ст. 221 УК УССР. Из ее текста законодатель вынес в ст. 228⁵ положение об ответственности за нарушение правил обращения с радиоактивными материалами.

Проведенный анализ становления и развития уголовного законодательства Украины, которым обеспечивалась охрана безопасности производства, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Уголовное законодательство Украинской ССР с самого начала формировалось на основе общих закономерностей союзной уголовно-правовой политики и под непосредственным влиянием правотворческой деятельности РСФСР. Этим объясняется совпадение многих положений норм УК УССР и УК РСФСР, включая и те, задачей которых являлась охрана безопасности производства.

2. В первые годы становления советской власти в Украине вопросы уголовно-правовой охраны безопасности производства решались самым общим образом, наряду с иными интересами в области трудовых прав человека или общественной безопасности. Специальных уголовно-правовых положений, в которых была бы обозначена специфика общественной опасности посягательств на безопасность производства, законодательство УССР до принятия в 1922 г. первого Уголовного кодекса не знало. Исключение составляли некоторые нормы о борьбе с нарушениями правил противопожарной безопасности, в том числе на производстве. Также имелись общие указания на необходимость судебной охраны безопасности горного производства.

3 Институт уголовно-правовой охраны безопасности производства обозначился в системе советского уголовного законодательства в 1922 г. с принятием первых Уголовных кодексов РСФСР, УССР, других республик. Он характеризовался разбросанностью уголовно-правовых норм по главам УК, попыткой конкретизации нарушений, причинявших ущерб безопасности производства, широким применением института аналогии.

4. Со временем наметились две основные тенденции развития уголовного законодательства, охраняющего безопасность производства: первая – принятие общих норм об ответственности за нарушение правил, регулирующих условия и охрану труда; вторая – установление специальных норм, охранявших безопасность отдельных исключительно опасных производств, некоторых повышенно опасных работ, а также порядок обращения, в том числе на производстве, с отдельными опасными веществами (материалами, предметами). Такие нормы охраняли и безопасность труда, и общественную безопасность в сфере производства. Характерным в конструировании и общих и специальных норм был переход к использованию бланкетных диспозиций. В период 1959–1962 гг. обозначилось также стремление к аккумуляции норм, используемых для охраны безопасности производства, в пределах двух глав УК, причем основная часть, за исключением ст. 135, в УК Украины 1960 г. была сосредоточена в главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья», где они помещены между статьями о транспортных преступлениях и статьями, в которых установлена ответственность за преступления против общей безопасности.

5. Начиная с 1922 г. прослеживается стремление законодателя к более строгой уголовной ответственности должностных лиц за нарушения ими правил безопасности производства.

6. Развитие и совершенствование уголовно-правовых норм расширяло возможности индивидуализации наказания. В санкциях статей об ответственности за посягательства на безопасность производства предусматривались различные виды и сроки наказаний, что объективно отвечало разной опасности правонарушений в системе производства.

7. Принятие и развитие системы уголовно-правовых норм, охраняющих безопасность производства, находилось в непосредственной связи с НТП. Распространение повышенно опасных работ в горном и строительных производствах, деятельность исключительно опасных предприятий (цехов), широкое использование материалов, веществ, предметов, обладающих опасными свойствами, потребовало развития системы охранительных норм, в том числе уголовных.

8. Вне поля зрения уголовного законодательства остались вопросы охраны условий безвредности производства. Это объясняется рядом детерминаций общесоциального характера, включая уголовную политику бывшего СССР и законодательных органов Украинской ССР. Законодатель с помощью норм УК стремился реагировать на очевидные,

наиболее опасные нарушения в системе «человек-техника-производственная среда». Вопросы безвредности оставались как бы на втором плане. Только в условиях развития идей гуманизации, утверждения приоритета общечеловеческих ценностей, признания высшими благами жизни и здоровья человека, окружающей природной среды, вопрос о необходимости правового обеспечения безвредности производства стал достаточно актуальным для уголовного права.

Изучение исторического опыта развития уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против безопасности производства наряду (во взаимосвязи) с исследованием иных факторов социальной обусловленности позволяет высказать некоторые предварительные суждения:

- уголовно-правовая охрана системы отношений безопасности производства оправдала себя; ее необходимо сохранить в новом УК Украины;

- следует повысить уровень уголовно-правовой охраны отношений безопасности производства как в целом, так и отдельных ее видов и условий (безопасности труда, повышенно опасных работ, исключительно опасных производств, а также условий безвредности);

- в новом УК Украины необходимо завершить процесс аккумуляции статей с ответственностью за посягательства на безопасность производства, объединив их в одну главу УК. Глава должна включать как общие, так и специальные нормы. В дальнейшем развитии данной системы уголовно-правовых норм преимущество должно быть сохранено за специальными нормами.

Раздел II. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Дальнейшее исследование поднимаемых в работе проблем требует комплексного анализа признаков элементов преступлений, посягающих на безопасность производства. Такой подход позволит определить общие признаки рассматриваемых деяний и на их основе сформулировать родовое понятие преступлений против безопасности производства, дать общие и специальные рекомендации по дальнейшему совершенствованию уголовного закона и практике его применения. Поэтому в данном разделе интегративно исследуются объект, объективная и субъективная сторона, а также субъект преступлений против безопасности производства.

Глава 1. ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Родовой объект (понятие, структура)

Уголовная ответственность за нарушение правил охраны труда, безопасности отдельных работ и производств, обращения с некоторыми исключительно опасными предметами – наиболее строгий вид правовой ответственности, и это обуславливает важное теоретическое и практическое значение исследования элементов составов преступлений, причиняющих ущерб безопасности производства. Изучение признаков однородных или подобных по содержанию преступлений в комплексе способно предоставить тот теоретический материал, те необходимые знания, которые позволяют законодателю сформулировать запрет, опираясь на достигнутый уровень правовой науки, законодательной техники и практического опыта.

Состав преступления – понятие сложно-системное, состоящее из совокупности взаимосвязанных признаков. Для того, чтобы понять его элементы, необходимо их вычленив из всеобщей связи и рассматривать изолированно. Такими отдельными элементами являются объект, объективная и субъективная сторона, субъект.

Как известно, объект преступления – то, на что преступление посягает, против чего оно направлено, чему наносит ущерб. В теории уголовного права большинством ученых признано, что объектом любого преступления являются общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. Определение объекта имеет немаловажное значение для установления характера и степени общественной опасности преступлений, их последствий, для разграничения посягательств и их квалификации.

В литературе широкое распространение получила классификация объектов на общий, родовой и непосредственный.¹ *Общим* объектом преступления является совокупность общественных отношений, охраняемых действующим уголовным законодательством². Данную совокупность составляют различные отношения, в том числе обеспечивающие безопасность производства. *Родовой* объект – это определенный круг тождественных или однородных взаимосвязанных общественных

¹ См., например: Курс советского уголовного права. – М., 1970. – Т. 2. – С. 124–126.

² См.: Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву: Учеб. пособие. – Харьков, 1982. – С. 86.

отношений, являющихся составной частью общего объекта¹. Близость по форме и содержанию нормы «Нарушение правил охраны труда» (ст. 135 УК) с группой норм гл. X УК «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья», охраняющих безопасность производства, позволила ряду исследователей сделать вывод о том, что предусмотренные ими преступления имеют единый родовой объект². Другие, напротив, считают, что преступления, предусмотренные в этих статьях, имеют различные родовые объекты³.

В связи с этим следует отметить, что специалисты по-разному определяют круг преступлений, указанных в гл. X, которые коррелируют с «Нарушением правил охраны труда» (ст. 135 УК). Как правило, в этот перечень включают статьи 218, 219 и 220 УК⁴. Некоторые дополняют его ст. 221 УК⁵ (в УК РСФСР – ст. 217). Последняя позиция была воспринята Пленумом Верховного Суда бывшего СССР в уже упоминавшемся постановлении от 5 декабря 1986 г.⁶ Однако Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 23 апреля 1991 г. по данной категории дел счел возможным ограничиться статьями 214, 215 и 216 УК РСФСР⁷ (статьи 218, 219 и 220 УК), несмотря на то, что большинство участников обсуждения проекта этого постановления указывали и на ст. 217 УК РСФСР⁸ (ст. 221 УК).

¹ См.: Бажанов М. И. Уголовное право Украины. Общая часть. – Днепропетровск, 1992. – С. 31–32.

² См.: Яблоков Н. П. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Серия «Право». – 1969. – № 2. – С. 43; Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности: Учеб. пособие. – Свердловск, 1974. – С. 22.

³ См.: Вахитов Ш., Махмутов М. Объект преступных нарушений правил охраны труда // Сов. юстиция. – 1968. – № 18. – С. 13; Курс советского уголовного права, часть Особенная. – Л., 1973. – Т.3. – С. 699.

⁴ См., например: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 22.

⁵ См., например: Вахитов Ш., Махмутов М. Объект преступных нарушений правил охраны труда // Сов. юстиция. – 1968. – № 18. – С. 13. Здесь надо отметить, что с принятием 14 апреля 1988 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за незаконные действия с радиоактивными материалами», которым из ст. 221 УК была вынесена в ст. 228⁵ УК ответственность за нарушение правил обращения с радиоактивными материалами, указанный перечень, очевидно, должен включать и ст. 228⁵ УК.

⁶ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С.12–17.

⁷ См.: Бюл. Верхов. Суда РСФСР. – 1991. – № 7. – С. 7–9.

⁸ См.: Бюл. Верхов. Суда РСФСР. – 1991. – № 7. – С. 1–4.

И. П. Лановенко, много работающий над этим вопросом, к нормам гл. X УК Украины, которыми охраняются отношения безопасности производства, относит: нормы статей 218–220 и 221, а также ст. 220¹ («Нарушение правил пожарной безопасности»), ст. 221¹ («Незаконный провоз на воздушном судне взрывчатых или легковоспламеняющихся веществ»), ст. 225 («Незаконная пересылка по почте или багажом легковоспламеняющихся или едких веществ»)⁹. С позицией И. П. Лановенко можно согласиться лишь отчасти, поскольку указанные ним нормы действительно имеют отношение к охране безопасности производства. Однако для некоторых из них безопасность производства выступает в качестве факультативного объекта, т.е. отношения, которому ущерб причиняется не во всех случаях совершения преступления¹⁰. В частности это нормы статей 220¹, 221¹ и 225 УК. Очевидно, что для рассмотрения вопроса о родовом объекте, группа охраняющих его уголовных законов должна включать нормы, имеющие схожие непосредственные объекты. На основании этого определенной общностью обладают нормы, содержащиеся в статьях 218–220, 221, 228⁵ УК. Основными непосредственными объектами, охраняемыми данными нормами, являются отношения безопасности производства, отличающиеся между собой по сферам регулирования.

Н. П. Яблоков, рассматривая вопрос о родовом объекте преступлений, предусмотренных ст. 140 и статьями 214–217 УК РСФСР (ст. 135 и статьи 218–220, 221 УК), полагает, что и в том, и в другом случае имеются в виду общественные отношения, складывающиеся именно в процессе реализации на производстве норм охраны труда и техники безопасности. Однородность же общественных отношений, на которые посягают преступления данного вида, свидетельствует об однородности преступлений, имеющих единый родовой объект¹¹. В связи с этим он полагает, что родовым объектом рассматриваемых преступлений

⁹ См.: Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – Киев, 1989. – С. 17–19.

¹⁰ О факультативном объекте подробнее см.: Фролов Е. А. Понятие непосредственного (основного), дополнительного и факультативных объектов уголовно-правовой охраны и их значение для классификации посягательств на социалистическую собственность // Материалы конф. по итогам научно-исслед. работы за 1966 г.; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1968; Сташис В. В., Панов Н. И. Непосредственный объект и его значение для классификации преступлений // Пробл. правоведения. – Киев, 1989. – Вып. 50. – С. 85.

¹¹ Яблоков Н. П. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Серия «Право». – 1969. – № 2. – С. 43.

является безопасность для работников и иных граждан производственных процессов¹.

М. С. Гринберг также считает, что преступления, предусмотренные статьями 140, 214–216 УК РСФСР (статьи 135, 218–220 УК Украины) имеют единый родовый объект. Однако, в отличие от Н. П. Яблокова, он в качестве такового рассматривает отношения общественной безопасности, призванные удерживать техническую систему, используемую в той или иной отрасли производства, в безопасном, упорядоченном состоянии². «На современном предприятии, – пишет М. С. Гринберг, – где заняты тысячи и десятки тысяч людей, многие из которых вообще не связаны с обслуживанием техники (счетные, медицинские работники, работники торговли, общественного питания и т.д.), и неизбежно находятся посторонние люди, проблема охраны труда неотвратимо редуцируется в проблему *общественной безопасности*»³. Прежде всего, следует заметить, что М. С. Гринберг термин «редуцируется» использует неудачно. «Редуцироваться» (или подвергаться редукции) означает упрощение⁴, «переход, приведение сложного к более простому виду»⁵. Фактически же все обстоит совершенно иначе, так как в условиях НТП проблема безопасности производства усложняется. Основной же недостаток приведенного суждения состоит в том, что отмеченная тенденция (переход проблемы охраны труда в проблему общественной безопасности) охватывает далеко не все производства. Для большинства предприятий, учреждений, организаций (особенно в настоящий период, когда наблюдается интенсивный рост малых предприятий) обеспечение их безопасности ограничивается внутренними пространственными пределами, где нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда причиняет ущерб лишь безопасности труда.

В. П. Тихим высказано мнение о том, что преступление, предусмотренное ст. 135 УК, и группа подобных ему преступлений, за которые установлена ответственность в гл. X УК, имеют родовым объектом «безопасность и безвредность производства»⁶. Ранее было отмечено, что

¹ Яблоков Н. П. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Серия «Право». – 1969. – № 2. – С. 43.

² См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 22.

³ См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 22.

⁴ См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 575.

⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1939. – Т. 3. – С. 1318.

⁶ См.: Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1987. – С. 10.

нормы действующего УК не включены в общую систему правовых норм, охраняющих условия безвредности производства, хотя такая потребность имеется. Только в некоторых случаях безвредность выступает в качестве факультативного объекта уголовно-правовой охраны (см. ст. 228 УК). Поэтому преждевременно говорить о безвредности наряду с безопасностью производства как родовом объекте уголовно-правовой охраны.

Против того, что данные преступления имеют единый родовый объект, высказались М. И. Федоров, В. К. Глистин, Ш. К. Вахитов, М. М. Махмудов и другие авторы. Так, Ш. К. Вахитов и М. М. Махмудов, соглашаясь с Н. П. Яблоковым в том, что преступления, ответственность за которые предусматривают статьи 140, 214–216 УК РСФСР (статьи 135, 218–220 УК), являются однородными, вместе с тем указывают, что они имеют разные объекты. «Для ст. 140 УК РСФСР – это безопасные условия труда, а для статей 214–217 УК РСФСР – общественная безопасность»¹. Такое утверждение, на наш взгляд, неудачно, поскольку считать преступления однородными следует на основании единого для них родового объекта. Необходимо согласиться с мнением М. И. Федорова, который считает, что при таком подходе к проблеме объекта рассматриваемые преступления не могут быть признаны однородными².

В свою очередь, отметим, что во мнениях сторонников позиции различных родовых объектов имеются и свои расхождения. Некоторые специалисты в области уголовного права, исходя из того, что нормы, которыми установлена ответственность за нарушения правил безопасности горных, строительных и иных видов работ, включены в гл. X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» Особенной части УК Украины, считают, что родовым объектом преступлений ими предусмотренных, (как и иных, указанных в данной главе) является «общественная безопасность, общественный порядок и народное здоровье»³. Другие дифференцируют преступления, указанные в гл. X, на три группы, каждая из которых имеет самостоятельный родовый объект: «общественную безопасность», «общественный порядок» и «народное здоровье»⁴. По их

¹ Вахитов Ш., Махмудов М. Объект преступных нарушений правил охраны труда // Сов. юстиция. – 1968. – № 18. – С. 13.

² См.: Курс советского уголовного права. – Л., 1973. – Т. 3. – С. 699.

³ См.: Ефимов М. А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск, 1971. – С. 8; Уголовное законодательство Украинской ССР. – М., 1971. – С. 477.

⁴ См., например: Курс советского уголовного права. – М., 1971. – Т. 6. – С. 306–308; Данышин И. И. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – М., 1973. – С. 143; Яценко С. С. Ответственность за преступления против общественного

мнению, преступления, указанные в статьях 218–220, 221 УК, посягают на общественную безопасность¹.

Установление объекта преступления, в том числе и для рассматриваемой группы, целесообразно проводить путем структурно-системного анализа содержания общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом.

В общем плане вопрос о структуре и содержании общественных отношений является предметом философии и социологии². Несмотря на определенные расхождения, наиболее распространено мнение, согласно которому общественные отношения состоят из трех структурных элементов: 1) предмета, по поводу которого существуют отношения; 2) субъектов (их носителей); 3) общественно значимой деятельности (социальной связи) как содержания отношений. Данное положение утвердилось в отечественной теории уголовного права как при решении общих вопросов³, так и при исследовании отдельных преступлений⁴. При этом справедливо отмечается, что структура общественного отношения представляет собой не просто сумму составляющих элементов, соответствующим образом взаимосвязанных и взаимодействующих

порядка. – Киев, 1976. – С. 20; Ткаченко В. И. Преступления против общественной безопасности. – М., 1984. – С. 4.

¹ См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 22; Куц Н. Т. Преступления против общественного порядка и общественной безопасности. – Киев, 1974. – С. 5; Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – Киев; Донецк, 1979. – С. 49.

² См., например: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. – Л., 1966; Лармин О. В. О структуре общественных отношений. В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. – М., 1970; Перфильев М. Н. Общественные отношения: методологические и социологические проблемы. – М., 1974.

³ См.: Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Тр. Свдл. юрид. ин-та, 1969. – Вып. 10. – С. 184–225; Кузнецов А. В. Уголовное право и личность – М., 1977. – С. 53; Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – Л., 1979. – С. 28; Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву: Учеб. пособие. – Харьков, 1982. – С. 16; Бажанов М. И. Уголовное право Украины. Общая часть. – С. 30–31.

⁴ См.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков, 1977. – С. 11; Таций В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления. Объект и система. – Харьков, 1984. – С. 17–18; Панов Н. И. Квалификация насильственных преступлений: Учеб. пособие. – Харьков, 1986. – С. 5; Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – Киев, 1987. – С. 6–9; Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства). – С. 11.

между собой. «Без единства и взаимодействия структурных элементов общественного отношения, их внутренней и внешней взаимосвязи, – пишет В. Я. Таций, – теряется и социальное существо самого отношения»¹.

Для установления сущности общественного отношения определяющее значение имеет его предмет, под которым понимают все то, по поводу чего или в связи с чем существует это отношение². В литературе отмечается, что в качестве предмета общественного отношения могут выступать «вещи (тела, физические предметы, а точнее их социальные свойства)»³. Такие отношения называют материальными. Вторая группа отношений – идеологические⁴. В. Я. Таций считал возможным назвать их «нематериальными»⁵, что, на наш взгляд, точнее. В развитие данного суждения следует сказать, что идеологические отношения являются определенным видом нематериальных отношений, но они не единственные, которые формируются общественным сознанием. Побудительным мотивом формирования нематериальных отношений являются идеи, а также чувства, желания. Но, прежде чем возникнуть, они «проходят через сознание людей»⁶. Это существенный признак нематериальных отношений, предметом которых являются социальные, духовные блага или ценности, включая более или менее крупные социальные институты⁷. Здесь представляется весьма важным дополнение В. Я. Тация о том, что в качестве предмета нематериальных общественных отношений также может выступать деятельность каких-либо учреждений или

¹ Таций В. Я. Ответственность за хозяйственные преступления. Объект и система. – С. 18.

² См.: Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – С. 47; Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков, 1988. – С. 16–17.

³ Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – Л., 1979. – С. 48.

⁴ В философской и социологической литературе вопрос об общественных отношениях с подразделением их на материальные и идеологические обстоятельно рассмотрен в работах: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. – С. 65–73; 79–95; Лармин О. В. О структуре общественных отношений. – С. 51–79; Гринберг Л. Г. Нравственные отношения (природа и структура). – М., 1971. – С. 4; Перфильев М. Н. Общественные отношения: методологические и социологические проблемы. – С. 121–122; др. авт.

⁵ Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. – С. 41.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – М., 1967. – Т. 1. – С. 137.

⁷ См.: Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – С. 48.

иное общественное отношение¹. На последнее из них следует обратить особое внимание. Действительно, поскольку в обществе все отношения находятся в прямой или опосредованной зависимости и в то же время в развитии, то, наряду с другими процессами, происходящими в системе общественных отношений (например, замена одних, совершенствование других), возникает потребность установления одних общественных отношений для обеспечения других (например, с целью поддержания их нормального функционирования или защиты).

Приведенные выше общие суждения позволяют сформулировать положение на уровне особенного применительно к объекту рассматриваемых преступлений. Общественные отношения, охраняемые от преступных на них посягательств нормами, содержащимися в ст. 135 и статьях 218–220, 221, 228⁵ УК, относятся к нематериальным отношениям. Основой их формирования являются определенные социальные институты, возникающие в обществе в процессе (по поводу) общественно-производственной деятельности людей. При осуществлении такой деятельности у ее исполнителей возникает потребность в создании на производстве состояний (условий, среды), которые гарантировали бы сохранность здоровья, жизни, обеспечивали безопасную работу (в части этих благ). Такое стремление является естественным, поскольку на производстве имеют место случаи профессиональных заболеваний, травматизма, гибели людей. Опасения за свое здоровье, жизнь в связи с деятельностью некоторых предприятий, выполнением опасных работ, использованием вредных материалов, веществ могут испытывать и посторонние производству лица, повседневная жизнь или работа которых происходит вблизи (около) таких производств. Следует также заметить, что в связи с работой производств и имеющими место нарушениями правил техники безопасности возможны повреждение, уничтожение имущества как производителей (государства, общественных организаций, коллективных или частных предпринимателей), так и посторонних юридических или физических лиц. Вред может быть причинен и окружающей природной среде. Все это обуславливает потребность в создании на производстве состояния безопасности (условий, среды).

Известно, что в общем плане такие блага, как жизнь, здоровье, собственность, природная среда, охраняются законом, в том числе и нормами УК (см. главы: «Преступления против личности», «Преступления против государственной и коллективной собственности», «Хозяйственные преступления»). Однако в условиях производства, как и при осу-

¹ См.: Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. – С. 41.

ществлении ряда других видов деятельности (например, эксплуатации транспорта), общих установок оказывается явно недостаточно. Возникают потребности в создании особых производственных режимов, которые обеспечивали бы безопасность работающих на производстве, создавали необходимые условия его безвредности. Такие потребности являются объективными, имеют прочные основания в материальной действительности, вызваны общественным трудом. Являясь следствием производства, такие потребности большинства участников производственной деятельности аккумулируются в социальные потребности. Вместе с тем социальные потребности не являются предметом общественного отношения. Их роль состоит в том, что они выступают в качестве социальных предпосылок формирования общественных отношений, предметом («ядром») которых являются общественные интересы. В литературе по социологии «интерес» определяют как объективную, общественно детерминированную, осознанную потребность общности индивида, сформированную общественными отношениями¹. Интерес – это не сама потребность, как отмечает Е. А. Якуба, а «избирательное отношение к потребностям, стремление к их удовлетворению»². На основании таких суждений надо сделать вывод о том, что не всякие социальные потребности, возникающие в обществе, трансформируются в интересы, а только те из них, которые осознаются, воспринимаются как побудительные факторы формирования общественных интересов. Например, потребность, возникающая в процессе производственной деятельности людей в создании безопасных состояний, имеет для членов общества определенную притягательную силу, активизирует их суждения, направляет их помыслы по определенному руслу, побуждает к соответствующим правовым действиям и поведению³. При этом интерес нельзя рассматривать только как результат осознания социальной потребности. Таковым он становится в процессе формирования общественного отношения. В свою очередь, интерес вовсе не тождествен общественному отношению⁴. Интерес – это элемент, составная часть общественного отношения, но таковым он становится во взаимосвязи и взаимодействии с другими структурными элементами общественного отношения. Исходя из сказанного, предметом нематериальных общест-

¹ См.: Перфильев М. Н., Орлов Л. В. Социальные отношения. – С. 142.

² Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Харьков, 1970. – С. 32.

³ См.: Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. – М., 1977. – С. 35.

⁴ См.: Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. – С. 71.

венных отношений являются общественные интересы, по поводу или в связи с которыми они существуют. Что же касается социальных потребностей, то они выступают в качестве предпосылок формирования (установления) общественных отношений. При этом представляется, что по сути нет принципиального различия между социальной потребностью и общественным интересом. Если мы говорим, что в условиях производства возникают потребности в создании состояний безопасности определенного вида, то и общественный интерес определяем как «безопасность производства», или «безопасность труда» и т.п. Однако, если в первом случае стремление к созданию безопасности производства (в том числе труда) – осознанное желание многих участников производства (в ряде случаев и посторонних лиц), то во втором – это уже действительность, по поводу которой осуществляется деятельность, направленная на создание производственной безопасности.

Стремление к безопасности имеет место при осуществлении работ, например, в металлургической и химической промышленности, автомобилестроении, сельском и лесном хозяйствах и др., а также при проведении строительных и горных работ, на взрывоопасных предприятиях и цехах, при обращении с радиоактивными материалами, взрывчатыми веществами. Следовательно, все виды производственной деятельности обуславливают формирование у ее исполнителей социальных потребностей и отвечающих им интересов в обеспечении безопасности производства.

Безопасность производства охватывает различные виды и уровни безопасности, обусловленные опасностью, возникающей в связи (по поводу) с производственной деятельностью человека или в результате такой деятельности.

Основным видом безопасности, присущим любому производству, как отмечалось, является безопасность труда¹. Такое условие включает внутреннюю безопасность производства. Однако работа ряда производств (в первую очередь это производства, о которых идет речь в статьях 218–220, 221, 228⁵ УК) несет угрозу (способность ее вызвать) причинения вреда также внепроизводственным интересам, которые формируются в сфере их деятельности (вокруг, рядом или в результате такой деятельности). Необходимость их защиты от опасности обуславливает создание особого вида безопасности вне производства (внешней), но в связи с ним – общественной безопасности в сфере производства. Это условия функционирования производства, ведения отдельных работ, использования полученной продукции, при которых исключено поражающее

¹ См.: Раздел I настоящего исследования.

или разрушающее воздействие на интересы общества опасных и вредных (приравняемых к опасным) факторов. Такие условия поддерживаются и обеспечиваются различными мерами, в том числе правового характера. Необходимость обеспечения мерами уголовно-правового характера именно (или в первую очередь) данного вида производственной безопасности и послужила, как нам представляется, основанием для включения деяний, предусмотренных статьями 218–220, 221, 228⁵ УК, в главу «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Указанное обстоятельство дало основание большинству юристов признать родовым объектом данной группы преступлений общественную безопасность. Исходя из изложенного, можно сделать следующий вывод: предметом рассматриваемых отношений является безопасность производства, – два её вида: безопасность труда и общественная безопасность в сфере производства.

Основным субъектом отношений, охраняемых статьями 135, 218–220, 221, 228⁵ УК, является государство, осуществляющее функции в данной сфере посредством органов власти – законодательной, исполнительной и судебной. Согласно действующему законодательству государство через министерства, ведомства, органы надзора обеспечивает безопасность предприятий, учреждений, кооперативов, других производств, независимо от форм их собственности. Вторым субъектом выступают работники производства, в соответствии с потребностями которых формируются отношения безопасности и которые наделены правами и обязанностями в обеспечении безопасности производства. Ключевой фигурой среди них являются должностные лица, ответственные за соблюдение правил безопасности. Субъектами данных отношений являются также профессиональные союзы (их объединения, органы), отстаивающие интересы трудящихся в данной сфере. В связи с деятельностью некоторых производств субъектами отношений являются также посторонние лица, заинтересованные в безопасном и безвредном функционировании таких производств, использовании его продукции. Субъектами могут быть также отдельные граждане, вступающие в правовые отношения с производством (например, для получения услуги) и в силу этого обязанные соблюдать определенные требования безопасности (например, взрыво- или химической безопасности).

Социальная связь имеет две основные характеристики: она всегда взаимная (взаимосвязь), а также предметная, так как устанавливается по поводу какого-либо предмета. Социальная связь является объективной реальностью, обладающей присущей ей внутренней упорядоченностью. В литературе отмечается, что только те связи, которые возникают

в процессе социальной деятельности людей, составляют общественные отношения, и в этом их отличие от всех других связей, существующих в действительности¹.

Безопасность производства, как и другие общественные отношения, является выражением определенной взаимосвязи (социальной связи) между субъектами: «Любая объективная общественная потребность есть одновременно общественное отношение, возникающее в результате изменения социальных условий, изменения сложившихся общественных взаимосвязей»². Для безопасности производства характерна волевая социальная связь: «сущность (содержание) такого рода социальной связи заключается в социальной возможности или невозможности либо необходимости вести себя определенным образом и в социальной возможности определенного состояния»³. Данная задача осуществляется путем установления и упорядочения отношений на производстве и в его сфере, подчинения их определенной цели. Упорядочение есть не что иное, как создание своего рода нормативного каркаса связей, необходимого для функционирования (организации) отношений безопасности производства. Субъекты, как элементы социальной структуры, подчинены задачам такого функционирования и поэтому создают некоторое целостное единство. Благодаря такому единству субъекты оказываются в определенных отношениях друг с другом. Состояния, исключающие воздействие опасных и приравняемых к ним вредных производственных факторов, достигаются путем выполнения субъектами требований безопасности, установленных законодательными актами, нормативно-технической документацией, правилами и инструкциями. Нарушение установленной социальной связи может привести к утрате контроля над различными по мощности физическими, химическими, биологическими силами, энергией, повлечь опасные последствия.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что родовым объектом преступлений, предусмотренных статьями 135, 218–220, 221, 228⁵, УК являются *отношения, обеспечивающие безопасность производства.*

¹ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношения. – М., 1980. – С. 80.

² Лармин О. В. О структуре общественных отношений // Очерки методологии познания социальных явлений. – М., 1970. – С. 64.

³ Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. – Волгоград, 1976. – С. 15.

§ 2. Непосредственные объекты и их виды

Важное теоретическое и практическое значение имеет установление непосредственных объектов преступлений, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК.

Непосредственный объект преступления наиболее полно отражает антисоциальную сущность определенного вида общественно опасного посягательства. Будучи составной частью родового объекта, он, однако, не совпадает с ним, как невозможно совпадение части с целым. Вместе с тем, обладая спецификой единичного, непосредственный объект должен отражать особенности родового объекта. Под непосредственным объектом понимают те конкретные общественные отношения, которые поставлены законодателем под охрану определенного уголовного закона и которым причиняется ущерб преступлением, подпадающим под признаки данного состава¹.

1. Непосредственный объект преступного нарушения правил охраны труда

В научной литературе объект рассматриваемого преступления определяется по-разному. Так, М. С. Гринберг считает, что на современном предприятии проблема охраны труда неотвратимо переходит в проблему общественной безопасности². Следует заметить, что указанная тенденция охватывает далеко не все предприятия. Для большинства из них, а также учреждений, организаций обеспечение их безопасности ограничивается внутренним пространством, где нарушение правил охраны труда причиняет ущерб лишь безопасности труда. Кроме того, ст. 135 УК обеспечивает безопасность не только материального производства, но и иных видов трудовой деятельности (медицинской, научно-исследовательской, в сфере оказания услуг и пр.), относящихся к нематериальному производству.

Ряд авторов, анализируя рассматриваемый вид преступлений, отмечают, что нарушение правил охраны труда направлено против одного из важнейших принципов организации производства – безопасности и безвредности условий работы, а в конечном итоге – против жизни, здоровья, трудоспособности трудящихся³. «Закон, – пишут А. П. Бороданков и В. К. Глистин, – имеет в виду охрану социалистических общественных

¹ См., например: Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. – С. 90.

² См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 24.

³ См.: Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. – М., 1958. – С. 50; Брайнин М. С., Квелидзе С. А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. – М., 1977. – С. 46–48.

отношений, гарантирующих безопасность трудящегося при выполнении им работы. Охраняются здоровье и жизнь работающего, его право на безопасный труд на предприятии»¹. Приведенные выше определения, на наш взгляд, не совсем удачны, так как в них четко не обозначен основной непосредственный объект, фактически отождествляются два вида отношений: безопасность труда (1); жизнь и здоровье человека (2).

В системе общественных отношений, обеспечивающих безопасность производства и охраняемых именно ст. 135 УК, указанные отношения находятся в субординационной зависимости, где безопасность труда – основной непосредственный объект, а жизнь и здоровье человека – дополнительный объект.

В последнее время в судебной практике² и литературе³ сложилось более определенное мнение, что объектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК, являются безопасные условия труда.

Соглашаясь с этим в целом, следует, однако, заметить, что в теории специальных разработок, его обосновывающих, не дано. Кроме того, сторонники данной позиции в системе объектов, охраняемых ст. 135 УК, не выделяют дополнительные объекты. Сохраняются неточности и в формулировке объекта.

Уже указывалось, что для установления сущности общественного отношения определяющее значение имеет его предмет. Предметом анализируемого отношения является безопасность труда (как общественный интерес). Как было отмечено выше, при определении объекта преступления, предусмотренного ст. 135 УК, пользуются формулировкой «безопасные условия труда»⁴, что не совсем точно.

¹ Бороданков А. П., Глистин В. К. Охрана безопасности труда. – Л., 1975. – С. 125.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). – М., 1987. – С. 756.

³ См.: Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Особенная. – Киев, 1985. – С. 182; Лановенко И. Н., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – Киев, 1989. – С. 75. В качестве характерной иллюстрации приведем следующее суждение А. А. Пинаева: «В составе нарушения правил охраны, повлекшем несчастные случаи с людьми (ч. 2 ст. 135 УК), основным объектом являются безопасные условия труда рабочих и служащих... поскольку этот объект, а не жизнь человека, в полной мере раскрывает суть названного общественного деяния» (см.: Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. – Харьков, 1975. – С. 7).

⁴ Курс советского уголовного права. – М., 1971. – Т. 5. – С. 248; Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Особенная. – С. 182; Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). – С. 756.

Правильнее формулировать объект этого преступления через понятие «безопасность труда», которое используется в технической нормативной литературе для определения именно рассматриваемого вида безопасности. Для данного понятия, согласно ГОСТа 12.0.002-80 «Система стандартов безопасности труда. Термины и определения», установлен один стандартизованный термин – «безопасность труда», который является обязательным для применения в документации всех видов научно-технической, учебной и справочной литературе. Применять термины-синонимы стандартизированного термина запрещается¹. Очевидно, что приведенные указания ГОСТа необходимо учитывать при формулировании в праве таких понятий, которые отражают явления техники. Таким образом, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность труда. Такой объект является основным, поскольку законодатель, принимая ст. 135 УК, взял под охрану уголовного закона именно данное конкретное отношение. Безопасность труда есть «состояние условий труда, при котором исключено воздействие на работающих опасных и вредных производственных факторов»². Данное состояние охватывает внутреннюю безопасность производства. В нем заинтересованы его работники (рабочие, служащие, инженерно-технический персонал, другие лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством).

2. Непосредственные объекты преступных нарушений правил безопасности горных и строительных работ (статьи 218 и 219 УК)

В силу обозначенного ранее сходства вопросы о непосредственных объектах данных преступлений целесообразно рассматривать вместе. Преступные нарушения правил горных и строительных работ способны причинить ущерб либо двум видам отношений безопасности производства: безопасности труда и общественной безопасности в сфере производства, либо одному из этих отношений. Это зависит от характера производственной деятельности, опасности работ, условий производства, особенностей используемых веществ и других обстоятельств. Как правило, ущерб причиняется безопасности труда. Однако при определенных условиях нарушение некоторых правил безопасности способно причинить ущерб как безопасности труда, так и общественной

¹ См.: ГОСТ 12.0.002-80. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – М., 1980. – С. 1–2.

² См.: ГОСТ 12.0.002-80. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – М., 1980. – С. 2.

безопасности в сфере производства этих работ либо только последней группе отношений безопасности производства. Например, нарушение установленного порядка по разработке недр способно при определенных условиях вызвать смещение поверхности части земной коры, разрушение находящихся на ней сооружений, человеческие жертвы. Поэтому для таких преступлений более правильным будет определение непосредственного объекта через понятие «безопасность производства соответствующих работ». Как уже было отмечено, безопасность производства охватывает две группы отношений: безопасность труда и общественную безопасность в сфере производства. В случае нарушения правил безопасности ущерб причиняется либо одной из групп отношений, либо тем и другим отношениям.

Исходя из изложенного, следует признать, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 218 УК, является безопасность производства горных работ – это отношения, обеспечивающие безопасность труда на данном производстве, а также общественную безопасность в сфере данного производства. Нарушение правил безопасности горных работ причиняет ущерб безопасности труда или общественной безопасности либо тем и другим отношениям одновременно. Изучение практики применения ст. 218 УК показало, что в большинстве случаев ущерб причинялся безопасности труда.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 219 УК, является безопасность производства строительных работ – это отношения, обеспечивающие безопасность труда на строительстве, а также общественную безопасность в сфере данного производства. Нарушение правил при производстве строительных работ причиняет ущерб безопасности труда или общественной безопасности, либо тем и другим отношениям одновременно. Для установления признаков состава преступления, предусмотренного данной статьей, «достаточно хотя бы одного из этих объектов»¹. Изучение практики применения ст. 219 УК показало, что в 20 % случаев ущерб причинялся общественной безопасности, при этом вредные последствия (гибель посторонних производству лиц, разрушение объектов строительства) наступали как в процессе строительства (17 %), так и по его завершению, в процессе эксплуатации зданий, сооружений, других объектов строительства (3 %).

¹ Тихонов Ю. С. Расследование и предупреждение преступных нарушений правил при производстве строительных работ: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 1970. – С. 5.

3. Непосредственные объекты преступлений, предусмотренных статьями 220, 221 и 2285 УК

Для нарушений правил безопасности на взрывоопасных предприятиях, в цехах (ст. 220 УК) при обращении со взрывчатыми (ст. 221 УК), радиоактивными материалами (ст. 228⁵ УК) характерно причинение ущерба именно общественной безопасности наряду с ущербом безопасности труда. Представляется, что как раз для данных видов деятельности наиболее приемлемым является определение объекта, которое было дано в свое время в постановлении Пленума Верховного Суда бывшего СССР от 5 декабря 1986 г.: «Объектом этих преступлений является общественная безопасность производства соответствующих работ (включая безопасные условия труда)»¹. В отличие от горных и строительных работ (ст. 218 и 219 УК), работы, сопряженные с необходимостью соблюдения специальных правил взрывобезопасности на взрывоопасных предприятиях (цехах), правил обращения со взрывчатыми, легковоспламеняющимися, едкими веществами, радиоактивными материалами, являются исключительно опасными.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 220 УК, является общественная безопасность в сфере производства работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (включая безопасность труда). В результате нарушений специальных правил взрывобезопасности при производстве на данных предприятиях (в цехах) исключительно опасных работ ущерб причиняется одновременно двум группам отношений безопасности². Данные объекты по своему социальному назначению (в плане обеспечения безопасности) не равны между собой. Общественная безопасность отражает более высокий тип опасности, и как следствие, обеспечивает охрану более широкого круга социальных интересов. Поэтому, несмотря на взаимозависимость этих отношений, безопасность труда для данных производств является отношением, подчиненным общественной безопасности. Указанное взаимоотношение между общественной безопасностью и безопасностью труда обуславливает, как представляется, необходимость сохранения в новом Уголовном кодексе нормы об ответственности за нарушения правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах.

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15.

² В этом проявляется одно из отличий рассматриваемого преступления от преступлений, предусмотренных статьями 218 и 219 УК, где ущерб может быть причинен не только двум группам отношений, обеспечивающих безопасность производства, но и одной из них.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 221 УК, является общественная безопасность в сфере обращения (хранения, использования, учета, перевозки, пересылки) со взрывчатыми веществами. Ущерб причиняется также отношениям, обеспечивающим безопасность труда.

Возможное нарушение общепринятой предосторожности, которое может иметь место при обращении со взрывчатыми веществами (например, при самовольном проносе рабочим на производство взрывчатых веществ и каких-либо действий с ними; при использовании в быту; незаконной рыбной ловли), причиняет ущерб иным отношениям: жизни, здоровью человека, собственности. В таких случаях деяния нарушителей квалифицируются по общим нормам Особенной части УК (например, по ст. 98 или ст. 105)¹.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 228⁵ УК, является общественная безопасность в сфере обращения (хранения, использования, учета, перевозки, совершения других действий) с радиоактивными материалами. Ущерб причиняется также безопасности труда.

Таким образом, преступления, родовым объектом которых являются отношения безопасности производства, можно подразделить на три относительно самостоятельные группы:

- 1) преступления против безопасности труда (ст. 135 УК);
- 2) преступления против безопасности производства при выполнении работ с повышенной опасностью (статьи 218, 219 УК);
- 3) преступления против общественной безопасности в сфере исключительно опасных производств или работ, связанных с использованием исключительно опасных веществ и материалов (статьи 220, 221, 228⁵ УК).

4. Дополнительные объекты преступлений против безопасности производства

При совершении преступлений, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, причиняется ущерб как основному непосредственному объекту, так и *дополнительным непосредственным объектам*. Это такие общественные отношения, которые, заслуживая самостоятельной уголовно-правовой охраны, защищаются данным уголовным законом, потому что ущерб им причиняется или может быть причинен путем (посредством) причинения ущерба основному непосредственному объекту.

¹ Подробнее о применении этих статей см.: Сташис В. В., Бажанов М. И. Уголовно-правовая охрана личности. – Харьков, 1976. – С. 70–74.

Вред, причиняемый дополнительным объектам, выступает как своего рода материальная характеристика развития отрицательных процессов на производстве (в его сфере) в связи с нарушением правил безопасности и свидетельствует о том, что развитие этих процессов затронуло другие отношения, поддержание которых зависело именно от обеспечения состояния безопасности производства. Для общества чрезвычайно опасно такое развитие событий, когда противоправное деяние опасно изменяет также другие общественные отношения. С учетом борьбы с такими опасными изменениями и сконструированы диспозиции статей 135, 218-220, 221, 228⁵ УК. Вред, причиняемый дополнительным объектам, является одним из признаков составов рассматриваемых преступлений, охватывается ими и не требует поэтому дополнительной квалификации по другим статьям УК.

Для преступления, предусмотренного ст. 135 УК, такими объектами являются жизнь и здоровье участников трудовой деятельности. Дополнительными объектами преступлений, предусмотренных статьями 218-220, 221, 228⁵ УК, являются: 1) жизнь и здоровье людей; 2) отношения собственности; 3) окружающая природная среда (экологическая безопасность в сфере производства). Для применения указанных статей вовсе не обязательно, чтобы ущерб был причинен всем названным выше объектам. Достаточно причинения ущерба хотя бы одному из них. Однако, и это важно подчеркнуть, даже в тех случаях, когда ущерб причиняется отношениям собственности или отношениям по охране окружающей природной среды, должна иметь место, как минимум, угроза причинения вреда жизни и здоровью человека. Такой вывод следует из сущности родового и основных непосредственных объектов, задач которых является обеспечение безопасности производства.

Поэтому среди дополнительных объектов, которым совершением деяний, предусмотренных статьями 218-220, 221, 228⁵ УК, причиняется ущерб или создается его угроза, можно выделить как обязательные, так и факультативные¹.

¹ Данные понятия ввел в научный оборот И. Н. Даньшин, исследуя объекты преступлений против общественного порядка (см.: Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – М., 1973. – С. 146–147). Они отличаются фактической точностью, лучшим образом содействуют раскрытию социально-политического содержания преступления, определению его повышенной общественной опасности. В работах ряда ученых применение этих понятий нашло поддержку (см., например: Сташис В. В., Панов Н. И. Непосредственный объект и его значение для квалификации преступлений // Проблемы правоведения. – Киев, 1969. – Вып. 50. – С. 85). Автор данной диссертации также использовал эти понятия при исследовании преступного нарушения правил при производстве строительных работ, признавая дополнительным-обязательным объектом этого преступления: отношения, установленные по поводу

Дополнительным обязательным объектом выступают жизнь и здоровье человека. Собственно говоря, названные отношения являются дополнительным обязательным объектом и для преступления, предусмотренного ст. 135 УК. Однако, поскольку охрану иных дополнительных объектов норма, содержащаяся в этой статье, не предусматривает, то при его определении достаточно ограничиться понятием «дополнительный объект». Обязательность причинения ущерба этому объекту или угроза такого ущерба подразумевается. К дополнительным факультативным непосредственным объектам преступлений, предусмотренных статьями 218–220, 221, 228⁵ УК, относятся отношения по охране собственности и по охране окружающей природной среды (экологическая безопасность в сфере производства). Этим общественным отношениям, выступающим дополнительно-факультативным объектом, не всегда, не обязательно, но в то же время, как было показано, достаточно часто (как закономерность) причиняется ущерб или возникает угроза его причинения при совершении рассматриваемых деяний, и поэтому они также защищаются нормами УК, устанавливающими ответственность за преступления, посягающие на безопасность производства.

Анализ общественных отношений, которым причиняется ущерб деяниями, предусмотренными статьями 135, 218–220, 221, 228⁵ УК, показывает, что иногда ущерб от этих деяний причиняется также отношениям, являющимся объектом охраны других норм УК. Например, нормальная хозяйственная деятельность, народное здоровье, установленный порядок управления и др. Эти отношения не входят в систему отношений безопасности производства в качестве образующего их элемента, не находятся с ними в непосредственной связи и зависимости и поэтому не могут быть признаны ни в качестве основного непосредственного, ни в качестве дополнительного объектов рассматриваемой группы преступлений. Значит, и уголовно-правовые нормы,

охраны жизни и здоровья людей, отношения социалистической и личной собственности, а дополнительно-факультативными – отношения, установленные по поводу охраны труда участников строительного производства (см.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – С. 21). В настоящее время, благодаря исследованию всего массива отношений безопасности производства, автор считает возможным внести изменения в приведенное выше деление дополнительных объектов нарушения правил при производстве строительных работ на виды. К дополнительным обязательным относятся отношения, установленные по поводу охраны жизни и здоровья людей; к дополнительным факультативным – отношения собственности и охраны окружающей природной среды. Отношения по поводу охраны труда участников строительного производства (безопасность труда) включены в систему основного объекта.

содержащиеся в статьях 135, 218-220, 221 и 228⁵ УК, не выполняют функцию охраны таких отношений. Вместе с тем, констатация ущерба иным общественным отношениям в связи с совершением конкретного деяния против безопасности производства может придать соответствующему преступлению какие-либо специфические социальные оттенки, что может быть отмечено при оценке в целом его общественной опасности. Причинение нарушением требований безопасности ущерба и иным общественным отношениям вполне объяснимо, поскольку общественные отношения – это сложная гамма социальных зависимостей, где часто одни влияют на другие либо обеспечивают их функционирование (особенно в условиях производства). Задача законодателя, формулирующего уголовно-правовую норму, выделить из системы общественных связей то основное отношение (группу отношений), которое необходимо поставить под охрану данного уголовного закона и которое определяет социальное и практическое содержание такой охраны.

В то же время, если причинение ущерба иным отношениям сопровождалось значительной деформацией (изменениями, разрывами) их структуры, наступлением общественно опасных последствий, не предусмотренных статьями 135, 218–220, 221, 228⁵ УК, то в таких случаях следует признать, что деяние, совершенное на производстве, обладает признаками двух преступлений, в связи с чем оно должно квалифицироваться по правилам совокупности преступлений. Например, при нарушении правил охраны труда, повлекшем несчастный случай с работником производства, причиняется также значительный ущерб нормальной хозяйственной деятельности предприятия (уничтожено дорогостоящее оборудование, приостановлены на длительное время производственные процессы и т.п.). В таком случае деяние подлежит квалификации по ст. 135 и ст. 167 УК.

Необходимо также отметить, что безопасность производства, ее виды: безопасность труда или общественная безопасность в сфере производства могут выступать в качестве дополнительных факультативных объектов других преступлений. Такими в системе Особенной части УК являются преступления, предусмотренные статьями 60, 75, 77, 77¹, 78, 167, 203, 215, 215², 215⁴, 217, 217¹, 220¹, 221¹, 225, 228², 245¹, 246, 247, 248 УК. Некоторые из посягательств, ответственность за которые установлена в данных нормах, причиняют ущерб отношениям безопасности производства довольно часто. Это преступления, предусмотренные статьями 165, 215, 215², 220¹ УК. Не случайно в судебной практике возникают проблемы их квалификации, отграничения от нарушений правил

охраны труда, безопасности при ведении отдельных работ. Некоторые авторы включают отдельные из этих норм в систему уголовно-правовой охраны безопасности производства. Так, И. П. Лановенко, как было отмечено, относит к их числу также нормы, содержащиеся в статьях 220¹, 221¹ и 225 УК¹. С таким подходом трудно согласиться, так как указанные нормы предусматривают ответственность за преступления, основными непосредственными объектами которых являются иные отношения. Для ст. 220¹ УК – пожарная безопасность, как составная часть общественной безопасности², для ст. 221¹ УК – безопасность полетов на воздушном транспорте³, для ст. 225 УК – общественная безопасность⁴.

§ 3. Механизм причинения ущерба отношениям безопасности производства. Потерпевший от преступления

1. Проведенные в последнее время исследования содержания объекта преступления, его структурных элементов дают основания для вывода, что каждому объекту как элементу состава преступления присущ свой механизм причинения ущерба. Поэтому следует признать, что установление иного механизма требует либо иной, соответствующей содеянному, квалификации, либо отказа от признания для данного случая в деянии лица признаков состава инкриминируемого ему преступления.

Ранее было отмечено, что отношения безопасности производства выражение определенной взаимосвязи (социальной связи) между членами общества. Это волевая социальная связь, с помощью которой устанавливается необходимое для производства состояние безопасности. Опасное изменение структуры связи, разрыв ее отдельных звеньев, воздействие на вещественные элементы причиняют или могут причинить ущерб общественному отношению. «Причинить вред объекту преступления, – пишет Н. И. Коржанский, – путем непосредственного воздействия на него невозможно. Объект как общественное отношение – это конкретная, определенная социальная связь между членами общества, обусловленная их совместным существованием, способом производства и распределением материальных благ. И потому нарушить эту связь можно лишь путем воздействия на что-то вещественное либо путем разрыва

¹ См.: Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 8–10.

² См.: Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. – Харьков, 1981. – С. 144.

³ См.: Ткаченко В. И. Преступления против общественной безопасности. – С. 43.

⁴ См.: Курс советского уголовного права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – Т. 5. – С. 173.

этой связи»¹. Для преступлений, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, характерен (в обобщенном виде) следующий механизм причинения ущерба объекту посягательства: лицо, обязанное соблюдать правила безопасности производства, нарушая их, воздействует непосредственно на «социальную связь» (элемент отношения), разрывает² либо изменяет³ ее в каком-то звене. Это означает, что в отношениях безопасности производства происходят: деформация, дезорганизация, ослабление социальных связей, потеря «управления» и контроля. В результате этого снижается установленный уровень безопасности. Производственные опасности выходят из-под контроля, повышая различным образом (в какой-то степени, значительно, резко) вероятность причинения вреда иным отношениям (дополнительным объектам – жизни, здоровью, собственности и др.), нормальное функционирование которых на данном производстве и в его сфере обеспечивалось установленными отношениями безопасности. Ущерб этим отношениям (угроза такого ущерба) причиняется опосредованно – через основной объект.

Исследуя механизм причинения ущерба общественным отношениям, Н. И. Коржанский отмечает следующие пути разрыва социальной связи: «а) невыполнение субъектом отношения возложенной на него социальной обязанности (преступное бездействие); б) исключения субъектом отношения себя из данного отношения (уклонения от выполнения социальной обязанности); в) издания представителем власти или должностным лицом неправомерного акта (приказа об увольнении, приговора, постановления об аресте, о привлечении в качестве обвиняемого и т.п.)»⁴. Не возражая против указанных вариантов разрыва социальной связи, следует отметить, что для каждого вида общественных отношений, которым причиняется ущерб путем воздействия на социальную связь, должна быть своя специфика ее разрыва, изменения. Так, для безопасности производства, разрыв, изменение социальной связи могут быть осуществлены путем: а) неисполнения участником отношения лежащей на нем социальной обязанности (то есть невыполнения определенных действий, предусмотренных правилами); б) ненадлежащего исполнения участником отношения социальной обязанности; в) выполнения участником отношения действий, противоречащих его социальной обязанности.

¹ Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. – С. 51.

² См.: Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. – С. 51, 74.

³ См.: Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и преступлений, совершенствование законодательства). – С. 11.

⁴ Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. – С. 73.

Обязанность лица совершать определенное, необходимое для социальной связи действие или, напротив, не совершать действия, что может отрицательно повлиять на социальную связь, лежит в основе общественных отношений, установленных для обеспечения безопасности производства. Общество заинтересовано в таком поведении участника общественного отношения, в выполнении ним своих обязанностей. Неисполнение, ненадлежащее исполнение или выполнение действия, противоречащего обязанностям, приводит к разрушению определенной части общественных отношений либо существенной деформации.

Ущерб, который причиняется исследуемым отношениям, как правило, сам по себе нематериален. Он представляет собой возникновение на производстве опасности. В ряде случаев установление такого состояния достаточно для возбуждения уголовного дела. Так, в ч. 1 ст. 135 УК предусмотрена ответственность за нарушение правил охраны труда, если оно «создавало опасность для жизни или здоровья трудящихся». В ч. 1 ст. 218 УК и ч. 1 ст. 219 УК сказано, что нарушение правил ... влечет ответственность, если оно «заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». В ч. 1 ст. 228⁵ УК установлена ответственность за действия, которые «могли повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия». Установление опасности подразумевается также в ч. 1 ст. 220 и ч. 1 ст. 221 УК.

Неисполнение субъектом установленной обязанности по обеспечению безопасности производства может вызвать также наступление реального вреда. Уголовно-правовые нормы, предусматривают ответственность за «несчастные случаи с людьми» (ч. 2 ст. 135 УК); «причинение вреда здоровью людей» (ч. 1 ст. 218, ч. 1 ст. 219 УК); «человеческие жертвы или иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 218, ч. 2 ст. 219, ч. 2 ст. 220, ч. 2 ст. 221 УК); «гибель людей или иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 228⁵ УК). Эти последствия лежат в сфере иных отношений — дополнительных объектов, охраняемых названными выше нормами. «Общественные отношения, являющиеся основным объектом преступления, повреждаются только путем разрыва этого отношения без видимых последствий. Но эти основные общественные отношения возникают и складываются именно по поводу охраны дополнительных»¹. Именно, как было уже сказано, с целью охраны жизни и здоровья личности, имущества, природной среды формируются в обществе отношения по обеспечению безопасности производства. Обязанность такого обеспечения возлагается непосредственно на участников производственной деятельности, а в некоторых случаях — и на посторонних

¹ Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. — С. 74.

производству лиц. Неисполнение, ненадлежащее исполнение или выполнение запрещенных действий причиняет социальный вред тем, что эти отношения не осуществляются. Поскольку лицо не действует так, как это необходимо для «социальной связи», то общественное отношение в какой-то части «омертвляется». Это и создает опасность для жизни и здоровья человека, целостности имущества, чистоты природной среды.

2. Во взаимосвязи с содержанием основного и дополнительного объектов, охраняемых непосредственно соответствующей уголовно-правовой нормой, механизмом причинения им ущерба следует решать вопрос о потерпевшем от рассматриваемых посягательств. Так, потерпевшим от преступного нарушения правил охраны труда (ст. 135 УК) могут быть как работники соответствующего предприятия, учреждения, организации, кооператива, организации арендаторов, так и иные лица, постоянная или временная деятельность которых связана с производством¹. К последним, в частности, относятся прибывшие в командировку, на практику, стажировку на данное предприятие, в учреждение, организацию. Это могут быть также рабочие, служащие, студенты, школьники, оказывающие шефскую помощь кооперативам (например, при уборке урожая); лица, работающие в кооперативах по трудовому договору. Практика свидетельствует о том, что иногда потерпевшими вследствие нарушения правил, которые предусмотрены ст. 135 УК, оказываются лица посторонние, не имеющие никакого отношения к работам на данном производстве. Некоторые следственные работники и суды ошибочно квалифицируют такие случаи по ст. 135 УК². Например, по ч. 2 ст. 135 УК было предъявлено обвинение инженеру К., ответственному за электробезопасность в одном из колхозов Красноградского района Харьковской области. Из материалов уголовного дела следует, что вследствие нарушений, допущенных ним, погиб от поражения электрическим током М., 13-ти лет, посторонний для производства, пришедший на молочнотоварную ферму со своей матерью³.

Признание основным объектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК, отношений по обеспечению безопасности труда на производстве позволяет точно определить, что их субъектами являются участники трудовой деятельности, и поэтому посторонние лица не могут быть

¹ См.: Бороданков А. П., Глистин В. К. Охрана безопасности труда. – С. 126.

² См.: Рад. право. – 1986. – № 6. – С. 86–87.

³ См.: Борисов В. И. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда в системе АПК // Проблемы соц. законности. – Харьков, 1989. – Вып. 23. – С. 122.

потерпевшими по ст. 135 УК¹. Последнее, однако, не означает, что в таких случаях в деянии должностного лица, допустившего нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда, не может быть состава преступления, и уголовное дело подлежит прекращению. Если в результате нарушения правил безопасности потерпевшими оказались иные лица – не участники соответствующего предприятия, учреждения, организации, действия субъекта, в зависимости от его служебного положения, характера и тяжести наступивших последствий, могут быть квалифицированы как должностное преступление или преступление против личности². Поэтому в приведенном выше примере обвинение инженеру К. следовало предъявить по ст. 167 УК, предусматривающей ответственность за халатность.

Потерпевшими от преступлений, ответственность за которые установлена в статьях 218–220, 221, 228⁵ УК, могут быть любые лица: работники соответствующих производств; иные лица, осуществляющие временную деятельность на производстве; а также лица, не имевшие никакого отношения к данному производству³.

Признание такого круга потерпевших от преступлений, предусмотренных статьями 218–220, 221 и 228⁵ УК, во многом объясняется спецификой отношений общественной безопасности в сфере производства. Эти отношения корреспондируют, с одной стороны, с отношениями безопасности труда (в определенных случаях даже включают их в себя), с другой – с отношениями безопасности. Сочетаясь с последними, они и обеспечивают интересы неопределенного круга посторонних лиц (их жизнь, здоровье)⁴, но в пределах деятельности производства (вокруг, около, в связи...).

¹ Иного мнения придерживается И. П. Лановенко, считающий, что прокурорско-следственная практика Украины должна охватывать квалификацией по ст. 135 УК все преступные нарушения правил охраны труда, независимо от круга потерпевших лиц (см.: Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 77).

² См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 14.

³ См.: Там же. – С. 15. Например, для укладки трубопровода к месту строительных работ, которые велись в районе жилых домов, завезли железобетонные лотки. При разгрузке эти лотки были сложены навалом по 6–7 штук один на другой, без подкладок и прокладок, которые бы предотвращали их смещение. Само место складирования не было ограждено. В результате допущенных нарушений, упавшим с верхнего ряда лотком, были смертельно травмированы двое детей, игравшихся возле не огражденного штабеля. Действия виновных были квалифицированы по ст. 219 УК (см.: Архив народного суда Дзержинского района г. Кривого Рога Днепропетровской области).

⁴ См.: Глистин В. К. Квалификация преступных нарушений правил охраны труда // Вестн. Ленингр. ун-та. Серия № II «Экономика, философия, право». – 1974. – Вып. 2. – С. 129.

Исходя из установления социальной сущности родового и непосредственного объектов рассматриваемых преступлений, «механизма» причинения им ущерба и круга потерпевших, диссертант считает возможным предложить следующее:

- выделить в Особенной части будущего УК Украины отдельную главу «Преступления против безопасности производства». Такое решение обусловлено тем, что: 1) рассматриваемые преступления посягают на один и тот же родовой объект – безопасность производства; 2) совпадают по дополнительному обязательному объекту – жизнь и здоровье человека, которому причиняется ущерб или создается угроза его причинения; 3) совершаются на производстве; 4) имеют сходный механизм причинения ущерба отношениям безопасности производства;

- при решении вопроса о размещении в новом УК соответствующей главы следует исходить из того, что рассматриваемые нормы, как и новые, предлагаемые для включения в УК, призваны обеспечивать охрану жизни и здоровья человека опосредованно, через установление и поддержание отношений безопасности производства. В этом их сходство с преступлениями против общественной безопасности и транспортными преступлениями. Поэтому предлагаемая глава в новом УК Украины могла бы быть помещена после главы «Преступления против общей (вариант: общественной) безопасности» и перед главой «Транспортные преступления».

Глава 2. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Деяние (действие, бездействие)

Объективная сторона преступлений против безопасности производства представляет собой совокупность признаков, которыми характеризуются рассматриваемые деяния с внешней стороны. Правильное установление признаков объективной стороны преступления имеет решающее значение для применения статей 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, их квалификации, отграничения от смежных преступлений и друг от друга, установления круга ответственных лиц, устранения ошибок, допускаемых в судебно-следственной практике по делам данной категории, а также для проведения профилактических мероприятий по устранению выявленных причин и условий, создающих возможность для совершения данных преступлений.

Обязательным признаком объективной стороны любого преступления является деяние (действие или бездействие). При совершении

преступлений против безопасности производства их деяния выражаются в *нарушении* требований безопасности, которые содержатся в правилах: по технике безопасности, промышленной (производственной) санитарии, производству горных и строительных работ, безопасности взрывоопасных предприятий (цехов), обращения со взрывчатыми веществами, материалами и других правилах (нормах, стандартах) по охране труда и безопасности работ. Это следует из диспозиций соответствующих статей УК. Под нарушением следует понимать несоблюдение или ненадлежащее соблюдение требований безопасности, предусмотренных определенными правилами, либо совершение в ходе производственной деятельности действий, прямо запрещенных правилами. Таким образом, нарушение может быть осуществлено в форме общественно опасного и противоправного деяния (действия или бездействия). Виды конкретного деяния (действия или бездействия) находятся в прямой зависимости от содержания соответствующего технического требования безопасности.

Деяствие (активное поведение) совершается либо путем ненадлежащего исполнения лицом требований безопасности, предусмотренных правилами, либо выполнения в процессе производства запрещенных действий. Преступное деяствие на производстве может выражаться в различных формах: устных или письменных распоряжениях и указаниях, командах, отдаваемых жестах, физическом воздействии на различные орудия труда, рычаги механизмов, кнопки управления и пр.

Бездеяствие (пассивное поведение) может заключаться либо в полном несоблюдении требования (-ий) безопасности, либо в неисполнении части требуемого (-ых) действий. При бездеяствии лицо никакими внешне выраженными действиями не влияет на ведение работ (отсутствуют необходимые жесты, слова, команды, письменные или устные приказы, распоряжения, указания), хотя производственная обстановка требовала определенного вмешательства, совершения действий, которые необходимы и предписываются требованиями безопасности. При бездеяствии, в отличие от действия, субъект не выполняет возложенной на него обязанности по предупреждению или устранению опасности на производстве и тем самым создает условия для разрушительного (поражающего) действия опасных и вредных производственных факторов. Такое бездеяствие лица становится общественно опасным.

Установлено, что бездеяствие как форма нарушения требования безопасности по степени общественной опасности не уступает общественно опасному деянию. Анализируя уголовные дела, можно сделать вывод о том, что более половины таких нарушений выражается именно

в форме бездействия. Характерно, что преступное бездействие при нарушениях правил безопасности на производстве чаще приводит к более тяжелым последствиям, чем действие¹.

Анализ материалов уголовных дел показал, что нарушение обычно выглядит не как единичный акт действия (бездействия), а представляет совокупность таких актов (множественность нарушений), систему, где нарушается не одно, а различные требования безопасности, в поведении же виновного сочетаются и преступное действие, и преступное бездействие. В большинстве случаев именно такая совокупность (а не единичное отступление от требований безопасности) образует объективную сторону преступления.

Система нарушений может характеризоваться не только наличием в деянии одного лица сочетающихся действия или бездействия. Она может представлять собой общественно опасные и противоправные деяния нескольких лиц. Каждое из этих лиц, в равной (или разной) степени, действуя или бездействуя, влияет своим поведением на создание ситуации на производстве, которая влечет (или может повлечь) общественно опасное последствие.

По содержанию конкретные нарушения могут быть разными, в зависимости от характера требований безопасности в сфере охраны труда, ведения работ повышенной опасности, обращения с опасными веществами, материалами. Так, обобщения материалов следственной и судебной практики по применению ст. 135 УК позволили установить следующие типичные формы нарушений: отсутствие надлежащего технического руководства, должного надзора за безопасностью труда (31,5 %); допуск к управлению неинструктированных, необученных (или недостаточно обученных) рабочих (18,2 %); отсутствие предохранительных сооружений, устройств, оборудования (15,1 %); неправильная эксплуатация механизмов, оборудования, ненадлежащее использование орудий и средств труда (9,3 %); допуск к работе на неисправных установках, агрегатах, механизмах, станках, использование неисправных инструментов (8,1 %); нарушение технологической дисциплины, технологии производства, правил эксплуатации (7 %).

Степень тяжести нарушения правила (-ил) безопасности на производстве может быть различной. Здесь возможно как незначительное, единичное нарушение, так и грубое или систематические нарушения. Установление степени тяжести нарушения правила (-ил) безопасности производства позволяет не только верно решить вопрос об объективной

¹ См.: Яблоков Н. Нарушения правил безопасности труда (особенности объективной стороны) // Соц. законность. – 1970. – № 12. – С. 42.

стороне рассматриваемых преступлений, но и избрать при вынесении приговора справедливую меру наказания. В наступлении общественно опасного последствия на производстве деяние конкретного его участника может быть лишь одним из факторов в числе других, обусловивших его наступление, или же иметь главное, решающее значение. Органы государственного обвинения и суды, устанавливая нарушение, которое вызвало общественно опасное последствие, довольно часто характеризуют его как «грубое». Встречается также определение – «систематическое нарушение».

Нарушение правила(-ил) безопасности производства может быть как непосредственным, так и опосредованным. Непосредственное означает прямую связь предметов, а опосредованное – такую связь предметов, процессов, которая осуществляется при помощи опосредующих звеньев¹. Здесь необходимо отметить, что в условиях современного производства происходят существенные изменения в отношении человека к материалам, сырью, иным предметам, на которые он должен воздействовать, преобразуя их. Так, на смену контактному способу производства приходит дистанционный. При контактном способе работник непосредственно воздействует, преобразует предмет, лично его воспринимает. При дистанционном – работник (именуемый в таких случаях оператором) как бы отдаляется от предмета преобразования, между ним и средством воздействия находится автономно функционирующая система технических устройств, посредством которой от оператора к средствам непосредственного воздействия идет целенаправленная информация. Если токарь наблюдает за процессом обработки металла, а мастер может непосредственно контролировать его действия, то оператор технической системы (как и должностные лица, которые им руководят) не наблюдает непосредственно за процессами воздействия на предмет преобразования, а судит о таком воздействии (процессе создания производственного продукта) по показаниям приборов и сигналам, т.е. на основании поступающей контрольной информации. Подобное положение операторов технических систем существенно осложняет их поведение, в том числе если оно приобретает характер общественно опасного и противоправного деяния, поскольку непосредственные физиологические поступки (действие – поворот рычага, нажатие на кнопку

¹ См.: Тихий В. П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства): Дис. на соиск. уч. степ. д-ра юрид. наук. – Харьков, 1987. – С. 218. Опосредованное, как отмечает Д. М. Трошин, всегда осуществляется «через какое-то третье явление, влияние воспринимается только через него» (см.: Трошин Д. М. Место и роль естествознания в развитии общества. – М., 1961. – С. 66).

или отсутствие такового – бездействие) должны рассматриваться в тесной связи с функциями технических систем. Последние становятся компонентом поведения человека, использующего технику (предметы, орудия, средства...), при непосредственном воздействии на другие предметы объективного мира (включая потерпевшего). Таким образом, действие (бездействие) включает в себя не только телодвижения человека как живого существа (или отсутствие таковых), но и контролируемые им функции технических систем. М. И. Ковалев и П. Т. Васьков, рассматривая такое деяние, заметили, что человек в таких случаях, сообразуясь с поставленной целью, сознательно выбирает характер своего поведения. Поведение человека заключается в сознательном управлении теми процессами, механизмами и т.п., которые находятся под его контролем или могут быть направлены на достижение своих целей¹. По мнению Н. Д. Дурманова, такое действие, образующее преступление, «охватывает собой не только телодвижение человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует...»². Данная точка зрения вызвала возражения. Так, В. Н. Кудрявцев писал: «Из этих в общем правильных положений вовсе, однако, не вытекает, что сознательно используемые человеком процессы являются частью его действия. Авторы явно переоценивают роль субъективной стороны, в частности, целей субъекта. Получается, что от этих целей зависят даже объективные границы действия... Это может привести к необоснованному расширению понятия действия за счет разнообразных последствий, которые мог предвидеть обвиняемый в зависимости от своих субъективных возможностей»³. И. П. Лановенко, развивая позицию В. Н. Кудрявцева, отмечает: «Действительно, не может быть сомнения, что преступное действие нельзя рассматривать в отрыве от явлений природы и механических процессов, но это вовсе не означает, что они являются составной частью человеческих действий»⁴. «Неправильно, – отмечает также Н. Ф. Кузнецова, – включать в понятие действия силы, которые использует лицо в своей деятельности, а тем более закономерности объективного мира. Действия человека зависят от его воли, закономерности же внешнего мира от воли и сознания человека независимы»⁵.

Представляется однако, что позиция Н. Д. Дурманова, М. И. Ковалева и П. Т. Васькова заслуживает предпочтения. Вместе с тем при

¹ См.: Ковалев М. И., Васьков П. Т. Причинная связь в советском уголовном праве. – М., 1958. – С. 43.

² Дурманов Н. Д. Понятие преступления. – М., Л., 1948. – С. 54.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 80.

⁴ Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. – Киев, 1975. – С. 214.

⁵ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. – М., 1968. – С. 11.

характеристике деяния, сочетающегося с функциями технических систем, следует делать определенное ограничение: физическое телодвижение в таком сочетании, представляет единое целое (действие) лишь в пределах непосредственно контролируемого человеком воздействия с помощью техники (предметов, орудий, средств и т.п.) на другие предметы объективного мира (включая потерпевшего).

Необходимо также остановиться на формах преступного деяния, которые во многом зависят от роли лица в осуществлении производственной деятельности. Так, должностные лица, ответственные за соблюдение правил безопасности, сами непосредственно не воздействуют на предметы преобразования. Они управляют производственным процессом, поэтому в большинстве случаев их деятельность заключается в даче распоряжений (указаний, наставлений) подчиненным. Такие распоряжения могут быть устными и письменными, следовательно, и нарушение должностными лицами установленных требований может выражаться в даче неправомерных распоряжений (при действии) либо отсутствии их (при бездействии).

Отступления от требований безопасности рядовыми работниками обычно выражаются в физическом воздействии (или отсутствии такового) на предметы, орудия труда, рычаги механизмов либо реже – в даче неправильных сигналов, команд (или отсутствии их в необходимых случаях).

Такова общая характеристика фактических признаков деяний (действия, бездействия) при совершении преступлений против безопасности производства. Социальное их содержание заключается в том, что они нарушают отношения безопасности производства, создавая возможность причинения вреда (ущерба) жизни и здоровью человека, а также собственности, окружающей природной среде, либо причиняют такой вред и поэтому являются общественно опасными и противоправными¹.

Преступления против безопасности производства представляют собой нарушение исключительно писанных правил безопасности. Так как диспозиции статей 135, 218-220, 221, 228⁵ УК являются бланкетными, то для установления содержания конкретного общественно опасного деяния (действия, бездействия) необходимо обращаться к правилам

¹ О соотношении общественной опасности и противоправности деяния см.: Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации: Учеб. пособие. – Свердловск, 1974. – С. 28–34; его же: Понятие преступления в советском уголовном праве. – Свердловск, 1987. – С. 58–86; Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – С. 65.

(нормам, стандартам, другим подобным источникам), содержащим требования безопасности, которые были нарушены. Отмечая это, Пленум Верховного Суда Украины в постановлении от 10 октября 1982 г. указал: «Суды с целью конкретизации обвинения по делам этой категории должны в приговоре ссылаться на соответствующие пункты (параграфы) нормативных актов, которые были нарушены, и раскрыть сущность допущенных нарушений (п. 6)»¹. Несмотря на неоднократность подобных рекомендаций со стороны высших судебных органов, материалы практики свидетельствуют о том, что и до настоящего времени в отдельных постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых, в обвинительных заключениях и даже в приговорах по-прежнему встречаются общие ссылки на правила безопасности без их конкретизации. В ряде случаев в делах отсутствуют необходимые для установления нарушения выписки из правил с изложением технических требований безопасности, что делает отсылку к правилам беспредметной, поскольку неясно, за что именно данное лицо привлекается к ответственности². «Факт установления конкретных нарушений правил техники безопасности или иных правил охраны труда, – пишет И. П. Лановенко, – это исходное требование для исследования объективной стороны рассматриваемых преступлений»³. Неточное, приблизительное описание допущенного нарушения правил охраны труда без указания на конкретный источник, по которому можно установить их содержание, ослабляет убедительность приговора, существенно затрудняет проверку его обоснованности кассационной инстанцией или в порядке надзора.

Используемое в законе понятие «правила» дано в общей форме и охватывает различные по названиям нормативные акты. В основном, это правила, инструкции, положения, нормы, требования, указания, стандарты. Разнообразны также учреждения и организации, принимающие

¹ Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 79.

² По данным нашего обобщения, подобные отступления были допущены в 57,3 % приговоров. Так, в приговоре народного суда Нововодолажского района Харьковской области о нарушении правил сказано следующее: «Подсудимый С. является должностным лицом на сахарном комбинате. Ответственный за соблюдение правил техники безопасности, охраны труда допускал к закреплению для поднятия груза посторонних рабочих и не провел с ними инструктажа. Допустил эксплуатацию неисправного электротельфера» (см.: Архив народного суда Нововодолажского района Харьковской области. Дело № 1-41 за 1981 год). Какие правила охраны труда нарушены, когда и кем они приняты, их конкретные пункты и содержание – об этом в приговоре ничего не сказано.

³ Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 28.

или утверждающие указанные нормативные акты. Они различаются и по сфере применения. Однако их, вопреки мнению некоторых ученых¹, нельзя относить к источникам уголовного права. Применительно к уголовному закону (его социальному назначению) они выполняют подчинённую (вспомогательную) роль². Требования безопасности, заложенные в правилах, способствуют установлению содержания признаков состава преступления, в первую очередь, общественно опасного и противоправного деяния (действия, бездействия). Противоправность рассматриваемого деяния имеет *сложный* (смешанный) характер. Совершение такого деяния запрещено и уголовным законом, и в то же время – нормами других отраслей права, содержащими как общие предписания о недопустимости нарушений правил охраны труда или ответственности за их нарушения (КЗоТ, Кодекс об административных правонарушениях, общедекларативные нормы отдельных Правил), так и конкретные технические требования безопасности, содержащиеся в правилах по охране труда, ведения отдельных повышено опасных работ, обращения на производстве с отдельными исключительно опасными веществами, материалами. Именно такие требования и необходимо устанавливать для конкретизации содержания допущенного общественно опасного деяния.

«Правила» выполняют еще одну функцию. Их содержание определяет пределы действия рассматриваемых уголовно-правовых норм. Они имеют немаловажное значение также для отграничения посягательств на безопасность производства от иных преступлений, так как охватывают не только писанные источники, в которых содержатся требования безопасности (условия безвредности), но и характеризуют поведение человека, которое на производстве является нормативно обусловленным. Поэтому данное понятие (как наиболее общее по отношению к другим обозначениям нормативных актов – стандарты, инструкции и др.) должно быть сохранено в уголовном законе.

Изложенные соображения обуславливают необходимость рассмотрения вопроса о содержании правил (их видах, характере, сферах использования) применительно к каждой из указанных уголовно-правовых норм.

¹ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. – М., Л., 1948. – С. 297–298.

² См.: Тоболкин П. С. Научно-технический прогресс и вопросы законодательной конструкции диспозиций преступлений // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. – М., 1975. – С. 91–93, Мельникова Ю. Б., Беляева Н. В., Плешаков А. Б. Вопросы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда // Вопр. борьбы с преступностью. – М., 1980. – Вып. 33. – С. 65

Правила охраны труда. Правила техники безопасности, промышленной санитарии, иные правила охраны труда, названные в диспозиции ст. 135 УК, содержат требования по безопасности труда, которые могут быть обязательными для всех видов производственной деятельности, или нескольких отдельных отраслей производства либо для конкретных предприятий. Поэтому по сферам применения различают единые, межотраслевые и отраслевые правила охраны труда и нормативные акты предприятий.

Единые правила распространяют своё действие на все производства, независимо от форм собственности и видов деятельности. Они содержат обязательные требования по охране труда, относящиеся ко всем предприятиям, учреждениям, организациям. Например, Санитарные нормы проектирования промышленных предприятий (СН 245-71) должны соблюдаться при проектировании любого завода или фабрики. Наиболее важные правила содержатся в нормативных актах, принимаемых высшими законодательными или исполнительными органами власти Украины либо, по поручению последних, другими государственными органами (министерствами, ведомствами) совместно или по согласованию с профсоюзными организациями.

Межотраслевые правила определяют требования безопасности при производстве отдельных видов работ, а также для видов производств или типов оборудования, имеющих в различных отраслях народного хозяйства (например, Правила установки и безопасной эксплуатации паровых котлов, трубопроводов пара и горячей воды, сосудов, работающих под давлением, грузоподъемных кранов, лифтов).

Отраслевые правила и нормы по охране труда учитывают специфические особенности отдельных отраслей народного хозяйства.

Нормативные акты отдельных предприятий. Согласно ст. 157 КЗоТ Украины при отсутствии в правилах требований, соблюдение которых при производстве определённых работ необходимо для обеспечения безопасности труда, администрация предприятия, учреждения, организации по согласованию с профсоюзными комитетами принимает соответствующие меры по ее обеспечению. В зависимости от конкретных условий либо используются дополнительные организационно-технические меры (например, устанавливается ограждение, оборудуется автоматическая блокировка), либо издаются локальные нормы¹, содержащие требования безопасности, соблюдение которых необходимо при выполнении конкретной работы (разрабатывается специальная

¹ На возможность принятия на предприятиях таких нормативных актов указано также в ст. 17 Закона Украины «Об охране труда».

инструкция, принимается технологическая карта). Такие нормы должны соответствовать единым, межотраслевым или отраслевым нормативным актам об охране труда. Непринятие организационно-технических мер должно расцениваться как халатность, и в случае наступления общественно опасных последствий на производстве из-за отсутствия таких мер деяния виновных квалифицируются по ст. 167 УК. Что же касается локальных норм, то их нарушение подпадает под действие ст. 135 УК при наличии всех признаков данного состава преступления. Нельзя согласиться с тем, что положения и инструкции, утвержденные на предприятии, не являются надлежащими нормативными источниками для применения ст. 135 УК¹. Важно, не кто и на каком уровне принял нормативное предписание, а то, что оно было и его следовало соблюдать.

В последние десятилетия наряду с правилами (нормами, инструкциями и т.п.) для обеспечения безопасности труда широкое распространение получили *стандарты безопасности*. Существуют государственные стандарты безопасности труда (ГСБТ) и отраслевые стандарты. В технических условиях на промышленные изделия предусмотрены разделы охраны труда, устанавливающие требования безопасности, являющиеся разновидностью стандартов безопасности. Кроме того, по отдельным вопросам принимаются стандарты безопасности предприятий².

Требования безопасности, устанавливаемые в стандартах, более универсальны, отвечают современным достижениям науки и техники, их качественный уровень значительно выше требований, содержащихся в Правилах по технике безопасности. Однако по целевому назначению они выполняют аналогичную функцию – обеспечивают безопасные условия труда на производстве. Поэтому нет необходимости специально их выделять в диспозиции уголовного закона, где можно ограничиться общим понятием «правила».

По характеру содержащихся в правилах требований и их отраслевой направленности различают *общие* и *специальные* правила. К общим относятся правила, содержащие требования безопасности для всех видов производства. Это также отдельные нормы межотраслевых и отраслевых правил по охране труда, содержащие требования безопасности, характерные для всех отраслей производства. Например, требование о необходимости проведения первичного инструктажа по технике безопасности на рабочем месте. Специальные правила охраны труда

¹ См.: Мельникова Ю. Б., Беляева Н. В., Плешаков А. М. Вопросы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда // *Вопр. борьбы с преступностью*. – Вып. 33. – С. 65.

² См.: Рекомендации Всесоюзного совещания по охране труда. – М., 1981. – С. 26.

содержат требования безопасности для одной отрасли, с учетом ее специфики, или для одной какой-то работы, требующей принятия для безопасного ее ведения локальной нормы. К специальным относится также большинство норм межотраслевых правил, содержащих требования безопасности для работ, которые могут применяться в нескольких отраслях производства, так называемые «правила сквозного характера»¹. Например, Техника безопасности при дуговой электросварке.

Не охватываются признаками ст. 135 УК нарушения специальных правил, содержащих требования безопасности при производстве горных и строительных работ, правил безопасности на взрывоопасных предприятиях (в цехах), а также правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых веществ или радиоактивных материалов. Деяния, выразившиеся в нарушении таких правил, образуют самостоятельные составы преступлений, которые предусмотрены статьями 218–220, 221, 228⁵ УК. К виновным в нарушениях этих правил при указанных в названных статьях УК условиях должна применяться соответственно одна из этих норм, а не ст. 135 УК. По тем же основаниям следует проводить отличие ст. 135 УК от ст. 220¹ УК (нарушение правил пожарной безопасности)².

Вместе с тем не исключается возможность применения ст. 135 УК за нарушение правил охраны труда при производстве горных и строительных работ, работ на взрывоопасных предприятиях (в цехах), при обращении со взрывчатыми веществами, радиоактивными материалами. Такая квалификация допустима, когда нарушаются общие правила охраны труда³. Например, прораб при производстве строительных работ нарушил требования безопасных условий труда для женщин: работница перемещала тяжести свыше предельно допустимых нагрузок, что привело к длительному расстройству ее здоровья. В данном случае

¹ См.: Яблоков Н. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда и техники безопасности // Сов. юстиция. – 1972. – № 8. – С. 8.

² Так, Тячевский районный народный суд Закарпатской области ошибочно квалифицировал по ч. 2 ст. 135 УК действия заведующего авторемонтной мастерской П., который нарушил правила пожарной безопасности: запалил спичку в смотровой яме, где был разлит бензин и работал сварщик Т. В результате взрыва и пожара Т. получил тяжкие телесные повреждения, сгорел также автомобиль, стоявший в мастерской. Действия П. надо было квалифицировать по ч. 3 ст. 220¹ УК (см.: Маляренко В. Недоліки розгляду справ про порушення правил охорони праці і безпеки ведення робіт (ст. 135, 218–220 КК УРСР) // Рад. право. – 1987. – № 2. – С. 22).

³ См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда УССР № 6 от 10 октября 1982 г. «О практике применения судами Украинской ССР законодательства по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда».

деяния виновного, допустившего нарушение общих правил охраны труда, должны квалифицироваться по ст. 135 УК.

Однако, если должностное лицо нарушает общие и специальные требования безопасности при производстве горных и строительных работ, работ на взрывоопасных предприятиях (в цехах), при обращении со взрывчатыми веществами или радиоактивными материалами, и допущенные нарушения, являясь сопричинами, вызывают общее для них общественно опасное последствие, то содеянное квалифицируется только по статьям 218–220, 221, 228⁵ УК. Например, мастер строительного участка не провел вводного инструктажа прибывшему на стройку рабочему (нарушение общих правил) и направил его на участок, где были неогражденные опасные проемы (нарушения специальных правил). Рабочий оступился, упал в проем и погиб. Действия мастера необходимо квалифицировать по ст. 219 УК.

Из сказанного следует, что квалификация по ст. 135 УК нарушений общих правил охраны труда, допущенных должностным лицом при производстве повышено опасных работ, и нарушений специальных требований безопасности по статьям 218–220, 221, 228⁵ УК допустима только в случаях реальной совокупности преступлений¹.

Повышенно опасной является также деятельность, в том числе и производственная, в сфере движения и эксплуатации транспорта. Преступные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта влекут ответственность по специальным уголовно-правовым нормам (статьи 77, 215, 215², 215⁴, 217, 246 УК), а не по ст. 135 УК. Например, ответственное за техническое состояние сельскохозяйственных машин должностное лицо допустило выпуск в эксплуатацию неисправного колесного трактора с прицепом. Ведущие колеса трактора были установлены на минимальную, а не максимальную ширину колеи, как этого требуют правила, обеспечивающие безопасность движения и эксплуатации таких транспортных средств. Не был также обеспечен тормозами прицеп. Кроме того, это лицо допустило к управлению тракториста, не имевшего двухгодичного опыта работы на колесных тракторах, который согласно правилам необходим для управления трактором с прицепом. Когда тракторист, двигаясь на тракторе, стал сворачивать с дороги на поле, сначала

¹ Подробнее о разграничении нарушений правил охраны труда (ст. 135 УК) от смежных преступлений против безопасности производства см.: Келина С. Разграничение ответственности по ст. 140 и ст. ст. 214–216 УК РСФСР // Сов. юстиция. – 1966. – № 5. – С. 17–18; Кобзаренко П., Иванов А. Еще раз о разграничении ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР // Сов. юстиция. – 1971. – № 16. – С. 18–19; Федотов В. И. Разграничение преступных нарушений правил безопасности горных работ и смежных преступлений // Правоведение. – 1978. – № 1. – С. 38–41.

прицеп, а затем и трактор опрокинулись. Тракторист погиб. В данном случае деяния виновного квалифицируются по ст. 215² УК, а не по ст. 135 или ст. 219 УК, как это иногда имеет место в судебной практике¹. Обращая внимание на такого рода ошибки в квалификации, Пленум Верховного Суда УССР в своем постановлении от 10 октября 1982 г. отметил: «Выпуск в эксплуатацию заведомо технически неисправных строительных или сельскохозяйственных машин, которые используются как транспортные средства, или иное грубое нарушение правил их эксплуатации, которые обеспечивают безопасность движения, совершенное лицом, ответственным за техническое состояние или эксплуатацию этих средств, при наличии оснований судам необходимо квалифицировать по ст. 215² УК УССР, а не по статьям 135, 219 УК УССР»².

Вместе с тем, если лицо, отвечающее за выпуск исправного транспорта, либо осуществляющее управление и контроль за работой транспортных средств, либо непосредственно работающее на них, преступно нарушает только правила ведения определенных (нетранспортных) работ, техники безопасности или иные правила охраны труда, то независимо от того, были допущены эти нарушения во время движения транспортных средств или нет, действия виновного подлежат квалификации по закону, предусматривающему ответственность за нарушения этих правил, в том числе и по ст. 135 УК. При этом действия водителей или иных рядовых работников транспорта, нарушивших требования безопасности при ведении работ, не связанных с движением транспорта, квалифицируются по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Такая квалификация, однако, осуществляется в случаях, если работы, требования безопасности производства которых были нарушены, не предусмотрены статьями 218-220, 221, 228³ УК.

Самостоятельное место в системе технических требований производства занимают правила технической эксплуатации³. На практике

¹ См.: Маляренко В. Недоліки розгляду справ про порушення правил охорони праці і безпеки ведення робіт (ст. 135, 218-220 КК УРСР). – С. 21–22.

² См.: Збірник постанов пленуму Верховного Суду Української РСР (1962–1984 рр.). – К., 1985. – С. 219.

³ Правила технической эксплуатации, отмечает М. И. Федоров, имеют иное целевое назначение, чем правила техники безопасности, ибо «они возникают непосредственно из потребностей самого производства и служат ему (обеспечение технологических процессов, безотказной и безаварийной работы производственного оборудования и механизмов, рационального и эффективного использования производственных мощностей и т.д., а также обеспечение безопасности самого производства как такового)». (см.: Курс советского уголовного права. – Л., 1973. – Т. 3. – С. 703.

иногда возникают вопросы о возможности квалификации их нарушений по ст. 135 УК. Здесь необходимо указать, что эти правила подчинены (должны отвечать, соответствовать) техническому режиму безопасности производства, поскольку недопустимы ни один из технологических процессов, эксплуатация оборудования, механизмов и прочее, если это сопряжено с угрозой для жизни и здоровья рабочих (ст. 156 КЗоТ Украины). Поэтому, если нарушаются требования правил технической эксплуатации в процессе производственной деятельности в той части, в которой их соблюдение обеспечивает безопасность труда, то содеянное следует квалифицировать по ст. 135 УК.

2. Правила безопасности горных работ. Статья 218 УК отсылает к специальным правилам безопасности. Эти правила издаются совместными решениями соответствующих министерств, органов Госгортехнадзора Украины, других ведомств. Они, как правило, согласовываются с соответствующими отраслевыми профсоюзными органами. В настоящее время основными нормативными актами, которые применяются в горном производстве Украины, являются: Правила безопасности в угольных и сланцевых шахтах (утверждены Минуглепромом СССР и Госгортехнадзором СССР в 1986 г., согласованы с Госстроем СССР и ЦК профсоюза угольной промышленности. М., 1986); Единые правила безопасности при разработке рудных, нерудных и россыпных месторождений подземным способом (утверждены Госгортехнадзором СССР 31 августа 1971 г. М., 1977); Единые правила безопасности при разработке месторождений полезных ископаемых открытым способом (утверждены Госгортехнадзором СССР 30 августа 1986 г. М., 1987); Единые правила безопасности при взрывных работах (утверждены Госгортехнадзором СССР 28 марта 1976 г. М., 1976); Правила безопасности при геологоразведочных работах (утверждены Госгортехнадзором СССР 20 марта 1979 г. М., 1979).

Существуют также Типовые инструкции для рабочих основных профессий горного производства, которые устанавливают порядок выполнения соответствующих работ, содержат требования к поведению рабочих на том или ином участке и обращению с машинами и механизмами. Типовые инструкции учитывают специфические для профессии опасности и опасности общего характера, связанные с определенной производственной операцией, а также предусматривают безопасные методы работ¹.

¹ Например: Типовая инструкция по охране труда для машиниста электровоза подземного: Утв. Мин. угольной промышленности СССР 3 дек. 1974 г. – М., 1978; Инструкция по безопасным методам работ для машиниста-механика комбайна и его помощника в лавах, оборудованных механизированными комплексами: Утв. 20 апр. 1970 г. – М., 1971.

Кроме того, следует выяснить, не вносились ли администрацией горного предприятия дополнения к типовым правилам и инструкциям по безопасному ведению горных работ. Эти дополнения отражают особенности обеспечения безопасности работ и условия эксплуатации на данном объекте.

Составная часть правил безопасности горных работ – правила технической эксплуатации, которые предусматривают порядок и условия безопасного ведения отдельных производственных процессов в горном производстве¹, порядок эксплуатации горных машин и агрегатов.

Таким образом, правила техники безопасности горных работ и технической эксплуатации (Инструкции по отдельным производственным процессам) составляют единую систему мер нормативного обеспечения безопасности горных работ. При решении вопроса об ответственности лица по ст. 218 УК в каждом конкретном случае необходимо обращаться к правилам, регулирующим данный вид горных работ. В случаях, когда для решения вопроса о том, какие правила нарушены при производстве горных работ, необходимы научные, технические или специальные знания, приглашаются эксперты или специалисты.

Если будет установлено, что в процессе горного производства нарушены не правила безопасности горных работ, а, например, меры общей предосторожности, то действия виновного не образуют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 218 УК. Такие действия, в зависимости от характера последствий (смерть человека, причинение вреда здоровью), квалифицируются по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против личности.

Диспозиция ст. 218 УК указывает не только на правила, нарушение требований которых может повлечь уголовную ответственность, но и на вид производственной деятельности – горные работы.

Понятие «горные работы» по-разному определяется в юридической литературе. Так, Н. Ф. Кузнецова считает, что «это работы по проведению и поддержанию горных выработок, производимые для разведки месторождений и добычи полезных ископаемых»²; Э. Н. Зинченко отмечал, что применительно к ст. 218 УК горными работами «следует считать урегулированное правилами безопасности, а равно иными организационно-техническими и контрольными мероприятиями ведение горных работ, включающих весь комплекс технологического процесса разработки полезных ископаемых как подземным, так и открытым

¹ См.: Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – С. 16.

² Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1971. – С. 392.

способом, поиск и разведку месторождений, проектирование, реконструкцию и ремонт шахтных стволов, оборудования, прохождение и поддержание горных выработок»¹. Детальное исследование понятий «горные работы», которые даны в юридической литературе, проводит И. П. Лановенко в монографии «Безопасность труда в горной промышленности и уголовный закон». Отмечая противоречия, ошибки и различия в подходе к содержанию данного понятия, автор подчеркивает, что наиболее приемлемым, применительно к действующему уголовному законодательству, должно быть понятие «горные работы» в узком смысле слова, без расширительного толкования, основанное на определениях, представленных в технической литературе и соответствующих нормативных актах. И. П. Лановенко считает, что это работы по проходке и поддержанию горных выработок, которые проводятся для разведки или добычи полезных ископаемых².

Пленум Верховного Суда бывшего СССР, учитывая практическую важность единообразного толкования понятия «горные работы» для квалификации преступлений, отграничения нарушений правил безопасности горных работ от смежных составов, разъяснил, что «под «горными работами», указанными в ст. 214 УК РСФСР и соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик (ст. 218 УК – В. Б.), следует понимать работы по строительству, реконструкции, эксплуатации и ремонту буровых установок, шахт и иных выработок по добыче полезных ископаемых как подземным, так и открытым способом, а также строительство и ремонт подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых (метрополитена, тоннелей и т.п.). При решении вопроса об отнесении тех или иных конкретных работ к горным необходимо исходить из содержания статей 28–32 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах»³. Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР дал широкое толкование понятия «горные работы», включив в него и комплекс работ, необходимых для добычи полезных ископаемых, и работы, не связанные с добычей таких, но осуществляемые в недрах (строительство, ремонт). При этом Пленум не посчитал предложенное понятие полным и рекомендовал решать вопрос о признании тех или иных конкретных работ горными исходя из содержания Основ законодательства Союза ССР и союзных

¹ Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – С. 12.

² См.: Лановенко И. П., Скрипник А. Н., Розовский Б. Г. Безопасность труда в горной промышленности и уголовный закон. – Киев, 1978. – С. 54–62.

³ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15.

республик о недрах. Необходимо признать, что такой подход к толкованию понятия «горные работы» более соответствует назначению ст. 218 УК (ст. 214 УК РСФСР и других союзных республик). Представляется, что выделение уголовно-правовой нормы, охраняющей именно безопасность горных работ, было связано, в первую очередь, с особыми условиями (повышенной опасностью) их производства. Эти условия равным образом присущи как основным работам горного производства (добыча полезных ископаемых, проходка шахт, строительство тоннелей и т.п.), так и дополнительным и вспомогательным работам (взрывные, транспортные, погрузочно-разгрузочные и т.п.), осуществляемым в таких же условиях.

3. Правила при производстве строительных работ (ст. 219 УК). Эти правила регулируют технологию производственных процессов, направленных на непосредственное получение либо видоизменение (реконструкцию, ремонт, разборку, передвижку) строительной продукции, и обеспечивают безопасность в сфере ведения строительных работ, а в последующем – безопасность эксплуатации возведенных строительных объектов (зданий, сооружений, жилых домов и пр.). Основным нормативным актом, в котором содержатся рассматриваемые правила, являются Строительные нормы и Правила (СНиП).

Статья 219 УК предусматривает также ответственность за нарушение специальных правил техники безопасности, хотя в диспозиции этой статьи они прямо не названы. Специальные правила регламентируют вопросы охраны труда в пределах строительной отрасли с учетом ее специфики и особенностей. Большинство из них расположено в главах II и III СНиП. В литературе по этому вопросу высказывается и иное мнение, согласно которому правила техники безопасности не должны включаться в понятие «строительные правила», а их нарушение не подпадает под квалификацию ст. 219 УК¹. Однако Пленум Верховного Суда бывшего СССР в постановлении от 5 декабря 1986 г. признал, что нарушения правил техники безопасности, допущенные при производстве строительных работ, следует квалифицировать по ст. 219 УК².

¹ См.: Келина С. Разграничение ответственности по ст. 140 и статьям 214-216 УК РСФСР // Сов. юстиция. – 1968. – № 5. – С. 17–18; Кузнецов В. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР // Сов. юстиция. – 1971. – № 3. – С. 26–27.

² См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15. Следует заметить, что в диспозициях аналогичных статей УК ряда государств бывшего СССР (ст. 206 УК Казахстана, ст. 229 УК Литвы, ст. 215 УК Латвии, ст. 235 УК Армении, ст. 206 УК Эстонии) прямо предусмотрена ответственность за нарушение правил техники безопасности при производстве строительных работ.

Под действие этой статьи подпадают также нарушения так называемых правил охраны безопасности труда «сквозного характера» (межотраслевых), т.е. регулирующих безопасность производства таких работ, которые могут осуществляться в нескольких отраслях народного хозяйства, в том числе в строительстве (например, правила техники безопасности и производственной санитарии при электросварочных работах). Вместе с тем нарушение таких правил не в связи с производством строительных работ, а, например, в связи с ремонтом на промышленном предприятии производственного оборудования, не может быть квалифицировано по ст. 219 УК.

Санитарные правила относятся к специальным профилактическим правилам при производстве строительных работ. Различают следующие их виды: организация технологических процессов и гигиенических требований к производственному оборудованию; обеспечение безопасности строительства от воздействия пыли, газов и токсических веществ; учет метеорологических факторов; нормативы освещенности рабочих мест. Таким образом, санитарные правила обеспечивают как безопасность работ, так и условия их безвредности.

Правила эксплуатации строительных механизмов обеспечивают также безопасность в сфере производства строительных работ. Поскольку почти все строительные машины и механизмы применяются и в других отраслях народного хозяйства, особенно в промышленности строительных материалов, то условием для квалификации нарушений правил эксплуатации строительных механизмов по ст. 219 УК является использование этих механизмов при ведении строительных работ. Так, дробильно-сортировочные и смесительные машины могут применяться и в промышленности строительных материалов, и для изготовления последних в пределах места производства строительных работ. Подъемные машины могут применяться для погрузочно-разгрузочных работ в любой отрасли производства (в том числе в строительстве). В случаях преступного нарушения правил эксплуатации строительных механизмов не при выполнении строительных работ виновные подлежат ответственности по другим статьям УК – 98, 105, 135, 167. Применение соответствующей статьи закона зависит от конкретных обстоятельств дела¹.

¹ См.: Рад. право. – 1982. – № 11. – С. 86; 1983. – № 2. – С. 80. Так, приговором Ирпенского городского народного суда Киевской области был осужден по ч. 2 ст. 219 УК машинист автокрана К., который был признан виновным в нарушении правил эксплуатации строительных механизмов при производстве строительных работ, что повлекло смерть стропальщика Г. Несчастный случай произошел на складе строительного управления, когда автокран приводился в транспортное положение после выполнения К. и Г. работ по разгрузке труб. По протесту первого заместителя

Следует заметить, что некоторые строительные механизмы являются самоходными (колесный экскаватор, бульдозер, автогрейдер и др.) и иногда используются как транспортные средства. В таких случаях (например, при следовании на строительный объект, при перемещении с одного участка строительства на другой) безопасность эксплуатации обеспечивается иной системой норм – правилами движения и эксплуатации транспортных средств. Преступное нарушение таких правил влечет ответственность по статьям об автотранспортных преступлениях – 215–215⁴ УК, на что неоднократно обращалось внимание высшими судебными инстанциями¹.

Диспозиция ст. 219 УК предусматривает ответственность за нарушения обозначенных в ней правил лишь в связи с осуществлением производства строительных работ, т.е. такой производительной деятельности, которая связана с технологическими процессами по получению строительной продукции либо по ее видоизменению (реконструкции, ремонту, а также разборке и передвижению). Под технологическими процессами понимается осуществление в определенной заданной последовательности различных видов строительных работ (например, экскавация грунта, монтаж сборных конструкций, окраска стен и пр.), а под деятельностью – управление этими процессами со стороны инженерно-технического персонала, а также труд рабочих – непосредственных исполнителей строительных работ.

Пленум Верховного Суда бывшего СССР понимал под строительными работами: земляные, каменные, бетонные, монтажные, демонтажные, изоляционные, кровельные, электромонтажные, отделочные, санитарно-технические, погрузочно-разгрузочные и другие работы, производимые на строительной площадке в связи с возведением, реконструкцией, ремонтом, передвижением или сносом жилых зданий, помещений и сооружений производственного, складского, бытового, общественного и иного назначения, а также работы вне строительной площадки, связанные с ремонтом и прокладкой линий связи, электросетей, дорог, коммуникаций теплоснабжения, газоснабжения, водоснабжения, канализации и других инженерных сетей².

Председателя Верховного Суда УССР преступление, совершенное К., переквалифицировано на ст. 98 УК. Было отмечено, что работы, которые проводили К. и Г., не были связаны со строительством конкретного объекта (см.: Рад. право. – 1986. – № 7. – С. 89, 94).

¹ См.: п. 14 постановления Пленума Верховного Суда УССР от 10 октября 1982 г. // Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80.

² См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15.

Сопоставление данного понятия с ранее приведенным понятием «горные работы», показывает, что оно не распространяется на аналогичные работы, осуществляемые в горном производстве. Это работы по строительству, реконструкции и ремонту буровых установок, шахт и иных выработок по добыче полезных ископаемых, а также строительство и ремонт подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых (метрополитена, тоннелей и т.п.). Нарушение правил безопасности таких работ охватывается признаками ст. 218 УК. В иных случаях вид производства, где ведутся строительные работы, не имеет значения для квалификации по ст. 219 УК нарушений правил безопасности строительства¹.

4. Правила безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства, подлежат квалификации по ст. 220 УК лишь в случаях, когда они были допущены в определенном, прямо предусмотренном в диспозиции статьи, месте – на взрывоопасном предприятии (в цеху). Поэтому, прежде чем говорить о нормативно-технических актах, к которым отсылает данная уголовно-правовая норма, важно выяснить, что такое «взрывоопасное предприятие (цех)».

Пленум Верховного Суда Украины разъяснил, что принадлежность предприятия (цеха) к взрывоопасным определяется не характером наступивших последствий, а категорией и классом производства по взрывоопасности, установленных технологическим регламентом². Эти категории (классы, группы) устанавливаются проектными организациями, министерствами, производственными объединениями, органами Госгортехнадзора и некоторыми другими организациями как для предприятия в целом, так и для отдельной его очереди или пускового комплекса, а также для различных основных (цех, участок, отделение) и вспомогательных (склады, лаборатории) производственных подразделений.

К взрывоопасным относятся предприятия или отдельные цеха, которые используют, например, аммиак, ацетон, бензин, бутан, доменный газ, силог, метан, спирт, толуол, коксовый газ, эфир, сероводород, сероуглерод, уайтспирит в качестве сырья или готовой продукции, либо эти вещества выделяются при производстве³. Взрывоопасными считаются заводы и цеха, которые производят взрывоопасные вещества, порох и боеприпасы. К взрывоопасным относятся некоторые

¹ См.: Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80.

² См.: Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80.

³ См.: Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1975. – С. 393.

цеха обогащительных и брикетных фабрик (например, цех термической сушки, дробилочный и прессовальный цехи)¹. Это может быть и химическая лаборатория, где в результате различного рода опытов образуются взрывоопасные вещества. К взрывоопасным предприятиям относятся также шахты, опасные по выделению газа метана или по взрыву угольной, серной или сульфидной пыли, шахты по вскрытию и разработке угольных пластов, склонных к внезапным выбросам угля и газа или же к самовозгоранию ископаемого². Анализ практики показывает, что оставление без внимания вопроса о характере шахты, ее взрывоопасности приводит к ошибкам в квалификации деяния³.

Если по характеру производства ведутся ремонтные работы, например при горных и строительных работах, и при этом не образуются взрывоопасные смеси воздуха и продукты взрыва, то такие производства (предприятия, участки, цехи) не относятся к взрывоопасным⁴.

Под производственно-технической дисциплиной, о нарушении которой говорит ст. 220 УК, следует понимать соблюдение технологического

¹ См.: Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., 1964. – С. 41.

² См.: Лановенко І. П. Боротьба із злочинами проти трудових прав і безпеки виробництва. – К., 1972. – С. 185.

³ См.: Маляренко В. Недоліки розгляду справ про порушення правил охорони праці і безпеки ведення робіт (ст. 135, 218–220 КК УРСР). – С. 22. Например, по части 1 ст. 218 УК были квалифицированы действия мастера-взрывника М., допустившего нарушение ряда правил, которые могли привести к взрыву газа метана и угольной пыли, возникновению пожара, что, в свою очередь, могло повлечь человеческие жертвы. Суд при рассмотрении дела отметил, что шахта, где были допущены нарушения, относится к третьей категории по газу метану и опасна по взрывности угольной пыли. Деяния М. были переквалифицированы судом с ч. 1 ст. 218 УК на ч. 1 ст. 220 УК (см.: Архив народного суда г. Лисичанска Луганской области; см. также: Определение судебной коллегии Верховного Суда УССР от 24 июля 1982 г. по делу Т. // Рад. право. – 1982. – № 10. – С. 88). Отмечая важность правильной квалификации таких случаев, Пленум Верховного Суда Украины в п. 17 постановления от 10 октября 1982 г. указал: «Нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность горных работ во взрывоопасной шахте, вследствие чего произошел взрыв или создавалась реальная угроза его возникновения, подлежит квалификации по ст. 220 УК УССР, а не по ст. 218 УК УССР» (см.: Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80; см. также: Рад. право. – 1974. – № 12. – С. 87).

⁴ Вызывает сомнение квалификация деяния П., С. и Ш. по ч. 2 ст. 220 УК, признанных виновными в нарушении правил при производстве буровзрывных работ в угольной шахте, что повлекло за собой взрыв и несчастный случай с людьми. Из материалов дела не видно, что шахта, где произошел несчастный случай, относится к взрывоопасной, хотя это обстоятельство необходимо устанавливать при применении ст. 220 УК (см.: Архив народного суда г. Кировска Луганской области).

порядка ведения производственных процессов, установленного технологическими требованиями режима работы оборудования, аппаратуры и приборов, обеспечивающих безопасность производства.

Помимо ответственности за нарушение производственно-технической дисциплины, диспозиция ст. 220 УК предусматривает ответственность также за случаи нарушения правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Это «правила (инструкции), предусматривающие меры безопасности от взрывов и сопутствующих им пожаров, отравлений и иных тяжких последствий»¹. Указанные правила в технической литературе и нормативно-технических документах именуется правилами взрывобезопасности. Согласно ГОСТ 12.1.010.76 взрывобезопасность – это «состояние производственного процесса, при котором исключается возможность взрыва, или в случае его возникновения предотвращается воздействие на людей вызываемых им опасных и вредных факторов и обеспечивается сохранение материальных ценностей». В соответствии с этим для обеспечения взрывобезопасности необходимо соблюдение, во-первых, правил, направленных на исключение возможности взрыва, и, во-вторых, правил, предназначенных для защиты людей и материальных объектов от вредных факторов взрыва, если он все же случится. Первую разновидность В. И. Антипов называет правилами взрывопредупреждения, а вторую – правилами защиты².

Нарушение на взрывоопасном предприятии (в цехе) иных правил безопасности (техники безопасности, производства определенных работ) не содержит признаков ст. 220 УК. Такие деяния квалифицируются в зависимости от должностного положения виновного, характера совершенных действий и наступивших последствий по статьям 135, 218, 219 либо статьям УК, предусматривающим ответственность за должностные преступления против личности³.

Отдельно следует остановиться на случаях нарушения на взрывоопасных предприятиях (в цехах) правил пожарной безопасности. В силу особенностей рассматриваемого производства нарушение таких правил в равной мере может как создавать угрозу пожара, угрозу взрыва, так и вызвать их. В судебной практике возникли вопросы относительно квалификации таких нарушений. Пленум Верховного Суда Украины,

¹ См.: п. 11 постановления Пленума Верховного Суда бывшего СССР от 5 декабря 1986 г. // Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1967. – № 1. – С. 15.

² См.: Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – Киев, 1987. – С. 43.

³ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15–16.

рассматривая 3 октября 1986 г. применение законодательства по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда, принял по этим вопросам специальное решение. Нарушение на взрывоопасном предприятии (в цеху) правил пожарной безопасности при отсутствии пожара рекомендовано квалифицировать по ст. 220 УК при наличии всех иных признаков состава данного преступления. Если же нарушение правил приведет к возникновению пожара, то действия виновного следует квалифицировать по ст. 220 и ст. 220¹ УК, то есть по правилам идеальной совокупности преступлений¹.

Таким образом, при квалификации деяний по ст. 220 УК важно устанавливать не только характер производства (взрывоопасное предприятие, цех, участок, лаборатория и т.п.), но и правила, которые были нарушены.

5. Правила хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых веществ. Деяние, предусмотренное ст. 221 УК, заключается в нарушении правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых веществ, а также незаконной пересылки этих веществ по почте или багажом. Указанное деяние влечет ответственность по данной статье независимо от того, в какой отрасли производства оно допущено, за исключением случаев, когда нарушения правил обращения с веществами, представляющими повышенную опасность для окружающих, содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 245¹ УК². Взрывчатые вещества – это твердые, жидкие или газообразные вещества или смеси веществ, которые способны к химической реакции с выделением газов с такой интенсивностью, температурой и давлением, что это вызывает

¹ Полная редакция этого указания следующая: «17.1. Нарушение на взрывоопасном предприятии (в цеху) правил пожарной безопасности, которое в силу условий производства могло вызвать взрыв или вызвало его, при отсутствии человеческих жертв, других тяжких последствий или пожара, подлежит квалификации по ч. 1 ст. 220 УК УССР. То же деяние, которое вызвало только возникновение пожара, квалифицируется по совокупности ч. 1 ст. 220 и ч. 2 ст. 220¹ УК УССР. Нарушение на взрывоопасном предприятии (в цеху) правил пожарной безопасности, вызвавшее взрыв, который повлек человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, подлежит квалификации по ч. 2 ст. 220 УК УССР. То же деяние, которое вызвало взрыв и пожар, повлекшие человеческие жертвы или другие тяжкие последствия, следует квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 220 и ч. 3 ст. 220¹ УК УССР (см.: Рад. право. – 1987. – № 1. – С. 91).

² См.: п. 13 постановления № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. // Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 16; см. также: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 4. – С. 45.

повреждение окружающих предметов¹. К ним относятся порох, динамит, тротил, нитроглицерин и др.

Проведенный В. И. Антиповым анализ технических и правовых норм, регламентирующих порядок обращения со взрывчатыми веществами, а также обобщение материалов практики дали ему возможность сделать вывод о том, «что взрывчатые вещества не только способны к взрыву, но и прямо предназначены для производства взрывов». Поэтому не являются взрывчатыми те вещества, жидкости и газы, которые не предназначены для производства взрывов (взрывных работ), хотя и способны при определенных условиях образовывать взрывоопасные соединения (различного рода пыли, газовоздушные смеси и др.). Нарушения правил безопасности на предприятиях, где используются вещества, способные образовывать взрывоопасные соединения, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 220 УК².

Диспозиция ст. 221 УК указывает на две группы деяний, содержание которых требует обращения к правилам. Для первой из них это прямо указано в законе: «Нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых веществ». Что касается второй группы – «незаконная пересылка этих веществ по почте или багажом», то необходимость обращения к соответствующим нормативным актам следует из содержания уголовного закона. Указание на наказуемость не любой, а лишь незаконной пересылки этих веществ означает, что для установления признаков конкретного деяния следует обратиться к нормам, регулирующим порядок «законной» пересылки взрывчатых веществ по почте или багажом.

Под «правилами использования взрывчатых веществ» следует понимать правила (инструкции), регламентирующие безопасное применение упомянутых веществ и изделий в промышленных или иных целях, в том числе при производстве горных и строительных работ³. Они содержат требования по технике безопасности и промышленной санитарии, предъявляемые к должностным лицам, административно-техническому персоналу и ко всем работникам производственного процесса. Содержание правил зависит от вида и свойств веществ и подробно регламентируется соответствующими инструкциями.

Пересылка взрывчатых веществ по почте запрещена Уставом связи (ст. 38) и Почтовыми правилами (ст. 84). Согласно Правилам перевозки

¹ См.: ГОСТ 19433-81 «Грузы опасные. Классификация. Знаки опасности».

² См.: Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – С. 62, 63.

³ См.: п. 13 постановления № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. – С. 16.

пассажиrow и багажа по железным дорогам, изданным на основании Устава железных дорог, запрещается также пересылка взрывчатых веществ багажом. Поэтому пересылка по почте или багажом взрывчатых веществ всегда незаконна¹. Таким образом, уголовно-правовая норма, имея в виду пересылку взрывчатых веществ по почте или багажом, фактически повторяет запрет, сформулированный в других нормативных актах. Это неслучайно, поскольку в данной части законодатель обращается не только к специальным работникам почтовых и багажных служб, но и к любым лицам, пользующимся услугами таких служб. Такая формулировка во многом упрощает обоснование применения уголовного закона к случаям пересылки взрывчатых веществ по почте или багажом. Однако в целом природа этой диспозиции закона не меняется. Уголовно-правовая норма остается бланкетной и требует обращения при ее применении к правилам пересылки по почте или багажом взрывчатых веществ.

6. Правила хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов (источников ионизирующего излучения, радиоактивных веществ и ядерных материалов, находящихся в любом физическом состоянии в установке или в изделии, либо в ином другом виде)².

В ст. 228⁵ УК сказано о нарушении правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов и других правил обращения с ними. Указанные нарушения квалифицируются по ст. 228⁵ УК независимо от вида производства и работ, требующих использования радиоактивных материалов.

Правила обращения с радиоактивными материалами содержат требования по технике безопасности и промышленной санитарии, предъявляемые к должностным лицам, административно-техническому персоналу и ко всем иным работникам производственного процесса. Содержание правил зависит от вида и свойств материалов и подробно регламентируется соответствующими инструкциями. Так, радиоактивные вещества

¹ См.: Тихий Н. П. Квалификация преступлений против общественной безопасности. – Харьков, 1961. – С. 47.

² Такое понятие радиоактивных материалов дано в ст. 228² УК. К ним относятся: радий, уран, рутений-106, цезий-131, мезоторий, кобальт, стронций и другие материалы. Опасность радиоактивных материалов состоит, во-первых, в том, что их излучение, воздействуя на живые организмы, вызывает в них функциональные и морфологические нарушения. Длительное или хотя бы кратковременное, но интенсивное облучение приводит к лучевой болезни, раковым и другим тяжелым заболеваниям. Во-вторых, эти материалы могут при нарушении правил обращения с ними попасть во внешнюю среду – воду, продукты питания и причинить человеку внутреннее лучевое поражение с теми же последствиями.

должны храниться в основном кожухе и находиться в тех помещениях, где с ними проводится работа; работы по гамма-дефектоскопии проводятся под постоянным контролем дозиметрических приборов¹. Независимо от группы, радиоактивные вещества, предназначенные к перевозке, должны содержаться в специальных контейнерах, то есть, в этих правилах предусмотрены способы осторожного, предусмотрительного, бережного обращения с радиоактивными материалами; в них указано, как необходимо поступать с такими материалами, чтобы избежать опасности причинения вреда².

Сферы применения. Правила могут содержать требования, обязательные для предприятий, учреждений и организаций, независимо от их ведомственной принадлежности. Например, в введении к «Правилам безопасности при транспортировании радиоактивных веществ (ПБТРВ-73)» сказано, что они «распространяются на транспортирование радиоактивных веществ автомобильным, воздушным, железнодорожным, морским и речным транспортом и обязательны для предприятий, организаций и учреждений всех министерств и ведомств, осуществляющих отгрузку, перевозку, погрузочно-разгрузочные работы и хранение радиоактивных веществ»³. Могут быть также ведомственные инструкции, принимаемые с учетом специфики конкретной работы. Сферы применения таких инструкций ограничиваются отдельными предприятиями либо одной отраслью производства, например «Правила перевозки радиоактивных веществ самолетами гражданской авиации»⁴.

Приведенный анализ позволяет сделать выводы о характере правил, к которым отсылают статьи 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, что, как отмечалось, имеет важное значение для отграничения уголовно-правовых норм, охраняющих безопасность производства, друг от друга. Итак, по характеру сформированных требований безопасности, правила делятся на:

- общие правила охраны труда (техники безопасности, промышленной санитарии, иные правила охраны труда);
- специальные правила, которые обеспечивают безопасность определенных работ или производств (включая правила охраны труда);

¹ См.: Ефимов М. А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск, 1971. – С. 103.

² См.: Тихий В. П. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности обращения с общеперильными предметами: Учеб. пособие. – Киев, 1989. – С. 25.

³ Правила безопасности при транспортировании радиоактивных веществ (ПБТРВ-73). – М., 1973. – С. 3.

⁴ См.: Собрание нормативных актов о транспорте. – Ч. III. – М., 1986. – С. 292.

– правила «сквозного характера», обеспечивающие безопасность работ, которые могут осуществляться в нескольких отраслях производственной деятельности;

– правила технической эксплуатации, которые обеспечивают как нормальное осуществление технологических операций, так и безопасность производства и получаемой продукции.

Из этого следует, что ст. 135 УК предусматривает ответственность за нарушение общих правил охраны труда, в том числе и тогда, когда нарушение таких правил было допущено при выполнении работ и другой деятельности, которые предусмотрены статьями 218-220, 221, 228⁵ УК. Под признаки ст. 135 УК попадают также нарушения специальных правил охраны труда (а также «сквозного характера» и технической эксплуатации), которыми обеспечивается безопасность ведения большинства работ, исключая, естественно, работы, перечисленные в статьях 218-220, 221, 228⁵ УК.

Что касается статей 218-220, 221, 228⁵ УК, то они охватывают нарушения: специальных правил, которые обеспечивают безопасность работ или иной производственной деятельности, указанных в диспозициях данных статей (в том числе и правил охраны труда). Под их действие попадают также правила «сквозного характера», обеспечивающие безопасность работ, используемых в процессе горного, строительного, взрывоопасного производства, обращения со взрывчатыми веществами или радиоактивными материалами (например, транспортных, погрузочно-разгрузочных, работ по ведению электрической или газовой электросварки). Статьями 218-220, 221, 228⁵ УК охватываются также правила технической эксплуатации, которые при выполнении горных, строительных и других работ обеспечивают как нормальное осуществление технологических операций и процессов, так и безопасность производства и получаемой на нем продукции.

Преступления против безопасности производства влекут за собой определенные общественно опасные последствия, исследованию которых посвящается следующий параграф.

§ 2. Последствия преступления

Последствия – это определенные социально вредные изменения в объектах уголовно-правовой охраны. Характер этих изменений обуславливается содержанием общественных отношений, на которые происходит посягательство. Такое понимание последствий преступления основано на законе (ст. 7 УК и другие нормы уголовного законодательства)

и является общепринятым в науке уголовного права¹. Отсюда следует, что установить виды и содержание последствий преступления можно лишь учитывая содержание и особенности его объекта.

Нарушения требований, содержащихся в правилах охраны труда и безопасности производства, влекут определенные изменения в общественных отношениях. Как было показано, воздействуя непосредственно на «социальную связь» (элемент отношения), нарушение разрывает ее в каком-то звене либо изменяет. В отношениях безопасности производства происходят определенные изменения: деформация, дезорганизация, ослабление социальных связей, утрата «управления» и контроля. Вследствие этого снижается установленный уровень безопасности². Производственные опасности выходят из-под контроля, повышая различным образом (в какой-то степени, значительно, резко) вероятность ущерба иным отношениям – жизни, здоровью, собственности, окружающей природной среде. Это основное последствие³, причиняемое отношениям безопасности производства нарушением установленных требований по их поддержанию (функционированию). Это последствие «не подчиняется точному соизмерению в каком-либо натуральном (числе, весе и т.п.) или денежном выражении»⁴. Являясь

¹ См., например: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М., 1958. – С. 18; Михлин А. С. Понятие и виды последствий преступлений // Вопросы уголовного права и процесса. – М., 1958. – С. 41; Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. – М., 1963. – С. 39–41; Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-на-Дону, 1977. – С. 82.

² Например, взрывоопасные предприятия согласно ГОСТу должны проектироваться и сооружаться таким образом, чтобы вероятность возникновения взрыва на любом взрывоопасном участке в течение года не превышала 10^{-6} (см.: Взрывобезопасность. Общие требования. ГОСТ 12.1.010.76. – М., 1978. – С. 1). Как видим, взрыв на таких предприятиях, без упущений со стороны персонала, несмотря на их крайнюю предусмотрительность, может произойти, но не чаще, чем один раз в миллион лет. Данная вероятность и есть установленный технически возможный уровень безопасности.

³ Понятие «основное последствие» применительно к преступлениям в области использования техники приводит М. С. Гринберг. Он пишет: «Причинение вреда отношениям общественной безопасности, нарушает ли оно связи людей по поводу использования техники, или влечет снижение надежности лиц, участвующих в управлении этих связей, или вызывает разрушение механизмов и машин, ведет к снижению упорядоченности процессов, опосредующих «обмен веществ» между человеком и природой. Таково основное последствие (подчеркнуто нами. – В. Б.) данных преступлений, причинение же смерти, телесных повреждений, материального ущерба – их дополнительное последствие» (см.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 58).

⁴ Ляпунов Ю.И. Природа преступных последствий в деликтах создания опасности // Сибирские юридические записки. – Вып. 4. Проблемы борьбы с преступностью. – Омск, 1974. – С. 71.

следствием нарушения, оно (образуясь, возникая) совпадает, как правило, с деянием во времени. С определенной долей условности можно сказать, что такое последствие является свойством нарушения. В этом заключается социальная природа основного последствия рассматриваемых преступлений, его общественная опасность. В практическом плане данный вывод может иметь следующее значение: при установлении признаков состава преступления, не связанного с наступлением производных последствий (смерти, телесных повреждений, имущественного ущерба и т.п.)¹, достаточно констатации факта нарушения. Очевидно, это и имел в виду законодатель, формулируя уголовную ответственность за некоторые посягательства на отношения безопасности производства. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 220 УК указано на нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. О последствиях или возможности их наступления в этой части нормы ничего не сказано. Указанием на «нарушение...» ограничился законодатель и в ч. 1 ст. 221 УК. «Умолчание законодателя об общественно опасных последствиях деяния, лежащих в одной плоскости с его объектом, – свидетельство непреложности последних, обусловленной их однозначной, «жесткой» связью с общественно опасными действиями (бездействием)»². Таким последствием применительно к ч. 1 ст. 220 и ч. 1 ст. 221 УК являются изменения в системе «социальных связей», снижающие установленный уровень безопасности. Происходит, как верно заметил В. И. Антипов, замена полезного, охраняемого законом состояния безопасности на социально вредное состояние опасности³. В теории уголовного права деяния, с такого рода последствиями, часто называют преступлениями, ставящими в опасность, либо преступлениями, создающими абстрактную опасность вредного последствия⁴. То, что законодатель не указал на необходимость специального установления (доказывания) опасности, дало основание некоторым авторам утверждать, что деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК, – это преступления с формальным составом⁵. Такое

¹ Подробнее о природе производственных последствий см.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушения правил при производстве строительных работ. – С. 47–52.

² Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 58.

³ Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – С. 13.

⁴ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 58.

⁵ Ткаченко В. И. Преступления против общественной безопасности. – М., 1984. – С. 55; Такой же вывод следует из толкований ч. 1 ст. 220 и ч. 1 ст. 221 УК, которые даны

толкование не нашло широкой поддержки в теории и практике. «По ч. 1 ст. 220, – пишут авторы Научно-практического комментария к УК УССР, – надлежит квалифицировать нарушения производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях (в цехах), которые привели к взрыву, повлекшему последствия, не предусмотренные ч. 2 ст. 220, т.е. менее тяжкие последствия. Или не привели к взрыву, однако создавали опасность такого взрыва или возможность наступления при взрыве тяжких последствий»; «Нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых веществ влечет уголовную ответственность по ч. 1 ст. 221, если они создавали опасность наступления тяжких последствий»¹. Такую же позицию разделяет судебная практика². Так,

в работах: Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – С. 42; Советское уголовное право. Часть Особенная. – Киев, 1968. – С. 567–568; Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения: Учеб. пособие. – М., 1970. – С. 117; Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1973. – С. 508.

¹ Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. – Киев, 1987. – С. 744 и 748; См. также: Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – С. 14–15.

² Известно, например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу П., которая была осуждена народным судом по ч. 1 ст. 108¹ УК РСФСР 1926 г. (ст. 220 УК УССР 1961 г.). Прекращая дело за отсутствием состава преступления, Судебная коллегия указала, что «для применения ст. 108¹ УК РСФСР необходимо установить, что допущенные нарушения повлекли за собой взрыв или пожар во взрывоопасном предприятии либо угрожали последствиями взрыва или пожара. То, что П. бросила электродетонаторы в озеро, не могло вызвать вышеуказанных последствий» (см.: Судебная практика Верховного Суда СССР. – 1952. – № 9. – С. 16). Интересный пример, относящийся к ч. 1 ст. 221 УК, приводит В. А. Антипов: При проверке временного расходного склада Терлиг-Хаянской разведочно-эксплуатационной партии комбината «Тува-кобальт» всесоюзного объединения «Союзникель» Минцветмета СССР был выявлен факт утраты 428 кг гранулита при перевозке со станции Оросительная Хакасской автономной области в пос. Терлиг-Хая. Расследованием установлено, что взрывчатые вещества рассыпались из разорванных мешков по пути следования автомашин через щели в кузовах и подобрать их с дороги было невозможно. Утрата гранулита произошла вследствие нарушения установленных Инструкцией по транспортировке взрывчатых веществ (см.: Единые правила безопасности при взрывных работах. – М., 1981. – С. 159). Однако, поскольку взрывчатые вещества были утрачены таким образом, что полностью потеряли свои взрывные свойства, допущенное нарушение правил человеческих жертв или иных тяжких последствий повлечь за собой не могло, ущерба общественной безопасности не создало. При таких обстоятельствах содеянное не содержит состава преступления, предусмотренного ст. 221 УК (см. Антипов В. А. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – С. 15).

Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 10 октября 1982 г. указал: «По ч. 1 ст. 220 УК УССР подлежат квалификации нарушения производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях (в цехах), которые повлекли взрыв, причинивший последствия, не предусмотренные ч. 2 ст. 220 УК УССР, либо не повлекли взрыв, но создали его угрозу или возможность наступления при нем тяжких последствий»¹.

Изложенное позволяет сделать вывод, что ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК толкуются расширительно – деяния, ими предусмотренные, признаются преступлениями с материальным составом². Из этого следует, что указанные посягательства необходимо относить к преступлениям, создающим конкретную опасность вредного последствия, на пределы которой не указано в уголовном законе. Поскольку опасность не обозначена какими-то качественными признаками, то для установления ее пределов и содержания (объема) необходимо обратиться к нормам других отраслей законодательства, которыми охраняется безопасность производства в соответствующей сфере³, а также к содержанию данного закона. Такое обращение позволяет заключить, что для преступлений, указанных в ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК опасность должна быть связана с угрозой взрыва на взрывоопасном предприятии (в цехе) или при выполнении работ, сопряженных с использованием (хранением, учетом, пересылкой) взрывчатых веществ. Создаваемая деяниями угроза должна быть реальной, то есть в развитии производственных процессов должно появиться такое качественно иное негативное состояние, которое содержит конкретную опасность взрыва. Таковы, например, курение или пользование открытым огнем в газовой (метановой) шахте, которые создают опасность взрыва и гибели людей⁴. Наличие (отсутствие) реальной возможности наступления последствий служит критерием для разграничения преступлений и других правонарушений (дисциплинарных, административных), при совершении которых отсутствует угроза взрыва.

Сопоставление с другими частями позволяет заключить, что под признаки ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК подпадают также случаи, когда нарушения правил влекут за собой последствия, которые не могут

¹ Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80.

² См.: Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 115.

³ См.: Винокуров С. Ответственность за преступные нарушения правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами или пиротехническими изделиями // Сов. юстиция. – 1976. – № 5. – С. 23.

⁴ См.: Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1975. – С. 394.

считаться тяжкими¹. Это может быть взрыв, не вызвавший никаких разрушений либо повлекший незначительный материальный ущерб, средней тяжести телесные повреждения одному лицу либо легкие телесные повреждения одному или нескольким лицам или другие менее значительные повреждения здоровья граждан.

К преступлениям, создающим конкретную опасность вредного результата, относятся также деяния, на пределы конкретной опасности которых (в отличие от ч. 1 ст. 220 УК и ч. 1 ст. 221 УК) непосредственно указано в диспозициях соответствующих статей. Это нарушение правил охраны труда, создавшее опасность для жизни и здоровья трудящихся (ч. 1 ст. 135 УК); нарушение правил безопасности горных работ (ч. 1 ст. 218 УК) и нарушение правил при производстве строительных работ (ч. 1 ст. 219 УК), которые заведомо могли повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия; нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки радиоактивных материалов, если эти действия могли повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия (ч. 1 ст. 228⁵ УК).

Таким образом, законодатель по-разному определяет пределы конкретной опасности. Так, по ч. 1 ст. 135 УК ответственность наступает, когда нарушение правил охраны труда создавало угрозу наступления достаточно широкого круга производных последствий: лишения жизни человека, причинения одному или нескольким лицам телесных повреждений тяжких, средней тяжести, а также легких, которые могут вызвать кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности.

Более узкие пределы опасности предусмотрены в ч. 1 ст. 218 УК, ч. 1 ст. 219 УК и ч. 1 ст. 228⁵ УК. В диспозициях этих частей указано на нарушения, которые могут повлечь человеческие жертвы (гибель людей) или иные тяжкие последствия. Закон тем самым предусматривает ответственность не за всякий вред, который может наступить вследствие создания опасности, а лишь за возможность наступления наиболее тяжкого. Создание угрозы причинения менее опасных последствий лежит за пределами криминализации и влечет не уголовную, а дисциплинарную или административную ответственность.

Создание на производстве возможности наступления вреда должно быть реальным, свидетельствовать о появлении в конкретном производственном процессе такого опасного состояния (угрозы), когда с необходимостью могут наступить оговоренные в законе последствия. Рассматриваемая опасность должна быть обусловлена характером

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1971. – С. 462; Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1975. – С. 394.

производственной деятельности человека, орудиями и средствами, используемыми на производстве, достаточно обозримой, а развитие ее – предсказуемо. Ненаступление указанного в законе вреда может быть связано: 1) со своевременным пресечением допущенного нарушения (восстановлением состояния безопасности производства) как по воле самого нарушителя правил, так и в результате действий других лиц; 2) со случаями, когда опасные последствия не наступили по так называемой «счастливой случайности», например, при обрушении конструкции, в зоне падения которой никого из работающих (или посторонних лиц) не оказалось. Так, горнотехническая инспекция обнаружила, что работы в лаве одной из шахт Донецкой области ведутся с грубым нарушением паспорта крепления кровли. Лава была закреплена смешанной крепью, состоящей из деревянных и металлических стоек, что запрещено правилами. В местах геологических нарушений крепь не была усилена, имело место превышение норм провисания кровли. Начальнику участка Г. было указано на недостатки крепления, однако, последний, не устранив нарушений, продолжал производство работ в лаве, тем самым своими действиями создал и продолжал сохранять возможность обвала и человеческих жертв. Г. был осужден народным судом Центрального района г. Макеевки Донецкой области по ч. 1 ст. 218 УК. Поэтому состояние опасности должно устанавливаться по факту её констатации, а не предполагаться. Здесь необходимо заметить, что если нарушение правила, создавшее опасность, затем все же приводит к несчастному случаю на производстве, деяние виновного следует квалифицировать в зависимости от наступивших последствий, а не по совокупности, например, ч. 1 и ч. 2 ст. 135 УК или ч. 1 и ч. 2 ст. 218 УК.

Изложенное подтверждает вывод о том, что объективная сторона деяний, предусмотренных частями 1-ми статей 135, 218, 219, 220, 221, 228⁵ УК, требует констатации конкретной опасности как своего рода последствия.

Вторую группу последствий составляют те, наступление которых связано с причинением ущерба дополнительным объектам. Они в диспозициях статей 135, 218–220, 221, 228⁵ УК обозначены в форме причинения физического или материального вреда правоохраняемым интересам (жизни, здоровью, иным благам). Характеристики вреда, как правило, определены в законе. Так, в ч. 2 ст. 135 УК последствия обозначены понятием «несчастные случаи с людьми», в ч. 1 ст. 218 УК и ч. 1 ст. 219 УК использовано понятие «вред здоровью людей». Части 2-ые статей 218, 219, 220, 221 УК указывают на «человеческие жертвы»

или «иные тяжкие последствия». Часть 2 ст. 228⁵ УК – на «гибель людей» или «иные тяжкие последствия». Остановимся на их анализе.

Понятие «несчастные случаи с людьми», указанное в ч. 2 ст. 135 УК, предусматривает гибель одного или нескольких лиц, причинение одному или нескольким лицам телесных повреждений тяжких, средней тяжести или легких, вызвавших кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности¹.

¹ См.: Збірник постанов Пленуму Верховного Суду Української РСР: (1962-1984 рр.). – С. 217. С сожалением надо заметить, что многие из перечисленных последствий, как и деяние, содержащее признаки ч. 1 ст. 135 УК, оказываются вне поля зрения следственных органов, не находят (при их реальном наступлении) правильной правовой квалификации. Дело в том, что в соответствии с п. 3.2 Положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве, утвержденного Президиумом ВЦСПС и Госпромоматнадзора СССР 17 августа 1989 г. № 8-12, руководитель предприятия обязан немедленно сообщить в прокуратуру о групповом несчастном случае, происшедшем с двумя и более работниками, независимо от тяжести телесных повреждений, и о несчастном случае со смертельным исходом. Такая несогласованность в определении степени общественной опасности нарушений правил охраны труда между профсоюзными органами и законодателем обуславливает и постоянно наблюдающиеся значительные расхождения между показателями о количестве несчастных случаев на производстве с количеством дел о производственном травматизме, ставших предметом расследования органами прокуратуры. Так, например, по данным службы техники безопасности РАПО Красноградского района Харьковской области и прокуратуры этого района, соотношение в указанных показателях составило в 1986 г. 28,5:1. Очевидно, что в подобной ситуации в целях повышения эффективности борьбы с несчастными случаями на производстве, их предупреждения, устранения причин и условий прокурорам необходимо максимально использовать все имеющиеся в их распоряжении средства надзора по установлению в каждом имевшем место несчастном случае степени опасности происшедшего и круга лиц, допустивших его. Причем решение о начале производства по поводу несчастного случая должно основываться, в первую очередь, на уголовном законе и руководящих указаниях высших прокурорских и судебных органов по его применению. Так, не должно возникать сомнений при отнесении к признакам преступного нарушения правил охраны труда последствий в виде причинения одному или нескольким потерпевшим тяжких и средней тяжести телесных повреждений. Вместе с тем в результате нарушений правил охраны труда одному или нескольким потерпевшим могут быть причинены и менее значительные повреждения: легкие телесные повреждения различной тяжести, ушибы, царапины. При таких последствиях вопрос о преступлении, предусмотренном ст. 135 УК, целесообразно ставить, на наш взгляд, при условии, если имел место групповой несчастный случай и хотя бы одному из потерпевших было причинено легкое телесное повреждение, повлекшее кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности. В иных случаях к лицам, нарушившим правила охраны труда, достаточно применения мер дисциплинарного или административного воздействия. Однако одними организационными мерами и тео-

Понятие «вред здоровью людей», предусмотренное ч. 1 ст. 218 УК, ч. 1 ст. 219 УК, предполагает причинение одному лицу телесного повреждения средней тяжести или причинение одному или нескольким лицам легких телесных повреждений с кратковременным расстройством здоровья¹. Например, по ч. 1 ст. 218 УК был осужден народным судом Лисичанска Луганской области горный мастер С., который, зная, что в очистном забое повреждено крепление, направил туда для уборки угля рабочих З. и М., не распорядившись, чтобы они предварительно восстановили крепление. В ходе уборки угля обрушилась порода, причинив рабочему М. телесные повреждения средней тяжести.

«Человеческие жертвы» (ч. 2 статей 218-220, 221 УК), «гибель людей» (ч. 2 ст. 228⁵ УК). Эти понятия охватывают гибель как одного, так и нескольких лиц. Так, по ч. 2 ст. 220 УК был осужден народным судом Первомайского района Луганской области мастер В., виновный в отключении местного проветривания во взрывоопасной шахте, что повлекло за собой взрыв метано-воздушной смеси и гибель одного горно-рабочего.

Понятие «иные тяжкие последствия» (ч. 2 статей 218-220, 221, 228⁵ УК) является оценочным. Для его конкретизации требуются определенные критерии². Такие критерии даны в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Украины, который к «иным тяжким последствиям» отнес причинение тяжких телесных повреждений хотя бы одному человеку или средней тяжести телесных повреждений двум и более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам, а также длительный простой предприятий, цехов или их производственных участков³. Наряду с указанием на конкретные виды телесных повреждений в этом разъяснении имеется и элемент неопределенности, присущий оценочному понятию. В частности, в постановлении Пленума не указаны точные

ретическими рекомендациями указанную проблему решить нельзя. Представляется, что здесь необходимы также коррективы и дополнения нормативного характера. В частности, считаем возможным поставить перед Государственным комитетом Украины по надзору за охраной труда и профсоюзными органами вопрос о приведении в соответствие с уголовным законом перечня несчастных случаев, о которых необходимо немедленно сообщать в прокуратуру (п. 3.2 Положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве).

¹ См.: п. 11 постановления № 6 Пленума Верховного Суда Украинской ССР от 10 октября 1982 г. // Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 79.

² См.: Панов Н. И. Оценочные понятия и их применение в уголовном праве // Прobl. соц. законности. – Вып. 7. – Харьков, 1981. – С. 105.

³ См.: Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80.

размеры материального ущерба, относящегося к «иным тяжким последствиям», что однако, оправданно, поскольку такой подход сохраняет возможность в каждом случае признания ущерба значительным учитывать все обстоятельства происшедшего на производстве: 1) прямые убытки, понесенные предприятием, учреждением, организацией вследствие повреждения или уничтожения станков, механизмов, оборудования и т.п.; 2) затраты на ликвидацию последствий аварии, восстановления оборудования, ремонт станков, приобретение новых орудий производства и др.; 3) ущерб в виде упущенной выгоды из-за простоя, например, конвейера или технологической линии, недополучения продукции и т.п. Здесь следует заметить, что достаточно долгое время в юридической литературе значительным в итоге признавали ущерб на сумму 2500 рублей и выше¹. В настоящее время очевидно, что ориентиры на какие-то фиксированные показатели будут несостоятельны. Такие размеры необходимо определять в каждом случае с учетом происходящих в обществе инфляционных процессов.

Однако само по себе установление значительного материального ущерба недостаточно для признания его последствием рассматриваемых преступлений. Необходимо, чтобы такой ущерб был сопряжен с причинением ущерба отношениям безопасности производства. В противном случае речь может идти о преступлении против собственности, хозяйственном или должностном. Вместе с тем следует признать неудачным указание, что разновидностью иных тяжких последствий является «продолжительная остановка предприятий, цехов или их производственных участков»². Такие остановки на предприятиях возможны не только в связи с нарушениями правил безопасности, а, например, в связи с отсутствием транспорта по вывозу добытых полезных ископаемых, повреждениями в сети электропитания и прочими подобными причинами. Кроме того, указанное последствие нехарактерно для благой защиты которых создаются отношения безопасности производства. Поэтому такого рода остановки могут учитываться лишь в сочетании с другими обстоятельствами происшедшего на производстве, в том числе и со «значительным материальным ущербом».

В тех случаях, когда в результате нарушения требований безопасности на производстве одновременно наступили последствия, предусмотренные

¹ См.: Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – Киев-Донецк, 1979. – С. 12; Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность. – Киев, 1979. – С. 16.

² См.: Рад. право. – 1983. – № 2. – С. 80.

разными частями одной и той же статьи УК (например, «вред здоровью людей» и «значительный материальный ущерб»), все они должны быть отражены в постановлении о предъявлении обвинения, обвинительном заключении и приговоре. При этом действия лица, допустившего нарушения, подлежат квалификации только по той части статьи УК, которая устанавливает ответственность за более тяжкие последствия¹.

Отдельно следует остановиться на причинении значительного материального ущерба, который может быть вызван деянием, квалифицируемым по ст. 135 УК. Если нарушение правила (-ил) охраны труда одновременно причинило значительный материальный ущерб предприятию, организации или гражданам, то деяние должностного лица необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 135 и ст. 167 УК. При этом уголовная ответственность за халатность должна наступать при условии, если причинение материального ущерба находилось в причинной связи с вмененным должностному лицу нарушением правила (-ил) охраны труда.

При применении рассматриваемых статей УК часто возникают трудности в правовой оценке так называемых групповых несчастных случаев (например, когда одному из потерпевших причинено легкое телесное повреждение с кратковременным расстройством здоровья или кратковременной утратой трудоспособности, а остальным – менее значительные повреждения). Согласно Положению о расследовании и учете несчастных случаев на производстве (утверждено постановлением Президиума ВЦСПС и Госпромомнадзора СССР от 17 августа 1989 г. № 8-12) групповыми являются случаи, происшедшие с двумя и более работниками, независимо от тяжести телесных повреждений (п. 3.1). По степени опасности Положение ставит их в один ряд с несчастными случаями, повлекшими смертельный исход, требуя специального расследования².

Указанное обстоятельство следует учитывать при оценке тяжести содеянного, а в некоторых случаях и при квалификации. Так, не вызывает сомнений квалификация групповых несчастных случаев по ч. 2 ст. 135 УК, когда одному из потерпевших было причинено легкое телесное повреждение, повлекшее кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности, а остальным – менее значительные по тяжести последствия. Вместе с тем вызывает сомнения существующая практика квалификации подобного рода групповых

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 17.

² См.: Охрана труда в машиностроении. Сборник нормативно-технических документов. – М., 1990. – Т. 1. – С. 218.

несчастных случаев по статьям, расположенным в гл. X УК. Согласно приведенным разъяснениям Пленума Верховного Суда УССР от 10 октября 1982 г. такие последствия при групповом несчастном случае, происшедшем в результате нарушения правила (-ил) безопасности горных или строительных работ, являются разновидностью признака «вред здоровью», обозначенному в ч. 1 ст. 218 и ч. 1 ст. 219 УК. Такие же последствия от деяний, предусмотренных статьями 220, 221 и 228⁵ УК, квалифицируются по частям первым данных статей как нарушения, создавшие опасность причинения вреда, поскольку не отвечают понятию «иные тяжкие последствия». Однако такое решение вряд ли отражает общественную опасность группового несчастного случая, который, как было показано, приравнивается к несчастным случаям со смертельным исходом. Представляется возможным рекомендовать считать групповые несчастные случаи, сопровождаемые причинением одному из потерпевших легкого телесного повреждения, повлекшего кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности, а иным – менее значительных повреждений, – «иными тяжкими последствиями».

Анализ последствий как признака состава преступления позволяет сформулировать следующие суждения:

- основным последствием рассматриваемых преступлений является снижение установленного на производстве уровня безопасности. Такое снижение, с определенной долей условности, должно признаваться свойством нарушения;

- объективную сторону исследуемых преступлений закон связывает с констатацией деяния: а) не указывая на пределы опасности для жизни, здоровья, собственности, окружающей природной среды, они конкретизируются теорией и практикой (ч. 1 ст. 220 и ч. 1 ст. 221 УК); б) указывая на пределы его конкретной опасности (ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 218, ч. 1 ст. 219, ч. 1 ст. 228⁵ УК); в) с указанием на реальный вред;

- конкретную опасность (угрозу) вреда следует рассматривать как последствие. Появление ее свидетельствует о создании на производстве такого состояния (противоположного безопасности), когда с необходимостью должен быть причинен реальный физический или материальный вред;

- описание в соответствующих статьях УК реальных последствий не всегда адекватно отражает четкую обрисовку ущерба, причиняемого безопасности производства. Поэтому перспективным в развитии законодательства необходимо считать путь конкретизации в законе последствий, содержащих оценку вреда жизни и здоровью человека.

§ 3. Причинная связь между деянием (действием, бездействием) и общественно опасными последствиями

Обязательным признаком объективной стороны составов рассматриваемых преступлений является причинная связь между допущенными нарушениями требований безопасности, содержащихся в правилах охраны труда и безопасного ведения работ, и общественно опасными последствиями, которые наступили или могли наступить.

Вопрос о содержании причинной связи, ее развитии – один из наиболее сложных для теории и практики применения уголовного закона об ответственности за нарушение правил безопасности производства. Неправильное его решение является достаточно распространенной ошибкой при расследовании и рассмотрении данной категории дел, что неоднократно отмечалось высшими судебными органами бывшего СССР и Украины¹. Имеют место случаи, когда суды не выясняют вопрос о наличии причинной связи и осуждают отдельных лиц по статьям 135, 218-220, 221, 228⁵ УК при ее отсутствии².

Установление причинной связи по делам о нарушении правил охраны труда и безопасного ведения работ имеет ряд особенностей, связанных с тем, что последствия рассматриваемых преступлений (несчастные случаи с людьми, значительный материальный ущерб, создание опасности наступления таких последствий) могут являться результатом ряда взаимодействующих в конкретно сложившейся обстановке условий, вызванных действиями должностных лиц, ответственных за соблюдение

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 22; 1988. – № 2. – С. 24.

² См.: Маляренок В., Борисов В. Деякі питання кваліфікації злочинних порушень правил охорони праці // Рад. право. – 1983. – № 3. – С. 35. Показательно в этом отношении дело о нарушении правил охраны труда мастером комбината «Белторгтехника» В., приведенное в «Бюллетене Верховного Суда СССР». В. был осужден за то, что не запретил слесарю М., не имевшему квалификации газосварщика, хранить на рабочем месте личный портативный газосварочный аппарат и производить сварочные работы. В результате во время производства М. сварочных работ на холодильном агрегате, не очищенном от азота и фреонов масла, произошел взрыв, и двое рабочих получили тяжкие телесные повреждения. Отменяя приговор и прекращая дело в отношении В., надзорная инстанция обоснованно указала, что он не допускал М. к сварочным работам и не давал ему разрешения пользоваться газосварочным аппаратом. В день несчастного случая он также не поручал М. работу, связанную со сваркой. О предстоящих сварочных работах на холодильном агрегате ему не было известно. Эта работа была организована мастером Г., который осужден по тому же делу. При таких обстоятельствах упущение В. (не запретил хранение на рабочем месте газосварочного аппарата) не находилось в причинной связи со случившимся и не содержит состава преступления (см.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 4. – С. 43).

требований безопасности на производстве, или иных участников производственной деятельности, характеристиками эксплуатируемой техники, особенностями производства, поведением потерпевшего.

Имеются особенности и в самом развитии причинной связи. Нарушение правил безопасности не всегда сразу и непосредственно приводит к наступлению общественно опасного последствия, а вызывает его через какое-то время и, как правило, посредством действий дополнительных, объективно неблагоприятных факторов (например, неправильного поведения других участников производства, грубой неосторожности потерпевшего, технической неисправности или конструктивных дефектов используемой техники). В таких случаях действие (бездействие) может быть отдалено от общественно опасных последствий цепью других событий. Зачастую нарушение правила безопасности вообще не приводит к наступлению общественно опасного последствия.

Значительную трудность для констатации причинной связи между деянием и последствиями представляют случаи, когда нарушается совокупность различных правил безопасности. Каждое из нарушений в такой цепи обычно создает разную возможность наступления последствий. Нарушение одних правил может привести к более тяжким последствиям, других – к незначительным, третьих – вообще к последствиям не приводит, так как опасное состояние нейтрализуется положительными производственными действиями (процессами). Кроме того, то или иное нарушение может по-разному соотноситься с иными условиями причинения. В итоге причиной наступления последствий будет лишь часть нарушений, другие же, хотя сами по себе и создали угрозу причинения вреда, с установленными последствиями (например, смертью человека, причинением тяжкого телесного повреждения) в причинной связи не находятся. Наконец, возможны нарушения, которые реальной опасности причинения вреда не создали. В таком случае эта часть нарушений должна исключаться из обвинения.

Сложность представляют также случаи, когда нарушения правил безопасности допускают несколько лиц. Выступая в качестве сопричин, нарушения, допущенные несколькими лицами, приводят к единому общественно опасному последствию. Здесь очень важно целостное представление о комплексе тех причин, совокупность которых при взаимодействии привела к такому последствию. Возможно, что при этом ряд нарушений могут быть исключены из обвинения как не способствовавшие наступлению несчастного случая.

Учитывая такое развитие причинной связи, появились различные мнения при объяснении ее характера, условий развития и определения

основной причины наступления последствий. В частности, было отмечено, что при совершении неосторожных преступлений в сфере эксплуатации технических систем, в том числе на производстве, причинная связь как признак объективной стороны состава преступления может быть не только необходимой, но и случайной. Так, П. С. Дагель писал, что последствия неосторожных преступлений «в значительной степени имеют ситуативный характер и в определенном смысле являются случайными для причинившего их лица. Они во многих случаях – результат не одного деяния, нарушающего правила безопасности, а следствие ряда причин, например, особенностей ситуации, неисправности технических средств, поведения потерпевшего и т.п.». Поэтому «преступный результат неосторожности, – продолжал этот автор, – во многом случаен для поведения лица, так как не «заложен» непосредственно в деянии, не вытекает из него с внутренней необходимостью»¹. М. С. Гринберг указывает, что наличие такого рода привходящих факторов придает причинной связи случайный характер. А так как следствие, наступившее от этих факторов, все же было обусловлено определенным нарушением, за совершение которого виновный привлекается к уголовной ответственности, то, следовательно, для подобных случаев объективная сторона преступления возможна и при наличии случайной причинной связи. «Если же то или иное лицо несло соответствующую обязанность, случайный результат вменяется ему на общих основаниях, и в этом плане деление последствий на объективно-случайные и объективно-необходимые теряет свое значение»². Поддерживая данное мнение, В. Е. Квашиш и Ш. Д. Махмудов отмечают: «Сама природа этих преступлений такова, что в большинстве случаев наступление общественно опасных последствий носит во многом случайный характер»³.

С такими суждениями нельзя согласиться. Как отмечал Г. А. Кригер, «в уголовном праве о причинной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями можно говорить лишь тогда, когда имеются необходимые связи, т.е. когда наступившие вредные последствия явились закономерным следствием такого противоправного деяния, в сущности которого, объективных условиях и обстоятельствах его

¹ Дагель П. С. Неосторожное преступление (общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники) // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. – М., 1978. – С. 10–11.

² Гринберг М. С. Объективная сторона преступлений в области использования техники // Труды по правоведению. – Новосибирск, 1968. – С. 107.

³ Квашиш В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность. – Душанбе, 1975. – С. 31.

совершения были заложены реальные возможности наступления именно этих последствий...»¹. Соглашаясь с приведенным выше положением, отражающим концепцию сторонников теории «необходимого причинения»², следует вместе с тем заметить, что в литературе вопрос о необходимом характере причинной связи нашел достаточно последовательное решение для случаев, когда между деянием и общественно опасными последствиями имеет место так называемая прямая (непосредственная) причинная связь, т.е. когда действие или бездействие лица сразу и непосредственно приводит к наступлению последствий³. Процесс развития такой связи жестко детерминирован. Что касается отмеченных выше особенностей, свойственных опосредованному развитию причинной связи, то они, как правило, оказывались вне поля зрения теории «необходимого причинения». Это, как представляется, и явилось одним из условий появления мнений, допускающих случайную причинную связь в рассматриваемых преступлениях. Поэтому важно показать, что, несмотря на особенности развития, причинная связь как признак состава преступного нарушения правил безопасности производства должна быть необходимой. Приведем в обоснование этого ряд суждений.

Известно, что для признания причинной связи между деянием и последствием простой последовательности событий недостаточно. Необходимо, чтобы совершенное деяние определенным образом вызвало наступление последствия. Следует, далее, из множества явлений, предшествующих и сопутствующих преступлению, выделить (искусственно изолировать) деяние и наступившие общественно опасные последствия и лишь затем решать вопрос о наличии между ними причинной связи. Установление причинной связи – процесс диалектический, поскольку он сочетает в себе понимание объективного содержания причинности с ясным представлением о субъективности задач, стоящих перед исследователем. Такой подход создает условия не только для констатации причинной связи, но и для оценки ее характера.

Представляется, что для объяснения характера причинной связи при преступных нарушениях правил безопасности границы исследования (изолирования) должны быть расширены, что вызывается спецификой производства в условиях научно-технической революции. Производство, как отмечалось, представляет сложное взаимодействие между человеком и вещественными факторами производства. Такое

¹ Кригер Г. Причинная связь в советском уголовном праве // Сов. юстиция. – 1979. – № 1. – С. 9.

² См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении. – М., 1961. – С. 212–240.

³ См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 216–218.

взаимодействие содержит в себе опасность для участников производственной деятельности или посторонних лиц, которая заключается в определенной степени возможности наступления несчастных случаев (аварий, происшествий и т.п.). Причины последних лежат не только в пределах конкретного (виновного или невиновного) поведения человека, но и за его пределами. Они обусловлены также технической сущностью производства. Для перехода возможности в действительность должны иметь место определенные условия причинения, вне которых опасность остается потенциальной¹. В качестве таких условий выступает целая система факторов: поведение человека, технические особенности работающих механизмов, физические, химические, биологические свойства используемых в производстве предметов и др. С целью предупреждения трансформации возможной опасности в действительность, разрабатываются и применяются технические нормативы по безопасной организации производства и эксплуатации технических систем. Например, в соответствии с § 368 «Единых правил техники безопасности и производственной санитарии для предприятий строительных материалов» пуск производственного оборудования после монтажа и ремонта запрещается без установки соответствующих ограждений, звуковой и световой сигнализации, блокировки, обеспечивающих безопасность его обслуживания и без разрешения лица технического надзора. Очевидно, что содержание данного запрета вызывается, в частности, реальной возможностью соприкосновения человека с вращающимися частями механизмов, которое почти исключается при их ограждении.

Конкретное техническое требование безопасности устанавливается не столько в связи с предположением о возможности наступления какого-либо абстрактного единичного несчастного случая, а на основе определенной математической (статистической) вероятности его наступления². Последняя «является объективной характеристикой степени возможности появления определенного события в каких-то заранее заданных условиях, которые могут повторяться неограниченное число раз... Чем больше благоприятствующих случаев, тем выше степень вероятности»³. Из этого очевидно, что чем выше степень вероятности наступления несчастного случая в определенных производственных

¹ См.: Философская энциклопедия. – М., 1967. – Т. 4. – С. 373.

² Как пишет В. И. Купцов: «Работа современного предприятия просто невозможна без рационального учета на основе вероятностных представлений различного рода случайных факторов» (см.: Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. – М., 1976. – С. 10).

³ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 84.

ситуациях, тем больше оснований для разработки и принятия соответствующего требования безопасности.

Таким образом, выраженная определенной величиной (степенью вероятности) возможность наступления несчастного случая относительно целого ряда аналогичных ситуаций, появляющихся в процессе производственной деятельности человека, выступает уже как необходимость, объективная закономерность. Именно с целью предупреждения целого ряда тождественных опасных ситуаций, которые могут иметь место в процессе производства, и устанавливается соответствующее требование безопасности. При этом для различного ряда опасных ситуаций степень вероятности наступления последствия может быть неодинаковой, однако по возможности своего проявления достаточной, чтобы служить основанием к принятию технической нормы, направленной против опасности на производстве. Отсюда и опасность нарушения разных требований будет также неодинакова. Однако любое нарушение технического предписания, непосредственно обеспечивающего безопасность производства, способно привести и наступлению общественно опасных последствий. Что же касается самого факта наступления или отсутствия общественно опасных последствий, то здесь всегда обнаруживается случайность как форма, посредством которой проявляется необходимость наступления последствий в известном количестве по отношению к общему числу опасных ситуаций (например, 10 из 100)¹.

Таким образом, математическая вероятность отражает связь, существующую между явлениями объективной действительности. Для нас это связь, исходя из принципа «изолирования явлений», между: производственной деятельностью человека, содержащей объективную возможность наступления опасных последствий – системой условий реализации такой возможности (установленной на основе математической вероятности и блокируемой техническими нормами) и общественно опасными последствиями. При этом последние могут как наступить, так и не наступить, однако связь между ними (в случае наступления) и явлениями, их вызвавшими, обладает внутренней необходимостью.

Требования безопасности призваны предупреждать опасное взаимодействие системы условий причинения, но обращены они к человеку и определяют программу (порядок, норму) его поведения в условиях производственной деятельности, а также действия технических систем.

¹ Изменчивость внешних для причины условий ее действия – объективно случайный фактор по отношению к необходимо протекающему процессу причинения, а именно она и ведет к созданию ситуаций, при которых одной и той же причине могут соответствовать разные следствия (см.: *Философская энциклопедия.* – М., 1967. – Т. 4. – С. 375).

Для объяснения характера причинной связи также имеет значение установление роли условий причинения в реализации возможной опасности. Условия причинения – это целая система взаимодействующих факторов, среди которых основным (главным) элементом развития причинной связи (как признака объективной стороны состава преступления) является нарушение – противоправное поведение участника отношений безопасности производства. Здесь уместно вспомнить Н. Д. Сергиевского, который еще в прошлом веке заметил, что «по отношению к каждой отдельной причине все остальные суть условия ее действия: изолированная от них она не произведет ничего; окруженная ими, произведет явление»¹. Доминанта поведения человека, нарушившего правило безопасности, объясняется тем, что оно стало движущей (при действии) или определяющей (при бездействии) силой опасного развития, блокированного до этого соблюдением или возможностью соблюдения технического требования. При этом не имеет значения начало опасного взаимодействия условий причинения (переход возможности в действительность): было оно вызвано непосредственно поведением человека (действием, как правило) либо вступление условий в опасное взаимодействие предшествовало по времени поведению (бездействию, как правило). Во-втором случае неиспользование участником производства в рамках определенного времени в какое-то время, на каком-то отрезке развития события возможностей должного волевого действия, предусмотренного требованием безопасности, придает его поведению качество главной причины (определяющего условия) последующего опасного развития в системе «человек-техника-производственная среда». Если наличие такого рода «доминант» со стороны участника производства нельзя установить, то тогда главную причину следует искать среди других условий возможного причинения опасных последствий или вне такой системы.

В предусмотренную правилом (-ами) безопасности *систему условий причинения*, помимо поведения участника производства, к которому непосредственно оно (правило безопасности) обращено, и иных условий (действия технических систем, физические, химические, биологические свойства используемых веществ, производственная среда и т.п.), включается также поведение других участников производства либо даже посторонних производству лиц. Такое поведение может быть одним из этапов развития системы условий причинения (например, когда в силу своих профессиональных обязанностей лицо должно выполнить то или

¹ Сергиевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. – Ярославль, 1880. – Вып. 1. – С. 23.

иное правомерное действие: включить ток, подать команду и т.п.). Поведение может быть и неправомерным (например, когда включает ток постороннее производству лицо). Наконец, система условий предусматривает поведение потерпевшего, являющееся заключительным этапом, поскольку за ним следует «несчастный случай», т.е. общественно опасное последствие (например, работник производства, наступив на оголенный провод, находившийся под напряжением, погибает). Поэтому в каждом случае наступления общественно опасных последствий важно устанавливать, какие условия причинения охватывались правилом безопасности. Круг этих условий (при формулировании) не должен быть слишком широк, они должны быть однородными для каждого случая возникновения опасной ситуации, что, в свою очередь, является реальной предпосылкой для возможного их блокирования путем соблюдения технического требования(-ий). «Условия, делающие возможным возникновение рассматриваемого события, не должны быть слишком широкими, они должны обеспечивать определенную однородность опытов (испытаний, наблюдений), заключающихся в регистрации выполнения или невыполнения интересующего нас события»¹. Поэтому требование, например, ограждать проемы в междуэтажном перекрытии строящегося здания не имеет в виду действия лица, умышленно использующего проем для лишения человека жизни, так как такие действия в условиях производства реально не могут быть предупреждены субъектами, обязанными контролировать соблюдение безопасности. И напротив, неосторожное поведение потерпевшего может быть обстоятельством, учитываемым соответствующим требованием безопасности, как возможное условие причинения.

Таким образом, система причинения состоит из двух групп условий: 1) поведения человека, заключающегося в нарушении правила безопасности и выступающего в качестве главной причины, и 2) иных условий, различные варианты действий которых программируются правилом безопасности. Появление в системе причинения условия (или группы условий), не предусмотренного соответствующим правилом безопасности, ставит вопрос о его роли, влиянии на развитие причинной связи. Влияние может быть существенным и несущественным. Для определения влияния нового условия применяется известный метод «необходимого условия»², когда из системы условий причинения, установленной в данном производственном происшествии, оно мысленно исключается.

¹ Философская энциклопедия. – М., 1960. – Т. 1. – С. 245.

² См., например: Мачковский Л., Печерский В. Установление причинной связи по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Соц. законность. – 1978. – № 2. – С. 61.

Если окажется, что несмотря на это, последствие все же должно наступить в той же последовательности, то это значит, что его главной причиной было все же нарушение правила безопасности. Если последствие не наступает, главную причину следует искать через новое условие. Как правильно замечает Ю. И. Ляпунов, имея в виду дорожно-транспортные происшествия, если «будет установлено, что в данной конкретной обстановке определенные вредные последствия наступили бы вне зависимости от того, было ли поведение противоправным или безупречным с точки зрения соблюдения им (водителем – В. Б.) правил движения, то причину несчастного случая следует искать не в действиях водителя транспорта, а в других обстоятельствах»¹. В таком случае нарушение правила может оказаться одним из условий иной системы причинения. Однако, поскольку нарушение, не являясь главной причиной развития системы причинения, все же находится в связи с последствием, то такую связь следует характеризовать как случайную, не имеющую определяющего значения для наступления последствия. Об отсутствии же какой-либо связи речь может идти лишь тогда, когда нарушение вообще находится вне системы причинения общественно опасных последствий.

При установлении причинной связи также важно представлять, каким образом главное, решающее условие, то есть нарушение правила безопасности, взаимодействует с другими обстоятельствами, что и приводит или может привести к наступлению общественно опасного последствия.

Нарушение правила безопасности приводит к появлению на производстве качественно иного состояния в системе его безопасности. Это состояние характеризуется тем, что возможная опасность, обусловленная характером деятельности человека, трансформируется в *действительную опасность* травмирования людей, уничтожения, повреждения имущества, причинения ущерба окружающей природной среде (при надлежащем соблюдении требования (-ий) безопасности такая возможность блокируется). Дальнейшее зависит от того, вступит или нет нарушение во взаимодействие с другими условиями причинения, предусмотренными (запрограммированными) требованиями безопасности, а также насколько это взаимодействие будет полным. Такая постановка вопроса обусловлена тем, что система условий причинения является по своей структуре сложной, поскольку состоит из неоднородных элементов (свойства механизмов, физические силы, поведение человека и т.п.). Эти элементы обладают относительной самостоятельностью

¹ Ляпунов Ю. И. Причинная связь как признак автотранспортных преступлений // Тр. Высш. школы МВД СССР. – М., 1969. – Вып. 24. – С. 187.

(автономностью) в рамках такой системы (целого), между ними нет жесткой детерминации. При этом вероятность вступления данных элементов во взаимодействие имеется (существует) как реальность, поэтому при нарушении правил допустимы различные варианты развития причинной связи.

Во-первых, возможно такое нарушение, когда деяние (действие, бездействие) тотчас вступает во взаимодействие со всей системой условий причинения. В таком случае процесс развития причинной связи, начиная от нарушения и заканчивая последствиями, происходит непрерывно. Во-вторых, в развитии причинной связи может быть перерыв, когда в каком-либо звене (звеньях) системы переход от одного элемента к другому происходит не сразу. Силы и тенденции (физические, химические, поведение человека и другие), направленные на разрушение состояния безопасности, на какое-то время приостанавливаются (не развиваются количественно). Такой перерыв возможен ввиду разнородности структурных элементов системы, когда соединение элементов причинной связи внешне (субъективно) выглядит случайным. Однако объективно – развитие необходимо, так как его возможность на основе статистических закономерностей была установлена и блокировалась надлежащим соблюдением технического требования. Наконец, нарушение правила может и не привести к несчастному случаю, иным опасным последствиям (это случается достаточно часто), что становится возможным благодаря разнородности факторов причинения, а также сознательному вмешательству человека (самого субъекта нарушения, других участников производства) в развитие событий, которое локализирует опасное взаимодействие условий причинения.

Таким образом, причинная связь как признак объективной стороны состава преступного нарушения правил безопасности производства может быть только необходимой. При этом связь представляет собой развитие системы взаимодействующих условий причинения, где главным (необходимым) условием является нарушение правила безопасности. Вступая во взаимодействие с иными условиями причинения (действие технических систем, физические, химические, биологические и т. п. свойства используемых предметов, поведение других участников производства, посторонних лиц), нарушение может вызвать следствие как немедленно, так и через определенный промежуток (порой продолжительный) времени. Установленная на основе математической вероятности и предусмотренная техническим требованием «необходимость» прокладывает себе путь (развивается) посредством «случайного» воздействия иных условий причинения, возможность проявления которых в таком процессе характеризуется определенной устойчивой частотой.

Глава 3. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Общественная опасность преступления в значительной мере определяется его субъективной стороной, которая представляет собой совокупность признаков, характеризующих отношение лица (вменяемого и достигшего установленного законом возраста уголовной ответственности) к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и к его общественно опасным последствиям. Такими признаками, как известно, являются вина, мотив и цель преступления¹. Вина является обязательным признаком субъективной стороны любого состава преступления. Мотив и цель преступления для одних составов также выступают как необходимые. Для других (включая преступления против безопасности производства) – они таковыми не выступают, хотя определенное влияние на возникновение, формирование и содержание психического отношения субъекта к совершаемому им преступлению имеют. В таком качестве заметную роль играют мотивы, установление которых позволяет определить внутренние побуждения, обусловившие совершение лицом общественно опасного деяния.

§ 1. Формы, объем и содержание вины

Установление формы вины, ее объема и содержания осуществляется различными методами. Без особых трудностей такая задача решается в том случае, когда в диспозиции имеется прямое указание на форму вины (см., например, статьи 89, 90, 98, 205 УК), либо вина определяется самим характером посягательства (например, самоуправство, спекуляция, хищение, взяточничество, изнасилование и т.п.). Форма вины в виде умысла может устанавливаться также из указаний на мотив и цель совершения преступного деяния². Ознакомление с содержанием статей 135, 218–220, 221, 228⁵ УК показывает, что их диспозиции никаких указаний на форму вины не содержат, предоставляя тем самым определение субъективной стороны этих преступлений теории и практике.

¹ Г. А. Кригер к числу признаков субъективной стороны относил также эмоции лица, совершившего преступление (см.: Социалистическое право и научно-технический прогресс. – М., 1974. – С. 259). Это суждение не нашло заметной поддержки в теории уголовного права.

² См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 173.

Субъективную сторону преступлений против безопасности производства необходимо устанавливать исходя из особенностей их объективной стороны, которая, как уже было отмечено, включает: нарушение определенных требований безопасности, содержащихся в нормативных актах (правилах, инструкциях и т.п.); создание конкретной опасности причинения вреда на производстве или реальное его причинение; причинную связь между нарушением требования(-ий) безопасности и последствиями, которая для большинства рассматриваемых преступлений является опосредованной. Такие особенности объективной стороны вызвали расхождения во взглядах ученых о содержании вины, ее формах и объеме. Часть юристов считает, что субъективная сторона требует установления раздельного психического отношения к деянию и указанным в законе общественно опасным последствиям. Формулируя отношение к деянию, они, как правило, указывают на то, что лицо действовать (бездействовать), нарушая соответствующие требования безопасности, может умышленно или неосторожно. По отношению к последствиям субъект преступления всегда действует неосторожно¹. Некоторые криминалисты (в основном это противники так называемой смешанной (двойной) формы вины) считают, что такие преступления совершаются по неосторожности, исходя из отношения виновного к наступившим последствиям².

Отсутствие единства взглядов отражает различные концепции, существующие достаточно долгое время в теории уголовного права по вопросу о смешанной (двойной) форме вины³. Так, в нашей литературе

¹ См.: Гришанин П. Ф., Владимиров В. А. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., 1963. – С. 41; Дурманов А. Д. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, – М., 1962. – С. 43–45; Уголовное законодательство Украинской ССР / Под ред. В. В. Сташиса и И. С. Тихенко. – М., 1971. – С. 489).

² См.: Яблоков Н. П. Субъективная сторона преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности // Тр. Томск. ун-та, 1970. – Т. 208. – С. 148; Кузнецов В., Светлов О. Концепція змішаної форми вини // Рад. право. – 1972. – № 5. – С. 68–71; Советское уголовное право. Особенная часть. – М., 1975. – С. 392; Ткаченко В. И. Преступления против общественной безопасности. – С. 49.

³ Понятие смешанной формы вины впервые было предложено немецким криминалистом, А. Фейербахом в начале XIX в. Выступая против сохранения в уголовном праве понятия непрямого умысла (*dolus indirectus*), в соответствии с которым в умышленную вину лицу вменялись все последствия сознательно совершенного им действия, А. Фейербах отмечал, что бывают случаи, когда виновный не предвидит наступления отдельных последствий. Эти последствия, по мнению А. Фейербаха, могли вменяться в вину лицу лишь при условии, если оно должно было и могло

одни ученые вообще отрицают возможность смешанной (двойной) формы вины¹, полагая, например, что установление двух форм вины в составе одного преступления означает искусственный разрыв единого психического процесса, составляющего содержание той или иной формы вины, на две части². «Кульм смешанной вины, – пишет И. П. Лановенко, – приводит к искусственному противопоставлению деяний и причиняемых ими последствий. Иначе говоря, ступеньки вины нельзя разрывать, а тем более доводить до их фактического противостояния»³. Другие, наоборот, признают ее⁴, третьи – полагают, что смешанная (двойная) форма вины свойственна лишь таким составам, в которых действие (бездействие) может вызвать, наряду с прямыми, производные последствия, отягчающие ответственность⁵. Учитывая, что вопрос о смешанной (двойной) форме вины требует самостоятельного анализа, ограничимся лишь рядом соображений применительно к рассматриваемым преступлениям. Известно, что в зависимости от установленного законом (ст. 8 и ст. 9 УК) соединения интеллектуального и волевого элементов психического отношения субъекта к деянию и последствиям различают преступления, совершаемые умышленно или по неосторожности.

их предвидеть. Подобные случаи стечения умысла и неосторожности в одном деянии А. Фейербах назвал термином *culpa dolo determinata*, что буквально означает: неосторожность, определенная умыслом (изложение позиции А. Фейербаха см.: Спасович В. Уголовное право: Учебник. – СПб, 1863. – Т. 1. – С. 160–161).

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности, – М., 1958. – С. 93; Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. – М., 1958. – С. 137–139; Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. – Казань, 1965. – С. 41; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев, 1978. – С. 65–68.

² См.: Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. – М., 1956. – С. 111–114.

³ См.: Лановенко И. Л., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 151.

⁴ См.: например: Корчева З. Г. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1963. – С. 12; Бажанов М. И. Преступления против политических и трудовых прав граждан. – Харьков, 1965. – С. 23; Горбуза А. Д. Содержание понятия «смешанная» форма вины: Сб. статей адъюнктов и соискателей. – М., 1971. – Вып. 3. – С. 113–119; Зелінський А. Вивчення форм вини у вчиненні деяких злочинів // Рад. право. – 1977. – № 8. – С. 76; Пинаев А. А. Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины. – Харьков, 1984.

⁵ См.: Кригер Г. А. Еще раз о смешанной форме вины // Сов. юстиция. – 1967. – № 3. – С. 6; Филановский И. Составы преступлений с простой и сложной формой вины // Сов. юстиция. – 1967. – № 14. – С. 15.

Констатация того, что преступление является умышленным или неосторожным, означает наличие умысла или неосторожности в отношении всех объективных признаков соответствующего состава преступления¹. Однако объективные признаки некоторых преступлений подчас бывают очень сложными. Между ними могут существовать различные зависимости и формы связи. В частности, среди признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, можно выделить само нарушение правил производственной безопасности и наступление определенных последствий в виде вреда, причиняемого не только отношениям безопасности производства, но и отношениям, обеспечивающим охрану жизни и здоровья, собственности, окружающей природной среды. В таких преступлениях по отношению к отдельным объективным признакам у лица, их совершающего, психическое отношение может быть неоднородным. Поэтому решение вопроса об отсутствии или, напротив, наличии здесь смешанной (двойной) формы вины имеет важное значение, так как позволяет правильно установить содержание психического отношения к объективным признакам данных преступлений. Сказанное, естественно, не исключает возможности установления и однозначного психического отношения лица к объективным признакам совершаемого им преступления, т.е. такого, которое протекает в рамках одной формы вины, конкретного ее вида. Противники смешанной (двойной) формы вины указывают на то, что является неправильным «утверждение о возможности различного психического отношения к действию и к последствиям. Абсурдно звучит положение, что можно умышленно причинить неосторожное преступное последствие»². «Анализируя субъективную сторону преступления, – пишет А. Б. Сахаров, – необходимо выяснять отношения лица как к самим действиям, так и к их последствиям, но нельзя каждую из этих частей единого психического процесса конструировать как самостоятельную форму психического отношения, предлагая явно путаное решение, что одно и то же посягательство может быть одновременно и умышленным, и неосторожным»³.

Такие высказывания вызывают возражения. Во-первых, здесь общественно опасное действие (бездействие) и общественно опасные последствия, как объективные обстоятельства, относительно которых выясняется самостоятельное психическое отношение, подменяются

¹ См.: Кириченко В. Смешанная форма вины // Сов. юстиция. – 1966. – № 19. – С. 13.

² См.: Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к покушению на преступление по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 138–139.

³ См.: Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. – С. 139.

преступлением в целом. В связи с этим правильным является мнение Б. А. Куринова о том, что «вполне правомерно говорить об умысле и неосторожности как относительно общественно опасного действия (бездействия), так и относительно вредных последствий, потому что эти понятия отражают своеобразные формы психического отношения, а поскольку умысел и неосторожность в уголовном праве являются единственно возможными формами субъективного отношения виновного к содеянному, то именно этими терминами (понятиями) следует пользоваться, определяя психическое отношение лица к действию (бездействию) и результату»¹. Самостоятельное установление психического отношения лица к действию (бездействию) и ко вредным последствиям вытекает из единства объективной и субъективной сторон преступления. Объективные признаки преступления могут быть вменены в вину лицу только в том случае, если они отражены в субъективной стороне. В. Д. Меньшагин относительно транспортных преступлений отмечал следующее: «Исходя из единства субъективной и объективной сторон состава любого преступления, необходимо вопрос о содержании умысла и неосторожности при рассматриваемом преступлении решать в соответствии с особенностями объективной стороны данного преступления»². Составы же преступлений, в отношении которых ставится вопрос о смешанной (двойной) форме вины, характеризуются сложной конструкцией объективной стороны, что не может не отразиться на содержании психического отношения к объективным признакам. Субъект может сознавать одни обстоятельства своего деяния и не сознавать другие, предвидеть одни последствия и не предвидеть других. Заметное влияние на содержание психического отношения субъекта к признакам объективной стороны оказывает в ряде случаев причинная связь. Как было показано, для рассматриваемых преступлений характерна опосредованная связь, развитие которой представляет взаимодействие сложной системы условий причинения. В силу неоднородности условий в развитии системы причинения возможны перерывы (разрывы во времени). Именно это обстоятельство приводит к тому, что наступление последствий удастся предотвратить либо самим лицом, нарушившим требование(-ия) безопасности, либо другими лицами, или даже потому, что какие-то условия, помимо волевых действий человека, не вступили между собой во взаимодействие. Таким образом, такое нарушение не с неизбежностью вызывает следствие, а содержит момент вероятности

¹ См.: Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений (ст. ст. 85, 86 УК РСФСР). – М., 1965. – С. 138.

² См.: Курс советского уголовного права. Особенная часть. – М., 1955. – Т. 1. – С. 305.

его наступления. Это обстоятельство, как правило, сознается лицом, нарушающим требование(-ия) безопасности. В таких ситуациях субъект предвидит как возможность наступления последствий, так и возможность их ненаступления, рассчитывает на то, что благодаря отсутствию последовательности в развитии причинной связи удастся нейтрализовать опасность наступления последствий. Либо вообще не думает о последствиях, поскольку предыдущие случаи таких нарушений не приводили к их наступлению. Следовательно, возможность опосредованного развития причинной связи также служит предпосылкой различного (неоднородного) психического отношения субъекта к самому нарушению правила безопасности и вызываемым им в конечном итоге общественно опасным последствиям.

Во-вторых, прямо не отрицает возможности установления самостоятельного психического отношения к действию (бездействию) и последствиям и сам закон. Статья 8 и ст. 9 УК и для наличия умысла, и для неосторожности требуют определенного психического отношения субъекта не только к последствиям своих действий (бездействий), но и к самому деянию. О возможности установления самостоятельного психического отношения отдельно к действию (бездействию) и к последствиям свидетельствуют и положения закона об ответственности за один только факт совершения общественно опасного действия (бездействия) даже при отсутствии реальных вредных последствий. Например, в случаях предварительной преступной деятельности или в преступлениях с так называемым формальным и усеченным составами.

Возможность смешанной (двойной) формы не исключается действующим законодательством, не противоречит ему, «...ибо она находится в рамках виновного совершения общественно опасного деяния. Она построена на сочетании признаков умысла и неосторожности и не выходит за рамки этих признаков»¹.

В литературе высказана точка зрения о том, что смешанная (двойная) форма вины в принципе существует, но только в составах, где законодателем прямо указаны прямые и производные (последующие) последствия, например, в ч. 3 ст. 101 УК². «Постановка вопроса о двойной вине, — отмечают Е. Фролов и А. Свинкин, — представляется оправданной лишь когда помимо основного состава — умышленного преступления — законодатель

¹ См.: Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — Владивосток, 1968. — С. 131.

² См.: Кригер Г. А. Еще раз о смешанной форме вины // Сов. юстиция. — 1967. — № 3. — С. 5–6; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — М., 1972. — С. 174–175.

выделяет в рамках данного вида преступного поведения квалифицированный состав»¹. При этом одни сторонники такой позиции допускают возможность смешанной (двойной) формы вины для определенной группы двухобъектных преступлений², другие – для преступлений, осуществление которых требует двух действий³. Представляется, что сторонники этой точки зрения в ряде случаев оказываются непоследовательными. Например, Е. Фролов и А. Свинкин считают, что смешанная (двойная) форма вины имеется в составах, где наряду с действием (бездействием), признанным преступным, предусмотрена повышенная уголовная ответственность за аналогичное поведение, вызвавшее вредные последствия (1); помимо основного последствия имеются производные (2); наряду с фактическим наступлением последствий имеется также возможность их наступления (3). В то же время они отрицают, что такая форма вины имеется при нарушении правил при производстве строительных работ (ст. 219 УК) и лишь потому, что данное нарушение считается преступным только в случае наступления вредных последствий. Вина в этих составах, по их мнению, не может определяться раздельно по отношению к действию (бездействию) и последствиям⁴. Однако преступления, предусмотренные ст. 219 УК, а также статьями 135, 218, 220, 221, 228⁵ УК, имеют и основные, и производные последствия. Как ранее указывалось, нарушение правила безопасности на производстве приводит к причинению ущерба прежде всего основному непосредственному объекту: безопасности труда (ст. 135 УК); безопасности производства горных (ст. 218 УК) и строительных работ (ст. 219 УК); общественной безопасности в сфере производства работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, включая безопасность труда (ст. 220 УК); общественной безопасности в сфере обращения со взрывчатыми веществами (ст. 221 УК) или радиоактивными материалами (ст. 228⁵ УК). Те изменения, которые происходят в этих отношениях (снижение установленного уровня безопасности), и являются основным последствием нарушения соответствующего правила безопасности. Наряду с основным наступают также производные последствия: «несчастные случаи с людьми», «вред здоровью людей», «человеческие жертвы», «иные тяжкие последствия».

¹ См.: Фролов Е., Свинкин А. Двойная форма вины // Сов. юстиция. – 1969. – № 7. – С. 7–8.

² См.: Корчева З. Г. К вопросу о составах преступлений со сложной виной // Научная конференция Харьковского юридического института: тез. докл. – Харьков, 1968. – С. 182.

³ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – С. 174.

⁴ См.: Фролов Е., Свинкин А. Двойная форма вины // Сов. юстиция. – 1969. – № 7. – С. 7–8.

Большинство сторонников смешанной (двойной) формы вины не выявляют различия между понятиями «смешанная» и «двойная», считая, что используемая терминология отражает одно и то же явление. П. С. Дагель, например, писал: «Существование смешанной формы вины (иногда ее именуют сложной или двойной формой вины) признается в настоящее время большинством советских криминалистов¹. Другие проводят четкую грань между этими понятиями, считая, что они отражают особенности вины при совершении отдельных преступлений и поэтому обладают смысловой самостоятельностью². Характерной особенностью двойной формы, отличающей ее от вины смешанной, по мнению А. А. Пинаева, является то, что объем психического отношения лица к деянию и его последствиям предполагает наличие для такой формы вины всех признаков, присущих как умыслу, так и неосторожности. В смешанной же форме вины объем психического отношения лица к деянию и его последствиям содержит лишь некоторые признаки умысла и все признаки, присущие неосторожности³. Соглашаясь в принципе с таким подходом, следует отметить, что предложенное А. А. Пинаевым определение смешанной формы вины может быть дополнено. Например, возможны сочетания некоторых признаков прямого и косвенного умысла и всех признаков неосторожности (преступной самонадеянности или преступной небрежности); некоторых признаков прямого умысла и преступной самонадеянности и всех признаков преступной небрежности. Кроме того, говоря о некоторых признаках, присущих умышленной или неосторожной формам вины, следует иметь в виду обусловленность понятия «некоторые» составом преступления. В реальной действительности имеет (должен иметь) место полный набор интеллектуальных и волевых признаков соответствующего вида вины, которыми характеризуется (с субъективной стороны) поведение вменяемого человека, совершающего преступление. Однако в силу законодательных конструктивных особенностей состава преступления, отдельные признаки вины могут оказаться за его рамками, утратить для этого состава значение необходимых. Например, за рамками формального

¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – С. 158.

² См.: Кригер Г. Определение форм вины // Сов. юстиция. – 1979. – № 20. – С. 6; Курс советского уголовного права: Часть общая. – Л., 1968. – Т. 1. – С. 438; Портнов И. Двойная вина в практике применения уголовного закона // Сов. юстиция. – 1980. – № 23. – С. 26–29; Пинаев А. А. Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины. – Харьков, 1984. – С. 16.

³ См.: Пинаев А. А. Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины. – С. 16.

состава остаются признаки вины, характеризующие отношение лица к будущему, тем последствиям, которые наступят или могут наступить в результате совершаемого им общественно опасного деяния.

С учетом изложенного следует отметить, что для преступлений, посягающих на безопасность производства, характерна смешанная форма вины. Нормы, устанавливающие ответственность за эти деяния, представляет собой, как было показано, сочетание нарушения правила (-ил) безопасности (дисциплинарного или административного правонарушений) и общественно опасных последствий. Наступление последних (или реальная возможность их наступления), обусловленное во многом особым характером развития причинной связи, трансформирует неуголовное правонарушение в преступление.

Отношение субъекта к нарушению правила(-ил) безопасности. Лицо может либо сознавать такое нарушение, либо не сознавать его. Сознание нарушения сопровождается желанием такого нарушения. Нельзя нарушить сознательно правила безопасности, не желая этого нарушения¹. Следовательно, сознательное отношение лица к деянию содержит признаки прямого умысла, исключая предвидение, обращенное к последствиям. Такое психическое отношение лица к деянию предполагает сознание им общественной опасности, т.е., сознание того, что деяние причиняет вред общественным отношениям, противоречит установленному на производстве режиму безопасности, не согласуется с интересами общества в сфере производства. Для констатации этого нужно, чтобы субъект сознавал фактические признаки преступления, т.е. что он, будучи участником производства либо лицом, вступившим в какие-либо правовые отношения с производством, сознательно совершил действие (бездействие), составляющее нарушение правила безопасности². При этом участник производства может не знать точно, какое именно требование безопасности им нарушено (наименование, пункт или параграф соответствующего правила). Достаточно, чтобы работник осознавал факт нарушения в общем виде.

Виновный может сознавать, что он нарушает какое-либо одно требование безопасности или ряд таких предписаний. Сознательное нарушение нескольких требований не влияет на квалификацию преступления, но свидетельствует о большей степени вины и влияет на назначение наказания. Вопрос о том, сознавал ли субъект, что его действие представляет

¹ См.: Тихий В. П. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности обращения с общепасными предметами: Учеб. пособие. – К., 1989. – С. 53.

² См.: Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Учен. Зап. Дальневост. ун-та. – 1968. – Вып. 21. – Ч. 1. – С. 78.

собой нарушение правила безопасности, – это вопрос факта. Он разрешается с учетом всех обстоятельств дела в их совокупности: характера нарушения, времени, обстановки, а также личности нарушителя. Конечно, в некоторых случаях может быть установлено, что лицо не сознавало фактической стороны совершенного им действия (бездействия). Ответственность при этом либо устраняется, либо речь может идти о преступной небрежности (если лицо должно было и могло сознавать указанное обстоятельство).

Среди юристов нет единства – входит ли в содержание умысла осознание субъектом противоправности его действия (бездействия)¹. П. С. Дагель полагал, что требовать сознания противоправности – значит требовать сознания запрещенности деяния нормами уголовного права, требовать знания уголовных законов, а это, по его мнению, нереально². Действительно, обуславливать осознание противоправности именно знанием уголовных законов нереально. Сознание противоправности предполагает осознание запрещенности деяния как на уровне конкретного запрета, так и общим образом (вообще). В последнем случае достаточно осознания лицом общественной опасности, социальной вредности совершаемого действия (бездействия), вызывающих тревогу (страх, беспокойство, внутреннее напряжение) перед возможностью применения к нему за содеянное строгой ответственности перед обществом, включая правовую, в том числе уголовную.

Поэтому применительно к деяниям (нарушениям), указанным в статьях 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, сознание противоправности имеет такой характер: субъект, действуя или бездействуя определенным образом, понимает, что поступает вопреки требованиям технических норм, соблюдать которые предписано правовым актом (законом, приказом, распоряжением и т.п.), что такое его поведение, при определенных условиях (наступлении тяжкого последствия, повторности) может влечь правовую ответственность, в том числе уголовную. В итоге сознание фактических обстоятельств нарушения правила (-ил) безопасности предполагает и сознание общественной опасности содеянного и, следовательно, понимание противоправности деяния (технической и правовой, включая уголовную ответственность).

¹ См.: Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. – С. 317; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. – С. 355; Уголовное право. Часть общая. – М., 1966. – С. 180; Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Учен. зап. Дальневост. ун-та. – 1968. – Вып. 21. – Ч. 1. – С. 64.

² Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Учен. зап. Дальневост. ун-та. – 1968. – Вып. 21. – Ч. 1. – С. 65.

Для установления умышленного нарушения правила(-ил) безопасности на производстве недостаточно одного осознания совершаемого, необходимо установить волевой момент данной формы вины. Как было отмечено, субъект может желать нарушения определенного технического требования безопасности.

Противники смешанной формы вины, понимая, что зачастую факт нарушения требования безопасности производства осознается субъектом, пытаются ограничить сферу психического отношения лица к этому обстоятельству только интеллектуальным моментом, перенося волевой момент с нарушения на последствия. «Сознательное нарушение правил охраны труда и техники безопасности, когда допускается опасность причинения вреда работнику, должно квалифицироваться как совершенное по неосторожности»¹. О желании нарушить правило безопасности они умалчивают, считая, что этот момент психической деятельности лица может быть установлен лишь по отношению к последствиям. Естественно, эти авторы будут правы, считая, что желание наступления последствий характеризует деяние как умышленное преступление. «Умышленным содеянное может быть признано только в тех случаях, когда, сознательно нарушая правила техники безопасности, лицо желает причинения вреда здоровью или жизни работника либо, предвидя подобный результат, относится к нему безразлично, сознательно допуская его наступление»². Против этого нет возражений, это положение само по себе правильное. Однако хотелось бы поставить следующий вопрос: может ли лицо желать нарушения правил при одновременном нежелании наступления последствий? Например, мастер цеха, в силу занятости сознательно не проводит с опытным рабочим очередной инструктаж по технике безопасности. Есть ли у него желание не проводить такой инструктаж. Очевидно – да. И как следствие – инструктаж он не проводит. Желает ли он при этом (или сознательно допускает) гибель, увечье рабочего? Очевидно – нет. Таким образом, на поставленный вопрос можно ответить утвердительно – лицо не только сознает, что оно нарушает правила безопасности, но и желает их нарушить. Как видим, в психической деятельности лица по отношению к деянию имеется как интеллектуальный (сознает), так и волевой (желает) моменты. «С помощью первых человек определяет значимые для него параметры внешней среды, и, сопоставляя эти параметры со своими потребностями,

¹ Брайнин М. С., Квелидзе С. А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. – М., 1977. – С. 80.

² Брайнин М. С., Квелидзе С. А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. – М., 1977. – С. 80.

намечает такое преобразование последней, которое обеспечивает удовлетворение этих потребностей, посредством вторых – проводит это преобразование в жизнь»¹. Приведенное сочетание интеллектуального и волевого моментов в отношении нарушения правила(-ил) безопасности производства соответствует прямому умыслу.

Желание нарушить правило безопасности, характерное для прямого умысла, выражает цель действия субъекта, его результат. Такая цель может быть непосредственной, конечной (крановщик желает краном поднять груз, превышающий вес, допустимый для данной модели кранов) и промежуточной (рабочий сбрасывает с крыши здания доски с целью их дальнейшего хищения). В последнем случае общественно опасное нарушение выступает в качестве средства для достижения конечной цели, которая может быть преступной или непроступной (например, с целью повышения производительности труда мастер цеха отдает распоряжение снять со станка ограничители скорости обработки детали).

Достаточно часто на производстве встречаются случаи сочетающихся (находящихся друг с другом в связи) нарушений нескольких требований безопасности – множественность нарушений. В таком ряду нарушений лицо может осознавать и желать нарушения одних требований и не желать других. Нежелание, однако, может сопровождаться сознательным допущением нарушения еще каких-то требований безопасности, соблюдение которых во многом зависит от исполнения требования, которое лицо в данном случае желает нарушить. Таким образом, при указанном психическом отношении субъекта к совершаемому им деянию обнаруживаются, наряду с прямым, некоторые признаки косвенного умысла². Нарушая какие-то требования безопасности с косвенным умыслом, лицо может безразлично или даже отрицательно относиться к такому развитию совершаемого им деяния, осознавая, что в связи с нарушением одних требований безопасности вероятно также нарушение других. Совершая при таких условиях деяние и не рассчитывая на конкретные обстоятельства, которые должны эти нарушения предотвратить, лицо тем самым их допускает, соглашается с их наступлением. Например, субъект после употребления спиртных напитков приступает к работе на каком-либо механизме (станке, комбайне, строительном кране), что является грубейшим нарушением правил безопасности. Наличие алкоголя в организме человека ослабляет психические процессы, делает в ряде случаев его неспособным разумно оценивать обстановку и правильно реагировать на нее. Поэтому возможность

¹ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 88–89.

² См.: Комментарий УК РСФСР. – М., 1964. – С. 456–458.

нарушения других правил, которые необходимо соблюдать при управлении механизмом (подача сигналов, команд, правильное соблюдение разворотов и т.п.), сознательно допускается. Субъект, употребляя спиртные напитки, осознает, что в процессе работы может совершить в связи с этим какое-либо иное нарушение требования (-ий) безопасной эксплуатации механизма. Он не желает, но сознательно допускает возможность такого нарушения. Такое нарушение явилось следствием предыдущего сознательного и желаемого поведения лица. В рассмотренном случае лицо безразлично относилось к своей последующей деятельности (возможности нарушения иных требований безопасности).

Нарушение иного (-ых) требования (-ий) безопасности (при его сознательном допущении) не является целью субъекта: ни непосредственной, ни промежуточной. Оно – побочный результат его действий, направленных на сознательное (и желаемое) нарушение конкретных требований.

При сознательном (и желаемом) нарушении одного или нескольких требований безопасности нежелание нарушения других может сочетаться не только с безразличным или даже отрицательным отношением к такому развитию деяния (сложного, охватывающего несколько нарушений), но и легкомысленным (ошибочным) расчетом на предотвращение нарушения. При таком психическом отношении субъекта к совершаемому им деянию обнаруживаются, наряду с некоторыми признаками прямого (и, возможно, косвенного) умысла, также признаки преступной самонадеянности. Так, например, водитель самоходного транспортного средства сознательно принимает решение управлять механизмом с превышением скорости, необходимой для безопасного проведения работ. Он сознает, что такое управление рискованно, оно запрещено требованиями безопасности, а потому общественно опасно. При этом, однако, полагает, что в случае возникновения экстремальной ситуации (когда потребуются быстрое принятие, как правило, единственно правильного решения) он не допустит нарушения других требований безопасности, вероятность которых, в условиях перемещения механизма с превышением установленной скорости, резко увеличивается. Ориентируясь на профессиональное мастерство, опыт, природную сноровку, лицо, управляющее механизмом, рассчитывает, что ему удастся в будущем, при необходимости, среагировать на опасную ситуацию и избежать нарушения требований безопасности. Несмотря на уверенность субъекта в ненарушении иных требований, расчет его оказывается легкомысленным, в силу чего предполагаемые меры (или часть их) не смогли предотвратить нарушения иных требований безопасности. Соблюдение последних во многом зависело от требования,

которое ранее было нарушено с прямым умыслом. Констатация сознания общественной опасности нарушения (и желания такого нарушения) при одновременном расчете на предотвращение иных нарушений принципиально отличает подобное смешение форм вины от преступной самонадеянности в «чистом» виде, как она представлена в ст. 9 УК. Здесь следует отметить, что законодатель, формируя преступную самонадеянность, не указал на психическое отношение субъекта к совершаемому им деянию (действию, бездействию). В теории уголовного права в связи с этим высказаны различные мнения. Одни авторы полагают, что лицо при преступной самонадеянности сознает общественную опасность своего действия или бездействия¹. Другие, напротив, считают, что при самонадеянности у субъекта отсутствует сознание общественной опасности совершаемого деяния², что признаком самонадеянности является не положительное сознание общественной опасности деяния, а обязанность и возможность такого сознания³. Последняя позиция представляется более обоснованной. Она позволяет отличить преступную самонадеянность от смешанной формы вины. При преступной самонадеянности субъект, действуя (бездействуя) определенным образом и осознавая фактическую сторону своего деяния, не оценивает свое поведение как общественно опасное, поскольку нейтрализует (локализирует) опасность (в своем сознании) обстоятельствами, которые способны, по его мнению, предотвратить возможность наступления общественно опасных последствий в данный момент.

Например, мастер производственного участка направляет на работу прибывшего к нему рабочего, не проведя с ним соответствующего инструктажа по технике безопасности. При этом он просит других рабочих, опытных и знающих требования безопасности, контролировать поведение новичка и помогать ему. В данном случае мастер, понимая, что инструктаж необходим, стремится нейтрализовать возможную опасность своего решения и соответствующего ему действия обстоятельствами,

¹ См.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2. – Преступление. – М., 1970. – С. 313; Уголовное право УССР. Общая часть / Под ред. В. В. Сташиса и А. П. Якупова. – Киев, 1984. – С. 128; Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – Саратов, 1987. – С. 55–66.

² См.: Квашис В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. – Владивосток, 1986. – С. 25; Трухин А. М. Общие и особенные признаки самонадеянности и небрежности как видов неосторожной вины в советском уголовном праве // Вопросы теории и практики применения уголовного закона: Межвуз. сб. – Красноярск, 1990. – С. 29–30.

³ См., например: Тихонов К. Ф. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве // Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 87.

которые, по его мнению, не повлекут последствия. Ориентируясь на принятые меры, мастер не оценивает свое деяние как общественно опасное, он такую оценку вполне осознанно снимает.

Следовательно, при преступной самонадеянности субъект, начав осуществлять действие (бездействие), одновременно использует обстоятельства, которые, по его мнению, нейтрализуют опасность деяния. Он считает, что совершаемое им деяние, хотя и связано с отступлением от установленных требований, однако общественно опасных последствий вызывать не должно. При смешанной форме вины субъект сознательно начинает осуществлять общественно опасное действие (бездействие), рассчитывает при необходимости на использование локализирующих опасность обстоятельств в будущем. Вместе с тем и в первом, и во втором случаях субъект сознает фактическую сторону деяния, соответствующую объективным признакам состава преступления, предусмотренного законом, в той мере, в какой это необходимо, чтобы предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий. В приведенных выше случаях лицо сознает, что нарушает соответствующее требование безопасности, и это может вызвать общественно опасные последствия.

Правила безопасности на производстве могут быть нарушены и в случае преступной небрежности. Такой вид неосторожной формы вины может иметь место при совершении как единичных, так и множественных нарушений. Преступная небрежность имеется в тех случаях, когда субъект, совершая какое-либо действие, не сознает его недозволенности, или не совершая действия, – тем самым опасно бездействует, хотя исходя из обстоятельств дела должен был и мог это сознавать.

Следует заметить, что несмотря на отсутствие «сознания» нарушения требований безопасности, психическая деятельность субъекта тем не менее не характеризуется полным отсутствием сознания как такового в отношении совершаемого им деяния (действия, бездействия). Напротив, считается, что лицо совершает вполне осознанное волевое действие, которое поэтому и рассматривается как преступление. «Так же, как торможение, не есть просто отсутствием возбуждения, так и неосознание, обусловленное торможением, означает не только отсутствие сознания, а является выражением активного процесса, вызванного столкновением антогонистически действующих сил в жизни человека»¹. Поэтому не только в понятие умысла, но и в «понятие неосторожной вины составными элементами входят как воля, так

¹ Рубинштейн С. П. Бытие и сознание. – М., 1957. – С. 179.

и сознание правонарушителя, которое и является психическим содержанием неосторожной вины»¹.

Привлечение участника производства к ответственности за совершенное им по небрежности неосознанного общественно опасное действия (бездействия) обосновывается тем, что данный субъект достаточно не напряг свою волю к тому, чтобы вспомнить соответствующие требования; не сумел в конкретном случае правильно оценить производственную обстановку, в которой он оказался. По отношению к надлежащим действиям у лица отсутствуют характерные для воли переживания «надо», «я должен»² их совершить, хотя производственная обстановка давала ему достаточную информацию для этого, а в силу своих личных качеств он мог воспринять, осознать эту информацию и принять правильное решение. Из-за такой невнимательности, преступной небрежности при исполнении производственных обязанностей субъект не сознавал, что нарушает требование (-ия) безопасности. Психическое отношение при преступной небрежности в том и заключается, что лицо в результате сознательного пренебрежения возложенной на него обязанности быть внимательным (бдительным, требовательным) при выполнении производственных функций не сознает общественно опасного характера своего действия.

Таким образом, у субъекта по отношению к нарушению (-ям) требования (ий) безопасности возможны прямой умысел (наиболее распространенное явление на производстве) или комбинации: прямого и косвенного умысла, прямого умысла и преступной самонадеянности, прямого умысла и преступной небрежности. Не исключены и более сложные комбинации признаков умысла и неосторожности, в системе которых отправными являются сознание и желание нарушения какого-то требования (-ий) безопасности – первого (-ых) в ряду множественности нарушений.

При преступно-небрежном отношении субъекта к деянию вопрос о смешанной форме вины снимается, поскольку в его отношении ко всем признакам преступления не наблюдается смешения разных форм (умысла и неосторожности) вины. Преступно-небрежному отношению к деянию может соответствовать только аналогичное отношение к последствию (в случае, если оно наступит).

¹ Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. – Киев, 1955. – С. 275.

² См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 90.

§ 2. Характеристика неосторожного отношения субъекта к последствиям нарушений правил безопасности производства

В системе психоволевых компонентов субъективной стороны определяющее место занимает отношение субъекта, нарушающего на производстве правила безопасности, к общественно опасным последствиям. К ним, как было отмечено, нарушитель может относиться преступно-самонадеянно или преступно-небрежно.

Преступная самонадеянность (ст. 9 УК) имеет место, когда лицо, совершившее преступление, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение.

Предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий. При преступной самонадеянности субъект предвидит как фактические признаки возможных последствий своего действия или бездействия (несчастные случаи с людьми, вплоть до их гибели, разрушение или повреждение средств, орудий труда, зданий, сооружений и другие подобные по тяжести последствия), так и их общественно опасный характер¹.

Определенную сложность представляет вопрос о характере предвидения общественно опасных последствий. Одни юристы считают, что предвидение при самонадеянности носит абстрактный характер². Другие говорят об абстрактном характере самого предвидения³. Возражая против такого понимания предвидения, А. И. Рарог справедливо замечает: «Предвидение – это определенный мыслительный процесс, основанный на различных и вполне конкретных фактах, и абстрактным, т.е. отвлеченным от определенной жизненной ситуации, он быть не может»⁴. Представляется верным и утверждение, что при преступной самонадеянности имеет место предвидение абстрактной возможности наступления последствий⁵. Действуя (бездействуя) преступно самонадеянно, субъект

¹ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974. – С. 130.

² См., например: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. I. Вып. 2. – СПб., 1878. – С. 9; Советское уголовное право. Часть общая. – М., 1981. – С. 195.

³ См., например: Гринберг М. С. Понятие преступной самонадеянности // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 102.

⁴ Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – С. 57.

⁵ См.: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. – М., 1957. – С. 21; Емельянов А. М. К уточнению понятий умышленного и неосторожного преступного поведения // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981. – С. 20.

предвидит, что деяния, подобные тем, которые он совершает, т.е. нарушения правил безопасности производства вообще-то приводят к общественно опасным последствиям (несчастным случаям, гибели людей и т.п.), однако совершаемое им нарушение технических требований не должно вызывать таких последствий. Поэтому, действуя (бездействуя) в соответствующей конкретной производственной обстановке, лицо не осознает реального развития причинной связи (или возможности такого развития) между своим поведением на производстве и последствиями, хотя и мог бы это сделать при большем напряжении своих психических возможностей¹. По-иному подходит к вопросу о содержании предвидения М. С. Гринберг. Он считает, что предвидение при преступной самонадеянности носит альтернативный характер: «Преступная самонадеянность предполагает психическое переживание, при котором лицо предвидит в качестве одной из альтернатив предпринимаемого действия ущерб и тем не менее не воздерживается от такого действия»². В связи с этим уместно напомнить о правильной оценке такого рода решений, которую дал В. Г. Макашвили. «Нельзя не видеть, – писал он, – некоторого противоречия между утверждением, что лицо предвидит возможность наступления конкретного общественно опасного последствия, и положением, что лицо в то же время рассчитывает избежать его. Последнее устраняет первое»³.

Волевой элемент преступной самонадеянности состоит в том, что лицо легкомысленно рассчитывает на предотвращение общественно опасных последствий. При этом оно рассчитывает на вполне *реальные обстоятельства*, которые по своим свойствам обладают действительной способностью предотвратить наступление последствий. Это собственные личные качества – профессиональные знания или профессиональная деятельность (ловкость, умение, опытность, мастерство); действия других участников производства; технические возможности производственных систем (машин, механизмов, компьютеров); физические или химические законы; влияние производственной обстановки (заданная система функционирования производственных процессов) и т.п. Расчет же на вмешательство обстоятельств, которые в момент деяния отсутствуют и проявление их не является закономерным, исключает самонадеянность⁴.

Несмотря на уверенность субъекта в ненаступлении реальных или возможных последствий, его расчет оказывается неверным, легкомысленным,

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1985. – С. 20.

² Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 106.

³ Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. – С. 19.

⁴ См.: Рагог А. И. Вина в советском уголовном праве. – С. 58.

так как обстоятельства, на которые он рассчитывал, или часть из них не смогли предотвратить общественно опасных последствий.

Здесь следует заметить, что вопрос о том, что необходимо понимать под «расчетом» при преступной самонадеянности, достаточно сложен и для теории, и для практики. В связи с этим заслуживает внимания суждение И. П. Лановенко: «Легкомысленный расчет будет иметь место лишь при условии, что он подкреплен не абстрактными ссылками на жизненный или профессиональный опыт и общими размышлениями, а активными, заслуживающими внимания мерами предосторожности, которых оказывается все же недостаточно для предотвращения вредных последствий»¹.

Преступная небрежность. Как показывает анализ судебной практики, чаще всего нарушение правил безопасности на производстве совпадает с преступно-небрежным отношением лица к последствиям². Преступная небрежность имеет место в случае, когда субъект не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть. Как видим, интеллектуальный элемент преступно-небрежного отношения к последствиям характеризуется отсутствием у участника производства предвидения возможности наступления общественно опасных последствий. Непредвидение свидетельствует о пренебрежительном отношении лица к общественным интересам; недостаточной предусмотрительности при выполнении служебных обязанностей, исполнении специальных правил, регулирующих ту или иную деятельность на производстве. «Всякий недоучет последствий, результатов своего поступка есть безответственное или недостаточно ответственное отношение человека к тому, что он делает»³. При внимательном, заботливом отношении к общественным интересам лицо предусмотрит возможные опасные последствия своего действия (бездействия) и либо их предотвратит, либо откажется от своего деяния.

Констатация преступно-небрежного отношения субъекта к общественно-опасным последствиям во многом связана с установлением объективного и субъективного критериев этого вида неосторожной вины. Для преступлений, посягающих на безопасность производства, большое значение имеет правильное понимание объективного критерия.

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть общая. – Киев, 1985. – С. 182–183.

² К таким же выводам приходят и другие авторы. См., например: Лановенко И. П., Розовский Б. Г., Скрипник А. Н. Безопасность труда в горной промышленности и угольный закон. – С. 64.

³ Рубинштейн С. П. Бытие и сознание. – М., 1957. – С. 285–287.

Его установление помогает выяснить, должен ли участник производства предвидеть общественно опасные последствия. Следует отметить, что данный критерий неодинаков для каждого участника производства, он дифференцируется в зависимости от служебного положения, от специальных профессиональных знаний, а в ряде случаев и от характера правовых отношений субъекта с производством.

Известно, что в уголовно-правовой литературе вопрос о содержании этого критерия трактуется неоднозначно. Так, К. А. Камхадзе считает, что законодатель в ст. 9 УК с помощью объективного критерия преступной небрежности «определил объем требований, предъявляемых к «усредненному» человеку, и исключил возможность объективного вменения при невиновном причинении вреда»¹. По мнению Б. А. Куринова, «Объективный критерий помогает установить, каким образом должен был вести себя любой гражданин в данном конкретном случае. Образцом должно служить при этом поведение всякого благоразумного гражданина или, если это относится к области науки, техники и т.д., человека, обладающего определенной квалификацией»². Иначе подходят к данному вопросу авторы Комментария к УК РСФСР. Они указывают, что для установления объективного критерия пользуются «как бы «усредненной» мерой, позволяющей определить степень предусмотрительности, которую надлежит соблюдать лицам определенной профессии, специальности или деятельности, которой занимался виновный, либо должную меру предусмотрительности, предъявляемой к любому человеку нормами права и социалистической морали, правилами социалистического общежития»³. Таким образом, при формулировании должного предвидения пользуются масштабами «среднего человека» («усредненный человек», «всякий благоразумный гражданин», «лица определенной профессии», «любой человек» и т.п.).

Принципиально иную позицию занимают П. С. Дагель, А. И. Рарог и некоторые другие специалисты. Объективный критерий небрежности, полагают они, должен базироваться на требованиях персональной ответственности (обязанностях, предъявляемых к конкретному человеку), и поэтому он имеет нормативный характер⁴. «Объективный критерий

¹ Камхадзе К. А. [Рецензия] // Сов. государство и право. – 1984. – № 3. – С. 148. – Рец. на кн.: «Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: межвуз. темат. сб.». – Владивосток, 1981.

² Советское уголовное право. Общая часть. – М., 1981. – С. 197.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1985. – С. 21.

⁴ См.: Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1977. – С. 122; Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – С. 68–69.

небрежности означает обязанность лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий при соблюдении обязательных для данного лица мер предосторожности»¹. Это могут быть как элементарные (простые) меры – «неписанные правила общежития»², складывающиеся в процессе непосредственного общения людей друг с другом, так и сложные – правила безопасности при осуществлении той или иной профессиональной деятельности. Именно соблюдение последних характерно для деятельности человека на производстве. Обязанность предвидеть наступление общественно опасных последствий, как отмечалось, может вытекать из требований законов, специальных правил (инструкций, положений и т.п.), регулирующих ту или иную служебную или профессиональную деятельность либо отношения субъекта с производством. Эти требования (правила, инструкции) изучаются в ходе профессиональной подготовки, доводятся до сведения лиц, вступающих в отношения с производством и, что очень важно, без их знания никто не может быть допущен к производственному процессу. Допуск к такой деятельности свидетельствует, что лицо в силу занимаемого им положения способно выполнить требования безопасности. Тем самым гарантируется субъективная возможность участника производства в каждом случае предвидеть последствия нарушения правил.

Обязанность знать и соблюдать правила обычно вытекает из служебных функций, чаще всего определенных в служебных приказах, инструкциях, либо определяется сущностью самого положения и профессиональной подготовкой данного лица. Поэтому для установления профессиональных обязанностей анализируют различные документы – программы обучения работников, приказы, инструкции и правила, а иногда проводят экспертное исследование данного вопроса. Отсутствие обязанности лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий (объективного критерия) означает отсутствие в его деянии преступной небрежности.

Объективный критерий определяет рамки нормативного поведения конкретного лица на производстве, однако сам по себе он является недостаточным для констатации преступно-небрежного отношения к возможности наступления общественно опасных последствий. Для этого необходимо объективный критерий рассматривать в тесной связи с субъективным. Последний отражает индивидуальную возможность субъекта предвидеть указанные в законе последствия. Такая возможность

¹ Борисов В. И. Необережність та її види. – Х., 1991. – С. 14.

² Преступная небрежность (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / Лановенко И. П., Лопушанский Ф. А., Костенко А. Н. и др. – Киев, 1992. – С. 64.

связывается, во-первых, с индивидуальными качествами лица (возраст, образование, степень подготовленности и квалификации, знание общих и специальных правил безопасности, наличие профессионального опыта, состояние здоровья, психики, индивидуальные качества лица и т.п.); во-вторых, с той конкретной производственной обстановкой, в которой действовало данное лицо¹. Наличие таких двух предпосылок делает для участника производства реально возможным предвидение общественно опасных последствий.

Когда лицо вследствие каких-либо обстоятельств, относящихся к его личности или той обстановке, в которой оно действовало, не имело возможности предвидеть наступление общественно опасного последствия, следует считать, что в его действиях отсутствует преступно-небрежное отношение к последствиям. Отсутствие такой возможности у лица чаще всего зависит от условий объективной действительности (самовольные действия или грубая неосторожность потерпевшего, необычный характер развития причинной связи между нарушением технического требования и его последствием, значительные объемы задач, поставленные перед должностным лицом, дефицит времени и т.п.) или от каких-либо субъективных качеств участника производства (неопытность, болезненное состояние, психофизиологические особенности и т.п.). Многочисленные исследования в области прикладной психологии свидетельствуют о том, что в основе ошибочно принятых решений часто лежит «человеческий фактор» – психофизиологические особенности людей и их ограниченные возможности². В экстремальных ситуациях, в условиях жесткого дефицита времени, необходимого для принятия верного решения, именно такие качества человека могут оказать решающее влияние на его возможность соблюдать правила безопасности. В таких случаях взаимодействие личности и ситуации, как правило, носит сложный характер, где доминирующие криминогенные факторы нередко лежат или в плоскости возникшей ситуации, или обусловлены психофизиологическими особенностями человеческого восприятия³. В каждом конкретном случае все это должно быть проанализировано. Если действительно не было возможности пред-

¹ См.: Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. – Киев, 1987. – С. 31.

² См.: Ломов В. Ф. Человек и техника // Очерки инженерной психологии. – М., 1966. – С. 83; Иванов С. Н., Игнатов Н. А. Безопасность движения, – М., 1971. – С. 36. По данным польских исследователей, «человеческий фактор» явился причиной более 60 % изученных ими случаев производственного травматизма (см.: Охрана труда и социальное страхование. – 1973. – № 14. – С. 12).

³ См.: Квашиш В. Е. Научно-технический прогресс и ответственность за неосторожность // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975. – С. 122–123.

видеть последствия, имеет место «случай» («казус»), за который субъект не несет уголовной ответственности. Такая ситуация, как правило, может иметь место тогда, когда лицо не только не предвидит последствий, но и не осознает общественно опасный и противоправный характер своего действия (бездействия), т.е. не осознает того обстоятельства, что он нарушает правила безопасности.

Казус исключается, если лицо сознает, что им нарушаются правила безопасности, и он желает их нарушить. В таком случае на основании умышленного деяния доказываются долженствование и возможность предвидения последствий¹.

Анализ психического отношения субъекта к общественно опасным последствиям имеет важное значение для решения вопроса о том, к каким преступлениям, умышленным или неосторожным, относятся деяния, предусмотренные статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК. К сожалению, ни уголовный закон, ни теория уголовного права не дают четких критериев для такого разграничения. Многие считают, что «когда речь идет о преступлении в целом, то о нем можно говорить только как об умышленном, либо как о неосторожном деянии» в зависимости от психического отношения лица к тяжким последствиям². Существуют также

¹ Характерен произошедший на одном из предприятий случай. В результате изменения начальником цеха с согласия главного инженера конструкции одной из установок создавалась опасность соединения азотной кислоты с уксусным ангидридом во взрывоопасных пропорциях. Зная об этом, данные должностные лица продолжали использовать установку, рассчитывая выполнить годовой план, после чего закрыть цех на капитальный ремонт. Спустя некоторое время произошел взрыв. На следствии должностные лица заявили, что они не предвидели опасности. Высококвалифицированные эксперты не давали категорического ответа на вопрос о том, могли ли обвиняемые предвидеть опасность взрыва при изменении конструкции оборудования и при его эксплуатации. Однако изучение производственного процесса показало, что в ходе работ на установке после реконструкции наблюдались небольшие взрывы-хлопки, сопровождавшиеся выбросом массы, участвовавшей в реакции. Это были предвестники аварии. После ознакомления с профессиональной подготовкой обвиняемых было установлено, что они не могли не сознавать опасности взрыва при соединениях азотной кислоты и уксусного ангидрида. Виновные были привлечены к уголовной ответственности (См.: Бороданков А. П., Глистин В. К. Охрана безопасности труда. – Л. 1975. – С. 156).

² См.: Дурманов Н. Д. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., 1962. – С. 45; Булатов С. Я. Ответственность за преступления против политических, трудовых и других прав граждан по уголовному кодексу Казахской ССР. – Алма-Ата, 1962. – С. 20; Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений (ст. 85, 86 УК РСФСР). – М., 1965. – С. 138.

мнения, что эти преступления в соответствии с психическим отношением лица к основному общественно опасному деянию (нарушению) должны признаваться умышленными независимо от формы виновного отношения к дополнительному тяжкому последствию¹, либо умышленными или неосторожными в зависимости от вины лица в отношении самого нарушения правил².

Иначе исследован данный вопрос В. Д. Меньшагиным и В. Ф. Кириченко. Характеризуя субъективную сторону рассматриваемых преступлений, они считают необходимым выделять одновременно обе формы вины³. Однако ответа на вопрос о том, какие правовые последствия должны влечь такие преступления, эти авторы не дают, хотя от этого зависят правильность квалификации преступления, определение характера общественной опасности содеянного, индивидуализация наказания (ст. 39 УК), возможность признания лица особо опасным рецидивистом (ст. 26 УК), оценка характера совершенного преступления условно осужденным и условно-досрочно освобожденным (ст. 45 и ст. 52 УК), вид исправительно-трудового учреждения (например, колония-поселение для лиц, совершивших преступление по неосторожности) и, наконец, иногда применение амнистии.

Рассматриваемая группа преступлений относится к неосторожным, поскольку они являются по своей объективной стороне преступлениями с материальным составом, основным признаком криминализации которых выступают общественно опасные последствия, поэтому при характеристике их субъективной стороны необходимо исходить из психического отношения лица к этим последствиям⁴.

¹ См.: Филановский И. Г. Преступления, совершаемые по неосторожности // Правоведение. – 1969. – № 2. – С. 80; Фролов Е., Свинкин А. Двойная форма вины // Сов. юстиция. – 1969. – № 7. – С. 8.

² См.: Зелінський А. Визначення форм вини у вчиненні деяких злочинів // Рад. право. – 1977. – № 8. – С. 76–77.

³ Кириченко В. Смешанная форма вины // Сов. юстиция. – 1969. – № 19. – С. 13; Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1962. – С. 157.

⁴ См.: Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1976. – С. 11. Рассматривая этот вопрос, М. И. Бажанов пишет: «...преступления, заключающиеся в нарушении каких-либо правил, если это нарушение повлекло за собой наступление определенных, указанных в законе последствий и отношение к этим последствиям было неосторожным, должны рассматриваться как неосторожные, независимо от того, умышленно либо по неосторожности нарушены виновным соответствующие правила» (см.: Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. – Киев, 1980. – С. 158).

Такое отношение является, как было отмечено, определяющим при выявлении характера субъективной стороны в целом. Это объясняется тем, что именно наступление последствий трансформирует, как отмечалось, неуголовное правонарушение в преступление.

Судебная практика подходит к решению вопроса о характере деяния дифференцированно, учитывая место соответствующей статьи в системе УК и ее соотношение с другими нормами, характер объекта посягательства, особенности определения в диспозиции нормы объективной стороны данного вида преступления. Поэтому, например, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 101 УК, относится к умышленным, а рассматриваемые нами преступления – к неосторожным. Так, Пленум Верховного Суда бывшего СССР в постановлении № 16 от 5 декабря 1986 г. в п. 14 указал: «Если вследствие нарушения правил охраны труда или безопасности работ наступили предусмотренные законом вредные последствия, то содеянное подлежит квалификации по статьям 140, 214–217 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (статьи 135, 218–221 УК Украины. – В. Б.) только в тех случаях, когда вина в отношении этих последствий была неосторожной»¹.

Следует заметить, что по вопросу о субъективной стороне рассматриваемых преступлений в теории уголовного права высказываются и иные мнения. Признавая по общему правилу неосторожную форму вины к последствиям в виде причиненного вреда (например, гибель человека), в то же время допускают в отношении реальной возможности причинения таких последствий и косвенный умысел². В свою очередь, И. П. Лановенко полагает, что преступное нарушение

¹ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 16. Подтверждает изложенное следующий пример из судебной практики, связанный с нарушением правил техники безопасности рядовым работником производства. Тракторист Т. был осужден за умышленное средней тяжести телесное повреждение (ст. 102 УК) за то, что при загрузке силосной ямы он гусеницей трактора наехал на колхозницу Б., причинив ей травму. Вышестоящая судебная инстанция, изменяя приговор, указала, что Т., «двигаясь на тракторе с повышенной скоростью к вершине скирды, где работали колхозники, предвидел возможность наезда на них, но легкомысленно рассчитывал избежать наезда на людей. Следовательно, преступление осужденный совершил по неосторожности» (см.: Бюл. Верхов. Суда РСФСР. – 1968. – № 6. – С. 10–11).

² См.: Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., 19647 – С. 39; Курс советского уголовного права. – М., 1971. – Т. VI. – С. 398; Уголовный кодекс Украинской ССР: Научно-практический комментарий. – Киев, 1987. – С. 741.

правил охраны труда и безопасности работ, вызвавшее последствие (например, травмирование работника), «может быть совершено, пусть в исключительных случаях, умышленно, с косвенным умыслом»¹. С такими выводами трудно согласиться. В тех случаях, когда по отношению к последствиям лицо действовало с умыслом, совершенное деяние, в зависимости от мотивов, должно квалифицироваться, например, как преступление против личности или как должностное. Умысел к последствиям деяния резко изменяет социальную сущность преступного посягательства, трансформирует нарушение правил безопасности в один из возможных способов причинения, например, смерти, телесных повреждений или материального ущерба. Как правильно писал А. И. Свинкин: «...наличие хотя бы косвенного умысла к последствиям при нарушении правил охраны труда свидетельствует об ином характере преступного деяния и требует инкриминировать виновному одно из умышленных преступлений против личности»². Косвенный умысел свойственен случаям, когда жизнь другого человека, его здоровье становятся для лица, нарушающего правила безопасности, столь ничтожными ценностями, что оно может ими сознательно пренебречь, не имея каких-либо гарантий в благополучном исходе; субъект преступления может допустить такие последствия, во имя достижения других целей. Безусловно, такое отношение к человеку меняет юридическую природу совершаемого и, в отличие от неосторожного причинения потерпевшему вреда, требует более существенных мер ответственности, которую специально предусматривает законодатель в статьях за умышленные посягательства на личность. С точки зрения уголовной политики, было бы неверным допускать в УК ответственность за умышленное причинение вреда человеку путем нарушения специальных правил безопасности, поскольку это скрывало бы социальную сущность опасного умышленного деяния под «маской» несчастного случая на производстве.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы о психическом отношении субъекта к деянию – нарушению правила (-ил) безопасности производства и наступлению последствий, указанных в законе.

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Особенная. – Киев, 1985. – С. 189; см. также: Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 33, 144.

² Свинкин А. И. Преступные нарушения правил охраны труда и их предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1966. – С. 9.

1. В пределах смешанной формы вины возможны такие варианты (комбинации):

– лицо сознает, что действие (бездействие) составляет общественно опасное нарушение одного или нескольких правил безопасности и желает этого, при этом оно либо предвидит наступление общественно опасных последствий и легкомысленно рассчитывает на их предотвращение, либо не предвидит, хотя должно было и могло их предвидеть (прямой умысел + неосторожность к последствиям);

– лицо сознает, что его действие (бездействие) составляет общественно опасное нарушение правила (-ил) безопасности и желает этого, сознательно допускает, что такое действие может привести к общественно опасному нарушению также другого (-их) правила (-ил) безопасности, при этом оно либо предвидит наступление общественно опасных последствий и легкомысленно рассчитывает на их предотвращение, либо не предвидит, хотя должно было и могло их предвидеть (сочетаются прямой и косвенный умысел + неосторожность к последствиям);

– лицо сознает, что его действие (бездействие) составляет общественно опасное нарушение правила (-ил) безопасности и желает этого, легкомысленно рассчитывает на недопущение общественно опасного нарушения другого (-их) правила (-ил) безопасности, при этом оно либо предвидит наступление общественно опасных последствий и легкомысленно рассчитывает на их предотвращение, либо не предвидит, хотя должно было и могло их предвидеть (сочетаются прямой умысел и преступная самонадеянность + неосторожность к последствиям).

2. В пределах неосторожной формы вины возможно следующее отношение субъекта к признакам объективной стороны:

– лицо сознает, что его действие (бездействие) составляет нарушение правила (-ил) безопасности, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение (преступная самонадеянность);

– лицо не сознает, что, совершая какое-либо действие (бездействие), нарушает таким образом правило (-ла) безопасности, хотя должно было и могло это сознавать. Оно также не предвидит, что его действие (бездействие) может привести к наступлению общественно опасных последствий, хотя должно было и могло это предвидеть (преступная небрежность).

§ 3. Мотивация нарушений правил безопасности производства¹

Содержание психического отношения субъекта к нарушению правила (-ил) безопасности и его общественно опасным последствиям позволяет следующим образом объяснить субъективные причины такого поведения: участники производственной деятельности нарушают технические требования безопасности потому, что не знают их (1); либо не могут их выполнять, так как не обладают достаточными навыками и способностями (2); либо сознательно по каким-либо причинам не выполняют содержащиеся в правилах безопасности предписания (3). Если незнание технического требования (-ий) безопасности и невозможность их выполнения являются следствием нарушений в сфере операционно-технической стороны безопасности производства, то причины сознательного нарушения правила (-ил) безопасности производства следует искать в мотивационной сфере поведения участника производства². Отмеченное обстоятельство стало в последнее время объектом пристального внимания психологов и юристов, занимающихся проблемами безопасности производства³. Еще в 1977 г. на международном коллоквиуме по уголовному праву, проходившем в Москве, было отмечено, что «важнейшей частью междисциплинарного подхода к проблеме неосторожной преступности является психологический аспект ее изучения», в частности «мотивация поведения»⁴ неосторожных преступлений и мотивы совершения неосторожных преступлений. Мотивация поведения «представляет собой сложное взаимодействие внешнего, социального с внутренними психологическими процессами, отражаемые в виде потребностей, интересов, целей, ценностных ориентаций субъекта,

¹ Процесс мотивации в развернутом или свернутом виде всегда присущ человеческому поведению. Это аксиома психологии (См.: Миньковский Г. М., Петелин Б. А. О понятии вины и проблемах ее доказывания // Государство и право. – 1992. – № 5. – С. 57); «Через свою мотивацию человек вплетен в контекст действительности» (см.: Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Методические и теоретические проблемы психологии. – М., 1969. – С. 370).

² См.: Мариненко Н. В. Уроки безопасности. – М., 1991. – С. 95.

³ См.: Котик М. А. Психология и безопасность. – Таллин, 1989. – С. 213–253; Корчагин А. Г. Мотивация неосторожных преступлений, связанных с использованием техники // Правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 1985. – С. 52–58.

⁴ Преступления, совершаемые по неосторожности, современные методы и средства борьбы с ними: Ген. докл. на Междунар. Коллоквиуме «Преступления, совершаемые по неосторожности, их предупреждение и обращение с правонарушителями». – М., 1977. – С. 20.

побуждающие в совокупности к определенной деятельности»¹. Сквозь мотивационную систему преломляются все факторы внешней среды. В результате взаимодействия личности с социальной средой вырабатываются социальные потребности и опыт, которые аккумулируются. Далее, под воздействием внешних факторов на психологическую систему личности (которые как бы фильтруются через систему потребностей, интересов, ценностных ориентаций) и формируется мотив поведения². «Мотивация, – пишет В. Д. Филимонов, – это процесс определения личностью характера и направленности поведения, процесс формирования его мотива. Мотив же является результатом этого процесса»³. Таким образом, мотив является элементом психики личности и в то же время представляет собой отражение социально приобретенных и непосредственно воздействующих внешних факторов, т.е., как пишет Ф. Г. Гилязов, «проявляется как «сплав» социального и психологического»⁴. Здесь уместно также вспомнить мыслителя XIX в. А. Шопенгауэра, который писал о мотиве, что это «есть через познание прошедшая причинность»⁵. Такие положения представляются весьма существенными для понимания субъективной стороны преступного нарушения правил безопасности. Если в умышленных преступлениях важно и, как представляется, достаточно выяснить мотив принятия решения о совершении преступления, то в рассматриваемых преступлениях, относящихся к неосторожным, структура формирования мотивационной сферы субъективной стороны более сложна. Здесь выделяют: а) общий мотив и конечную цель субъекта (как правило, удовлетворение каких-либо общественных или личных потребностей); б) мотив и цель нарушения правила безопасности на производстве, если содержащееся в нем требование было нарушено субъектом сознательно; в) мотив и цель поведения в экстремальной (например, аварийной) ситуации, когда субъект

¹ Гилязов Ф. Г. Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические аспекты вины. – Уфа, 1978. – С. 26. Существуют и другие определения мотивации (см., например: Асеев В. Г. Мотивация и формирование личности. – М., 1976. – С. 13).

² По данным психологов, 70–80 % результатов, достигнутых человеком в процессе его деятельности, зависят от мотивов, и лишь 20–30 % – от интеллекта личности (см.: Мяснищев В. Н. Проблема потребности в системе психологии // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Серия философ. наук. – Л., 1957. – Вып. 11. – № 244. – С. 23).

³ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981. – С. 115.

⁴ Гилязов Ф. Г. Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические аспекты вины. – Уфа, 1978. – С. 29.

⁵ Шопенгауэр А. Понятия воли // Избр. произведения. – М., 1992. – С. 44.

осознает возникшую угрозу причинения ущерба¹. Эти мотивы и цели имеют различный характер и могут оцениваться по-разному. Важно то, что они характеризуют поведение субъекта, приведшего к преступному результату². Центральное место среди них занимают мотив и цель сознательных нарушений правил безопасности на производстве, т.е. деяний (действия, бездействия). Как справедливо заметил А. Г. Корчагин: «именно с этим нарушением связано и юридическое, и моральное осуждение виновного»³.

Изучение литературы по психологии безопасной деятельности⁴, материалов следственной и судебной практики позволяет выделить 13 основных факторов, обуславливающих (мотивирующих) формирование мотива и цели сознательного нарушения субъектом требования (-ий) безопасности на производстве: 1) экономия энергетических ресурсов человеческого организма; 2) экономия времени; 3) адаптация к опасности; 4) самоутверждение в глазах партнеров по работе; 5) самоутверждение своего «я»; 6) стремление следовать сложившимся в коллективе традициям, обычаям; 7) перенесение привычки; 8) подражание «идеалу»; 9) переоценка собственного опыта; 10) стрессовые состояния; 11) склонность (вкус) к риску; 12) спонтанный (непрагматичный) риск; 13) производственный (профессиональный) риск.

Экономия энергетических ресурсов человеческого организма (экономия сил). Это потребность, побуждающая человека к действиям, направленным на экономию его интеллектуальной и физической энергий. Если выполнения производственного задания можно добиться разными путями, то человек стремится выбрать тот из них, который, по его представлению и опыту, требует наименьших затрат сил, а на избранном пути он расходует не больше усилий, чем, по его представлению, необходимо. По данным ВЦНИИОТ бывшего ВЦСПС, на экономию сил как причину нарушений требований безопасности указали 78,8 % работников машиностроительных предприятий, привлеченных учеными этого института к исследованию мотивации

¹ См.: Механизм преступного поведения, – М., 1981. – С. 209; Корчагин А. Г. Мотивация неосторожных преступлений, связанных с использованием техники. – С. 54.

² См.: Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. – Л., 1970. – С. 47–51.

³ Корчагин А. Г. Мотивация неосторожных преступлений, связанных с использованием техники. – С. 54.

⁴ См.: Асеев В. Г. Мотивация, поведение и формирование личности. – М., 1976. – 184 с.; Котик М. А. Психология и безопасность. – С. 213–253; Мариненко Н. В. Уроки безопасности. – С. 94–105.

нарушений требований безопасности¹. По этой причине часто работники производств отказываются от использования индивидуальных и коллективных средств защиты, пропускают операции, необходимые для обеспечения безопасности, но не влияющие на получение конечного результата, выбирают более легкие, но более опасные рабочие положения и движения.

Экономия времени. Это стремление выполнить производственное задание в более короткий срок, нежели предусмотрено технологией. Однако стремление сэкономить время идет у работника не за счет улучшения организации труда, а за счет снижения уровня безопасности. Например, лицо увеличивает темп работы или торопит события в условиях, где необходимы особая внимательность и осторожность. Экономия времени – одна из наиболее распространенных причин нарушений требований безопасности. По данным ВЦНИИОТ, на такую причину указывают до 91,3 % опрашиваемых рабочих².

Адаптация к опасности. Фактор, связанный со способностью человека привыкать к явлениям опасности. Опасный производственный фактор теряет остроту для субъекта, он перестает его опасаться, хотя и правильно его оценивает. Привыкнув к опасности, работник начинает выполнять производственные задания беспечно, без пристального внимания, не ориентирует свое сознание на принятие мер предосторожности, не пытается проанализировать обстановку и выявить потенциальную опасность, не прислушивается и не присматривается к ее признакам, излишне расслабляется, игнорирует безопасные методы работы. И как следствие: вполне осознанно (иногда излишне спокойно) идет на нарушение требования(-ий) безопасности.

Самоутверждение в глазах партнеров по работе. Данный фактор следует из желания завоевать авторитет окружающих, быть в центре их внимания. Работник идет на нарушение, стремясь получить признание (восхищение, удивление) других участников производства.

Самоутверждение своего «я». В отличие от самоутверждения в глазах партнеров, где для нарушителя важен внешний эффект, данный фактор объясняется внутренней неуверенностью человека в себе. Как правило, такая неуверенность присуща некоторым людям и является чертой их характера. Стремясь проверить себя (утвердить собственное «я», укрепить свой дух), человек идет на сознательное нарушение требования (-ий) безопасности, подвергая опасности и себя, и других участников производства.

¹ См.: Мариненко Н.В. Уроки безопасности. – С. 98.

² См.: Мариненко Н.В. Уроки безопасности. – С. 98.

Стремление следовать сложившимся в коллективе традициям, обычаям. В некоторых производственных коллективах стремление к соблюдению правил безопасности традиционно не поощряется. Складывается атмосфера, в которой мнение работника о необходимости следовать установленным требованиям безопасности вызывает оскорбительные замечания (насмешки), обличающие в трусости, малодушии, формализме, педантизме и пр. Работников среднего звена управления (мастеров, прорабов) обвиняют в неуверенности, в даче распоряжений, которые способствуют якобы невыполнению производственных заданий, тормозят работу. Не желая конфликтовать с окружающими, участник производства сознательно идет на нарушение требования (-ий) безопасности. Как правило, бездействует, не принимает надлежащих решений.

Перенесение привычки. Стойкая привычка допускать нарушения в процессе работы может быть приобретена на прежней работе либо при занятии индивидуальной или социальной деятельностью, не связанной с производством. В условиях новой производственной деятельности человек остается верен своей привычке – нарушать требования безопасности. Такая привычка может «сработать» в неподходящий момент и повлечь общественно опасные последствия (аварию, травмы)¹.

Подражание «идеалу». Некоторые нарушители требований безопасности на производстве обладают притягательными чертами характера (веселы, остроумны, приветливы и т.п.), легко завоевывают авторитет, коммуникабельны. Подобные качества могут привлекать к такому лицу внимание других, вызывать стремление к подражанию. Копируя модель поведения такого работника, подражающий также идет на нарушение, как правило, вместе с «идеалом».

Переоценка собственного опыта. Данное обстоятельство приводит к тому, что работающий может позволить себе нарушение требования (-ий) безопасности, полагая, что при возникновении опасной ситуации его опыт (навыки, природные реакции) гарантирует возможность быстрого принятия необходимого решения для предотвращения несчастного случая, аварии. С этим, по-видимому, связано убеждение в том, что опытному работнику не обязательно соблюдать правила безопасности. По данным Н. В. Мариненко, 30 % опрошенных рабочих указывают на такую причину нарушения требования(-ий) безопасности².

¹ На привычку работать, не соблюдая правила безопасности, указывают до 40 % опрошиваемых (см.: Мариненко Н. В. Уроки безопасности. – С. 99).

² См.: Мариненко Н. В. Уроки безопасности. – С. 99.

Стрессовое состояние¹. Находясь в состоянии чрезмерного психического напряжения, работник производства может пойти на действия, которые, по его мнению, способны снять такое состояние или ослабить его. Такими действиями могут быть и нарушения правил безопасности. Например, распитие спиртных напитков в рабочее время.

Склонность (вкус) к риску. Это один из наименее выраженных факторов, мотивирующих сознательное нарушение правил безопасности. Специалисты отмечают, что в психической структуре некоторых лиц имеется повышенная тенденция к рискованным действиям². Своеобразное удовольствие, получаемое некоторыми лицами от рискованных действий, проявляется в виде эйфории, что связано с выбросами надпочечниками повышенного количества норадреналина в кровь³.

Спонтанный (непрагматичный) риск. Явление спонтанности в деятельности работников производства состоит в том, что лицо, успешно осуществляя какие-либо действия, необходимые для обеспечения безопасности, как бы «вдруг» выбирает вариант поведения, который принято считать опасным. В какой-то момент субъект начинает непрогматично рисковать. М. А. Котик, объясняя такое поведение, пишет: «для того, чтобы доказать, что он способен и в этой ситуации сохранять безопасность. Таким образом, субъект своим рискованным поведением как бы сдвигает демаркационную линию действующих ограничений, расширяет сферу своей деятельности, показывает свои возможности действовать безопасно в более широкой области»⁴. Поступая подобным образом, участник производства не только не извлекает никаких ситуативных преимуществ (поощрения, признания и т.д.) с точки зрения достижения безопасности, а, напротив, увеличивает вероятность наступления общественно опасных последствий, а, следовательно, и наказания: физического – в связи с возможностью получения им самим травмы или социального – в связи с возможностью привлечения его к ответственности.

Производственный (профессиональный) риск⁵. В отличие от склон-

¹ О влиянии стресса на безопасность производства подробнее см.: Котик М. А. Психология и безопасность. – С. 144–146.

² См.: Петровский В. А. Активность субъекта в условиях риска: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1977.

³ См.: Мариненко Н. В. Уроки безопасности. – С. 58.

⁴ Котик М. А. Психология и безопасность. – С. 259.

⁵ В юридической литературе рассматриваемое обстоятельство обычно именуют производственным риском (к примеру, М. С. Гринберг). Другие определяют его как профессиональный, имея в виду возможность такого риска в любой сфере профессиональной деятельности – производственной, научно-технической, врачебно-медицин-

ности к риску и спонтанного (непрагматичного) риска производственный (профессиональный) риск характеризуется, как правило, продуманностью действий. Под производственным (профессиональным) риском понимается стремление достичь общественно полезную цель или предотвратить вредный результат производственной деятельности путем поставления в опасность охраняемые законом интересы¹.

Возможность производственного (профессионального) риска обусловлена относительной надежностью производства, и в то же время его потенциальной опасностью для работающих, посторонних лиц, материальных ценностей. Достаточно часто возникают ситуации, требующие оперативных действий, направленных на предотвращение вреда.

В определенных случаях необходимо принятие неординарных решений, нередко новаторских по существу. Поэтому важно, чтобы рискованные действия (например, новый производственно-технический метод, эксперимент) отвечали научно-техническим знаниям и опыту, имеющимся в соответствующей отрасли производства. В ряде случаев рискованные действия могут и опережать известные технические решения². При выполнении рискованных действий допустимы

ской и т.д. (например, А. Б. Сахаров). Более приемлемым является второе понятие – его объем шире. Исходя из предмета настоящего исследования, предлагается комбинированное понятие «производственный (профессиональный) риск», из которого следует: производственный риск есть вид профессионального риска.

Проблема производственного (профессионального) риска достаточно популярна в теории права. Значительное внимание ей уделяют ученые, работающие в области уголовного права (см., например: Гринберг М. С. Проблема производственного риска в уголовном праве. – М., 1963; Дагель П. С. Производственный риск и уголовная ответственность // Сов. государство и право. – 1965. – № 3. – С. 158–160; Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М., 1987. – С. 133–135; Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. – Харьков, 1991. – С. 329). Производственный (профессиональный) риск, если он оправдан (правомерен), рассматривается многими авторами как обстоятельство, исключающее ответственность за причиненный вред. «Не является преступлением, – пишет А. Б. Сахаров, – действие (бездействие), причинившее вред правоохраняемым интересам, если оно совершено в условиях правомерного риска в целях достижения общественно полезного результата профессиональной деятельности» (см.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – С. 133). Имеются и другие определения производственного риска. В настоящей работе не ставится задача анализа этих определений, как и мнений об условиях правомерности или неправомерности производственного риска. Производственный риск рассматривается как фактор, мотивирующий определенные действия участника производства, включая сознательное нарушение им правил безопасности.

¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. – Л., 1958. – Т. 1. – С. 524.

² См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – С. 134–135.

отступления от принятых общих организационных и технических предписаний, содержащихся в правилах, инструкциях и других нормативах по безопасности производства, Например, из-за отсутствия времени, перед выполнением опасной, сопряженной с риском работы, с рабочими не проводится инструктаж по технике безопасности. К таким случаям вполне подходит следующее суждение М. С. Гринберга: «Правомерный риск – суть действия, выходящего за рамки формально-определенных правил. Обращение к таковому – свидетельство неизбежных пробелов последних»¹. Однако отступления от правил безопасности возможно до определенных пределов. Рискованные действия не должны нарушать специальных запретов, прямо (непосредственно) обеспечивающих безопасность жизни и здоровья работающего (-их) при выполнении конкретной производственной операции, приема, метода и т.п. Поэтому выход за пределы допустимости трансформирует правомерный производственный (профессиональный) риск в неправомерный, может стать основанием серьезного социального упрека, вплоть до уголовной ответственности.

Учитывая важность данного обстоятельства для объяснения природы правомерных рискованных действий на производстве, его каузальную противоречивость (достижение общественно полезного результата через возможное нарушение правила безопасности), целесообразно дать к одной из статей УК, непосредственно охраняющих безопасность производства, примечание о правомерном производственном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния за причиненный вред. Например: «Не является преступлением причинение вреда безопасности производства в результате правомерного производственного риска». Здесь же следует поместить оговорку о недопустимости риска, заведомо содержащего реальную угрозу для жизни или здоровья людей, либо наступления иных тяжких последствий, функционально такое примечание должно также уточнять общее понятие профессионального риска, определение которого целесообразно разместить в Общей части УК².

Таким образом, роль и удельный вес факторов, мотивирующих нарушение субъектом правил безопасности на производстве, далеко не одинаковы. Достаточно часто эти факторы действуют в комплексе, формируя решение субъекта. Например: экономия времени + перенесение

¹ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 161.

² См., например: Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик // Изв. –1991. – 20 июня; Баулин Ю. В. Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключающих преступность (общественную опасность и противоправность деяния): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1991. – С. 40; Проект Уголовного кодекса России // Юрид. вестн. –1992. – Окт. – № 20 (22).

привычки + подражание «идеалу». Отсюда вытекает что, не одинаковы также мотивы и цели таких нарушений. Являясь результатом мотивационных процессов, происходивших в сознании субъекта, они придают нарушению различную социальную и правовую характеристику. Именно поэтому, когда нарушение приобретает признаки преступления, его мотивы и цели могут влиять на степень общественной опасности деяния, оценку личности виновного, иметь значение для квалификации содеянного, индивидуализации наказания, профилактики нарушений.

Изучение мотивов и целей преступных нарушений правил безопасности производства позволяет условно разделить их на три относительно самостоятельные группы: социально-оправданные, социально-нейтральные и антиобщественные (вредные)¹. Исходя из такой классификации, большинство преступных нарушений правил безопасности на производстве совершаются субъектами по социально-оправданным и социально-нейтральным мотивам и целям (70 %). Это: экономия времени – с целью быстрее и лучше выполнить работу; ложно понятая производственная необходимость; неоправданный производственный риск; расчёт на свой опыт, правильные действия других лиц или на благоприятное стечение обстоятельств; экономия физических сил, обусловленная усталостью, болезнью работника, и другие.

Для части нарушений правил безопасности на производстве свойственны антиобщественные (вредные) мотивы и цели (30 %). Например, когда должностное лицо, ответственное за соблюдение техники безопасности, сознательно пренебрегает требованиями безопасности, считая их излишними в организации работы. Некоторые из антиобщественных мотивов рассматриваемых преступлений совпадают с мотивами и целями умышленных преступлений. Так, встречаются хулиганские мотивы («удаль», «лихачество», «стремление доказать силу», «попугать новичка» и т.п.), корыстные (нарушение требования безопасности в связи с хищением сырья, материалов, готовой продукции).

Таким образом, установление мотивационных факторов и их производных – мотивов и целей может сыграть заметную роль в решении

¹ В литературе подобная классификация, применительно к неосторожным преступлениям, была дана П. С. Дагелем: «Мотивы неосторожных преступлений (как и умышленных) могут быть и антиобщественными, и социально-положительными, и социально нейтральными» (см.: Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1977. – С. 61–62). А. Г. Корчагин распределяет мотивы неосторожных преступлений, связанных с использованием техники, на положительные, нейтральные, отрицательные (см.: Корчагин А. Г. Мотивация неосторожных преступлений, связанных с использованием техники // Правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 1985. – С. 57).

ряда уголовно-правовых и криминологических вопросов: квалификации преступления, индивидуализации и дифференциации ответственности и наказания, установления вины (ее содержания и степени), отграничения неосторожного преступления от умышленного и от деяний, не представляющих общественной опасности (в частности, от правомерного производственного риска), установления психологических причин неосторожных преступлений и разработки профилактических мер в данной сфере борьбы с преступностью.

Глава 4. СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Некоторые вопросы вменяемости и возраста уголовной ответственности

В условиях научно-технического прогресса важное значение приобретает изучение признаков субъекта преступного нарушения правил безопасности производства. Ведь участниками современной производственной деятельности должны быть лица, обладающие определенными социальными и психофизиологическими качествами, необходимыми для успешного выполнения своих профессиональных обязанностей. Отсутствие этих качеств снижает требуемый уровень безопасности в сфере производственной деятельности, особенно, если производство или отдельные его работы повышено или исключительно опасные.

Субъектом преступления, как известно, считается физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста¹. Эти признаки установлены в законе и обязательны для любого состава преступления, в том числе и для преступлений против безопасности производства.

1. *Вменяемость*. Как известно, уголовный закон не дает определения вменяемости. Юристы, анализируя приведенное в ст. 12 УК определение невменяемости, приходят к выводу о том, что «под вменяемостью закон понимает способность лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими»². Закон адресует требования не совершать преступлений во

¹ Подробнее см.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958; Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1964; Трахтеров В. С. Вменяемость по советскому уголовному праву. – Харьков, 1966; Михеев Р. И. Основы учения о вменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток, 1980; Лазарев А. М. Субъект преступления: Учеб. пособие. – М., 1981.

² Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. – Киев, 1985. – С. 151.

всех без исключения случаях к человеку, который обладает интеллектуальной и волевой способностями, может аналитически воспринимать влияние окружающей среды на его сознание, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Эти требования адресованы к человеку вообще, достигшему возраста уголовной ответственности. Вместе с тем хорошо известно, что способности у разных людей неодинаковы. У некоторых могут быть богаче интеллектуальные способности, при ограниченных физических возможностях, у других – более развиты физические качества. Различаются люди и по волевым способностям. Такие различия могут приобретать существенное значение в условиях современного производства, и в частности, в действиях так называемых операторов технических систем¹. Деятельность операторов сопряжена со значительными нервно-психическими нагрузками, требует быстроты и безошибочности выполняемых действий и операций. Для них характерен особый уровень реализации профессиональных качеств (скорость реакции, объем и длительность хранения информации в памяти, образованность и гибкость оперативного мышления, концентрация внимания и т.п.) и качеств личностных (решительность, уверенность, эмоциональная устойчивость и т.д.). Поэтому может случиться, что оператор технической системы, адаптированный к обычным производственным условиям, попав в сложную аварийную ситуацию и находясь в связи с этим в состоянии нервно-психологического напряжения, окажется не способным (из-за отсутствия каких-то профессиональных или личных качеств) принять правильное решение по ликвидации опасности. Пример тому – трагические события на Чернобыльской АЭС, обусловленные во многом ошибками операторов². Оценивая такие случаи, М. С. Гринберг еще в начале 1970-х годов заметил, что традиционный взгляд на вменяемость (невменяемость) и уголовную ответственность операторов технических систем не удовлетворяет практику борьбы с «технической» преступностью, так как вопрос о преступной неосторожности субъектов так называемых «технических» преступлений уже не может быть разрешен в рамках принятого в уголовном праве субъективного критерия преступной неосторожности. Он предложил решать вопрос о правовой оценке психофизиологических особенностей операторов технических систем (с точки зрения вменяемости и ответственности этих лиц) на основе так называемой «специальной»

¹ Это работник, выполняющий определенные функции в автоматизированных системах переработки информации и управления, обеспечивающий нормальную работу технических средств автоматизированных систем (см.: Научно-технический прогресс. Словарь. – М., 1987. – С. 187).

² См.: Правда. – 1986. – 21 июля.

вменяемости (невменяемости)¹. Исходя из этого автор, предлагает дифференцировать вменяемость на «общую» и «специальную». К «общей» относится способность человека к социально адекватному поведению в обычных условиях; «специальная» – это способность лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими в сложных производственных условиях. Эта идея привлекла внимание многих юристов. Были высказаны мнения о необходимости дальнейшего исследования вопроса о «специальной» вменяемости (невменяемости)², а также предложения включить норму о «специальной» вменяемости (невменяемости) в уголовный закон³. Попытку уточнить идею М. С. Гринберга предприняли Э. Н. Зинченко и А. П. Гриндорф. Они предложили вместо субъективного критерия неосторожности предусмотреть в уголовном законе «специально-профессиональную» вменяемость (невменяемость) для лиц, совершивших неосторожные деяния⁴, и «профессиональную» вменяемость (невменяемость) для лиц, нарушивших правила безопасности горных работ⁵. В частности, Э. Н. Зинченко писал: «более удачным представляется определение этого состояния («специальная» невменяемость. – В. Б.) – профессиональная невменяемость, так как оно лишает человека возможности исполнять те или иные профессиональные функции»⁶. С критикой в адрес таких суждений выступили И. И. Карпец⁷ и Р. И. Михеев⁸. По мнению последнего: «... конструкция так называемой «специальной» вменяемости – невменяемости

¹ См.: Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности. – С. 133, 135–136; Он же: Субъект преступления и субъективный критерий неосторожности (вопросы специальной вменяемости) // Сов. государство и право. – 1986. – № 3. – С. 63–68.

² См.: Курляндский В. И. Некоторые вопросы ответственности в связи с научно-техническим прогрессом // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права: Сб. материалов науч.-практ. конф. – М., 1975. – С. 21; Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М., 1977. – С. 119.

³ См.: Номоконов В. А. Проблема свободы воли в советском уголовном праве (в аспекте взаимосвязи «личность – ситуация»): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – С. 13.

⁴ См.: Гриндорф А. П. Ответственность за неосторожное преступление в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1977. – С. 13.

⁵ См.: Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – С. 84–86.

⁶ См.: Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – С. 85.

⁷ См.: Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., 1976. – С. 180–182.

⁸ См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток, 1983. – С. 82–118.

(и ее аналогов – «профессиональной», «специально-профессиональной») с точки зрения общего учения о вменяемости (и невменяемости) и вине в советском уголовном праве является искусственной, и оснований для ее закрепления в советском уголовном законе нет»¹. Такую оценку следует признать обоснованной.

Для конструирования «особых» критериев вменяемости (невменяемости) под лиц, работающих операторами технических систем, нет достаточных теоретических и практических оснований. Сами по себе возможные негативные качества оператора (профессиональная непригодность или неподготовленность лица к работе оператора) либо временные психические состояния (растерянность субъекта, оказавшегося в экстремальной ситуации, или нервно-психологические перегрузки), которые обусловили принятие им ошибочного решения, далеко не равнозначны содержанию и социально-юридической сущности правовых категорий «вменяемость» и «невменяемость», их функциональному назначению в уголовном праве. Поэтому правы И. И. Карпец и Р. И. Михеев, отмечая, что в подобных случаях речь идет не о какой-то «специальной» или «профессиональной» вменяемости (невменяемости), а о вменяемости и невменяемости в их обычном понимании и правовом значении².

Дифференциация (дробление) правовых категорий «вменяемость» и «невменяемость» может привести к размыванию нормативных границ этих понятий, утрате их уголовно-правовой функции. Как справедливо замечает Р. И. Михеев, дифференцировать надо не сами категории «вменяемость» – предпосылку вины и уголовной ответственности, или «невменяемость» – обстоятельство, исключающее вину и уголовную ответственность, а причины, вызывающие особые психические состояния, вплоть до невменяемости человека³. Такой подход может способствовать, в частности, расширению социальных оснований ответственности лиц, осуществляющих профессиональный подбор людей, их обучение для систем «человек-техника-производственная среда», расстановку работников в пределах таких систем. Необходимо, очевидно, решать также вопрос о повышении социальной ответственности человека за ошибочный выбор им вида производственной деятельности, которая

¹ Михеев Р. И. Уголовная ответственность лиц с психофизиологическими особенностями и психогенетическими аномалиями. – Хабаровск, 1989. – С. 42.

² См.: Карпец И. И. Уголовное право и этика. – М., 1985. – С. 150–151; Михеев Р. И. Уголовная ответственность лиц с психофизиологическими особенностями и психогенетическими аномалиями. – С. 44.

³ См.: Михеев Р. И. Уголовная ответственность лиц с психофизиологическими особенностями и психогенетическими аномалиями. – Хабаровск, 1989. – С. 44.

сопровождается экстремальными ситуациями, нервно-психологическими перезагрузками, с которыми субъект не всегда способен справиться¹. Подобные ситуации в определенный момент могут даже лишить человека способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить своими поступками, то есть обусловить его невменяемость. Например, нервно-психологические перегрузки могут вызвать состояние психического ступора с мышечной ригидностью, по силе приближающейся к явлениям типа паралича. Такие случаи вполне вписываются в рамки «невменяемости» на основе ее юридического и медицинского критериев (например, временное расстройство психической деятельности, вызванное стрессом). Что касается случаев, не подпадающих под действие ст. 12 УК, то они должны разрешаться по правилам субъективного критерия неосторожной вины (мог или не мог). В случаях, когда лицо оказывается в ситуации, в которой при всем напряжении своих интеллектуальных способностей и психофизиологических возможностей не в состоянии предвидеть и упредить наступление общественно опасных последствий, оно не может нести ответственность из-за отсутствия вины, но не в силу так называемой «специальной» («профессиональной») невменяемости.

2. Отдельным признаком субъекта любого преступления является *возраст* уголовной ответственности. При определении возраста, с наступлением которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, за основу берется сознание человека, его способность понимать общественную опасность и противоправность совершаемых им деяний. В соответствии со ст. 10 УК субъектами преступлений, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, могут быть лица, достигшие 16-летнего возраста.

Известно, что за ряд преступлений законодатель предусмотрел пониженный возраст уголовной ответственности – 14 лет. К числу таких

¹ В частности, путем введения в Общую часть УК специального положения о возможности применения к операторам технических систем, виновных в наступлении общественно опасных последствий, такой дополнительной меры наказания, как лишение осужденного на какое-то время или бессрочно права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Это наказание может быть назначено в случаях, когда по характеру совершенных виновным преступлений по должности, при занятии определенной деятельностью или определенной профессией, связанной с экстремальными условиями и нервно-психологическими перегрузками, суд признает невозможным сохранение за виновным права занимать должность, заниматься деятельностью или иметь профессию, связанную с указанными условиями (подробнее см.: Михеев Р. И. Уголовная ответственность лиц с психофизиологическими особенностями и психогенетическими аномалиями. – С. 53).

действующее уголовное законодательство Украины относит неосторожное убийство (ст. 98 УК). Поскольку одним из последствий преступных нарушений правил безопасности может быть смерть человека, то возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 98 УК работников производства в возрасте от 14 до 16 лет. Такая ситуация вполне реальна, так как согласно ч. 2 ст. 188 КЗоТ Украины разрешается прием на работу лиц, которые достигли 15 лет¹. Встречаются отдельные случаи, когда принимают на работу лиц более раннего возраста. Ответственность таких подростков, если они, работая на производстве, своими действиями неосторожно лишили жизни другого человека, возможна по ст. 98 УК. Это случаи, когда подростком были нарушены элементарные, очевидные, общепринятые нормы предосторожности, выработанные опытом человеческого общения и понимаемые, практически, каждым человеком, достигшим 14 лет. При этом при предъявлении обвинения в наступивших общественно опасных последствиях возможны ссылки на установленные нормы безопасности. Однако по своему содержанию последние не должны отличаться от общих (элементарных) норм предосторожности. В иных случаях, когда будет выявлено нарушение подростком специальных технических требований безопасности, обеспечивающих достаточно сложные технологические процессы, они не могут быть субъектами уголовной ответственности. Как было отмечено, состав неосторожного убийства (ст. 98 УК) предусматривает непосредственное воздействие на объект – отношения по охране жизни человека. В случае нарушения установленных на производстве правил безопасности ущерб этим отношениям причиняется опосредованно, через деформацию (разрушение, изменение и т.п.) отношений безопасности производства. Сознать и предвидеть такой механизм причинения ущерба отношениям по охране жизни человека, понимать зависимость этих отношений от безопасности производства подростки в возрасте от 14 до 16 лет еще не способны (в целом). Поэтому исключается их ответственность по статьям 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, а следовательно, и по ст. 98 УК, за нарушение специальных правил безопасности.

В литературе обсуждается вопрос о повышенном возрасте уголовной ответственности за нарушение правил безопасности на производстве. Так, полагают, что уголовная ответственность за совершение неосторожных преступлений, связанных с производством, фактически возможна по достижении лицом 18 лет, и только в тех случаях, когда с

¹ См.: О внесении изменений в статью 188 Кодекса законов о труде Украины: Закон Украины от 5 июня 1992 г. // *Голос Украины*. – 1992. – 2 июля.

этого возраста разрешается выполнять определенную работу¹. Решение этого вопроса возможно на основе положений других отраслей права (в частности, трудового), а также предписаний, содержащихся в технических нормах.

Анализ норм трудового права и технических норм, где содержатся положения о возрасте, по достижению которого возможно выполнять некоторые работы, дает основания для вывода, что в большинстве таких случаев органы, принимавшие соответствующее решение, руководствовались исключительно заботой о нормальном физическом развитии подростка. Так, из соображений охраны здоровья запрещено применять труд несовершеннолетних на тяжелых работах и на работах с вредными или опасными условиями труда, а также на подземных работах. Запрещается привлекать несовершеннолетних к подъему и перемещению тяжестей, вес которых превышает установленные нормативы².

Вполне допустимо, что в нарушение трудового законодательства подростки в возрасте от 16 до 18 лет выполняли тяжелые работы, в процессе которых преступно нарушили правила безопасности. Представляется, что в таких случаях, при наличии всех признаков состава преступления, эти подростки подлежат уголовной ответственности за допущенные ими нарушения правил безопасности. Поэтому нельзя признать правильным следующее решение следственных органов прокуратуры Балаклеевского района Харьковской области по ст. 219 УК по делу К. Последний, будучи электриком, наряду с другими лицами, был привлечен к уголовной ответственности по ст. 219 УК за нарушение строительных правил во время ремонта линии электропередачи. Он установил на пробковом предохранителе вместо плавких вставок перемычку из двух медных проводов. В результате этого, а также нарушений, допущенных другими лицами, в электропроводке строения произошло короткое замыкание. Перемычка, установленная К., не сработала, возник пожар, в результате которого был причинен крупный материальный ущерб. Следственные органы после возбуждения уголовного дела вынесли постановление о прекращении уголовного преследования в отношении К. Свое решение они мотивировали тем, что К. не достиг 18 лет и согласно техническим нормативам и трудовому законодательству не

¹ См.: Сорокотягин И. Н. Борьба с преступными нарушениями правил безопасности горных работ на рудных шахтах: Дис. ... канд. юрид. наук, – Свердловск, 1969. – С. 31; Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. – С. 88.

² См.: Про охорону праці: Закон України від 14 жовтня 1992 р. // Голос України. – 1992. – 24 листоп.

мог работать верхолазом¹. Надо полагать, что возрастное ограничение, установленное в этих нормативах, было обусловлено не интеллектуальной сложностью выполняемых электриками-верхолазами работ, а заботой о здоровье несовершеннолетних, их физическом развитии.

Вместе с тем имеются работы, осуществление которых сопровождается экстремальными ситуациями; лица, их выполняющие, часто испытывают значительные психологические перегрузки. Интеллект и воля таких работников находятся в постоянном напряжении. Поэтому к таким работам, как правило, допускаются лица не моложе 18 лет. Объясняется это тем, что для большинства молодых людей характерно отсутствие стойких психических качеств, профессионального опыта и навыков. Многие из них еще не способны быстро и правильно оценивать производственную ситуацию, принимать правильное решение (порой единственное). Поэтому, если такие работы все же выполнялись субъектом, не достигшим возраста, требуемого правовыми и техническими нормами, и он, оказавшись в экстремальной ситуации, принял ошибочное решение, нарушив правило безопасности, что повлекло общественно опасные последствия, то вопрос об уголовной ответственности такого субъекта должен решаться на основе серьезного анализа субъективного критерия неосторожности (как и других обстоятельств происшедшего). Если с помощью судебно-психологической экспертизы будет признано, что лицо, в силу психического развития не могло, оказавшись в экстремальной ситуации, обеспечить безопасность работы, то оно не может подлежать уголовной ответственности из-за отсутствия вины. При установлении же объективного и субъективного критериев неосторожности уголовная ответственность таких субъектов должна наступать на общих основаниях. При этом к уголовной ответственности должны привлекаться должностные лица, незаконно поручившие несовершеннолетнему работу, не соответствующую его возрасту.

Вместе с тем, учитывая, что техническая сущность производства постоянно усложняется, растет число опасных и вредных производственных факторов, работ повышенной и исключительной опасности, требующих от человека определенных профессиональных знаний, навыков и психофизиологических возможностей, представляется целесообразным поддержать предложения о закреплении в Общей части УК положения об ответственности за отдельные преступления, начиная с 18 лет².

¹ См.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков, 1977. – С. 93–94.

² См.: Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасных горных работ. – С. 89; Михеев Р. И. Уголовная ответственность лиц с психофизиологическими особенностями и психогенетическими аномалиями. – С. 28–29;

Предполагаемый перечень таких преступлений должен содержать не только нормы, в которых будет установлена ответственность за нарушение требований безопасности на производстве, но и нормы, предусматривающие ответственность за некоторые государственные и должностные преступления, преступления против правосудия, воинские преступления¹.

§ 2. Признаки и классификация специальных субъектов

Развитие производства сопровождается увеличением определенности технических предписаний, обращенных к человеку и регламентирующих его место в системе «человек-техника-производственная среда». Юридическим выражением этого процесса служит закрепление в правовых нормах регламента должного поведения на производстве, условий, при которых осуществляется производственная деятельность и т.п., что предопределяет необходимость установления их содержания в случае нарушения участником производства правовых и технических предписаний. Место человека в производственном процессе, его права и обязанности и другие показатели производственной деятельности выделяют эти обстоятельства в юридические признаки субъекта, совершающего преступления на производстве. Из этого следует, что субъект преступного нарушения правил безопасности, помимо вменяемости и достижения определенного возраста, должен обладать дополнительным (-и) юридическим (-и) признаком (-ами), а значит, быть специальным². Эти дополнительные признаки должны быть указаны в уголовном законе или прямо вытекать из него. Что касается рассматриваемых уголовно-правовых норм, то только в ст. 135 УК прямо указано, что ответственность за нарушение правил охраны труда несут должностные лица. Диспозиции остальных статей (218-220, 221, 228³) не содержат указаний на признаки субъекта. В литературе по данному вопросу высказаны различные мнения. Так, считают, что ответственность за преступления, предусмотренные этими статьями, могут нести любые лица

Лановенко И. П., Чангули Г. И. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. – С. 21; Проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ч. 3 ст. 13). Внесен Президиумом Верховного Совета СССР // Известия. – 1988. – 17 дек.

¹ См.: Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – С. 178.

² О специальном субъекте см.: Орымбаев Р. Специальный субъект. – Алма-Ата, 1977. – 153 с.; Устименко В. В. Специальный субъект преступления. – Харьков, 1989. – 109 с.

– как участники производства, так и посторонние лица¹. Некоторые делают при этом оговорку, отмечая, что посторонние производству лица могут нести ответственность «в отдельных случаях»². По мнению же большинства, субъект преступного нарушения горных и строительных работ, работ на взрывоопасных предприятиях – специальный. Им могут быть участники производства: должностные лица, рабочие, служащие. Субъектом же нарушения правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ является любое лицо³.

Представляется, что к вопросу о круге субъектов рассматриваемых преступлений следует подходить более дифференцированно, учитывая характер и вид работ, опасность деятельности. Кроме того, составы этих преступлений во всех случаях требуют установления дополнительных (специальных) признаков субъекта, которые характеризуют его правовое положение (статус) в системе отношений безопасности производства. По этому основанию субъекты составов преступлений против безопасности производства можно разделить на три группы: 1) должностные лица – на них прямо указано в ст. 135 УК, в остальных случаях это вытекает из закона – статьи 218-220, 221, 228⁵ УК; 2) рабочие и служащие – статьи 218-220, 221, 228⁵ УК; 3) лица, посторонние для производств, указанных в статьях 220, 221, 228⁵ УК.

В отношении последней группы необходимо заметить, что признание посторонних (любых) лиц субъектами преступлений обусловлено исключительной опасностью взрывоопасного производства, деятельностью по обращению со взрывчатыми веществами или радиоактивными материалами. Так, исходя из исключительной опасности работ на взрывоопасных предприятиях (в цехах), возможности восприятия без специальной подготовки некоторых требований безопасности, ничтожности (простоты) ряда запрещённых действий (например, курение), которые могут привести к значительным по масштабам общественно опасным последствиям, субъектом преступления, предусмотренного в ст. 220 УК, следует признавать и тех лиц, посторонних для таких производств

¹ См.: Уголовный кодекс Украинской ССР: Науч.-практ. коммент. – Киев, 1987. – С. 740, 742, 745, 749.

² См.: Дурманов Н. Д. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., 1962. – С. 43, 46.

³ См.: Лановенко И. П., Скрипник А. Н., Розовский Б. Г. Безопасность труда в горной промышленности и уголовный закон: Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты. – Киев, 1978. – С. 51–53. Данная позиция была сформулирована и Пленумом Верховного Суда бывшего СССР в п. 8 постановления от 5 декабря 1986 г. (см.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15.

(экскурсантов, работников других предприятий, учреждений, организаций), до сведения которых в установленном нормативными актами порядке были доведены правила взрывобезопасности на взрывоопасных предприятиях (в цехах). Что касается статей 221 и 228⁵ УК, то вопрос о субъекте преступления, предусмотренного данными статьями, следует решать в зависимости от вида деятельности по обращению со взрывчатыми веществами и радиоактивными материалами. Так, субъектом преступного нарушения требования (-ий) безопасности при пересылке таких веществ по почте или багажом могут быть любые лица, пользующиеся перевозкой или почтовой услугой; субъектом преступления в связи с нарушением правил безопасности хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых веществ или радиоактивных материалов могут выступать только те лица, которые в установленном правовыми и техническими нормами порядке были уполномочены на осуществление такой деятельности.

В пользу признания субъекта специальным в преступлениях, предусмотренных статьями 135, 218-220, 221, 228⁵ УК, свидетельствуют также количественные характеристики дополнительных признаков. На основании этого В. В. Устименко делит субъектов на: 1) сложных (комбинированных) специальных субъектов, обладающих двумя и более характеризующими их признаками; 2) простых специальных субъектов, которые обладают одним признаком, относящимся к их характеристике¹. Такой подход содержит большие перспективы по классификации субъектов на виды, выдвигает (что важно отметить) дополнительные аргументы в пользу признания их специальными. Ориентируясь на предложенный В. В. Устименко подход, возможно признать, что сложными (комбинированными) специальными субъектами нарушений требований безопасности на производстве являются:

а) должностные лица (первый признак), на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил безопасности производства (охраны труда, ведения работ и др.) на определенном участке работы (второй признак) – статьи 135, 218-220, 221, 228⁵ УК²;

б) рабочие и служащие данного производства (первый признак), на которых трудовым законодательством возложена обязанность соблюдать инструкции по охране труда, устанавливающие правила выполнения работ и поведения в производственных помещениях и на строительных площадках (второй признак) – статьи 218-220, 221, 228⁵ УК.

¹ См.: Устименко В. В. Специальный субъект преступления. – С. 42.

² Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 14.

Простыми специальными субъектами являются:

– посторонние (любые) лица, которые, правомерно находясь на исключительно опасном (взрывоопасном) производстве или вступив с производством в договорные отношения по использованию услуг на перевозку багажа, пересылку предметов почтой, обязаны в установленном нормативными актами порядке¹ соблюдать требования безопасности – статьи 220, 221, 228⁵ УК. В данном случае понятие «посторонние (любые) лица» не возводится в ранг самостоятельного признака, так как по содержанию соответствует понятию «общий субъект преступления». Отличительной же чертой является обязанность этих лиц соблюдать писанные правила безопасности, что объединяет их со сложными (комбинированными) специальными субъектами и позволяет так же считать их специальными.

Используя предложенное деление субъектов преступных нарушений правил безопасности производства на три группы (должностные лица; рабочие и служащие; посторонние (любые) лица), остановимся на характеристике каждой из них.

1. Должностные лица заслуживают особого внимания, так как они составляют большинство из осужденных за нарушения правил безопасности на производстве². Общепринято, что субъектами рассматриваемых преступлений могут быть только те должностные лица, на которых в силу их служебного положения и по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность: обеспечивать соблюдение правил охраны труда на определенном участке работ (ст. 135 УК)³, контролировать, соблюдать и выполнять требования безопасного ведения горных (ст. 218 УК) и строительных (ст. 219 УК) работ, обеспечивать производственно-техническую дисциплину и требования безопасности на взрывоопасных предприятиях, цехах (ст. 220 УК), соблюдать требования безопасности при обращении со взрывчатыми веществами

¹ Например, в соответствии с § 35 Правил перевозки почты по воздушным линиям Союза ССР от 27 декабря 1982 г. № 206/457 категорически запрещается в почтовых отправлениях пересылать радиоактивные вещества, а также вещества, легко переходящие в жидкое состояние, взрывчатые и легковоспламеняющиеся предметы, ртуть и приборы ртутьсодержащие, яды, кислоты и другие едкие опасные вещества (см.: Сборник нормативных актов о транспорте. – М., 1986. – С. 426).

² Как отмечалось, число должностных лиц, осуждаемых по статьям 218–220, 221, 228⁵ УК, составляет 78–91 %.

³ «Кримінальну відповідальність за ст. 135 КК УРСР несуть тільки ті службові особи, на яких покладено обов'язки по забезпеченню техніки безпеки». Витяг з постанови президії Івано-Франківського обласного суду від 17 січня 1979 р. (см.: Рад. право. – 1979. – № 9. – С. 81).

(ст. 221 УК) или радиоактивными материалами (ст. 228⁵ УК). Отсутствие такой обязанности исключает ответственность за нарушение должностным лицом правил безопасности производства. Так, Т. был привлечен к ответственности за нарушения правил охраны труда, повлекшие несчастный случай на производстве. Он, работая заведующим производством Чаплыгинского комбината общественного питания, в нарушение п. п. 1, 2, 4, 5, 6 Инструкции по охране труда и техники безопасности для работников общественного питания потребительской кооперации допустил повара С., не прошедшую повторного инструктажа по технике безопасности, к работе на необорудованной предохранительным кольцом мясорубке, в результате чего во время работы ей были причинены тяжкие телесные повреждения. Постановляя оправдательный приговор по делу, суд признал, что на Т. не была возложена обязанность по охране труда и соблюдению правил техники безопасности¹. При решении вопроса о полномочиях должностного лица по соблюдению правил безопасности производства следует руководствоваться Положениями об организации работ в соответствующей отрасли производства, а также изданными в соответствии с ними приказами и инструкциями, действующими на отдельных предприятиях, в учреждениях и организациях. В промышленности такими лицами могут быть: руководитель предприятия, главный инженер, главный механик, главный энергетик, мастер, прораб, освобожденный бригадир и приравненные к ним лица. При определении круга лиц, которые должны нести ответственность за конкретные общественно опасные последствия, нужно исходить из того, что обязанность по обеспечению производства – это вид трудовой деятельности. Для большинства должностных лиц данный вид деятельности является только составной частью их трудовых функций. Осуществление такой функции требует специальной подготовки и опыта. Так, на время отпуска мастера его обязанности (в полном объеме) были возложены на техника-нормировщика, имеющего соответствующее специальное образование. Однако последний, из-за отсутствия опыта, нарушает правила охраны труда. Очевидно, что при решении вопроса о замещении должности отсутствие соответствующего опыта у техника-нормировщика необходимо было компенсировать деятельностью других должностных лиц: мастеров смежных участков, начальника цеха, инженера службы техники безопасности, возложив на них часть обязанностей ушедшего в отпуск мастера. Поскольку этого не было сделано, то круг лиц, ответственных за допущенные нарушения правил охраны

¹ Подробнее см.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны труда. – Киев, 1990. – С. 48.

труда, должен быть расширен: помимо техника-нормировщика, исполнявшего обязанности мастера, ответственность должна быть возложена и на вышестоящее должностное лицо, принявшее непродуманное решение о замещении. В таких случаях должностное лицо должно отвечать не по ст. 135 УК (или другим статьям, которыми установлена ответственность за посягательство на безопасность производства), а за должностную халатность, поскольку само оно непосредственно не нарушало правил охраны труда. Кроме того, как справедливо отмечает М. И. Федоров, обязанность обеспечивать безопасность «должна быть реальной, а не формальной, конкретной, а не общей»¹. При этом, если лицо формально занимает одну должность (например, сменного мастера), а в действительности выполняет работу по другой должности (например, инженера-энергетика), то оно должно отвечать лишь за те действия, которые охватываются фактически выполняемой им работой. В. Широков, анализируя такого рода ситуации, правильно замечает: «лицо, хотя и занимающее по приказу должность, обязывающую к выполнению определенных функций по охране труда, но не выполнявшего их в связи с возложением на него вышестоящим руководителем других обязанностей, не может нести ответственности за наступление вредных последствий. В таких случаях ответственность возлагается на вышестоящего руководителя, не выполнившего своих обязанностей по обеспечению безопасных условий труда»².

В зависимости от функциональной роли должностных лиц их можно подразделить на: 1) специально отвечающих за обеспечение производственно-технической дисциплины на предприятиях или на отдельных их участках; 2) руководящих производством. Доля последних в числе осуждаемых по статьям 135, 218-220, 221, 228⁵ УК невелика (8–10 %). Это объясняется положением данных лиц в системе производства, уровнем и объемами их служебных полномочий по отношению к конкретным участкам производственной деятельности. Не случайно (по данным обобщенной нами следственной практики) до 36 % руководителей производства, из числа привлекавшихся к уголовной ответственности за несчастный случай, заявляли о том, что контроль за исполнением требований безопасности на конкретном участке вверенного им производства не входит в круг их непосредственных служебных обязанностей (директора – 19,6 %; главные (старшие) инженеры – 35,8 %). Это функция, отмечали они, среднего звена должностных лиц: начальников цехов, прорабов, старших мастеров.

¹ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. – Л., 1973. – Т. 3. – С. 718.

² Широков В. Субъект преступного нарушения правил безопасности труда // Сов. юстиция. – 1980. – № 20. – С. 14–15.

В литературе обсуждается *вопрос об ответственности руководителей (их заместителей) предприятий, организаций и учреждений* за конкретные нарушения правил безопасности производства, повлекшие несчастные случаи с людьми, другие тяжкие последствия. Так, А. И. Свинкин считал, что руководители должны нести ответственность за нарушение правил охраны труда (ст. 135 УК) в случаях: 1) когда они осуществляют непосредственное руководство какими-либо видами работ; 2) когда они отдали распоряжение, противоречащее правилам охраны труда и технике безопасности; 3) когда нарушение правил охраны труда происходит в результате совместных действий одного руководителя и подчиненного ему должностного лица, а равно одного подчиненного, но с согласия и ведома руководителя¹. А. Б. Сахаров и А. Г. Щедрина полагают, что ответственность руководителей производства наступает при наличии одного из трех условий. Если они: 1) не обеспечили условий, при которых непосредственные руководители отдельных участков работ фактически могли бы осуществить возложенные на них обязанности по технике безопасности, не разработали надлежащих инструкций и правил, допустили к руководству работами некомпетентных лиц и т.п.; 2) не приняли мер против заведомо известного нарушения правил охраны труда нижестоящими руководителями или вместе с ними допустили подобное нарушение; 3) взяли на себя непосредственное руководство отдельными видами работ или фактически дали рабочим указание или распоряжение, противоречащее правилам охраны труда².

Автор настоящей диссертации в свое время высказал суждение о том, что «руководители производств несут ответственность лишь тогда, когда они не приняли мер против заведомо известного им нарушения специальных правил при производстве строительных работ нижестоящими должностными лицами или совместно с ними допустили нарушение либо взяли на себя непосредственное руководство отдельными видами строительных работ или дали рабочим указания (распоряжения), противоречащие правилам производства работ»³.

Таким образом, предлагаемые в литературе условия ответственности руководителей во многом не имеют существенных различий. Это касается в основном вопросов, которые не выходят за пределы полномочий

¹ См.: Свинкин А. И. Субъект преступного нарушения правил охраны труда // Сб. аспирантских работ. – Свердловск, 1964. – Вып. 3. – С. 200.

² См.: Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. – М., 1958. – С. 126–127; Щедрина А. Ответственность за нарушение правил охраны труда // Сов. юстиция. – 1963. – № 13. – С. 20.

³ Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – С. 90.

любого должностного лица, ответственного за соблюдение правил безопасности производства. Различие имеется лишь в оценке действия (бездействия) по обеспечению условий на производстве, необходимых для выполнения иными должностными лицами своих обязанностей по соблюдению требований безопасности, и в неразработке соответствующих правил, инструкций для отдельных операций.

Пленум Верховного Суда бывшего СССР дал по этому вопросу следующее разъяснение: «Руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий могут быть привлечены к ответственности по данной статье в тех случаях, когда они не приняли мер к устранению заведомо известного нарушения правил охраны труда либо дали указания, противоречащие правилам охраны труда или, взяв на себя непосредственное руководство отдельными видами работ, не обеспечили соблюдение этих правил»¹. В иных случаях руководящие работники предприятий, учреждений или организаций, виновные в ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей по обеспечению безопасности труда и причинении вследствие этого существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, должны нести ответственность за должностные преступления². Решение Пленума охватило наиболее характерные варианты возможных нарушений правил безопасности со стороны руководителей производств. Что же касается действий, не обеспечивших создание необходимых условий для выполнения другими должностными лицами правил безопасности, несоставление локальных инструкций, правил по обеспечению безопасности отдельных производственных операций, то такие действия (бездействие), допущенные руководителями производств, подпадают под признаки должностной халатности (ст. 167 УК).

2. Рабочие и служащие производства. Вопрос об уголовной ответственности данной категории участников производства решается по-разному. Из содержания статей 218-220, 221, 228³ УК следует, что субъектами преступлений, в них указанных, являются, наряду с должностными лицами, также рабочие и служащие производств. Это общепринято в теории уголовного права, следственной и судебной практике³.

¹ Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 14.

² Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 14.

³ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1987. – № 1. – С. 15; Борисов В. И. Квалификация преступных нарушений правил безопасности социалистического производства. – С. 36.

Необходимость соблюдения правил безопасности рабочими и служащими производства вытекает из трудового законодательства, содержания технических норм. Например, по Типовым правилам внутреннего трудового распорядка рабочие и служащие обязаны: «...соблюдать дисциплину труда» (п. 11-а); «соблюдать требования по охране труда, технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране» (п. 11-г)¹. Администрация обучает рабочих и служащих правилам безопасности, производственной санитарии, противопожарной охране и другим правилам охраны труда, т.е. создает все необходимое, чтобы обязанности рабочих и служащих были доведены до их сведения и усвоены ими.

Когда речь идет об ответственности рабочих, то, как правило, она связывается с нарушениями ими специальных правил, тех, которые обеспечивают безопасность производственных операций, ими непосредственно выполняемых. Если рабочий нарушил специальные требования безопасности не в связи с теми работами, которые он выполнял, а в связи с работами, которые выполняют другие лица, то отвечать по ст. 218 или статьям 219, 220, 221, 228⁵ УК он может лишь в случае, если соблюдение правил, которыми предусмотрены требования к таким работам, также входило в круг его обязанностей, о чем он был в надлежащем порядке осведомлен. При нарушении рабочим специальных правил, о содержании которых он не знал и не должен был знать, он может отвечать за фактически наступившие общественно опасные последствия по статьям, в которых установлена ответственность за посяательства на личность или собственность.

Что касается служащих (нормировщиков, снабженцев и т.п.), которые непосредственно не участвуют в конкретных производственных процессах, то вопрос об их ответственности по статьям 218-220, 221, 228⁵ УК должен решаться следующим образом. Хотя специальные правила безопасности, действующие при производстве горных, строительных и других повышенно опасных работ, обозначенных в статьях 218-220, 221, 228⁵ УК, прямо не предусматривают их соблюдение со стороны служащих, однако на них распространяются общие требования безопасности соответствующего производства: соблюдать технологическую дисциплину, правила по технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране. В соответствии

¹ Типовые правила внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций: Утв. Госкомтруда СССР по согласованию с ВЦСПС. Постановление от 20 июля 1984 г. № 213 // Охрана труда в машиностроении: Сб. нормат.-техн. док. – М., 1990. – Т. I. – С. 37.

с этим применять к служащим статьи 218–220, 221, 228⁵ УК можно лишь тогда, когда до их сведения в установленном порядке были доведены наряду с общими требованиями охраны труда и требования специальной безопасности, либо когда они, как участники производства, знали требования общих правил охраны труда и поэтому могли иметь реальную возможность сознавать общественную опасность и противоправность совершаемых ими действий, обусловленных специальными требованиями безопасности. Отсутствие у такого лица реальной возможности сознавать, что своими действиями оно нарушает специальные требования безопасности, исключает применение статей 218–220, 221, 228⁵ УК. Таким образом, в основе ответственности рабочих и служащих по статьям 218–220, 221, 228⁵ УК лежат определенные обязанности по соблюдению правил безопасности, которые они должны знать и выполнять как участники производства.

Что касается преступления, предусмотренного ст. 135 УК, то, как было отмечено, рабочие и служащие не могут быть его субъектами. Такое положение вызвало ряд проблем, связанных со случаями нарушения рабочими и служащими на производствах, предусмотренных этой статьей правил безопасности, которые повлекли несчастные случаи с людьми. Так, в следственно-прокурорской практике встречаются отказы в возбуждении уголовного дела или его прекращение за отсутствием в деянии состава преступления по тем основаниям, что работник производства, нарушивший правила охраны труда, не является должностным лицом и, следовательно, не может нести ответственность по ст. 135 УК¹. Действительно, закон прямо указывает, что субъектом преступления, предусмотренного данной статьей, может быть только должностное лицо. Однако это не означает, что другие участники производства, нарушившие правила техники безопасности, промышленной санитарии или иные правила охраны труда, что повлекло последствия, перечисленные в ст. 135 УК, не несут уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 159 КЗоТ Украины и ст. 18 Закона Украины «Об охране труда» рабочие и служащие должны соблюдать инструкции по охране труда, устанавливающие правила выполнения работ и поведения

¹ Например, за нарушение правил охраны труда был осужден машинист крана Ф., который поднимал груз в то время, когда под краном находились люди. Трос оборвался, упавшим грузом были травмированы два человека. Вышестоящая судебная инстанция отметила: «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РСФСР (ст. 135 УК Украины. – В.Б.), может быть только должностное лицо. Машинист крана не является должностным лицом, поэтому не может нести ответственность по этой статье Кодекса» (см.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938–1976 гг.) – М., 1980. – С. 184).

в производственных помещениях и на строительных площадках. Они обязаны также соблюдать установленные требования обращения с машинами и механизмами, пользоваться выдаваемыми им средствами индивидуальной защиты. Именно поэтому рядовые работники за нарушение правил охраны труда отвечают по статьям УК о преступлениях против личности: по ст. 98 либо по ст. 106 УК¹. Например, тракторист Н. на тракторе с прицепом подвез зеленую массу к животноводческой ферме. Не осмотрев внимательно место разгрузки, он остановился под электропроводами, поднял вверх гидравлическим приспособлением кузов прицепа и рывком сбросил на землю зеленую массу. Поднятым кузовом были оборваны электропровода напряжением 380 В, что привело к короткому замыканию на металлический кузов прицепа. Грузчик В., который стоял около прицепа и держался за кузов рукой, был смертельно поражен электротоком. Тракторист Н., нарушивший правила безопасности, был осужден по ст. 98 УК².

Вызывает трудности квалификация нарушений правил охраны труда, допущенных лицами, которые непосредственно выполняют рабочие операции и одновременно (по приказу, надлежащему распоряжению) возглавляют отдельные группы рабочих (бригадиры, звеньевые, старшие групп). В ряде случаев деятельность таких лиц может быть связана с исполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, например, при расстановке рабочих по рабочим местам в соответствии с наряд-заданием, оформлении документов на выполненные работы, поддержании производственной дисциплины, в том числе и по соблюдению рабочими группы (бригады) правил техники безопасности и т.п. Для таких лиц важно установить, в связи с какой их деятельностью имело место нарушение правил охраны труда: если при непосредственном выполнении ими рабочих операций, то ответственность должна наступить за преступления против личности, если же в связи с выполнением функций должностного лица, которыми он был надлежащим образом наделён, – по ст. 135 УК.

3. Посторонние (любые) лица. Они не могут быть субъектами преступлений, предусмотренных статьями 135, 218 и 219 УК³. Диспозиции этих

¹ См.: Матишевський П. С., Тихоненко С. І. Радянське кримінальне право. – К., 1966. – С. 20; Советское уголовное право. Часть Особенная. – М., 1973. – С. 280.

² См.: Борисов В. И. Ответственность за нарушение правил техники безопасности на производстве. – Киев, 1984. – С. 46.

³ Нельзя согласиться с П. Г. Цупренко, который полагает, что ответственность по ст. 218 и ст. 219 УК может нести любое лицо, виновное в нарушении правил безопасности и достигшее 16-ти лет (см.: Уголовный кодекс Украинской ССР: Науч.-практ. коммент. – Киев, 1987. – С. 740, 742).

статей, будучи бланкетними, отсылают к правилам охраны труда, производства горных или строительных работ. Из содержания данных правил выходит, что соблюдать их обязаны не любые лица, а те, кто выполняет определенные функции в процессе производства, т.е. должностные лица, руководящие производством или ответственные за безопасность на конкретном его участке; служащие, обеспечивающие нормальное функционирование производства; рабочие, выполняющие конкретные производственные операции. Именно в этих целях проводится в различных формах обучение участников производства, установлен постоянный контроль за выполняемыми ими работами и соблюдением соответствующих правил. Посторонние лица, которые могут оказаться на таких производствах, реально лишены доступа к выполнению работ, на них обязанность соблюдения специальных правил безопасности не возлагается. Возможное нарушение ими общепринятых правил предосторожности не влияет на техническое состояние безопасности на производстве. При наступлении общественно опасных последствий в результате нарушения посторонними лицами таких правил, их действия должны квалифицироваться как преступления против личности или собственности.

В отличие от производств, предусмотренных статьями 135, 218 и 219 УК, производства или работы, охватываемые статьями 220, 221, 228⁵ УК, требуют более жесткого режима безопасности. Нарушения на этих производствах (работах) даже общепринятых норм предосторожности чреваты возможностью наступления исключительно тяжких последствий. Поэтому посторонние лица, до сведения которых в установленном нормативными актами порядке были доведены правила предосторожности на взрывоопасных предприятиях (цехах), при обращении со взрывчатыми веществами или радиоактивными материалами, могут быть субъектами преступлений, предусмотренных статьями 220, 221, 228⁵ УК.

Отдельно следует остановиться на случаях незаконной пересылки по почте взрывчатых веществ, радиоактивных материалов или перевозки их багажом. Особые меры предосторожности (досмотр, принятие отправлений в открытом виде и другие¹) практически исключают небрежность посторонних (любых) лиц. Необходимы особые ухищрения или сговор с работниками почт, транспортных служб, чтобы незаконно переслать почтой, отправить багажом взрывчатые вещества или радиоактивные материалы. Все это принципиально меняет природу такого

¹ См.: Про приймання поштових відправлень у відкритому вигляді: постанова Кабінету Міністрів України від 10 лип. 1992 р. № 388 // Голос України. – 1992. – 24 лип.

преступления. Названное поведение посторонних лиц приобретает черты умышленного общественно опасного деяния, и, следовательно, не соответствует природе преступления против безопасности производства, специфика которых – неосторожность. Отсюда возникает необходимость выделения такого поведения из деяний, предусмотренных статьями 221 и 228⁵ УК, возведение его в ранг самостоятельного преступления против общей безопасности. Поэтому представляется целесообразным принятие отдельной уголовно-правовой нормы, в которой будет установлена ответственность за умышленную незаконную пересылку почтой или перевозку багажом взрывчатых, радиоактивных и других опасных веществ и предметов (сжатые и сжиженные газы, легко воспламеняющиеся жидкости, воспламеняющиеся твердые вещества, ядовитые и отравляющие вещества и другие предметы, подпадающие под признаки опасных). Такую норму следует отнести к преступлениям против общей безопасности.

Таким образом, несмотря на значительные отличия субъектов рассматриваемых преступлений по их правовому статусу, все они (должностные лица, рабочие, служащие, посторонние производству лица) являются специальными субъектами. Основанием для такого вывода служит установленная регулятивными нормами обязанность соблюдения этими лицами правил безопасности производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследование, проведенное в диссертации, дает возможность определить преступления против безопасности производства как предусмотренные уголовным законом, виновные, общественно опасные деяния, нарушающие установленные законодательными или другими нормативными актами правила безопасности производства и создающие опасность гибели, травмирования людей, профессиональных заболеваний, причинения иного тяжкого вреда или повлекшие за собой такие последствия.

Данное определение, как представляется, может быть использовано в качестве концептуальной теоретической основы формулирования в будущем УК Украины его статей об уголовной ответственности за посягательства на безопасность производства.

2. Учитывая важное значение охраны безопасности производства, ее самостоятельного места в системе общественных отношений, охраняемых уголовным законом, целесообразно выделить в Особенной части будущего УК Украины отдельную главу «Преступления против безопасности производства», включив в нее следующие статьи:

- «Нарушение правил безопасности труда должностным лицом или инженерно-техническим работником»;
- «Нарушение правил безопасности труда рабочим или служащим»;
- «Нарушение на производстве санитарных правил»;
- «Нарушение правил безопасности, установленных для промышленной продукции, зданий и сооружений»;
- «Нарушение правил взрывобезопасности при проектировании, сооружении или эксплуатации взрывоопасных предприятий или взрывоопасных цехов»;
- «Нарушение правил безопасного обращения со взрывчатыми веществами или содержащими их изделиями»;
- «Нарушение правил ядерной безопасности при проектировании, сооружении или эксплуатации объектов атомной энергетики»;
- «Нарушение правил безопасного обращения с радиоактивными материалами»;
- «Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил химической или биологической безопасности».

Эти статьи УК должны: 1) обеспечивать охрану всей системы отношений безопасности производства от наиболее опасных деяний, способных причинить им значительный вред; 2) содержать такие элементы или отдельные характеристики (величины, качества) системы отношений безопасности производства, которые однозначно определяют различия в степени общественной опасности деяний и дифференциацию ответственности за отдельные преступления в этой области. Поэтому предлагаемые для главы статьи УК включают как общие нормы об ответственности за нарушение правил безопасности производства, сформулированные в первых четырех статьях, так и специальные.

Данная глава должна быть расположена в новом УК между «Преступлениями против общей (вариант: общественной) безопасности» и «Транспортными преступлениями»¹, что объясняется значительным сходством объектов этих глав.

Предлагаемая глава содержит проекты текста статей без санкций к ним. Объясняется это незавершенностью работ над моделью нового УК Украины. В настоящее время, пока не разработана система уголовных наказаний и не сформулированы возможные санкции за иные преступления (против личности, общественной безопасности, должностные и др.), представляется нецелесообразным конструировать конкретные

¹ Предложения о выделении в Особенной части УК таких глав достаточно обоснованы в литературе.

санкции, определяют пределы наказаний за отдельные виды преступлений против безопасности производства. Вместе с тем в качестве отправных могут быть предложены следующие положения: 1) санкции за рассматриваемые деяния должны быть достаточно гибкими, предоставляющими суду возможность индивидуализации наказания в зависимости от тяжести преступлений и признаков субъекта – работника производства, ответственного за соблюдение правил безопасности; 2) санкции необходимо ранжировать в зависимости от тяжести наступления возможных последствий, причиняющих вред объекту посягательства; чем выше установленный регулятивными нормами уровень безопасности и чем опаснее ожидаемый вред, тем жестче должна быть санкция соответствующей статьи или ее части; 3) за деяния, криминализация которых обусловлена применением к субъекту дисциплинарной или административной преюдиции, представляется возможным предусмотреть в санкциях штрафы в альтернативе с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 4) типичным видом наказания должны выступать исправительные работы, ограничение свободы и, возможно, арест¹; 5) исходя из тенденций фактической пенализации и задач общего предупреждения преступлений против безопасности производства, необходимо сохранить санкции в виде лишения свободы только за случаи наступления тяжких последствий: человеческих жертв, производственных катастроф и пр. Предельным сроком лишения свободы за отдельные виды преступлений может быть 10 лет: за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях (цехах) и объектах атомной энергетики; 6) в целях выполнения задач специального предупреждения необходимо предусмотреть в предлагаемых статьях в качестве факультативного дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (кроме тех их частей, где оно будет предусмотрено как основное наказание).

Исходя из этих предварительных суждений, будущая глава УК может выглядеть следующим образом:

¹ Ограничение свободы и арест были предложены Основами уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятые 2 июля 1991 г. Возможность их включения в систему наказаний нового УК Украины поддерживают многие юристы. Они предусмотрены в проекте УК Украины, подготовленного в 1989 г. рабочей комиссией Президиума Верховного Совета Украины. Здесь надо заметить, что вопрос о целесообразности включения ареста в санкции статей за отдельные преступления против безопасности производства требует специального изучения, так как такое решение во многом зависит от порядка, условий и других обстоятельств исполнения ареста как уголовного наказания.

«Глава ... Преступления против безопасности производства.

Статья ... Нарушение правил безопасности труда должностным лицом или инженерно-техническим работником

(1) Нарушение правил безопасности труда должностным лицом или инженерно-техническим работником, ответственным за их соблюдение, к которым ранее в течение года за нарушение указанных правил дважды применялось дисциплинарное или административное взыскание, – наказывается ...

(2) Нарушение правил безопасности труда должностным лицом или инженерно-техническим работником, повлекшее причинение потерпевшему средней тяжести или тяжких телесных повреждений, – наказывается ...

(3) То же нарушение, если оно повлекло смерть одного или нескольких потерпевших либо иные тяжкие последствия, – наказывается ...

(4) Нарушение правил безопасности труда, совершенное должностным лицом или инженерно-техническим работником на горном, строительном или ином производстве при ведении работ с повышенной опасностью¹, если оно повлекло последствия, указанные в частях 2 или 3 настоящей статьи, – наказывается ...

Статья ... Нарушение правил безопасности труда рабочим или служащим

(1) Нарушение правил безопасности труда рабочим или служащим, к которым ранее в течение года за нарушение указанных правил дважды применялось дисциплинарное или административное взыскание, – наказывается ...

(2) Нарушение правил безопасности труда рабочим или служащим, повлекшее причинение потерпевшему средней тяжести или тяжких телесных повреждений, – наказывается ...

(3) Нарушение правил безопасности труда рабочим или служащим, повлекшее смерть одного или нескольких потерпевших либо иные тяжкие последствия, – наказывается ...

(4) Нарушение правил безопасности труда, совершенное рабочим или служащим на горном, строительном или ином производстве при ведении работ с повышенной опасностью, если оно повлекло последствия, указанные в частях 2 или 3 настоящей статьи, – наказывается ...

¹ Перечень работ с повышенной опасностью утверждается органами государственного надзора за безопасностью труда.

Статья ... Нарушение на производстве санитарных правил

(1) Нарушение на производстве санитарных правил, повлекшее превышение пределов неблагоприятного воздействия на людей вредных производственных факторов, совершенное должностным лицом или инженерно-техническим работником, ответственным за их соблюдение, к которым ранее в течение года за такие нарушения дважды применялось дисциплинарное или административное взыскание, – наказывается ...

(2) Нарушение на производстве санитарных правил, совершенное должностным лицом или инженерно-техническим работником, если оно повлекло тяжелое профессиональное заболевание, смерть одного или нескольких потерпевших либо иные тяжкие последствия, – наказывается ...

Статья ... Нарушение правил безопасности, установленных для промышленной продукции, зданий и сооружений

(1) Нарушение при конструировании, проектировании, изготовлении или строительстве правил безопасности, установленных для промышленной продукции, зданий и сооружений, совершенное должностным лицом, инженерно-техническим или другим работником, ответственным за их соблюдение, повлекшее причинение потерпевшему средней тяжести или тяжких телесных повреждений, – наказывается ...

(2) То же нарушение, если оно повлекло смерть одного или нескольких потерпевших либо иные тяжкие последствия, – наказывается ...

Статья ... Нарушение правил взрывобезопасности при проектировании, сооружении или эксплуатации взрывоопасных предприятий или взрывоопасных цехов

(1) Нарушение при проектировании, сооружении или эксплуатации взрывоопасных предприятий или взрывоопасных цехов, конструировании и изготовлении для них оборудования, приборов и технических систем правил взрывобезопасности, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, к которому ранее в течение года за нарушение указанных требований применялось дисциплинарное или административное взыскание, – наказывается ...

(2) Нарушение при проектировании, сооружении или эксплуатации взрывоопасных предприятий или взрывоопасных цехов, конструировании и изготовлении для них оборудования, приборов и технических систем правил взрывобезопасности, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, если оно вызвало взрыв, при отсутствии человеческих жертв или иных тяжких последствий, – наказывается ...

(3) То же нарушение, если оно вызвало взрыв, который повлек человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, — наказывается...

Статья ... Нарушение правил безопасного обращения со взрывчатыми веществами или содержащими их изделиями¹

(1) Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил безопасного обращения со взрывчатыми веществами или содержащими их изделиями, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, к которому ранее в течение года за нарушение указанных требований применялось дисциплинарное или административное взыскание, — наказывается ...

(2) Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил безопасного обращения со взрывчатыми веществами или содержащими их изделиями, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, если оно вызвало взрыв, при отсутствии человеческих жертв или иных тяжких последствий, — наказывается ...

(3) То же нарушение, если оно вызвало взрыв, который повлек человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, — наказывается...

Статья ... Нарушение правил ядерной безопасности при проектировании, сооружении или эксплуатации объектов атомной энергетики

(1) Нарушение при проектировании, сооружении или эксплуатации объектов атомной энергетики, конструировании и изготовлении для них оборудования, приборов и технических систем правил ядерной безопасности, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, к которому в течение года за нарушение указанных правил применялось дисциплинарное или административное взыскание, — наказывается ...

(2) Нарушение правил ядерной безопасности, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, если оно повлекло на объекте атомной энергетики аварию, при отсутствии человеческих жертв или иных тяжких последствий, — наказывается ...

(3) То же нарушение, если оно вызвало на объекте атомной энергетики тяжелую аварию или катастрофу, которые повлекли человеческие жертвы или опасное для здоровья людей радиоактивное загрязнение окружающей среды либо иные тяжкие последствия, — наказывается ...

¹ Ответственность за незаконную пересылку взрывчатых веществ по почте или багажом, которая в действующем УК предусмотрена в ст. 221 «Нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых веществ», следует предусмотреть в главе о преступлениях против общей безопасности.

Статья ... Нарушение правил безопасного обращения с радиоактивными материалами

(1) Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил безопасного обращения с радиоактивными материалами, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, к которому ранее в течение года за нарушение указанных требований применялось дисциплинарное или административное взыскание, – наказывается ...

(2) Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил безопасного обращения с радиоактивными материалами, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, если оно вызвало радиационную аварию, при отсутствии человеческих жертв или иных тяжких последствий, – наказывается...

(3) То же нарушение, если оно повлекло радиационную аварию с человеческими жертвами или иными тяжкими последствиями, – наказывается ...

Статья ... Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил химической или биологической безопасности

(1) Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил химической или биологической безопасности, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, к которому ранее в течение года за нарушение указанных правил применялось дисциплинарное или административное взыскание, – наказывается ...

(2) Нарушение на производстве, при транспортировке, хранении или ином использовании правил химической или биологической безопасности, совершенное лицом, ответственным за их соблюдение, если оно вызвало распространение опасных для жизни и здоровья людей токсических веществ либо биологических материалов, при отсутствии человеческих жертв или иных тяжких последствий, – наказывается ...

(3) То же нарушение, если оно вызвало распространение опасных для жизни и здоровья людей токсических веществ либо биологических материалов, что повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, – наказывается ...».

К главе необходимо дать следующее примечание:

«Не является преступлением причинение вреда безопасности производства в результате правомерного производственного риска. Запрещается производственный риск, если его проведение заведомо создает угрозу для жизни или здоровья людей, либо наступления иных тяжких последствий».

Предлагаемая глава Особенной части УК Украины «Преступления против безопасности производства» охватывает общественно опасные деяния, актуальность борьбы с которыми уголовно-правовыми средствами достаточно очевидна в настоящее время, что подтверждает анализ факторов их социальной обусловленности, который был дан в разделе I настоящего исследования. Вместе с тем, как было отмечено, научно-технический прогресс, интенсивное развитие компьютерных технологий, поиск новых альтернативных источников энергии и другие факторы технического развития будут поднимать проблемы дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм для охраны безопасности производства. В ближайшей перспективе предметом специальных исследований могут стать вопросы ответственности за нарушения правил безопасности при применении термоядерной энергии, захоронении радиоактивных отходов, осуществлении ядерных испытаний в военных и мирных целях, эксплуатации искусственных космических объектов, использовании на производстве лазерных и плазменных технологий и др. Полагаем, что предложенный подход может дать новый импульс правовым исследованиям этих и других подобных вопросов, вовлечению ученых в обсуждение возможных путей дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Украины с учетом целей и реальных возможностей охраны безопасности производства уголовным правом.

3. В диссертации сделаны некоторые предложения к Общей части уголовного законодательства, которые, как представляется, могут быть включены в проект нового УК Украины:

1) если при определении преступления будут названы наиболее значимые объекты уголовно-правовой охраны, то в их число необходимо включить и безопасность производства;

2) сформулировать в Общей части УК нормативное положение об ответственности некоторых субъектов (в том числе должностных лиц и иных работников производства) с 18 лет, сопроводив его соответствующим перечнем статей Особенной части УК. Перечень должен включать все статьи, которыми будет установлена ответственность за преступления против безопасности производства;

3) в статье, где будет установлено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, специально оговорить условия возможного применения судом к операторам технических систем такой меры на определённое время или даже бессрочно в качестве дополнительного наказания.

4. В диссертации сделаны предложения к новой Конституции Украины, проект которой вынесен Верховной Радой Украины на всенародное обсуждение:

1) выделить в качестве общего положения в тексте Конституции *«право человека на охрану жизни – высшую естественную человеческую ценность»*¹;

2) выделить в качестве специального положения в тексте Конституции *«право граждан на охрану жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности»*²;

3) дать в отдельной статье Конституции развернутый перечень, социально-ответственных субъектов, обязанных обеспечивать охрану труда и безопасность производства. Текст предлагаемой статьи изложить таким образом: *«Государство и его органы, а также предприятия, учреждения, организации, независимо от формы их собственности, отдельные предприниматели обязаны заботиться об охране труда, улучшении его условий и научной организации, создании безопасных и безвредных производств, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации во всех сферах трудовой деятельности человека»*.

5. Рекомендовать Пленуму Верховного Суда Украины исключить из п. 12 его постановления № 6 от 10 октября 1982 г. «О практике применения судами Украинской ССР законодательства по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда» указание на то, что разновидностью «иных тяжких последствий» является «продолжительная остановка предприятий, цехов и производственных участков». Такие последствия, как было отмечено в диссертации, нехарактерны для посягательств на безопасность производства.

6. Диссертантом установлена значительная несогласованность между исполнительными государственными и профсоюзными органами (с одной стороны) и законодателем (с другой) в социальной оценке последствий нарушений на производстве правил охраны труда. Для ее устранения целесообразно профсоюзным объединениям Украины и Госкомитету Украины по надзору за охраной труда принять в дополнение к п. 3.1 Положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве (утверждено Президиумом ВЦСПС и Госпромомнадзора СССР 17 августа 1989 г. № 8-12) специальное решение о том, что в прокуратуру по месту, где произошел несчастный случай, собственник или руководитель предприятия должен в течение суток сообщать не только о несчастном случае – групповом или со смертельным исходом, но и о несчастных случаях, сопряженных с причинением потерпевшему средней тяжести или тяжкого телесного повреждения.

¹ Нашло отражение в ст. 21 проекта Конституции Украины.

² Нашло отражение в ст. 40 проекта Конституции Украины; в преамбуле Закона Украины «Об охране труда» от 14 октября 1992 г. (см.: Голос України. – 1992. – 24 листоп.).

НАУКОВІ СТАТТІ

СУБ'ЄКТ ЗЛОЧИННОГО ПОРУШЕННЯ ПРАВИЛ ПРИ ПРОВЕДЕННІ БУДІВЕЛЬНИХ РОБІТ (СТ. 219 КК УРСР)*

У ст. 219 КК УРСР ознаки суб'єкта передбаченого нею злочину прямо не зазначені. Внаслідок цього в юридичній науці і на практиці не існує однакової думки щодо кола осіб, які можуть бути притягнуті до відповідальності за порушення правил безпеки будівництва. Одні вчені вважають суб'єктами цього злочину лише учасників будівельних робіт – як службових осіб, так і робітників¹, а інші – будь-яких осіб, в т. ч. не причетних до проведення цих робіт². Широко трактує поняття суб'єкта і керівна постанова Пленуму Верховного Суду СРСР від 30 травня 1967 р. № 4 «Про практику розгляду судових справ, пов'язаних з порушеннями правил охорони праці і техніки безпеки, і підвищення ролі судів у запобіганні цим правопорушенням». У п. 3 її говориться, що «відповідальність за порушення, передбачені статтями 214-216 КК РРФСР і відповідними статтями КК інших союзних республік (статті 218-220 КК УРСР. – *В. Б.*), можуть нести будь-які винні в цих порушеннях особи, якщо законодавством союзних республік не передбачено інше»³.

* Радянське право, 1979. – № 11. – С. 46-50.

¹ Див., напр.: Лановенко І. П. Борьба із злочинами проти трудових прав і безпеки виробництва – К.: Наук. думка, 1972, с. 54; Яблоков Н. О субъекте преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности. – Сов. юстиция, 1972, № 8, с. 8; Терентьев Б. Субъект преступления, связанного с нарушением правил охраны труда. – Сов. юстиция, 1978, № 10, с. 28.

² Див., напр.: Дурманов Н. Д. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Госюриздат, 1962, с. 45; Кузнецова Н. Ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Сов. юстиция, 1963, № 9, с. 19.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977 гг. – Ч. 2. – М.: Известия, 1978, с. 318.

На нашу думку, правильною є позиція тих авторів, які обмежують коло суб'єктів ст. 219 КК УРСР працівниками будівництва. Вона повністю відповідає меті, яку мав на увазі законодавець, запроваджуючи дану норму, а саме: забезпечити охорону громадської безпеки в сфері підвищено небезпечного виробництва. Таке завдання зумовлює ту обставину, що коло суб'єктів розглядуваного злочину є ширшим порівняно з колом осіб, котрі можуть бути притягнуті до відповідальності за ст. 135 КК УРСР (остання, як це нею передбачено, застосовується лише до службових осіб). Адже робітники тією самою мірою, що й службові особи, повинні виконувати правила будівельного виробництва, а отже – і нести відповідальність за їх порушення.

На необхідність додержання ними правил безпеки вказано в ряді нормативних актів. Так, Типові правила внутрішнього трудового розпорядку для робітників і службовців підприємств, установ, організацій зобов'язують робітників повністю додержувати вимог по охороні праці, техніці безпеки, виробничій санітарії, гігієні праці та протипожежній охороні, передбачених відповідними правилами й інструкціями; користуватися виданим спецодягом, спецвзуттям і запобіжними пристосуваннями¹. Ст. 61 Основ законодавства Союзу РСР і союзних республік про працю (ст. 159 КЗпП УРСР) зобов'язує робітників додержувати інструкцій по охороні праці, які встановлюють правила виконання робіт і поведінки у виробничих приміщеннях і на будівельних майданчиках, а також встановлених вимог поведінки з машинами та механізмами і користуватися засобами індивідуального захисту, що їм видаються. Для забезпечення ознайомлення робітників з цими обов'язками адміністрація відповідно до названих та інших актів, навчає робітників правилам ведення будівельних робіт, проводить інструктажі з техніки безпеки, виробничої санітарії, протипожежної охорони та інших правил охорони праці.

Включення до числа суб'єктів ст. 219 КК УРСР і тих осіб, що не працюють на виробництві, суперечить її диспозиції. Дана кримінально-правова норма як бланкетна відсилає до будівельних, санітарних правил, а також до правил експлуатації будівельних механізмів, із змісту яких випливає, що додержувати їх повинен не будь-який громадянин, а лише службові особи, котрі керують будівельними роботами, і робітники – виконавці цих робіт. Тільки вони повинні мати спеціальну професійну підготовку до роботи на будівництві і оволодіти правилами техніки безпеки.

Так, відповідно до Положення про порядок організації інструктажу і навчання робітників і службовців з техніки безпеки і виробничої

¹ Див.: Сборник законодательных актов о труде. – М.: 1974, с. 668.

санітарії у будівельно-монтажних організаціях і на підприємствах промбудматеріалів від 27 червня 1962 р.¹, а також правил техніки безпеки адміністрація будівельної організації не може допускати до виконання робіт робітників та інженерно-технічних працівників, які не пройшли вступного інструктажу з техніки безпеки і не оволоділи безпечними методами праці безпосередньо на робочому місці. Вона повинна провести навчання робітників з техніки безпеки на спеціальних курсах (протягом трьох місяців з дня початку їх роботи) і організувати підвищення кваліфікації та перевірку знань інженерно-технічного персоналу з правил техніки безпеки.

Сторонні ж особи, не маючи такої підготовки і не будучи ознайомленими з особливостями підвищено небезпечного виробництва, яким є будівництво, практично не можуть реально уявити собі всю небезпечність порушення ними правил проведення будівельних робіт, хоч про недопустимість цього вони звичайно попереджаються спеціальними знаками.

Висновок про те, що суб'єктами ст. 219 КК УРСР є працівники будівництва (як службові особи, так і рядові працівники), на яких було покладено обов'язок виконувати правила безпеки при проведенні будівельних робіт, підтверджується також судовою і слідчою практикою.

Найчастіше до відповідальності за ст. 219 КК УРСР притягуються службові особи: начальники (управляючі), головні інженери будівельно-монтажних організацій (управління), інженери виробничих відділів, начальники дільниць, прораби, майстри, головні механіки і головні енергетики, звільнені бригадири, керівники транспортних і вантажно-розвантажувальних робіт. Ці особи в силу покладених на них обов'язків відповідають за організацію будівельних робіт і додержання правил їх проведення. У кожному випадку злочинного порушення будівельних правил необхідно проаналізувати функції службових осіб, обсяг і зміст їх службових обов'язків, щоб з'ясувати, хто з них в конкретному випадку не подбав про безпечні умови праці.

Істотну допомогу в цьому можуть подати положення про організацію робіт у будівництві, окремі постанови, типові правила та інструкції, різні спеціальні правила з техніки безпеки і промислової санітарії. На виконання будівельних норм і правил, положень та інструкцій, керівники будівельних організацій, як правило, видають відповідні накази, службові настанови, виробничі інструкції, що встановлюють обов'язки конкретних службових осіб по гарантуванню безпеки будівництва на

¹ Див.: Сборник официальных материалов по охране труда в строительстве и промышленности строительных материалов. – М.: Стройиздат, 1972. – С. 55-59.

тій чи іншій його ділянці. При цьому цілком можливими є суперечності між документами, прийнятими на конкретному будівельному підприємстві, і загальносоюзними, республіканськими та галузевими актами. Керівник будівельного виробництва вправі розподілити обов'язки на свій розсуд з урахуванням чисельності штату та особливостей виробництва. Тому чинні на певному підприємстві накази й інструкції мають силу локального нормативного акта. І все ж в кожному випадку виявлення розходження треба оцінювати, чи була потреба в іншій, ніж передбачено загальними актами, організації та охороні праці. В разі необхідності питання про правильність організації технології і безпеки будівельного виробництва, треба вирішувати за допомогою технічної експертизи.

У будівельному виробництві, де територіальна відокремленість окремих об'єктів досить поширена, трапляються випадки, коли призначення на ту чи іншу посаду вчасно документально не оформлюється. Закон¹ і практика виходять з того, що вирішальну роль у таких випадках відіграють не формальні ознаки, а фактичні обставини, при умові, що особа за рівнем технічних знань і контрольно-організаторськими можливостями відповідає призначеній посаді. Наприклад, якщо головний інженер через хворобу майстра покладає на відповідного працівника сусідньої ділянки обов'язки по виконанню функцій тимчасово відсутнього і призначений порушить правила на ввірній йому ділянці, він має нести відповідальність за це, навіть коли його нові обов'язки не були закріплені наказом по управлінню. Таке вирішення питання дістало обґрунтування в літературі² і здається правильним.

Досить близьким до розглянутого є випадок, коли службова особа в силу якихось причин (раптового захворювання працівника суміжної ділянки виробництва, його від'їзду та ін.) за своєю ініціативою або на прохання колеги виконує функції іншої службової особи без санкції керівника установи чи підприємства. Відсутність останньої не звільняє особу, яка взяла на себе додаткові обов'язки, від відповідальності за забезпечення додержання правил.

Проте якщо покладення відповідних функцій на іншу особу було явно незаконним (наприклад, коли відповідальна за додержання правил особа

¹ Напр., ч. 3 ст. 24 КЗпП УРСР встановлює: «Трудовий договір вважається укладеним і тоді, коли наказ чи розпорядження не були видані, але працівника фактично було допущено до роботи».

² Див., напр.: Лановнко И. П. Уголовная ответственность за нарушение правил техники безопасности в промышленности (по материалам Украинской ССР). Автореф. канд. дисс. – Киев: 1962. – С. 6; Свинкин А. И. Субъект преступного нарушения правил охраны труда. – Сб. аспирантских работ Свердловского юрид. ин-та, В. 3, 1964. – С. 200.

не мала права передовіряти свої функції або коли особа, якій передовіряються ці функції, не здатна їх виконувати через відсутність необхідних для цього знань, досвіду та ін.), то службові особи, котрі всупереч інтересам служби, передовірили свої функції іншим, повинні нести відповідальність за ст. 135 КК УРСР або за ст. 165 чи 167 КК УРСР.

На практиці трапляється й так, що особу вчасно оформляють на посаду і вона починає працювати, практично ще не будучи спроможною виконувати всіх покладених на неї обов'язків. Ця обставина також має враховуватися при притягненні до відповідальності. Так, органи слідства не знайшли за можливе притягнути до кримінальної відповідальності інженера Н., хоч за наказом він був однією з відповідальних осіб, у чій обов'язки входило гарантування безпечності робіт на ділянці, де стався нещасний випадок. Було встановлено, що Н. тільки-но став до роботи і за час, протягом якого керував ввіреною йому ділянкою будівництва, фізично не міг зробити все необхідне для створення там безпечних умов праці.

Становить інтерес також питання про відповідальність керівних працівників будівництва. Правила проведення будівельних робіт покладають на керівників будівельних організацій та головних інженерів обов'язки по загальному керівництву і нагляду за забезпеченням безпеки виробництва на будовах. Проте це зовсім не означає, що вони повинні нести кримінальну відповідальність за кожний нещасний випадок на будівництві. Адже безпеку на конкретній виробничій ділянці безпосередньо забезпечують начальники дільниць, прораби, майстри. Вищестоящі щодо них керівники несуть кримінальну відповідальність за ст. 135 КК УРСР в разі, коли вони не створили умов для виконання підлеглими вимог правил безпеки (наприклад, не забезпечили проектно-технічною документацією, не розробили інструкцій, призначили некомпетентних нижчестоящих керівників тощо); не організували належним чином охорону праці, не виконали необхідних організаційно-технічних заходів (наприклад, не забезпечили професійної підготовки робітників і осіб адміністративно-технічного персоналу). Керівні службові особи можуть бути притягнутими до відповідальності і за ст. 219 КК УРСР в тому разі коли вони: свідомо не вжили заходів по усуненню відомого їм порушення спеціальних правил при проведенні будівельних робіт, допущеного нижчестоящими службовими особами, або разом з останніми порушили ці правила; або взяли на себе безпосереднє керівництво окремими видами будівельних робіт чи дали робітникам неправильні вказівки по їх проведенню.

До числа суб'єктів злочину, передбаченого ст. 219 КК УРСР, належать, як уже було сказано, і робітники – виконавці різних робіт.

Кожен з них відповідає за порушення лише тих правил, які мають спеціальний характер, тобто регламентують його обов'язки, пов'язані з виконанням певної, дорученої йому виробничої операції. Коли ж робітник порушить правила, що стосуються робіт, виконуваних іншими особами, він нестиме відповідальність за ст. 219 КК УРСР лише в тому разі, коли додержання цих правил входило і до його обов'язків, про що йому було належним чином повідомлено. У випадку порушення робітником спеціальних правил, про зміст яких він не був і не повинен бути поінформований, він має відповідати за викликані його діями наслідки, що фактично настали, за загальними нормами КК, якщо таке порушення не було спричинено упущеннями службових осіб, зобов'язаних запобігти порушенням з боку тих, хто не знайомий з характером конкретного виробничого процесу.

Рядовий учасник будівництва не несе відповідальності за порушення правил проведення будівельних робіт, допущене під час виконання покладених на нього функцій службової особи або спеціальних робіт, оскільки не має необхідної для цього професійної підготовки. Коли ж на нього покладалася обов'язки, які він реально міг виконати, він повинен відповідати за допущені порушення навіть при відсутності наказу, яким ці функції було на нього покладено.

Таким чином, розгляд питання про суб'єкта злочину, передбаченого ст. 219 КК УРСР, приводить до висновку про необхідність уточнити її диспозицію, а саме: вказати в ній на те, що до кримінальної відповідальності за порушення правил при виконанні будівельних робіт можуть бути притягнуті лише працівники (учасники) будівельного виробництва.

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ ПРИ ПРЕСТУПНОМ НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА*

В условиях научно-технического прогресса важное значение приобретает исследование признаков преступлений, совершаемых в сфере производственной деятельности человека и эксплуатации им технических систем. Особый интерес представляет причинная связь между

* Проблемы социалистической законности. – Вып. 9. – Харьков, 1982. – С. 118-125.

нарушениями правил, обеспечивающими безопасность производства, и общественно опасными последствиями. Это вызвано тем, что при преступном нарушении правил безопасности производства действие или бездействие лица не всегда сразу и непосредственно приводит к наступлению общественно опасного последствия, а вызывает его через какое-то время, причем посредством иных факторов (физических, технических, химических и т. п.), неосторожного поведения потерпевшего, других лиц.

Такое развитие причинной связи предопределило различные мнения по вопросу о ее характере, условиях развития и основной причине наступления последствий. В частности было отмечено, что при совершении неосторожных преступлений в сфере производственной деятельности причинная связь как признак объективной стороны преступления может быть не только необходимой, но и случайной. Так, П. С. Дагель пишет, что последствия неосторожных преступлений «в значительной степени имеют ситуативный характер и в определенном смысле являются случайными для причинившего их лица. Они во многих случаях – результат не одного деяния, нарушающего правила безопасности, а следствие ряда причин, например, особенностей ситуации, неисправности технических средств, поведения потерпевшего и т. п.». Поэтому «преступный результат неосторожности, – продолжает автор, – во многом случаен для поведения лица, так как не «заложен» непосредственно в деянии, не вытекает из него с внутренней необходимостью» [3, с. 10-11]. М. С. Гринберг указывает, что наличие такого рода приводящих факторов придает причинной связи случайный характер. А так как следствие, наступившее от этих факторов, все же было обусловлено определенным нарушением, за совершение которого виновный привлекается к уголовной ответственности, то, следовательно, для подобных случаев объективная сторона преступления возможна и при наличии случайной причинной связи. «Если же то или иное лицо несло соответствующую обязанность, случайный результат вменяется ему на общих основаниях, и в этом плане деление последствий на объективно-случайные и объективно-необходимые теряет свое значение» [2, с. 107].

С такими суждениями нельзя согласиться. Как отмечает Г. А. Кригер, «в уголовном праве о причинной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями можно говорить лишь тогда, когда имеются необходимые связи, т. е. когда наступившие вредные последствия явились закономерным следствием такого противоправного деяния, в сущности которого, объективных условиях и обстоятельствах его совершения были заложены реальные возможности наступления

именно этих последствий...» [5, с. 9]. Соглашаясь с приведенным положением, отражающим концепцию сторонников теории «необходимого причинения», следует вместе с тем заметить, что в юридической литературе вопрос о необходимом характере причинной связи нашел достаточно последовательное решение для случаев, когда между деянием и общественно опасными последствиями имеет место так называемая прямая (непосредственная) причинная связь, т. е. когда действие или бездействие лица сразу и непосредственно приводит к наступлению последствий. Что касается отмеченных выше особенностей, свойственных процессу развития причинной связи при преступном нарушении правил безопасности производства и эксплуатации технических систем, то они, как правило, оказывались вне поля зрения теории «необходимого причинения». Это, как представляется, и явилось одним из условий появления мнений, допускающих случайную причинную связь в преступлениях, посягающих на безопасность производства. Поэтому важно показать, что, несмотря на особенности развития, причинная связь при преступном нарушении правил безопасности производства является необходимой.

Известно, что для признания причинной связи между деянием и последствием простой последовательности событий недостаточно. Требуется, чтобы совершенное деяние определенным образом вызвало наступление этого последствия. Следует, далее, из множества явлений, предшествующих и сопутствующих преступлению, выделить (искусственно изолировать) деяние и наступившие общественно опасные последствия и лишь затем решать вопрос о наличии между ними причинной связи. В основе этих положений лежат ленинские выводы, имеющие основополагающий методологический характер. «... Человеческое понятие причины и следствия, – учил В. И. Ленин, – всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» [1, с. 160].

Таким образом, установление причинной связи – процесс диалектический, поскольку он сочетает в себе понимание объективного содержания причинности с ясным представлением о субъективности задач, стоящих перед исследователем. Такой подход создает условия не только для констатации причинной связи, но и для оценки ее характера.

Представляется, что для объяснения характера причинной связи при преступных нарушениях правил безопасности на производстве границы исследования должны быть расширены, что вызывается спецификой промышленного производства в условиях НТР.

Промышленное производство, строительство, горные работы, транспорт и другие виды аналогичной человеческой деятельности содержат в себе опасность для их участников или посторонних лиц, которая заключается в определенной степени возможности наступления на производстве несчастных случаев (аварий, происшествий и т. п.). Причины последних лежат не только в пределах конкретного (виновного или невиновного) поведения человека, но и за его пределами. Они обусловлены также видом производственной деятельности. Для перехода возможности в действительность должны иметь место определенные условия причинения, вне которых опасность остается потенциальной [10, с. 373]. В качестве таких условий выступает целая система факторов: поведение человека, технические особенности работающих механизмов, физические, химические, биологические свойства используемых в производстве предметов и др. С целью предупреждения трансформации возможной опасности в действительность разрабатываются и применяются технические правила безопасной организации производства и эксплуатации технических систем. Например, в соответствии с § 368 «Единых правил техники безопасности и производственной санитарии для предприятий промышленности строительных материалов» пуск производственного оборудования после монтажа и ремонта запрещается без установки соответствующих ограждений, звуковой и световой сигнализации, блокировок, обеспечивающих безопасность его обслуживания, и без разрешения лица технического надзора. Очевидно, что содержание данного запрета вызывается, в частности, реальной возможностью соприкосновения человека с вращающимися частями механизмов, которое почти исключается при их ограждении.

Конкретное правило безопасности устанавливается не столько в связи с возможностью наступления предполагаемого единичного несчастного случая, а на основе математической вероятности его наступления¹. Последняя «является объективной характеристикой степени возможности появления определенного события в каких-то заранее заданных условиях, которые могут повторяться неограниченное число раз... Чем больше благоприятствующих случаев, тем выше степень вероятности...» [4, с. 84]. В свою очередь, чем выше степень вероятности наступления несчастного случая, тем больше оснований для разработки и принятия соответствующего правила безопасности.

¹ Как пишет В. И. Купцов, «работа современного предприятия просто невозможна без рационального учета на основе вероятностных представлений различного рода случайных факторов» [6, с. 10].

Таким образом, выраженная определенной величиной (степенью) вероятности возможность наступления несчастного случая относительно целого ряда аналогичных ситуаций, появляющихся в процессе производственной деятельности человека, выступает уже как необходимость, объективная закономерность. Именно с целью предупреждения целого ряда тождественных опасных ситуаций, которые могут иметь место в процессе производства, и устанавливается соответствующее правило безопасности. Что касается самого факта наступления или отсутствия общественно опасных последствий, то здесь всегда обнаруживается случайность как форма, через которую проявляется наступление последствий в известном количестве по отношению к общему числу опасных ситуаций (например, 10 из 100)¹.

Как видим, математическая вероятность отражает связь, существующую между явлениями объективной действительности. Для нас эта связь между производственной деятельностью человека, создающей возможность наступления опасных последствий, системой условий реализации возможности (блокируемой с помощью правил безопасности) и самими последствиями. И хотя последние могут наступить, а могут и не наступить, связь между ними и явлениями, их вызвавшими, обладает внутренней необходимостью.

Правила безопасности призваны предупреждать опасное взаимодействие системы условий причинения, но обращены они к человеку, определяют программу поведения лица в условиях производственной деятельности, действия технических систем.

Для объяснения характера причинной связи имеет значение также рассмотрение условий реализации возможной опасности. Как уже было сказано, это целая система факторов причинения. Среди них основным (главным) исходным элементом является виновное поведение человека, заключающееся в нарушении правил безопасности. Это поведение – причина отрицательного (для нас) действия остальных условий.

Н. Д. Сергиевский еще в прошлом веке заметил, что «по отношению к каждой отдельной причине все остальные суть условия ее действия: изолированная от них, она не произведет ничего; окруженная ими, произведет явление» [7, с. 23]. Главенство поведения человека, нарушившего правило безопасности, объясняется тем, что оно придало остальным условиям причинения возможность динамичного развития

¹ «Изменчивость внешних для причины условий ее действия – объективно случайный фактор по отношению к необходимо протекающему процессу причинения, и именно она и ведет к созданию ситуаций, при которых одной и той же причине могут соответствовать разные следствия» [10, с. 375].

по пути возникновения опасного последствия, стало движущей силой отрицательного развития, блокированного до этого соблюдением лицом правил безопасности. Если такой «инициативы» со стороны лица нельзя установить, то тогда главную причину следует искать вне системы условий возможного причинения опасных последствий, запрограммированной (а поэтому и блокируемой) соответствующим правилом безопасности. Очевидно, что по этому основанию Верховный Суд СССР, рассматривая дело Л., отменил приговор и все последующие определения и прекратил дело за отсутствием состава преступления, поскольку неисправность тормоза на машине, управляемой Л., не находилась в причинной связи с происшедшей аварией, которую нельзя было предотвратить даже при полной исправности тормоза [8, с. 9-10].

В запрограммированную правилом безопасности систему условий причинения помимо действия технических систем, физических, химических, биологических свойств используемых предметов включается также поведение других участников производства либо даже поведение посторонних производству лиц. Такое поведение может быть одним из этапов развития системы условий причинения (например, когда лицо в силу своих профессиональных обязанностей должно выполнить то или иное правомерное действие: включить ток, подать команду и т. п.). Поведение может быть и неправомерным (например, когда включает ток постороннее производству лицо). Наконец, система условий предусматривает поведение потерпевшего, являющееся заключительным этапом, поскольку за ним следует «несчастный случай», т. е. общественно опасное последствие (например, постороннее производству лицо, наступив на оголенный провод, находившийся под напряжением, погибает). Поэтому важно в каждом случае наступления последствий определять, какие условия причинения предусматриваются правилом безопасности. В любом случае круг этих условий не должен быть слишком широк, они должны быть однородными для каждого случая нарушения правила, что в свою очередь служит реальной предпосылкой для блокирования их с помощью соблюдения правил безопасности. Условия, делающие возможным возникновение рассматриваемого события, не должны быть слишком широкими – они должны обеспечивать определенную однородность опытов (испытаний, наблюдений), заключающихся в регистрации выполнения или невыполнения интересующего нас события» [9, с. 245]. Поэтому, например, требование ограждать проемы в междуэтажном перекрытии строящегося здания не имеет в виду действия лица, умышленно использующего проем для лишения жизни человека, так как такие действия в условиях производства реально

не могут быть предупреждены субъектами, обязанными соблюдать правила безопасности. И, напротив, неосторожное поведение потерпевшего является одним из обязательных условий системы причинения данного нарушения правила безопасности.

Таким образом, система причинения состоит из двух групп условий: 1) поведения человека, заключающегося в нарушении правила безопасности и выступающего в качестве главной причины, и 2) иных условий, различные варианты возможного действия которых программируются правилом безопасности. Появление в системе причинения условий, не предусмотренных правилом, ставит вопрос о их роли, влиянии на развитие причинной связи. Влияние может быть существенным и несущественным. Для установления этого необходимо мысленно исключить новое условие из известной системы условий причинения, и если окажется, что, несмотря на это, последствие все же наступает в той же последовательности, то это значит, что его главной причиной было все же нарушение правила безопасности. Если последствие не наступает, главную причину следует искать через новое условие. В таком случае нарушение правила может оказаться лишь условием иной системы причинения. Однако поскольку нарушение, не являясь главной причиной развития системы причинения, находится вне связи с последствием, то такую связь следует характеризовать как случайную, не имеющую определяющего значения для наступления последствия. Об отсутствии же какой-либо связи речь может идти лишь тогда, когда нарушение вообще находится вне системы причинения общественно опасных последствий.

При установлении причинной связи также важно представлять, как главное, решающее условие, т. е. нарушение правил безопасности, взаимодействует с другими условиями, что и приводит или может привести к наступлению общественно опасного последствия.

Нарушение правил безопасности неизбежно ведет к созданию качественно нового состояния на производстве. Это состояние характеризуется тем, что возможная опасность трансформируется в «действительную» опасность наступления на производстве нежелательных последствий (при соблюдении правила такая возможность блокируется). Дальнейшее зависит от того, вступит или нет нарушение во взаимодействие с другими условиями причинения, предусмотренными (запрограммированными) правилом безопасности, а также насколько полно это взаимодействие будет осуществлено. Такая постановка вопроса обусловлена тем, что система условий является по своей структуре сложной, ибо состоит из неоднородных элементов (свойства механизмов, физические силы, поведение человека и т. п.), находящихся в движении

и обладающих относительной самостоятельностью в рамках системы (целого). Поэтому при нарушении правил мыслимы различные варианты развития системы условия причинения. Возможно такое нарушение правил, когда оно вступает во взаимодействие со всей системой условий тотчас. В этом случае процесс развития, начиная от нарушения и кончая последствиями, происходит непрерывно. Так, при обрыве электропровода рабочий А., отключив напряжение, пытается соединить концы провода. Ответственный за соблюдение правил безопасности Б., не проявив должной осмотрительности, включает ток. А. поражен электротоком. В данном случае имеет место прямая причинная связь, так как система взаимодействия условий причинения «сработала» сразу и в полном объеме. Но если в то время, когда Б. включил ток, никого у провода, имеющего оголенные участки, не было, а через некоторое время рабочий А. коснулся оголенного участка и был поражен электротоком, то в развитии системы имел место перерыв. Он оказался возможным в силу разнородности структурных элементов системы: с одной стороны, это поражающее свойство электротока, с другой – поведение потерпевшего. Соединение этих моментов в развитии причинной связи внешне выглядит случайным, однако в общем процессе причинения, запрограммированного правилом безопасности, такое развитие системы необходимо. Во втором варианте имеет место опосредованная связь, так как система причинения хотя и «сработала» в полном объеме, но не сразу. В ее развитии имел место перерыв. И, наконец, наличие оголенного, находящегося под напряжением участка электропровода могло и не привести к несчастному случаю, если бы через какое-то время ток был отключен. Здесь отрицательное развитие системы условий причинения удалось бы нейтрализовать.

Итак, причинная связь между преступным нарушением правил безопасности производства и наступившими общественно опасными последствиями является необходимой. Только в таком случае она может считаться признаком объективной стороны состава преступления.

Причинная связь представляет собой систему взаимодействующих условий причинения, из которых нарушение правил безопасности является главной причиной ее развития.

Причинная связь при нарушении правил безопасности производства может выступать в виде прямой (непосредственной) и опосредованной. При прямой причинной связи нарушение правил и условия причинения вступают во взаимодействие сразу во всем объеме. Процесс развития причинной связи непрерывен. При опосредованной причинной связи нарушения правил и условия причинения, запрограммированные

соответствующим правилом безопасности, не вступают сразу во взаимодействие во всем объеме. Система условий причинения развивается с перерывами.

Список литературы:

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18.
2. Гринберг М. С. Объективная сторона преступления в области использования техники. – В кн.: Труды по правоведению. – Новосибирск, 1968, с. 94-109.
3. Дагель П. С. Неосторожное преступление (общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники). – В кн.: Проблемы борьбы с преступной неосторожностью, 1978, вып. 2, с. 3-15.
4. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
5. Кригер Г. Причинная связь в советском уголовном праве. – Сов. юстиция, 1979, № 1, с. 7-9.
6. Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.
7. Сергиевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. – Ярославль, 1980, вып. 1. – 386 с.
8. Судебн. практика Верховного Суда СССР, 1956, № 1.
9. Философская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1960, т. 1. – 504 с.
10. Философская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1967, т. 4. – 592 с.

ДЕЯКІ ПИТАННЯ КВАЛІФІКАЦІЇ ЗЛОЧИННИХ ПОРУШЕНЬ ПРАВИЛ ОХОРОНИ ПРАЦІ*

У нашій країні охорона праці є одним з найважливіших соціально-економічних завдань. У постанові «Про додаткові заходи по поліпшенню охорони здоров'я населення» ЦК КПРС і Рада Міністрів Союзу РСР, вказавши на необхідність зосередження уваги на посиленні профілактики захворювань, запобігання травматизму, зобов'язали відповідні органи підвищити відповідальність керівників підприємств, організацій і установ за суворе дотримання санітарних правил і норм, стандартів безпеки праці, проведення оздоровчих заходів, спрямованих на подальше поліпшення умов праці і відпочинку працівників¹.

Зміцнення трудової і виробничої дисципліни на підприємствах, в установах та організаціях, зниження можливості виникнення небезпечних і шкідливих виробничих факторів певною мірою залежать і від судів, які розглядають кримінальні справи про порушення правил охорони праці. Проте, як свідчить судова практика, вони часто недооцінюють суспільну небезпечність цих злочинів, обираючи покарання,

* Радянське право, 1983. – № 3. – С. 33-37 (у співавт. з В. Т. Маляренко).

¹ Рад. Україна, 1982, 26 серп.

іноді не враховують характеру допущених правопорушень і тяжкості їх наслідків, за відсутності відповідних підстав застосовують ст. 44 або ст. 45 КК УРСР, рідко призначають додаткові міри покарання у вигляді позбавлення права займати певні посади або займатися певною діяльністю. Серйозні помилки суди допускають при встановленні ознак злочинів, передбачених ст. 135, 218-220 КК УРСР, їх кваліфікації, відмежуванні один від одного та інших суміжних злочинних дій.

Враховуючи важливість боротьби з виробничим травматизмом і професійними захворюваннями, Пленум Верховного Суду УРСР у постанові від 10 жовтня 1982 р. № 6 «Про практику застосування судами Української РСР законодавства у справах, пов'язаних із порушеннями правил охорони праці»¹ зазначив, що суди повинні поліпшити якість розгляду справ цієї категорії, підвищити ефективність судової діяльності по запобіганню даним правопорушенням.

Об'єктом злочинного посягання, передбаченого ст. 135 КК УРСР, є безпечні умови праці. Потерпілими внаслідок злочинних порушень правил охорони праці можуть бути як працівники підприємства (колгоспу), так і інші особи, постійна або тимчасова діяльність яких пов'язана з даним виробництвом. До останніх, зокрема, належать особи, які прибули на виробництво у відрядження, на практику, стажування. Це також можуть бути робітники, студенти, учні, що подають шефську допомогу радгоспам і колгоспам, наприклад, у збиранні врожаю.

В тих випадках, коли внаслідок порушення правил охорони праці на виробництві заподіяно шкоду здоров'ю громадян, котрі не є його учасниками, винні мають нести відповідальність за статтями про службові злочини або про злочини проти особи – залежно від характеру злочинних дій.

Відповідальність за ч. 1 ст. 135 КК УРСР настає, коли порушення правил охорони праці створює небезпеку для життя чи здоров'я працівників. Частини перші ст. 218 і ст. 219 Кримінального кодексу Української РСР також встановлюють кримінальну відповідальність за порушення, які могли спричинити людські жертви чи інші тяжкі наслідки. Йдеться про створення на виробництві реальної можливості загибелі, травмування людей, настання професійних та інших захворювань внаслідок порушення певних правил. Створення небезпеки означає набуття конкретним виробничим процесом такого стану, за якого можуть або з необхідністю мають настати нещасні випадки з людьми, і якщо цього не стається, то лише завдяки своєчасному усуненню допущеного порушення (відновленню безпечного стану) або «щасливій випадковості».

¹ Рад. право, 1983, № 2, с. 78-80.

Якщо нещасний випадок дійсно настав як наслідок порушення правил охорони праці, то дії винного слід кваліфікувати залежно від конкретних наслідків, а не за сукупністю ч. 1 і 2 ст. 135 КК УРСР, як це іноді роблять суди.

Так, Черняхівський районний народний суд Житомирської області засудив П. за ч. 1 і 2 ст. 135 КК УРСР за те, що, будучи відповідальним за додержання правил техніки безпеки, він всупереч їх вимогам доручив виконання небезпечних робіт підлітку і той був травмований. Проте за такого наслідку дії П. слід було кваліфікувати за ч. 2 ст. 135 КК УРСР.

У ч. 1 ст. 220 КК УРСР на відміну від ст. 218 і 219 вказується тільки на порушення виробничо-технічної дисципліни або правил, що забезпечують безпеку виробництва на вибухонебезпечних підприємствах чи у вибухонебезпечних цехах, і нічого не говориться про його наслідки. Проте далеко не кожне таке порушення може потягти небезпечні наслідки. Тому Пленум Верховного Суду УРСР роз'яснив у п. 16 названої постанови, що «за ч. 1 ст. 220 КК УРСР мають кваліфікуватися порушення виробничо-технічної дисципліни або правил, що забезпечують безпеку виробництва на вибухонебезпечних підприємствах (у цехах), які призвели до вибуху, що мав наслідки, не передбачені ч. 2 ст. 220 КК УРСР, або не призвели до вибуху, але створювали його загрозу чи можливість настання при ньому тяжких наслідків».

«Іншими тяжкими наслідками», про які йдеться в частинах других ст. 218-220 КК УРСР, є заподіяння тяжких тілесних ушкоджень одній або кільком особам, середньої тяжкості – двом або більше особам, значної матеріальної шкоди державній, громадській організації або громадянам, а так само довгий простій підприємств, цехів чи їх виробничих діляниць.

Порушення правил техніки безпеки, промислової санітарії або інших правил охорони праці (ст. 135 КК УРСР) в ряді випадків теж викликають нещасні випадки з людьми і завдають істотних матеріальних збитків підприємству, організації або окремим громадянам, наприклад, коли ведуть до вибухів опалювальних котлів, псування машин і механізмів, руйнування будівель і споруд. Окремі суди визнають, що заподіяння такої шкоди охоплюється ст. 135 КК УРСР.

Працюючи завідуючим колгоспним гаражем, О. порушив правила техніки безпеки при експлуатації котла, що призвело до вибуху, внаслідок якого постраждало двоє робітників, було знищено котел, пошкоджено будівлю гаражу й автомашину. Бахмацький районний народний суд Чернігівської області, вказавши у вирокі на ці наслідки і зазначивши, що допущеними О. порушеннями колгоспові завдано збитків на суму

5627 крб., неправильно кваліфікував дії винного тільки за ч. 2 ст. 135 КК УРСР.

Якщо порушення службовою особою правил охорони праці створювало небезпеку для життя і здоров'я трудящих або потягло нещасні випадки з людьми й одночасно заподіяло істотну матеріальну шкоду підприємству, організації або громадянам, воно являє собою сукупність злочинів, передбачених ст. 135 і 167 КК УРСР.

Нещасні випадки з людьми як результат порушень правил техніки безпеки, промислової санітарії або інших правил охорони праці тягнуть також певні цивільно-правові наслідки (виплату державою на користь громадян різних компенсацій тощо). Вони перебувають поза рамками кримінально-правової кваліфікації і не можуть бути підставою застосування ст. 167 або частин других ст. 218-220 КК УРСР.

Обов'язковою ознакою об'єктивної сторони злочинів, відповідальність за які передбачена ст. 135, 218-220 КК УРСР, є причинний зв'язок між допущеними порушеннями правил безпеки праці і наслідками, що настали, або створенням можливості їх настання. Проте іноді суди не з'ясовують питання про наявність такого зв'язку і засуджують окремих осіб за вказаними статтями КК за його відсутності, тоді як у цьому разі ті мають нести відповідальність лише за фактично заподіяне.

Бригадир тракторної бригади колгоспу П. всупереч вимогам трудового законодавства дав Х. наряд працювати причіплювачем на тракторному агрегаті, яким косили сіно. Під час перерви в роботі Х. приліг відпочити неподалік від агрегата в лісопосадці. Через деякий час водій Г., об'їжджаючи агрегат автомашиною, не впевнився в безпеці руху у вибраному ним напрямку і наїхав на Х. Хоча з наведеного видно, що в причинному зв'язку з цим наслідком перебувають дії Г., а не П., Козятинський районний народний суд Вінницької області визнав останнього винним у порушенні правил охорони праці і засудив за ч. 2 ст. 135 КК УРСР. Верховний Суд УРСР скасував вирок щодо П., оскільки така кваліфікація його дій є безпідставною, і запропонував органам попереднього розслідування дослідити питання про його відповідальність за порушення законодавства про працю.

Пленум Верховного Суду УРСР вказав у п. 8 названої постанови, що «за ст. 135 КК УРСР можуть нести відповідальність службові особи, на яких за їх службовим становищем на підставі наказу, посадової інструкції або спеціального розпорядження безпосередньо покладено обов'язки забезпечувати додержання правил охорони праці на відповідній виробничій дільниці або здійснювати контроль за їх виконанням». До них належать особи, які безпосередньо відповідають за додержання правил

чи стандартів безпеки праці на підприємствах або на окремих ділянках виробництва, й особи, які керують проведенням робіт і при цьому контролюють додержання підлеглими названих правил. Коло службових осіб, відповідальних за організацію й забезпечення безпечних умов праці, має встановлюватись у кожній справі окремо. Наприклад, на промисловому підприємстві ними можуть бути його керівник, головний інженер, головний енергетик, начальник цеху, цеховий механік, цеховий енергетик, майстер, звільнений бригадир і прирівняні до них особи.

Не можуть відповідати за ст. 135 КК УРСР працівники підприємства, не наділені повноваженнями службових осіб. Викликає труднощі кваліфікація порушень, допущених особами, які працюють, наприклад, машиністами, трактористами, тобто безпосередньо виконують робочі операції і одночасно очолюють окрему групу робітників (незвільнені бригади, ланкові, старші груп). В ряді випадків діяльність цих осіб може бути пов'язана з виконанням організаційно-розпорядчих або адміністративно-господарських функцій, наприклад, при розстановці робітників відповідно до наряду-завдання, оформленні документів на виконанні роботи, підтриманні виробничої дисципліни, тощо. Тому важливо встановлювати, у зв'язку з якою діяльністю мало місце порушення правил безпеки. Якщо при безпосередньому виконанні робочих операцій – відповідальність має наставати за злочини проти особи.

Наприклад, за ст. 98 КК УРСР слід було кваліфікувати дії Л., який, працюючи на комбикормовому заводі машиністом-бригадиром, включив сушильний агрегат, не впевнившись у відсутності людей біля його рухомих частин і не подавши відповідного сигналу. Внаслідок цих необережних дій постраждала робітниця С., яка очищувала стрічку транспортера. Засудження його Новоград-Волинським районним народним судом Житомирської області за ч. 2 ст. 135 КК УРСР є безпідставним.

Коло суб'єктів злочинів, передбачених ст. 218-220 КК УРСР, ширше. Це службові особи, робітники і службовці підвищено небезпечних виробництв, зобов'язані додержувати виробничо-технічної дисципліни, санітарних норм і правил безпеки.

Найбільше помилок допускається при відмежуванні злочину, передбаченого ст. 219 КК УРСР, від інших злочинів. Аналіз судової практики показав, що найпоширенішою причиною цього є неправильне тлумачення поняття «будівельні роботи». Деякі суди не враховують, що за змістом ст. 219 КК УРСР це не лише комплекс робіт по зведенню будівель і споруд, а й їх ремонт, реконструкція, розібрання й пересування, риття котлованів, траншей, вкладання труб, будівництво доріг тощо. Тому Пленум Верховного Суду УРСР у п. 13 названої постанови роз'яснив:

«До будівельних робіт належить комплекс робіт по спорудженню, ремонту та реконструкції будинків і будівель, а також розібранню і пересуванню раніше побудованих об'єктів, зокрема: загально-будівельні (земляні, кам'яні, опоряджувальні, монтаж будівельних конструкцій та ін.), спеціальні (монтаж систем водопостачання, технологічного устаткування тощо) і допоміжні (вантажно-розвантажувальні, заготівельні і транспортні, які пов'язані з будівництвом об'єктів і виконуються в його межах)».

Окремі суди помилково вважають, що за ст. 219 КК УРСР мають кваліфікуватися лише ті порушення правил проведення будівельних робіт, які допущені в системі будівельних відомств. Проте вона встановлює відповідальність за порушення цих правил у будь-якій галузі народного господарства. Причому для кваліфікації дій винного за цією статтею не має значення – виконувались будівельні роботи підрядним методом чи своїми силами.

Не слід розглядати як будівельні роботи виготовлення будівельних конструкцій та матеріалів на підприємствах будівельної індустрії, зокрема комплекс робіт по виготовленню бетону, цементу, залізобетонних виробів, цегли тощо, а також розвантажування чи навантажування на залізничних станціях і в портах матеріалів, призначених для будівництва, оскільки робота на таких підприємствах не становить підвищеної небезпеки для оточуючих.

Допускаються помилки також при кваліфікації порушень правил експлуатації будівельних механізмів. Окремі суди засуджують за ст. 219 КК УРСР осіб, які порушили дані правила, незалежно від виду виконуваних цими механізмами робіт. Проте відповідальність за порушення правил експлуатації будівельних механізмів за вказаною статтею може настати лише за умови, що вони допущені при виконанні будівельних, а не якихось інших робіт (див.: Рад. право, 1982, № 11, с. 86).

Застосовуючи ст. 220 КК УРСР, слід пам'ятати, що належність підприємства (цеху) до вибухонебезпечних визначається не характером наслідків, що настали, а категорією і класом виробництва з вибухонебезпечності, встановленими технологічним регламентом. Ці категорії (класи, групи) встановлюються проектними організаціями, міністерствами, виробничими об'єднаннями, органами Держгіртехнагляду і деякими іншими організаціями як для підприємства в цілому, так і для окремої його черги чи пускового комплексу, а також для різних основних (цехи, дільниці, відділення) і допоміжних (склади, лабораторії) виробничих підрозділів, зовнішніх установок, пластів та інших об'єктів промисловості, сільськогосподарських і інших підприємств.

Неправильна діяльність чи бездіяльність винних осіб, що зумовила вибух на підприємстві (в цеху), своєчасно не віднесеному в установленому порядку до вибухонебезпечних, не може кваліфікуватись за ст. 220 КК УРСР, оскільки на це підприємство не поширено особливі вимоги виробничо-технічної дисципліни і спеціальні правила безпеки. В таких випадках необхідно дослідити питання про наявність або про відсутність вини у вибуху, що стався, працівників проектних і будівельних організацій, а також Держгіртехнагляду та інших органів, відповідальних за своєчасне віднесення підприємств і цехів до вибухонебезпечних.

Для правильного вирішення цих питань судам необхідно вимагати від слідчих органів приєднання до справ про злочини, передбачені ст. 220 КК УРСР, копій нормативних актів (наказів, положень, регламентів тощо) про віднесення підприємства (цеху) до певної категорії (класу, групи) вибухонебезпечності.

Слід враховувати також, що діяльність чи бездіяльність осіб, яка призвела до людських жертв або до інших тяжких наслідків, кваліфікується за ч. 2 ст. 220 КК УРСР лише в тих випадках, коли вказані наслідки настали внаслідок вибуху тієї речовини, через яку дане підприємство (цех) віднесено до вибухонебезпечних. Заподіяння тяжких наслідків в результаті вибухів інших речовин за статтею 220 КК УРСР кваліфіковано бути не може. Так, якщо в шахті, небезпечній по газу метану, проводились дії, що могли викликати, але не викликали вибух метано-повітряної суміші, і одночасно з цим через порушення правил безпеки вибухових робіт стався вибух іншої речовини, внаслідок якого були тяжко травмовані люди, то такі дії слід кваліфікувати за сукупністю злочинів, передбачених ч. 1 ст. 220 та ч. 2 ст. 218 КК УРСР.

Для застосування ст. 135, 218-220 КК УРСР необхідно точно встановлювати, яких вимог правил безпеки не дотримано. Вивчення матеріалів судової практики показало, що багато судів, посилаючись на певні Правила безпеки, не вказують на їх пункти (параграфи) або взагалі не називають Правил, вимоги яких порушено, обмежуючись загальним формулюванням. Наприклад, Нововодолазький районний народний суд Харківської області так описав у вирoku в справі С. допущене ним порушення правил: «Підсудний є службовою особою на цукрокомбінаті. Будучи відповідальним за дотримання правил техніки безпеки, охорони праці, допустив до закріплення для підняття вантажу сторонніх робітників, не провів з ними інструктажу, допустив також експлуатацію несправного електротельфера». Таке неточне, приблизне описання допущеного порушення правил безпеки без вказівки на конкретне джерело, з якого суд

може довідатися про їх зміст, ослаблює переконливість вироку, істотно ускладнює перевірку його обґрунтованості касаційною інстанцією або в порядку нагляду. Саме тому Пленум Верховного Суду УРСР підкреслив у п. 6 названої постанови: «Суди з метою конкретизації обвинувачення в справах цієї категорії у вироку мають посилаватися на відповідні пункти (параграфи) нормативних актів, які порушені, і розкривати суть допущених порушень».

При застосуванні ст. 135, 218-220 КК УРСР, які є бланкетними і відсилають для встановлення ознак конкретного злочину до спеціальних правил, що регулюють безпеку праці, слід мати на увазі, що в країні ведеться велика робота по її стандартизації. Введено 250 державних стандартів системи стандартів безпеки праці (ССБП) і понад 200 галузевих стандартів. В 60 тисячах технічних умов на промислові вироби передбачено розділи охорони праці, які містять вимоги щодо її безпеки¹. З окремих питань допускається також прийняття стандартів безпеки праці підприємствами.

Вимоги, встановлювані стандартами безпеки праці, універсальніші, більшою мірою відповідають сучасним досягненням науки і техніки, ніж ті, що містяться в правилах техніки безпеки. Проте стандартизація безпеки праці поки що не може повністю витіснити чинні правила. Отже, складається нова система норм безпеки праці, яка поступово замінює загальні й галузеві правила техніки безпеки.

Тому судам, які розглядають справи про злочинні порушення правил охорони праці, необхідно з'ясувати, якими нормами безпеки праці керувались винні особи. У випадках, коли їм ставитиметься за провини порушення відповідних стандартів, слід з'ясовувати, чи був їх зміст в установленому порядку доведений до відома цих осіб. Якщо буде встановлено, що стандарти безпеки для того чи іншого виробництва введено в дію, а на підприємстві по інерції продовжують керуватися застарілими правилами техніки безпеки, суд може з метою посилення профілактики травматизму в окремій ухвалі разом з іншими рекомендаціями звернути увагу відповідальних осіб на необхідність застосування стандартів безпеки.

НТП І ПИТАННЯ КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВОЇ ОХОРОНИ БЕЗПЕКИ ВИРОБНИЦТВА*

Дослідження питань кримінальної відповідальності за необережні злочини, які відбуваються в системі відносин «людина – техніка –

* Правова держава. – Вип. І. – Київ, 1992. – С. 80-86.

¹ Див.: Рекомендации Всесоюзного совещания по охране труда. – М., 1981.

середовище», мають важливе значення для удосконалення правових засобів боротьби з негативними наслідками науково-технічного прогресу. Серед необережних злочинів особливе місце займають порушення правил безпеки виробництва, які можуть призвести або призводять до заподіяння шкоди здоров'ю людей, і навіть їх загибелі, технічних аварій, забруднення навколишнього середовища, великих матеріальних збитків, значних витрат робочого часу. Прикладами виняткової небезпеки порушення таких правил є аварія на Чорнобильській АЕС (1986 р.), вибух під Уфою на магістральному продуктопроводі Західна Сибір – Урал – Поволжя (1989 р.), пожежа на комбінаті консервної тари в бухті Находка Приморського краю (1986 р.), аварія на складі зрідженого хлору насосної станції північного водозабору у Хабаровську (1989 р.) та ін.

В чинному КК України відповідальність за порушення правил безпеки виробництва безпосередньо передбачена в ст. 135, 218-220. У випадках порушення на виробництві правил пожежної безпеки застосовується ст. 220-1 КК України, а при порушенні правил поведінки з речовинами та предметами, які становлять особливу небезпеку (вибухові речовини, радіоактивні матеріали) – ст. 221 і 228-5 КК України. Норми, що містяться у цих статтях, можуть бути об'єднані в рамках системи Особливої частини кримінального права у відповідне автономне утворення, загальною ознакою якого є відносини безпеки виробництва. Останні охороняються кримінальним законом безпосередньо, або поруч з іншими відносинами. У зв'язку з порушенням правил безпеки виробництва застосовуються й інші норми КК (наприклад, ст. 98, 105, 167, 215-2 КК України), які охороняють безпеку виробництва лише факультативно.

В літературі під безпекою визнають стан, при якому відсутня (не загрожує) небезпека¹. Вона обумовлена тим, що в процесі діяльності, людина, майно або природне середовище, можуть бути вражені шкідливими факторами (механічними, хімічними, тепловими, електричними, електромагнітними тощо). Безпека виробництва – стан процесу виробництва, коли шкідливість впливу негативних виробничих факторів на людей, майно або навколишнє середовище нейтралізується. Такий стан встановлюється і контролюється людиною через систему суспільних відносин, складовим елементом якої є норки права, в тому числі кримінальні.

В залежності від характеру виробничої діяльності і притаманних їй небезпек, ступеня імовірності трансформації останніх в дійсність,

¹ Див.: Тихий В. П. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности обращения с общепасными предметами. – Киев, 1986. – С. 6.

зон і об'єктів можливого ураження безпека виробництва поділяється на види, рівні і сфери охорони. Відповідно норми кримінального права теж можна поділити на групи. Це норми, які охороняють безпеку: праці (ст. 135 КК України); виробництва окремих підвищено небезпечних робіт (ст. 218, 219 КК України); винятково небезпечних станів (ст. 220 і 220-4 КК України); поводження з особливо небезпечними речовинами, предметами, матеріалами (ст. 221 і 228-5 КК України). Такий розподіл дає змогу зрозуміти цільове призначення окремих норм, а також визначити основні напрями подальшого розвитку системи кримінальних норм, які захищають безпеку виробництва.

Треба зазначити, що за час дії чинного КК України з 1960 р. кількість відповідних норм поступово зростала, хоча в майбутньому кодексі їх може бути і менше. Важливе тут інше. У своїй сукупності зазначені норми повинні відповідати принаймні двом вимогам. По-перше, охоплювати всю систему відносин виробництва. По-друге, відбивати такі її елементи або окремі їх характеристики, котрі принципово визначають суспільну небезпеку можливих порушень відповідних правил. Тут повинні підлягати обліку види і рівні безпеки, сфери охорони, а також соціальні інтереси і зв'язки, види виробничої діяльності і джерела небезпеки, масштаби можливої шкоди і ступеня імовірності їх спричинення. Розвиток науково-технічного прогресу потребує постійного удосконалення системи відносин безпеки виробництва, у тому числі і норм кримінального права. Так, у зв'язку з широким використанням у виробництві, науці й інших видах людської діяльності радіоактивних матеріалів виникла потреба більш ретельного упорядкування відносин радіаційної безпеки, що відбилося і в кримінальному законодавстві (ст. 221, 227-2, 228-2–228-5 КК України). Зрозуміло, науково-технічний прогрес – це тільки один з багатьох факторів, які обумовлюють необхідність новацій в кримінальному законодавстві. Однак на створення ряду норм він справляє рішучий вплив.

Слід підкреслити, що кримінальне законодавство України неадекватно відбиває відносини в сфері безпеки виробництва, не повністю урахував якісні відмінності, які притаманні їх окремим елементам (характеристикам). Так, відомо, що роботи, які виконуються на виробництві, поділяються на звичайні і підвищеної небезпеки¹. Останні відрізняються високим ступенем імовірності спричинення шкоди особам, які їх здійснюють. Для них також властива висока ціна за можливі порушення (помилки) в процесі виробництва. Шкода як наслідок такого порушення може бути значною – загибель одного або кількох праців-

¹ Див.: Котик М. А. Психология и безопасность. – Таллин, 1989. – С. 46-47.

ників, каліцтво, тяжкі травми, групові нещасні випадки і т. д. Безпека виконання таких робіт потребує створення на виробництві особливого організаційно-технічного режиму. Так, до робіт з підвищеною небезпекою допускаються тільки ті особи, які пройшли спеціальну додаткову підготовку. На таких роботах використовується більш досконала техніка. Очевидно, що тут потрібне встановлення і особливого правового режиму їх безпеки.

Діюче кримінальне законодавство охоплює лише деякі підвищено небезпечні роботи – гірничі (ст. 218 КК України) і будівельні (ст. 219 КК України). Але перелік робіт підвищеної небезпеки значно ширший. До них, зокрема, відносять усі роботи, які пов'язані з застосуванням: підйомних кранів, балонів високого тиску, електричного струму високої напруги. Порушення правил безпеки при здійсненні таких робіт, за винятком виробництв, вказаних в ст. 218 і 219, а також в ст. 220, 220-1, 221 і 228-5 КК України, кваліфікується, при наявності усіх інших ознак складу злочину, за ст. 135 КК України. Отож, у цій статті передбачена по суті однакова відповідальність як за порушення правил при виконанні робіт звичайної небезпеки, так і ряду робіт підвищеної небезпеки. Позначена невідповідність, на наш погляд, потребує законодавчого рішення. Можливий, наприклад, такий варіант: поряд із ст. 135 КК України, положення якої мають поширюватися лише на роботи звичайної безпеки, виділити спеціальну норму. Вона б передбачала більш сувору відповідальність за порушення правил безпеки при виконанні підвищено небезпечних робіт. Причому суб'єктами відповідальності можуть бути визначені і службові особи, і рядові робітники виробництва. Перелік підвищено небезпечних робіт відомий, він міститься в нормативно-технічних актах, у нормах інших галузей права (наприклад, у трудовому). При необхідності питання про наявність підвищеної небезпеки може бути вирішено за допомогою спеціаліста або експерта. Тому в диспозиції цієї норми можна обмежитись приблизним переліком таких робіт.

Серйозних змін також потребують норми, які містяться в ст. 218 і 219 КК України. Аналіз порушень правил безпеки виконання гірничих і будівельних робіт показує, що такі діяння завдають шкоди, як правило, безпеці праці – основному виду відносин безпеки виробництва. Така шкода завдається не тільки в зв'язку з виконанням підвищено небезпечних робіт, а і робіт звичайної небезпеки. Останні також мають місце в гірничому і будівельному виробництвах. Крім того, порушення окремих вимог безпеки ведення цих робіт здатне спричинити шкоду позавиробничим інтересам. Це інтереси сторонніх виробництву осіб (їх життя, здоров'я), майнові (збереження від пошкодження або знищення майна,

яке належить іншим підприємствам, організаціям, установам або окремим громадянам), екологічні (чистота природного середовища). Формуються такі інтереси у сфері діяльності виробництва (навколо, біля або в результаті такої діяльності). Необхідність їх захисту від небезпеки обумовлює створення особливого виду безпеки виробництва – громадської безпеки в сфері виробництва. І. П. Лановенко, відзначаючи специфіку злочинних посягань на громадську безпеку в зв'язку з порушенням вимог виробничої безпеки, пише, що «порушення правил безпеки у процесі виробництва здатне викликати небезпеку для більш широкого кола осіб і ця небезпека набуває характеру громадськості. Тому ми і кажемо про кримінально-правову охорону громадської безпеки виробництва»¹.

Виходячи з наведеного, вважаємо необхідним рекомендувати законодавцю відмовитись від норм, передбачених ст. 218 і 219 КК України. Це, однак, не означає їх декриміналізацію. Мова йде про реконструкцію: виділення і об'єднання окремих кримінально-правових положень з іншими – тотожними по змісту і ознакам об'єкта. Так, порушення правил при виконанні гірничих і будівельних робіт звичайної небезпеки необхідно віднести до загальної норми. Вона буде охоплювати всі роботи звичайної небезпеки і захищати безпеку праці незалежно від виду виробництва і трудової діяльності. Положення про відповідальність за порушення правил виконання гірничих і будівельних робіт підвищеної небезпеки слід віднести до іншої норми. Про можливість наявності таких норм вище вже було сказано. Виходячи із відносної поширеності порушень правил безпеки у названих галузях виробництва, можна в диспозиції пропонованої норми в приблизному переліку робіт спеціально вказати на гірничі і будівельні. Стосовно порушень вимог безпеки при проведенні робіт, які призводять до заподіяння шкоди громадській безпеці, то відповідальність за них слід передбачити самостійною нормою. Така норма повинна встановити також відповідальність за порушення вимог безпеки і в інших галузях виробництва. Наприклад, в сільському господарстві – в зв'язку використанням техніки; в енергетиці – при експлуатації високовольтних електромереж. В диспозиції такої норми бажано вказати не лише на порушення вимог безпеки на виробництві, але й на небезпечні дії і шкідливі наслідки, які можуть бути місце у зв'язку з проведенням наукових досліджень, конструюванням, проектуванням, випробуванням, розвідкою природних багатств. Головне для цієї кримінально-правової норми – відповідальність за спричинення шкоди громадській безпеці.

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Особенная часть. – Киев, 1935. – С. 191-192.

Для порушення правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах, у цехах (ст. 220 КК України), пожежонебезпечних виробництвах, при поводженні з пожежонебезпечними предметами (ст. 220-1 КК України), вибуховими речовинами (ст. 221 КК України), радіоактивними матеріалами (ст. 228-5, КК України) характерне спричинення шкоди саме громадській безпеці поряд зі шкодою безпеці праці або без неї. Уявляється, що як раз для таких видів діяльності найбільш доцільним є визначення об'єкта, яке було дано в постанові Пленуму Верховного Суду СРСР від 5 грудня 1986 р.: «Об'єктом цих злочинів є громадська безпека виробництва відповідних робіт (включаючи безпечні умови праці)»¹. На відміну від гірничих і будівельних робіт, діяльність, яку мають на увазі ст. 220, 220-1, 221 і 228-5 КК України, є винятково небезпечною. Тому, гадаємо, доцільно зберегти відповідальність в самостійних кримінально-правових нормах за порушення вимог безпеки при виконанні робіт в умовах пожежної і вибухової небезпеки, при використанні вибухових речовин, радіоактивних матеріалів. До такого роду діяльності відносяться також роботи, які пов'язані з дотриманням правил безпечного поводження з високотоксичними отруйними речовинами (хімічні з'єднання, які використовуються у промисловості і справляють шкідливий вплив на організм людини); правил поводження з біологічно небезпечними для здоров'я людини речовинами; правил радіоактивної безпеки при використанні ядерної (атомної) енергії. Ця діяльність потребує особливого організаційно-технічного та правового режимів. Дотримання зазначених режимів повинно забезпечуватись і заходами кримінально-правового характеру, в тому числі шляхом створення спеціальних норм, додатково до існуючих у Кримінальному кодексі.

Окремо треба зупинитися на питанні боротьби з шкідливістю виробництва. Як відомо, кримінальний закон у ст. 135 КК України вказує на відповідальність за порушення службовою особою правил промислової санітарії, в ряду з правилами техніки безпеки, інших правил охорони праці. Застосування її можливо, якщо порушення вимог, вміщених у відповідних правилах, створило небезпеку для життя або здоров'я працюючого на виробництві або спричинило нещасні випадки з людьми. Небезпека для життя або здоров'я людини, про що сказано в ч. 1 ст. 135 КК України повинна бути реальною, свідчити про появу у конкретному трудовому процесі негативного стану (загрози), коли з необхідністю можуть наступити обумовлені в законі тяжкі наслідки. З цього випливає, що дана норма призначена охороняти заходами кримінально-правового характеру безпеку праці, яка а свою чергу ділиться на технічну

¹ Бюллетень Верховного Суду СРСР. – 1987. – № 1. – С. 15.

і санітарну¹. Поза межами кримінального закону залишилися порушення тих правил промислової санітарії, додержання вимог яких забезпечує нешкідливість виробництва. Такий стан захищає працюючих на виробництві від впливу несприятливих для здоров'я факторів (високі рівні шуму, вібрації, іонізуючі, теплові і інші випромінювання, запиленість, загазованість, контакт з новими хімічними речовинами, матеріалами і таке інше). Норми закону повинні запобігати або зменшувати вплив на працюючих виробничих факторів, негативні властивості яких виявляються тільки з часом, призводячи до суттєвого погіршення стану здоров'я, передчасного професійного захворювання, смерті людини. Слід правильно оцінювати суспільну небезпеку впливу на людину несприятливих для здоров'я факторів. Наприклад, за даними американського Національного інституту захисту здоров'я на робочих місцях в США в 1987 р. від нещасних випадків загинуло 11 тис. чоловік, а від професійних захворювань померло в тому ж році понад 70 тис. чоловік. Професійні захворювання, роблять висновок вчені цього інституту, є однією із найбільш поширених причин передчасної смерті людини². Треба гадати, що і в нашій країні показник передчасної смерті людини від професійних захворювань є теж високий. Виходячи з наведених міркувань і показників, вважаємо доцільним постановку питання про введення кримінальної відповідальності за порушення вимог по забезпеченню нешкідливості виробництва. Така відповідальність, зокрема, може мати місце стосовно службової особи, яка раніше вже підлягала адміністративному чи дисциплінарному впливу за порушення правил промислової санітарії, але не зважаючи на це, продовжує такі діяння.

КОНСТИТУЦІЯ І КРИМІНАЛЬНО-ПРОВА ОХОРОНА БЕЗПЕЧНОСТІ ВИРОБНИЦТВА*

Головним завданням кримінального законодавства є охорона суспільних відносин від злочинних посягань³. Певне місце в його системі займають кримінально-правові норми, безпосереднє завдання яких полягає в охороні безпеки виробництва. У КК України вони містяться

* Радянське право, 1992. – № 10. – С. 35-37.

¹ Див.: ГОСТ 12.0.002-80. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – М., 1980. – С. 2.

² Див.: *Правда України*. – 1990. – 4 верес.

* Радянське право, 1992. – № 10. – С. 35-37.

³ Див.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М., 1987. – С. 14.

в статтях 135, 218-220. Для захисту цих відносин застосовуються також норми, передбачені статтями 220¹, 221, 228⁵ КК України, які охороняють їх поряд з відносинами громадської безпеки. Включення вказаних норм до Кримінального кодексу зумовлено різними факторами: соціальними, економічними, політичними, психологічними та ін. Встановлення, розкриття змісту кожного з них окремо і у взаємозв'язку один з одним дозволяє пояснити соціальну та юридичну природу захисту відповідних суспільних відносин саме кримінальним законом, сприяє його розвитку, підвищує наукову обґрунтованість правової норми¹.

Серед факторів, які зумовлюють необхідність охорони безпеки виробництва законом, важливу роль відіграє фактор конституційної відповідності (конституційної адекватності)².

В умовах формування правової держави він уявляється настільки значущою соціальною категорією, що цілком може бути визнаний принципом кримінального права, нарівні з іншими його принципами.

Конституційна відповідність означає, що кримінально-правові норми (норма) не суперечать Основному Закону держави і достатньо реалізують проголошені в цьому Законі принципи і положення, які, маючи досить високий ступінь узагальненості і масштабності³, становлять юридичну базу кримінального закону⁴, містять найістотніші відправні ознаки соціальної зумовленості його норм, визначають основні тенденції розвитку останніх.

В свою чергу, кримінально-правові норми і за змістом і за формою також повинні відповідати Конституції, розвивати її, виступати реальною гарантією охорони проголошених у ній принципів і положень. «В основі кримінального права, – слушно зауважує В. М. Коган, – лежать претензії на юридичний захист визнаних панівних інтересів»⁵.

Безумовна відповідність будь-якої кримінально-правової норми загальним принципам права – важливий фактор її соціальної зумовленості⁶.

Для встановлення конституційної відповідності норм необхідно знати зміст певних принципів і положень Основного Закону, що може мати не тільки теоретичне, а й не менш важливе практичне значення.

¹ Таций В. Я. Право иметь право // Правда Украины. – 1991. – 10 янв.

² Основания уголовно-правового запрета. – М., 1982. – С. 230-231.

³ Зивс С. А. Конституция СССР в системе советского законодательства // Сов. государство и право. – 1978. – № 6. – С. 14-16.

⁴ Бажанов М. И. Основы уголовного законодательства и Уголовный кодекс // Проблемы соц. законности. – Харьков, 1991. – Вып. 26. – С. 11.

⁵ Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М., 1983. – С. 29.

⁶ Основания уголовно-правового запрета. – С. 229.

Конституційні норми, які безпосередньо зумовлюють необхідність спеціального правового регулювання й охорони відносин безпеки виробництва, в тому числі нормами КК України, містяться в статтях 21, 40 і 58 Конституції України.

У ст. 40 закріплено право громадян на охорону здоров'я. В юридичній літературі зазначається, що це право є складним і включає як складові елементи щонайменше дві правомочності: право всіх громадян на одержання безоплатної медичної допомоги, яка надається державними закладами охорони здоров'я, і право на охорону здоров'я в процесі праці¹.

В системі конституційних прав громадян право на охорону здоров'я в процесі праці займає важливе місце, що зумовлено його особливою цінністю серед належних людині соціальних благ. «Дане право, – писав С. А. Голощاپов, – становить одну з головних сторін права на охорону здоров'я громадян СРСР, яке має загальний характер, є його невід'ємною і важливою частиною, котра має самостійне значення, особливий аспект»².

Право на охорону здоров'я в процесі праці охоплює всі форми суспільно корисної діяльності людини, включаючи виробничу. Сформульоване найзагальнішим чином, воно включає і право на охорону життя – найвищої людської цінності. Тому більш точно говорити, в тому числі й у тексті Конституції, про право на охорону життя і здоров'я.

Це право також включає і право на стани (умови, середовище), які необхідні людині для збереження цих, даних їй природою цінностей при використанні технічних засобів, роботі на виробництві, виконанні службового завдання, в багатьох інших випадках. На виробництві такими станами є його безпека і нешкідливість.

Стосовно до виробництва під безпекою розуміють технічний стан, за якого можливість вражаючої дії на людину небезпечних виробничих факторів нейтралізується³.

Даний стан встановлюється і контролюється людиною і є предметним ядром відповідних суспільних відносин. Стан же нешкідливості відвертає або зменшує несприятливий вплив на здоров'я людини шкідливих факторів. У момент безпосереднього впливу на людину ці фактори негативно впливають на неї лише незначною мірою (без видимих змін). І тільки з часом їх вплив призводить чи може призвести

¹ Голощاپов С. А. Правовые проблемы охраны труда в СССР. – М., 1982. – С. 154.

² Голощاپов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. Автореферат дисс... докт. юрид. наук. – М., 1983. – С. 13.

³ Див.: ГОСТ 12.0.002-80. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – М., 1980. – С. 2.

до істотного погіршення стану здоров'я, передчасних професійних захворювань.

Проголошуючи право на охорону здоров'я, ст. 40 Конституції України вказує і на найважливіші заходи, необхідні для його забезпечення, що робить зазначене право реальним. Це, зокрема, розвиток і вдосконалення техніки безпеки і виробничої санітарії, проведення широких профілактичних заходів, оздоровлення навколишнього середовища. Наведені положення підтверджують висновок, що конституційне право на охорону здоров'я охоплює і виробництво, де заходи щодо безпеки і нешкідливості є необхідною умовою збереження життя і здоров'я працюючих, а у певних випадках і сторонніх осіб.

Виходячи з соціальної значущості захисту життя і здоров'я працюючих на виробництві, наявності в суспільстві складних організаційно-технічних та правових систем по забезпеченню цих інтересів людини, пропоную виділити в новій Конституції України як самостійне положення право громадянина на охорону його життя і здоров'я в процесі суспільної праці.

Поряд з проголошенням права людини на охорону здоров'я Основний Закон України закріплює положення, яке зобов'язує державу піклуватися про умови й охорону праці, розвивати і вдосконалювати ці відносини. У ст. 21 сказано: «Держава дбає про поліпшення умов і охорону праці, її наукову організацію, про скорочення, а надалі і повне витіснення важкої фізичної праці на основі комплексної механізації і автоматизації виробничих процесів у всіх галузях народного господарства». Виходячи з цих конституційних положень, держава виступає організатором безпеки і нешкідливості умов праці; приймає правові норми, спрямовані на її охорону, і стежить за їх додержанням на підприємствах, в організаціях, кооперативах; планує і фінансує заходи з техніки безпеки і виробничої санітарії; організує наукову діяльність, добивається використання з метою оздоровлення умов праці найновіших досягнень науки і техніки.

На жаль, зусиль по поліпшенню умов і охорони праці, які докладаються державою, її виконавчими органами, явно замало. Суспільне господарство постійно зазнає великих втрат у зв'язку з нещасними випадками на виробництві. Так, у 1989 р. кількість потерпілих в колишньому СРСР в розрахунку на 10 тис. працюючих збільшилась порівняно з 1988 р. на 2 відсотки, а із смертельними наслідками – на 3 відсотки. Пов'язані з цим втрати робочого часу становили 16 млн. людино-днів¹.

Таке тривожне становище вимагає більш активного пошуку шляхів ефективного зниження виробничого травматизму, в тому числі за допомогою більш суворих нормативних приписів, розширення кола

¹ Охрана здоровья в СССР. Статистический сборник. – М., 1990. – С.4.

суб'єктів, відповідальних за охорону життя і здоров'я людей на виробництві.

В умовах переходу до нової системи господарських відносин і розширення у зв'язку з цим кола суб'єктів виробничої діяльності (за рахунок підприємств, що є власністю окремих громадян, або колективних, спільних та орендних) в Основному Законі доцільно навести більш розгорнутий перелік суб'єктів, відповідальних за охорону праці, безпеку і нешкідливість виробництва. Наприклад, ст. 21 Конституції України могла б мати таку редакцію: «Держава, її органи, підприємства, установи і організації, кооперативи, громадські організації та окремі наймачі зобов'язані піклуватися про охорону праці, поліпшення її умов та наукової організації, про створення безпечних і нешкідливих виробництв, про скорочення, а надалі і повне витіснення важкої фізичної праці на основі комплексної механізації і автоматизації в усіх галузях виробничої діяльності людини».

Безпека і нешкідливість виробництва залежить не тільки від організаційних, профілактичних, контрольних заходів, проваджуваних державою, її органами, профспілками, службовими особами відповідних підприємств, організацій, кооперативів, а й від працівника – безпосереднього суб'єкта трудової діяльності, від його ставлення до додержання правил техніки безпеки, промислової санітарії, інших правил охорони праці. Саме тому ст. 58 Основного Закону України зобов'язує громадян додержувати трудової дисципліни в обраній ними галузі суспільно корисної діяльності. Проголошення такого обов'язку є важливою конституційною передумовою формулювання правових норм (в тому числі кримінальних) про відповідальність працівника за серйозне порушення ним вимог безпеки і нешкідливості виробництва.

Конституційні положення про охорону здоров'я громадян, в тому числі на виробництві, як уже зазначалось, мають загальний характер. Вони виступають правоутворюючою основою існування і розвитку законів та підзаконних актів, які безпосередньо охороняють здоров'я людини. Ці закони й акти поширюються на всі сфери суспільно корисної діяльності людини, в тому числі на виробничу. Проте остання внаслідок її специфіки і масштабності вимагає створення особливої правової системи захисту життя і здоров'я, інших соціальних благ працюючих, а також сторонніх для виробництва осіб. Складовим елементом такої системи є норми кримінального права, які охороняють безпеку виробництва. Тому, незважаючи на відносно рідке застосування цих норм у судовій практиці, включення їх до Кримінального кодексу слід розглядати як необхідну і важливу кримінально-правову гарантію додержання одного з основоположних прав людини, проголошених Основним Законом

України, – права громадянина на охорону здоров'я. Такі норми мають бути збережені і в майбутньому КК України.

Як бачимо, соціальна зумовленість кримінально-правової охорони безпеки виробництва, необхідність її дальшого розвитку впливають з конституційних положень про охорону здоров'я громадян. При цьому, слід зауважити, не потрібно, щоб такий зв'язок був буквальним. Важливо, щоб він був достатнім у принципі. В практичному плані цей фактор враховується насамперед шляхом постановки запитання: «Чи не суперечить у чому б то не було чинна чи пропонована норма кримінального закону Конституції України?» Із текстів статей 135, 218-221, 228⁵ КК України випливає, що між передбаченими ними нормами і наведеними вище конституційними положеннями суперечностей немає.

Разом з тим, констатація відсутності суперечностей ще не свідчить про достатність реалізації розглянутих конституційних положень у нормах Кримінального кодексу. Аналіз чинного кримінального законодавства, практики його застосування, а також норм державно-правового та трудового законодавства, які регулюють охорону праці, дає підстави твердити, що норми Кримінального кодексу України ще не повною мірою відповідають положенням Основного Закону щодо охорони здоров'я людини.

Як уже зазначалося, на виробництві така охорона досягається в основному за допомогою двох станів та відповідних їм видів суспільних, відносин: безпеки виробництва та його нешкідливості. Відносини нешкідливості забезпечуються за допомогою санітарних правил і правових норм, які регламентують їх застосування. Незважаючи на поширеність порушень цих правил, КК України не містить спеціальних норм, які охороняли б нешкідливість виробництва. Тільки в деяких випадках ці відносини виступають як додатковий об'єкт кримінально-правової охорони поряд з екологічною безпекою. Так, ст. 228 КК передбачає відповідальність за забруднення атмосферного повітря шкідливими для здоров'я людей відходами промислового виробництва. Очевидно, що зазначене діяння є небезпечним і для осіб, які працюють на виробництвах, що стали джерелами такого забруднення.

Проте факторів, які можуть несприятливо впливати на організм працюючого, набагато більше. До них, зокрема, належать: вібрація, теплові, електромагнітні та іонізуючі випромінювання, підвищені шуми. Наявність таких факторів вимагає створення на виробництві стану (умов) нешкідливості, забезпечуваного організаційно-технічними заходами та правовими нормами. Адже шкідливість впливу на людину несприятливих для здоров'я факторів не можна недооцінювати. Наприклад, за даними Національного інституту захисту здоров'я на робочих місцях

(США) в 1987 р. у цій країні від професійних захворювань померло понад 70 тис. чоловік. За висновком вчених цього інституту, зазначені захворювання є однією з найпоширеніших причин передчасної смерті людини¹. На жаль, нам не відомі такі дані по Україні, але деякі опубліковані цифри про професійні захворювання дають підстави для висновку, що негативний вплив несприятливих факторів на людину є досить значним. Так, у 1989 р. в усьому колишньому СРСР кількість потерпілих від професійних захворювань становила близько 15,3 тис. чоловік, в УРСР – 2852 чоловіки, причому у 2763 з них ці хвороби були хронічними².

Сказане зумовлює порушення питання про введення до Кримінального кодексу норм, які охороняли б і нешкідливість виробництва. Зрозуміло, що вирішити це питання можливо лише «в певних межах»³. Кримінальна відповідальність є допустимою, наприклад, у разі систематичних порушень службовою особою санітарних норм на виробництві і безуспішності боротьби з цим іншими, менш репресивними заходами. Або коли такі порушення, здійснювані протягом якогось часу, стали основною причиною тяжких професійних захворювань у значної кількості працівників даного виробництва.

Отже, норми чинного КК України, які охороняють безпеку виробництва, відповідають Конституції України. Разом з тим під захист кримінального закону слід поставити і відносини, що забезпечують нешкідливість виробництва. І взагалі, що стосується перспектив розвитку кримінального законодавства, очевидно, що фактор конституційної відповідності обов'язково має враховуватись як при опрацюванні нових кримінально-правових норм, так і при обґрунтуванні збереження певних норм у чинному КК України.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА*

Для организации и обеспечения отношений безопасности производства и условий его безвредности используется достаточно сложная

¹ Див.: Правда Украины. – 1990. – 4 сент.

² Охрана здоровья в СССР. Статистический сборник. – М., 1990. – С. 171.

³ Дагель П.С. Установление уголовной наказуемости // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 68.

* Проблемы законности. Республиканский межведомственный научный сборник. – Выпуск 29. – Харьков, 1995. – С. 107-113.

система законов и подзаконных актов, относящихся к различным отраслям права (трудового, природоохранительного, гражданского, хозяйственного, административного и др.), а также технические нормы. Нормы об ответственности за посягательства на безопасность производства содержит и действующий УК Украины в ст. 135, 218-220, 221, 228⁵. Заключение в этих статьях предписания представляют в системе Особенной части УК своеобразное нормативное образование, общим признаком которого является функция охраны отношений безопасности производства от преступных посягательств.

В связи с этим интерес представляет вопрос о месте норм УК в общей системе правового обеспечения отношений безопасности производства, их назначении, взаимосвязи с нормами иных отраслей права, а также техническими нормами.

Известно, что правовые нормы, обеспечивающие организацию общественных отношений, подразделяются на регулятивные и охранительные [7, с. 9-10]. В теории права отмечается, что нормы, в состав которых входит юридический факт, связанный с предоставлением субъектам и участникам отношений прав и возложением на них обязанностей в целях обеспечения нормальной организации общественных отношений, являются регулятивными [2, с. 67]. К ним в рассматриваемой системе относятся нормы: а) непосредственно регулирующие организацию отношений безопасности производства; б) определяющие деятельность по надзору и контролю за соблюдением нормативно-технических требований техники безопасности, промышленной санитарии, безопасности производственного оборудования и производственных процессов, средств индивидуальной защиты работающих, иных мер охраны труда; в) регламентирующие деятельность профсоюзов по вопросам охраны труда и некоторые другие [3, с. 100]. В качестве примеров регулятивных норм можно назвать: ст. 153-157 гл. XI «Охрана труда» КЗоТ Украины; Положение о разработке инструкций по охране труда [9, с. 3-17]; Типовое положение для инженерно-технических работников, осуществляющих надзор на предприятиях и в организациях за содержанием и безопасной эксплуатацией подъемных сооружений [9, с. 282-286].

Предметным содержанием значительной части регулятивных норм, которыми обеспечивается нормальная организация отношений безопасности производства, являются технические нормы. С. А. Голощاپов, характеризуя их, писал: «Технические нормы (в широком смысле) содержат требования по охране труда к средствам и предметам труда, и потому они составляют содержание правовых норм, регулирующих различные виды общественных отношений, т. е. норм, относящихся к различным

отраслям права» [3, с. 72]. В технических нормах формулируются обязательные для поддержания состояния безопасности и условий безвредности требования, основанные на законах механики, физики, химии, других сил природы с учетом психофизиологических возможностей человека в системе «человек – техника – производственная среда». Они оформляются в правила, инструкции, стандарты и другие нормативно-технические акты. На необходимость их исполнения (порядок, условия) указывается в нормах трудового, аграрного, административного, гражданского, других отраслей права. Иначе говоря, в целях обеспечения нормальной организации отношений безопасности производства технические нормы включаются в качестве составного элемента правовых норм. С помощью регулятивных механизмов, заложенных в правовых нормах, технические нормы приводятся в исполнение.

Особую группу в системе правового обеспечения составляют охранительные нормы. Они устанавливают правовые последствия правонарушений или других обстоятельств, препятствующих осуществлению регулятивных норм [7, с. 9-10]. По мнению С. С. Алексеева, к правоохранительным относятся «нормы, направленные на регламентацию мер юридической ответственности, а также специфических государственно-принудительных мер защиты субъективных прав и превентивных средств (обобщенно-санкций)... Своеобразие охранительных норм, – пишет далее он, – состоит в том, что они всегда содержат юридическую санкцию» [1, с. 237]. Расположенные в различных отраслях права, в том числе уголовном, они действуют лишь в связи с регулятивными нормами. Охранительная норма, – замечает П. Ф. Елисейкин, – вне отношения к регулятивной норме бессмысленна [4, с. 28]. В то же время регулятивная норма хотя и первична по отношению к охранительной, но вне связи с ней теряет качество принадлежности к праву. Ведь, «юридическая», «правовая» – это значит, применительно к норме, исходящая от государства и поддерживаемая (охраняемая) соответствующими санкциями. Только в связи с охранительной нормой регулятивная может быть воспринята как юридический феномен [4, с. 28]. Поэтому, надо полагать, регулирование и охрана общественных отношений, в том числе по безопасности производства, особенно ввиду того, что они предусмотрены различными отраслями права, должны быть и согласованными, и взаимосвязанными.

В связи с изложенным возникает вопрос о взаимодействии охранительных норм с техническими. Как было отмечено, последние приводятся в исполнение с помощью регулятивных норм: как действуют технические нормы, при каких условиях, кто является субъектом их

исполнения – ответ дают регулятивные нормы. Что касается охранительных, то они обеспечивают исполнение технических норм путем угрозы ответственности и ее применения к отдельным субъектам правоотношений (правонарушителям). Таким образом, связь между охранительной и технической нормой опосредуется через действие регулятивной нормы. Поэтому применение охранительной нормы, в том числе уголовно-правовой, в связи с нарушением субъектом требований безопасности производства, возможно лишь через познание содержания механизма действия регулятивной нормы.

Специфика правового обеспечения отношений безопасности производства такова, что одни из них, регулируемые определенной отраслью права, охраняются ее же нормами, другие требуют применения к правонарушителям норм иных отраслей права. Так, соблюдение норм административного права обеспечивается в основном санкциями этой же отрасли. Соблюдение же норм трудового права, регулирующих рассматриваемые отношения, – не только санкциями данной отрасли (дисциплинарные взыскания, возмещение материального ущерба), но и санкциями административного и уголовного закона.

В литературе справедливо отмечается, что вид ответственности определяется не только принадлежностью к той или иной отрасли права, но и главным образом характером правонарушения, степенью его тяжести [8, с. 164-165]. «Высокая общественная опасность правонарушения может обусловить такие меры государственного принуждения, которые по своему характеру не устанавливаются той отраслью права, чьи нормы нарушены» [7, с. 22]. В силу особой серьезности последствий, которые могут наступить в результате неисполнения технических норм, обязательное соблюдение которых предусмотрено регулятивными отраслевыми нормами, ответственность за наиболее общественно опасные их нарушения выносится за пределы отраслевого законодательства (трудового, гражданского и др.), устанавливается в нормах административного и уголовного права. Так, ст. 265 КЗоТ Украины определяет, что должностные лица, виновные в нарушении законодательства о труде и правил по охране труда, в невыполнении обязательств по коллективным договорам или соглашениям по охране труда или в препятствовании деятельности профсоюзных организаций, несут ответственность в порядке, установленном законодательством Украины. Речь идет о дисциплинарной, материальной, административной и уголовной ответственности. Но если порядок применения дисциплинарной ответственности предусмотрен в ст. 147-152 КЗоТ Украины, а материальной – ст. 130-138 этого Кодекса, то вопросы применения административной и уголовной

ответственности рассматриваются вне его рамок – в нормах административного и уголовного закона.

Следовательно, специфика системы отношений безопасности производства такова, что их охрана законодателем предусматривается санкциями, как административного и уголовного, так и соответствующих отраслей законодательства. В ряду охранительных норм уголовно-правовые устанавливают наиболее строгие меры борьбы с неисполнением субъектом требований, содержащихся в технических нормах. Поэтому применяются они (или должны применяться), когда иные меры воздействия не могут дать желаемого результата и дальнейшее поведение субъекта становится очевидно опасным. Например, субъект, несмотря на меры правового воздействия, которые были применены ранее к нему, продолжает отступать от требований технических норм, относится к их соблюдению беспечно. Это также случаи, связанные с наступлением реальных, достаточно значительных по степени тяжести последствий – средней тяжести или тяжкие телесные повреждения, смерть человека, значительный материальный ущерб. Применение мер уголовной ответственности к лицам, вызвавших своим поведением наступление указанных последствий, воспринимается общественным сознанием как достаточно строгая, но справедливая мера правового реагирования на допущенное общественно опасное деяние (см., напр.: ч. 2 ст. 135, ч. 2 ст. 218 УК Украины). Норма уголовного закона, – пишет В. Н. Кудрявцев, – должна предусматривать те и только те деяния, которые действительно опасны для общества и с которыми вести борьбу можно только уголовно-правовыми средствами» [6, с. 6]. Там, где желаемый результат достигим применением не столь репрессивных мер – административных, дисциплинарных, гражданско-правовых, – уголовная ответственность нецелесообразна. Уместно обратиться и к рекомендациям XII Конгресса международной ассоциации уголовного права, где сказано: «Неосторожные нарушения менее серьезного характера должны влечь за собой административную ответственность или гражданскую санкцию. Социальные и просветительные меры должны применяться достаточно широко для предотвращения и сдерживания этих менее серьезных неосторожных деяний» [10, с. 2]. Именно поэтому представляется важным при конструировании уголовно-правовых норм вводить в их тексты признаки, которые позволяли бы четко проводить отличие их от охранительных норм иных отраслей права.

Специалисты, изучая место уголовно-правовых норм в правообеспечивающей системе, задаются вопросом: какие нормы нарушаются совершением преступления. Так, В. М. Коган полагает, что «преступ-

ление и нарушает уголовно-правовую норму, и служит условием ее применения» [5, с. 34]. С ним не согласен Е. Я. Мотовиловкер. «Нарушенная преступлением норма, – пишет он, – является *другой* нормой по отношению к охранительной уголовной норме, указывающей в своей гипотезе на факт преступления» [7, с. 22-23]. Для ответа на этот вопрос необходимо определить источник запрета в системе правовых норм. В нашем случае это запрет на нарушение требований технических норм. Где, каким образом он обозначен в норме права и содержится ли запрет в уголовно-правовой норме? Обратимся вновь к мнению Е. Я. Мотовиловкера: «Запрещающая норма, – полагает он, – соответствует охранительной норме, связана с ней, но является внешней (другой) по отношению к последней. Соблюдение запрета связано с поддержанием нормального хода общественных правоотношений. Поэтому запрещающая норма носит регулятивный характер» [7, с. 23]. Однако формирование запрета в среде регулятивных норм не исключает, как представляется, возможности воспроизведения его в уголовно-правовой норме или же самостоятельного оформления в норме УК специальных запретов в отношении отдельных форм антиобщественного поведения. Для воспроизведения запрета в уголовно-правовой норме законодатель, конструируя ее, использует бланкетную диспозицию. В диспозиции запрет повторяется самым общим образом (из числа рассматриваемых нами практически все нормы имеют такие диспозиции). Конкретные же запретительные меры формулируются в нормах иных отраслей права, регулирующих отношения безопасности производства. Используя регулятивные нормы, законодатель также указывает в них субъектам общественных отношений на серьезные правовые последствия, которые ожидают нарушителя, включая применение уголовной санкции. Поэтому, если рассуждать о функциональном назначении рассматриваемых норм УК, то главное для них – не запрет на нарушение-деяние (он уже был конкретно обозначен в регулятивной норме), а угроза применения серьезных санкций. Просматривается еще одна особенность анализируемых норм УК. Она заключается в том, что формулируемый в них запрет должен охватывать всю возможную совокупность регулятивных норм, вне зависимости от их отраслевой принадлежности, вида производства. Поэтому запрет в норме УК и формулируется, как правило, общим образом. Из этого следует, что, совершая деяние, предусмотренное нормой УК, имеющей бланкетную диспозицию, субъект нарушает положения, сформулированные регулятивной нормой другой отрасли права. К этим положениям и отсылает норма УК, когда возникает вопрос о ее применении. Далее, поскольку предметной основой регулятивных

норм, обеспечивающих безопасность производства, являются технические нормы, то нарушение (действие, бездействие) должно находиться в связи с конкретными их требованиями. Такая связь заключается в неисполнении, ненадлежащем исполнении или совершении действий вопреки требованиям технических норм.

Однако имеются уголовно-правовые нормы, содержащие в диспозициях непосредственные запреты на определенные деяния. Между ними и регулятивными нормами нет жесткой корреляционной зависимости. Установление запрета, предусмотренного этими нормами, возможно вне связи с иными отраслями права. Деяние, запрет на совершение (несовершение) которого содержится в них, очевидно, элементарно для осознания его общественной опасности. Совершить его может практически любое лицо, обладающее общими признаками субъекта. Законодатель, формулируя такое деяние в уголовно-правовой норме, исходит, как правило, из норм общей предосторожности – неписаных правил поведения, выработанных человеческим опытом. Именно по этим основаниям, в связи с нарушением на производстве общих норм предосторожности, применяются ст. 98 и 105 УК Украины.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

Правовые нормы, обеспечивающие безопасность производства, в своей совокупности должны обладать признаками межотраслевого системного правового образования (со своими объектом, элементами и связями). Общим объектом регулирования и охраны этого образования являются соответствующие общественные отношения. Уголовно-правовые нормы, охраняющие эти отношения, являются элементом (частью) такого образования. Они должны обладать признаками, качественно отличающими их от иных охранительных норм.

Уголовно-правовые нормы, охраняющие отношения безопасности производства, будучи бланкетными, обладают только относительной самостоятельностью – в части использования санкции. Что касается реального их применения, то оно возможно только в сочетании с регулятивными нормами других отраслей права.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2-х томах. – Свердловск, 1972, т. 1.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1982, т. 2.
3. Голощапов С. А: Правовые вопросы охраны труда в СССР. – М, 1982.
4. Елисейкин П. Ф. Правоохранительные нормы / Понятие, виды, структура // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1977, вып. 2.

5. Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. – Алма-Ата, 1966.
6. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981.
7. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – Воронеж, 1990.
8. Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М., 1963.
9. Охрана труда в машиностроении: Сб. нормат.-тех. документов. – М., 1990, т. 1.
10. Рекомендации XII конгресса Международной ассоциации уголовного права. – М.: ВЮЗИ, 1979.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ*

Торговля людьми, особенно молодыми женщинами и девушками, получила сегодня достаточно широкое распространение в мире. Как отмечается в третьем ежегодном Докладе о торговле людьми, поданном на рассмотрение Конгресса США, в течение 2002 г. около 900 тыс. человек в мире были куплены, проданы, перевезены и удерживались в условиях рабства¹. По размерам получаемого вследствие осуществления преступной деятельности дохода торговля людьми занимает третье место после торговли наркотиками и оружием. Доходы от этого вида преступного бизнеса приносят ежегодно современным работоторговцам 3,5 млрд. долл.²

Международное сообщество много уделяет внимания борьбе с этим социально опасным явлением. Запрет на торговлю людьми предусмотрен, в частности, в таких международно-правовых актах, как Общая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о запрете торговли людьми и эксплуатации проституции третьими лицами 1949 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Дополнительная конвенция о запрете рабства, работоторговли, а также аналогичных рабству институтов и практики 1956 г., Протокол о предупреждении и прекращении торговли людьми, в особенности женщинами и девушками, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и других.

* Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах – Вып. 3. – Москва: Юристь, 2003. – С. 90-94.

¹ См.: Торгівля людьми: світ і Україна // Урядовий кур'єр, 2003. – 14 июня.

² См. Ларін М. Тіньовий ВВП // Юридичний вісник України, 2003. – 28 июня – 4 июля.

В соответствии с этими актами и в связи с необходимостью усиления борьбы с торговлей людьми, которая в последние годы стала приобретать характер распространенного и опасного для украинского общества явления, Кабинет Министров Украины утвердил Программу предотвращения торговли женщинами и детьми (постановление № 1768 от 25 сентября 1999 г.¹). Требования по усилению борьбы с этим явлением также содержатся в Указе Президента Украины № 20 от 18 января 2001 г. «О дополнительных мерах по предотвращению исчезновения людей, совершенствованию взаимодействия правоохранительных и иных органов исполнительной власти по их поиску»². Благодаря этим мерам органы МВД Украины возбудили в 2002 г. по торговле людьми 169 уголовных дел, из которых 41 передали в суд³.

Впервые в Украине уголовная ответственность за торговлю людьми была установлена Законом Украины от 24 марта 1998 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в связи с принятием Закона Украины «О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье Украины». В соответствии с этим законодательным актом УК Украины 1960 г. был дополнен ст. 124-1 «Торговля людьми». В новом УК Украины, который был принят Верховной радой Украины 5 апреля 2001 г., уголовная ответственность за торговлю людьми или иную незаконную сделку о передаче человека предусмотрена в ст. 149. По мнению специалистов, редакция этой статьи является более удачной, определение торговли людьми стало отвечать международным нормам⁴.

Согласно части первой этой статьи, продажа, иная оплаченная передача человека, равно осуществление в отношении него какой бы то ни было иной незаконной сделки, связанной с законным или незаконным перемещением с его согласия или без его согласия через государственную границу Украины для дальнейшей продажи или иной передачи другому лицу (лицам) в целях сексуальной эксплуатации, использования в порнобизнесе, вовлечения в преступную деятельность, втягивания в долговую кабалу, усыновления (удочерения) в коммерческих целях, использования в вооруженных конфликтах, эксплуатации его труда. В части второй этой статьи ответственность предусмотрена за те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего, нескольких

¹ Офіційний вісник України, 1999. – № 39. – Ст. 1947.

² Офіційний вісник України, 2001. – № 3. – Ст. 58.

³ См.: Торговля людьми: світ і Україна // Урядовий кур'єр, 2003. – 14 июня.

⁴ См.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Під загальною редакцією М.О. Потебенька, В.Г. Гончаренка. – Київ, 2001. – Особлива частина. – С. 118.

лиц, повторно, по предварительному сговору группой лиц, с использованием служебного положения или лицом, от которого потерпевший находился в материальной или иной зависимости. По части третьей ответственность наступает за действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или связанные с незаконным вывозом детей за границу либо невозвращением их в Украину, или с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации либо насильственного донорства, или если повлекли тяжкие последствия.

Как видим, в ч. 1 ст. 149 УК Украины диспозиция уголовно-правовой нормы сформулирована достаточно сложно, что порождает среди ученых и практических работников разные толкования признаков состава преступления, ею предусмотренного. Требуют специального анализа также обстоятельства,отягчающие ответственность, указанные в ч. 2 и ч. 3 этой статьи.

Объектом этого преступления являются *общественные отношения, обеспечивающие личную свободу человека*. По мнению В.А. Козака, под свободой, исходя из ее философского содержания, следует понимать объективно существующее естественное и неотъемлемое право (меру возможного поведения) каждого человека осуществлять поступки в соответствии со своим сознанием и волей¹. *Потерпевшим* от преступления может быть любое лицо мужского или женского пола. Если лицо не достигло 18 лет, то действия субъекта преступления квалифицируются по ч. 2 ст. 149, поскольку несовершеннолетие потерпевшего выступает в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность за это преступление. Некоторые исследователи считают человека, которым торгуют, предметом преступления². С такой позицией нельзя согласиться, так как предметом преступления может быть вещь (или совокупность вещей) материального мира, обладающая определенными признаками (например, физическим, экономическим, юридическим), по поводу которой совершается преступление. Предметом преступления может выступать также информация, энергия, человеческая деятельность и другие материальные субстраты общественного отношения³. От предмета преступления надо отличать предмет общественного отношения. Это

¹ См.: Козак В. А. Кримінальна відповідальність за торгівлю людьми (аналіз складу злочину): Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Харків, 2003. – С. 8.

² См.: Орлеан А. М. Соціальна обумовленість криміналізації та кримінально-правової характеристики торгівлі людьми: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Харків, 2003. – С. 10.

³ См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т. I. Преступление / Под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток, 1999. – С. 309-311.

блага (социальная ценность, право, интерес и т.п.), в связи с которым существует общественное отношение. В рассматриваемом нами преступлении – это личная свобода человека. Потерпевший в отличие от предмета преступления, является одним из участников общественного отношения, охраняемого уголовным законом.

Объективная сторона. Согласно диспозиции ч. 1 ст. 149 УК Украины, деяние может иметь следующие формы: продажа человека (1); иная оплачиваемая передача человека (2); осуществление в отношении человека какой бы то ни было иной незаконной сделки, связанной с законным либо незаконным перемещением с его согласия или без его согласия через государственную границу Украины (3). Торговля людьми является преступлением с формальным составом. Установление одного из указанных видов деяния достаточно для констатации его объективной стороны.

Продажа человека – это безвозвратная передача за определенное денежное вознаграждение человека, являющегося своеобразным живым товаром, иному лицу, выступающему покупателем. При передаче потерпевшего к нему может быть применено физическое или психическое насилие, или обман. Передача человека может быть осуществлена также путем использования его беспомощного (вследствие малолетства, психического заболевания, состояния алкогольного или наркотического опьянения и т.п.) состояния. Деяние считается *законченным* с момента получения покупателем человека или установления в отношении потерпевшего фактического владения.

Иная платная передача человека включает действия, не связанные с продажей человека за денежное вознаграждение. Например, путем обмена его на вещи, передачи под залог, сдачи внаем, в счет долга, осуществления определенных услуг имущественного характера в пользу виновного лица **или** иных лиц, в пользу которых действует виновный. Такая передача может быть, как безвозвратной, так и на **определенный** срок. Как и при продаже, деяние совершается либо с применением насилия (физического или психического), либо без насилия путем обмана или путем использования беспомощного состояния потерпевшего. Деяние будет *законченным* с момента принятия человека иным лицом или установления над потерпевшим фактического владения лицом, которому он был предан.

По мнению ряда специалистов, ст. 149 УК Украины не устанавливает ответственности за действия, направленные на торговлю людьми или совершение иных незаконных сделок с потерпевшим в пределах Украины¹. Логико-нормативный анализ указанных действий, их сопоставление с описанием в законе третьего действия дают основную для

¹ См.: Торговля людьми: світ і Україна // Урядовий кур'єр, 2003. – 14 июня.

вывода, что продажа человека и другая его платная передача могут быть осуществлены как в пределах Украины, так и с перемещением потерпевшего, в отношении которого осуществляются эти действия, за границу или из-за границы.

Осуществление в отношении человека какой бы то ни было иной незаконной сделки, связанной с законным или незаконным перемещением с его согласия или без согласия через государственную границу Украины. Это действие включает случаи передачи человека иному лицу за денежное или иное вознаграждение, или за получение услуг материального или нематериального характера, или вообще без какой-либо оплаты для дальнейшей продажи или осуществления в отношении этого человека иной незаконной передачи другому лицу (лицам). Обязательными условиями такой сделки являются достижение договоренности с получателем, что человек будет перемещен через государственную границу Украины и за пределами Украины будет осуществлена дальнейшая продажа получателем этого человека или другая его передача иному лицу (лицам). По договоренности сторон незаконной сделки перемещение человека через государственную границу обеспечивается или лицом, которое передает человека, или лицом, которое его получило для дальнейшей продажи или иной передачи. *Моментом окончания* этого действия является непосредственное принятие иным лицом (стороной сделки) человека в пределах Украины или за ее пределами для дальнейшего осуществления условия сделки относительно его продажи или иной незаконной передачи за пределами Украины иному лицу (лицам). Перемещение потерпевшего через границу может быть законным или незаконным. Оно может быть осуществлено с согласия человека на такое его перемещение через государственную границу Украины или без его согласия. Перемещение через границу потерпевшего без согласия может сопровождаться применением к потерпевшему насилия или путем использования его беспомощного состояния, или путем обмана в отношении действительной цели его перемещения через государственную границу Украины. Некоторые украинские исследователи считают, что указанный вид преступного деяния является оконченным с момента перемещения человека через государственную границу Украины¹. С таким мнением трудно согласиться. Лицо, принимающее (получающее) потерпевшего от исполнителя этого действия, выполняет промежуточную (посредническую) функцию в общей цепи действий, направленных на продажу или иную передачу человека другому лицу (лицам), находящемуся

¹ См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 г. / Под ред. Н. И. Мельника, Н. И. Хавронюка. Киев, 2002. – С. 372.

за пределами Украины. Поэтому не имеет принципиального значения, где принят человек, для продолжения преступного действия: в пределах Украины или за ее пределами. Если передача человека была осуществлена за пределами Украины и этому предшествовало его незаконное перемещение через государственную границу, содеянное при наличии необходимых оснований может быть квалифицировано по совокупности преступлений: соответствующей части ст. 149 и ст. 332 «Незаконное перемещение лиц через государственную границу Украины» УК Украины.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел.

Мотивы. Продажа человека и иная платная передача человека осуществляются по корыстным мотивам. Этот признак субъективной стороны для таких действий является обязательным. При осуществлении в отношении человека любой иной незаконной сделки, связанной с перемещением его через государственную границу, мотивы могут быть различными. Поэтому для этого действия мотив является факультативным признаком. Его установление имеет значение для оценки степени общественной опасности совершенного действия.

Субъективная сторона этого преступления также связана с определенной *целью*, которую необходимо устанавливать, как признак состава преступления. Эта цель, исходя из текста ст. 149 УК Украины, может быть ближайшей и отдаленной (первичной и конечной). При продаже человека ближайшей целью совершения действия является получение денежного вознаграждения, при иной платной передаче – получение любой материальной выгоды. Что касается осуществления в отношении человека любой иной незаконной сделки, связанной с его перемещением через государственную границу Украины, то целью этого действия явился продажа человека или другая его передача за пределами Украины иному лицу (лицам), которую должна осуществить другая сторона этой сделки. Для наличия состава преступления следует устанавливать и отдаленную (конечную) цель. Перечень таких целей исчерпывающе определен в ст. 149 УК Украины. Это – использование потерпевшего с целью сексуальной эксплуатации, использование в порнобизнесе, вовлечение в преступную деятельность, вовлечение в долговую кабалу, усыновление (удочерение) в коммерческих целях, использование в вооруженных конфликтах, эксплуатация труда потерпевшего. Кроме указанных видов цели в ч. 3 ст. 149 УК Украины указано еще на цель изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации или насильственного донорства. Для состава преступления достаточным будет установить хотя бы одну из целей, указанных в ч. 1 или ч. 3 анализируемой статьи.

Важно подчеркнуть, что закон не требует, чтобы конкретная конечная цель была достигнута. Для наличия состава преступления достаточно, если виновный осознавал эту цель и действовал ради ее достижения.

Субъект преступления – физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. *Исполнителем* действий, которые составляют объективную сторону этого преступления, выступает лицо (лица), совершающее продажу или иную платную передачу человека, или осуществляющее в отношении его какую бы то ни было иную незаконную сделку, связанную с перемещением его через государственную границу Украины. При совершении последнего действия соисполнителем преступления выступает также лицо, которое принимает (получает) человека для дальнейшей его продажи или иной передачи. При совершении таким лицом последующей продажи или иной оплачиваемой передачи человека, его действия квалифицируются как самостоятельное преступление по ст. 149 УК Украины.

В ч. 2 ст. 149 УК Украины указаны обстоятельства, которые усиливают ответственность за совершение этого преступления: осуществление преступления в отношении несовершеннолетнего, нескольких лиц, повторно, по предварительному сговору группой лиц, с использованием служебного положения или лицом, от которого потерпевший был в материальной или иной зависимости.

Под *несовершеннолетним* понимается лицо, которому на время совершения в отношении его указанных в ч. 1 ст. 149 УК Украины действий не исполнилось 18 лет.

Совершение действий, указанных в части первой этой статьи, в отношении *нескольких лиц* означает, что они были совершены в отношении двух или более лиц и представляли собой единое преступление.

Повторным является совершение этого преступления лицом, ранее уже совершившим деяние, предусмотренное ст. 149 УК Украины. Если лицо не было судимо за ранее совершенное деяние, важно установить, что такое деяние не охватывалось единым умыслом с последующими действиями, содержащими признаки этой статьи. В отличие от повторности могут быть ситуации, когда субъект преступления имеет единый умысел на осуществление ряда противоправных действий в отношении нескольких лиц, однако осуществляет их не одновременно, а поэтапно по отношению к каждому потерпевшему. Такие действия не должны признаваться совершенными повторно¹.

¹ См.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / Під загальною редакцією М. О. Потєбенька, В. Г. Гончаренка. – С. 120.

Совершение преступления с *использованием служебного положения*. Это случаи совершения преступления специальным субъектом – должностным лицом путем использования предоставленных ему по службе прав или полномочий, в том числе и путем явного выхода за пределы таких прав и полномочий. Если торговля людьми или иная незаконная сделка по передаче человека осуществляются работником правоохранительного органа с использованием служебного положения, то они квалифицируются по совокупности ч. 2 или ч. 3 ст. 149 и ч. 3 ст. 364 УК Украины «Злоупотребление властью или служебным положением».

Совершение преступления *лицом, от которого потерпевший был в материальной или иной зависимости*. Материальная зависимость – это нахождение потерпевшего на содержании виновного или проживание на его жилой площади и тому подобное. Иная зависимость – это случаи как служебной, так и иной зависимости (например, лицо обладает конфиденциальной информацией относительно частной жизни потерпевшего, разглашение которой крайне нежелательно для него).

Часть 3 ст. 149 УК Украины содержит указание на совершение действий при отягчающих обстоятельствах: совершение их организованной группой, или если они были связаны с незаконным вывозом детей за границу либо невозвращением их в Украину, или с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации либо насильственного донорства, или если они повлекли тяжкие последствия.

Совершение преступления *организованной группой*. Согласно ч. 3 ст. 28 УК Украины, преступление признается совершенным такой группой, если в его приготовлении или совершении принимали участие три и более субъекта преступления, которые заранее организовались в устойчивое объединение для совершения этого и другого (других) преступлений, объединенных единым планом с распределением функций участников группы, направленных на достижение этого плана, известного всем участникам группы. Если действия, предусмотренные ст. 149, совершаются *преступной организацией*, то они квалифицируются по совокупности ч. 3 этой статьи и ч. 1 ст. 255 УК Украины «Создание преступной организации».

Совершение действий, предусмотренных ст. 149 УК Украины, если они были *связаны с незаконным вывозом детей за границу или невозвращением их в Украину*. Потерпевшим лицом от преступления в этом случае является ребенок (один или более), которому на время совершения соответствующих действий в отношении его не исполнилось 18 лет. В отличие от ч. 1 ст. 149 УК Украины в ч. 3 предусмотрены только

случаи незаконного перемещения ребенка за границу. Законное перемещение ребенка за границу, связанное с торговлей или иной сделкой по его передаче лицу, которое его приобретает, квалифицируется по ч. 2 ст. 149 УК Украины – по признаку совершения преступления в отношении несовершеннолетнего. Однако, если выезд за границу ребенка предусматривал его возвращение (при лечении, обучении и тому подобное) и он не возвратился вследствие запланированной до отъезда его продажи или совершения в отношении его иной незаконной сделки, то действия виновного лица квалифицируются по ч. 3 ст. 149 УК Украины с указанным отягчающим обстоятельством.

Торговля людьми или иная незаконная сделка по передаче человека, совершенные *с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации или насильственного донорства*. Указанная цель выступает альтернативой отдаленной (конечной) цели, указанной в ч. 1 ст. 149 УК Украины. Поэтому ее установление достаточно для квалификации действий виновного лица по ч. 3 этой статьи. Наличие этой цели означает стремление лица, совершившего преступление, осуществить без согласия потерпевшего хирургическое вмешательство в его организм, связанное с пересадкой его органов или тканей другому человеку. Насильственное донорство означает стремление взять кровь или ее компоненты у потерпевшего без его согласия и с применением физического или психического насилия в отношении его.

Тяжкими последствиями совершения этого преступления могут быть смерть потерпевшего, его самоубийство, тяжелая болезнь, в том числе психическая, оставление потерпевшего после «использования» в опасном для жизни состоянии и тому подобное. К тяжким последствиям как обстоятельству, отягчающему ответственность, можно относить лишь те, относительно которых виновный, совершающий предусмотренные в ч. 1 ст. 149 УК Украины действия, имеет умышленную или неосторожную форму вины.

Торговля людьми или иная незаконная сделка по передаче человека может сопровождаться или иметь своим последствием совершение иных преступлений, выходящих за пределы состава преступления, предусмотренного ст. 149 УК Украины. В таких случаях действия лица следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Наказывается это преступление по ч. 1 ст. 149 УК Украины лишением свободы на срок от трех до восьми лет, по ч. 2 ст. 149 УК Украины — лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет, по ч. 3 ст. 149 УК Украины — лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

КОРУПЦІЯ В УКРАЇНІ: ПОНЯТТЯ, ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ, СТАН*

1. До питання про виникнення поняття «корупція» в українському законодавстві

Поняття «корупція» в Україні стало широко використовуватися на сторінках газет, у публіцистичній та юридичній літературі, виступах державних і політичних діячів та керівників правоохоронних органів і, нарешті, у законодавстві в роки становлення України як незалежної держави. Зазначалося, що корупція – одне з найнебезпечніших для держави явищ, оскільки підриває авторитет державного апарату, дискредитує його діяльність, містить загрозу для національної безпеки, порушує принципи розбудови правової держави і демократичного розвитку. Корупція заподіює державі і суспільству значну економічну, моральну і політичну шкоду, гальмує розвиток суспільства, практично зводить нанівець ефективність будь-яких урядових програм.

У зв'язку з цим виникає питання, чи є корупція явищем сьогодення, що виникло в Україні в період переходу до нових суспільних відносин, або ж це явище існувало в нашому суспільстві і раніше, але визначалося дещо по-іншому. Із загальнодовідкової літератури, що видавалася в колишньому СРСР, впливає, що слово «корупція» походить від латинського «*corruption*», яке відповідає російському слову «*подкуп*». У мовних і енциклопедичних довідниках поняття «корупція» тлумачиться у двох значеннях: вузькому і широкому. Приклад у вузькому значенні тлумачення подано у «Словнику іноземних слів», що був виданий у 1986 р. Там зазначено, що корупція – це підкуп, продажність громадських і політичних діячів, посадових осіб у капіталістичному суспільстві [24, с. 256]. Таке саме визначення дав С. І. Ожегов у «Словнику російської мови», де зазначено, що корупція у буржуазних країнах – це підкуп хабарами, продажність посадових осіб, політичних діячів [15, с. 241]. Тлумачення у широкому значенні подано у «Великому енциклопедичному словнику», де сказано, що корупція – це безпосереднє використання посадовою особою прав, пов'язаних із її посадою, з метою особистого збагачення. Як правило, супроводжується порушенням законності [2, с. 634].

Таким чином, переконуємося, що поняття «корупція», яке використовується для відображення певного негативного суспільного явища, не є новим, будь-яких специфічних ознак не містить. Фахівцям у галузі

* Держава та регіони. Науково-виробничий журнал. Серія: Право, 2004. – № 2. – С. 68-77.

кримінального права зрозуміло, що корупція у вузькому її тлумаченні відповідає поняттю «хабарництво», а в широкому – це зловживання службовою особою владою або службовим становищем з корисливих мотивів або в інших особистих інтересах, причому хабарництво є його спеціальним різновидом. Водночас поняття «корупція» і відповідні йому терміни в законодавстві України до 1993 р. не використовувалися. Що стосується зарубіжного законодавства, у тому числі й кримінального, то там поняття «корупція» використовується широко. Воно характеризує діяння службових осіб, які зловживають владою або службовим становищем з метою незаконного збагачення. При цьому зарубіжні фахівці відзначають, що корупція поширена не тільки серед працівників органів державної влади та управління, вона існує також у сфері судочинства, у бізнесі, освіті, у всіх сегментах громадського життя [4, с. 2].

Є очевидним, що широке використання на сьогодні у законодавстві України поняття «корупція» є наслідком перенесення його із зарубіжного законодавства в українське нормативне середовище. Безумовно, що це було спричинено головним чином значним зростанням правопорушень і злочинів, що вчиняються службовими особами в умовах переходу постсоціалістичного суспільства до системи ринкових відносин, нормативною невизначеністю механізму такого переходу, правовим нігілізмом, що охопив певну частину населення України, у тому числі працівників правоохоронних органів. Масштабність небезпечних явищ поставила вимогу заміни розрізнених, вузькогалузевих понять (наприклад, побори, хабарництво, зловживання, протекціонізм тощо) на більш місткі, більш характерні для соціально-правової оцінки процесів, що відбуваються. Верховної Радою, Президентом, Урядом України видаються закони, укази, інші нормативно-правові акти, спрямовані на боротьбу з корупцією, створюються державні органи або спеціальні підрозділи в системі правоохоронних органів, безпосереднім завданням яких є боротьба з корупцією, наприклад, Координаційний комітет по боротьбі з корупцією і організованою злочинністю при Президенті України.

2. Законодавча база боротьби з корупцією в Україні

На сьогодні склалася досить розгалужена система законів і підзаконних нормативно-правових актів, спрямованих на боротьбу з корупцією. Найважливіші з них: Закони України «Про боротьбу з корупцією» від 5 жовтня 1995 р. [18] і «Про внесення змін і доповнень у деякі законодавчі акти України у зв'язку з прийняттям Закону України «Про боротьбу з корупцією» від 5 жовтня 1995 р. [19], «Про державну службу» від 16 грудня 1993 р. [20], «Про організаційно-правові основи боротьби з організованою злочинністю» від 30 червня 1993 р. [21], а також Національна

програма боротьби з корупцією, затверджена Указом Президента України від 10 квітня 1997 р. [14, с. 11-20], Концепція боротьби з корупцією на 1998-2005 роки, затверджена Указом Президента України від 24 квітня 1998 р. [9], «Заходи щодо усунення причин та умов, які сприяють злочинним проявам і корупції», затверджені Указом Президента України від 9 лютого 2004 р. [6], та ін. Це також норми чинного Кримінального кодексу України 2001 р., який містить спеціальний розділ XVII «Злочини у сфері службової діяльності», в якому передбачена відповідальність за хабарництво, зловживання владою або службовим становищем, перевищення влади або службових повноважень та інші злочинні діяння у цій сфері.

3. Нормативне визначення корупції і види відповідальності

У законодавстві України термін «корупція» вперше був використаний в Законі України «Про державну службу» від 16 грудня 1993 р. У частині 2 ст. 5 цього Закону державним службовцям заборонялося чинити дії, що можуть бути розцінені як використання свого службового становища з корисливих мотивів, в особистих інтересах, а також дії, що, відповідно до чинного законодавства, вважаються *корупційними*. Проте ні в цьому законі, ні в інших законодавчих актах, що були чинними у той час, не визначалося, які конкретно дії слід вважати корупційними, а тому деякими дослідниками цілком обґрунтовано цей законодавчий припис був оцінений як декларативний [13, с. 139-140]. Це пояснюється тим, що на момент прийняття закону ні у його розробників, ні у народних депутатів Верховної Ради України, що його приймали, не було чіткого уявлення як про правовий зміст поняття «корупція», так і про види корупційних правопорушень.

Законодавче визначення понять «корупція» і «корупційні діяння» вперше було подано в Законах України: «Про боротьбу з корупцією» і «Про внесення змін і доповнень у деякі законодавчі акти України в зв'язку з прийняттям Закону України «Про боротьбу з корупцією» від 5 жовтня 1995 р. Ст. 1 Закону «Про боротьбу з корупцією» проголошує:

«Під корупцією в цьому Законі розуміється діяльність осіб, уповноважених на виконання функцій держави, спрямована на протиправне використання наданих їм повноважень для одержання матеріальних благ, послуг, пільг або інших переваг.

Корупційними діяннями є:

а) незаконне одержання особою, уповноваженою на виконання функцій держави, у зв'язку з виконанням таких функцій матеріальних благ, послуг, пільг або інших переваг, у тому числі прийняття або одержання предметів (послуг) шляхом їх придбання за ціною (тарифом), яка є істотно нижчою від їх фактичної (дійсної) вартості;

б) одержання особою, уповноваженою на виконання функцій держави, кредитів або позичок, придбання цінних паперів, нерухомості або іншого майна з використанням при цьому пільг або переваг, не передбачених чинним законодавством»¹.

Варто зауважити, що наведене визначення корупції не є універсальним. Воно не охоплює всі можливі діяння, що можуть бути охарактеризовані як корупційні. Тому не випадково законодавець зробив у ст. 1 Закону «Про боротьбу з корупцією» застереження, зазначивши, що дане в ньому визначення корупції використовується для положень цього Закону. Також не можна вважати вичерпним і перелік корупційних діянь, наведених у ст. 1 Закону, що також свідчить про неповноту законодавчого рішення. Треба визнати, що перспективу має теоретичне визначення корупції, яке б синтезувало положення різноманітних галузей права: кримінального, адміністративного, трудового та ін. Таке визначення можна дати й у програмних документах вищих органів влади (наприклад, Указі Президента України, відповідній Постанові Верховної Ради України або Кабміну України). За своїм обсягом таке поняття має бути міжгалузевим, містити вказівку на правопорушення певної антисоціальної спрямованості і загальні для них ознаки. Перша із ознак – це спосіб вчинення діяння: використання влади або службового становища; друга – мотив: особа керується корисливим мотивом або діє в інших особистих інтересах. Такого самого синтезованого підходу необхідно дотримуватися і при формуванні системи видів відповідальності за правопорушення корупційного характеру.

Оцінюючи значення нормативного визначення корупції, слід зазначити, що його введення в закон було зумовлене певними тактичними міркуваннями. На визначенні цього поняття в законі наполягали деякі політики і керівники правоохоронних органів, які вважали, що відсутність цього поняття перешкоджає ефективній протидії корупції. Крім того, прийняття Закону «Про боротьбу з корупцією» мало певний внутрішній і міжнародний резонанси, оскільки показало рішучість України цілеспрямовано боротися з корупцією як соціальним злом. Прийняття названих законів стало серйозним поштовхом для формування в різних галузях законодавства норм про відповідальність за правопорушення корупційного характеру, які за ступенем суспільної небезпеки не потребували кримінальної відповідальності.

¹ Згідно з приміткою до цієї статті «Під діяльністю осіб, уповноважених на виконання функцій держави, слід розуміти і діяльність посадових осіб місцевого самоврядування, що спрямована на здійснення повноважень місцевого самоврядування».

На сьогодні в Україні передбачено такі види відповідальності за правопорушення корупційного характеру:

- 1) адміністративна;
- 2) цивільно-правова;
- 3) дисциплінарна, у тому числі матеріальна;
- 4) кримінально-правова.

Зазначені види відповідальності встановлені за відповідні види правопорушень, а саме за адміністративні, цивільно-правові, дисциплінарні проступки та злочини. Розподіл правопорушень корупційного характеру на такі види має як теоретичне, так і практичне значення. Як зауважує М. І. Мельник, такий розподіл спростовує погляди, відповідно до яких корупційне правопорушення є злочином, або, навпаки, – це тільки правопорушення, а не злочини [13, с. 159-160]. Надана класифікація корупційних правопорушень сприяє правильному розумінню сутності корупції як соціального явища і правової категорії. Крім того, дає змогу виробити відповідні заходи правового реагування на ті або інші види протиправної поведінки залежно від їх характеру і суспільної небезпеки.

Адміністративна відповідальність. Цей вид відповідальності встановлений за правопорушення, передбачені Законом України «Про боротьбу з корупцією» від 5 жовтня 1995 р., а саме за зазначені в ст. 1 діяння (їх перелік наведено вище), а також за: порушення спеціальних обмежень, встановлених для осіб, уповноважених на виконання функцій держави (ст. 5); порушення вимог фінансового контролю (ст. 6); умисне незастосування керівниками заходів для боротьби з корупцією (ст. 10); умисне невиконання своїх обов'язків у боротьбі з корупцією (ст. 11). Адміністративним правопорушенням (ч. 1 ст. 9 зазначеного Закону) є також порушення особою, уповноваженою на виконання функцій держави, вимог щодо декларування доходів (неподання або подання неповних чи неправдивих відомостей про доходи та зобов'язання фінансового характеру). Корупційним правопорушенням також визнається неподання або невчасне подання державним службовцем або іншою особою, уповноваженою на виконання функцій держави, відомостей про відкриття валютного рахунку в іноземному банку (ч. 2 ст. 9).

Корупційними правопорушеннями адміністративного характеру є також низка правопорушень, передбачених Кодексом України про адміністративні правопорушення, що вчиняються з використанням службових повноважень. До них, зокрема, може бути віднесено використання посадовою особою в особистих чи інших неслужбових цілях державних коштів, наданих їй у службове користування приміщень, засобів транспорту

чи зв'язку, техніки або іншого державного майна, якщо це завдало державі шкоди на суму, що не перевищує п'яти неоподатковуваних мінімумів доходів громадян (ст. 184-1).

На сьогодні адміністративна відповідальність стала найпоширенішим видом юридичної відповідальності за правопорушення корупційного характеру. З року в рік в Україні зростає кількість протоколів про корупційні діяння, що складають уповноважені на те органи. У 2001 р. в Україні їх кількість збільшилася на 16,5% і досягла 7175 протоколів. Тільки підрозділами МВС України складено 3869 протоколів за корупційні правопорушення, що на 42,4% більше ніж у 2000 р. Із загальної кількості протоколів щодо суб'єктів корупційних діянь на державних службовців складено 2779, на депутатів різних рівнів – 162, керівників місцевих органів самоврядування – 487, інших осіб, уповноважених на виконання функцій держави, – 441. Більшість протоколів направлено до суду і прокуратури, проте в судах знайшли своє вирішення тільки третина з них, а що стосується державних службовців вищих рангів, то з них притягнуто до відповідальності одиниці [26, с. 59]. У 2003 р. кількість протоколів про корупційні діяння, що направлені до суду, становила 4918. У своїй більшості суб'єкти адміністративної відповідальності – це рядові співробітники органів влади і місцевого самоврядування (секретарі, голови сільських рад та ін.). Зустрічаються випадки елементарної імітації боротьби з корупцією, коли працівники правоохоронних органів вигадують приводи для складання протоколів. Так, у лютому 2002 р. працівниками Управління по боротьбі з організованою злочинністю Миколаївської області був складений протокол щодо секретаря Рябоконицької сільради Арбузинського району цієї області, яка безкоштовно видала довідку вартістю одна гривня [3].

Дисциплінарна відповідальність. Цей вид відповідальності передбачений за проступки осіб, уповноважених на виконання функцій держави, що несумісні з їх статусом або етикою поведінки. Відповідальність накладається в дисциплінарному порядку відповідним органом (керівником). Якщо в результаті корупційних дій (незаконне використання приміщення, засобів транспорту і зв'язку, іншого державного майна тощо) була заподіяна шкода державі, підприємству, установі, організації, вона підлягає відшкодуванню на загальних підставах і умовах *матеріальної відповідальності* працівників та службовців.

Цивільно-правова відповідальність. Цей вид відповідальності застосовується до осіб за правопорушення цивільно-правового характеру [13, с. 156]. На необхідність притягнення до цивільно-правової відповідальності звертається увага в Концепції боротьби з корупцією на 1998-2005 роки.

Наприклад, питання про такий вид відповідальності може постати у разі надання юридичними особами або фізичними особами-підприємцями матеріальних чи нематеріальних благ (пільг, переваг, привілеїв) особам, уповноваженим на виконання функцій держави, при здійсненні процедур цивільно-правового характеру. Проте на практиці питання притягнення до цивільно-правової відповідальності винних осіб залишається відкритим або взагалі не порушується [25, с. 75-78].

Кримінальна відповідальність. Кримінально-карані корупційні правопорушення – найбільш небезпечний вид таких правопорушень. Водночас питання про перелік злочинів, вчинення яких охоплюється поняттям «корупція», вирішується вченими і практичними працівниками по-різному¹. Виходячи з визначення «корупційні діяння», яке містить ст. 1 Закону України «Про боротьбу з корупцією» від 5 жовтня 1995 р., а також суб'єктів їх вчинення (див.: ст. 2 цього Закону), до злочинів, що підпадають під це поняття, слід зараховувати привласнення, розтрату або заволодіння чужим майном шляхом зловживання службовою особою своїм службовим становищем (ч.2 ст. 191 КК); одержання незаконної винагороди працівником державного підприємства, установи чи організації (ст. 354 КК); зловживання владою або службовим становищем (ст. 364 КК); перевищення влади або службових повноважень (якщо воно вчинене з корисливих мотивів чи в інших особистих інтересах) (ст. 365 КК); одержання хабара (ст. 368 КК); зловживання військовою службовою особою владою або службовим становищем (ст. 423 КК); перевищення військовою службовою особою влади чи службових повноважень (якщо воно відбувається з корисливих мотивів чи в інших особистих інтересах) (ст. 424 КК). Це також може бути певна частина злочинів, що вчиняються у сфері господарської діяльності, за умови вчинення їх суб'єктом, визначеним у ст. 2 Закону України «Про боротьбу з корупцією», якщо особа для цього використовує свої владні повноваження або службове становище.

Треба зазначити, що названі вище статті КК не обмежуються тільки «корупційними діяннями», їх дія поширюється не лише на державних службовців, народних депутатів або депутатів органів місцевого самоврядування, але й на інших осіб, які визнаються службовими та працюють на підприємствах, в установах, організаціях, незалежно від форми їх власності, і вчиняють зазначені вище злочини. Такий підхід до вирішення в законі питання про кримінальну відповідальність службових осіб, що вчиняють злочини з використанням своїх повноважень

¹ Наприклад, М. І. Мельник до кримінально-караних корупційних правопорушень зараховує злочини, відповідальність за які передбачена статтями 364, 365, 368, ч. 2 ст. 375, ст. 423, ч. 2 ст. 191 КК 2001 р. [13, 155].

і становища, уявляється достатнім для ефективного застосування кримінального закону і не потребує додаткового закріплення в Кримінальному кодексі окремих норм щодо відповідальності саме за корупцію, як це пропонується деякими вченими і практиками. Поняття «корупція» за своїм змістом є широким, охоплює досить великий перелік дій, що відрізняються одна від одної способами виконання. Таке доповнення буде штучним і призведе до значних труднощів при застосуванні кримінального закону. Разом з тим для реального уявлення щодо злочинів з боку осіб, які визначені в Законі України «Про боротьбу з корупцією» як суб'єкти корупційних правопорушень, та враховуючи поширеність і підвищену небезпечність вчинення злочинів такими суб'єктами, можна в зазначених вище нормах кримінального закону передбачити як обтяжуючу обставину «вчинення злочину суб'єктом корупційного правопорушення».

4. Суб'єкти відповідальності за корупційні діяння

Законодавство України, як уже було зазначено, передбачає чотири види відповідальності за корупційні діяння. Водночас коло суб'єктів, що можуть бути притягнуті до адміністративної, дисциплінарної і цивільно-правової відповідальності, відрізняється від кола суб'єктів кримінальної відповідальності. Так, згідно з п. 1 примітки до ст. 364 КК службовими особами є особи, які постійно чи тимчасово здійснюють функції представників влади, а також обіймають постійно чи тимчасово на підприємствах, в установах чи організаціях, незалежно від форми власності, посади, пов'язані з виконанням організаційно-розпорядчих чи адміністративно-господарських обов'язків, або виконують такі обов'язки за спеціальним повноваженням. Відповідно до п. 2 цієї ж примітки службовими особами також визнаються іноземці або особи без громадянства, службова або виробнича діяльність яких пов'язана з виконанням зазначених вище обов'язків¹. Водночас, відповідно до ст. 2 Закону України «Про боротьбу з корупцією», до суб'єктів корупційних діянь та інших правопорушень, пов'язаних із корупцією, належать: державні службовці; народні депутати України, депутати Верховної Ради Автономної Республіки Крим, депутати сільських, селищних, міських, районних, обласних рад; службові особи органів місцевого самоврядування. Крім того, відповідно до ч. 2 ст. 3 зазначеного Закону, відповідальність, ним передбачену, несуть також військовослужбовці й інші

¹ Введення цього положення відповідає нормам міжнародного права і практики їх застосування (див., наприклад, Конвенцію про боротьбу з підкупом службових осіб іноземних держав при проведенні міжнародних ділових операцій, прийняту 21 листопада 1997 р. повноважними представниками держав-членів ОЕСР [8]).

особи, які згідно з чинним законодавством притягуються до адміністративної відповідальності за адміністративні правопорушення на підставі дисциплінарних статутів.

Що стосується депутатів, то вони можуть бути суб'єктами службових злочинів, оскільки виконують функції представників влади. Це ж стосується і службових осіб органів місцевого самоврядування, оскільки їх діяльність пов'язана із здійсненням організаційно-розпорядчих або адміністративно-господарських обов'язків. Також суб'єктами службових злочинів можуть бути ті військовослужбовці й інші особи, службові обов'язки яких містять функції, зазначені в п. 1 примітки до ст. 364 КК. Що ж стосується державних службовців, то далеко не всі з них можуть бути суб'єктами службових злочинів¹. Відповідно до Закону України від 16 грудня 1993 р. «Про державну службу», до них належать службовці, на яких законами або іншими нормативними актами покладено здійснення організаційно-розпорядчих або консультативно-дорадчих функцій (ст. 2). Суспільно небезпечні дії останніх, якщо вони будуть пов'язані, наприклад, із незаконним одержанням матеріальних благ або вигод матеріального характеру, не підпадають під названі вище статті кримінального закону, тому що консультативно-дорадчі функції, властиві визначеним категоріям державних службовців (помічники, референти, консультанти), не зазначені в п. 1 примітки до ст. 364 КК України. Наприклад, вони не можуть бути суб'єктами одержання хабара. Водночас вони не можуть бути і суб'єктами відповідальності за ст. 354 «Одержання незаконної винагороди працівником державного підприємства, установи чи організації», оскільки в диспозиції цієї статті прямо зазначено, що відповідати за діяння, нею передбачене, може тільки працівник державного підприємства, установи чи організації, який не є службовою особою. Таке положення потребує негайних змін або ст. 364 КК України шляхом розширення поняття службової особи, або Закону України «Про державну службу» шляхом вилучення з ч. 2 вказівки на консультативно-дорадчі функції. Останнє вбачається більш доречним.

Необхідно також зауважити, що Закон України «Про боротьбу з корупцією» у ст. 2 містить перелік дуже вузького кола службових осіб, які визнаються суб'єктами корупційних діянь. Поза межами цієї статті залишилися особи, які працюють у державних установах, на підприємствах, в організаціях і за дорученням держави, її органів влади та управління виконують організаційно-розпорядчі або адміністративно-господарські функції (наприклад, ректор або декан державного університету,

¹ На думку народних депутатів України Г. Самофанова та В. Потапова, «державні службовці – найчисленніші суб'єкти корупційних діянь» (див. [23]).

головний лікар державної лікарні, директор державного підприємства). Тому є необхідним рекомендувати розширити рамки чинності Закону «Про боротьбу з корупцією» на всіх службових осіб, які працюють у державних установах і організаціях. Крім того, в цьому законі необхідно вирішити питання щодо накладення адміністративної та цивільно-правової відповідальності на юридичних осіб за вчинення їх керівниками правопорушень корупційного характеру.

5. Кримінальна відповідальність за хабарництво

Найбільш небезпечним проявом корупції, її суттю є хабарництво, яке за КК 2001 р. включає одержання хабара, давання хабара, провокацію хабара.

За даними офіційної статистики, хабарництво традиційно в середньому становить 0,3–0,5% від загальної кількості зареєстрованих в Україні злочинів [13, с 190]. Аналіз статистичних даних про кількість зареєстрованих фактів хабарництва в Україні за останні 10 років свідчить, що за період 1994–2003 рр. їх кількість значно перевищує кількість зареєстрованих фактів хабарництва за 10 років, що передували обранню Україною незалежності – 22625 (за 1994–2003 рр.) порівняно з 15032 (за 1981–1990 рр.). Диференційовано по роках ці показники виглядають так [17; 5]:

Період із 1981 до 1990 рр.		Період із 1994 до 2003 рр.	
Рік	Кількість	Рік	Кількість
1981	1322	1994	1501
1982	1568	1995	1860
1983	1795	1996	1905
1984	1979	1997	2216
1985	1852	1998	2448
1986	1895	1999	2326
1987	1473	2000	2273
1988	1100	2001	2304
1989	1049	2002	2812
1990	999	2003	2980
<i>Усього</i>	<i>15032</i>	<i>Усього</i>	<i>22625</i>

Важливо також зазначити, що якщо з 1991 р. до 1994 р. середня кількість зареєстрованих фактів, що припадають на один рік, була приблизно

такою самою, як і в попередні роки (з 1981 до 1990 рр.), то після прийняття у 1995 р. Закону України «Про боротьбу з корупцією» ця цифра стала істотно зростати, що свідчить про активізацію такої боротьби¹.

Треба, проте, зауважити, що до кількісних показників, якими характеризується боротьба з корупцією, варто підходити обачно, оскільки їх зростання, що свідчить про активізацію боротьби з корупцією, супроводжується в ряді регіонів України штучним нарощуванням тих або інших показників. Так, у Миколаївській області у 2002 р. на період перевірки стану боротьби із корупцією було виявлено 72 злочини, пов'язані із хабарництвом. Аналітики Координаційного комітету по боротьбі з корупцією і організованою злочинністю при Президентові України, оцінюючи цю цифру, зауважили, що до 72 увійшли, зокрема, випадки давання хабара під час іспитової сесії 32 студентами одному викладачу вищого навчального закладу. У зведеній звітності цей епізод був поданий як 32 факти виявленого хабарництва [3].

У новому КК відповідальність за хабарництво передбачена трьома статтями: ст. 368 «Одержання хабара», ст. 369 «Давання хабара» і ст. 370 «Провокація хабара», нормативні приписи котрих тісно пов'язані між собою. У КК 2001 р. не введена норма, що встановлювала відповідальність за посередництво в хабарництві (ст. 169 КК 1960 р.). Ця норма передбачала спеціальний вид співучасті при хабарництві. Вада її полягала в тому, що вона ускладнювала відмежування певного виду співучасті від інших, що кваліфікувалися як пособництво в хабарництві. Крім того, санкції ст. 169 КК 1960 р. були нижчими за санкції статей 168 і 170 цього Кодексу, що не сприяло ефективній боротьбі з цим видом співучасті у хабарництві. За новим КК, дії посередників мають кваліфікуватися як давання хабара або як пособництво в одержанні хабара. Що стосується осіб, які залучають інших до давання хабара, то їх необхідно визнавати або підбурювачами до давання хабара, або організаторами такого злочину.

Надмірно суворою була санкція ч. 1 ст. 168 КК 1960 р., якою передбачалася відповідальність за випадки так званого «простого» одержання хабара, тобто коли його розмір був незначним – до 2,5 неоподатковуваних мінімумів доходів громадян. Частина 1 ст. 168 КК 1960 р. передбачала покарання у вигляді позбавлення волі на строк від п'яти до десяти років із конфіскацією майна і позбавленням права обіймати певні посади або займатися певною діяльністю на строк до п'яти років. Така санкція при застосуванні цієї частини ст. 168 КК призводила до негативних наслідків. Так, якщо хабар був одержаний у незначних розмірах, наприклад,

¹ Що стосується фактів хабарництва, які знаходяться у розслідуванні, то їх кількість значно вище: у 1998 р. – 3590, у 1999 р. – 3424, у 2000 р. – 3195, у 2001 р. – 2977, у 2002 р. – 3342 (див. [5]).

у межах 10-40 гривень, то органи дізнання і слідчі намагалися визнати таке діяння малозначним і звільняли одержувача хабара від кримінальної відповідальності. Якщо ж такі випадки визнавалися злочином і ставали предметом судового розгляду, то судді, як правило, призначали покарання нижче за нижчу межу, зазначену у санкції ч. 1 ст. 168 КК України, або переходили до іншого, більш м'якого покарання. Тому з метою підвищення ефективності застосування кримінальної відповідальності законодавець у КК 2001 р. передбачив у санкції за «просте» хабарництво штраф від семисот п'ятдесяти до однієї тисячі п'ятисот неоподатковуваних мінімумів доходів громадян або позбавлення волі на строк від двох до п'ятих років з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років. Водночас проблемним залишається питання про мінімальний розмір «простого» хабарництва. Формально, за законодавством України, хабаром визнається будь-яка матеріальна вигода (майно, право на майно, будь-які дії матеріального характеру). Звертаючи увагу на значення розміру хабара для кваліфікації злочину, Пленум Верховного Суду України у п. 13 постанови № 5 від 26 квітня 2002 р. «Про судову практику у справах про хабарництво» зазначив: «Оскільки від розміру хабара залежить кваліфікація злочину, предмет хабара повинен отримати грошову оцінку в національній валюті України» [22, с. 21-24]. Водночас у зазначеній постанові немає рекомендації щодо мінімального розміру хабара. Це питання у кожному конкретному випадку вирішується особами, які застосовують закон. Залежно від цілої низки обставин одні й ті самі за ступенем суспільної небезпеки випадки, особливо при вчиненні дій матеріального характеру, можуть кваліфікуватися або як кримінально-каране діяння, або як адміністративне правопорушення корупційного характеру (за своїми правовими наслідками ці види відповідальності істотно один від одного відрізняються). Очевидно, що така «свобода вибору» слугує чинником, що зумовлює можливість зловживань із боку правозастосувача. Звертаючи увагу на цю проблему, М. Косюта пише: «Варто чітко визначити і цінову вартість винагороди, від розміру якої залежить відповідальність корупціонера – кримінальна або адміністративна» [10].¹

Значні зміни зроблені у визначенні значного й особливо значного розмірів хабара. Розміри, що були передбачені в КК 1960 р. при визначенні

¹ Певною мірою орієнтиром у визначенні мінімального розміру хабара може слугувати розмір, визначений у ст. 354 КК для незаконної винагороди, яку одержує шляхом вимагання працівник державного підприємства, установи чи організації і який не є службовою особою. Згідно з приміткою до цієї статті, «під незаконною винагородою у значному розмірі в цій статті слід розуміти незаконну винагороду, яка в два і більше разів перевищує неоподатковуваний мінімум доходів громадян».

великого й особливо великого розміру хабара, явно були занижені, вони не відповідали зазначеним у ст. 168 строкам покарання і не сприяли ефективному її застосуванню. За КК 1960 р., великим розміром хабара вважався такий, що у 2,5 і більше разів перевищував неоподатковуваний мінімум доходів громадян (понад 42 грн. 50 коп.), особливо великим – такий, що в 7,5 і більше разів перевищував неоподатковуваний мінімум доходів громадян (понад 127 грн. 50 коп.). На відміну від КК 1960 р., КК 2001 р. встановив у п. 1 примітки до ст. 368 такі розміри: хабаром у великому розмірі вважається такий, що у 200 і більше разів перевищує неоподатковуваний мінімум доходів громадян¹; в особливо великому – такий, що у 500 і більше разів перевищує неоподатковуваний мінімум доходів громадян.

Під час обговорення проекту нового КК України деякими вченими і народними депутатами висловлювалися міркування щодо можливості декриміналізації відповідальності за провокацію хабара (ст. 370 КК). Наявність в КК такої норми, на їх думку, істотно ускладнює боротьбу з хабарництвом, зокрема методом контрольованої пропозиції хабара службовій особі спеціально уповноваженим на те працівником правоохоронного органу. Останній, на їх думку, не чинить злочин, оскільки, діючи в інтересах суспільства, він виявляє особу, схильну до хабарництва, і викриває її. У таких діях, на їх думку, немає суспільної небезпеки. Якщо ж службова особа не піддається на провокацію, то вона неначе витримує негласний іспит на порядність і непідкупність. З такими й іншими аргументами важко погодитися. По-перше, провокація хабара суперечить морально-етичним нормам людського спілкування. Застосування такої контрольованої пропозиції хабара здатне породити обстановку підозрілості, недовіри в середовищі співробітників, може призвести до падіння авторитету державної служби і правоохоронних органів. По-друге, існує небезпека посилення репресивних методів тиску на службових осіб з боку представників правоохоронних органів, від рішення яких буде залежати не тільки репутація, але й доля службових осіб різного рівня державної служби. Нарешті, по-третє, провокація хабара є, по суті, спеціальним складом перевищення влади. Цей злочин, як відомо, не залежить від мотивів дій суб'єкта, тому свої мотиви суб'єкт може розцінювати і як суспільно корисні, необхідні в інтересах боротьби зі злочинністю, у тому числі й з корупцією. Виходячи з цього, варто визнати правильним рішення зберегти в КК 2001 р. відповідальність за провокацію хабара.

¹ Отже, максимальна межа «простого» хабара стала відповідати 200 неоподатковуваним мінімумам доходів громадян, що на сьогодні дорівнює 26200 грн. (обчислення проведено з урахуванням положень Закону України «Про податок з доходів фізичних осіб» від 22 травня 2003 р., який набрав чинності з 1 січня 2004 р.).

6. Про поширеність корупції в Україні

Протягом другої половини 90-х років ХХ ст., саме тоді, коли в Україні почала формуватися законодавча й організаційно-правова система заходів протидії корупції, коли боротьба з цим соціальним злом стала одним з основних напрямів внутрішньої політики держави, у вітчизняних і зарубіжних засобах масової інформації, у виступах деяких громадських діячів стало посилено поширюватися твердження, що боротьба з корупцією в Україні залишається недостатньою і не задовольняє суспільство.

За даними міжнародних організацій, що займаються дослідженням корупції, рівень її поширеності в Україні дуже значний. На думку експертів Українського центру економічних і політичних досліджень в Україні тіньовими структурами пов'язані практично всі рівні державних службовців і депутати. При цьому 60% організованих злочинних груп, 40% підприємців і близько 90% комерційних структур мають корупційні зв'язки в різноманітних органах влади і управління різного рівня. Понад 60% прибутків службовця середнього рівня – це хабар [12, с. 17]. За даними, що були оголошені на Міжнародному семінарі 24-25 лютого 2000 р. «Правові, економічні і соціальні проблеми боротьби з корупцією в Харківському регіоні», у цілому 31% жителів Харківської області стикалися з випадками корупції хоча б раз на рік. Найчастіше з проявами корупції мешканці Харкова зустрічалися у медичних установах (59 % опитаних). Далі рейтинг корумпованості виглядає так: державна автоінспекція – 15%, органи житлово-комунального господарства – 14%, міліція – 11%, податкові служби – 10%, вищі навчальні заклади – 10%. Рейтинги інших органів не перевищували 10% [16, с. 43-46].

Україна за негативним показником корупції знаходиться на одному з перших місць у світі. Своєрідний рекорд у «рейтингу корумпованості» був встановлений у 2000 р. За результатами щорічного дослідження, проведеного серед 90 країн міжнародною організацією «Transparency International», Україна з індексом 1,5 була визнана найбільш корумпованою державою серед країн колишнього СРСР і зайняла 88 місце за рівнем корупції у світі. У рейтингу 2001 р. Україні вдалося поліпшити деякі позиції, змістившись на 83 місце серед 91 країни світу. Також спостерігалася позитивна зміна ситуації у 2002 р., за даними цієї організації, Україна посіла 85 місце серед 102 країн світу. Проте, на думку фахівців цієї ж організації, незначне зростання показників, у тому числі індексу сприйняття корупції на декілька десятків відсотка, свідчить тільки про усталеність корумпованості влади і неефективність тих заходів, що використовуються владою в боротьбі з корупцією [11].

Тому не випадково у 2003 р. показник «рейтингу корумпованості» України не змінився. Серед 133 країн, які були охоплені опитуванням, наша держава опинилося на 106 місці.

Зазначене дає змогу визначити характерну для України тенденцію, пов'язану із корупцією, – *відставання соціально-правових заходів держави, спрямованих на боротьбу з корупцією, від якісно-кількісних показників останньої*.

7. Запобігання корупції

Історичний і міжнародний досвід боротьби з корупцією свідчить, що це негативне соціальне явище супроводжує суспільство практично з часу виникнення держави. Залежно від соціальних і економічних чинників, традицій і культури суспільства, заходів протидії й інших обставин рівні корупції в різних державах істотно відрізняються, хоча вона властива всім країнам. Усунути корупцію навряд чи практично можливо, а от мінімізувати вплив цього явища на суспільство цілком реально. І прикладом тут є держави, де індекс сприйняття корупції дуже низький: Фінляндія, Данія, Нова Зеландія та ін.

Запобігання корупції передбачає здійснення комплексу заходів:

- вироблення стратегії по боротьбі з корупцією, визначення основних напрямів такої боротьби, максимальне обмеження негативного впливу корупції на суспільство;

- удосконалення системи державного управління і місцевого самоврядування на основі розширення гласності і спрощення процедури відносин громадян і організацій з особами, уповноваженими на виконання функцій держави або місцевого самоврядування. Чітка регламентація таких відносин, встановлення в нормативних актах обсягу прав і обов'язків службових осіб, формування основних посад службовців на основі конкурсного відбору;

- захист державою прав і законних інтересів державних службовців, установлення такої оплати праці службовцям і працівникам правоохоронних органів, що була б здатна забезпечити їм і їхнім сім'ям гідний рівень життя. На жаль, рівень фінансового забезпечення більшості осіб, які виконують функції держави, залишається низьким. Цим, зокрема, пояснюється те, що одні з них намагаються перейти на роботу в підприємницької структури, інші стають на шлях корупційних правопорушень. Наприклад, суд, розглядаючи кримінальну справу про одержання військовими службовими особами хабара, з-поміж обставин, що зумовили його одержання, зазначив, що підсудні «тривалий час не одержували грошового забезпечення» [1]. Є, на жаль, і такі, що, не знайшовши рішення і не будучи спроможними відмовитися від своїх моральних

переконань, закінчують життя самогубством¹. Доречно буде навести витяг з передсмертної записки 39-річного капітана міліції Віктора Билляка, слідчого Подільського районного управління ГУ МВС України у м. Києві, батька двох дітей, який прослужив в органах внутрішніх справ майже 20 років. У його записці написано: «Я втомився жити і тому іду з життя добровільно. На даний час у мене немає сил нормально виконувати свої службові обов'язки на заробітну плату, яку я одержую (у середньому – 350 гривень на місяць. – *Прим. авт.*), з великими труднощами утримую свою сім'ю. Я не можу допомогти своїм батькам-пенсіонерам, які заслуговують на допомогу. Я не бачу ніякої перспективи у подальшому, заробітну плату збираються підвищити на 60 гривень, а ціни у 2 рази. Мені соромно перед сім'єю, батьками, що я не можу заробити на нормальне життя. Красти, грабувати чи випускати за хабарі злочинців я не звик і не можу цього робити. Іншого виходу в мене не залишилось...» [7];

– здійснення заходів фінансового контролю шляхом встановлення особливої процедури декларування прибутків державних службовців і осіб, уповноважених на виконання функцій держави;

– розвиток системи громадського контролю за антикорупційною діяльністю держави і безпосередньо тих її органів, завданням яких є безпосередня боротьба з корупцією. Залучення до цього контролю засобів масової інформації. Особливу роль у цьому процесі мають відігравати політичні партії та об'єднання громадян.

Післямова

Виходячи з викладеного, можна зробити висновок, що корупція в Україні на сьогодні має значне поширення. Боротьба з цим негативним соціальним явищем потребує подальшої активізації, концентрації зусиль на виявленні найбільш небезпечних її проявів, рішучого викорінення будь-яких фактів корупції, в першу чергу серед державних службовців і службових осіб, які працюють на державних підприємствах, в установах, організаціях та органах місцевого самоврядування. По всім установленим корупційним діям в обов'язковому порядку має прийматися відповідне, передбачене законом рішення, а факти, коли корупціонери уникають відповідальності, варто розцінювати як серйозну ваду в роботі органів, що ведуть боротьбу з корупцією. При цьому слід пам'ятати, що, *незважаючи на зусилля держави в цій боротьбі, в остаточному підсумку оцінку стану корупції дає суспільство*. На сьогодні в українському суспільстві сформувалася стійка думка про

¹ У середньому в Україні щорічно йдуть із життя за власною волею 50 - 60 співробітників органів внутрішніх справ (див [7]).

поширеність та допустимість корупції в Україні, нездатність правоохоронних органів ефективно боротися з цим явищем, особливо на рівні вищих ешелонів влади. Така ситуація потребує не тільки удосконалення законодавства та додаткових владних зусиль, спрямованих на боротьбу з корупцією, але й значної ідеологічної роботи, яка сприятиме зміні суспільного ставлення до корупції. Складовими цієї роботи є зростання соціально-економічного рівня українського суспільства, розвиток інститутів громадянського суспільства, формування антикорупційної суспільної свідомості.

Література

1. Берут, пока дают // Вечерний Харьков. – 2000. – 1 июля.
2. Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
3. Виїзне засідання Координаційного комітету по боротьбі з корупцією та організованою злочинністю при Президенті України в Миколаївській області // Крок. – 2002. – №18.
4. Добірка матеріалів з розслідування справ про корупцію. Видана у 1997 р. українською мовою Правовою ініціативою в Центральній та Східній Європі та Американською асоціацією юристів. – К., 1997.
5. Експрес-інформації МВС України про стан злочинності. – К., 1996-2004.
6. Заходи щодо усунення причини та умов, які сприяють злочинним проявам і корупції, затверджені Указом Президента України від 9 лютого 2004 р. // Офіційний вісник України. – 2004. – № 6. – С 21. – Ст. 307.
7. Коляда П. Кому потрібна міліція роздягнена й напівгольдна? // Юридичний вісник України. – 2002. – 2-8 листопада.
8. Конвенція про боротьбу з підкупом службових осіб іноземних держав при проведенні міжнародних ділових операцій, прийнята 21 листопада 1997 р. повноважними представниками держав-членів ОЕСР // www.transparency.org.ru/.
9. Концепція боротьби з корупцією на 1998-2005 роки, затверджена Указом Президента України від 24 квітня 1998 р. // Офіційний вісник України. – 1998. – №17. – Ст. 621.
10. Косюта М. Злочинність «у білих комірцях» // Урядовий кур'єр. – 2001. – 21 березня.
11. Лесик А. Україна у списку найкорумпованіших країн // Юридичний вісник України. – 2002. – 7-13 вересня. – № 36.
12. Литвак О. М. Злочинність в Україні: стан, тенденції, заходи протидії (1992-1995 роки): Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Харків: Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого, 1997.
13. Мельник М.І. Корупція: сутність, поняття, заходи протидії: Монографія. – К.: Атіка, 2001.
14. Національна програма боротьби з корупцією, затверджена Указом Президента України від 10 квітня 1997 р. // Офіційний Вісник України. – 1997. – № 15.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988.

16. Правові, економічні та соціальні проблеми боротьби з корупцією в Харківському регіоні: Інформаційні матеріали міжнародного семінару (Харків, 24-25 лютого 2000 р.). – Харків, 2000.
17. Преступность в Украине // Бюллетень законодательства и юридической практики Украины. – 1994. – № 2.
18. Про боротьбу з корупцією: Закон України від 5 жовтня 1995 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 34. – Ст. 266.
19. Про внесення змін і доповнень до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Закону України «Про боротьбу з корупцією»: Закон України від 5 жовтня 1995 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 34. – Ст. 268.
20. Про державну службу: Закон України від 16 грудня 1993 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 52. – Ст. 490.
21. Про організаційно-правові основи боротьби з організованою злочинністю: Закон України від 30 червня 1993 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 35. – Ст. 358.
22. Про судову практику у справах про хабарництво: Постанова Пленуму Верховного Суду України №5 від 26 квітня 2002 р. // Юридичний вісник України. – 2002. – 13-19 липня.
23. Самофанов Г., Потапов В. Кодекс поведінки недоречний? // Юридичний вісник України. – 2003. – 7-13 червня.
24. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1986.
25. Ус М., Спасибо-Фатеева І. Щодо проблеми цивільно-правової відповідальності за корупцію // Юрист України. – 2004. – № 4(6).
26. Шакур В. І. Міжнародні зобов'язання України у кримінальному законодавстві // Матеріали Міжнародного науково-практичного семінару «Проблеми відповідальності за злочини проти громадської безпеки за новим Кримінальним кодексом України», 1-2 жовтня 2002 р. – Харків, 2003.

КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСТИТУТИВНИХ ОЗНАК ЗГ'ВАЛТУВАННЯ*

Згвалтування є найбільш тяжким і небезпечним статевим злочином. Воно може спричинити серйозну шкоду здоров'ю людини, заподіяти їй глибоку моральну травму. В Україні цей злочин має певну розповсюдженість¹.

* Підприємництво, господарство і право: науково-практичний журнал. – 2009. – № 3. – С. 123-127.

¹ В структурі зареєстрованих злочинів на згвалтування припадає 2%. Це 4-5 злочинів на рік на 100 тис. населення. Але тут велику питому вагу має латентна злочинність (див.: Лукаш А. С. Згвалтування: кримінологічна характеристика, детермінація та попередження. – Х., 2008. – С. 61).

Кримінальна відповідальність за зґвалтування передбачена ст. 152 Кримінального кодексу (далі – КК) України. Стаття складається із чотирьох частин. У частині 1 визначені конститутивні ознаки злочину; в частинах 2-4 містяться обставини, що обтяжують відповідальність за зґвалтування.

Згідно з ч. 1 ст. 152 КК України зґвалтування – це «статеві зносини із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи». Виходячи із законодавчого визначення, в якому наведені не тільки типові, а й найбільш характерні ознаки злочину, Пленум Верховного Суду України у своїй постанові «Про судову практику у справах про злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості особи» від 30.05.2008 р. № 5 (далі – Постанова) зазначає: «зґвалтуванням слід розуміти природні статеві зносини між особами різної статі всупереч або з ігноруванням волі потерпілої особи із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи».

Основним безпосереднім об'єктом зґвалтування є *статева свобода людини*, а якщо потерпіла особа не досягла статевої зрілості – її *статева недоторканість*¹. При цьому ні моральне обличчя потерпілої особи, ні антигромадський спосіб життя, ні аморальна поведінка, ні характер відносин з тим, хто притягається до відповідальності за зґвалтування (подружні стосунки, наявність попереднього добровільного статевого зв'язку тощо) не виключають, за доведеності ознак складу цього злочину, відповідальності за ст. 152 КК. При вчиненні зґвалтування із застосуванням насильства, *додатковим обов'язковим* об'єктом виступає також здоров'я особи².

За змістом ст. 152 КК *потерпілим* при зґвалтуванні може бути особа як жіночої, так і чоловічої статі. У першому випадку безпосереднім виконавцем злочину повинен бути чоловік, а потерпілою – жінка, у другому, навпаки, виконавець – жінка, а потерпілий – чоловік. Співвиконавцем може бути будь-яка особа.

¹ Кримінальне право України: Особлива частина / За ред. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К, 2004. – С. 86; Л. В. Дорош правильно додає до кола суб'єктів, статеву недоторканість яких охороняється КК, також і осіб, які внаслідок хворобливого психічного стану не усвідомлюють наслідків і соціального значення сексуального спілкування (див.: Дорош Л. В. Статева недоторканість особи та її кримінально-правова охорона // Питання боротьби зі злочинністю. – Х., 2007. – Вип. 14. – С. 73).

² Навроцький В. О. Кримінальне право України: Особлива частина. – К., 2000. – С. 192.

З об'єктивної сторони зґвалтування полягає у статевих зносинах із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи. Склад злочину – формальний.

Статеві зносини при зґвалтуванні відбуваються всупереч волі потерпілої особи. Внаслідок застосування фізичного насильства або погрози ним воля потерпілої особи пригнічується, а при використанні безпорадного стану, коли потерпіла особа не здатна чинити опір, її воля ігнорується. Для відповідальності за ст. 152 КК достатньо, щоб статеві зносини супроводжувалися хоча б одним із зазначених у законі способів: застосування фізичного насильства, погроза застосування такого насильства або використання безпорадного стану потерпілої особи. Звертаючи увагу на дії, якими супроводжується зґвалтування, Пленум Верховного Суду України у постанові від 30.05.2008 р. № 5 зазначає: «перелік неправомірних дій, якими обумовлюється факт зґвалтування, є вичерпним». Тому одне лише *домагання* на вступ у статевий зв'язок, наприклад, шляхом настирливих пропозицій, не утворює складу цього злочину¹. Не є зґвалтуванням і випадки, коли особа вступає у статевий зв'язок, застосовуючи обман або зловживання довірою (освідчення у коханні, завідомо неправдива обіцянка укласти шлюб, сплатити за сексуальну послугу тощо). Такі дії, зазначає Пленум Верховного Суду України, «не можуть кваліфікуватися за статтею 152 КК».

Під **статевими зносинами**, про які йдеться у ст. 152 КК, слід розуміти лише природні статеві зносини між особами різної статі. Неприродні статеві зносини (у тому числі акти мужолозтва, лесбійства), здійснені із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи, є насильницьким задоволенням статевої пристрасті неприродним способом і кваліфікуються за ст. 153 КК України.

Фізичне насильство – це фізичне подолання опору, який чинить потерпіла особа, або насильство, застосоване для упередження очікуваного опору, який зумовлений небажанням особи вступити із гвалтівником у статевий зв'язок.

Фізичне насильство має бути здатним перебороти дійсний, а не вигаданий (удаваний) опір потерпілої особи. Злочинець може застосувати фізичну силу, різні предмети або навіть зброю, щоб зламати опір. Він може намагатися зв'язати особу, проти якої здійснює фізичні дії, завдавати удари, побої, заподіювати тілесні ушкодження різного ступеня

¹ Кримінальне право України: Особлива частина / За рец. М. І. Бажанова. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К., 2004. – С. 87.

тяжкості, здавлювати дихальні шляхи руками або накинутою на шию петлею тощо. Різновидом фізичного насильства Пленум Верховного Суду України у постанові від 30.05.2008 р. № 5 вважає також випадки уведення в організм потерпілої особи проти її волі та з метою згвалтування алкоголю, наркотичних засобів, психотропних, отруйних, сильнодіючих речовин для приведення її у безпорадний стан (див.: абзац 1 п. 3 та абзац 2 п. 5 зазначеної постанови).

Застосування фізичного насильства та спричинення внаслідок цього певної шкоди здоров'ю потерпілої особи є складовим елементом об'єктивної сторони згвалтування, що треба враховувати при кваліфікації цього злочину за ст. 152 КК. Звертаючи увагу на цю обставину, Пленум Верховного Суду України у постанові від 30.05.2008 р. № 5 зазначив, що заподіяння потерпілій особі при згвалтуванні чи замаху на його вчинення умисного легкого тілесного ушкодження охоплюється відповідною частиною ст. 152 КК і додаткової кваліфікації за ст. 125 КК не потребує, оскільки заподіяння шкоди здоров'ю у таких межах охоплюється диспозицією закону про відповідальність за згвалтування. Такий висновок підтверджується співставленням санкцій, передбачених зазначеними статтями. Так, найбільш суворим покаранням за ст. 125 КК є обмеження волі на строк до двох років, а за ч. 1 ст. 152 КК згвалтування карається позбавленням волі на строк від трьох до п'яти років. Ще більш суворі покарання передбачені частинами 2-4 цієї статті.

Що стосується поєднання згвалтування із заподіянням потерпілій особі умисного середньої тяжкості тілесного ушкодження, то такі випадки Пленум Верховного Суду України рекомендує кваліфікувати за сукупністю злочинів, передбачених відповідною частиною ст. 122 КК та відповідною частиною статті 152 КК України¹.

Згвалтування може супроводжуватися спричиненням потерпілій особі також тяжких тілесних ушкоджень. Залежно від їх видів дії гвалтівника кваліфікуються по-різному. Якщо при згвалтуванні були нанесені тяжкі тілесні ушкодження, що спричинили наслідки, зазначені в ст. 121 КК, то його дії кваліфікуються за ч. 4 ст. 152 КК за ознакою спричинення особливо тяжких наслідків. Такими наслідками є: втрата потерпілою особою будь-якого органу чи втрата його функцій, психічна

¹ Із таким висновком важко поголитися, оскільки покарання за ч. 1 ст. 122 КК значно менш суворі, ніж за ч. 1 та іншими частинами ст. 152 КК. Що стосується ч. 2 ст. 122 КК, то покарання за цією частиною тотожне покаранню, передбаченому ч. 1 ст. 152 КК, і менш суворе ніж за частинами 2-4 цієї статті. Отже, і в даному випадку заподіяння зазначеної шкоди охоплюється диспозицією закону про відповідальність за згвалтування.

хвороба або інший розлад здоров'я, поєднаний із стійкою втратою працездатності не менш як на одну третину, або переривання вагітності чи непоправне знівечення обличчя. Якщо дії гвалтівника були поєднані із заподіянням потерпілій особі тілесного ушкодження, визнаного тяжким лише за ознакою небезпечності для життя в момент його заподіяння, то згвалтування не вважається таким, що спричинило особливо тяжкі наслідки. Такі дії підлягають кваліфікації за сукупністю злочинів, передбачених статтями 121 і 152 КК за відповідними їх частинами (абзац 4 п. 11 постанови Пленуму Верховного Суду України від 30.05.2008 р. № 5). Заподіяння при згвалтуванні тяжких тілесних ушкоджень, від яких сталася смерть потерпілої особи, слід розглядати як настання особливо тяжких наслідків, передбачених ч. 4 ст. 152 КК і тому додаткова кваліфікація за ч. 2 ст. 121 КК у таких випадках не потрібна (абзац 1 п. 12 постанови Пленуму Верховного Суду України від 30.05.2008 р. № 5).

Дії особи, яка в процесі згвалтування чи одразу ж після нього вчинила умисне вбивство потерпілого (потерпілої) потрібно кваліфікувати за сукупністю злочинів: п. 10 ч. 2 ст. 115 КК та за ч. 4. ст. 152 КК як таке, що спричинило особливо тяжкі наслідки (абзац 1 п. 14 постанови Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику в справах про злочини проти життя та здоров'я особи» від 07.02.2003 р. № 2 та абзац 2 п. 12 постанови від 30.05.2008 р. № 5).

Якщо умисне вбивство потерпілої особи вчинене через деякий час після її згвалтування з метою приховати цей злочин, дії гвалтівника кваліфікуються за сукупністю злочинів, передбачених відповідними частинами ст. 152 КК та п. 9 ч. 2 ст. 115 КК України.

Якщо при згвалтуванні чи замаху на цей злочин смерть потерпілої особи настає внаслідок її власних дій (наприклад, особа вистрибнула з вікна багатоповерхового будинку або із транспортного засобу під час руху останнього й одержала смертельні ушкодження) дії гвалтівника охоплюються ч. 4 ст. 152 КК і додатковою кваліфікацією за ст. 119 КК не потребують (абзац 3 п. 26 постанови Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику в справах проти життя та здоров'я особи» від 07.02.2003 р. № 2 та абзац 3 п. 11 постанови від 30.05.2008 р. № 5).

Пленум Верховного Суду України у постанові від 30.05.2008 р. № 5 окремо зупинився на випадках спричинення фізичного насильства не самій потерпілій особі, а іншим, доля яких їй не байдужа (родичі, близькі особи). У абзаці 3 п. 3 цієї постанови зазначається, що такі випадки слід визнавати згвалтуванням, вчиненим із застосуванням фізичного насильства. Заподіяння в ході згвалтування з метою подолання чи упередження опору тілесних ушкоджень родичам чи близьким їй особам

Пленум рекомендує кваліфікувати за сукупністю злочинів, передбачених ст. 152 КК та відповідними статтями КК, які передбачають відповідальність за злочини проти здоров'я особи, оскільки у такому разі умисел суб'єкта злочину спрямований не лише на вчинення згвалтування потерпілої особи, а й на заподіяння шкоди здоров'ю іншої особи (абзац 4 п. 3 зазначеної постанови). Слід зазначити, що фактично у наведених випадках до особи, яка була або могла бути згвалтована, застосовується погроза, спрямована на пригнічення її волі шляхом застосування фізичного насильства до інших осіб. Вбачається, що саме таким чином і можна пояснити необхідність кваліфікації дій гвалтівника за сукупністю зазначених вище злочинів.

Погроза застосування фізичного насильства. Цей спосіб здійснення діяння являє собою різного роду залякування, адресовані потерпілій особі стосовно застосування до неї і (або) до іншої людини, доля якої цій особі не байдужа (родича, близької особи), щоб подолати чи упередити її опір. Наприклад, звернення до жінки з вимогою статевого зв'язку, що супроводжується погрозою вбити маленьку доньку, що знаходиться поруч з нею. Таке залякування може полягати у висловлюваннях, жестах, демонстрації зброї або предметів, що можуть бути використані для нанесення тілесних ушкоджень, предметів, що імітують зброю, які потерпіла особа сприймає за справжню зброю, чи інших діях (абзац 1 п. 4 постанови Пленуму Верховного Суду України від 30.05.2008 р. № 5).

У статті 152 КК України при окресленні згвалтування застосування погрози фізичним насильством поставлено в один ряд із застосуванням фізичного насильства, отже, ця погроза за своєю небезпечністю є рівнозначною фізичному насильству. Погроза застосування фізичного насильства повинна бути безпосередньою, сприйматися потерпілою особою як реальна, у неї має скластися враження, що у разі, якщо вона протидіятиме гвалтівнику або не виконає його вимог, погроза буде негайно реалізована суб'єктом злочину. Цей характер погрози і можливість її негайного виконання ставлять потерпілу особу в безвихідний стан, змушують поступитися загрозливим вимогам гвалтівника. Внаслідок такого насильства воля потерпілої особи практично паралізується.

Погроза повинна бути дійсною, а не удаваною, і розцінюватися потерпілою особою як реальна небезпека для її життя або здоров'я чи близьких їй осіб, родичів. Звертаючи увагу на цю обставину, Пленум Верховного Суду України у постанові від 30.05.2008 р. зазначає, що погроза може сприйматись як реальна, виходячи з часу, місця та обставини, що склалася: оточення групою осіб, глухе та безлюдне місце, нічний

час, зухвале, грубе, настирливе домагання вступити в статеві зносини тощо (абзац 2 п. 4 постанови).

Відповідальність за ст. 152 КК настає незалежно від того, чи мав гвалтівник намір дійсно реалізувати погрозу або розраховував лише таким чином вплинути на потерпілу особу, щоб паралізувати її волю, упередити можливий опір і вступити у статевий зв'язок.

Інші види погроз, зміст яких не передбачав застосування фізичного насильства до потерпілої особи чи іншої людини (наприклад, погроза знищити або пошкодити майно потерпілої особи чи близьких їй осіб, родичів, розголосити відомості, що ганьблять їх честь і гідність), не дають підстав розглядати вчинені з використанням таких погроз статеві зносини як зґвалтування (абзац 3 п. 4 постанови Пленуму Верховного суду України від 30.05.2008 р.).

Погроза вчинити вбивство, яка була виконана з метою подолання чи упередження опору потерпілої особи, охоплюється диспозицією ст. 152 КК і не потребує додаткової кваліфікації за ст. 129 КК України.

Якщо після вчинення зґвалтування мала місце реальна погроза вбивством потерпілої особи для того, наприклад, щоб вона нікому не повідомила про те, що трапилося, дії гвалтівника слід кваліфікувати за сукупністю злочинів: ст. 129 КК та ст. 152 КК України.

Використання безпорадного стану потерпілої особи при зґвалтуванні. Звертаючи увагу на вчинення зґвалтування у такий спосіб, Пленум Верховного Суду України у постанові від 30.05.2008 р. № 5 зазначив: «Стан потерпілої особи слід визнавати безпорадним, коли вона внаслідок малолітнього чи похилого віку, фізичних вад, розладу психічної діяльності, хворобливого або непритомного стану, або з інших причин не могла розуміти характеру та значення вчинюваних з нею дій або не могла чинити опір» (абзац 1 п. 5). Сам собою зазначений стан є обставиною, що характеризує потерпілу особу, а тому логіко-правового сенсу встановлення такого стану набуває у співвіднесенні із тим чи іншим способом вчинення діяння, зазначеним в диспозиції ч. 1 ст. 152 КК. У поєднанні із застосуванням фізичного насильства або погрозою його застосування безпорадний стан потерпілої особи не має вирішального значення для визнання діяння злочином. Він є обставиною на боці потерпілої особи, знаходиться за межами ознак складу злочину, впливає на оцінку ступеня тяжкості конкретно вчиненого зґвалтування. Залежно від того, наскільки така обставина вплинула на тяжкість вчиненого, суд, призначаючи покарання особі, яка була їм визнана винною у зґвалтуванні, на підставі п. 6 ч. 1 ст. 67 КК враховує її як таку, що обтяжує покарання. Ознакою складу злочину безпорадний стан виступає у поєднанні із

використанням гвалтівником цієї обставини для статевих зносин із потерпілою особою. Виділяючи використання безпорадного стану потерпілої особи як самостійний спосіб, законодавець мав на увазі випадки вчинення злочину, які не супроводжуються зазначеними вище видами насильства. При використанні безпорадного стану немає потреби застосовувати насильство або погрозу їм, оскільки опору потерпілої особи тут не очікується¹.

Розрізняють два види безпорадного стану: психічну безпорадність і фізичну безпорадність. У разі *психічної безпорадності* потерпіла особа не усвідомлює характер і значення вчинюваних з нею дій. Про психічну безпорадність свідчать:

- психічна хвороба, за наявності якої потерпіла особа не усвідомлює свої дії (бездіяльність) і (або) не може керувати ними;
- непритомний стан (непритомність, що виникла, наприклад, внаслідок хвороби);
- малоліття потерпілої особи.

При *фізичній безпорадності* потерпіла особа усвідомлює характер і значення вчинюваних з нею дій, але не може чинити опір гвалтівнику. Такий стан може бути викликаний фізичними вадами потерпілої особи (наприклад, відсутність рук, ніг, сліпота тощо), її похилим віком або хворобою, що не є психічною (наприклад, висока температура; виснаженість організму, перенесена операція тощо).

При зґвалтуванні з використанням фізичної безпорадності потерпілої особи опір останньої відсутній. Відсутність опору повинна бути наслідком об'єктивних причин, які використовуються гвалтівником, а не згоди такої особи на статеві зносини. У випадках, коли особа, незважаючи на важкий фізичний стан, здатна чинити опір і чинить його, дії гвалтівника кваліфікуються як вчинені із використанням насильства. На особливу увагу заслуговує оцінка випадків безпорадного стану, який може виникнути внаслідок сп'яніння або дії на організм людини певних речовин, оскільки такий стан може призвести як до психічної безпорадності, так і до фізичної. За певних умов приведення особи таким шляхом до безпорадного стану може бути визнано фізичним насильством. Звертаючи увагу на такі випадки, Пленум Верховного Суду України зазначає (абзац 2 п. 5 постанови від 30.05.2008 р.): «Вирішуючи питання про те, чи є стан потерпілої особи безпорадним внаслідок алкогольного, наркотичного сп'яніння або дії на її організм отруйних, токсичних та інших сильнодіючих речовин, судам слід виходити з того, що безпорадним

¹ Кримінальне право України: Особлива частина / За ред. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К.; Х., 2001. – С. 84.

у цих випадках можна визнавати лише такий стан, який позбавляв потерпілу особу можливості розуміти характер і значення вчинюваних з нею дій (психічна безпорадність – *В. Б.*) або чинити винній особі опір (фізична безпорадність – *В. Б.*). При цьому не має значення, чи винна особа привела потерпілу особу у такий стан (наприклад, дала наркотик, снодійне, напоїла алкогольними напоями тощо), чи остання перебувала у безпорадному стані незалежно від дій винної особи. Якщо потерпілу особу доведено до безпорадного стану з метою зґвалтування шляхом уведення проти її волі в її організм алкоголю, наркотичних засобів, психотропних, отруйних, сильнодіючих речовин, слід вважати ці злочини вчиненими із застосуванням фізичного насильства та з використанням безпорадного стану потерпілої особи»¹. Разом із тим, якщо потерпіла особа, яка перебуває у стані алкогольного сп'яніння, усвідомлює, що її гвалтують і чинить опір, дії гвалтівника кваліфікуються як вчинені із використанням фізичного насильства².

Зґвалтування вважається закінченим злочином з моменту початку статевих зносин, при цьому не має значення, чи закінчив насильник статевий акт у фізіологічному розумінні цієї дії (абзац 1 п. 13 постанови Пленуму Верховного Суду України від 30.05.2008 р. № 5).

Із *суб'єктивної сторони* зґвалтування відбувається лише з прямим умислом. Мотивом зґвалтування є переважно прагнення задовольнити статеву пристрасть³. Мотив не є обов'язковою ознакою складу цього злочину.

Залежно від співвідношення безпорадного стану із способом вчинення зґвалтування принципового значення для встановлення ознак злочину набуває ставлення гвалтівника до такого стану. Звертаючи увагу на цю обставину вчинення злочину, Пленум Верховного Суду України зазначив: «необхідно, щоб винна особа, яка вчиняє зґвалтування..., усвідомлювала (достовірно знала чи припускала), що потерпіла особа пере-

¹ Згідно Уложення про покарання кримінальні та виправні (законодавчого акта Російської імперії в редакції 1885 р.) обставина умисного доведення іншої особи до безпорадного стану визнавалась одним із способів вчинення зґвалтування. У п. 4 ст. 1526 цього Уложення передбачалася кримінальна відповідальність за «совершение изнасилования над лицом, приведенным в состояние беспамятства или неестественного сна самим насильником или по его распоряжению» (див.: Таганцев С. Н. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885. – СПб., 1913. – С. 894).

² Ухвала колегії суддів Судової палати у кримінальних справах Верховного Суду України від 05.07.2007 р. // Вісник Верховного Суду України. – 2007. – № 12. – С. 28,40.

³ Кримінальне право України: Особлива частина / За ред. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К.; Х., 2001. – С. 85.

буває саме у такому стані» (абзац 1 п. 5 зазнач. постанови). Вбачається, що це роз'яснення надано Пленумом без урахування способу вчинення згвалтування. Так, якщо згвалтування вчиняється із застосуванням фізичного насильства або погрози його застосування, то гвалтівник може або усвідомлювати, що потерпіла особа, до якої застосовується насильство, перебуває у безпорадному стані, або ж припускати такий стан. Суб'єкт злочину може і не усвідомлювати безпорадний стан потерпілої особи, хоча за обставинами вчиненого повинен був і міг це усвідомлювати. Незважаючи на вид психічного ставлення особи до безпорадного стану, ця обставина на боці потерпілої особи, як вже зазначалося, враховується як обставина, що обтяжує покарання (п. 6 ч. 1 ст. 67 КК України). Навіть у випадках сумлінної помилки особи стосовно психофізичного стану потерпілого (потерпілої) вчинене суб'єктом злочину містить ознаки насильницького згвалтування. Однак в останньому випадку безпорадний стан потерпілої особи, в якому вона фактично перебувала, не може рахуватися як такий, що обтяжує покарання за відсутності його усвідомлення чи можливості усвідомлення. Хоча в цілому, така обставина може вплинути на врахування ступеня тяжкості вчиненого злочину (п. 3 ч. 1 ст. 65 КК).

Що стосується ставлення гвалтівника до безпорадного стану потерпілої особи при його використанні, то такий стан повинен усвідомлюватися суб'єктом злочину, оскільки є невід'ємною складовою способу вчинення суспільно небезпечного діяння, ставлення до якого при згвалтуванні можливе лише з прямим умислом. Особа усвідомлює (знає), що вступає у статеві зносини з використанням безпорадного стану потерпілої особи, усвідомлює суспільно небезпечний характер свого діяння і бажає саме таким чином його вчинити.

Суб'єктом згвалтування (безпосереднім фізичним виконавцем) може бути особа як чоловічої, так і жіночої статі, яка досягла 14-річного віку. Виконавцем (співвиконавцем) злочину визнається і той, хто, наприклад, застосовує до потерпілої особи фізичне насильство з метою примусити її вступити в статеві зносини з безпосереднім насильником¹.

Дії особи, яка, сприяючи виконавцю (виконавцям) злочину у вчиненні згвалтування, застосовувала насильство до особи, яка намагалася перешкодити злочину, надала приміщення для вчинення злочину тощо, кваліфікуються як пособництво у згвалтуванні за ч. 5 ст. 27 КК і відповідною частиною ст. 152 КК України (абзац 3 п. 9 постанови Пленуму від 30.05.2008 р. № 5).

¹ У 2007 році в Україні в установах виконання покарань відбували покарання за згвалтування 2954 особи чоловічої статі та 15 – жіночої статі (див.: Кримінальні покарання в Україні. – Д., 2007. – С. 24).

Висновки

Надана кримінально-правова характеристика охоплює не лише конститутивні ознаки зґвалтування, тобто ті, які є *обов'язковими* для встановлення підстави кримінальної відповідальності за ч. 1 ст. 152 КК, а за наявності обставин, що обтяжують відповідальність, також і складів злочинів, що відповідають частинам 2-4 цієї статті. Нарівні з обов'язковими, ми розглянули й окремі *суміжні* ознаки, що також відносяться до кримінально-правової характеристики зґвалтування, оскільки можуть вплинути на врахування ступеня тяжкості конкретно вчиненого злочину, призначення покарання, кваліфікацію за сукупністю із іншими злочинами тощо (це, зокрема, інші потерпілі, окрім безпосередньо зґвалтованої особи, безпорадний стан потерпілої особи при вчиненні зґвалтування із застосуванням фізичного насильства чи погрози його застосування, мотив зґвалтування).

ВІДПОВІДНІСТЬ КРИМІНАЛЬНОГО ЗАКОНУ КОНСТИТУЦІЙНИМ ПРИНЦИПАМ ЗДІЙСНЕННЯ ПРАВОСУДДЯ В УКРАЇНІ*

У зв'язку із важливим значенням дотримання особистих прав і законних інтересів людини, щодо якої виконуються дії, необхідні для забезпечення належного здійснення правосуддя, особливо зухвалими є злочини, що спричиняють шкоду інтересам правосуддя. Така оцінка розглядуваних злочинів обумовлена тим, що серед їх суб'єктів є не тільки особи, які ззовні вчиняють дії проти правосуддя (наприклад, шляхом посягання на життя судді, народного засідателя чи присяжного у зв'язку з їх діяльністю, пов'язаною із здійсненням правосуддя), але й спеціальні суб'єкти, службова чи громадська діяльність яких безпосередньо пов'язана із здійсненням правосуддя в Україні або належним його забезпеченням (судді, прокурори, слідчі та інші уповноважені на те законом особи), та які всупереч їхнім суспільно корисним зобов'язанням вчиняють злочини проти правосуддя.

У чинному Кримінальному кодексі України (далі – КК) відповідальність за злочини проти правосуддя передбачена розділом XVIII Особливої частини. Кримінально-правовими нормами цього розділу забезпечується не лише належна діяльність судової влади (тобто коли її носії здійснюють свої обов'язки відповідно до закону), а й органів, які

* Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / ред. кол.: В. І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2009. – Вип. 18. – С. 3-14.

за своїм призначенням сприяють діяльності суду щодо здійснення правосуддя і до кола яких належать органи дізнання, досудового слідства, прокуратура, а також ті, що здійснюють виконання винесених судами вироків, ухвал, постанов, інших судових рішень¹. Норми розділу забезпечують також діяльність захисників та представників особи по наданню правової допомоги при здійсненні правосуддя.

Родовим об'єктом злочинів проти правосуддя є суспільні відносини, що забезпечують інтереси правосуддя². У літературі наводяться й інші погляди щодо родового об'єкта цих злочинів. Так, на думку М. М. Голоднюка, родовим об'єктом злочинів проти правосуддя є суспільні відносини, що забезпечують нормальне функціонування органів правосуддя³. О. О. Кваша вважає, що родовим об'єктом цих злочинів «є відносини у сфері нормальної діяльності: 1) судових органів; 2) органів дізнання, досудового слідства, прокуратури; 3) органів, що здійснюють виконання ухвал, постанов, вироків, інших судових рішень і призначених покарань»⁴.

За подібністю безпосередніх об'єктів злочини проти правосуддя поділяють на групи. Такий поділ дозволяє в межах родового об'єкта виділити *видові (групові) об'єкти*, які відображають ту чи іншу специфіку інтересів правосуддя. Виділення видових об'єктів має значення для формування політики держави щодо охорони певних суспільних відносин у сфері правосуддя від злочинних посягань. Правильне встановлення видового об'єкта цих злочинів має також значення для їх кваліфікації та відокремлення від інших злочинів: проти життя та здоров'я особи, проти авторитету органів державної влади, органів місцевого самоврядування та об'єднань громадян, у сфері службової діяльності тощо.

Серед злочинів проти правосуддя в науковій літературі виділяють *групу злочинів, що посягають на конституційні принципи діяльності*

¹ Див.: Борисов В. І., Глинська Н. В., Зеленецький В. С., Шило О. Г. Проблеми затримання та взяття під варту на досудовому провадженні по кримінальній справі. – Х., 2005. – С. 117; Кримінальне право України: Особлива частина: Підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, С. Б. Гавриш та ін.; За ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К., 2007. – С. 521 (автор розділу XIX «Злочини проти правосуддя» – В. І. Тютюгін).

² Див.: Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия: Учеб. пособие. – М., 1978. – С. 6; Тютюгін В. І. Злочини проти правосуддя: розділ XIX зазначеного вище підручника. – С. 521.

³ Див.: Курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М., 2002. – Т. 5. – С. 145.

⁴ Кваша О. О. Поняття злочинів проти правосуддя // Правова держава: Щорічник наук. пр. – К.: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2005. – Вип. 16. – С. 381.

органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду¹. Специфіка видового об'єкта цієї групи посягань полягає в об'єднанні ним суспільних відносин, якими забезпечується дотримання органами дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду конституційних принципів здійснення правосуддя в Україні. Це в першу чергу захист особистих прав і законних інтересів людини при розслідуванні та розгляді кримінальних справ, незалежність суддів тощо. Своєрідним правовим гарантом дотримання цих принципів є норми кримінального закону, якими передбачена відповідальність за злочинні посягання на зазначені суспільні відносини. Тому важливого значення набуває знання, наскільки повно та точно кримінальний закон відповідає визначеним у Конституції України (далі – Конституції) принципам здійснення правосуддя та чи є кримінально-правова охорона цих принципів достатньою.

Аналіз такої відповідності бажано проводити стосовно кожної норми кримінального закону, якою передбачена відповідальність за певний вид злочину зазначеної групи. До злочинів, які посягають на конституційні принципи діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду, відносять: завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання під вартою (ст. 371 КК); притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності (ст. 372 КК); порушення права на захист (ст. 374 КК); постановлення суддею (суддями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови (ст. 375 КК); втручання в діяльність судових органів (ст. 376 КК); втручання в діяльність захисника чи представника особи (ст. 397 КК)². Кримінально-правові норми, що визначені в цих статтях, ґрунтуються на положеннях чинної Конституції щодо здійснення правосуддя в Україні. Так, необхідність встановлення кримінальної відповідальності за завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання під вартою (ст. 371 КК) обумовлена ст. 29 Конституції. Відповідальність за притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності (ст. 372 КК) ґрунтується на положеннях ст. 62 Конституції. Кримінально-правова охорона конституційних положень, викладених у статтях 59, 63, 129 Конституції, визначена в статтях 374 та 397 КК. Кримінально-правова норма ст. 375 КК ґрунтується на положеннях ст. 129 Конституції, а ст. 376 КК – на положеннях ст. 126 Конституції.

31 березня 2009 року у Верховній Раді України за № 4290 було зареєстровано проект Закону України «Про внесення змін до Конституції

¹ Див.: Тютюгін В. І. Злочини проти правосуддя: розділ XIX зазначеного вище підручника. – С. 521.

² Там само.

України» (далі – Проект), внесений Президентом України В. А. Ющенком¹. Поряд із новаціями щодо удосконалення системи юридичних гарантій конституційних прав і свобод людини та громадянина, організації законодавчої влади, Проект містить також приписи стосовно конституційних засад здійснення судової реформи в Україні. У зв'язку з цим постає низка питань щодо відповідності наведених вище норм чинного КК приписам, запропонованим у Проекті, якими визначаються конституційні принципи діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури та суду по здійсненню правосуддя в Україні. Треба зазначити, що, окрім Проекту, внесеного Президентом України, в політичних колах та комітетах Верховної Ради України обговорюється ще декілька законопроектів подібного змісту. Керуючись метою наукового аналізу запропонованих змін до Конституції України, вважаємо достатнім у цій статті обмежитися зіставленням положень чинної Конституції та КК із положеннями Проекту, наданого Президентом України В. А. Ющенком, і на прикладі останнього показати важливість наступності чинних конституційних приписів, які за умов очевидної необхідності реформування судової системи України залишаються відправними для визначення конституційних принципів діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду по здійсненню правосуддя в Україні.

Необхідність встановлення *кримінальної відповідальності за завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання під вартою, що передбачена нормою ст. 371 КК*, як вже зазначалося, відповідає положенням ст. 29 Конституції, в абзаці першому якої проголошено один із фундаментальних конституційних принципів щодо особистих прав людини: «Кожна людина має право на свободу та особисту недоторканність». Вочевидь, наведене конституційне положення має значення не тільки для кримінально-правової норми, що визначена ст. 371 КК, але й інших норм Особливої частини КК, якими охороняється право людини на свободу та особисту недоторканність. Наприклад, для норми ст. 146 КК «Незаконне позбавлення волі або викрадення людини», норми ст. 147 «Захоплення заручників» тощо.

В абзацах другому – шостому ст. 29 Конституції надана детальна регламентація щодо застосування арешту, тримання під вартою, затримання людини. Зокрема, в абзаці другому проголошено: «Ніхто не може бути заарештований або триматися під вартою інакше як за вмотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених законом».

¹ Уряд. кур'єр. – 2009. – 2 верес. (№ 159). – С. 9–16.

У Проекті положення ст. 29 Конституції наведені в ст. 34. Головна відмінність статті в запропонованій редакції полягає в тому, що тримання особи під вартою як тимчасовий запобіжний захід пропонується скоротити з 72 годин (абз. 3 ст. 29 Конституції) до 24 годин (абз. 3 ст. 34 Проекту), упродовж яких судом має бути прийнято вмотивоване рішення щодо необхідності тримання особи під вартою. Що стосується інших положень ст. 29 Конституції, то вони практично залишилися без змін. Разом із тим певні недоліки ст. 29 Конституції, на жаль, в ст. 34 Проекту залишились не виправленими. Так, доктринальне тлумачення змісту цієї статті Конституції щодо видів запобіжних заходів у зіставленні із положеннями ст. 371 КК та глави 13 «Запобіжні заходи» Кримінально-процесуального кодексу України (далі – КПК України) свідчить, що вони в ст. 29 Конституції визначені невдало. Не вдаючись із цього приводу до надмірних подробиць, зазначаємо, що в ст. 29 Конституції (ст. 34 Проекту) як запобіжні заходи, пов'язані з обмеженням права людини на особисту свободу, визначені арешт та тримання під вартою (абз. 2 ст. 29 та абз. 2 ст. 34), а також затримання (абз. 3 ст. 29, абз. 3 ст. 34). Разом із тим у КПК України до запобіжних заходів, пов'язаних із триманням особи під вартою, відносять лише взяття під варту та затримання. Термін «арешт» та відповідний йому «заарештований» використовуються в КПК України лише як синоніми понять «взяття під варту» та «особа, яка взята під варту». Що стосується кримінального законодавства, то ним, відповідно до його охоронної функції, забезпечується захист прав та свобод людини від можливих випадків незаконного застосування до неї запобіжних заходів, пов'язаних із триманням особи під вартою. Зіставлення ст. 371 КК із Конституцією та нормами глави 13 КПК дає підстави для судження: законодавець, встановлюючи відповідальність за зазначені дії, спирався не на норми КПК щодо запобіжних заходів, а на положення ст. 29 Конституції. Відповідно до останньої в ч. 2 ст. 371 КК визначена відповідальність за «завідомо незаконні арешт або тримання під вартою», а в ч. 1 цієї статті поряд із відповідальністю за «незаконний привід» встановлена відповідальність за «незаконне затримання». Як бачимо, вирішальним чинником, що вплинув на формулювання норм ст. 371 КК, стали положення ст. 29 Конституції. Тому при буквальному тлумаченні кримінального закону можна дійти висновку, що законодавець в ст. 371 КК має на увазі три запобіжних заходи, пов'язаних із триманням особи під вартою, тоді як КПК України таких заходів передбачає лише два.

При визначенні конституційних положень, які мають безпосередній вплив на формулювання норм інших законів, необхідно з метою

упередження їх різночитання враховувати усталений понятійний та термінологічний апарат галузевого законодавства. Застосування конституційної та відповідної галузевої законодавчої термінології повинно бути взаємоузгодженим незалежно від рольової функції, яку відіграє той чи інший термін в формулюванні конституційного припису. Наприклад, згідно з галузевим законодавством поняття «особа» стосується як фізичних, так і юридичних осіб, а тримання під вартою і затримання може бути застосовано тільки щодо людей (фізичних осіб), тому слід погодитися із пропозицією стосовно зміни в Конституції України терміна «особа» на термін «людина», а терміносполучення «затримання особи» на термін «затриманий»¹. Разом із тим така заміна на сутність наведеного конституційного положення не вплине. У цьому випадку йдеться лише про точність застосування відповідної термінології. Більш серйозні наслідки для встановлення сутності конституційних положень матимуть уточнення стосовно терміна «арешт». Цей термін, як вже було зазначено вище, застосовується в ст. 29 Конституції. Крім того, він використовується також в її статтях 80 та 126 (в ст. 80 встановлені особливості арешту народного депутата України, а в ст. 126 – арешту судді). У Проекті термін «арешт» вживається в чотирьох статтях. Спершу у ст. 34, яка, як вже було зазначено, відтворює ст. 29 чинної Конституції, потім у статтях 91, 111 та 139, де встановлені відповідно особливості процедури арешту депутата, сенатора, уповноваженого національних зборів з прав людини та судді. У цих статтях термін «арешт» має однакове змістове навантаження – він передбачає можливість застосування державою законного обмеження особистої свободи людини.

У КК цей термін використовується в статтях 51, 60 та 371. У залежності від нормативних положень, визначених у цих статтях, термін «арешт» в кримінальному законодавстві має різний зміст, що призводить до сутнісних розбіжностей при його тлумаченні, особливо поза межами норм, де він використовується як предметна складова². Намагаючись вирішити якимось чином колізію між Конституцією та КПК України, фахівці в галузі кримінального права, досліджуючи ст. 371 КК, дійшли висновку, що термін «арешт» використаний у ній з метою позначення початкового моменту застосування запобіжного заходу, пов'язаного

¹ Див.: Права людини і громадянина: можливості удосконалення конституційних гарантій // Пр. Львів. лаб. прав людини і громадянина НДІ держ. та місц. самоврядування АПрН України / Редкол.: П. М. Рабинович (голова ред.) та ін. – Серія І, Дослідження та реферати. – Львів: Край, 2008. – Вип. 18. – 70 с.

² Див.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України: У 2 ч. Особлива частина / Під заг. ред. М. О. Потебенька, В. Г. Гончаренка. – К., 2001. – С. 751; Конституція України: Наук.-практ. комент. – К.; Х., 2003. – С. 148.

з обмеженням державою особистої свободи людини. Подальший процес тримання особи державою в стані обмеженої особистої свободи позначається терміном «тримання під вартою». З таким підходом можна було б погодитися, якби термін «арешт» застосовувався в галузевому законодавстві лише для позначення початкового моменту процедури «взяття під варту» як виду запобіжного заходу. Разом із тим у статтях 51 та 60 КК цей термін застосовується для визначення покарання у виді короткострокового позбавлення волі. У ст. 32 Кодексу України про адміністративні правопорушення термін «арешт» застосовується для позначення виду найбільш суворого адміністративного стягнення. У тому ж КПК України термін «арешт» використовується не тільки як синонім терміна «взяття під варту», а і для визначення інших процесуальних дій. Так, він використовується в ст. 126 КПК України «Порядок забезпечення цивільного позову і можливої конфіскації майна», ст. 187 КПК України «Накладення арешту на кореспонденцію і зняття інформації з каналів зв'язку».

Тому вбачається доцільним, з міркувань упорядкування застосування в законодавстві термінів «арешт» і «взяття під варту» та більш однозначного визначення змісту запобіжного заходу «взяття під варту», вилучити із тексту ст. 29 Конституції (ст. 34 Проекту) термін «арешт». Відповідне положення в них викласти таким чином: *«Ніхто не може бути взятий під варту інакше як за вмотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених законом»*. Відповідно змінам у Конституції повинні бути внесені зміни до КПК України (зокрема, в статті 14, 139, 154¹, 158, 159, 161, 162 та 224). Також термін «арешт» слід вилучити зі ст. 371 КК.

Статтю 372 КК встановлена кримінальна відповідальність за притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності. Положення цієї норми відповідають ст. 62 Конституції, згідно з якою «Особа вважається невинуватою у вчиненні злочину і не може бути піддана кримінальному покаранню, доки її вину не буде доведено в законному порядку і встановлено обвинувальним вироком суду». Таким же чином це положення відтворене в абзаці першому ст. 66 Проекту. Наведений припис слід розглядати як конституційний принцип здійснення правосуддя в Україні. Тому притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності є грубим порушенням Конституції. Суспільна небезпечність злочину, передбаченого ст. 372 КК, полягає в тому, що службові особи, зловживаючи своїми владними повноваженнями на здійснення відповідних процесуальних дій, умисно притягують до кримінальної відповідальності особу, яка не вчинила злочину, і тим

самим грубо порушують її права і свободи, породжують у неї та інших осіб відчуття соціальної несправедливості та юридичної незахищеності. Надання статусу обвинуваченого має подальші негативні наслідки для особи, які полягають у можливості застосування до неї запобіжних заходів, усунення з посади, накладення арешту на майно, банківські рахунки та застосування інших видів процесуально-правового примусу. Незважаючи на незначну поширеність діянь, передбачених ст. 372 КК, чинники конституційної відповідності та суспільної небезпечності є достатньо переконливими для висновку щодо необхідності подальшого збереження їх криміналізації.

Одним із найважливіших принципів здійснення правосуддя є *право особи на захист*. Цей принцип ґрунтується на положеннях статей 59, 63 та 129 Конституції. Так, в абз. 1 ст. 59 зазначено: «Кожен має право на правову допомогу». Більш предметно стосовно певних учасників кримінального процесу це право сформульоване в абз. 2 ст. 63 Конституції: «Підозрюваний, обвинувачений чи підсудний має право на захист». Нарешті, стосовно основних засад судочинства в п. 6 ч. 3 ст. 129 Конституції зазначено про необхідність «забезпечення обвинуваченому права на захист». Кримінальна відповідальність за порушення цих конституційних положень визначена ст. 374 КК «Порушення права на захист», в частині першій якої злочинне діяння сформульоване таким чином: «Недопущення чи ненадання своєчасно захисника, а також інше грубе порушення права підозрюваного, обвинуваченого, підсудного на захист, вчинене особою, яка провадить дізнання, слідчим, прокурором або суддею». Крім того, право особи на захист забезпечується також ст. 397 КК «Втручання в діяльність захисника чи представника особи», в частині першій якої зазначено: «Вчинення в будь-якій формі перешкод до здійснення правомірної діяльності захисника чи представника особи по наданню правової допомоги або порушення встановлених законом гарантій їх діяльності та професійної таємниці».

Що стосується приписів Проекту стосовно надання людині правової допомоги, то серед них право на захист особи, визнаної згідно з КПК України підозрюваним, обвинуваченим чи підсудним, не виділено як самостійний конституційний припис (див. ст. 63, абзац перший). Також і до ст. 137 Проекту, в якій визначаються основні засади судочинства, не включено, на відміну від ч. 2 ст. 63 чинної Конституції, положення щодо забезпечення обвинуваченому права на захист. У Проекті міститься лише загальне твердження про право кожного на правову допомогу. Таке рішення видається невдалим, оскільки урівнює стан учасника кримінального процесу, який потребує спеціальної правової допомоги,

і особи, якій держава зобов'язана організувати надання правової допомоги у зв'язку з її загальногромадянськими потребами. Приписи чинної Конституції, в яких, поряд із загальним визначенням права кожного на правову допомогу, зроблено наголос щодо права на захист підозрюваного, обвинуваченого, підсудного, мають безумовну перевагу, оскільки відповідають особливостям застосування до особи державно-владних рішень, у своїй більшості примусового характеру, і визнання її злочинцем. Тому такі спеціальні приписи треба зберегти в Основному Законі держави.

В абз. 1 ст. 129 чинної Конституції України визначено один із основоположних конституційних принципів, яким гарантується в державі самостійність судової гілки влади: *«Судді при здійсненні правосуддя незалежні і підкоряються лише закону»*.

На жаль, були та залишаються випадки, коли судді, зловживаючи своїми правами щодо їх незалежності, порушують одну з основних гарантій належного здійснення правосуддя – законність судочинства (п. 1 абз. 2 ст. 129 Конституції). Тому з метою забезпечення здійснення правосуддя на засадах законності та запобігання можливим зловживанням з боку суддів своїми владними повноваженнями *статтею 375 КК передбачена кримінальна відповідальність за постановлення суддею (суддями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови*¹.

У Проекті принцип незалежності суддів прописано дещо в іншій редакції. У ст. 138 (абз. 1) зазначено: *«Судді при здійсненні правосуддя є незалежними»*. Із тексту Конституції пропонується вилучити слова *«і підкоряються лише закону»*. Таке визначення не є випадковим, оскільки в Проекті достатньо наочно закладені засади принципу верховенства права. Разом із тим запропонована редакція містить підстави і для свавільного тлумачення принципу незалежності суддів, як, наприклад, такого, що абсолютизує їх владні можливості при здійсненні правосуддя та дозволяє нехтувати законом. Для упередження такого напрямку можливого сприйняття суддівської незалежності наведений припис бажано супроводити вказівками на ті засади принципу верховенства права, якими повинні керуватися судді при здійсненні правосуддя.

Принцип незалежності суддів може серйозно потерпати від незаконного втручання в їх діяльність з боку сторонніх осіб. Трапляються випадки тиску на суддів шляхом погроз, шантажу та іншого протиправного впливу. Мають місце спроби втручання в організацію діяльності судових органів з боку представників законодавчої і виконавчої влади

¹ У 2006 р. за ознаками цієї статті в Україні було зареєстровано 2 злочини; у 2007 р. – 43 злочини, у 2008 р. – 34 злочини.

у вирішенні конкретних судових справ і призначення покарань¹. Тому важливого значення набуває гарантування Конституцією та законами України дотримання конституційних принципів щодо здійснення правосуддя в Україні. В абз. 2 ст. 126 чинної Конституції зазначено: «Вплив на суддів у будь-який спосіб забороняється». Цей припис відтворено в ст. 138 Проекту. Кримінальне законодавство гарантує дотримання зазначеного конституційного припису від найбільш небезпечних посягань, пов'язаних із впливом на суддів. У ст. 376 КК встановлена відповідальність за втручання в діяльність судових органів. Згідно з її частиною першою заборонено: «Втручання в будь-якій формі в діяльність судді з метою перешкодити виконанню ним службових обов'язків або добитися винесення неправосудного рішення». Категорія судової справи, щодо якої здійснюється втручання, не має значення для кваліфікації суспільно небезпечного діяння за цією статтею КК. Це може бути кримінальна, цивільна, господарська справа або матеріали адміністративного провадження чи конституційного судочинства².

Відтворення в Проекті положення щодо заборони впливу на суддів у будь-який спосіб підтверджує доцільність встановлення та подальшого збереження кримінальної відповідальності за втручання в діяльність судових органів. Норма ст. 376 КК відповідає Конституції, вона є однією із показових законодавчих гарантій забезпечення принципу незалежності суддів. Незважаючи на те, що ст. 376 КК також застосовується рідко, передбачена нею кримінально-правова заборона відіграє сутнісну роль у попередженні незаконних втручань у діяльність суддів.

Наведене зіставлення кримінально-правових норм, якими встановлена відповідальність за посягання на конституційні принципи діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду, із відповідними положеннями чинної Конституції та Проекту засвідчує, що в цілому принцип конституційної відповідності, якому повинні відповідати кримінальні закони³, дотримується. Норми статей 371, 372, 374, 375, 376 та 397 КК не протирічать чинній Конституції та достатньо повно розвивають ті її положення, які є вихідними для здійснення правосуддя.

¹ Див.: Про незалежність судової влади: Постанова Пленуму Верхов. Суду України від 13 трав. 2007 р. № 8 // Вісн. Верхов. Суду України. – 2007. – № 6. – С. 2.

² Див.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / За заг. ред. П. П. Андрушко, В. Г. Гончаренка, Є. В. Фесенка. – 2-ге вид., переробл. та допов. – К.: Дакор, 2008. – С. 1251 (автор коментаря до ст. 376 КК – Є. В. Фесенко).

³ Див.: Борисов В. І. Дотримання принципу конституційної відповідності у проекті Кримінального кодексу України // Теоретичні та практичні питання реалізації Конституції України: проблеми, досвід, перспективи: Матеріали наук.-практ. конф., 25 черв. 1997 р. – К.; Х., 1998. – С. 172.

Уточнень потребують лише статті 29, 80 і 126 Конституції та ст. 371 КК, оскільки термін «арешт», що в них використовується, не відповідає видам запобіжних заходів, визначених у главі 13 КПК. Відповідних уточнень потребують і статті 29, 91, 111 та 139 Проекту. Що стосується інших положень проекту Закону України «Про внесення змін до Конституції України», якими визначаються принципи здійснення правосуддя, то певні з них, як було показано, потребують доопрацювань в аспекті гарантування захисту прав та законних інтересів учасників кримінального процесу та відповідності засадам принципу верховенства права.

ПИТАННЯ КАРАННОСТІ ЗЛОЧИНУ У КОНСТИТУЦІЙНОМУ СУДОЧИНСТВІ (НА ПРИКЛАДІ ЗАМІНИ СМЕРТНОЇ КАРИ ДОВІЧНИМ ПОЗБАВЛЕННЯМ ВОЛІ)*

Практика застосування чинного закону про кримінальну відповідальність є наповненою значною кількістю проблем, що зумовлені як певною недосконалістю законодавчої системи, так і невирішеністю низки питань теоретичного характеру. Причин виникнення труднощів праворозуміння в межах певної галузі чи законодавства в цілому можна назвати чимало. Це і недосконалість системного підходу до побудови нормативного акту, диктат політичної кон'юнктури чи доцільності, поспіх або ж тривіальне бажання «відпрацювати» чергове замовлення світової спільноти шляхом внесення відповідних змін до КК. Непоодинокі й випадки, коли теоретичні пропозиції з боку фахівців провідних «вишів» та науково-дослідних інститутів України залишаються поза увагою законодавчого органу. Однак в окремих випадках зазначені проблеми стосуються наявних протиріч у конституційному законодавстві, яке, як відомо, слугує базисом та своєрідним «акумулятором» тих принципів положень, які визначають сутність інших галузей законодавства, зміст їх норм, порядок або ж сферу застосування.

Слід відмітити, що низка наведених негативних чинників не може оминати діяльність судової системи і має наслідком свого впливу скасування окремих судових рішень, неможливість однозначного розуміння та застосування закону про кримінальну відповідальність, необхідність звернення до суб'єкта офіційного тлумачення за роз'ясненнями змісту відповідних положень. Прикладом подібної ситуації суттєвого

* Право України. – 2011. – № 9. – С. 147-157. (у співавт. з С. В. Гізімчуком).

унеможливлення однозначного застосування закону про кримінальну відповідальність може слугувати судовою практикою щодо заміни покарання у виді смертної кари на довічне позбавлення волі.

Як відомо, 29 грудня 1999 р. Конституційний Суд України своїм Рішенням № 11-рп/99 у справі за конституційним поданням 51 народного депутата України щодо відповідності Конституції України (конституційності) положень статей 24, 58, 59, 60, 93, 190-1 Кримінального кодексу України (1960 р.) (далі – Рішення № 11-рп/99) визнав положення ст. 24 Загальної частини та положення санкцій статей Особливої частини Кримінального кодексу України 1960 р., які передбачають смертну кару як вид покарання такими, що не відповідають Конституції України (справа про смертну кару, № 1-33/99). Зокрема, в Рішенні № 11-рп/99 зазначено наступне: «1. Положення статті 24 Загальної частини та положення статей Особливої частини Кримінального кодексу України, які передбачають смертну кару як вид покарання, визнати такими, що не відповідають Конституції України (є неконституційними). 2. Положення Кримінального кодексу України, що визнані неконституційними, втрачають чинність з дня ухвалення Конституційним Судом України цього Рішення» [6]. Тим самим було введено заборону на призначення смертної кари та виконання вироків, які передбачали цей вид покарання.

22 лютого 2000 р. Верховна Рада України прийняла Закон України «Про внесення змін до Кримінального, Кримінально-процесуального та Виправно-трудоного кодексів України» № 1483-III (далі – Закон № 1483-III), яким була скасована ст. 24 КК «Найвища міра покарання – смертна кара» та введена ст. 25² КК «Довічне позбавлення волі». Відповідні зміни були внесені також до санкцій тих статей Особливої частини Кримінального кодексу України, які передбачали смертну кару. А саме, в цьому Законі стосовно смертної кари було передбачено виключення ст. 24 КК і у всіх випадках її використання в якості законодавчої складової відповідного припису КК відбулась заміна на іншу складову – довічне позбавлення волі.

Таким чином в Україні відбувся законодавчий перехід від одного найсуворішого виду покарання до іншого, але більш гуманного. Однак судовою практикою зіткнулася з неоднозначним розумінням правових наслідків визнання неконституційними положень Кримінального кодексу України про смертну кару. Головним чином невизначеність стосувалась правової природи рішень Конституційного Суду України, а саме правомочності цього органу на внесення змін до чинного законодавства, на разі кримінального, шляхом скасування певних нормативних приписів останнього. В залежності від відповіді на поставлене запитання перебувала

юридична оцінка змісту положень Кримінального кодексу України 1960 р. в період між постановленням Рішення № 11-рп/99 та набранням чинності Закону № 1483-III, тобто з 29 грудня 1999 р. по 29 березня 2000 р. При цьому, за умови визнання за Конституційним Судом України правомочності вносити зміни до законодавства, слід було визнати відсутність у тексті КК України смертної кари як виду покарання.

Так, деякими судами визнавалось, що пом'якшення кримінального покарання Рішенням № 11-рп/99 рівнозначне зміні положень Кримінального кодексу законом, прийнятим Верховною Радою України. З цих міркувань, а також приймаючи до уваги визнання смертної кари неконституційним видом покарання, особам, які вчинили особливо тяжкі злочини до набрання чинності Законом № 1483-III, суди призначали покарання у виді позбавлення волі на строк не більше п'ятнадцяти років. Так, ухвалою Верховного Суду України від 31 липня 2009 р. громадянам: Г., винному у вчиненні 14 березня 2000 р. злочинів, що передбачені п. «і» ст. 93 КК України (1960 р.), ч. 2 ст. 17 п. «г», «і» ст. 93 КК України (1960 р.), ч. 1 ст. 222 КК України (1960 р.) та С., винному у вчиненні 14 березня 2000 р. злочинів, що передбачені п. «з», «і» ст. 93 КК України (1960 р.), п. «г», «з», «і» ст. 93 КК України (1960 р.), ч. 1 ст. 222 КК України (1960 р.), призначене судом покарання у виді довічного позбавлення волі було замінене позбавленням волі на строк 15 років. При цьому Верховний Суд України виходив з того, що в період з 29 грудня 1999 р. по 29 березня 2000 р. основний вид покарання – смертна кара, передбачений ст. 93 КК України 1960 р., застосовуватися не міг, а максимальне покарання за злочини, вчинені у цей проміжок часу, могло бути призначене у виді позбавлення волі на строк 15 років. Сам же кримінальний закон, який діяв в цей період часу, був визнаний більш м'яким і таким, що має зворотню дію в часі. Аналогічним було рішення Верховного Суду України у справі П., винного у вчиненні в період з 08.10.1999 р. по 15.01.2000 р. низки злочинів, в тому числі 06.01.2000 р. – умисного вбивства, що було кваліфіковане за п. «а», «з», «і» ст. 93 КК України 1960 р. (ухвала від 13 лютого 2009 р.).

Інші суди виходили з того, що пом'якшення кримінальної відповідальності осіб, які вчинили особливо тяжкі злочини, відбулося згідно із Законом № 1483-III, а не з Рішенням № 11-рп/99. На підставі цього вони призначали таким особам покарання у виді довічного позбавлення волі, а також замінювали на довічне позбавлення волі раніш призначене, але не виконане покарання у виді смертної кари. Прикладом наведеного підходу може слугувати постанова судді апеляційного суду Черкаської області Щепоткіна В. В. від 11 січня 2006 р., згідно з якою був залишений

без змін вирок колегії суддів судової палати в кримінальних справах апеляційного суду Черкаської області від 25 грудня 2001 р. і призначене Т. покарання у виді довічного позбавлення волі. Як свідчать матеріали цієї постанови Т., перебуваючи у складі організованої злочинної групи в період з 05.08.1999 р. по 30.11.1999 р. окрім іншого вчинив умисні вбивства з корисливих мотивів та з особливою жорстокістю, які були кваліфіковані за п. «а», «е», «з», «і» ст. 93 КК України 1960 р.

Вказана колізія, породжена «двозначністю» рішень Конституційного Суду України, мала своїм продовженням звернення окремих засуджених до судів України з наміром довести безпідставність заміни їм смертної кари на довічне позбавлення волі і, відповідно, обов'язковість застосування щодо них позбавлення волі на певний строк.

Черговим витком ескалації «юридичної» напруги стало прийняття Верховною Радою України 15 квітня 2008 р. змін до ст. 5 КК, а саме доповнення її новою частиною 4, якою передбачено наступне: «якщо після вчинення особою діяння, передбаченого цим Кодексом, закон про кримінальну відповідальність змінювався кілька разів, зворотну дію в часі має той закон, що скасовує злочинність діяння, пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи» (Закон № 270-VI). Тим самим було унормоване правило дії у часі так званих «проміжних» законів про кримінальну відповідальність, а прихильники визнання за рішеннями Конституційного Суду України сили закону побачили в цій нормі підставу звільнення засуджених у період до 29 грудня 1999 р. до смертної кари по відбуттю ними п'ятнадцяти років.

У зв'язку з наведеними проблемними питаннями, а також за збігом дванадцяти-тринадцяти років відбуття покарання особами, яким смертна кара була замінена довічним позбавленням волі, подальше зволікання з розставленням всіх крапок над «і» стало неможливим. 04 червня 2010 р. Пленум Верховного Суду України звернувся до Конституційного Суду України із конституційним поданням щодо офіційного тлумачення положень частини другої статті 4, частини першої та четвертої статті 5, частини третьої статті 74 Кримінального кодексу України, статті 73 Закону України «Про Конституційний Суд України» щодо дії в часі положень про заміну смертної кари довічним позбавленням волі на підставі Закону України від 22 лютого 2000 року № 1483-III «Про внесення змін до Кримінального, Кримінально-процесуального та Виправно-трудоного кодексів України». В свою чергу Конституційний Суд України вжив всіх необхідних заходів задля ухвалення оптимального рішення з порушеного питання і врахував позиції Президента України, Голови Верховної Ради України, Комітету Верховної Ради України

з питань законодавчого забезпечення правоохоронної діяльності, Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини, Міністра юстиції України, Генеральної прокуратури України, науковців Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого», Національного університету «Одеська юридична академія», Національної академії внутрішніх справ, Інституту вивчення проблем злочинності Національної академії правових наук України, Київського національного університету імені Тараса Шевченка, Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка, що були висловлені з цього приводу.

Так, проаналізувавши сутність порушеного питання, науковці Інституту вивчення проблем злочинності Національної академії правових наук України визнали за можливе погодитись із тими рішеннями судів, згідно яких покарання у виді смертної кари підлягало заміні на довічне позбавлення волі як у разі вчинення відповідного злочину до 29 грудня 1999 р., так і з 29 грудня 1999 р. до 29 березня 2000 р. В якості аргументації власної думки у відповіді на запит Конституційного Суду України було викладено роздуми з приводу можливості поширення на статті КК України 1960 р. положення ч. 4 ст. 5 КК України 2001 р., співвідношення принципів гуманізму та справедливості та інші теоретичні висновки, викладення яких, а також розгляд юридичної природи рішень Конституційного Суду України є метою цієї статті.

Щодо можливості застосування положень ч. 4 ст. 5 КК України 2001 р. (в редакції Закону від 15 квітня 2008 р, № 270-VI) до тих статей КК України 1960 р., які передбачали смертну кару як вид покарання (ст. 58, 59, 60, 93, 190¹ та інші), то слід зазначити, що ними були закріплені ознаки злочинів, які формально не були відтворені у КК України 2001 р. До такого висновку дозволяє дійти порівняльна характеристика змісту вказаних статей КК України 1960 р. та, відповідно, ст. 112, 113, ч. 2 ст. 115, 348, 379, 443 КК України 2001 р. Не вдаючись до складання порівняльної таблиці вказаних приписів обох кримінальних кодексів, можна вказати, наприклад, те, що згідно ст. 93 КК України 1960 р. було передбачено дещо інші обтяжуючі обставини, закріплене інше їх формулювання, насамкінець – інший порядок (черговість) наведення в тексті статті КК. Щодо ст. 58 та 190¹ – передбачалось інше коло потерпілих, у ст. 60 – відсутня вказівка на радіоактивне забруднення і так далі.

Саме тому видається принциповою вказівка у ч. 4 ст. 5 КК України 2001 р. на те, що її припис поширюється на випадки «вчинення діяння, передбаченого цим Кодексом». Враховуючи те, що КК України 1960 р. передбачено подібні, але все ж таки інші, ніж КК України 2001 р., злочини,

слід зробити висновок, що дія положень ч. 4 ст. 5 КК України 2001 р. на попередній Кримінальний кодекс не поширюється. Однак сам по собі цей висновок має виключно допоміжний характер і може мати значення у разі надання рішенням Конституційного Суду України сили законодавчих актів.

Однак у питанні правової природи рішень Конституційного Суду України зміст чинного законодавства цілком справедливо можна визначити як «пробільний». Ще у 1994 р. В. М. Шаповал слушно зауважив, що це є проблема і, до того ж чи не найактуальнішою не тільки у зв'язку зі змістом компетенції Конституційного Суду, а й через те, що, як засвідчує відповідна практика, він нерідко перебуває на межі між правозастосуванням і правотворчістю. Серед причин такого явища, цей фахівець-правник називав об'єктивно новаторський характер діяльності Конституційного Суду, недостатній досвід за результатами цієї діяльності, концептуальну невизначеність щодо її природи через, зокрема, брак продуктивного інтелектуального впливу з боку зовнішнього фахового середовища, незавершеність процесу розроблення необхідних «технологій» в роботі цього органу. Були відмічені й інші проблеми, частина з них, на думку вченого, перебуває за межами сфери безпосереднього буття Конституційного Суду [10, с. 29].

І на сьогоднішній день єдиної позиції з цього приводу не сформовано.

Фахівці Інституту держави і права імені В. М. Корецького НАН України вважають, що з 29 грудня 1999 р. на підставі Рішення № 11-рп/99 в санкції ст. 93 КК України 1960 р. втратило чинність положення «або смертною карою» і з цього моменту санкція цієї статті набула наступного вигляду «карається позбавленням волі на строк від восьми до п'ятнадцяти років, з конфіскацією, крім того, майна у випадках, передбачених п. «а» цієї статті» [2].

М. В. Тесленко, висловлюючись щодо юридичної природи рішень Конституційного Суду України відмічає, що вони «посідають особливе місце в системі правових актів. Ухвалюючи їх, Конституційний Суд інтерпретує Конституцію, з'ясовує конституційний зміст тих або інших законів, встановлює факт неконституційності конкретних правових норм і в результаті формує єдине конституційне праворозуміння» [8, с. 7]. В цьому судженні приваблює визнання науковцем саме наглядової ролі Конституційного Суду, а саме, як визначив В. Є. Скомороха, «абстрактного та конкретного конституційного контролю» за законодавцем, обмеженого правилом «зв'язаної ініціативи» [7, с. 12]. Також важливим видається те, що М. В. Тесленко, як видається, більш стримано оцінює правові наслідки постановлення Судом відповідного рішення і, визнаючи

створення нової норми, не вважає її появу зміною до законодавства, розглядає виключно як засіб регулювання суспільних відносин. Те «офіційне тлумачення, що дається в рішеннях Конституційного Суду, спрямоване на врегулювання суспільних відносин, поширюється на всіх учасників правовідносин чи на якусь їх частину, розраховане на багаторазове застосування» [8, с. 9], наголошує вчена.

В. С. Венедиктов не вважає Конституційний Суд України правотворчим органом, однак наділяє нормативністю та юридичною силою його рішення. При цьому в якості головного аргументу вчений вказує на те, що рішення Конституційного Суду є остаточними, не підлягають оскарженню й обов'язкові для виконання на території України [1, с. 55]. До наведеної позиції приєднується О. М. Ярошенко [12, с. 57].

Як на наш погляд, спроможність рішень Конституційного Суду України впорядкувати відносини між суб'єктами відповідно до волі законодавця влучно відбиває їх юридичну властивість, оскільки в конкретному питанні цей суд ґрунтується саме на рішеннях того ж законодавця, який прийняв Конституцію України (основний закон) і делегував іншому органу спеціальні повноваження. Ці повноваження В. Погорілко та В. Федоренко охоплюють поняттям особливого механізму гарантій захисту конституційно-правових норм, реалізація якого і покладається на Конституційний Суд України [4, с. 10]. Щодо змісту конституційно-правової норми, то на думку цих правників «норма конституційного права нетотожна статті конституційного нормативно-правового акта. Одна конституційна норма може бути об'єктивованою у кількох статтях. В той же час одна стаття може вміщувати декілька конституційно-правових норм (ст. 20 Конституції України)» [4, с. 12]. Керуючись цим підходом вважаємо за можливе визнати існування єдиної, закріпленої у декількох статтях Конституції України, норми, згідно з якою Верховна Рада України уповноважена на прийняття законів, а Конституційний Суд України – на контроль за їх конституційністю. У такому разі діяльність Конституційного Суду України сприймається в якості невід'ємної складової процесу законотворчості.

В плані вирішення статусу рішень Конституційного Суду України більш точною та виваженою видається позиція В. М. Шаповала. Зокрема Володимир Миколайович зазначає, що за будь-яких умов конституційно і законодавчо визначена компетенція Конституційного Суду не передбачає здійснення нормотворчості, за винятком тієї, що пов'язана з регламентацією частини питань організації його внутрішньої роботи. Рішення і висновки Конституційного Суду не можуть мати характер нормативно-правових актів, які здатні активно регулювати суспільні

відносини. Не можуть вони містити й окремі положення, які за природою були б позитивними нормативними реаліями [10, с. 29]. Визнаючи за Конституційним Судом України вплив на правотворчість науковець визначає його як «негативний», але наголошує на відсутності у розглядуваного органу повноважень здійснювати реальну правотворчість – «зміст рішень і висновків, насамперед про офіційне тлумачення норм Конституції і законів, має характер своєрідної тіні цих норм. Вони не існують самостійно від відповідних норм і можуть бути належним чином враховані тільки у процесі нормозастосування щодо положень Конституції і законів» [10, с. 29]. Як висновок у характеристиці статусу рішень Конституційного Суду України можна сприйняти тезу В. М. Шаповала про те, що надання природі діяльності цього органу конституційного контролю у здійсненні його основних повноважень, нормотворчих якостей, по суті, поставило б його над усім державним механізмом і навіть над самим Основним Законом [10, с. 29]. А розв'язанню або хоча б прагматичному вирішенню цієї проблеми сприятиме розробка відповідних технологій в діяльності Конституційного Суду, його самовизначення відносно меж тлумачення, форм і змісту інтерпретаційних актів [9, с. 114].

Істинність наведеного висновку щодо юридичних повноважень Конституційного Суду України не менш наочно підтверджується необхідністю визначення злочинності та караності діяння виключно нормами, закріпленими в Кримінальному кодексі України.

Так, згідно ст. 75 Конституції України «єдиним органом законодавчої влади в Україні є парламент – Верховна Рада України» і згідно п. 3 ч. 1 ст. 85 Конституції України прийняття законів є повноваженням Верховної Ради України.

На разі, є вельми показовим визнання Конституційним Судом України непорушності цих положень Конституції України, що міститься у рішенні Конституційного Суду України у справі про зворотну дію в часі законів та інших нормативно-правових актів, від 9 лютого 1999 року, справа № 1-7/99 (Рішення № 1-рп/99). Зокрема у п. 2 мотивувальної частини цього рішення зазначено наступне: «щодо юридичної відповідальності застосовується новий закон чи інший нормативно-правовий акт». І далі «відповідальність можлива лише за наявності в законі чи іншому нормативно-правовому акті визначення правопорушення, за яке така юридична відповідальність особи передбачена, і яка може реалізовуватись у формі примусу зі сторони уповноваженого державою органу».

Приймаючи до уваги положення ст. 73 «Рішення у справах» Закону України «Про Конституційний Суд України», зазначимо, що згідно

ч. 2 цієї статті ті нормативні акти або їх окремі положення, які визнані такими, що не відповідають Конституції України (неконституційними), оголошуються нечинними і втрачають чинність від дня прийняття Конституційним Судом України рішення про їх неконституційність. Однак, додамо, текстуальний зміст відповідного нормативного акту залишається незмінним, до моменту внесення до нього відповідних змін законодавчим органом.

При цьому Основним Законом передбачено, що «виключно законами України визначаються діяння, які є злочинами, адміністративними або дисциплінарними порушеннями, та відповідальність за них (п. 22 ст. 92)». Як раз ця норма дає підстави для обмеженого тлумачення ст. 73 Закону України «Про Конституційний Суд України» щодо «втрати чинності» неконституційними нормативними актами або їх окремими положеннями, як і частини другої ст. 152 Конституції України, де також зазначено: «законои, інші правові акти або їх окремі положення, що визнані неконституційними, втрачають чинність з дня ухвалення Конституційним Судом України рішення про їх неконституційність».

На підтвердження вказаного висновку також слід звернутись до положень Закону України від 22 лютого 2000 року № 1483-III «Про внесення змін до Кримінального, Кримінально-процесуального та Виправно-трудового кодексів України», яким і тільки яким були внесені зміни до КК України 1960 р. та смертна кара, як вид покарання, була у всіх випадках замінена іншим видом покарання – довічним позбавленням волі.

Відмінне від наведеного тлумачення положень ст. 73 Закону України «Про Конституційний Суд України» вступає у конфлікт із загальним змістом Основного Закону України, а сама норма, що передбачена цією статтею, як і ст. 152 Конституції України, у такому разі може стати предметом внесення відповідних законодавчих змін. Зокрема, видається за доцільне розглянути можливість зміни правових наслідків ухвалення Конституційним Судом України його рішень: замість «втрати чинності» неконституційним актом на – «перестає діяти» або «не підлягає застосуванню». Крім того, на наше переконання, слід ретельно відпрацювати механізм перегляду Верховною Радою України законодавчих актів, які визнані неконституційними, з тим, щоб унеможливити пасивне ставлення законодавчого органу до деяких рішень Конституційного Суду України, що інколи має місце¹. Розгляд Верховною Радою України

¹ Так, Рішенням Конституційного Суду України від 10 вересня 2009 р. № 20 – рп / 2009 був визнаний неконституційним Закон України від 15 січня 2009 р. № 890 – VI «Про тимчасові слідчі комісії, спеціальну тимчасову слідчу комісію і тимчасові спеціальні комісії Верховної Ради України», яким були внесені зміни у статті 384-

неконституційних законів чи їх окремих положень повинен бути невідкладним, позачерговим.

Наведені роздуми певною мірою стосуються й порядку взаємодії різних гілок влади. Нарівні з питанням щодо правового статусу рішень Конституційного Суду України, постає проблема розмежування повноважень цього органу судової влади та Верховної Ради України. І в цьому аспекті компроміс неприпустимий. Як справедливо зауважують В. Я. Тацій, Ю. П. Битяк, Ю. М. Грошовий та М. В. Цвік «фіксуєючи, що Президент видає Укази на основі законів України, Конституція підкреслює верховенство закону в системі правового регулювання суспільних відносин, недопустимість делегування законодавчих повноважень іншим органам» [3, с. 72-73]. Характерними ж властивостями судової влади і повноважень Конституційного Суду України, зокрема, «є її самостійність, виключність, підзаконність та повнота. Призначення судової влади – захист прав і свобод громадян, додержання законності і справедливості при виконанні та застосуванні законів, а також інших нормативних актів» [10, с. 84]. В. М. Литвин, наголошуючи на принциповій важливості дотримання принципу розподілу влади на гілки, підкреслив «кожній гілці влади повинні належати свої функції: законодавчі – належать парламенту. Ось із дотриманням цього імперативу й слід підходити до конституційного процесу. На виході з цього процесу повинна стояти Верховна Рада. За будь-яких умов» [5, с. 7].

Визначенню ролі та значення рішень Конституційного Суду України в системі регулювання суспільних відносин та в питанні призначення покарання за злочини, вчинення яких передбачало можливість застосування смертної кари за КК України 1960 р., в значній мірі сприяє їх порівняння із рішеннями Європейського суду з прав людини. Так, Д. Б. Юровський, керуючись положеннями Закону України «Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини» від 23 лютого 2006 р. № 3477-IV, з цього приводу зазначає наступне «застосування рішень Європейського суду при здійсненні судочинства має відбуватись із урахуванням того, що у разі виявлення

386 КК. Зокрема, в абзаці першому частини першої статей 384 і 385 слова «тимчасовою спеціальною комісією були замінені словами «спеціальною тимчасовою слідчою комісією». Вочевидь, що ця частина тексту статей 384 і 385 КК після внесення Конституційним Судом України зазначеного рішення не може застосовуватися, як і не можуть використовуватися попередні слова «тимчасовою спеціальною комісією», оскільки Верховна Рада України до теперішнього часу не внесла необхідні зміни до статей 384-386 КК, пов'язані з відновленням попередньої редакції законодавчого тексту, або навпаки, його вилученням взагалі.

колізій між положеннями рішення цього суду і нормами відповідного чинного закону України застосуванню підлягає закон» [11, с. 48]. Вважаємо за можливе стверджувати, що подібним чином повинне вирішуватись питання колізій між рішеннями Конституційного Суду України та законами України.

З великим позитивним настроєм можна відмітити, що саме таку позицію і зайняв Конституційний Суд України у справі № 1-5/2011 про заміну смертної кари довічним позбавленням волі (Рішення № 1-рп/2011). Зокрема Конституційний Суд визначився в тому, що в ч. 4 ст. 5 КК України йдеться про можливість його заміни тільки іншим законом про кримінальну відповідальність, а не рішенням Конституційного Суду України, який повноважний лише визнавати неконституційними положення закону про кримінальну відповідальність. Також у цьому ж рішенні підкреслено те, що визнання смертної кари неконституційним покаранням не потягло за собою внесення текстуальних змін до санкцій тих норм КК України, які передбачали цей вид покарання, втрати санкціями альтернативного характеру та залишення лише покарання у виді позбавлення волі до п'ятнадцяти років.

За результатами визначення статусу рішень Конституційного Суду України видається за можливе вирішити прикладне питання щодо відповідності закону заміни покарання у виді смертної кари довічним позбавленням волі.

Так, до заміни в КК України 1960 р. смертної кари на довічне позбавлення волі жодне покарання у виді позбавлення волі на певний строк, призначене, наприклад, за ст. 93 КК 1960 р., в період з 29 грудня 1999 р. по 29 березня 2000 р. не відповідало б ступеню тяжкості тих умисних вбивств, які були вчинені при сукупності декількох особливо небезпечних обтяжуючих обставин, а тому й не давало б можливості досягти передбачених КК України цілей покарання.

Разом із тим, суди України, вирішуючи до 29 грудня 1999 р. справи про вчинення злочинів, передбачених, наприклад, тією ж ст. 93 КК України 1960р., також мали повне право призначити підсудному позбавлення волі на певний строк і тим самим дати належну правову оцінку тяжкості вчиненого особою злочину. Однак у випадках, пов'язаних з оцінкою найбільш зухвалих та небезпечних вбивств, вони застосовували саме смертну кару і ні апеляційна інстанція, ні касаційна не знаходили підстав для пом'якшення вироку, а Президент – для помилування засудженого. Це дає підстави вважати подібні вироки суду в цілому як справедливі.

Справедливість покарання, як правовий принцип, є керівним і в діяльності Конституційного Суду України. Як зазначено в рішенні

Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) положень статті 69 Кримінального кодексу України (справа про призначення судом більш м'якого покарання) № 1-33/2004 від 2 листопада 2004 року (Рішення № 15-рп/2004) «Окремим виявом справедливості є питання відповідності покарання вчиненому злочину; категорія справедливості передбачає, що покарання за злочин повинно бути домірним злочину. Справедливе застосування норм права – є передусім недискримінаційний підхід, неупередженість. Це означає не тільки те, що передбачений законом склад злочину та рамки покарання відповідатимуть один одному, а й те, що покарання має перебувати у справедливому співвідношенні із тяжкістю та обставинами скоєного і особою винного. Адекватність покарання ступеню тяжкості злочину впливає з принципу правової держави, із суті конституційних прав та свобод людини і громадянина, зокрема права на свободу, які не можуть бути обмежені, крім випадків, передбачених Конституцією України» (п. 4.1.).

Від себе зауважимо лише те, що принцип справедливості покарання, на відміну від принципу гуманізму, зобов'язує суд враховувати тяжкість злочину як в бік пом'якшення покарання, так і в бік посилення.

З цих міркувань видається такою, що відповідає принципу справедливості покарання та вимогам закону практика судів України у частині відмови від призначення позбавлення волі на певний строк у тих випадках, коли це покарання за своїм караючим впливом не могло охопити всю тяжкість вчиненого злочину. Наведене твердження, головним чином, стосується практики призначення покарання за відповідні злочини, що були вчинені в період з 29 грудня 1999 р. до 29 березня 2000 р.

Положення цієї статті у подальшому можуть бути використані при дослідженні питань змісту і порядку застосування принципів кримінального права та тлумачення норм закону про кримінальну відповідальність, у тому числі Конституційним Судом України.

Використані матеріали:

1. Венедиктов В. С. Трудовое право Украины: Учебник. – Харьков: Консум, 2004. – 304 с.
2. Висновок наукової експертизи щодо визначення меж санкції ст. 93 КК Кримінального кодексу України (в редакції 1960 року), яка діяла в період з 29.12.1999 року по 29.03.2000 року, проведеної у відповідності із Законом України «Про наукову і науково-технічну експертизу» на запит адвокатського бюро ДІФА, від 07.10.2008 р. № 126/160-е.

3. Конституція України – основа реформування суспільства / В. Я. Тацій, Ю. П. Битяк, Ю. М. Грошовий, М. В. Цвік. – Х.: Право, 1996. – 96 с.
4. Погорілко В., Федоренко В. Поняття, ознаки, види і структура конституційно-правових норм // Право України. – 2001. – № 11. – С. 9-14.
5. Литвин В. «Завжди можна знайти того професора права, який виправдає будь-які зміни в Конституції» // Юридичний вісник України. – 2011. – № 12 (820). – С. 6-7.
6. Рішення № 11-рп/99 у справі за конституційним поданням 51 народного депутата України щодо відповідності Конституції України (конституційності) положень статей 24, 58, 59, 60, 93, 190-1 Кримінального кодексу України (1960 р.).
7. Скомороха В. Окремі питання поділу влади і юрисдикція Конституційного Суду України // Право України. – 1998. – № 5. – С. 8-17.
8. Тесленко М. Правова природа актів Конституційного Суду України // Право України. – 2000. – № 2. – С. 6-9.
9. Шаповал В.М. Становлення конституційної юрисдикції в Україні // Правова держава. Щорічник наукових праць. – Випуск дев'ятий. – Київ, 1998. – С. 111-115.
10. Шаповал В. Становлення конституціоналізму в Україні: проблеми теорії // Право України. – 1994. – № 5. – С. 25-29.
11. Юровський Д. Б. До питання застосування судами України практики Європейського суду з прав людини // Вісник Верховного Суду України. – 2010. – № 9 (121). – С. 48-49.
12. Ярошенко О. М. Значення актів Конституційного Суду України для регулювання трудових відносин // Проблеми законності: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2008. – Вип. 98. – С. 54-63.

СУЧАСНА ПОЛІТИКА ДЕРЖАВИ У СФЕРІ БОРОТЬБИ ЗІ ЗЛОЧИННІСТЮ ТА ЇЇ КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВИЙ НАПРЯМ*

Слово «політика» (грец. – *поліτική*) перекладається як мистецтво управління державою. Політика виражає функції держави щодо керівництва зовнішніми і внутрішніми сферами та напрямками суспільного життя. Важливою складовою внутрішньої політики є боротьба зі злочинністю, що покликана знизити її рівень та забезпечити стан, який відповідає потребам захисту суспільства від злочинів¹. Ідеться про різні за

* Право України. – 2012. – № 1-2. – С. 232-241.

¹ У своїй більшості українські науковці визначають цю складову внутрішньої політики держави через поняття «кримінальна політика» (рос. мовою – «уголовная политика»). Останнім часом у науковій літературі наводяться судження щодо невдалого

вагомістю напрями діяльності держави в цій сфері, визначення форм, завдань, змісту діяльності держави та її органів по боротьбі із злочинністю та тісно пов'язаними з нею іншими видами антисуспільної поведінки [1, 124; 2, 8-9]. Головним суб'єктом формування такої політики є державна влада [3]. Державна політика боротьби зі злочинністю складається із стратегічних напрямів, характерні риси яких зумовлені завданнями, предметом та методами досягнення необхідних для суспільства результатів. Такими напрямками (підсистемами – за висловом П. Фріса) є: кримінально-правова, кримінально-процесуальна, кримінально-виконавча та кримінологічна політики [4, 46-48; 5, 11]. Перші три напрями реалізуються в Україні на основі відповідного кодифікованого законодавства. Що стосується кримінологічної політики, то вона являє собою складний комплекс нормативно-правових, загальносоціальних та спеціально-кримінологічних заходів, спрямованих на запобігання злочинності та усунення її причин. Результативність цього напрямку багато в чому залежить не тільки від законодавчої та узгодженої правозастосовної і правоохоронної діяльності владних органів, спрямованої на боротьбу зі злочинністю, а й головним чином від соціально-економічного стану, етичних норм та правової культури суспільства, нарешті, і від природного бажання більшості пересічних громадян позбутися злочинності¹.

Разом із тим кримінологічний напрямок, так само як і кримінально-процесуальний та кримінально-виконавчий напрями, не є рівнозначними за своїм впливом та місцем у боротьбі зі злочинністю порівняно з

застосування терміна «кримінальна» («уголовная») при визначенні цієї форми внутрішньої політики. Так, М. Мельник застосовує для її визначення термін «антикриміногенна політика» [21, 547-548]. В. Зеленецький вважає, що при визначенні всього, що пов'язано із протидією злочинності, «речь должна идти не об уголовной, а об антиуголовной (или антикриминальной) политике» [22, 20]. Що стосується використання терміносполучення «антикримінальна політика» для визначення відповідного поняття, то воно само по собі було б можливе, оскільки українське слово «кримінальний» у прямому розумінні має семантику «злочинний». Однак застосування словосполучення «антиуголовная политика» для такого визначення російською мовою не може бути підтримане. Г. Гребеньков з цього приводу зазначає: «Украинская калька «кримінальний» с русского «уголовный» несет в себе содержание «запретный», «наказуемый», «осуждаемый»» [23, 22-23]. Відтак українське «кримінальний» у сполученні із словами «право», «кодекс», «законодавство», «політика» тощо набуває такого ж змісту.

¹ Важко погодитись із О. Коробєєвим, який вважає, що заходи загальносоціального характеру мають знаходитися за межами кримінальної політики [14, 45-46]. Якраз за допомогою кримінологічних вирішень (обґрунтувань, прогнозів, концепцій, стратегічних планів, експертиз тощо) повинні формуватися соціальні чинники впливу на злочинність.

кримінально-правовим напрямом. Останній, будучи однією із складових правової політики держави у сфері боротьби зі злочинністю, водночас є її системоутворюючим елементом, і тому посідає домінуюче місце серед інших її напрямів. Так, кримінально-правова політика є змістом та містить підстави обрання відповідних форм її реалізації заходами кримінально-процесуальної політики. Актуалізація певних видів покарань, визначених кримінальним законом, зумовлює зміст кримінально-виконавчої політики щодо їх виконання. Тому кримінально-процесуальний, кримінально-виконавчий та кримінологічний напрями перебувають під «подвійним» впливом як загальносоціальних завдань політики держави у сфері боротьби зі злочинністю, так і кримінально-правової політики зокрема. Слід зазначити, що деякі науковці до напрямів політики держави у сфері боротьби зі злочинністю відносять також криміналістичні заходи [6, 179; 7, 4-5; 8, 4]. Однак у більшості праць останнього часу цей напрям політики боротьби зі злочинністю не виділяється як стратегічний [9, 7; 10, 12-19]. Видається, що діяльність стосовно вироблення та застосування криміналістичних засобів залишається необхідною складовою політики держави у сфері боротьби зі злочинністю. Також є певні розбіжності і відносно виділення в межах правової політики боротьби зі злочинністю кримінологічного напрямку. Так, А. Арендаренко до напрямів (підвидів – за її висловом) політики боротьби зі злочинністю відносить лише кримінально-правову, кримінально-процесуальну та кримінально-виконавчу політики [11, 264-265]. Таку саму позицію займає і О. Джужа [12, 12-13]. З подібними підходами важко погодитися, оскільки саме через кримінологічну політику реалізується завдання запобігання злочинності, яке є одним з основних завдань, що стоять перед державою у боротьбі зі злочинністю [5, 13].

Однак важливо зауважити, що виділення зазначених напрямів є дещо умовним, оскільки державна політика у сфері боротьби зі злочинністю являє собою комплексне вирішення соціальних та правових завдань такої боротьби, всі складові якої повинні перебувати між собою у функціональній залежності та взаємодії [5, 13]. Разом із тим при системному аналізі змісту державної політики у сфері боротьби зі злочинністю можливе виділення її складових – елементів системи: політики соціальної та політики правової, у межах останньої – стратегічних, необхідних та допоміжних напрямів, інших елементів. Кожен із них має свої особливості, зумовлені предметом вирішення завдань боротьби зі злочинністю. У свого чергу, залежно від сфер та рівнів поставлених завдань природною є подальша диференціація напрямів боротьби зі злочинністю. Наприклад, у межах завдання охорони господарської діяльності кримінально-

правовими засобами формується кримінально-правова політика держави щодо боротьби зі злочинами у сфері господарської діяльності. У межах цієї сфери виділяються найбільш актуальні на сьогодні напрями державної політики боротьби із контрабандою, легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом, ухиленням від сплати податків, зборів, інших обов'язкових платежів тощо¹.

Простежуються істотні розбіжності щодо визначення предмета кримінально-правової політики. За П. Фрісом предмет кримінально-правової політики утворюють: принципи кримінально-правового впливу на злочинність; діяльність з визначення кола суспільно небезпечних діянь, що визнаються злочинними (криміналізація), і виключення тих чи інших діянь із числа злочинів (декриміналізація); питання пеналізації і депеналізації; визначення альтернативних покаранню заходів кримінального характеру, а також заходів, які застосовуються разом із покаранням; тлумачення кримінального законодавства; діяльність правоохоронних органів щодо застосування норм кримінального права, з'ясування їх ефективності, а також визначення шляхів підвищення ефективності впливу кримінально-правових заходів на правосвідомість населення [5, 17-18]. На думку А. Арендаренко, кримінально-правова політика являє собою напрям діяльності законодавчих та правозастосовних органів і організацій з вироблення загальних положень кримінального законодавства, визначення кола злочинних діянь і системи покарань, встановлення санкцій у нормах, що визначають види злочинів, і обрання справедливих та доцільних заходів впливу (покарань, адміністративних та громадських стягнень) щодо осіб, визнаних винними у вчиненні злочинів [11, 265]. Як бачимо, П. Фріс пов'язує предмет кримінально-правової політики з правотворчою і правозастосовною діяльністю. Що стосується визначення, наданого А. Арендаренко, то правозастосовна діяльність у ньому майже не простежується. Видається, що для кримінально-правової політики правозастосовна діяльність набуває неабиякого значення, оскільки стосується практичного використання та ефективного застосування законодавства про кримінальну відповідальність правоохоронними та судовими органами. Саме цей аспект кримінально-правової політики найбільш яскраво відображає політичну волю держави у боротьбі зі злочинністю, насамперед з тими її проявами, які набувають особливого негативного резонансу для суспільства

¹ Наглядним прикладом вирішення завдань державної політики боротьби зі злочинністю у цій сфері є нещодавно прийнятий Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо гуманізації відповідальності за правопорушення у сфері господарської діяльності» від 15 листопада 2011 р. № 4025-VI.

на сучасному етапі розвитку України. Якщо у правотворчій діяльності втілюються стратегічні завдання боротьби зі злочинністю, то у правозастосовній – тактичні. Безумовно, успішне здійснення правозастосовної діяльності не може спиратися лише на норми та інститути законодавства про кримінальну відповідальність. Великого значення набувають організаційно-правові та адміністративно-управлінські заходи, за допомогою яких держава концентрує увагу на боротьбі із певними видами суспільно небезпечних явищ, що визнані злочинами законодавством про кримінальну відповідальність.

Складовою предмета кримінально-правової політики є соціальна обумовленість визнання певного виду девіантної людської поведінки настільки небезпечною для суспільства, щоб поставити на законодавчому рівні питання про необхідність і доцільність кримінально-правової боротьби з такою поведінкою (криміналізація). До соціальної обумовленості належать й питання збереження та вдосконалення кримінальної відповідальності за певні види суспільно небезпечних діянь, а також питання відмови від подальшого визнання того чи іншого виду людської поведінки злочином. В останньому випадку йдеться про обґрунтоване вилучення з Особливої частини КК певної статті (декриміналізація).

Обумовленість закону про кримінальну відповідальність виражається у фундаментальних принципах кримінального права та його інститутах, регулятивних нормах Загальної частини законодавства про кримінальну відповідальність та змісті конкретної норми його Особливої частини. Об'єктивні соціальні потреби формують зміст закону про кримінальну відповідальність не безпосередньо, а проходячи через свідомість та волю законодавця. Тому, як зазначали Н. Кузнецова і Г. Злобін, такі закони можуть адекватно відображати суспільну потребу або недостатньо відповідати цій потребі, досягати чи не досягати поставлених законодавцем цілей [13, 76]. Таким чином, великого значення набуває встановлення відповідності законодавства про кримінальну відповідальність, особливо тих його норм, що визначають відповідальність за певний вид суспільно небезпечного діяння, інтересам суспільства.

Соціальна обумовленість закону про кримінальну відповідальність являє собою багатогранну проблему, яка може бути досліджена в різних аспектах та напрямках. Основним напрямом її вирішення є визначення та дослідження чинників, що впливають на створення законодавства про кримінальну відповідальність (КК, його інститутів, окремих норм) [14, 405]. О. Коробеев з цього приводу зазначає, що такі чинники створюють у своїй сукупності соціологічний субстрат кримінально-правової норми, підтверджуючи тим самим генетичну природу кримінального права [4, 64-65].

Визначення чинників, які обумовлюють встановлення (збереження, вдосконалення) закону про кримінальну відповідальність або відмову від нього, становить певні труднощі не тільки для законодавця, а й для представників науки кримінального права. По-перше, різні автори неоднаково іменують ці чинники, називаючи їх підставами, принципами, умовами, завданнями, критеріями. По-друге, можлива різна кількість таких чинників для констатації соціальної обумовленості певного закону. Окремі науковці зазначають, що таких чинників, як правило, налічується близько двадцяти і до того ж у процесі криміналізації деяких специфічних видів суспільно небезпечної поведінки, наприклад, необережної, пов'язаної з використанням сучасної техніки, пропонується враховувати ще більшу кількість чинників.

Вочевидь, що за такого стану визначення чинників соціальної обумовленості їх необхідно пов'язувати із конкретним видом антисуспільної поведінки. Вимога формального врахування всіх уже відомих чинників не може бути визнана доцільною для кожної масовидної соціально негативної людської поведінки (явища). З огляду на відмінності у видах та характері явищ, що детермінують прийняття закону про кримінальну відповідальність, чинники соціальної обумовленості можуть бути неоднаковими як за кількістю, так і за змістом. У свою чергу, окремі чинники, дослідження яких стосовно певного явища теоретично можливе, можуть лише незначним або загальним чином обумовлювати закон про кримінальну відповідальність. Їх практичне використання для пояснення такого закону (його встановлення, збереження або відмова) може бути недоцільним.

Як уже зазначалося, кримінально-правова політика є системоутворюючим елементом політики держави у сфері боротьби зі злочинністю. Виходячи із кримінально-правових положень щодо визнання певних суспільно небезпечних явищ злочинами та ґрунтуючись на законодавстві про кримінальну відповідальність, вона становить комплекс керівних дій і певних заходів, спрямованих на формування кримінально-правових норм та інститутів, їх застосування, визначення найбільш актуальних напрямів діяльності державних структур і правоохоронних органів по боротьбі зі злочинністю.

На відміну від кримінального права, яке являє собою усталене явище, особливо стосовно положень Загальної частини, кримінально-правова політика є рухомим явищем, вона більш гостро реагує на соціальні процеси та відносно швидко піддається змінам курсу політичного життя країни. Разом із тим кримінальне право є інструментом кримінально-правової політики. Управління практичним застосуванням тих чи інших

законів про кримінальну відповідальність означає втілення в життя політики держави у сфері боротьби зі злочинністю.

Поряд із вирішенням загальноправових завдань, необхідних для забезпечення функціональної дії кримінального права (наприклад, визначення принципів кримінального права, змісту його інститутів та субінститутів, підходів до виявлення суспільно небезпечних явищ, умов їх криміналізації (декриміналізації), встановлення видів та меж покарання, техніки формування законів про кримінальну відповідальність, процедури їх прийняття, забезпечення їх якості та ефективності під час застосування), особливої актуальності для суспільства на певних етапах його розвитку набуває визначення пріоритетних напрямів такої боротьби.

Відомо, що становлення України як незалежної держави характеризувалося у першій половині 90-х років XX ст. різким зростанням насильницької злочинності, злочинів проти власності та господарських злочинів. Особливої небезпечності набули для суспільства організована злочинність та корупція. Такий стан речей зумовив застосування низки спеціально-законодавчих, організаційно-правових та адміністративно-управлінських заходів, спрямованих на посилення боротьби зі злочинністю і корупцією.

Так, з метою подолання загрозливого для суспільства поширення торгівлі людьми Україна у 1998 р. першою серед пострадянських держав визнала таке явище тяжким злочином [15]. З часу прийняття кримінального закону (ст. 124¹ КК України 1960 р., ст. 149 КК України 2001 р.) простежується стрімка динаміка щодо кількості порушених кримінальних справ за цими статтями: від двох зареєстрованих випадків торгівлі людьми у 1998 р. до 419 подібних фактів у 2005 р. (найвищий показник за часи застосування ст. 149 КК). При цьому поряд із законом про кримінальну відповідальність було прийнято низку загальнодержавних та відомчих документів, спрямованих на вирішення питань організації боротьби з торгівлею людьми та запобігання цьому явищу [16; 17]. Завдяки вчасно здійсненим заходам кримінально-правова політика держави щодо боротьби з торгівлею людьми набула цілеспрямованого та сталого характеру.

Одним із суттєвих проявів негативного впливу злочинності на економіку України є прагнення організованих злочинних угруповань та численних представників тіншового бізнесу легалізувати доходи, одержані від злочинної діяльності. Незважаючи на очевидність суспільної небезпечності легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, в Україні боротьба з цим явищем кримінально-правовими засобами

розгорталася поволі. Юридична громадськість, зокрема науковці Національної академії правових наук України та Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого» неодноразово звертали увагу законодавця на необхідність встановлення кримінальної відповідальності за цей різновид суспільно небезпечної поведінки [18, 86]. На розгортання в Україні боротьби з легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом, істотно вплинули міжнародні конвенції з цих питань, згоду на обов'язковість яких було надано Верховною Радою України. Після того як 1 травня 1998 р. в Україні набрала чинності Конвенція Ради Європи від 8 листопада 1990 р. про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом, стали здійснюватися організаційно-правові заходи, спрямовані на боротьбу з цим явищем. Однак, що стосується кримінального законодавства, то лише з набранням 1 вересня 2001 р. чинності новим КК в Україні почав діяти закон про кримінальну відповідальність за легалізацію (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом (ст. 209). Практика його використання у перші роки дії КК 2001 р. показала, що він застосовувався з недостатнім розумінням суспільної небезпечності передбаченого ним злочину. До кримінальної відповідальності, як правило, притягувалися особи, які вчинили незначні предикатні злочини або одержали доходи законним шляхом, але ухилялися від сплати податків. Тому не випадково західні експерти *FATF* (Групи з розроблення фінансових заходів боротьби з відмиванням грошей) звернули увагу на цю обставину, підкресливши недостатність заходів з боку України щодо боротьби з відмиванням доходів, одержаних злочинним шляхом. З урахуванням рекомендацій *FATF* наприкінці 2002 р. – на початку 2003 р. було прийнято низку законодавчих актів, спрямованих на посилення боротьби з цим видом господарських злочинів та на розширення юридичних санкцій за невиконання вимог щодо запобігання легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом. Це зумовило і певні зміни до КК і КПК України в 2003 р. Задіяння фінансово-економічних, організаційно-управлінських та кримінально-правових важелів надало заходам щодо боротьби з легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом, комплексного характеру, змістовно змінило практику боротьби з цим явищем.

Гострою проблемою для українського суспільства залишається корупція. Починаючи з середини 90-х років XX ст. питання боротьби з цим суспільно небезпечним явищем є предметом неухильної уваги з боку держави та громадськості. 5 жовтня 1995 р. було ухвалено Закон України «Про боротьбу з корупцією». З цього часу Україна послідовно

рухається у напрямі розроблення і впровадження антикорупційних заходів, що знайшли інституційне оформлення у численних законах і нормативно-правових актах, концепціях і програмах, створенні спеціальних державних органів, наділених повноваженнями щодо здійснення заходів боротьби з корупцією. У результаті цього вдалося досягти певної активізації боротьби з корупцією, але її ефективність залишається низькою і не задовольняє суспільство. За даними міжнародної організації «Трансперенсі Інтернешенал», Україна належить до країн з високим рівнем корупції (так, наша держава у 2009 р. посіла 146 місце серед 180 країн, що були обстежені цією організацією, у 2010 р. – 134 місце серед 178 країн). Аналіз нормативно-правових актів боротьби з корупцією дає можливість зробити висновок, що неефективність їх втілення у правозастосовну практику зумовлена невірно обраним напрямом боротьби з цим антисоціальним явищем, оскільки центр тяжіння такої боротьби було переміщено із кримінально караних діянь на адміністративні правопорушення. Тому, незважаючи на деяке покращання у 2010 р. кількісних показників боротьби з корупцією, значна частина найбільш небезпечних для національної безпеки корупційних діянь залишається «прихованою» від суспільства. Специфіка протидії корупції та її подолання як системного явища потребує передусім налагодження нормативно-правової системи запобіжних заходів, яка має охопити різні галузі права: цивільне, фінансове, господарське, адміністративне та ін. Поряд із запобіжними заходами необхідними є також вдосконалення і розширення системи кримінально-правових, цивільно-правових, адміністративних та фінансових санкцій. Крім того, ці заходи вимагають і активної діяльності, спрямованої на формування антикорупційної свідомості населення із залученням усіх важелів громадянського суспільства. Тільки такий комплексний підхід до боротьби з корупцією видається найбільш доцільним і потребує подальшого всебічного розвитку. Верховною Радою України 7 квітня 2011 р. були прийняті закони «Про засади запобігання і протидії корупції» № 3206-VI та «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо відповідальності за корупційні правопорушення» № 3207-VI. Ці нормативно-правові акти більш точно, чітко, послідовно та системно вирішують багато питань у галузі запобігання і протидії корупційним правопорушенням, у тому числі і злочинам корупційної спрямованості.

Політична боротьба загострюється під час виборів до органів державної влади та органів місцевого самоврядування. Особливої актуальності під час формування органів публічної влади набуває додержання виборчого законодавства, мета якого – забезпечити вільне волевиявлення

громадян, правильне юридичне закріплення такого волевиявлення та визнання справжніх переможців виборів. Проведення в Україні виборчих кампаній засвідчило тенденцію до зростання кількості порушень виборчого законодавства, які ставали все більш системними та масштабними і посилювали свій негативний вплив на перебіг виборів та їх результати. Значної небезпечності для суспільства набули порушення виборчого законодавства під час президентських виборів 2004 р. [19, 5; 20, 6-7]. Суспільна небезпечність, поширеність¹, прогалини в чинному на той час кримінальному законодавстві, підвищена соціальна потреба в забезпеченні додержання виборчого законодавства на наступних виборах зумовили оперативні зміни та доповнення до кримінального та адміністративного законодавства. Законом від 1 грудня 2005 р. КК України доповнено ст. 158¹ «Незаконне знищення виборчої документації або документів референдуму»². Законом від 23 лютого 2006 р. статті 157, 158, 159 КК України викладено у новій редакції. Цим же Законом доповнено КК України ст. 159¹ «Порушення порядку фінансування виборчої кампанії кандидата, політичної партії (блоку)» і внесено істотні зміни і доповнення до КпАП щодо відповідальності за порушення виборчого законодавства. Крім того, Законом від 22 лютого 2007 р. ст. 158 КК України доповнено частинами 9-12, якими передбачена відповідальність за діяння, що порушують порядок формування бази даних Державного реєстру виборців³. Вибори народних депутатів України 2006 р. характеризувалися меншою кількістю виявлених порушень виборчого законодавства порівняно з президентськими виборами 2004 р. Ще меншу кількість таких порушень було відзначено спостерігачами позачергових виборів до Верховної Ради України, що відбулися 30 вересня 2007 р.

У контексті зазначеного на сучасному етапі вдосконалення законодавства особливої актуальності набуває проблема встановлення в Україні кримінальної відповідальності юридичних осіб. В умовах інтенсивного інтегрування України у міжнародний правовий простір міжнародні договори, згоду на обов'язковість яких надано Верховною Радою України, стають частиною національного законодавства України. Деякі з них

¹ За даними Генеральної прокуратури України органами прокуратури за фактами порушень виборчого законодавства (виборчих прав громадян) під час проведення президентських виборів 2004 р. станом на початок листопада 2005 р. було порушено 1 610 кримінальних справ, 1 297 із них передано до суду. За перше півріччя 2005 р. за злочини проти виборчих прав громадян засуджено 261 особу [25].

² Законом України від 21 серпня 2009 р. цій статті присвоєний номер 158².

³ Процес змін та доповнень законодавства про кримінальну відповідальність продовжується і сьогодні (див. статті 157, 158¹, 158² КК України).

містять вимоги до держав-учасниць щодо встановлення кримінальної відповідальності юридичних осіб. Так, ще у 1985 р. у Керівних принципах у галузі запобігання злочинності та кримінального правосуддя в контексті розвитку та економічного порядку закріплено обов'язок держав – членів ООН «розглянути питання про встановлення кримінальної відповідальності не тільки для осіб, які діяли від імені якої-небудь установи, корпорації чи підприємства... а й для самої установи, корпорації чи підприємства». Разом із тим у більшості міжнародно-правових договорів зазначено, що встановлення відповідальності юридичних осіб можливе лише, з урахуванням правових принципів держави-учасниці договору. Так, у Конвенції ООН «Проти транснаціональної організованої злочинності» від 15 листопада 2000 р. у ч. 1 ст. 10 «Відповідальність юридичних осіб» встановлено: «Кожна держава-учасниця вживає таких заходів, які з урахуванням її правових принципів можуть знадобитися для встановлення відповідальності юридичних осіб за участь у серйозних злочинах...». Такий підхід до вирішення питання відповідальності юридичних осіб передбачено і у ч. 2 цієї статті: «За умови додержання правових принципів державами-учасницями відповідальність юридичних осіб може бути кримінальною, цивільно-правовою або адміністративною». Що стосується України, то її законодавство про кримінальну відповідальність ґрунтується на принципах індивідуальної і винної відповідальності за вчинення злочину (статті 61 та 62 Конституції України, статті 2, 23 КК України). Ці принципи є важливим досягненням сучасної цивілізації, від яких не варто відмовлятися. За вчинені злочини кримінальну відповідальність повинні нести лише конкретні фізичні особи – службові, матеріально відповідальні та інші, винні в їх вчиненні. Відтак, підставою застосування кримінальної відповідальності має бути лише певна суспільно небезпечна поведінка конкретної людини, а не різноманітна функціонально-виробнича діяльність юридичної особи – колективу виробників або іншого співтовариства. Застосування до юридичної особи кримінальної відповідальності у вигляді визнання її винною у вчиненні злочину та накладення відповідних санкцій не може бути справедливим принаймні щодо рядових працівників виробництва, які у своїй більшості аж ніяк не впливали на прийняття та реалізацію злочинних рішень керівниками юридичної особи. Крім того, притягнення юридичної особи до кримінальної відповідальності може призвести до подвійної кримінальної відповідальності певних фізичних осіб – власників або керівників таких юридичних осіб за одне й те саме правопорушення (що суперечить ст. 61 Конституції України). Останні можуть істотно матеріально постраждати

при застосуванні, наприклад, фінансових санкцій до їх підприємства – юридичної особи, а також безпосередньо при притягненні їх до кримінальної відповідальності як службових осіб, які вчинили злочинні зловживання, що і зумовило визнання підприємств, якими вони керують, суб'єктом злочину.

Як бачимо, вирішення завдань державної політики боротьби зі злочинністю, особливо в частині застосування законодавства про кримінальну відповідальність, далеко не обмежується питаннями якості та ефективності останнього. Досягнення необхідного для суспільства результату можливе лише шляхом широкого і комплексного поєднання організаційно-правових, адміністративно-управлінських (прояв державної волі), соціально-економічних, культурологічних, природнолюдських (розвиток суспільства і людини), спеціально-законодавчих, методологічно-правових і кримінологічних заходів боротьби зі злочинністю як взагалі, так і з певними її видами. У межах політики держави у сфері боротьби зі злочинністю кримінально-правова політика виконує функцію системоутворюючого елемента. Необхідним інструментом такої політики є кримінальне право.

Використані матеріали

1. Диваилов И. А. Преступления и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью). – Баку, 1990.
2. Лесников Г.Ю. Понятие уголовной политики, ее содержание и принципы / Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко // Энциклопедия уголовного права. – СПб., 2005. – Т. 1 : Понятие уголовного права.
3. Селіванов А. Правова політика – важлива складова внутрішньої політики Української держави / А. Селіванов, О. Рябченко // Голос України. – 2007. – 13 берез.
4. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации : моногр. – Владивосток, 1987.
5. Фріс П. Л. Кримінально-правова політика Української держави : теоретичні, історичні та правові проблеми : моногр. – К. 2005.
6. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. – М., 1970.
7. Стручков Н. А. Исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. – Саратов, 1970.
8. Бородин С. В. Борьба с преступностью : теоретическая модель комплексной программы. – М., 1990.
9. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усе, Ю. В. Голик. – Красноярск, 1991.
10. Фріс П. Л. Кримінально-правова політика у системі правової політики у сфері боротьби зі злочинністю // Кримінально-правова політика держави: теоретичні та практичні аспекти проблеми : матеріали міжнар. наук, конф., (Донецьк, 17-18 листоп. 2006 р.). – Донецьк, 2006.

11. Арендаренко А. В. Реализация принципа социальной справедливости в современном уголовном праве. – М., 2007.
12. Джу́жа О. М. Науково-практичний інтерес щодо становлення кримінально-виконавчої та кримінологічної політики України // *Pojęcie Interesu w naukach prawnych, prawie stanowionym i orzecznictwie sądowym konstytucyjnych Polski i Ukrainy*: матеріали І Люблін. Укр. семінару, (Люблін, 7-9 квіт. 2005 р.). – Люблін, 2005.
13. Кузнецова Н. Ф. Социальная обусловленность уголовного законодательства и научное обеспечение нормотворчества / Н. Ф. Кузнецова, Г. А. Злобин // *Сов. государство и право*. – 1976. – № 8.
14. Борисов В. І. Конституційна відповідність в системі чинників соціальної обумовленості кримінального закону // *Теоретичні та практичні проблеми реалізації Конституції України* : тези доп. та наук. повідомл. учасн. все-укр. наук.-практ. конф., (29-30 черв. 2006 р.) / за заг. ред. Ю. М. Грошевого, М. І. Панова. – Х., 2006.
15. Протидія організованим злочинностям у сфері торгівлі людьми. – Х., 2005.
16. Програма запобігання торгівлі жінками та дітьми від 25 вересня 1999 р. // *Офіційний вісник України*. – 1999. – № 39. – Ст. 947.
17. Комплексна програма протидії торгівлі людьми на 2002–2005 роки від 5 червня 2002 р. // *Офіційний вісник України*. – 2002. – № 23. – Ст. 1123.
18. Борисов В. І. Наукове забезпечення протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом // *Протидія відмиванню «брудних» коштів та фінансування тероризму: громадська підтримка та контроль* : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Київ, 20 черв. 2003 р.). – К., 2003.
19. Мельник М. І. Кримінальна відповідальність за злочини проти виборчих прав. – К., 2005.
20. Андрушко П. П. Злочини проти виборчих прав громадян та їх права брати участь у референдумі: кримінально-правова характеристика. – К., 2007.
21. Мельник М. І. Антикриміногенна політика // *Енциклопедія сучасної України*. – К., 2001. – Т. 1.
22. Зеленецький В. С. Антиуголовная политика Украины // *Кримінально-правова політика держави: теоретичні та практичні аспекти проблеми*: матеріали міжнар. наук. конф., (Донецьк, 17-18 листоп. 2006 р.). – Донецьк, 2006.
23. Гребеньков Г. В. Понятие «уголовно-правовая политика» как предмет лингво-семантического анализа (философский аспект проблемы) // *Кримінально-правова політика держави* : теоретичні та практичні аспекти проблеми : матеріали міжнар. наук. конф., (Донецьк, 17-18 листоп. 2006 р.). – Донецьк, 2006.
24. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо гуманізації відповідальності за правопорушення у сфері господарської діяльності : Закон України від 15 листопада 2011 р. № 4025-VI // *Голос України*. – 2011. – № 239. – 17 груд.
25. Примаченко О. Уроки минулих виборів. За фальсифікацію покарані окремі виконавці // *Дзеркало тижня*. – 2006. – 14-20 січ.

ПИТАННЯ СИСТЕМАТИЗАЦІЇ ОСОБЛИВОЇ ЧАСТИНИ КРИМІНАЛЬНОГО ПРАВА*

При дослідженні питань, пов'язаних із застосуванням категорії «система», філософська наука пропонує розуміти її як цілісну множину взаємопов'язаних елементів¹. Визначена сутність доповнюється формальними побудовами, що чітко описують певні особливості тієї чи іншої системи², зокрема, правової. Зазначене співвідношення сутності та форми є характерним для побудови системи кримінального права України, зокрема його Особливої частини.

У науковій літературі звертається увага, що питання системи кримінального права, незважаючи на його значущість, залишається недостатньо дослідженим³. Більшість науковців, звертаючись до нього, зазвичай зазначають, що кримінальне право складається із Загальної та Особливої частин, при цьому Загальна частина включає норми, що визначають завдання, принципи та основні інститути кримінального права, а Особлива частина містить норми, що описують конкретні види злочинів та конкретні види покарання, які можуть бути призначені за вчинення певних злочинів⁴. Не важко побачити, що наведені визначення Загальної та Особливої частин кримінального права, як і більшість їм подібних, значною мірою, як справедливо зауважує Ю. Є. Пудовочкін, відображають нормативістський підхід до права⁵. Зазначений підхід для кримінального права має достатньо вагоме обґрунтування, оскільки ця галузь права протягом тисячоліть розвивалася, набуваючи форму законів, як правило, у вигляді окремих законодавчих актів або в межах зводів законів як їх складова частина.

Безумовно, формування писемного кримінального законодавства відбувалося під впливом звичаєвого права, релігійних постулатів, судової практики тощо. Рушійною силою процесів нормотворення були

* Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / редкол. : В. І. Борисов та ін. — Х.: Право, 2013. — Вип. 26. — С. 29-41.

¹ Див. : *Философская энциклопедия* / гл. ред. Ф. В. Константинов. — М. : Сов. энцикл., — 1970. — Т. 5. — С. 19.

² Там само. — С. 19.

³ Див. : *Энциклопедия уголовного права*. — Т. 1: Понятие уголовного права. — СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. — С. 182.

⁴ Див. : *Кримінальне право України : Загальна частина : підручник* / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. ; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. — 4-те вид., переробл. і допов. — Х. : Право, 2010. — С. 16.

⁵ Див. : *Энциклопедия уголовного права*. — Т. 1: Понятие уголовного права. — СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. — С. 183-184.

ідеї, зумовлені потребами забезпечення засобами кримінального права розвитку та функціонування відносин відповідних суспільно-економічних формацій¹. Зазначені ідеї відбивали потреби як в охороні суспільних відносин, так і в регулюванні правовідносин, що виникали у зв'язку з учиненням конкретних суспільно небезпечних посягань.

Мабуть, тому, ще на початку ХХ ст. Л. С. Білогіриць-Котляревський відмітив, що кримінальне право поділяється на матеріальне та формальне, або процесуальне право: перше (кримінальне право у вузькому значенні) визначає зміст злочинних дій та наступних за ними покарань; друге (кримінальний процес) – судове провадження, необхідне для встановлення факту злочину та міри покарання².

Звернення до писемних пам'яток права засвідчує домінанту розвитку норм, характерних для Особливої частини, при формуванні законодавчих актів щодо відповідальності за окремі види суспільно небезпечних посягань. Разом із тим, поруч із визначеннями злочинів та покарань за них, законодавчі акти містили й положення, які у теперішній час становлять норми Загальної частини законодавства про кримінальну відповідальність. Так, Руській Правді була відома співучасть при вчиненні крадіжки. Закон вимагав притягувати до однакової відповідальності всіх осіб, які брали участь в учиненні цього злочину³. Цей самий пам'ятник Давньоруської держави містив норми, що стосуються характеристики суб'єктивної сторони при вчиненні вбивств⁴. Можна навести чимало подібних прикладів як стосовно Руської Правди, так й інших пам'яток кримінального права.

Процес еволюції законодавства про кримінальну відповідальність призвів до формування в більшості держав систематизованих за інститутами кримінального права нормативно-правових актів – кодексів (укладень, зведень тощо) із поділом їх на дві основні частини: Загальну та Особливу. Вважається, що вперше в історії кримінального права розподіл

¹ Так, ідеї, викладені Чезаре Беккарія в його відомій праці «Про злочини та покарання» (1764 р.), відіграли істотну роль у формуванні ліберально-демократичних принципів кримінального права європейських держав XVIII – XIX століть (див.: Юридична енциклопедія: в 6 т. / редкол.: Ю. С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. – К.: «Укр. енцикл.», 1998. – Т. 1: А – Г. – С. 217).

² Див.: Білогіриць-Котляревський Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л. С. Білогіриць-Котляревський. – Киев; СПб.; – Харьков, 1903. – С. 8.

³ Див.: Історія держави і права України: підручник: у 2-х т. / за ред. В. Я. Тація, А. Й. Рогожина / кол. авт.: В. Д. Гончаренко, А. Й. Рогожин, О. Д. Святоцький та ін. – К.: Вид. дім «Ін Юре», 2000. – Т. 1. – С. 83.

⁴ Там само. – С. 83.

кримінального законодавства на Загальну та Особливу частини було здійснено у 1791 р. у Кримінальному кодексі (далі – КК) Франції. Хоча, як зазначають окремі фахівці (зокрема, В. П. Коняхін, М. І. Хавронюк), структурне відособлення Загальної частини відбулося дещо раніше: у Німеччині в 1751 р. був виданий Звід баварських кримінальних законів, у 1768 р. – австрійське Кримінальне уложення Марії Терези (Терезіана). Що стосується Російської імперії, то таке виділення в її законодавстві сталося у 1833 р.¹

В Україні законодавство про кримінальну відповідальність становить КК України, що визначено в його ч. 1 ст. 3. Чинний КК був прийнятий Верховною Радою України 5 квітня 2001 р. У ч. 1 ст. 1 цього нормативно-правового акта зазначається, що КК має своїм завданням правове забезпечення охорони прав і свобод людини і громадянина, власності, громадського порядку та громадської безпеки, довкілля, конституційного устрою України від злочинних посягань, забезпечення миру і безпеки людства, а також запобігання злочинам. КК України відповідно до загальних тенденцій розвитку кримінального законодавства побудований на базі інститутів кримінального права та поділяється на Загальну й Особливу частини. Такий підхід до формування загальної структури сучасного законодавства обґрунтовується принаймні метою економії тексту кримінального закону та спрощення процесу його застосування². Разом із тим слід погодитися, що такий поділ є великою мірою умовним³. Він є доцільним виключно для зовнішньої форми кримінального права, яке дістає свій текстуальний вираз у законодавстві про кримінальну відповідальність⁴. Вочевидь, відповідно до мовних процесів «зворотнього зв'язку», пов'язаних із сприйняттям суспільством тієї чи іншої інформації загальнонаціонального характеру (у нашому випадку законодавства про кримінальну відповідальність), у навчальній і науковій літературі цілком слушно виокремлюються питання, присвячені Загальній та Особливій частинам кримінального права, серед яких, зокрема, «Поняття і система Особливої частини кримінального права»⁵.

¹ Див.: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. П. Коняхин. – Краснодар, 2002. – С. 8, 15.

² Див. Кримінальне право (Особлива частина) : підручник / за ред. О. О. Дудорова, Є. О. Письменського. – 2-ге вид. – К. : ВД «Дакар», 2013 – С. 15.

³ Там само. – 15.

⁴ Див. Энциклопедия уголовного права. – Т. 1 : Понятие уголовного права. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. – С. 188.

⁵ Див. Кримінальне право України : Особлива частина: підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. ; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 4-е вид., переробл. і доповн. – Х. : Право, 2010. – С. 9.

Водночас слід зауважити, що на відміну від системи законодавства, система права певною мірою є незалежною від волі законодавця¹, їй притаманні достатньо різноманітні складові. Так, В. П. Коняхін та Ю. Є. Пудовочкін зазначають, що система права, окрім писаного права, включає також звичаєве право, неписані принципи та аксіоми, міжнародно-правові акти рекомендаційного характеру, угоди ненормативного характеру, судові прецеденти, а також правосвідомість². І хоча наведене має загальнотеоретичний характер, однак виділені в ньому складові у повному або обмеженому обсязі можуть бути застосовані до кожної галузі права. Що стосується кримінального права, то воно включає в себе як ознаки, притаманні всім галузям права, так і суто свої, специфічні, властиві тільки цій галузі, ознаки³. Серед них найбільш характерною є його формальна визначеність. Підґрунтям формування кримінально-правових норм, сукупність яких являє собою галузь кримінального права, є закони про кримінальну відповідальність, що встановлюються тільки вищим органом законодавчої влади (в Україні – Верховною Радою) і закріплюються в КК, його Загальній та Особливій частинах (див. розділ II «Закон про кримінальну відповідальність» Загальної частини КК). Як бачимо, з одного боку, кримінальне право дістає свій вираз у формі законів про кримінальну відповідальність, з другого – на підставі законодавчих визначень⁴, що наводяться у статтях КК (їх частинах), формуються кримінально-правові норми.

Більшість науковців позначають логічно завершені законодавчі визначення термінами «припис»⁵, «нормативний припис»⁶ або «нормативно-правовий припис». Так, М. О. Мягков стосовно останнього підкреслює:

¹ Див. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 133.

² Див. Коняхин В. П. Зазначена праця. – С. 133; Энциклопедия уголовного права. – Т. 1: Понятие уголовного права. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. – С. 183-184.

³ Див. Кримінальне право України : Особлива частина : підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. ; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 4-е вид., переробл. і доповн. – Х. : Право, 2010. – С. 10.

⁴ У КК України словосполучення «Кримінальний кодекс України визначає» застосовується, зокрема, в ч. 2 ст. 1 КК; словосполучення «визначаються законом» – у ч. 2 ст. 4 КК, що дає підстави для використання у науковій літературі рівнозначного їм за змістом терміна «законодавче визначення».

⁵ Див. Уголовный закон и преступление / под ред. Э. С. Тенчова. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1997. – С. 16.

⁶ Див. Мицкевич А. А. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов власти и управления СССР. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 34.

«змістом кримінального закону України є система нормативно-правових приписів, що визначають діяння, які є злочинами, та відповідальність за них»¹. Слід наголосити, що законодавець більш виважено відноситься до цілісних законодавчих визначень, що містяться в КК, позначаючи їх терміном «норма закону». Так, у Кримінальному процесуальному кодексі України, що був прийнятий 13 квітня 2012 р., такий термін вживається в статтях 445, 448, 449 та ін. глави 33 «Проведення у Верховному Суді України». В ухвалах та роз'ясненнях вищих судових органів України також широко використовується цей термін².

У роботах окремих науковців термін «норма закону» (або «норма кримінального законодавства») також застосовується, однак, без належного його пояснення. Так, В. М. Кудрявцев у монографії «Общая теория квалификации преступлений» зазначав: «Для квалификации же *преступления* обязательным условием является ссылка на норму уголовного закона»³. В. В. Мальцев поруч із терміном «норма кримінального закону» застосовує також термін «норма кримінального законодавства»⁴.

Якщо звернутися до довідкової літератури стосовно змісту слів «припис» та «норма», то за певними позиціями це слова, що майже співпадають за змістом. Так, у «Новому тлумачному словнику української мови» в ряду суміжних визначень слова «припис» відмічається, що це: «Правило, покладене в основу якого-небудь вчення, моралі, ідеологічного

¹ Кримінальне право. Загальна частина : підручник / за ред. А. С. Беніцького, В. С. Гуславського, О. О. Дудорова, Б. Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – С. 168.

² Див. наприклад: Ухвала колегії суддів судової палати у кримінальних справах Верховного Суду України від 17 січня 2006 р. – Судова практика у кримінальних справах // Кримінальне судочинство. – 2007. – Вип. 1 (3). – С. 13-14; Ухвала колегії суддів Судової палати у кримінальних справах Верховного Суду України від 19 квітня 2007 р. – Судова практика у кримінальних справах // Кримінальне судочинство. – 2007. – Вип. 3 (5). – С. 98-99; Про практику застосування судами України законодавства про звільнення особи від кримінальної відповідальності : Постанова Пленуму Верховного Суду України від 23 груд. 2005 р. № 12 (п. 12) // Збірник постанов Пленуму Верховного Суду України з кримінальних справ (1973-2011) : станом на 26 верес. 2011 р. / упоряд. : Ю.М. Groшевий, О. В. Капліна, В. І. Тютюгін. – Х.: Право, 2011. – С. 324.

³ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юристъ, 1999. – С. 6. Див. також: Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2011. – С. 20, 99.

⁴ Див. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 79.

напрямку і т. ін.; канон, норма»¹ або «Основні правила в якій-небудь ділянці людської діяльності, зумовлені її сутністю; закони»².

Разом із тим тлумачення слова «припис» має ще один відтінок, пов'язаний скоріше з конкретною діяльністю людини, а не із загальним велінням усталеного змісту: «Вказівка або порада діяти певним чином; настанова, рекомендація»³. Як бачимо, розбіжності у тлумаченні цього слова набувають сутнісного характеру, що істотно зменшує можливість його застосування для опису форми законодавчого визначення. Що стосується слова «норма», то воно має більш однозначні тлумачення, які у своїй більшості зорієнтовані на опис форми загального веління. Це, зокрема: «Звичайний, узаконений, законопринятий, обов'язковий порядок, стан і т. ін.; правило, стандарти»⁴. Невипадково слово «норма» широко вживається в обігу не лише в праві, а й в інших сферах людської діяльності (наприклад, «норма моралі», «норма поведінки», «технічна норма» тощо). Уявляється, що значне вживання в обігу слова «норма» та більш однозначне його розуміння зумовлюють широке його застосування при описанні правил здійснення певного виду поведінки, у тому числі при викладенні змісту законів про кримінальну відповідальність.

Характерними для законодавства про кримінальну відповідальність є норми, які визначають злочинність певного виду суспільно небезпечного діяння та його караність. Такі визначення містяться в нормах Особливої частини КК. Найбільш повне уявлення про зміст суспільно небезпечного діяння, вчинення якого забороняється законом, надає кримінально-правова норма, яка формується не лише на підставі законодавчих визначень, що містяться у нормах Особливої частини КК, а й з урахуванням норм Загальної частини (наприклад, норм, що визначають суб'єкта злочину та його ознаки, вину та її форми). Певні елементи кримінально-правової норми формуються доктриною кримінального права, наприклад, щодо об'єкта злочину, причинного зв'язку між діянням та суспільно небезпечним наслідком. Вплив на формування кримінально-правової норми має також слідча та судова практика.

Останнім часом помітне місце у формуванні змісту певних кримінально-правових норм набувають рішення Верховного Суду України з приводу неоднакового застосування судом (судами) касаційної інстанції одних і тих самих норм закону України про кримінальну відповідальність щодо подібних суспільно небезпечних діянь (ст. 445 КПК).

¹ Новий тлумачний словник української мови : у 3 т. – Т. 2. – К.: Аконіт, 2001. – С. 902.

² Там само. – С. 902.

³ Там само. – С. 902.

⁴ Там само. – С. 374.

Висновки Верховного Суду України, викладені з підстав, зазначених у ст. 445 КПК, є обов'язковими для всіх суб'єктів владних повноважень, які застосовують у своїй діяльності відповідну норму закону, та для всіх судів України (ст. 458 КПК). Як бачимо, джерела, за рахунок яких формується зміст кримінально-правової норми, виходять далеко за межі законодавства України про кримінальну відповідальність. Однак серед них основним джерелом кримінального права, як і його кримінально-правових норм, є законодавство про кримінальну відповідальність, втілене в КК⁵. Підкреслюючи значення цього джерела, законодавець у ч. 3 ст. 3 КК зазначає: «Злочинність діяння, а також його караність та інші кримінально-правові наслідки визначаються *тільки* (підкреслено нами. – В.Б.) цим Кодексом».

Домінуюче значення законодавства про кримінальну відповідальність у системі джерел кримінального права дало підстави для твердження, висунутого В.П. Коняхініним, щодо істотного співпадіння структури системи кримінального права і структури системи кримінального законодавства як припустимого методологічного правила⁶. Що стосується системи Особливої частини кримінального права, то наведене твердження припустиме за умови його обмеження структурою Особливої частини законодавства про кримінальну відповідальність. Зазначена частина КК відповідає вимогам системності: має первинний елемент структури – особливу норму закону, яка складається із диспозиції і санкції; норми, що у своїй сукупності являють Особливу частину КК, є подібними: в їх диспозиціях визначається злочинність діяння, а в санкціях – вид і розмір покарання за злочин, указаний у диспозиції (винятки становлять роз'яснювальні, заохочувальні, виняткові норми⁷, але вони не характерні для Особливої частини КК, є допоміжними); норми об'єднані у розділи переважно за родовим об'єктом, що є основним критерієм структуризації Особливої частини КК; нарешті, сукупність норм, якими забезпечується охорона однорідних суспільних відносин, становлять собою інститути права. Все це дає підстави для визначення системи Особливої частини кримінального права як відносно самостійного нормативно-правового елемента в галузі кримінального права.

⁵ Див.: Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. – Т. 1 : Загальна частина / за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, В. І. Борисова, В. І. Тютюгіна ; Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. – 5-те вид., допов. – Х.: Право, 2013. – С. 12.

⁶ Див.: Коняхин В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 133.

⁷ Див.: Навроцький В. О. Кримінальне право України : Особлива частина: курс лекцій. – К.: Знання, 2000. – С. 21.

Ознайомлення з науковою та навчальною літературою з питань Особливої частини кримінального права (поняття, структура, елементи тощо) засвідчує, що їх автори обмежують свої судження оцінками законодавчого конструювання Особливої частини КК, що, як уже було відмічено, методологічно виправдано.

Із прийняттям у 2001 р. нового КК України підвищеної уваги набула проблема структури його Особливої частини¹. Слід зауважити, що, вирішуючи це питання, розробники КК одностайно дійшли висновку про необхідність поділу Особливої частини на розділи без подальшої їх диференціації на інші структурні складові. Тим самим була витримана лінійна система побудови Особливої частини КК, підґрунтям якої є родовий об'єкт злочину. У КК, прийнятому Верховною Радою України 5 квітня 2001 р., Особлива частина складається з 20 розділів, тоді як КК України 1960 р. мав 11 глав. Така деталізація була зумовлена низкою обставин. По-перше, це зумовлювалося необхідністю виділення суспільних відносин, які потребують виокремленого кримінально-правового захисту. Відповідно до цього, зокрема, сконструйовані розділи: «Злочини проти довкілля» (VIII), «Злочини в сфері використання електронно-обчислювальних машин (комп'ютерів), систем і комп'ютерних мереж і мереж електрозв'язку» (XX)². По-друге, у науці кримінального права було наведено достатньо переконливих аргументів щодо необхідності диференціації надміру великих розділів на більш дрібні, з тим щоб підкреслити важливість захисту тих або інших суспільних відносин. Йдеться, насамперед, про главу 3 КК 1960 р. «Злочини проти життя, здоров'я, волі і гідності особи», яка була розукрупнена на три розділи: «Злочини проти життя та здоров'я особи» (II), «Злочини проти волі, честі та гідності особи» (III), «Злочини проти статевої свободи і статевої недоторканості особи» (IV), а також про главу 10 «Злочини проти громадської безпеки, громадського порядку і народного здоров'я», на базі якої сконструйовані розділи: «Злочини проти громадської безпеки» (IX), «Злочини проти безпеки виробництва» (X), «Злочини проти безпеки руху та експлуатації транспорту» (XI), «Злочини проти громадського порядку та моральності» (XII), «Злочини у сфері обігу наркотичних

¹ Див. Хавронюк М. І. І знову про гуманізацію кримінального законодавства / М. І. Хавронюк // Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення. Прогалини у кримінальному законодавстві: Міжнар. симпозіум : тези і реферати доповідей. – Львів, 2008. – С. 292-293; Кримінальне право. Загальна частина: підручник / за ред. А. С. Беніцького, В. С. Гуславського, О. О. Дудорова, Б. Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – С. 32.

² У редакції Закону України № 908-IV від 5 червня 2003 р. (див. Відом. Верхов. Ради України. – 2003. – № 38. – Ст. 320).

засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів та інші злочини проти здоров'я населення» (ХІІІ).

Разом із тим, на відміну від попереднього законодавства, в одному розділі (VI) було об'єднано норми, якими встановлено відповідальність за посягання на власність незалежно від її форм. Рівність форм власності, що проголошена в законах незалежної України, зумовила рівний підхід і до її охорони від злочинних посягань.

Досить дискусійними виявилися питання про послідовність розташування розділів Особливої частини. Умовно всі розділи згруповані в три блоки. Перший блок включає розділи, якими охороняються права, свободи і законні інтереси людини і громадянина; другий – розділи, які мають охороняти інтереси суспільства; третій – розділи, які повинні охороняти інтереси держави. Особлива частина КК відкривається розділом «Злочини проти основ національної безпеки України». Деякі вчені, народні депутати України, практики висловлювалися проти розташування цього розділу на першому місці в системі Особливої частини КК, пропонували помістити його до блоку розділів, де йдеться про охорону інтересів держави. Розробники проекту КК, який готувався за завданням Кабінету Міністрів України, виявили достатню принциповість у питанні про місце даного розділу. Призначення цього розділу більш значуще, ніж просто захист інтересів держави. Йдеться про захист України як певної соціальної спільності людей зі своїм менталітетом, звичаями, стосунками, уявленнями про права і свободи, законні інтереси, які проживають на одній території і заінтересовані у суверенітеті, збереженні форми державного управління, цілісності й недоторканності держави. Названі цінності є складовим поняттям «основи національної безпеки України», вони є основними державоутворюючими цінностями українського народу, проголошеними статтями 1 і 2 Конституції України. Крім того, треба зазначити, що тільки в суспільстві, де гарантовані соціальна стабільність, громадський порядок і безпека, суспільна злагода, можливе реальне забезпечення захисту особистих, фізичних і духовних прав людини і громадянина, основні з яких закріплені в ст. 3 Конституції України. Захист цих прав передбачений розділами II, III, IV, V Особливої частини КК. «Забезпечення права на мир, на національну безпеку, на проживання в державі, форму якої обрано всенародно, – це гарантії, що в умовах місця й часу визначають реалізацію права громадян на життя й здоров'я, на вільне підприємництво тощо»¹.

¹ Кримінальне право. Загальна частина : підручник / за ред. А. С. Беніцького, В. С. Гуславського, О. О. Дудорова, Б. Г. Розовського. – К. : Істина, 2011. – С. 33.

Завершує систему Особливої частини КК розділ XX «Злочини проти миру, безпеки людства і міжнародного правопорядку». Важливо зазначити, що, на відміну від подібних розділів КК інших держав, у цей розділ включено також норми, покликані охороняти міжнародний правопорядок.

Таким чином, запропонована система Особливої частини КК 2001 р. відповідає в цілому досягненням науки кримінального права і тим змінам, які сталися в соціальному й економічному житті України.

Окремо необхідно зупинитися на найбільш характерних тенденціях розвитку норм Особливої частини, притаманних кримінальному законодавству не лише України, а й багатьох країн, що раніше входили до складу СРСР.

Перша тенденція. КК 2001 р. у статтях Особливої частини відмовився від вказівок на адміністративну преюдицію як умову кримінальної відповідальності. Така умова приводила до того, що адміністративні проступки при повторному їх здійсненні автоматично визнавалися злочинними діями. Це означало невиправдану криміналізацію певної частини діянь.

Друга тенденція. Значна кількість норм Особливої частини КК 1960 р., якими були передбачені формальні склади (це стосується і норм з адміністративною преюдицією), трансформована в КК 2001 р. у норми, які містять матеріальні склади злочинів. Це є свідченням про підвищення рівня (планки) суспільної небезпечності діяння для визнання його злочином.

Третя тенденція. Вона полягає у розширенні в Особливій частині кількості бланкетних норм. Особливо це характерно для норм розділу «Злочини у сфері господарської діяльності».

Четверта тенденція. Вона пов'язана з обмеженням, уточненням або роз'ясненням оціночних понять. Багато статей Особливої частини КК України 2001 р. забезпечені примітками, в яких дані роз'яснення понять, уживаних у тій чи у низці інших статей.

П'ята тенденція. Характерним для Особливої частини КК 2001 р. є збільшення в ній кількості норм, якими заохочуються щире каяття, активне сприяння розкриттю злочину, відшкодування завданого збитку та усунення заподіяної шкоди. Безумовно, розширення інституту заохочення в Особливій частині КК відповідає ідеї гуманізації кримінального законодавства і має перспективу розширення.

Шоста тенденція. Вона полягає в утвердженні в нормах Особливої частини КК ідеї гуманізації системи покарань. Так, санкції Особливої частини побудовані за принципом: від менш суворих покарань до більш

суворих. Сутність такої побудови полягає в тому, що суд, відмовляючись від м'якого покарання, повинен навести мотиви стосовно необхідності звернення до більш суворого покарання. Характерним є також зниження для більшості злочинів покарань у виді позбавлення волі та уведення в санкції покарань, альтернативних йому.

ИНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ*

В ч. 3 ст. 3 Уголовного кодекса Украины предусмотрено, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим кодексом. Вместе с тем законодателем не раскрывается понятие «иные уголовно-правовые последствия», как и не дано в законе перечня этих последствий. Единственное, что четко можно уяснить из законодательной формулировки «наказуемость и иные уголовно-правовые последствия», это характер соотношения обозначенных в ней понятий. Если первое включает в себя признаки общего характера, то второе – специального. Посредством наказуемости законодатель оценивает опасность преступного деяния для общества и угрожает возможностью применения к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания. Однако если в отношении наказания в отечественном законодательстве об уголовной ответственности сложилась определенная «традиция» – аккумулировать положения о данном уголовно-правовом последствии, особым образом подчеркивая это в отдельных главах УК, в которых приводятся, в частности, понятие наказания, его цели и виды, нормы о назначении и т.п., то в отношении иных уголовно-правовых последствий путем системного толкования нормативного материала удастся сделать лишь определенное предположение о видах таких последствий (о чем будет сказано ниже). В этой связи нельзя не согласиться с тем, что отсутствие необходимой строгости в употреблении того или иного понятия, в какой-то мере объяснимое для теоретических изысканий, вряд ли допустимо для применения законодательных формулировок [8, с. 36], призванных обозначать явления, стоящие в одном ряду с наказуемостью.

* Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – Иркутск: ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права». – 2014. – № 4. – С. 125-139 (в соавт. с В. С. Батыргареевой).

Вместе с тем такой подход законодателя к определению круга составляющих, подпадающих под общее понятие «уголовно-правовые последствия», через использование словосочетания «наказуемость и иные уголовно-правовые последствия», является наглядным свидетельством смешанной природы некоторых институтов уголовно-правового регулирования, что обусловлено потребностью в соответствующей реакции социума на общественно опасные деяния или на действия, подобные им по форме проявления, путем заимствования для этого отдельных мер и средств, присущих феноменам иных сфер общественной жизни (медицине, психиатрии, педагогике, психологии, другим отраслям права и т.д.). В свою очередь, именно этим объясняется необходимость углубленного анализа понятия «иные уголовно-правовые последствия». К тому же обращение к столь сложной проблематике предопределяется и актуальностью вопроса неуклонного соблюдения конституционных прав и свобод лиц, в отношении которых эти иные уголовно-правовые последствия могут применяться.

Несмотря на значительные доктринальные наработки в указанном направлении и законодательном закреплении как самой идеи, так и различных составляющих комплексного института иных уголовно-правовых последствий, вопросы его определения, установления составляющих, их содержания и целей, оснований, условий и порядка применения отдельных подинститутов и др. на сегодня не получили окончательного решения. Это подтверждается наличием ряда спорных позиций в теории уголовного права, пробелами в законодательном регулировании многих аспектов применения составляющих указанного института и значительными трудностями, возникающими в этой связи в правоприменительной практике.

Одним из таких проблемных вопросов в первую очередь является *установление перечня* возможных видов правовых реакций, охватываемых понятием «иные уголовно-правовые последствия», за совершение определенных общественно опасных деяний. Ведь от этого будет зависеть и дальнейший ход рассуждений в определении сущностных признаков и свойств данного института уголовного права в целом. Пытаясь установить этот перечень, в методологическом плане своеобразными ориентирами поиска следует признать, во-первых, обращение к истории законодательного решения данной проблемы в прошлом, во-вторых, рассмотрение законодательного подхода к аналогичной проблеме в УК РФ и некоторых других государствах постсоветского пространства, а также в уголовном законодательстве стран Западной Европы и Северной Америки [36-40], в-третьих, обзор основных позиций по данному

вопросу в теории уголовного права, в-четвертых, анализ соответствующих законодательных новаций в уголовном праве, произошедших в последнее время в Украине. Но прежде чем воспользоваться обозначенными ориентирами, необходимо сделать одно важное пояснение, касающееся уточнения предмета исследования, которому посвящена данная публикация.

Итак, базовая норма, в которой упоминается об иных уголовно-правовых последствиях совершения общественно опасного деяния, закреплена в уже упомянутой выше ч. 3 ст. 3 УК Украины. Представляется вполне логичным, что таковыми последствиями (с акцентом на слово «иные») охватывается все то, что следует за совершением преступления, исключая собственно наказание, полностью поглощаемое категорией «наказуемость», о которой также говорится в этой части статьи. Причем нетрудно сделать заключение, что за совершением преступления могут следовать, помимо наказания, освобождение от уголовной ответственности, наказания и его отбывания, и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, и судимость, и применение в определенных случаях принудительных мер медицинского и воспитательного характера, и специальная конфискация, и др. Как видим, спектр возможных последствий совершения преступления очень велик.

В ситуации отсутствия законодательного определения понятия «иные уголовно-правовые последствия» совершения общественно опасного деяния, на наш взгляд, целесообразно ограничить объем данных последствий определенной группой предусмотренных законом мер, которые не вызывают сомнений относительно их принадлежности к уголовно-правовым последствиям, обозначенным законодателем как «иные». При этом, обосновывая связь категорий «последствия» и «меры», мы прибегаем к опыту законодательного изложения соответствующих положений, содержащихся в ч. 2 ст. 2, разд. V «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ, в которых, в отличие от украинского законодательства, выдержано терминологическое единство: в анализируемых словосочетаниях используется только термин «меры». Таким образом, пытаясь установить перечень иных уголовно-правовых последствий совершения общественно опасного деяния, мы должны идти по пути выделения прежде всего тех из них, в которых индикатором их принадлежности к исследуемому понятию является слово «меры». Такой подход позволяет вычленить иные уголовно-правовые последствия в собственном смысле слова или в узком их понимании. Поэтому при анализе в данной публикации *иных* уголовно-правовых последствий

совершения общественно опасного деяния, о которых идет речь в ч. 3 ст. 3 УК Украины, мы будем придерживаться логики именно такого подхода к толкованию указанных последствий (конечно же, с необходимыми пояснениями и иллюстрациями различных точек зрения, иногда выходящих за пределы очерченного выше предмета исследования).

Изучение уголовного законодательства советского периода дает возможность отметить, что в правовом поле уже давно были «прописаны» *принудительные меры воспитательного и медицинского характера*. В уголовных кодексах УССР 1922 и 1927 гг. и даже ранее – в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹ – указанные меры, наряду с мерами репрессивного характера, составляли известную триаду понятия «меры социальной защиты», хотя последний термин как обобщающий для всех перечисленных мер закрепился лишь в 1927 г. Так, в ст. 5 УК УССР 1927 г. (в котором законодатель, кстати, отказался от понятия наказания вплоть до 1934 г.) уже четко отмечалось, что к мерам социальной защиты относятся меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. К мерам социальной защиты медицинского характера относились принудительное лечение и помещение лица в медико-изоляционные учреждения, а к мерам социальной защиты медико-педагогического характера – установление опеки, передача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам, учреждениям и организациям, а также помещение в специальные заведения – реформаториумы (ст. 23, 24 УК УССР 1927 г.). Позже эти меры, причем в их нынешнем терминологическом обозначении, были восприняты УК УССР 1960 г. (ст. 11 «Принудительные меры воспитательного характера», ст. 13 «Принудительные меры медицинского характера»). Но до принятия в 2001 г. нового УК Украины на протяжении почти 40 лет существовала парадоксальная ситуация: на каком основании эти меры входили в предмет уголовно-правового регулирования? Ведь предыдущий кодекс, в отличие от ныне действующего, регламентируя вопросы преступности и наказуемости деяния, ничего не говорил о каких-либо иных уголовно-правовых последствиях совершения общественно опасного деяния, к которым традиционно и относится в первую очередь применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера.

УК Украины 2001 г. более детально, чем предыдущий закон, регламентирует применение принудительных мер медицинского характера.

¹ В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. предусматривались как меры воспитательного (приспособления), так и медицинского (лечебные меры и меры предосторожности) характера (подробнее см.: [27]).

Понятие и цель таких мер, их виды, круг лиц, к которым они могут быть применены, а также общий порядок их назначения, продления, изменения или прекращения предусмотрены в разд. XIV УК. Относительно принудительных мер воспитательного характера следует отметить, что они предусмотрены разд. XV «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». По сравнению с УК 1960 г. нормами настоящего раздела расширены возможности применения таких мер. Так, освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности возможно не только за совершение впервые преступления небольшой тяжести (по терминологии УК 1960 г. – преступления, не представляющего большой общественной опасности), но и за совершение впервые неосторожного преступления средней тяжести. При освобождении несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера законом вообще не требуется, чтобы преступление небольшой или средней тяжести было совершено впервые. Суд, установив наличие искреннего раскаяния и последующего безупречного поведения лица на момент постановления приговора, не должен доказывать, что исправление подростка, освобожденного от наказания, может быть достигнуто путем применения воспитательных мер принудительного характера, как это требуется во время освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Если обратиться к УК РФ 1996 г., то можно увидеть, что законодатель этого государства, пытаясь придать большую определенность и четкость правовой регламентации института иных мер уголовно-правового характера, в отдельной одноименной главе относит к таковым принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества¹, в то время как принудительные меры воспитательного воздействия как будто искусственно, по каким-то субъективным соображениям целесообразности и удобства в изложении нормативного материала или, возможно, «случайно» (?), в УК РФ 1996 г. вынесены за пределы этой главы (хотя по своей сути принудительные меры воспитательного характера тяготеют ближе к обозначенному институту, нежели отдельные случаи принудительных мер медицинского характера). Кстати, в УК Эстонии меры воздействия медицинского и воспитательного характера объединены в общую главу 6 «Меры воздействия медицинского и воспитательного характера».

¹ В Украине подобный институт получил в УК несколько иное название – «иные уголовно-правовые последствия», что дает возможность его более ограниченного толкования, в частности рассматривать его как дополнительное средство решения задач уголовного права.

Безусловно, такой законодательный подход сказался на развитии этого вопроса в теории уголовного права РФ. Так, если до изменений, внесенных в разд. VI УК РФ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, даже утверждалось, что принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия нельзя считать уголовно-правовыми мерами, поскольку они не имеют уголовно-правовой природы [8, с. 37], то после этого события, например, авторы учебника «Уголовное право России. Часть Общая» (2012) призвали строго придерживаться буквы закона, относя к мерам уголовно-правового характера только те из них, на которые прямо указывается в разд. VI УК РФ [31, с. 533-557]. В то же время другие ученые утверждают, что законодатель произвольно объединил в одном разделе два совершенно разных уголовно-правовых института: институт принудительного лечения и институт конфискационных мер [20, с. 83-84]. Также существует мнение, что меры уголовно-правового характера следует дополнить еще и принудительными мерами воспитательного воздействия [3; 10], предлагая при этом перенести нормы о применении данных мер в раздел «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ с выделением в нем отдельной одноименной главы под названием «Принудительные меры воспитательного воздействия» [13].

Если обратиться к ч. 2 ст. 2, ст. 3, 6 и 7 УК РФ, то нетрудно увидеть, что иные меры уголовно-правового характера устанавливаются за совершение *преступления*. В такой ситуации ряд случаев применения принудительных мер медицинского характера (например, к невменяемым, лицам, совершившим преступление в состоянии вменяемости, но в дальнейшем заболевших психической болезнью) по логике законодателя не может регламентироваться нормами уголовного закона, а следовательно, не является сферой уголовно-правового воздействия. И действительно, некоторые ученые, подчеркивая этот факт, отмечают, что к числу иных мер уголовно-правового характера следует относить те из них, которые сами по себе являются уголовно-правовыми, т.е. меры, применение которых влечет за собой изменение уголовно-правового статуса личности. По данному параметру, по мнению И. Э. Звечаровского, из числа мер уголовно-правового характера следует исключить принудительные меры медицинского характера, а также меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним [8, с. 37]. В свое время некоторые авторы предлагали даже перенести положения уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера в соответствующие разделы гражданского, гражданско-процессуального законодательства и законодательства об охране здоровья [4].

Однако уже на современном этапе развития уголовного законодательства С. И. Курганов (очевидно, не без влияния законодательного подхода к решению проблемы иных мер уголовно-правового характера) делает вывод с точностью до наоборот: из того, что в ч. 2 ст. 2 УК РФ говорится о мерах уголовно-правового характера за совершение преступлений, еще не следует, что все меры уголовно-правового характера применяются только за их совершение [17, с. 59].

Пытаясь найти выход из ситуации несогласованности законодательного подхода к пониманию иных мер уголовно-правового характера с некоторыми случаями применения принудительных мер медицинского характера, а также конфискации имущества и принудительных мер воспитательного воздействия, В. Д. Филимонов, в частности, предлагает компромиссное решение: меры медицинского характера и конфискация имущества назначаются *не за совершение преступлений, а в связи с совершением преступлений или иных общественно опасных деяний*. Указанные меры ученый считает необходимым относить к мерам безопасности, поскольку собственно меры уголовно-правового характера не могут существовать вне пределов уголовно-правовых отношений. В свою очередь, принудительные меры воспитательного воздействия он предлагает относить к мерам административной ответственности, применяемым судом¹ [32, с. 37]. В то же время ученым подчеркивается, что все перечисленные меры, хотя и не могут рассматриваться как меры уголовно-правового характера, поскольку имеются основания *считать их мерами, имеющими уголовно-правовое значение*, вполне обоснованно включены в текст уголовного закона (например, принудительные меры медицинского характера уточняют основания применения уголовной ответственности и наказания; нормы, относящиеся к конфискации имущества, позволяют выявить разницу между конфискацией как уголовным наказанием и мерами, направленными на изъятие у преступника средств совершения преступления, а также имущества, добытого в результате совершения преступлений или предназначенного для их совершения; возможность исправления несовершеннолетних путем

¹ Аналогичную позицию в плане отнесения принудительных мер медицинского характера к мерам безопасности занимают и другие ученые, в частности Г. В. Назаренко, А. Б. Меджидова, Р. И. Михеев, С. В. Полубинская и др. (подробнее см.: [35, с. 42; 19, с. 38; 25, с. 413-414; 18, с. 729 и др.]. К слову, уголовному праву многих современных зарубежных государств также известно понятие «меры безопасности», в том числе «меры безопасности медицинского характера». Данный термин употребляется, например, в законодательстве США, Франции, Испании, Болгарии, Республики Беларусь. Иногда эти меры в юридической литературе именуются социальными мерами защиты.

применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия является одним из условий освобождения от уголовной ответственности и наказания) [32, с. 37-38].

В любом случае тогда справедливо возникает вопрос: а что же относить к иным мерам уголовно-правового характера, на которые прямо указывает уголовный закон, и является ли этот список исчерпывающим? «Если исключить принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия и конфискацию имущества из числа «иных мер уголовно-правового характера», то о каких «иных мерах уголовно-правового характера за совершение преступления» говорит ч. 2 ст. 2 УК РФ?» – справедливо задается вопросом С. И. Курганов [17, с. 62].

Как видим, в современной российской уголовно-правовой науке обязательным пунктом дискуссий в области, о которой идет речь, становится вопрос содержательного наполнения понятия «иные меры уголовно-правового характера» перечнем его составляющих. Анализ взглядов относительно этих составляющих позволяет прийти к выводу, что существуют не только значительно различающиеся интерпретации данного понятия, основанные на разном понимании природы и оснований применения тех или иных мер, но и различные их комбинации, которыми обуславливается соответственно и содержание данного понятия. Причем своеобразным водоразделом в разнообразии предлагаемых позиций может быть констатация такого факта: придерживается ли тот или иной ученый, так сказать, традиционных взглядов на эту проблему, которые сформированы, в частности, под влиянием решения данной проблемы законодателем, или исследователь является сторонником широкого подхода к определению видов иных мер уголовно-правового характера, что отражается, в частности, в расширении перечня указанных мер за счет включения в него тех из них, которые полностью охватываются наказуемостью.

Примером традиционного подхода (с учетом законодательных новелл последнего времени) является позиция российских исследователей С. И. Курганова и Ф. Б. Гребенкина, которые, солидаризируясь с законодательным подходом к определению круга иных мер уголовно-правового характера, отмечают, что эти меры включают принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества [5, с. 219-257; 17, с. 59].

Представителем широкого подхода следует признать уже упоминавшегося В. Д. Филимонова, который отмечает, что иными мерами уголовно-правового характера могут считаться лишь меры уголовной

ответственности, применяемые, как и наказания, за совершение преступлений. На этом основании к иным мерам уголовно-правового характера по смыслу ч. 2 ст. 2 и ст. 6 УК РФ он предлагает относить условное осуждение и отсрочку от отбывания наказания [32, с. 40]. Из контекста рассуждений И. Э. Звечаровского к иным мерам уголовно-правового характера следует относить все виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, условное осуждение, замену неотбытой части наказания более мягким (или более суровым) наказанием и снятие судимости [8, с. 36-37]. В то же время в литературе также встречается мнение, что к иным мерам уголовно-правового характера относятся принудительные меры воспитательного воздействия и принудительные меры медицинского характера [12, с. 28; 13; 26, с. 14], выдача лица, обвиняемого в совершении преступления, иностранному государству [15, с. 10], а также условное осуждение и отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей [6, с. 16].

Как видим, почти в любой попытке установить перечень мер уголовно-правового характера, в частности тех, к которым добавляется прилагательное «иные», внимание исследователей – представителей широкого подхода, помимо проблемы их определения, перемещается в плоскость возможного соотнесения этих мер с формами реализации уголовной ответственности. Так, утверждается, что применение иных мер уголовно-правового характера происходит, как правило, вместо уголовной ответственности; принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, условное осуждение, отсрочку исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение, некоторые дополнительные наказания и судимость можно считать своеобразными формами реализации уголовной ответственности, к ним не относятся только принудительные меры, применяемые к лицам, страдающим психическими заболеваниями [2, с. 142; 11, с. 287]. Исходя из последнего утверждения логичным представляется отнесение всех иных мер уголовно-правового характера к формам реализации уголовной ответственности.

Такой путь к установлению перечня иных мер уголовно-правового характера (посредством выяснения их возможного соотнесения с формами реализации уголовной ответственности), по мнению многих ученых, считается методологически правильным и логически обоснованным (К. А. Бузанов, И. Э. Звечаровский, С. В. Землюков, Т. М. Калинина, И. А. Коновалова, С. И. Курганов, В. В. Палий и др.).

Исследованием отдельных составляющих, отнесенных отечественной правовой доктриной к уголовно-правовым последствиям (их сущности, понятия, условий и порядка применения и т.п.), занимались и продолжают заниматься многие украинские ученые (Ю. В. Баулин, В. Н. Бурдин, Н. А. Гуторова, А. А. Житный, И. В. Жук, М. М. Книга, Л. Н. Кривоченко, В. В. Лень, А. А. Музыка, В. А. Навроцкий, Н. И. Панов, Ю. А. Пономаренко, А. М. Собко, Е. В. Фесенко, Н. И. Хавронюк, П. В. Хряпинский, О. А. Ямковая, С. С. Яценко, А. Н. Ященко и др.). Анализ отечественных научных источников свидетельствует, что проблема иных уголовно-правовых последствий еще далека от окончательного решения, не говоря уже о доминировании какой-либо одной устоявшейся позиции, по крайней мере относительно перечня таких последствий. В этом плане *украинской уголовно-правовой науке присущ более узко прагматический подход, ориентирующийся на раскрытие, хотя и всестороннее, но только какого-либо одного вида иных уголовно-правовых последствий.*

Лишь немногочисленные исследования украинских авторов можно рассматривать как такие, в которых предпринимается попытка более или менее системно представить перечень иных уголовно-правовых последствий. Среди работ последнего времени следует выделить научную публикацию Н. И. Хавронюка под названием «Заходи кримінально-правового впливу: які вони бувають». В этой публикации ученый, в частности, отмечает, что под такими мерами, очевидно, следует понимать: судимость; принудительные меры воспитательного характера, кроме случаев применения их к лицу, совершившему общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого может наступить уголовная ответственность; принудительные меры медицинского характера; принудительное лечение; конфискацию (изъятие) и уничтожение определенных предметов, инструментов, сырья и материалов для их производства [33, с. 6].

Если обратиться к анализу отечественной литературы по уголовному праву, вышедшей в свет некоторое время назад, которой также присущ определенный элемент системного подхода в изложении научного взгляда на проблему, о которой идет речь, то можно сделать вывод, что к числу иных уголовно-правовых последствий были отнесены по крайней мере принудительные меры медицинского характера, принудительное лечение и принудительные меры воспитательного характера. Например, В. М. Трубников и А. А. Яровой однозначно подчеркнули, что к этим последствиям относятся прежде всего принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение, принудительные

меры воспитательного характера [30, с. 138]. И. В. Жук прямо отметила, что в уголовно-правовом аспекте принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение не являются наказанием, а относятся к иным уголовно-правовым последствиям общественно опасного деяния [7, с. 6]. При этом отметим, что своеобразной чертой украинского законодательства по определению иных уголовно-правовых последствий является то, что как отдельное такое последствие рассматривается и принудительное лечение. Кстати, принудительные меры лечения предусмотрены и в УК Республики Беларусь, однако из законодательных положений этого УК следует, что принудительные меры безопасности и лечения – единый и неделимый комплекс мер, применяемых к психически больным, совершившим общественно опасные деяния, лицам с уменьшенной вменяемостью, а также к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Фактически под мерами безопасности в УК Белоруссии понимается то, что по украинскому законодательству считается принудительными мерами медицинского характера. В свою очередь, в УК Армении принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение употребляются как синонимы.

Относя принудительные меры медицинского и воспитательного характера к иным уголовно-правовым последствиям, лишь заметим, что эти меры применяются не только в связи с совершением преступления, но и в случаях совершения лицами общественно опасных деяний, предусмотренных УК (речь идет, в частности, о невменяемых лицах, а также лицах, не достигших возраста уголовной ответственности). То есть, как видим, данный институт связан не только с преступностью, но и с общественно опасными деяниями, не признаваемыми по уголовному закону преступлениями, однако признаки которых описаны в нормах Особенной части УК [28]. В таких случаях складывается впечатление, что уголовный закон выходит за пределы своей «компетенции». Несмотря на возможность такого вывода, применение данных мер, еще раз подчеркнем, связано с совершением именно общественно опасных деяний, оценка которых является прерогативой уголовного права. И этот факт свидетельствует о *правомерности «вмонтирования» норм об иных уголовно-правовых последствиях, ряд из которых по своей природе не являются нормами уголовного права, в материю законодательства Украины об уголовной ответственности.*

Что касается *конфискации имущества*, то в рассматриваемый временной период (напомним: со времени установления советской власти на большей части территории Украины и до сегодняшнего дня) ее отно-

сили сначала к системе наказаний, позже – к мерам социальной защиты судебно-исправительного характера и снова – к системе наказаний. При этом уголовный закон советской эпохи фактически предусматривал и такой вид конфискации имущества, который получил название *специальной* и относительно природы которого, а соответственно, и места специальной конфискации в системе уголовно-правовых институтов и до настоящего времени высказываются различные взгляды. В Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Украины (2013) отмечается, что специальная конфискация как особая мера принудительного характера распространяется на предметы, признанные вещественными доказательствами по делу (ст. 98 УПК), и применяется на основании ч. 9 ст. 100 УПК. В то же время этот вид конфискации предусматривается и в уголовном законе (более чем в 60 санкциях статей Особенной части УК) [16, с. 235].

Если обратиться к уголовному законодательству стран бывшего СССР, то Уголовным кодексом РФ конфискацию имущества (специальную конфискацию) отнесли к иным мерам уголовно-правового характера с дополнением в 2006 г. разд. VI УК соответствующей одноименной главой 15¹ «Конфискация имущества». При этом, как уже отмечалось, из числа наказаний конфискация имущества изъята. В УК Молдовы как мера безопасности предусмотрена именно специальная конфискация, случаи применения которой, однако, во многом совпадают с предусмотренными в УК РФ. Причем в ст. 106 УК Молдовы «Специальная конфискация» приведено как определение этой конфискации, так и исчерпывающий перечень имущества, которое подлежит специальной конфискации. Кстати, подобное законодательное решение имеет давние теоретические корни. В специальной литературе в свое время высказывалось мнение о нецелесообразности сохранения общей конфискации всего или части имущества виновного лица и замене ее конфискацией специальной (орудий и предметов преступления), поскольку общая конфискация нередко затрагивает имущественные интересы невиновных лиц, предусматривает изъятие предметов и вещей, приобретенных в том числе законным путем, и др. [9, с. 100-101; 34, с. 41-43]. Как видим, общая и специальная конфискация, их правовая природа, соотношение и т.п. – это многомерная проблема, разрешение которой требует системности в подходах к вопросам содержания конфискации, ее видов, определения отраслевой принадлежности и др. В любом случае, пытаясь найти истину, как кажется на первый взгляд, в замкнутом круге, методологически правильным представляется выделение в законодательстве возможных видов конфискации. Именно таким путем как

будет показано ниже, и пошел украинский законодатель. В настоящее время отечественным законодательством об уголовной ответственности, во-первых, прямо закреплена конфискация имущества как вид наказания; во-вторых, дано определение и установлен перечень тех случаев конфискации имущества, которые, не будучи наказанием, отнесены к иным уголовно-правовым последствиям и обозначены термином «специальная конфискация». В то же время и нормами уголовного процессуального законодательства предполагается по сути применение специальной конфискации. Так, исходя из практики признания на основании ст. 100 УПК Украины того или иного изъятого имущества вещественными доказательствами в уголовном производстве, специальной конфискацией охватываются случаи изъятия: 1) денег, ценностей и иного имущества, которые принадлежат обвиняемому и были приисканы, изготовлены, приспособлены или использованы как средства или орудия совершения уголовного правонарушения; 2) денег, ценностей и иного имущества, которые предназначались для склонения лица к совершению уголовного правонарушения, финансирования и (или) материального обеспечения уголовных правонарушений или вознаграждения за их совершение; 3) имущества, изъятого из оборота, с целью дальнейшей передачи соответствующим учреждениям или уничтожения; 4) денег, ценностей и иного имущества, которые были объектом уголовного правонарушения или иного общественно опасного деяния, с целью возвращения законным владельцам, а в случае их неустановления – передачи в доход государства; 5) денег, ценностей и иного имущества, приобретенного в результате совершения уголовного преступления, а также доходов от них с целью передачи в доход государства.

Кстати, в юридической литературе в свое время была высказана позиция, состоящая в том, что в современном уголовном законодательстве Украины и России предусмотрено несколько различных видов конфискации имущества. Первый из них – это так называемая не уголовно-правовая конфискация имущества (специальная конфискация); второй – уголовно-правовая конфискация имущества как иная уголовно-правовая мера, а именно как мера защиты от злоупотреблений виновным правом собственности на определенные вещи; третий (только в УК Украины) – уголовно-правовая конфискация как вид наказания [21, с. 652]. При таком подходе к природе конфискации вообще снимается вопрос об отнесении специальной конфискации к иным уголовно-правовым последствиям, поскольку конфискация, подпадающая под вторую из приведенных разновидностей, проявляется в изъятии орудий

и средств совершения преступления, законно находящихся у лица на праве собственности. Вместе с тем отмечается, что специальная конфискация представляет собой случай закрепления не уголовно-правовой нормы в уголовном законе [21, с. 651].

Определенную точку в раскрытии правовой природы специальной конфискации поставил законодатель Украины. В апреле 2013 г. Верховной Радой принят Закон Украины «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины)» [24]. Как было отмечено в Пояснительной записке к проекту указанного закона, его принятие обусловлено необходимостью приведения норм действующего законодательства Украины в соответствие с положениями Уголовной конвенции о борьбе с коррупцией в части введения процедуры специальной конфискации имущества и доходов, полученных от коррупционных деяний.

Для достижения этой цели, во-первых, было изменено название разд. XIV «Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение» Уголовного кодекса на «Иные меры уголовно-правового характера», раздел дополнен новыми статьями – 96¹ «Специальная конфискация» и 96² «Случаи применения специальной конфискации», которыми определяются понятия специальной конфискации, ее предмет и порядок применения; во-вторых, в санкции ряда статей Особенной части УК Украины (с изменением названий некоторых из них в связи с исключением термина «взятка») включены положения, предполагающие специальную конфискацию (ст. 364 «Злоупотребление властью или служебным положением», 366 «Служебный подлог», 368 «Принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом», 368² «Незаконное обогащение», 369 «Предложение или предоставление неправомерного преимущества должностному лицу», 369² «Злоупотребление влиянием»); в-третьих, в новой редакции изложены соответствующие статьи УПК Украины, которыми регулируются вопросы применения специальной конфискации конкретного имущества, в частности процессуальный механизм ее обеспечения. Следствием принятия этого документа стало введение действенного механизма конфискации имущества и доходов, полученных от коррупционных деяний, что в целом положительно должно повлиять на уменьшение уровня коррупции в государстве, способствовать преодолению негативных последствий от коррупционных деяний и минимизировать ущерб государству, причиненный совершением коррупционных деяний

должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления¹.

В мае 2014 г. Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины» [22] в указанный выше нормативно-правовой акт были введены некоторые коррективы, которыми, во-первых, расширен круг преступных деяний, за совершение которых возможно применение специальной конфискации (ст. 354 «Подкуп работника предприятия, учреждения или организации», 364¹ «Злоупотребление полномочиями должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы», 365² «Злоупотребление полномочиями лицами, которые предоставляют публичные услуги»); во-вторых, исключено применение специальной конфискации за совершение служебного подлога, предусмотренного ст. 366 УК; в-третьих, предусматривается, что специальная конфискация применяется не только при условии совершения преступления, предусмотренного ст. 354 и ст. 364, 364¹, 365², 368-369² разд. XVII Особенной части УК, но и при совершении общественно опасного деяния, подпадающего под признаки деяния, предусмотренного указанными статьями, а также в случаях, когда лицо не подлежит уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, или невменяемостью либо освобождается от уголовной ответственности или наказания по основаниям, предусмотренным настоящим кодексом, кроме освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

Отдельно следует сказать несколько слов о *некоторых новациях уголовных кодексов республик бывшего СССР* в перечне тех мер, которые их уголовным законодательством отнесены к иным уголовно-правовым последствиям. К таким новациям, например, можно отнести в УК Молдовы обязательную химическую кастрацию в отношении сексуальных насильников несовершеннолетних. Примечательно, что впоследствии Конституционным судом Молдовы данная норма признана неконституционной [14]. Интересно, что среди иных уголовно-правовых последствий (по терминологии УК Молдовы – мер безопасности) в отдельной

¹ Следует обратить внимание на терминологию, примененную в этом законе. Новый раздел имеет название «Иные меры уголовно-правового характера», хотя в ч. 3 ст. 3 УК Украины указывается на «иные уголовно-правовые последствия». Очевидно, такой подход не избежал некоторого влияния со стороны российской законодательной практики.

главе указываются и принудительные меры медицинского и воспитательного характера, высылка и специальная конфискация. В отдельной главе VIII¹, которой дополнен в 2005 г. УК Латвии, предусмотрены принудительные меры воздействия, применяемые к юридическим лицам. К перечню видов этих мер относят: ликвидацию юридического лица, ограничение прав, конфискацию имущества и денежное взыскание.

В мае 2013 г. Верховной Радой Украины был принят нормативно-правовой акт, который также имеет непосредственное отношение к проблеме иных уголовно-правовых последствий. Речь идет о Законе Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц)» [23], целью которого является введение возможности *применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера* в связи с совершением их уполномоченными лицами от имени и в интересах юридического лица любого из преступлений, предусмотренных ст. 209, 306, ч. 1 и 2 ст. 368², ч. 1 и 2 ст. 368⁴, ст. 369, 369² УК, а также ст. 109, 110, 113, 146, 147, 160, 260, 262, 436-438, 442, 444, 447, или же с совершением уполномоченным лицом от имени юридического лица какого-либо из преступлений, предусмотренных ст. 258-258⁵. Указанным законом Уголовный кодекс Украины дополнен новым разделом XIV-1 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», а также определены основания и общие правила применения к юридическим лицам таких мер уголовно-правового характера, как штраф, конфискация имущества, ликвидация юридического лица. Закон Украины от 23 мая 2013 г. № 314-VII должен был вступить в силу с 1 сентября 2014 г. Но через год (май 2014 г.) этот документ выше уже указанным Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины» дополнен некоторыми новыми положениями. В частности, им предусматривается, что основанием для применения к юридическому лицу мер уголовно-правового характера выступает необеспечение выполнения возложенных на его уполномоченное лицо законом или учредительными документами юридического лица обязанностей по принятию мер по предотвращению коррупции, что привело к совершению любого из преступлений, предусмотренных в ст. 209 и 306, ч. 1 и 2 ст. 368³, ч. 1 и 2 ст. 368⁴, ст. 369 и 369² УК. Упомянутый закон, дополнивший по сути положения Закона Украины от 23 мая 2013 г. «О внесении изменений

в некоторые законодательные акты Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц)», вступил в силу с 14 мая 2014 г.

Данные нормативно-правовые акты, на наш взгляд, являются свидетельством компромиссного подхода к проблематике установления ответственности юридических лиц путем использования законодательства об уголовной ответственности. Одной стороной этого компромисса выступает группа ученых, высказывающих в доктрине уголовного права радикальную позицию, суть которой заключается в том, что при ограничении круга субъектов преступлений только физическими лицами не раскрывается вся полнота причин наступивших общественно опасных последствий, заключающихся не только в поведении обвиняемого, но и в деятельности организации в целом, которую он представляет [29, с. 467]. Поэтому установление *уголовной* ответственности юридических лиц создаст условия для быстрой и неотвратимой ответственности, в частности, за экологические, некоторые экономические, компьютерные и другие преступления [1, с. 154]. В Украине подобный подход разделяют Б. М. Грек, В. К. Грищук, В. Н. Куц, Л. И. Шеховцова и др. Второй стороной этого компромисса является многочисленная группа ученых, которые категорически возражают против установления уголовной ответственности юридических лиц. Видимо, поэтому перед законодателем неоднократно ставился вопрос об установлении принудительных мер воздействия уголовно-правового характера в отношении юридических лиц в несколько смягченной форме, и действительно, в тексте указанного закона не использован термин «уголовная ответственность юридических лиц», который собственно и был камнем преткновения. Вместо этого законодатель в отношении юридических лиц оперирует словосочетанием «меры уголовно-правового характера». Такое решение, наверное, является расчетом разработчиков данного закона на лояльный подход со стороны их оппонентов к указанным нововведениям, которые, считаем важным заметить, «созвучны» с положениями международно-правовых актов. Если мы обратимся к текстам таких международных документов, ратифицированных Украиной, как Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией от 27 января 1999 г., Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г. и Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., то увидим, что они не требуют установления для юридических лиц именно *уголовной* ответственности. Поэтому можно сделать вывод, что указанные конвенционные документы не обязывают Украину устанав-

ливать именно *уголовную* ответственность юридических лиц за совершение уголовных правонарушений, а лишь рекомендуют выбрать наиболее эффективный вид ответственности юридических лиц, оставляя этот вопрос на усмотрение государства.

Кстати, волна научной дискуссии по этому вопросу сказывается и на законодательной практике. Так, уже неоднократно (и не только на законодательном уровне) наблюдались колебания национального законодателя в поисках оптимального варианта разрешения ситуации с возможностью привлечения к ответственности юридических лиц. Таким примером может служить Закон Украины от 11 июня 2009 г. № 1507-VI «Об ответственности юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений» (утративший силу через четыре дня после вступления в действие), которым предусматривалась именно уголовная ответственность юридических лиц.

И напоследок поставим еще один вопрос: нужно ли «собирать» все иные уголовно-правовые последствия в одном разделе закона об уголовной ответственности, как это сделано, например, в уголовных кодексах ряда зарубежных стран? Очевидно, проблема размещения нормативного материала в УК решается в соответствии с национальными правовыми традициями того или иного государства. В Украине уголовно-правовые последствия совершения общественно опасных деяний никогда не содержались в отдельном разделе (главе). Эти последствия по своей природе, целям, основаниям применения и др., как неоднократно уже отмечалось, являются весьма разными. Поэтому специальное создание еще одного отдельного раздела в УК будет выглядеть достаточно искусственным. Кроме чисто внешнего, механистического сочетания положений, трудно будет обнаружить логику в необходимости данного шага.

Список литературы

1. Антонова Е. Ю. К вопросу о целесообразности уголовной ответственности юридических лиц / Е. Ю. Антонова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – С. 152-155.
2. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание / Л. В. Багрий-Шахматов. – Минск: Вышэйш. шк., 1976. – 384 с.
3. Батанов А.Н. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера / А. Н. Батанов, М. Ф. Костюк, В. А. Посохова, Т. М. Калинина. – М.: Проспект, 2011. – 320 с.
4. Беляев В. Г. Уголовное право и невменяемость / В. Г. Беляев // Вопросы профилактики общественно опасных действий, совершаемых психически больными / отв. ред. Г. А. Макеев; редкол.: Н. М. Ахмедов, В. Г. Беляев и др. – Волгоград: Изд-во Волгогр. мед. ин-та, 1981. – С. 14-15.

5. Гребенкин Ф. Б. Меры уголовно-правового характера и их применение / Ф. Б. Гребенкин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 264 с.
6. Гришко А. Я. Российское уголовно-исполнительное право: курс лекций / А. Я. Гришко, А. А. Захаров, В. Д. Иванов, А. И. Шилов; под ред. О. В. Филимонова. – М.: Юрид. ин-т МВД России, 2000. – 125 с.
7. Жук І. В. Примусові заходи медичного характеру та примусове лікування у кримінальному праві України: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / І. В. Жук; Київ. нац. ун-т внутр. справ МВС України. – Київ, 2009. – 20 с.
8. Звечаровский И. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды / И. Звечаровский // Законность. – 1999. – № 1. – С. 36-39.
9. Иванов К. Н. Должна ли сохраняться конфискация имущества как вид уголовного наказания / К. Н. Иванов // Советское государство и право. – 1958. – № 9. – С. 100-101.
10. Калинина Т. М. Иные меры уголовно-правового характера: науч.-практ. коммент. / Т. М. Калинина, В. В. Палий. – М.: Проспект, 2011. – 150 с.
11. Келина С. Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права / С. Г. Келина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – С. 283-288.
12. Колмаков П. Понятие и сущность принудительных мер медицинского характера / П. Колмаков // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 27-29.
13. Коновалова И. Принудительные меры воспитательного воздействия как инструмент предупреждения корыстных преступлений несовершеннолетних [Электронный ресурс] / И. Коновалова // Право и жизнь. – 2008. – № 125 (8). – Режим доступа: <http://www.law-n-life.ru/arch/n125.aspx>.
14. Конституційний суд проти хімії // Юридичний вісник України. – 2013. – 13-19 лип. – С. 9.
15. Кримінальне право України: Загальна частина: підручник / Ю. В. Александров, В. І. Антипов, М. В. Володько та ін.; відп. ред. Я. Ю. Кондратьєв; наук. ред. В. А. Клименко, М. І. Мельник. – Київ: Правові джерела, 2002. – 431 с.
16. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар: у 2 т. / за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, В. І. Борисова, В. І. Тютюгіна. – 5-е вид., допов. – Харків: Право, 2013. – Т. 1. – 376 с.
17. Курганов С. Меры уголовно-правового характера / С. Курганов // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 59-63.
18. Курс российского уголовного права. Общая часть / С. В. Бородин, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцев и др.; под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
19. Меджидова А. Б. Принудительные меры медицинского характера / А. Б. Меджидова // Российская юстиция. – 2007. – № 1. – С. 37-38.
20. Назаренко Г. В. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера / Г. В. Назаренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы 3-го Рос. конгр. уголов. права, 29-30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. – С. 83-85.

21. Пономаренко Ю. А. Конфискация имущества в уголовном праве и законодательстве / Ю. А. Пономаренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы 3-го Рос. конгр. уголов. права, 29-30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. – С. 651-652.
22. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у сфері державної антикорупційної політики у зв'язку з виконанням Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України : закон України від 13 травня 2014 р. № 1261-VII // Офіційний вісник України. – 2014. – № 45. – Ст. 1182.
23. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України стосовно відповідальності юридичних осіб: закон України від 23 травня 2013 р. № 314-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 12. – Ст. 183.
24. Про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України (стосовно виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України): закон України від 18 квітня 2013 р. № 222-VII // Офіційний вісник України. – 2013. – № 46. – Ст. 1629.
25. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. / под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – Т. 2: Наказание. – 500 с.
26. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г. Н. Борзенков и др.; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – М.: ТК Велби; Проспект, 2006. – Т. 1: Общая часть. – 520 с.
27. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 506.
28. Скрипченко Н. Ю. К вопросу о понятии мер уголовно-правового характера / Н. Ю. Скрипченко // Ежегодник уголовного права. – 2012. – № 6. – С. 296-301.
29. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А. А. Тер-Акопов. – М.: Юркнига, 2003. – 480 с.
30. Трубников В. М. Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение: проблемы, поиски, решения / В. М. Трубников, А. А. Яровой // Право і безпека. – 2003. – Т. 2, № 3. – С. 138-144.
31. Уголовное право России: Часть Общая : учебник / Р. Р. Галиакбаров, И. Я. Козаченко, Л. Л. Кругликов и др. ; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2012. – 568 с.
32. Филимонов В. Понятие и классификация мер уголовно-правового характера / В. Филимонов // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 35-41.
33. Хавронюк М. І. Заходи кримінально-правового впливу: які вони бувають / М. І. Хавронюк // Юридичний вісник України. – 2013. – № 21 (934). – С. 6-7.
34. Цветанович А. Л. Дополнительные наказания в советском уголовном праве / А. Л. Цветанович. – Калининград: КГУ, 1980. – 68 с.
35. Энциклопедия уголовного права. – СПб.: Изд. проф. Малинина; СПб ГКА, 2009. – Т. 12 : Иные меры уголовно-правового характера. – 463 с.

36. Chankseliani M. Punishment and Other Penal Measures / M. Chankseliani // *European Special Journal*. – 2013. – Vol. 8. – № 2. – P. 98-108.
37. Jakulin V. The Liability of Legal persons for Criminal Offences in French and Slovene Criminal Law / V. Jakulin // *Slovenian Law Review*. – 2009. – Vol. 6. – Iss. 1/2. – P. 35-42.
38. Langsted L.B. Criminal Law in Denmark / L.B. Langsted, P. Garde, V. Greve. – 3rd rev. ed. – Great Britain : Kluwer Law International, 2011. – 246 p.
39. Monterosso S. Punitive Criminal Justice and Policy in Contemporary Society / S. Monterosso // *Queensland University of Technology Law Review*. – 2009. – Vol. 9. – № 1. – P. 13-25.
40. Stojanovski V. Criminal Liability of Legal Persons in the Republic of Macedonia [Electronic resource] / V. Stojanovski. – Mode of access: <http://www.law.muni.cz/sborniky/dp08/files/pdf/trest/stojanowski.pdf>.

ПОТЕРПІЛИЙ ВІД ЗЛОЧИНУ ЯК СОЦІАЛЬНИЙ СУБ'ЄКТ КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВОЇ ОХОРОНИ*

Сучасне кримінальне право України поряд з удосконаленням традиційних карально-репресивних заходів боротьби зі злочинністю активно розвиває методи альтернативного впливу на осіб, які вчинили злочини. Серед останніх привертають увагу наукові досягнення та законодавчі вирішення, що спрямовані на підвищення ролі потерпілого від злочину у механізмі притягнення особи, яка вчинила передбачене Кримінальним кодексом України (далі – КК) суспільно небезпечне діяння, до кримінальної відповідальності; посилення захисту кримінально-правовими засобами прав, свобод та законних інтересів потерпілого від злочину; підвищення ефективності їх відновлення; своєчасного відшкодування завданої їм шкоди тощо. Однак, незважаючи на зміни, що відбулися у законодавстві про кримінальну відповідальність, кримінальному процесуальному та кримінально-виконавчому, роль потерпілого серед заходів впливу на злочинців, усе ще залишається допоміжною, такою що використовується на догоду державному інтересу в частині притягнення особи до кримінальної відповідальності та її покарання. Тому потерпілий від злочину, особливо коли йдеться про фізичну особу, залишається найбільш «трагічною» фігурою у кримінальному провадженні. З одного боку, потерпілому спричиняється шкода, інколи безповоротна, із другого – держава в особі її уповноважених органів, яка за законом гарантує захист прав, свобод та законних інтересів, починаючи з фізичних осіб і закінчуючи власними інтересами, ставиться до потерпілого від злочину

* Право України. – 2017. – № 2. – С. 100-107.

лише як до фігуранта справи, стосовно якого треба здійснити певні процесуальні дії, необхідні для кримінального провадження та застосування до винної особи кримінальної відповідальності [1, 31].

У чинному КК термін «потерпілий» вживається як у Загальній, (наприклад, ст. 46), так і в Особливій частинах (наприклад, ч. 3 ст. 321²). Доволі часто у дефініціях норм цього кодексу застосовуються слова, що позначають різновиди потерпілого від злочину – державний чи громадський діяч, працівник правоохоронного органу, суддя, журналіст, малолітній, хворий тощо. Разом із тим законодавство про кримінальну відповідальність не містить загального визначення потерпілого від злочину. Таке визначення сформульоване у Кримінальному процесуальному кодексі України (далі – КПК України). Відповідно до ст. 55 цього Кодексу потерпілий у кримінальному процесуальному розумінні – це фізична особа, якій кримінальним правопорушенням завдано моральної, фізичної або майнової шкоди, а також юридична особа, якій кримінальним правопорушенням завдано майнової шкоди. Проте закріплене у КПК України визначення потерпілого не повністю відповідає потребам кримінального права. Так, згідно з ч. 2 ст. 55 права та обов'язки потерпілого у кримінальному процесі виникають із моменту подання особою заяви про вчинення щодо неї кримінального правопорушення або про залучення її до кримінального провадження як потерпілого. Особа у такому разі стає суб'єктом кримінального процесу, який наділений комплексом процесуальних прав і обов'язків, що належать йому. Згідно КПК України такий статус процесуально закріплюється відповідною постановою. Відповідно до положень кримінального права особа визнається потерпілою з моменту вчинення щодо неї (її прав, свобод, законних інтересів) злочину, незалежно від того, чи розпочалося у зв'язку із цим кримінальне провадження або ні [2, 159]. Із цього моменту виникає низка кримінально-правових питань, вирішення яких пов'язане також із потерпілим від злочину (зокрема, щодо кваліфікації, диференціації кримінальної відповідальності, звільнення від кримінальної відповідальності та ін.). Слід погодитися із В. А. Мисливим, який зазначає, що поняття потерпілий від злочину, його ознаки та зміст – це предмет, передусім матеріального, а не процесуального права, а тому повинно бути закріплене насамперед у законодавстві про кримінальну відповідальність [3, 46]. За такого підходу питання введення до КК поняття «потерпілого від злочину» є достатньо актуальним.

Слід зазначити, що в теорії кримінального права немає єдиного підходу до визначення поняття потерпілого від злочину. Основні розбіжності при його формулюванні стосуються видів соціальних суб'єктів

(учасників) суспільних відносин, які потерпають від злочину. Одразу необхідно зауважити, що потерпілі від злочину, як і наслідки від його вчинення, притаманні будь-якому злочину як виду соціально негативного явища, передбаченого КК. Шляхом аналізу механізму вчинення злочину та характеру шкоди, що спричиняється об'єкту посягання, можна визначити соціального суб'єкта (учасника) суспільних відносин, що, врешті-решт, потерпає від злочину [4, 297]. В юридичній літературі наведено декілька позицій щодо таких суб'єктів – від їх вузького розуміння до гранично широкого. Насамперед потерпілим від злочину називають фізичну особу, чії права, свободи, законні інтереси, охоронювані законом про кримінальну відповідальність, були порушені або поставлені під загрозу порушення [5, 91-96; 6, 65, 82; 7, 67-70]. Прихильники інших поглядів зазначають, що такий підхід не охоплює усіх суб'єктів, яким може бути заподіяна шкода. Дійсно, у разі викрадення майна у юридичної особи потерпілим від такого злочину буде відповідна юридична особа. Тому більш переконливими виглядають судження науковців, які до кола потерпілих від злочину відносять й інших соціальних суб'єктів, зокрема, юридичну особу [8, 105, 106; 9, 144, 145]. Стосовно цього суб'єкта слід зазначити, що після прийняття у 2012 р. нового КПК України думки науковців щодо визнання юридичної особи потерпілим від злочину стали більш поширеними [10, 6]. Слід зазначити, що окрім юридичних осіб, існує ще й безліч різноманітних об'єднань громадян та установ, які виконують законодавчо унормовані завдання без створення юридичної особи, та яким, як і юридичним особам може бути злочином спричинена майнова шкода. Спричинення шкоди такому соціальному суб'єкту не виключає уявлення про нього як про потерпілого від злочину [11, 191].

Дискусійним залишається питання про визнання потерпілим від злочину держави [12, 13], людства [13, 88], суспільства в цілому [10, 6; 14, 84-85]. Що стосується держави, то визнання її потерпілою від злочину не має викликати сутнісних заперечень. Свого часу на віднесенні держави до потерпілих від злочину наполягав М.С. Таганцев, зазначаючи, що вона є власником різноманітних прав та інтересів [12, 13]. Як і раніше, так і тепер у законодавстві про кримінальну відповідальність приділяється багато уваги захисту інтересів держави, зокрема, її конституційному ладу, суверенітету, територіальній цілісності та недоторканності, обороноздатності, інформаційній безпеці, власності, авторитету, нормальному функціонуванню органів державної влади [12, 13; 14, 82-83]. Дійсно, якщо, наприклад, звернутися до ч. 3 ст. 110 КК, де зазначена така особливо обтяжуюча кримінальну відповідальність обставина, як

«інші тяжкі наслідки», то, вочевидь, встановлення їх стосовно потерпілого у своїй більшості буде пов'язано із державою Україна в цілому. На регіональному ж рівні соціальними суб'єктами, що потерпають від злочину, можуть стати органи місцевого самоврядування в цілому або їх структурні підрозділи. Наприклад, внаслідок вчинення дій, передбачених ст. 341 КК «Захоплення державних або охоронюваних будівель чи споруд».

Як вже було зазначено, чимало вчених до кола потерпілих відносять суспільство. Важко погодитися з подібним підходом, хоча б з позиції формальної логіки. Так, якщо поділяти точку зору щодо можливості визнання суспільства потерпілим від злочину, то вказівка у законодавчій формулі злочину на його суспільну небезпечність дозволяє зробити висновок, що потерпілим від будь-якого злочинного діяння завжди є суспільство. Адже, якщо це так, то потерпілий від злочину є необхідною ознакою будь-якого складу злочину. Такий підхід є занадто широким до проблеми потерпілого, оскільки, наприклад, при вбивстві конкретної людини немає потреби визнавати потерпілим кожного разу все суспільство [2, 161]. Напевно, шкода від злочину у такому випадку все ж таки несумісна з масштабністю всього суспільства. З тих же міркувань важко погодитися із віднесенням до потерпілих людства. Незважаючи на те, що в назві розділу XX Особливої частини КК використовується поняття «людство», це не дає підстави для ствердження, що людство в цілому може бути потерпілим від злочинів. Вочевидь, що для цього розділу питання про потерпілого слід вирішувати на підставі ознак, характерних для конкретних видів злочинів проти миру, безпеки людства та міжнародного правопорядку. Так, при вчиненні такого злочину, як геноцид (ст. 442 КК), коли діяння умисно вчиняється з метою повного або часткового знищення будь-якої національної, етнічної, расової чи релігійної групи шляхом позбавлення життя членів такої групи чи заподіяння їм тяжких тілесних ушкоджень тощо, потерпілими будуть значні групи фізичних осіб, які належать до певних спільностей, зазначених у цій статті. У зв'язку з цим слід визнати слушним судження С. В. Анощенкої, яка соціального суб'єкта – фізичну особу пов'язує не лише з індивідуально визначеними рисами (потерпілий, наприклад, Іванчук А.В., чол., 36 років, робітник тощо), а й з певними спільностями фізичних осіб, прикладом яких є релігійні групи, раси, нації, народності, сім'ї [15, 101], що є видовими складовими узагальненого поняття «людство». Певну ж кількісну сукупність представників цих груп реально можна визнати потерпілими та ставити питання про геноцид, як злочин проти людства.

Таким чином до соціальних суб'єктів, що можуть виступати у якості потерпілого від злочину слід відносити фізичну особу, певну спільність фізичних осіб, юридичну особу, об'єднання громадян або організації, що виконують законодавчо унормовані завдання без створення юридичної особи, державу та органи місцевого самоврядування.

Необхідною ознакою поняття «потерпілий від злочину» у кримінальному праві є зазначення в ньому на заподіяння *істотної* шкоди. При цьому йдеться не лише про фактично спричинену шкоду (реальна шкода), а й про загрозу її спричинення (потенційна шкода). Тому потерпілий від злочину є як при закінченому злочині, так і при незакінченому [16, 20; 17, 41]. На такий висновок орієнтує, зокрема, ст. 16 КК, в якій передбачається кримінальна відповідальність за вчинення незакінченого злочину. Законодавець у цьому разі визнає, що створення умов для заподіяння істотної шкоди, а також заподіяння шкоди неповною мірою теж є суспільно небезпечною шкодою, яка спричиняється об'єкту, що охороняється кримінальним правом [18, 49]. Таким чином, для визнання того чи іншого соціального суб'єкта потерпілим від злочину не має значення, чи заподіюється злочинним діянням фактична шкода або ж створюється лише загроза реального заподіяння шкоди [8, 106].

Що стосується характеру та видів шкоди, що спричиняється або може бути спричинена потерпілому, то КК не містить у Загальній частині узагальнюючих визначень цієї складової злочину, обмежуючись лише зазначенням її сутності, описуючи наслідок злочину. Як і діяння (дія, бездіяльність), наслідок повинен бути суспільно небезпечним (див., зокрема, статті 24 та 25 КК). Вочевидь, ця законодавча матриця повністю має відповідати й характеру шкоди. Не випадково науковці, звертаючись до питань, пов'язаних із узагальнюючими визначеннями в кримінальному праві, зазначають, що шкода є соціальним поняттям [13, 9], і її слід визначати як наслідок посягання на суспільні відносини, як наслідок порушення охоронюваних законом про кримінальну відповідальність прав, свобод та законних інтересів особи, суспільства, держави. Окрім того, шкода реальна або очікувана (потенційна) повинна мати якісну визначеність – бути істотною, що, зокрема, впливає із положень ч. 2 ст. 11 КК [10, 6]. Що стосується видів шкоди, то вони дещо в узагальненому вигляді, названі у КПК України. Стосовно фізичної особи це – моральна, фізична або майнова шкода, стосовно юридичної особи – майнова шкода (ч. 1 ст. 55 КПК України). Однак, якщо звернутися до визначень шкоди, що наведені в диспозиціях норм Особливої частини КК, то можна

нарахувати понад десять видів : фізична, майнова, моральна, психічна, соціальна, економічна, організаційна, політична, ідеологічна, культурно-історична, гуманітарна, екологічна та ін. [15, 86; 18, 49]. Як бачимо, перелік видів шкоди доволі широкий, а тому, при побудові поняття «потерпілий від злочину», слід обмежитися вказівкою лише на найбільш характерні різновиди істотної шкоди та зробити такий перелік «відкритим» [18, 50].

Необхідною ознакою поняття «потерпілий від злочину» у кримінальному праві є зазначення у ньому на заподіяння соціальному суб'єкту шкоди, або створення загрози заподіяння такої шкоди саме злочинним діянням [18, 51]. Потерпілий і злочин – співвідносні поняття у кримінальному праві. Якщо немає злочину, то немає і потерпілого у кримінально-правовому розумінні цього слова [16, 20]. Слід зазначити, що є науковці, які вважають, що потерпілим у кримінально-правовому значенні цього слова слід визнати й особу, якій шкода може бути заподіяна не тільки злочином, а й іншим суспільно небезпечним діянням, передбаченим однак законодавством про кримінальну відповідальність [9, 144, 145], наприклад, внаслідок невинного спричинення шкоди (випадку), або від діяння особи, яка не досягла віку, з якого настає кримінальна відповідальність, або від діяння особи, яка під час його вчинення була в стані неосудності. Це можуть бути й правомірні дії, передбачені КК: спричинення шкоди фізичній особі внаслідок застосування необхідної оборони (ст. 36), або юридичній особі внаслідок заподіяння шкоди у стані крайньої необхідності (ст. 39) тощо. Стосовно такого погляду слід наголосити, що суб'єкти, які потерпають від зазначених діянь, не можуть бути визнанні потерпілими у буквальному розумінні поняття «потерпілий від злочину», оскільки не можуть мати того комплексу унормованих прав та обов'язків, якими наділяється потерпілий від злочину. Наприклад, не мають права примиритися на підставах, передбачених у ст. 46 КК, з особою, яка заподіяла йому шкоду. Таких суб'єктів в теорії кримінального права на відміну від потерпілих називають «постраждалими» [11, 197; 18, 5]¹, їх правовий статус сутнісно відрізняється від статусу потерпілого від злочину. Відшкодування шкоди, що їм спричиняється внаслідок вчинення діянь, визначених у КК, відбувається у порядку цивільно-правового провадження. Тут необхідно зазначити, що законодавець визначаючи в КК певні види діянь, здійснення яких може призвести до настання

¹ Можливість запровадження терміна «постраждалих» у кримінальне процесуальне законодавство у зв'язку із вчиненням суспільно небезпечного діяння пропонувався, зокрема, Л. Шаповаловою [19].

суспільно – небезпечних наслідків, не тільки покладає обов’язок на фізичних осіб, щодо їх заборони на вчинення, але й покладає такий обов’язок на державу, в особі її відповідних правоохоронних органів, які зобов’язані робити все можливе, щоб попереджати їх вчиненню, у тому числі й особами, які не можуть бути визнані злочинцями. Тому дуже важливо, щоб правовий статус постраждалого від діянь, що не можуть бути визнані злочинами, але передбачені КК як такі, що можуть призвести до наслідків кримінально-правового характеру, був сформульований саме у законодавстві про кримінальну відповідальність, поруч із визначенням кримінально-правового статусу потерпілого від злочину.

Зазначене вище засвідчує обов’язковість наявності потерпілого в механізмі вчинення злочину. Такий висновок, однак, не перетворює потерпілого із ознаки злочину в обов’язкову ознаку його складу. Тому важко погодитися з застереженням А. А. Вознюка, що визнання «потерпілим будь-якого соціального суб’єкта автоматично перетворює його на обов’язкову ознаку складу злочину» [7, 67]. Що стосується складу злочину, то в системі його елементів більшість науковців потерпілого від злочину відносять до ознак об’єкта злочину [14, 110-111; 20]. Відповідно до загального вчення про склад злочину ця ознака об’єкта є факультативною [18, 77; 20, 98]. Зокрема, Т. І. Присяжнюк зазначає, що потерпілий «може не бути конструктивним елементом складу злочину» [20, 97]. Законодавець, закріплюючи у КК характерні та найбільш типові ознаки суспільно небезпечного діяння, наявність яких необхідна для констатації у вчиненому складу злочину, далеко не в усіх випадках вимагає від правозастосувача встановлювати окремі ознаки, притаманні тому чи іншому діянню, у нашому випадку – соціального суб’єкта (учасника) суспільних відносин, якому заподіяна чи могла бути заподіяна істотна шкода злочином. Обов’язковою ознакою складу певного виду злочину потерпілий стає лише тоді, коли його наявність впливає із визначення злочину, наведеного в нормі статті Особливої частини КК [2, 160].

Відповідно до потреб кримінального права наведене дозволяє визначити потерпілого від злочину як соціального суб’єкта (учасника) суспільних відносин, охоронюваних законом про кримінальну відповідальність, чиї права, свободи, законні інтереси порушені злочинним діянням (дією чи бездіяльністю) шляхом заподіяння істотної шкоди майнового, фізичного, морального чи іншого характеру або створення загрози заподіяння такої шкоди.

Використані матеріали

1. Навроцький В.О. Захист прав потерпілого – турбота самого потерпілого // Державна політика у сфері захисту прав потерпілих від кримінальних правопорушень в Україні : матеріали «круглого столу», 25 квіт. 2013 р. / редкол.: В.І. Борисов (голов.ред.), Б.М. Головкін (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2013. – С. 31-33.
2. Дудоров О. О., Хавронюк М. І. Кримінальне право : навч. посіб. / за заг. ред. М. І. Хавронюка. – К.: Ваіте, 2014. – 944 с.
3. Мисливий В. А. Учення про потерпілого в кримінальному праві України // Державна політика у сфері захисту прав потерпілих від кримінальних правопорушень в Україні : матеріали «круглого столу», 25 квіт. 2013 р. / редкол.: В. І. Борисов (голов. ред.), Б. М. Головкін (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2013. – С. 45-46.
4. Кримінальне право. Загальна частина : підруч. / за ред. А. С. Беніцького, В. С. Гуславського, О. О. Дудорова, Б. Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – 1112 с.
5. Присяжнюк Т. До дискусії про потерпілого у кримінальному праві / Т. Присяжнюк // Право України. 2005. – № 9. – С. 91-96.
6. Музика А.А., Лашук Є.В. Предмет злочину : теоретичні основи пізнання : моногр. – К, 2011. – 192 с.
7. Вознюк А. А. Кримінальне право України. Загальна частина : конспект лекцій / А. А. Вознюк; вступне слово д.ю.н., проф., О. О. Дудорова. – К., 2016. – 236 с.
8. Гаджиева А.А. Понятие потерпевшего в уголовном праве : проблемы, дискуссии, обсуждения // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 105-106.
9. Карпов Н., Панасюк Т. Кримінально-правовий, кримінально-процесуальний та віктимологічний аналіз поняття «потерпілий» // Підприємництво, господарство і право. – 2007. – № 5 (137). – С. 142-145.
10. Панов М. І. Захист прав та інтересів потерпілого – конститутивна функція кримінального права та процесу // Державна політика у сфері захисту прав потерпілих від кримінальних правопорушень в Україні: матеріали круглого столу (25 квітня 2013 р.) / редкол.: В. І. Борисов (голов. ред.), Б. М. Головкін (заст. голов. ред.) та ін. – Х.: Право, 2013. – С. 5-8.
11. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VI. Объект преступления. Объективная сторона преступления / под. ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 632 с.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общ.: В 2-х т. Т. 1. – М., 1994. – 380 с.
13. Фаргиев И. А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. – СПб., 2009. – 208 с.
14. Сенаторов М. В. Потерпілий від злочину у кримінальному праві / за наук. ред. В. І. Борисова. – Х., 2006. – 208 с.
15. Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. – М., 2006. – 172 с.
16. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. – С. 16-37.

17. Яни П. С. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. – 1995. – № 4. – С. 40-45.
18. Потерпілий від злочину (міждисциплінарне правове дослідження) / Колектив авторів. За заг. ред. Ю. В. Бауліна, В. І. Борисова. – Х.: Вид-во Кроссроуз, 2008. – 364 с.
19. Шаповалова Л. І. Потерпілий як суб'єкт кримінально-процесуальної діяльності в досудових стадіях кримінального процесу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – К., 2001. – 18 с.
20. Присяжнюк Т. І. Потерпілий від злочину : проблеми правового захисту : моногр. – К., 2007. – 239 с.

НАУКОВІ ДОПОВІДІ, ПОВІДОМЛЕННЯ ТА ТЕЗИ ДО НАУКОВО-ПРАКТИЧНИХ ЗАХОДІВ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА*

В условиях перестройки социально-экономической структуры общества, ускорения научно-технического прогресса назрела необходимость существенного изменения и дополнения уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность производства.

В литературе под безопасностью понимают состояние (положение), при котором отсутствует (не угрожает) опасность. Безопасность производства – видовое понятие. В пределах его следует различать безопасность труда и общественную безопасность в сфере производства. Основным видом безопасности любого производства является безопасность труда. Данное состояние обеспечивает его внутреннюю безопасность. Ряд производств содержит угрозу причинения вреда также внепроизводственным интересам. Формируются они либо в сфере производства, либо вокруг (около), или в результате такой деятельности. Это интересы посторонних производству лиц, имущественные, экологические и прочие. Необходимость их защиты от опасностей и определяет создание особого вида безопасности – общественной безопасности в сфере производства.

В действующем УК УССР ответственность за нарушения правил производственной безопасности непосредственно предусмотрена в ст. 135, 218-220. В случаях нарушения на производстве требований пожарной безопасности применяется ст. 220-1 УК УССР, а при нарушениях правил обращения с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для

* Актуальные проблемы формирования правового государства: Краткие тезисы докладов и научных сообщений республиканской научной конференции. – Харьков, 1990. – С. 225-226.

окружающих (взрывчатые вещества, радиоактивные материалы) – ст. 221 и 228-5 УК УССР. Нормы, заключенные в этих статьях, могут быть объединены в системе Особенной части уголовного права в относительно автономное образование, – общим признаком которого являются отношения безопасности производства. Эти отношения охраняются уголовным законом либо непосредственно, либо наряду с другими отношениями.

В зависимости от целевого назначения нормы, входящие в указанное образование, можно разделить на группы. Эти нормы, обеспечивающие безопасность: труда (ст. 135 УК УССР); производства отдельных повышенно опасных работ (ст. 218, 219 УК УССР); исключительно опасных состояний (ст. 220 и 220-1 УК УССР); обращения с опасными веществами, предметами, материалами (ст. 221 и 228-5 УК УССР). В связи с нарушением правил производственной безопасности применяются и другие нормы УК (например, ст. 98, 105, 167, 215-2 УК УССР). Отношения безопасности производства, в отличие от названных выше статей УК, защищаются ими факультативно (попутно).

За годы действия УК УССР 1960 г. количество норм, обеспечивающих безопасность производства, возросло. Нельзя, однако, исключать и возможность их сокращения в будущем Кодексе. Важно здесь другое. В своей совокупности представленное образование должно отвечать по крайней мере двум требованиям: охватывать всю систему отношений безопасности производства и отражать такие её элементы или отдельные их характеристики (величины, качества), которые определяют различия в степени общественной опасности возможных нарушений соответствующих требований по обеспечению безопасности. Здесь подлежат учету виды и уровни безопасности, социальные интересы и связи, сферы безопасного обеспечения, виды деятельности и источники опасностей, величины возможного вреда и степени вероятности его причинения, субъекты деятельности. В своей основе эти элементы находятся в развитии, которое обусловлено научно-техническим прогрессом, почему и требуется постоянное совершенствование системы отношений безопасности производства, в том числе и норм уголовного права, её охраняющих.

СИСТЕМНИЙ ПІДХІД ПРИ ВИЗНАЧЕННІ ПІДСТАВ КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВОЇ ЗАБОРОНИ*

В останні десятиліття фахівцями із загальної теорії права і кримінального права проводяться значні дослідження з питань соціальної

* Методологічні проблеми правової науки: Матеріали міжнародної наукової конференції. Харків, 13-14 грудня 2002 р. / Упорядники М. І. Панов, Ю. М. Грошевий. – Х.: Право, 2003. – С. 287-289.

обумовленості норм права, у тому числі кримінального. Наразі більш ніж коли-небудь раніше актуальною стає необхідність визначення соціальної обумовленості кримінального закону залежно від конкретних соціальних умов. Соціальна обумовленість його норм визначається різноманітними за значущістю соціальними, економічними, політичними, психологічними та іншими чинниками, встановлення і розкриття яких дає можливість пояснити необхідність кримінально-правової охорони певних суспільних відносин, прогнозувати розвиток тих чи інших інститутів кримінального законодавства, підвищити наукову обґрунтованість змісту закону.

Незважаючи на єдність думок про важливість розроблення проблеми соціальної обумовленості кримінального закону, вона залишається дискусійною. Так, одні вчені вважають, що підставою норм, які встановлюють кримінальну відповідальність, є небезпечність заподіяння шкоди суспільним відносинам. Крім того, вони виділяють ще три рівні кримінологічних підстав існування таких норм. До першого рівня відносять негативні явища суспільного буття і свідомості, помилки в організації господарської діяльності, не належно поставлену виховну роботу; до другого – особу злочинця; до третього – стан антисоціальних явищ у суспільстві, їх кількість, структуру, динаміку (В. Д. Філімонов). Г. О. Злобін і С. Г. Келіна вважають, що мало констатувати факт соціальної обумовленості кримінального закону, необхідно ще розкрити засіб, яким здійснюється «переливання» суспільної потреби у норму кримінального права. Вважаючи, що суспільна небезпечність – не єдина передумова криміналізації, вони розрізняють підстави криміналізації і криміналізаційні приводи.

Ще деякі автори вважають, що соціальна обумовленість кримінально-правової заборони визначається в основному соціальною цінністю суспільних відносин, економічними чинниками та ефективністю правової охорони (М. І Коржанський).

Перспективу для теорії кримінального права мають ті концепції, що пов'язують вирішення цього питання з визначенням чинників соціальної обумовленості, їх системно-соціологічним аналізом. Слід зауважити, що встановлення чинників, які пояснюють необхідність існування кримінально-правових норм, їх удосконалення, прийняття нових або відмова від чинних також є певною складністю. Дотепер немає єдності в термінологічному визначенні цих чинників. Їх називають основами, принципами, умовами, завданнями, критеріями. Є розбіжності у визначенні кількості зазначених чинників, їх групуванні. За результатами дослідження у цьому напрямку на сьогодні налічують до двадцяти таких

чинників, перелік яких, як справедливо зазначає А. І. Коробеев, може бути продовжено.

Встановлення чинників соціальної обумовленості варто пов'язувати з предметом дослідження. Вимога формального врахування всіх уже відомих чинників і тих, що можуть бути визначені в перспективі, навряд чи є стандартно прийнятною до кожного масовидного соціально-негативного явища (посягання на особу, власність, громадську безпеку та ін.). З урахуванням розходжень у видах, характері явищ, що детермінують кримінально-правову заборону, чинники, якими обумовлюється існування або прийняття відповідної кримінально-правової норми (групи норм чи у цілому норм відповідного розділу КК), можуть бути неоднаковими і за їх кількістю, і за змістом кожного з них. У свою чергу окремі чинники, дослідження яких стосовно явища є теоретично припустимим, можуть лише незначною мірою або найбільш загально характеризувати кримінально-правову заборону (наприклад, загальні закони управління щодо порушень правил безпеки у виробництві). Практичне використання їх для пояснення конкретної норми (або групи норм) КК (прийняття, зберігання, скасування) навряд чи є доцільним. Виходячи з предмета дослідження, вважаємо за можливе йти шляхом виділення й аналізу найбільш значущих чинників, гетерогенна сукупність яких є достатньою для пояснення існування та вдосконалення кримінально-правових норм, що охороняють певні суспільні відносини, декриміналізації якихось із них або прийняття нових. При цьому правильне вирішення проблеми може бути досягнуто з позицій системного дослідження. Такий підхід дозволяє подолати обмеженість механістичного методу дослідження, який може бути виправданий тільки на перших етапах розгляду проблеми як у цілому, так і щодо окремих норм, їх груп. Наприклад, усі чинники, що обумовлюють необхідність кримінально-правової охорони безпеки виробництва (включаючи вдосконалення норм, декриміналізацію, прийняття нових), можна звести в чотири відносно самостійні групи:

1) соціально-економічні і технічні (відображають залежність правової організації відносин безпеки виробництва від матеріальних умов існування суспільства, рівня його наукового і технічного розвитку);

2) нормативні (показують обумовленість кримінально-правової охорони відносин безпеки виробництва нормами Конституції та інших галузей права);

3) кримінологічні (визначають суспільну небезпечність порушень правил безпеки виробництва, їх поширеність, розмір матеріальних і моральних збитків, заподіяних суспільству);

4) історичні (визначають тенденції розвитку кримінального законодавства України за порушення правил охорони праці і за посягання на суспільну безпеку в сфері виробництва).

Аналіз зазначених чинників дав можливість виділити у структурі нового Кримінального кодексу України розд. Х «Злочини проти безпеки виробництва», внести істотні зміни у більшість норм, що увійшли до цього розділу, та запропонувати нові.

НАУКОВЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПРОТИДІЇ ЛЕГАЛІЗАЦІЇ (ВІДМИВАННЮ) ДОХОДІВ, ОДЕРЖАНИХ ЗЛОЧИННИМ ШЛЯХОМ*

Реформування соціальної та господарської систем України супроводжується численними негативними явищами, які порушують економічні процеси, стають суттєвими перепонами на шляху переходу суспільства до ринкових відносин. Одним із суттєвих проявів негативної дії зазначених явищ є прагнення кримінальних структур та численних представників тіньового бізнесу, що шляхом вчинення злочинів отримали прибутки, легалізувати останні.

Легалізація (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, становить значну суспільну небезпечність для господарської діяльності в Україні. Такі дії відбуваються, зокрема, у сфері кредитно-фінансової та банківської діяльності, у процесі приватизації. Завдяки ним маскується злочинність, надається видимість легального підприємництва, порушуються основні принципи добросовісної конкуренції. Легалізовані від злочинної діяльності доходи створюють надійне фінансове підґрунтя для подальшого розвитку та економічної експансії організованої злочинності, яка намагається за рахунок легального сектору економіки зберегти та збільшити свої доходи, а в певних випадках підтримати ті чи інші напрями злочинної діяльності: тероризм, наркобізнес, незаконну міграцію та торгівлю людьми, незаконну торгівлю зброєю та інші.

Ще у 1994 р., на конференції країн-учасниць Ради Європи з проблем відмивання грошей у країнах перехідного періоду (Страсбург, 29 листопада – 1 грудня 1994 р.) особливо підкреслювалось, що неконтрольоване використання злочинцями коштів та окремих фінансових установ

* Протидія відмиванню «брудних» коштів та фінансуванню тероризму: громадська підтримка та контроль: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Київ, 20 черв. 2003). – К.: Національна академія внутрішніх справ України, 2003. – С. 86-93.

завдає шкоди всій фінансовій системі, особливо у тих країнах, де фінансові інституції тільки розвиваються.

Враховуючи важливість проблеми протидії зазначеному явищу вчені Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого та Академії правових наук України неодноразово звертали увагу на необхідність встановлення кримінальної відповідальності за цей різновид злочинної поведінки. Відповідні пропозиції ще в 1994 р. були направлені до Верховної Ради України. Але запропонована новела на той час не була прийнята Верховною Радою. Головною причиною була недостатня визначеність об'єктивної сторони легалізації (відмивання) доходів. За які доходи має наступати кримінальна відповідальність: за доходи, що одержані незаконним шляхом – від тіншового капіталу, чи лише злочинним шляхом – від кримінального капіталу (складової частини тіншового капіталу)? У проєкті зазначалися доходи, одержані незаконним шляхом. З цього періоду власне і розпочалася в Україні широка наукова дискусія щодо цього питання. Російська Федерація у своєму законодавстві використала проєкт, запропонований ученими України, і ввела у свій Кримінальний Кодекс (КК), який був прийнятий у 1996 р., відповідальність за легалізацію (відмивання) доходів, одержаних незаконним шляхом. Це положення діяло до 7 серпня 2001 р., коли поняття «незаконний шлях» у ст. 174 КК РФ було замінено на «злочинний шлях». Але ці роки дали можливість Російській Федерації, спираючись на кримінальний закон, створити необхідну організаційно-правову та законодавчу системи для боротьби з цим явищем. Крім того, у найближчому майбутньому Російська Федерація має намір ввести проти України економічні санкції, а її Комітет з фінансового моніторингу включив Україну до «чорного списку» країн, що не сприяють боротьбі з відмиванням «брудних» грошей і фінансуванням тероризму¹. Що стосується України, то тільки у 2001 р. при прийнятті КК України народні депутати визначилися з термінологічним розумінням цієї суспільно небезпечної поведінки, сформулювавши у ст. 209 КК України відповідальність за легалізацію (відмивання) грошових коштів та іншого майна, здобутих злочинним шляхом. Практика застосування цієї норми у перші місяці дії нового КК України показала, що фактично вона не застосовувалась, а якщо і застосовувалась, то з недостатнім розумінням суспільно небезпечної значущості цієї злочинної поведінки. Показники, якими ми сьогодні оперуємо, як правило, відображають кількість справ, по яких ведеться розслідування. Вони свідчать про певні зрушення у справі

¹ Див.: Миланко О. Україна у «чорному» списку Росії // Юридичний вісник України. – 2003. – 31 трав. – 6 черв.

боротьби із легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом. Однак, за статистичними даними, кількість осіб, засуджених за це діяння, поки що незначна. Окрім того, до кримінальної відповідальності, як правило, притягуються особи, які вчинили незначні предикатні злочини або одержали доходи законним шляхом і ухилялися від сплати податків. Чому ж не спрацювали очікувані важелі боротьби із цим злочином? На нашу думку, головна причина полягає в тому, що сподіватися тільки на застосування кримінально-правової норми у протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, недостатньо. Специфіка прояву цього виду злочинної поведінки потребує, перш за все, налагодження складної взаємоузгодженої системи попереджувальних заходів, які мають бути розроблені різними галузями законодавства: цивільного, фінансового, адміністративного тощо. Поряд із попереджувальними заходами потребує також розширення система видів відповідальності за рахунок адміністративної відповідальності та фінансових санкцій. Тому не випадково західні експерти FATF (Групи з розробки фінансових заходів боротьби з відмиванням грошей) звернули увагу на цю обставину, підкресливши недостатність заходів України по боротьбі з відмиванням доходів, одержаних злочинним шляхом. Слід зазначити, що і науковці Інституту неодноразово і до прийняття нового КК і після його прийняття звертали увагу на цю обставину. З урахуванням рекомендацій FATF в кінці 2002 та на початку 2003 років була прийнята ціла низка законодавчих актів, які були спрямовані на попередження цього різновиду злочинної поведінки та розширення видів санкцій за невиконання вимог, спрямованих на попередження легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом. Це обумовило і певні зміни, які були внесені до Кримінального і Кримінально-процесуального кодексів України в 2003 р. Такий комплексний підхід до боротьби з цим явищем вбачається найбільш доцільним, хоча і потребуючий поданого вдосконалення.

Фахівцями, які досліджують цю проблему, визнано, що ефективність боротьби з легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом обумовлюється дійовим функціонуванням трьох важливих механізмів: а) фінансово-економічного, б) організаційно-управлінського та в) кримінально-правового. З точки зору законодавчого регулювання, правове підґрунтя для забезпечення наведених механізмів в Україні створене. Важливим чинником протидії легалізації, з точки зору фінансово-економічних та організаційно-управлінських механізмів, стало прийняття Закону України від 28 листопада 2002 р. «Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом».

У даному законі вперше на законодавчому рівні сформульовано зміст таких понять, як «доходи», «злочин, який передує легалізації», «фінансові операції» та «легалізація». Даним Законом детально врегульовані і організаційно-управлінські аспекти боротьби з легалізацією. Зокрема, це стосується системи фінансового моніторингу, прав та обов'язків суб'єктів такого моніторингу, правил ідентифікації осіб і, що найважливіше – досить чітко визначено фінансові операції, що підлягають обов'язковому фінансовому моніторингу.

Не можна не зазначити і вирішення проблеми легалізації з точки зору кримінально-правового підходу. Так, КК України містить ст. 209 «Легалізація (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом» та ст. 306 «Використання коштів, здобутих від незаконного обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів» із змінами, що були внесені до них Законом України від 16 січня 2003 р. Кримінальний кодекс також доповнено ст. 209-1 «Умисне порушення вимог законодавства про запобігання та протидію легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом». Внесені зміни і до інших статей КК.

Таким чином, аналізуючи правове підґрунтя протидії легалізації, можна зробити також висновок, що Україна певним чином імплементувала у внутрішнє законодавство положення Страсбурзької Конвенції про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом від 8 листопада 1990 р., до якої вона приєдналася 15 вересня 1995 р. та ратифікувала 17 грудня 1997 р. Завдяки створенню необхідної нормативно-правової бази змінюється до України і позиція FATF¹.

Питання протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, є невід'ємною складовою досліджень, що ведуть вчені Інституту вивчення проблем злочинності Академії правових наук України.

Зокрема, Інститутом проведена значна робота у напрямі наукового забезпечення Програми протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, на 2002 р., що була затверджена постановою Кабінету Міністрів України 15 травня 2002 р. Надано принципів зауваження та доповнення до проекту Закону України «Про боротьбу з економічною злочинністю». Проведено узагальнення та аналіз слідчо-судової практики розгляду кримінальних справ стосовно осіб, притягнутих до кримінальної відповідальності за відмивання доходів, одержаних злочинним шляхом (ст. ст. 209, 306 КК України).

¹ Див.: На сесії FATF // Урядовий кур'єр. – 2003. – 18 черв.

Надано пропозиції щодо вдосконалення системи показників оцінки ефективності діяльності правоохоронних органів. Розроблено спеціалізований питальник для аналізу кримінальних справ за ст. 306 КК та методичні рекомендації до нього, які направлено до МВС України. 16 грудня 2002 р. проведено «круглий стіл» з проблемних питань боротьби з легалізацією доходів, одержаних злочинним шляхом. Інститут брав активну участь в організації і проведенні спільно з Харківською обласною організацією Спілки юристів України науково-практичної конференції «Актуальні проблеми практики застосування законодавства з питань протидії легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом за матеріалами Харківського регіону», яка відбулася 23 травня 2003 р.

Учені Інституту також брали активну участь у розробці пропозицій, зауважень і підготовці висновків до таких законодавчих та нормативно-правових актів, які сьогодні вже чинні в Україні. Це Закони України: «Про запобігання та протидію легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом» від 28 листопада 2002 р., «Про внесення змін до Закону України «Про запобігання та протидію легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом» від 24 грудня 2002 р., «Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України» від 16 січня 2003 р., «Про внесення змін до деяких законів України з питань запобігання використанню банків та інших фінансових установ з метою легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом» від 6 лютого 2003 р. та інші.

На підставі вивчення практики застосування ст. 209 КК України було складено Таблицю криміналістичної характеристики злочину, передбаченого цією статтею. У таблиці визначені економіко-соціальна характеристика легалізації незаконних доходів; суб'єкт злочину, організовані злочинні угруповання; джерела коштів, одержаних злочинним шляхом (предикатний фактор); предмет злочинного посягання; обстановка вчинення злочину; злочинні способи та технології відмивання грошей; особливості слідотворення, види слідів та їх локалізація (документи, комп'ютерні сліди та ін.); наслідки легалізації незаконних доходів у вигляді матеріальних та моральних збитків. Членом-кореспондентом АПрН України В. Ю. Шепітьком видано науково-практичний посібник «Злочинні технології легалізації (відмивання) грошових коштів та способи їх викриття (криміналістичний аналіз)».

У контексті виконання завдань, що поставлені у Програмі протидії легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом,

визначені причини та умови поширення в Україні наркобізнесу, серед яких певну роль відіграє відсутність узагальнених рекомендацій щодо кваліфікації різних видів легалізації та іншого використання коштів, здобутих від незаконного обігу наркотичних засобів. На цій підставі висловлено пропозицію про необхідність внесення змін до постанови Пленуму Верховного Суду України від 26 квітня 2002 р. «Про судову практику в справах про злочини, пов'язані з наркотичними засобами, психотропними речовинами, їх аналогами та прекурсорами».

На підставі аналізу проведеного анкетування розгляду кримінальних справ за ст. 209 КК України, розроблені Методичні рекомендації щодо кваліфікації злочинів, пов'язаних з легалізацією майна та грошових коштів, здобутих від незаконного обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів та прекурсорів.

Під час досліджень проблем протидії легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, вивчався міжнародний досвід протидії цьому явищу в розвинутих зарубіжних країнах (США, Швеції, Франції, Італії, Німеччини та ін.), а також країнах СНД (Російській Федерації, Казахстані).

Одним з напрямків наукової діяльності Інституту є виконання наукових досліджень на замовлення регіональних органів влади та управління, зокрема правоохоронних органів.

Так, фахівцями Інституту на семінарі слідчих прокуратури Харківської області (квітень 2002 р.) були надані методичні рекомендації щодо криміналістичної характеристики механізму і способів легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, яка має використовуватися в методиці розслідування цих злочинів. Були також розроблені рекомендації разом із судовими експертами-економістами ХНДІСЕ імені заслуженого професора М. С. Бокаріуса щодо виявлення ознак складних способів легалізації кримінальних доходів.

На думку вчених Інституту, недоліками у вирішенні питання протидії легалізації злочинних доходів є відсутність ефективної методики та кваліфікації розслідування вказаного виду злочинів, а це, у свою чергу призводить до того, що практика притягнення до кримінальної відповідальності за ст. ст. 209, 209-1, 306 КК України свідчить, як вже зазначалося, про незначну кількість кримінальних справ; залишається ще низьким рівень матеріально-технічного і професійно-кадрового забезпечення цієї боротьби, взаємодії українських правоохоронців із зарубіжними партнерами.

З точки зору кримінально-правового підходу протидії легалізації існують ще певні недоліки у формулюванні диспозиції ст. 209 КК Укра-

їни. Так, привертає увагу відсутність уніфікації термінології, яка використовується у ст. 209 КК України і Законі України «Про запобігання та протидію легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом» та ст. 306 КК «Використання коштів, здобутих від незаконного обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів». Окрім того, положення диспозиції ст. 209 КК не в повній мірі відповідають Страсбурзькій Конвенції про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом, від 8 листопада 1990 р. На наш погляд, визначення предикатного злочину, яке дано у примітці, звужено у новій редакції ст. 209 КК. Конвенція вказує на будь-який злочин, що може передувати легалізації. Визначене у ст. 209 КК покарання за цей злочин вбачається необґрунтовано суворим. Так, сумнівним, з огляду на невелику (у певних випадках) суспільну небезпечність легалізації (через її незначний розмір тощо) є визнання за ч. 1 ст. 209 КК легалізації тяжким злочином.

У практиці боротьби з використанням коштів, здобутих злочинним шляхом, доречно, на нашу думку, застосування інституту звільнення від кримінальної відповідальності особи, яка вчинила злочини, передбачені ст. 209 або ст. 306 КК, у випадках, коли вона сприяла його розкриттю та добровільно видала кошти та інше майно, здобуті злочинним шляхом, закріпивши це положення безпосередньо у ст. 209 та ст. 306 КК.

Взагалі слід звернути увагу на те, що диспозиція ст. 209 КК є недостатньо чіткою й складною для сприяння не лише пересічним громадянином, а навіть й фахівцями. При її формулюванні порушено принцип ясності визначення кримінально-правової заборони, тому не випадково у практичних працівників виникає багато питань щодо її застосування. Також є недоліки у формулюванні диспозиції ст. 209-1 КК. У всякому разі вона не узгоджена з відповідними положеннями адміністративного законодавства щодо відповідальності за зазначені в ній діяння.

Таким чином, можна зробити висновок про необхідність подальшого вдосконалення кримінального законодавства, що передбачає відповідальність за легалізацію (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом. Що стосується чинного законодавства, то бажано, щоб пленум Верховного Суду України присвятив застосуванню ст. ст. 209, 209-1 та 306 КК України спеціальну постанову.

Слід зазначити, що в Україні нині відсутній достатній досвід боротьби з даним видом злочинної діяльності. Таке положення пов'язане з цілою низкою причин. Перш за все, легалізація (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, – це новий вид злочинів для України.

Ще не складалася необхідна практика правозастосовчої діяльності, відсутній належний досвід у оперативно-розшукових працівників і слідчих, який відноситься до виявлення, розкриття, розслідування і профілактики даного виду злочинної діяльності.

Існує нагальна потреба у поглибленому вивченні способів та злочинних технологій легалізації грошових коштів та іншого майна. У багатьох випадках легалізація злочинних доходів представляє собою систему численних фінансових операцій. Тому злочинці використовують не тільки окремі способи легалізації, але й певні злочинні технології, певний механізм злочинної діяльності, які потребують спеціальних, складних за економічними розрахунками досліджень.

У процесі розслідування легалізації злочинних доходів доцільними є подальша розробка спільних заходів слідчих і оперативно-розшукових органів у формі тактичних операцій, спрямованих на пошук і арешт майна підозрюваних чи обвинувачених («Пошук майна»), вивчення документообігу («Документ»), виявлення організованої злочинної групи, причетної до легалізації грошових коштів або іншого майна («Організована група»).

Розслідування легалізації злочинних доходів може бути пов'язане з необхідністю отримання інформації від правоохоронних органів, банківських установ закордонних держав. Особливої уваги заслуговують способи і засоби розкриття і розслідування великомасштабних злочинів, можливості проведення слідчих дій на території іншої держави, визнання (або невизнання) судами доказами по справі документів, предметів тощо, отриманих в іншій державі, не передбачених відповідними зобов'язаннями.

Аналіз процесу формування методик розслідування легалізації (відмивання) злочинних доходів, одержаних злочинним шляхом, вказує, що він неможливий без систематичного (попереднього та подальшого) вивчення особливостей легалізації з метою побудови її криміналістичної характеристики, що концентрує систему ознак (слідів) злочинів, знання яких необхідні для виявлення, розкриття та припинення такого роду злочинних діянь. Складність побудови методики розслідування вказаного злочину обумовлена особливим характером самого діяння, як логічного завершення процесу злочинного накопичення значних коштів, які виходять за рамки особистого збагачення і потребують реалізації в легальному бізнесі.

Як свідчать сучасні тенденції, легалізація злочинних доходів має в більшості випадків транснаціональний характер, що підтверджує особливу суспільну небезпечність цього виду злочинів не тільки для

окремо взятої країни, але і для світового співтовариства в цілому. У зв'язку з цим необхідно зазначити, що ситуація ускладнюється тим, що країна – одержувач злочинних коштів – не бажає втрачати їх, розглядає їх як певне додаткове інвестування своєї економіки. Фінансові та інші установи, які використовуються для відмивання «брудних» коштів, побоюючись втратити клієнта, не поспішають повідомляти про сумнівні фінансові операції, тим самим запобігаючи процесу протидії такого роду діянням.

Аналіз сучасних тенденцій розвитку процесів легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, дає можливість визначити основні напрями протидії. На наш погляд, вони включають: 1) необхідність подальшого реформування законодавчого комплексу, регулюючого різноманітні аспекти економічної діяльності; 2) створення більш ефективної кримінально-правової моделі протидії злочинності у сфері господарської діяльності; 3) більш чітке визначення компетенції і повноважень системи суб'єктів боротьби із зазначеним видом злочинності; 4) вирішення проблем інформаційно-аналітичного, наукового і професійно-кадрового забезпечення функціонування системи протидії легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом; 5) налагодження більш ефективної міжнародної співпраці у боротьбі з легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом. Кожна з названих проблем, у свою чергу, охоплює досить широке коло питань, вирішення яких потребує самостійного дослідження.

Для цього науковцям необхідно невідкладно здійснити такі заходи: визначити пріоритетні напрями наукових досліджень з питань боротьби з економічною злочинністю, у тому числі із легалізацією (відмиванням) доходів, одержаних злочинним шляхом; скоординувати і спрямувати через Академію правових наук України міжгалузеві наукові розробки відповідної тематики наукових досліджень.

Вбачається важливим також розробити і чітко визначити в регламенті Верховної Ради України порядок розгляду пропозицій наукових творчих колективів, що залучаються до роботи над законопроектами. На жаль, на етапі обговорення законів у профільних комітетах Верховної Ради України певні проекти, особливо з питань боротьби зі злочинністю, піддаються необґрунтованим змінам. Доповнення до них нерідко віддзеркалюють суб'єктивне бачення проблеми тим чи іншим народним депутатом. Роками напрацьовані законопроекти від такого втручання втрачають логічну послідовність, взаємоузгодженість його частин, що породжує інколи значні труднощі у сприйнятті та правозастосуванні прийнятих законів.

КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ПОЛІТИКА ТА ПИТАННЯ СОЦІАЛЬНОЇ ОБУМОВЛЕНОСТІ ЗАКОНУ ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ*

1. Важливою складовою внутрішньої політики держави є боротьба зі злочинністю, що покликана знизити її рівень. В свою чергу державна політика боротьби зі злочинністю складається із стратегічних напрямів, характерні риси яких обумовлені задачами, предметом та методами досягнення загального для суспільства результату. Такими напрямками є: кримінально-правова, кримінально-процесуальна, кримінально-виконавча та кримінологічна політики (О. І. Коробеев, Ю. В. Голік, П. Л. Фріс). При цьому, якщо перші три напрями реалізуються на основі відповідного законодавства, то кримінологічна політика являє собою складний комплекс загально-соціальних та спеціально-кримінологічних заходів, спрямованих на попередження злочинності та усунення її причин. Результативність цього напрямку багато в чому залежить не тільки від законодавства та правозастосовчої і правоохоронної діяльності, спрямованих на боротьбу зі злочинністю, але й, головним чином, від соціально-економічного стану, загальної та правової культури суспільства.

2. Кримінологічний напрям, як і кримінально-процесуальний та кримінально-виконавчий напрями, не є рівнозначними за своїм впливом та місцем у порівнянні з кримінально-правовим напрямом. Останній, будучи однією із складових політики у сфері боротьби зі злочинністю, займає домінуюче місце серед інших її напрямів. Кримінально-процесуальний, кримінально-виконавчий та кримінологічний напрями знаходяться під «подвійним» впливом як загальних завдань політики держави у сфері боротьби зі злочинністю, так і кримінально-правової політики, зокрема.

3. Кримінально-правова політика є системоутворюючим елементом політики держави у сфері боротьби зі злочинністю. Ґрунтуючись на кримінальному законодавстві вона становить правову основу політики держави у боротьбі зі злочинністю. Складовою предмету кримінально-правової політики є соціальна обумовленість визнання певного виду девіантної людської поведінки настільки небезпечною для суспільства, щоб ставити на законодавчому рівні питання про необхідність та доцільність кримінально-правової боротьби з такою поведінкою (криміналізація). До соціальної обумовленості відносяться й питання збереження та вдоско-

* Кримінально-правова політика держави: теоретичні та практичні аспекти проблеми: мат. міжн. наук. конф. (Донецьк, 17-18 листопада 2006 р.). – Донецьк, 2006. – С. 9-12.

налення кримінальної відповідальності за певні види суспільно небезпечних діянь, а також питання відмови від подальшого визнання того чи іншого виду людської поведінки злочином. В останньому випадку мова йде про обґрунтоване вилучення із Особливої частини КК тієї чи іншої його статті (декриміналізація).

4. Обумовленість закону про кримінальну відповідальність знаходить вираз в фундаментальних принципах кримінального права і його інститутах, регулятивних положеннях Загальної частини кримінального законодавства та в змісті конкретної норми його Особливої частини. Об'єктивні соціальні потреби формують зміст закону про кримінальну відповідальність не безпосередньо, а проходячи через свідомість та волю законодавця. Тому, як зазначають Н. Ф. Кузнецова та Г. О. Злобін, такі закони можуть адекватно відображати суспільну потребу або недостатньо відповідати цій потребі, досягати чи не досягати поставлених законодавцем цілей. Таким чином, великого значення набуває встановлення відповідності кримінального законодавства, особливо тих його норм, що визначають відповідальність за певний вид суспільно небезпечного діяння, інтересам суспільства.

5. Соціальна обумовленість закону про кримінальну відповідальність являє собою широку проблему, котра може бути досліджена в різних аспектах та напрямках. Основним напрямом її вирішення є визначення та дослідження факторів, що впливають на створення норм та інститутів кримінального законодавства та на їх ефективність. Як зазначає професор О. І. Коробеев «вказані фактори створюють у своїй сукупності соціологічний субстрат кримінально-правової норми, підтверджуючи тим самим генетичну природу кримінального права» (Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. – С. 64-65.).

Визначення факторів, які обумовлюють встановлення (збереження, удосконалення) закону про кримінальну відповідальність або відмову від нього, становить певні труднощі не тільки для законодавця, але й для представників науки кримінального права. По-перше, різні автори неоднаково іменують вказані фактори, називаючи їх підставами, принципами, умовами, задачами, критеріями. По-друге, може мати місце різна кількість вказаних факторів для констатації соціальної обумовленості певного закону. Окремі науковці зазначають, що таких факторів, як правило, налічується близько двадцяти, до того ж в процесі криміналізації деяких специфічних видів суспільно небезпечної поведінки, наприклад, необережної, пов'язаної з використанням сучасної техніки, – пропонується враховувати ще більшу кількість факторів.

Вочевидь, що при такому положенні визначення факторів соціальної обумовленості необхідно ув'язувати із конкретним видом людської поведінки. Вимога формального врахування всіх вже відомих факторів не може бути визнана доцільною до кожного масовидного соціально-негативного явища людської поведінки. Виходячи із відмінностей у видах та характері явищ, детермінуючих встановлення закону про кримінальну відповідальність, фактори соціальної обумовленості можуть бути неоднаковими і по кількості, і по змісту. В свою чергу окремі фактори, дослідження яких стосовно певного явища теоретично можливе, можуть лише незначним або загальним чином обумовлювати закон про кримінальну відповідальність. Практичне використання їх для пояснення такого закону (його встановлення, збереження або відмова) може бути недоцільним.

6. В контексті зазначеного особливої актуальності набуває питання встановлення в Україні кримінальної відповідальності юридичних осіб. В умовах інтенсивного інтегрування України у міжнародний правовий простір міжнародні договори, згоду на обов'язковість яких надано Верховною Радою України, стають частиною національного законодавства України. Певні з них містять вимоги до держав-учасниць щодо уведення кримінальної відповідальності юридичних осіб. Так, ще у 1985 році «Керівні принципи в галузі попередження злочинності та кримінального правосуддя в контексті розвитку та економічного порядку», передбачили обов'язок держав-членів ООН «розглянути питання про передбачення кримінальної відповідальності не тільки для осіб, які діяли від імені якої-небудь установи, корпорації чи підприємства... а й для самої установи, корпорації чи підприємства». Разом з тим, у своїй більшості міжнародно-правові договори зазначають, що встановлення відповідальності юридичних осіб можливе лише з урахуванням правових принципів держави-учасниці договору. Так, Конвенція ООН «Проти транснаціональної організованої злочинності» від 15 листопада 2000 року в частині 1 ст. 10 «Відповідальність юридичних осіб» зазначає: «Кожна держава-учасниця вчиняє таких заходів, які з урахуванням її правових принципів можуть знадобитися для встановлення відповідальності юридичних осіб за участь у серйозних злочинах...». Такий підхід до вирішення питання відповідальності юридичних осіб передбачений і у частині 2 цієї статті: «За умови дотримання правових принципів держави-учасниці відповідальність юридичних осіб може бути кримінальною, цивільно-правовою або адміністративною». Що стосується України, то треба зазначити, що кримінальне законодавство нашої країни ґрунтується на принципах індивідуальної й винної відповідальності за вчення злочину (статті 61 та 62 Конституції України, статті 2,23 КК України). Ці принципи є важливим досягненням сучасної цивілізації, від яких не варто відмов-

лятися. За вчинені злочини кримінальну відповідальність повинні нести лише певні фізичні особи – службові, матеріально відповідальні та інші, винні у їх скоєнні. Таким чином, підставою застосування кримінальної відповідальності повинна бути лише певна суспільно небезпечна поведінка конкретної людини, а не функціонально-виробнича різноманітна діяльність юридичної особи – колективу виробників або іншого співтовариства. Застосування до юридичної особи кримінальної відповідальності у вигляді визнання її винною у вчиненні злочину та накладання відповідних санкцій не може бути справедливим по відношенню хоча б до рядових працівників виробництва, які у своїй більшості ніяким чином не впливали на прийняття та реалізацію злочинних рішень керівників юридичної особи. Окрім того, притягнення юридичної особи до кримінальної відповідальності може призвести до подвійної кримінальної відповідальності певних фізичних осіб – власників або керівників таких юридичних осіб за одне й те саме правопорушення (що суперечить статті 61 Конституції України). Останні можуть суттєво матеріально постраждати при застосуванні, наприклад, фінансових санкцій до їх підприємства – юридичної особи, а також безпосередньо при притягненні їх до кримінальної відповідальності, як службових осіб, що допустили злочинні зловживання, які обумовили визнання їхнього підприємства суб'єктом злочину.

КОНСТИТУЦІЙНА ВІДПОВІДНІСТЬ У СИСТЕМІ ЧИННИКІВ СОЦІАЛЬНОЇ ОБУМОВЛЕНOSTІ КРИМІНАЛЬНОГО ЗАКОНУ*

Соціальна обумовленість кримінального закону є багатогранною проблемою, яка може досліджуватися в різноманітних аспектах і напрямках. Проте в основному вона орієнтує на встановлення і вивчення чинників, що впливають на створення кримінального закону (Кримінального кодексу в цілому, його інститутів, окремих кримінально-правових норм) і на їх ефективність. З'ясування цих чинників, їх кількість і класифікація, роль і значення, необхідність і достатність – далеко неповний перелік питань, що потребують наукового вирішення.

У системі чинників соціальної обумовленості необхідності прийняття або збереження кримінального закону помітне місце займає конституційна

* Теоретичні та практичні проблеми реалізації Конституції України: Тези доповідей та наукових повідомлень учасників всеукраїнської науково-практичної конференції (29-30 червня 2006 р.) / За заг. ред. М. І. Панова. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2006. – С. 405-408.

відповідність (конституційна адекватність). В умовах побудови правової держави, установлення принципу верховенства права цей чинник виявляється настільки значущою соціальною категорією, що цілком може бути визнаний принципом створення кримінального закону (криміналізації) або його удосконалювання.

Конституційна відповідність означає, що кримінальний закон не суперечить конституції держави і достатньо повно реалізує проголошені в ній принципи і положення, які, маючи високий ступінь узагальненості й масштабності, являють собою його юридичну базу, містять найбільш істотні вихідні риси його норм, визначають основні напрями розвитку кримінального закону. Згідно зі ст. 8 Конституції України вона має найвищу юридичну силу. Закони та інші нормативно-правові акти приймаються на основі її положень і повинні відповідати їй. Тим самим у цій статті закріплено принцип конституційної відповідності, якого необхідно дотримуватися при розробці і прийнятті законів, інших нормативно-правових актів, у тому числі Кримінального кодексу України (далі – КК України) та його окремих норм.

Після прийняття 28 черв. 1996 р. Конституції України розробники КК України виконали значну аналітичну роботу з приведення його проекту у відповідність до Основного Закону держави. Виходячи з того, що кримінальний закон – гарант забезпечення настанов Конституції щодо необхідності захисту прав і свобод людини і громадянина, найбільш важливих суспільних і державних інтересів, були проаналізовані конституційні положення стосовно норм як Загальної, так і Особливої частин КК України. Було констатовано, що в цілому проект КК України відповідає Основному Закону держави. Прийняття Конституції дозволило розв'язати низку суперечливих питань, що виникали під час підготовки проекту КК України. Наприклад, висловлювалися критичні зауваження щодо збереження в системі кримінальних покарань виправних робіт. Зауважувалося, що такі роботи – різновид примусової праці, яка заборонена європейськими конвенціями з прав людини. Законодавець у ст. 43 Конституції України визначив позицію стосовно цього питання в такий спосіб: «Використання примусової праці забороняється». Проте «...не вважається примусовою ... робота чи служба, яка виконується особою за вироком або іншим рішенням суду...».

Правовою базою з'ясування відповідності кримінального закону в цілому Конституції держави є їх принципи, тобто провідні ідеї суспільної правосвідомості. При розробці КК України 2001 р. вплив конституційних принципів знайшов відбиток у вирішенні багатьох питань. Особливо це стосується гуманітарно-соціального компонента КК Укра-

їни, пов'язаного з охороною основних прав і свобод людини і громадянина. Принципи рівності, гуманізму, справедливості, вини, законності знайшли своє втілення в тих або інших положеннях КК України достатньо рельєфно. Наприклад, у ч. 2 ст. 2 КК України дослівно відтворено конституційне положення, що відображає принцип вини: «Особа вважається невинуватою у вчиненні злочину і не може бути піддана кримінальному покаранню, доки її вини не буде доведено в законному порядку і встановлено обвинувальним вироком суду» (ч. 1 ст. 62 Конституції України). Також послідовно втілена в КК України конституційна ідея пріоритету особи перед суспільством і державою. Саме виходячи з цього розділи Особливої частини були об'єднані в три блоки і відповідно розташовані: перший – блок розділів, завданням яких є охорона особи, наступний блок – охорона суспільних інтересів, заключний блок – охорона інтересів держави.

Вимогам узгодженості з Конституцією повинні відповідати не тільки кримінальний закон у цілому, але й конкретні кримінально-правові норми як Загальної, так і Особливої частин КК України. Узгодженість має бути більш предметною. Вихідним нормативним матеріалом для неї слугують ті положення Основного Закону, які безпосередньо обумовлюють необхідність правового регулювання й охорони визначених суспільних відносин. При цьому, що стосується конкретної кримінально-правової норми, то її зв'язок із тим або іншим конституційним положенням не обов'язково повинен бути буквальним, важливо, щоб він був достатнім, ґрунтувався на конституційних приписах і принципах. У практичному плані наявність відповідності реалізується шляхом постановки і вирішення експертного питання: «Чи не суперечить чинна або запропонована кримінально-правова норма Конституції?». П'ятирічний досвід застосування КК України свідчить, що деякі його норми, як і раніше, потребують додаткового аналізу на предмет конституційної відповідності. Прикладом тому є рішення Конституційного Суду України від 2 листопада 2004 р. щодо ст. 69 КК України «Призначення більш м'якого покарання, ніж передбачено законом». Конституційний Суд дійшов висновку, що норма цієї статті не відповідає положенням Конституції України в частині, яка унеможлиблює призначення особам, що вчинили злочин невеликої тяжкості, більш м'якого покарання, чим передбачено законом, або перехід до іншого, більш м'якого виду основного покарання, не передбаченого в санкції статті за такий злочин. Мотивуючи своє рішення, Конституційний Суд спирався не тільки на певні статті Конституції України, але й виходив також із змісту принципів справедливості призначення покарання, рівності громадян перед

законом, індивідуалізації юридичної відповідальності. Було визнано, що ст. 69 КК України обмежує дію цих принципів. Положення ч. 1 ст. 69 КК України, що унеможливорює призначення особам, які вчинили злочини невеликої тяжкості, більш м'якого покарання, ніж передбачено законом, вважається неконституційним. У цій частині воно втратило силу. Незважаючи на суперечливість зазначеного рішення, оскільки досліджувався не текст закону, а логіко-правовий висновок, що випливає з нього, саме обґрунтування, засноване на аналізі не тільки певних приписів Конституції, а й загально-соціальних та кримінально-правових принципів, заслуговує на підтримку.

Таким чином, є підстави вважати, що процес установлення конституційної відповідності не завершується прийняттям кримінального закону в силу рухомості суспільних відносин, накопичення досвіду правозастосування, інших обставин розвитку суспільства.

АНТИКОРУПЦІЙНА ПОЛІТИКА І ПРАКТИКА: ПРОБЛЕМИ ЗАКОНОДАВЧОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ*

Корупція є одним з найнебезпечніших посягань на діяльність органів державної влади, органів місцевого самоврядування, апарату управління підприємств, установ, організацій. Корупція порушує правильну їх діяльність, підриває авторитет, принципи соціальної справедливості та нормативної урегульованості суспільних відносин.

Як негативне соціальне явище, корупція супроводжує людство з давніх-давен, принаймні з часів утворення перших держав та необхідних для їх функціонування розгалужених систем апарату службовців, деякі з яких перетворювали свою діяльність на джерело незаконного доходу. Залежно від поширеності, вплив корупції на суспільне життя тієї чи іншої держави може бути як незначним, так і набувати загрозливого для існування держави, її національної безпеки характеру. Хворе на корупцію суспільство припиняє розвиватися, а його соціальні системи деформуються.

Достатньо звернутися до історії України часів Гетьманщини. Хабарі, зловживання, що чинилися в судах та з боку старшин і полковників, породжували великі неправди стосовно пересічних козаків і посполитих. Таке становище обумовлювало скарги та звернення населення Гетьманщини до російських царів за захистом від свавілля власних посадовців.

* Слухання у Комітеті на тему «Антикорупційна політика і практика: проблеми законодавчого забезпечення» / Комітет Верховної Ради України питань боротьби з організованою злочинністю і корупцією. – Київ: СПД Москаленко, 2009. – С. 58-62.

Корупція тих часів стала одним з чинників обґрунтування імперської ідеології російських царів щодо обмеження Гетьманщини у справах управління та судочинства і поступового знищення суверенних прав та елементів державності, які мала Україна як автономія.

З часів набуття Україною у 1991 році незалежності корупція почала набувати загрозливих масштабів. Досить швидко наша держава опинилася серед країн з дуже високим рівнем корумпованості, займаючи останні або передостанні місця в різноманітних порівняльних таблицях, що розробляються міжнародними експертами. Тому, починаючи з середини 90-х років минулого століття, питання боротьби з корупцією стало предметом неухильної уваги з боку держави та громадськості.

5 жовтня 1995 року прийнято Закон України «Про боротьбу з корупцією». Відтоді Україна послідовно рухається в напрямі вироблення і впровадження антикорупційних заходів, що знайшло інституційне оформлення в численних законах і нормативно-правових актах, концепціях і програмах, створенні спеціальних державних органів, які наділені повноваженнями щодо здійснення заходів боротьби з корупцією.

У результаті цього вдалося активізувати боротьбу з корупцією, але її ефективність залишається низькою і не задовольняє суспільство. Тому не випадково, за даними міжнародної організації «Трансперенсі Інтернешнл», Україна все ще залишається серед країн з високим рівнем корупції. Наприклад, у 2007 році наша держава з індексом сприйняття корупції (ІСК) 2,7 посіла 118-те місце серед 179 країн, що досліджувалися цією організацією. До речі, десять років тому, за даними цієї організації, ІСК України становив 2,2, що підтверджує позитивні, але незначні зрушення у боротьбі з корупцією. Однак якщо порівняти показники нашої країни з середньоєвропейськими, які у 2007 році мали індекс на рівні 7 (наприклад, Іспанія – 6,7, Франція – 7,3), легко підрахувати, скільки років потрібно, щоб Україна наблизилася до таких показників.

Аналіз нормативно-правових актів щодо боротьби з корупцією та практики їх застосування дає підстави зробити висновок про те, що неефективність їх втілення в життя зумовлена неправильно обраною політикою боротьби з цим антисоціальним явищем, оскільки центр тяжіння такої боротьби був переміщений із кримінально караних діянь на адміністративні правопорушення. Тому, незважаючи на підвищення кількісних показників боротьби з корупцією, значна частина найнебезпечніших для національної безпеки корупційних діянь залишається прихованою від суспільства.

На думку окремих керівників правоохоронних органів, підвищення ефективності боротьби з корупцією багато в чому залежить від законо-

давства, у тому числі кримінального. Зокрема, висловлюються твердження, що Кримінальний кодекс України не передбачає відповідальності саме за корупцію, що значним чином обумовлює низку ефективності боротьби з цим злом в Україні.

Треба зазначити, що корупція як соціально негативне явище складається з різноманітних за видами та ступенем тяжкості правопорушень, які спричиняють шкоду не тільки суспільним відносинам, що охороняються кримінальним законодавством, а й соціальним сферам, що регулюються та охороняються адміністративним, цивільним, фінансовим, трудовим та іншим законодавством.

Кримінальний кодекс України містить розгалужену систему кримінально-правових норм, якими передбачається відповідальність за злочини корупційної спрямованості. Кожен вид таких злочинів має визначення в кримінальному законі, достатнє для формування уявлення про його суспільну небезпечність та меж відповідальності залежно від тяжкості.

Виходячи з визначення поняття «корупційні діяння», наведеного у статті 1 Закону України «Про боротьбу з корупцією» від 5 жовтня 1995 р., а також суб'єктів їх вчинення, визначених у статті 2 цього закону, до злочинів корупційної спрямованості слід відносити, в першу чергу, злочини, відповідальність за які передбачена розділом XVII «Злочини у сфері службової діяльності» Особливої частини чинного Кримінального кодексу України. Саме в цьому розділі визначена відповідальність за:

- зловживання владою або службовим становищем (стаття 364);
- перевищення влади або службових повноважень, якщо воно вчиняється з корисливих мотивів чи в інших особистих інтересах (стаття 365);
- одержання хабара (стаття 368);
- давання хабара (стаття 369).

Окрім того, до таких злочинів слід віднести:

- привласнення, розтрату або заволодіння чужим майном шляхом зловживання службовою особою своїм службовим становищем (частина друга статті 191);
- одержання незаконної винагороди працівником державного підприємства, установи чи організації (стаття 354);
- зловживання військовою службовою особою владою або службовим становищем (стаття 423);
- перевищення військовою службовою особою влади чи службових повноважень, якщо воно відбувається з корисливих мотивів чи в інших особистих інтересах (стаття 424).

Це також значна частина злочинів, що вчинюються у сфері господарської діяльності, за умови їх здійснення суб'єктом, визначеним у статті 2

Закону України «Про боротьбу з корупцією», якщо особа для цього використовує свої владні повноваження або службове становище.

Таким чином, сучасне кримінальне законодавство є достатньою нормативною базою для ефективної боротьби з такими найбільш небезпечними для суспільства діями, як злочини корупційної спрямованості. Важливо, щоб його застосування було невідворотним у кожному випадку корупційного правопорушення.

Разом з тим, кримінальне законодавство все-таки потребує певного удосконалення. Це обумовлено:

- по-перше, необхідністю системного законодавчого підходу до боротьби з корупцією, коли всі його ланки (адміністративні, цивільні, фінансові, трудові та кримінально-правові норми) узгоджені між собою;
- по-друге, потребами імплементації міжнародних конвенцій (угод, протоколів тощо), учасником яких є Україна;
- по-третє, необхідністю запозичення досвіду кримінально-правового вирішення боротьби з корупцією тих країн, де її рівень незначний, і законодавство яких може слугувати певним взірцем для України.

Вибірковий аналіз більше ніж 20 законодавчих актів про кримінальну відповідальність європейських та інших країн засвідчує, що в переважній більшості їхні кримінальні кодекси також не використовують поняття «корупція». А в тих країнах, де в кримінальному законодавстві застосовується це поняття, його зміст, як правило, тотожний змісту таких злочинів, як одержання та давання хабара, зловживання або перевищення службовою особою влади або службових повноважень, що вчинюються з корисливих мотивів або в особистих інтересах. Безумовно, є й певні особливості, що заслуговують на увагу, але, як правило, вони поодинокі та охоплюються більш узагальнюючими визначеннями, що використовуються у кримінальному законодавстві України.

Останнім часом предметом особливої уваги народних депутатів, практиків та наукових працівників стали три законопроекти, спрямовані на посилення боротьби з корупцією, розроблені відповідно до міжнародних угод з цього питання, учасником яких є Україна.

Так, законопроекти «Про відповідальність юридичних осіб за вчинення корупційних правопорушень» (реєстр. № 0877) та «Про засади запобігання та протидії корупції» (реєстр. № 0876) загалом заслуговують на підтримку, оскільки відповідають вимогам міжнародних угод та містять новачії, необхідні для посилення боротьби з корупцією в Україні.

Натомість більшість положень законопроекту «Про внесення змін до деяких законодавчих актів щодо відповідальності за корупційні

правопорушення» (реєстр. № 0875), якими передбачається доповнення до кримінального законодавства України, не можуть бути підтримані, оскільки охоплюються диспозиціями кримінально-правових норм чинного Кримінального кодексу України, якими передбачається відповідальність за злочини корупційної спрямованості.

Окрім того, зазначений законопроект містить досить спірні та казуїстичні за вирішенням положення. Так, пропонується доповнити статтю 18 Кримінального кодексу визначенням службової особи, що є недоцільним. Справа в тому, що «службова особа» є одним з різновидів спеціального суб'єкта злочину, визначення якого міститься в частині другій зазначеної статті. А тому пропозиція викласти в Загальній частині ще й визначення окремого виду спеціального суб'єкта (у даному разі – службової особи) не є логічною, бо подібних визначень спеціального суб'єкта може бути значна кількість (наприклад, військовослужбовця, працівника правоохоронного органу тощо). Тому такі визначення мають бути викладені в Особливій частині Кримінального кодексу, якщо в цьому є потреба. Крім того, звертаємо увагу на те, що визначення, запропоноване в частині третій статті 18 Кримінального кодексу, майже відтворює визначення, що містить примітка 1 до статті 364, фактично дублює його.

Є також необґрунтованою пропозиція про доповнення Особливої частини Кримінального кодексу новим розділом VII-A «Злочини у сфері службової діяльності в юридичних особах приватного права». Імовірно, що ця пропозиція з'явилася під впливом змісту Особливої частини чинного Кримінального кодексу Російської Федерації, глава 23 якої передбачає відповідальність за злочини проти інтересів служби в комерційних та інших організаціях.

Одразу слід зауважити, що провідні науковці та практичні працівники Росії визнають таке вирішення законодавцем зазначеного питання невдалим, оскільки воно призвело до порушення принципу однаковості кримінальної відповідальності за одне й те саме діяння. Крім того, органи кримінального переслідування Російської Федерації не завжди вчасно й адекватно реагують на вчинення відповідних діянь у комерційних та інших організаціях, вважаючи це приватною справою відповідних юридичних осіб.

У Росії таке вирішення питання призвело до штучного, нічим не обґрунтованого пом'якшення кримінальної відповідальності для службових осіб, які працюють в юридичних особах приватного права, за зловживання службовим становищем, перевищення службових повноважень, давання й одержання хабара, а також до зменшення уваги з боку правоохоронних органів стосовно протидії цим явищам. Можна

прогнозувати, що така ситуація повториться і в Україні. Тобто вдала за своєю сутністю ідея посилення боротьби із злочинами у сфері службової діяльності в юридичних особах приватного права не може бути реалізована шляхом штучного виділення кримінальної відповідальності за вчинення цих злочинів із розділу XVII «Злочини у сфері службової діяльності» в окремий розділ.

Крім того, є й інші негативні наслідки введення до Особливої частини Кримінального кодексу розділу VII-А. Це стосується термінологічного апарату, змісту низки понять, практики застосування Кримінального кодексу, статистичних показників щодо стану злочинності у сфері службової діяльності, зокрема, сприятиме штучному зниженню певних з них. Вважаємо, що визначення службової особи, наявне в чинному законодавстві (пункт 1 примітки до статті 364 Кримінального кодексу) є виправданим, оскільки охоплює представників влади та службових осіб підприємств, установ, організацій незалежно від форми власності. Отже, у чинному Кримінальному кодексі України дотримано принцип однаковості кримінальної відповідальності службових осіб.

Неприйнятними або такими, що потребують уточнення, є також окремі пропозиції до розділу XVII «Злочини у сфері службової діяльності» Кримінального кодексу, оскільки вони не узгоджуються між собою та пропозиціями до інших розділів або не відповідають основним принципам побудови кримінального закону.

Зазначене засвідчує, що законопроект «Про внесення змін до деяких законодавчих актів щодо відповідальності за корупційні правопорушення» у частині внесення змін до Кримінального кодексу України потребує серйозного доопрацювання, з тим щоб до кодексу були введені або справді нові положення, невідомі законодавству України, або ті, що є необхідними з позиції підвищення запобіжної функції кримінального законодавства.

СОЦІОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ ПРОБЛЕМ КРИМІНАЛЬНОГО ПРАВА*

1. Предметом соціології кримінального права є негативні соціальні явища, пов'язані із певними видами людської поведінки, що набувають розвитку в суспільстві та становлять для нього підвищену небезпеку.

* Актуальні проблеми кримінального права та кримінології: мат. всеукр. наук.-практ. конф. (Донецьк, 24 квітня 2009 р.) / ДЮІ ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка. – Донецьк: Норд-комп'ютер, 2009. – С. 6-8.

Такі явища обумовлюють необхідність їх подолання різноманітними заходами соціального впливу (включаючи правові), серед яких найбільш репресивними є кримінально-правові. Оскільки кримінально-правові заходи ґрунтуються на застосуванні до осіб, що вчиняють суспільно небезпечні діяння, визнані злочинами, кримінального закону, то важливою складовою предмета соціології кримінального права є відображення суспільно небезпечних явищ певного виду в його кримінально-правових нормах. Нарешті, соціологію кримінального права визначає її націленість на дослідження соціальної результативності (ефективності) застосування кримінального закону, як заходу правового впливу у подоланні суспільно небезпечних явищ, визнаних злочинами.

2. Процеси набуття негативним соціальним явищем ознак суспільної небезпечності є предметом різних соціальних наук, однак для кримінального права така оцінка явища набуває вирішального значення, оскільки суспільна небезпечність є сутнісною ознакою злочину. Соціологія кримінального права, використовуючи методи дослідження соціальних явищ, дає можливість об'єктивно оцінити негативне явище певного виду як таке, що становить підвищену небезпеку для суспільства у порівнянні із іншими видами девіантної поведінки людини. Визнання явища суспільно небезпечним обумовлює необхідність формування кримінально-правової заборони. Тому суспільна небезпечність є не тільки сутнісною ознакою злочину, але й відіграє вирішальне місце серед чинників соціальної обумовленості встановлення кримінально-правової заборони.

Питання соціальної обумовленості кримінально-правової заборони щодо певного виду суспільно небезпечної поведінки (криміналізація) є важливою складовою предмету кримінально-правової політики держави в сфері боротьби із злочинністю. До соціальної обумовленості відносяться й питання збереження та вдосконалення кримінальної відповідальності за певні види суспільно небезпечних діянь, а також питання відмови від подальшого визнання того чи іншого виду людської поведінки злочином. В останньому випадку йдеться про обґрунтоване вилучення із Особливої частини КК певної статті (декриміналізація).

Обумовленість кримінально-правової заборони виражається у фундаментальних принципах кримінального права та його інститутах, регулятивних нормах Загальної частини кримінального законодавства та змісті конкретної норми його Особливої частини. Об'єктивні соціальні потреби формують зміст закону про кримінальну відповідальність не безпосередньо, а проходячи через свідомість та волю законодавця. Тому такі закони можуть адекватно відображати суспільну потребу

щодо заборони девіантної поведінки або недостатньо відповідати цій потребі, досягати чи не досягати поставлених законодавцем цілей. Таким чином, великого значення набуває встановлення відповідності кримінального законодавства, особливо тих його норм, що визначають відповідальність за певний вид суспільно небезпечного діяння, інтересам суспільства.

Соціальна обумовленість кримінально-правової заборони являє собою багатогранну проблему, яка може бути досліджена в різних аспектах та напрямках. Основним напрямом її вирішення є визначення та дослідження чинників, що впливають на створення кримінального закону (КК, його інститутів, окремих кримінально-правових норм) та на їх ефективність. Системна сукупність чинників створює соціологічний субстрат кримінально-правової норми, підтверджуючи тим самим генетичну природу кримінального права.

Визначення чинників, які обумовлюють встановлення (збереження, удосконалення) кримінально-правової заборони або відмову від неї, становить певні труднощі не тільки для законодавця, але й для представників науки кримінального права. По-перше, різні автори неоднаково іменують ці чинники, називаючи їх підставами, принципами, умовами, завданнями, критеріями. По-друге, можлива різна кількість таких чинників для констатації соціальної обумовленості певної кримінально-правової норми. Окремі науковці зазначають, що таких чинників, як правило, налічується близько двадцяти, до того ж у процесі криміналізації деяких специфічних видів суспільно небезпечної поведінки, наприклад, необережної, пов'язаної з використанням сучасної техніки, пропонується враховувати ще більшу кількість чинників.

Вочевидь, що при такому стані визначення чинників соціальної обумовленості, їх необхідно пов'язувати із конкретним видом людської поведінки. Вимога формального врахування всіх уже відомих чинників не може бути визнана доцільною до кожного масовидного соціально негативного явища людської діяльності. З огляду на відмінності у видах та характері явищ, що детермінують прийняття відповідного закону про кримінальну відповідальність, чинники соціальної обумовленості можуть бути неоднаковими і по кількості, і по змісту. У свою чергу окремі чинники, дослідження яких стосовно певного явища теоретично можливе, можуть лише незначним або загальним чином обумовлювати кримінально-правову заборону. Їх практичне використання для її пояснення (встановлення нового закону, його збереження або відмови) може бути недоцільним.

3. Складовою предмета соціології кримінального права є відображення суспільно небезпечних явищ певного виду в його кримінально-

правових нормах. На підставі дослідження множинності небезпечних для суспільства актів людської поведінки певного виду, які у своїй сукупності становлять об'єктивно існуючу соціальну закономірність, формується така норма. В текст кримінального закону, що є законодавчим відображенням (нормативним приписом) кримінально-правової норми, вводяться в узагальненій формі типові і разом з тим найбільш характерні ознаки, що притаманні кожному окремому суспільно небезпечному діянню, у визнанні якого злочином є соціальна потреба. Таким чином, кримінально-правова норма знаходиться у нерозривному зв'язку з матеріальним (соціальним) змістом певного виду небезпечної людської поведінки. Також особливістю законодавчого визначення злочину є доступність сприйняття нормативного припису суб'єктами суспільних відносин. Наприклад, в ст. 185 КК України крадіжка як злочин визначена словами: «таємне викрадення чужого майна». Вочевидь, що наведений припис адресований широкому загалу громадян, для яких він є достатнім, щоб зрозуміти заборону крадіжки чужого майна. Разом із тим, припис, що наводиться в законі, містить далеко не всі ознаки, що необхідні правозастосувачу для визнання конкретної людської поведінки злочином. Цю прогалину усуває наука кримінального права та слідчо-судова практика, які на підставі сукупності ознак, що притаманні діянням певного виду, конструюють його правову модель, що має назву – склад злочину. Будучи певною моделлю, на яку орієнтується правозастосувач, склад злочину дозволяє останньому, особливо на попередніх стадіях застосування кримінального закону (дідання, досудового слідства), обмежитися встановленням лише тих об'єктивних і суб'єктивних ознак злочину, необхідна сукупність яких є достатньою для констатації у вчиненому особою суспільно небезпечному діянні підстави для кримінальної відповідальності.

Розгляд нормативних приписів, в яких знаходять відображення кримінально-правові норми, та відповідних складів злочинів надає можливість зробити висновок про те, що вони становлять собою особливі правові прийоми моделювання суспільно-небезпечних явищ, визнаних законодавцем злочинами, з виділенням найбільш загальних, відображених у абстрактній формі типових ознак, що характеризують ці явища. Вочевидь, що для цього знання соціального змісту такого явища набуває важливого значення. Саме завдяки такому «моделюванню» виникає реальна можливість у подальшому правильної кваліфікації у разі вчинення відповідного діяння, відмежування злочинної поведінки від незлочинної, неухильного дотримання законності при відправленні правосуддя.

4. У предмет соціології кримінального права входять соціальні результати дії кримінально-правових норм, тобто їхня ефективність,

що розглядається не тільки як наявний підсумок впливу на свідомість членів суспільства кримінально-правових заборон самих по собі. Вона також розглядається як ефективність управління соціальними процесами у широкому розумінні – управління, що охоплює, крім видання й функціонування кримінального закону, і (1) поетапну постановку соціальних цілей у сфері боротьби зі злочинністю; і (2) планування цієї боротьби, що включає вибір належних соціально-економічних, ідеологічних та юридичних засобів, необхідних для досягнення поставленої мети; і (3) оцінку результатів практичної реалізації запланованих заходів.

Ефективність дії кримінально-правових норм як результат управління соціальними процесами полягає, насамперед, у превентивній діяльності держави через попередження злочинів. У сфері ж правозастосовної діяльності вона виступає, у першу чергу, як ефективність кримінального покарання.

Дані, отримані під час вивчення того, яким чином функціонування кримінально-правових норм сприяє досягненню поставлених соціальних цілей, дозволяють зробити висновок про достатність або недостатність юридичних засобів, вибраних для боротьби зі злочинністю. Вони також складають інформаційну базу для реалізації зворотного зв'язку між ефективністю закону й правотворчою діяльністю держави.

5. Окреслений у такий спосіб предмет соціології кримінального права дозволяє скласти низку ключових понять, що утворюють основу її категоріального апарату. Кожна з цих категорій сама розкривається у низці соціологічних і юридичних понять, що дає можливість розширити теоретичну базу зв'язку соціології кримінального права із суспільною практикою. Так, при визначенні соціального механізму дії кримінально-правової норми як процесу її функціонування в суспільстві, ми виходимо з недостатності дослідження лише одних відносин «норма – індивід». Крім правової заборони, на поведінку людини впливає вся система соціально-економічних умов життя, які у підсумку відображаються на реалізації кримінального закону. З іншого боку, дієвість кримінального закону залежить від повноти відбиття в його нормах тих самих суспільних умов, зокрема закономірностей суспільного розвитку й потреб особистостей, соціальних груп, учасників певних сфер суспільної діяльності, держави тощо. Але ці соціальні фактори перебувають поза «межами досяжності» кримінального права, оскільки вплив на них здійснюється вже через державну політику боротьби із злочинністю – як складової загальносоціальної політики держави, що також входить у предмет соціології кримінального права.

СКЛАД ЗЛОЧИНУ ЯК ПРАВОВА МОДЕЛЬ*

1. Сутнісним досягненням вітчизняного кримінального права є встановлення єдиної загальної структури всіх злочинів та побудова на цій основі складу кожного виду злочину, який можна розглядати як спрощену правову модель, необхідну для встановлення відповідності реального злочину нормі кримінального закону та визнання вчиненого підставою кримінальної відповідальності.

2. Незважаючи на широке вживання в теорії кримінального права та у правозастосовній діяльності поняття «склад злочину» та посилання на нього у кримінальному законі (ч. 1 ст. 2, ч. 2 ст. 17 КК) визначення юридичної природи цієї правової категорії залишається і на теперішній час дискусійним. Більшість науковців притримуються нормативістського погляду на склад злочину, вважаючи його законодавчого моделлю. Так, у підручнику з Загальної частини Кримінального права України зазначається: «Склад злочину – це законодавче поняття про злочин і вказує лише на ті його ознаки, що закріплені в законі про кримінальну відповідальність» [5, 69]. Прихильник цього напряму А. О. Пінаєв у своєму курсі лекцій із Загальної частини кримінального права України визначає такі особливості складу злочину: він формулюється тільки в законі про кримінальну відповідальність; право на конструювання складу злочину має лише Верховна Рада України; склад злочину утворюють ознаки, що зазначені в законі; до складу злочину не можна включати ознаки, що в законі не зазначені [10, 67]. Вбачається, що витоки такого підходу ґрунтуються на вченні про склад діяння, що склалося у середині 19 століття у Німеччині, згідно з яким склад діяння це опис у законі кримінально-релевантної поведінки у виді дії або бездіяльності [3, 132-133]. Таке ж визначення складу діяння міститься і в сучасній редакції Кримінального кодексу ФРН, згідно з яким це поняття ототожнюється із диспозицією кримінально-правової норми Особливої частини [1, 96].

3. Вітчизняна наука кримінального права при визначенні змісту поняття «склад злочину» віддала перевагу системно-структурному методу пізнання суспільно небезпечного явища дійсності, визнаному кримінальним законом злочином. На відміну від розуміння складу діяння в Німеччині, українські, російські, як і більшість науковців інших країн колишнього СРСР, визначають склад злочину як сукупність чотирьох елементів – об'єкта, об'єктивної сторони, суб'єкта і суб'єктивної сто-

* Вісник Академії адвокатури України. – Київ: Видавничий центр Академії адвокатури України, 2009. – Число 1 (14). – С. 254-256.

рони, та ознак, їм притаманним. Разом із тим прихильники нормативістського погляду зазначають, що ознаки складу злочину містяться в законі про кримінальну відповідальність, вони немов би «розсіпані» у Кримінальному кодексі. Завдання юристів, підкреслює А.О. Пінаєв, полягає у тому, щоб усю цю сукупність ознак зібрати воедино, утворивши тим самим неподільне поняття складу шпигунства, бандитизму, вбивства, крадіжки тощо [11, 66]. На відміну від такого погляду певна частина науковців бачать у складі структуру злочину, його систематизовану суспільну небезпечність [6, 17]. Ґрунтуючись на такому підході, В. О. Навроцький зазначає, що склад злочину це юридична конструкція, що вироблена теорією кримінального права [8, 136]. Ще більш категоричний у намаганні дистанціювати склад злочину від кримінального закону В. П. Малахов. На його думку, склад злочину – це теоретична конструкція, наукова абстракція, якої не знає кримінальний закон і котру майже кожний автор розуміє і тлумачить по-своєму [7, 163]. Незважаючи на певну обмеженість наведених визначень, слід визнати правильним висновок В. О. Навроцького, що формулювання «склад злочину, передбачений кримінальним законом» не є правильним, якщо мати на увазі не злочин, а склад. Дійсно, кримінальний закон визначає злочин, а не склад злочину. Саме диспозиція Особливої частини відображає та закріплює узагальнені, типові та найбільш характерні ознаки певного виду суспільно небезпечного явища, що визнається кримінальним законом злочином. Ознаки злочину, що закріплені в законі, повинні бути розпізнавані, читаємі, перевіряємі, тобто відповідати принципу виразності (ясності) [4, 137]. Вочевидь, що законодавець формулюючи таким чином закон, менше всього міркує про його відповідність вимогам складу злочину. Його завдання інше – сформулювати заборону в кримінальному законі таким чином, щоб кожний суб'єкт охоронюваних ним відповідних суспільних відносин міг її (заборону) сприйняти та витримувати свою поведінку у відповідності з правовими приписами, нормами моралі, визнаними загальнолюдськими правилами спілкування тощо.

4. Використання прибічниками ненормативного погляду для визначення складу злочину терміносполучень «юридична конструкція», «юридична модель» тощо є дещо невдалим, оскільки саме слово «юридичний» у загальновизнаному його значенні пов'язується із законодавством, правовими нормами і практичним їх застосуванням [9, 850]. Більш правильним вбачається використання при визначенні складу злочину терміносполучення «правова модель», оскільки склад злочину є правовою категорією, джерелами формування якої виступають кри-

мінальний закон, теорія кримінального права та практика застосування кримінального закону, в першу чергу – судова. Окрім того, на склад злочину покладаються достатньо різноманітні галузеві функції: кримінально-правові, кримінально-процесуальні, кримінологічні, криміналістичні [2, 96]. Що стосується кримінально-правових функцій, то завдяки складу злочину забезпечуються при застосуванні кримінального закону такі принципи кримінального права як законність та індивідуалізація кримінальної відповідальності. Завдяки складу злочину також вирішується питання щодо підстави кримінальної відповідальності, якою є вчинення особою суспільно-небезпечного діяння. Будучи певною моделлю, на яку орієнтується правозастосувач, склад злочину дозволяє останньому, особливо на початкових стадіях застосування кримінального закону, обмежитися встановленням лише тих об'єктивних і суб'єктивних ознак злочину, сукупність яких необхідна та достатня для констатації у вчиненому діянні підстави кримінальної відповідальності. Нарешті на склад злочину покладається кваліфікаційна функція, яка використовується на всіх стадіях руху кримінальної справи та завдяки якій констатується відповідність вчиненого суспільно небезпечного діяння нормі кримінального закону.

Список літератури:

1. Бажанов М. И. О функциях состава преступления / М. И. Бажанов // Проблемы законности. – Вып. 29. – Харьков, 1995.
2. Бажанов М. И. Вказана праця.
3. Жалинский А. З. Современное немецкое уголовное право / А. З. Жалинский. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
4. Жалинский А. З. Вказана праця.
5. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник (Ю. В. Александров, В. І. Антипов, О. О. Дудоров та ін.). – Вид. 4-те, переробл. та допов. / за ред. М. І. Мельника, В. А. Клименка. – К.: Атіка, 2008.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. – М.: Издательский дом «Городец», 2007.
7. Малахов В. П. Основания уголовной ответственности / В. П. Малахов. – К.: Украинская акад. внутр. дел., 1994. – С. 163.
8. Навроцкий В. О. Теоретичні проблеми кримінально-правової кваліфікації / В. О. Навроцький. – К.: Атіка, 1999.
9. Новий тлумачний словник української мови, у трьох томах. Том 3 – Київ, вид. «Аконіт», 2001.
10. Пинаев А. А. Курс лекций по Общей части уголовного права Украины / А. А. Пинаев. – Харьков: «Харьков юридический», 2002.
11. Пинаев А. А. Вказана праця.

ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ КРИМІНАЛЬНИМ ЗАКОНОМ КОНСТИТУЦІЙНИХ ПРИНЦИПІВ ЗДІЙСНЕННЯ ПРАВОСУДДЯ В УКРАЇНІ*

1. У зв'язку з важливим значенням дотримання особистих прав і законних інтересів людини, щодо якої виконуються дії, необхідні для забезпечення належного здійснення правосуддя, особливо зухвалими є злочини, що спричиняють шкоду інтересам правосуддя. У Кримінальному кодексі України (далі – КК) відповідальність за злочини проти правосуддя передбачена розділом XVIII Особливої частини. Кримінально-правовими нормами цього розділу забезпечується від злочинних посягань не лише належна, тобто здійснювана суворо, відповідно до закону, діяльність судової влади, а й органів, які за своїм призначенням сприяють діяльності суду щодо здійснення правосуддя і до кола яких належать органи дізнання, досудового слідства, прокуратура, а також ті, які здійснюють виконання винесених судами вироків, ухвал, постанов, інших судових рішень¹. Норми розділу забезпечують також діяльність захисників та представників особи з надання правової допомоги при здійсненні правосуддя.

Серед злочинів проти правосуддя в науковій літературі виділяють *групу злочинів, що посягають на конституційні принципи діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду*². Об'єкт цих злочинів об'єднує суспільні відносини, якими забезпечується дотримання органами дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду конституційних принципів здійснення правосуддя в Україні. Своєрідним правовим гарантом дотримання цих принципів є норми кримінального закону, якими встановлена відповідальність за злочинні посягання на зазначені суспільні відносини.

До злочинів зазначеної групи належить: завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання під вартою (ст. 371 КК); притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності (ст. 372 КК);

* Конституційний процес в Україні: здобутки та проблеми: матер. всеукр. наук.-практ. конф. (25-26 червня 2009 р.). – Харків: Право, 2009. – С. 134-142.

¹ Борисов, В. І. Проблеми затримання та взяття під варту на досудовому провадженні по кримінальній справі [Текст] / В. І. Борисов, Н. В. Глинська, В. С. Зеленецький, О. Г. Шило. – Х., 2005. – С. 117.

² Кримінальне право України: Особлива частина [Текст]: підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, С. Б. Гавриш та ін.; за ред. проф. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К., 2007. – С. 521 (автор розділу XIX «Злочини проти правосуддя» В. І. Тютюгін).

порушення права на захист (ст. 374 КК); постановлення суддею (суддями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови (ст. 375 КК); втручання в діяльність судових органів (ст. 376 КК); втручання в діяльність захисника чи представника особи (ст. 397 КК)¹. Кримінально-правові норми, визначені в цих статтях, ґрунтуються на положеннях чинної Конституції України (далі – Конституція) щодо здійснення правосуддя в Україні. Так, необхідність встановлення кримінальної відповідальності за завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання під вартою (ст. 371 КК) обумовлена ст. 29 Конституції. Відповідальність за притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності (ст. 372 КК) ґрунтується на положеннях ст. 62 Конституції. Кримінально-правову охорону конституційних положень, викладених у статтях 59, 63, 129 Конституції, визначено в статтях 374 та 397 КК. Кримінально-правова норма ст. 375 КК ґрунтується на положеннях ст. 129 Конституції, а ст. 376 КК – на положеннях ст. 126 Конституції.

31 березня 2009 року у Верховній Раді України під № 4290 було зареєстровано проект Закону України «Про внесення змін до Конституції України» (далі – Проект Конституції), внесений Президентом України В. А. Ющенком². Поряд із питаннями організації законодавчої влади, іншими сутнісними вирішеннями, Проект Конституції містить також положення стосовно конституційних засад судової реформи в Україні. У зв'язку з цим постає низка питань щодо можливих новацій у визначенні конституційних принципів здійснення правосуддя в Україні та положень, пов'язаних із діяльністю органів дізнання, досудового слідства, прокуратури та суду в питаннях здійснення ними правосуддя, а також відповідності пропонованим конституційним вирішенням наведених вище норм чинного КК. Слід зазначити, що крім проекту Закону, внесеного Президентом України, в політичних колах та комітетах Верховної Ради України обговорюється ще декілька законопроектів подібного змісту. Вважаємо достатнім обмежитися зіставленням положень чинної Конституції та КК із положеннями законопроекту, наданого Президентом України В. А. Ющенком, з тим щоб на прикладі останнього показати важливість наступності тих конституційних приписів, які, незважаючи на необхідність реформування судової системи України, залишаються для діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду від-

¹ Кримінальне право України: Особлива частина [Текст]: підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, С. Б. Гавриш та ін.; за ред. проф. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – К., 2007. – С. 521 (автор розділу XIX – В. І. Тютюгін).

² http://www.president.gov.ua/content/const_proekt.html

правними та потребують і в подальшому відповідного кримінально-правового забезпечення.

2. Необхідність встановлення *кримінальної відповідальності за завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання під вартою, передбаченої нормою ст. 371 КК*. Як уже зазначалося, ця норма відповідає положенням ст. 29 Конституції, в абз. 1 якої проголошено один із основоположних конституційних принципів щодо особистих прав людини: «Кожна людина має право на свободу та особисту недоторканність». В абзацах 2-6 ст. 29 Конституції надано детальну регламентацію щодо застосування стосовно людини арешту, тримання під вартою, затримання. Зокрема, в абз. 2 проголошено: «Ніхто не може бути заарештований або триматися під вартою інакше як за вмотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених законом».

У Проекті Конституції положення ст. 29 Конституції наведені в ст. 34. Головна відмінність нової редакції статті в тому, що тримання особи під вартою як тимчасовий запобіжний захід пропонується скоротити з 72 годин (абз. 3 ст. 29 Конституції) до 24 годин (абз. 3 ст. 34 Проекту Конституції), упродовж яких судом має бути прийнято вмотивоване рішення щодо необхідності тримання особи під вартою. Що стосується інших положень ст. 29 Конституції, то вони практично залишилися без змін. Разом із тим доктринальні тлумачення цієї статті Конституції щодо видів запобіжних заходів у зіставленні із положеннями ст. 371 КК і гл. 13 «Запобіжні заходи» Кримінально-процесуального кодексу України (далі – КПК) свідчать, що вони в ст. 29 Конституції визначені невдало.

У ст. 29 Конституції (ст. 34 Проекту Конституції) як запобіжні заходи, пов'язані з обмеженням права людини на особисту свободу, визначені арешт і тримання під вартою (абз. 2), а також затримання (абз. 3). У конституційних положеннях щодо цих запобіжних заходів надані найважливіші приписи стосовно умов відправлення правосуддя в Україні при застосуванні до людини арешту, тримання під вартою та затримання. Разом із тим у КПК до запобіжних заходів, пов'язаних із триманням особи під вартою, належать взяття під варту та затримання. Терміни «арешт» і відповідний йому «заарештований» використовуються в КПК лише як синоніми понять «взяття під варту» та «особа, яка взята під варту». Що стосується кримінального законодавства, то відповідно до його охоронної функції в ст. 371 КК забезпечується захист людини від можливих випадків незаконного застосування до неї, на підставі норм КПК, запобіжних заходів, пов'язаних із триманням особи під вартою. Уявляється, що законодавець, формулюючи відповідальність за зазна-

чені дії, спирався не на норми КПК щодо запобіжних заходів, а на положення ст. 29 Конституції. Відповідно до останньої в ч. 2 ст. 371 КК визначено відповідальність за «завідомо незаконні арешт або тримання під вартою», а в ч. 1 ст. 371 КК поряд із відповідальністю за «незаконний привід» встановлена відповідальність за «незаконне затримання». Як бачимо, вирішальним чинником, що вплинув на формулювання норм ст. 371 КК, стали положення ст. 29 Конституції. Тому при буквальному тлумаченні норм ст. 371 КК можна дійти висновку, що законодавець у цій статті мав на увазі три запобіжних заходи, пов'язані з триманням особи під вартою, тоді як КПК таких заходів передбачає лише два.

При визначенні конституційних положень, які мають безпосередній вплив на формулювання норм інших законів, необхідно з метою упередження їх різночитання враховувати усталений понятійний і термінологічний апарат галузевого законодавства. Застосування конституційної та відповідної галузевої законодавчої термінології має бути взаємозгодженим, незалежно від рольової функції, яку відіграє той чи інший термін у формулюванні конституційного припису. Наприклад, згідно з галузевим законодавством поняття «особа» стосується як фізичних, так і юридичних осіб, а тримання під вартою і затримання може бути застосовано тільки щодо людей (фізичних осіб), тому слід погодитися із пропозицією стосовно зміни в Конституції України терміна «особа» на термін «людина», а терміносполучення «затримання особи» на термін «затриманий»¹. Разом з тим така заміна на сутність наведеного конституційного положення не вплине. У цьому випадку мова йде лише про точність застосування відповідної термінології. Більш серйозні наслідки для сутності відповідних положень можуть мати уточнення стосовно використання в Конституції та галузевому законодавстві терміна «арешт». Цей термін, як уже було зазначено вище, застосовується в ст. 29 Конституції. Крім того, він використовується також у її статтях 80 та 126. У ст. 80 встановлені особливості арешту народного депутата України, а в ст. 126 – арешту судді. У Проекті Конституції термін «арешт» вживається в чотирьох статтях. Спершу у ст. 34, яка, як уже було зазначено, відтворює ст. 29 чинної Конституції, потім у статтях 91, 111 та 139, де встановлені відповідно особливості процедури арешту депутата, сенатора, уповноваженого національних зборів з прав людини

¹ Права людини і громадянина: можливості удосконалення конституційних гарантій [Текст] / Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / Редкол.: П. М. Рабинович (голова ред.) та ін. – Серія І. Дослідження та реферати. Випуск 18. – Львів : Край, 2008. – 70 с.

та судді. У цих статтях термін «арешт» має однакове змістовне навантаження – він позначає можливість застосування державою законного обмеження особистої свободи людини.

У КК цей термін використовується в статтях 51, 60 та 371. Залежно від нормативних положень, визначених у зазначених статтях, термін «арешт» у кримінальному законодавстві має різний зміст, що призводить до сутнісних розбіжностей при його тлумаченні, особливо поза межами норм, де він використовується як предметна складова¹. Намагаючись вирішити якимось чином колізію між Конституцією та КПК фахівці у галузі кримінального права, досліджуючи ст. 371 КК, дійшли висновку, що термін «арешт» використаний у цій статті для позначення початкового моменту застосування запобіжного заходу, пов'язаного з обмеженням державою особистої свободи людини. Подальший процес утримання особи державою в стані обмеженої особистої свободи позначається терміном «тримання під вартою». З таким підходом можна було б погодитися, якби термін «арешт» у КК застосовувався лише для позначення початкового моменту процедури «взяття під варту» як виду запобіжного заходу. Разом із тим у статтях 51 та 60 КК цей термін застосовується для визначення виду покарання у виді короткострокового позбавлення волі. У ст. 32 Кодексу України про адміністративні правопорушення термін «арешт» застосовується для позначення виду найбільш суворого адміністративного стягнення. У тому ж КПК термін «арешт» використовується не тільки як синонім терміна «взяття під варту», а й для визначення інших процесуальних дій, зокрема у ст. 187 «Накладення арешту на кореспонденцію і зняття інформації з каналів зв'язку». Тому вбачається доцільним, з міркувань упорядкування застосування в законодавстві термінів «арешт» і «взяття під варту» та більш однозначного визначення змісту запобіжного заходу «взяття під варту», із ст. 29 Конституції (ст. 34 Проекту Конституції) вилучити термін «арешт». Відповідне положення в них викласти таким чином: «*Ніхто не може бути взятий під варту інакше як за вмотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених законом*». Відповідно до змін у Конституції мають бути внесені зміни до КПК (зокрема, у статті 14, 139, 154¹, 158, 159, 161, 162 та 224). Також термін «арешт» слід вилучити зі ст. 371 КК.

3. Нормою ст. 372 КК встановлено кримінальну відповідальність за притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності.

¹ Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України : у 2 ч. Особлива частина [Текст] ; за заг. ред. М. О. Потебенька, В. Г. Гончаренка. – К., 2001. – С. 751; Конституція України: науково-практичний коментар. – К.; Х., 2003. – С. 148.

Положення цієї норми відповідають ст. 62 Конституції, згідно з приписом якої «особа вважається невинуватою у вчиненні злочину і не може бути піддана кримінальному покаранню, доки її вину не буде доведено в законному порядку і встановлено обвинувальним вироком суду». Таким же чином це положення відтворене в абз. 1 ст. 66 Проекту Конституції. Наведений припис слід розглядати як конституційний принцип здійснення правосуддя в Україні. Тому притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності є грубим порушенням Конституції. Суспільна небезпечність злочину, передбаченого ст. 372 КК, полягає в тому, що службові особи, уповноважені на здійснення процесуальних дій, необхідних для розкриття злочину, зловживаючи своїми владними повноваженнями, навмисно притягують до кримінальної відповідальності особу, що не вчинила злочину, чим грубо порушують її права і свободи, породжуючи тим самим у неї та інших осіб відчуття соціальної несправедливості та юридичної незахищеності. Незважаючи на незначну поширеність діянь, передбачених ст. 372 КК, чинники конституційної відповідності та суспільної небезпечності є досить переконливими для висновку щодо доцільності подальшого збереження криміналізації зазначених у цій статті діянь.

4. Одним із найважливіших принципів здійснення правосуддя є *право особи на захист*. Цей принцип ґрунтується на положеннях Конституції, закріплених у статтях 59, 63 та 129. Так, в абз. 1 ст. 59 зазначено: «Кожен має право на правову допомогу». Більш предметно стосовно учасників кримінального процесу це право сформульоване в абз. 2 ст. 63 Конституції: «Підозрюваний, обвинувачений чи підсудний має право на захист». Нарешті, стосовно основних засад судочинства в п. 6 ст. 129 Конституції зазначено про необхідність «забезпечення обвинуваченому права на захист». Кримінальну відповідальність за порушення цих конституційних положень визначено у ст. 374 «Порушення права на захист», в ч. 1 якої злочинне діяння сформульоване таким чином: «Недопущення чи ненадання своєчасно захисника, а також інше грубе порушення права підозрюваного, обвинуваченого, підсудного на захист, вчинене особою, яка провадить дізнання, слідчим, прокурором або суддею». Крім того, право особи на захист забезпечується також ст. 397 КК «Втручання в діяльність захисника чи представника особи», в ч. 1 якої зазначено «Вчинення в будь-якій формі перешкод до здійснення правомірної діяльності захисника чи представника особи по наданню правової допомоги або порушення встановлених законом гарантій їх діяльності та професійної таємниці».

Що стосується приписів Проекту Конституції стосовно надання людині правової допомоги, то серед них право на захист особи, визнаної згідно з КПК підозрюваним, обвинуваченим чи підсудним, не виділено як самостійний конституційний припис. Також і до ст. 137 Проекту Конституції, в якій визначаються основні засади судочинства, не включено, на відміну від ч. 2 ст. 63 чинної Конституції, положення щодо забезпечення обвинуваченому права на захист. У Проекті Конституції міститься лише загальне ствердження про право кожного на правову допомогу (ст. 63, абзац перший). Таке рішення видається невдалим, оскільки урівнює стан учасника кримінального процесу із загальногромадянським положенням людини, яка потребує правової допомоги і надання якої держава зобов'язана організувати.

5. В абз. 1 ст. 129 чинної Конституції України визначено один із основоположних конституційних принципів, яким гарантується в державі самостійність судової гілки влади: «Судді при здійсненні правосуддя незалежні і підкоряються лише закону».

На жаль, трапляються випадки, коли судді зловживають своїми правами щодо їх незалежності, порушують одну з основних засад належного здійснення правосуддя – законність судочинства (п. 1 абз. 2 ст. 129 Конституції). Тому з метою забезпечення здійснення правосуддя на засадах законності та запобігання можливим зловживанням з боку суддів своїми владними повноваженнями в ст. 375 КК встановлено кримінальну відповідальність за постановлення суддею (суддями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови.

У Проекті Конституції принцип незалежності суддів прописано дещо в іншій редакції. У ст. 138 (абз. 1) зазначено: «Судді при здійсненні правосуддя є незалежними». Із тексту Конституції пропонується вилучити слова «і підкоряються лише закону». Таке визначення не є випадковим, оскільки в Проекті Конституції досить наочно закладені засади принципу верховенства права. Разом із тим запропонована редакція містить підстави і для свавільного тлумачення принципу незалежності суддів, як, наприклад, такого, що абсолютизує їх владні можливості щодо здійснення правосуддя та дозволяє нехтувати законом. Для упередження такого напрямку можливого сприйняття судової незалежності наведений припис бажано супроводити вказівками на ті засади принципу верховенства права, якими повинні керуватися судді при здійсненні правосуддя.

6. *Принцип незалежності суддів може серйозно потерпати від незаконного втручання в їх діяльність з боку сторонніх осіб.* Трапляються випадки тиску на суддів шляхом погроз, шантажу й іншого протиправного

впливу. Мають місце спроби втручання в організацію діяльності судових органів з боку представників законодавчої і виконавчої влади у вирішенні конкретних судових справ і призначення покарань¹. Тому важливого значення набуває гарантування Конституцією та законами України дотримання основоположних конституційних принципів здійснення правосуддя в Україні. В абз. 2 ст. 126 чинної Конституції зазначено: «Вплив на суддів у будь-який спосіб забороняється». Цей припис відтворено в ст. 138 Проекту Конституції. Кримінальне законодавство гарантує дотримання зазначеного конституційного припису від найбільш небезпечних посягань, пов'язаних із впливом на суддів. У ст. 376 КК встановлено відповідальність за втручання в діяльність судових органів. В її ч. 1 злочин визначено так: «Втручання в будь-якій формі в діяльність судді з метою перешкодити виконанню ним службових обов'язків або добитися винесення неправосудного рішення». Кримінально-правова норма відповідає Конституції.

7. Наведене зіставлення кримінально-правових норм, якими передбачено відповідальність за посягання на конституційні принципи діяльності органів дізнання, досудового слідства, прокуратури й суду, із відповідними положеннями чинної Конституції та Проекту Конституції засвідчує, що в цілому принцип конституційної відповідності, якому мають відповідати кримінальні закони², витримується. Норми статей 371, 372, 374, 375, 376 та 397 не протирічають чинній Конституції та досить повно розвивають ті її положення, якими визначені принципи здійснення правосуддя. Уточнень потребують лише статті 29, 80 та 126 Конституції та ст. 371 КК, оскільки термін «арешт», що в них використовується, не відповідає видам запобіжних заходів, визначених у гл. 13 КПК. Відповідних уточнень потребують і статті 29, 91, 111 та 139 Проекту Конституції. Що стосується інших положень Проекту Конституції, якими визначаються принципи здійснення правосуддя, то деякі з них, як було показано, потребують доопрацювань в аспекті гарантування захисту прав і законних інтересів учасників кримінального процесу та відповідності засадам принципу верховенства права.

¹ Постанова Пленуму Верховного Суду України від 13 травня 2007 р. № 8 «Про незалежність судової влади» [Текст] // Вісник Верховного Суду України. – 2007. – № 6. – С. 2.

² Борисов В. І. Дотримання принципу конституційної відповідності у проекті Кримінального кодексу України [Текст] / В. І. Борисов: матеріали наук.-практ. конф. «Теоретичні та практичні питання реалізації Конституції України: проблеми, досвід, перспективи», 25 червня 1997 р. – К.; Х., 1998. – С. 172.

СПІВВІДНОШЕННЯ КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВОЇ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗЛОЧИНУ ТА ЙОГО СКЛАДУ*

1. Кримінальне право, на відміну від інших галузей, має специфічні риси. Одна з них проявляється у виділенні серед його функцій охоронної як основної [1, с. 6; 2, с. 23]. Вже у ч. 1 ст. 1 Кримінального кодексу України (далі – КК) зазначено, що його завданням є «правове забезпечення охорони прав і свобод людини і громадянина, власності, громадського порядку та громадської безпеки, довкілля, конституційного устрою України від злочинних посягань, забезпечення миру і безпеки людства, а також запобігання злочинам». Для виконання цього завдання КК визначає, які суспільно небезпечні діяння є злочинами та які покарання можуть бути застосовані до осіб, що їх вчиняють. Після прийняття закону про кримінальну відповідальність у час, визначений законодавцем, починається його дія. Закон починає діяти безвідносно від того, чи є підстави для його застосування (наприклад, у зв'язку із вчиненням певного злочину або суспільно корисних дій, що є необхідною обороною), чи такі підстави поки що відсутні. В останньому випадку формою прояву дії закону (першою) є його вплив на суспільну свідомість та свідомість окремих громадян. Незважаючи на те, що закон у такому разі знаходиться у статичному стані, його наявність свідчить, що при певних умовах, визначених законодавцем, можлива реалізація закладених в ньому положень стосовно небезпечного соціального явища, яке обумовило його прийняття. Разом із тим поява закону викликає низку різноманітних заходів, пов'язаних як з його пізнанням як предмета реальної дійсності, так і з проведенням організаційно-правових заходів, необхідних для його застосування. В системі таких заходів важливе місце посідає визначення ознак та розробка на їх основі складів певних видів злочинів (вбивств, крадіжок тощо), що є своєрідними правовими моделями, необхідними для встановлення відповідності вчиненого конкретного діяння нормі закону про кримінальну відповідальність. Наявність ознак складу злочину у вчиненому також дає можливість відповідно до ч. 1 ст. 2 КК визнати конкретне суспільно небезпечне діяння, що було вчинене особою, підставою кримінальної відповідальності.

2. Другою формою прояву дії закону є його застосування у зв'язку з учиненням певною особою конкретного діяння, передбаченого законом

* Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення : тези доповідей та повідомлень учасників Міжнародного симпозіуму, 21-22 вересня 2012 р. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2012. – С. 30-35.

про кримінальну відповідальність. Під час притягнення особи до кримінальної відповідальності застосовується не лише норма закону, що розташована в Особливій частині КК, а й значна кількість інших норм, як правило, із Загальної частини КК та кримінального процесуального законодавства. Із застосуванням закону набуває визначеності ще одна функція кримінального права – регулятивна, яка необхідна для розвитку кримінально-правових відносин. Застосування закону відбиває взаємодію особи, яка вчинила злочин, і суду та органів, уповноважених на встановлення факту вчинення злочинів, а також інших осіб, які забезпечують правове супроводження такої взаємодії. Така взаємодія врегульовується кримінальним правом і тому «здійснюється в межах певних правовідносин, що називаються кримінально-правовими» [3, с. 28].

3. Закон про кримінальну відповідальність при його застосуванні набуває властивостей динамічного стану. Такий стан визначає характер розвитку кримінально-правових відносин, перехід від однієї стадії застосування закону до іншої (встановлення фактичних обставин вчиненого – кваліфікація злочину – ухвалення рішення та його належне оформлення) [4, с. 115-120] тощо. Водночас динамічний стан не зводиться до повного відображення нормативних положень, закладених у законі про кримінальну відповідальність, оскільки застосування закону пов'язується з конкретно вчиненим діянням. Що стосується закону у статичному стані, то він відображає значне за обсягом та змістом соціальне явище, визначаючи у своїх положеннях лише його типові та найбільш характерні видові ознаки. Тому не випадково склад злочину як правова модель будується на ґрунті видових ознак, закладених у законі¹. Тому будь-який процес застосування закону про кримінальну відповідальність підкоряється його статичному стану. Динамічний стан лише наближено відбиває зміст закону про кримінальну відповідальність, оскільки предметом його застосування є конкретне діяння.

4. Питання кримінально-правової характеристики злочину може поставати як при розгляді злочину на рівні соціального явища (як видового поняття)², так і на рівні вчиненого конкретного діяння. У другому випадку така характеристика набуває важливого практичного значення, оскільки охоплює не лише обов'язкові ознаки, які закладені у законо-

¹ Треба зазначити, що побудова складу злочину як правової моделі ґрунтується не тільки на ознаках, закладених в законі про кримінальну відповідальність. Джерелами його формування є також теорія кримінального права та практика застосування кримінального законодавства [5, с. 254-256].

² Про кримінально-правову характеристику злочину на рівні видового поняття див. статтю: «До питання про сутність кримінально- правової характеристики злочину» [6, с. 180-190].

давчому визначенні злочину та яким повинно відповідати конкретне діяння, а й так звані супроводжуючі ознаки, що мали місце при його вчиненні та що здатні певним чином впливати на процес застосування закону про кримінальну відповідальність.

5. Серед ознак конкретного злочину пріоритетне місце посідають обов'язкові ознаки, оскільки їх необхідна сукупність дає можливість констатувати наявність у вчиненому фактичного складу злочину [7, с. 119]. У цьому сегменті співвідношення можна побачити певні розбіжності між правовою моделлю – складом певного виду злочину (наприклад, вбивство, розбій, порушення вимог законодавства про охорону праці). Так, якщо правова модель складу вбивства, передбаченого ч. 1 ст. 115 КК, охоплює можливість його вчинення як з прямим, так і з непрямым умислом, то фактичний склад злочину обмежується лише одним із названих видів умисної форми вини.

6. Сутність вчиненого діяння визначається його суспільною небезпечністю, яка полягає в тому, що діяння або спричиняє шкоду відносинам, що охороняються кримінальним законом, або містить у собі реальну можливість заподіяння такої шкоди [8, с. 74]. Формулюючи норму закону щодо відповідальності за той чи інший вид злочину шляхом опису найбільш характерних ознак, в першу чергу ознак об'єктивної та суб'єктивної сторін, а також покарань, закладених у санкціях, законодавець намагається надати найбільш повне уявлення про злочин як соціальне явище, що є небезпечним для суспільства, та визначити ступінь його небезпечності. Що стосується конкретного злочину, то його суспільна небезпечність, як правило, значно менша того обсягу небезпеки, який передбачено в законодавчому формулюванні. Прийнято вважати, що суспільну небезпечність діяння «розліто» серед усіх ознак складу злочину, тобто суспільна небезпечність міститься в кожній ознаці складу [9, с. 78; 10, с. 48]. Це не зовсім так. Серед ознак складу злочину є й такі, які самі по собі ніякої суспільної небезпечності не становлять. Ніякої суспільної небезпечності не може бути, наприклад, в об'єкті злочину, немає її і в низці інших ознак складу злочину [11, с. 89]. Крім того, суспільна небезпечність може визначатися також ознаками, супроводжуваними вчиненням злочину, що знаходяться за межами складу злочину. Тому кримінально-правова характеристика фактично вчиненого діяння містить більш повну й наглядну інформацію, за рахунок якої формується уявлення про суспільну небезпечність вчиненого, в порівнянні з оцінкою лише об'єктивних та суб'єктивних ознак, що входять у систему складу злочину.

7. Під час вчинення злочину можлива ситуація, коли в поведінці особи наявні всі ознаки певного складу злочину, але фактично вона не

досягла того злочинного результату, якого прагнула, і, як наслідок, не спричинила реальної шкоди певним суспільним відносинам. Ця ситуація може скластися у разі вчинення злочину з усіченим складом, коли законодавець переніс момент його закінчення на одну з попередніх стадій. Так, розбій є закінченим злочином із моменту нападу, незалежно від того чи вдалося винному заволодіти майном чи ні. Проте факт спричинення майнової шкоди має істотне значення для встановлення ступеня суспільної небезпечності вчиненого і призначення за нього покарання, а відтак, такі наслідки мають враховуватися під час кримінально-правової характеристики цього злочину. Така сама ситуація виникає і під час вчинення злочину з формальним складом, коли для моменту його закінчення достатньо встановити вчинення суспільно небезпечного діяння (дії чи бездіяльності).

8. До інших обставин, що можуть супроводжувати злочин, можна, зокрема, віднести обставини на боці потерпілого [12, с. 87-89] (наприклад, віктимна поведінка), а також мотивацію злочинної поведінки суб'єкта. Мотивація поведінки являє собою складну взаємодію зовнішнього соціального із внутрішніми психологічними процесами, що відбувається у виді потреб, інтересів, цілей, ціннісних орієнтацій суб'єкта, що в сукупності спонукають його до певної діяльності [13, с. 26]. Мотивація є певним процесом, що передуює формуванню мотиву. Як відзначає В. Філімонов, мотивація – це процес визначення особистістю характеру і спрямованості поведінки, процес формування її мотиву. Мотив є результатом цього процесу [11, с. 115]. Так, корисливому мотиву при крадіжці грошей може передувати і потреба у придбанні ліків для хворого родича, і прагнення отримати кошти для придбання туристичної путівки для подорожі за кордон. Такі випадки мають кваліфікуватися однаково (бо особа прагне протиправно одержати матеріальну вигоду), але ступінь суспільної небезпечності першої крадіжки буде значно меншою, ніж другої, через різний характер мотивації, яка передувала формуванню корисливого мотиву. Таким чином, мотивація впливає на ступінь суспільної небезпечності вчиненого злочину, а відтак, повинна відображатися в його кримінально-правовій характеристиці.

9. Кожна людина, яка вчинила злочин, є носієм багатьох соціально значущих якостей, серед яких для складу злочину мають значення лише вік, осудність і, в окремих випадках, ознаки спеціального суб'єкта. Більш ширше коло соціально значущих якостей особи, яка вчинила злочин, утворює поняття «особа злочинця». В деяких випадках кримінальний закон надає істотного значення якостям особи, хоча вони і знаходяться

поза межами складу злочину. Перш за все це стосується таких проблем, як індивідуалізація покарання та звільнення від кримінальної відповідальності й покарання. Так, деякі обставини, що перелічуються в статтях 66, 67 КК, стосуються особи злочинця, а не суб'єкта злочину (неповнолітній, вагітна жінка, повторність або рецидив злочинів, стан сп'яніння), тобто особа злочинця має певний «запал» суспільної небезпечності [14, с. 103]. В ч. 2 ст. 64 КК встановлено, що довічне позбавлення волі не застосовується до осіб, які вчинили злочини у віці до 18 років, і до осіб у віці понад 65 років, а також до жінок, що були у стані вагітності під час вчинення злочину або на момент постановлення вироку. Крім того, вимога враховувати особу винного є однією із загальних засад призначення покарання (п. 3 ч. 1 ст. 65 КК). Таким чином, особа злочинця повинна враховуватися при призначенні покарання, а відтак, входити до структури кримінально-правової характеристики злочинів.

Таким чином, кримінально-правова характеристика фактично вчиненого діяння є необхідною умовою правильного застосування закону про кримінальну відповідальність. Це поняття є більш широким, ніж фактичний склад злочину, оскільки воно охоплює останнє.

Література

1. Бажанов М. И. Уголовное право Украины. Общая часть / М. И. Бажанов. – Днепропетровск: Пороги, 1992. – С. 6.
2. Пинаев А. А. Курс лекций по Общей части уголовного права Украины / А. А. Пинаев. – Х.: Харьков юрид., 2002. – С. 23.
3. Кримінальне право України: Загальна частина: підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін.; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 4-те вид., переробл. і допов. – Х.: Право, 2010. – С. 28.
4. Проблеми забезпечення ефективності діяльності органів кримінального переслідування в Україні: монографія / кол. авт.; за заг. ред. В. І. Борисова, В. С. Зеленецького. – Х.: Право, 2010. – С. 115-120.
5. Борисов В. І. Склад злочину як правова модель / В. І. Борисов // Вісн. Акад. адвокатури України. – 2009. – Число 1 (14). – С. 254-256.
6. Борисов В. До питання про сутність кримінально-правової характеристики злочинів / В. Борисов, О. Пашенко // Вісн. Акад. правових наук України. – 2005. – № 3 (42). – С. 180-190.
7. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Брайнин. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 119.
8. Кримінальне право України: Загальна частина: підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін.; за ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 4-те вид., переробл. і допов. – Х.: Право, 2010. – С. 74.
9. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 78.

10. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 48.
11. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1981.
12. Сенаторов М. В. Проблеми урахування обставин, пов'язаних із потерпілим, при кваліфікації злочинів проти життя та здоров'я особи / М. В. Сенаторов // Кримінально-правова охорона життя та здоров'я особи: матеріали наук.-практ. конф. (м. Харків, 22-23 квіт. 2004 р.) / редкол.: Сташис В. В. (голов. ред.) та ін. – К; Х.: Юрінком Інтер, 2004. – С. 87-89.
13. Гилязов Ф. Г. Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические аспекты вины / Ф. Г. Гилязов. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1978. – С. 26.
14. Пинаев А. А. Курс лекций по Общей части уголовного права Украины. – Х.: Харьков юрид. – 2002. – С. 103.

ПРОБЛЕМИ ЗАПРОВАДЖЕННЯ У ЗАКОНОДАВСТВО УКРАЇНИ ІНСТИТУТУ КРИМІНАЛЬНОГО ПРОСТУПКУ*

1. Питання про запровадження інституту кримінального проступку в законодавство України неодноразово піднімалося в науковій літературі, ставало предметом широкого обговорення юридичної громадськості. На теперішній час воно стало особливо актуальним, оскільки новий Кримінальний процесуальний кодекс України, що набуває чинності 19 листопада 2012 р. (далі – КПК України 2012 р.), нормативно закріпив положення про кримінальний проступок. При цьому постає питання щодо ознак, на які слід спиратися при визначенні поняття кримінального проступку, та обсягу діянь, які ним будуть охоплюватися. Основним критерієм, за яким доцільно відмежовувати проступок від злочину, є їх небезпечність для суспільства. Щодо обсягу діянь, то, на думку більшості фахівців, до числа кримінальних проступків слід відносити окремі діяння, які за чинним Кримінальним кодексом України (далі – КК) належать до злочинів невеликої тяжкості, а також певні види адміністративних правопорушень, що вчиняються фізичними особами та мають судову юрисдикцію.

2. Якщо звернутися до історії становлення інституту кримінального проступку, то необхідно зазначити, що поділ кримінально караних діянь на злочини й проступки був відомий законодавству Російської імперії

* Основні напрями розвитку Кримінального права та шляхи вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 11-12 жовтня 2012 р. / редкол.: В. Я. Тацій (голов. ред.), В. І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Харків: Право, 2012. – С. 178-182.

ще з часу прийняття у 1845 р. Уложення про покарання кримінальні та виправні, відповідно до якого усі покарання поділялися на кримінальні та виправні. За проступки призначалося лише виправне покарання. Виділення кримінальних проступків в окремий вид кримінально караних діянь було збережене також у Кримінальному уложенні 1903 р. За цим нормативно-правовим актом вони каралися арештом або грошовим штрафом. Що стосується законодавства за часів радянської доби, то ані КК України, ані КК інших радянських республік не пішли шляхом виділення кримінальних проступків як самостійного інституту кримінального права, хоча в науці кримінального права у 60-ті роки минулого століття висловлювалися непоодинокі судження з приводу доцільності виділення злочинів незначної тяжкості у категорію антигромадських проступків (зокрема, А. А. Пionтковский та М. Д. Шаргородський)¹.

3. В умовах сучасного реформування соціально-політичної системи України питання юридичної відповідальності за діяння, що не становлять значної суспільної небезпечності, з позицій подальшої демократизації українського суспільства, забезпечення прав і свобод людини і громадянина, сутнісного розвитку місцевого самоврядування, становлення громадянського суспільства, гуманізації кримінально-правової політики, реформування органів кримінальної юстиції набуло потреб нового вирішення. На офіційному рівні питання про запровадження до законодавства України кримінального проступку вперше було поставлено в Указі Президента України від 8 квітня 2008 р. № 311 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 15 лютого 2008 р. «Про хід реформування системи кримінальної юстиції та правоохоронних органів». Із цього приводу набула поширення дискусія щодо шляхів його вирішення. Певна частина науковців виступила проти введення такої відповідальності. Інші, навпаки, підтримали введення до КК інституту кримінального проступку. Однак більшість фахівців у галузі кримінального права схиляються до розробки й прийняття Кодексу України про кримінальні проступки як окремого законодавчого акта. При цьому частина прихильників останнього вирішення проблеми вважають, що норми пропонованого Кодексу повинні розв'язувати як питання організаційно-правового характеру, так і матеріального й процесуального права. Пропонується також введення до системи суб'єктів судочинства

¹ Див.: Пionтковский А. А. Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права // Сов. Государство и право. – 1961. – № 4. – С. 60–70; Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Сов. государство и право в период развернутого строительства коммунизма: тезисы докладов на науч. конф. – Л.: Изд. ЛГУ, 1961. – С. 77-78.

мирових суддів, які, зокрема, і займалися б розглядом питань щодо відповідальності за діяння, які будуть визнаватися проступками¹.

4. Підтримуючи ідею необхідності трансформації значної частини злочинів невеликої тяжкості у проступки як логічний прояв політики подальшої гуманізації юридичної відповідальності за делікти, що не містять загрози спричинення значної шкоди інтересам суспільства й держави, та віднесення до цієї групи також частини адміністративних правопорушень, слід зазначити, що визначення всіх деліктів, що пропонується трансформувати в окремий інститут права, термінопоняттям «кримінальний проступок» не виглядає переконливим. По-перше, поява інституту кримінального проступку ставить принципове питання щодо його правової природи й визначення місця у системі законодавства. По-друге, виникає проблема декриміналізації і криміналізації. Трансформація злочинів невеликої тяжкості, передбачених 37 статтями та 149 частинами інших статей (орієнтовно), у кримінальні проступки не змінять юридичної природи цих правопорушень, оскільки засобом обмеження прав і свобод особи, яку буде визнано винною у їх вчиненні, залишається кримінальна відповідальність. Юридична процедура визнання особи винною та призначення їй відповідного покарання здійснюватиметься в межах кримінально-правових відносин. Ще більш негативний соціально-політичний резонанс матиме переміщення значної частини адміністративних правопорушень, що вчиняються фізичними особами (наприклад, дрібне хуліганство, дрібне викрадення майна), до кримінальних проступків. Визнання таких правопорушень кримінально караними деліктами буде сприйматися як у повсякденній свідомості громадян, так і в професійній правосвідомості фахівців, як розширення сфери дії кримінального закону. При цьому різко збільшаться судово-статистичні показники кримінально караних діянь, кількість яких сягатиме мільйонних вимірів. Наведені міркування надають підстави для висновку стосовно вдалого вирішення питання подальшої гуманізації юридичної відповідальності шляхом уведення до системи права лише інституту кримінального проступку. По-перше, формування кримінальних проступків із збереженням злочинів невеликої тяжкості призведе до серйозних колізій при віднесенні певних діянь до того чи іншого виду кримінального правопорушення, наприклад, діянь, пов'язаних із дрібним викраденням чужого майна за наявності обтяжуючих відповідальність обставин, або незаконним перетинанням державного кордону, що поєднане із застосуванням зброї. По-друге, серед адміністратив-

¹ Тацій В. Актуальні проблеми сучасного розвитку кримінального права / В. Тацій, В. Борисов, В. Тютюгін // Право України. – 2010. – № 9. – С. 12.

них правопорушень значне місце посідають діяння, рівень небезпеки яких не є достатнім для визначення їх кримінально караним правопорушенням. При збереженні ч. 2 ст. 11 КК та розповсюдженні її на всі кримінальні правопорушення можуть виникнути серйозні проблеми щодо притягнення до відповідальності осіб, які вчинили діяння, що раніше визначалися адміністративним правопорушенням, небезпечність яких, вочевидь, незначна, а шкода від їх вчинення, як правило, обмежується соціальними інтересами місцевого рівня (наприклад, куріння тютюнових виробів у громадських місцях, порушення правил додержання тиші в населених пунктах).

5. Перехід до кримінальних проступків, якщо вони, наприклад, будуть уведений на заміну злочинам невеликої тяжкості¹, бажано супроводити формуванням інституту антигромадського проступку. Як уявляється, можливість введення в систему українського права такого інституту повинна ґрунтуватися на праві місцевого самоврядування, яким наділені громади у вирішенні питань регіонального значення в межах Конституції і законів України. Вочевидь, центром ураження від шкоди, що спричиняється дрібними правопорушеннями, є законні інтереси жителів громад. З урахуванням необхідності безпосереднього захисту цього сегмента суспільного життя України слід здійснити вибірку деліктів із числа злочинів невеликої тяжкості та адміністративних правопорушень. Окрім того, на порядок денний напрошуються питання щодо суб'єктів прийняття норм про відповідальність за антигромадські проступки й поділ таких норм за їх функціональним призначенням. Такими суб'єктами, поряд із Верховною Радою України, яка могла б обмежитися формуванням керівних засад відповідальності за антигромадські проступки (завдання, принципи, ознаки проступку, караність та умови звільнення від відповідальності й покарання тощо), повинні стати Верховна Рада АРК, обласні ради, ради міст Києва та Севастополя, які представляють спільні інтереси відповідних територіальних громад України та своїми постановами могли б формулювати норми з визначенням в них певних, характерних для відповідних регіонів дрібних правопорушень.

6. З огляду на наявність у наукових колах різних підходів щодо вирішення проблеми запровадження у законодавство України інституту кримінального проступку, вбачається необхідним спочатку вирішити проблему на концептуальному рівні. Отже, першим кроком має стати прийняття *Концепції запровадження інституту кримінального проступку в систему українського законодавства* (указом Президента

¹ Курінний Л. Кримінальний проступок – нова правова реалія / Л. Курінний // Юрид. вісн. України. – 2012. – 7-13 лип. – С. 5.

України або постановою Верховної Ради України), другим – перехід до практичного запровадження інституту кримінального проступку у систему законодавства України.

ЗАКОН ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ТА ФОРМИ ЙОГО ДІЇ*

1. Кримінальне право України дістає свій текстуальний вираз у законодавстві про кримінальну відповідальність, що являє собою єдину нормативно-правову систему – Кримінальний кодекс (далі – КК) України, який ґрунтується на Конституції України та загальноувизначених принципах і нормах міжнародного права. КК складається із кримінальних законів, що системно розташовані в його межах. Кожен із кримінальних законів містить певні визначення¹, викладені у вигляді норми закону. КК, як і кримінальні закони, що входять до нього, є свого роду продуктом законодавчої діяльності, в якому шляхом законодавчого веління відображено об'єктивні закономірності розвитку кримінального права. У КК 2001 р. кримінальний закон позначено як «закон про кримінальну відповідальність» (розділ II Загальної частини). Поняття «кримінальний закон» і «закон про кримінальну відповідальність» тотожні за своєю сутністю, однак через те, що останнє закріплене в КК, ним потрібно користуватися для характеристики чинного кримінального законодавства України та при його застосуванні.

2. Закон про кримінальну відповідальність на відміну від законів інших галузей законодавства має певні специфічні риси. Він є і нормативним виразом, і основним джерелом кримінального права. Згідно з ч. 3 ст. 3 КК злочинність діяння, а також його караність та інші кримінально-правові наслідки визначаються тільки Кримінальним Кодексом. У нормах інших галузей законодавства можуть міститися принципові положення або окремі визначення, що мають безпосереднє значення для формування норми закону про кримінальну відповідальність (наприклад, визначення суспільно небезпечного протиправного діяння, що передуює легалізації (відмиванню) доходів, яке дано в ч. 2 ст. 1 Закону України «Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів,

* Правова доктрина – основа формування правової системи: мат. міжнар. наук.-практ. конф. (Харків, 20-21 листопада 2013 р.). – Харків: Право, 2013. – С. 535-538.

¹ *Примітка:* у КК України словосполучення «Кримінальний кодекс України визначає» застосовується, зокрема, в ч. 2 ст. 1 КК; словосполучення «визначаються законом» – у ч. 2 ст. 4 КК, що дає підстави для використання у науковій літературі рівнозначного їм за змістом терміна «законодавче визначення» (або «визначення»).

одержаних злочинним шляхом» від 28 листопада 2002 р.). Однак такі положення або визначення можуть бути тільки нормативною підставою для прийняття відповідного закону про кримінальну відповідальність (Законом України від 16 січня 2003 р. визначення суспільно небезпечного протиправного діяння, що передує легалізації (відмиванню) доходів, було відтворене із незначними редакційними уточненнями у п. 1 примітки до ст. 209 КК).

3. Згідно з ч. 1 ст. 1 КК «Кримінальний кодекс України має своїм завданням правове забезпечення охорони прав і свобод людини і громадянина, власності, громадського порядку та громадської безпеки, довкілля, конституційного устрою України від злочинних посягань, забезпечення миру і безпеки людства, а також запобігання злочинам». Із наведеного випливає, що основна функція закону про кримінальну відповідальність – охорона. Ця функція набуває свого прояву вже на стадії оприлюднення закону, безвідносно від того чи набрав він чинності, чи ще не набрав, а якщо набрав чинності та почав офіційно діяти, то незалежно від того, чи є підстави для його застосування (наприклад, у зв'язку із вчиненням певного злочину або суспільно корисних дій, що є необхідною обороною), чи такі підстави поки що відсутні. Оприлюднення закону має велике юридичне значення і полягає у доведенні до відома громадян і державних органів повного і точного тексту закону державною мовою шляхом опублікування в офіційному друкованому виданні. Оприлюднення надає закону властивостей предмета реальної дійсності, який існує в межах певного простору та часу. З часу оприлюднення закон починає діяти у формі впливу на суспільну свідомість та свідомість окремих громадян. Це перша і разом з тим постійна форма дії закону, яка завершується з втратою законом чинності. Незважаючи на те, що закон у такому разі знаходиться у статичному стані, його наявність свідчить, що за певних умов, визначених законодавцем, можливе застосування закладених у ньому положень стосовно випадків прояву небезпечного соціального явища, яке обумовило його прийняття. Крім того, оприлюднення та подальше набуття законом чинності викликає низку різноманітних заходів, пов'язаних як з його пізнанням як предмета реальної дійсності, так і з проведенням організаційно-правових заходів, необхідних для його застосування. В системі таких заходів важливе місце посідає визначення ознак та розробка на їх основі складів певних видів злочинів (вбивств, крадіжок тощо), що є своєрідними правовими моделями, необхідними для встановлення відповідності вчиненого конкретного діяння нормі закону про кримінальну відповідальність. Наявність визначених ознак складу злочину у вчиненому надасть

можливість відповідно до ч. 1 ст. 2 КК визнати конкретне суспільно небезпечне діяння, що може бути вчинене фізичною особою, підставою кримінальної відповідальності.

Оприлюднення закону може обумовлювати й початок дії інших законів та підзаконних нормативно-правових актів. Наприклад, з дня офіційного опублікування та набрання чинності 18 липня 2009 р. Закону України № 1506-VI «Про засади запобігання та протидії корупції» від 11 червня 2009 р. набрала чинності і почала діяти на території України Конвенція ООН проти корупції, що була підписана Україною 11 грудня 2003 р. У статті 2 Закону України № 251-V «Про ратифікацією Конвенції Організації Об'єднаних Націй проти корупції» від 18 жовтня 2006 р. зазначено: «Цей закон набирає чинності з дня набрання чинності законом України про внесення змін до деяких законодавчих актів щодо відповідальності за корупційні правопорушення у зв'язку з ратифікацією Конвенції Організації Об'єднаних Націй проти корупції».

4. Другою формою прояву дії закону є його застосування у зв'язку з учиненням певною особою конкретного діяння, передбаченого законом про кримінальну відповідальність. Під час притягнення особи до кримінальної відповідальності застосовується не лише норма закону, розташована в Особливій частині КК, а й значна кількість інших норм, як правило, із Загальної частини КК та кримінального процесуального законодавства. Із застосуванням закону набуває визначеності ще одна функція кримінального права – регулятивна, яка необхідна для розвитку кримінально-правових відносин. Застосування закону відбиває взаємодію особи, яка вчинила злочин, і суду та органів, уповноважених на встановлення факту вчинення злочинів, а також інших осіб, які забезпечують правове супроводження такої взаємодії. Така взаємодія врегульовується кримінальним правом і тому «здійснюється в межах певних правовідносин, що називаються кримінально-правовими».

Закон про кримінальну відповідальність при його застосуванні набуває властивостей динамічного стану. Такий стан визначає характер розвитку кримінально-правових відносин, перехід від однієї стадії застосування закону до іншої (встановлення фактичних обставин вчиненого – кваліфікація злочину – ухвалення рішення та його належне оформлення) тощо. Водночас динамічний стан не зводиться до повного відображення нормативних положень, закладених у законі про кримінальну відповідальність, оскільки застосування закону пов'язується з конкретно вчиненим діянням. Що стосується закону у статичному стані, то він відображає значне за обсягом та змістом соціальне явище, визначаючи у своїх положеннях лише його типові та найбільш

характерні видові ознаки. Тому не випадково склад злочину як правова модель будується на ґрунті видових ознак, закладених у законі¹.

Будь-який процес застосування закону про кримінальну відповідальність підкоряється його статичному стану. Динамічний стан лише наближено відбиває зміст закону про кримінальну відповідальність, оскільки предметом його застосування є конкретне діяння, яке є лише поодиноким проявом небезпечного соціального явища.

ВСТУПНЕ СЛОВО ДО УЧАСНИКІВ І ГОСТЕЙ НАУКОВО-ПРАКТИЧНОГО СЕМІНАРУ З НАГОДИ ДНЯ НАУКИ*

Традиційно гострою для українського суспільства є проблема запобігання та протидії корупції. На даний час Україна рухається в напрямку розробки антикорупційних заходів, їх нормативного оформлення та поступового впровадження у життя. Але, як свідчать показники роботи суб'єктів антикорупційної діяльності, втілення нормативних приписів у правозастосовну діяльність залишається вкрай неефективним.

Протидія корупції ускладнюється поширенням корупційних відносин на всіх рівнях державної влади. Вона охоплює різноманітні сфери суспільної діяльності, вражає все нові й нові соціальні інституції. Корупція проникає у буденне життя різних верств населення. Ефективність антикорупційних рішень, що приймаються на вищому державному рівні, нівелюється внаслідок їх свідомого блокування чи нехтування.

За даними незалежних досліджень, у 2013 р. близько 20 % українців ставали учасниками корупційних відносин. Водночас опитування свідчать, що більшість респондентів у тій чи іншій мірі визнають потребу в цій незаконній діяльності. Корупція, на думку опитаних, необхідна для вирішення багатьох їх проблем. Тобто громадяни сприймають корупцію як прийнятний механізм, допоміжний інструмент для вирішення останніх, як «сервіс», який дозволяє зберегти час, уникнути зайвих клопотів, гарантувати отримання належного результату та який має свою ринкову ціну.

¹ Примітка: треба зазначити, що побудова складу злочину як правової моделі ґрунтується не тільки на ознаках, закладених в законі про кримінальну відповідальність. Джерелами його формування є також теорія кримінального права та практика застосування кримінального законодавства (див.: Борисов В. І. Склад злочину як правова модель // Вісн. Акад. адвокатури України. – 2009. – Число 1 (14). – С. 254-256.).

* Взаємодія державних органів і громадськості у запобіганні та протидії корупції: мат. наук.-практ. сем. (24 квітня 2014 р.). – Харків, 2014. – С. 3-4.

Корінний перелом громадської свідомості є найважливішим завданням державної антикорупційної політики, який полягає у формуванні в суспільстві атмосфери жорсткого неприйняття корупції. В Україні громадянське суспільство поки що знаходиться на стадії становлення. Саме тому основним суб'єктом запобігання корупції сьогодні є не суспільство та громадськість, а здебільшого органи кримінального переслідування, які природно реагують на прояви цього явища, а не усувають коріння даної проблеми.

Указані обставини й зумовили спрямованість нашого наукового семінару, оскільки від ефективності взаємодії різних інститутів громадянського суспільства залежить майбутнє нашої держави. Від цього так само залежить вдосконалення чинного та розробка нового антикорупційного законодавства, а так само знаходження шляхів нейтралізації своєрідного соціального імунітету на численні прояви корупції. Звичайно, до цього арсеналу дій відноситься дотримання прозорості процедур надання державних послуг, що знайшло відображення у Стратегії та відповідній Державній програмі запобігання і протидії корупції, розрахованій до 2015 р.

Не стоїть осторонь від цієї проблеми й Науково-дослідний інститут вивчення проблем злочинності імені академіка В. В. Сташиса НАПрН України. Творчим колективом науковців Інституту вже не перший рік здійснюються комплексні дослідження проблем протидії корупції. Їх метою є розробка науково обґрунтованих рекомендацій для органів державної влади і місцевого самоврядування, а також правоохоронних органів.

Науковим співтовариством Харківщини перед Харківською обласною державною адміністрацією та Харківською обласною радою було ініційовано залучення низки наукових установ до реалізації регіональної антикорупційної політики. Зокрема, наш Інститут, Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого та Харківський національний університет внутрішніх справ разом з обласною державною адміністрацією та правоохоронними органами є співвиконавцями Регіональної програми запобігання і протидії корупції в Харківській області на 2013-2015 роки.

Саме від учених залежить теоретичний та методологічний фундамент, на якому має базуватись реалізація різних за характером та спрямованістю заходів даної Програми. Проведення цього науково-практичного семінару спрямоване на досягнення поставленої мети. Лише разом, у тісній взаємодії теоретиків та практиків, правоохоронних органів та громадськості наше суспільство у змозі, якщо не подолати, то хоча б обмежити «іржу» соціального організму – корупцію.

РЕЦЕНЗІЇ ТА ПЕРЕДМОВИ ДО НАУКОВИХ ВИДАНЬ

УРАХУВАННЯ ЄВРОПЕЙСЬКОГО ДОСВІДУ ПРОТИДІЇ ОРГАНІЗОВАНИЙ ЗЛОЧИННОСТІ – ЗАПОРУКА ПОКРАЩЕННЯ КРИМІНОГЕННОЇ СИТУАЦІЇ В УКРАЇНІ*

Сьогодні ми є свідками глобальної інтеграції не лише економічного, політичного і культурного простору сучасного світу, а й безпосередніми учасниками безперервного процесу вироблення й апробування єдиних концептуальних підходів у боротьбі з найнебезпечнішими та найпоширенішими видами злочинності. І це не випадково. Адже серед глобальних викликів сьогодення одним із найбільш болючих залишається небажання певних індивідів жити з почуттям поваги до інших громадян, інтересів суспільства, законів держави. Ім'я цьому лиху – злочинність, яка не визнає ані державних кордонів, ані політичних доктрин, ані релігійних настанов, ані загальнолюдських цінностей. Усе висловлене підноситься у ступінь, якщо йдеться про організовану злочинність, поширення якої в останні десятиліття лише підсилилося внаслідок економічної нестабільності у багатьох державах світу, соціально-політичних трансформаційних процесів у країнах колишнього соціалістичного табору Центральної та Східної Європи, відсутності дієвих підходів боротьби з цим явищем, зумовлених не в останню чергу малоефективною діяльністю системи правоохоронних органів, та інших чинників. У такій обстановці, поза сумнівом, створюється поживний ґрунт для подальшого розростання організованої злочинної діяльності.

* Рецензія на монографію Шостко О. Ю. (Шостко О. Ю. Протидія організованій злочинності в європейських країнах. – Х.: Право, 2009. – 400 с.). – Право України. – 2010. – № 5. – С. 245-248 (у співавт. з В. С. Батиргарєєвою).

Такий наочний перелік соціальних негараздів мимоволі підводить до висновку, що подолання небезпечної ситуації з організованою злочинністю, яка склалась у світі в цілому та в окремих країнах зокрема, вимагає спільних скоординованих дій світового співтовариства, зближення, гармонізації та уніфікації законодавчих систем різних країн світу у боротьбі з цим найнебезпечнішим видом злочинності. А з огляду на превалювання протягом тривалого часу принципу монізму в розвитку радянської кримінологічної думки щодо уявлень про стратегію й тактику боротьби зі злочинністю, врахування напрацювань досвіду європейських країн у сфері протидії організованій злочинності зазначена проблема виявляється для України особливо актуальною.

Викладене зумовило написання О. Ю. Шостко монографії «Протидія організованій злочинності в європейських країнах». Автор праці – досвідчений кримінолог, кандидат юридичних наук, доцент кафедри кримінології та кримінально-виконавчого права Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого, завідувач лабораторії дослідження проблем міжнародного співробітництва у сфері боротьби зі злочинністю Інституту вивчення проблем злочинності НАПрН України. Насамперед, слід зазначити, що монографія, яку підготувала О. Шостко, є першим в Україні комплексним кримінологічним дослідженням теоретичних і практичних питань протидії організованій злочинності в європейських країнах. Це свідчить про новизну цієї праці, оскільки до останнього часу, на превеликий жаль, в українській кримінології залишаються майже не розвиненими традиції проведення порівняльних досліджень у галузі кримінології, зокрема у тій її частині, яка стосується протидії організованій злочинності в інших державах. Але ж реалізація подібних досліджень – корисна справа для теорії, практики та законодавства. І прикладом цього саме і є праця О. Ю. Шостко, якій в одному дослідженні вдалося, проаналізувавши європейські концептуальні засади визначення, обліку й законодавчої регламентації боротьби з організованою злочинністю, як небезпечним соціально-правовим явищем, запропонувати основні напрями у подоланні організованої злочинності в Україні з використанням наявного досвіду вітчизняної практики. Уявляється, що у найближчий час ця монографія буде затребуваною і, поза сумнівом, на багато років стане своєрідною хрестоматією шляхів зближення, гармонізації й адаптації українського права до передового міжнародного досвіду у дусі кращих європейських традицій. Недаремно відомий вітчизняний кримінолог А. П. Закалюк зазначав, що «порівняльне дослідження може допомогти у практичному застосуванні запобіжних стратегій у діяльності вітчизняних правоохоронних органів, методів фіксації злочинної діяльності, її

виявлення, притягнення до відповідальності винних осіб, які, враховуючи досвід інших країн, є найбільш результативними». Структурно монографія складається з передмови, вступу і п'яти розділів.

Перший розділ «Теоретичні питання визначення та обліку організованої злочинності в Європі» знайомить читача з теорією та практикою визначення та обліку організованої злочинності в європейських країнах. У цьому розділі наведено основні доктринальні моделі щодо визначення поняття «організована злочинність» в європейських країнах, проаналізовано процедурні аспекти процесу збирання статистичних даних у країнах – членах ЄС. У цій частині монографії також надано кримінологічну характеристику сучасного стану організованої злочинності в деяких європейських країнах. Робота з численними зарубіжними аналітичними і статистичними документами, науковими джерелами і публікаціями мас-медіа дала змогу О. Шостко констатувати, що найпоширенішими видами організованої злочинності на рівні Європи є незаконний обіг наркотичних засобів, торгівля людьми та організація місць розпусти, організація нелегальної міграції, викрадення транспортних засобів, виготовлення підроблених грошей та цінних паперів, легалізація (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом, торгівля зброєю, контрабанда, злочини у сфері високих технологій та інтелектуальної власності, а також загальнопоширені злочини проти власності (крадіжки, грабежі, розбої, шахрайства).

У другому розділі монографії «Законодавча європейська політика протидії організованим злочинностям» проаналізовані численні нормативні акти і документи рекомендаційного та уповноважуючого характеру ЄС та Ради Європи, що стосуються вироблення заходів протидії цьому різновиду злочинності. Зокрема, крізь призму порівняльного аспекту з нормами КК України ретельно вивчено кримінальне законодавство європейських країн, що спрямоване на боротьбу з організованою злочинною діяльністю. Водночас акцентовано увагу на окремих положеннях українського законодавства, які необхідно привести у відповідність до Конвенції ООН проти транснаціональної організованої злочинності та до інших актів міжнародного права.

Третій розділ «Європейський досвід протидії організованій злочинності» присвячений дослідженню термінологічного апарату, яким визначається зміст діяльності із запобігання та протидії цьому злочинному прояву в європейських країнах. У розділі у порівняльному плані також викладаються концептуальні основи новітніх доктринальних, організаційно-управлінських та законодавчих стратегій запобігання організованим злочинностям в європейських країнах, включаючи так званий адміністративний підхід (на прикладі Нідерландів).

Враховуючи загрозливі тенденції процесу глобалізації злочинності, одним із базових пріоритетів співпраці країн – членів ЄС у 90-ті роки ХХ ст. Радою ЄС було визнано створення єдиного загальноєвропейського безпечного простору, що є можливим лише за умови налагодження кооперації і координації діяльності органів кримінальної юстиції різних країн. Тому у четвертому розділі «Прикладні проблеми протидії організований злочинності органами кримінальної юстиції європейських країн» О. Ю. Шостко особлива увага була приділена інституційному співробітництву у сфері протидії організований злочинності на європейському рівні.

П'ятий розділ «Основні напрями впровадження концептуальних заasad європейського досвіду протидії організований злочинності в Україні» безпосередньо присвячено рекомендаціям автора щодо вжиття планомірних заходів у сфері безпеки України з урахуванням європейського досвіду протидії організований злочинності, що охоплюють загально-соціальне та спеціально-кримінологічне запобігання, удосконалення певних норм кримінального законодавства, а також стосуються кримінально-процесуального й міжнародного співробітництва.

Водночас будь-яка творча праця разом із надбанням нових наукових знань викликає чимало дискусій, відкриваючи нові горизонти для наукового обговорення та змушуючи ще раз замислитися над, здавалося б, відомими положеннями. Наприклад, при всій важливості теми, якій присвячене монографічне видання О. Шостко, сумнівною уявляється її пропозиція щодо необхідності закріплення найближчим часом кримінально-правового визначення організованої злочинної діяльності, яке спиралося б на кримінологічне розуміння феномену організованої злочинності. Справа в тому, що це надто складний феномен не лише для його формалізації у законі (хоча б у загальних визначальних рисах), а й навіть для наукового пізнання як такого. Тим більше не варто відходити від цілком усталених категорій, якими, наприклад, при формулюванні мети функціонування організованої злочинної групи або злочинної організації є вказівка на «вчинення тяжких або особливо тяжких злочинів». Визнання як кінцева мета створення організованої групи або злочинної організації спільну діяльність групи осіб, спрямовану на одержання прямо чи опосередковано фінансової або іншої матеріальної вигоди, на нашу думку, змістить акценти у боротьбі зі злочинністю з чіткого уявлення про спричинений конкретний збиток (матеріальний аспект проблеми) у процесуальну площину збору доказової інформації (процесуальний аспект).

Ще одне зауваження стосується дещо умовного поділу єдиної проблеми протидії організований злочинності на окремі блоки. Так, досвід

протидії цій злочинності та прикладні проблеми протидії їй суть єдиного інформаційного блоку знання, який потребує комплексного висвітлення в одному розділі. Тому, на нашу думку, вбачається дещо штучним викладення матеріалу в окремих розділах праці стосовно основних напрямів запобіжної діяльності та механізму інституційного співробітництва, який є, так би мовити, матеріальним підґрунтям реалізації цих напрямів запобігання.

Проте висловлені зауваження не є абсолютно категоричними. Вони швидше є відбиттям нашого особистого бачення вирішення складної проблеми. Є всі підстави вважати, що запропонована О. Ю. Шостко монографія буде цікавою як широкому громадському загалу, так і фахівцям у галузі права. Праця може бути корисною, наприклад, у процесі підготовки відповідних фахівців, у науковій діяльності здобувачів наукового ступеня, під час проведення системного аналізу чинного законодавства, що регулює складні питання боротьби з організованою злочинністю, з метою його подальшого удосконалення тощо.

**ВІДГУК
ОФІЦІЙНОГО ОПОНЕНТА НА ДИСЕРТАЦІЮ
«ВІДПОВІДНІСТЬ КРИМІНАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ ЧИННИМ
МІЖНАРОДНИМ ДОГОВОРАМ»***

Актуальність теми, обраної для дисертаційного дослідження, безсумнівна. У сучасному міжнародному співтоваристві спостерігається тенденція до зближення інтересів держав та розвитку міжнародних зв'язків між ними. Відповідно набуває нового значення загальносвітовий правопорядок, який має забезпечувати безпеку держав та їх співпрацю на основі норм міжнародного права та відповідних їм національних правових систем. Реалізація цієї умови зобов'язує державу до того, щоб галузеве законодавство також було приведено у відповідність з міжнародними нормами у межах, необхідних для потреб України.

* Відгук офіційного опонента на дисертацію О. М. Броневицької «Відповідність кримінального законодавства України чинним міжнародним договорам», подану на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю 12.00.08 – кримінальне право та криминологія; кримінально-виконавче право // Питання боротьби зі злочинністю: зб. наук. пр. / редкол.: В. І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2012. – Вип. 23. – С. 296-305.

Наукове дослідження О. М. Броневицької присвячене аналізу відповідності законодавства України про кримінальну відповідальність, а разом із тим також виявленню невідповідностей певних його положень міжнародним договорам та виробленню рекомендацій щодо подолання останніх. Безсумнівно, такий підхід до вирішення поставлених у дисертації завдань має соціально-політичну обґрунтованість та є актуальним для подальшого вдосконалення законодавства про кримінальну відповідальність. Окрім того, вироблення певних підходів щодо подолання невідповідностей такого плану має значення для запобігання правотворчим та правозастосовним помилкам, сприяє розвитку кримінального права України та його гармонізації з міжнародним кримінальним правом.

У теоретичному плані тема дослідження О. М. Броневицької є важливою з огляду на наявність дискусійних, а також недостатньо досліджених у літературі питань. Слід також зазначити, що увага українських дослідників на положеннях, які є предметом наукового пошуку дисертантки, майже не сфокусована, адже спеціальних робіт такого напрямку обмаль. Звідси випливає, що ця робота спрямована також на заповнення певних прогалин у вітчизняній кримінально-правовій науці.

Усі ці чинники у своїй сукупності визначають *актуальність* дослідження проблеми відповідності законодавства України про кримінальну відповідальність чинним міжнародним договорам, належно відображені в рецензованій дисертації.

Ступінь обґрунтованості наукових положень, висновків і рекомендацій, сформульованих у дисертації, визначається тим, що вони підтверджені певними науковими доказами різного ступеня вагомості, логіко-догматичним аналізом чинних кримінально-правових норм як міжнародного права, так і національного законодавства і у своїй більшості є переконливими.

Обґрунтованість положень цього дослідження забезпечено відповідною джерельною базою. Список літератури, що складається з 439 найменувань, посилання на конкретні джерела свідчать, що дисертантка достатньо в аспекті формування власного погляду вивчила праці попередніх дослідників цієї та суміжних наукових проблем. Авторка показала достатнє знання опублікованих праць з кримінального права, насамперед із проблематики, яка стосується імплементації норм міжнародного права у внутрішнє право держави. Це дозволило навести відповідні аргументи на користь положень, які відстоюються в дисертації.

Порівняльна таблиця, що є додатком до дисертації, дозволяє наочно відзначити прогалини у вітчизняному законодавстві про кримінальну від-

повідальність у зв'язку з неточністю відображення вимог міжнародних договорів. Це доволі скрупульозна та складна з технічної сторони виконання робота. Разом із тим наукова користь проведеного порівняння не викликає сумнівів.

Достовірність наукових положень, висновків і рекомендацій, сформульованих у дисертації. Отриманий теоретичний матеріал ґрунтується на різноманітних методах наукового пошуку. Обрані дисертантом методи дослідження є у своїй більшості класичними для кримінально-правової науки, вони дозволили достатньо глибоко і різнобічно розкрити основні питання теми. Належна методологія дослідження також підтверджує достовірність наукових положень, висновків і результатів, викладених у роботі.

Окрім того, належна обґрунтованість та достовірність отриманих результатів, висновків і пропозицій забезпечена джерельною базою проведеного дослідження, використанням різноманітних методичних прийомів аналізу поставлених проблем, достатньою апробацією отриманих результатів, а також тим, що до однакових висновків приводить аналіз різних аспектів досліджуваної проблематики.

Новизна положень, які виносяться на захист. Положення та висновки, заявлені дисертанткою як нові в теоретичному плані й важливі для юридичної практики, дійсно є такими. Дисертація є першим в Україні розгорнутим дослідженням, присвяченим проблемам відповідності законодавства України про кримінальну відповідальність чинним міжнародним договорам.

У роботі висловлюються положення, нові для кримінально-правової науки, достатньо аргументовані. Серед них увагу опонента привернули насамперед такі:

- аналіз історії проблеми узгодження кримінального законодавства з міжнародними договорами кримінально-правового характеру;
- запропоноване дисертантом поняття міжнародного договору кримінально-правового характеру з визначенням його спеціальних ознак, а також наведена класифікація таких договорів;
- визначення меж узгодження законодавства України про кримінальну відповідальність з міжнародними договорами кримінально-правового характеру;
- достатня аргументованість шляхів подолання колізій між положеннями законодавства України про кримінальну відповідальність і положеннями міжнародних договорів кримінально-правового характеру;
- визначення конкретних способів узгодження положень Кримінального кодексу України з вимогами міжнародних договорів;

– аналіз статей Загальної та Особливої частин Кримінального кодексу України з урахуванням вимог міжнародних договорів;

– окремі пропозиції щодо внесення змін і доповнень до низки статей Кримінального кодексу України.

Авторка обґрунтовує, які висунуті нею на захист положення є цілком новими, а які становлять розвиток досягнень попередніх дослідників цієї проблеми.

Повнота викладу положень дисертації в роботах, опублікованих автором. Основні положення дослідження О. М. Броневицької достатньо повно викладені в опублікованих нею працях, серед яких 6 статей, надрукованих у фахових наукових виданнях. Важливим аспектом проведеної роботи дисертантки (авторка брала участь у 9 таких форумах) є апробація результатів наукового пошуку на наукових конференціях та у навчальному процесі.

Автореферат дисертації ідентичний за змістом основним положенням самої дисертації.

Важливість одержаних авторкою дисертації результатів для юридичної науки, правотворчої і правозастосовної практики та рекомендації щодо їхнього використання. Висновки здобувачки щодо значимості її праці для науки і практики видаються правомірними.

Таким чином, дисертаційне дослідження містить нові науково обґрунтовані результати, які в сукупності мають істотне значення для розвитку науки кримінального права, а також забезпечують розв'язання цілої низки практичних питань. Викладені в ньому наукові положення заповнюють деякі прогалини, що існували в теорії кримінального права України, є основою для проведення подальших досліджень, удосконалення практики правозастосування, юридичної освіти. Найбільш важливі наукові та практичні результати дисертаційного дослідження теми «Відповідність кримінального законодавства України чинним міжнародним договорам» мають достатньо обґрунтоване значення для юридичної науки та практики і можуть бути використані, зокрема:

– у *галузі правотворчості*, у частині пропозицій, які стосуються вдосконалення правової регламентації відповідальності за злочини у сфері господарської діяльності, незаконного обігу наркотичних засобів, злочинів проти миру і безпеки людства;

– у *навчальному процесі*. Видається доцільним при викладанні курсу кримінального права України та спеціальних курсів кримінально-правової тематики враховувати надані в дисертації положення, які стосуються відповідальності за міжнародні злочини і злочини міжнародного

характеру. Вони можуть бути також використані для формування навчальної дисципліни «міжнародне кримінальне право»;

– у *правозастосуванні*. Результати цього дисертаційного дослідження сприятимуть піднесенню рівня роботи слідчо-прокурорських працівників і суддів з питань застосування кримінально-правових норм на предмет їх узгодженості з нормами міжнародних договорів;

– у *науково-дослідницькій галузі*. Проведений О. М. Броневицькою аналіз показує перспективність подальшого вивчення цілої низки питань, які тією чи іншою мірою дотичні чи пересікаються з проблемою вдосконалення норм вітчизняного законодавства про кримінальну відповідальність у зв'язку з прийнятими Україною міжнародними зобов'язаннями кримінально-правового характеру.

Разом з тим деякі положення та висновки, викладені в дисертації та авторефераті, викликають зауваження.

1. Як уже зазначалося, центральне місце серед завдань, що вирішуються у дослідженні, займає проблема відповідності законодавства України про кримінальну відповідальність положенням міжнародних договорів кримінально-правового характеру. Досліджуючи цю проблему, О. М. Броневицька досить критично характеризує роботу розробників проектів чинного Кримінального кодексу України і, зокрема, робочої групи Кабінету Міністрів України по врахуванню міжнародних конвенцій. Уже на стор. 6 дисертантка зауважує: «Під час роботи над проектом чинного КК України декларувалося врахування положень чинних міжнародних договорів, проте фактично не було враховано вимоги міжнародних актів щодо встановлення відповідальності за легалізацію доходів, одержаних злочинним шляхом, фінансування тероризму, торгівлю людьми тощо». Розвиваючи це судження, авторка звертається до пояснювальних записок 1993 р. та 1997 р. робочої групи, яка працювала над проектом КК України під патронатом Кабінету Міністрів України та зазначає: «на жаль, знову не знаходимо серед переліку використаних джерел згадки про міжнародні договори кримінально-правового характеру. До речі, у науковій літературі неодноразово вказувалось на прогалини в чинному законодавстві, пов'язані з міжнародними зобов'язаннями» (стор. 76 дисерт.). Наведені та інші подібні судження формують у читача роботи уявлення про дещо зневажливе ставлення розробників проекту КК України щодо необхідності врахування норм міжнародних договорів, ратифікованих Верховною Радою України, з чим важко погодитися. Слід зазначити, що і сама О. М. Броневицька після детального аналізу норм Загальної та Особливої частин чинного КК приходять до протилежних висновків. Так, підсумовуючи аналіз

положень Загальної частини, авторка на стор. 137 дисертації зазначає: «аналіз джерел свідчить про те, що принципи і норми міжнародних договорів в основному вплинули на сформульовані в Загальній частині КК України положення про межі дії вітчизняного кримінального закону, виконання вироків іноземних судових органів, строки давності, а також на ряд окремих інститутів Загальної частини». Майже такий же висновок робить О. М. Броневицька і стосовно положень Особливої частини. На стор. 182 своєї роботи вона пише: «Коли йдеться про відповідність положень Особливої частини КК України вимогам чинних міжнародних договорів, то можемо констатувати, що переважна більшість статей Особливої частини КК України відповідає вимогам міжнародних договорів кримінально-правового характеру. Виняток складають лише окремі аспекти».

Що стосується попередньо названих дисертанткою окремих видів злочинів, норми щодо відповідальності за які були немов би побудовані без урахування міжнародних актів, то і в цьому випадку вона виявляє непослідовність відносно двох із трьох названих нормативних визначень злочину. Так, стосовно врахування міжнародної Конвенції про відмивання доходів, одержаних злочинним шляхом, вона пише: «Аналізуючи відповідну норму в КК України (ст. 209), приходимо до висновку, що кримінальне законодавство України повністю відповідає вимогам міжнародних договорів» (стор. 150–151). Такий же висновок О. М. Броневицька робить і стосовно торгівлі людьми. На стор. 147 зазначено: «можемо констатувати, що при конструюванні складу злочину, передбаченого ст. 149 КК України, вітчизняний законодавець максимально врахував положення міжнародних договорів».

При таких висновках О. М. Броневицькій, вочевидь, необхідно було переглянути свої попередні судження щодо оцінки роботи робочої групи Кабінету Міністрів України над проектом КК у частині врахування нею положень міжнародних договорів кримінально-правового характеру.

2. Достатньо багато уваги О. М. Броневицька приділила інституту видачі злочинця (ст. 10 КК України). Авторка слушно підкреслює, що «КК України встановлює жорстку заборону видавати громадян України іноземній державі у випадку вчинення ними злочину на території останньої», а тому положення ряду міжнародних договорів, учасником яких є Україна, що передбачають можливість видачі іншій державі будь-якої особи, у тому числі громадян України (наприклад, така видача передбачена ст. 3 Конвенції про незастосування строку давності до військових злочинів та злочинів проти людства від 26 листопада 1968 р.), не можуть бути застосовані, оскільки протирічать не тільки ст. 10 КК України, але й Конституції нашої держави (ст. 25).

Разом із тим дисертантка не приділила належної уваги спорідненому до видачі інституту – *передачі осіб, які вчинили злочин*, із однієї країни до іншої. Цей інститут також, як і видача, зазначений в ст. 10 КК України. Деякі міжнародні договори, ратифіковані Україною, передбачають можливість передачі будь-яких осіб, у тому числі громадян України, іншій державі для здійснення кримінального переслідування. Так, 15 листопада 2006 р. Верховна Рада України ратифікувала своїм законом Угоду про незаконний обіг на морі, укладену на виконання ст. 17 Конвенції ООН про боротьбу з незаконним обігом наркотичних засобів і психотропних речовин. Законом було проголошено: «Україна заявляє, що діючи як інтервенуюча Держава, вона здійснюватиме таку інтервенцію за умови, що особи, які мають її громадянство та були передані державі прапору згідно із статтею 15 угоди і там засуджені за відповідне правопорушення, матимуть можливість бути переданими назад в Україну для відбування призначеного покарання» (Відом. Верхов. Ради України. – 2007. – № 2. – Ст. 11). У зв'язку з наведеним виникає питання щодо відповідності зазначеного положення Конституції України. На це питання дисертантка відповіді не дає.

3. Слушними в цілому виглядають роздуми О. М. Броневицької щодо положень міжнародних договорів, які стосуються конфіскації майна. З приводу загальної конфіскації як виду покарання авторка займає виважену і разом із тим критичну позицію, з якою слід погодитися. Проте О. М. Броневицька до покарань відносить також спеціальну конфіскацію (див. стор. 30, 135 дисерт.). З таким судженням не можна погодитися, оскільки спеціальна конфіскація, зокрема та, яка передбачена санкціями Особливої частини КК України, не є покаранням. Це, згідно зі статтями 3 та 4 цього КК, є «іншим кримінально-правовим наслідком», а точніше – це захід безпеки кримінально-правового характеру.

4. Достатньо часто дисертантка, характеризуючи норми міжнародного права, застосовує терміносполучення «склад (-и) злочину (-ів)» (див., наприклад, стор. 16 дисерт., стор. 7 автореф.), «елемент (-и) складу (-ів) злочину (-ів)» (див., наприклад, стор. 71 дисерт., стор. 7 автореф.). Надаючи цим терміносполученням базову роль при формулюванні окремих визначень, дисертантка, зокрема, пише: «Важливе місце в таких договорах займає нормативне визначення складу злочину, як загального стандарту (підкреслено опонентом. – В. Б.), що узгоджений державами і повинен застосовуватися в національному кримінальному законодавстві» (стор. 77 дисерт.). Слід зазначити, що міжнародне кримінальне право не застосовує наведених терміносполучень, оскільки їх використання в національних системах права є обмеженим. Вочевидь, що правильніше

при характеристиці міжнародних договорів використовувати терміносполучення «ознаки злочинного діяння».

5. У дисертації не витримана єдина термінологія щодо визначення законодавства України про кримінальну відповідальність. Так, якщо у назвах розділу 2 та його підрозділу 1 застосовані поняття «Закон України про кримінальну відповідальність» та «законодавство України про кримінальну відповідальність», що відповідає визначенням, наведеним у розділі II чинного КК України, то в назвах розділу 1 та 3 застосовано поняття «кримінальне законодавство України», що було характерним для попередніх КК України та чинного законодавства Російської Федерації. Вочевидь, що за десять років дії КК України 2001 р. було достатньо часу, щоб переконатися в перевагах застосованих у чинному КК України визначеннях галузевого законодавства.

6. Незважаючи на те, що дисертанткою використана достатньо велика кількість джерел, у тому числі наукових праць (у переліку літератури зазначено 439 найменувань), окремі, споріднені з її темою, дослідження сучасних науковців України залишилися поза її увагою. На жаль, у роботі не використані матеріали кандидатської дисертації К. В. Юртаєвої «Місце скоєння злочинів міжнародного характеру», що була захищена у 2010 р. в Державному науково-дослідному інституті МВС України. Підрозділ 1.4 цієї роботи «Співвідношення кримінальної відповідальності за злочин міжнародного характеру в міжнародному кримінальному праві та в кримінальному праві України» міг би бути критично проаналізований О. М. Броневицькою. У нагоді їй могла б бути і рецензія опонента на цю дисертацію, що надрукована у науковому збірнику «Питання боротьби зі злочинністю» (Х.: Право, 2010. – Вип. 20. – С. 290–298).

7. Значну увагу О. М. Броневицька приділила в дисертації проблемі імплементації положень міжнародних договорів кримінально-правового характеру до законодавства України про кримінальну відповідальність. Звертаючись до окремих питань цього процесу законотворення, авторка надає слушні пропозиції щодо їх вирішення (наприклад, щодо узгодження суперечностей, розв'язання колізій, застосування термінології, ролі застереження тощо). Однак цілісного бачення процесу імплементації в роботі не дано. Разом із тим у сучасній юридичній літературі все частіше висувається завдання щодо необхідності розробки алгоритму імплементації, яким би могли користуватися суб'єкти законодавчої ініціативи та законодавець при вирішенні питання введення положень міжнародних договорів до національного законодавства (див., наприк-

лад: Тацій В., Борисов В., Тютюгін В. Актуальні проблеми сучасного розвитку кримінального права України // Право України. – 2010. – № 9. – С. 13). Авторка, образно кажучи, зупинилася на крок від вирішення цієї важливої наукової проблеми. Можливо в майбутньому, використовуючи закладені в роботі теоретичні напрацювання, О. М. Броневицька зможе визначити на доктринальному рівні алгоритм такої імплементації.

8. У дисертації є також деякі часткові вади, викликані, певно, недостатньою уважністю дисертантки. Підходи до вирішення окремих кримінально-правових питань не збігаються з думкою опонента з цього приводу, але цим жодним чином не можна дорікати автору роботи. Проте хотілося б, щоб в роботі були викладені й переконливо розкритиковані протилежні позиції.

Висловлені зауваження, поставлені запитання не змінюють загальної позитивної оцінки цього дисертаційного дослідження.

Оцінка змісту дисертації, її завершеність у цілому, оформлення. Виходячи з викладеного вище, можна стверджувати, що дисертація відповідає вимогам пп. 11, 13 «Порядку присудження наукових ступенів і присвоєння вченого звання старшого наукового співробітника», оскільки містить нові науково обґрунтовані результати проведених здобувачем досліджень, які розв'язують конкретне наукове завдання, що має істотне значення для науки кримінального права України. До таких результатів, зокрема, належить характеристика конкретних ознак злочинних діянь, які не враховані вітчизняним законодавцем у зв'язку з вимогами міжнародних договорів.

Дисертація О. М. Броневицької також містить наукові положення, сукупність яких у практично-прикладному аспекті забезпечує вдосконалення кримінального законодавства та практики його застосування.

Робота становить собою внесок у розвиток вітчизняної юридичної науки. Її зміст відповідає заявленій дисертантом науковій спеціальності, отримані результати піддані апробації. Поставлені мета та завдання дисертаційного дослідження загалом досягнуті. Ця дисертація є самостійною завершеною роботою, оформлена відповідно до існуючих вимог.

Висловлені в цьому відгуку зауваження не впливають на її загальну позитивну оцінку. Вони стосуються часткових питань, є передумовою дискусії в ході захисту. Тому вважаю, що дисертантка – Броневицька Оксана Михайлівна заслуговує на науковий ступінь кандидата юридичних наук зі спеціальності 12.00.08 – кримінальне право і кримінологія; кримінально-виконавче право.

ПЕРЕДМОВА ДО МОНОГРАФІЇ «КРИМІНАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ЗА ПОРУШЕННЯ ПРАВИЛ ОХОРОНИ АБО ВИКОРИСТАННЯ НАДР»*

Сучасні процеси глобалізації, які відбуваються у світі і супроводжуються кардинальними змінами у різних сферах життєдіяльності людини, призвели до того, що соціум, набувши в умовах технічного прогресу численних благ, одночасно з цим опинився на межі екологічної катастрофи, у технологічній пастці. Дедалі стає все більш очевидним, що екологічні явища кризового характеру ставлять під загрозу можливість розвитку людської цивілізації, а подальша деградація природних систем призводить до дестабілізації біосфери, втрати її цілісності і здатності підтримувати безпечний для життя та здоров'я людини стан довкілля. За таких умов особливої важливості набуває впровадження у повсякденне життя конституційних приписів, що закріплюють обов'язок держави щодо забезпечення екологічної безпеки і підтримання екологічної рівноваги на території України, подолання наслідків Чорнобильської катастрофи, збереження генофонду Українського народу (ст. 16 Конституції України), а відповідно й обов'язок кожного громадянина не заподіювати шкоду природі, культурній спадщині, відшкодовувати завдані ними збитки (ст. 66).

На сьогоднішній день без перебільшення можна відзначити, що антропогенний вплив на навколишнє природне середовище і, зокрема, на таку їх невід'ємну складову частину, як надра, постійно посилюється. Певною мірою це зумовлюється загостренням в Україні соціально-економічних проблем, за яких в окремих регіонах нашої країни незаконне видобування корисних копалин для одних осіб стає чи не єдиним способом виживання їх сімей в умовах фактичної відсутності інших альтернатив заробітку, а для інших – джерелом отримання надприбутків. Недосконалість механізму надрокористування, наявність правових колізій в його нормативно-правовому забезпеченні, відсутність належного контролю за використанням надр призводить до масових порушень чинного законодавства у цій сфері. Про це, зокрема, свідчить значне поширення останніми роками випадків незаконного видобування вугілля в Донецькій та Луганській областях, де так звані «копанки» створюють загрозу підтоплення населених пунктів, пошкодження магістральних трубопроводів, знищують землі сільськогосподарського призначення тощо. Не можна не вказати і на такі наслідки правопорушень у цій

* Нетеса Н. В. Кримінальна відповідальність за порушення правил охорони або використання надр: монографія. – Харків: Право, 2013. – С. 3-5.

сфері, як створення небезпеки для життя і здоров'я людей. Саме тому охорона надр як один із пріоритетних напрямів державної екологічної політики вимагає використання різноманітних заходів, у тому числі й кримінально-правових.

Основним кримінально-правовим засобом боротьби з порушенням правил охорони або використання надр є встановлення у ст. 240 Кримінального кодексу кримінальної відповідальності за цей вид суспільно небезпечної поведінки. Виходячи з того, що КК 2001 р. вперше визнав порушення правил охорони або використання надр злочином проти довкілля, а також враховуючи те, що в Україні не проводилися комплексні дослідження із зазначеної теми, а низка теоретичних і практичних питань відрізняються дискусійним характером, монографічне дослідження, підготовлене Н. В. Нетесою на базі її кандидатської дисертації, є актуальним та своєчасним як для науки кримінального права, так і для подальшого вдосконалення чинного законодавства у сфері кримінально-правової охорони надр та практики його застосування.

Чимало питань, які порушуються у роботі, відрізняються складністю та ще не мають свого розв'язання ані на теоретичному, ані на правозастосовному рівнях. Так, еколого-економічна сутність надр до сьогодні породжує у наукових колах жваві дискусії з приводу того, чи виправданим є віднесення порушення правил охорони або використання надр до злочинів проти довкілля, чи все ж таки ці діяння посягають на суспільні відносини у сфері господарської діяльності або, наприклад, відносини власності (до речі, у Кодексі України про адміністративні правопорушення подібні дії розглядаються як правопорушення, що посягають на власність). Складною з точки зору теорії та практики є і проблема відмежування порушення правил охорони або використання надр від інших злочинів, зокрема, від злочинів проти безпеки виробництва під час ведення гірничих робіт. Потребують вироблення науково обґрунтованих рекомендацій також питання кваліфікації випадків, коли порушення вказаних правил супроводжується самовільним захопленням земельної ділянки. Не можна не вказати і на особливість законодавчого опису ознак цього злочину, зокрема, конструювання основного складу цього злочину як делікту небезпеки, що робить непростим завданням визначення форми вини у складі аналізованого злочину. Крім того, достатньо актуальним залишається питання щодо існування додаткових наслідків, які не зазначені у диспозиції ст. 240 КК, тощо.

Під час підготовки монографії автор опрацювала достатньо велике за обсягом та різноманітне за змістом регулятивне законодавство у сфері охорони та використання надр та здійснила спробу надати відповіді на

більшість проблемних питань, продемонструвавши при цьому вдале оперування прикладами із судової практики. У роботі міститься чимало власних наукових здобутків, які відбивають наукову новизну проведеного дослідження, та рекомендацій щодо вдосконалення ст. 240 КК та практики її застосування. Так, науковий інтерес представляє дослідження спеціальних ознак предмета злочину, пропозиція щодо синхронізації видів порушень правил охорони або використання надр до певних етапів розвитку діяння, виокремлення основних та похідних наслідків злочину, класифікація суб'єктів таких злочинних діянь та ін. Безумовним позитивним моментом роботи є те, що автор ширше поглянула на означену проблему, приділивши певну увагу і особі злочинця, і соціальній зумовленості необхідності подальшого вдосконалення відповідної норми КК, і виміру запобіжного ефекту покарання. Сміливість наукових міркувань, вміння аналізувати дослідницький матеріал, творчий, системний підхід до розв'язання актуальних питань теорії та практики кримінального права втілює упевненість у подальшому науковому і професійному зростанні молодого вченого.

На цій підставі можна вважати, що запропонована Н. В. Нетесою монографія буде цікавою як широкому громадському загалу, так і правознавцям. Праця може бути корисною, наприклад, у процесі підготовки фахівців у галузі права, у науковій діяльності здобувачів наукового ступеня та студентів, під час подальшого вдосконалення закону про кримінальну відповідальність за порушення правил охорони або використання надр та практики його застосування. Сподіваюся, що вона отримає належну оцінку з боку спеціалістів і широкого кола читачів.

ПЕРЕДМОВА ДО МОНОГРАФІЇ «НЕНАЛЕЖНЕ ВИКОНАННЯ ОБОВ'ЯЗКІВ ЩОДО ОХОРОНИ ЖИТТЯ ТА ЗДОРОВ'Я ДІТЕЙ: СОЦІАЛЬНА ОБУМОВЛЕНІСТЬ І СКЛАД ЗЛОЧИНУ»*

Сучасне українське суспільство має підвищений інтерес щодо охорони життя та здоров'я дітей, який виявляється у реалізації національних програм, законодавстві, політичних рішеннях Президента та Уряду України. Відповідно до Закону України «Про охорону дитинства» від 26 квітня 2001 р. кожна дитина має право на життя з моменту визнання її живонародженою і життєздатною за критеріями Всесвітньої організації

* Заславська М. Г. Неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей: соціальна обумовленість і склад злочину: монографія. – Х.: Право, 2013. – С. 5-7.

охорони здоров'я. Держава гарантує дитині право на охорону здоров'я, безоплатну, кваліфіковану медичну допомогу в державних і комунальних закладах охорони здоров'я, сприяє створенню безпечних умов для життя і здорового розвитку дитини, раціонального харчування, формуванню навичок здорового способу життя. З цією метою застосовуються правові норми, спрямовані на охорону життя та здоров'я дітей, серед яких важливе місце займає ст. 137 Кримінального кодексу України 2001 р. (надалі – КК), якою передбачена відповідальність за неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей. Введення до КК такої норми було обумовлено гостротою проблеми, що склалася в українському суспільстві щодо забезпечення охорони життя та здоров'я дітей в умовах демографічної кризи, старіння нації, перевищення смертності над народжуваністю. Незважаючи на деякі покращення в останні роки показників щодо народжуваності в Україні, зазначена проблема і на теперішній час залишається важливою для суспільства, що обумовлює пошуки її подальшого вирішення на законодавчому, правозастосовному та науковому рівнях.

Монографія М. Г. Заславської «Неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей: соціальна обумовленість і склад злочину» є актуальною і своєчасною. До речі, у Комітеті з питань законодавчого забезпечення правоохоронної діяльності Верховної Ради України розглядається законопроект (реєстр. № 2638 від 26 березня 2013 р.) «Про внесення змін до Кримінального кодексу України щодо відповідальності за неналежне виконання обов'язків стосовно охорони життя та здоров'я дітей», яким передбачаються певні вдосконалення ст. 137 КК України.

Запропонована увазі читача робота виконана на матеріалах успішно захищеної у 2006 р. М. Г. Заславською дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за темою «Кримінальна відповідальність за неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей: соціальна обумовленість і склад злочину».

Починається дослідження, як і дисертація, з розгляду соціальної обумовленості встановлення кримінальної відповідальності за неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей. Авторка переконливо доводить потребу уведення та необхідність збереження кримінальної відповідальності за цей злочин. Далі М. Г. Заславська поглиблено розглядає всі елементи складу злочину, передбаченого ст. 137 КК України. Для роботи характерний комплексний підхід з використанням результатів досліджень у галузі філософії, логіки, соціології, психології, теорії держави та права, кримінології, кримінального процесу

та судової статистики. На цій основі авторкою критично осмислені наукові і нормативно-правові джерела, які дістали необхідний науковий коментар, здійснено аналіз практики застосування ст. 137 КК, а також надано огляд міжнародно-правових актів та законодавства зарубіжних країн про відповідальність за злочини, що вчиняються у сфері фізичного, психічного, емоційного та духовного розвитку дітей. У сукупності це забезпечило аргументований та науковий підхід до положень та рекомендацій, що містяться у роботі, а відтак – обґрунтованість та достовірність отриманих результатів.

Хотілось би зосередити увагу читача на таких здобутках М. Г. Заславської, що містять у собі суттєву наукову новизну:

- уперше в Україні обґрунтована необхідність встановлення та подальшого збереження в кримінальному законодавстві відповідальності за невиконання або неналежне виконання професійних чи службових обов'язків щодо охорони життя і здоров'я дітей, а також розширення кримінальної відповідальності за таке суспільно небезпечне діяння шляхом криміналізації випадків заподіяння істотної шкоди належному фізичному або психічному розвитку дитини;

- в обсязі дослідження родового і безпосереднього об'єктів злочину надано обґрунтування щодо необхідності охорони здоров'я жінки, що перебуває у стані вагітності, як окремої складової прав неповнолітніх на охорону їх життя і здоров'я, а також належного їх фізичного та психічного розвитку;

- дістала подальшого критичного аналізу характеристика суспільно небезпечного діяння, зокрема, авторкою досліджені нормативно-правові акти, що передбачають професійні або службові обов'язки щодо охорони життя і здоров'я неповнолітніх. Відповідно рекомендовано доповнити обсяг обов'язків щодо охорони життя і здоров'я неповнолітніх обов'язками, що випливають із цивільно-правових договорів, зокрема – з надання послуг;

- дослідження в цьому напрямку дало можливість М. Г. Заславській сформулювати нове положення про розширення кола суб'єктів, що підпадають під ознаки розглядуваного злочину, до яких слід відносити також осіб, які здійснюють догляд за неповнолітніми на підставі цивільно-правових договорів.

Значимість цієї роботи пов'язана також із необхідністю підвищення правової культури населення, формування активної позиції батьків, осіб, що їх замінюють, потерпілих, особливо тих, що досягли 14-річного віку, поширення серед них правових знань про можливість притягнення осіб, винних у невиконанні (неналежному виконанні) обов'язків щодо охорони прав та законних інтересів дітей, до майнової, дисциплінарної

і кримінальної відповідальності. Принципової зміни вимагає і юридичне мислення працівників сфер освіти й охорони здоров'я, яке у першу чергу повинне бути зорієнтованим на якісне виконання передбачених обов'язків, пошук оптимальних шляхів формування з дитини повноцінної особистості.

Судження та пропозиції, що викладені в монографії, можуть бути також використані: у правотворчій сфері – у процесі вдосконалення нормативно-правових актів, що регулюють діяльність у сфері фізичного, психічного, емоційного та духовного розвитку дітей, відповідних норм КК України (зокрема, у подальшій роботі над зазначеним вище законопроектом) та Кодексу України про адміністративні правопорушення; у практичній діяльності судів та органів внутрішніх справ – для підвищення ефективності заходів щодо виявлення та запобігання злочинам проти прав, свобод та законних інтересів неповнолітніх, їх фізичного та психічного розвитку, а також у цілому проти життя та здоров'я особи, при підготовці відповідних розділів підручників і навчальних посібників, у викладанні курсів Загальної і Особливої частин кримінального права, у науково-дослідній роботі викладачів, аспірантів та студентів.

Слід віддати належне М. Г. Заславській не тільки за її якісний науковий доробок, а і за внесок у розвиток ідей харківської наукової школи в галузі кримінального права.

Вважаю, що запропонована робота буде цікавою як широкому громадському загалу, так і науковцям та правозастосувачам. Сподіваюсь, що вона отримає належну оцінку з боку спеціалістів і широкого кола читачів.

**ВІДГУК
ОФІЦІЙНОГО ОПОНЕНТА НА ДИСЕРТАЦІЮ
«КРИМІНАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ
ЗА ПРОПОЗИЦІЮ ТА НАДАННЯ НЕПРАВОМІРНОЇ
ВИГОДИ СЛУЖБОВІЙ ОСОБІ
(СТ. 369 КК УКРАЇНИ)»***

Від часів набуття Україною незалежності перед суспільством гостро постала проблема корупції, розв'язання якої можливе лише на підставі

* Відгук офіційного опонента на дисертацію О. Д. Ярошенко «Кримінальна відповідальність за пропозицію та надання неправомірної вигоди службовій особі (ст. 369 КК України)», подану на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю 12.00.08 – кримінальне право та криминологія; кримінально-виконавче право // Питання боротьби зі злочинністю: зб. наук. пр. / редкол.: В. І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2014. – Вип. 28. – С. 253-261.

розгалуженого комплексу антикорупційних заходів, що мають системно здійснюватися як у цілому в країні, так і будь-якій сфері її суспільного життя. Починаючи з 1995 р. (з ухваленням 11 липня Закону України «Про боротьбу з корупцією») держава намагається стратегічно вирішити проблему корупції, застосовуючи правові, організаційно-управлінські, кадрові, технічні, технологічні та інші заходи з протидії та запобігання цьому небезпечному та ганебному для суспільства явищу. На жаль, незважаючи на чималі зусилля, Україна впродовж багатьох років залишається серед країн, рівень корупції в яких є небезпечним для їх суспільного життя. Так, відповідно до Індексу сприйняття корупції, розробленого Transparency International, Україна у 2011 р. посіла 152-ге місце із 183 країн, у 2012 р. – 144-те місце із 176 країн, у 2013 р. – так само 144-те місце із 177 країн. Як правильно зазначає О. Д. Ярошенко у вступі до своєї дисертації, такі показники є набагато гіршими, ніж показники сусідніх європейських країн, що свідчить про серйозні проблеми в Україні.

Корупція як небезпечне явище притаманна всім державам світу, її негативний прояв містить загрози не лише для внутрішнього розвитку держави, а й зачіпає міжнародні відносини. Тому не випадково міжнародне співтовариство приділяє значну увагу проблемам боротьби з корупцією як на міжнародному, так і національному рівні. У конвенціях ООН і Ради Європи містяться розгорнуті нормативні положення щодо посилення протидії корупції. Україна як суб'єкт міжнародних відносин взяла на себе зобов'язання щодо вдосконалення заходів, спрямованих на боротьбу з корупцією, у тому числі законодавства про кримінальну відповідальність за злочини у сфері службової діяльності та професійної діяльності, пов'язаної із наданням публічних послуг. До числа законів про кримінальну відповідальність, ефективність застосування яких потребує підвищеної уваги, належить норма ст. 369 КК України («Пропозиція або надання неправомірної вигоди службовій особі»).

Незважаючи на численні наукові дослідження, присвячені питанням боротьби зі злочинами у сфері службової діяльності та професійної діяльності, пов'язаної із наданням публічних послуг, у тому числі й захист у 2012 р. І. О. Томчук кандидатської дисертації «Давання хабара: кримінально-правова та кримінологічна характеристика», проблеми теорії, правозастосування та вдосконалення законодавства з цих питань потребують постійної уваги з боку наукової спільноти. Серед зазначених проблем **актуальною** залишається тема кримінальної відповідальності за пропозицію та надання неправомірної вигоди службовій особі.

Треба констатувати, що дисертація О. Д. Ярошенко виконана на належному професійному рівні, тема досліджена достатньо повно. Дисертантка показала глибокі знання, уміння самостійно узагальнювати й аналізувати нормативні матеріали та спеціальну літературу, робити правильні, науково обґрунтовані висновки, формулювати визначення правових понять і пропозицій з удосконалення законодавства. Безперечною перевагою дисертаційного дослідження стали широке використання та аналіз положень міжнародного права, у першу чергу Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією Ради Європи від 27 січня 1999 р., та національного законодавства, до якого імплементована значна частина норм міжнародного права, що стосуються кримінальної відповідальності.

Отриманий науковий результат ґрунтується на **різноманітних методах наукового дослідження**, які обрані відповідно до теми, мети, завдань, об'єкта і предмета дослідження. Використання діалектичного, порівняльно-правового, історичного, логіко-семантичного, а також інших методів дозволило дисертантці достатньо глибоко і різнобічно розкрити основні питання теми.

Даючи оцінку науковій новизні роботи, треба зазначити, що дисертація дійсно є першим дослідженням, проведеним з урахуванням суттєвих змін, що були внесені до КК Законом України від 18 квітня 2013 р. «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо приведення національного законодавства у відповідність із стандартами Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією». Зокрема, цим Законом була надана нова редакція ст. 369 КК, яка стосується як назви, так і змісту всіх частин цієї статті. Разом із тим ще зарано стверджувати про завершення процесу приведення законодавства України про кримінальну відповідальність у відповідність до міжнародних конвенційних положень, спрямованих на боротьбу з корупцією. Наукові підходи та пропозиції до законодавства, що надані О. Д. Ярошенко в її дисертаційному дослідженні, а також ухвалений 13 травня 2014 р. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у сфері державної антикорупційної політики у зв'язку з виконанням плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України» засвідчують наявність низки питань, що потребують подальших наукових розвідок та вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність, у тому числі щодо норм розділу XVII «Злочини у сфері службової діяльності та професійної діяльності, пов'язаної з наданням публічних послуг».

Слід констатувати, що в роботі достатньо аргументовано визначені положення, нові для кримінально-правової науки. Серед них увагу опонента привернули насамперед такі:

– запропонована О. Д. Ярошенко періодизація розвитку законодавства про кримінальну відповідальність у частині відповідальності за активний підкуп службової особи із 1960 р. по теперішній час, згідно з якою виокремлюються два основних етапи: перший етап – період законодавчої заборони активного підкупу у вигляді дачі (давання) хабара в КК Української РСР 1960 р. та України 2001 р. (1960-2006 рр.); другий етап – період імплементації до національного антикорупційного законодавства міжнародних нормативних положень у зв'язку із прийняттям 18 жовтня 2006 р. законів України «Про ратифікацію Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією» та «Про ратифікацію Конвенції Організації Об'єднаних Націй проти корупції» (із 2006 р. по теперішній час);

– положення, що неправомірна вигода при вчиненні особою злочину, передбаченого ст. 369 КК, не може визнаватися його предметом, а є однією із характеристик змісту самих діянь, які зазначені у диспозиціях частин 1 та 2 ст. 369 КК (при наданні – його складовою частиною);

– додаткові аргументи щодо необхідності доповнення ч. 1 ст. 369 КК такою формою злочину, як «обіцянка надання неправомірної вигоди службовій особі». Важливо зазначити, що ця пропозиція знайшла відображення в Законі України від 13 травня 2014 р. стосовно змін до ст. 369 КК;

– розвиток поглядів, що в межах родового об'єкта злочинів, передбачених розділом XVII Особливої частини КК, слід виділяти два видових об'єкти щодо: 1) сфери службової діяльності та 2) сфери професійної діяльності, пов'язаної з наданням публічних послуг;

– розуміння змісту критеріїв відмежування злочину, передбаченого ст. 369 КК, від суміжних посягань за адресатом.

За результатами досліджень у роботі наведені й інші теоретичні новації та пропозиції щодо вдосконалення законодавства, які, незважаючи на їх дискусійність, є авторськими напрацюваннями та свідчать про приріст наукових знань.

Основні положення дослідження О. Д. Ярошенко достатньо повно викладені в опублікованих нею працях, серед яких п'ять статей – у наукових фахових періодичних виданнях з юридичних наук, три – у збірниках тез виступів на науково-практичних конференціях. Важливою складовою апробації наукового дослідження є надання до Комітету Верховної Ради України з питань законодавчого забезпечення правоохоронної діяльності пропозицій щодо вдосконалення норм законодавства України про кримінальну відповідальність за пропозицію чи надання неправомірної вигоди. Певні з них, як уже було зазначено вище, знайшли відображення в Законі України від 13 травня 2014 р.

Автореферат дисертації ідентичний за змістом основним положенням самої дисертації. Структура роботи, її загальний обсяг, викладення основного тексту, список використаних джерел відповідають установленим вимогам. Висновки дисертантки з огляду на значущість її праці для науки і практики видаються слушними.

Таким чином, дисертаційне дослідження О. Д. Ярошенко містить нові науково обґрунтовані результати, що в сукупності мають істотне значення для розвитку науки кримінального права, а також забезпечують розв'язання цілої низки практичних питань. Викладені в ньому наукові положення заповнюють окремі прогалини, що існували в теорії кримінального права України, та є основою для проведення подальших досліджень, удосконалення практики правозастосування, юридичної освіти.

Разом із тим деякі положення та висновки, викладені в дисертації та авторефераті, викликають зауваження. Їх зміст полягає у такому:

1. Аналізуючи основні позиції, які висловлюються в теорії кримінального права стосовно об'єкта злочину, О. Д. Ярошенко приєднується до поглядів, що таким об'єктом є цінності (П. С. Матишевський, Є. В. Фесенко, П. С. Берзін) або соціальні цінності (П. П. Андрушко). Треба надати належне дослідниці, яка до суджень прихильників цієї теорії надає додаткові аргументи. Водночас у визначеннях родового (стор. 60, 61 дис.) та видових об'єктів злочинів (стор. 61, 155 дис.), відповідальність за які передбачена розділом XVII Особливої частини, а також безпосередніх об'єктів злочинів, передбачених статтями 368 та 369 КК (стор. 69, 156 дис.), ідея «об'єкт злочину – соціальні цінності» не знайшла відображення. Стрижневе місце у цих визначеннях займає положення щодо *порядку* здійснення певної діяльності, який визначається законодавцем. Стосовно цього положення П. П. Андрушко зауважує, що порядок відносин (взаємовідносин) є одним із видів соціальних цінностей, що охороняються кримінальним законом (див., наприклад, його роботу «Злочини проти виборчих прав громадян та їх права брати участь у референдумі: кримінально-правова характеристика (2007)»). Цю думку поділяє й О. Д. Ярошенко. Однак зазначене твердження залишилося за межами визначень, наведених у роботі. Окрім того, власне, порядок, визначений у законодавстві стосовно певної діяльності, далеко не завжди може оцінюватися як соціальна цінність. Наприклад, установлений у перші роки незалежності України на законодавчому рівні порядок реєстрації підприємницької діяльності був підданий справедливій критиці, оскільки не лише гальмував її розвиток, а й містив системні корупційні ризики.

2. При розгляді ознак об'єктивної сторони дисертантка приділяє належну увагу змісту «пропозиції службовій особі надати їй або третій особі неправомірну вигоду» як формі підкупу (стор. 77–78 та ін. дис.). Досліджуючи погляди щодо змісту поняття «пропозиція», вона наводить і застереження окремих науковців щодо розширення українським законодавцям меж криміналізації поведінки людини за рахунок стадії виявлення умислу. Це, зокрема, судження А. Мисливого, який вважає, що відбулася криміналізація стадії *виявлення умислу* на давання хабара (див.: Мисливий В. А. Пропозиція хабара: злочин чи виявлення умислу? / В. А. Мисливий // Юрид. вісн. України. – 2010. – 2-15 січ. (№ 1-2). – С. 7), а також О. М. Грудзура, який дійшов висновку, що пропозиція хабара (неправомірної вигоди) залежно від конкретних діянь хабародавця повинна розцінюватися або як виявлення наміру, або як готування, або як замах на давання хабара (неправомірної вигоди) (див.: Грудзур О. М. Кримінально-правова характеристика провокації хабара : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. М. Грудзур. – К., 2011. – С. 14). Це питання, украй важливе для теорії кримінального права та практики застосування ст. 369 КК, О. Д. Ярошенко не виділила як таке, що потребує самостійного вирішення.

3. При дослідженні змісту *поняття «неправомірна вигода»* авторка аналізує дві основні позиції щодо його змісту. Деякі науковці вважають, що «неправомірна вигода» (як і раніше «хабар») – це виключно вигода майнового характеру (В. І. Тютюгін, М. І. Мельник, Д. І. Крупко та ін.). О. Д. Ярошенко поділяє іншу позицію, що найбільш чітко визначена в роботах П. П. Андрушко: під неправомірною вигодою слід розуміти вигоди не лише матеріального (гроші, майно, нематеріальні активи), а й нематеріального характеру (переваги, пільги, послуги) (стор. 113 дис.). Серед аргументів на користь цієї позиції вона посиляється на Кримінальну конвенцію про боротьбу з корупцією Ради Європи, в якій, однак, на відміну від чинного КК України, предметом протиправних дій (обіцянки, пропонування, надання) визначена «неправомірна перевага». У дисертації звернуто увагу на таке неспівпадіння, проте, на думку О. Д. Ярошенко, вирази «неправомірна перевага» і «неправомірна вигода» за змістом є тотожними. На наш погляд, наведені поняття не є тотожними. Слово «вигода» у своєму основному значенні тлумачиться у довідковій літературі як «користь» (див.: Новий словник української мови : у 3 т. Т. 1. – К. : Аконіт, 2001. – С. 200). Що стосується слова «перевага», то воно є більш широким за змістом, його синонімами є слова «пріоритет», «привілей», «першість», «вищість», «виключне право», що й зазначено в роботі (стор. 108 дис.). Звертаючись до змісту цього

поняття, М. І. Хавронюк слушно зазначає, що перевага – це додаткові матеріальні чи інші вигоди або можливості, які ставлять його в нерівне становище з іншими особами (див.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. – 9 те вид., переробл. та допов. – К.: Юрид. думка, 2012. – С. 1056). Вочевидь, якщо б законодавець його використав у нормах розділу XVII Особливої частини КК, питання щодо його сутнісного різночитання було б знято. За наявності в законі про кримінальну відповідальність поняття «неправомірна вигода» перевагу слід надавати його обмеженому тлумаченню, тобто визнавати його за змістом «вигодою майнового характеру».

4. Достатньо багато уваги О. Д. Ярошенко приділила питанням звільнення особи від кримінальної відповідальності за ч. 6 ст. 369 КК у редакції від 18 квітня 2013 р. У роботі наведені обґрунтування на підтримку зміни законодавцем умов такого звільнення (вимагання у поєднанні з подальшою добровільною заявою щодо вчиненого), що відрізняються від умов, що були зазначені в ч. 3 ст. 369 КК в редакції від 5 квітня 2001 р. (вимагання або добровільна заява), а також надані пропозиції щодо уточнення тексту цієї норми. Треба відмітити, що за своєю сутністю нові умови звільнення особи за ч. 6 ст. 369 КК від кримінальної відповідальності різко обмежують викриття злочинів, передбачених ст. 368 КК. Таке зниження ефективності закону залишилося поза увагою дослідниці. Необхідно зазначити, що вже саме по собі вимагання неправомірної вигоди, коли ставляться під загрозу права та законні інтереси особи, позбавляє останню можливості супротиву до невчинення дій на користь службової особи. Воля особи деформується під впливом об'явлених погроз, вона вимушена надати неправомірну вигоду. Тому важко уявити, щоб особа, маючи уявлення щодо негативних для неї наслідків, реальність настання яких майже завжди зберігається, незважаючи на надання неправомірної вигоди, наважиться добровільно заявити про вчинене. Так само невдалим є рішення щодо відмови від добровільної заяви особи щодо вчиненого як самостійної умови звільнення від кримінальної відповідальності. Позиція законодавця фактично зводить нанівець реальне застосування ч. 6 ст. 369 КК.

5. У вступній частині О. Д. Ярошенко наводить дані щодо емпіричної бази дослідження. Це матеріали 115 кримінальних справ, а також рішень, внесених до Єдиного державного реєстру судових рішень України, що є достатнім для отримання системних уявлень стосовно практичного застосування ст. 369 КК. У роботі цей масив справ не знайшов належного відображення, хоча потреба оцінки практичного прояву окремих ознак цього злочину є. Так, на підтвердження доречності новел,

уведених законодавцем до ст. 369 КК, бажано було б мати уявлення щодо реального застосування ч. 1 та ч. 6 ст. 369 КК. Також є потреба знання практичного прояву окремих видів «неправомірної вигоди», визначених у п. 1 примітки до ст. 364¹ КК.

Висловлені зауваження у своїй більшості є дискусійними, певні з них стосуються лише окремих положень дисертації і в цілому не змінюють загальної позитивної оцінки дисертаційного дослідження та значущість отриманих результатів для розвитку юридичної науки.

Оцінка змісту дисертації, її завершеність у цілому, оформлення.

Виходячи з викладеного вище, можна стверджувати, що дисертація відповідає вимогам Порядку присудження наукових ступенів і присвоєння вченого звання старшого наукового співробітника. Вона містить нові науково обгрунтовані результати проведених здобувачем досліджень, які розв'язують конкретне наукове завдання, що має істотне значення для науки кримінального права. Дисертація О. Д. Ярошенко також містить наукові положення, сукупність яких забезпечує вдосконалення законодавства про кримінальну відповідальність та практику його застосування.

Робота являє собою внесок у розвиток вітчизняної юридичної науки. Її зміст відповідає заявленій дисертантом науковій спеціальності, отримані результати знайшли апробацію.

Поставлені мета та завдання дисертаційного дослідження загалом досягнуті. Ця дисертація є самостійною завершеною роботою, оформлена відповідно до існуючих вимог.

Вважаю, що дисертантка Ярошенко Олена Дмитрівна заслуговує на присудження їй наукового ступеня кандидата юридичних наук зі спеціальності 12.00.08 – кримінальне право і кримінологія; кримінально-виконавче право.

**ПЕРЕДМОВА ДО МОНОГРАФІЇ «КРИМІНОЛОГІЧНА
ХАРАКТЕРИСТИКА ТА ЗАПОБІГАННЯ
ЗЛОЧИННОСТІ ОСІБ БЕЗ ВИЗНАЧЕНОГО МІСЦЯ
ПРОЖИВАННЯ В УКРАЇНІ»***

Відома західна концепція так званих трьох поколінь прав людини презюмує наявність у будь-якого члена сучасного суспільства цілого комплексу прав і свобод, які визнаються невід'ємними і такими, що є

* Батиргареева В. С., Дубович О. В. Кримінологічна характеристика та запобігання злочинності осіб без визначеного місця проживання в Україні: монографія. – Харків: Право, 2015. – С. 5-8.

підґрунтям для всебічного розвитку людини як особистості у соціальній, економічній, політичній, культурній і інших сферах життя. У ХХІ ст. у правовому становищі людини, поряд із правами першого покоління (право на життя, свободу і безпеку особи, право на свободу думки, совісті і релігії, право на рівність перед законом тощо) та третього покоління (право на мир, на якісну і безпечну продукцію, на безпечне довкілля, на інформацію та ін.), помітне місце продовжують посідати й права другого покоління, що оформилися у процесі боротьби народів за покращення свого економічного рівня та підвищення культурного статусу і для реалізації яких потрібна організаційно-управлінська, планово-координаційна та інші форми діяльності держави із забезпечення зазначених прав. Серед них особливий наголос слід зробити на праві людини на житло.

Отже, важливим показником якості життя сучасної людини (принаймні у контексті прогресивної моделі суспільного розвитку людства) є наявність у неї житла, придатного для проживання в ньому. Проблема забезпечення житлом сьогодні як ніколи є актуальною для українського соціуму. Адже в умовах драматичних подій, що відбуваються в нашому суспільстві останнім часом, наявність житла стає у перші ряди багатьох найгостріших питань, від розв'язання яких залежить майбутнє сотень тисяч громадян України. Тому ведення людиною осілого способу життя – вагомий чинник на шляху запобігання вчиненню злочинів особами, що не мають ані постійного, ані навіть тимчасового житла, придатного для проживання в ньому. До того ж дотримання такого способу життя завжди сприяло збереженню звичного мікроклімату існування як окремих осіб, так і цілих родин. У зв'язку з цим уявляється нагальною потреба розробки основних складових системи запобігання злочинності з боку осіб, які не мають визначеного місця проживання. Разом із тим системність у баченні шляхів подолання злочинності бездомних осіб в Україні неможлива без осмислення передового зарубіжного досвіду в цій сфері.

Хоча проблематика злочинності так званих маргінальних прошарків населення ніколи не залишалася й не залишається поза увагою вітчизняних і зарубіжних правознавців і представників інших наукових дисциплін, про що свідчать, зокрема, численні публікації, однак наявними напрацюваннями актуальність дослідження злочинності бездомних осіб не вичерпана. Навпаки, за минулий рік виклики соціального буття на теренах Української держави (вимушена міграція десятків тисяч осіб, утрата ними соціальних зв'язків зі звичним середовищем тощо), поставили низку нових питань, які потребують свого негайного

розв'язання у контексті подолання не лише явища бездомності, а й (це, мабуть, головне) злочинності безхатченків, яка без вживання відповідних заходів набуватиме у майбутньому загрозливих масштабів. Водночас у більшості випадків попередні дослідники, торкаючись проблематики бездомності як фонового явища злочинності, не розглядали масив правопорушень осіб без визначеного місця проживання як самостійний вид злочинності, якому притаманні достатньо помітні особливості, певні закономірності, тенденції тощо, обумовлені цим явищем.

Уявляється, що актуальність роботи викликана й тим, що у вітчизняній кримінології (починаючи з радянських часів) злочинність бездомних не ставала предметом окремого комплексного вивчення. Незважаючи на певні зусилля Української держави останніми роками, стан з явищем бездомності в країні не можна визнати задовільним, що, у свою чергу, сприяє безперервному продукуванню злочинності осіб без визначеного місця проживання, оскільки доведено, що бездомність виявляється потужним чинником у детермінаційному комплексі розглядуваної злочинності.

Розробка ефективних заходів протидії злочинним проявам із боку бездомних ускладнюється й тим, що в Україні немає офіційної статистики щодо правопорушень, вчинених бездомними особами, яка велася б системно й централізовано. Лише комбінований підхід авторів до процесу формування дослідницької бази дав можливість встановити кількість злочинів, вчинених в Україні особами без визначеного місця проживання, за низку останніх років. На жаль, унаслідок відомих суспільно-політичних подій в Україні повної картини щодо відповідних статистичних даних за 2013-2014 рр., які надавали б уявлення про рівень криміногенності бездомних осіб, отримати не вдалося. Однак незважаючи на це, повернення до організації системних досліджень як явища бездомності, так і протиправних діянь осіб без визначеного місця проживання найближчим часом – одна з умов розбудови високорозвинутої соціальної правової держави, що рухається в напрямі інтеграції із цивілізованим західним простором. Таким чином, отримані результати поглибленого кримінологічного дослідження злочинності осіб без визначеного місця проживання відіграють роль загальнометодологічного характеру в систематизації наявних знань про маргінальну злочинність у цілому і злочинних діянь бездомних осіб зокрема.

Представлена робота, як і будь-який науковий пошук, що приводить до примноження наявного знання, супроводжується інколи категоричними судженнями авторів, інколи занадто ідеалізованим баченням тих чи інших шляхів розв'язання проблеми. Так, говорячи про злочинність

бездомних, у роботі стверджується, що можна побачити перспективу її викоренення. Разом із тим автори, «конструюючи» тип злочинця із глибоким (повним, незворотним) ступенем моральної деградації, дещо, на перший погляд, суперечать самі собі, оскільки підкреслюють, що «...мова може йти, вочевидь, лише про поодинокі випадки повернення таких осіб до соціалізованого суспільства». Дійсно це так, а тому, незважаючи на такий висновок, значні зусилля з боку суспільства будуть виправдані, якщо хоча б одна людина за нашою допомогою повернеться до світу загальнолюдських цінностей.

Цінності цій роботі додає й той факт, що автори намагалися власні теоретичні пошуки доповнювати практичною складовою розв'язання проблеми бездомності. Так, протягом уже тривалого часу В. С. Батиргарєєва та О. В. Дубович беруть участь у волонтерському русі щодо допомоги бездомним Харківщини і Полтавщини. Безумовно, цей корисний особистий досвід на сторінках цього дослідження вилився не лише у цікаві коментарі з приводу тих чи інших питань подолання злочинності безхатченків, розгорнуті інтерв'ю із бездомними, які все ще перебувають на вулицях наших міст, а й змусив багатьох із нас замислитися над складною проблемою бездомності, мінливістю власної долі, переосмислити той факт, що поряд із нашим більш-менш гідним життям «існує» нібито задзеркалля, з якого на нас поглядають ті, хто самотійно вже не може переломити свою долю, щось змінити в ній.

У цілому ж можна констатувати, що робота відбулася, заслуговуючи на те, щоб бути відповідним чином оціненою і підтриманою юридичним загалом. Хотілося б побажати авторам цієї монографії нових творчих звершень, цікавих наукових винаходів і щоб їх праця стала особливо корисною для тих, чие призначення – опікуватися долею безхатченків.

**ПЕРЕДМОВА ДО МОНОГРАФІЇ
«КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ХАРАКТЕРИСТИКА
ЗЛОВЖИВАННЯ ОПІКУНСЬКИМИ ПРАВАМИ:
СОЦІАЛЬНА ОБУМОВЛЕНІСТЬ ТА СКЛАД
ЗЛОЧИНУ»***

У розвинутих демократичних державах охорона прав незахищених категорій громадян є одним із пріоритетів їх соціальної політики. Важливі

* Свтєєва Д. П. Кримінально-правова характеристика зловживання опікунськими правами: соціальна обумовленість та склад злочину: монографія. – Харків: Право, 2015. – С. 5-7.

кроки у сфері захисту цих осіб зроблені і в Україні. Проте сучасна соціально-економічна та політична ситуація гостро позначається на населенні нашої країни й особливо на найменш захищених його верствах. Діти-сироти та діти, позбавлені батьківського піклування, інваліди, які навіть у стабільні в країні часи стикалися з проблемами в реалізації своїх прав, опиняються беззахисними перед викликами сьогодення. Увага держави, на якій значною мірою лежить відповідальність за долю цих осіб, під час соціально-економічної нестабільності розсіюється на безліч інших проблем. Тож питома вага її ресурсів, зокрема й матеріальних, щодо таких громадян значно скорочується, що болісно відбивається на їх існуванні.

Неабияку роль у вирішенні проблем соціально вразливих категорій населення на сьогодні відіграють громадські організації та допомога окремих осіб. Вони можуть впливати на покращення їх буття, сприяти реалізації їх прав й інтересів та вживати заходів для їх захисту. Особливо дієвою у цих питаннях залишається приватна ініціатива, формами якої є, зокрема, інститути опіки та піклування, а також сімейне влаштування дітей-сиріт та дітей, позбавлених батьківського піклування.

Усвідомлюючи це, держава усіляко сприяє розвитку таких форм. При встановленні опіки та піклування вона наділяє громадян, які заявили про можливість надати допомогу іншим особам, відповідними повноваженнями, тобто делегує їм своєрідний важіль, що сприяє реалізації й захисту прав підопічних їм осіб. Однак такий крок у кожному випадку містить у собі й долю небезпеки, є певною мірою ризиком. Держава сподівається на добросовісне використання тих можливостей, що передбачають ці повноваження. Проте на практиці трапляється, що такі сподівання не виправдовуються, і окремі громадяни використовують надані їм можливості на свою користь та всупереч інтересам підопічних осіб. Таким чином, замість об'єкта захисту підопічні фактично перетворюються на жертву. Сутнісно страждають від цього й інтереси держави, її авторитет, оскільки саме вона «делегує» свої повноваження особам, які ними неправомірно скористалися.

У зв'язку з цим в умовах недостатності засобів забезпечення реалізації прав дітей та інвалідів, що потребують опіки та піклування, погіршення їх становища, особливо важливим стає правове забезпечення та посилення захисту таких осіб від суспільно небезпечних посягань. Протидія указаним посяганням необхідна не лише шляхом передбачення певних механізмів особистого захисту на рівні регу-

лятивного законодавства, а й шляхом встановлення кримінальної відповідальності за такі дії, зокрема за зловживання опікунськими правами.

Актуальність дослідження кримінально-правових проблем боротьби зі зловживаннями опікунськими правами обумовлена низкою факторів, зокрема: високою статистикою сирітства та таких хвороб, внаслідок яких встановлення опіки та піклування стає необхідністю; тенденцією значного поширення інституту опіки та піклування в суспільстві; порівняно високим ступенем суспільної небезпечності майнових зловживань опікунськими правами, що завдають істотної шкоди як матеріальному становищу підопічних осіб, так і їх здоров'ю, існуванню та розвитку; недостатньою розробленістю проблем кримінальної відповідальності за зловживання опікунськими правами; наявністю багатьох невирішених питань при застосуванні норми ст. 167 КК в судовій практиці та ін. Усе це в сукупності зумовлює необхідність проведення самостійних наукових досліджень зазначених проблем.

Слід зазначити, що монографія Д. П. Євтеєвої є першим в Україні ґрунтовним дослідженням у науці кримінального права злочинного зловживання опікунськими правами. У роботі наведено історичний огляд становлення й розвитку законодавства у сфері зловживання опікунськими правами. Висвітлюються основні чинники, що обумовлюють існування та необхідність подальшого збереження кримінальної відповідальності за зловживання опікунськими правами. Проводиться порівняльний аналіз кримінальної відповідальності за зловживання опікунськими правами у зарубіжних державах. Значну увагу приділено дослідженню елементів складу злочину, передбаченого ст. 167 КК: об'єкту, об'єктивній стороні, суб'єктивній стороні та суб'єкту. На підставі дослідження сформульовано пропозиції щодо внесення змін до норми ст. 167 КК з метою її вдосконалення.

Під час підготовки монографії авторкою було опрацьовано значну кількість нормативних актів цивільного, сімейного та адміністративного права у сфері забезпечення прав підопічних осіб. Вирішення розглянутих у роботі проблем має теоретичну та практичну значущість не лише для кримінального, а й для цивільного та сімейного права.

У зв'язку з цим можна вважати, що монографія Д. П. Євтеєвої буде цікавою не лише для правознавців-теоретиків та практичних працівників, а й для широкої громадськості.

**ВІДГУК
ОФІЦІЙНОГО ОПОНЕНТА НА ДИСЕРТАЦІЮ
«КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА ДОКТРИНА США:
ГЕНЕЗИС, ОБҐРУНТУВАННЯ, ПЕРСПЕКТИВИ»***

Кримінальне право США має давні традиції. Сполучені Штати Америки світовою спільнотою небезпідставно вважаються країною розвинutoї демократії, одним із ключових елементів забезпечення якої є кримінально-правовий примус. Американське право пройшло довгий шлях, доки оформилося в його сьогоденному вигляді. На цьому шляху суспільству довелося здолати чимало перешкод та труднощів, у результаті чого був отриманий безцінний досвід, який може бути корисним і за межами території США.

Тема дисертаційного дослідження обрана обґрунтовано та є безперечно корисною для наукової спільноти як у теоретичному, так і прикладному аспектах. *У сучасній науці кримінального права України ще не проводилося розгорнутих досліджень кримінально-правової доктрини США*, та й дослідження масиву американського права лише розпочинається.

У роботі чітко виділені об'єкт і предмет дослідження. Сформульовані мета і задачі вказують на глибину наукового пошуку, його комплексний характер, новаторський підхід здобувача до дослідження проблематики кримінально-правової доктрини та кримінального права США в цілому.

Структура дисертації є логічно обґрунтованою, послідовною і повною мірою відповідає поставленій меті дослідження. Обсяг дисертаційної роботи відповідає встановленим вимогам і складає 371 сторінку основного тексту, що свідчить про ґрунтовність наукового пошуку і забезпечує комплексний розгляд поставлених задач.

У дисертації використана солідна науково-методична база. Система загальнонаукових і спеціальних методів наукового пізнання достатньо репрезентативна і включає діалектичний метод пізнання правових явищ, метод історизму, синергетичний та герменевтичний методи, а також інші методи, зокрема, догматичний, аналітичний, системний, модулю-

* Відгук офіційного опонента на дисертацію Є. Ю. Полянського «Кримінально-правова доктрина США: генезис, обґрунтування, перспективи», подану на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук за спеціальністю 12.00.08 – кримінальне право та криминологія; кримінально-виконавче право // Питання боротьби зі злочинністю: зб. наук. пр. / редкол.: В. І. Борисов та ін. – Х.: Право, 2015. – Вип. 30. – С. 227-236.

вання, що у сукупності забезпечило одержання достовірних наукових результатів, обґрунтованість і переконливість висновків і пропозицій автора. Тут слід зазначити, що відповідно до Вимог щодо оформлення дисертацій та авторефератів дисертацій (Бюлетень ВАК України, № 9-10, 2011 р.) викладення загальної методики проведення дисертаційного дослідження та методів вирішення задач повинні надаватися в окремому розділі дисертації (другому). Дисертант пішов по іншому шляху, він використовує загальнонаукові та спеціальні методи безпосередньо при вирішенні певних наукових задач, описуючи їх зміст, призначення та інструментарії застосування практично в усіх розділах своєї роботи. Обраний шлях є більш вдалим, оскільки дозволяє надати не лише загальне уявлення щодо методики та методів, обраних для дослідження, а й побачити їх у дії, що сутнісно посилює обґрунтованість та достовірність отриманих результатів дослідження.

У процесі дослідження дисертантом був *проаналізований значний обсяг наукових праць* українських та зарубіжних учених із кримінального права, теорії права, конституційного права, присвячених дослідженню американського кримінально-правового простору. Інформаційну та емпіричну основу дослідження становлять матеріали судової практики, статистичні матеріали. Слід зазначити, що використання здобувачем достатньої наукової, нормативної та емпіричної бази сприяло глибокому, всебічному висвітленню досліджуваної проблематики, формулюванню висновків і пропозицій, що мають очевидні ознаки наукової новизни.

Слушним є обґрунтування автором *поняття правової доктрини* як системи ідей, яку в контексті кримінального права США він розглядає крізь призму двох вимірів – статичного та динамічного, пов'язуючи їх з інституціональними елементами кримінально-правової доктрини та її генезою відповідно. Автор ґрунтовно відносить до інституціональних елементів кримінально-правової доктрини США науково-теоретичну та практичну складові, а також фундаментальні інститути американського кримінального права. Цікавим видається процес *генези* кримінально-правової доктрини США крізь призму обраного автором підходу – її історичної та соціокультурної зумовленості (стор. 48, 86 дисертації). Рациональним видається і *визначення автором самого поняття кримінально-правової доктрини, яку він характеризує як «сукупність ідей та принципів, а також правових інститутів, які знаходяться в нерозривному двосторонньому зв'язку з юридичною наукою, законодавством і практикою та визначають основні засади, на яких засновується правова система держави»* (стор. 46 дисертації).

Автор аналізує також *принципи кримінального права США* у взаємозв'язку із конституційними гарантіями, робить акцент на міжгалузевому характері системи американського кримінального права, особливо на його нерозривному зв'язку із кримінально-процесуальним правом. На підставі досліджених співвідношень дисертант *обґрунтовує систему доктринальних універсалій американського права* (стор. 119-120 дисертації).

Слушним видається авторський підхід із *застосування феноменологічних редукцій*. Дисертант обрав єдиний можливий шлях, намагаючись досліджувати феномен кримінально-правової доктрини США, наскільки можливо відсторонившись від системи поглядів на доктрину права, яка існує у вітчизняній юриспруденції (стор. 339 дисертації).

Викликає інтерес також огляд автором *теорії суплементарного ставлення* у вину в кримінальному праві США, відповідно до якої винність у вчиненні злочину визначається на дуалістичних засадах, створюючи систему, що поєднує в собі як суб'єктивні, так і об'єктивні елементи, комбінація яких залежить від характеру та обставин вчинення злочину, положень законодавства, судової практики (стор. 263 дисертації). Автор цілком справедливо стверджує, що принцип ставлення у вину в кримінальному праві США є розмитим і в певних випадках демонструє або суб'єктивні, або об'єктивні пріоритети.

Слушним виглядає використання автором *методу доктринальної інтерпозиції*, який він протиставляє методу правової трансплантації. Слід підтримати думку Є. Ю. Полянського щодо необхідності готування «доктринального підґрунтя» перед внесенням змін до кримінального законодавства, особливо у разі, якщо ці новації є непритаманними для парадигми національного права, що є актуальним з огляду на сучасні реалії законодавчого процесу в нашій країні, прикорм наслідком яких стає втрата законодавством його системності, логічності, стабільності та наступності (стор. 352-353 дисертації).

Простеживши особливості генези кримінально-правової доктрини США, автор робить сміливий крок, намагаючись визначити та окреслити *перспективи її подальшого розвитку*, при цьому ґрунтуючи свою позицію на тенденціях та закономірностях розвитку американського права як у відносно віддаленому минулому, так і в останні десятиліття – в особливості в період з початку 90-х років минулого століття, який ознаменувався зниженням показників злочинності в результаті раціоналізації кримінально-правової політики (стор. 348-350 дисертації).

Дисертант справедливо наголошує на серйозних проблемах функціонування дворівневої системи кримінального права США, в просторі

якої співіснує понад п'ятдесят систем законодавства, що додатково ускладнюється відсутністю внутрісистемної уніфікації та низькою якістю попередньої кодифікації (стор. 79-80 дисертації). Слід погодитися, що за таких умов саме кримінально-правова доктрина відіграє ключову роль у забезпеченні нормального функціонування складових системи американського кримінального права, адже пов'язує їх між собою завдяки прецедентному праву та служить єдиним теоретичним підґрунтям.

Викликає інтерес проведений Є. Ю. Полянським аналіз співвідношення елементів американської кримінально-правової доктрини: правової теорії, наукових досліджень та практики правозастосування. Автор послідовно доводить, що *сама судова практика є основним джерелом доктрини – її центральним елементом* (стор. 334 дисертації). Так зване загальне право є безпосереднім продуктом практики, втім його особливістю є апробація часом. Іншими словами, для формування загального підходу в практичній юриспруденції необхідною умовою є авторитетність джерел, і такими ознаками наділяються або рішення судів вищих інстанцій, або неодноразово цитовані практиками «історичні» рішення (стор. 266 дисертації). При цьому механізм взаємного впливу елементів кримінально-правової доктрини є достатньо складним, що забезпечує її стабільність у часі.

Науковцем достатньо вдало *простежена залежність між розвитком кримінально-правової доктрини США та течіями ретрибутивізму і утилітаризму*, які в американській юриспруденції виступають в ролі концептуальних напрямів, що визначають кримінально-правову парадигму на певних етапах історичного розвитку. Їхнє взаємне протиставлення повністю відповідає діалектиці в контексті «єдності та боротьби протилежностей», здійснюючи неабиякий вплив на формування сучасного концепту американського кримінального права (стор. 163 дисертації).

У цілому можна погодитися з позицією Є.Ю. Полянського про те, що інститут покарання в кримінальному праві США невід'ємно пов'язаний з інститутом призначення покарання, який є його логічним продовженням, та забезпечує перехід від статичного покарання до його динаміки. Відповідь на запитання, як саме мають впроваджуватися у життя положення кримінально-правових санкцій, є однією із пріоритетних задач кримінально-правової доктрини США (стор. 264 дисертації).

Матеріали дисертаційного дослідження всебічно і повно викладені в опублікованих працях дисертанта. Необхідно відзначити, що Є. Ю. Полянський є автором ґрунтовної монографії, у якій викладені основні

положення дисертаційного дослідження. В ній та інших публікаціях достатньо відображений зміст дисертаційної роботи. Автореферат дисертації ідентичний за змістом основним положенням самої дисертації.

У дисертаційному дослідженні надано чимало ідей та позицій автора, що заслуговують на увагу та схвальну оцінку. Водночас *окремі висновки та пропозиції, сформульовані в дисертації, видаються не достатньою мірою обґрунтованими або є дискусійними:*

1. На сторінці 42 свого дослідження дисертант надає судження щодо процесу взаємовпливу правової доктрини на правовідносини і практичне застосування права, та навпаки. Автор зображує цей процес у такий спосіб: «ідея – наукова теорія – законодавча реалізація – ідея», або ж в іншій площині: «ідея – наукова теорія – судові рішення – ідея». На підставі цього він робить висновок: «ми отримуємо замкнуте коло: ідея, виражена в правовій доктрині, безпосередньо впливає як на законодавчий процес, так і на практику правозастосування, в той самий час як і положення (в цілому ж – ідеї), виражені в нормах законодавства, а також зокрема, в судових рішеннях, впливають на правову доктрину». Погоджуючись у цілому із напрямками взаємовпливу, вважаємо необхідним зауважити, що визначені процеси не можуть рухатися по замкнутому колу. Розвиток правової доктрини, як і суспільства, йде за спіраллю¹. На будь-якому витку еволюції суспільство виходить на нові ідеї, а не повертається до першоджерел, якими б важливими вони не були для правової доктрини.

2. Дискусійно вирішено в роботі питання складу злочину як *центрального елемента теорії кримінальної відповідальності за американським правом*. Звертаючись до структури складу злочину, автор зазначає, що вона «є двохелементною та передбачає лише злочинне діяння (*actus reus*) та винне ставлення (*mens rea*)» (стор. 164 дисертації, стор. 15 автореферату). З таким твердженням важко погодитися, оскільки ідея двохелементної структури складу, як зазначає і сам дисертант, не є абсолютною. В роботі неодноразово зазначається, що і законодавство США, а також теорія та практика застосування кримінального закону часто припускають ігнорування елемента *mens rea* або ж заміщення елементом *mens rea* іншого злочинного діяння в певних випадках об'єктивного ставлення у вину (стор. 164 дисертації). За таких застережень судження щодо складу набувають беззаперечного ствердження лише стосовно діяння, визначеного в законі або судовому рішенні. Для посилення своїх

¹ *Примітка:* Ідея розвитку суспільства за спіраллю, зокрема, висловлена у роботі Ф.-Г. Гегеля «К вопросу о диалектике». Він писав: «Пізнання людини не є пряма лінія, але вона є кривою, що нескінченно наближується до низки кіл, до спіралі».

аргументів на користь складу злочину автор доволі часто використовує латинський термін «*corpus delicti*», який має широке застосування в науці права, у тому числі американській. Слід зауважити, що зміст цього терміна не є однозначним. Наприклад, професор Б. С. Нікіфоров у підготовленому ним словнику «Латинская юридическая фразеология» (М.: Юрид. лит., 1979) зазначав, що це: «Основа, ядро, «состав» преступления; факт совершения преступления, наличие уголовно ответственного лица». Тому цей термін, наприклад, можна застосувати і для характеристики сукупності «елементів посягання» або якоїсь її частини, які визначені в статті 1.13 (п. 9) Модельного кримінального кодексу (США) та а) включені в опис забороненої поведінки при визначенні посягання; або б) утворюють потрібну форму винності, с) виключають визнання цієї поведінки вибаченою чи правомірною, d) виключають захист за підстав, установлених законодавством щодо давності; або е) визначають юрисдикцію або місце розгляду справи. За такого підходу до розуміння «елементів посягання» уявляється можливим вести мову лише про «склад діяння», передбаченого законом або судовим рішенням. На підставі «складу діяння» фактично вчинене посягання оцінюється на відповідність ознакам, визначеним у законі або судовому рішенні.

Певним чином наведене міркування підтверджується й припустимістю кримінальної відповідальності юридичних осіб, що має поширення у США. Автор слушно зазначає з приводу цього виду кримінальної відповідальності, що вона «повністю ігнорує *mens rea* (винне ставлення) конкретної поведінки» (стор. 326 дисертації).

Непослідовно вирішується в роботі й питання функціонального призначення «складу злочину». В одних випадках автор наголошує, що «склад злочину є головною та необхідною умовою (підкреслено нами. – В. Б.) настання кримінальної відповідальності» (стор. 164 дисертації), в інших – «*підставою* (підкреслено нами. – В. Б.) кримінальної відповідальності» (стор. 165 дисертації). У першому випадку погляд дисертанта на функціональне призначення складу злочину є правильним. Що стосується «підстави» кримінальної відповідальності, то такою є вчинення самого злочинного діяння, яке повинно містити склад злочину (умова) для вирішення питання кримінальної відповідальності.

3. Наукову цінність для українських дослідників являє *аналіз загальних засад кримінальної відповідальності юридичних осіб*, яка є типовою для права США. Матеріал, наданий автором, зайвий раз підкреслює недоцільність уведення до законодавства України кримінальної відповідальності юридичних осіб. Спроба встановлення такої відповідальності була здійснена в Законі України «Про відповідальність юридичних осіб

за вчинення корупційних правопорушень» від 11 червня 2009 р., який втратив юридичну силу через чотири дні після набрання ним чинності. Замість цього Закону, у травні 2013 р. КК України було доповнено новим розділом XIV¹ «Заходи кримінально-правового характеру щодо юридичних осіб». Є. Ю. Полянський, надаючи правову оцінку нововведенням цього розділу, неодноразово наголошує на впровадженні тим самим в українське право інституту «кримінальної відповідальності юридичних осіб» (стор. 31, 48, 361 дисертації). Слід зауважити, що такий висновок робить не лише дисертант, а й ряд інших науковців України. Дійсно, норми розділу XIV¹ Загальної частини КК передбачають такі доволі суворі заходи, як штраф, конфіскація майна та ліквідація юридичної особи, що наводить на роздуми стосовно їх юридичної природи. Разом із тим вчинення уповноваженою фізичною особою від імені та в інтересах юридичної особи будь-якого зі злочинів, зазначених в ст. 96³ КК, не надає юридичній особі ознак суб'єкта злочину, не робить юридичну особу співучасником злочину, який вчиняє фізична особа. Заходи, визначені в розділі XIV¹ Загальної частини КК, мають кримінально-правовий характер, оскільки можливість їх застосування визначена КК. Вони є похідними відносно кримінальної відповідальності, застосованої до фізичної особи, являють собою різновид додаткових засобів із вирішення завдань, які поставлені перед кримінальною правом України.

4. Досліджуючи доктринальні засади відповідальності за злочини, вчинені у співучасті, Є. Ю. Полянський стверджує на стор. 304 дисертації, що «праву США невідомі такі конструкції, як *ексцес виконавця* та індивідуальна відповідальність співучасників у межах умислу на вчинення злочину». Щодо «ексцесу виконавця», то виникають певні сумніви стосовно достатньої обґрунтованості такого висновку, оскільки в роботі наводяться приклади із судової практики, які засвідчують випадки, подібні ексцесу виконавця, якщо їх аналізувати, спираючись на наше розуміння такої поведінки співучасника. Зокрема, на стор. 290 дисертації автор наводить приклад захоплення групою злочинців судна у відкритому морі, організатором якого був якийсь Росс. Під час захоплення один із співучасників вбив пасажира, який намагався протистояти злочинним діям. Усьому злочинному угрупованню Росса було пред'явлено звинувачення в умисному вбивстві. Але Росс заперечував проти звинувачення у вбивстві під час вчинення злочину. Присяжні виправдали Росса в цій частині звинувачення. Якби таке рішення приймав український правозастосувач, то, вочевидь, він спирався би на положення про ексцес виконавця.

5. Дослідження Є. Ю. Полянським питань теорії винності в американському праві, вочевидь, обумовило пропозицію увести у кримінальне законодавство України *додатковий вид умислу – опосередкований*. Автор його формулює таким чином: «Опосередкований умисел (непрямий умисел до похідних наслідків від вчинення злочину) виявляється у свідомому створенні особою передумов для настання тяжких наслідків, які вона мала передбачати з огляду на характер вчинюваного діяння та небезпечність своєї поведінки для інших осіб». Не заперечуючи в цілому проти необхідності модернізації теорії вини у вітчизняному праві, у тому числі шляхом внесення змін у законодавство, слід однак зазначити, що запропоноване формулювання опосередкованого умислу має певні вади: по-перше, не є вдалою вказівка у дужках на «непрямий умисел», оскільки це позбавляє такий вид умислу самостійності, робить його різновидом непрямого умислу; по-друге, формулювання не відображає вольову ознаку, що є обов'язковим для визначень умисної вини.

Зазначені зауваження не зменшують наукової значущості виконаної роботи, носять у своїй основі дискусійний характер і не впливають на загальну позитивну оцінку дисертаційного дослідження.

Дисертаційне дослідження «Кримінально-правова доктрина США: генезис, обґрунтування, перспективи» виконане на високому науковому рівні, повною мірою відповідає вимогам, що висуваються до дисертацій на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук, передбаченими п. 9, 10 Порядку присудження наукових ступенів і присвоєння вченого звання старшого наукового співробітника, затвердженого постановою Кабінету Міністрів України від 24.07.2013 № 567, а його автор, Полянський Євген Юрійович, заслуговує на присудження наукового ступеня доктора юридичних наук за спеціальністю 12.00.08 – кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право.

ПІДРУЧНИКИ, НАВЧАЛЬНІ ПОСІБНИКИ ТА ТЕКСТИ ЛЕКЦІЙ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ*

І. ОБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

§ 1. Отношения общественной безопасности, как родовой объект преступного нарушения правил при производстве строительных работ

Для выяснения социально-политического содержания преступления и степени его общественной опасности большое значение имеет точное установление родового объекта преступления, который объединяет более-менее широкий круг однородных взаимосвязанных отношений социалистического общества и определяет характер общественной опасности целой группы преступлений, которые против них направлены.

Ст. 219 УК УССР, как и соответствующие статьи УК других союзных республик, помещена законодателем в главе X УК УССР «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»¹. Данная глава объединяет различные по своей антисоциальной направленности преступления, которые можно разделить на три группы. Основным критерием такого деления преступления является различие их родовых объектов, это: а) либо общественная безопасность, б) либо общественный порядок, в) либо народное здоровье. Преступление, предусмотренное ст. 219 УК УССР относится к группе деяний, посягающих на отношения общественной безопасности. Такое утверждение вытекает из анализа содержания отношений общественной безопасности.

* Текст лекций. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1975. – 38 с.

¹ Исключение составляет ст. 191 УК Узбекской ССР, помещенная в главе «Хозяйственные преступления» этого кодекса.

а) Содержание отношений общественной безопасности

Отношения общественной безопасности состоят из трех структурных элементов: 1) общественная безопасность, как объективное явление внешнего мира, способное удовлетворить общественные потребности; 2) субъект отношения – общество в целом, носитель интереса этой потребности; 3) установленная в обществе взаимосвязь для достижения общественной безопасности.

1. Основанием общественной безопасности служит определенного рода деятельность, которая может иметь повышенную опасность для окружающих и которая осуществляется членами общества как в процессе производства, так и при удовлетворении других различных потребностей. «Повышено опасная для окружающих» деятельность представляет собой правомерную человеческую деятельность, однако содержащую в себе повышенную степень вероятности причинения вреда в связи с использованием источников повышенной опасности (это, в первую очередь, различного рода технические системы), либо с использованием материальных предметов, обладающих отдельными свойствами этих источников (например, обваливающаяся в шахтах порода, наличие траншей, котлованов на строительстве, строительные материалы при их погрузке – разгрузке, осуществляемой вручную).

Наличие данного рода деятельности и вызывает у общества потребность в создании безопасного для него состояния, т. е. отношений общественной безопасности, которые обеспечивали бы бесперебойное, беспрепятственное и нормальное функционирование государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций, а также спокойствие граждан.

2. Субъектом отношений, призванных обеспечить общественную безопасность, следует признать общество в целом¹. Общественная безопасность, как социальное явление, вызвана существованием самого человеческого общества, порождена им в процессе очеловечивания сил природы и, следовательно, это явление является выражением потребности всего общества.

3. Как уже отмечалось в литературе, общественная безопасность – это результат взаимодействия людей, направленного на удержание вещей и сил природы в безопасном состоянии². Это взаимодействие или

¹ «В качестве субъектов отношений могут выступать отдельные люди, их группы, коллективы, объединения, классы, государство и его органы, общество в целом». (Е. А. Фролов. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – Вып. 10. – Свердловск. – С. 197).

² См.: М. С. Гринберг. Преступления в области техники. – «Правоведение», 1972. – № 2. – С. 95.

взаимосвязь и является тем действительным общественным отношением, которое установлено для обеспечения состояния общественной безопасности.

Такая взаимосвязь достигается с помощью определенных мер и условий (в большинстве своем правил), определяющих взаимное положение участников общественных отношений при осуществлении повышенной опасной деятельности.

Нарушение установленной взаимосвязи представляет серьезную общественную опасность, так как приводит или может привести к выходу из-под контроля достаточно мощных сил природы, причинить серьезный ущерб интересам общества.

Для обеспечения отношений общественной безопасности от нарушений и определены различные меры воздействия: дисциплинарные, административные, гражданского и уголовно-правового характера. Последние устанавливаются за наиболее тяжкие случаи нарушения отношений общественной безопасности и в большей своей части сосредоточены в гл. X УК УССР Особенной части. Здесь установлена ответственность за нарушения: правил использования транспортных средств (ст. ст. 215, 215¹, 215², 215³, 217, 217⁴, 217² УК УССР, ст. ст. 211, 211¹, 211², 212¹, 213, 213¹ и 213² УК РСФСР); правил обеспечивающих безопасность при производстве ряда общеопасных работ и операций в некоторых отраслях или на отдельных предприятиях, организациях, цехах, участках народного хозяйства (ст. ст. 218, 219, 220 УК УССР, ст. ст. 214, 215, 216 УК РСФСР); порядка обращения с предметами материального мира, которые представляют повышенную опасность для общества (ст. ст. 221, 222, 223, 224 и 225 УК УССР, ст. ст. 217, 218, 218¹, 219 и 220 УК РСФСР).

Для указанных норм основным назначением является охрана общественной безопасности, а нахождение их в данной главе УК отражает единую природу формирования этих норм, цель которых наиболее эффективно осуществлять борьбу с преступлениями, посягающими на общественную безопасность в определенных сферах повышенной опасной деятельности. Таким образом, родовый объект этой группы преступлений представляет собой совокупность охраняемых уголовным правом общественных отношений, выражающих заинтересованность социалистического общества в поддержании безопасного для него состояния в сферах использования транспортных средств, работ на общеопасных производствах, либо порядка обращения с общеопасными предметами материального мира.

б) Механизм причинения ущерба отношениям общественной безопасности

Ущерб данным отношениям причиняется в результате непосредственного воздействия (т. е. нарушения) на «взаимосвязь» (элемент общественной безопасности), установленную в обществе с помощью конкретных мер и условий, почему источники повышенной опасности либо иные предметы, обладающие отдельными свойствами этих источников, приводятся в состояние опасное для общества (например, становится опасным факт неограждения проемов в междуэтажном перекрытии, строящегося здания). Заложенные в источниках (предметах) силы (физические, механические, химические и т. д.) в этих случаях выходят из-под контроля, что приводит к резкому возрастанию степени вероятности причинения серьезного вреда жизни или здоровью людей, уничтожению или повреждению имущества. Эти положения и определяют, что родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР является общественная безопасность в описанном ее качестве.

§ 2. Непосредственный объект преступного нарушения правил при производстве строительных работ

а) Основной непосредственный объект

Следует сказать, что непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР исследован еще недостаточно.

Так, утверждают, что таким объектом является «общественная безопасность»¹ отождествляя тем самым его с родовым объектом, что не может быть признано в данном случае правильным. Непосредственный объект, являясь составной частью родового объекта, не может полностью совпадать с ним, как не может совпадать часть с целым.

Ряд авторов определяет непосредственный объект этого преступления, как «установленный соответствующими правилами порядок безопасного ведения строительных (мелиоративных) работ, обеспечивающий охрану жизни и здоровья людей»². Данное определение нельзя признать удовлетворительным, так как здесь непосредственный объект не связывается с родовым объектом данного преступления, а именно отношениями общественной безопасности.

Предпочтительными являются те определения, где показаны специфика конкретных общественных отношений для защиты которых установлена уголовно-правовая норма, а также отражены общественные отношения соответствующие родовому объекту преступления. Так,

¹ См.: Н. Кузнецова. Ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – «Советская юстиция», 1963. – № 9. – С. 18.

² А. Н. Игнатов. Раздел четвертый Курса советского уголовного права. – Т. VI. – М.: Изд. «Наука», 1971. – С. 397.

например, П. Ф. Гришанин пишет, что «объектом этого преступления есть общественная безопасность при производстве строительных работ»¹. Действительно, деятельность, осуществляемую в процессе производства строительных работ, законодатель относит к повышенной опасной для окружающих (см., например, ст. 450 Гражданского кодекса УССР). Осуществление ее вызывает потребность в создании в сфере производства строительных работ безопасного для общества состояния. Это состояние достигается установлением определенного технического режима (системы мер и условий) производства строительных работ путем издания различных строительных, противопожарных, санитарных правил, правил техники безопасности и эксплуатации строительных механизмов. За нарушение этого режима установлена дисциплинарная, административная, имущественная и уголовная ответственность.

Таким образом, если родовым объектом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 219 УК УССР, является общественная безопасность, то непосредственным объектом рассматриваемого преступления является общественная безопасность в сфере производства строительных работ, т. е. общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование строительного производства, а также спокойствие, как работающих на строительстве, так и посторонних ему лиц.

Вместе с тем будет явно недостаточным говорить лишь только об общественной безопасности в сфере производства строительных работ как единственных отношениях, которым причиняется ущерб при совершении деяний, предусмотренных ст. 219 УК УССР. Общественные отношения неразрывно взаимосвязаны, обуславливают друг друга, поэтому нарушение правил при производстве строительных работ может причинить ущерб, наряду с общественной безопасностью и другим отношениям социалистического общества: жизни или здоровью граждан, социалистической собственности, личному имуществу, условиям труда. В подобных случаях принято говорить о наличии нескольких непосредственных объектов, которые далеко не равнозначны, на что неоднократно указывали советские криминалисты, в частности, В. Н. Кудрявцев², Б. С. Никифоров³ и др. Решающее значение принадлежит **основному непосредственному объекту** преступления, под которым

¹ Советское уголовное право. Часть Особенная. — М., 1965. — С. 415.

² В. Н. Кудрявцев. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. Труды ВЮИ. — Вып. 13. — М., 1951. — С. 64-65.

³ Б. С. Никифоров. Новый Уголовный кодекс РСФСР — важный этап в дальнейшем развитии советского уголовного законодательства. «Новое уголовное законодательство РСФСР». — М.: Госюриздат, 1961. — С. 78.

следует понимать такие общественные отношения, те интересы, которые законодатель, создавая определенную норму, стремится поставить под охрану уголовного закона в данном случае. Этими отношениями в рассматриваемом случае является общественная безопасность в сфере производства строительных работ. Охрана этих отношений занимает ведущее, определяющее место. Степень их значимости по сравнению с другими отношениями, обусловлена тем, что возникнув в связи с осуществлением повышено опасной для окружающих деятельности, они обеспечивают интересы всего общества. Данные отношения предотвращают вредоносное воздействие источников повышенной опасности и иных предметов, обладающих отдельными их свойствами, как на само строительное производство, так и на всю окружающую строительное производство сферу. Установление этих отношений, как основного непосредственного объекта, дает возможность правильно решить вопрос о содержании и характере общественной опасности преступления и о цели самой ст. 219 УК УССР. От правильного определения основного непосредственного объекта, зависит также понимание объективных и субъективных признаков, формирование которых определяется во многом содержанием основных, охраняемых нормой уголовного права, общественных отношений.

б) Дополнительные непосредственные объекты

Помимо причинения ущерба основному непосредственному объекту, при совершении преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР, ущерб причиняется также **дополнительным непосредственным объектам**, т. е. таким общественным отношениям, которые, заслуживая самостоятельной уголовно-правовой охраны, защищаются также данным уголовным законом, потому что сопутствуют или могут сопутствовать основному непосредственному объекту.

Среди непосредственных дополнительных объектов, которым причиняется вред в связи с совершением деяний, предусмотренных ст. 219 УК УССР можно выделить: дополнительно-обязательные и дополнительно-факультативный непосредственные объекты.

К дополнительно-обязательным непосредственным объектам относятся:

- 1) отношения установленные по поводу охраны жизни и здоровья людей;
- 2) отношения социалистической собственности;
- 3) отношения личной собственности. Именно ущерб, причиняемый этим отношениям показывает, что деяние достигло высокой степени общественной опасности и требует применения мер уголовной репрессии.

Однако, для применения ст. 219 УК УССР вовсе не обязательно, чтобы ущерб был причинен всем названным выше дополнительно-обязательным непосредственным объектам. Достаточно причинения ущерба хотя бы одному из них.

Например, при прокладке водопровода через проезжую грунтовую дорогу, не были даны указания по ограждению траншеи. При данном нарушении возможная опасность наступления вреда (наличие глубокой траншеи при производстве строительных работ) была трансформирована в действительную опасность. Состоянию общественной безопасности уже этим был причинен ущерб. Развитие событий привело к тому, что ехавшие по дороге ночью, три велосипедиста упали в неогражденную траншею. Один из них получил смертельную травму, второй – тяжкие телесные повреждения, третий – легкие телесные повреждения¹.

В результате причинения ущерба отношениям социалистической собственности могут быть уничтожены и повреждены существенным образом материальные ценности, это: имущество и инвентарь строительных организаций, всевозможные строительные механизмы, полуфабрикаты, строительные заготовки и строительные конструкции, а также здания и сооружения, как строящиеся, так и сданные в эксплуатацию и другие предметы, обладающие экономической ценностью.

Дополнительно-обязательным объектом для преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР могут выступать отношения личной собственности. Например, в результате нарушения правил при производстве строительных работ могут быть уничтожены либо значительно повреждены жилые дома, надворные постройки, мебель, личный инвентарь граждан и другие предметы.

В качестве дополнительно-факультативного непосредственного объекта для данного преступления выступают отношения, установленные по поводу охраны условий труда участников строительного производства.

Для охраны безопасности условий труда рабочих, законодателем установлена общая норма – ст. 135 УК УССР (ст. 140 УК РСФСР). Однако для горных и строительных производств, производств на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, – законодатель вопрос об охране безопасности условий труда решает одновременно с решением вопроса об охране общественной безопасности в сфере этих производств. Здесь не требуется уголовно-правовой квалификации по совокупности, то есть по специальной (ст. ст. 218-220 УК УССР,

¹ См.: Архив народного суда г. Лисичанска Ворошиловградской области за 1966 г., дело № 1-41.

ст. ст. 214-216 УК РСФСР) и общей норме (ст. 135 УК УССР, ст. 140 УК РСФСР) за деяния, совершенные на этих производствах и причиняющих одновременно ущерб как отношениям общественной безопасности, так и условиям труда. Достаточно квалифицировать такие деяния лишь по специальной норме.

Ущерб условиям труда, как дополнительно-факультативному непосредственному объекту при совершении деяний, подпадающих под признаки ст. 219 УК УССР причиняется не во всех случаях совершения таких деяний, а лишь в связи с нарушением определенных мер и условий, предусмотренных в специальных правилах техники безопасности и санитарных правилах.

Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения Н. Яблокова и Ю. С. Тихонова, уравнивающих этот объект с отношениями общественной безопасности в сфере производства строительных работ. Н. П. Яблоков, в частности, указывает, что для преступлений, предусмотренных в ст. ст. 214-217 УК РСФСР (ст. ст. 218-221 УК УССР), основным непосредственным объектом является общественная безопасность; вторым непосредственным – безопасные условия труда¹. Развивая это положение Ю. С. Тихонов пишет, что для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 215 УК РСФСР (ст. 219 УК УССР) «достаточно хотя бы одного из этих объектов»². Однако, если будет иметь место посягательство лишь на безопасные условия труда, даже при производстве строительных работ, то здесь ст. 219 УК УССР не применима, и при наличии всех прочих условий, ответственность может наступить только по ст. 135 УК УССР (ст. 140 УК РСФСР).

II. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются причинением определенного вреда объекту. Являясь внешним выражением процесса преступного посягательства, объективная сторона преступления протекает в определенных условиях, месте и времени, в результате

¹ См.: Н. Яблоков. Квалификация преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности. – «Советская юстиция», 1968. – № 3. – С. 4.

² Ю. С. Тихонов. Расследование и предупреждение преступных нарушений правил при производстве строительных работ. Автореф. канд. дисс. – Саратов, 1970. – С. 5.

чего причиняется ущерб охраняемым уголовным законом социалистическим общественным отношениям.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР, представляет собой совокупность признаков, которыми характеризуется нарушение правил при производстве строительных работ с внешней стороны. Точное установление признаков, характеризующих объективную сторону имеет решающее значение для применения этой уголовно-правовой нормы, установления круга ответственных лиц, квалификации допущенных преступных нарушений, устранения ошибок, допускаемых судебно-следственной практикой, а также для проведения профилактических мероприятий по устранению выявленных причин и условий, создающих возможность для совершения этого преступления.

К обязательным признакам объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР относятся: 1) общественно-опасные деяния, представляющие собой нарушение участником строительного производства путем действия или бездействия правил при производстве строительных работ; 2) общественно опасные последствия в виде: а) причинения вреда здоровью людей, б) возможности причинения человеческих жертв или иных тяжких последствий¹, в) наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий; 3) причинная связь между деянием и указанными в законе последствиями.

§ 1. Нарушение правил при производстве строительных работ (преступное действие, бездействие)

1. Преступное деяние описано в ст. 219 УК УССР следующим образом: «Нарушение при производстве строительных работ строительных, санитарных и противопожарных правил, а также нарушении правил эксплуатации строительных механизмов». Указанием на «нарушение» здесь определена лишь общая форма общественно опасного деяния, содержание которого конкретизируется признаками «производство строительных работ» и «правил при производстве строительных работ», без установления которых данное нарушение не может быть квалифицировано по ст. 219 УК УССР. Судебная практика показывает, что наибольшую трудность представляет выяснение содержания именно

¹ Ответственность за нарушения правил при производстве строительных работ, которые «заведомо» могли повлечь указанные в законе последствия, предусмотрена помимо УК УССР также и в УК Молдавской ССР (ст. 233) и УК Эстонской ССР (ст. 206). В УК Литовской ССР (ст. 229) говорится просто о возможности наступления последствий без заведомого отношения к ним. В отличие от УК этих союзных республик, в УК РСФСР (ст. 215) и в УК остальных союзных республик предусмотрена уголовная ответственность лишь при наличии наступления реальных последствий.

этих конкретизирующих признаков, неправильное понимание которых, подчас приводит к ошибкам при квалификации преступления.

а) Понятие производства строительных работ

Нарушение, как форма преступного деяния рассматриваемого состава возможно лишь в связи с осуществлением производства строительных работ.

Строительное производство предусматривает получение доброкачественной строительной продукции, которая включает как готовые здания и сооружения, так и отдельные их конструктивные элементы¹. В процессе использования строительной продукции возникает необходимость ее реконструкции, ремонта, а в ряде случаев разборки и передвижки. В ходе осуществления этих процессов достигается различной степени конструктивное воздействие на строительную продукцию.

Строительные организации, осуществляющие строительство не относятся к промышленным предприятиям², однако строительному производству присущи все черты государственного социалистического предприятия: сочетание централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, выполнение работ на основе хозяйственного расчета в соответствии с народнохозяйственным планом, соблюдение во всей своей деятельности социалистической законности и государственной дисциплины, управление на основе единоначалия и т. д. Вместе с тем, из всего процесса функционирования строительного производства понятие «производство строительных работ», о котором говорится в ст. 219 УК УССР, охватывает не все строительное производство в целом, а более узкую его сферу, именно лишь деятельность связанную с осуществлением строительных работ. Отсюда следует вывод: **«производство строительных работ»**, о котором сказано в ст. 219 УК УССР – это **такого рода повышено опасная для окружающих деятельность, осуществляемая на строительстве, которая связана с технологическими процессами по получению строительной продукции либо по ее видоизменению (реконструкции, ремонту, а также разборке и передвижке).**

К строительным работам относятся – работы целевого назначения: общестроительные (например, земляные, каменные, отделочные, монтаж строительных конструкций) и специальные (например, монтаж систем водоснабжения, канализации, технологического оборудования),

¹ См.: С. Ф. Прохоркин. Основы строительного производства. – Лениздат, 1972. – С. 11.

² См.: В. В. Сташис. Уголовно-правовая охрана социалистического хозяйства. Харьков. Изд. издательского объединения «Вища школа» при Харьковском гос. университете, 1973. – С. 8.

а также работы вспомогательного назначения (погрузочно-разгрузочные, заготовительные, транспортные).

На практике часто вызывает трудности отнесение к строительным различного рода вспомогательных работ. Вспомогательные строительные работы являются неотъемлемой частью организации и технологии общестроительных и специальных работ. Вместе с тем такого рода работы осуществляются не только в строительстве, но и в других отраслях народного хозяйства, где по способу осуществления они почти ничем не отличаются от вспомогательных работ на строительстве.

Погрузочно-разгрузочные работы, если они осуществляются в тех же условиях, что и строительные работы целевого назначения, т. е. в месте расположения строительного производства, следует относить к производству строительных работ. Нарушение этих работ вне строительства (например, на строительных промышленных предприятиях, централизованных базах, в карьерах, железнодорожных грузовых дворах, на предприятиях других отраслей народного хозяйства не охватывается признаками ст. 219 УК УССР. Именно это обстоятельство, видимо, привело Судебную, коллегия по уголовным делам Ворошиловградского областного суда к необходимости изменения квалификации преступления, совершенного крановщиком козлового крана А., который при работе на лесном складе треста «Коммунарскуголь», допустил нарушение правил эксплуатации крана, в результате чего был смертельно травмирован рабочий склада К. Коллегия указала, что ст. 219 УК УССР, по которой был осужден А., предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. Виновный же разгружал материалы из вагона и укладывал их в штабеля, а не выполнял строительные работы, поэтому его действия следует квалифицировать по ст. 98 УК УССР (ст. 106 УК РСФСР), как убийство по неосторожности¹. Таким же образом решается вопрос и о квалификации нарушения правил **заготовительных** работ, которые, как правило, осуществляются на специализированных промышленных предприятиях.

Что касается **механизированных транспортных работ**, то под понятие «производство строительных работ», подпадают работы, которые, во-первых, являются неотъемлемой составной частью строительной операции (например, монтаж блоков с помощью кранов), либо представляют собой отдельную строительную операцию, но в пределах строительного производства (например, перемещение материалов

¹ Архив народного суда г. Коммунарска Ворошиловградской области за 1966 г., дело № 1-144.

с помощью кранов из одного места хранения на другое); во-вторых, эти работы производятся такими механизмами, которые находятся стационарно на определенном месте в целях перемещения материалов (например, башенный кран, подъемник, транспортер), либо ходовая часть которых в момент перемещения груза специально закрепляется (например, автомобильные и гусеничные краны). Нарушение же правил перевозки материалов и изделий надвигающихся строительных механизмах (тракторах, скреперах и т. п.), причиняет ущерб иной сфере – сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» ответственность за нарушение на самоходных строительных машинах правил безопасности движения и эксплуатации наступает независимо от места, где было допущено такое нарушение по ст. ст. 211, 211¹, 212², 212¹ УК РСФСР (ст. ст. 215, 215¹, 215², 215³ УК УССР)¹.

б) Понятие правил при производстве строительных работ

Само нарушение, как форма преступного деяния, предусмотренного ст. 219 УК УССР выражается в несоблюдении правил при производстве строительных работ, а именно: **строительных, санитарных и противопожарных, а также правил эксплуатации строительных механизмов.** Как видим, характер этих правил описан самым общим образом. Из диспозиции статьи следует, что правила эти должны соответствовать строительному производству и что они не однотипны, а по своему целевому назначению различны (строительные, санитарные, противопожарные и др.) Следовательно, диспозиция ст. 219 УК УССР является бланкетной и отсылает для выяснения самого содержания нарушения к другим нормативным актам.

В свою очередь, виды названных в ст. 219 УК УССР правил в их конкретном проявлении весьма разнообразны и имеют множество подвидов. Так, под нарушение строительных правил подпадают случаи несоблюдения, например, специальных правил техники безопасности на строительстве, правил ремонтных работ и работ по разработке и передвижке зданий и сооружений, правил погрузочно-разгрузочных и транспортных работ, регулирующих вспомогательные процессы.

в) Содержание нарушения правил при производстве строительных работ

Под «**нарушением**» правил при производстве строительных работ следует понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение определенной

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – М.: «Известия», 1974. – С. 549-550.

производственной деятельности, предусмотренной правилами, либо выполнение в ходе производственной деятельности действий, запрещенных правилами. Таким образом, нарушение правил может быть осуществлено как путем противоправного действия, так и – противоправного бездействия.

Преступное действие (активное поведение) совершается либо путем ненадлежащего выполнения работником производственной деятельности, предусмотренной правилами, либо выполнением в процессе производства действий вообще запрещенных правилами. Так, например, автокрановщик К., несмотря на категорические запрещения правил, установил автокран и держал его стрелу в рабочем положении под электролинией. Во время работы, при соприкосновении стрелы с линией электропередачи был поражен током грузчик Т¹.

Преступное бездействие (пассивное поведение) может заключаться либо вообще в неисполнении работником производственной деятельности, предусмотренной правилами, либо в неисполнении части требуемой правилами действий. Так, начальник участка А., при строительстве здания в г. Харькове зная, что необходимо закрывать сквозные проемы в междуэтажных перекрытиях здания, не отдал соответствующего распоряжения, чем поставил работающих на объекте в опасные для жизни условия, что привело к несчастному случаю ².

При бездействии, в отличие от действия, лицо не предпринимает никаких внешне выраженных поступков (жестов, произнесения слов, отдачи письменных или устных приказов, распоряжений, указаний), которые в данной обстановке представляли бы общественную опасность. Напротив, конкретная производственная обстановка такова, что она требует определенного вмешательства участника строительного производства, который этого не делает. Лицо не совершает тех действий, которые необходимы в интересах осуществления строительного производства и поэтому предписываются техническими нормами. Для данной обстановки такое бездействие лица общественно опасно.

Анализ практики показывает, что нарушение правил чаще всего выглядит не как единичный акт действия или бездействия, а представляет собой совокупность таких актов, целую систему их, где нарушаются не одно, а различные правила, а в поведении виновного сочетается и преступное действие и преступное бездействие.

2) Виды нарушений правил производства строительных работ

¹ См.: Архив народного суда Дзержинского р-на г. Харькова за 1967 г., дело № 1–203.

² См.: Архив народного суда Коминтерновского р-на г. Харькова за 1967 г., дело № 1–325.

Виды нарушений определяются особенностями соответствующих правил.

1. Нарушение строительных правил

Вопрос о назначении и правовом содержании этих правил не нашел должного отражения ни в законодательстве, ни в теории.

В нормах, регулирующих строительство, даются определения строительных норм и правил в техническом смысле. Однако, эти определения не могут соответствовать тому понятию «строительных правил», о котором речь идет в ст. 219 УК УССР. Техническое определение «строительных правил» охватывает все строительство, как отрасль народного хозяйства, включая в себя и подготовку к строительству, проектирование, производство, сметные нормы, нормы времени и расценки для производства продукции, технические условия, нормы расходов материалов и многое другое. В ст. же 219 УК УССР имеется в виду лишь один род деятельности, связанной со строительством, – это строительные работы, осуществляемые на строительном производстве. Подобное расхождение, а также отсутствие законодательного определения понятия «строительные правила» применительно к ст. 219 УК УССР привело к различным взглядам на понятие и объем этих правил в уголовно-правовой теории¹.

В наибольшей мере дискуссионным при определении объема понятия «строительных правил», является вопрос о включении в него правил техники безопасности. Многие прямо указывают, что «строительные правила», это и есть правила техники безопасности².

При таком решении, как справедливо пишет Ю. С. Тихонов, «искусственно, без всяких оснований ограничивают сферу применения (строительных правил – В. Б.), сужая круг возможных субъектов этого преступления и игнорируя тот факт, что объектом ст. 215 УК РСФСР (ст. 219 УК УССР – В. Б.) является общественная безопасность»³.

Есть и другое мнение, согласно которому в понятие «строительные правила» включаются как строительные правила, регулирующие технологические процессы производства строительных работ, так и прави-

¹ См.: Ю. С. Тихонов. Некоторые вопросы объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 215 УК РСФСР. Учен. зап. Саратовского юрид. ин-та. – Вып. XIX. – Ч. 2. – Саратов, 1970. – С. 191; В. Кузнецов. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР. – «Советская юстиция», 1971. – № 3. – С. 26.

² См.: И. И. Слуцкий. Ответственность за нарушение правил техники безопасности. – Изд. ЛГУ, 1953. – С. 39. З. А. Вышинская. Преступления в области трудовых отношений. – М.: Госюриздат, 1949. – С. 100; Н. Ф. Кузнецова, Б. А. Куринов. Гл. XI учебника Советское уголовное право. Особенная часть. Изд. МГУ, 1971. – С. 394.

³ См.: Ю. С. Тихонов, Ук. статья. – С.191.

ла техники безопасности¹. Это мнение в наибольшей степени соответствует содержанию ст. 219 УК УССР, предусматривающей ответственность за преступное нарушение правил при производстве строительных работ. В самом широком смысле слова и правила техники безопасности и правила регулирующие технологию производственных процессов (действительно строительные), как впрочем и ряд противопожарных и санитарных – подпадают под понятие «строительные правила». Однако если рассматривать понятие «строительных правил» в узком смысле слова, то они по своему целевому назначению отличаются от правил техники безопасности. Если первые представляют собой производственные правила, то вторые относятся к правилам профилактическим. С учетом этого, определение строительных правил, подпадающих под действие ст. 219 УК УССР, можно изложить следующим образом: **«Строительные правила, предусмотренные ст. 219 УК УССР и аналогичными статьями УК других союзных республик, представляют собой правила, которые регулируют технологию производственных процессов, направленных на непосредственное получение либо видоизменение (реконструкцию, ремонт, разборку, передвижку) строительной продукции. Соблюдение этих правил в ходе осуществления данных производственных процессов, обеспечивает также поддержание состояния общественной безопасности в сфере производства строительных работ».**

Основным актом, где помещаются строительные правила являются СНиП, их отдельные части и главы². Ошибочным является утверждение В. Кузнецова, что из I, II, III и IV частей СНиП, часть III не содержит «строительных правил» применительно к ст. 215 УК РСФСР (ст. 219 УК УССР), а содержит «правила техники безопасности»³. Именно в этой

¹ См., например: Ю. С. Тихонов. Расследование и предупреждение преступных нарушений правил при производстве строительных работ. Автореф. канд. дисс. – Саратов, 1970. – С. 6; В. Н. Иванов. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан. – М., Изд. «Юридическая литература», 1967. – С. 18; Н. Яблоков. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда и техники безопасности, «Советская юстиция», 1972. – № 8. – С. 8; П. С. Матышевский. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., Изд. «Юридическая литература», 1964. – С. 37-38.

² «Строительные нормы и правила», утверждены Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам строительства для обязательного применения с 1 января 1955 г. всеми министерствами, ведомствами и Советами Министров союзных республик.

³ См. В. Кузнецов. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР, «Советская юстиция», 1971. – № 3. – С. 27.

части III, называемой «Организация и технология строительного производства», содержатся все основные производственные строительные правила. Правила же техники безопасности содержатся только в гл. 11 этой части. В свою очередь можно сказать, что часть IV СНиПа не содержит «строительные правила» применительно к ст. 215 УК РСФСР (ст. 219 УК УССР), так как она состоит из сметных норм на конструкции и виды работ.

Анализ судебной практики показывает, что среди преступных нарушений на строительстве, ответственность за которые определяется ст. 219 УК УССР, имеются нарушения «строительных правил», регулирующих технологию производственных процессов. Из этих нарушений, наиболее характерными являются: выполнение строительных работ (монтажных, электромонтажных, земляных) с отступлением от проекта; выполнение отдельных строительных операций без проекта организации работ; использование строительных материалов, конструкций, не предусмотренных проектом; невыполнение всех операций, предусмотренных проектом; отсутствие технических расчетов при замене одних строительных конструкций другими; нарушение требуемой технологической последовательности при ведении монтажных работ.

Например, прораб Б., в нарушение проекта, без предварительного расчета, произвел замену железобетонных подушек под опорами ферм на металлические листы, вызвавшее недопустимое перенапряжение кирпичной кладки в местах опирания ферм, кроме этого он допустил монтаж закладных деталей опорных частей плит перекрытия без сварки с закладными деталями верхнего пояса ферм, а также укладку опорных плит покрытия меньшей длины, чем положено, чем нарушил СНиП III–В. 3–61, п. п. 5; 7.4; 7.5, что и повлекло за собой угрозу разрушения здания¹.

2. Нарушение правил техники безопасности при производстве строительных работ

Вопрос о содержании правил техники безопасности, ответственность за нарушение которых предусмотрена уголовным законом довольно подробно исследован. «Техника безопасности – это система технических мероприятий, обеспечивающих безопасность труда и предохраняющих от повреждений (травм) и вредных воздействий производственных процессов»². Правила, регулирующие эту систему технических мероприятий

¹ См.: Архив народного суда Киевского района г. Донецка за 1967 г.

² М. С. Брайнин, Э. Д. Курляндский, Н. П. Косоплечев. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности. – М., Госюриздат, 1958. – С. 5.

содержат требования об обеспечении наиболее безопасной организации производства и о порядке личного безопасного поведения людей в производственном процессе. Среди этих правил различают общие (организационные) и специальные (технические)¹ или одновременно организационно-технические². Специальные правила – регулируют вопросы охраны труда в пределах одной отрасли, с учетом ее специфики и особенностей, в процессе непосредственного технического осуществления производственных процессов. К общим (организационным) – относятся правила, регулирующие вопросы охраны труда, безотносительно для отрасли народного хозяйства. К общим относятся также правила, которые содержатся в нормах, относящихся к определенной отрасли производства, но по своему характеру и содержанию тождественны всем общим правилам. Их называют организационно-техническими. Кроме того имеются так называемые «правила сквозного характера»³, которые регулируют безопасность производства таких конкретных работ, которые могут применяться в нескольких отраслях народного хозяйства. Например, правила техники безопасности и производственной санитарии при электросварочных работах.

Из этих правил под действие ст. 219 УК УССР подпадают нарушения, так называемых **специальных (технических) правил**, что признается большинством авторов, подразделяющих правила техники безопасности на общие и специальные, а также «**правила сквозного характера**», которые в процессе строительного производства приобретают специальный характер, т. е. непосредственно обеспечивают безопасность того или иного производственного процесса, применяемого в строительстве.

Следует заметить, что в литературе существует мнение, что правила техники безопасности не должны включаться в понятие «строительные правила» и их нарушение не подпадает под квалификацию ст. 219 УК УССР⁴. С этим мнением нельзя согласиться.

¹ См. о разграничении правил на общие и специальные: И. И. Слуцкий. Ответственность за нарушение правил техники безопасности. Изд. ЛГУ, 1953. – С. 30; М. И. Бажанов. Преступления против политических и трудовых прав граждан. Конспект лекций. – Харьков, 1965. – С. 20; Н. Яблоков. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда и техники безопасности, «Советская юстиция», 1972. – № 8. – С. 8.

² См.: Н. П. Яблоков. К вопросу об экспертизе по технике безопасности. В сб. «Экспертиза при расследовании преступлений». – Вып. 7. – Вильнюс, 1969. – С. 59.

³ Н. П. Яблоков. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда и техники безопасности. – С. 8.

⁴ См. В. Кузнецов. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР, «Советская юстиция», 1971. – № 3. – С. 27; С. Келина. Разграничение ответственности по ст. 140 и статьям 214-216 УК РСФСР, «Советская юстиция», 1968. – № 5. – С. 18.

Ответственность за нарушение специальных правил по технике безопасности подпадает под признаки ст. 219 УК УССР потому, что во-первых, строительное производство по условиям своего осуществления занимает особое место, где нарушение соответствующих правил причиняет, в первую очередь, вред отношениям в сфере общественной безопасности, что отражается включением ст. 219 УК УССР в гл. X УК УССР. Во-вторых, специальные правила техники безопасности, в отличие от общих, столь непосредственно связаны с безопасностью осуществления конкретных производственных операций, что нарушение их, воплощая в себя всю специфику, сложность и опасность строительных процессов, приобретает характер нарушения, выходящего за рамки посягательства только на условия труда и ставит под угрозу также общественную безопасность. В-третьих, нарушение правил безопасности при производстве строительных работ, как показывает практика, зачастую причиняет вред не только участникам производства, но и посторонним лицам, а в ряде случаев также сопровождается повреждением и уничтожением социалистического имущества.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышением роли судов в предупреждении этих правонарушений» от 30 мая 1967 г. сказано, «что ответственность за нарушение правил безопасности горных, строительных работ или работ во взрывоопасных предприятиях (цехах) предусмотрена специальными нормами (ст. ст. 214-216 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик)¹ и что «ст. 140 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик подлежат применению в тех случаях, когда при производстве горных, строительных работ или работ во взрывоопасных предприятиях (цехах) должностными лицами, кроме правил производства этих работ, нарушены и общие правила охраны труда»². Таким образом, нарушение специальных правил техники безопасности рекомендовано относить к преступлениям, указанным в ст. ст. 214-216 УК РСФСР, в том числе и к ст. 219 УК УССР.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что нарушение специальных правил техники безопасности при производстве строительных работ подпадает под признаки ст. 219 УК УССР.

Особое место, которое занимают правила техники безопасности, их целевое назначение в процессе осуществления строительных операций,

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924 – 1973 гг.). – М.: «Известия», 1974. – С. 575.

² Там же, стр. 575.

устранение здесь различных мнений, наконец, необходимость правильного применения уголовного закона, требуют, чтобы в ст. 219 УК УССР, наряду с указанием на нарушение «строительных правил», было включено и указание на нарушение при производстве строительных работ специальных правил техники безопасности.

К наиболее характерным нарушениям специальных правил техники безопасности при производстве строительных работ относятся: отсутствие контроля со стороны ответственного лица за безопасными приемами в период ведения работ, необеспечение работ надлежащими безопасными методами и приспособлениями (приемные площадки, предохранительные щиты и т. п.); отсутствие распоряжений об устройстве ограждений и допуск рабочих к работе в местах, где таких ограждений нет; отсутствие контроля за закреплением предохранительных поясов при ведении особо опасных монтажных работ; допуск к особо опасным работам без предварительного обследования, составления актов об обследовании и выдачи специальных нарядов-заказов на ведение работ в этих случаях; отсутствие предупредительных знаков и постов возле опасных зон; нарушение порядка временного закрепления монтируемых конструкций; устройство рабочих лесов с отступлениями от правил техники безопасности и разрешение работать на этих лесах; отдача указания на производство работ в действующих предприятиях, либо возле действующих линий коммуникаций без предварительного согласования с другими организациями режима работ; сброс строительных материалов и мусора с высоты – и многие другие.

3. Нарушение санитарных правил

Санитарные правила относятся к специальным профилактическим правилам при производстве строительных работ. **Санитарные правила являются обязательными правилами на строительстве, которые регулируют и охватывают санитарную безопасность работников в процессе осуществления ими строительных работ, а также посторонних лиц. Соблюдение этих правил обеспечивает также поддержание состояния общественной безопасности в сфере производства строительных работ.**

Санитарная безопасность на строительстве достигается с помощью: 1. Обеспечения гигиены труда и производственной санитарии при ведении строительных работ; 2. Мероприятий, связанных с санитарно-бытовым обслуживанием рабочих-строителей. Первые – непосредственно связаны с производственными процессами и воплощают в себе всю специфику и особенности строительных работ. Нарушения правил, обеспечивающих эти мероприятия, причиняют ущерб отношениям об-

щественной безопасности и подпадают под действие ст. 219 УК УССР. Вторые – связаны с решением общих вопросов санитарного обслуживания рабочих, носят предупредительный характер и не обладают специфическими особенностями, присущими строительному производству. Нарушения, относящиеся к этой группе, также как и нарушение общих санитарных правил на строительстве, подпадают под действие ст. 135 УК УССР (ст. 140 УК РСФСР).

К нарушениям санитарных правил, охватываемых ст. 219 УК УССР относятся: отдача распоряжения о выполнении работ на открытом воздухе при очень сильной жаре, либо при больших морозах, если работы при таких температурах воздуха запрещены; допуск к работе в помещениях с повышенной концентрацией вредной пыли, различных химических веществ, при необеспечении рабочих индивидуальными средствами защиты. Нарушения, повлекшие распространение вредных газов, токсических или радиоактивных веществ. как в зоне строительства, так и за ее пределами и другие.

4. Нарушение противопожарных правил

Эти правила представляют собой **систему обязательных норм, направленных на охрану от пожаров строящихся объектов, объектов находящихся в зоне строительства и возле нее. Соблюдение этих правил в ходе осуществления строительных работ, обеспечивает также поддержание состояния общественной безопасности в сфере производства строительных работ.**

Нарушение противопожарных правил, подпадающие под действие ст. 219 УК УССР наиболее часто выражается: в отдаче распоряжения производить огневые (сварочные) работы в огнеопасном месте, без обеспечения средствами пожарной защиты или средствами огнетушения, либо без предварительного разрешения на работы органами пожарнадзора; использование легковоспламеняющихся и выделяющих взрывоопасные пары лаков, красок и растворителей без предупреждения возможности их воспламенения или взрывов; отсутствие постов, предупредительных знаков, плакатов в зоне ведения огневых работ; отсутствие технического контроля за ведением огнеопасных работ.

5. Нарушение правил эксплуатации строительных механизмов

Эти правила представляют собой **систему норм, обеспечивающих правильную и безопасную эксплуатацию строительных механизмов при производстве строительных работ. Соблюдение этих правил в ходе осуществления данных работ обеспечивает также поддержание**

состояния общественной безопасности в сфере производства строительных работ¹.

Вместе с тем, почти все строительные машины и механизмы, несмотря на их многообразие, могут применяться не только в строительстве, но и в других отраслях народного хозяйства, особенно в промышленности строительных материалов. Критерием для квалификации случаев нарушения правил эксплуатации строительных механизмов по ст. 219 УК УССР является применение этих механизмов в процессе производства строительных работ.

К наиболее распространенным нарушениям правил безопасной эксплуатации строительных механизмов относятся: начало осуществления работ без предварительной проверки отсутствия людей в зоне действия механизмов, либо отсутствие контроля за нахождением людей в зоне действия механизма при работе на нем; допуск к работе на механизме лиц, не имеющих прав на управление этими механизмами; отсутствие должного контроля за действием напарников по работе с механизмами; работа на механизме без разрешения, без получения наряда-допуска или без присутствия при работе ответственного технического лица; работа на заведомо неисправных механизмах; отдача распоряжения или самовольная работа на кранах под линиями электропередач; превышение скорости эксплуатации механизмов; нарушение пределов действия механизмов (габаритов, поднимаемых грузов, высоты подъема); работа с неогражденными вращающимися частями механизмов и другие.

§ 2. Общественно опасные последствия

Последствия представляют собой определенные вредные изменения общественных отношений, вызываемые в результате совершения преступного деяния. Характер этих изменений определяется содержанием общественных отношений, на которые происходит посягательство.

Основным последствием, наступающим в результате совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 219 УК УССР является ущерб, причиняемый отношениям общественной безопасности. Этот ущерб причиняется самим фактом нарушения правил. Диспозиция же ст. 219 УК УССР прямо указывает лишь на последствия производные от имевшего место нарушения правил. Именно эти последствия необходимо **обязательно устанавливать** для констатации объективной стороны рассматриваемого преступления. Таким образом, это

¹ В настоящее время, помимо УК УССР ответственность за нарушение правил эксплуатации строительных механизмов предусмотрена в УК РСФСР, БССР, Грузинской ССР, Молдавской ССР, Киргизской ССР и Туркменской ССР.

преступление относится к преступлениям с материальным составом, предполагающее определенные последствия и причинную связь между самым нарушением правил и этими последствиями. В качестве последствий в диспозиции ст. 219 УК УССР названы: вред здоровью людей, человеческие жертвы или иные тяжкие последствия и возможность наступления таких последствий.

1. Понятие «вред здоровью людей» (ч. 1 ст. 219 УК УССР) является оценочным. Раскрывая это понятие Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 26 июля 1974 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и техники безопасности» указал, что оно охватывает: «Причинение средней тяжести повреждения одному лицу, легкого телесного повреждения с кратковременным расстройством здоровья или кратковременной утратой трудоспособности одним или несколькими лицами»¹.

2. Наступление человеческих жертв или иных тяжких последствий (ч. 2 ст. 219 УК УССР).

Под человеческими жертвами понимается гибель хотя бы одного лица. К «иным тяжким последствиям» Пленум Верховного Суда СССР относит «причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких телесных («средней тяжести» – по терминологии УК УССР) двум или более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам»². Следует заметить, что понятие «иные тяжкие последствия» по своему содержанию является широким, а границы его носят неконкретный характер. Отсюда, как показывает изучение практики, и суды это понятие трактуют различным образом. Так, они не всегда относят сюда причинение тяжких телесных повреждений одному лицу или, широко понимая это последствие, включают в него причинение легких телесных повреждений нескольким лицам. Подобная неопределенность практики дает основание для предложения об изменении редакции ныне действующей ч. 2 ст. 219 УК УССР. Целесообразно заменить указание на «иные тяжкие последствия» более конкретным понятием «тяжкие телесные повреждения». Такое решение способствовало бы также конкретизации пределов понятия «вред здоровью

¹ «Радянське право», 1974, № 12 – С. 87.

² Постановление Пленума от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений». (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1973 г. г.). – М., «Известия», 1974. – С. 576).

людей», указанного в ч. 1 ст. 219 УК УССР. В него тогда могут быть включены, наряду с профессиональными заболеваниями, все легкие и средней тяжести телесные повреждения. Причем было бы обоснованным выделить ответственность за эти преступления в самостоятельную часть, например, 2-ю ст. 219 УК УССР, оставив в ч. 1 этой статьи лишь указание на ответственность за такие нарушения, которые могли повлечь за собой человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. В связи с этим, ответственность за наступление в результате нарушения правил «человеческих жертв или тяжких телесных повреждений» должна быть предусмотрена в ч. 3 ст. 219 УК УССР.

В свою очередь, анализ дел показывает, что ч. 2 ст. 219 УК УССР применяется и в случаях причинения ущерба в размере от 1000–5000 рублей и вплоть до сотен тысяч рублей. Индивидуальная оценка степени общественной опасности деяний, имеющих столь существенное различие в размерах причиняемого материального вреда требует и соответствующей дифференциации его в законе, «на значительный материальный ущерб» (куда подпадали бы, случаи причинения ущерба, например, на сумму до 10000 рублей) и на «особо крупный материальный ущерб» (например, свыше 10000 рублей), с выделением этих последствий, как результата нарушений в самостоятельные части ст. 219 УК УССР, а именно, причинение «значительного материального ущерба» в ч. 2 ст. 219 УК УССР, а «особо крупного материального ущерба» – в ч. 3 ст. 219 УК УССР предлагаемой редакции.

Среди последствий, в ныне действующей ч. 1 ст. 219 УК УССР указано и на возможность наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий. Создание угрозы причинения вреда менее опасных последствий лежит за пределами криминализации и влечет не уголовную, а дисциплинарную или административную ответственность.

Возможность наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий должна быть реальной. Она представляет собой определенный результат развития действия, и требует поэтому, подобно прочим последствиям, указанным в ст. 219 УК УССР, своего специального доказывания. Следует заметить, что такого рода деликты не представляют собой большой общественной опасности и практика не идет по пути применения здесь уголовного закона. Подобные деяния, как о том пишет Н. П. Яблоков, должны влечь за собой уголовную ответственность лишь при условии, что за такие же действия лицо уже подвергалось ранее (например, в течение 1 года) мерам общественного,

дисциплінарного или адміністративного воздействия¹. С таким предложением по дополнению закона следует согласиться.

§ 3. Причинная связь по делам о преступных нарушениях правил при производстве строительных работ

Ответственность по ст. 219 УК УССР предусмотрена лишь при условии, когда нарушение правил при производстве строительных работ причинило вред здоровью людей или могло повлечь или повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Таким образом, это преступление требует установления такого элемента объективной стороны состава, как причинная связь между нарушениями правил при производстве строительных работ и указанными в законе последствиями. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 мая 1967 г. отметил, что «судам необходимо тщательно и всесторонне исследовать по каждому уголовному делу причинную связь между допущенными нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и наступившими последствиями или возможностью их наступления...»².

Для правильного решения вопроса о причинной связи между нарушением правил и наступившими последствиями необходимо учитывать ряд особенностей. Так, для этого преступления, в большинстве случаев характерно не прямое развитие причинной связи, а опосредствованное. Нарушение правил при таком развитии причинной связи способно достигнуть общественно опасного последствия лишь в сочетании с действием других вредных и, главным образом, внешне случайных факторов (физических, химических, технических и т. п.), а также неосторожных действий потерпевшего и других лиц.

В этих случаях причинная связь является необходимой и, следовательно, достаточной для уголовной ответственности, конечно, при наличии других признаков состава. Рассматривая такие случаи иногда утверждают, что наличие такого рода приводящих факторов придает причинной связи случайный характер, а так как виновному последствия вменяются на общих основаниях, то для подобных случаев, деление последствий на объективно-случайные и объективно-необходимые теряет свое значение³. С этим нель-

¹ См.: Н. П. Яблоков. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности. «Вестник Московского университета», серия Право, 1969. – № 2. – С. 47-48.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. (1924—1973 гг.). – М.: Изд. «Известия», 1974. – С. 573.

³ См.: М. С. Гринберг. Объективная сторона преступления в области использования техники. В сб.: «Труды по правоведению (Материалы конференции Новосибирского факультета, Свердловского юрид. ин-та по итогам научно-исследо-

зя согласиться. И при таких ситуациях последствие представляет собой закономерный результат конкретного нарушения, а причинная связь является не случайной, а необходимой. В литературе указывалось, что в основе действий человека лежат объективные закономерности, существующие между действием и его конечным эффектом – последствиями. При этом в любом конечном эффекте всегда имеет место обязательный, устойчивый, повторяющийся элемент (элементы) и побочные (производные) обязательные эффекты действия, которые тем не менее скрыто содержались в самом действии¹. Действительно, обязательным устойчивым, повторяющимся последствием любого нарушения правил при производстве строительных работ является причинение ущерба отношениям общественной безопасности в сфере производства строительных работ. Производным, необязательным эффектом нарушения правил является причинение «вреда здоровью», «человеческих жертв», «иных тяжких последствий». С учетом данной объективной закономерности развития этих процессов и устанавливается техническая норма (правила), соблюдение которой дает возможность предотвратить причинение ущерба общественной безопасности и возможность наступления производных последствий. Эти последние, хотя и не являются обязательным, устойчивым эффектом нарушения, однако скрыто присущи любому нарушению соответствующего правила. Наступление этих последствий реально возможно, как в силу самого факта нарушения правил (тогда имеет место прямая причинная связь), так и в сочетании с привходящими факторами. В последнем случае, эти факторы и служат дополнением и формой проявления необходимости, заложенной в действии (нарушении). Поэтому, если даже привходящие факторы внешне и выглядят как случайные явления по отношению к процессу производства, они теряют значение случайных для данного конкретного, изолированного нарушения. Ведь, именно, в виду наличия этих факторов, закономерное последствие в виде «вреда здоровью», «человеческих жертв» и т. п. скрыто заложенное в любом нарушении, и способно наступить.

Таким образом, при нормативном регулировании поведения участника строительного производства, то или иное действие или бездействие запрещается правилами, исходя как из учета обязательного устойчивого эффекта нарушения (ущерба общественной безопасности), так

вательской работы 1967 г.). – Новосибирск, 1968. – С. 106-107.

¹ См.: И. Н. Трубников. О категориях «цель», «средства», «результат». – М., 1968. – С. 3; Н. А. Романов. Некоторые вопросы методологии установления причинной связи между нарушением правил безопасности движения и наступившими последствиями. «Криминалистика и судебная экспертиза». – Вып. 8. – Киев, 1971. – С. 332.

и из учета возможного, неустойчивого эффекта нарушения (последствий в виде «вреда здоровью», «человеческих жертв», «иных тяжких последствий»). Развитие же причинной связи от действия (бездействия) к последствиям носит необходимый характер, т. к. последствия выражаются здесь как закономерное следствие конкретного нарушения.

Особую сложность представляет установление причинной связи при нарушении целой системы правил, нарушение каждого из которых в различной степени влияет на наступление последствий. В этих случаях, очень важно выяснить какие именно нарушения правил привели к наступившим последствиям. Такой подход дает возможность выделить те нарушения правил, которые стоят в причинной связи с последствиями и те нарушения, которые, хотя и таили в себе угрозу причинения вреда, однако, по отношению к наступившему последствию были нейтральными.

III. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Субъективная сторона преступления представляет собой психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и к его общественно опасным последствиям и характеризуется конкретной формой вины, мотивом и целью преступления. Эти признаки, характеризуют внутреннюю сторону преступления, отражают связь сознания и воли лица с совершаемым им общественно-опасным деянием и его последствиями. Правильное установление субъективной стороны дает возможность квалифицировать преступление в соответствии с законом.

Субъективная сторона преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 219 УК УССР, характеризуется двойной (смешанной) формой вины.

Само нарушение правил может быть совершено с прямым умыслом, косвенным умыслом, преступной самонадеянностью и преступной небрежностью.

Прямой умысел характеризуется наличием у лица сознания общественно опасного характера своего действия (бездействия) и желанием нарушить правила. Сознание общественной опасности – это сознание того, что деяние причиняет вред социалистическим общественным отношениям, противоречит охраняемому правопорядку и интересам социалистического общества в целом. Для констатации этого факта виновный должен сознавать фактические признаки преступления,

т. е. то, что он, будучи участником строительного производства, совершает такое действие (бездействие), которое составляет нарушение правил. Сознанию общественной опасности сопутствует также сознание противоправности, т. е. субъект понимает запрещенность своего действия (бездействия), понимает, что он поступает вопреки правилам, регулирующим его производственную деятельность. Желание нарушить правила означает, что нарушение представляет собой цель действий виновного, результат, к которому он стремится. Эта цель может быть как непосредственной, конечной, так и промежуточной, для достижения другого более отдаленного результата.

При нарушении правил с косвенным умыслом, виновный, сознавая общественную опасность своего действия (бездействия), не желает нарушить правила, но сознательно допускает такое нарушение. При сознательном допущении, характерном для косвенного умысла, нарушение правил не является целью виновного (ни непосредственной, ни промежуточной), оно является побочным результатом его действий, направленным на другую преступную или непротивоправную цель. Совершая при таких условиях деяние и не рассчитывая на конкретные обстоятельства, которые должны это нарушение предотвратить, лицо тем самым их сознательно допускает. При преступной самонадеянности, виновный, сознавая, что его действия (бездействие) могут составить нарушение правил, наоборот, легкомысленно рассчитывает, что этого не произойдет.

Преступная небрежность в отношении факта нарушения правил при производстве строительных работ имеется в тех случаях, когда совершая какое-либо действие, работник строительства не сознает, что им совершается недозволенное действие или воздерживается от совершения требуемого деяния и тем самым нарушает правила при производстве строительных работ, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог это обстоятельство сознавать. Отрицательный признак «не сознавал» ставится в вину лицу только в том случае, если будет установлено, что лицо должно и могло сознавать общественно опасный характер своего действия (бездействия). Данный вопрос должен разрешаться на основе исследования объективного и субъективного критериев преступной небрежности. Объективный критерий применяется для выяснения вопроса о том, должен ли работник строительства сознавать фактическую сторону совершаемого им действия (бездействия) и его общественно опасный и противоправный характер. Объективный критерий для каждого работника строительства не одинаков, он дифференцируется в зависимости от того служебного положения, которое занимает работник, а также от специальных профессиональных знаний рабочего. Вопрос

о том, должен или не должен был виновный сознавать, что своими действиями он нарушает правила при производстве строительных работ, неразрывно связан с вопросом о возможности данного лица сознавать указанные обстоятельства, т. е. решается в сочетании с критерием субъективным. Когда лицо вследствие каких-то обстоятельств, относящихся к его личности не имело возможности, т. е. не могло сознавать, что своими действиями нарушает правила, следует считать, что в действиях лица отсутствует преступная небрежность.

При определении субъективной стороны преступного нарушения правил при производстве строительных работ, возникает вопрос об определении психического отношения к такому нарушению правил, которое «заведомо» для виновного «могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Иногда считают, что о «заведомости» можно говорить лишь при умышленном отношении виновного к преступлению или к определенному признаку объективной стороны¹. С данным положением полностью согласиться нельзя. Заведомость означает осведомленность действующего лица о характере поведения и связанных с ним обстоятельств, т. е. полностью относится к интеллектуальному моменту вины и не содержит каких-либо данных характеризующих волевой момент. Интеллектуальный момент психического отношения виновного к факту нарушения правил как при прямом и косвенном умысле, так и при преступной самонадеянности характеризуется сознанием того, что его действие или бездействие может привести к нарушению правил. Следовательно, при трактовке «заведомости» нет никаких оснований ограничивать ее лишь умышленным отношением виновного к факту нарушения правил и не включать сюда преступную самонадеянность лица.

Отношение виновного к общественно опасным последствиям, наступающим в результате нарушения правил при производстве строительных работ, может выражаться лишь в неосторожности, т. е. преступной самонадеянности или преступной небрежности.

При преступной самонадеянности субъект предвидит реальную возможность того, что в результате допущенного им нарушения правил могут наступить вредные последствия. Однако он не допускает наступления предвиденных им последствий, а легкомысленно рассчитывает на

¹ См.: А. С. Горелик. К вопросу о заведомости как признаке вины. «Вестник Ленинградского университета», 1964. – № 5. – С. 130; В. Д. Меньшагин, Советское уголовное право. Общая часть, Изд. МГУ, 1969. – С. 177; П. С. Дагель, В. И. Михеев, Установление субъективной стороны преступления. Учебное пособие, ДВГУ. – Владивосток, 1972. – С. 12.

их предотвращение. Чаще всего отношение виновных к последствиям заключается в форме преступной небрежности, где субъект не предвидит возможность наступления этих последствий, хотя должен был и мог их предвидеть.

В деле, преступление, предусмотренное ст. 219 УК УССР, относится к неосторожным деликтам, что вытекает из места расположения, которое занимает эта статья в системе Особенной части Уголовного кодекса и из ее соотношения с другими нормами, характера объекта посягательства и особенностей конструкции объективной стороны данного посягательства.

IV. СУБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Субъектом преступления по советскому уголовному праву признается физическое, вменяемое лицо, достигшее определенного возраста. Из содержания ст. 10 Основ (ст. 10 УК УССР, ст. 10 УК РСФСР) вытекает, что субъектом нарушения правил при производстве строительных работ может быть лишь лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъект данного преступления помимо общих признаков: вменяемости и достижения 16-летнего возраста, обладает также специальными признаками. Диспозиция ст. 219 УК УССР, будучи бланкетной, отсылает к соответствующим правилам, которые возлагают обязанность соблюдения установленных в них требований на исполнителей соответствующей деятельности. Посторонние лица, не будучи ознакомленными со всеми особенностями повышенно опасной деятельности, присущей строительному производству, иногда, только путем специальных знаков, предупрежденные об указанных особенностях, не могут быть отнесены, вопреки мнению Н. Д. Дурманова и Н. В. Кузнецовой¹, к субъектам данного преступления.

К субъектам рассматриваемого преступления следует относить, в первую очередь, таких должностных лиц, как: начальники (управляющие) и главные инженеры строительно-монтажных организаций (трестов, учреждений) и приравненных к ним организаций; работники службы техники безопасности; главные механики и главные энергетики; механики и энергетики; производители работ (старшие производители

¹ См.: Н. Д. Дурманов. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Изд. «Юридическая литература, 1962. – С. 45; Н. Кузнецова. Ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. «Советская юстиция», 1963. – № 9. – С. 19.

работ, начальники участков); мастера; бригадиры; руководители транспортных и погрузочно-разгрузочных работ. Эти лица несут ответственность за соблюдение правил в силу возложенных на них обязанностей по руководству и непосредственной организации строительных работ. Отсутствие обязанностей по соблюдению тех или иных конкретных правил, исключает ответственность за их нарушение по ст. 219 УК УССР. В таких случаях лицо, виновное в наступлении общественно опасных последствий, может нести уголовную ответственность, например, по статьям УК о должностных преступлениях либо о преступлениях против личности или социалистической собственности.

По ст. 219 УК УССР руководители строительных производств несут ответственность лишь в случаях, когда они не приняли мер против заведомо известного им нарушения специальных правил при производстве строительных работ нижестоящими должностными лицами или совместно с ними допустили нарушение, либо когда они взяли на себя непосредственное руководство отдельными видами строительных работ или фактически дали рабочим указания или распоряжения, противоречащие правилам производства работ.

К числу субъектов преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР относятся также рядовые рабочие, на которых возложены обязанности по исполнению различных работ и соответствующих правил строительного производства, о содержании и соблюдении которых рабочий был информирован в установленном порядке. Здесь возникает вопрос об ответственности рабочих за нарушение рассматриваемых правил в возрасте от 16 до 18 лет, если они выполняли строительные работы, которые в соответствии с правилами могут поручаться лишь рабочим, достигшим 18-летнего возраста.

Если лицо, не достигшее 18-летнего возраста, тем не менее, допущено администрацией к исполнению производственных заданий, при надлежащем обучении и инструктировании, то в случае нарушения им правил, в связи с выполняемыми работами, оно не должно освобождаться от уголовной ответственности по основаниям недостижения им 18 лет. Здесь необходимо исходить из общего возраста ответственности, т. е. 16 лет. Естественно, такие случаи содержат ряд особенностей. Одна из них заключается в том, что наряду с привлечением лица, не достигшего 18-летнего возраста, к уголовной ответственности по статье, соответствующей содеянному, должны привлекаться и те работники строительства, которые незаконно поручили несовершеннолетнему выполнение не соответствующих его возрасту работ. Вторая особенность касается самого лица, не достигшего 18-летнего возраста, требующая учета

субъективной стороны совершенного. Субъективная сторона здесь должна исследоваться, исходя из особенностей возраста, т. е. способности лица сознавать характер и общественную опасность совершаемого и предвидеть возможность наступления общественно-опасных последствий. При установлении такой способности, данное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

По ст. 219 УК УССР, помимо должностных лиц – руководителей и непосредственных организаторов строительных работ, и рядовых рабочих, могут отвечать и некоторые должностные лица и служащие, которые непосредственно не участвуют в производственных процессах (например, нормировщики, снабженцы, сторожа и т. п.). Хотя специальные правила, действующие при производстве строительных работ, прямо не предусматривают соблюдения каких-либо обязанностей со стороны этих лиц, на них распространяются общие требования соблюдать технологическую дисциплину, правила по технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране. В соответствии с этим, применение к таким лицам ст. 219 УК УССР возможно, когда до их сведения в установленном порядке были доведены наряду с общими требованиями охраны труда и требования специальной безопасности при производстве строительных работ, либо когда они, как участники строительного производства, знали требования общих правил охраны труда на строительстве и имели реальную возможность сознавать общественную опасность, совершаемых ими действий, обусловленных специальными правилами. В случае отсутствия у лица реальной возможности сознавать, что своими действиями он нарушает специальные правила производства строительных работ, данное лицо не может нести ответственности по ст. 219 УК УССР.

Рассмотрение вопроса о субъекте преступления, предусмотренного ст. 219 УК УССР, дает основание уточнить ее диспозицию, указав в ней, что за нарушение правил при производстве строительных работ могут отвечать лишь должностные лица, рабочие и служащие строительного производства.

V. НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПНОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

На современном этапе развития нашего государства, роль главного фактора в борьбе с преступностью отводится широкому комплексу социальных мер, различными путями и средствами воздействующими на устранение причин и условий совершения преступления. Наряду с

этим, значительное место в плане предупреждения преступлений и их полного искоренения отводится мерам уголовного наказания. Применение мер уголовного наказания, достижение стоящих перед ним целей оказывает важное влияние на характер и динамику преступности, является средством охраны правопорядка, пресечения и предупреждения преступных проявлений.

Наказание за преступления, в том числе за нарушения правил при производстве строительных работ, способно достигнуть стоящие перед ним цели лишь при условии назначения его в полном соответствии с требованиями закона, и в первую очередь, с положениями ст. 32 Основ (ст. 39 УК УССР, ст. 37 УК РСФСР), согласно которой суд должен назначать наказание в пределах санкции применяемого закона, в точном соответствии с положениями Основ и Общей части УК, должен учитывать характер и степень общественной опасности посягательства, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

Конкретизация целей и принципов назначения наказания по ст. 219 УК УССР происходит при определении виновному меры наказания за конкретное преступное нарушение правил при производстве строительных работ. Законодательной базой для их осуществления является санкция ст. 219 УК УССР, в которой содержатся виды и указаны пределы наказания, достаточно эффективно способствующие достижению целей общего и специального предупреждения.

Часть 1 ст. 219 УК УССР содержит альтернативную санкцию, в которой установлено три вида наказания: лишение свободы на срок до одного года, исправительные работы на тот же срок, а также штраф до ста рублей. Таким образом, санкция эта сконструирована с расчетом предоставления суду возможности выбирать из нескольких видов наказания то, которое в конкретном случае наиболее соответствует тяжести содеянного и личности преступника.

Часть 2 ст. 219 УК УССР предусматривает относительно-определенную санкцию, устанавливающую один вид наказания, — лишение свободы на срок до пяти лет.

Практика применения наказания в отношении осужденных по ст. 219 УК УССР показывает, что реализация этой нормы имеет ряд особенностей, которые в общем виде сводятся к следующему. Так, изучение значительного количества уголовных дел по ряду областей Украинской ССР показало, что из общего числа лиц, привлеченных к ответственности за нарушение правил при производстве строительных работ, по ч. 1 ст. 219 УК УССР было осуждено незначительное

количество лиц, которым, главным образом, назначались наказания в виде исправительных работ или штрафа, а также применялось условное осуждение в порядке ст. 45 УК УССР (ст. 44 УК РСФСР). Деяние большинства осужденных было квалифицировано по ч. 2 ст. 219 УК УССР. Однако, предусмотренное здесь наказание в виде лишения свободы применялось редко. Более трети лиц было осуждено условно, а остальные – к исправительным работам, которые назначались путем применения ст. 44 УК УССР (ст. 43 УК РСФСР). Таким образом, хотя в санкциях ст. 219 УК УССР и предусмотрено лишение свободы, фактически назначаются более мягкие виды наказаний или условное осуждение. Это вызвано, как показывают результаты обобщения, прежде всего тем, что при назначении судами наказания наблюдается некоторая переоценка ряда смягчающих обстоятельств и данных положительно характеризующих личность виновного. Кроме того, и это важно отметить, санкции ст. 219 УК УССР не всегда дают судам полную возможность назначения наказания соответствующего тяжести и опасности совершенного преступления. Переоценка личности осужденных при назначении наказания по данной статье не случайное обстоятельство, так как в большинстве своем осужденные являются активными участниками социалистического производства, обладают достаточным жизненным и производственным опытом. Среди них нет таких, которые были ранее судимы. Однако, объективные, т. е. лежащие вне личности осужденного обстоятельства, мало оцениваются судами при назначении наказания. Так, лишь в отношении незначительной части осужденных было указано, что их действия привели к «тяжким последствиям», отсутствует какое-либо указание на форму вины при совершении преступления. Такую практику во всех без исключения случаях вряд ли можно полностью оправдать.

Анализируя санкции ст. 219 УК УССР в связи с применяемыми в практике наказаниями, следует признать вполне целесообразным осуждение лиц по ч. 1 ст. 219 УК УССР к штрафу, исправительным работам. Указание же в санкции этой нормы на лишение свободы может быть при предлагаемых изменениях ст. 219 УК УССР¹ исключено.

В тех случаях, когда совершая преступление, указанное в ч. 1 этой статьи, лицо проявляет заведомое нарушение правил, да еще и при карьеристских или иных низменных интересах, достаточным было бы применение такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Практика назначения наказания по ч. 2 ст. 219 УК УССР приводит к выводу, что

¹ См.: С. 25-26.

имеющаяся здесь санкция в виде лишения свободы на срок до пяти лет, мало применяется судами и последние, в порядке ст. 44 УК УССР, называют здесь, как правило, исправительные работы. Все это дает основание сделать предложения по изменению санкций ст. 219 УК УССР. Имея в виду, что в предлагаемой редакции ст. 219 УК УССР должна состоять из трех частей, их санкции могли бы выглядеть следующим образом: в ч. 1 – исправительные работы на срок до одного года или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в строительных организациях на срок до двух лет, или штраф в размере до ста рублей, в ч. 2 – лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года, или штраф в размере до 200 рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового; ч. 3 – лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

Определенный интерес вызывает применение за преступления, указанные в ст. 219 УК УССР, Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». Имеющиеся материалы практики показывают, что он применяется не за счет сокращения исправительных работ и условного осуждения, предусмотренного ст. 45 УК УССР, а, как правило, вместо безусловного лишения свободы.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЛИТЕРАТУРА

I. Законодательство:

Уголовный кодекс Украинской ССР. – Киев: Политиздат Украины, 1975. Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Изд. «Юридическая литература», 1975.

II. Учебники, курсы, монографии, комментарии, конспекты лекций:

1. Уголовное право. Особенная часть. – М.: Изд. МГУ, 1971. – С. 394-395.
2. Советское уголовное право. Часть Особенная. – М.: Изд. «Юридическая литература», 1973. – С. 505-508.
3. Курс советского уголовного права. – Т. 6. – М.: Изд. «Наука», 1971. – С. 397-398.
4. Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. – М.: Госюриздат, 1958 – С. 158-180.
5. Уголовное законодательство Украинской ССР. – М.: Изд. «Юридическая литература», 1971. – С. 488-490.
6. Лановенко І. П. Боротьба із злочинами проти трудових прав і безпеки виробництва. – Київ, Вид. «Наукова думка», 1972. – С. 177-184.

7. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. – Киев, «Политиздат Украины», 1969. – С. 463-464.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М.: Изд. «Юридическая литература», 1971. – С. 460-461.
9. Бажанов М. И. Преступления против политических и трудовых прав граждан. Конспект лекций. – Харьков, 1965. – С. 19-23.

III. Отдельные статьи:

1. Борисов В. І. Практика розгляду судами справ за ст. 219 Кримінального кодексу УРСР. – «Радянське право», 1972. – № 12.
2. Борисов В. І. Об'єктивна сторона злочину передбаченого ст. 219 КК УРСР. – «Радянське право», 1973. – № 12.
3. Гринберг М. С. Преступления в области техники. «Правоведение», 1972. – № 2.
4. Келина С. Разграничение ответственности по ст. 140 и ст.ст. 214–216 УК РСФСР. – «Советская юстиция», 1968. – № 5.
5. Кобзаренко П., Иванов А. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР. – «Советская юстиция», 1971. – № 3.
6. Кузнецов В. Я. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР. – «Советская юстиция», 1971. – № 3.
7. Кузнецова И. Ф. Ответственность за нарушения правил при производстве правил строительных работ. – «Советская юстиция», 1963. – № 9.
8. Ломако В., Борисов В. Призначення покарання за злочини, передбачені ст. 219 КК УРСР. – «Радянське право», 1974. – № 8.
9. Тихонов Ю. С. Некоторые вопросы объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 215 УК РСФСР. Учен. зап. Саратовского юридического ин-та. – Вып. XIX, ч. 2. – Саратов, 1970.
10. Яблоков Н. П. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности. «Вестник Московского университета». – «Право», 1969. – № 2. – С. 47-48.
11. Яблоков Н. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда и техники безопасности. – «Советская юстиция», 1972. – № 8.

IV. Судебная практика:

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности, и повышением роли судов в предупреждении этих правонарушений», (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 30 марта 1973 г.). Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – М., «Известия», 1974. – С. 571–578.
2. Постановление Пленума Верховного Суда УССР от 26 июля 1974 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и техники безопасности». – «Радянське право», 1974. – № 12.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА*

§ 1. Нарушение правил охраны труда

Ответственность за это преступление предусмотрена в ст. 135 УК УССР, которая состоит из двух частей и определяет нарушение правил охраны труда как: «Нарушение должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение создавало опасность для жизни или здоровья трудящихся» (ч. 1). «То же деяние, если оно повлекло несчастные случаи с людьми» (ч. 2).

Несколько иначе предусмотрена ответственность в ст. 140 УК РСФСР. Эта норма состоит из трех частей. Часть 1 образует состав преступления, если нарушение правил охраны труда могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия. Часть 2 – если нарушения повлекли за собой причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности. В случаях наступления смерти человека или причинения тяжких телесных повреждений нескольким лицам, ответственность наступает по ч. 3.

Общественная опасность указанного преступления состоит в том, что в результате недисциплинированности, безответственного отношения должностных лиц к выполнению обязанностей по обеспечению безопасного ведения работ наступают аварии на производстве, причиняется вред здоровью рабочих и служащих, а иногда и гибнут люди. Нарушения правил охраны труда и техники безопасности влекут за собой значительные потери рабочего времени и наносят государству большой материальный ущерб.

Основным непосредственным объектом рассматриваемых преступлений являются трудовые права граждан в сфере обеспечения безопасных условий труда на социалистическом производстве.

Помимо причинения ущерба основному непосредственному объекту, при совершении этого преступления ущерб причиняется также дополнительным непосредственным объектам – жизни и здоровью участника производства. В связи с этим потерпевшими от преступления могут быть штатные работники предприятия, временные рабочие и служащие, ученики производственного обучения, студенты и учащиеся профтехучилищ, средних школ, проходящие производственную практику

* Учебное пособие. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1976. – 40 с.

под руководством технического персонала предприятия и любые иные лица, деятельность которых связана с данным производством¹.

Нарушение правил техники безопасности, причинившее вред здоровью иных граждан, влечет ответственность по статьям о должностных преступлениях или преступлениях против личности². Однако, в практике встречаются еще случаи неправильного применения в этих ситуациях ст. 136 УК УССР. Так, М. осужден по ч. 2 ст. 135 УК УССР за то, что работая инженером-механиком, в нарушение правил техники безопасности допустил эксплуатацию автоматической силосорезки без ограждения вращающихся частей. Вследствие такого нарушения был смертельно травмирован вращающимся валом, игравшийся около силосорезки трехлетний мальчик В.³. Очевидно, что М. следовало привлечь к ответственности по ст. 167 УК УССР, т. е. за халатность, а не по ст. 135 УК УССР.

Объективная сторона анализируемого преступления, включает в себя: 1) общественно опасное деяние, представляющее собой нарушение должностным лицом правил охраны труда; 2) общественно опасные последствия; 3) причинную связь между деянием и указанными последствиями.

Общественно опасное деяние описано в ст. 135 УК УССР как «Нарушение должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда...». Следовательно, рассматриваемая диспозиция является бланкетной, отсылает к другим нормативным актам, регулирующим охрану труда. Правила по технике безопасности, промышленной санитарии и иные правила охраны труда установлены законами СССР и УССР, постановлениями Совета Министров СССР и ВЦСПС, совместными постановлениями различных министерств, ЦК профсоюзов и другими нормативными актами.

Для применения ст. 135 УК УССР необходимо точное установление тех правил, которые нарушены должностным лицом. Пленум Верховного Суда Украинской ССР в своем постановлении от 26 июля 1974 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам о

¹ См.: А. П. Бороданков, В. К. Глистин. Охрана безопасности труда. – Лениздат, 1975. – С. 126.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 30 марта 1973 г.). Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – М., «Известия», 1974. – С. 575.

³ См.: Архив Тернопольского районного суда Тернопольской области за 1975 г.

нарушении правил охраны труда и техники безопасности» указал, что «по делам этой категории суды должны в мотивировочной части приговора не только ссылаться на соответствующие пункты (параграфы) правил и инструкций, которые нарушены, но и раскрывать суть допущенных нарушений»¹.

Правила техники безопасности содержат требования об обеспечении наиболее безопасной организации производства и о порядке личного безопасного поведения людей в производственном процессе. Среди этих правил различают общие (организационные) и специальные (технические) или одновременно организационно-технические². К общим (организационным) относятся правила, регулирующие вопросы охраны труда во всех отраслях народного хозяйства. К ним относятся также правила, содержащиеся в нормах определенных отраслей производства, но регулирующие общие (тождественные для всех производств) организационные вопросы. Их называют организационно-техническими. Специальные правила регулируют вопросы охраны труда в пределах одной отрасли с учетом ее особенностей. Кроме того имеются так называемые «правила сквозного характера»³, которые регулируют безопасность производства таких конкретных работ, которые могут применяться в нескольких отраслях народного хозяйства. Например, правила техники безопасности и производственной санитарии при электросварочных работах.

Нарушение, о котором говорит ст. 135 УК УССР может состоять в неисполнении или ненадлежащем исполнении требований, предусмотренных правилами техники безопасности, промышленной санитарии или иными правилами охраны труда. Оно может заключаться также и в совершении в ходе производственной деятельности действий, запрещенных правилами. Таким образом, нарушение правил может быть осуществлено в форме противоправного действия или бездействия, либо сочетать в себе как действие, так и бездействие.

Преступное действие (активное поведение) совершается либо путем ненадлежащего исполнения должностным лицом требований, предусмотренных правилами, либо выполнением в процессе производства действий, запрещенных правилами. Преступное бездействие (пассивное

¹ «Радянське право», 1974, № 12. – С. 86-87.

² См.: И. И. Слущкий. Ответственность за нарушения правил по технике безопасности. Изд. Ленинградского университета, 1953. – С. 30; М. И. Бажанов. Преступления против политических и трудовых прав граждан. Конспект лекций. Харьковский юридический институт, 1965. – С. 20.

³ См.: Н. Яблоков. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда и техники безопасности. – «Советская юстиция», 1972. – № 8. – С. 8.

поведение) может заключаться либо вообще в неисполнении должностным лицом требований, предусмотренных правилами, либо в неисполнении части требуемых правилами действий.

Как показывает практика, нарушение правил чаще всего выглядит не как единичный акт действия или бездействия, а представляет собой совокупность таких актов, их систему, где нарушается не одно, а различные правила и в поведении виновного сочетаются и преступное действие, и преступное бездействие. Например, Ч., исполняющий обязанности старшего мастера, нарушил правила ремонта мешалки: не составил плана организации работ, не оформил наряд-задание, не отключил мешалку от источника электроэнергии. Не убедившись, что рабочие находятся в опасной зоне, Ч. включил мешалку в результате чего вращением лопасти монтажнице П. были причинены тяжкие телесные повреждения¹.

Анализ практики показывает, что нарушения правил охраны труда чаще всего выражаются в отсутствии необходимого инструктажа или же в поверхностном инструктаже по технике безопасности, недостаточном надзоре за соблюдением правил охраны, неограждении движущихся частей механизмов, неудовлетворительном санитарно-гигиеническом состоянии производственных помещений и рабочих мест, неисправности производственного оборудования, инструментов и т. д.².

В качестве последствий преступления, указанного в ст. 135 УК УССР названы: создание опасности для жизни или здоровья трудящихся (ч. 1) и несчастные случаи с людьми (ч. 2). Опасность для жизни и здоровья должна быть реальной. Она представляет собой определенный результат развития нарушения правил и поэтому должна быть установлена по делу. Понятие «несчастные случаи с людьми» предусматривает гибель людей и различные виды травматизма, связанного с причинением тяжкого, средней тяжести телесного повреждения или легкого телесного повреждения, повлекшего кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности³.

Согласно ч. 1 ст. 140 УК РСФСР нарушение правил охраны труда образует состав преступления, если это нарушение могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия, например, случаи профессиональных заболеваний⁴.

¹ См.: Архив народного суда Кировского района г. Макеевки Донецкой области за 1975 г.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 10. – С. 12.

³ См.: «Радянське право», 1974, № 12. – С. 87.

⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – С. 575-576.

Часть 2 ст. 140 УК РСФСР предусматривает ответственность за нарушения, повлекшие за собой причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности. Под телесными повреждениями в данном случае следует понимать причинение тяжкого, менее тяжкого (по терминологии УК УССР — средней тяжести) либо легкого телесного повреждения, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности. Под утратой трудоспособности понимают случаи утраты общей или профессиональной трудоспособности одним или несколькими работниками¹.

Если нарушение правил охраны труда и техники безопасности повлекло за собой смерть хотя бы одного человека, или причинение тяжких телесных повреждений двум или более лицам ответственность наступает по ч. 3 ст. 140 УК РСФСР.

Для объективной стороны преступления необходимо установить причинную связь между нарушениями правил и возникшими последствиями. Пленум Верховного суда СССР отметил, что требуется «тщательно и всесторонне исследовать по каждому делу причинную связь между допущенными нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и наступившими последствиями или возможностью их наступления...»².

Характер причинной связи по делам о преступных нарушениях правил охраны труда имеет ряд особенностей. Так, в большинстве случаев имеет место опосредствованное, а не прямое развитие причинной связи. Нарушение правил при опосредствованном развитии причинной связи способно достигнуть общественно опасного последствия лишь в сочетании с действием других вредных и, главным образом, внешне случайных факторов (физических, химических, технических и т. п.), а также неосторожных действий потерпевшего и других лиц. Наибольшую трудность для установления причинной связи между нарушениями правил и последствиями, вызывают случаи, когда деяние виновного представляет собой нарушение целой системы правил. Каждое из нарушений в этой системе обычно создает разную степень возможности наступления последствий. Нарушение одних правил может привести к более тяжким последствиям, других — к незначительным, третьих — вообще к последствиям не приводит, так как опасное состояние нейтрализуется развитием положительных производственных процессов. Кроме

¹ См.: Уголовное право. Часть Особенная. М., Изд. «Юридическая литература», 1969. — С. 198; Советское уголовное право. Особенная часть. Изд. Московского университета, 1975. — С. 196.

² См.: указанный выше Сборник. — С. 573.

того, в системе нарушенных правил каждый факт нарушения, вызвавший опасное состояние, по-разному может соотноситься с привходящими факторами. В итоге может оказаться, что причиной наступления данного последствия послужили лишь часть нарушений, другие же нарушения, хотя сами по себе и представляли угрозу причинения вреда в своем развитии, тем не менее по отношению к последствиям, которые наступили, оставались нейтральными.

Субъективная сторона преступления характеризуется смешанной формой вины¹. Необходимо, следовательно, установить психическое отношение виновного как к факту нарушения правил охраны труда, так и к наступившим или могущим наступить в результате данного нарушения преступным последствиям. Само нарушение правил охраны труда может быть совершено с прямым и косвенным умыслом, по преступной самонадеянности и преступной небрежности. Отношение же к общественно опасным последствиям, наступающим в результате нарушения правил охраны труда, заключается лишь в неосторожности, т. е. преступной самонадеянности или преступной небрежности. Если по отношению к последствиям лицо действовало с умыслом, совершенное в зависимости от мотивов, которыми руководствовался виновный, квалифицируется, например, как преступление против личности. Умысел к последствиям деяния изменяет сущность преступного посягательства, трансформирует нарушение правил охраны труда в один из возможных способов причинения, например, смерти, телесных повреждений или материального ущерба.

При решении вопроса об ответственности по ст. 135 УК УССР большое значение придается поведению потерпевшего («вине потерпевшего»). Ведь очень часто несчастные случаи на производстве наступают в результате самовольных действий или грубой неосторожности самого потерпевшего. Несчастный случай на производстве, явившийся результатом самовольных действий потерпевшего вопреки указаниям лица, ответственного за технику безопасности, не может быть поставлен в вину последнему². В другом деле Верховный Суд РСФСР отметил, что ответственность по ст. 140 УК РСФСР исключается за несчастный случай, происшедший не в результате допущенных нарушений правил охраны труда, а по грубой небрежности самого потерпевшего³. Вместе с тем, если такой случай на производстве происходит хотя и по вине потерпевшего, но вместе с тем и не исключается вина должностного лица,

¹ См.: Курс советского уголовного права, т. V, М., Изд. «Наука», 1971. – С. 254.

² См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 2. – С. 17-18.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 9. – С. 7-8.

обязанного обеспечить охрану труда, последний несет ответственность по ст. 135 УК УССР. Вина потерпевшего может быть признана здесь смягчающим обстоятельством при определении наказания.

Мотивы нарушения правил охраны труда не влияют на квалификацию преступления, однако их установление важно для оценки степени общественной опасности преступления и назначения наказания. Так при определении наказания важно установить руководствовались ли лицо: ложно понятыми производственными интересами, например, стремлением выполнить производственное задание; карьеристскими соображениями; пренебрежительным отношением ко всякого рода запретам; озорством (стремлением показать «силу», «бесстрашие», «удаль») и т. п. Кроме того, характер мотива помогает отграничить преступное нарушение правил охраны труда от правомерного производственного риска.

Производственный риск исключает ответственность за аварии и несчастные случаи: а) когда он сообразуется со значительностью поставленной цели; б) цель риска недостижима иными средствами; в) вредное последствие лишь вероятно; г) его объектом являются материальные ценности, а не жизнь и здоровье людей¹.

В диспозиции ст. 135 УК УССР прямо указано, что **субъектом нарушения правил охраны труда** являются только должностные лица. Причем, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 мая 1967 г. «ответственность за нарушения правил охраны труда и техники безопасности по ст. 140 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик² могут нести лишь те должностные лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению возложена обязанность по охране труда и соблюдению правил техники безопасности на соответствующем участке работы или контроль за их выполнением»³. Ими могут быть лица, специально отвечающие за обеспечение производственно-технической дисциплины на предприятиях или на отдельных его участках, либо руководящие производством тех или иных работ, но нарушающие при этом правила охраны труда. При решении этих вопросов следует исходить из полномочий лица, определенных Положениями об организации работ по технике безопасности и производственной санитарии, а также изданными в соответствии с ними приказами и инструкциями,

¹ См., например.: А. П. Бороданков, В. К. Глистин. Охрана безопасности труда. – Лениздат, 1975. – С. 139.

² Ст. 135 УК УССР.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.), стр 574.

действующими на отдельных предприятиях, в учреждениях и организациях. Круг должностных лиц, отвечающих за организацию и обеспечение безопасных условий труда, должен устанавливаться по каждому делу. Так, в промышленности такими лицами могут быть: руководитель предприятия, главный инженер, главный механик, главный энергетик, начальник цеха, цеховой механик, цеховой энергетик, мастер, прораб, освобожденный бригадир и приравненные к ним лица¹. При этом, как было указано в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 09 июля 1974 г.: «При рассмотрении дел, связанных с нарушением правил по технике безопасности на производстве, суд для правильной квалификации преступления должен установить всех лиц, виновных в несчастном случае, и выяснить их должностные функции»². Не могут отвечать за нарушение правил охраны труда работники предприятия, не наделенные полномочиями должностных лиц. Например, по ст. 140 УК РСФСР был осужден машинист крана Ф., который осуществлял подъемные работы в то время, когда под висячим грузом находились люди. В результате допущенных при подъеме нарушений оборвался трос, упавшим грузом были травмированы два человека. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по этому делу отметила: «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 140 УК РСФСР, может быть только должностное лицо. Машинист крана не является должностным лицом, поэтому не может нести ответственности по этой статье кодекса»³.

Рядовые работники за нарушение правил охраны труда, если они повлекли причинение смерти или телесных повреждений, отвечают по статьям УК о преступлениях против личности⁴.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 135 УК УССР **наказывается** исправительными работами на срок до одного года, штрафом в размере до ста рублей или общественным порицанием. Такая альтернативная

¹ См.: Уголовное законодательство Украинской ССР. М., Изд. «Юридическая литература», 1971. – С. 293.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1975. – № 1. – С. 9.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963. – № 1. – С. 12.

⁴ См., например: П. С. Матишевский, С. І. Тихенко. Рядяське кримінальне право. – Київ, 1966. – С. 20; Советское уголовное право. Часть Особенная. – М., «Юридическая литература», 1973. – С. 280. Заслуживают внимания предложения специально предусмотреть уголовную ответственность и рядовых рабочих и служащих за преступные нарушения правил охраны труда (см.: М. И. Федоров. Борьба с преступлениями в области охраны труда по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс. – Л., 1954. – С. 20; И. П. Лановенко. Охрана трудовых прав. – Киев: изд. «Наукова думка», 1975. – С. 192).

санкция предоставляет суду возможность назначить именно то наказание, которое соответствует тяжести содеянного и личности преступника.

В ч. 2 ст. 135 УК УССР за данное преступление установлено наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

Иные наказания содержатся в санкциях ст. 140 УК РСФСР. По ч. 1 ст. 140 УК РСФСР данное преступление наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей, или увольнением от должности. Согласно ч. 2 ст. 140 УК РСФСР нарушение правил охраны труда может повлечь за собой лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года; по ч. 3 ст. 140 УК РСФСР наказание – лишение свободы на срок до пяти лет.

§ 2. Нарушение правил безопасности горных работ

Статья 218 УК УССР в ч. 1 предусматривает ответственность за нарушение правил безопасности горных работ, если оно причинило вред здоровью людей или заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Часть 2 образует состав преступления, если такое нарушение повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Часть 1 ст. 214 УК РСФСР в отличие от ч. 1 ст. 218 УК УССР охватывает случаи, когда нарушение правил безопасности горных работ, причинило вред здоровью людей. Часть 2 ст. 214 УК РСФСР определяет ответственность за нарушение правил, если, оно повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия.

Общественная опасность нарушений правил безопасности горных работ заключается в том, что они могут привести к обвалам в шахтах, взрывам, авариям, несчастным случаям с людьми, потерям рабочего времени, причинению материального ущерба.

Основным непосредственным объектом данного преступления является общественная безопасность в сфере производства горных работ, т. е. общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование горного производства, а также безопасность работников, занятых в этом производстве, а равно и посторонних лиц. К *дополнительным* непосредственным объектам относятся: жизнь и здоровье людей, социалистическая и личная собственность.

Потерпевшим в результате преступных действий, предусмотренных ст. 214 УК РСФСР (ст. 218 УК УССР), – как отметил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 мая 1967 г., – может быть любое

лицо¹, т. е. как работник производства, так и посторонние лица. Так, например, начальник участка Б. допустил при производстве горных работ нарушение правил крепления кровли, в результате чего погиб проходчик И². В данном случае погиб рабочий, принимавший участие в горных работах. «Вместе с тем, – как пишет М. А. Ефимов, – вполне реален, например, травматический случай при падении постороннего человека в неогражденный шурф или впадину»³.

Объективная сторона преступления включает в себя: 1) общественно опасное деяние, представляющее собой нарушение правил безопасности горных работ; 2) общественно опасные последствия; 3) причинную связь между деянием и указанными в законе последствиями.

Общественно опасное деяние описано в ст. 218 УК УССР как «Нарушение правил безопасности горных работ...». Таким образом, нарушение рассматривается законом лишь в связи с осуществлением производства горных работ. Верховный Суд РСФСР отметил, что «Если нарушение правил охраны труда по вине должностного лица имело место в предприятиях горной промышленности не в связи с производством горных работ, а на ином производственном участке, ответственность наступает по ст. 140 УК РСФСР»⁴.

Под горными работами понимают «урегулированное правилами безопасности, а равно иными организационно-техническими и контрольными мероприятиями, ведение горных работ, включающих в себя весь комплекс технологического процесса по разработке полезных ископаемых как подземным, так и открытым способом, поиск и разведку месторождений, проектирование, реконструкцию и ремонт шахтных стволов, оборудования, прохождение и поддержание иных горных выработок»⁵.

Диспозиция ст. 218 УК УССР является бланкетной и отсылает к специальным нормативным актам, регулирующим безопасность горных работ. Среди них следует различать: специальные правила техники безопасности; «правила сквозного характера», т. е. такие, которые обеспечивают безопасность операций, осуществляемых как при производстве

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – С. 575.

² См.: Архив народного суда г. Кировска Ворошиловградской области за 1971 г.

³ М. А. Ефимов. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. – Минск: Изд. «Вышэйшая школа», 1971. – С. 93.

⁴ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967. – № 10. – С. 13.

⁵ Э. Н. Зинченко. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. Автореф. канд. дисс. – Харьков, 1976. – С. 6.

горных работ, так и в других отраслях народного хозяйства; а также те правила технической эксплуатации, которые в процессе производственной деятельности обеспечивают как нормальное осуществление технологических процессов, так и безопасность условий труда¹.

Под нарушением правил безопасности горных работ следует понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение требований, предусмотренных правилами, либо выполнение действий, запрещенных правилами. Нарушение правил может быть осуществлено путем действия или бездействия, либо в поведении виновного сочетаются и действия, и бездействие.

Наиболее распространенными видами нарушений правил безопасности горных работ являются: нарушения правил, регулирующих безопасность при спуске, подъеме людей и грузов по стволу шахты; нарушения правил безопасности на рудничном транспорте; при взрывных работах; при проведении подготовительных выработок; при очистной выемке². Эти нарушения могут заключаться, например, в оставлении невзорванных снарядов в месте их закладки, в неисправности сигнальных установок, в нарушении правил работы горных механизмов, в неправильном креплении в лавах, наличии в них ям и рытвин, в допущении работ в шахтах, в которых создавалась угроза обвала и т. д. Так, например, горный мастер О., обнаружив, что стойки креплений в лаве установлены с отступлением от требований норм, не принял мер к устранению недостатков и разрешил там производство работ, в результате чего под обрушившейся кровлей погибло двое рабочих³.

Обязательным признаком объективной стороны анализируемого преступления является наступление в результате нарушения определенных последствий, указанных в законе. В качестве последних в диспозиции ст. 218 УК УССР названы: вред здоровью людей, человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, а равно и возможность наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий.

Причинение вреда здоровью людей, как указал Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 26 июля 1974 г., включает в себя: причинение средней тяжести телесного повреждения одному лицу, легкого телесного повреждения с кратковременным расстройством здоровья или кратковременной утратой трудоспособности одному или нескольким

¹ О соотношении правил техники безопасности и правил технической эксплуатации см.: Курс советского уголовного права, часть Особенная, т. 3. – Изд. Ленинградского университета, 1973. – С. 703-704.

² См.: Э. Н. Зинченко, указанный выше автореферат. – С. 9.

³ См.: Архив народного суда г. Лисичанска Ворошиловградской области за 1975 г.

лицам¹. Например, по ч. 1 ст. 218 УК УССР был осужден горный мастер С., который, зная, что в очистном забое повреждено крепление, направил туда для уборки угля рабочих З. и М., не указав им на то, чтобы они предварительно восстановили крепление. В ходе уборки угля, с незакрепленного пространства обрушилась порода, причинив рабочему М. телесные повреждения средней тяжести².

Наступление человеческих жертв или иных тяжких последствий (ч. 2 ст. 218 УК УССР). Под человеческими жертвами понимается гибель хотя бы одного лица. К «иным тяжким последствиям» Пленум Верховного Суда СССР относит «причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких телесных («средней тяжести» по терминологии УК УССР) двум или более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам»³.

Нарушения, которые «заведомо могли повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Закон (ч. 1 ст. 218 УК УССР) предусматривает ответственность не за всякий вред, который может наступить, а лишь за возможность наступления наиболее тяжкого вреда в виде «человеческих жертв» или «иных тяжких последствий».

Само создание условий, содержащих в себе опасность причинения человеческих жертв или иных тяжких последствий, рассматривается в ч. 1 ст. 218 УК УССР, как фактический ущерб, причиненный отношениям общественной безопасности в сфере производства горных работ. Создание конкретной опасности причинения специально оговоренного законодателем вреда (человеческих жертв или иных тяжких последствий) уже само по себе свидетельствует о качественно ином опасном состоянии, появившимся в развитии производственных процессов. Следовательно, возможность наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий должна быть реальной. Она представляет собой определенный результат развития действия и требует поэтому, подобно прочим последствиям, указанным в ст. 218 УК УССР, специального установления. Например, горнотехническая инспекция обнаружила, что работы в лаве ведутся с грубым нарушением паспорта крепления кровли. Лава была закреплена смешанной крепью, состоящей из деревянных и металлических стоек, что запрещено правилами. В местах геологических нарушений крепь не была усилена, имело место превышение норм

¹ См.: «Радянське право», 1974. – № 42. – С. 87.

² См.: Архив народного суда г. Лисичанска Ворошиловградской области за 1974 г.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – С. 576.

провисания кровли. Начальнику участка Г. было указано на недостатки крепления, однако последний, не устранив нарушений, продолжал производство работ в лаве, тем самым создав возможность обвала и человеческих жертв. Г. был осужден по ч. 1 ст. 218 УК УССР¹.

Для уголовной ответственности необходимо установить причинную связь между нарушениями правил безопасности при производстве горных работ и наступившими последствиями. Для установления этой связи требуется проведение технической экспертизы. Причинная связь по характеру развития может быть как прямой, так и опосредствованной.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление характеризуется смешанной формой вины. По отношению к факту нарушения правил безопасности горных работ вина может быть как умышленной, так и неосторожной. В отношении же последствий возможна только неосторожность.

При обрисовке субъективной стороны нарушения правил безопасности горных работ, указанных в ч. 1 ст. 218 УК УССР, говорится о таких нарушениях, которые заведомо для виновного могли повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Понятие «заведомость» означает осведомленность действующего лица о характере поведения и связанных с ним обстоятельствах. Следовательно, «заведомость» имеет место там, где лицо по отношению к факту нарушения правил горных работ действует с прямым или косвенным умыслом, либо по преступной самонадеянности. Отношение же к последствиям характеризуется лишь неосторожной виной.

В преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности горных работ, важное значение имеет выяснение вины самого потерпевшего. По данным, приведенным Э. Н. Зинченко, 65 % несчастных случаев при производстве горных работ происходят по вине самих потерпевших². Определение вины потерпевшего помогает установить наличие или отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления; выяснить степень общественной опасности как самого виновного, так и совершенного им преступления; выявить действительную роль и степень вины лица; правильно квалифицировать содеянное; точно индивидуализировать наказание и т. д.

Субъектом преступного нарушения правил безопасности горных работ могут быть работники, на которых специальными правилами

¹ См.: Архив Центрально-Городского района г. Макеевки Донецкой области за 1975 г.

² См.: Э. Н. Зинченко. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. Автореф. канд. дисс. – Харьков, 1976. – С. 12.

возложена обязанность по организации труда или исполнению требований техники безопасности: должностные лица (руководители работ, инженерно-технические работники), служащие (нормировщики, снабженцы и т. п.), рядовые рабочие (шахтеры, взрывники, крепыльщики и др.). Например, рабочий очистного забоя В. был осужден по ч. 1 ст. 218 УК УССР. Он, зная, что без разрешения нельзя подавать лес с одного уступа лавы на другой, бросил в лаву деревянную стойку, которой был травмирован бригадир А¹.

Посторонние горному производству лица не могут быть субъектами преступления, указанного в ст. 218 УК УССР. Диспозиция этой статьи, будучи бланкетной, отсылает к правилам безопасности горных работ, содержание же этих правил показывает, что соблюдать их обязаны не любые лица, а исполнители соответствующей деятельности, т. е. должностные лица, руководящие производством горных работ, служащие, обеспечивающие нормальное функционирование этих работ, и рядовые рабочие, выполняющие конкретные производственные операции. Именно в этих целях проводится в различных формах обучение участников горного производства, установлен постоянный контроль за выполняемыми работами и соблюдением соответствующих правил.

Данное преступление **наказывается** по ч. 1 ст. 218 УК УССР лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года (по ч. 1 ст. 214 УК РСФСР – лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок); по ч. 2 ст. 218 УК УССР – лишением свободы на срок до восьми лет (по ч. 2 ст. 214 УК РСФСР – лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до одного года).

§ 3. Нарушение правил при производстве строительных работ

В ст. 219 УК УССР установлена уголовная ответственность за нарушение при производстве строительных работ строительных, санитарных и противопожарных правил, а также нарушение правил эксплуатации строительных механизмов, если оно причинило вред здоровью людей или заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия (ч. 1). По ч. 2 этой статьи наказывается нарушение правил при производстве строительных работ, если оно повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Часть 1 ст. 215 УК РСФСР охватывает только случаи, когда нару-

¹ См.: Архив народного суда Советского района г. Макеевки Донецкой области за 1975 г.

шение правил причинило вред здоровью людей. Часть 2 этой статьи образует состав преступления по тем же основаниям, что и ч. 2 ст. 219 УК УССР.

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что нарушения правил при производстве строительных работ могут привести к несчастным случаям с работающими на строительстве и посторонними производству лицам, повреждениям строительных механизмов, разрушению строительных сооружений, причинению материального ущерба.

В судебной практике встречаются серьезные затруднения при применении норм об ответственности за нарушение правил при производстве строительных работ. В некоторых случаях это общественно опасное деяние квалифицируется по статьям УК, в которых установлена ответственность за нарушение правил охраны труда. Иногда такие посяательства рассматриваются как административный или дисциплинарный проступок.

Основным непосредственным объектом данного преступления является общественная безопасность в сфере производства строительных работ, т. е. общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование строительного производства, а также безопасность как работающих на строительстве, так и посторонних лиц.

К *дополнительным* непосредственным объектам относятся: жизнь и здоровье людей, социалистическая и личная собственность. Для применения ст. 219 УК УССР вовсе не обязательно, чтобы ущерб был причинен всем названным дополнительным объектам. Достаточно причинения ущерба хотя бы одному из них.

В качестве дополнительного объекта данного преступления выступают также отношения, установленные по поводу охраны условий труда участников строительного производства. Ущерб этим отношениям причиняется лишь в связи с нарушением определенных мер и условий, предусмотренных в специальных правилах техники безопасности и санитарных правилах.

Потерпевшим в результате преступных действий, предусмотренных ст. 219 УК УССР, может быть любое лицо, т. е. как работники производства, так и посторонние производству лица. Например, для укладки трубопровода, к месту строительных работ, которые велись в районе жилых домов, завезли железобетонные лотки. При разгрузке эти лотки были сложены навалом по 6-7 штук один на другой, без подкладок и прокладок, которые бы предотвращали их смещение. Само место складирования не было ограждено. В результате допущенных нарушений,

упавшим с верхнего ряда лотком, были смертельно травмированы двое детей, игравшихся возле неогражденного штабеля¹.

К обязательным признакам **объективной стороны состава преступления**, предусмотренного ст. 219 УК УССР относятся: 1) общественно опасное деяние, представляющее собой нарушение правил при производстве строительных работ; 2) общественно опасные последствия; 3) причинная связь между деянием и указанными в законе последствиями.

Для преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 219 УК УССР, необходимо наличие всех указанных признаков объективной стороны. Отсутствие хотя бы одного из них свидетельствует об отсутствии данного состава преступления.

Преступное деяние описано в ст. 219 УК УССР как «Нарушение при производстве строительных работ строительных, санитарных и противопожарных правил, а также нарушение правил эксплуатации строительных механизмов...». Таким образом, нарушение рассматривается законом лишь в связи с осуществлением производства строительных работ.

«Производство строительных работ» – это такого рода повышено опасная для окружающих деятельность, осуществляемая на строительстве, которая связана с технологическими процессами по получению строительной продукции либо по ее видоизменению (реконструкции, ремонту, а также разборке и передвижке). Под технологическими процессами понимается осуществление в определенной заданной последовательности различных видов строительных работ (например, экскавация грунта, монтаж сборных конструкций, окраска стен и пр.), а под деятельностью – управление этими процессами со стороны инженерно-технического персонала, а также труд рабочих, непосредственных исполнителей строительных работ.

К строительным работам относятся работы целевого назначения: общестроительные (земляные, каменные, отделочные, монтаж строительных конструкций и др.) и специальные (монтаж систем водоснабжения, канализации, технологического оборудования и т. п.), а также работы вспомогательного назначения (погрузочно-разгрузочные, заготовительные, транспортные).

Нарушение, как форма преступного деяния, предусмотренного ст. 219 УК УССР, выражается в несоблюдении правил при производстве строительных работ, а именно: строительных, санитарных и противопожарных, а также правил эксплуатации строительных механизмов.

¹ См.: Архив народного суда Дзержинского района г. Кривого Рога Днепропетровской области за 1966 г.

В ст. 219 УК УССР характер этих правил описан самым общим образом. Однако, очевидно, что эти правила должны соответствовать строительному производству и что они не однотипны по своему целевому назначению (строительные, санитарные, противопожарные и др.). Диспозиция ст. 219 УК УССР является бланкетной и отсылает к другим нормативным актам, регулирующим производство строительных работ.

Строительные правила, предусмотренные ст. 219 УК УССР, регулируют технологию производственных процессов, направленных на непосредственное получение либо видоизменение (реконструкцию, ремонт, разборку, передвижку) строительной продукции и обеспечивают поддержание общественной безопасности в сфере производства строительных работ.

Наряду с ответственностью за нарушение строительных правил, ст. 219 УК УССР предусматривает также ответственность за нарушение специальных правил техники безопасности, хотя в диспозиции они прямо и не названы. Под действие этой статьи подпадают также нарушения правил техники безопасности «сквозного характера», которые в ходе строительного производства непосредственно обеспечивают безопасность того или иного производственного процесса.

Санитарные правила относятся к специальным профилактическим правилам при производстве строительных работ. Различают следующие виды специальных правил санитарной безопасности: организации технологических процессов и гигиенических требований к производственному оборудованию; учета метеорологических факторов; обеспечения безопасности от воздействия пыли, газов и токсических веществ; работы с радиоактивными веществами и источниками ионизирующего излучения; освещенности рабочих мест.

Противопожарные правила представляют собой систему обязательных норм, направленных на охрану от пожаров строящихся объектов, объектов, находящихся в зоне строительства и возле нее. Наличие специальных мер пожарной безопасности при производстве строительных работ диктуется тем, что строительство представляет собой комплекс производственных процессов, связанных с применением различного рода сгораемых материалов, конструкций, деталей, отходов и т. д. (дерево, пакля, стружка и др.).

Правила эксплуатации строительных механизмов обеспечивают также поддержание общественной безопасности в сфере производства этих работ.

Поскольку почти все строительные машины и механизмы могут применяться и в других отраслях народного хозяйства, особенно в

промышленности строительных материалов, то критерием для квалификации случаев нарушения правил эксплуатации строительных механизмов по ст. 219 УК УССР является использование этих механизмов в процессе производства строительных работ. Так, дробильно-сортировочные и смесительные машины могут применяться и в промышленности строительных материалов, и для заготовки последних в пределах места производства строительных работ. Подъемные машины могут применяться как для погрузочно-разгрузочных работ в любой отрасли промышленности, так и для выполнения тех же работ в местах производства строительства.

Под нарушением правил при производстве строительных работ следует понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение определенной производственной деятельности, предусмотренной правилами, либо выполнение действий, запрещенных правилами. Нарушение правил может быть осуществлено путем противоправного действия или бездействия, либо может иметь место сочетание действия и бездействия. Виды преступного поведения (действия или бездействия) находятся в прямой зависимости от содержания строительных и других правил.

Наиболее характерными нарушениями строительных правил являются: выполнение строительных работ (монтажных, электромонтажных, земляных) с отступлением от проекта; выполнение отдельных строительных операций без проекта организации работ; использование строительных материалов, конструкций, не предусмотренных проектом; невыполнение всех операций, предусмотренных проектом; отсутствие технических расчетов при замене одних строительных конструкций другими; нарушение требуемой технологической последовательности при ведении монтажных работ. Например, прораб Б., нарушив проект, без предварительного расчета произвел замену железобетонных подушек под опорами ферм на металлические листы, что вызвало перенапряжение кирпичной кладки в этих местах. Кроме этого он допустил монтаж закладных деталей опорных частей плит перекрытия без сварки с верхним поясом ферм, а также укладку опорных плит покрытия меньшей длины, что и повлекло за собой угрозу разрушения здания¹.

Характерными нарушениями специальных правил техники безопасности при производстве строительных работ являются: отсутствие контроля со стороны ответственного лица; необеспечение работ безопасными приспособлениями (приемные площадки, предохранительные щиты и т. п.); отсутствие распоряжений об устройстве ограждений и

¹ См.: Архив народного суда Киевского района г. Донецка за 1967 г.

допуск рабочих к работе в местах, где таких ограждений нет; бесконтрольность при закреплении предохранительных поясов при ведении особо опасных монтажных работ; допуск к особо опасным работам без предварительного обследования, составления актов об обследовании и выдачи специальных нарядов-заказов на ведение работ в этих случаях; отсутствие предупредительных знаков и постов возле опасных зон; нарушение порядка временного закрепления монтируемых конструкций; неправильное устройство рабочих лесов и разрешение работать на них; производство работ в действующих предприятиях, либо возле действующих линий коммуникаций без предварительного согласования с другими организациями режима работ; сброс строительных материалов и мусора с высоты и пр. Например, при строительстве жилого дома, прораб Х. направил бригаду каменщиков в зону, где в междуэтажном перекрытии находился неогражденный проем, представляющий опасность. В результате один из рабочих, проходя возле проема, оступился, упал с высоты 3-х метров и, получив телесные повреждения, скончался¹.

К нарушениям санитарных правил, охватываемых ст. 219 УК УССР относятся, например: распоряжение о выполнении работ на открытом воздухе при очень высокой, либо низкой температурах, если это запрещено; допуск к работе в помещениях с повышенной концентрацией вредной пыли, различных химических веществ, при необеспечении рабочих индивидуальными средствами защиты; распространение вредных газов, токсических или радиоактивных веществ, как в зоне строительства, так и за ее пределами и т. д. Наиболее распространенным нарушением является отсутствие должного искусственного освещения при ведении работ в ночное время. Так, например, прораб Ш., осуществляя руководство каменными работами, которые велись в ночное время, не обеспечил нормального освещения. Из-за этого каменщица Ч., при подноске шлакоблоков к лесам, оступилась и упала в неосвещенную яму, получив тяжкие телесные повреждения².

Нарушения противопожарных правил, подпадающие под действие ст. 219 УК УССР наиболее часто выражаются: в распоряжении производить огневые (сварочные) работы в огнеопасном месте без средств пожарной защиты или средств огнетушения либо без предварительного разрешения органов пожарнадзора на данные работы; в использовании легковоспламеняющихся и выделяющих взрывоопасные пары лаков, красок и растворителей без предупреждения о возможности их воспла-

¹ См.: Архив народного суда Коминтерновского района г. Харькова за 1972 г.

² См.: Архив народного суда г. Коммунарск Ворошиловградской области за 1966 г.

менения или взрыва; отсутствие постов, предупредительных знаков, плакатов в зоне ведения огневых работ; отсутствие технического контроля за ведением огнеопасных работ. Например, при ремонте школы велись сварочные работы. В результате попадания пламени и искр на деревянные стены, последние начали тлеть. Через четыре часа после окончания работ вспыхнул пожар. Руководивший сваркой мастер К. не дал указаний смачивать водой и защищать асбестовыми листами находившиеся вблизи деревянные конструкции, не назначил дежурных, обязанных в течение 3-5 часов после сварки периодически проверять возможности возникновения пожара¹.

К наиболее распространенным нарушениям правил безопасности эксплуатации строительных механизмов относятся: осуществление работ без предварительной проверки отсутствия людей в зоне действия механизма; допуск к работе с механизмом лиц, не имеющих прав на управление им; отсутствие контроля за действиями напарников по работе с механизмами; работа на механизме без разрешения, без получения наряда-допуска или без присутствия при работе ответственного технического лица; работа на заведомо неисправных механизмах; распоряжение или самовольное решение о работе на кранах под линиями электропередач; превышение скорости эксплуатации механизмов; нарушение пределов действия механизмов (габаритов, веса грузов, высоты подъема); работа с неогражденными вращающимися частями механизмов и др. Например, при строительстве здания прораб С., не осуществлял должного контроля за работой лиц, обслуживающих кран, а также не принял мер к выводу из зоны действия крана других рабочих. В результате этих нарушений, при монтаже лестничной площадки стропальщик К. зацепил крюки крана не за четыре монтажных петли площадки, а за две. При подъеме площадки петли не выдержали веса конструкции и оборвались. Упавшей площадкой был смертельно травмирован рабочий².

В качестве последствий «диспозиции ст. 219 УК УССР названы: вред здоровью людей, человеческие жертвы, возможность наступления человеческих жертв или иных тяжких последствий. Часть 1 ст. 219 УК УССР охватывает случаи причинения средней тяжести телесного повреждения одному лицу, легкого телесного повреждения с кратковременным расстройством здоровья или кратковременной утратой трудо-

¹ См.: Архив народного суда Житомирского района Житомирской области за 1970 г.

² См.: Архив народного суда Верхнеднепровского района Днепропетровской области за 1972 г.

способности одному или нескольким лицам. По этой же норме закона привлекаются к ответственности виновные и тогда, когда нарушение правил реально могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия.

Когда наступает гибель хотя бы одного лица, либо причиняются тяжкие телесные повреждения хотя бы одному лицу, либо телесные повреждения средней тяжести – двум или более лицам, а равно значительный материальный ущерб, виновные в нарушении правил при производстве строительных работ несут ответственность по ч. 2 ст. 219 УК УССР. Например, из-за допущенных прорабом Б. и мастером М. нарушений правил производства каменных работ произошло обрушение кирпичных стен, строившегося здания телефонной станции, чем государству был причинен материальный ущерб на сумму 4497 рублей¹.

Необходимым условием вменения наступивших последствий является причинная связь между нарушением правил при производстве строительных работ и этими последствиями. Причинная связь по характеру развития может быть прямой. Например, на одном из строительных участков было проведено бетонирование наклонной галереи. На следующий день бригадир Ч., нарушая строительные правила, дал указание рабочим снимать опалубку. При разборке опалубки, в связи с тем, что бетон еще не приобрел достаточной прочности, перекрытие галереи обрушилось, причинив одному из рабочих смертельную травму².

Однако для большинства случаев нарушения правил при производстве строительных работ характерно не прямое развитие причинной связи, а опосредствованное. Это значит, что нарушение правил способно вызвать общественно опасные последствия лишь в сочетании с действием других вредных факторов (физических, химических, технических и т. п.), а также неосторожных действий потерпевшего и других лиц. Например, механик одного из строительных участков Л. допустил установку и эксплуатацию глиномешалки без ограждения вращающихся на ней валов. Этим самым он нарушил правила эксплуатации строительных механизмов. Зашедший на стройку малолетний В., проходя мимо работавшей глиномешалки, поскользнулся и упал, в результате чего вращающимся валом ему была причинена смертельная травма³. Действие, допущенное Л., само по себе не могло привести к наступившему последствию, так как отсутствие защитного кожуха на вращающейся глиномешалке не влечет за собой с неизбежностью травматических

¹ См.: Архив народного суда Овручского района Житомирской области за 1966 г.

² См.: Архив народного суда Ясиноватского района Донецкой области за 1970 г.

³ См.: Архив народного суда Артемовского района Донецкой области за 1971 г.

повреждений, а лишь содержит реальную возможность их наступления. Если бы малолетний В. не оказался на стройке – опасное последствие вообще могло бы не наступить. Таким образом, в данном случае имеет место опосредствованная причинная связь.

Субъективную сторону преступления образует смешанная форма вины. В отношении факта нарушения правил при производстве строительных работ вина может быть умышленной или неосторожной. В отношении последствий возможна только неосторожность.

Субъектом данного преступления может быть лицо, на которое возложена обязанность по соблюдению строительных, санитарных, противопожарных правил либо правил эксплуатации строительных механизмов. Такими лицами являются: начальники (управляющие), главные инженеры строительно-монтажных организаций (трестов, учреждений) и приравненных к ним организаций; работники службы техники безопасности; главные механики и главные энергетики; механики и энергетики; производители работ (старшие производители работ, начальники участков); мастера; бригадиры; руководители транспортных и погрузочно-разгрузочных работ. Эти лица несут ответственность за указанные нарушения в силу возложенных на них обязанностей по руководству и непосредственной организации строительных работ.

Субъектом рассматриваемого преступления могут быть также рабочие, на которых возложены обязанности по исполнению различных работ и соблюдению соответствующих правил строительного производства.

Хотя специальные правила, действующие при производстве строительных работ, прямо не предусматривают соблюдения каких-либо обязанностей со стороны служащих (нормировщиков, снабженцев, сторожей, работников администрации и других), на них распространяются общие требования соблюдать технологическую дисциплину, правила по технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране. В соответствии с этим применение к таким лицам ст. 219 УК УССР возможно лишь тогда, когда до их сведения в установленном порядке были доведены, наряду с общими требованиями охраны труда, и требования специальной безопасности при производстве строительных работ, либо когда они, как участники строительного производства, знали требования общих правил охраны труда на строительстве и имели реальную возможность сознавать общественную опасность, совершаемых ими действий, обусловленных специальными правилами. Отсутствие у лица реальной возможности сознавать, что своими действиями оно нарушает правила при

производстве строительных работ, не может влечь ответственность по ст. 219 УК УССР.

Посторонние производству лица не могут нести ответственность по ст. 219 УК УССР.

Наказывается данное преступление: по ч. 1 ст. 219 УК УССР лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок, или штрафом в размере до ста рублей (по ч. 1 ст. 215 УК РСФСР – лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок); по ч. 2 ст. 219 УК УССР – лишением свободы на срок до пяти лет (по ч. 2 ст. 215 УК РСФСР – лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до одного года).

§ 4. Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах

Во многих отраслях промышленности имеются взрывоопасные участки, цехи, предприятия. Общественная опасность преступного нарушения правил безопасности или производственно-технической дисциплины на этих участках производственной деятельности заключается в том, что нарушения правил приводят или могут привести к взрывам, пожарам, повреждениям или уничтожениям объектов социалистической собственности, гибели многих людей. Поэтому такого рода деяния рассматриваются как одно из наиболее опасных посягательств, на общественную безопасность.

В ч. 1 ст. 220 УК УССР (ст. 216 УК РСФСР) установлена ответственность за нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, а в части 2 за то же деяние, если оно повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия.

Основным непосредственным объектом данного посягательства является общественная безопасность в сфере производства работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, т.е. общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование взрывоопасных предприятий (цехов), а также безопасность работников занятых на этих производствах, а равно и посторонних лиц.

К **дополнительным** непосредственным объектам относятся: жизнь и здоровье людей, социалистическая и личная собственность, а также отношения установленные по поводу охраны условий труда, работающих на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах.

Потерпевшими от преступления могут быть как работники взрывоопасного предприятия (цеха), так и посторонние лица.

С **объективной стороны** рассматриваемое преступление состоит в нарушении производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Общественно опасное деяние рассматривается законом лишь в связи с осуществлением производства на взрывоопасном предприятии (цеху). Взрывоопасными признаются такие предприятия и цеха, в которых самый характер технологических процессов производства работ связан с опасностью взрыва. При отнесении предприятия или цеха к взрывоопасным следует руководствоваться Положением, определяющим режим работы предприятия или цеха. Как отметил Пленум Верховного Суда Украинской ССР в постановлении от 26 июля 1974 г. «принадлежность предприятия (цеха) к взрывоопасному определяется не характером наступивших последствий, а категорией и классом производства на взрыво- и пожароопасность, установленных технологическим режимом»¹.

К взрывоопасным относятся предприятия или отдельные цеха, которые используют, например, аммиак, ацетон, бензин, бутан, доменный газ, силог, метан, спирт, толуол, коксовый газ, светильный газ, эфир, сероводород, сероуглерод, уайт-спирит в качестве сырья или готовой продукции, либо эти вещества выделяются при производстве². Взрывоопасными считаются заводы и цехи, которые производят взрывоопасные вещества, порох и боеприпасы. К взрывоопасным относятся некоторые цеха обогатительных и брикетных фабрик (например, цех термической сушки, дробилочный и прессовальный цехи)³. Это может быть и химическая лаборатория, где в результате различного рода опытов получают взрывоопасные вещества. К взрывоопасным предприятиям относятся также шахты, опасные по выделению газа метана или по взрыву угольной, серной или сульфидной пыли, шахты по вскрытию и разработке угольных пластов, склонных к внезапным выбросам угля и газа или же к самовозгоранию ископаемого⁴. В судебной практике встречаются трудности при отграничении деяний, предусмотренных

¹ «Радянське право», 1974. – № 12. – С. 87.

² См.: Советское уголовное право. Особенная часть. – Изд. Московского университета, 1975. – С. 393.

³ См.: П. С. Матышевский. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Изд. «Юридическая литература», 1964. – С. 41.

⁴ См. І. П. Лановенко. Боротьба із злочинами проти трудових прав і безпеки виробництва. – Київ. Вид. «Наукова думка», 1972 – С. 185.

ст. 218 УК УССР и ст. 220 УК УССР. Например, по ч. 1 ст. 218 УК УССР были квалифицированы действия мастера-взрывника М., допустившего нарушение ряда правил, которые могли привести к взрыву газа метана и угольной пыли, возникновению пожара, что в свою очередь могло повлечь человеческие жертвы. Суд при рассмотрении дела отметил, что шахта, где были допущены нарушения, относится к третьей категории по газу метану и опасна по взрывности угольной пыли. Деяния М. были переквалифицированы судом с ч. 1 ст. 218 УК УССР на ч. 1 ст. 220 УК УССР¹. Пленум Верховного Суда УССР признает правильной практику квалификации действий виновных по ст. 220 УК УССР, если нарушения производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность горных работ имели место во взрывоопасной шахте, вследствие чего возник взрыв или была создана его реальная угроза².

Если по характеру производства ведутся взрывные работы, (например, при горных и строительных работах) и при этом не образуются взрывоопасные смеси воздуха и продукты взрыва, то такие производства (предприятия, участки, цехи) не относятся к взрывоопасным. Поэтому вызывает сомнение квалификация деяний П., С. и Ш. по ч. 2 ст. 220 УК УССР, признанных виновными в нарушении правил при производстве буро-взрывных работ в угольной шахте, что повлекло за собой взрыв и несчастные случаи с людьми³. Из материалов дела не видно, что шахта, где произошел несчастный случай относится к взрывоопасной, хотя это обстоятельство обязательно необходимо устанавливать при применении ст. 220 УК УССР.

Под «производственно-технической дисциплиной», о нарушении которой говорит ст. 220 УК УССР, следует понимать «соблюдение технологического порядка ведения производственных процессов, установленного технологическими требованиями режима работы оборудования, аппаратуры, приборов, обеспечивающих безопасность производства»⁴.

Помимо ответственности за нарушение производственно-технической дисциплины, диспозиция ст. 220 УК УССР предусматривает ответственность также за случаи нарушения правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Среди них следует различать специальные (технические) правила техники безопасности и «правила сквозного характера» действующие

¹ См.: Архив народного суда г. Лисичанска Ворошиловградской области за 1973 г.

² «Радянське право», 1974. – № 12 – С. 87.

³ См.: Архив народного суда г. Кировска Ворошиловградской области за 1971 г.

⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.). – С. 576.

в данном случае на взрывоопасном предприятии или во взрывоопасном цеху. Эти правила содержатся в постановлениях, инструкциях, приказах и т. п.

Нарушение производственно-технической дисциплины – это неисполнение или ненадлежащее исполнение технологического порядка ведения производственных процессов, либо выполнение действий, запрещенных технологическими требованиями режима работы. Например, опасность взрыва может возникнуть из-за: нарушения технологического режима работы оборудования, аппаратуры, приборов; невыполнения или неточного выполнения распоряжений; отсутствия контроля за ходом производственного процесса и т. п.

Нарушение правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных (цехах может заключаться в неисполнении или ненадлежащем исполнении требований, предусмотренных правилами, инструкциями, либо учинении действий, запрещенных правилами безопасности. Это, например, курение в помещении взрывоопасного цеха, пользование открытым огнем в газовой (метановой) шахте, ведение работ при отсутствии надлежащей вентиляции и т. п.

Нарушение правил может быть осуществлено путем действия или бездействия, либо в виде действия и бездействия.

Согласно текста ч. 1 ст. 220 УК УССР для наличия состава преступления достаточно установить сам факт нарушения производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Однако, поскольку указанные нарушения не во всех случаях могут привести к наступлению опасных последствий, то по ч. 1 ст. 220 УК УССР можно квалифицировать лишь те нарушения, не повлекшие вредных последствий, которые создавали угрозу безопасности взрывоопасного производства (взрыва)¹. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила приговор и прекратила дело производством в отношении Б., осужденного за то, что он пытался пронести во взрывоопасное предприятие табак. Было указано, что допущенное нарушение не могло вызвать опасных последствий, так как спичек у Б. не обнаружили, данных о том, что он намеривался курить во взрывоопасном месте не было².

¹ См.: Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. – Киев: Политиздат Украины, 1969. – С. 465.

² См.: П. Ф. Гришанин, В. А. Владимиров. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. (Учебное пособие). – М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1962. – С. 42.

Создание угрозы взрыва должно быть реальным, т. е. в развитии производственных процессов должно появиться такое качественно иное состояние, которое содержит конкретную опасность взрыва. Таковы, например, курение или пользование открытым огнем в газовой (метановой) шахте, которые создают опасность взрыва и гибели людей¹.

Под признаки ч. 1 ст. 220 УК УССР подпадают также случаи, когда нарушения правил влекут за собой последствия, которые не могут считаться тяжкими². Это может быть взрыв, не вызвавший никаких разрушений, либо повлекший незначительный материальный ущерб, средней тяжести телесные повреждения одному лицу, либо легкие телесные повреждения одному или нескольким лицам или другие менее значительные повреждения здоровью граждан.

Для привлечения виновных к ответственности по ч. 2 ст. 220 УК УССР необходимо, чтобы наступили *человеческие жертвы или иные тяжкие последствия*. Под человеческими жертвами понимается гибель хотя бы одного лица. К «иным тяжким последствиям» Пленум Верховного Суда СССР относит: причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, средней тяжести телесных повреждений двум или более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам³.

Признаком объективной стороны данного преступления является причинная связь между нарушениями правил и взрывом, повлекшим различные последствия или возможностью взрыва. Для установления этой связи требуется проведение технической экспертизы. Причинная связь по характеру развития может быть как прямой, так и опосредствованной.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной или неосторожной виной в отношении нарушения производственно-технической дисциплины или правил безопасности и неосторожной виной по отношению к факту создания угрозы взрыва или другим последствиям.

Субъектом преступления могут быть как должностные лица, ответственные за соблюдение производственно-технической дисциплины

¹ См.: Советское уголовное право. Особенная часть. – Изд. Московского университета, 1975. – С. 394.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М.: «Юридическая литература», 1971. – С. 462; Советское уголовное право. Особенная часть. – Изд. Московского университета, 1975. – С. 394.

³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.) – С. 576.

и правил безопасности (руководители предприятий, главные инженеры, начальники цехов, их заместители, механики, заведующие вентиляцией, начальники участков, мастера и др.), так и рабочие и служащие взрывоопасных предприятий и цехов, обязанные соблюдать правила безопасности.

Посторонние для этих производств лица (экскурсанты, работники других учреждений и организаций и т. п.), в силу реальной возможности осознавать особую опасность этих производств, также могут нести ответственность по ст. 220 УК УССР, если до их сведения в установленном нормативными актами порядке были доведены правила безопасности на взрывоопасных предприятиях и цехах.

Наказание за данное преступление по ч. 1 ст. 220 УК УССР – лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок (по ч. 1 ст. 216 УК РСФСР – исправительные работы на срок до одного года, или штраф до ста рублей, или увольнение от должности); по ч. 2 ст. 220 УК УССР – лишение свободы на срок до десяти лет (по ч. 2 ст. 216 УК РСФСР – лишение свободы на срок до семи лет).

§ 5. Нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ

В процессе эксплуатации промышленного производства при выполнении ряда работ используются взрывчатые и радиоактивные вещества.

Нарушение специальных правил, обеспечивающих безопасность при хранении, использовании, транспортировке этих веществ может привести к тяжелым последствиям, повлечь гибель людей, взрывы, пожары, заражение местности, причинение крупного материального ущерба и т. д.

Поэтому советское уголовное законодательство устанавливает строгую ответственность за нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами.

Преступлением согласно ч. 1 ст. 221 УК УССР признается «нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых или радиоактивных веществ, а также незаконная пересылка этих веществ по почте или багажом». В ч. 2 установлена повышенная ответственность за «те же деяния, если они повлекли человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». В отличие от ч. 1 ст. 221 УК УССР, ч. 1 ст. 217 УК РСФСР образует состав преступления только в случаях, когда нарушения правил «могли повлечь тяжкие последствия». В ней, кроме того, в числе предметов преступления названы пиротехнические изделия. Часть 2 этой статьи предусматривает наказание за нарушения, «если они повлекли тяжкие последствия».

Основным непосредственным объектом данного преступления является общественная безопасность в сфере обращения (хранения, использования, учета, перевозки, пересылки) со взрывчатыми и радиоактивными веществами.

Дополнительными непосредственными объектами могут выступать: жизнь и здоровье людей, социалистическая и личная собственность, а также отношения, установленные по поводу охраны условий труда лиц, выполняющих работы, связанные с обращением со взрывчатыми и радиоактивными веществами.

Потерпевшими от преступления могут быть как лица, чья производственная деятельность связана с обращением с данными веществами, так и посторонние лица.

С объективной стороны это преступление заключается в нарушении правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых или радиоактивных веществ, а также в незаконной пересылке этих веществ по почте или багажом.

Диспозиция ст. 221 УК УССР (217 УК РСФСР) является бланкетной и отсылает для выяснения характера нарушения к многочисленным правилам и инструкциям, которые регламентируют безопасное обращение со взрывчатыми, радиоактивными веществами и пиротехническими изделиями.

Взрывчатые вещества – это соединения или смеси, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву) – с образованием газов и выделением значительного количества тепла. К ним относятся порох, динамит, тротил, нитроглицерин и др.¹.

Радиоактивные вещества обладают способностью самопроизвольного ядерного превращения с выделением излучения элементарных частиц. Так, естественные и искусственные радиоактивные элементы (радий, уран, мезоторий, кобальт, стронций и др.) испускают гамма-лучи, которые могут оказывать вредное действие на организм.

Пиротехнические изделия – это различные осветительные, сигнальные, зажигательные и дымовые средства, используемые для устройства фейерверков, дымовых завес и т. п.².

Правила обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами содержат требования по технике безопасности и промышленной санитарии, предъявляемые к должностным лицам, административно-

¹ См.: Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. – Киев: Политиздат Украины, 1969. – С. 466.

² См.: Советское уголовное право. Часть Особенная. – М.: Изд. «Юридическая литература», 1973. – С. 510.

техническому персоналу и всем работникам производственного процесса. Содержание правил зависит от вида и свойств веществ и подробно регламентируется соответствующими инструкциями. Так, радиоактивные вещества должны храниться в основном кожухе и находиться в тех помещениях, где с ними производится работа; работы по гаммадефектоскопии производятся под постоянным контролем дозиметрических приборов¹. Независимо от группы, радиоактивные вещества, предназначенные к перевозке, должны быть заключены в специальные контейнеры. При любых операциях со взрывчатыми материалами должна соблюдаться максимальная осторожность, взрывчатые материалы не должны подвергаться ударам и толчкам, запрещается также толкать, бросать, перекачивать (кантовать) и ударять ящики (тару) со взрывчатыми материалами.

Под нарушением правил обращения (хранения, использования, учета, перевозки или пересылки) со взрывчатыми или радиоактивными веществами следует понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение требований техники безопасности и промышленной санитарии, предусмотренных правилами, либо выполнение действий, запрещенных правилами.

Нарушение правил может быть осуществлено путем действия или бездействия либо выражаться одновременно и в той и в другой форме.

Согласно ч. 1 ст. 221 УК УССР преступлением должен признаваться сам факт нарушения правил обращения со взрывчатыми или радиоактивными веществами. Вместе с тем, в действующем законодательстве за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки и пересылки взрывчатых и радиоактивных веществ установлена административная и дисциплинарная ответственность². Следует считать, что те нарушения, которые не повлекли вредных последствий, а также не создавали угрозы наступления таких последствий, должны влечь лишь меры административного или дисциплинарного воздействия. Поэтому под признаки ч. 1 ст. 221 УК УССР подпадают те случаи, когда нарушения, не повлекшие вредных последствий, *создавали угрозу безопасности обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами (взрыва, радиоактивного излучения)*.

¹ См.: М. А. Ефимов. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. — Минск: Изд. «Вышэйшая школа», 1971. — С. 103.

² См.: С. Винокуров. Ответственность за преступные нарушения правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами или пиротехническими изделиями. «Советская юстиция», 1976. — № 5. — С. 23.

Создание угрозы взрыва или распространения радиоактивных излучений должно быть реальным. Наличие (отсутствие) реальной возможности наступления последствий служит критерием для разграничения преступлений и других правонарушений (дисциплинарных, административных). Под признаки ч. 1 этой статьи подпадают также случаи, когда нарушения правил влекут за собой *взрыв или утечку радиоактивных веществ, не вызвавших никаких разрушений или поврежденных*. Этой же статьей охватываются нарушения, если они повлекли *незначительный материальный ущерб, средней тяжести телесные повреждения одному лицу, либо легкие телесные повреждения одному или нескольким лицам или другие менее значительные повреждения здоровью граждан*.

Часть 1 ст. 217 УК РСФСР, в отличие от ч. 1 ст. 221 УК УССР, предусматривает ответственность не за все случаи нарушения правил, содержащие угрозу безопасности обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами, а за те, которые могли повлечь лишь «тяжкие последствия». Следует поэтому не только выяснить наличие определенного нарушения, допущенного виновным, но и установить, могло ли это нарушение повлечь тяжкие последствия.

Для привлечения виновных к ответственности по ч. 2 ст. 221 УК УССР (ч. 2 ст. 217 УК РСФСР) необходимо, чтобы нарушения правил повлекли *гибель хотя бы одного человека или иные тяжкие последствия*. Под «иными тяжкими последствиями» следует понимать причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, средней тяжести двум и более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам.

Признаком объективной стороны этого преступления является также причинная связь между нарушениями правил и взрывом или радиоактивным излучением, повлекшим различного рода последствия, или возможностью взрыва либо радиоактивного излучения. По характеру развития она может быть как прямой, так и опосредствованной.

С субъективной стороны преступление характеризуется виной в форме умысла или неосторожности в отношении факта нарушения правил и неосторожностью – к созданию угрозы взрыва либо распространения радиоактивных излучений или другим последствиям.

Субъектом преступления может быть как должностное лицо, так и рядовой сотрудник предприятия (взрывник, лаборант и т. п.), деятельность которого связана с хранением, использованием, учетом и перевозкой взрывчатых и радиоактивных веществ. Так как ст. 221 УК УССР

является бланкетной нормой, то при привлечении (виновных к ответственности необходимо указывать не только, какие правила обращения с названными веществами нарушены, но и основания, по которым к ответственности привлекается лицо (правила безопасности обращения со взрывчатыми или радиоактивными веществами либо приказ по предприятию, возлагающий определенные обязанности на данное лицо, либо расписка в том, что он был ознакомлен с правилами)¹. Ответственность по данной статье за нарушение правил пересылки этих веществ по почте или багажом несут также частные лица.

Преступление **наказывается** по ч. 1 ст. 221 УК УССР исправительными работами на срок до одного года или штрафом в размере до пятидесяти рублей (по ч. 1 ст. 217 УК РСФСР – лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок); по ч. 2 ст. 221 УК УССР – лишением свободы на срок до десяти лет (по ч. 2 ст. 217 УК РСФСР – лишением свободы на срок до семи лет).

§ 6. Отличие нарушений правил охраны труда (ст. 135 УК УССР) от нарушений специальных правил безопасности производства (ст. ст. 218-221 УК УССР)

В судебной практике часто возникают затруднения при разграничении преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 135 УК УССР, и преступлений, указанных в ст. ст. 218-221 УК УССР. Отличие этих преступлений прежде всего следует проводить по их объекту и по кругу потерпевших. Основным непосредственным объектом преступления, обозначенного в ст. 135 УК УССР, являются трудовые права граждан в сфере обеспечения безопасных условий труда на социалистическом производстве. Потерпевшими могут быть только участники производства.

Основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных в ст. ст. 218-221 УК УССР является общественная безопасность в сфере той или иной повышено опасной производственной деятельности (горных и строительных работ, работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами).

Потерпевшими здесь могут быть как работники производства, так и не связанные с производством лица. Кроме того, эти преступления могут причинить ущерб социалистической или личной собственности.

В разграничении этих преступлений большое значение имеет характер правил, которые нарушены виновным. Так, ст. 135 УК УССР

¹ См.: И. И. Горелик. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. – Минск: Изд. «Вышэйшая школа», 1973. – С. 266-267.

предусматривает ответственность за нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии и других правил охраны труда, независимо от того, в какой отрасли народного хозяйства они допущены. Они могут иметь место и в горной промышленности, и на строительстве, и при производстве работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, а равно при обращении со взрывчатыми и радиоактивными веществами. Под действие же ст. ст. 218-221 УК УССР попадают нарушения специальных правил техники безопасности, а также правил безопасности «сквозного характера», которые в процессе горного, строительного, взрывоопасного производства, обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами приобретают специальный характер, т. е. непосредственно обеспечивают безопасность тех или иных производственных процессов, применяемых в этих отраслях народного хозяйства.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. указано, что ответственность за нарушение правил безопасности горных, строительных работ и работ во взрывоопасных предприятиях (цехах) предусмотрена специальными нормами (ст. ст. 214-216 УК РСФСР, ст. ст. 218-220 УК УССР) и что ст. 140 УК РСФСР (ст. 135 УК УССР) подлежит применению в тех случаях, когда при производстве горных, строительных работ или работ во взрывоопасных предприятиях (цехах) должностными лицами, кроме правил производства этих работ, нарушены и общие правила охраны труда¹. Развивая это положение, Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 26 июля 1974 г. разъяснил, что нарушение должностным лицом при производстве горных, строительных и иных работ других правил техники безопасности, которые не включены в специальные правила или инструкции для данной отрасли производства, следует квалифицировать по ст. 135 УК УССР. Если же одновременно нарушены и специальные и общие правила или инструкции, виновный отвечает по совокупности преступлений, т. е. по ст. ст. 218-220 УК УССР и ст. 135 УК УССР².

Отличие между названными преступлениями и в следующем: так, кроме нарушения специальных правил техники безопасности, ст. ст. 218-221 УК УССР охватывают также нарушения других правил (например, строительные, санитарные, противопожарные, а также правила эксплуатации строительных механизмов по ст. 219 УК УССР; производственно-техническую дисциплину по ст. 220 УК УССР).

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973 гг.), – С. 575.

² См.: «Радянське право», 1974. – № 12. – С. 87.

Отличаются эти преступления и по субъекту. Субъектом нарушения правил охраны труда (ст. 135 УК УССР) являются должностные лица, на которых в силу служебного положения или по специальному распоряжению возложена обязанность по охране труда и соблюдению правил техники безопасности на соответствующем участке работы или контроль за их исполнением. Круг субъектов преступлений по ст. ст. 218-221 УК УССР шире. Это и должностные лица, и рабочие, и служащие повышено опасных производств, обязанные соблюдать производственно-техническую дисциплину, правила безопасности, санитарные и другие правила, о нарушении которых говорится в диспозициях этих статей. Субъектом преступлений по ст. ст. 220 и 221 УК УССР могут быть также посторонние лица, до сведения которых в установленном порядке доведены правила безопасности на взрывоопасных предприятиях (цехах) или правила обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами.

НЕОБЕРЕЖНІСТЬ ТА ЇЇ ВИДИ*

І. Поняття необережності

Необережність, поряд з умислом, є основна форма вини у радянському кримінальному праві. Кримінальний закон розглядає необережність як менш небезпечну вину в порівнянні з умислом. Якщо умисне вбивство без обтяжуючих обставин карається за Кримінальним кодексом УРСР позбавленням волі на строк від семи до п'ятнадцяти років, а при обтяжуючих обставинах – позбавленням волі на строк від восьми до п'ятнадцяти років або смертною карою, то вбивство з необережності карається позбавленням волі на строк до трьох років або виправними роботами на строк до двох років. Разом з тим не можна недооцінювати небезпеки необережних злочинів. За спостереженнями вчених, питома вага необережних діянь у загальній масі реально вчинених злочинів останнім часом помітно зросла. Так, за даними Н. Ф. Кузнецової, В. Є. Квашиса, вона досягає 12%¹. Особливої небезпеки для суспільства набувають наслідки необережних злочинів. Вивчення юридичної практики показує, що основна маса матеріальних збитків завдається не

* Текст лекції. – Х.: Харківський юридичний інститут, 1991. – 23 с.

¹ Див.: Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью // Вестн. МГУ. Сер. II. Право, 1974. – № 4. – С. 15; Квашис В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. – Владивосток, 1986. – С. 38.

навмисними, а необережними злочинами, котрі до того ж нерідко залишаються безкарними. Недисциплінованість окремих осіб, їх зневажливе ставлення до виконання своїх службових та професійних обов'язків призводять в окремих випадках до катастрофічних за масштабами та тяжкістю наслідків. Прикладами тому є аварія на Чорнобильському АЕС (1986 р.), вибух під Уфою на магістральному продуктопроводі Західний Сибір – Урал – Поволжя Міннафтопрому СРСР (1989 р.), інші випадки.

Необережна форма вини характерна для порушень правил безпеки руху та експлуатації транспорту, порушень правил охорони праці і безпеки виробництва, для окремих господарських та службових злочинів. Слід зауважити, що кількість кримінально-правових норм покарання за злочини з необережності, котрі передбачені діючим законодавством, складає невеликий відсоток від загальної кількості норм Особливої частини. Однак у зв'язку з подальшим розвитком техніки і різних видів транспорту, широким використанням у виробництві, дослідженнях небезпечних речовин та матеріалів питання про відповідальність за дії, які вчиняються з необережності, досить актуальне. Однією із неодмінних умов посилення боротьби з необережністю є правильне застосування законодавства про необережні злочини, а також точне встановлення виду необережності, з котрої заподіяний злочин.

Діюче кримінальне законодавство містить у Загальній частині загальне визначення необережної форми вини. У ст. 9 Основ кримінального законодавства Союзу РСР і союзних республік¹ (ст. 9 КК УРСР) говориться, що злочин визнається вчиненим з необережності, коли особа, яка його вчинила, передбачала можливість настання суспільно небезпечних наслідків своєї дії або бездіяльності, але легковажно рахувала на їх відвернення, або не передбачала можливість настання таких наслідків, хоч повинна була і могла їх передбачити. Це визначення охоплює два види необережності: злочинну самовпевненість і злочинну недбалість (дод. І), котрими, як правило, і користуються при застосуванні кримінально-правових норм, теоретичному аналізі суб'єктивної сторони злочинів, відміні необережності від умислу, «випадку» та ін.

На відміну від діючого законодавства проект Основ кримінального законодавства Союзу РСР і союзних республік² не передбачає загального визначення необережної форми вини³. У ст. 12 цього проекту назване і дане визначення двох видів необережності злочинної самовпевненості та злочинної недбалості. Такий підхід до формулювання

¹ Далі – Основи.

² Далі – проект Основ.

³ Див.: Известия. – 1988. – 17 грудня.

в кримінальному законі поняття необережності уявляється виправданим, бо більш важливим для правозастосовальної діяльності є визначення конкретних видів вини.

Аналіз норм Особливої частини показує, що Кримінальні кодекси УРСР, РРФСР, інших союзних республік передбачають у більшості випадків відповідальність за необережні злочини у зв'язку з настанням суспільно небезпечних наслідків (див.: ст. 98, 167, 215 КК УРСР). Ці норми сконструйовані за ознаками матеріального складу злочину. Із наведеного визначення необережності випливає, що законодавець у ст. 9 Основ (як і автори ст. 12 проекту нових Основ) якраз і формулює її через ставлення особи до наслідків свого діяння, тобто стосовно потреб застосування матеріальних злочинів. Разом з тим окремі статті Особливої частини передбачають можливість відповідальності за самі дії (бездіяльність), вчинені з необережності (див: ст. 76, 147, 163, 229-7 КК УРСР). Ці норми сконструйовані за ознаками формального складу злочину. При визначенні ознак такого складу необхідно встановлювати вину та її вид відносно самого діяння (дії, бездіяльності). У зв'язку з цим ряд дослідників цілком слушно ставлять питання про вдосконалення визначення необережності та її видів. Так, на думку П. С. Дагеля, ст. 9 Основ повинна мати характеристику психічного ставлення особи і до дії або бездіяльності так само, як це має місце при визначенні умислу (ст. 8 Основ) [3].

2. Злочинна самовпевненість

Ст. 9 Основ (ст. 9 КК УРСР) передбачає два види необережної вини: злочинну самовпевненість та злочинну недбалість, які відрізняються одна від одної за змістом інтелектуального та вольового елементів (див. дод. І). Злочинна самовпевненість має місце, коли особа, яка вчинила злочин, передбачала можливість настання суспільно небезпечних наслідків своєї дії або бездіяльності, але легковажно розраховувала на їх відвернення¹.

Злочинна самовпевненість характеризується двома ознаками: а) передбачення особою можливості настання суспільно небезпечних наслідків своєї дії або бездіяльності;

б) наявність у особи легковажного розрахунку на відвернення цих наслідків.

Інтелектуальний елемент злочинної самовпевненості. У законі він відображений вказівкою на ставлення суб'єкта до суспільно небезпечних наслідків. На відміну від визначення умислу закон не містить

¹ Див. також: Проект Основ, ч. 2, ст. 12.

характеристики психічного ставлення особи до учиненого нею діяння (дії, бездіяльності). В теорії кримінального права з цього питання висловлені різні думки. Одні автори вважають, що особа при злочинній самовпевненості усвідомлює суспільну небезпеку своєї дії або бездіяльності [1], інші, навпаки, гадають, що при самовпевненості у суб'єкта відсутня свідомість суспільної небезпеки діяння, що вчиняється, що ознакою самовпевненості є не позитивне усвідомлення суспільної небезпеки діяння, а обов'язок і можливість такого усвідомлення¹. Ця позиція уявляється більш обґрунтованою. Особа, діючи (бездіючи) певним чином і усвідомлюючи фактичну сторону свого діяння, не оцінює свою поведінку як суспільно небезпечну, оскільки нейтралізує небезпеку (у своїй свідомості) обставинами, котрі здатні, на її думку, запобігти можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Наприклад, майстер виробничої дільниці направляє на роботу робітника, що прибув до нього, не провівши з ним відповідного інструктажу з техніки безпеки. При цьому він просить інших робітників, досвідчених, обізнаних з вимогами правил безпеки, контролювати поведінку новачка і допомагати йому. У даному випадку майстер, розуміючи, що інструктаж необхідний, прагне нейтралізувати можливу небезпеку прийнятого рішення обставинами, котрі, на його думку, не спричинять наслідків. Орієнтуючись на вжиті заходи, майстер не оцінює своє діяння як суспільно небезпечне, він цілком свідомо знімає таку оцінку.

Разом з тим не можна виключати ситуацій, коли особа усвідомлює суспільну небезпеку діяння, яке вона вчиняє, бажає його здійснити, і при цьому до можливості настання суспільно небезпечних наслідків ставиться самовпевнено. Такі ситуації, на відміну від вищенаведеного випадку, відповідають положенням так званої змішаної форми вини, коли у психічному ставленні особи до ознак об'єктивної сторони злочину, який нею вчиняється, спостерігається сполучення двох різних форм вини: умислу і необережності. Так, наприклад, водій транспортного засобу свідомо приймає рішення керувати автомобілем з перевищенням швидкості, свідомо йде на ризик. Він усвідомлює, що таке управління транспортом ризиковане, воно заборонене правилами, а тому суспільно небезпечне. При цьому, однак, він гадає, що само по собі перевищення швидкості руху не викличе суспільно небезпечних наслідків. Для цього повинна виникнути небезпечна ситуація (наприклад поява на проїзній частині пішохода), в сполученні з якою перевищення швидкості може створити досить високу імовірність настання наслідків. Однак,

¹ Див.: Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно–правовые и криминологические проблемы. – М., 1977. – С. 120.

орієнтуючись на свою професійну майстерність, досвід, водій розраховує, що йому вдасться зреагувати на ситуацію і уникнути наслідків.

Як бачимо, при злочинній самовпевненості суб'єкт, почавши здійснювати дію (бездіяльність), одночасно використовує обставини, які, на його думку, нейтралізують небезпеку. Він вважає, що здійснюване ним діяння, хоча і пов'язане з відходом від встановлених вимог, суспільно небезпечних наслідків не спричинить. При змішаній формі вини суб'єкт, свідомо почавши здійснювати суспільно небезпечну дію (бездіяльність), розраховує на використання нейтралізуючих небезпеку обставин у майбутньому, якщо в цьому буде потреба. Разом з тим і в першому, і в другому випадках особа усвідомлює фактичну сторону діяння, відповідну об'єктивним ознакам складу злочину, передбаченого законом, в такій мірі, в якій це необхідно, щоб передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків. У наведених прикладах особа усвідомлює, що порушує відповідні правила безпеки і це може призвести до суспільно небезпечних наслідків.

Передбачення особою можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Говорячи про цю частину інтелектуальної діяльності суб'єкта, слід зазначити, що особа, діючи самовпевнено, передбачає як фактичні ознаки можливих наслідків своєї дії (бездіяльності), так і їх суспільно небезпечний характер.

Певну складність являє собою питання про характер передбачення наслідків. Багато хто з юристів вважає, що передбачення при самовпевненості носить абстрактний характер¹. Ще ряд авторів стверджують абстрактний характер самого передбачення². Заперечуючи проти такого розуміння передбачення, О. І. Рарог справедливо зауважує: передбачення – це певний розумовий процес, заснований на реальних та цілком конкретних фактах, і абстрактним, тобто відвернутим від певної життєвої ситуації, він бути не може [5]. Уявляється правильним твердження, що при злочинній самовпевненості має місце передбачення абстрактної можливості настання наслідків. У визначенні самовпевненості, – пише А. М. Ємельянов, мова йде про передбачення абстрактної можливості настання наслідків³. Діючи (бездіючи) злочинно самовпевнено, суб'єкт

¹ Див.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. I. Вып. 2. – СПб, 1878. – С. 9; Советское уголовное право. Часть общая. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 195.

² Див.: Гринберг М. С. Понятие преступной самонадеянности // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 102.

³ Емельянов А. М. К уточнению понятий умышленного и неосторожного преступного поведения // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М., 1981. – С. 113.

передбачає, що діяння, подібні вчиненому ним, взагалі призводять до суспільно небезпечних наслідків, однак саме ним вчинена дія (бездіяльність) таких наслідків не повинна спричинити. Тому, діючи у відповідній конкретній обстановці, особа не усвідомлює реального розвитку причинного зв'язку між своєю поведінкою і наслідками, хоча й могла б це зробити при більшій напрузі своїх психічних можливостей.

Вольовий елемент злочинної самовпевненості. Він полягає у тому, що особа легковажно розраховує на відвернення суспільно небезпечних наслідків. При цьому особа розраховує на цілком реальні обставини, котрі за своїми властивостями володіють дійсною здатністю відвернути настання наслідків.

Це власні, особисті якості (спритність, умілість, досвідченість, майстерність), дії інших осіб, фізичні або хімічні закони, вплив обстановки, сили природи і т.п. Розрахунок же на втручання обставин, котрі у момент діяння були відсутні, а їх прояв не є закономірним, виключає самовпевненість.

Незважаючи на упевненість суб'єкта у ненастанні наслідків, розрахунок його виявляється невірним (легковажним), внаслідок чого обрані обставини або частина їх не змогли відвернути суспільно небезпечні наслідки.

Тут треба зазначити, що питання про те, що необхідно розуміти під «розрахунком» при злочинній самовпевненості, досить складне для теорії і практики. Заслуговує на увагу, у зв'язку з аналізом цього поняття, висловлювання І. П. Лановенка: «легковажний розрахунок» буде мати місце лише при умові, що він підкріплений не абстрактними посиленнями на життєвий чи професійний досвід і загальними міркуваннями, а активними, заслуговуючими на увагу заходами обережності, котрих виявляється все ж недостатньо для відвернення негативних наслідків [1].

3. Відміна злочинної самовпевненості від непрямого умислу

У слідчій та судовій практиці викликає особливі утруднення відокремлення самовпевненості від непрямого умислу. Це обумовлено тим, що і з інтелектуальних, і з вольових елементів ці види вини мають схожість (дод. 2). Так, і при злочинній самовпевненості, і при непрямому умислі особа передбачає можливість настання суспільно небезпечних наслідків. Разом з тим, якщо при злочинній самовпевненості особа передбачає абстрактну можливість настання наслідків, то при непрямому умислі особа передбачає реальну можливість їх настання, ці наслідки передбачаються нею досить чітко. Особа, діючи (бездіючи) з непрямым умислом, передбачає, що саме її діяння цілком певно може спричинити

суспільно небезпечні наслідки. В цьому відміна вказаних видів вини щодо інтелектуального елементу.

З вольового елементу відміна злочинної самовпевненості від непрямого умислу така: при злочинній самовпевненості воля особи спрямована на відвернення можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Розрахунок особи конкретний, опирається на обставину чи групу обставин, які здатні відвернути настання наслідків. Однак у підсумку розрахунок виявляється невірним. При непрямому умислі особа свідомо допускає настання суспільно небезпечних наслідків. При цьому у неї, як правило, немає будь-якого розрахунку на відвернення наслідків. В окремих випадках, діючи з непрямым умислом, особа може навіть надіятися на ненастання наслідків, однак така надія у неї невиразна за характером, надія «навмання», на випадковість, а не на конкретні обставини. Так, наприклад, суб'єкт, що штовхає у воду людину, яка не вміє плавати, з човна, котрий знаходиться на середині широкої і глибокої річки, не має будь-яких достатніх підстав для реальної надії на ненастання загибелі потерпілого. Тому теорія кримінального права і судова практика розглядають подібного роду злочинні діяння як вчинені з непрямым умислом. Надія уникнути настання наслідків легковажним розрахунком не на будь-яку певну обставину, а тільки «навмання», на своє «щастя», на яку-небудь випадковість, – писав А. А. Пионтковський, – не усуває свідомого допущення настання злочинних наслідків, а тому повинна бути віднесена не до самовпевненості, а до евентуального (непрямого – В. Б.) умислу.¹ Ця думка, але в більш конкретизованому вигляді, підкреслювалась і П. С. Дагелем: При непрямому умислі особа може байдуже чи навіть негативно ставитись до злочинних наслідків, активно бажати їх ненастання, може, нарешті, надіятися, що вони не настануть, – ці відтінки ставлення до злочинних наслідків не відвертають непрямого умислу. Злочинний наслідок при непрямому умислі – це ціна, яку винний згоден заплатити за досягнення бажаної мети, котрої він добивається ціною спричинення шкоди суспільству, приносячи таким чином суспільні інтереси у жертву заради досягнення особистих цілей².

4. Злочинна недбалість

Відповідно до закону (ст. 9 Основ, ст. 9 КК УРСР) даний вид вини має місце, коли особа, яка вчинила суспільно небезпечне діяння, не

¹ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2. Преступление. – М., 1970. – С. 313.

² Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Уч. зап. ДВГУ. – 1968. – Вып. 21. – Ч. I. – С. 83-89.

передбачала можливості настання суспільно-небезпечних наслідків своєї дії або бездіяльності, хоча повинна була і могла їх передбачити¹. Як бачимо, від інших видів вини (прямого та непрямого умислу, злочинної самовпевненості) недбалість відрізняється тим, що особа не передбачає суспільно небезпечні наслідки.

Ілюстрацією до цього виду вини може бути справа Р. Останній був засуджений судовою колегією у кримінальних справах Миколаївського обласного суду за ст. 94 КК УРСР (умисне вбивство). При касаційному розгляді цієї справи дії його були перекваліфіковані на ч.3 ст. 101 КК УРСР (умисне тяжке тілесне ушкодження, внаслідок якого сталася смерть потерпілого). Пленум Верховного Суду СРСР, розглядаючи цю справу, за протестом Генерального прокурора СРСР, визнав у діях Р. ознаки злочину, передбаченого ст. 98 КК УРСР (вбивство з необережності)². Фабула цієї справи така. Р. вимагав від С. повернути незаконно взятий у дівчини годинник. С. відмовився це зробити. Виникла сварка, під час якої Р. двічі вдарив С. долонею по правій та лівій щелепі. Від одержаних ударів С. впав і відразу ж помер. Пленум Верховного Суду СРСР, виходячи із обставин справи, зазначив, що Р., завдаючи удари в обличчя С., не мав умислу спричинити які-небудь небезпечні для здоров'я ушкодження. Він мав намір примусити С. повернути годинник. Завдаючи удари долонею по обличчю потерпілому, Р. не передбачав можливості настання наслідків, котрі фактично наступили, але повинен був і міг їх передбачити. У відповідності з цим висновком і були перекваліфіковані дії Р. з ч.3 ст. 101 на ст. 98 КК УРСР.

Злочинна недбалість характеризується: а) непередбаченням особою можливості настання суспільно небезпечних наслідків своєї дії або бездіяльності; б) обов'язком особи передбачити такі наслідки; в) можливістю особи їх передбачити. Для встановлення цих ознак треба проаналізувати зміст інтелектуального та вольового елементів вини.

Інтелектуальний елемент злочинної недбалості. Формулюючи недбалість, законодавець, як і при описі самовпевненості, не дає характеристики психічного ставлення суб'єкта злочину до своєї дії (бездіяльності), а лише вказує на непередбачення особою настання суспільно небезпечних наслідків, при наявності обов'язку та можливості такого передбачення. Це, однак, не означає, що законодавець констатував тим

¹ Див. також: Проект Основ. – Ч. 3. – Ст. 12.

² Див.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1971-1979. – М., 1981. – С. 442-446.

самим відсутність у особи взагалі будь-якого психічного ставлення до діяння, яке викликало суспільнонебезпечні наслідки. У працях з юриспруденції і психології відзначається, що непередбачення наслідків свого діяння при наявності обов'язку і можливості їх передбачити – це наслідок певного психічного процесу, який відбувається у свідомості особи¹.

При злочинній недбалості у суб'єкта до здійснюваного ним діяння (дії, бездіяльності) можливі такі варіанти психічного ставлення:

а) суб'єкт усвідомлює, що порушує певні правила обережності, але не передбачає можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Таке ставлення характерне для випадків, коли суб'єкт вважає свій відступ від потрібної поведінки несуттєвим і не здатним набути негативного соціального значення. Наприклад, охоронець пропускає без належного дозволу на об'єкт, закритий для сторонніх, свого знайомого, не думаючи, що останній може використати перебування на цьому об'єкті для здійснення протиправної дії;

б) суб'єкт, здійснюючи свідомий вольовий вчинок, не усвідомлює, що таким чином він порушує правила необережності. Наприклад, водій, керуючи транспортним засобом, не знизив швидкість до потрібної, тому що не помітив знак «Обмеження максимальної швидкості»; продовжуючи рух, він вважає, що діє належним чином;

в) діяння суб'єкта позбавлене свідомого вольового контролю, але цей контроль утрачено з вини самого суб'єкта. Наприклад, робітник виробництва, знаходячись у стані сильного алкогольного сп'яніння і намагаючись встояти на ногах, хапається за рубильник, включає струм на лінії електропередачі у той час, коли на ній провадяться ремонтні роботи².

Як бачимо, у названих випадках суб'єкт не усвідомлює суспільної небезпеки дії, що вчиняє (бездіяльності), що і є головною рисою в характеристиці його ставлення до свого діяння.

Непередбачення наслідків. Передбачає чи не передбачає особа суспільно небезпечні наслідки у конкретному випадку, залежить від її ставлення до суспільних інтересів. Непередбачення свідчить про зневажливе ставлення особи до суспільних інтересів, недостатню передбачливість при здійсненні службових обов'язків, виконанні спеціальних правил, які регулюють ту чи іншу діяльність, при додержанні

¹ Див.: Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 64; Рубинштейн С. А. Бытие и сознание. – М., 1957. – С. 179.

² Див.: Дагель П. С., Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины (учебное пособие). – Владивосток, 1975. – С. 67; Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 65.

загальноприйнятих норм людського спілкування.» Всяке недоврахування наслідків, результатів свого вчинку, – писав С. Рубінштейн, – є безвідповідальне чи недосить відповідальне ставлення людини до того, що вона робить»¹. Так, судова колегія у кримінальних справах Верховного Суду РРФСР, розглядаючи справу Л., засудженого за ч.1 ст. 85 КК РРФСР (порушення правил безпеки руху та експлуатації транспорту), відзначила, що Л. «з'явився на роботу у нетверезому стані, не забезпечив безпеки руху залізничного транспорту, припинив спостереження за рухом поїздів і транспортних засобів на переїзді, в робочий час заснув на посту², у результаті такого безвідповідального ставлення Л. до своїх обов'язків стався наїзд пасажирського поїзда на автомобіль, що спричинило тяжкі наслідки – загибель двох осіб.

При дбайливому, уважному ставленні до суспільних інтересів особа, як правило, передбачає можливі небезпечні наслідки своєї дії (бездіяльності) і або запобігає їм, або відмовляється від свого діяння.

При визначенні злочинної недбалості в поведінці особи важливе місце займає встановлення обов'язку і можливості особи передбачити суспільно небезпечні наслідки. Обов'язок чи повинність передбачити наслідки («повинна була») в теорії кримінального права називають об'єктивним критерієм злочинної недбалості; можливість передбачення («могла») – суб'єктивним критерієм. Для констатації злочинної недбалості необхідно сполучення об'єктивного і суб'єктивного критеріїв.

Відсутність хоча б одного з них означає відсутність злочинної недбалості в цілому.

Об'єктивний критерій. У кримінально-правовій літературі питання про зміст цього критерію розглядається неоднозначно.

Так, К. А. Камхадзе вважає, що законодавець з допомогою об'єктивного критерію злочинної недбалості визначив обсяг вимог, які ставляться до «усередненої» людини, і виключив можливість об'єктивного ставлення при невинному нанесенні шкоди³. На думку Б. А. Курінова, об'єктивний критерій допомагає встановити, яким чином повинна була вести себе будь-яка людина в даному конкретному випадку. При цьому взірцем повинна служити поведінка кожної розсудливої людини або,

¹ Рубінштейн С. Л. Бытие и сознание. – М., 1957. – С. 286-287.

² Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1981–1988 гг. – М., 1989. – С. 100.

³ Камхадзе К. А. Рецензия на книгу «Проблемы борьбы с преступной неосторожностью». Межвуз. тематич. сб. – Владивосток, 1981 // Сов. государство и право. – 1984. – № 3. – С. 148.

якщо це стосується області науки, техніки та т. п., людини, яка володіє певною кваліфікацією¹.

Дещо інакше трактують цей критерій автори коментаря до Кримінального кодексу РРФСР. Вони вважають, що при встановленні об'єктивного критерію користуються «як би «посередньою» мірою, яка дозволяє визначити ступінь передбачливості, котрої належить дотримуватися особам певної професії, спеціальності чи діяльності, якою займався винний, або певною мірою передбачливості, яка ставиться до будь-якої людини нормами права і соціалістичної моралі, правилами соціалістичного співжиття»².

Як бачимо, автори наведених визначень при формулюванні змісту повинного передбачення користуються масштабами «середньої людини» («посередня людина», «кожний розсудливий громадянин», особа певної професії», «всяка людина» і т.п.).

Принципово іншу позицію займають П. С. Дагель, О. І. Парог та деякі інші дослідники. Ці автори вважають, що об'єктивний критерій недбалості повинен базуватися на вимогах персональної відповідальності (обов'язках, які повинні виконуватись конкретною людиною) і тому він має нормативний характер [3]. Об'єктивний критерій необережності означає обов'язок особи передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків при додержанні обов'язкових для цієї особи запобіжних заходів. Це можуть бути як елементарні (прості) заходи, які виникають у процесі безпосереднього спілкування людей один з одним, так і складні – наприклад, вимоги безпеки при здійсненні професійної діяльності.

Обов'язок бути уважним і обачливим при здійсненні певних дій, передбачити настання їх небезпечних наслідків може виходити із вимог законів, спеціальних правил (інструкцій, положень), які регулюють ту чи іншу службову або професійну діяльність, а також із загальновизначених норм людського спілкування. Відсутність обов'язку для особи передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків (об'єктивного критерію) означає відсутність в його діянні злочинної недбалості.

Суб'єктивний критерій. Як уже відзначалось, об'єктивний критерій визначає нормативні межі певної поведінки особи в процесі її службової (професійної) діяльності або в побуті, однак цього ще недостатньо для констатації злочинної недбалості. Для цього необхідно об'єктив-

¹ Див.: Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 197.

² Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1985. – С. 21.

ний критерій розглядати у тісному зв'язку із суб'єктивним. Вирішальне значення має встановлення фактичної можливості особи передбачити вказані в законі наслідки. Ця можливість пов'язується: по-перше, з індивідуальними якостями особи (вік, освіта, ступінь підготовленості та кваліфікації, знання загальних та спеціальних правил обережності, наявність життєвого та професійного досвіду, стан здоров'я і т.п.); по-друге, з тією конкретною ситуацією, в якій діяла дана особа¹. Наявність цих двох передумов робить для суб'єкта реально можливим передбачення суспільно небезпечних наслідків. Вказівка в законі на те, що при злочинній недбалості, окрім обов'язку, повинна бути і можливість передбачення суспільно небезпечних наслідків свого діяння, виключає об'єктивне ставлення.

Вольовий елемент злочинної недбалості. Він полягає у тому, що особа, маючи реальну можливість передбачити суспільно небезпечні наслідки своєї поведінки, не мобілізує свої психічні здібності для того, щоб здійснити вольові дії, необхідні для запобігання таких наслідків. По відношенню до належних дій у особи відсутні характерні для волі переживання «треба», «я повинен» їх здійснити, хоча ситуація давала йому достатню інформацію для цього, а за своїми особистими якостями вона могла сприйняти і усвідомити цю інформацію і прийняти вірне рішення.

Як вже було зазначено, законодавець в ст. 9 Основ (ст. 9КК УРСР) сформулював недбалість відносно злочинів з матеріальними складами. Що стосується злочинів з формальними складами, то при описі вини характеристику її ознак треба давати щодо діяння (дії, бездіяльності), а не наслідків. Таке переміщення тягне за собою заміну понять з «не передбачила» на «не усвідомлювала». Звідси для злочинів, які мають формальні склади, недбалість може бути визначена таким чином: «Особа, яка вчинила дію (бездіяльність), не усвідомлювала її суспільної небезпеки, хоч повинна була і могла усвідомлювати».

5. «Випадок»

Від злочинної недбалості треба відрізнити «випадок» («казус»), вказаний у дод. 3. «Випадок» у правозастосуванні явище нерідке, а актуальність питань, з ним пов'язаних, досить висока. Особливе розповсюдження має «випадок» у справах по заподіяння шкоди життю та здоров'ю людини, виробничому травматизму, порушенню правил безпеки руху та експлуатації транспорту.

¹ Див.: Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. – Киев, 1987. – С. 31.

«Випадок» у юридичній літературі розглядається як самостійний вид психічного ставлення до суспільно небезпечних наслідків [5]. Він має місце, коли наслідки, що наступили, знаходяться у причинному зв'язку з дією чи бездіяльністю особи, котра не тільки не передбачила їх настання, але й не повинна була або не могла їх передбачити. «Випадок» виключає вину в поведінці особи.

На відміну від необережності «випадок» характеризується відсутністю об'єктивного чи суб'єктивного критеріїв, які визначають необережність як вид вини, або одночасною відсутністю цих критеріїв. Не можна погодитися з Ш. С. Рашковською та деякими іншими авторами, котрі гадають, що при «випадку» потрібно встановлювати як відсутність обов'язку, так і можливість передбачення суспільно небезпечних наслідків¹. Такі психічні ситуації цілком можливі, однак ними, як це виходить із наведеного визначення, «випадок» не вичерпується.

Так, поняттям «випадок» охоплюються ситуації, коли, незважаючи на наявність у особи обов'язку передбачити суспільно небезпечні наслідки (об'єктивного критерію), вона, внаслідок конкретних обставин, не має реальної можливості їх передбачити (відсутній суб'єктивний критерій). Прикладом «випадку» такого роду може служити кримінальна справа по обвинуваченню А., Х. і Ю., розглянута народним судом Комінтернівського району міста Харкова. Цим особам було пред'явлено обвинувачення в порушенні правил при проведенні будівельних робіт, що спричинило загибель робітника Т.

У судовому засіданні один із підсудних А. не визнав себе винним у нещасному випадку. Для свого виправдання А. пояснив, що, будучи начальником дільниці, він дав завдання бригадиру Х. проводити роботи з влаштування цегляних перегородок на першому поверсі забудови, після чого поїхав на іншу ділянку, де його присутність була необхідна. Х., окрім отриманого завдання, самовільно вирішив встановити на четвертому поверсі цієї забудови підвіконні дошки. Під час транспортування матеріалу до місця робіт загинув робітник Т. А., погоджуючись з тим, що він, будучи керівником робіт, зобов'язаний контролювати безпеку праці робітників, зазначив, що у даному випадку не міг передбачити такого розвитку подій, тому що, знаходячись на іншому об'єкті, не в змозі був як припинити самовільні дії бригадира Х., поєднані до того ж з неправильним транспортуванням матеріалу, так і забезпечити при цьому безпеку виконання робіт на

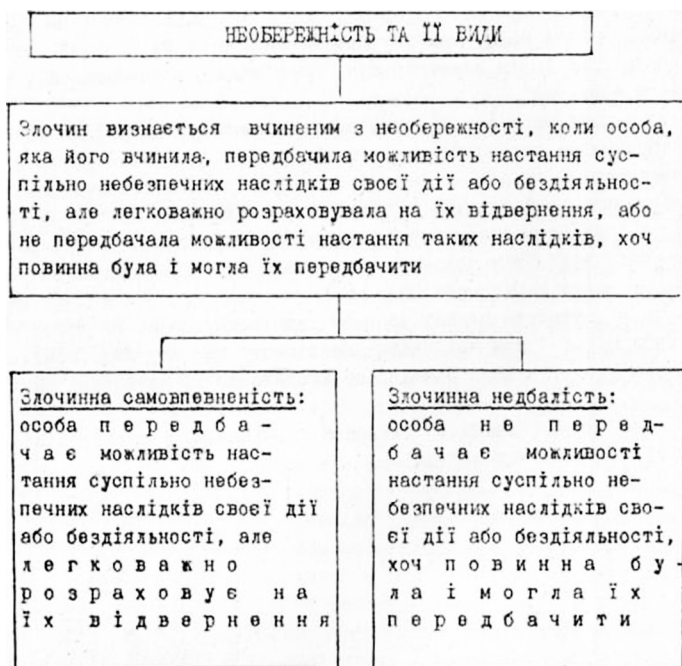
¹ Див.: Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1982. – С. 147; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1984. – С. 22.

іншій ділянці. Суд, погодившись з доводами А., визнав його невинним¹.

Випадкове спричинення суспільно небезпечних наслідків може бути обумовлено також відсутністю тільки об'єктивного критерію не-обережності – обов'язку передбачити суспільно небезпечні наслідки. Наприклад, завідувача магазином Н. була віддана під суд за халатність, яка полягала в тому, що вона не перевірила якість ремонту печі, внаслідок чого виникла пожежа. Судова колегія з кримінальних справ Верховного Суду СРСР закрила справу у відношенні до Н. за відсутністю складу злочину, вказавши, що Н. не зобов'язана була передбачити можливість неякісного ремонту печі, оскільки вирішення цього питання взагалі не входило до її службових обов'язків².

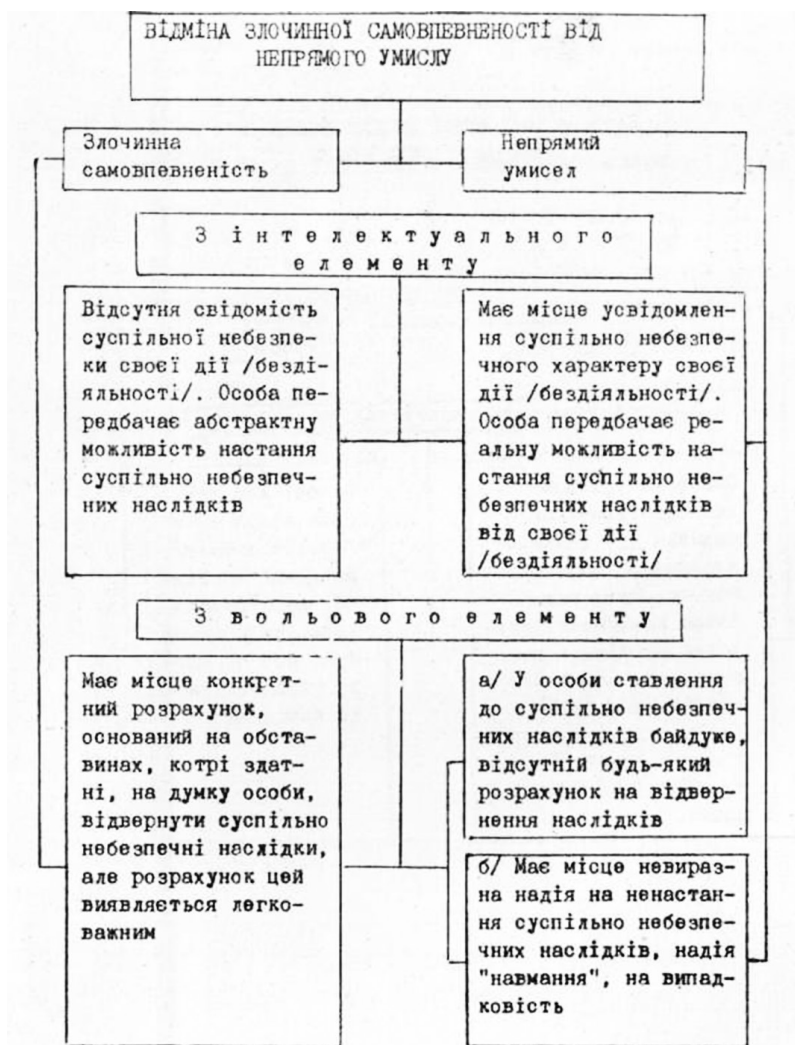
Таким чином, «випадок» виключає кримінальну відповідальність за відсутністю складу злочину.

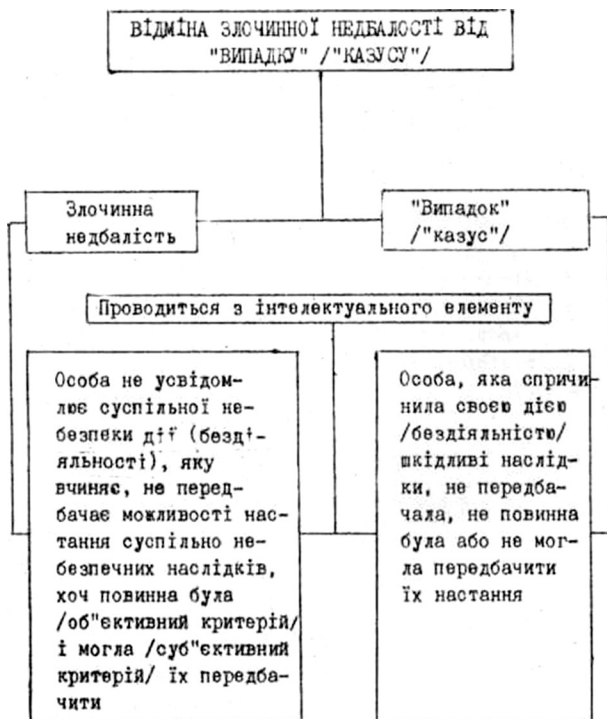
ДОДАТОК І

¹ Див.: Борисов В. И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков, 1977. – С. 80-81.

² Див.: Судебная практика Верховного Суда СССР. – 1956. – № 3. – С. 12-13.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. – Киев, 1985. – С. 174-187.
2. Гринберг М. С. Преступная самонадеянность // Правоведение, 1976. – № 3. – С. 68-74.
3. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974. – С. 118-158.
4. Кригер Г. А., Ильхамов А. Н. Преступная небрежность // Вестн. МГУ. – Сер.П. – Право. – 1982. – № 2. – С. 28-36.
5. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 52-79.

ЗЛОЧИНИ ПРОТИ ВОЛІ, ЧЕСТІ ТА ГІДНОСТІ ОСОБИ. ЗЛОЧИНИ ПРОТИ СТАТЕВОЇ СВОБОДИ ТА СТАТЕВОЇ НЕДОТОРКАНОСТІ*

ЛЕКЦІЯ 6

Тема 4. Злочини проти волі, честі та гідності особи

План

- 1. Загальна характеристика злочинів проти волі, честі та гідності особи та їх визначення**
- 2. Незаконне позбавлення волі або викрадення людини (ст. 146 КК)**
- 3. Захоплення заручників (ст. 147 КК)**
- 4. Торгівля людьми або інша незаконна угода щодо людини (ст. 149 КК)**

Література до теми

Монографії, наукові статті, учбові матеріали

1. Бажанов М. І., Сташис В. В. Злочини проти життя, здоров'я, волі і гідності особи: Конспект лекцій. – Харків: Юрид. акад., 1992. – 52 с.
2. Баулін Ю. В. Система злочинів проти особистої волі людини // Злочини проти особистої волі людини: Збірник матеріалів науково-практичного семінару (Харків, 19 – 20 вересня 2000 р.) / [Редкол.: В. В. Сташис (голов. ред.) та ін]. – Харків: «Книжкове видавництво «Лествиця Марії», 2002. – С. 23-26.
3. Навроцький В. О. Злочини проти особи. Лекції для студентів юридичного факультету. – Львів: юридичний факультет Львівського державного університету ім. Івана Франка, 1997. – 48 с.

1. Загальна характеристика злочинів проти волі, честі та гідності особи та їх визначення

Конституція України у розділі II закріпила достатньо широкий та різноманітний за своїм змістом перелік природних та невідчужуваних прав особи. До їх числа, зокрема, відносяться: право кожної особи на повагу до її гідності (ч. 1 ст. 28), право на свободу та особисту недоторканність (ч. 1 ст. 29). Норми розділу III Особливої частини КК України «Злочини проти волі, честі та гідності особи» спрямовані на забезпечення кримінально-правовими засобами цих прав.

Всього цей розділ містить 6 статей (статті 146-151). З них стаття 150 «Експлуатація дітей» передбачає кримінально-правову норму, якої не було у КК 1960 р. Інші статті містять норми, що були відомі КК 1960

* Лекція 6 та 7. – Харків: Видавець ФОП Вапнярчук Н. М., 2008. – 32 с.

р. Однак треба зазначити, що всі вони мають нововведення і подекуди суттєві, якщо порівнювати їх із відповідними нормами КК 1960 р. Це норми, що передбачені статтями 146 «Незаконне позбавлення волі або викрадення людини», 147 «Захоплення заручників», 148 «Підміна дитини», 149 «Торгівля людьми або інша незаконна угода щодо людини», 151 «Незаконне поміщення в психіатричний заклад».

Треба також зазначити, що до числа норм КК 2001 р. не увійшли норми, що були у КК 1960 р. – ст. 125 «Наклеп» та ст. 126 «Образа». Діяння, що ними передбачалися, декриміналізовані.

Родовим об'єктом злочинів, відповідальність за які встановлена кримінально-правовими нормами розділу III Особливої частини КК, є суспільні відносини, що забезпечують *особисту волю, честь та гідність особи*.

Об'єктивна сторона. За загальним правилом, злочини, що передбачені розділом III Особливої частини КК, вчиняються шляхом дії. Деякі з них потребують у якості обов'язкової ознаки об'єктивної сторони встановлення певного способу вчинення дії (наприклад, використання обману, шантажу чи уразливого стану потерпілої особи – ст. 149 КК) або місця вчинення злочину (наприклад, психіатричний заклад – ст. 151 КК).

Суб'єктивна сторона. Злочини проти волі, честі та гідності особи передбачають їх вчинення лише з прямим умислом. Окремі з них мають обов'язковою ознакою мотив (наприклад, корисливий або інший особистий мотив – ст. 148 КК) чи мету (наприклад, отримання прибутку – ст. 150 КК).

Суб'єкт злочину. Більшість злочинів, що посягають на волю, честь та гідність особи, передбачають відповідальність фізичної особи з 16-ти років. Лише за захоплення заручників (ст. 147 КК) кримінальна відповідальність встановлена з 14 років. Суб'єкт злочину, передбаченого ст. 151 КК (незаконне поміщення в психіатричний заклад), – спеціальний. Ним може бути лише лікар-психіатр або член комісії лікарів-психіатрів.

Викладене дозволяє визначити злочини, відповідальність за які встановлена розділом III Особливої частини КК таким чином: *злочини проти волі, честі та гідності особи – це передбачені кримінальним законом суспільно небезпечні умисні діяння, що посягають на особисту волю, честь та гідність особи*.

Додаткова література до питання

1. Бантышев А. Ф. Конституция Украины и некоторые вопросы ответственности за преступления против личной свободы человека по проекту УК Украины //

- Злочини проти особистої волі людини: збірник матеріалів міжнародного науково-практичного семінару (Харків, 19 – 20 вересня 2000 р.) / [Редкол.: В. В. Сташис (голов. ред.) та ін]. – Харків: «Книжкове видавництво «Лествиця Марії», 2002. – С. 26 – 28.
2. Політова А. С. Суспільна небезпека злочинів проти особистої волі людини // Вісник Луганської академії внутрішніх справ МВС імені 10-річчя незалежності України. Науково-теоретичний журнал. Випуск 1. – Луганськ, 2003. – С. 82 – 90.
 3. Чернооченко С. І. Право на свободу та особисту недоторканність фізичних осіб в Україні: проблеми здійснення та захисту // Вісник НУВС. – 2002. – № 17. – С. 72 – 77.

2. Незаконне позбавлення волі або викрадення людини (ст. 146 КК)

Відповідальність за незаконне позбавлення волі або викрадення людини встановлена статтею 146 КК. Стаття складається із трьох частин. В частині 1 злочин визначено таким чином: «Незаконне позбавлення волі або викрадення людини». Частини 2 та 3 містять обставини, що посилюють кримінальну відповідальність за вчинення діянь, зазначених у частині першій цієї статті.

Суспільна небезпечність незаконного позбавлення волі або викрадення людини полягає в тому, що такого роду діяння посягають саме на недоторканність людини, охорона якої від неправомірних дій, в тому числі кримінально-караних, гарантується Конституцією. Якщо таке діяння вчинюється за обтяжуючих обставин, то воно також ставить в небезпеку життя або здоров'я потерпілого. Зазначені в ст. 146 КК діяння мають таку *поширеність*: за даними МВС України у 2002 році зареєстровано злочинів, скоєних за ознаками цієї статті – 177, у 2003 р. – 205; у 2004 р. – 172; у 2005 р. – 178; у 2006 р. – 223.¹

Безпосереднім об'єктом злочину, передбаченого ст. 146 КК, є суспільні відносини, що забезпечують особисту волю людини та її недоторканність. *Потерпілим* від злочину може бути будь-яка особа. Виняток становлять певні потерпілі, позбавлення волі або викрадення яких потребує кваліфікації за іншими статтями кримінального закону (див., наприклад, ст. 444 КК «Злочини проти осіб та установ, що мають міжнародний захист»).

Об'єктивна сторона злочину передбачає два діяння: «незаконне позбавлення волі» або «викрадення людини». Вчинення одного із за-

¹ Див.: Експрес-інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 рр. / Департамент інформаційних технологій МВС України. – К., 2002, 2003, 2004, 2005, 2006.

значених діянь є достатнім для констатації об'єктивної сторони. Склад цього злочину – формальний.

Незаконне позбавлення волі полягає в протиправному перешкоджанні людині обирати за своєю волею місце знаходження. Воно може виразитися в затриманні потерпілого в тому місці, де він перебувати не бажає, або поміщення його в таке місце, яке він не має змоги вільно залишити. Це діяння може бути здійснене шляхом застосування фізичного насильства (наприклад, потерпілого зв'язують і замикають у підвалі, поміщують у задалегідь підготовлене місце тощо), а також шляхом психічного насильства (наприклад, під загрозою застосування зброї потерпілого примушують залишатися у приміщенні). Воно може бути вчинене і шляхом обману (наприклад, людину заманюють у будь-яке місце і замикають з метою позбавлення волі).

За статтею 146 КК карається лише незаконне позбавлення волі, тому відповідальність виключається, коли особу було позбавлено волі внаслідок, наприклад, акту правомірного затримання особи, що вчинила злочин.¹

Найнебезпечнішою формою незаконного позбавлення волі є *викрадення людини*. Це діяння являє собою протиправне таємне або відкрите захоплення потерпілого, його переміщення з того місця, де він знаходився, та подальше утримання потерпілого викрадачем або іншою особою. Викрадення майже завжди супроводжується фізичним або психічним (погрози) насильством.

Незаконне позбавлення волі та викрадення людини припускають дії, що вчиняються проти волі потерпілої особи.

Діяння як у формі незаконного позбавлення волі, так і у формі викрадення людини вважаються *закінченими* з моменту фактичного обмеження свободи переміщення потерпілого. При цьому необхідно враховувати, що і незаконне позбавлення волі, і викрадення людини відносяться до триваючих злочинів, тому зазначені діяння вважаються вчинюваними аж до часу фактичного звільнення потерпілого. Виходячи з цього дії особи, яка приєднується до утримування потерпілого, що знаходиться у стані позбавлення волі, можуть бути кваліфіковані як співвиконавство або інша співучасть у вчиненні цього злочину.

Суб'єктивна сторона. *Вина* – прямий умисел. *Мотиви* можуть бути різні, наприклад, користь, помста. Мотиви не є обов'язковою ознакою

¹ Згідно ч. 1 ст. 38 КК не визнаються злочинними дії потерпілого та інших осіб безпосередньо після вчинення посягання, спрямовані на затримання особи, яка вчинила злочин, і доставлення її відповідним органам влади, якщо при цьому не було допущено перевищення заходів, необхідних для затримання такої особи.

складу злочину, хоча повинні враховуватися при кримінально-правовій характеристиці злочину.

Суб'єктом незаконного позбавлення волі або викрадення людини, передбачених ст. 146 КК, є лише приватна особа, що досягла 16-ти років. Службові особи за подібні дії несуть відповідальність за перевищення влади або службових повноважень (ст. 365 КК) чи інші злочини, що передбачені спеціальними нормами (наприклад, ст. 371 КК).

Згідно з ч. 2 ст. 146 КК **обставинами, що обтяжують відповідальність** за цей злочин, є діяння, вчинені щодо малолітнього або з корисливих мотивів, щодо двох чи більше осіб, або за попередньою змовою групою осіб, або способом, небезпечним для життя чи здоров'я потерпілого, або такі, що супроводжувалися заподіянням йому фізичних страждань, або із застосуванням зброї, або здійснювані протягом тривалого часу.

У частині 3 ст. 146 КК передбачені **особливо обтяжуючі обставини** злочину: вчинення його організованою групою або спричинення внаслідок позбавлення волі чи викрадення людини тяжких наслідків (такими можуть бути визнані смерть потерпілого, його самогубство, спричинення потерпілому тяжкого тілесного ушкодження тощо).

Ставлення винного до тяжких наслідків може бути як умисним, так і необережним. Дії особи, яка вчинила злочин, передбачений ст. 146 КК, і умисно вбила потерпілого, мають кваліфікуватися за ч. 3 цієї статті за ознакою спричинення тяжких наслідків і за ч. 1 або ч. 2 ст. 115 КК. За сукупністю злочинів кваліфікуються також випадки незаконного позбавлення волі або викрадення людини, що супроводжувалися спричиненням умисного тяжкого тілесного ушкодження за обтяжуючих обставин: за ч. 2 ст. 121 та ч. 3 ст. 146 КК.

Покарання за злочин: за частиною 1 ст. 146 КК – обмеження волі на строк до трьох років або позбавлення волі на той самий строк; за ч. 2 ст. 146 КК – обмеження волі на строк до п'яти років або позбавлення волі на той самий строк; за ч. 3 ст. 146 КК – позбавлення волі на строк від п'яти до десяти років.

Додаткова література до питання

1. Ахтирська Н. М. Проблеми боротьби з викраденням людей та торгівлею «живим товаром» // Актуальні проблеми політики. – Вип. 21. – Одеса, 2004. – С. 16-22.
2. Володіна О. О. Кримінальна відповідальність за викрадення людини: монографія. – Харків: СПД ФО Чальцев О. В., 2005. – 221 с.
3. Навроцький В. О. Співвідношення викрадення чужої дитини і суміжних злочинів // Злочини проти особистої волі людини: збірник матеріалів між-

народного науково-практичного семінару (Харків, 19 – 20 вересня 2000 р.) / [Редкол.: В. В. Сташис (голов. ред.) та ін]. – Харків: «Книжкове видавництво «Лествиця Марії», 2002. – С. 33-36.

3. Захоплення заручників (ст. 147 КК)

У ч. 1 ст. 147 КК злочин визначено таким чином: «Захоплення або тримання особи як заручника з метою спонукання родичів затриманого, державної або іншої установи, підприємства чи організації, фізичної або службової особи до вчинення чи утримання від вчинення будь-якої дії як умови звільнення заручника». Стаття також має ч. 2, в якій передбачено обставини, що обтяжують відповідальність.

Ця стаття включена до КК відповідно до міжнародної конвенції, прийнятої Генеральною Асамблеєю ООН у 1979 р., до якої у 1987 р. приєдналася й Україна.

За даними МВС України за ознаками ст. 147 КК було зареєстровано в Україні: у 2002 р. – 12 злочинів; у 2003 р. – 10; у 2004 р. – 12; у 2005 р. – 6; у 2006 р. – 11.¹

Безпосереднім об'єктом злочину є не тільки особиста воля, але і особиста безпека особи, захопленої заручником. *Потерпілим* від злочину є фізична особа – заручник. Захоплення як заручника представника влади, працівника правоохоронного органу чи їх близьких родичів тягне відповідальність за ст. 349 КК.

Об'єктивна сторона полягає в захопленні або триманні особи як заручника. За конструкцією об'єктивної сторони склад цього злочину – формальний. Вчинення одного із зазначених діянь є достатнім для її встановлення.

Захоплення заручника – це його викрадення, яке може бути таємним або відкритим; воно може бути вчиненим шляхом обману; може супроводжуватися насильством, в тому числі із застосуванням зброї, або може обійтися без такого насильства.

Тримання заручника – це, як правило, логічний наслідок його захоплення, хоча тримання може здійснюватися і особою, яка не брала участі у захопленні. Також тримання заручника може бути здійснене і без його попереднього захоплення. Тримання – це позбавлення заручника волі, коли йому забороняють залишати певне місце або унеможлиблюють це зробити.

Злочин вважається *закінченим* з моменту захоплення потерпілого або з моменту фактичного позбавлення заручника права вільно пересуватися.

¹ Див.: Експрес-інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 рр. / Департамент інформаційних технологій МВС України. – К., 2002, 2003, 2004, 2005, 2006.

Суб'єктивна сторона. *Вина* – прямий умисел. Також обов'язковою ознакою складу цього злочину є *мета*. Згідно з диспозицією ч. 1 ст. 147 КК, особа вчинює злочин з метою спонукання родичів затриманого, державної або іншої установи, підприємства чи організації, фізичної або службової особи до вчинення, чи, навпаки, утримання від вчинення будь-якої дії як умови звільнення заручника. Інакше кажучи, злочинець пов'язує звільнення заручника із задоволенням вимог, які він висуває вказаним вище особам, органам держави чи іншій установи (це, наприклад, вимога надання зброї, звільнення заарештованого, надання транспортних засобів тощо).

Суб'єкт злочину – особа, яка досягла 14-річного віку. У разі вчинення службовою особою з використанням своїх службових повноважень дій, зазначених в ст. 147 КК, вони кваліфікуються за сукупністю цієї статті та ст. 365 КК.

У частині 2 ст. 147 КК передбачені такі **обставини, що обтяжують відповідальність**: вчинення цього злочину щодо неповнолітнього або організованою групою, або якщо дії були поєднані з погрозою знищення людей, або якщо вчинені дії спричинили тяжкі наслідки.

Неповнолітній – потерпіла особа, якій на час захоплення або тримання як заручника не виповнилося 18 років.

Організована група – зміст цієї ознаки визначено в ч. 3 ст. 28 КК.

Дії, що були поєднані з погрозою знищення людей – це випадки погрози вбивства однієї чи більше осіб. Погроза може стосуватися як самого заручника (наприклад, особа загрожує підірвати будівлю, в якій знаходиться затриманий), так і інших осіб (наприклад, близьких родичів заручника або осіб, які будуть намагатися його звільнити).

Тяжкими наслідками можуть бути визнані смерть однієї чи кількох осіб, самогубство потерпілого, заподіяння тяжких тілесних ушкоджень хоча б одній особі або середньої тяжкості тілесних ушкоджень декільком потерпілим, спричинення великої матеріальної шкоди (наприклад, внаслідок вибуху), тривала дезорганізація роботи державної або іншої установи, підприємства чи організації. Ставлення винного до цих наслідків може бути як умисним, так і необережним. «Дії особи, яка вчинила злочин, передбачений ст. 147 КК, і умисно вбила заручника, мають кваліфікуватися за ч. 2 цієї статті за ознакою спричинення тяжких наслідків і за п. 3 ч. 2 ст. 115 КК» (абз. 3 п. 7 постанови Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику в справах про життя та здоров'я особи» від 7 лютого 2003 р. – № 2).

Покарання за злочин: за частиною 1 ст. 147 КК – позбавлення волі на строк від п'яти до восьми років; за ч. 2 ст. 147 КК – позбавлення волі на строк від семи до п'ятнадцяти років.

Додаткова література до питання

1. Акімов М. Відмежування захоплення заручників від незаконного позбавлення волі та викрадення людини // Вісник прокуратури. – 2002. – № 3. – С. 33-37.
2. Акімов М. До питання про об'єкт такого злочину як захоплення заручників // Підприємництво, господарство і право. – 2006. – № 6. – С. 127-129.
3. Степанюк А. Ф. Захват заложников в местах лишения свободы: вопросы квалификации // Злочини проти особистої волі людини: збірник матеріалів міжнародного науково-практичного семінару (Харків, 19 – 20 вересня 2000 р.) / [Редкол.: В. В. Сташис (голов. ред.) та ін]. – Харків: «Книжкове видавництво «Лествиця Марії», 2002. – С. 61-65.

4. Торгівля людьми або інша незаконна угода щодо людини (ст. 149 КК)

Торгівля людьми або інша незаконна угода щодо людини – злочин досить небезпечний для суспільства, особливо коли злочинні дії вчиняються стосовно молодих жінок і дівчат, які вербуються для роботи за кордоном і там використовуються злочинцями для сексуальної експлуатації або в інших інтересах.

Міжнародна спільнота багато приділяє уваги боротьбі із цим явищем. Заборона торгівлі людьми передбачена, зокрема, в таких міжнародно-правових актах, як Протокол про попередження та припинення торгівлі людьми, особливо жінками та дівчатами, і покарання за неї, який доповнює Конвенцію ООН проти транснаціональної організованої злочинності 2000 р., що був ратифікований Законом України від 4 лютого 2004 р.¹ та інші.

Відповідно до цих актів та у зв'язку з необхідністю посилення боротьби із торгівлею людьми, що в останні роки стало набувати ознак поширеного та небезпечного для українського суспільства явища, Кабінет Міністрів України в 1999 р. затвердив Програму запобігання торгівлі жінками та дітьми. Також вимоги щодо покращання боротьби із цим явищем містяться в Указі Президента України від 18 січня 2001 р. «Про додаткові заходи щодо запобігання зникненню людей, удосконалення взаємодії правоохоронних та інших органів виконавчої влади в їх розшуку».

Кримінальним кодексом України відповідальність за торгівлю людьми або іншу незаконну угоду щодо передачі людини встановлена ст. 149. За даними управління оперативної інформації МВС України за ознаками злочину, передбаченого цією статтею, зареєстровано: у 2002 р. – 169

¹ Див.: Відомості Верховної Ради України. – 2004. – №19. – Ст. 263.

злочинів; у 2003 р. – 289; у 2004 р. – 269; у 2005 р. – 419; у 2006 р. – 376¹.

Стаття 149 КК поділяється на три частини. У частині 1 наведено визначення цього злочину, в частинах 2 та 3 зазначені обставини, що обтяжують кримінальну відповідальність. Крім того, стаття містить примітку, що складається із трьох пунктів.

У частині 1 про злочин сказано: «Торгівля людьми або здійснення іншої незаконної угоди, об'єктом якої є людина, а так само вербування, переміщення, переховування, передача або одержання людини, вчинені з метою експлуатації, з використанням обману, шантажу чи уразливого стану особи».

Безпосереднім об'єктом цього злочину є суспільні відносини, що забезпечують особисту волю людини². *Потерпілим* від злочину може бути будь-яка особа чоловічої або жіночої статі.

Об'єктивна сторона. Згідно з диспозицією ч. 1 ст. 149 КК діяння може здійснюватися у таких формах: торгівля людьми; здійснення іншої незаконної угоди, об'єктом якої є людина; вербування людини; переміщення людини; переховування людини; передача людини; одержання людини.

Склад даного злочину – *формальний*. Встановлення однієї із зазначених форм діяння достатньо для констатації його об'єктивної сторони. Крім того, для вербування, переміщення, переховування, передачі та одержання людини обов'язковим є також *спосіб* вчинення діяння, а саме: використання суб'єктом обману, шантажу чи уразливого стану потерпілої особи.

Торгівля людьми. Це незаконна безповоротна передача особою (продавцем) хоча б однієї людини та відповідне її одержання іншою особою (покупцем) за грошову винагороду або шляхом обміну на коштовності, дорогоцінні метали, певне майно.

Діяння у цій формі вважається *закінченим* з моменту одержання людини покупцем або з моменту встановлення щодо потерпілого фактичного володіння з боку особи, якій він був переданий.

¹ Див.: Експрес-інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 рр. / Департамент інформаційних технологій МВС України. – К., 2002, 2003, 2004, 2005, 2006.

² На думку М. І. Бажанова: “Крім волі людини – основного безпосереднього об'єкта – додатковим безпосереднім об'єктом цього злочину, залежно від мети використання потерпілого, можуть бути різні його блага: статевая недоторканість, честь і гідність, трудові та інші права громадянина” (Кримінальне право України: Особлива частина: Підручник / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; За ред. проф. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – С. 82).

Здійснення іншої незаконної угоди, об'єктом якої є людина. Таким є інші, крім торгівлі людьми, випадки передачі людини однією особою та її одержання іншою особою на підставі незаконної угоди (наприклад, шляхом передання під заставу, у найм, в рахунок боргу чи взагалі без будь-якої оплати). Така передача може бути як безповоротною, так і на певний строк. Як і при торгівлі людьми, діяння у цій формі буде *закінченим* з моменту одержання людини іншою особою або з моменту встановлення над потерпілим фактичного володіння особою, якій він був переданий.

Вербування людини. Це дії, пов'язані із схиленням особи працювати чи надавати послуги на певних умовах, як правило, за матеріальну винагороду. У конкретній ситуації це може проявлятися у запрошенні (умовлянні, переконанні) майбутніх жертв працювати танцівницями офіціантками, покоївками, різноробочими тощо. Таке діяння слід визнавати *закінченим* з моменту вербування, тобто з моменту вчинення дій, пов'язаних із набором потерпілої особи працювати чи надавати послуги на певних умовах.

Переміщення людини. Це вчинення суб'єктом злочину будь-яких дій по переміщенню потерпілої особи з одного місця в інше. Як правило, переміщення людини полягає у її перевезенні транспортними засобами. Діяння у цій формі є *закінченим* з моменту переміщення людини суб'єктом злочину з одного місця в інше.

Переховування людини. Це вчинення суб'єктом злочину будь-яких дій, спрямованих на те, щоб унеможливити або утруднити встановлення того, де на даний час знаходиться потерпіла особа. Зокрема, такі дії можуть полягати у триманні людини в певних приміщеннях, тайниках, інших місцях. Діяння у цій формі є *закінченим* з моменту переховування людини суб'єктом злочину.

Передача людини. Слід розуміти вчинення однією особою певних дій, пов'язаних із наданням потерпілого іншій особі (одержувачу). Це дії, які вчинюються насамперед особою, котра виступає посередником між сторонами незаконної угоди щодо людини (між продавцем та покупцем). *Закінченим* діяння у цьому випадку слід визнати з моменту здійснення особою самої передачі людини.

Одержання людини. Під цим діянням слід розуміти заволодіння людиною чи її тримання особою, якій людина була передана. Діяння у цій формі слід вважати *закінченим* з моменту встановлення фактичного контролю з боку одержувача над поведінкою потерпілої особи.

Як вже було зазначено, вчинення вербування, переміщення, переховування, передачі або одержання людини можливі лише шляхом

використання суб'єктом злочину таких способів як: обман, шантаж або використання уразливого стану потерпілої особи.

Під *обманом* слід розуміти повідомлення неправдивих відомостей (так званий активний обман) або замовчування певних відомостей, які повинні бути повідомлені винним (так званий пасивний обман), у результаті чого потерпіла особа вводиться в оману.

Шантаж – це психічне насильство, яке полягає в погрозі розголошення відомостей, які потерпілий чи його близькі бажають зберегти в таємниці.

Використання уразливого стану потерпілої особи. Відповідно до примітки 2 нової редакції ст. 149 КК уразливий стан – це зумовлений фізичними чи психічними властивостями або зовнішніми обставинами стан особи, який позбавляє або обмежує її здатність усвідомлювати свої дії (бездіяльність) або керувати ними, приймати за своєю волею самостійні рішення, чинити опір насильницьким чи іншим незаконним діям, збіг тяжких особистих, сімейних або інших обставин.

Для наявності в діях особи об'єктивної сторони злочину достатньо встановити використання нею при вчиненні вербування, переміщення, переховування, передачі або одержання людини хоча б одного із зазначених у диспозиції ч. 1 ст. 149 КК способів. Винятки із цього становлять випадки, коли потерпілим є малолітня чи неповнолітня особа, про що сказано у примітці 3 до ст. 149 КК. Відповідно до неї відповідальність за вербування, переміщення, переховування, передачу або одержання малолітнього чи неповнолітнього за цією статтею має наставати незалежно від того, чи вчинені такі дії з використанням обману, шантажу чи уразливого стану зазначених осіб.

Суб'єктивна сторона злочину. *Вина* – прямий умисел.

Мотиви. Торгівля людьми здійснюється із корисливих мотивів. Ця ознака суб'єктивної сторони для особи, що продає людину, є обов'язковою. При здійсненні інших діянь, зазначених у ч. 1 ст. 149 КК мотиви можуть бути різними. Їх встановлення має значення для кримінально-правової характеристики злочину, в першу чергу для оцінки ступеня суспільної небезпечності вчиненого діяння.

Мета. Для вербування, переміщення, переховування, передачі та одержання людини мета злочину є обов'язковою ознакою суб'єктивної сторони; це – експлуатація потерпілої особи. При цьому, згода жертви торгівлі людьми на запропоновану їй експлуатацію не береться до уваги.

Відповідно до примітки 1 ст. 149 КК під *експлуатацією людини* в цій статті слід розуміти всі форми сексуальної експлуатації, використання в порнобізнесі, примусову працю або примусове надання послуг, рабство

або звичаї, подібні до рабства, підневільний стан, залучення в боргову кабалу, вилучення органів¹, проведення дослідів над людиною без її згоди, усиновлення (удочеріння) з метою наживи, примусову вагітність, втягнення у злочинну діяльність, використання у збройних конфліктах тощо. Закон не вимагає, щоб мета експлуатації людини була досягнута. Для наявності складу злочину досить, якщо особа діяла заради її досягнення.

Фактична реалізація мети експлуатації людини в деяких випадках вимагає додаткової кваліфікації (зокрема, за ст. 150 КК).

Суб'єкт злочину – фізична, осудна особа, яка досягла 16-річного віку. Суб'єктом злочину може бути визнана як особа, що передає потерпілого, так і особа, яка внаслідок здійснення із першою особою незаконної угоди одержує його. Ці особи в такому разі виступають співвиконавцями злочину.

У частині 2 ст. 149 КК зазначені **обставини, що посилюють відповідальність** за вчинення цього злочину: здійснення злочину щодо неповнолітнього або щодо кількох осіб; або повторно; або за попередньою змовою групою осіб; або службовою особою з використанням службового становища; або особою, від якої потерпілий був у матеріальній чи іншій залежності; або у поєднанні з насильством, яке не є небезпечним для життя чи здоров'я потерпілого чи його близьких; або з погрозою застосування такого насильства.

Частина 3 ст. 149 КК містить вказівку на вчинення дій, передбачених частиною першою або другою цієї статті за **особливо обтяжуючих обставин**. Це випадки, коли такі дії були здійснені: щодо малолітнього; або організованою групою; або були поєднані з насильством, небезпечним для життя або здоров'я потерпілого чи його близьких; або з погрозою застосування такого насильства; або якщо вони спричинили тяжкі наслідки.

Торгівля людьми або інша незаконна угода щодо людини можуть супроводжуватися вчиненням або мати своїм наслідком вчинення інших злочинів, що виходить за межі складу злочину, передбаченого ст. 149 КК. У таких випадках дії особи слід кваліфікувати за сукупністю злочинів (зокрема, за ст.ст. 142, 143, 144, 146, ч. 2 ст. 173 КК та ін.).

Покарання за злочин: за ч. 1 – позбавлення волі на строк від трьох до восьми років; за ч. 2 – позбавлення волі на строк від п'яти до дванадцяти років із конфіскацією майна або без такої; за ч. 3 – позбавлення волі

¹ Перша згадка щодо продажу людини для вилучення у неї органів мала місце у 1987 році. Тоді владні органи Гватемали попередили продаж 30 дітей – потенціальних донорів для багатих клієнтів (див.: «Аргументы и факты в Украине». – № 31. – 2007. – С. 21).

на строк від восьми до п'ятнадцяти років із конфіскацією майна або без такої.

Додаткова література до питання

1. Борисов В. И. Ответственность за торговлю людьми по уголовному законодательству Украины // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. – Вып. 3. – М.: Юрист, 2003. – С. 90-94.
2. Козак В. А. Кримінальна відповідальність за торгівлю людьми по новому Кримінальному кодексу України // Проблеми законності. – Вип. 56: Респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2002. – С. 144-151.
3. Лізогуб Я. Г., Яценко С. С. Протидія торгівлі людьми: аналіз вітчизняного та зарубіжного законодавства: Навчальний посібник / Наук. ред. д-р юрид. наук, проф. С. С. Яценко. – К.: Атіка, 2005. – 240 с.
4. Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее», дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: Сборник документов / Сост. Волеводз А. Г. – М.: ООН Издательство «Юрлитинформ», 2001. – С. 467-477.

ЛЕКЦІЯ 7

Тема 5. Злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості особи

План

1. *Загальна характеристика статевих злочинів та їх види*
2. *Згвалтування (ст. 152 КК)*

Література до теми

Монографії, наукові статті:

1. Александров Ю. Злочини проти статевої свободи // Юридичний вісник України. – 2002. – № 14 (354). – 6-12 квітня. – С. 9.
2. Дорош Л. В. Деякі питання кримінальної відповідальності за злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості // Кримінально-правова охорона життя та здоров'я особи: Матер. наук.-практ. конф. [Харків] 22 – 23 квітня 2004 р. / Редкол.: Сташис В. В. (голов. ред. та ін.). – К.-Х.: Юринком Інтер, 2004. – С. 124-128.
3. Сташис В. В., Бажанов М. І. Особа під охороною кримінального закону. – Харків: «Право». – 1996. – С. 159-201.

Судова практика:

1. Постанова Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику у справах про зґвалтування та інші статеві злочини» від 27 березня 1992 р. № 4 // Постанови Пленуму Верховного Суду України у кримінальних справах / Верховний Суд України; За заг. ред. В. Т. Маляренка. – К.: Юрінком Інтер, 2005. – С. 89-98.

1. Загальна характеристика статевих злочинів та їх види

Статеві злочини становлять собою велику суспільну небезпеку, характеризуються виключною аморальністю та цинічністю дій винних, вони у більшості випадків пов'язані з посяганням на статеву свободу жінки або на її статеву недоторканість. Такі злочини грубо принижують гідність потерпілої, заподіюють їй глибоку психічну травму, можуть завдати серйозну шкоди її здоров'ю. Надзвичайно небезпечні статеві злочини проти неповнолітніх. Посягаючи на їх нормальний статевий розвиток, такі злочини розбещують підлітків, часто призводять до глибоких душевних травм, штовхають їх до аморального способу життя. Тому у більшості статей КК, які передбачають відповідальність за статеві злочини, встановлені суворі санкції.

Пленум Верховного Суду України в постанові № 4 від 27 березня 1992 р. «Про судову практику у справах про зґвалтування та інші статеві злочини» зазначив, що зґвалтування є тяжким злочином, за вчинення якого законом передбачена суворі кримінальна відповідальність. Інші статеві злочини також становлять підвищену суспільну небезпеку. Тому забезпечення правильного застосування законодавства при розгляді справ цієї категорії є одним із важливих завдань судів.

Злочини, що передбачені розділом IV Особливої частини КК, мають своїм **родовим об'єктом** суспільні відносини, що забезпечують *статеву свободу особи та статеву недоторканість неповнолітніх* (зґвалтування – ст. 152 КК, насильницьке задоволення статевої пристрасті неприродним способом – ст. 153 КК, примушування до вступу в статевий зв'язок – ст. 154 КК, статеві зносини з особою, яка не досягла статевої зрілості – ст. 155 КК, розбещення неповнолітніх – ст. 156 КК).

Потерпілими від статевих злочинів можуть бути особи як жіночої, так і чоловічої статі. Разом з тим, коло потерпілих для деяких злочинів обмежено законом додатковими ознаками. Так, згідно ст. 155 КК потерпілим від злочину може бути лише особа, яка не досягла статевої зрілості. За ст. 156 КК потерпілим є особа, яка не досягла шістнадцятирічного віку.

З об'єктивної сторони статеві злочини за загальним правилом можуть бути вчинені шляхом активної поведінки – дії. Для певних з них

характерні складені діяння. Так, відповідно до диспозиції ч. 1 ст. 153 КК, дія – задоволення статевої пристрасті неприродним способом, для визнання її кримінально-каранюю, повинна бути вчинена або із застосуванням фізичного насильства, або із погрозою застосуванням такого насильства, або з використанням безпорадного стану потерпілої особи.

Із **суб'єктивної сторони** злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості особи вчиняються лише з прямим умислом.

Суб'єктом цих злочинів є фізична осудна особа. Найбільш тяжкі з них передбачають кримінальну відповідальність з 14 років (статті 152 та 153 КК). В інших випадках (статті 154, 155, 156 КК) відповідальність настає з 16-ти річного віку. Окрім того, суб'єкт злочину, передбаченого ст. 154 КК – спеціальний, ним може бути лише особа, від якої потерпілий був матеріально або службово залежним.

У відповідності до видів безпосередніх об'єктів злочини, що передбачені розділом IV, можуть бути поділені на дві групи:

- 1) злочини проти статевої свободи особи (статті 152, 153, 154 КК);
- 2) злочини проти статевої недоторканості неповнолітніх (статті 155, 156 КК).

Додаткова література до питання

1. Борисов В. І., Дорош Л. В. Злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості особи // Форум права. – 2006. – № 1. – С. 4-15 [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2006-1/06bvicno.pdf>.
2. Дорош Л. В. Проблеми застосування та вдосконалення законодавства України про кримінальну відповідальність за злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості // Матеріали наукових семінарів та «круглих столів», проведених Національною юридичною академією України імені Ярослава Мудрого спільно з Академією правових наук України в рамках Фестивалю науки 15 – 16 травня 2007 року / Упорядники А. П. Гетьман, О. В. Петришин. Х.: Право, 2007. – С. 8-10.
3. Косенко С. Захист неповнолітніх потерпілих від статевих злочинів // Право України. – 2003. – № 2. – С. 35-38.

2. Зґвалтування (ст. 152 КК)

Зґвалтування є найбільш тяжким і небезпечним статевим злочином. Воно також може спричинити серйозну шкоду здоров'ю людини і заподіяти їй глибоку моральну травму. В Україні цей злочин має певну розповсюдженість¹. Так, за даними МВС України було зареєстровано

¹ В структурі всіх злочинів зґвалтування складає 2 %. Це десь 4-5 злочинів на 100 тис. населення. Однак, треба зазначити, що для цих злочинів характерна висока латентність.

випадків зґвалтування: в 2002 р. – 1043; в 2003 р. – 1048; в 2004 р. – 964; у 2005 – 924. В 2006 році було зареєстровано зґвалтувань – 993¹.

Кримінальна відповідальність за зґвалтування встановлена в ст. 152 КК. Стаття складається із чотирьох частин. В частині 1 визначені конститутивні ознаки злочину. В частинах 2, 3 та 4 містяться обставини, що обтяжують відповідальність за зґвалтування.

Згідно з частиною 1 ст. 152 КК зґвалтування – це «статеві зносини із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи».

Безпосереднім об'єктом зґвалтування є *статева свобода людини*, а якщо потерпіла особа не досягла статевої зрілості – її *статева недоторканість*². Причому ні моральне обличчя потерпілої особи, ні антигромадський спосіб життя, ні аморальна поведінка, ні характер відносин з тим, хто притягується до відповідальності за зґвалтування (подружні стосунки, наявність попереднього добровільного статевого зв'язку тощо) не виключають, за доведеності ознак складу цього злочину, відповідальності за ст. 152 КК.

За змістом ст. 152 КК *потерпілим* при зґвалтуванні може бути особа як жіночої, так і чоловічої статі. У першому випадку безпосереднім виконавцем злочину повинен бути чоловік, а потерпілою – жінка, у другому, навпаки, виконавець – жінка, а потерпілий – чоловік.

З об'єктивної сторони зґвалтування полягає у статевих зносинах із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи. Склад злочину – формальний.

Статеві зносини при зґвалтуванні відбуваються проти волі потерпілої особи. Внаслідок застосування фізичного насильства або погрози ним воля потерпілої особи пригнічується, а при використанні безпорадного стану, коли потерпіла особа не здатна чинити опір, її воля ігнорується. Для відповідальності за ст. 152 КК необхідно, щоб статеві зносини супроводжувалися або *застосуванням фізичного насильства, або погрозою застосування такого насильства, або використанням безпорадного стану потерпілої особи*. Одне лише домагання на вступ

¹ Див.: Експрес-інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 рр. / Департамент інформаційних технологій МВС України. – К., 2002, 2003, 2004, 2005, 2006.

² Див.: Кримінальне право України: Особлива частина: Підручник / М. І. Бажанов, Ю. В. Баулін, В. І. Борисов та ін.; За ред. проф. М. І. Бажанова, В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Юрінком Інтер, 2004. – С. 86 (автор розділу “Злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості особи” – М. І. Бажанов).

у статевий зв'язок не утворює складу цього злочину. Не є зґвалтуванням і випадки, коли особа вступає у статевий зв'язок, застосовуючи обман або зловживання довірою. Пленум Верховного Суду України в постанові «Про судову практику у справах про зґвалтування та інші статеві злочини» від 27 березня 1992 р. № 4 зазначив у частині 2 п. 6, що «Дії особи, яка домоглася згоди потерпілої на статевий акт шляхом зловживання довір'ям, наприклад обіцянки взяти шлюб, не можуть розглядатись як зґвалтування, оскільки закон не передбачає такої ознаки цього злочину, як застосування обману»¹.

Під статевими зносинами, про які йде мова в ст. 152 КК, слід розуміти лише природні статеві зносини. Неприродні статеві зносини (в тому числі і мужолозтво), здійснені із застосуванням фізичного насильства, погрози його застосування або з використанням безпорадного стану потерпілої особи, являють собою насильницьке задоволення статевої пристрасті неприродним способом і кваліфікуються за ст. 153 КК.

Фізичне насильство – це фізичне подолання опору, який чинить потерпіла особа, або насильство, застосоване для упередження очікуваного опору, який обумовлений небажанням особи вступити із гвалтівником у статевий зв'язок.

Фізичне насильство має бути здатним перебороти дійсний, а не вигаданий (удаваний) опір потерпілої особи. Щоб зламати опір, злочинець може застосувати фізичну силу, різні предмети або навіть зброю. Він може намагатися зв'язати особу, проти якої здійснює фізичні дії, завдати побої, тілесні ушкодження різного ступеня тяжкості, наносити удари, здавлювати шию руками або накинutoю петлею тощо. Застосування фізичного насильства і спричинення внаслідок цього шкоди здоров'ю потерпілої особи є складовим елементом об'єктивної сторони зґвалтування, що треба враховувати при кваліфікації цього злочину за ст. 152 КК. Так, заподіяння потерпілій особі легких або середньої тяжкості тілесних ушкоджень підлягає кваліфікації за частинами 1-3 ст. 152 КК, а якщо при зґвалтуванні було нанесено тяжкі тілесні ушкодження, що спричинили наслідки, зазначені в ст. 121 КК, – за ч. 4 ст. 152 КК за ознакою спричинення особливо тяжких наслідків. Зґвалтування, що було поєднане із заподіянням потерпілій особі тілесного ушкодження, визнаного тяжким лише за ознакою небезпечності для життя в момент його заподіяння, не можуть вважатися такими, що спричинили особливо тяжкі наслідки. Такі дії підлягають кваліфікації за сукупністю злочинів,

¹ Постанови Пленуму Верховного Суду України в кримінальних справах / Верховний Суд України; За заг. ред. В. Т. Маляренка. – К.: Юрінком Інтер, 2005. – С. 90.

передбачених статтями 121 і 152 КК¹. Заподіяння при зґвалтуванні тяжких тілесних ушкоджень, від яких сталася смерть потерпілої особи, слід розглядати як настання особливо тяжких наслідків, передбачених ч. 4 ст. 152 КК і тому додаткова кваліфікація за ч. 2 ст. 121 КК не потрібна².

Дії особи, яка в процесі зґвалтування чи відразу ж після нього вчинила умисне вбивство потерпілого (потерпілої) потрібно кваліфікувати за сукупністю злочинів: п. 10 ч. 2 ст. 115 КК та за ч. 4. ст. 152 КК³.

Якщо при зґвалтуванні чи замаху на цей злочин винний заподіяв потерпілій особі смерть через необережність (наприклад, якщо потерпіла вистрибнула з вікна будинку або із транспортного засобу під час руху останнього й одержала смертельні ушкодження) його дії охоплюються ч. 4 ст. 152 КК і додаткової кваліфікації за ст. 119 КК не потребують⁴.

Погроза фізичним насильством як ознака об'єктивної сторони зґвалтування являє собою різного роду психічне насильство, що застосовується до потерпілої особи для того, щоб подолати її опір. За своєю спрямованістю вона може бути адресована не тільки проти потерпілої особи, а й близьких їй осіб, родичів. Наприклад, звернення до жінки з вимогою статевого зв'язку, що супроводжується погрозою вбити маленьку доньку, що знаходиться поруч з нею. У статті 152 КК при окресленні зґвалтування застосування погрози фізичним насильством поставлено в один ряд із застосуванням фізичного насильства. Погроза при зґвалтуванні повинна бути безпосередньою і свідчити, що може бути негайно виконана суб'єктом злочину. Цей характер погрози і можливість її негайного виконання ставлять потерпілу особу в безвихідний стан, змушують поступитися загрозливим вимогам гвалтівника. Внаслідок такого насильства воля потерпілої особи паралізується.

Погроза повинна бути дійсною, а не удаваною, і розцінюватися потерпілою особою як реальна небезпека для її життя або здоров'я чи близьких їй осіб, родичів.

Відповідальність за ст.152 КК настає незалежно від того, чи мав гвалтівник намір дійсно реалізувати погрозу або розраховував лише таким чином психічно вплинути на потерпілу особу, щоб паралізувати її волю, упередити можливий опір та вступити у статевий зв'язок.

¹ Див.: Частина 3 п. 15 постанови Пленуму Верховного Суду України від 27 березня 1992 р. № 4.

² Див.: Частина 1 п. 16 зазначеної вище постанови.

³ Див.: Частина 1 п. 14 постанови Пленуму Верховного Суду України “Про судову практику в справах про злочини проти життя та здоров'я особи” від 7 лютого 2003 р. № 2 та частина 2 п. 16 зазначеної вище постанови від 27 березня 1992 р. № 4.

⁴ Див.: Частина 3 п. 26 постанови Пленуму Верховного Суду України від 7 лютого 2003 року № 2.

Якщо після вчинення зґвалтування мала місце реальна погроза вбивством потерпілої особи для того, наприклад, щоб вона нікому не повідомила про те, що трапилося, дії винного слід кваліфікувати за сукупністю статей 129 та 152 КК.

Використання безпорадного стану потерпілої особи при зґвалтуванні. Безпорадний стан потерпілої особи – це відсутність у неї фізичної можливості чинити опір вступу з нею в статеві зносини або відсутність можливості правильно розуміти характер і значення вчинюваних з нею сексуальних дій чи керувати своїми вчинками. Гвалтівник при цьому усвідомлює або міг і повинен був усвідомлювати, що потерпіла особа знаходиться в безпорадному стані.

При використанні безпорадного стану немає потреби застосовувати насильство або погрозу їм, тому що опору потерпілої особи тут не очікується⁵.

Розрізняють два види безпорадного стану: психічну безпорадність і фізичну безпорадність.

У разі *психічної безпорадності* потерпіла особа не може розуміти характер і значення вчинюваних з нею дій. Про психічну безпорадність свідчать:

- психічна хвороба потерпілої особи;
- непритомний стан (непритомність, що виникла незалежно від дій винного, наприклад, внаслідок хвороби).
- малолітній вік потерпілої особи.

Так, С. був засуджений за зґвалтування шестирічної дівчинки. С. зустрів дівчинку на вулиці і запросив її покататися на автомобілі, вивіз за місто в ліс. Там він пригощав дівчинку цукерками, розказував їй казки, грав з нею у схованки, а потім вчинив щодо неї низку розпусних дій та здійснив з нею статевий акт. Захищаючись у суді, С. лицемірно стверджував, що дівчинка не опиралася і «добровільно» погодилася на вчинення статевого акту. Суд цілком правильно вказав, що не може бути й мови про добровільну згоду на статевий акт з боку шестирічної дівчинки, так як вона в силу свого віку і розвитку не розуміла і не могла правильно оцінити дійсний характер такого роду вчинюваних щодо неї дій.

До психічної безпорадності можуть бути віднесені також випадки, коли гвалтівник сам, використовуючи, зокрема, наркотики, гіпноз, снотворне, поставив потерпілу особу в стан, коли вона не усвідомлює характеру дій, що вчиняються щодо неї. В такому ж стані потерпіла особа може опинитися і незалежно від дій гвалтівника.

⁵ Див.: Кримінальне право України: Особлива частина: Підручник. – С. 89.

При *фізичній безпорадності* у потерпілої особи відсутня можливість чинити протидію гвалтівнику. Такий стан може бути викликаний фізичними вадами потерпілої особи (наприклад, відсутність рук, ніг або їх функцій), її похилим віком або хворобою, що не є психічною, наприклад, пов'язаною з високою температурою, виснаженістю організму, перенесеною операцією тощо. У цих випадках, хоча потерпіла особа й усвідомлює характер вчинюваних щодо неї дій, але вона не здатна чинити опір гвалтівнику, він відсутній. Однак відсутність опору повинна бути наслідком об'єктивних причин, які свідомо використовуються гвалтівником, а не згоди особи, яка має фізичні вади, на статеві зносини.

З суб'єктивної сторони зґвалтування відбувається лише з *прямим умислом*. Мотивом зґвалтування є переважно прагнення задовольнити статеву пристрасть¹.

Суб'єктом зґвалтування може бути особа як чоловічої, так і жіночої статі, яка досягла 14-річного віку. Безпосереднім фізичним виконавцем злочину може бути лише особа протилежна за статтю потерпілій особі. Виконавцем (співвиконавцем) злочину визнається і той, хто, наприклад, застосовує до потерпілої особи фізичне насильство з метою примусити її вступити в статеві зносини з безпосереднім насильником.

Зґвалтування вважається *закінченим злочином* з моменту початку насильницького статевого акту. Закінчення насильником статевого акту в фізіологічному розумінні для визнання зґвалтування закінченим не вважається².

У **частині 2 ст. 152 КК** передбачена відповідальність за зґвалтування, вчинене повторно або особою, яка раніше вчинила будь-який із злочинів, передбачених статтями 153-155 КК. Зґвалтування вважається *повторним*, якщо йому передувало діяння, вказане у частинах 1-4 ст. 152 КК, або діяння, що вказані в статтях 153-155 КК.

Ознака повторності виключається, якщо при вчиненні одного зґвалтування винний вступив з потерпілою особою в статеві зносини два або більше разів, тобто за наявності ознак *продовжуваного* зґвалтування як одиничного злочину. В такому випадку потерпіла особа продовжує перебувати під впливом влади психічної або фізичної дії, її воля паралізована ще при перших статевих зносинах і залишається такою.

У **частині 3 ст. 152 КК** передбачена відповідальність за зґвалтування, вчинене групою осіб, або зґвалтування неповнолітньої чи неповнолітнього.

¹ Див.: Кримінальне право України: Особлива частина: Підручник. – С. 90.

² Див.: Частина 3 п. 6 зазначеної постанови Пленуму Верховного Суду України від 27 березня 1992 р. № 4.

Під *груповим зґвалтуванням* слід розуміти співвиконавство у вчиненні злочину, коли кожний з учасників повністю виконує склад злочину або тільки будь-які дії, що складають об'єктивну сторону злочину. Здійснення зґвалтування групою осіб вимагає наявності двох умов у сукупності:

а) участь у вчиненні злочину двох або більш осіб, при умові, що принаймні дві особи з них діють як співвиконавці;

б) погодженість дій учасників групи щодо потерпілої особи. При цьому попередня змова між учасниками зґвалтування не є обов'язковою.

Виконавцем зґвалтування є як особа з числа двох або більше осіб, яка безпосередньо здійснює насильницький статевий акт з потерпілою особою, так і той, хто застосовує до такої особи фізичне насильство чи погрози з метою змусити її вступити до статевого акту з будь-ким іншим з учасників групи (тобто є співвиконавцем).

Погодженість дій учасників групи щодо потерпілої особи означає, що свідомістю кожного учасника зґвалтування охоплюється об'єктивне сприяння один одному у вчиненні злочину, при цьому не вимагається попередньої згоди між учасниками злочину.

Якщо погодженість відсутня, дії винних не можуть розглядатися як зґвалтування, вчинене групою осіб.

Груповим зґвалтуванням вважаються також дії осіб, якщо вони діяли погоджено щодо кількох потерпілих, хоча кожен із них мав на меті і зґвалтував лише одну потерпілу особу.

Зґвалтування *неповнолітньої особи* має місце тоді, коли воно вчиняється щодо осіб у віці від 14 до 18 років. Зґвалтування особи віком до 14-ти років кваліфікується за ч. 4 ст. 152 КК як зґвалтування малолітньої чи малолітнього.

У судовій практиці часто виникають труднощі при кваліфікації випадків зґвалтування неповнолітніх, вік яких близький до 18 років. Пленум Верховного Суду України з цього приводу зазначив, що за зґвалтування неповнолітньої особи підлягає відповідальності особа, яка знала або припускала, що вчиняє насильницький статевий акт з неповнолітньою особою, чи могла і повинна була це передбачити¹.

В той же час, якщо гвалтівник сумлінно помилявся щодо фактичного віку потерпілої особи, то він не може бути притягнутий до відповідальності за ч. 3 ст. 152 КК за цією обставиною.

У частині 4 ст. 152 КК передбачена відповідальність за зґвалтування, що спричинило особливо тяжкі наслідки, а також зґвалтування малолітньої чи малолітнього.

¹ Див.: Частина 2 п. 17 зазначеної вище постанови Пленуму Верховного Суду України від 27 березня 1992 р. № 4.

Особливо тяжкими наслідками є, наприклад, смерть або самогубство потерпілої особи, розлад психічної діяльності, що настав у результаті зґвалтування. При цьому необхідно мати на увазі, що відповідальність за особливо тяжкі наслідки зґвалтування настає як у випадках, коли винний передбачав можливість їх настання, так і коли він міг і повинен був їх передбачити.

Зґвалтування малолітньої або малолітнього має місце в випадках, коли потерпіла особа не досягла 14 років. Зґвалтування малолітньої (малолітнього) передбачає, що винний знав або припускав, що потерпілій особі ще немає 14 років, або повинен був і міг це передбачити.

Покарання за зґвалтування: за ч. 1 ст. 152 КК – позбавлення волі на строк від трьох до п'яти років; за ч. 2 ст. 152 КК – позбавлення волі на строк від п'яти до десяти років; за ч. 3 ст. 152 КК – позбавлення волі на строк від семи до дванадцяти років; за ч. 4 ст. 152 КК – позбавлення волі на строк від восьми до п'ятнадцяти років.

Додаткова література до питання

1. Брич Л. П. Розмежування зґвалтування із суміжними складами злочинів проти статевих свободи та статевих недоторканості особи // Життя і право. – 2004. – № 4. – С. 69-78.
2. Пономаренко Є. Кримінально-правова оцінка злочину зґвалтування: деякі аспекти // Право України. – 2005. – № 5. – С. 92-94.
3. Самощенко И. В. К вопросу о содержании угрозы в составе изнасилования // Юридическая наука и проблемы формирования демократического правового государства Украины: наукова конференція. – К., 1993. – С. 104-107.

КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО УКРАЇНИ ЗАГАЛЬНА ЧАСТИНА*

Розділ II. ЗАКОН ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ

§ 1. Поняття закону про кримінальну відповідальність

Кримінальне право України отримує своє текстуальне вираження у законодавстві про кримінальну відповідальність, що являє собою єдину нормативну систему — Кримінальний кодекс України, який ґрунтується на Конституції України та загальноновизнаних принципах і нормах міжнародного права. *КК складається із кримінальних законів, що системно розта-*

* Підручник / В. І. Борисов, В. Я. Тацій, В. І. Тютюгін та ін.; за ред. В. Я. Тація, В. І. Борисова, В. І. Тютюгіна. – 5-те вид., переробл. і допов. – Х.: Право, 2015. – С. 30-66; С. 177-189.

іювані в його межах і діють із часу набрання ними чинності. Кожен із кримінальних законів містить певні визначення (дефініції), викладені у вигляді норми. КК, як і кримінальні закони, що входять до нього, є своєрідним продуктом законодавчої діяльності, в якому шляхом законодавчого веління відображено об'єктивні закономірності розвитку кримінального права.

У КК 2001 р. кримінальний закон позначено як «закон про кримінальну відповідальність» (розд. II Загальної частини). Поняття «кримінальний закон» і «закон про кримінальну відповідальність» тотожні за своєю сутністю, однак через те, що останнє закріплене в КК, ним потрібно користуватися для характеристики КК 2001 р. та при його застосуванні¹. Кримінальний закон, або закон про кримінальну відповідальність, має відносну самостійність, оскільки його розуміння і застосування можливі тільки у взаємопосєднанні з іншими законами, включеними до КК.

Згідно з ч. 2 ст. 3 КК закони України про кримінальну відповідальність, прийняті після набрання чинності цим Кодексом, включаються до нього після набрання ними чинності. Вони застосовуються як складова частина КК.

КК і окремі закони України про кримінальну відповідальність приймаються ВРУ. Закони про кримінальну відповідальність – це одна або декілька юридичних норм, закріплених у статті чи низці статей КК. Усі закони про кримінальну відповідальність зведено до КК, де норми розташовані в певній системі, а статті, в яких вони закріплені, мають відповідний номер. Оскільки законодавство України про кримінальну відповідальність – це КК, то норми, які можуть бути на додаток до КК ухвалені окремим законом, теж повинні позначатися відповідним номером статті КК. Закони про кримінальну відповідальність, що приймаються на доповнення до КК, можуть не тільки міститися у самостійному нормативно-правовому акті, а й входити окремими нормами в закон України, яким охоплюється більш широке коло питань, що потребують нормативного регулювання та охорони². Окремі кримінально-правові

¹ Поняття «кримінальний закон», яким широко користується теорія кримінального права, є дещо умовним, оскільки на відміну від КК або окремо прийнятого ВРУ закону про кримінальну відповідальність воно не має всіх атрибутів закону як нормативно-правового акта. Закон у буквальному розумінні – це юридично цілісний і структурно завершений нормативно-правовий акт, який приймається ВРУ відповідно до її конституційних повноважень (див.: Тодыка Ю. Н. Конституция Украины: проблемы теории и практики / Ю. Н. Тодыка. – Харьков, 2000. – С. 473). Таку ж частку умовності має і поняття «закон про кримінальну відповідальність», коли з його допомогою характеризуються окремі норми КК.

² Наприклад, Законом України від 15 квітня 2014 р. «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України»

положення можуть міститися в чинних міжнародних договорах, згоду на обов'язковість яких надано ВРУ. Такі положення, адаптовані до законодавства України про кримінальну відповідальність та викладені у вигляді норми, також повинні бути включені в КК з відповідною нумерацією статті. Отже, законом про кримінальну відповідальність є і КК, і його окремі норми, викладені в одній або декількох статтях КК.

У нормах КК сформульовано завдання, підстави та принципи кримінальної відповідальності, встановлено, які суспільно небезпечні діяння визнаються злочинами, які покарання можуть підлягати застосуванню до осіб, що їх вчинили. Згідно зі ст. 1 «Кримінальний кодекс України має своїм завданням правове забезпечення охорони прав і свобод людини і громадянина, власності, громадського порядку та громадської безпеки, довкілля, конституційного устрою України від злочинних посягань, забезпечення миру і безпеки людства, а також запобігання злочинам». Для виконання цього завдання КК визначає, які суспільно небезпечні діяння є злочинами та які покарання застосовуються до осіб, що їх вчинили, тобто КК забороняє під загрозою покарання вчиняти суспільно небезпечні діяння, визнані злочинними.

Закон про кримінальну відповідальність, на відміну від законів інших галузей законодавства, має певні специфічні риси. Він є і зовнішнім нормативним вираженням (формою), і основним джерелом кримінального права. Згідно з ч. 3 ст. 3 КК злочинність діяння, а також його караність та інші кримінально-правові наслідки визначаються тільки КК. Вироки, ухвали та постанови судів не створюють законодавства про кримінальну відповідальність. Вони мають обов'язкову силу тільки щодо конкретного кримінального провадження. Те саме стосується роз'яснень ПВСУ та Пленуму ВССУ. Вони лише розкривають сутність, дійсний зміст відповідних норм КК, націлюють судову практику на їх однакове застосування. Так само не є законами рішення ВСУ з приводу неоднакового застосування судом (судами) касаційної інстанції одних і тих самих норм закону України про кримінальну відповідальність щодо подібних суспільно небезпечних діянь. Не створюють законодавства про кримінальну відповідальність і акти КСУ, якими може здійснюватися офіційне тлумачення окремих положень КК. Незважаючи на загальну обов'язковість, такі акти КСУ приймаються з метою точного визначення змісту юридичної норми, а також правильного та єдиного її застосування у певних правових ситуаціях.

Тільки закон про кримінальну відповідальність має значення нормативно-правового акта, що визначає, яке суспільно небезпечне діяння

КК доповнено ст. 332¹ «Порушення порядку в'їзду на тимчасово окуповану територію України та виїзду з неї» (Голос України. – 2014. – 26 квіт. (№ 83).

визнається злочином і які покарання можуть бути застосовані за його вчинення. У нормативно-правових актах інших галузей законодавства можуть міститися принципи положення або окремі визначення, що мають безпосереднє значення для формування норми закону про кримінальну відповідальність (наприклад, визначення суспільно небезпечного діяння, що передує легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, надано в п. 2 ч. 1 ст. 1 Закону України від 28 листопада 2002 р. «Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, або фінансуванню тероризму»). Однак такі положення або визначення можуть бути тільки нормативно-правовою базою для прийняття відповідного закону про кримінальну відповідальність (Законом України від 16 січня 2003 р. визначення суспільно небезпечного діяння, що передує легалізації (відмиванню) доходів, було відтворене із редакційними уточненнями у п. 1 примітки до ст. 209 КК. У подальшому визначення, наведене в цій примітці, уточнювалося відповідно до змін, що вносилися до Закону від 28 листопада 2002 р.).

Відповідно до ч. 1 ст. 3 КК законодавство України про кримінальну відповідальність становить КК, що ґрунтується на Конституції України, яка має найвищу юридичну силу. Зі ст. 8 Конституції України випливає, що закони, в тому числі кримінальні, повинні відповідати їй. Також законодавство України про кримінальну відповідальність має засновуватися на загальновизнаних принципах і нормах міжнародного права (ч. 1 ст. 3 КК). Такі принципи і норми містяться, зокрема, у Загальній декларації прав людини 1948 р., Міжнародному пакті про громадянські і політичні права 1966 р., Міжнародному пакті про економічні, соціальні і культурні права 1966 р. За ч. 5 ст. 3 КК закони України про кримінальну відповідальність повинні відповідати положенням, що містяться в чинних міжнародних договорах, згоду на обов'язковість яких надано ВРУ.

КК і окремі закони про кримінальну відповідальність приймаються ВРУ, що впливає із ст. 85 Конституції України. Відповідно до Закону України від 6 листопада 2012 р. «Про всеукраїнський референдум» прийняття законів громадянами України можливе також шляхом таємного голосування (законодавчий референдум). Незалежно від процедури прийняття закон про кримінальну відповідальність – завжди письмовий документ, опублікований у встановленому законодавством України порядку.

Викладене дозволяє зробити висновок про те, що **закон про кримінальну відповідальність** — це письмовий нормативно-правовий акт, що приймається ВРУ або всеукраїнським референдумом і містить юридичні норми, в яких сформульовано завдання, підстави та принципи

кримінальної відповідальності, встановлено, які суспільно небезпечні діяння визнаються злочинами і які покарання належить застосовувати до осіб, винних у їх вчиненні, визначені інші кримінально-правові наслідки вчинення таких діянь. Законом про кримінальну відповідальність називаються і КК в цілому, і його окремі норми, викладені в одній або декількох статтях КК. Закон про кримінальну відповідальність має відповідати Конституції України та загальновизнаним принципам і нормам міжнародного права.

Усі кримінальні закони України, як уже зазначалося, сконцентровано в КК¹. Чинний КК було прийнято ВРУ 5 квітня 2001 р. Він набрав чинності з 1 вересня 2001 р. До цього діяв КК, прийнятий 28 грудня 1960 р., який за більш ніж сорокарічний період зазнав істотних змін. Особливо інтенсивно змінювався цей КК після 1991 р., що було зумовлено головним чином радикальними перетвореннями у житті суспільства. У 1992 р. ВРУ прийняла рішення підготувати проект нового КК. Розпорядженням КМУ було створено робочу групу із провідних учених і практиків України. До грудня 1993 р. було підготовлено перший варіант проекту КК. У подальшому проект КК неодноразово обговорювався на конференціях і семінарах, у пресі, на телебаченні. Постійно надходили пропозиції від наукових і навчальних юридичних установ України, правоохоронних і правозастосовних органів України, окремих юристів. Проект пройшов термінологічні експертизи Інституту української мови НАН України. У 1996 р. у Києві він був обговорений на робочій нараді експертів Ради Європи, де дістав позитивну оцінку.

У зв'язку з прийняттям Конституції України, а також необхідністю врахувати зауваження і пропозиції, що надходили від практичних працівників, проект КК був обговорений із представниками ВСУ, Генеральної прокуратури України, МЮ, СБУ, МВС, а у 1997 р. повторно досліджений експертами Ради Європи. На нараді, яка відбулася в Гаазі (Нідерланди), проект був обговорений з представниками Нідерландів, Італії, Швеції, Португалії та інших країн; потім за участю тих самих експертів і представників судів і правоохоронних органів України – на науково-практичних конференціях і семінарах, що відбулися в Харкові. Усе це дозволило розробникам проекту надати в 1998 р. до ВРУ досить

¹ У період становлення незалежності України було прийнято декілька законів тимчасової дії, що містили юридичні норми, які не були включені до КК 1960 р. Наприклад, Указ Президії Верховної Ради України від 21 січня 1992 р. «Про відповідальність за виготовлення з метою збуту та збут підроблених купонів багаторазового використання». Нині немає умов, на які були розраховані ці закони, і тому згідно зі ст. 2 розд. I Прикінцевих та перехідних положень КК 2001 р. їх дію припинено.

обґрунтований, такий, що відповідав рівневі юридичної науки і вимогам часу, проект нового КК.

При першому читанні проекту КК, що відбулося 8 вересня 1998 р., Верховна Рада розглянула також альтернативний проект КК. Зі значною перевагою голосів було прийнято проект, розроблений робочою групою КМУ. Згодом проект було прийнято у другому читанні та остаточно – 5 квітня 2001 р.

§ 2. Структура Кримінального кодексу

Закони про кримінальну відповідальність систематизовані та поділяються в КК на Загальну й Особливу частини.

У нормах Загальної частини сформульовано принципи і загальні положення кримінального права, а також його основні інститути, наприклад, поняття злочину і його види, вина та її форми, співучасть у злочині, повторність, сукупність та рецидив злочинів, покарання та його мета, види покарань та підстави їх застосування. Це норми, які застосовуються до всіх чи певної групи злочинів.

Норми Особливої частини встановлюють, які конкретно суспільно небезпечні діяння визнаються злочинами і які покарання належить застосовувати до осіб, винних у їх вчиненні.

Загальна і Особлива частини КК поділяються на розділи, а останні у свою чергу – на окремі статті.

Загальна частина чинного КК складається із 16 розділів: «Загальні положення», «Закон про кримінальну відповідальність», «Злочин, його види та стадії», «Особа, яка підлягає кримінальній відповідальності (суб'єкт злочину)», «Вина та її форми», «Співучасть у злочині», «Повторність, сукупність та рецидив злочинів», «Обставини, що виключають злочинність діяння», «Звільнення від кримінальної відповідальності», «Покарання та його види», «Призначення покарання», «Звільнення від покарання та його відбування», «Судимість», «Інші заходи кримінально-правового характеру», «Заходи кримінально-правового характеру щодо юридичних осіб», «Особливості кримінальної відповідальності та покарання неповнолітніх».

Особлива частина включає 20 розділів, норми яких систематизовані залежно від спорідненості суспільних відносин, що охороняються законодавством про кримінальну відповідальність. Наприклад, статті КК, норми яких передбачають відповідальність за злочини, що посягають на основні державоутворюючі цінності українського народу, проголошені у статтях 1 і 2 Конституції України, розміщено в розд. I «Злочини проти основ національної безпеки України». Статті, норми яких охороняють

людини, її життя і здоров'я, волю, честь і гідність, статеву свободу та статеву недоторканість, містяться в розд. II «Злочини проти життя та здоров'я особи», розд. III «Злочини проти волі, честі та гідності особи» та розд. IV «Злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості особи». Статті КК, норми яких охороняють основні права і свободи людини, об'єднано в розд. V «Злочини проти виборчих, трудових та інших особистих прав і свобод людини і громадянина». Поділ Особливої частини КК 2001 р. на 20 розділів зробив її більш зручною для застосування, оскільки надає слідчому, прокурору, судді, адвокату орієнтир у розміщенні тих чи інших статей у КК. Та й для громадян України дуже важливо, щоб було просто знайти в КК ту чи іншу статтю про відповідальність за окремий злочин.

Статті КК пронумеровані арабськими цифрами і мають заголовки, що відбивають сутність законодавчих визначень, які надані в нормах. При включенні до КК нової статті вона поміщається у відповідний розділ Загальної або Особливої частини, як правило, слідом за статтею, найбільш близькою до неї за змістом. Новій статті надається номер попередньої статті і додатковий цифровий індекс — 1, 2, 3 і т. д. Наприклад, 21 вересня 2006 р. до Особливої частини КК було включено статтю «Втягнення у вчинення терористичного акту». Її було поміщено слідом за ст. 258 «Терористичний акт» та надано номер 258¹.

Виключення тієї чи іншої статті із КК також не змінює порядку нумерації статей у ньому. У КК зберігається місце, де розташовувалася стаття, яка була виключена, з відповідною позначкою. Так, стосовно виключеної ст. 230 у КК міститься позначка: «Статтю 230 виключено на підставі Закону № 669-IV від 03.04.2003». Норма цієї статті передбачала відповідальність за порушення антимонопольного законодавства, але її було скасовано. Законодавець допускає й зміну нумерації статей Особливої частини КК. Так, Законом України від 21 серпня 2009 р. ст. 158¹ «Незаконне знищення виборчої документації або документів референдуму» надано номер 158². Одночасно номер 158¹ надано статті під назвою «Голосування виборцем на виборчій ділянці більш ніж один раз»¹.

Багато статей КК поділяються на частини – окремі абзаци, що мають цифрові позначення. Наприклад, ст. 1 КК «Завдання Кримінального кодексу України» має дві частини – 1 та 2; ст. 135 КК «Залишення

¹ Законом від 14 жовтня 2014 р. назву цієї статті змінено на: «Незаконне використання виборчого бюлетеня, бюлетеня для голосування на референдумі, голосування виборцем, учасником референдуму більше ніж один раз» (Офіц. вісн. України. – 2009. – 21 верес. (№ 70).

в небезпеці» складається із трьох частин – 1, 2 та 3. Перед кожною із цих частин стоїть відповідна цифра.

Зміст окремих частин у статтях, що належать до Загальної частини, характеризується великою різноманітністю. Найчастіше в них розвивається відповідна юридична норма, визначаються особливості її застосування за якихось умов або встановлюються випадки незастосування цієї норми чи виключення її з дії. Наприклад, у ч. 1 ст. 55 КК вказано строк, на який може бути призначене покарання у виді позбавлення права обіймати певні посади або займатися певною діяльністю, і зазначено, до яких видів покарань воно належить; у ч. 2 вказано випадки, коли може бути призначено таке покарання як додаткове, якщо воно не передбачене в санкції статті Особливої частини КК; у ч. 3 встановлено порядок обчислення строків виконання цього покарання як додаткового.

В Особливій частині КК в окремих частинах її статей встановлюється, за загальним правилом, відповідальність за один і той самий злочин за наявності особливостей, що відображають тяжкість діяння, ознаки суб'єкта, потерпілого, інші обставини, які впливають на міру покарання. Наприклад, у ч. 1 ст. 190 КК визначено відповідальність за заволодіння чужим майном шляхом шахрайства, сформульовано характерні ознаки цього злочину, частини 2, 3 та 4 вказують на обставини, встановлення яких посилює (обтяжує) кримінальну відповідальність за цей злочин.

Деякі норми Особливої частини КК містять положення, якими обмежується їх дія (наприклад, ч. 2 ст. 385) або передбачаються умови і порядок звільнення від кримінальної відповідальності винного у вчиненні зазначеного в статті злочину (наприклад, ч. 2 ст. 255, ч. 4 ст. 307). Цими положеннями регулюється застосування норм за окремі види злочинів.

У деяких випадках статті або частини статей КК поділяються на пункти, що мають цифрове позначення. Наприклад, норму ст. 89 КК «Строки погашення судимості» поділено на дев'ять пунктів. Частина 1 ст. 49 КК «Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку із закінченням строків давності» поділяється на пп. 1, 2, 3, 4 та 5. Частина 2 ст. 115 КК «Умисне вбивство» містить 14 пунктів, які також позначені цифрами.

Окремі статті КК мають примітки, в яких роз'яснюються поняття, застосовані законодавцем в цій або деяких інших статтях. Наприклад, у п. 1 примітки до ст. 185 КК «Крадіжка» сформульовано поняття повторності вчинення злочинів, передбачених статтями 185, 186 та 189-191 КК; у п. 2 – надано визначення значної шкоди; у пп. 3 та 4 вказано на те, який злочин проти власності визнається вчиненим у великих або особливо великих розмірах.

У зв'язку з тим, що абсолютна більшість норм Особливої частини КК встановлює кримінальну відповідальність за окремі види злочинів, їх структура відрізняється однорідністю складових елементів; у них чітко визначені диспозиція і санкція. Виняток становлять декілька статей, у нормах яких або примітках до них наведено поняття злочинів певного виду, визначено суб'єктів їх вчинення, сформульовано деякі інші положення (наприклад, ст. 401 КК дає поняття військового злочину; визначення службової особи міститься у пп. 1 і 2 примітки до ст. 364 КК).

Диспозиція — це частина норми Особливої частини, в якій визначається злочинне діяння. За технікою побудови і способом опису ознак конкретного виду злочину в чинному кримінальному законодавстві України розрізняють диспозиції чотирьох видів: просту, описову, бланкетну та відсилочну. Зустрічаються також змішані диспозиції.

Проста диспозиція називає злочинне діяння без розкриття його ознак. Наприклад, у ст. 178 КК без вказівки на ознаки діяння наступним чином сформульовано диспозицію: «пошкодження чи зруйнування релігійної споруди або культового будинку». Просту диспозицію законодавець використовує у тих випадках, коли зміст суспільно небезпечного діяння в загальних рисах досить зрозумілий і без опису його ознак у законі. Ознаки злочину, які наводяться у простій диспозиції, розкриваються в слідчо-судовій практиці та науковій літературі.

Описова диспозиція вказує на найбільш характерні ознаки діяння. Наприклад, у ст. 185 КК «Крадіжка» наведено визначення крадіжки як таємного викрадення чужого майна. Точно визначаючи ознаки злочину, описова диспозиція у зв'язку з цим має перевагу над простою.

Бланкетною є диспозиція, яка, не називаючи конкретних ознак злочину або називаючи тільки частину із них, відсилає для встановлення змісту ознак вчиненого діяння до інших нормативних актів, які не є законами про кримінальну відповідальність (інших законів, інструкцій, статутів, положень, стандартів, правил, вказівок тощо). Наприклад, бланкетними є диспозиції норм ст. 271 КК «Порушення вимог законодавства про охорону праці», ст. 286 КК «Порушення правил безпеки дорожнього руху або експлуатації транспорту особами, які керують транспортними засобами». Отже, бланкетна диспозиція використовується тоді, коли треба встановити кримінальну відповідальність за порушення правил, що містять різноманітні приписи, вимоги, заборони, детальне розкриття змісту яких є в інших нормативно-правових актах і технічних нормах. Ці акти та норми можуть бути видані до набрання чинності законом про кримінальну відповідальність, що містить бланкетну диспозицію, одночасно з ним або після його видання; вони

можуть змінюватися, але кримінально-правова норма, яка має бланкетну диспозицію, при цьому залишається без змін. Приймають і затверджують такі нормативні акти та технічні норми різні установи й організації. Вони мають відмінності і за сферами застосування. Ці акти та норми, як уже відмічалось, не є джерелами закону про кримінальну відповідальність. Відповідно до останнього (його соціального призначення) вони виконують підпорядковану роль. Приписи, вимоги, заборони, що в них сформульовано, сприяють встановленню ознак злочину на час його вчинення, в першу чергу суспільно небезпечного і протиправного діяння (дії або бездіяльності).

Відсилочна диспозиція відсилає до норми закону про кримінальну відповідальність або її окремого положення, що містяться в іншій статті або іншій частині цієї ж статті КК, де йдеться про відповідний злочин або описано його ознаки. Наприклад, ст. 122 КК «Умисне середньої тяжкості тілесне ушкодження» відсилає до ст. 121 КК «Умисне тяжке тілесне ушкодження», вказуючи, що спричинення тілесних ушкоджень середньої тяжкості може мати місце за відсутності ознак тяжкого тілесного ушкодження. Частіше за все відсилочні диспозиції застосовуються при визначенні другої і наступної частин відповідної статті, для уникнення повторного опису діяння, яке наведене в частині першій. Для цього у відповідній частині використовуються слова: «те саме діяння», «діяння, передбачене частинами першою або другою цієї статті» тощо. Досить часто відсилання до іншої або інших статей використовуються при визначенні обставин, що обтяжують відповідальність. Наприклад, у ч. 2 ст. 309 КК «Незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів без мети збуту» вказано на вчинення тих самих дій особою, яка раніше вчинила один із злочинів, передбачених статтями 307, 308, 310, 317 КК.

У КК зустрічаються кримінально-правові норми, диспозиції яких мають *змішаний (комбінований) характер*. В одній своїй частині це прості або описові диспозиції, в іншій – бланкетні або відсилочні. Наприклад, такою є диспозиція у ст. 231 КК, яка передбачає відповідальність за умисні дії, спрямовані на отримання відомостей, що становлять комерційну або банківську таємницю, з метою розголошення чи іншого використання цих відомостей, а також незаконне використання таких відомостей, якщо це спричинило істотну шкоду суб'єкту господарської діяльності.

За вчинений злочин у законі залежно від його суспільної небезпечності встановлено санкцію.

Санкція — це частина норми Особливої частини, в якій зазначено вид і розмір покарання за злочин, визначений в її диспозиції. За видом і розміром покарання, що міститься в санкції, можна встановити, чи є злочин, наприклад, тяжким чи середньої або навіть невеликої тяжкості. За порядком (способом) призначення покарання підрозділяються на основні і додаткові.

У КК для призначення покарань використовуються відносно визначені, альтернативні та кумулятивні санкції.

Відносно визначеною є санкція, яка вказує на один вид покарання та визначає його межі.

КК передбачає такі різновиди відносно визначених санкцій:

а) з нижчою (мінімумом) і вищою (максимумом) межами покарання (на строк «від» і «до»). У цьому разі в законі передбачено нижчу та вищу межі певного покарання. Наприклад, хуліганство, передбачене ч. 4 ст. 296 КК, карається позбавленням волі на строк від трьох до семи років;

б) з максимумом покарання (на строк «до»). У цьому разі визначається тільки вища межа, більше за яку суд призначити покарання не може. Такі санкції передбачено, наприклад, у ч. 1 ст. 153, частинах 1 та 2 ст. 266, ч. 2 ст. 323, статтях 353, 395 КК. Нижчою межею санкції тут є нижча межа, встановлена в нормі Загальної частини КК для даного виду покарання. Наприклад, у ст. 57 КК встановлено нижчу межу для виправних робіт — шість місяців, у ст. 60 КК для арешту — один місяць, у статтях 61 та 63 КК для обмеження і позбавлення волі — один рік. Тому за злочин, передбачений, наприклад, у ч. 1 ст. 153 КК, суд може призначити міру покарання у виді позбавлення волі в межах від одного року до п'яти років; за ст. 353 КК — обмеження волі на строк від одного року до трьох років; за ст. 395 КК — арешту на строк від одного до шести місяців.

Альтернативною є санкція, в якій міститься вказівка на два або декілька видів основних покарань, з яких суд вибирає лише одне. У КК 2001 р. значна частина санкцій є альтернативними. Прикладом цього може бути санкція, наведена у нормі ст. 145 КК. Вона надає суду можливість призначити один із таких видів покарання: штраф до п'ятдесяти н.м.д.г. або громадські роботи на строк до двохсот сорока годин, або позбавлення права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років, або виправні роботи на строк до двох років.

Альтернативні санкції мають різновиди:

а) у санкції вказані відносно визначений і абсолютно визначений види покарання (наприклад, санкція у ст. 112 КК — «карається позбавленням

волі на строк від десяти до п'ятнадцяти років або довічним позбавленням волі»);

б) у санкції вказані два або більше відносно визначених видів покарання (наприклад, санкція у ч. 1 ст. 129 КК – «карається арештом на строк до шести місяців або обмеженням волі на строк до двох років», санкція у ч. 1 ст. 130 КК – «карається арештом на строк до трьох місяців або обмеженням волі на строк до п'яти років, або позбавленням волі на строк до трьох років»).

Кумулятивна санкція. Поряд з основним покаранням відносно визначена або альтернативна санкції можуть містити вказівку на одне або декілька додаткових покарань певного виду, що можуть бути призначені судом як додаток до основного. Додаткове покарання може бути *абсолютно визначеним* (наприклад, позбавлення військового, спеціального звання, рангу, чину або кваліфікаційного класу) або *відносно визначеним* (наприклад, позбавлення права обіймати певні посади або займатися певною діяльністю на строк від одного до трьох років)¹.

Додаткові покарання у санкціях вказуються або як обов'язкові для застосування (наприклад, ч. 1 ст. 142 КК), або як факультативні (наприклад, ч. 2 ст. 144 КК). В останньому випадку суд залежно від обставин справи вирішує питання про застосування або незастосування цього покарання.

§ 3. Тлумачення закону про кримінальну відповідальність

Тлумачення закону полягає у з'ясуванні і всебічному розкритті його змісту з метою точного застосування. Тлумачення не може бути довільним, таким, що виходить за межі волі законодавця, вираженої в тексті закону.

Тлумачення закону поділяється на види залежно від суб'єкта тлумачення, прийомів (засобів) та обсягу тлумачення. У теорії кримінального права існують й інші критерії класифікації тлумачень кримінального закону.

Залежно від суб'єкта, який роз'яснює закон, розрізняють легальне (чи офіційне), судове та наукове (чи доктринальне) тлумачення.

Легальне (чи офіційне) — це тлумачення, що здійснюється органом влади, уповноваженим на те законом. Згідно з п. 2 ст. 150 Конституції

¹ Законом України від 16 вересня 2014 р. «Про очищення влади» встановлене додаткове абсолютно визначене покарання у виді позбавлення права обіймати певні посади на строк п'ять років (абз. 2 ч. 1 ст. 55 КК). Таке покарання може бути призначене лише у справах, передбачених цим законом (Голос України. – 2014. – 15 жовт. (№ 198)).

України правом офіційного тлумачення законів, у тому числі кримінальних, наділено КСУ. Це тлумачення — вид правової діяльності високого юридичного рівня, оскільки акти конституційного тлумачення законів мають силу останніх. У такому тлумаченні можливі елементи розвитку закону, але суворо в межах юридичної норми, що тлумачиться. Результати тлумачення наводяться в РКСУ, яке є обов'язковим до виконання на території України, остаточним і не може бути оскарженим.

Судове тлумачення — це найбільш поширене і найчастіше застосовуване тлумачення. Воно має два різновиди:

а) *казуальне* тлумачення, що дається судами будь-якої інстанції при здійсненні кримінального провадження щодо конкретного кримінального правопорушення. Таке тлумачення є обов'язковим стосовно того кримінального правопорушення, у зв'язку з вчиненням якого здійснюється кримінальне провадження. Оскільки судове тлумачення може також виходити від вищих судових органів, то одночасно воно може бути взірцем правильного застосування закону для нижчих судів при розгляді аналогічних кримінальних правопорушень;

б) *правозастосовне* тлумачення, що міститься в рекомендаціях ПВСУ з найбільш складних питань застосування КК. Унаслідок вивчення та узагальнення судової практики, а також у відповідь на запити судових органів і прокуратури ПВСУ надавав роз'яснення про правильність застосування того чи іншого закону при здійсненні правосуддя. Незважаючи на те, що ПВСУ у теперішній час не дає таких роз'яснень, його рекомендаціями широко користуються суди та інші суб'єкти застосування законів про кримінальну відповідальність. Відповідно до ст. 36 Закону України від 7 липня 2010 р. № 2453-VI «Про судоустрій і статус суддів» повноваженнями щодо роз'яснень рекомендаційного характеру з питань застосування спеціалізованими судами законодавства при вирішенні справ відповідної судової юрисдикції наділений Пленум ВССУ. Роз'яснення, що містяться в постановах зазначених судових органів, не можуть підміняти закон, звужувати або розширювати його зміст. Як ПВСУ так і Пленум ВССУ не є законодавчими органами. Їх рекомендації мають ґрунтуватися на законі, виходити із його змісту, а іноді усувати виявлені практикою непорозуміння, розбіжності у застосуванні чинного законодавства.

Останнім часом вагоме значення для правозастосування набувають постанови ВСУ з приводу неоднакового застосування судом (судами) касаційної інстанції одних і тих самих норм закону України про кримінальну відповідальність щодо подібних суспільно небезпечних діянь (ст. 445 КПК). Висновки ВСУ, які викладені в його постановах про

перегляд судових рішень, слід розглядати як тлумачення закону про кримінальну відповідальність при його практичному застосуванні. Ці висновки є обов'язковими для всіх суб'єктів владних повноважень, які застосовують у своїй діяльності відповідну норму закону, та для всіх судів України (ст. 458 КПК).

Наукове (чи доктринальне) тлумачення – тлумачення закону науковими і навчальними юридичними установами, окремими вченими і практиками у монографіях, підручниках, навчальних посібниках, статтях, науково-практичних коментарях, експертних висновках. Це тлумачення не має обов'язкової сили, але відіграє помітну роль у розвитку кримінального права, враховується при підготовці нових законів про кримінальну відповідальність, допомагає практиці у правильному застосуванні таких законів.

Прийоми (засоби) тлумачення законів про кримінальну відповідальність можуть бути різними. Розглянемо докладніше граматичне (чи філологічне), систематичне та історичне тлумачення.

Граматичне (філологічне) тлумачення полягає у з'ясуванні змісту юридичної норми шляхом етимологічного аналізу її тексту, з'ясування значення слів, термінів, понять, застосованих у законі про кримінальну відповідальність. Наприклад, зі змісту норми ст. 310 КК «Посів або вирощування снотворного маку чи конопель» зрозуміло, що для відкриття кримінального провадження за цією статтею достатньо встановити у вчиненому особою одну із зазначених у цій нормі дій, оскільки між поняттями «незаконний посів» і «незаконне вирощування» стоїть сполучник «або».

Систематичне тлумачення полягає у з'ясуванні змісту закону, його окремих положень шляхом зіставлення з іншими положеннями цього самого або іншого закону.

Найчастіше зіставляються положення різних норм КК. Наприклад, поняття «службова особа», яке використане у ст. 238 КК, з'ясовується шляхом звернення до частин 3 та 4 ст. 18 КК, де наведене визначення службової особи. Нерідко норму закону про кримінальну відповідальність, що тлумачиться, зіставляють з нормами адміністративного, цивільного, трудового законодавства або нормами КПК. Наприклад, для тлумачення змісту ст. 371 КК, в якій використані поняття «затримання», «привід», «домашній арешт», «тримання під вартою», потрібно звернутися до відповідних статей КПК.

Історичне тлумачення закону полягає у з'ясуванні умов, причин, соціальних чинників, що зумовили його прийняття, зверненні до аналогічних кримінальних законів, що діяли раніше. Іноді для розкриття

змісту закону знайомляться з його проектом, пояснювальними записками, матеріалами обговорення проекту, думками окремих учених, які брали участь у розробленні закону. Цей прийом тлумачення застосовують, як правило, науковці при дослідженні кримінального законодавства. Історичне тлумачення дає можливість більш точно з'ясувати ті завдання, які ставив законодавець, приймаючи КК або окремі закони про кримінальну відповідальність, що входять до нього.

Тлумачення за обсягом (результатом) може бути буквальним (чи адекватним), обмежувальним та поширювальним.

Буквальне (адекватне) – це тлумачення, згідно з яким дійсний зміст норми закону про кримінальну відповідальність точно (буквально) відповідає її текстуальному виразу (тексту, букві). Таке тлумачення має місце у випадках, коли зміст норми або якоїсь її частини збігається з її словесним викладенням. Наприклад, диспозиція ч. 1 ст. 114 КК «Шпигунство» дає точне уявлення про предмет злочину – це відомості, що становлять державну таємницю, та суб'єкта шпигунства – це іноземець або особа без громадянства. Жодну з цих ознак не може бути витлумачено ширше або вужче, ніж буквальный зміст. Як правило, буквально тлумачаться санкції норм Особливої частини КК.

Обмежувальне тлумачення має місце у разі, якщо текст і зміст норми не збігаються, коли її дійсний зміст вужчий за текстуальний вираз. Обмежувальне тлумачення дає підставу застосовувати закон до більш вузького кола випадків, ніж це впливає з його тексту. Наприклад, у ст. 304 КК встановлено відповідальність за втягнення неповнолітніх у злочинну діяльність. За текстом ст. 22 КК кримінальна відповідальність за цей злочин може настати у разі, якщо особа досягла шістнадцятирічного віку. Хоч ніяких винятків із цього положення неможливо і немає, однак очевидно, що у ст. 304 КК маються на увазі випадки втягнення неповнолітніх у злочинну діяльність дорослими, тобто особами, які досягли вісімнадцятирічного віку.

Поширювальне тлумачення використовується тоді, якщо текст і сутність норми не збігаються, коли її зміст ширший за текстуальний вираз. Поширювальне тлумачення надає нормі більш широкого змісту і дозволяє застосовувати її до значно більшого кола випадків, ніж це буквально зазначено в самому тексті статті КК. Наприклад, у ч. 1 ст. 213 КК вказано на операції з бруктом кольорових і чорних металів, здійснювані без державної реєстрації або без спеціального дозволу (ліцензії), одержання якого передбачене законодавством. У цьому разі поняття «законодавство» охоплює не тільки закони в буквальному значенні, а й підзаконні (нормативно-правові) акти, якими регулюються

порядок та умови державної реєстрації або одержання відповідного дозволу (ліцензії).

Обмежувальне і поширювальне тлумачення не «звужують» і не «розширюють» зміст норми закону, а тільки виявляють її дійсну сутність, яка може бути або вузкою, або ширшою порівняно з її текстуальним виразом.

Поширювальне тлумачення норми закону треба відрізнити від зовні схожого на нього *застосування закону за аналогією*, тобто застосування до суспільно небезпечного діяння, що прямо не передбачене законом на час його вчинення, статті КК, яка встановлює кримінальну відповідальність за найбільш схожий за характером та тяжкістю злочин. До 1958 р. застосування закону за аналогією допускалося кримінальним законодавством колишнього СРСР, у тому числі України (ч. 3 ст. 3 Основних начал кримінального законодавства Союзу РСР і союзних республік 1924 р.; ч. 2 ст. 7 КК Української РСР 1927 р.). На відміну від застосування закону за аналогією поширювальне тлумачення засноване на існуванні в КК норм, де ознаки злочину описані або загальним чином, або не досить чітко, або суперечливо. Тлумачення цих ознак, встановлення їх змісту відповідають дійсній сутності конкретної норми закону, тобто законодавець «мав на увазі» саме такий її зміст. Отже, поширювальне тлумачення нічого до закону не додає, а лише більш точно розкриває його зміст. Аналогія ж має місце тоді, якщо певне діяння як злочин не в законі не передбачене. КК 2001 р. у ч. 4 ст. 3 прямо заборонив застосування закону за аналогією. Кримінальна відповідальність можлива тільки за вчинення суспільно небезпечного діяння, передбаченого Особливою частиною КК, у якій наведено вичерпний перелік злочинів. Неможливе застосування за аналогією і норм, які містяться в Загальній частині КК, що практика іноді використовувала, коли діяв КК 1960 р.

Розділ III. ЧИННІСТЬ ЗАКОНУ ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ У ЧАСІ ТА ПРОСТОРИ

§ 1. Чинність закону про кримінальну відповідальність у часі

Злочинність і караність, а також інші кримінально-правові наслідки діяння визначаються законом про кримінальну відповідальність, що діяв на час вчинення цього діяння (ч. 2 ст. 4 КК). Чинним визнається закон, який уже набрав сили. У зв'язку з цим принципового значення набувають питання про час прийняття, оприлюднення, набрання законом чинності та про час припинення його чинності. Встановлення цих меж є важливим для вирішення питань, що можуть виникнути при зіткненні

(колізії) законів у зв'язку з їх застосуванням до конкретного суспільно небезпечного діяння, коли, наприклад, під час вчинення такого діяння діяв один закон про кримінальну відповідальність, а на час судового провадження діє вже інший закон.

Після прийняття ВРУ закону про кримінальну відповідальність (дата прийняття обов'язково супроводжує його офіційний текст) він підписується Головою ВРУ і направляється Президентові України для підпису й оприлюднення. Згідно зі ст. 94 Конституції України Президент України протягом п'ятнадцяти днів після отримання закону підписує його, беручи до виконання, та офіційно оприлюднює його або повертає закон зі своїми вмотивованими і сформульованими пропозиціями до ВРУ для повторного розгляду. У разі якщо Президент України протягом встановленого строку не повернув закон для повторного розгляду, закон вважається схваленим Президентом України і має бути підписаний та офіційно оприлюднений. Якщо під час повторного розгляду закон буде знову прийнятий ВРУ не менш як двома третинами від її конституційного складу, Президент України зобов'язаний його підписати та офіційно оприлюднити протягом десяти днів. У разі якщо Президент України не підписав такий закон, він невідкладно офіційно оприлюднюється Головою ВРУ й опубліковується за його підписом.

Оприлюднення закону — самостійна стадія процесу набрання законом чинності. Воно має велике юридичне значення і *полягає у доведенні до відома громадян і державних органів від імені Президента України повного і точного тексту закону державною мовою шляхом його опублікування в офіційному друкованому виданні*. Підписаний Президентом України закон публікується в газеті «Голос України» та у Відомостях Верховної Ради України. Згідно зі ст. 139 Закону України від 10 лютого 2010 р. «Про Регламент Верховної Ради України» публікація законів у цих друкованих засобах масової інформації вважається *офіційною*¹.

¹ До прийняття Закону України «Про регламент Верховної Ради України» питання оприлюднення закону в офіційних виданнях вирішувалося Указом Президента України «Про порядок офіційного оприлюднення нормативно-правових актів та набрання ними чинності» від 10 червня 1997 р. Згідно з цим Указом офіційними друкованими виданнями визнано: «Офіційний вісник України», «Відомості Верховної Ради України», «Офіційний вісник Президента України», газети «Голос України» та «Урядовий кур'єр». На даний час Законом України від 10 лютого 2010 р. перелік офіційних видань для актів ВРУ скорочено до двох. Разом з тим інші положення зазначеного Указу зберегли силу. Зокрема, можливість в окремих випадках оприлюднення нормативно-правового акта, у тому числі закону, через телебачення й радіо. Такий шлях офіційного оприлюднення повинен бути визначений у самому законі.

Питання про час набрання законом чинності врегульовано в ч. 1 ст. 4 КК, згідно з якою закон про кримінальну відповідальність набирає чинності через десять днів з дня його офіційного оприлюднення, якщо інше не передбачено самим законом, але не раніше дня його опублікування. Відомі такі обставини набрання законом чинності:

1) *після десяти днів з дня його офіційного оприлюднення*, якщо законом не визначено строк набрання ним чинності, але не раніше дня його опублікування. Для обчислення десяти днів за підставу береться час опублікування закону. Сам день опублікування закону до числа десяти днів не входить. Тому, якщо закон було опубліковано, наприклад, 1 вересня, то він набирає чинності з нуля годин 12 вересня;

2) *з дня його опублікування в офіційному виданні*. Формулювання «закон набирає чинності з дня його опублікування» досить часто зустрічається у текстах законів. Наприклад, таке формулювання міститься у Законі України від 7 березня 2002 р. «Про внесення змін до Кримінального кодексу України щодо посилення відповідальності за хуліганство і завідомо неправдиве повідомлення про загрозу безпеці громадян». Закон було опубліковано в газеті «Урядовий кур'єр» 4 квітня 2002 р. З нуля годин 5 квітня 2002 р. він набрав чинності. Останнім часом законодавець, маючи на увазі зазначену обставину, використовує формулювання «з дня, наступного за днем його опублікування». Як і за попереднім формулюванням, новий закон вважається чинним з нуля годин наступного дня;

3) *з того строку, який у законі зазначено*. Законодавець може визначити конкретний день, коли закон набирає чинності. Так, КК 2001 р. був прийнятий 5 квітня і відповідно до його Прикінцевих та перехідних положень набрав чинності з 1 вересня 2001 р. — з нуля годин цієї доби. В інших випадках законодавець визначає певний строк, який має сплинути від дня опублікування закону до дня набрання ним чинності. Наприклад, Закон України від 17 січня 2002 р. «Про особливості державного регулювання діяльності суб'єктів господарювання, пов'язаної з виробництвом, експортом, імпортом дисків для лазерних систем зчитування», яким КК доповнено ст. 203¹, був опублікований у газеті «Урядовий кур'єр» 20 лютого 2002 р. Згідно зі спеціальною вказівкою щодо строку, який мав сплинути, цей закон набрав чинності через шістьдесят днів з дня його опублікування, тобто з нуля годин 22 квітня 2002 р.

Законодавець, визначивши в законі час набрання ним чинності, може початок дії закону або його окремих положень перенести на інший строк. Так, приймаючи 11 червня 2009 р. Закон України «Про засади запобігання та протидії корупції», законодавець у його Прикінцевих поло-

женнях зазначив, що «Закон набирає чинності з дня його опублікування і вводиться в дію з 1 січня 2011 року». З 18 липня 2009 р. цей Закон набрав чинності, оскільки був опублікований у «Голосі України»¹;

4) з дня набрання чинності іншим законом. Наприклад, у ст. 2 Закону України від 31 липня 2006 р. «Про ратифікацію Конвенції Ради Європи про запобігання тероризму» передбачено, що він «набирає чинності з дня набрання чинності законом України про внесення змін до Кримінального кодексу України у зв'язку з ратифікацією Конвенції Ради Європи про запобігання тероризму.

Важливе значення має і час (момент), із якого закон про кримінальну відповідальність втрачає чинність. У літературі виділяють такі обставини, внаслідок яких закон про кримінальну відповідальність втрачає чинність:

1) якщо він був скасований або змінений іншим законом про кримінальну відповідальність. У тексті нового закону в цьому разі міститься пряма вказівка на скасування закону, що існував раніше, або на скасування окремих положень закону, що в цілому продовжує діяти, або на заміну закону, що втратив чинність, новим. Так, у Прикінцевих та перехідних положеннях КК 2001 р. перелічено нормативно-правові акти, що втратили чинність із набранням чинності цим КК. Серед них – КК Української РСР від 28 грудня 1960 р.;

2) коли він замінений повністю чи частково іншим законом без будь-якого зазначення про те в новому законі. Наприклад, Законом України від 7 березня 2002 р. «Про внесення змін до Кримінального кодексу України щодо посилення відповідальності за хуліганство і за відомо неправдиве повідомлення про загрозу безпеці громадян» викладено нову редакцію абз. 2 ч. 1 ст. 296 КК «Хуліганство»;

3) у зв'язку із закінченням строку дії, на який був прийнятий закон, або зміною (усуненням) умов чи обставин, на які він був розрахований (так звані закони певного часу дії). Наприклад, Указом Президії ВРУ від 26 грудня 1990 р. «Про відповідальність за порушення порядку користування картками споживача на право придбання товарів та іншими офіційним документами» встановлювалися умови застосування картки споживача. З часом потреба у використанні таких документів відпала, внаслідок чого втратив силу зазначений указ;

4) закон у цілому або його окремі положення можуть бути рішенням КСУ визнані такими, що не відповідають Конституції України –

¹ 6 жовтня 2010 р. КСУ визнав це законодавче рішення конституційним (див.: Рішення Конституційного Суду України по справі про корупційні правопорушення та введення в дію антикорупційних законів № 21-рп / 2010 р. // Вісн. Конституц. Суду України. – 2010. – № 6. – С. 7-23).

неконституційними. Відповідно до ст. 152 Конституції України «Законони, інші правові акти або їх окремі положення, що визначені неконституційними, втрачають чинність з дня ухвалення КСУ рішення про їх неконституційність». Незважаючи на те, що тексти неконституційного закону або його окремих положень зберігаються якийсь час у КК до прийняття відповідного законодавчого рішення ВРУ, вони є негативними (оскільки не відповідають Конституції України, що констатовано КСУ) і не можуть застосовуватися. Так, 29 грудня 1999 р. КСУ визнав, що норми КК 1960 р., які передбачали можливість застосування смертної кари, не відповідають Конституції України і тому не підлягають застосуванню. 22 лютого 2000 р. ВРУ було прийнято закон про заміну смертної кари довічним позбавленням волі.

Для правильного застосування закону про кримінальну відповідальність нерідко вирішальне значення має визначення *часу* вчинення злочину. Це багато в чому залежить від характеру вчиненого злочину, його специфіки. Наприклад, залежно від особливостей вчинення злочинних дій та їх тривалості у часі розрізняють продовжувані та триваючі злочини. Часом вчинення триваючого злочину вважається час вчинення дії або бездіяльності, з яких починається так званий «злочинний стан» особи (залишення в небезпеці, втеча з місця позбавлення волі, незаконне зберігання зброї тощо). Часом вчинення продовжуваного злочину вважається час вчинення останньої дії з числа декількох тотожних діянь, які об'єднані єдиним наміром і лише у сукупності складають єдину «дію» (наприклад, крадіжка останньої деталі комп'ютера, який викрадається частинами). Часом вчинення злочину у співучасті вважається час виконання суспільно небезпечного діяння виконавцем.

Вчинення багатьох злочинів пов'язане не тільки з виконанням суб'єктом суспільно небезпечного діяння (дії або бездіяльності), а й із настанням певних суспільно небезпечних наслідків, установлювати які вимагає закон¹. Незалежно від часу їх настання часом вчинення злочину треба визнавати час вчинення дії (бездіяльності). Це положення закріплене у ч. 3 ст. 4 КК, де встановлено, що «*часом вчинення злочину визнається час вчинення особою передбаченої законом про кримінальну відповідальність дії або бездіяльності*». Що ж стосується настання зазначених у законі наслідків, то це свідчить про момент закінчення злочину.

Зворотня дія закону про кримінальну відповідальність у часі. Як загальне правило у ч. 2 ст. 4 КК закріплено положення про те, що злочинність і караність діяння, а також інші кримінально-правові наслідки визначаються законом про кримінальну відповідальність, що діяв на час

¹ Йдеться про так звані злочини з матеріальним складом.

вчинення цього діяння. Однак часто трапляються випадки, коли на час вчинення злочину діяв один закон, а на час досудового розслідування або судового провадження – уже інший. У таких випадках виникає запитання: який закон застосовувати до злочину? Це і є питання про зворотну дію закону, тобто про можливість поширення нового закону на діяння, вчинені до набрання цим законом чинності. Його врегульовано у ст. 5 КК, згідно з ч. 1 якої закон про кримінальну відповідальність, що скасовує злочинність діяння, пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи, має зворотну дію у часі, тобто поширюється на осіб, які вчинили відповідні діяння до набрання таким законом чинності, у тому числі і на осіб, які відбувають покарання або відбули покарання, але мають судимість. Разом із тим закон про кримінальну відповідальність, що встановлює злочинність діяння, посилює кримінальну відповідальність або іншим чином погіршує становище особи, не має зворотної дії в часі (ч. 2 ст. 5 КК).

Надання зворотної дії в часі закону, яким скасовується злочинність діяння, пом'якшується покарання або іншим чином поліпшується становище особи, є виразом гуманізму, охорони прав людини: якщо діяння за новим законом припинило бути злочинним, то в такому разі зводяться нанівець (зникають) соціальні та правові підстави для покарання певної особи чи подальшого відбування нею покарання; якщо законодавець, наприклад, дійде висновку про те, що за злочини, які будуть вчинені після прийняття нового закону, достатньо менш суворого покарання, ніж було передбачено попереднім законом, то немає підстав зберігати більш суворе покарання за особами, які вчинили такі злочини до видання нового закону і набрання ним чинності. З тих самих підстав можуть бути, наприклад, зменшені строки перебування неповнолітніх, звільнених від покарання із застосуванням примусових заходів виховного характеру, в спеціальних навчально-виховних установах для дітей і підлітків.

Нові кримінальні закони, що скасовують злочинність діяння, пом'якшують кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшують становище особи, як і ті, що встановлюють злочинність діяння, посилюють кримінальну відповідальність або іншим чином погіршують становище особи, можуть належати як до Загальної, так і до Особливої частини КК. Наприклад, у ст. 22 Загальної частини наведено перелік злочинів, відповідальність за які настає з чотирнадцяти років. У ньому на відміну від КК 1960 р. немає вказівки на відповідальність за необережне вбивство. Це означає, що особа віком від чотирнадцяти до шістнадцяти років не може нести відповідальність за необережне вбивство, у тому числі за вбивство, вчинене до 1 вересня 2001 р., – строку набрання новим

КК чинності. Вирішення питання щодо скасування злочинності діяння або пом'якшення кримінальної відповідальності на підставі використання підзаконних нормативно-правових актів є неможливим при застосуванні закону про кримінальну відповідальність¹. Подібним чином вирішуються також питання щодо використання законів, які регулюють правовідносини не кримінально-правового характеру².

Під скасуванням злочинності діяння слід розуміти декриміналізацію злочину, тобто переведення законодавцем діяння із розряду злочинних до незлочинних (до правомірних діянь або до правопорушень іншого виду, наприклад до адміністративних правопорушень). Так, Законом України від 18 травня 2004 р. із КК була виключена ст. 331, яка передбачала кримінальну відповідальність за незаконне перетинання державного кордону.

Пом'якшення кримінальної відповідальності полягає у законодавчому зменшенні передбачених КК обмежень прав і свобод, що можуть бути застосовані до особи, яка вчинила злочин. Насамперед пом'якшення кримінальної відповідальності має місце у випадках пом'якшення покарання новим законом. Встановлення того, пом'якшує чи, навпаки, посилює покарання новий закон, нерідко є складним завданням. Вимагається добре знання кримінального права, щоб точно встановити співвідношення колишнього і нового законів про кримінальну відповідальність, визначити, який з них є більш м'яким.

У теорії кримінального права вироблено деякі правила, які дають змогу при порівнянні законів дійти висновку про пом'якшення покарання. Зокрема, воно має місце тоді, коли:

1) закон встановлює більш м'який вид покарання порівняно із законом про кримінальну відповідальність часу вчинення злочину;

2) мінімальна межа покарання у новому законі нижча, ніж мінімум такого самого покарання у законі, що діяв раніше;

3) при збереженні рівності мінімальних меж у новому законі про кримінальну відповідальність максимальна межа того самого виду покарання є більш низькою, ніж максимум покарання у законі, що діяв раніше;

4) при одночасному зниженні мінімуму покарання і підвищенні його максимуму таким, що пом'якшує покарання, вважається закон, який знижує мінімальну межу покарання. Це положення впливає із ч. 3 ст. 5

¹ Див.: Рішення Конституційного Суду України від 19 квітня 2000 р. за справою про зворотню дію кримінального закону в часі // Вісн. Конституц. Суду України. – 2000. – № 2. – С. 29-34.

² Вісн. Верхов. Суду України. – 2008. – № 5. – С. 34.

КК. При цьому, однак, максимальне покарання за конкретний злочин не може бути призначене вище максимальної межі закону, що діяв раніше;

5) новий закон виключає додаткове покарання, передбачене в колишньому законі;

6) у новому законі збережено додаткове покарання, що було і в колишньому законі, однак це покарання передбачене факультативно, тоді як у колишньому законі воно було обов'язковим;

7) санкція в новому законі передбачає альтернативно декілька основних покарань, а у законі, що діяв раніше, було тільки одне таке покарання¹.

Порівняння законів про кримінальну відповідальність на предмет пом'якшення кримінальної відповідальності чи, навпаки, її посилення досягається також шляхом аналізу в новому і колишньому законах усіх ознак злочину, умов настання кримінальної відповідальності тощо. Так, Законом України від 11 липня 1995 р. було затверджено нову редакцію гл. VII Особливої частини КК 1960 р. «Посадові злочини». Зокрема, у статтях 168–170 цього КК таку обставину, що обтяжує відповідальність, як неоднократність, було замінено на повторність. Оскільки поняття неоднократності ширше за поняття повторності (останнім не охоплюються випадки давання хабара² одночасно декількома особами), то в цій частині відбулося пом'якшення відповідальності за хабарництво. Тому одночасне давання хабара особі декількома особами стало охоплюватися в КК 1960 р. ознаками ч. 1 ст. 170, тоді як до набрання чинності новим законом такі дії кваліфікувалися за ч. 2 цієї статті і тягли за собою більш тяжке покарання. Формулюючи відповідальність за подібні дії у КК 2001 р., законодавець передбачив у ч. 3 ст. 368 КК та ч. 2 ст. 369 КК повторність як обставину, що обтяжує відповідальність, підтримавши у цій частині позицію Закону від 11 липня 1995 р.

Пом'якшення кримінальної відповідальності має місце також у випадках:

1) уведення нових підстав звільнення від кримінальної відповідальності (наприклад, встановлення Законом України від 5 квітня 2007 р. у ч. 5 ст. 321 КК спеціального виду звільнення від кримінальної

¹ Див.: Бажанов, М. И. Уголовное право Украины. Общая часть / М. И. Бажанов. – Днепропетровск : Пороги, 1992. – С. 17–18.

² Відповідно до міжнародних угод, спрямованих на посилення боротьби з корупційними правопорушеннями, ВРУ 18 квітня 2013 р. ухвалила Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо приведення національного законодавства у відповідність зі стандартами Кримінальної конвенції про боротьбу з корупцією». Цим законом поняття «хабар», яке визначало предмет злочинів, передбачених статтями 368 та 369 КК, було замінено поняттям «неправомірна вигода».

відповідальності при добровільній здачі отруйних чи сильнодіючих речовин або таких самих лікарських засобів);

2) розширення переліку обставин, що пом'якшують покарання;

3) спрощення умов призначення більш м'якого покарання, ніж передбачено законом;

4) розширення кола підстав звільнення від покарання;

5) скорочення строків судимості.

Під законами, що іншим чином *поліпшують становище особи*, слід розуміти закони, які змінюють на користь особи такі визначені у КК наслідки вчинення злочину (або суспільно небезпечного діяння, яке не є злочином), що не пов'язані з кримінальною відповідальністю. Зокрема, це закони, які:

1) змінюють на користь особи положення про примусові заходи медичного характеру чи примусове лікування;

2) скасовують можливість застосування або звужують обсяг так званої «спеціальної конфіскації майна»;

3) скасовують, скорочують строки чи іншим чином змінюють на користь особи примусові заходи виховного характеру.

Частина 2 ст. 5 КК за своїм змістом протилежна ч. 1 цієї самої статті. В ній визначено: закон про кримінальну відповідальність, що встановлює злочинність діяння, посилює кримінальну відповідальність або іншим чином погіршує становище особи, *не має зворотної дії в часі*.

Якщо закон про кримінальну відповідальність частково пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи й одночасно частково посилює кримінальну відповідальність або іншим чином погіршує становище особи, то він має зворотну дію у часі лише в тій частині, що пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи (ч. 3 ст. 5 КК).

У зв'язку з прийняттям КК 2001 р. на особливу увагу заслуговує питання про дію в часі так званого «*проміжного закону*». На практиці трапляються випадки, коли на час вчинення діяння (дії або бездіяльності) був чинним один закон, у процесі проведення досудового розслідування кримінальної справи — другий, а на час судового провадження або ухвалення судового рішення — третій. У цих випадках досить часто виникає питання про те, який із цих законів слід застосувати до особи, що вчинила злочин. Законодавець, доповнивши Законом України від 15 квітня 2008 р. ст. 5 КК частиною 4, вирішив це питання таким чином: «Якщо після вчинення особою діяння, передбаченого цим Кодексом, закон про кримінальну відповідальність змінювався кілька разів, зворотну дію в часі має той закон, що скасовує злочинність діяння,

пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи». Що стосується законів, які пом'якшують кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшують становище особи, то до особи, яка вчинила злочин, може бути застосований або «проміжний закон», або закон часу ухвалення судового рішення по справі, що залежить від того, який з них відносно закону часу вчинення діяння (дії або бездіяльності) *найбільше пом'якшує* кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи. Це правило стосується також випадків, коли лише один із зазначених законів пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи. Якщо ж «проміжним законом» скасовувалася злочинність діяння, то до особи, яка вчинила діяння (дію або бездіяльність), що визнавалося злочином на час його вчинення та знов визнається таким на час ухвалення судового рішення, застосовується «проміжний закон», і така особа не повинна підлягати кримінальній відповідальності.

§ 2. Чинність закону про кримінальну відповідальність у просторі

Чинність закону про кримінальну відповідальність у просторі визначається на підставі принципів: територіального, громадянства, космополітичного (універсального), реального.

Територіальний принцип. Сутність його відбито в ч. 1 ст. 6 КК, де зазначено, що особи, які вчинили злочини на території України, підлягають кримінальній відповідальності за її КК. Територіальний принцип впливає із суверенітету держави, влада якої поширюється на всю її територію.

За загальним правилом, закріпленим у ч. 2 ст. 6 КК, *злочин визнається вчиненим на території України, якщо його було почато, продовжено, закінчено або припинено на території України*. Це положення охоплює випадки як вчинення всього діяння, що являє собою злочин, на території України, так і вчинення його частини на території України, а іншої частини – на території іншої держави (держав). Тому злочин вважається вчиненим на території України, якщо його, наприклад, було почато за кордоном, а продовжено, припинено чи закінчено на території України або, навпаки, почато в Україні, а продовжено, припинено чи закінчено на території іншої держави. Злочин вважається вчиненим також на території України, якщо він підготовлений за її межами, а дії, що його утворюють, вчинені на її території або якщо суспільно небезпечне діяння було вчинено поза межами України, а суспільно небезпечні наслідки настали на території України. Однак практично будь-яка

з держав, на території якої вчинено певну частину злочинних дій, може застосовувати щодо особи, яка вчинила злочин, свої кримінальні закони, якщо відповідальність за такі злочини в них передбачена.

Частина 3 ст. 6 КК передбачає також *випадки вчинення злочину у співучасті*. Злочин визнається вчиненим на території України, якщо його виконавець або хоча б один із співучасників діяв на території України. Тому відповідно до ст. 27 КК злочин слід вважати вчиненим на території України, якщо організаційна діяльність, підбурювання, пособництво були здійснені за кордоном, а виконавець діяв на території України, а також у протилежних випадках, коли той чи інший співучасник діяв в Україні, а виконавець злочину – за кордоном.

Територіальний принцип чинності закону в просторі вимагає з'ясування, що таке *«територія України»*. Це поняття визначається на підставі норм державного і міжнародного права, зокрема Закону України від 4 листопада 1991 р. «Про державний кордон України». У ст. 1 цього Закону зазначено: «Державним кордоном України є лінія і вертикальна поверхня, що проходить по цій лінії, які визначають межі території України – суші, вод, надр, повітряного простору».

Поняттям «територія України» охоплюються:

а) суша, море, річки, озера та інші водойми, надра землі в межах кордону України, а також повітряний простір над сушею і водним простором, у тому числі і над територіальним морем¹;

б) військові кораблі, приписані до портів на території України, що перебувають під прапором України у відкритому морі, в територіальному морі або портах інших держав;

в) невійськові судна, приписані до портів на території України, що перебувають під прапором України у відкритому морі;

г) іноземні невійськові судна, що перебувають у територіальному морі чи порту України. Згідно з п. 5 ст. 28 Закону України «Про державний кордон України» органи Державної прикордонної служби України мають право знімати з такого судна і затримувати осіб, які вчинили злочин і підлягають кримінальній відповідальності за законодавством України, передавати цих осіб органам досудового роз-

¹ Відповідно до ст. 5 Закону України «Про державний кордон України» до територіального моря України належать прибережні морські води шириною 12 морських миль, відлічуваних від лінії найбільшого відливу як на материк, так і на островах, що належать Україні, або від прямих вихідних ліній, які з'єднують відповідні точки. Географічні координати цих точок затверджуються в порядку, який встановлюється КМУ. В окремих випадках інша ширина територіального моря України може встановлюватися міжнародними договорами України, а за відсутності договорів – відповідно до загальновизнаних принципів і норм міжнародного права.

слідування, якщо інше не передбачено міжнародними договорами України;

г) військові повітряні судна України, приписані до аеропортів на її території, які під розпізнавальним знаком України перебувають у відкритому повітряному просторі, в повітряному просторі чи на аеродромі іншої держави;

д) невійськові повітряні судна України, які приписані до аеропортів на її території і перебувають поза межами держави у відкритому повітряному просторі під розпізнавальним знаком України.

Виділяють також об'єкти, які не є територією України, але на які за певних умов, передбачених нормами міжнародного права та законодавством України, поширюються юрисдикція і сфера застосування кримінального законодавства України. До них відносять:

а) *континентальний шельф* — поверхня і надра морського дна підводних районів, що примикають до узбережжя чи до островів України і знаходяться поза зоною територіального моря до глибини 200 м або за цими межами до такого місця, де глибина вод, що покривають шельф, дозволяє розробку природних багатств цих районів. Важливо при цьому зазначити, що дія закону про кримінальну відповідальність у просторі стосується тільки випадків учинення злочинів, пов'язаних із розвідкою континентального шельфу, розробкою його мінеральних і живих ресурсів, провадженням бурових робіт, спорудженням, експлуатацією і використанням штучних островів, установок і споруд, здійсненням морських наукових досліджень, захистом і збереженням морської сфери, прокладкою й експлуатацією підводних кабелів і трубопроводів. Разом із тим юрисдикція і сфера застосування законодавства України про кримінальну відповідальність не поширюються на води, що покривають континентальний шельф, і повітряний простір над ним, режим яких регулюється міжнародним правом;

б) *виключна (морська) економічна зона України* – морські райони, ззовні прилеглі до територіального моря України, включаючи райони навколо островів, що їй належать. Її ширина становить до 200 морських миль, відлічених від тих самих вихідних ліній, що і територіальне море України¹. Дія закону про кримінальну відповідальність у просторі поширюється на випадки вчинення в межах такої зони злочинів, пов'язаних із порушенням прав України щодо розвідки, розробки і збереження природних ресурсів як живих, так і неживих у водах, що покривають морське дно, на морському дні та в його надрах; щодо створення

¹ Стаття 2 Закону України від 16 травня 1995 р. «Про виключну (морську) економічну зону України» // Відом. Верхов. Ради України. – 1995. – № 21. – Ст. 152.

і використання штучних островів, установок і споруд, здійснення морських наукових досліджень, захисту та збереження морського середовища та ін.

До зазначених об'єктів належать також підводні телеграфні кабелі та трубопроводи, що проходять по дну відкритого моря; території дипломатичних представництв і консульських установ України за кордоном; автомашини послів під прапором України; місця розташування військових частин України на території інших країн та деякі інші об'єкти.

Із ч. 1 ст. 6 КК випливає, що особи, які вчинили злочини на території України, підлягають відповідальності за її КК. Закон має на увазі громадян України, іноземців та осіб без громадянства¹, які, знаходячись на території України, вчинили злочини, передбачені КК.

Відповідно до міжнародних договорів і законодавства України *особи, які користуються дипломатичним імунітетом, виключені з-під юрисдикції судової влади України*. Це положення закріплене в ч. 4 ст. 6 КК.

Норми міжнародного права і прийнятого відповідно до них Положення про дипломатичні представництва та консульські установи іноземних держав в Україні від 10 червня 1993 р. та інші нормативно-правові акти України надають дипломатичний імунітет і виключають з-під кримінальної юрисдикції України дипломатичних представників іноземних держав і певне коло інших іноземців або частково, на засадах взаємності, обмежують кримінальну юрисдикцію щодо консульських працівників та інших осіб.

Повним дипломатичним імунітетом користуються: глава дипломатичного представництва в Україні (посол, посланник, повірений у справах), члени дипломатичного персоналу дипломатичного представництва, які мають дипломатичний ранг (радники, торгові представники, військові аташе, перші, другі і треті секретарі, заступники торгових представників, помічники військових аташе), а також члени сімей усіх зазначених осіб, які проживають разом з ними і не є громадянами України.

Обмеженим дипломатичним імунітетом користуються дипломатичні кур'єри, члени адміністративно-технічного і обслуговуючого персоналу дипломатичних представництв, консульські посадові особи і консульські службовці, члени дипломатичного персоналу іноземних держав в інших країнах, які прямують транзитом через територію України, та інші особи. Ці особи не підлягають кримінальній юрисдикції

¹ Особа без громадянства – це «особа, яку жодна держава відповідно до свого законодавства не вважає своїм громадянином» (Закон України від 22 вересня 2011 р. «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства»).

України лише щодо дій, вчинених ними при виконанні своїх службових обов'язків.

Питання про кримінальну відповідальність осіб, які мають дипломатичний імунітет і вчинили злочини на території України, вирішується дипломатичним шляхом (ч. 4 ст. 6 КК). На цих осіб кримінальна юрисдикція України відповідно до абз. 3 ст. 13 Положення про дипломатичні представництва та консульські установи іноземних держав в Україні поширюється лише у разі згоди на це акредитуючої держави, що виражається в позбавленні певної особи дипломатичного імунітету від кримінальної юрисдикції держави перебування.

Принцип громадянства. Відповідно до цього принципу громадяни України та особи без громадянства, що постійно проживають в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають кримінальній відповідальності за КК нашої держави, якщо інше не передбачено міжнародними договорами України, згода на обов'язковість яких надана ВРУ (ч. 1 ст. 7 КК).

Злочинність і караність діяння, вчиненого за кордоном громадянами України, а також особами без громадянства, які постійно проживають в Україні, визначаються за КК України незалежно від того, чи визнається таке діяння злочином у тій країні, де воно було вчинене.

Якщо громадяни України і особи без громадянства, які постійно в ній проживають, за вчинені в іншій державі злочини зазнали кримінального покарання за межами України, то згідно з ч. 2 ст. 7 КК вони не можуть бути притягнені в Україні до кримінальної відповідальності за ці злочини. Наведене положення відповідає Міжнародному пакту про громадянські та політичні права 1966 р., де зазначено: ніхто не повинен бути вдруге засуджений чи покараний за злочин, за який він уже був остаточно засуджений або виправданий відповідно до закону. Цей принцип закріплено у ч. 3 ст. 2 КК.

Разом із тим засудження за межами України її громадянина або особи без громадянства, яка постійно проживає в Україні, у разі вчинення ними на території України нового злочину може мати для них певні негативні правові наслідки. За ч. 2 ст. 9 КК рецидив злочинів, невідбуте покарання або інші правові наслідки вироку суду іноземної держави враховуються при кваліфікації нового злочину, призначенні покарання, звільненні від кримінальної відповідальності або покарання. Це положення поширюється також на іноземців та осіб без громадянства, які постійно не проживають в Україні, у разі вчинення ними злочину на території України.

Космополітичний (універсальний) принцип. Цей принцип виходить з міжнародно-правових зобов'язань України у сфері боротьби зі

злочинністю. Згідно з ч. 1 ст. 8 КК іноземці або особи без громадянства, що не проживають постійно в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають в Україні відповідальності за її КК у випадках, *передбачених міжнародними договорами*. Сутність цього принципу полягає у спільності інтересів декількох держав у боротьбі зі злочинами, вчинення яких на території однієї держави здатне заподіяти шкоди й інтересам інших держав, у тому числі України.

Особлива частина КК містить низку статей, що були включені до кримінального законодавства України згідно з міжнародними договорами про боротьбу з деякими злочинами. Це, зокрема, дозволяє порушувати питання про видачу осіб, які вчинили на території іншої держави злочини проти інтересів України. Наприклад, у ст. 199 КК «Виготовлення, зберігання, придбання, перевезення, пересилання, ввезення в Україну з метою використання при продажу товарів, збуту або збут підроблених грошей, державних цінних паперів, білетів державної лотереї, марок акцизного податку чи голографічних захисних елементів» закріплено положення Міжнародної конвенції про боротьбу з підробленням грошових знаків, укладеної в Женеві 20 квітня 1929 р.¹ У ст. 284 КК «Ненадання допомоги судну та особам, що зазнали лиха» закріплені положення Брюссельських конвенцій про зіткнення суден на морі і про надання допомоги на морі 1910 р.² Ці статті включено до КК на підставі договорів, укладених ще колишнім СРСР, але оскільки Україна після проголошення незалежності стала правонаступницею законодавства колишнього СРСР у частині, що не суперечить її національному законодавству і суверенітету, то і нині такі норми КК можуть застосовуватися на підставі космополітичного (універсального) принципу не тільки до громадян України та осіб без громадянства, які постійно в ній проживають, а й до іноземців та осіб без громадянства, які постійно в ній не проживають і вчинили злочин за її межами.

Після проголошення Україною незалежності такі норми вводяться до КК на підставі міжнародних договорів, учасницею яких стала наша держава. Наприклад, Міжнародну конвенцію про боротьбу з вербуванням, використанням, фінансуванням і навчанням найманців, прийняту Генеральною Асамблеєю ООН 4 грудня 1989 р., було ратифіковано постановою ВРУ 14 липня 1993 р.³ Відповідно до цієї Конвенції до КК

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1933. – Вып. VII. – С. 40-53.

² Сб. законов СССР – 1926. – Отд. II. – № 31. – Статьи 188 и 189.

³ Україна в міжнародно-правових відносинах. Боротьба із злочинністю та взаємна правова допомога. – К., 1995. – Кн. 1. – С. 293-301.

1960 р. було введено ст. 63¹ «Найманство». У КК 2001 р. положення Конвенції відтворено з деякими уточненнями у ст. 447.

Реальний принцип також закріплено у ч. 1 ст. 8 КК. Він полягає в тому, що іноземці або особи без громадянства, що не проживають постійно в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають в Україні відповідальності за її КК у випадках, якщо вони *вчинили передбачені КК тяжкі або особливо тяжкі злочини проти прав і свобод громадян України або інтересів України*. Наприклад, за ст. 115 КК у разі вбивства громадянина України на території іншої держави чи за ч. 2 ст. 258 КК за вчинення поза межами України терористичного акту за попередньою змовою групою осіб з метою провокації міжнародного ускладнення між Україною та іншою державою. Законом України від 13 травня 2014 р. реальний принцип *конкретизовано стосовно злочинів корупційної спрямованості*, відповідальність за які встановлена нормами розд. XVII Особливої частини КК «Злочини у сфері службової діяльності та професійної діяльності, пов'язаної з наданням публічних послуг», *безвідносно від ступеня їх тяжкості*. У ч. 2 ст. 8 КК зазначено: «Іноземці або особи без громадянства, що не проживають постійно в Україні, також підлягають в Україні відповідальності згідно з цим Кодексом, якщо вони за межами України вчинили у співучасті із службовими особами, які є громадянами України, будь-який із злочинів, передбачених у статтях 368, 368³, 368⁴, 369 і 369² цього Кодексу, або якщо вони пропонували, обіцяли, надали неправомірну вигоду таким службовим особам, або прийняли пропозицію, обіцянку неправомірної вигоди чи одержали від них таку вигоду». Реальний принцип ґрунтується на загальновизнаних нормах і принципах міжнародного права, згідно з якими будь-яка держава має право переслідувати іноземців за діяння, вчинені ними за межами її території, якщо такі діяння порушують її кримінальні закони та посягають на основні права і свободи її громадян або ставлять під загрозу державні інтереси.

Застосування реального принципу, як і космополітичного (універсального) до іноземців та осіб без громадянства, які постійно в Україні не проживають, можливе за умови, якщо такі особи не були засуджені в іноземній державі і притягаються до кримінальної відповідальності на території України.

У ст. 10 КК закріплені основні положення, що регламентують кримінально-правові питання екстрадиції¹ — видачі осіб, які вчинили злочин.

¹ Екстрадиція (фр. *extradition*, від лат. *ex* – з, поза і *tradition* – видача, передача) (див.: Юридична енциклопедія : в 6 т. / редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К.: Укр. енцикл., 1998. – С. 350).

Під екстрадицією особи, яка вчинила злочин, розуміють видачу такої особи однією державою (яку запитують), на території якої ця особа перебуває, іншій державі (яка запитує), на території якої було вчинено злочин або громадянином якої вона є. Видача особи, яка вчинила злочин, є суверенним правом держави, а не обов'язком.

Частиною 2 ст. 10 КК передбачено видачу особи, яка вчинила злочин, для притягнення до кримінальної відповідальності і віддання до суду. Підставою *видачі* є вчинення особою суспільно небезпечного діяння, яке відповідно до законодавства України та законодавства запитуючої держави є кримінально караним.

Принципове значення для вирішення питання щодо видачі особи, яка вчинила злочин, має її громадянство. Так, *ст. 10 КК допускає видачу лише іноземців та осіб без громадянства*. Згідно з ч. 2 цієї статті іноземці та особи без громадянства, які вчинили злочини поза межами України і перебувають на її території, можуть бути видані іноземній державі для притягнення до кримінальної відповідальності і віддання до суду.

Відповідно до ч. 2 ст. 25 Конституції України у ч. 1 ст. 10 КК встановлено обмеження щодо можливості застосування видачі *громадян України*, якщо вони вчинили злочини поза межами України. Такі особи *не можуть бути видані іноземній державі для притягнення до кримінальної відповідальності та віддання до суду*¹. Відповідно до норм конституційного права України не підлягають видачі також іноземці та особи без громадянства, яким Україною було надано притулок у порядку, встановленому законом (ст. 26 Конституції України)².

Стаття 10 КК вирішує питання не лише про можливість видачі іноземній державі осіб, які обвинувачуються або засуджені за вчинення

¹ Слід зазначити, що таке обмеження стосується тільки національної, а не міжнародної юрисдикції. Щодо видачі громадян України уповноваженому міжнародному суду, то вона можлива (Рішення КСУ від 11 липня 2001 р. – *Справа про Римський Статут*). Окрім того, законодавство України на підставі міжнародних договорів допускає передачу її громадян іншій державі для здійснення кримінального переслідування. Так, 15 листопада 2006 р. ВРУ ратифікувала своїм законом Угоду про незаконний обіг на морі, укладену на виконання ст. 17 Конвенції ООН про боротьбу з незаконним обігом наркотичних засобів та психотропних речовин. Законом було проголошено: «Україна заявляє, що, діючи як інтервенуюча Держава, вона здійснюватиме таку інтервенцію за умови, що особи, які мають її громадянство та були передані Державі прапору згідно із статтею 15 Угоди і там засуджені за відповідне правопорушення, матимуть можливість бути переданими назад в Україну для відбuvання призначеного покарання».

² Конституція України: наук.-практ. комент. – Х., 2003. – С. 133.

злочину та перебувають на території України, а й про можливість проведення кримінального провадження щодо громадян України та іноземців, які вчинили злочини за межами України. В ч. 3 цієї статті зазначено: «Україна може перейняти кримінальне провадження, в якому судовими органами іноземної держави не ухвалено вирок, щодо громадян України та іноземців, які вчинили злочини за межами України і перебувають на території України, але які не можуть бути видані іноземній державі або у видачі яких відмовлено, якщо діяння, у зв'язку з яким запитується передача кримінального провадження, згідно з КК визнається злочином». Також у цій статті вирішується питання щодо виконання в Україні вироку іноземного суду чи міжнародної судової установи. Це можливо за умови, якщо діяння, внаслідок вчинення якого було ухвалено вирок, згідно з КК визнається злочином або було б злочином у разі його вчинення на території України.

Розділ X. СУБ'ЄКТИВНА СТОРОНА ЗЛОЧИНУ

§ 4. Необережність та її види

Необережність — це друга основна форма вини у кримінальному праві. Необережна форма вини характерна для порушень правил безпеки руху та експлуатації транспорту, порушень вимог законодавства про охорону праці та безпеки виробництва, окремих злочинів проти довкілля тощо. Не можна недооцінювати небезпеку необережних злочинів. Як свідчить практика, значна частина матеріальних збитків завдається саме необережними злочинами, які до того ж часто залишаються безкарними. Недисциплінованість окремих осіб, їх зневажливе ставлення до виконання своїх службових та професійних обов'язків в окремих випадках призводить до катастрофічних за своїми масштабами та тяжкістю наслідків. Прикладом цього є аварія на Чорнобильській АЕС.

У ч. 1 ст. 25 КК передбачено два види необережності: злочинна самовпевненість¹ та злочинна недбалість.

Згідно з ч. 2 ст. 25 КК *необережність є злочинною самовпевненістю, якщо особа передбачала можливість настання суспільно небезпечних наслідків свого діяння (дії або бездіяльності), але легковажно розраховувала на їх відвернення.*

За ч. 3 ст. 25 КК *необережність є злочинною недбалістю, якщо особа не передбачала можливості настання суспільно небезпечних наслідків свого діяння (дії або бездіяльності), хоча повинна була і могла їх передбачити.*

¹ За КК 1960 р. цей вид необережності визначався як злочинна самонадіяність.

Аналіз норм Особливої частини КК показує, що ними у більшості випадків передбачена відповідальність за необережні злочини у зв'язку з настанням суспільно небезпечних наслідків (див., наприклад, статті 119, 286, 367 КК). Ці норми сконструйовано за ознаками матеріального складу злочину. Із наведених визначень злочинної самовпевненості та злочинної недбалості випливає, що законодавець у ст. 25 КК саме і сформулював необережність через ставлення особи до наслідків свого діяння, тобто дав ці визначення стосовно матеріальних складів злочинів. Разом із тим окремі норми Особливої частини КК передбачають можливість відповідальності за самі дії (бездіяльність), вчинені з необережності. Наприклад, умисно або необережно можуть бути порушені правила охорони рибних запасів або диких водних тварин при проведенні вибухових робіт (ст. 250 КК), правила міжнародних польотів (ст. 334 КК). Ці норми сконструйовані за ознаками формального складу злочину¹. При встановленні ознак такого складу необхідно визначати форму та вид вини щодо самого діяння (дії, бездіяльності).

Злочинна самовпевненість, як і інші види вини, характеризується двома ознаками — інтелектуальною та вольовою.

Інтелектуальну ознаку злочинної самовпевненості відображено у законі вказівкою на ставлення суб'єкта до суспільно небезпечних наслідків. На відміну від визначення умислу закон не містить характеристики психічного ставлення особи до вчинюваного нею діяння (дії, бездіяльності), хоча в дійсності воно є. Діючи певним чином, особа усвідомлює фактичну сторону свого діяння, відповідно до об'єктивних ознак злочину, визначених законом, у такому обсязі, який необхідний, щоб передбачити можливість настання від такого діяння суспільно небезпечного (-них) наслідку (-ів). Разом із тим особа не оцінює свою поведінку як суспільно небезпечну, оскільки нейтралізує небезпеку (у своїй свідомості) обставинами, які здатні, на її думку, запобігти у даному випадку можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Так, майстер виробничої ділянки направляє на роботу новоприбулого працівника, не провівши з ним відповідного інструктажу з техніки безпеки. При цьому він просить інших досвідчених робітників, обізнаних з вимогами правил техніки безпеки, контролювати поведінку новачка і допомагати йому. У цьому разі майстер, розуміючи, що інструктаж необхідний, прагне нейтралізувати можливу небезпеку свого рішення обставинами, які, на його думку, не допустять спричинення небезпечних наслідків. Орієнтуючись на вжиті заходи, він не оцінює своє діяння як

¹ Злочинам, відповідальність за які визначена в законі за ознаками «усіченого» складу, необережність не притаманна.

суспільно небезпечне і цілком свідомо, з визначеною часткою упевненості, виключає таку оцінку. У наведеному прикладі особа усвідомлює, що порушує відповідні правила техніки безпеки і що таке порушення *взагалі* може призвести до суспільно небезпечних наслідків.

Передбачення особою можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Говорячи про цю сферу інтелектуальної діяльності суб'єкта, на яку вказано безпосередньо в ст. 25 КК, слід зазначити, що особа, діючи самовпевнено, передбачає як *фактичні* ознаки можливих наслідків від діянь, подібних до того, яке він вчиняє, так і їх *суспільно небезпечний* характер. Діючи (не діючи) злочинно самовпевнено, суб'єкт передбачає, що діяння, подібні до вчиненого ним, *взагалі* можуть призвести до суспільно небезпечних наслідків, однак у той же час він упевнений, що вчинена саме ним дія (бездіяльність) не повинна спричинити таких наслідків. Тому, діючи (не діючи) у відповідній конкретній обстановці, особа не усвідомлює і реального розвитку причинного зв'язку між своєю поведінкою та наслідками, хоча й могла б це зробити за більшого напруження своїх інтелектуальних можливостей. Таким чином, *при злочинній самовпевненості* має місце *передбачення суб'єктом лише абстрактної можливості настання суспільно небезпечних наслідків*.

Вольова ознака злочинної самовпевненості полягає у тому, що особа легковажно розраховує на відвернення суспільно небезпечних наслідків. При цьому особа розраховує на цілком реальні, конкретні обставини, які за своїми властивостями, зв'язками здатні відвернути настання наслідків. Це її власні, особисті якості (спритність, уміння, досвідченість, майстерність), дії інших осіб, фізичні або хімічні закони, вплив обстановки, сили природи тощо. Розрахунок же на втручання обставин, що в момент вчинення діяння були відсутні, а їх вияв не є закономірним, виключає самовпевненість.

Незважаючи на впевненість суб'єкта у ненастанні наслідків, його розрахунок виявляється неправильним (легковажним), оскільки надія на певні обставини (властивості, зв'язки діяння) або частину таких була помилковою і не змогла відвернути настання суспільно небезпечних наслідків. Така помилка особи зумовлена тим, що вона переоцінила можливість та значення обставин, на які розраховувала.

У слідчій та судовій практиці особливих труднощів викликає *відмежування самовпевненості від непрямого умислу*, адже і за інтелектуальними, і за вольовими ознаками зазначені види вини мають певну схожість. Так, і при злочинній самовпевненості, і при непрямому умислі особа передбачає можливість настання суспільно небезпечних наслідків. Разом із тим, якщо при злочинній самовпевненості особа передбачає

абстрактну можливість (взагалі) настання наслідків, то при непрямому умислі — *реальну* конкретну можливість їх настання. У другому випадку наслідки передбачаються нею досить чітко. Особа, діючи (не діючи) з непрямым умислом, передбачає, що саме її діяння цілком ймовірно за даних конкретних умов може спричинити суспільно небезпечні наслідки. У цьому полягає відмінність зазначених видів вини за інтелектуальною ознакою.

За вольовою ознакою відмінність злочинної самовпевненості від непрямого умислу полягає в тому, що при злочинній самовпевненості воля особи спрямована на відвернення можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Розрахунок особи — *конкретний*, спирається на певну обставину (властивість, зв'язок діяння) чи групу обставин, здатних, на її думку, відвернути настання наслідків. Вона у цьому впевнена. Однак, як уже зазначалося, у результаті цей розрахунок виявляється помилковим, неправильним, бо особа переоцінила можливості обраних нею обставин. При непрямому ж умислі особа свідомо допускає настання суспільно небезпечних наслідків. При цьому в неї, як правило, немає розрахунку на їх відвернення. В окремих випадках воля особи нібито і спрямована на недопущення наслідків свого діяння, тобто є немов би якийсь розрахунок, проте такий розрахунок і надія, яка ним була обумовлена, мають *абстрактний* характер. Надія, що виникає в особі, є невиразною, пасивною за змістом, це надія на «навмання», на випадковість, а не на конкретні обставини. Наприклад, суб'єкт, який штовхає у воду людину, котра не вміє плавати, з човна, що знаходиться посеред широкої і глибокої річки, не має будь-яких достатніх підстав для реальної надії на те, що потерпілий не загине. Тому теорія та судова практика розглядають такі випадки як вчинені з непрямым умислом.

Злочинна недбалість відрізняється від інших видів вини (прямого та непрямого умислу, злочинної самовпевненості) тим, що особа не передбачає настання суспільно небезпечних наслідків вчинюваного нею діяння. Для встановлення злочинної недбалості також необхідно знати її інтелектуальну та вольову ознаки.

Інтелектуальна ознака злочинної недбалості. Законодавець, як і при формулюванні самовпевненості, не вказує, визначаючи недбалість, на психічне ставлення суб'єкта злочину до своєї дії або бездіяльності, а лише зазначає у ч. 3 ст. 25 КК про непередбачення особою настання суспільно небезпечних наслідків за наявності обов'язку та можливості такого передбачення. Це однак не означає, що в особі не було взагалі будь-якого психічного ставлення до діяння, яке спричинило суспільно небезпечні наслідки. У працях із психології та юриспруденції зазначається,

що непередбачення наслідків свого діяння за наявності обов'язку та можливості їх передбачити – це результат певного психічного процесу, який відбувається у свідомості особи. Займаючи панівне становище, він нейтралізує (пригнічує) обов'язок та можливість передбачення суспільно небезпечних наслідків.

Таким чином, інтелектуальна ознака злочинної недбалості характеризується відсутністю в особи усвідомлення суспільної небезпечності вчинюваного нею діяння (дії або бездіяльності), а у зв'язку з цим і відсутністю передбачення можливості настання суспільно небезпечних наслідків від цього діяння.

За ставленням до діяння (дії, бездіяльності) можуть бути такі варіанти психічного стану:

а) суб'єкт усвідомлює, що порушує певні вимоги обережності, але не передбачає можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Таке ставлення є характерним для випадків, коли суб'єкт вважає своє відступлення від потрібної поведінки неістотним і нездатним призвести до небезпечного результату. Наприклад, охоронець без належного дозволу пропускає на об'єкт, закритий для сторонніх, свого знайомого, не припускаючи, що останній може використати перебування на цьому об'єкті для вчинення протиправної дії;

б) суб'єкт, здійснюючи свідомий вчинок, не усвідомлює, що в такий спосіб він порушує вимоги обережності. Наприклад, водій, керуючи транспортним засобом, не знизив швидкість до потрібної, оскільки не помітив попереджувальний знак «Обмеження максимальної швидкості». Продовжуючи рух, він вважає, що діє належним чином;

в) саме діяння суб'єкта позбавлене свідомого вольового контролю, але цей контроль втрачено з його вини. Наприклад, робітник виробництва, перебуваючи у стані сильного алкогольного сп'яніння і намагаючись встати на ногах, хапається за рубильник, включає струм на лінію електропередачі у той час, коли на ній проводяться ремонтні роботи.

Як бачимо, у наведених випадках суб'єкт не усвідомлює суспільної небезпечності вчинюваного ним діяння (дії або бездіяльності), що і є головною рисою в характеристиці його ставлення до нього.

Непередбачення можливості настання наслідків свідчить про зневажливе ставлення особи до суспільних інтересів, її недостатню передбачуваність при здійсненні службових обов'язків, виконанні спеціальних норм, які регулюють ту чи іншу професійну діяльність, додержанні загальновизнаних норм безпеки у процесі людського спілкування. При дбайливому, уважному ставленні до законних інтересів інших осіб, суспільних та державних інтересів особа, як правило, передбачає можливі

небезпечні наслідки своєї дії (бездіяльності) і або запобігає їм, або відмовляється від учинення такого діяння.

При визначенні злочинної недбалості в поведінці особи важливе місце посідає встановлення обов'язку і можливості суб'єкта передбачити суспільно небезпечні наслідки. Обов'язок передбачити наслідки («повинна була») в теорії кримінального права називають *об'єктивним критерієм* злочинної недбалості; можливість передбачення («могла») – *суб'єктивним критерієм*. Для констатації злочинної недбалості необхідне поєднання об'єктивного та суб'єктивного критеріїв.

Об'єктивний критерій злочинної недбалості базується на вимогах персональної відповідальності суб'єкта. Цей критерій означає обов'язок особи передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків при здійсненні нею дій, що потребують додержання певних заходів обережності, професійної уваги тощо. Це можуть бути як елементарні (прості) заходи, які застосовуються у процесі безпосереднього спілкування людей один з одним, так і складні, наприклад, вимоги безпеки при здійсненні професійної діяльності. Обов'язок бути уважним і обачливим при здійсненні відповідних дій, передбачати можливість настання від них небезпечних наслідків може впливати із законів, спеціальних правил (інструкцій, положень), що регламентують ту чи іншу службову або професійну діяльність, а також із загальновизнаних (доступних для розуміння всіма) норм людського спілкування (співжиття). Обов'язок є однаковим для всіх, його зміст залежить від певної діяльності, поведінки. Відсутність обов'язку для особи передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків (об'єктивного критерію) означає відсутність в її діяльності злочинної недбалості. Наприклад, Н. було повідомлено про підозру у вчиненні кримінального правопорушення з приводу того, що, працюючи завідувачкою магазину, вона не перевірила якості ремонту печі, який був проведений неякісно, внаслідок чого, при користуванні піччю в магазині виникла пожежа. Суд, аналізуючи суб'єктивну сторону діяння, що його припустилася Н., встановив, що вона не зобов'язана була передбачити можливість виникнення пожежі внаслідок неякісно проведеного ремонту, оскільки контроль за такими роботами не входив до кола її службових обов'язків. Провадження щодо Н. було припинено через відсутність вини.

Разом із тим встановлення обов'язку («повинна була») діяти певним чином та передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків не тягне за собою автоматично кримінальну відповідальність. Необхідно з'ясувати, чи *могла* певна особа в обстановці, що склалася,

діяти певним чином та передбачити настання шкідливих наслідків. Це питання вирішується за допомогою суб'єктивного критерію.

Суб'єктивний критерій злочинної недбалості слід розглядати у тісному зв'язку з об'єктивним. Вирішальне значення тут має встановлення фактичної можливості конкретної особи передбачити зазначені в законі наслідки. Цю можливість необхідно пов'язувати, *по-перше*, з її індивідуальними якостями (вік, освіта, ступінь підготовленості та кваліфікації, знання загальних і спеціальних правил обережності, наявність життєвого і професійного досвіду, інтелектуальний рівень, стан здоров'я тощо); *по-друге*, з тією конкретною обстановкою, в якій вона діяла. Наявність цих двох умов робить для суб'єкта реально можливим передбачення суспільно небезпечних наслідків. Вказівка в законі на те, що при злочинній недбалості, крім обов'язку, має бути і можливість передбачити суспільно небезпечні наслідки свого діяння, виключає об'єктивне ставлення за вину. Тому, наприклад, невинно щодо введення в обіг на ринку України (випуск на ринок України) небезпечної продукції у великому розмірі (ст. 227 КК) може діяти суб'єкт у разі, якщо вимоги щодо безпечності продукції змінені, але йому у встановленому порядку про це не повідомлено і продукція продовжує випускатися на виробництві за старими вимогами щодо її безпечності. Незважаючи на обов'язок випускати продукцію відповідно до встановлених вимог, особа, яка не знає про їх зміни, в такому разі не може передбачити, що своїми діями допускає випуск небезпечної продукції.

Вольова ознака злочинної недбалості полягає у тому, що особа, маючи реальну можливість передбачити суспільно небезпечні наслідки своєї поведінки, не мобілізує власні інтелектуальні та психічні здібності для того, щоб здійснити вольові дії, необхідні для запобігання таким наслідкам. Щодо таких дій в особи відсутні характерні для волі переживання – «треба», «це необхідно зробити», «я повинен їх здійснити», хоча ситуація давала їй достатню інформацію (зовнішні сигнали) для цього, а за своїми особистими якостями вона *могла* сприйняти й усвідомити цю інформацію та прийняти правильне рішення.

Як уже зазначалося, законодавець у ч. 3 ст. 25 КК сформулював визначення недбалості стосовно злочинів із матеріальним складом. Що стосується злочинів із формальним складом, то при описуванні вини характеристику її ознак треба давати щодо діяння (дії або бездіяльності), а не наслідків. Таке переміщення тягне за собою заміну словосполучення з «не передбачала» на «не усвідомлювала». Звідси для злочинів, що

мають формальний склад, недбалість може бути визначено таким чином: *особа, яка вчинила діяння (дію або бездіяльність), не усвідомлювала його суспільної небезпечності, хоча повинна була і могла це усвідомлювати*. Наприклад, при вльоті іноземного літака на територію України пілот, який ним керував, забув увімкнути відповідні розпізнавальні знаки. Продовжуючи політ, він не усвідомлював, що порушує правила міжнародних польотів, тобто вчиняє суспільно небезпечне діяння, передбачене ст. 334 КК, хоча повинен був і міг усвідомлювати цю обставину, якщо б виявив необхідну уважність.

«Випадок». Від злочинної недбалості слід відрізнити «випадок» («казус»). «Випадок» у судовій практиці зустрічається нерідко, а актуальність питань, які з ним пов'язані, досить висока, оскільки йдеться про наявність або відсутність вини у кожному випадку. Особливо часто «випадок» зустрічається у провадженнях про заподіяння шкоди життю та здоров'ю людини, виробничий травматизм, порушення правил безпеки руху та експлуатації транспорту. Про «випадок» ідеться тоді, коли вчиняється діяння, передбачене КК, яке спричиняє відповідні суспільно небезпечні наслідки.

«Випадок» у юридичній літературі розглядається як самостійний вид психічного ставлення до суспільно небезпечних наслідків. *Він має місце тоді, коли наслідки, що настали, перебувають у причинному зв'язку з діянням (дією або бездіяльністю) особи, яка не тільки не передбачала можливості їх настання, а й не могла їх передбачити*.

«Випадок» виключає вину в поведінці особи. На відміну від злочинної недбалості «випадок» характеризується відсутністю суб'єктивного критерію — особа не могла передбачити суспільно небезпечні наслідки. Неможливість передбачити такі наслідки може бути зумовлена як суб'єктивними особливостями особи (брак необхідних знань, навичок, досвіду, слабкі розумові здібності, хвороба тощо), так і тією конкретною обстановкою, в якій було вчинене діяння, що спричинило наслідки. Наприклад, М. та К. ішли польовою дорогою. М., закурюючи, кинув у зарослий травою кювет палаючий сірник, який потрапив у бочку з-під бензину, що там лежала, внаслідок чого бензин, що залишився на дні бочки, зайнявся і стався вибух. Дном бочки, що вилетіло, К. було заподіяно тяжкі тілесні ушкодження. Сам же М. від вибуху не постраждав, бочки, що лежала в кюветі, не бачив. У цьому випадку М. не передбачав можливості заподіяння шкоди К. і не міг її передбачити.

«Випадок» («казус») виключає кримінальну відповідальність за відсутністю вини, а отже, і складу злочину в поведінці особи.

§ 5. Змішана форма вини

Наука кримінального права на підставі досліджень суб'єктивної сторони деяких злочинів розробила поняття змішаної форми вини (іноді її називають складною, подвійною або комбінованою формою вини), оскільки психічне ставлення особи до вчинюваного нею діяння (дії, бездіяльності) та його наслідків може містити ознаки, характерні як для умисної, так і необережної вини, що сутнісно ускладнює зміст вини конкретного злочину.

Про можливість «ускладнення» вини одним із перших заговорив німецький криміналіст А. Фейєрбах. Розглядаючи поняття непрямого умислу, за наявності якого особі інкримінувалися всі наслідки умисно вчиненого діяння, він звернув увагу на здатність злочинного діяння, окрім бажаних наслідків викликати й інші, які не охоплювалися умислом суб'єкта. Бувають такі випадки, зазначав науковець, коли злий намір та необережність разом поєднуються. Таке поєднання умислу та необережності в одному злочині А. Фейєрбах запропонував називати *необережністю, яка детермінована умислом*¹.

Змішана форма вини являє собою різне психічне ставлення особи у формі умислу та необережності до вчинюваного ним діяння (дії, бездіяльності) та його наслідків, що відповідають ознакам одного й того самого злочину.

Питання про змішану форму вини виникає у тих складах злочинів, в яких об'єктивна сторона за своїм характером є *складною*, що й повинна відображати вина.

Можна виділити *три* групи злочинів зі змішаною формою вини. *Перша група* — це ті злочини, в яких діяння (дія, бездіяльність), що являє собою порушення певних правил (наприклад, безпеки виробництва), само по собі, окремо від наслідків, є адміністративним чи дисциплінарним правопорушенням, і тільки настання суспільно небезпечних наслідків, причинно пов'язаних із діянням, робить все вчинене злочином. До таких злочинів належать, наприклад, порушення вимог законодавства про охорону праці, якщо воно заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого (ч. 1 ст. 271 КК); порушення правил безпеки дорожнього руху або експлуатації транспорту особою, яка керує транспортним засобом, що спричинило потерпілому середньої тяжкості тілесне ушкодження (ч. 1 ст. 286 КК); порушення чинних на транспорті правил, що спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки (ст. 291 КК). У цих злочинах *порушення правил може бути як умисним, так і необережним*, але

¹ Фейєрбах, А. Уголовное право : учебник / А. Фейєрбах. — СПб. : Мед. типогр., 1810. — С. 55, 56.

ставлення до наслідків виявляється *тільки в необережності*. Тому, коли винний порушує правила умисно, то має місце змішана форма вини: до діяння – умисел, а до наслідків – необережність.

Характерним для *другої групи* злочинів є те, що вже само по собі діяння (дія, бездіяльність) визначене законодавцем злочином. Так, у деяких нормах Особливої частини КК (наприклад, статті 269, 366, 371, 374 КК) законодавець, формулюючи ознаки основного (простого) складу злочину, притаманного частинам першим таких норм (наприклад, ч. 1 ст. 269 КК, ч. 1 ст. 374 КК), визначає відповідальність за сам факт вчинення певного діяння, тобто за злочин із формальним складом, суб'єктивна сторона якого полягає тільки у прямому умислі. Але, якщо той самий злочин вчиняється вже за наявності обтяжуючих чи особливо обтяжуючих обставин, які виражаються у спричиненні певних наслідків (наприклад, ч. 2 ст. 269 КК, ч. 2 ст. 374 КК), його суб'єктивна сторона *ускладнюється*, бо стосовно діяння (дії чи бездіяльності) вина може бути тільки умисною, а психічне ставлення до наслідків може виражатися як в умисній, так й у необережній формі вини. В останньому випадку також має місце змішана форма вини: до діяння – умисел, а до наслідків – необережність.

У *третьій групі* злочинів складність об'єктивної сторони полягає в тому, що передбачене законом умисне діяння спричиняє два *різних* наслідки: перший (найближчий) є обов'язковою ознакою об'єктивної сторони основного (простого) складу злочину, а другий (віддалений) – обтяжуючою або особливо обтяжуючою обставиною. У цих злочинах згідно із законом і щодо діяння, і щодо першого, обов'язкового наслідку суб'єктивна сторона виражається в *умислі* (прямому чи непрямому), а відносно другого наслідку (що є обтяжуючою обставиною) – *тільки в необережності*. До таких злочинів належать, наприклад, умисне тяжке тілесне ушкодження, що спричинило смерть потерпілого (ч. 2 ст. 121 КК); умисне знищення або пошкодження чужого майна, що спричинило загибель людей чи інші тяжкі наслідки (ч. 2 ст. 194 КК) та ін. Так, якщо проаналізувати суб'єктивну сторону умисного тяжкого тілесного ушкодження, яке спричинило смерть потерпілого (ч. 2 ст. 121 КК), то щодо діяння (наприклад, пострілу із рушниці) і заподіяння тяжкого тілесного ушкодження (першого, найближчого наслідку) у винного може бути тільки умисел, а щодо другого (віддаленого) наслідку – смерті потерпілого – тільки необережність¹.

¹ З погляду А. О. Пінаєва вина у злочинах, що віднесені до другої та третьої груп, є подвійною, оскільки в межах одного складу злочину одночасно містяться як усі ознаки, притаманні умисній формі вини, так і всі ознаки, притаманні необережній формі вини. Змішана форма вини, на думку науковця, є в тих випадках, коли в рамках одного складу

За наявності змішаної форми вини слід вирішити питання і про те, *яким у цілому є злочин*, вчинений винним, – умисним чи необережним. Це має важливе практичне значення. Наприклад, відповідно до статей 14 та 15 тільки в умисних злочинах можливі готування і замах; за ст. 26 КК обов'язковою ознакою співучасті є умисна участь в умисних злочинах. Під рецидивом як найбільш небезпечним видом множинності розуміється вчинення нового умисного злочину особою, яка має судимість за умисний злочин (ст. 34 КК). Тому при змішаній формі вини треба визначити, до яких злочинів – умисних чи необережних, слід віднести вчинений злочин. *Вирішення цього питання залежить від того, яка об'єктивна ознака конкретного виду злочину є найважливішою для визнання діяння злочинним і для оцінки ступеня його суспільної небезпечності.*

У першій групі злочинів зі змішаною формою вини, в яких діяння (дія, бездіяльність) само по собі не є злочином, а стає ним лише за умови, що воно спричинило тяжкі наслідки, вирішальне значення має необережне ставлення до цих наслідків. *Саме таке ставлення до наслідків і визначає віднесення цих злочинів у цілому до необережних.*

У другій групі злочинів, у яких щодо дії (бездіяльності) передбачається умисел, а щодо обтяжуючих чи особливо обтяжуючих обставин, які виражаються у спричиненні певних наслідків, – необережність, *злочин у цілому визнається умисним*, оскільки визначальним є ставлення до діяння, яке само по собі визначене в законі як умисний злочин. Визначення законодавцем такого діяння умисним злочином не залежить ні від того, чи може воно потягнути за собою зазначені в інших частинах норми суспільно небезпечні наслідки, ні від того, що у разі їх фактичного спричинення психічне ставлення винного до їх настання може бути необережним. Тому *в цілому такі злочини залишаються умисними.*

У третій групі злочинів, у яких щодо діяння і першого (найближчого) наслідку передбачається умисел, а щодо другого (віддаленого) – необережність, *злочин у цілому*, також як і у другій групі, *визнається умисним*, бо визначальним тут є ставлення до ознак об'єктивної сторони, що становлять основний (простий) склад злочину. Саме умисне ставлення до діяння і найближчого наслідку визначає спрямованість злочину, його суспільну небезпечність.

злочину одночасно містяться деякі ознаки, притаманні умисній вини та всі ознаки, притаманні необережній формі вини (див.: Пинаев А. А. Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины : учеб. пособие / А. А. Пинаев. – Х. : Харьк. юрид. ин-т им. Ф. Э. Дзержинского, 1984. – С. 3, 16, 27).

Значення змішаної форми вини виявляється в тому, що вона дає можливість: а) визначити ступінь тяжкості вчиненого злочину; б) надати правильну кваліфікацію; в) відмежувати близькі за об'єктивними ознаками злочини. Так, заподіяння тяжких тілесних ушкоджень, що спричинило смерть потерпілого, кваліфікуватиметься як умисне вбивство (ст. 115 КК), якщо щодо тілесного ушкодження і щодо смерті був умисел; якщо ж і щодо тілесного ушкодження, і щодо смерті була необережність, то особа відповідатиме за вбивство через необережність (ст. 119 КК). Лише за наявності умислу щодо тяжких тілесних ушкоджень, а щодо смерті — необережності (тобто при змішаній формі вини) матиме місце склад злочину, передбачений ч. 2 ст. 121 КК, — умисне тяжке тілесне ушкодження, що спричинило смерть потерпілого.

КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО УКРАЇНИ ОСОБЛИВА ЧАСТИНА*

Розділ III. ЗЛОЧИНИ ПРОТИ ЖИТТЯ ТА ЗДОРОВ'Я

§ 1. Злочини проти життя

Умисне вбивство, вчинене за обставин, що пом'якшують відповідальність. Цим видом вбивств охоплюються злочини, передбачені ст. 116 КК («Умисне вбивство, вчинене в стані сильного душевного хвилювання»), ст. 117 КК («Умисне вбивство матір'ю своєї новонародженої дитини»), ст. 118 КК («Умисне вбивство при перевищенні меж необхідної оборони або у разі перевищення заходів, необхідних для затримання злочинця»).

Умисне вбивство, вчинене в стані сильного душевного хвилювання (ст. 116 КК). Підставою пом'якшення відповідальності за ст. 116 КК є особливий психічний стан особи – стан сильного душевного хвилювання, який ще називають фізіологічним афектом. Це короткочасна інтенсивна емоція, що займає панівне положення у свідомості людини, внаслідок чого особа втрачає значною мірою (але не повністю) контроль над своїми вчинками, здатність усвідомлювати їх, керувати ними. Від фізіологічного афекту потрібно відрізняти афект патологічний, що виключає осудність суб'єкта.

Для застосування ст. 116 КК необхідно, щоб сильне душевне хвилювання виникло *раптово*, як негайна реакція у відповідь на проти-

* Підручник / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. ; за ред. В. Я. Тація, В. І. Тютюгіна, В. І. Борисова. – 5-те вид., переробл. і допов. – Х. : Право, 2015. – С. 51-69; С. 325-339.

законне насильство, систематичне знуцання або тяжку образу з боку потерпілого.

Насильство при цьому може бути як фізичним (нанесення удару, завдання побоїв, заподіяння тілесних ушкоджень, позбавлення волі тощо), так і психічним (це реальна погроза заподіяти фізичну, моральну, майнову шкоду), *але тільки протизаконним*. Таке насильство може за своїм характером надавати суб'єктові право на необхідну оборону. Вбивство, вчинене у стані сильного душевного хвилювання, але за умови, що воно було результатом перевищення меж необхідної оборони, слід кваліфікувати не за ст. 116 КК, а за ст. 118 КК.

Відповідальність за ст. 116 КК настає також у випадках, якщо протизаконне насильство, систематичне знуцання або тяжка образа, що спричинили сильне душевне хвилювання особи, яка вчинила вбивство, були спрямовані не на неї особисто, а щодо третіх осіб – близьких або навіть сторонніх.

Склад злочину, передбаченого ст. 116 КК, має місце лише у випадку, якщо умисел на вбивство виник у стані сильного душевного хвилювання і був виконаний, коли винний ще перебував у такому стані. Тому вбивство в такому стані не може бути заздалегідь обдуманим.

При вбивстві, передбаченому ст. 116 КК, умисел може бути прямим і непрямым.

Умисне вбивство матір'ю своєї новонародженої дитини (ст. 117 КК). Відповідальність матері пом'якшується за умови, якщо вбивство дитини було вчинене під час пологів або одразу після них, тобто законодавець обмежує вчинення цього злочину певним нетривалим проміжком часу, доки особливий психофізіологічний стан жінки послаблює її здатність керувати своїми діями. Закон не вимагає встановлювати такий стан, він презюмується.

Момент виникнення умислу в матері на вбивство новонародженої дитини не впливає на кваліфікацію злочину, що розглядається.

Суб'єкт цього злочину – спеціальний. Ним може бути лише мати. Співучасники у вбивстві матір'ю своєї новонародженої дитини несуть відповідальність за статтями 27 і 115 КК. Обставини, що суттєво пом'якшують відповідальність матері, на співучасників не поширюються.

Умисне вбивство при перевищенні меж необхідної оборони або у разі перевищення заходів, необхідних для затримання злочинця (ст. 118 КК). Спричинення смерті нападнику з метою захисту від суспільно небезпечного посягання виключає кримінальну відповідальність, якщо при цьому не були перевищені межі необхідної оборони. Вбивство при перевищенні меж необхідної оборони не виключає такої відповідальності, *але пом'якшує її*. Так само вирішується питання і при затриманні злочинця.

Підставою для пом'якшення відповідальності за ст. 118 КК є прагнення особи, яка обороняється, захистити інтереси або права свої або іншої особи, інтереси суспільства або держави від суспільно небезпечного посягання шляхом спричинення тому, хто посягає, шкоди, якщо ці дії були зумовлені потребою негайного припинення посягання. Такі підстави притаманні й діям, пов'язаним із затриманням злочинця. Однак зазначені дії, незважаючи на їх соціально корисну спрямованість, вчиняються із суттєвим порушенням встановлених меж їх здійснення.

Перевищенням меж необхідної оборони може бути визнана лише *явно*, очевидна невідповідність захисту характеру і безпеці посягання, коли тому, хто посягає, без необхідності заподіюється шкода, що вказана у ст. 118 КК.

Така сама умова притаманна й відповідальності при перевищенні заходів, необхідних для затримання злочинця. Згідно з ч. 2 ст. 38 КК перевищенням цих заходів визнається умисне заподіяння особі, що вчинила злочин, тяжкої шкоди, яка явно не відповідає небезпечності посягання або обставині затримання злочинця.

При вирішенні питання про наявність або відсутність ознак перевищення меж необхідної оборони потрібно враховувати не лише відповідність або невідповідність знарядь захисту і нападу, а й характер небезпеки, що загрожувала особі, яка захищалася, його сили і можливості по відверненню посягання, а також усі інші обставини, що могли б впливати на реальне співвідношення сил того, хто посягав, і того, хто захищався (кількість нападників і тих, хто захищався, їх вік, фізичний розвиток, наявність зброї, місце та час посягання тощо).

Ті самі обставини слід враховувати і при вирішенні питання про перевищення заходів із затримання злочинця (тяжкість злочину, обстановку, в якій відбувалося затримання, тощо).

При цьому слід мати на увазі, що особа, яка захищається, так само, як і особа, що затримує злочинця, *внаслідок сильного душевного хвилювання*, викликаного суспільно небезпечним посяганням (що часто виникає раптово), не завжди може точно оцінити відповідність заподіяної нею шкоди (у нашому випадку позбавлення життя нападника чи злочинця) небезпечності посягання чи вчиненого затриманим злочину або точно оцінити обстановку захисту чи затримання. У такому разі відповідальність за перевищення меж необхідної оборони або заходів із затримання злочинця виключається.

Суб'єктивна сторона цього вбивства характеризується умислом.

Суб'єктом злочину, передбаченого ст. 118 КК, є осудна особа, яка досягла 16 років.

Вбивство, вчинене з перевищенням меж необхідної оборони, а також у разі перевищення заходів, необхідних для затримання злочинця, за наявності обставин, передбачених ч. 2 ст. 115 КК (наприклад, способом, небезпечним для життя багатьох осіб, повторно), має кваліфікуватися не як умисне вбивство за обставин, що обтяжують відповідальність, а за ст. 118 КК.

Вбивство через необережність (ст. 119 КК) може бути вчинене як внаслідок злочинної самовпевненості, так і злочинної недбалості.

Для застосування ст. 119 КК необхідно встановити наявність необережності стосовно злочинного наслідку – смерті іншої людини. Саме діяння, що призвело до такого наслідку, може бути як умисним, так і необережним.

Суб'єктом злочину є осудна особа, яка досягла 16 років.

У частині 2 ст. 119 КК встановлено відповідальність за необережне вбивство двох або більше осіб.

Доведення до самогубства (ст. 120 КК). **Об'єктом** цього злочину є життя людини.

За частиною 1 ст. 120 КК **об'єктивна сторона** злочину полягає в доведенні особи до самогубства або до замаху на самогубство, що є наслідком жорстокого з нею поводження, шантажу, примусу до протиправних дій або систематичного приниження її людської гідності.

Жорстоке поводження – це безжалісні, грубі діяння особи, які завдають іншій особі фізичних чи психічних страждань (мордування, систематичне заподіяння тілесних ушкоджень чи побоїв, позбавлення їжі, води, одягу, житла тощо).

Шантаж – це погроза розголосити відомості, які потерпілий бажає зберегти в таємниці (наприклад, відомості про хворобу, позашлюбні стосунки тощо). Ці відомості можуть як відповідати дійсності, так і бути неправдивими. Важливо, що вони мають такий характер, що потерпілий не бажає їх розголошувати.

Примус до протиправних дій – це фізичний або психічний вплив на особу з метою спонукання її до дій, вчинення яких заборонене законодавством, наприклад брати участь у злочині.

Систематичне приниження людської гідності – це тривале принизливе ставлення до потерпілого (постійний глум над ним тощо). Судова практика не відносить до такого роду обставин розірвання шлюбних стосунків одним із подружжя, відмову від укладання шлюбу, припинення співмешкання, подружню зраду, якщо при цьому не здійснювалися інші дії, що принижують людську гідність. Не можуть також кваліфікуватися за ст. 120 КК випадки самогубства внаслідок вчинення

щодо особи будь-яких законних дій (наприклад, правомірного звільнення з роботи), а також унаслідок повідомлення хоча й таких, що принижують гідність особи, але правдивих, таких, що відповідають дійсності, відомостей (за умови, що вони повідомлялися не в образливій чи цинічній формі).

Обставинами, що обтяжують відповідальності за цей злочин, є доведення до самогубства або замаху на самогубство особи, яка перебувала в матеріальній або іншій залежності від винуватого, або щодо двох або більше осіб (ч. 2 ст. 120 КК), та вчинення таких дій щодо неповнолітнього, тобто особи, якій не виповнилося 18 років (ч. 3 ст. 120 КК).

Під матеріальною залежністю слід розуміти випадки, коли потерпілий отримує від винного істотну матеріальну підтримку або знаходиться на його утриманні (наприклад, залежність непрацевдатної жінки від чоловіка, неповнолітніх дітей від батьків, підопічних від опікунів тощо). Під іншою залежністю слід розуміти залежність підлеглого від начальника, учня від викладача, одного родича від іншого та ін.

Стаття 120 КК застосовується лише при настанні самогубства або замаху на самогубство. Між передбаченою у ст. 120 КК поведінкою винного і самогубством або замахом на самогубство повинен бути причинний зв'язок.

Суб'єктивна сторона злочину, який розглядається, характеризується виною, яка може бути як у формі умислу, так і у формі необережності.

Суб'єктом злочину може бути осудна особа, яка досягла 16-річного віку.

Оскільки саме самогубство або замах на нього кримінальної відповідальності не тягне, підбурювання до самогубства і пособництво в самогубстві також не караються законом. Підбурювання до самогубства або пособництво в самогубстві особи, яка через вік або стан психіки не могла усвідомлювати свої дії або керувати ними, кваліфікується як умисне вбивство за умови, що самогубство мало місце.

Погроза вбивством (ст. 129 КК). Погрожуючи посягнути на життя, винний викликає у людини почуття тривоги і неспокою, заважає її нормальній праці та відпочинку.

З об'єктивної сторони злочин характеризується дією у вигляді погрози вчинити вбивство, тобто виявленому зовні намірі позбавити іншу людину життя. Це може бути вчинено словесно, письмово, за допомогою різних дій (жестів, міміки, демонстрації зброї тощо).

Погроза повинна бути реальною, тобто сприйматися потерпілим як така, що може здійснитися. Реальність погрози встановлюється у кожному окремому випадку з урахуванням конкретних фактичних обставин.

При цьому слід урахувати як суб'єктивний критерій (сприйняття погрози потерпілим), так і об'єктивний (спосіб та інтенсивність її вираження, особу винного, характер стосунків між ним і потерпілим тощо). Погроза має бути звернена до конкретної особи та висловлена як безпосередньо потерпілому, так і через третіх осіб. Злочин вважається *закінченим* із моменту, коли погрозу було доведено до відома потерпілого.

Суб'єктивна сторона злочину, що розглядається, – прямий умисел. При цьому не має значення, чи збирався винний здійснити свою погрозу в дійсності, достатньо того, щоб у потерпілого були реальні підстави побоюватися виконання такої погрози.

Суб'єктом погрози вбивством може бути осудна особа, яка досягла 16-річного віку.

У разі якщо винний, не обмежившись погрозою, вчиняє дії, спрямовані на створення умов для вчинення вбивства або навіть безпосередньо спрямовані на його здійснення, відповідальність настає за підготування до вбивства чи замах на нього.

Якщо погроза вбивством охоплюється ознаками іншого, більш тяжкого злочину, ст. 129 КК не застосовується.

У частині 2 ст. 129 КК передбачено відповідальність за погрозу вбивством, вчинену членом організованої групи або з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості.

§ 2. Злочини проти здоров'я

1. До злочинів проти здоров'я належать: різні види тілесних ушкоджень (статті 121–125, 128 КК), побої і мордування (ст. 126 КК), катування (ст. 127 КК), спеціальні види тілесних ушкоджень: зараження вірусом імунодефіциту людини чи іншої невиліковної інфекційної хвороби (ст. 130 КК), зараження венеричною хворобою (ст. 133 КК).

2. **Поняття і види тілесних ушкоджень.** Одним із найважливіших особистих благ є здоров'я людини. *Тілесне ушкодження – це протиправне умисне або необережне заподіяння шкоди здоров'ю іншої людини, що виявляється в порушенні анатомічної цілості або фізичної функції органів і тканин тіла людини.*

Об'єктом тілесного ушкодження є здоров'я людини. Будь-яке тілесне ушкодження заподіює певну шкоду здоров'ю людини. У випадках, коли заподіяння шкоди здоров'ю виступає як засіб заподіяння шкоди іншим суспільним відносинам, відповідальність за цю шкоду може охоплюватися іншими статтями КК (наприклад, заподіяння тяжкого тілесного ушкодження при вчиненні розбою тягне відповідальність за ч. 4 ст. 187 КК).

Здоров'я людини як об'єкт тілесного ушкодження охороняється законом про кримінальну відповідальність від початку пологового процесу. Закон рівною мірою охороняє здоров'я кожної людини незалежно від її фізичного стану (здорової людини, хворого, божевільного, людини, яка перебуває в безнадійному стані внаслідок травми, тощо), а також незалежно від її моральних якостей, віку, службового становища тощо.

Тілесним ушкодженням є посягання на здоров'я іншої людини. Заподіяння самому собі тілесного ушкодження, навіть тяжкого, за загальним правилом не є злочином і тягне за собою кримінальну відповідальність лише у випадках, коли, порушуючи державні та суспільні інтереси, воно є способом вчинення іншого злочину. Так, ухилення від військової служби, вчинене військовослужбовцем шляхом заподіяння собі тілесного ушкодження, містить ознаки злочину, передбаченого ст. 409 КК.

З об'єктивної сторони тілесне ушкодження може бути вчинене шляхом дії або бездіяльності винного. При дії вплив на здоров'я людини може бути як фізичним (завдання удару, заподіяння опіку тощо), так і психічним (погроза або залякування, що викликали психічну хворобу, та ін.). Для заподіяння тілесного ушкодження винний може застосовувати м'язові зусилля свого тіла або різні знаряддя й засоби.

При заподіянні тілесного ушкодження шляхом бездіяльності йдеться про невчинення винним дії, яка б запобігла заподіянню шкоди здоров'ю іншої людини, за умови, якщо він був зобов'язаний здійснити таку дію та мав можливість зробити це (наприклад, обов'язок батьків турбуватися про здоров'я дітей).

Склад тілесного ушкодження вважається *закінченим* із настання суспільно небезпечного наслідку у вигляді різної тяжкості шкоди здоров'ю людини. При цьому необхідно встановити причинний зв'язок між діянням винного і суспільно небезпечними наслідками для здоров'я потерпілого, що настали.

Для відповідальності за тілесне ушкодження необхідно, щоб заподіяння шкоди здоров'ю іншої людини було протиправним. Заподіяння такої шкоди за обставин, які виключають протиправність діяння (наприклад, у стані необхідної оборони, крайньої необхідності та ін.), усуває відповідальність за тілесні ушкодження. Згода потерпілого на заподіяння йому тілесних ушкоджень може усувати їх протиправність лише за умови, що цю згоду не було дано для досягнення суспільно небезпечних і тим більше – злочинних цілей.

Суб'єктивна сторона тілесних ушкоджень може виражатися в умисній і необережній вині.

Якщо умисел особи був спрямований на заподіяння невизначеної шкоди здоров'ю, відповідальність настає за тілесне ушкодження, яке було фактично заподіяне. Фактичне заподіяння більш легкого тілесного ушкодження, ніж те, на яке був спрямований умисел винного, повинно тягти відповідальність за замах на заподіяння тілесного ушкодження, яке винний бажав спричинити.

Суб'єктом злочинів, передбачених статтями 121 і 122 КК, може бути осудна особа, яка досягла 14 років. За інші види тілесних ушкоджень відповідальність настає з 16 років.

За *ступенем тяжкості* тілесні ушкодження в КК поділяють на тяжкі, середньої тяжкості та легкі. Судово-медичне визначення ступеня тяжкості тілесних ушкоджень здійснюється на підставі Правил судово-медичного визначення ступеня тяжкості тілесних ушкоджень, затверджених наказом МОЗ від 17 січня 1995 р. № 6¹ (далі – Правила).

Відповідно до ч. 2 ст. 242 КПК проведення судово-медичної експертизи за цими справами є обов'язковим. Судово-медичне визначення ступеня тяжкості тілесних ушкоджень здійснюється згідно з КК і КПК та зазначеними Правилами.

3. Умисне тяжке тілесне ушкодження (ст. 121 КК). У частині 1 ст. 121 КК під умисним тяжким тілесним ушкодженням розуміється умисне тілесне ушкодження, небезпечне для життя в момент заподіяння, чи таке, що спричинило втрату будь-якого органу або його функцій, психічну хворобу або інший розлад здоров'я, поєднаний зі стійкою втратою працездатності не менше як на одну третину, або переривання вагітності чи непоправне знівечення обличчя.

До числа тяжких закон відносить *тілесне ушкодження, небезпечне для життя в момент заподіяння*. Правила визначають небезпечними для життя ушкодження, які самі по собі загрожують життю потерпілого в момент заподіяння або за звичайним своїм перебігом закінчуються чи можуть закінчитися смертю. Наслідок заподіяного ушкодження не може впливати на визнання його тяжким. Так, своєчасна медична допомога, яка призвела до швидкого і повного видужання потерпілого, не виключає відповідальності за ст. 121 КК, якщо ушкодження були небезпечні для життя в момент їх заподіяння.

Фактичне заподіяння тілесних ушкоджень, небезпечних для життя, за наявності прямого умислу, спрямованого на позбавлення життя, має кваліфікуватися як замах на вбивство. Судова практика кваліфікує як замах на вбивство і випадки умисного заподіяння ушкоджень життєво важливим

¹ Див.: Кримінальний кодекс України (зі змінами та доповненнями станом на 5 вересня 2014 р.). – Х.: Одиссей, 2014. – С. 219-227.

органам тіла, що, як правило, спричиняє загибель потерпілого і не призводить до смерті лише внаслідок випадкового перебігу обставин, не залежних від волі винного.

Тяжким визнається також тілесне ушкодження, що спричинило втрату будь-якого органа або його функцій. Правила відносять до таких не загрозливі для життя ушкодження, що належать до тяжких за кінцевим результатом та наслідками: втрата будь-якого органа чи втрата органом його функції – втрата зору, слуху, язика, руки, ноги і репродуктивної здатності.

Під втратою зору треба розуміти повну стійку сліпоту на обидва ока чи такий стан, коли наявне зниження зору до підрахунку пальців на відстані двох метрів і менше (гострота зору на обидва ока 0,04 і нижче). Втрата зору на одне око зумовлює стійку втрату працездатності понад одну третину і за цією ознакою належить до тяжких тілесних ушкоджень.

Втрата слуху – це повна стійка глухота на обидва вуха або такий необоротний стан, коли потерпілий не чує розмовної мови на відстані три-п'ять сантиметрів від вушної раковини. Втрата слуху на одне вухо спричиняє стійку втрату працездатності менше як на одну третину і за цією ознакою належить до середньої тяжкості тілесного ушкодження.

Під втратою язика (мовлення) розуміють втрату можливості висловлювати свої думки членороздільними звуками, зрозумілими для оточуючих.

Втрата руки, ноги – це відокремлення їх від тулуба (як усієї руки або ноги, так і ампутація їх на рівні не нижче ліктьового чи колінного суглоба) чи втрата ними функцій (параліч або інший стан, що унеможлиблює їх діяльність). Усі інші випадки мають розглядатись як втрата частини кінцівки і оцінюватись за ознакою стійкої втрати працездатності.

Втрата репродуктивної здатності означає втрату здатності до злягання, запліднення, зачаття та дітородіння.

До тяжких тілесних ушкоджень належить також ушкодження, що призвело до психічної хвороби¹. Це будь-яке психічне захворювання незалежно від його тривалості й ступеня вилікованості. Не належать до тяжких тілесних ушкоджень розлади нервової діяльності, що не є психічними захворюваннями.

Тілесне ушкодження є тяжким і тоді, коли воно спричинило інший розлад здоров'я, поєднаний зі стійкою втратою працездатності не менш як на одну третину. Під іншим розладом здоров'я мається на увазі ушкодження, що не підпадає під жодну з інших ознак тяжкого тілесного ушкодження, перерахованих у ст. 121 КК. Вирішальне значення для цього

¹ У Правилах – душевна хвороба.

має стійка втрата працездатності не менше ніж на одну третину (не менш як 33%), яку законодавець пов'язує лише з «іншим розладом здоров'я». Йдеться про загальну працездатність. Втрата професійної працездатності може братися до уваги, якщо умисел винного був спрямований спеціально на позбавлення її потерпілого.

Під стійкою (постійною) втратою працездатності належить розуміти таку необоротну втрату функції, котра повністю не відновлюється.

До тяжких належить також тілесне ушкодження, що призвело до переривання вагітності. Відповідно до Правил йдеться про ушкодження, що призвело до переривання вагітності незалежно від її строку. Необхідна наявність причинного зв'язку між заподіяним тілесним ушкодженням і перериванням вагітності. Для кваліфікації таких діянь за ст. 121 КК необхідно, щоб винний усвідомлював факт вагітності потерпілої та бажав або свідомо припускав її переривання.

Тяжке тілесне ушкодження, що призвело до неоправного знівечення обличчя, має місце, якщо ушкодження обличчя, будучи неоправним, надає йому відразливого, потворного зовнішнього вигляду.

Знівечення є неоправним, якщо воно не може бути усунуте за допомогою звичайних методів лікування або може бути усунуте лише завдяки пластичній операції. Тимчасове знівечення обличчя тяжким тілесним ушкодженням не визнається.

Для встановлення факту неоправності ушкодження призначається судово-медична експертиза, а наявність знівечення визначається органом досудового розслідування та судом. Суд оцінює зовнішній вигляд потерпілого на момент судового провадження, виходячи із загальноприйнятих уявлень про людський вигляд. Особа потерпілого (вік, професія, національність тощо) при вирішенні цього питання значення не має.

Випадки знівечення інших частин людського тіла поняттям, що розглядається, не охоплюються.

Суб'єктивна сторона злочину, передбаченого ст. 121 КК, характеризується умисною виною. Особа усвідомлює, що може заподіяти тяжку шкоду здоров'ю потерпілого, і бажав або свідомо припускає її настання.

Відповідальність за ст. 121 КК настає також у разі, якщо умисел винного був спрямований на заподіяння невизначеної шкоди здоров'ю, а фактично було спричинено тяжке тілесне ушкодження.

Умисне заподіяння тяжкого тілесного ушкодження тягне відповідальність за ч. 2 ст. 121 КК за наявності хоча б однієї з таких обставин: якщо воно було вчинене способом, що має характер особливого мучення, або

вчинене групою осіб, або з метою залякування потерпілого чи інших осіб, або з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості, або вчинене на замовлення, або спричинило смерть потерпілого.

Відповідно до Правил під *мученням* слід розуміти дії, що спричиняють потерпілому страждання шляхом тривалого позбавлення їжі, пиття чи тепла, залишення його у шкідливих для здоров'я умовах та інші подібні дії.

Сюди так само належать дії, пов'язані з багаторазовим або тривалим спричиненням особливого болю: шмагання, щипання, застосування термічних факторів тощо.

Мучення викликають не просто больові відчуття, що мають місце при кожному тяжкому тілесному ушкодженні, а заподіюють *особливо сильні страждання*. Слід мати на увазі, що мучення самі по собі не є видом тяжкого тілесного ушкодження і можуть тягти за собою відповідальність за ч. 2 ст. 121 КК лише за наявності однієї з ознак, перерахованих у ч. 1 цієї статті КК. Наявність мучення встановлюється судом за допомогою судово-медичної експертизи.

Заподіяння тяжкого тілесного ушкодження *групою осіб* передбачає його вчинення двома або більше особами, які діють як виконавці. Попередня змова між ними не є обов'язковою.

Вчинення тяжкого тілесного ушкодження з *метою залякування* має місце, якщо особа вчиняє злочин, прагнучи викликати почуття страху у потерпілого або інших осіб (наприклад, родичів, товаришів по службі).

Вчинення тяжкого тілесного ушкодження з *мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості* або *на замовлення* має ті самі ознаки, що розглядалися при аналізі ч. 2 ст. 115 КК.

Тяжке тілесне ушкодження, що спричинило смерть потерпілого, припускає, що причиною смерті було ушкодження, зазначене в ч. 1 ст. 121 КК. Для застосування ч. 2 ст. 121 КК у цьому випадку слід встановити наявність умислу на заподіяння тяжкого тілесного ушкодження і необережної вини щодо смерті потерпілого. Якщо смерть потерпілого була результатом тяжкого тілесного ушкодження, вчиненого через необережність, відповідальність за ч. 2 ст. 121 КК наставати не може. У цьому випадку особа може нести відповідальність за вбивство через необережність (ст. 119 КК).

Частина 2 ст. 121 КК не застосовується також у разі, якщо винний в умисному заподіянні тяжкого тілесного ушкодження не передбачав можливості настання смерті та за обставинами вчиненого не міг її передбачити. Випадкове спричинення смерті у винуватця не ставиться.

Для відмежування умисного заподіяння тяжкого тілесного uszkodження, що спричинило смерть потерпілого, від умисного вбивства треба ретельно дослідити всі обставини, що мають значення для з'ясування змісту і спрямованості умислу винного. Слід виходити із сукупності всіх обставин вчиненого діяння, зокрема, враховувати спосіб, знаряддя злочину, кількість, характер і локалізацію поранень (наприклад, у життєво важливі органи людини), причини припинення злочинних дій, поведінку винного і потерпілого, що передували події, їх стосунки. Якщо суд визнає доведеним, що підсудний передбачав можливість заподіяння смерті та байдуже ставився до цих наслідків (непрямий умисел), дії винного кваліфікуються як умисне вбивство.

Оскільки ч. 2 ст. 121 КК передбачає щодо смерті потерпілого необережну вину, то замах на тяжке тілесне uszkodження, яке могло потягти за собою смерть потерпілого, є неможливим.

4. Умисне середньої тяжкості тілесне uszkodження (ст. 122 КК). Середньої тяжкості тілесне uszkodження – це таке, що не є небезпечним для життя і не потягло за собою наслідків, властивих тяжкому тілесному uszkodженню, але таке, що спричинило тривалий розлад здоров'я або значну стійку втрату працездатності менш як на одну третину. *Тривалий розлад здоров'я* у більшості випадків виявляється в порушенні функцій будь-якого органа. Правила відносять до такого розладу послаблення функцій органів зору, слуху, язика (мовлення), руки, ноги тощо. Повна втрата органу або позбавлення його назавжди здатності функціонувати є тяжким тілесним uszkodженням і за ст. 122 КК кваліфікуватися не може. Разом із тим злочин, що розглядається, може мати місце й у разі повної, але тимчасової втрати органом його функцій.

Стаття 122 КК застосовується лише за умови, що порушення функції будь-якого органа було тривалим. Відповідно до Правил під тривалим слід розуміти розлад здоров'я строком понад три тижні (більш як 21 день).

Під *стійкою втратою працездатності менше як на одну третину* слід розуміти втрату загальної працездатності від 10 до 33 відсотків.

Із **суб'єктивної сторони** злочин, що розглядається, може бути вчинений із прямим або непрямим умислом.

Суб'єктом злочину є осудна особа, якій виповнилося 14 років.

Частина 2 ст. 122 КК встановлює відповідальність за середньої тяжкості тілесне uszkodження, вчинене з метою залякування потерпілого або його родичів чи примусу до певних дій (наприклад, звільнити житлову площу) або з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості.

5. Умисне тяжке тілесне ушкодження, заподіяне у стані сильного душевного хвилювання (ст. 123 КК) є тілесним ушкодженням, яке вчинене за обставини, що пом'якшує відповідальність.

Поняття сильного душевного хвилювання та інші умови застосування ст. 123 КК аналогічні таким самим ознакам, що були охарактеризовані при аналізі умисного вбивства, вчиненого в стані сильного душевного хвилювання (ст. 116 КК).

Суб'єктивна сторона злочину, який розглядається, характеризується як прямим, так і непрямым умислом.

Якщо в діях винного поряд з ознаками, передбаченими ст. 123 КК, є така обставина, як спричинення смерті потерпілого, відповідальність все одно настає за ст. 123 КК.

Суб'єктом злочину є осудна особа, якій виповнилося 16 років.

За заподіяння середньої тяжкості чи легкого тілесного ушкодження у стані сильного душевного хвилювання, викликаного неправомірною поведінкою потерпілого, кримінальної відповідальності чинним КК не встановлено.

6. Умисне заподіяння тяжких тілесних ушкоджень у разі перевищення меж необхідної оборони або у разі перевищення заходів, необхідних для затримання злочинця (ст. 124 КК). Відповідальність за цей злочин настає за наявності наслідків, зазначених у ст. 121 КК. Умови, за яких тяжке тілесне ушкодження вважається вчиненим при перевищенні меж необхідної оборони або заходів, необхідних для затримання злочинця, такі самі, як і при умисному вбивстві, передбаченому ст. 118 КК.

Якщо цей злочин вчинений у стані сильного душевного хвилювання, зумовленого протиправними діями потерпілого, відповідальність настає не за ст. 123, а за ст. 124 КК.

Заподіяння середньої тяжкості та легкого тілесного ушкодження за обставин, зазначених у ст. 124 КК, не є караним за КК України.

7. Умисне легке тілесне ушкодження (ст. 125 КК). У частині 1 ст. 125 КК встановлено відповідальність за легке тілесне ушкодження, яке виявилось в порушенні анатомічної цілості тканин, органів та їх функцій, але не спричинило короткочасного розладу здоров'я чи незначної стійкої втрати працездатності. До них Правила відносять ушкодження, що мають незначні скороминущі наслідки, тривалістю не більше як шість днів (садна, синці тощо).

Суб'єктивна сторона злочину, який розглядається, характеризується тільки умисною виною. Відповідальність за ст. 125 КК настає і в тих випадках, коли умисел винного був спрямований на заподіяння

невизначеної шкоди здоров'ю і фактично було заподіяно легке тілесне ушкодження.

Суб'єктом цього злочину є осудна особа, якій виповнилося 16 років. У частині 2 ст. 125 КК встановлено відповідальність за легке тілесне ушкодження, що спричинило короточасний розлад здоров'я або незначну втрату працездатності. Відповідно до Правил короточасним є розлад здоров'я тривалістю понад шість днів, але не більше ніж 21 день (три тижні). До незначної втрати працездатності Правила відносять *стійку втрату* загальної працездатності до 10%.

8. Необережне тяжке або середньої тяжкості тілесне ушкодження (ст. 128 КК). Необережне тілесне ушкодження тягне кримінальну відповідальність за умови, якщо були заподіяні тяжкі або середньої тяжкості тілесні ушкодження. Заподіяння з необережності легких тілесних ушкоджень не є злочином.

Суб'єктивна сторона цього злочину може бути як у виді злочинної самовпевненості, так і злочинної недбалості.

Необережне заподіяння тілесного ушкодження, що спричинило смерть потерпілого, щодо якої має місце необережна вина, кваліфікується як вбивство через необережність (ст. 119 КК).

Суб'єктом злочину є осудна особа, яка досягла 16 років.

9. Побої і мордування (ст. 126 КК). У частині 1 ст. 126 КК встановлюється відповідальність за умисне завдання удару, побоїв або вчинення інших насильницьких дій, які завдали фізичного болю і не спричинили тілесних ушкоджень.

Під *ударом* слід розуміти одноразовий короточасний різкий сильний вплив на тіло людини, що заподіяв фізичний біль. *Побої* характеризуються численними ударами. Під *іншими насильницькими діями* слід розуміти фізичний вплив на людину (крім удару і побоїв), що спричинив болісні відчуття (стискування частин тіла, виривання волосся тощо).

Передбачений у ст. 126 КК злочин не призводить до порушення анатомічної цілості тканин або нормального функціонування тканин і органів тіла людини. Дії, передбачені цією статтею, не спричиняють тілесного ушкодження, але обов'язково викликають фізичний біль.

Суб'єктивна сторона злочину характеризується умисною виною.

Суб'єкт злочину – осудна особа, яка досягла 16-річного віку.

У частині 2 ст. 126 КК встановлено відповідальність за ті самі діяння, що мають характер мордування, вчинені групою осіб, або з метою залякування потерпілого чи його близьких, або з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості. Такі ознаки, як вчинення цього злочину

групою осіб або з метою залякування потерпілого чи його близьких, мають те саме значення, що і при аналізі ст. 121 КК. Вчинення злочину з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості розглядалося при аналізі п. 14 ч. 2 ст. 115 КК. Щодо мордування, то Правила вважають ними дії, що полягають у багаторазовому або тривалому спричиненні болю: щипання, шмагання, нанесення численних, але невеликих ушкоджень тупими чи гостроколючими предметами, діяння термічних факторів та інші аналогічні дії. Якщо внаслідок таких дій буде заподіяно тяжкі тілесні ушкодження, відповідальність повинна наставати за ст. 121 КК.

10. Каткування (ст. 127 КК). Цю статтю включено до КК відповідно до Конвенції ООН проти катувань та інших жорстоких, нелюдських або таких, що принижують гідність, видів поводження і покарання від 10 грудня 1984 р., ратифікованої Україною 26 січня 1987 р.¹

З об'єктивної сторони цей злочин полягає в заподіянні сильного фізичного болю або фізичного чи морального страждання шляхом нанесення побоїв, мучення або інших насильницьких дій (наприклад, тілесних ушкоджень).

Від інших злочинів проти здоров'я катування відрізняється своєю **суб'єктивною стороною**. Вона вимагає встановлення не тільки умислу, а й спеціальної мети – примусити потерпілого чи іншу особу вчинити дії, що суперечать її волі, у тому числі отримати від потерпілого або іншої особи відомості чи визнання, покарати його чи іншу особу за дії, скоєні ним або іншою особою чи у скоєнні яких він або інша особа підозрюється, або залякати чи дискримінувати його або інших осіб.

Катування може мати місце при викраденні людей, захопленні заручників, вимаганні. У цих випадках крім ст. 127 КК підлягають також застосуванню відповідно статті 146, 147 або 189 КК.

Суб'єкт цього злочину – осудна особа, якій виповнилося 16 років.

Частина 2 ст. 127 КК встановлює відповідальність за катування, якщо воно вчинене повторно або за попередньою змовою групою осіб, або з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості.

Ознаки повторності, попередньої змови групи осіб та вчинення злочину з мотивів расової, національної чи релігійної нетерпимості аналізувалися щодо інших злочинів і ніяких додаткових особливостей не мають.

Дії працівника правоохоронного органу, який застосував катування із перевищенням влади або службових повноважень чи примушував

¹ Міжнародні договори України. 1988-1990. – К., 1997. – Т. 1. – С. 190–203.

давати показання, кваліфікуються за сукупністю злочинів за відповідною частиною ст. 127 КК та за частинами 2 чи 3 ст. 365 або за ч. 2 ст. 373 КК.

11. Зараження вірусом імунодефіциту людини чи іншої невиліковної інфекційної хвороби (ст. 130 КК) є спеціальним видом тілесного ушкодження. СНІД (синдром набутого імунодефіциту) досить швидко поширюється останніми роками у всьому світі та створює серйозні побоювання у світової спільноти, оскільки й досі не знайдені ефективні засоби лікування цієї хвороби. Захворювання на СНІД настає внаслідок зараження людини вірусом імунодефіциту людини (ВІЛ). СНІД є кінцевою стадією ВІЛ-інфекції. Стаття 130 КК встановлює відповідальність за зараження саме ВІЛ-інфекцією, хоча нею охоплюється і такий наслідок цього зараження, як СНІД. Не менш небезпечними є випадки зараження іншими невиліковними інфекційними хворобами, що є небезпечними для життя людей (наприклад, тяжкі форми туберкульозу).

Частина 1 ст. 130 КК встановлює відповідальність за свідоме поставлення іншої особи в небезпеку зараження вірусом імунодефіциту людини чи іншої невиліковної інфекційної хвороби, що є небезпечною для життя людини. Поставлення в небезпеку зараження з **об'єктивної сторони** полягає в різних діях, які створюють реальну загрозу такого зараження. Це такі дії, які в даних конкретних умовах можуть призвести до зараження іншої особи, і якщо таке зараження не настає, то лише внаслідок випадкових обставин або заходів, вжитих потерпілим. Злочин вважається **закінченим** з моменту поставлення іншої особи в небезпеку зараження. Згода потерпілого в цих випадках не виключає відповідальності суб'єкта злочину.

Спосіб поставлення в небезпеку зараження (наприклад, статеві зносини) для кваліфікації злочину значення не має.

Із **суб'єктивної сторони** цей злочин передбачає усвідомлення, тобто знання особою про наявність у неї ВІЛ-інфекції чи іншої невиліковної інфекційної хвороби, що є небезпечною для життя людей, а також усвідомлення нею того, що вона своїми діями ставить потерпілого в небезпеку зараження.

Суб'єкт злочину – будь-яка особа, якій виповнилося 16 років і яка знає про своє захворювання.

Частина 2 ст. 130 КК передбачає відповідальність за зараження іншої особи вказаними в ч. 1 цієї статті хворобами особою, яка знала про те, що вона є носієм цього вірусу.

Злочин вважається **закінченим** з моменту, коли потерпілий виявився інфікованим цим вірусом.

Необхідною ознакою **об'єктивної сторони** цього злочину є причинний зв'язок між діянням і зараженням іншої особи, згода якої на таке зараження не виключає відповідальності винного. Якщо не можна встановити, чи заразився потерпілий саме від дій певної особи, останній може відповідати за ч. 1 ст. 130 КК – за поставлення в небезпеку зараження ВІЛ-інфекцією чи іншою невиліковною інфекційною хворобою.

Суб'єктивна сторона цього злочину – лише злочинна самовпевненість. Оскільки закон вимагає усвідомлення особою наявності у неї хвороби, вина у вигляді злочинної недбалості виключається. Умисне зараження вказаними в ст. 130 КК хворобами тягне відповідальність за ч. 4 цієї статті.

Суб'єкт злочину – будь-яка особа, якій виповнилося 16 років і яка страждає на певні захворювання та знає про це.

У частині 3 ст. 130 КК встановлено відповідальність за зараження вказаними хворобами двох чи більше осіб або неповнолітнього.

12. Зараження венеричною хворобою (ст. 133 КК). Це також спеціальний вид тілесного ушкодження. З **об'єктивної сторони** цей злочин полягає в зараженні однією особою іншої венеричною хворобою. До венеричних належать такі інфекційні захворювання, як сифіліс, гонорея, м'який шанкр та ін. Характер венеричного захворювання, методи і тривалість їх лікування, можливість повного одужання не впливають на кваліфікацію злочину. Для відповідальності за ст. 133 КК потрібно лише зараження іншої особи однією з венеричних хвороб. Способи зараження венеричною хворобою можуть бути різними (статеві зносини, задоволення статевої пристрасті неприродним способом, порушення правил гігієни тощо). На кваліфікацію винного вони не впливають.

Потерпілим від злочину може виступати тільки інша особа, згода якої на зараження не виключає відповідальності винного.

Злочин вважається **закінченим** з моменту, коли потерпілий захворів на венеричну хворобу. Це злочин із матеріальним складом, він вимагає, щоб між діянням винного і наслідком, що настав, тобто зараженням потерпілого, був причинний зв'язок.

Із **суб'єктивної сторони** зараження венеричною хворобою може бути вчинене умисно (тобто з прямим або непрямым умислом) або внаслідок злочинної самовпевненості. У законі спеціально встановлено, що відповідальність за ст. 133 КК настає, якщо особа знала про наявність у неї венеричного захворювання, тобто усвідомлювала, що хворіє саме на таку хворобу і що хвороба знаходиться у неї у стані зараження (наприклад, особа вступає в статеві зносини, не закінчивши курсу лікування).

Зараження іншої особи венеричною хворобою внаслідок злочинної недбалості не тягне відповідальності за ст. 133 КК.

Суб'єкт цього злочину – особа, якій виповнилося 16 років та яка хворіє на венеричну хворобу і знає про це.

У частині 2 ст. 133 КК передбачена відповідальність за зараження венеричною хворобою вчинене особою, раніше судимою за зараження іншої особи венеричною хворобою, а також двох чи більше осіб або неповнолітнього, тобто особи, яка не досягла 18 років. Для відповідальності за ч. 2 ст. 133 КК достатньо однієї з указаних обставин.

Частина 3 ст. 133 КК встановлює відповідальність за зараження венеричною хворобою, якщо воно спричинило тяжкі наслідки (наприклад, безплідність, самогубство потерпілого).

Розділ XI. ЗЛОЧИНИ ПРОТИ БЕЗПЕКИ ВИРОБНИЦТВА

§ 1. Поняття та види злочинів проти безпеки виробництва

За сучасних умов важливе значення має охорона безпеки виробництва¹. Відхилення від нормативних приписів та встановлених вимог безпеки, що є на підприємствах, будовах, у шахтах, сільському господарстві, можуть спричинити або спричиняють серйозну шкоду життю і здоров'ю працівників виробництва, сторонніх осіб, власності, довкіллю.

Родовим об'єктом злочинів, що розглядаються, є суспільні відносини, які забезпечують безпеку виробництва. Під **виробництвом** слід розуміти не тільки діяльність, пов'язану безпосередньо зі створенням продукції, а й будь-яку діяльність підприємства, установи, організації чи громадянина – суб'єкта підприємницької діяльності, в основі функціонування якої лежить праця людини, спрямована на одержання суспільно корисного результату.

У ході виробничої діяльності або при використанні її результатів людина зазнає або може бути піддана небезпечним чи шкідливим впливам виробничих факторів найрізноманітнішого характеру і ступеня – механічним, хімічним, тепловим, електричним, електромагнітним тощо. Наявність на виробництві небезпечних і шкідливих факторів зумовлює потребу в станах (умовах), що необхідні для охорони життя, здоров'я, збереження майна, довкілля. Таким станом на виробництві є його

¹ Роз'яснення щодо застосування законодавства про кримінальну відповідальність за злочини проти безпеки виробництва надані в ППВСУ від 12 червня 2009 р. № 7 «Про практику застосування судами України законодавства у справах про злочини проти безпеки виробництва» // Вісн. Верхов. Суду України. – 2009. – № 8. – С. 15-19.

безпека. Безпека виробництва – це такий технічний стан, за якого нейтралізується можливість уражаючого впливу на людей, майно і довкілля небезпечних та шкідливих виробничих факторів. Для забезпечення безпеки виробництва використовуються закони та підзаконні акти, що стосуються різних галузей законодавства (трудового, природоохоронного, цивільного, господарського, адміністративного, кримінального та ін.), а також технічні норми. У цій системі норми кримінального законодавства охороняють відносини безпеки виробництва від найбільш небезпечних посягань.

Безпосередні об'єкти окремих злочинів проти безпеки виробництва входять до системи суспільних відносин, що являють собою родовий об'єкт, хоча й мають свої особливості. Вони залежать передусім від видів безпеки виробництва, рівнів безпеки, характеру можливої шкоди та сфер її поширення.

Необхідною складовою безпеки будь-якого виробництва є безпека праці, яка поділяється на технічну і санітарну, а за рівнями – на безпеку звичайних і підвищено небезпечних робіт. Деякі виробництва (як технічне ціле), окремі речовини (що є предметами праці) мають виняткову небезпечність, що вимагає особливих організаційно-технічних режимів їх функціонування (використання), включаючи спеціальне правове забезпечення. Такими є: вибухонебезпечні виробництва, а також виробництва, в яких використовуються ядерні та радіоактивні матеріали. Нарешті, низка виробництв здатна заподіяти шкоду позавиробничим інтересам у зв'язку з використанням готової промислової продукції, її напівфабрикатів, а також експлуатацією зведених будівель та споруд.

Основними безпосередніми об'єктами цих злочинів є безпека окремих видів виробництв. Додатковими обов'язковими об'єктами всіх злочинів, що посягають на безпеку виробництва, є життя і здоров'я людини, а додатковими факультативними об'єктами злочинів, передбачених статтями 272–275 КК, – власність і довкілля (екологічна безпека).

Потерпілими від цих злочинів можуть бути або тільки працівники виробництва (ст. 271 КК), або і працівники виробництва, і сторонні особи (статті 272–274 КК), або тільки сторонні особи (ст. 275 КК).

З об'єктивної сторони злочини проти безпеки виробництва сконструйовані однотипно. Усі вони описані в законі як злочини з так званим матеріальним складом і тому вимагають встановлення діяння, наслідків і причинного зв'язку.

Суспільно небезпечне діяння як ознака об'єктивної сторони виявляється в порушенні шляхом дії або бездіяльності вимог безпеки, що містяться в правилах безпеки праці та виробництва. При цьому порушення

звичайно становить не одиничну дію (бездіяльність), а є сукупністю діянь (системою), де порушується не одна, а різноманітні вимоги безпеки. Під *порушенням* слід розуміти недотримання або неналежне дотримання вимог безпеки, передбачених правилами, або здійснення в ході виробничої діяльності дій, прямо заборонених правилами.

Злочини проти безпеки виробництва являють собою порушення єдино писаних правил безпеки. Диспозиції статей, що розглядаються, є бланкетними, у зв'язку з чим для їх застосування слід звертатися до законодавчих та інших нормативно-правових актів (постанов, правил, інструкцій, стандартів тощо), що регулюють безпеку виробництва, та з'ясовувати, які з них порушено.

Відповідальність за порушення вимог законодавства щодо безпеки осіб під час здійснення іншої діяльності залежно від конкретних обставин справи настає за статтями КК про злочини проти життя і здоров'я особи, у сфері службової діяльності, проти довкілля тощо.

Обов'язковою ознакою цих злочинів є *суспільно небезпечні наслідки*. Вони можуть бути двох видів. Перший вид наслідків закон пов'язує зі створенням загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків (частини перші статей 272–275 КК). Другий вид наслідків становлять ті, настання яких пов'язане зі спричиненням реальної шкоди. Це «шкода здоров'ю потерпілого» (частини перші статей 271–275 КК); «загибель людей» (частини другі статей 271–275 КК) та «інші тяжкі наслідки» (частини другі статей 271–275 КК).

Створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків має бути реальним, свідчити про виникнення в конкретному виробничому процесі або внаслідок його такого небезпечного стану (загрози), коли з необхідністю можуть настати передбачені законом наслідки. Тяжкість ймовірних наслідків визначається залежно від цінності благ, які поставлено під загрозу, кількості осіб, які можуть постраждати від небезпечних дій, розміру можливої матеріальної шкоди тощо. Ненастання наслідків може бути пов'язане або зі своєчасним припиненням порушення як самим порушником, так і іншими особами, або за «щасливою випадковістю» (наприклад, при руйнації конструкції, коли в зоні її падіння нікого не виявилось).

Шкода здоров'ю потерпілого охоплює види виробничого травматизму або нещасних випадків із сторонніми на виробництві, пов'язані із заподіянням одній особі середньої тяжкості тілесного ушкодження або заподіянням одній чи кільком особам легких тілесних ушкоджень, що спричинили короточасний розлад здоров'я або незначну втрату працездатності.

Загибель людей – це випадки смерті однієї або кількох осіб.

Під *іншими тяжкими наслідками* слід розуміти випадки заподіяння тяжких тілесних ушкоджень одній чи кільком особам або середньої тяжкості тілесних ушкоджень двом і більше особам. Злочини, передбачені статтями 272–275 КК, охоплюють також випадки заподіяння шкоди у великих розмірах підприємствам, установам, організаціям незалежно від форми власності та видів їх діяльності, окремим громадянам, а також довікілью. Однак самого лише заподіяння шкоди у великому розмірі недостатньо для визнання його наслідком злочинів, що розглядаються. Потрібно, щоб такий наслідок був результатом порушення вимог безпеки на виробництві й супроводжувався принаймні створенням загрози життю або здоров'ю людей або заподіянням їм різних за ступенем тяжкості тілесних ушкоджень. В іншому випадку може йтися лише про злочин проти власності або у сфері господарської чи службової діяльності.

У випадках, коли при вчиненні злочинів, передбачених статтями 271–275 КК, одночасно настали наслідки, передбачені різними частинами цих статей, усі ці наслідки мають бути зазначені у відповідному процесуальному документі (постанові, вироку), а дії особи належить кваліфікувати лише за тією частиною статті КК, яка передбачає відповідальність за більш тяжкі наслідки.

Обов'язковою ознакою об'єктивної сторони злочинів, що розглядаються, є *причинний зв'язок* між допущеними порушеннями правил безпеки і реальною шкодою або можливістю її настання. Причинний зв'язок у цих злочинах має низку особливостей. Зокрема, у більшості випадків має місце опосередкований, а не прямий розвиток причинного зв'язку. Крім того, настання наслідку може бути зумовлене порушенням кількох вимог безпеки. Такі порушення можуть бути допущені одним або кількома суб'єктами. Тому у випадках, коли для встановлення причинного зв'язку необхідні наукові, технічні або інші спеціальні знання, призначаються експертизи.

Суб'єктивна сторона злочинів визначається їх об'єктивною стороною. Щодо порушення правил безпеки можуть мати місце умисел або необережність, щодо наслідків – тільки необережність (тобто змішана форма вини або необережність). Ставлення суб'єкта до наслідків є визначальним, тому в цілому злочини проти безпеки виробництва є необережними.

Суб'єкт злочинів проти безпеки виробництва – спеціальний. Це особи, які зобов'язані дотримуватися правил безпеки виробництва. За правовим статусом їх можна поділити на три групи: службові особи та громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності, на що прямо вказано

у ст. 271 КК, в інших випадках це впливає із закону (статті 272–275 КК); робітники і службовці (статті 272–275 КК); сторонні для виробництва особи (статті 273 і 274 КК). Виходячи з виняткової небезпеки вибухо-небезпечних підприємств (цехів), виробництв, де використовуються ядерні та радіоактивні матеріали, сторонні особи, які перебували з дозволу (правомірно) на таких підприємствах (екскурсанти, працівники інших підприємств, установ, організацій та ін.), зобов'язані у встановленому нормативними актами порядку дотримуватися правил безпеки, зміст яких можна сприйняти без спеціальної підготовки. Наприклад, на вибухонебезпечному виробництві – «курити заборонено».

Отже, під злочинами проти безпеки виробництва потрібно розуміти суспільно небезпечні винні діяння, що порушують встановлені законодавчими та іншими нормативно-правовими актами правила безпеки виробництва, які призвели до настання передбачених законом про кримінальну відповідальність суспільно небезпечних наслідків, вчинені суб'єктом злочину.

Виходячи з подібності безпосередніх об'єктів, характеру виробництва та суспільно небезпечних наслідків, потрібно розрізняти:

- злочини у сфері безпеки праці (статті 271 і 272 КК);
- інші злочини у сфері безпеки виробництва (статті 273–275 КК).

§ 2. Злочини у сфері безпеки праці

Порушення вимог законодавства про охорону праці (ст. 271 КК).

У КК цей злочин визначено як «Порушення вимог законодавчих та інших нормативно-правових актів про охорону праці службовою особою підприємства, установи, організації або громадянином – суб'єктом підприємницької діяльності, якщо це порушення заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого...».

Основним безпосереднім об'єктом злочину є суспільні відносини, що забезпечують безпеку праці. Згідно зі стандартами *безпека праці* – це стан умов «стан умов праці, за якого вплив на працівника небезпечних і шкідливих виробничих чинників усунуто, або вплив шкідливих виробничих чинників не перевищує гранично допустимих значень»¹.

Потерпілими від злочину можуть бути тільки особи, які мають постійний чи тимчасовий зв'язок з певним підприємством, установою, організацією чи з виробничою діяльністю громадянина – суб'єкта підприємницької діяльності (безпосередньо працюють, прибули у відрядження, на практику, стажування, або діяльність яких пов'язана

¹ ДСТУ 2293–99. Охорона праці. Терміни та визначення основних понять : затв. 26 березня 1999 р. (п. 4.14). – К. : Держстандарт України, 1999. – С. 4.

з цим виробництвом тощо). Порушення вимог законодавства про охорону праці, що заподіяло шкоду життю або здоров'ю інших громадян, які не пов'язані з певним виробництвом (наприклад, особи, які випадково опинилися на території підприємства, установи, організації), тягне відповідальність за статтями про злочини у сфері службової діяльності або злочини проти життя і здоров'я особи.

Діяння визначено у ст. 271 КК як «Порушення вимог законодавчих та інших нормативно-правових актів про охорону праці...». Диспозиція цієї норми є бланкетною і відсилає до законодавчих та інших нормативно-правових актів (законів, указів, постанов, інструкцій, положень, норм, вказівок, стандартів тощо). Ці акти встановлюють правила з охорони праці, що містять різноманітні вимоги до охорони праці. За характером вимог та їх галузевою спрямованістю розрізняють загальні і спеціальні правила охорони праці. До загальних належать правила, що регулюють питання охорони праці у всіх галузях виробництва. Це Закон України «Про охорону праці» в редакції від 21 листопада 2002 р.¹, а також окремі правила державних міжгалузевих і галузевих актів, що містять вимоги безпеки для всіх галузей виробничої діяльності (наприклад, вимога про проведення первинного інструктажу з техніки безпеки на робочому місці). Спеціальні правила містять вимоги безпеки для однієї галузі або для якоїсь однієї роботи.

Статтею 271 КК не охоплюються порушення спеціальних правил безпеки, які стосуються виконання робіт із підвищеною небезпекою (гірничих, будівельних, інших), діють на вибухонебезпечних підприємствах (цехах), містять вимоги ядерної або радіаційної безпеки, безпечного використання промислової продукції або безпечної експлуатації будівель і споруд. Порушення таких правил потребують кваліфікації за статтями 272–275 КК.

Порушення вимог про охорону праці найчастіше полягають у відсутності необхідного інструктажу або поверховому інструктажі з техніки безпеки, недостатньому нагляді за дотриманням правил охорони праці, неогороженні рухомих частин механізмів, незадовільному санітарно-гігієнічному стані виробничих приміщень і робочих місць, несправності робочого устаткування, інструментів та ін.

За частиною 1 ст. 271 КК наслідком злочину є «шкода здоров'ю потерпілого». Необхідно встановлювати причинний зв'язок між порушенням правил і цим наслідком.

Суб'єктивна сторона злочину характеризується змішаною або необережною формою вини.

¹ Відом. Верхов. Ради України. – 2003. – № 2. – Ст. 10.

Суб'єкт злочину – службова особа підприємства, установи, організації незалежно від форми власності або громадянин – суб'єкт підприємницької діяльності. За статтею 271 КК можуть відповідати лише ті службові особи, які на підставі наказу адміністрації, посадової інструкції чи відповідно до займаної посади мають спеціальні обов'язки щодо охорони праці на певній ділянці роботи або контролю за їх виконанням. Ними можуть бути особи, які спеціально відповідають за забезпечення виробничо-технічної дисципліни на підприємстві чи на окремих його ділянках або керують виконанням тих чи інших робіт, але порушують при цьому вимоги з охорони праці.

У частині 2 ст. 271 КК встановлено відповідальність за те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки.

Допущене службовою особою порушення, якщо воно спричинило вказані в ч. 1 або в ч. 2 ст. 271 КК наслідки та заподіяло одночасно істотну шкоду підприємству, організації або громадянам чи інші тяжкі наслідки, утворює сукупність злочинів, передбачених статтями 271 і 367 КК.

Порушення правил безпеки під час виконання робіт з підвищеною небезпекою (ст. 272 КК) може мати місце на виробництві або будь-якому підприємстві особою, яка зобов'язана їх дотримувати, якщо це порушення створило загрозу загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого.

Численні роботи, що виконуються на виробництві, характеризуються підвищеною небезпекою, оскільки ймовірність настання небезпечної шкоди при їх виконанні є набагато вищою, ніж за звичайних робіт. Це роботи в гірничому і будівельному виробництвах, з високотоксичними промисловими отрутами або електрозварювальні роботи та ін. Порушення правил безпеки при виконанні таких робіт може призвести, наприклад, до обвалів у шахтах, значних за кількістю потерпілих нещасних випадків, падіння людей із висоти, спричинення значної матеріальної шкоди.

Основним безпосереднім об'єктом цього злочину є безпека праці при виконанні робіт із підвищеною небезпекою.

Потерпілим внаслідок злочинних діянь, передбачених ст. 272 КК, є працівник виробництва. За загальним правилом, у випадках заподіяння шкоди стороннім особам відповідальність настає або за злочин у сфері службової діяльності (наприклад, службова недбалість – ст. 367 КК), або за злочин проти життя і здоров'я особи (статті 119, 128 КК). Разом із тим у певних випадках, спеціально передбачених відповідними правилами безпеки проведення робіт з підвищеною небезпекою, сторонні

особи, як і працівники виробництва, можуть бути визнані потерпілими від злочину, передбаченого ст. 272 КК¹.

Діяння являє собою порушення правил безпеки. Воно може бути допущене шляхом дії (наприклад, використання для кріплення перекриття штрків бракованих стійок), *бездіяльності* (наприклад, незабезпечення на висоті безпечними пристосуваннями: приймальними площадками, захисними щитами та ін.) або в їх *поєднанні* (наприклад, направлення робітників на виконання робіт із підвищеною небезпекою без попереднього обстеження місця цих робіт, складання акта про таке обстеження).

Перелік робіт з підвищеною небезпекою надається в нормативно-правових актах. Відповідно до ст. 33 Закону України «Про охорону праці» від 14 жовтня 1992 р. у редакції Закону України від 21 листопада 2002 р. № 229-VI перелік таких робіт затверджується спеціально уповноваженим центральним органом виконавчої влади з нагляду за охороною праці². Цей перелік має чинність на всіх підприємствах, установах і організаціях незалежно від форми власності та видів їх діяльності. До таких робіт належать: підземні роботи на шахтах і рудниках, підземна геологорозвідка, укладення великогабаритних труб у траншеї, роботи на висоті, вантажно-розвантажувальні роботи за допомогою машин і механізмів, електрозварювальні роботи та ін. Для встановлення протиправності діяння необхідно також звертатися до нормативно-правового акта (галузевого або міжгалузевого), яким визначені правила безпеки під час проведення відповідних робіт, що входять до Переліку, враховуючи, що у цьому разі має значення не галузь виробництва, а сам характер таких робіт.

Обов'язковою ознакою об'єктивної сторони є *обстановка* вчинення злочину: «виконання робіт з підвищеною небезпекою на виробництві або будь-якому підприємстві» (ч. 1 ст. 272 КК). Під час виконання таких робіт порушуються правила безпеки.

За статтею 272 КК може наставати відповідальність і при порушенні правил безпеки під час виконання робіт з підвищеною небезпекою у зв'язку з підприємницькою діяльністю, яка здійснюється без передбаченої законом державної реєстрації чи без одержання ліцензії на види

¹ Див., наприклад: Типова інструкція для осіб, відповідальних за безпечне проведення робіт з переміщенням вантажів кранами (п. 2.1.6) : затв. 20 жовт. 1994 р. // Бюл. нормат. актів. – 1995. – № 8. – С. 22

² Перелік робіт з підвищеною небезпекою : затв. наказом Держ. ком. України з нагляду за охороною праці від 26 січ. 2005 р. № 15 // Офіц. вісн. України. – 2005. – № 8. – Ст. 455 (надалі – Перелік).

діяльності, які підлягають ліцензуванню, або з порушенням умов такого ліцензування, а також при зайнятті забороненими видами підприємницької діяльності або діяльності, за яку відповідальність установлено окремими статтями Особливої частини КК. У випадках поєднання порушення правил безпеки під час виконання робіт з підвищеною небезпекою з діями, передбаченими іншими статтями Особливої частини КК, вчинене має кваліфікуватися за сукупністю злочинів, передбачених ст. 272 КК та відповідною статтею Особливої частини КК (п. 10 ППВСУ від 12 червня 2009 р.), наприклад, статтями 203¹, 204, 263 КК.

Наслідками злочину є: створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків; заподіяння шкоди здоров'ю потерпілого. Між порушеннями правил безпеки при виконанні робіт із підвищеною небезпекою і вказаними наслідками необхідно встановлювати причинний зв'язок.

Із *суб'єктивної сторони* злочин, що розглядається, характеризується змішаною або необережною формою вини.

Суб'єкт злочину – *спеціальний*. Це особа, яка зобов'язана дотримувати правил безпеки при виконанні робіт з підвищеною небезпекою. Ним може бути: громадянин – суб'єкт підприємницької діяльності або службова особа (керівник робіт, інженерно-технічний працівник), а також технічний службовець, рядовий працівник відповідного виробництва.

Частина 2 ст. 272 КК встановлює більш сувору відповідальність за те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки.

§ 3. Інші злочини у сфері безпеки виробництва

Порушення правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах (ст. 273 КК) може призвести до вибухів, пожеж, пошкодження або знищення майна, загибелі багатьох людей. Тому такого роду діяння розглядають як одне з найнебезпечніших посягань на безпеку виробництва.

Згідно з ч. 1 ст. 273 КК відповідальність настає за порушення правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах особою, яка зобов'язана їх дотримувати, якщо воно створило загрозу загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого.

Основним безпосереднім об'єктом цього злочину є безпека вибухонебезпечних виробництв (включаючи безпеку праці).

Потерпілими від злочину можуть бути як працівники вибухонебезпечних підприємств (цехів), так і сторонні особи.

Діяння має бути вчинене у визначеному місці – вибухонебезпечному підприємстві або у вибухонебезпечному цеху. До вибухонебезпечних належать підприємства або окремі цехи, що використовують, наприклад, аміак, ацетон, бензин, бутан, доменний газ, силовий газ, метан, спирт, толуол, коксовий газ, ефір, сірководень, сірковуглець, уайт-спірит як сировину або основний продукт, або ці речовини виділяються при виробництві. Вибухонебезпечними визнаються підприємства і цехи, що виробляють вибухонебезпечні речовини, порох і боєприпаси. До вибухонебезпечних належать також деякі цехи збагачувальних і брикетних фабрик (наприклад, цех термічного сушіння, подрібнювальний і пресувальний цехи). Це може бути і хімічна лабораторія, де в результаті різноманітних дослідів утворюються вибухонебезпечні речовини. До вибухонебезпечних підприємств належать і шахти, небезпечні через можливість виділення газу (метану) або через наявність вугільного, сірчаного або сульфідного пилу, це також шахти з розробки вугільних пластів, схильних до раптових викидів вугілля і газу або ж до самозаймання копалини.

Відповідальність за ст. 273 КК може настати при вибухах речовин, що зумовили визнання підприємства (цеху) вибухонебезпечним.

Належність підприємства (цеху) до вибухонебезпечних визначається не характером наслідків, що настали, а категорією і класом виробництва, встановленими технологічним регламентом. Ці категорії, класи і подібні до них характеристики встановлюються проектними організаціями, міністерствами, виробничими об'єднаннями, Держгірпромнаглядом та його територіальними органами і деякими іншими організаціями як для підприємства в цілому, так і для окремого його комплексу, а також для різноманітних основних (цех, ділянка, відділення) і допоміжних (склади, лабораторії) виробничих підрозділів, зовнішнього обладнання, вугільних пластів та інших об'єктів промисловості, сільськогосподарських та інших підприємств.

Не можна кваліфікувати за ст. 272 КК діяння, що викликало вибух і заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого або загибель людей на виробництві, не віднесеному в установленому порядку до вибухонебезпечного.

Порушення правил, що забезпечують безпеку виробництва на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах, може полягати в палінні у приміщенні вибухонебезпечного цеху, користуванні відкритим вогнем у газовій (метановій) шахті, веденні робіт за відсутності належної вентиляції тощо.

За частиною 1 ст. 273 КК *наслідками* злочину є: створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяння

шкоди здоров'ю потерпілого. Між порушеннями правил безпеки і вказаними наслідками необхідно встановлювати *причинний зв'язок*.

Суб'єктивна сторона злочину характеризується змішаною або необережною формою вини.

Суб'єкт – *спеціальний*: особа, яка зобов'язана дотримувати правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах. Ними можуть бути: громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності; службові особи (керівники підприємств, головні інженери, начальники цехів, їхні заступники, механіки, завідувачі вентиляцією, начальники ділянок, майстри тощо), робітники та службовці вибухонебезпечних цехів і підприємств. Сторонні для цих виробництв особи, які перебували з дозволу відповідних посадових осіб (правомірно) на таких підприємствах (практиканти, працівники інших установ та організацій, екскурсанти тощо), внаслідок реальної можливості усвідомлювати особливу небезпечність таких виробництв також можуть нести відповідальність за ст. 273 КК, якщо до їхнього відома у встановленому порядку були доведені вимоги щодо необхідності дотримання правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах.

Частина 2 ст. 273 КК встановлює відповідальність за те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки.

Порушення правил ядерної або радіаційної безпеки (ст. 274 КК). У частині 1 цієї статті передбачено відповідальність за порушення на виробництві правил ядерної або радіаційної безпеки особою, яка зобов'язана їх дотримувати, якщо воно створило загрозу загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого. Такі порушення можуть спричинити винятково тяжкі наслідки: людські жертви, вибухи, знищення або пошкодження атомних реакторів та інших експлуатаційних установок, радіоактивне забруднення місцевості, опромінення населення.

Основним безпосереднім об'єктом цього злочину є ядерна або радіаційна безпека виробництва (включаючи безпеку праці).

Ядерна безпека – це дотримання норм, стандартів і умов використання ядерних матеріалів з метою забезпечення радіаційної безпеки.

Радіаційна безпека – дотримання допустимих меж радіаційного впливу на персонал, населення і довкілля, що встановлені нормами, правилами та стандартами з ядерної та радіаційної безпеки.

Потерпілими від злочину можуть бути як працівники виробництва, на якому використовуються ядерні або радіоактивні матеріали, так і особи, які не мають до такого виробництва стосунку.

Обов'язковою ознакою **об'єктивної сторони** є місце вчинення злочину – це виробництво, де використовуються ядерні або радіоактивні матеріали. До *виробництв, де використовуються ядерні матеріали*, належать атомні станції, споруди і комплекси з промисловими, експериментальними і дослідницькими ядерними реакторами і ядерними стендами тощо. До *виробництв, де містяться радіоактивні матеріали*, належать, зокрема, сховища радіоактивних відходів. *Ядерними матеріалами* є: уран, плутоній, торій у вигляді металу, сплаву, хімічного концентрату, якийсь інший матеріал, що містить зазначені речовини у певній концентрації. *Радіоактивні матеріали* – це матеріали, здатні до самовільного поділу, що супроводжується виділенням тепла, а також альфа-, бета і гамма-випромінюванням.

Основним нормативним актом, що регулює безпеку використання ядерних і радіоактивних матеріалів, у тому числі на виробництві, є Закон України «Про використання ядерної енергії та радіаційну безпеку» від 8 лютого 1995 р.¹

Порушеннями правил ядерної або радіаційної безпеки можуть бути: допуск до роботи осіб, які не мають права працювати на об'єктах атомної енергетики, порушення фізичного захисту атомних реакторів або установок, в яких використовуються радіоактивні матеріали, тощо.

Наслідками злочину, передбаченого ч. 1 ст. 274 КК, є: створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяння шкоди здоров'ю потерпілого. Між порушеннями правил і вказаними наслідками потрібно встановлювати *причинний зв'язок*.

Із **суб'єктивної сторони** злочин, що розглядається, може мати змішану або необережну форму вини.

Суб'єктам злочину можуть бути: громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності, службові особи, робітники та службовці, сторонні виробництву особи, які зобов'язані додержуватися на виробництві правил ядерної чи радіаційної безпеки.

Частина 2 ст. 274 КК встановлює відповідальність за те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки.

Порушення правил, що стосуються безпечного використання промислової продукції або безпечної експлуатації будівель і споруд (ст. 275 КК). У частині 1 цієї статті злочин описано як порушення під час розроблення, конструювання, виготовлення чи зберігання промислової продукції правил, що стосуються безпечного її використання, а також порушення під час проектування чи будівництва правил, що стосуються безпечної експлуатації будівель і споруд, особою, яка

¹ Відом. Верхов. Ради України. – 1995. – № 12. – Ст. 81.

зобов'язана дотримувати таких правил, якщо це створило загрозу загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого.

Небезпека таких порушень полягає в тому, що вони можуть спричинити під час використання продукції небезпечні для її споживача наслідки: вибух, пожежу, техногенну аварію, руйнацію будівель і споруд, що супроводжуються нещасними випадками, знищенням майна.

Заподіяння шкоди у процесі створення промислової продукції внаслідок порушення правил охорони праці ст. 275 КК не охоплюється. За наявності відповідних підстав такі дії слід кваліфікувати за ст. 271 КК.

Основним безпосереднім об'єктом злочину є безпека використання промислової продукції та безпека експлуатації будівель і споруд.

Потерпілими від злочину є споживачі промислової продукції: ті, хто працює на даному або інших виробництвах; користуються нею в побуті; а також особи, які працюють, проживають або іншим чином використовують будівлі та споруди.

З об'єктивної сторони злочин може бути спричинений порушенням правил, що забезпечують використання промислової продукції, при розробленні або конструюванні такої продукції (наприклад, серйозні прорахунки при розробці ракет-носіїв, авіаційних двигунів, турбін та ін.) або у процесі її виготовлення чи зберігання. Так, при виготовленні продукції може бути використано недоброякісні матеріали, а при її зберіганні порушено, наприклад, вимоги температурних режимів або вологості сховищ. Крім того, з об'єктивної сторони злочин може полягати у порушенні правил безпеки при проектуванні або зведенні будівель і споруд (наприклад, помилки, допущені при проектуванні, або деконструктивні відхилення від встановлених технологій будівництва мостів, висотних споруд, складних перекриттів, виступаючих елементів будівель тощо).

Наслідками злочину, що передбачений ч. 1 ст. 275 КК, є: створення загрози загибелі людей або настання інших тяжких наслідків; заподіяння шкоди здоров'ю потерпілого. Між порушеннями правил і вказаними наслідками має бути встановлено *причинний зв'язок*.

Із **суб'єктивної сторони** злочин, що розглядається, може мати змішану або необережну форму вини.

Суб'єктом злочину можуть бути: громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності, а також службові особи, конструктори, проектувальники, працівники промислового або будівельного виробництва, які зобов'язані дотримувати правил, що стосуються безпечного використання промислової продукції або безпечної експлуатації будівель і споруд.

Частина 2 ст. 275 КК встановлює відповідальність за те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки.

Злочин, передбачений ст. 275 КК, слід відмежовувати від злочину, передбаченого ст. 227 КК, – *умисне* введення в обіг на ринку України (випуск на ринок України) небезпечної продукції, якщо такі дії вчинені у великих розмірах (коли вартість такої продукції перевищує 500 н. м. д. г.). Предметом злочину, передбаченого ст. 275 КК, також може бути недоброякісна промислова продукція, що не відповідає вимогам якості, які забезпечують її використання, тобто у цій частині предмет такий самий, як і для злочину, передбаченого ст. 227 КК. Однак для застосування ст. 275 КК необхідно, щоб при використанні такої продукції (товару) була створена реальна загроза загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяна шкода здоров'ю потерпілого. Ще більш небезпечні наслідки передбачені у ч. 2: загибель людей або інші тяжкі наслідки. У таких випадках особа, яка при розробленні, конструюванні, виготовленні або зберіганні продукції припустилася порушення правил, що стосуються безпечного її використання, несе відповідальність за ч. 1 або ч. 2 ст. 275 КК. За відсутності перелічених вище наслідків дії особи необхідно кваліфікувати за ст. 227 КК за умови, що вони були вчинені умисно та у великих розмірах. На відміну від ст. 227 КК за ст. 275 КК ставлення винної особи до порушень зазначених правил може бути як умисним, так і необережним, а до наслідків – лише необережним.

ДОВІДКОВІ ВИДАННЯ ТА СТАТТІ ДО ЕНЦИКЛОПЕДІЙ

ЗЛОЧИНИ ПРОТИ ОБОРОНОЗДАТНОСТІ ДЕРЖАВИ*

Злочини проти обороноздатності держави – суспільно небезпечні діяння, що посягають на основи державного управління у сфері обороноздатності країни. Відповідно до *Кримінального кодексу України* такими є: розголошення *державної таємниці* (ст. 67 КК), втрата документів, що містять державну таємницю (ст. 68), передача іноземним організаціям відомостей, що становлять *службову таємницю* (ст. 68¹), ухилення від призову на строкову *військову службу* (ст. 72), ухилення від призову за мобілізацією (ст. 73), незаконне перетинання *державного кордону України* (ст. 75), порушення правил міжнародних польотів (ст. 76).

Відповідальність за розголошення державної таємниці настає, коли розголошення відомостей здійснене особою, якій ці відомості довірені або стали відомі по службі чи роботі, за відсутності ознак державної зради або шпигунства. Розголошення може бути вчинено як умисно, так і з необережності. За втрату документів, що містять державну таємницю, а також предметів, відомості про які становлять державну таємницю, підлягають відповідальності особи, котрим ці документи чи предмети довірені, якщо втрата стала наслідком порушення встановлених правил поводження з ними. Правила зберігання можуть бути порушені як умисно, так і з необережності.

Передача іноземним організаціям відомостей, що становлять служб. таємницю, передбачає відповідальність, коли передача або збирання з метою передачі іноземним організаціям чи їх представникам екол., н.-т. чи

* Юридична енциклопедія: в 6 т. / Редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К.: “Укр. енцикл.”, 1999. – Т. 2: Д – Й. – С. 621-622.

інших відомостей, що становлять таку таємницю, здійснені особою, якій вони довірені або стали відомі по службі чи роботі. Суб'єктивна сторона цього злочину характеризується умислом.

Ухилення від призову на строкову військ. службу та ухилення від призову за мобілізацією посягають на встановлений порядок комплектування Збройних Сил України. Суб'єктом ухилення від призову на строкову військ. службу можуть бути лише призовники, що підлягають призову на строкову службу. Призовники, які призиваються для проходження альтернативної (невійськової) служби, не є суб'єктами цього злочину. Суб'єктами ухилення від призову за мобілізацією є військово-зобов'язані, що перебувають у запасі, а також ін. особи, які відповідно до законодавчих актів України підлягають мобілізації.

Незаконне перетинання державного кордону передбачає відповідальність за умисне перетинання державного кордону України її громадянином, іноземним громадянином чи особою без громадянства будь-яким способом поза пунктами пропуску через державний кордон або в пунктах пропуску, але без установлених документів чи дозволу відповідних органів влади. Чинність ст. 75 КК не поширюється на випадки прибуття в Україну іноземних громадян чи осіб без громадянства без установленого док-та або дозволу для використання права притулку відповідно до Конституції України, а також з метою набуття статусу біженця.

Відповідальність за порушення правил міжнародних польотів настає за приліт в Україну або виліт з України без відповідного дозволу, а також при недотриманні зазначених у дозволі маршрутів, місць посадки, повітряних воріт чи висоти польотів. Злочин можливий за наявності умислу або необережності.

ВІД УКЛАДАЧІВ КРИМІНАЛЬНОГО КОДЕКСУ УКРАЇНИ*

5 квітня 2001 року на сесії Верховної Ради України був прийнятий новий Кримінальний кодекс України. Прийняття такого важливого нормативного акту є одним із значних кроків на шляху становлення України як правової держави. Як сама структура нового Кримінального кодексу України, так і зміст його приписів свідчать про те, що пріоритетний напрям у боротьбі зі злочинністю набуває правове забезпечення охорони прав і свобод людини і громадянина, власності, громадського порядку і громадської безпеки.

* Кримінальний кодекс України: Учбово-довідковий посібник. – Харків: Одиссей, 2001. – С. 3-4 (у співавт. з Ю. В. Бауліним та В. І. Тютюгіним).

Згідно ст. 1 Прикінцевих та Перехідних Положень нового Кримінального кодексу України він набирає чинності 1 вересня 2001 року. Однак вже в даний час виникла нагальна потреба в ознайомленні громадськості зі змістом нового КК, у вивченні й осмисленні його норм і приписів. Це диктується не тільки і, може бути, навіть не стільки тим, що в новому КК міститься досить багато статей (447), але й пояснюється насамперед тим, що переважна більшість норм Кримінального кодексу України 2001 року не мають аналогів у нині діючому КК 1960 року. Принципово нові підходи намічені й у рішенні цілого ряду «традиційних» кримінально-правових інститутів. Достатньо послатися на те, що до КК України 2001 року включено цілу низку нових положень у норми, які регламентують, наприклад, класифікацію злочинів по ступеню їхньої тяжкості, обставини, що виключають злочинність діяння, співучасть у злочині, систему та види покарань, призначення покарання, запропонована нова структура і зміст Особливої частини КК та ін.

З огляду на викладене, укладачі цього видання – викладачі кафедри кримінального права Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого, пропонують увазі читача текст нового Кримінального кодексу України 2001 року. Це видання не є офіційним, однак воно являє собою текст Кримінального кодексу України, який 5 квітня 2001 року був прийнятий Верховною Радою України і 18 травня 2001 року підписаний Президентом України.

Запропоноване видання слід розглядати як учбово-довідковий посібник, що має на меті допомогти насамперед студентам і викладачам юридичних навчальних закладів у вивченні й освоєнні положень нового Кримінального кодексу України. Воно може бути корисним для юристів-практиків, а також для всіх тих, хто цікавиться проблемами кримінального права.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЛОВАРЮ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ*

Унификация понятийного аппарата в криминологии является одной из актуальных задач, поскольку криминология, как междисциплинарная наука, использует категориальный аппарат многих общественных и естественных наук и очень часто в различном их понимании. Это создает

* Словарь криминологических и статистических терминов // Составители: Кальман А. Г., Христич И. А. – Харьков: Гимназия, 2001. – С. 3.

определенные трудности для единообразного понимания криминологически значимых явлений и процессов и развития криминологической теории в целом. Поэтому создание и совершенствование своего понятийного аппарата через призму детерминации преступного поведения и решения профилактических задач противодействия преступным проявлениям является одной из основных методологических проблем, решению которых авторы попытались способствовать, предлагая этот словарь.

Основная цель словаря – дать краткое пояснение наиболее распространенным и употребляемым словам, терминам и методам, которые применяются при проведении криминологических и статистических исследований преступности.

Предлагаемый словарь предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов, практических работников, непосредственно занимающихся проблемами криминологии и уголовно правовой статистики.

Данное издание может использоваться в научных и учебных целях при чтении и изучении курсов «Криминология» и «Правовая статистика».

АНАЛОГІЯ ЗАКОНУ ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ*

Аналогія Закону про кримінальну відповідальність – специфічний спосіб прийняття значущого прав. рішення у разі прогалин у законодавстві, що стосуються певного випадку. Таке рішення приймається на основі закону, яким охороняються близькі за змістом сусп. відносини або регулюються подібні правовідносини. До 1958 в Україні застосування закону за аналогією допускалося кримінальним законодавством (ч. 3 ст. 3 Основних засад кримінального законодавства Союзу РСР та союзних республік 1924; ч. 2 ст. 7 КК УСРР 1927). Відповідно до положень цих статей було можливим застосування до суспільно небезпечного діяння, що не передбачалося кримінальним законом на час його вчинення, норми КК, якою було встановлено кримінальну відповідальність за найбільш схожий за важливістю і характером злочин. КК 2001 у ч. 4 ст. 3 заборонив застосування закону про кримінальну відповідальність за аналогією. Така заборона означає виключення можливості притягнення будь-якої особи до кримінальної

* Велика українська юридична енциклопедія. – Х.: Право. – Т. 17: Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін.; Нац. акад. прав. наук України; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 11.

відповідальності за схоже, але безпосередньо не встановлене у КК суспільно небезпечного діяння. Заборона А. з. п. к. в. має на меті зменшення ймовірності порушення прав, свобод і закон. інтересів громадян при їх притягненні до кримінальної відповідальності, яка можлива тільки за вчинення злочину. Вичерпний перелік злочинів передбачений у нормах Особливої частини КК. Неможливе застосування за аналогією і норм Загальної частини КК, що іноді мало місце на практиці, коли діяв КК 1960. Притягнення до кримінальної відповідальності певної особи, як і застосування до неї покарання та (або) інших заходів кримінально-правового характеру, можливе лише у межах, установлених законодавством України про кримінальну відповідальність, у повній відповідності до його положень.

Література:

1. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М., 1974.
2. Рощина І. Принципи та аналогія у кримінальному праві України // Право України, 2007. – № 8.
3. Погребняк С. Аналогія у праві // Філософія права і загальна теорія права, 2014, № 1/2.

ВИДАЧА ЗЛОЧИНЦЯ*

Видача злочинця, екстрадиція – видача особи, яка вчинила злочин, однією державою (яку запитують), на території якої ця особа перебуває, іншій державі (яка запитує), на території якої було вчинено злочин або громадянином якої вона є. Питання видачі злочинця регулюється як внутрішнім законодавством, так і міжнародними угодами – двосторонніми та багатосторонніми (Європейською конвенцією про видачу правопорушників 1957, Конвенцією про передачу засуджених осіб 1983 та ін.). Видача злочинця є суверенним правом держави. Обов'язок екстрадиції виникає у неї на підставі взятих на себе міжнародних зобов'язань. КК питання видачі злочинця вирішує в нормах ст. 10. У ч. 2 цієї статті передбачено видачу особи, яка вчинила злочин, для притягнення до кримінальної відповідальності і віддання до суду. Підставою видачі злочину є вчинення особою суспільно небезпечного діяння, яке відповідно до законодавства України та законодавства запитуючої держави є кримінально караним. Принципове значення для вирішення питання щодо видачі особи, яка вчинила злочин, має її громадянство. Ст. 10 КК

* Велика українська юридична енциклопедія. – Х.: Право. – Т. 17: Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін. ; Нац.акад. прав. наук України; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 60-61.

допускає видачу лише іноземців та осіб без громадянства. Відповідно до ч. 2 ст. 25 Конституції України у ч. 1 ст. 10 КК встановлено обмеження щодо можливості видачі гр-н України, якщо вони вчинили злочини поза межами України. Такі особи не можуть бути видані іноземній державі для притягнення до кримінальної відповідальності та віддання до суду. Зазначене обмеження стосується лише нац. юрисдикції.

На відміну від видачі, на підставі міжнародних договорів, ратифікованих Україною, можлива передача громадян України для здійснення кримінального переслідування як уповноваженому міжнародному суду (Рішення КС України від 11.07.2001 «Справа про Римський статут»), так і іншій державі (так, 15.11.2006 ВР України ратифікувала своїм законом Угоду про незаконний обіг на морі, укладену на виконання ст. 17 Конвенції ООН про боротьбу проти незаконного обігу наркотичних засобів і психотропних речовин 1988. Законом проголошено: «Україна заявляє, що, діючи як інтервенуюча Держава, вона здійснюватиме таку інтервенцію за умови, що особи, які мають її громадянство та були передані Державі прапору згідно зі ст. 15 Угоди і там засуджені за відповідне правопорушення, матимуть можливість бути передані назад в Україну для відбування призначеного покарання»).

Відповідно до норм конституційного права України не підлягають видачі іншій державі іноземці та особи без громадянства, яким Україною було надано притулок у порядку, встановленому законом (ст. 26 Конституції України).

Література:

1. Свищуленко М. Законодавча регламентація екстрадиції в Україні // Вісник прокуратури, 2003. – № 12.
2. Озерська А. В., Озерський І. В. Екстрадиція: кримінально-правовий аналіз // Економіка, фінанси, право, 2005. – № 3.
3. Нестеренко С. С. Міжнародно-правовий захист прав людини при здійсненні екстрадиції. – О., 2011.

ЗВОРотНА діЯ ЗАКОНУ ПРО КРИМіНАЛЬНУ ВідПОВіДАЛЬНіСТЬ*

Зворотна дія Закону про кримінальну відповідальність – випадки поширення нового закону на діяння, вчинені до набрання ним чинності.

* Велика українська юридична енциклопедія. – Х.: Право. – Т. 17: Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін.; Нац. акад. прав. наук України; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 271-272.

У ч. 2 ст. 4 КК закріплене загальне правило про те, що злочинність і караність діяння, а також інші кримінально-правові наслідки визначаються законом про кримінальну відповідальність, що діяв на час вчинення цього діяння. Однак закон про кримінальну відповідальність, що скасовує злочинність діяння, пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи, має зворотну дію у часі (ч. 1 ст. 5 КК). Скасування злочинності діяння є його декриміналізація, тобто віднесення законодавцем діяння із розряду злочинних до незлочинних (до правомірних діянь або до правопорушень ін. виду, наприклад, до адміністративних правопорушень). Так, Законом України від 18.05.2004 № 1723-IV із КК була виключена ст. 331, яка передбачала кримінальну відповідальність за незаконне перетинання державного кордону. Пом'якшення кримінальної відповідальності полягає у законодавчому зменшенні передбачених КК обмежень прав і свобод, що можуть бути застосовані до особи, яка вчинила злочин. Насамперед, пом'якшення кримінальної відповідальності має місце у випадках пом'якшення покарання новим законом. Зокрема, пом'якшує покарання закон, за яким максимальна і мінімальна межа того чи іншого виду покарання нижча, ніж у раніше чинному законодавстві, або такий, що встановлює альтернативну санкцію, яка дозволяє призначити м'якше покарання. Пом'якшення кримінальної відповідальності має місце також у випадках: уведення нових підстав звільнення від кримінальної відповідальності, розширення переліку обставин, що пом'якшують покарання; спрощення умов призначення більш м'якого покарання, ніж передбачено законом; розширення кола підстав звільнення від покарання; скорочення строків судимості.

Під законами, що іншим чином поліпшують становище особи, слід розуміти закони, які змінюють на користь особи положення про примусові заходи медичного характеру чи примусове лікування; скасовують можливість застосування або звужують обсяг так званої «спеціальної конфіскації» тощо.

Якщо закон про кримінальну відповідальність частково пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи й одночасно частково посилює кримінальну відповідальність або іншим чином погіршує становище особи, то він має зворотну дію у часі лише в тій частині, що пом'якшує кримінальну відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи (ч. 3 ст. 5 КК). Якщо після вчинення особою діяння, передбаченого КК, закон про кримінальну відповідальність змінювався кілька разів, зворотну дію в часі має той закон, що скасовує злочинність діяння, пом'якшує кримінальну

відповідальність або іншим чином поліпшує становище особи (ч. 4 ст. 5 КК).

Правило про зворотну дію закону про кримінальну відповідальність у часі поширюється на осіб, які вчинили відповідно діяння до набрання новим законом чинності, у тому числі на осіб, які відбувають покарання або відбули покарання, але мають судимість.

У ч. 2 ст. 5 КК міститься спеціальна вказівка про те, що закон про кримінальну відповідальність, що встановлює злочинність діяння, посилює кримінальну відповідальність або іншим чином погіршує становище особи, не має зворотної дії в часі.

Література:

1. Воробей П. А., Коржанський М. Й., Щупаковський В. М. Завдання і дія кримінального закону. – К., 1997.
2. Борисов В. І., Пономаренко Ю. А. Законодавство про кримінальну відповідальність та його чинність у часі // Законодавство України. Науково-практичні коментарі, 2003, № 8.
3. Пономаренко Ю. А. Чинність і дія кримінального закону у часі. – К., 2005.

ЗМІШАНА ФОРМА ВИНИ*

Змішана форма вини – різне псих. ставлення особи у формі умислу або необережності до вчинюваного нею діяння (дії, бездіяльності) та його наслідків, що відповідають ознакам одного й того самого злочину. Поняття змішаної форми вини (іноді її називають складною, подвійною або комбінованою) розроблено наукою кримінального права на підставі досліджень злочинів, у яких об'єктивна сторона за своїм характером є складною, що й має відбивати вина. Виділяють 3 групи злочинів зі змішаною формою вини. Перша – злочини, в яких діяння (дія, бездіяльність), що являє собою порушення певних правил, само по собі, окремо від наслідків, є адміністративним чи дисциплінарним правопорушенням, і тільки настання суспільно небезпечних наслідків, причинно пов'язаних із діянням, робить все вчинене злочином. Наприклад, порушення вимог законодавства про охорону праці, що заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого (ч. 1 ст. 271 КК). При вчиненні цього злочину порушення правил може бути як умисним, так і необережним, але ставлення до наслідків тільки необережним Тому, коли винний порушує

* Велика українська юридична енциклопедія. – Х.: Право. – Т. 17: Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін. ; Нац.акад. прав. наук України; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 392-394.

правила умисно, то має місце змішана форма вини: до діяння – умисел, а до наслідків – необережність. Характерним для другої групи злочинів є те, що само по собі умисне діяння (дія, бездіяльність) визнається законодавцем злочином. Формулюючи ознаки злочину у ч. 1 статті (напр., ч. 1 ст. 269 КК – незаконне перевезення на повітряному судні вибухових або легкозаймистих речовин), законодавець визначає відповідальність за сам факт учинення певного діяння, тобто за злочин із форм. складом, суб'єктивна сторона якого полягає тільки у прямому умислі. Але, якщо той самий злочин вчиняється за наявності обтяжуючих чи особливо обтяжуючих обставин, що виражаються у спричиненні певних наслідків (напр., ч. 2 ст. 269 КК), його суб'єктивна сторона ускладнюється, оскільки стосовно діяння (дії чи бездіяльності) вина може бути тільки умисною, а псих. ставлення до наслідків може виражатися як в умисній, так і необережній формі вини. В останньому випадку також має місце 3. ф. в.: до діяння – умисел, а до наслідків – необережність. У третій групі злочинів складність об'єктивної сторони полягає в тому, що передбачене законом умисне діяння спричиняє 2 різних наслідки: перший (найближчий) є обов'язковою ознакою об'єктивної сторони основного (простого) складу злочину, а другий (віддалений) – обтяжуючою або особливо обтяжуючою обставиною. У цих злочинах і щодо діяння, і щодо першого, обов'язкового наслідку, суб'єктивна сторона виражається в умислі, а щодо другого наслідку (який є обтяжуючою обставиною) – тільки в необережності. Так, якщо проаналізувати суб'єктивну сторону умисного тяжкого тілесного ушкодження, яке спричинило смерть потерпілого (ч. 2 ст. 121 КК), то щодо діяння (напр., пострілу з рушниці) і заподіяння тяжкого тілесного ушкодження (першого, найближчого наслідку) у винного може бути тільки умисел, а щодо другого (віддаленого) наслідку – смерті потерпілого – тільки необережність.

За наявності змішаної форми вини слід вирішувати питання про те, яким у цілому є злочин, вчинений особою, – умисним чи необережним. Для злочинів першої групи ставлення до наслідків зумовлює віднесення таких злочинів у цілому до необережних. Злочини другої групи у цілому визнаються умисними, оскільки визначальним є ставлення до діяння, що само по собі визначене в законі як умисний злочин. Злочини третьої групи також є умисними, оскільки визначальним для них є ставлення до ознак об'єктивної сторони, що становлять основний (простий) склад злочину. Саме умисне ставлення до діяння і найближчого наслідку визначає спрямованість злочину, його суспільну небезпечність.

Значення змішаної форми вини полягає в тому, що вона дає можливість: визначити ступінь тяжкості вчиненого злочину; надати правильну кваліфікацію; відмежувати близькі за об'єктивними ознаками злочини тощо.

Погляди науковців на теорію змішаної форми вини достатньо різноманітні. Вони стосуються назви та видів такої вини, змісту псих. ставлення до діяння та наслідків, кількості груп тощо. Виділяється точка зору, згідно з якою вина у злочинах, що підпадають під другу та третю із зазначених груп, є подвійною, оскільки в межах одного злочину одночасно містяться як усі ознаки, притаманні умисній формі вини, так і всі ознаки, що притаманні необережній формі вини. На думку прибічників цієї точки зору, змішана форма вини притаманна лише злочинам першої групи, оскільки в межах одного злочину одночасно містяться лише деякі ознаки умислу та всі ознаки, що притаманні необережній формі вини. Нарешті, окремі науковці взагалі заперечують теорію змішаної форми вини.

Література:

1. Пинаев А. А. Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины. – Х., 1984.
2. Вереша Р. В. Поняття вини як елемент змісту кримінального права України. – К., 2005.
3. Крайник Г. С. Змішана форма вини у теорії кримінального права // Криміналіст першодрукований, 2014. – № 8.

НЕВИННЕ СПРИЧИНЕННЯ ШКОДИ*

Невинне спричинення шкоди (від лат. casus – випадок, казус) – у кримінальному праві розглядається як самостійний вид психічного ставлення до суспільно небезпечних наслідків, яке виключає вину в поведінці особи. Невинне спричинення шкоди у судовій практиці зустрічається нерідко. Пов'язані з невинним спричиненням шкоди правового рішення достатньо актуальні, оскільки йдеться про наявність або відсутність вини у кожному випадку. Особливо часто невинне спричинення шкоди зустрічається при заподіянні шкоди життю та здоров'ю людині, вироб. травматизмі, порушенні правил безпеки руху та експлуатації транспорту. Невинне спричинення шкоди має місце, коли суспільно небезпечні наслідки, що настали, перебувають у причинному зв'язку з діянням (дією або бездіяльністю) особи, яка не тільки не передбачала можли-

* Велика українська юридична енциклопедія. – Х.: Право. – Т. 17: Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін. ; Нац.акад. прав. наук України; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 546-547.

вості їх настання, а й не могла їх передбачити. На відміну від злочинної недбалості, невинне спричинення шкоди характеризується відсутністю суб'єктивного критерію – особа не могла передбачати суспільно небезпечні наслідки. Нemoжливiсть передбачити такі наслідки може бути зумовлена як суб'єктивними особливостями людини (брак необхідних знань, навичок, досвіду, слабкі розумові здібності, хвороба тощо), так і тією конкретною обстановкою, в якій було вчинене діяння, що спричинило шкоду. Невинне спричинення шкоди виключає кримінальну відповідальність за відсутністю вини, а отже, і складу злочину в поведінці особи.

Література:

1. Преступная неосторожность (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / И. П. Лановенко, Ф. А. Лопушанский, А. Н. Костенко и др. – К., 1992.
2. Вереша Р. В. Поняття вини як елемент змісту кримінального права України. – К., 2005.

САНКЦІЯ КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВА*

Санкція кримінально-правова – структурний елемент норми Особливої частини КК. У санкції кримінально-правовій зазначено вид і розмір покарання, що може бути призначено особі, яка вчинила злочин, ознаки якого визначені в диспозиції норми Особливої частини КК. Санкція кримінально-правова застосовується виключно судом. Санкція кримінально-правова є каральною, однак її застосування має на меті не тільки кару, а й виправлення засуджених, а також запобігання вчиненню нових злочинів як засудженими, так і ін. особами. У КК для призначення покарань використовуються відносно визначені, альтернативні та кумулятивні санкції.

Відносно визначеною є санкція, яка вказує на один вид покарання та визначає його межі. КК передбачає 2 її різновиди: санкція, в якій визначені як нижча (мінімум), так і вища (максимум) межі одного виду покарання (на строк «від» і «до» або у розмірі «від» і «до») і санкція, в якій зазначена лише вища (максимум) межа покарання (на строк «до»). Напр., хуліганство (ч. 4 ст. 296 КК) карається позбавленням волі на строк від 3-х до 7-ми років; протидія законній господарській діяльності

* Велика українська юридична енциклопедія. – Х.: Право. – Т. 17: Кримінальне право / редкол.: В. Я. Тацій (голова), В. І. Борисов (заст. голови) та ін.; Нац.акад. прав. наук України; Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. – 2017. – С. 871-872.

(ч. 1 ст. 206 КК) карається штрафом від 1 тис. до 3 тис. н.м.д.г. Інша різновидність має місце, наприклад, у ч. 1 ст. 153 КК «Насильницьке задоволення статевої пристрасті неприродним способом», санкція якої передбачає покарання у виді позбавлення волі на строк до 5-ти років. Понад зазначений строк суд за ч. 1 ст. 153 КК призначити покарання не може. Нижчою межею санкції тут є нижча межа, встановлена в нормі Загальної частини КК для цього виду покарання. У наведеному випадку – 1 рік (ст. 63 КК).

Альтернативною є санкція, в якій міститься вказівка на 2 або декілька видів основних покарань, з яких суд вибирає лише одне. Така санкція надає суду більш широкі можливості для обрання необхідного покарання. Прикладом може бути санкція, що наведена у нормі ст. 145 КК. Вона надає суду можливість призначити один із таких видів покарання: штраф до 50 н. м. д. г. або громад. роботи на строк до 240 год, або позбавлення права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до 3-х років, або випр. роботи на строк до 2-х років. Альтернативні санкції мають різновиди: санкція, в якій вказані відносно визначений і абсолютно визначений види покарання (напр., санкція у ст. 443 КК – «карається позбавленням волі на строк від 8 до 15 років або довічним позбавленням волі»), і санкція, в якій вказані 2 або більше відносно визначені види покарання (напр., санкція у ч. 1 ст. 129 КК – «карається арештом на строк до 6 місяців або обмеженням волі на строк до 2 років»).

У кумулятивній санкції поряд із основним покаранням відносно визначена або альтернативні санкції можуть містити вказівку на одне або декілька додаткових покарань певного виду, що можуть бути призначені судом як дод. до осн. Дод. покарання може бути абсолютно визначеним (напр., позбавлення військового спеціального звання, рангу, чину або кваліфікацію класу) або відносно визначеним (напр., позбавлення права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк від 1-го до 3-х років). Дод. покарання у санкціях вказуються або як обов'язкові для застосування, або як факультативні. В ост. випадку суд залежно від обставин справи вирішує питання про застосування або незастосування цього покарання.

Література:

1. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – М., 1981.
2. Ныркова Н. А., Кропачев Н. М. Понятие уголовно-правовой санкции // Вестник Ленинградского университета. – Серия 6. Философия, политология, право, 1991. – Вып. 2.
3. Гуторова Н. О. Санкції за скоєння фінансових злочинів потребують удосконалення // Актуальні проблеми юридичних наук у дослідженнях вчених: Додаток до журналу «Міліція України», 2000 – № 2.

НАУКОВО-ПРАКТИЧНІ КОМЕНТАРІ ДО ЗАКОНОДАВСТВА ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПНОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ. КОММЕНТАРИЙ УК РСФСР*

Статьей 215 УК РСФСР установлена ответственность за нарушение при производстве строительных работ строительных, санитарных и противопожарных правил, а также правил эксплуатации строительных механизмов, если оно причинило вред здоровью людей, повлекло их гибель или вызвало иные тяжкие последствия.

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что нарушения правил при производстве строительных работ могут привести к несчастным случаям с работающими на строительстве и посторонними лицами, повреждению строительных механизмов разрушению сооружений, причинению материального ущерба.

Объект рассматриваемого преступления – общественная безопасность в сфере производства строительных работ, т. е. общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование строительного производства, а также безопасность лиц, как работающих на строительстве, так и посторонних.

К обязательным признакам объективной стороны комментируемого состава относятся: нарушение прав при производстве строительных работ; общественно опасные последствия; причинная связь между нарушением и наступившими последствиями.

Диспозиция статьи является бланкетной и отсылает к другим нормативным актам, регулирующим производство строительных работ.

* Советская юстиция, 1978. – № 17. – С. 23-24.

Правила, ответственность за нарушение которых предусматривает ст. 215 УК, регулируют технологию производственных процессов, направленных на непосредственное получение либо видоизменение (реконструкцию, ремонт, разборку, передвижку) строительной продукции и обеспечивают поддержание общественной безопасности при производстве строительных работ.

Основным актом, в котором содержатся рассматриваемые правила, являются Строительные нормы и правила (СНиП).

Наряду с ответственностью за нарушение строительных правил ст. 215 УК предусматривает также ответственность за нарушение специальных правил техники безопасности, хотя в диспозиции они прямо и не указаны. Специальные правила регулируют вопросы охраны труда в пределах строительной отрасли с учетом ее специфики и особенностей. Большинство из них расположено в гл. 11 ч. III СНиП. Под действие комментируемой нормы подпадают также нарушения так называемых «правил сквозного характера», т. е. регулирующих безопасность производства таких работ, которые могут производиться в нескольких отраслях народного хозяйства (например, правила техники безопасности и производственной санитарии при электросварочных работах).

Не охватываются признаками ст. 215 УК нарушения общих организационных правил, обеспечивающих охрану труда во всех отраслях народного хозяйства. К ним относятся также правила, содержащиеся в нормах определенных отраслей производства, но регулирующие общие, тождественные для всех производств, организационные вопросы (их называют организационно-техническими), нарушение которых подпадает под признаки ст. 140 УК. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» разъяснено, что ответственность за нарушение правил безопасности горных, строительных работ и работ во взрывоопасных предприятиях (цехах) предусмотрена специальными нормами (ст. ст. 214-216 УК) и что ст. 140 УК подлежит применению в тех случаях, когда при производстве горных, строительных работ или работ во взрывоопасных предприятиях (цехах) должностными лицами, кроме правил производства, нарушаются и общие правила охраны труда.

Санитарные правила относятся к специальным профилактическим правилам при производстве строительных работ. Различают правила организации технологических процессов и гигиенических требований к производственному оборудованию, учета метеорологических факторов,

обеспечения безопасности от воздействия пыли, газов и токсических веществ, работы с радиоактивными веществами и источниками ионизирующего излучения, освещенности рабочих мест.

Противопожарные правила представляют собой систему обязательных норм, направленных на охрану от пожаров строящихся объектов, находящихся в зоне строительства и возле нее.

Правила эксплуатации строительных механизмов обеспечивают также поддержание общественной безопасности при производстве этих работ. Поскольку почти все строительные машины и механизмы могут применяться и в других отраслях народного хозяйства, особенно в промышленности строительных материалов, критерием для квалификации случаев нарушения правил эксплуатации строительных механизмов по ст. 215 УК является использование этих механизмов в процессе производства строительных работ. Так, дробильно-сортировочные и смесительные машины могут использоваться и в промышленности строительных материалов, и для заготовки последних в пределах места производства строительных работ. Подъемные машины применяются как для погрузочно-разгрузочных работ в любой отрасли промышленности, так и для выполнения их в строительстве.

Под нарушением правил при производстве строительных работ следует понимать неисполнение или ненадлежащее исполнение определенной производственной деятельности, предусмотренной правилами, либо выполнение действий, запрещенных ими. Нарушение может быть допущено в результате противоправного действия или бездействия либо при их сочетании.

Наиболее характерными нарушениями строительных правил являются: выполнение строительных работ (монтажных, электромонтажных, земляных) с отступлением от проекта; выполнение отдельных строительных операций без проекта организации работ; использование строительных материалов, конструкций, не предусмотренных проектом; отсутствие технических расчетов при замене одних строительных конструкций другими; нарушение требуемой технологической последовательности при ведении монтажных работ.

Практика применения ст. 215 УК показывает, что к характерным нарушениям специальных правил техники безопасности при производстве строительных работ относятся: отсутствие контроля со стороны ответственного лица, необеспечение работ безопасными приспособлениями (приемные площадки, предохранительные щиты и т. п.), допуск к особо опасным работам без предварительного обследования, составления актов об обследовании и выдачи специальных нарядов-казов на ведение работ

в этих случаях, отсутствие предупредительных знаков и постов возле опасных зон, нарушение порядка временного закрепления монтируемых конструкций, неправильное устройство рабочих лесов, производство работ без предварительного согласования с другими организациями и пр.

К нарушениям санитарных правил, например, относятся: распоряжение о выполнении работ на открытом воздухе при очень высокой либо низкой температуре, если это запрещено; допуск к работе в помещениях с повышенной концентрацией пыли, различных химических веществ, при необеспечении рабочих индивидуальными средствами защиты; распространение вредных газов, токсических или радиоактивных веществ как в зоне строительства, так и за ее пределами, и т. д.

Нарушения противопожарных правил наиболее часто выражаются в распоряжении производить сварочные работы в огнеопасном месте без средств пожарной защиты или огнетушения либо без предварительного разрешения органов пожарного надзора на данные работы; использовании легковоспламеняющихся и выделяющих взрывоопасные пары лаков, красок и растворителей без предупреждения о возможности их воспламенения или взрыва, отсутствии постов, предупредительных знаков, плакатов в зоне ведения огневых работ и технического контроля за ведением огнеопасных работ.

К наиболее распространенным нарушениям правил безопасности эксплуатации строительных механизмов следует отнести: осуществление работ в присутствии людей в зоне действия механизмов, допуск к работе с техникой лиц, не имеющих прав на ее управление, отсутствие контроля за действиями напарников по работе с механизмами; работа без разрешения или на заведомо неисправных механизмах и др.

Часть 1 ст. 215 УК в качестве последствий предусматривает причинение вреда здоровью людей (менее тяжкого телесного повреждения одному лицу, легкого телесного повреждения, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности одному или нескольким лицам).

Когда наступает гибель потерпевшего либо причиняются тяжкие телесные повреждения хотя бы одному лицу, либо телесные повреждения средней тяжести – двум или более лицам, а равно значительный материальный ущерб, виновные в нарушении правил при производстве строительных работ несут ответственность по ч. 2 ст. 215 УК.

Необходимое условие квалификации по ст. 215 УК – установление причинной связи между нарушением правил при производстве строительных работ и наступившими последствиями.

Для большинства нарушений правил при производстве строительных работ характерно опосредствованное развитие причинной связи. Это значит, что нарушение правил способно вызвать общественно опасные последствия лишь в сочетании с действием других вредных факторов (физических, химических, технических и т. п.), а также неосторожных действий потерпевшего и других лиц. Например, механик одного из строительных участков Л. допустил эксплуатацию глиномешалки без ограждения вращающихся на ней валов, нарушив тем самым правила эксплуатации строительных механизмов. Зашедший на стройку малолетний В., проходя мимо работающей глиномешалки, поскользнулся и упал, в результате чего вращающимся валом ему была причинена смертельная травма. Нарушение правил Л. само по себе не могло привести к наступившему последствию, так как отсутствие защитного кожуха на глиномешалке не влечет за собой с неизбежностью травматических повреждений, а лишь содержит реальную возможность их наступления. Если бы малолетний В. не оказался на стройке, опасного последствия вообще могло бы не наступить. Таким образом, в данном случае имеет место опосредствованная причинная связь.

Субъективную сторону преступления образует смешанная форма вины. В отношении факта нарушения правил при производстве строительных работ вина может быть умышленной или неосторожной. В отношении же последствий возможна только неосторожность. Установление субъективной стороны важно для решения вопроса о том, к каким преступлениям, умышленным или неосторожным, относится нарушение правил при производстве строительных работ. Судебная практика, рассматривая субъективную сторону составов, признаки которых сходны с признаками преступления, предусмотренного ст. 215 УК, относит их к неосторожным преступлениям.

Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» разъяснил, что в соответствии со ст.ст. 8 и 9 Основ уголовного законодательства преступления, предусмотренные ст.ст. 211, 211², 213, 252 УК, должны рассматриваться как совершенные по неосторожности, поскольку субъективную сторону этих деяний определяет неосторожное отношение лица к возможности наступления общественно опасных последствий при нарушении им правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств. На основании ряда общих признаков досматриваемых составов (нахождение в одной главе УК, наличие единого родового объекта, сходства в конструкции объективной стороны)

данное разъяснение Пленума можно распространить и на преступное нарушение правил при производстве строительных работ.

Мотивы нарушения строительных и других правил не влияют на квалификацию преступления, однако их установление важно для оценки степени общественной опасности деяния и назначения наказания. Так, при определении наказания важно установить, что явилось основой действий лица: ложно понятые производственные интересы (например, стремление выполнить производственное задание), карьеристские соображения, пренебрежительное отношение ко всякого рода запретам, озорство.

Субъектом данного преступления может быть лицо, на которое возложена обязанность по соблюдению строительных, санитарных, противопожарных правил либо правил эксплуатации строительных механизмов (управляющие, главные инженеры строительно-монтажных организаций, работники служб техники безопасности, главные механики и главные энергетики, производители работ, мастера, бригады, руководители транспортных и погрузочно-разгрузочных работ). Эти лица несут ответственность за указанные нарушения в силу возложенных на них служебных обязанностей. Но субъектом рассматриваемого преступления могут быть также рабочие, на которых возложены обязанности по исполнению различных работ и соблюдению соответствующих правил строительного производства.

Хотя специальные правила, действующие при производстве строительных работ, прямо не предусматривают выполнения каких-либо обязанностей со стороны служащих (нормировщиков, снабженцев, сторожей, работников администрации др.), на них распространяются общие требования соблюдать технологическую дисциплину, правила по технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда и противопожарной охране. В соответствии с этим применение к таким лицам ст. 215 УК возможно лишь тогда, когда до их сведения в установленном порядке были доведены, наряду с общими требованиями охраны труда, и требования специальной безопасности при производстве строительных работ, либо когда они как участники строительного производства знали требования общих правил охраны труда на строительстве и имели реальную возможность сознавать общественную опасность совершаемых ими действий. Если лицо не сознавало, что своими действиями оно нарушает правила производства строительных работ, нельзя говорить об ответственности по ст. 215 УК.

Лица, не имеющие отношения к производству, не могут нести ответственности по данной статье.

Если будет установлено, что преступление, подпадающее под признаки ч. 1 ст. 215 УК, не представляет большой общественной опасности, а также признано, что исправление и перевоспитание виновного возможно без применения наказания, то в соответствии со ст. 50¹ УК производство по делу может быть прекращено с привлечением лица к административной ответственности либо передачей материалов на рассмотрение общественности.

Так как комментируемый состав преступления относится к неосторожным, то лицам, осужденным за него впервые к лишению свободы, отбывание наказания назначается в исправительно-трудовых колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

При наличии условий, предусмотренных ст. 24² УК, суд может постановить об условном осуждении лица, совершившего это преступление, к лишению свободы с обязательным привлечением его на срок назначенного наказания к труду с указанием в приговоре мотивов такого решения.

КРИМІНАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ЗА ЗАВІДОМО НЕЗАКОННІ ЗАТРИМАННЯ, ПРИВІД АБО АРЕШТ*

Стаття 371. Завідомо незаконні затримання, привід або арешт

1. Завідомо незаконне затримання або незаконний привід – караються позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до п'яти років або обмеженням волі на строк до трьох років.

2. Завідомо незаконні арешти або тримання під вартою – карається обмеженням волі на строк від трьох до п'яти років або позбавленням волі на той самий строк.

3. Дії, передбачені частинами першою або другою цієї статті, якщо вони спричинили тяжкі наслідки або були вчинені з корисливих мотивів чи в інших особистих інтересах, –

караються позбавленням волі на строк від п'яти до десяти років з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років.

1. Недоторканність особи проголошена у Загальній декларації прав людини, прийнятій Генеральною Асамблеєю ООН 10 грудня 1948 р., у Конвенції про захист прав і основних свобод людини, прийнятій Радою

* Законодавство України. Науково-практичні коментарі. – 2004. – № 7. – С. 53-59.

Європи 4 листопада 1950 р.¹, Міжнародному пакті про громадянські і політичні права від 16 грудня 1966 р.² та в інших загальновизнаних міжнародних документах.

Згідно зі ст. 29 Конституції України кожна людина має право на свободу та особисту недоторканність. Ніхто не може бути заарештований або триматися під вартою інакше як за мотивованим рішенням суду і тільки на підставах та в порядку, встановлених законом.

Законодавство України містить систему правових приписів, спрямованих на забезпечення особистих прав та законних інтересів людини. Ці приписи охоплюють і соціально виправдані випадки обмеження права особи на свободу й особисту недоторканність. Перш за все, це стосується сфери кримінального судочинства, де застосування заходів процесуального примусу обумовлено інтересами правосуддя. Так, затримання особи повинно здійснюватися у точній відповідності з положеннями ст. 106, 106¹, 115, 149, 165² та 434 КПК, привід – у відповідності із ст. 70, 72, 135, 136, 288, 290 і 292 КПК, а арешт і тримання під вартою повинні відповідати вимогам ст. 148, 155, 156, 165², 165³, 274 і 288 КПК. Законодавством України передбачена також низка гарантій від свавільного зловживання заходами процесуального примусу з боку уповноважених осіб. Серед таких гарантій важливу роль відіграють норми закону про кримінальну відповідальність.

2. Статтею 371 КК встановлена відповідальність за завідомо незаконні затримання, привід, арешт або тримання особи під вартою. За даними МВС України, у 2002 р. за ознаками цієї статті було зареєстровано три злочини, у 2003 р. – дванадцять злочинів.

3. Основним безпосереднім об'єктом злочину є нормальна, така, що відповідає вимогам закону, діяльність органів дізнання, досудового слідства, прокуратури та інших установ, які виконують рішення цих органів по забезпеченню інтересів правосуддя. Додатковим обов'язковим об'єктом виступають особисті права і законні інтереси людини, її особиста недоторканність³.

Потерпілим від цього злочину може бути фізична особа: підозрюваний, обвинувачений, підсудний, свідок, потерпілий⁴.

¹ Ратифікована Законом України від 17 липня 1997 р.

² Ратифікований Указом Президії Верховної Ради Української РСР від 19 жовтня 1973 р.

³ Див.: Уголовный кодекс Украины. Научно-практический комментарий. – 3-е изд., исправл. и дополн. / отв. ред. С. С. Яценко. – К., 2003. – С. 937.

⁴ Див.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / За ред. М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. – К., 2003. – С. 861.

4. Об'єктивна сторона злочину передбачає вчинення хоча б одного із діянь: незаконного затримання (1), незаконного приводу (2), незаконного арешту (3), незаконного тримання під вартою (4).

За конструкцією об'єктивної сторони зазначений злочин вважається злочином з формальним складом, а тому для її встановлення достатньо вчинення хоча б одного із діянь, що наведені в ч. 1 або ч. 2 статті, що коментується. За способом опису цих діянь в диспозиції закону кримінально-правова норма є бланкетною. Для встановлення змісту вчиненого законодавець відсилає до інших нормативних актів, які не є законами про кримінальну відповідальність. Такими є КПК України, закони та інші нормативно-правові акти, якими регламентується відповідна процесуальна діяльність (наприклад, Закон України «Про попереднє ув'язнення» від 30 червня 1993 р., Інструкція про порядок виконання постанов прокурорів, суддів, слідчих, органів дізнання та ухвал судів про привід підозрюваних, обвинувачених, підсудних, свідків та потерпілих від 28 грудня 1995 р.). Співставлення скоеного із підставами, умовами, порядком та строками здійснення певних процесуальних дій дає можливість визнати діяння незаконним та встановити ступінь суспільної небезпечності, достатній для застосування кримінального закону¹.

5. Незаконне затримання. Відповідно до КПК України затримання є процесуальним заходом примусу. Затримання — це короткочасне позбавлення волі на строк не більше сімдесяти двох годин особи, що підозрюється у вчиненні злочину, за який може бути призначено покарання у вигляді позбавлення волі. Затримання здійснюється на підставах та в порядку, передбачених законом. Так, згідно зі ст. 106 КПК орган дізнання вправі затримати особу за наявності однієї з таких підстав: 1) коли цю особу застали при вчиненні злочину або безпосередньо після його вчинення; 2) коли очевидці, в тому числі й потерпілий, прямо вказують, що саме ця особа вчинила злочин; 3) коли на підозрюваному або

¹ Треба зазначити, що в ч. 1 та ч. 2 ст. 371 КК вказано на незаконні діяння, які повинні бути вчиненні «завідомо», тобто з прямим умислом. Цього, на наш погляд, замало для відображення в кримінальному законі її суспільної небезпечності, достатньої для застосування закону та відмежування кримінально-караного діяння від інших менш небезпечних порушень, які можуть бути вчинені навмисно. Вочевидь, встановлення суспільної небезпечності діяння, передбаченого ст. 371 КК, багато в чому залежить від розсуду особи, яка повинна встановити вид вчиненого правопорушення та застосувати відповідний закон. Тому не випадково в юридичній літературі зустрічаються пропозиції перевести, наприклад, завідомо незаконне затримання в розряд адміністративних правопорушень (див.: Сахаров А., Носкова Н. Преступления против правосудия // Социалистическая законность — 1987. — № 11. — С. 46)

на його одязі, при ньому або в його житлі буде виявлено явні сліди злочину. За наявності інших даних, що дають підстави підозрювати особу у вчиненні злочину, її може бути затримано лише в тому разі, коли ця особа намагалася втекти, або коли вона не має постійного місця проживання, або коли не встановлено особи підозрюваного. Згідно зі ст. 115 КПК затримання підозрюваного у вчиненні злочину може здійснити слідчий за підставами і в порядку, передбачених ст. 106, 106¹ і 107 КПК України. Затримання застосовується з метою підтвердження підозри у вчиненні особою злочину і вирішення питання про обрання щодо неї відповідного запобіжного заходу. Якщо для обрання запобіжного заходу необхідно додатково вивчити дані про особу затриманого чи з'ясувати інші обставини, які мають значення для прийняття рішення з цього питання, суддя вправі продовжити затримання до десяти, а за клопотанням підозрюваного, обвинуваченого — до п'ятнадцяти діб (див.: ч. 8 ст. 165³ КПК)¹. Незаконними визнаються випадки: затримання особи, яка вчинила злочин, передбачений статтею КК, санкція якої не містить вказівки на можливість призначення покарання у вигляді позбавлення волі; затримання особи без складання відповідних процесуальних документів; знаходження затриманої особи під вартою понад встановлених строків за відсутності додаткових законних підстав подальшого тримання особи під вартою затримання особи, стосовно якої не було будь яких підстав підозрювати її у вчиненні злочину, тощо.

6. Незаконний привід. Привід — це процесуальний захід, який означає примусове доставлення (припровадження) обвинуваченого, підсудного, свідка або потерпілого до особи, яка здійснює дізнання, досудове слідство, в прокуратуру або в суд, якщо обвинувачений, підсудний, свідок або потерпілий без поважних причин не з'являються у вказані час та місце за викликом уповноваженої службової особи або відповідного органу. Незаконними можуть бути визнані випадки: приводу особи без оформлення щодо такої дії відповідних процесуальних документів; якщо до певної особи привід за законом не може бути застосований; якщо особа до цього не ухилялася від явки до відповідного органу тощо.

Якщо незаконний привід або незаконне затримання виконуються не як захід процесуального примусу, а в адміністративному порядку (див. ст. 259-261 Кодексу України про адміністративні правопорушення), дії особи, що їх здійснила, не можуть кваліфікуватися за ст. 371 КК. За

¹ Окремі фахівці вважають, що це положення КПК суперечить ст. 29 Конституції України, яка обмежує затримання 72 годинами (див.: Санін В. Взяття під варту: спірні питання // Юридичний вісник України. — 2004. — 15-21 травня. — С. 9).

наявності ознак злочину такі дії повинні бути кваліфіковані за ст. 364, 365, 375 або 424 КК¹.

7. Незаконний арешт. Відповідно до кримінально-процесуального законодавства арешт — це найбільш суворий запобіжний захід, що застосовується до підозрюваного або обвинуваченого шляхом взяття їх під варту під час проведення дізнання чи досудового слідства за постановою суду (судді) у справах про злочини, за які законом передбачено покарання у виді позбавлення волі, або до підсудного під час судового розгляду справи. Згідно з ч. 2 п. 3 постанови Пленуму Верховного Суду України «Про практику застосування судами запобіжного заходу у вигляді взяття під варту та продовження строків тримання під вартою на стадіях дізнання та досудового слідства» № 4 від 25 квітня 2003 р. взяття під варту на стадіях дізнання та досудового слідства застосовується лише у випадку, коли особа підозрюється або обвинувачується у вчиненні злочину, за який законом передбачено покарання у вигляді позбавлення волі (ч. 1 ст. 155 КПК), і коли є достатні підстави вважати, що ця особа може ухилитися від слідства й суду, або від виконання процесуальних рішень, або буде перешкоджати встановленню істини у справі чи продовжувати злочинну діяльність (ч. 2 ст. 148 КПК)². Незаконним арешт буде, наприклад, при взятті під варту особи: за відсутності постанови суду (судді); в санкції закону про кримінальну відповідальність відсутня вказівка на позбавлення волі тощо.

Треба зазначити, що в КПК України термін «арешт» як запобіжний захід, що застосовується до особи, використовується лише в ст. 161. Зокрема, в ч. 1 цієї статті сказано: «Про арешт підозрюваного або обвинуваченого і його місце перебування слідчий зобов'язаний повідомити його дружину або іншого родича, а також сповістити за місцем його роботи». В інших випадках цей вид запобіжного заходу визначається в КПК України терміном «взяття під варту» (див., наприклад, ст. 155, ч. 1 ст. 165)³. Разом з тим термін «арешт» застосовується і для визначення інших процесуальних дій або як юридична санкція. Так, термін «арешт» використовується в ст. 126 КПК «Порядок оформлення арешту

¹ Див.: Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар: За ред. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. — К., 2003. — С. 1017.

² Див.: Вісник Верховного Суду України. — 2003. — № 3. — С. 7.

³ На думку В. Рябокучми, поняття “арешт” і “взяття під варту” хоча і споріднені за своєю правовою природою, але кожне має свій внутрішній зміст, займаючи в законодавстві тільки йому властиве місце. Тому упорядкування їх застосування, визначення змісту кожного, чітке проведення відмінностей — необхідні умови правильного розуміння і застосування закону (див.: Рябокучма В. Щодо змісту понять “взяття під варту” та “арешт” у чинному кримінально-процесуальному законодавстві // Підприємництво, господарство і право. — 2002. — № 1. — С. 90.).

на вклади, цінності та інше майно обвинуваченого», уст. 187 «Арешт на кореспонденцію і зняття інформації з каналів зв'язку». У Кримінальному кодексі термін «арешт» застосовується для визначення виду покарання, яке призначається вироком суду і полягає у триманні засудженого в умовах ізоляції строком від одного до шести місяців (див. ст. 60 «Арешт»). В адміністративному законодавстві арешт є найбільш суворим видом адміністративного стягнення, яке призначається постановою суду на строк до 15 діб (див. ст.32 Кодексу України про адміністративні правопорушення. Таке широке застосування в різних галузях законодавства терміна «арешт»¹ призводить до невиправданого його тлумачення або як виду покарання, або як іншого процесуального засобу при розгляді норм, присвячених застосуванню арешту як виду запобіжного заходу¹. Такий підхід до тлумачення арешту створює підґрунтя для вчинення помилок при застосуванні норм. Тому з метою зменшення використання терміна «арешт» для визначення різних за змістом юридично значимих дій бажано замінити його в ст. 371 КК та ст. 161 КПК терміном «взяття під варту».

8. Незаконне тримання під вартою. Тримання під вартою являє собою процес виконання рішення про обрання запобіжного заходу у вигляді взяття під варту протягом строків і в порядку, передбачених кримінально-процесуальним законодавством². Тому незаконним буде, наприклад, тримання під вартою після закінчення передбаченого законом строку затримання або взяття під варту, якщо цей строк не продовжено у встановленому законом порядку або якщо скінчився максимальний строк перебування під вартою, встановлений законодавством.

Зазначені діяння здійснюються, як правило, активно, шляхом дії. Однак злочин може бути вчинений і шляхом бездіяльності. Так, після закінчення встановленого законом строку тримання під вартою, застосованого на законних підставах, відповідна службова особа свідомо не звільняє (бездіяльність) заарештованого із-під варти.

9. Злочин, передбачений ч. 1 і 2 ст. 371 КК, визнається закінченим з моменту вчинення одного із діянь, зазначених в них. Розглядуваний злочин є триваючим. Тому, незважаючи на те, що він визнається закінченим з моменту вчинення певного діяння, це діяння має продовження у часі і припиняється під впливом певних об'єктивних (наприклад, втеча незаконно затриманого із-під варти) чи суб'єктивних (службова особа

¹ Див.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України. Під заг. ред. Потебенька М. О., Гончаренка В. Г. – К., 2001, у 2-х ч.: Особлива частина. – С. 751; Конституція України: науково-практичний коментар. – К. – Х., 2003. – С.148.

² Див.: Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України. – 2-е вид. / Відп. ред. С. С Яценко. – К.,2002. – С. 830.

приймає рішення звільнити незаконно заарештованого із-під варти) обставин. Лише після фактичного припинення діяння починають діяти певні строки, пов'язані із застосуванням кримінального закону (наприклад, строку давності притягнення до кримінальної відповідальності).

10. Суб'єктивна сторона. Вказані у ст.371 КК діяння вчинюються з прямим умислом. Особа усвідомлює, що діє незаконно і бажає так діяти. Закон спеціально підкреслює «завідомість» вчинення відповідного діяння. Тим самим законодавець виключає можливість застосування ст. 371 КК у випадку помилки або необережності. Разом з тим, якщо відповідна службова особа, діючи необережно, спричинить істотну шкоду інтересам громадянина, її діяння можуть бути кваліфіковані за ст. 367 «Службова недбалість».

Мотиви незаконного затримання, приводу, арешту або тримання під вартою для кваліфікації скоєного за ч. 1 або ч. 2 ст. 371 КК значення не мають. Наприклад, це може бути бажання шляхом порушення закону розкрити злочин. Разом з тим певні мотиви являють собою обставини, що обтяжують відповідальність. Це – «корисливі мотиви» або «інші особисті інтереси», на які вказано в ч. 3 коментованої статті,

11. Суб'єкт злочину – спеціальний. Ним можуть бути тільки службові особи органу дізнання, слідчі або прокурор, а у випадку незаконного тримання під вартою — також службові особи установи, де тримався під вартою потерпілий. Що стосується суддів, то вони повинні підлягати відповідальності за ст. 375 КК «Постановлення суддею (суддями) завідомо неправосудного вироку, рішення, ухвали або постанови». Наприклад, за ст. 375 КК кваліфікуються дії судді, який постановив завідомо незаконний судовий акт про привід, затримання або взяття під варту або прийняв незаконне рішення про продовження строку тримання під вартою.

Незаконні затримання або взяття під варту можуть виступати як засіб притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності. На думку одних науковців, такі випадки треба кваліфікувати лише за ст. 372 КК «Притягнення завідомо невинного до кримінальної відповідальності» (ст. 174 КК України 1960 р.)¹. Інші вважають, що в такому разі має місце сукупність злочинів: за ст. 371 та ст. 372 КК (ст. 173 та ст. 174 КК України 1960 р.)². Оскільки незаконні затримання або взяття під варту не є обов'язковими ознаками вчинення злочину, передбаченого ст. 372 КК, то у таких випадках їх треба кваліфікувати окремо — за ст. 371 КК.

¹ Див.: Бажанов М. И. Уголовно-правовая охрана советского правосудия. Учебное пособие. – Х., 1986. – С. 21.

² Див.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. – К., 1997. – С. 618; Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України. – 2-е вид. / Відп. ред. С. С. Яценко. – К., 2002. – С. 831.

Якщо дії, зазначені в ст. 371 КК, будуть вчинені службовими особами, до обов'язків яких не входить їх виконання, то такі особи повинні підлягати відповідальності за ст. 365 КК – за перевищення влади або службових повноважень.

Якщо такі дії будуть вчинені приватною особою, то вона підлягає відповідальності за ст. 146 «Незаконне позбавлення волі або викрадення людини».

12. Треба також знати, що затримання може бути дією, яка має не тільки кримінально-процесуальні, а й адміністративні підстави. У такому разі завідомо незаконне затримання, здійснене в адміністративному порядку, тягне за собою дисциплінарну відповідальність, а при настанні істотної шкоди, як наслідку такого затримання, дії кваліфікуються за ст. 364 КК «Зловживання владою або службовим становищем»¹.

13. *Обставини, що обтяжують відповідальність.* У частині 3 ст. 371 КК встановлена підвищена відповідальність за зазначені дії, якщо вони спричинили тяжкі наслідки (наприклад, самогубство, тяжку хворобу заарештованого) або були вчинені з корисливих мотивів (наприклад, з бажання отримати певні матеріальні вигоди) чи в інших особистих інтересах (наприклад, з метою підвищення по службі або з помсти). Одержання службовою особою хабара за дії, зазначені в ст. 371 КК, тягне за собою відповідальність за сукупністю злочинів, передбачених ст. 371 та ст. 368 КК.

Тяжкі наслідки, як обставини, що обтяжують відповідальність, мають перебувати у причинному зв'язку з незаконними діями винного. Ставлення до них може бути у формі як умислу, так і необережності². Незважаючи на можливе необережне ставлення особи до тяжких наслідків, у цілому злочин, передбачений ст. 371 КК, є умисним.

КРИМІНАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ЗА НЕЗАКОННЕ ВИРОБНИЦТВО, ВИГОТОВЛЕННЯ, ПРИДБАННЯ, ЗБЕРІГАННЯ, ПЕРЕВЕЗЕННЯ ЧИ ПЕРЕСИЛАННЯ ПРЕКУРСОРІВ*

Відповідальність за незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання прекурсорів встановлена

¹ Див.: Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України. – К., 1997. – С. 618.

² Див.: Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар / За ред. В. В. Статися, В. Я. Тація. – К., 2003. – С. 1018.

* Проблеми пенітенціарної теорії і практика: Щорічний бюлетень / За заг. ред. д-ра юрид. наук, професора А. А. Музики. – К.: КЮІ КНУВС, 2005. – С. 24-33.

в ст. 311 КК України. Окрім того, ч. 2 цієї статті вказує на збут прекурсорів.

Суспільна небезпечність злочину полягає у створенні умов для незаконного виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин. Злочинці досить часто використовують прекурсори для неконтрольованого наркобізнесу. За інформацією МВС, у 2002 році в Україні зареєстровано 375 злочинів, предметом яких були прекурсори, і які були кваліфіковані за ст. 311 КК [1]. У 2003 році таких злочинів було зареєстровано 437 [2]. У 2004 році – 604 [3].

Прекурсори, згідно із Законом України від 15 лютого 1005 року №60/95 ВР «Про обіг в Україні наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів і прекурсорів», у чинній редакції (далі – Закон «Про обіг...») [4] – це речовини та їх солі, що використовуються при виробництві, виготовленні наркотичних засобів і психотропних речовин, включених до Переліку наркотичних засобів, психотропних речовин і прекурсорів (далі – Перелік), затвердженому постановою Кабінету Міністрів України від 6 травня 2000 р. № 770 [5]. В цьому нормативно-правовому акті наведено два списки прекурсорів. Перший (Табл. IV, список № 1) дає перелік прекурсорів, обіг яких обмежено і стосовно яких встановлено заходи контролю. В списку йдеться про прекурсори у вигляді хімічних речовин та їх солей, під час переробки яких можна одержати синтетичні наркотичні або психотропні речовини: ергометрин, ефедрин, лізергінова кислота, фенілацетон тощо. У другому (Табл. IV, список № 2) названі прекурсори, обіг яких не обмежено, але стосовно них державою теж передбачено заходи контролю. Це розчинники, окислювачі та інші хімікати промислового або побутового призначення, які можуть використовуватися в процесі виготовлення наркотичних або психотропних речовин (наприклад, ангідрид оцтової кислоти, ацетон, етиловий ефір, сірчана кислота, соляна кислота, толуол).

Враховуючи, що певні прекурсори мають широке застосування для виробничих потреб з виготовлення продукції, необхідної для господарських та побутових цілей, законодавець встановив певний правовий режим щодо їх виробництва, виготовлення та подальшого поводження з ними (придбання, зберігання, перевезення, пересилання). Залежно від того, до якого списку належать прекурсори, правовий режим поводження з ними має різновиди. Діяльність, пов'язана з обігом прекурсорів, включених до списку № 1 Табл. IV Переліку, повинна здійснюватися таким же чином, як це встановлено щодо законного поводження з наркотичними засобами та психотропними речовинами [6]. Діяльність щодо поводження з прекурсорами, включеними до списку № 2 Табл. IV Переліку,

можуть здійснювати юридичні особи всіх форм власності за наявності у них відповідної ліцензії [7]. Здійснюється діяльність відповідно до Інструкції про умови й правила провадження підприємницької діяльності (ліцензійні умови) підприємств-виробників, пов'язаної з обігом (крім ввезення в Україну та вивезення з України) прекурсорів, включених до списку № 2 Табл. IV Переліку, з обігом яких пов'язана діяльність, що підлягає ліцензуванню, та про контроль за їх дотриманням, затвердженої наказом Ліцензійної палати та Міністерства промислової політики від 18 січня 2000 р. № 2/20 [8].

Порушення правового режиму поводження з прекурсорами шляхом незаконного їх виробництва, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання становить об'єктивну сторону злочину, передбаченого ч. 1 ст. 311 КК.

Згідно зі змістом Законів від 15 лютого 1995 р. № 60/95 ВР «Про обіг в Україні наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів та прекурсорів» та за № 62/95 ВР «Про заходи протидії незаконному обігу наркотичних засобів, психотропних речовин і прекурсорів та зловживанню ними», в чинній редакції (далі – Закон «Про заходи протидії незаконному обігу...») [9] із урахуванням внесених до них змін, під незаконним виробництвом прекурсорів слід розуміти дії, пов'язані з незаконним одержанням прекурсорів в умовах здійснення господарської діяльності.

Під незаконним виготовленням прекурсорів, згідно з ч. 3 п. 3 постанови Пленуму Верховного Суду України «Про судову практику в справах про злочини у сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів» від 26 квітня 2002 р. № 4 [10] (далі – постанова ПВС «Про судову практику ... у сфері обігу наркотичних засобів ...» від 26 квітня 2002 року), треба розуміти «процес їх одержання з відповідної вихідної сировини будь-яким способом, у будь-якому вигляді (порошку, рідині, суміші тощо), приготування шляхом змішування різних хімічних препаратів або хімічного синтезу (реакції)».

Співставляючи зміст термінів «виробництво» та «виготовлення», що вжиті в диспозиції ст. 311 КК, бачимо, що принципової різниці між ними немає. Термін «виготовлення» більш широкий, він охоплює одержання прекурсорів у будь-яких умовах, як на виробництві, так і в побуті, як за умов високих технологій, так і в примітивних умовах. Тому, вбачається, що вказівка в законі на «виробництво» є зайвою, тому що за змістом цей термін поглинається терміном «виготовлення».

Незаконне придбання прекурсорів – це їх купівля, обмін на інші товари або речі, прийняття як плати за виконану роботу чи надані послуги,

позики, подарунки або сплати боргу, привласнення знайденого (див. п. 3 постанови ПВС «Про судову практику від 26 квітня 2002 року»).

Під *зберіганням* потрібно розуміти будь-які умисні дії, пов'язані з фактичним незаконним перебуванням прекурсорів у володінні винного (він може тримати їх при собі, в будь-якому приміщенні, сховищі або в іншому місці). Відповідальність за незаконне зберігання прекурсорів настає *незалежно від його тривалості* (див. п. 3 постанови ПВС «Про судову практику ... у сфері обігу наркотичних засобів...» від 26 квітня 2002 року).

Незаконне перевезення прекурсорів полягає в умисному переміщенні їх будь-яким видом транспорту з однієї території на іншу в межах України з порушенням порядку і правил, установлених чинним законодавством. Для визнання перевезення незаконним не має значення те, чи є особа власником прекурсорів (див. п.3 постанови ПВС «Про судову практику ... у сфері обігу наркотичних засобів...» від 26 квітня 2002 року).

Від перевезення прекурсорів потрібно відрізнити їх перенесення з одного місця в інше, коли транспорт не використовується. Такі дії повинні розглядатись як зберігання прекурсорів.

Пересилання прекурсорів – це незаконне переміщення їх у просторі шляхом відправлення поштою, багажем, посильним або іншим способом з одного місця в інше в межах України. При цьому злочин вважається закінченим з моменту оформлення і відправлення посилки, багажу, бандеролі з прекурсорами незалежно від того, отримав їх адресат чи ні. Якщо злочин не був доведений до кінця з незалежних від волі винного причин (наприклад, у зв'язку із затриманням під час оформлення квитанції на відправлення посилки, бандеролі чи вантажного контейнера або при їх огляді в момент здачі для пересилання), дії останнього належить кваліфікувати як замах на вчинення цього злочину (див. п. 3 постанови ПВС «Про судову практику... у сфері обігу наркотичних засобів...» від 26 квітня 2002 року).

Законодавець вважає, що *незаконний збут* прекурсорів треба розглядати як більш небезпечний вид злочинної поведінки, порівняно з розглянутими видами діянь, а тому передбачив відповідальність за незаконний збут прекурсорів у ч. 2 ст. 311 КК Згідно з п. 4 постанови ПВС «Про судову практику... у сфері обігу наркотичних засобів...» від 26 квітня 2002 року під незаконним збутом прекурсорів потрібно розуміти будь-які оплатні чи безоплатні форми їх реалізації всупереч Законам України «Про обіг...» та «Про заходи протидії незаконному обігу...» (продаж, дарування, обмін, сплата боргу, позика тощо). Про умисел на

збут прекурсорів може свідчити як відповідна домовленість з особою, яка придбала прекурсори, так і інші обставини, зокрема: великий або особливо великий їх розмір; спосіб упакування прекурсорів та розфасування; поведінка суб'єкта злочину тощо. При цьому слід мати на увазі, що відповідальність за збут прекурсорів настає незалежно від їх розміру.

Дії особи, яка під виглядом прекурсорів умисно збуває будь-які інші речовини з метою заволодіння грошима чи майном, потрібно кваліфікувати як шахрайство, а за наявності до того підстав – і як підбурювання до замаху на незаконне придбання прекурсорів, дії ж покупця – як замах на вчинення злочину, передбаченого ст. 311 КК.

Незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання прекурсорів і незаконне перевезення та пересилання їх за межі території України необхідно кваліфікувати за сукупністю злочинів, передбачених ст. 311 КК та ст. 305 КК (контрабанда).

Таким чином, об'єктивна сторона складу злочину, що розглядається, являє собою суспільно небезпечну, протиправну активну поведінку суб'єкта, що проявляється в одній із семи форм: за ч. 1 ст. 311 КК виробництво (1), виготовлення (2), придбання (3), зберігання (4), перевезення (5), пересилання (6) і за ч. 2 ст. 311 КК – збут (7). Спосіб, місце, час, обстановка, потерпілий та спеціальні ознаки суб'єкта здійснення злочину, а також шкідливі наслідки, які можуть настати в результаті здійснення зазначених дій із прекурсорами, виступають або як обставини, що обтяжують покарання, або як обставини, що характеризують ступінь суспільної небезпеки скоєного діяння та особу злочинця, і які враховуються при призначенні покарання.

Якщо особа вчинила одну або декілька дій, передбачених ч. 1 ст. 311 КК, а також незаконно збувала прекурсори, її дії необхідно кваліфікувати за ч. 2 ст. 311 КК за названою ознакою. Всі інші дії мають бути встановлені та визначені у процесуальних документах (обвинувальному висновку, вирoku тощо).

З суб'єктивної сторони для злочину характерна вина у виді прямого умислу, а також спеціальна мета скоєння дій, зазначених в частинах 1 та 2 ст. 311 КК.

Незаконно виробляючи, виготовляючи прекурсори, особа усвідомлює суспільно небезпечний характер своїх дій і бажає їх вчинити. Здійснюючи інші дії з незаконного обігу прекурсорів, особа також усвідомлює суспільно небезпечний характер кожної із зазначених в ч. 1 або ч. 2 ст. 311 КК дій та бажає здійснити одну або декілька із названих незаконних дій.

Як зазначалося, однією з обов'язкових ознак суб'єктивної сторони є мета. У диспозиції ч. 1 ст. 311 КК законодавець вказує на мету *використання прекурсорів для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин*. Її встановлення має важливе значення для кваліфікації дій за цією статтею та відмежуванню їх від випадків, коли такі дії спрямовані на виробництво, виготовлення прекурсорів для виробничих або побутових потреб. Що ж до *мотивів* скоєння дій, зазначених в ч. 1 ст. 311 КК, то вони можуть бути різними, наприклад – прагнення задовольнити власну потребу у вживанні наркотиків. В усякому разі, мотиви не є ознакою складу злочину, передбаченого ч. 1 ст. 311 КК, хоча, безумовно, повинні враховуватися при кримінально-правовій характеристиці злочину. Разом з тим, при кваліфікації дій особи за ч. 1 ст. 311 КК треба звертати увагу на відсутність мети збуту прекурсорів, бо така мета обтяжує відповідальність і як така обставина вказана в ч. 2 ст. 311 КК. Про мету збуту може свідчити значна кількість виявлених прекурсорів, сировини для їх виготовлення, відсутність фактичних зв'язків із підприємцями, яким необхідні прекурсори для використання у виробництві чи для продажу на товарному ринку тощо. Мета збуту обов'язково має бути пов'язана з усвідомленням винним того, що в подальшому прекурсори будуть використані для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин. Така мета свідчить про достатньо високий ступінь суспільної небезпеки дій, зазначених у ч. 1 ст. 311 КК. Водночас, відсутність такої мети свідчить про незначну небезпеку таких дій. Це підтверджується і практикою застосування ч. 1 ст. 311 КК, яка майже відсутня. Тому вбачається можливим запропонувати відмовитися від кримінальної відповідальності за дії, зазначені в ч. 1 ст. 311 КК, якщо вони вчиняються без мети збуту. За такі дії достатньо застосування адміністративної відповідальності.

Мета і мотиви незаконного збуту, відповідальність за який передбачена в ч. 2 ст. 311 КК. При вчиненні цього діяння мета є обов'язковою ознакою суб'єктивної сторони. Це виробництво або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин іншою особою за допомогою прекурсорів, що їй збуваються суб'єктом злочину. Тому сама по собі констатація незаконного збуту прекурсорів недостатня для кваліфікації такої дії за ч. 2 ст. 311 КК. Наприклад, особа може мати на меті збут прекурсорів для їх використання в незаконному виробництві фарби, лаку і таке інше. Що стосується *мотиву* цієї дії, то він може бути різним і не є обов'язковою ознакою складу злочину. Як правило, збут здійснюється із корисливих мотивів, для одержання доходу. Але можливі й інші мотиви, наприклад, безоплатна передача із товариських почуттів

прекурсору іншій особі, при усвідомленні, що вона буде виготовляти наркотики для власного вживання.

Суб'єкт злочину, передбаченого ст. 311 КК, є загальним – фізична осудна особа, якій виповнилося шістнадцять років. Якщо ж незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення, пересилання, а також збут прекурсорів здійснює службова особа, зловживаючи службовим становищем, то такі дії кваліфікуються за сукупністю злочинів: за статтями 311 КК та 364 КК (Зловживання владою або службовим становищем).

Згідно з ч. 2 ст. 311 КК *обтяжуючими обставинами* злочину є вчинення дій, передбачених ч. 1 цієї статті: повторно (1), або за попередньою змовою групою осіб (2), або у великих розмірах (3), з метою збуту (4).

Незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання прекурсорів з метою їх використання для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин визнаються вчиненими повторно, якщо якийсь із зазначених дій передувала будь-яка із них. Тобто, наприклад, незаконному виробництву, для визначення його вчиненим повторно, може передувати як виробництво прекурсорів, так і їх зберігання або перевезення з метою використання для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин. Незважаючи на те, що дії, зазначені в ч. 1 ст. 311 КК, є різними, в ч. 2 ст. 311 КК йдеться про *повторність то-тожних злочинів*, оскільки законодавець для ч. 2 ст. 311 КК обмежив повторність лише діями, передбаченими в ч. 1 цієї статті. Утворюють повторність також дії, передбачені в ч. 1 ст. 311 КК, вчинені з метою збуту, якщо їм передували такі ж дії, вчинені без цієї мети. Зазначені дії необхідно кваліфікувати за ч. 2 цієї статті за обставинами «вчинені повторно» за «з метою збуту». Таким же чином враховуються ці обставини, якщо і в першому, і подальших випадках дії, передбачені в ч. 1 ст. 311 КК, вчинялися лише з метою збуту. Вони кваліфікуються за ч. 2 ст. 311 КК за обставинами «вчинені повторно» та «з метою збуту». Те, що і в першому і в другому випадках дії були скоєні з метою збуту, має бути спеціально зазначено в обтрушуванні як обставина, що характеризує суспільну небезпечність вчиненого.

Вчинення передбачених в ст. 311 КК дій може бути підставою для визнання вчиненими повторно інших злочинів у сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів. У цьому разі має місце *повторність однорідних злочинів*. На можливість попереднього вчинення злочину, передбаченого ст. 311 КК, для визнання

подальшого злочину повторним, вказано в статтях 308 КК (Викрадення, привласнення, вимагання наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів чи заволодіння ними шляхом шахрайства або зловживання службовим становищем), 310 КК (Посів або вирощування снотворного маку чи конопель), 314 КК (Незаконне введення в організм наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів), 318 КК (Незаконне виготовлення, підроблення, використання чи збут підроблених документів на отримання наркотичних засобів, психотропних речовин або прекурсорів). При порівнянні цього переліку з іншими злочинами у сфері обігу наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів або прекурсорів виникає питання щодо можливості доповнення деяких з них вказівкою на вчинення злочину, передбаченого ст. 311 КК, як обставину, що обтяжує відповідальність. Зокрема, таку вказівку доцільно передбачити в статтях 312 КК (Викрадення, привласнення, вимагання прекурсорів або заволодіння ними шляхом шахрайства або зловживання службовим становищем), 313 КК (Викрадення, привласнення, вимагання обладнання, призначеного для виготовлення наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів, чи заволодіння ним шляхом шахрайства або зловживання службовим становищем та інші незаконні дії з таким обладнанням).

Якщо особа вчинила дві (або більше) дії, передбачені ч. 1 ст. 311 КК, і не була засуджена за жодну з них, то повторність дій, що передбачена ч. 2 ст. 311 КК, можлива лише в разі, якщо на момент вчинення другої (чи подальшої) дії не минули строки давності за попередню дію (дії), що передбачена ч. 1 ст. 311 КК, а також, якщо особа не була звільнена за вчинення попередньої дії від кримінальної відповідальності за підставами, встановленими законом (зокрема ч. 4 ст. 311 КК).

Якщо особа раніш була засуджена за вчинення дій, передбачених в ч. 1 ст. 311 КК, то повторними можуть бути визнані такі дії, якщо вони були вчинені до закінчення строків погашення чи зняття судимості за попередньо вчинене незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання прекурсорів.

Вчинення дій за попередньою змовою групою осіб. Для кваліфікації за ч. 2 ст. 311 КК за названою обставиною достатньо встановити хоча б одну із дій, зазначених в ч. 1 ст. 311 КК (наприклад, перевезення прекурсорів). Скоєння групою осіб декількох дій, зазначених у ч. 1 ст. 311 КК, впливає в цілому на ступінь суспільної небезпеки скоєного, тому важливо кожному з них відзначити в обвинуваченні.

Водночас, у ч. 2 ст. 311 КК на додаток до дій, що про них йдеться в ч. 1, вказано ще на незаконний збут прекурсорів. Як вже було зазначено,

ця дія є різновидом діяння як ознаки об'єктивної сторони злочину, однак з огляду на її підвищену небезпеку, законодавець вказав на неї в ч. 2 ст. 311 КК. У такому разі при вчиненні цієї дії за попередньою змовою групою осіб, про цю обставину має спеціально йтися в обвинуваченні не як про таку, що вплинула на кваліфікацію за ч. 2 ст. 311 КК, а як про обставину, що повинна вплинути на покарання при його призначенні судом (на підставі п. 2 ч. 1 ст. 67 КК).

Незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання прекурсорів визнаються вчиненими за попередньою змовою групою осіб, якщо одну чи декілька дій спільно вчинили два або більше суб'єктів цього злочину як співвиконавці або з розподілом ролей, які до початку виконання будь-якої дії домовилися про спільне її вчинення та усвідомлювали, що діють для досягнення спільної мети – використання прекурсорів для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин.

Коли діє група осіб за попередньою змовою з метою збуту прекурсорів або здійснює такий збут, усвідомлення подальшого призначення прекурсорів повинно бути складовою суб'єктивної сторони співучасників, а саме: це використання прекурсорів для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин.

Зміст поняття *великий розмір* прекурсорів визначається, згідно з приміткою до ст. 305 КК, спеціально уповноваженим органом виконавчої влади в галузі охорони здоров'я – Міністерством охорони здоров'я. Таке визначення здійснюється на підставі наказу Міністра охорони здоров'я України від 1 серпня 2000 р. № 188, яким затверджені Табл. 1, 2, 3. В Табл. 3 наведені великі та особливо великі розміри прекурсорів, що перебувають у незаконному обігу [11]. Наприклад, дії, предметом яких була антранілова кислота, визнаються вчиненими у великому розмірі, якщо її вага складала від 2,5 до 25 кг; псевдоефедрин – у великому розмірі – від 0,03 до 0,3 кг; ацетон – у великому розмірі – від 50 до 200 л.

При вчиненні дій, зазначених у ст. 311 КК, можливе використання прекурсорів як одного, так і різних видів. При визначенні розміру прекурсорів їх кількість об'єднується, незалежно від виду застосованих прекурсорів. Разом з тим, неприпустиме об'єднання прекурсорів із паркої іншими ангобами, психотропними речовинами або їх аналогами для встановлення загального розміру і врахування його для кваліфікації вчинених дій (див. п. 21 постанови ПВС «Про судову практику... у сфері обігу наркотичних засобів...» від 26 квітня 2002 року).

Зміст обставини з «метою збуту» було розглянуто при аналізі суб'єктивної сторони.

Згідно з ч. 3 ст. 311 КК особливо *обтяжуючими обставинами злочину* є вчинення дій, на які вказано в ч. 1 цієї статті: організованою групою (1) або в особливо великих розмірах (2). На жаль, за межами ч. 3 залишилося посилення на дію – незаконний збут прекурсорів, яка передбачена в ч. 2 цієї статті. Вчинення її при зазначених обставинах кваліфікується лише за ч. 2 ст. 311 КК. Вочевидь, що цей недолік може бути усунений лише шляхом внесення уточнень до ст. 311 КК.

Вчинення дій *організованою групою* має місце там, де в готуванні до їх вчинення або їх фактичному вчиненні брали участь три або більше учасників групи – суб'єктів злочину, передбаченого ст. 311 КК, які попередньо зорганізувалися у стійке об'єднання для вчинення хоча б однієї дії, передбаченої цією статтею, та інших (іншого) злочинів, об'єднаних єдиним планом з розподілом функцій учасників групи, спрямованих на досягнення цього плану, відомого всім учасникам групи.

Організатор такої групи підлягає кримінальній відповідальності за всі дії, передбачені ст. 311 КК, вчинені організованою групою. Інші учасники організованої групи підлягають кримінальній відповідальності лише за ті дії, у підготовці або вчиненні яких вони брали участь, незалежно від тієї ролі, яку виконував у злочині кожен з них.

Треба зазначити, що законодавець у ч. 3 ст. 28 КК вказав на необхідність вчинення організованою групою не тільки злочину, заради якого вони зорганізувалися у стійке об'єднання, але і *інших (іншого) злочинів, об'єднаних єдиним планом*. Виходячи з цього, кваліфікація дій винних осіб за цією ознакою (в нашому випадку за ч. 3 ст. 311 КК) повинна супроводжуватися кваліфікацією за сукупністю з іншим (іншими) однорідним (наприклад, за ст. 307 КК – при виготовленні за допомогою придбаних прекурсорів наркотичних засобів) або неоднорідним злочином. Ставлення за мету вчинення організованою групою іншого тотожного злочину (в нашому випадку діяння, передбаченого ч. 1 або ч. 2 ст. 311 КК) не потребує додаткової кваліфікації, бо охоплюється ознакою «повторність» цієї ж статті.

Поруч із вчиненням злочину організованою групою в ч. 3 ст. 311 КК вказано ще на *особливо великий розмір* прекурсорів. Визначення такого розміру, як і великого, проводиться на підставі Табл. 3, затвердженої наказом Міністра охорони здоров'я України від 1 серпня 2000 р. № 188. Наприклад, згідно з цією Таблицею, дії, предметом яких була антранілова кислота, визнаються вчиненими в особливо великому розмірі, якщо її вага становить 25 кг і більше, псевдоефедрин – 0,3 кг і більше; ацетон – у особливо великому розмірі, якщо його обсяг складав 200 л і більше.

Покарання за злочин: за ч. 1 ст. 311 КК – штраф до п’ятдесяти неоподатковуваних мінімумів доходів громадян або обмеження волі на строк до трьох років; за ч. 2 ст. 311 КК – позбавлення волі на строк від трьох до восьми років; за ч. 3 ст. 311 КК – позбавлення волі на строк від шести до дванадцяти років із конфіскацією майна.

Частина 4 ст. 311 КК передбачає *спеціальний вид звільнення особи від кримінальної відповідальності* при вчиненні нею хоча б однієї дії, передбаченої ч. 1 ст. 311 КК.

Підставою звільнення виступають такі дві обставини: добровільна здача прекурсорів, що призначалися для виробництва або виготовлення наркотичних засобів чи психотропних речовин (1); вказання особою на джерело їх придбання або сприяння нею розкриттю злочинів, пов’язаних із незаконним обігом прекурсорів, наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів (2).

Добровільність здачі прекурсорів означає здійснення такої дії з власної ініціативи, незалежно від мотивів та за усвідомленням реальної можливості подальшого здійснення дій, передбачених ч. 1 ст. 311 КК. Що стосується сприяння розкриттю злочинів, то мова в ч. 4 йде не тільки про злочин, передбачений ст. 311 КК, але й про інші, пов’язані із незаконним обігом прекурсорів, наркотичних засобів, психотропних речовин або їх аналогів.

Література:

1. Експрес інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2002 року. – К., 2003. – С. 13.
2. Експрес інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2003 року. – К., 2004. – С. 13.
3. Експрес інформація про стан злочинності на території України за 12 місяців 2004 року. – К., 2005. – С. 14.
4. Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 10. – Ст. 60, 61; 1999. – № 36. – Ст. 317; 2001. – № 25-26. – Ст. 131; 2003. – № 27. – Ст. 209.
5. Офіційний вісник України. – 2000. – № 19. – Ст. 789.
6. Закон України «Про обіг в Україні наркотичних засобів, психотропних речовин, їх аналогів і прекурсорів» від 15 лютого 1995 р. (ст. 6) // Відомості Верховної Ради України. – 1999. – № 36. – Ст. 317.
7. Там само. – Ст. 16.
8. Офіційний вісник України. 2000. – № 14. – Ст. 580.
9. Відомості Верховної Ради України. 1995. – № 10. – Ст. 63; 1999. – № 36. – Ст. 317; 2003. – № 27. – Ст. 209.
10. Постанови Пленуму Верховного Суду України в кримінальних справах. – К.: Юрінком Інтер, 2005. – С. 194-195.
11. Офіційний вісник України. – 2000. – № 34. – Ст. 1468.

**КРИМІНАЛЬНИЙ КОДЕКС УКРАЇНИ.
ЗАГАЛЬНА ЧАСТИНА.
НАУКОВО-ПРАКТИЧНИЙ КОМЕНТАР***

**Стаття 6. Чинність закону про кримінальну відповідальність
щодо злочинів, вчинених на території України**

1. Особи, які вчинили злочини на території України, підлягають кримінальній відповідальності за цим Кодексом.

2. Злочин визнається вчиненим на території України, якщо його було почато, продовжено, закінчено або припинено на території України.

3. Злочин визнається вчиненим на території України, якщо його виконавець або хоча б один із співучасників діяв на території України.

4. Питання про кримінальну відповідальність дипломатичних представників іноземних держав та інших громадян, які за законами України і міжнародними договорами, згода на обов'язковість яких надана Верховною Радою України, не є підсудні у кримінальних справах судам України, в разі вчинення ними злочину на території України вирішується дипломатичним шляхом.

1. Чинність закону про кримінальну відповідальність у просторі визначається на підставі принципів: територіального; громадянства; космополітичного (універсального); реального

2. Відповідно до *територіального принципу*, сформульованого в ч. 1 ст. 6 КК, особи, які вчинили злочини на території України, підлягають кримінальній відповідальності за цим Кодексом.

Особами, які вчинили злочин на території України, можуть бути громадяни України, іноземці та особи без громадянства. Згідно з п. 15 ст. 1 Закону України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства» від 22 вересня 2011 р. № 3773-VI *особа без громадянства* — це «особа, яку жодна держава відповідно до свого законодавства не вважає своїм громадянином» (Уряд. кур'єр. — 2011. — 9 листоп. (№ 208)).

*Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар: у 2 т. / за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, В. І. Борисова, В. І. Тютюгіна. — 5-те вид., допов. — Т. 1: Загальна частина / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. Х.: Право, 2013. — С. 22-35, 84-89.

3. Поняття «територія України» визначається на підставі норм державного і міжнародного права, зокрема Закону України «Про державний кордон України» від 4 листопада 1991 р. (ВВРУ. – 1992. – № 2. – Ст. 5). Стаття 1 цього Закону зазначає: «Державний кордон України є лінія і вертикальна поверхня, що проходить по цій лінії, які визначають межі території України – суші, вод, надр, повітряного простору».

Поняттям «територія України» охоплюються:

а) суша, море, річки, озера та інші водойми, надра землі в межах кордону України, а також повітряний простір над сушею і водним простором, у тому числі і над територіальним морем. «До територіального моря України належать прибережні морські води шириною 12 морських миль, відлічуваних від лінії найбільшого відливу як на материку, так і на островах, що належать Україні, або від прямих вихідних ліній, які з'єднують відповідні точки. Географічні координати цих точок затверджуються в порядку, який встановлюється КМУ. В окремих випадках інша ширина територіального моря України може встановлюватися міжнародними договорами України, а при відсутності договорів – відповідно до загальновизнаних принципів і норм міжнародного права» (ст. 5 Закону України «Про державний кордон України»);

б) військові кораблі, приписані до портів на території України, що перебувають під прапором України у відкритому морі, у територіальному морі або портах інших держав;

в) невійськові судна, приписані до портів на території України, що перебувають під прапором України у відкритому морі;

г) іноземні невійськові судна, що перебувають у територіальному морі чи порту України. Згідно з п. 5 ст. 28 Закону України «Про державний кордон України» прикордонні війська України мають право знімати з такого судна і затримувати осіб, які вчинили злочин і підлягають кримінальній відповідальності за законодавством України, передавати цих осіб органам дізнання та слідства, якщо інше не передбачено міжнародними договорами України;

г) військові повітряні судна України, приписані до аеропортів на її території, які під розпізнавальним знаком України перебувають у відкритому повітряному просторі, у повітряному просторі чи на аеродромі іншої держави;

д) невійськові повітряні судна України, які приписані до аеропортів на її території і перебувають поза межами держави у відкритому повітряному просторі під розпізнавальним знаком України.

4. Виділяють також об'єкти, які не є територією України, але на які за певних умов, передбачених нормами міжнародного права та

законодавством України, поширюються юрисдикція і сфера застосування кримінального законодавства України. Це:

а) *континентальний шельф* – поверхня і надра морського дна підводних районів, що примикають до узбережжя чи до островів України і знаходяться поза зоною територіального моря до глибини 200 м або за цими межами до такого місця, де глибина вод, що покривають шельф, дозволяє розробку природних багатств цих районів. Поверхня і надра морського дна западин, що розташовані в суцільному масиві континентального шельфу України, незалежно від глибини, є частиною континентального шельфу України. Важливо при цьому зазначити, що дія закону про кримінальну відповідальність у просторі стосується тільки випадків учинення злочинів, пов'язаних з розвідкою континентального шельфу, розробкою його мінеральних і живих ресурсів, провадженням бурових робіт, спорудженням, експлуатацією і використанням штучних островів, установок і споруд, здійсненням морських наукових досліджень, захистом і збереженням морської сфери; прокладанням і експлуатацією підводних кабелів і трубопроводів. Разом із тим юрисдикція і сфера застосування кримінального законодавства України не поширюються на води, що покривають континентальний шельф, і повітряний простір над ним, режим яких регулюється міжнародним правом;

б) *виключна (морська) економічна зона України* – це морські райони, зовні прилеглі до територіального моря України, включаючи райони навколо островів, що їй належать. Її ширина становить до 200 морських миль, відлічених від тих самих вихідних ліній, що і територіальне море України (ст. 2 Закону України «Про виключну (морську) економічну зону України» від 16 травня 1995 р.). Питання використання виключної (морської) економічної зони регулюються Конвенцією ООН по морському праву 1982 р. (ратифікована ВРУ в 1999 р.), Законом України «Про виключну (морську) економічну зону України» від 16 травня 1995 р., Кодексом України про надра від 27 липня 1994 р., «Положенням про порядок охорони суверенних прав України у її виключній (морській) економічній зоні», затвердженим Постановою КМУ від 12 червня 1996 р. № 642, та іншими законами та нормативно-правовими актами, що регулюють питання, пов'язані з правовим режимом виключної (морської) економічної зони України. Дія закону про кримінальну відповідальність у просторі поширюється на випадки вчинення в межах зони злочинів, пов'язаних із порушенням правил: ведення рибного промислу, ведення наукових досліджень, проведення робіт і спорудження штучних островів, установок, споруд і встановлення зон безпеки навколо них, запобігання забрудненню морського середовища та ін. Суверенні права

та юрисдикція України щодо морського дна виключної (морської) економічної зони і його надр реалізуються відповідно до законодавства України про континентальний шельф та Кодексу України про надра (ст. 4 Закону України від 16 травня 1995 р. «Про виключну (морську) економічну зону України»).

До зазначених об'єктів належать також підводні телеграфні кабелі і трубопроводи, що проходять по дну відкритого моря; території дипломатичних представництв і консульських установ України за кордоном; автомашини послів під прапором України; місця розташування військових частин України на території інших країн (див. ч. 3 ст. 4 КПК) та деякі інші об'єкти.

5. Згідно з ч. 2 ст. 6 КК *злочин визнається вчиненим на території України, якщо його було почато, продовжено, закінчено або припинено на території України, незалежно від того, де особу було віддано до суду у зв'язку з його вчиненням*. Зазначене положення охоплює як випадки вчинення всього діяння, що являє собою злочин, на території України, так і випадки вчинення частини такого діяння на території України, а іншої частини – на території іншої держави (держав). Тому злочин вважається вчиненим на території України, якщо його, наприклад, було почато за кордоном, а продовжено, припинено чи закінчено на території України або, навпаки, почато в Україні, а продовжено, припинено чи закінчено на території іншої держави. Злочин вважається вчиненим також на території України, якщо він підготовлений за її межами, а дії, що його утворюють, початі чи вчинені на її території, або якщо суспільно небезпечне діяння було почато чи вчинено поза межами України, а закінчено чи суспільно небезпечні наслідки, передбачені законом про кримінальну відповідальність, настали на території України. Однак практично будь-яка із держав, на території якої вчинено певну частину злочинних дій, може застосовувати щодо особи, яка вчинила злочин, свої кримінальні закони, якщо відповідальність за такі злочини в них передбачена.

6. Частина 3 ст. 6 КК вказує на *випадки визнання вчинення злочину на території України, якщо його було скоєно у співучасті декількома суб'єктами, що діяли на території України та за її межами*. Злочин визнається вчиненим на території України, якщо його виконавець або хоча б один із співучасників діяв на території України. Тому відповідно до ст. 27 КК злочин слід вважати вчиненим на території України, якщо організаційна діяльність, підбурювання, пособництво були здійснені за кордоном, а виконавець діяв на території України, а також у протилежних випадках, коли той чи інший співучасник діяв в Україні, а виконавець злочину – за кордоном.

7. Відповідно до міжнародних договорів і законодавства України *особи, які користуються дипломатичним імунітетом, виключені з-під юрисдикції судових властей України*. Це положення закріплено в ч. 4 ст. 6 КК.

Норми міжнародного права: «Віденська конвенція про дипломатичні зносини» від 18 квітня 1961 р. (КК з пост. мат.-ми. Кн. 1. – С. 145–148); «Віденська конвенція про консульські зносини» від 24 квітня 1963 р. (Там само. – С. 148–151); «Конвенція про привілеї та імунітети Об'єднаних Націй» від 13 лютого 1946 р. (Там само. – С. 154–155) та інші міжнародні договори, у яких бере участь Україна; Закон України «Про міжнародні договори України» від 29 червня 2004 р. № 1906-IV (ВВРУ. – 2004. – № 50. – Ст. 540); Указ Президента України від 10 червня 1993 р., яким затверджене «Положення про дипломатичні представництва та консульські установи іноземних держав в Україні» (ГУ. – 1993. – 26 черв.), та інші нормативно-правові акти України надають дипломатичного імунітету і виключають з-під кримінальної юрисдикції України дипломатичних представників іноземних держав і певне коло інших іноземців або частково, на засадах взаємності, обмежують кримінальну юрисдикцію щодо консульських працівників та інших осіб.

8. *Повним дипломатичним імунітетом* користуються: глава дипломатичного представництва в Україні (посол, посланник, повірений у справах), члени дипломатичного персоналу дипломатичного представництва, які мають дипломатичний ранг (радники, торгові представники, військові аташе, перші, другі і треті секретарі, заступники торгових представників, помічники військових аташе), а також члени сімей усіх зазначених осіб, які проживають разом із ними і не є громадянами України. Згідно з пп. 12 та 14 «Положення про дипломатичні представництва та консульські установи іноземних держав в Україні» (далі – Положення) глава дипломатичного представництва і члени дипломатичного персоналу, члени їх сімей «користуються особистою недоторканністю і не можуть бути заарештовані або затримані» (ГУ. – 1993. – 26 черв.).

Імунітети для членів дипломатичного персоналу дипломатичного представництва, передбачені вищезазначеним Положенням, поширюються на представників іноземних держав, на членів парламентських і урядових делегацій іноземних держав, які прибувають в Україну для участі в міжнародних переговорах, міжнародних конференціях і нарадах або з іншими офіційними дорученнями, а також на членів їх сімей, які їх супроводжують і не є громадянами України.

9. *Обмеженим дипломатичним імунітетом* користуються дипломатичні кур'єри, члени адміністративно-технічного і обслуговуючого

персоналу дипломатичних представництв, консульські посадові особи і консульські службовці, члени дипломатичного персоналу іноземних держав в інших країнах, які прямують транзитом через територію України, та інші особи. Ці особи не підлягають кримінальній юрисдикції України лише щодо дій, вчинених ними при виконанні своїх обов'язків (див., зокрема: п. 3 ст. 37, ст. 38 «Віденської конвенції про дипломатичні зносини» від 18 квітня 1961 р.).

Дипломатичний кур'єр користується при виконанні обов'язків особистою недоторканністю і не може бути заарештований або затриманий (абз. 2 п. 10 Положення). Це положення застосовується також щодо тимчасових дипломатичних кур'єрів, призначених для разового перевезення дипломатичної пошти. Імунітети, що надаються останнім, припиняються з моменту доставки ними дипломатичної пошти за призначенням (абзаци 4 та 5 п. 10 Положення).

Члени адміністративно-технічного персоналу і члени сімей, які проживають разом з ними, якщо вони не є громадянами України або не проживають в ній постійно, користуються імунітетом від кримінальної юрисдикції у такому ж обсязі, як і члени дипломатичного персоналу (п. 15 Положення). Члени обслуговуючого персоналу, які не є громадянами України або не проживають в Україні постійно, користуються імунітетом від кримінальної юрисдикції лише щодо дій, вчинених ними при виконанні службових обов'язків (п. 16 Положення).

Члени дипломатичного персоналу іноземної держави в третій державі, які прямують транзитом через територію України, користуються імунітетом від кримінальної юрисдикції та іншими імунітетами, які необхідні для забезпечення їх проїзду.

Це положення застосовується також і до членів їх сімей, які користуються привілеями та імунітетами, в тому числі від кримінальної юрисдикції, і супроводжують зазначених осіб або прямують окремо, щоб приєднатися до них чи повернутися до своєї держави (п. 17 Положення).

Обмеженим дипломатичним імунітетом користуються також *працівники консульських установ*, до яких належать консульські посадові особи (генеральний консул, консул, віце-консул, консульський агент), консульські службовці, які здійснюють адміністративно-технічне обслуговування консульської установи, та працівники обслуговуючого персоналу консульської установи.

Консульські посадові особи користуються особистою недоторканністю і не можуть бути затримані або заарештовані інакше як у разі переслідування за вчинення тяжкого злочину або виконання вироку (ухвали, постанови) суду, що набрав законної сили (п. 25 Положення).

Консульські посадові особи та консульські службовці користуються імунітетом від кримінальної юрисдикції України щодо діяльності, яку вони здійснюють у межах службових обов'язків.

10. Установлюючи обсяг дипломатичного імунітету консульських посадових осіб і консульських службовців, а також співробітників адміністративно-технічного та обслуговуючого персоналу дипломатичного представництва, а також членів сімей цих осіб, треба, крім зазначених конвенцій та Положення, звертатися ще й до конкретної угоди між Україною та відповідною іноземною державою про заснування дипломатичного чи консульського представництва. Такою угодою даним особам на підставі взаємності може бути надано більшого обсягу імунітету від юрисдикції України (наприклад, «Консульська конвенція між Україною та Угорською Республікою» від 31 травня 1991 р., ратифікована 29 жовтня 1992 р.) (БВРВ. – 1991. – № 51. – Ст. 682).

11. Питання про кримінальну відповідальність осіб, які мають дипломатичний імунітет і вчинили злочини на території України, вирішується дипломатичним шляхом (ч. 4 ст. 6 КК). На цих осіб кримінальна юрисдикція України відповідно до абз. 3 п. 13 Положення поширюється лише у разі згоди на це акредитуваної держави, яку вона згідно зі ст. 32 «Віденської конвенції про дипломатичні зносини» від 18 квітня 1961 р. визначає позбавленням певної особи дипломатичного імунітету від кримінальної юрисдикції держави перебування.

Стаття 7. Чинність закону про кримінальну відповідальність щодо злочинів, вчинених громадянами України або особами без громадянства за межами України

1. Громадяни України та особи без громадянства, що постійно проживають в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають кримінальній відповідальності за цим Кодексом, якщо інше не передбачено міжнародними договорами України, згода на обов'язковість яких надана Верховною Радою України.

2. Якщо особи, зазначені у частині першій цієї статті, за вчинені злочини зазнали кримінального покарання за межами України, вони не можуть бути притягнені в Україні до кримінальної відповідальності за ці злочини.

1. У частині 1 ст. 7 КК відображено *принцип громадянства* чинності закону про кримінальну відповідальність у просторі. Відповідно

до цього принципу громадяни України та особи без громадянства, що постійно проживають в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають кримінальній відповідальності за КК, якщо інше не передбачено міжнародними договорами України, згода на обов'язковість яких надана ВРУ. Зазначені особи підлягають відповідальності за вчинене за кордоном суспільнонебезпечне діяння лише за умови, що таке діяння визнається злочином за законодавством України.

2. Притягнення особи до кримінальної відповідальності за злочин, що вчинений за межами України, потребує точного встановлення, що ця особа на час вчинення дії або бездіяльності, передбаченої статтею Особливої частини КК, була громадянином України або особою без громадянства, яка постійно проживає в Україні.

3. Згідно зі ст. 3 Закону України «Про громадянство України» в редакції від 18 січня 2001 р. *громадянами України* є:

1) усі громадяни колишнього СРСР, які на момент проголошення незалежності України (24 серпня 1991 р.) постійно проживали на території України;

2) особи, незалежно від раси, кольору шкіри, політичних, релігійних та інших переконань, статі, етнічного та соціального походження, майнового стану, місця проживання, мовних чи інших ознак, які на момент набрання чинності Законом України

«Про громадянство України» (13 листопада 1991 р.) проживали в Україні і не були громадянами інших держав (див.: *Постанова ВРУ «Про порядок введення в дію Закону України «Про громадянство України» від 8 жовтня 1991 р. № 1637-XII // ВВРУ. – 1991. – № 50. – Ст. 702*);

3) особи, які прибули в Україну на постійне проживання після 13 листопада 1991 р. і яким у паспорті громадянина колишнього СРСР зразка 1974 р. органами внутрішніх справ України внесено напис «громадянин України», а також діти таких осіб, які прибули разом з батьками в Україну, якщо на момент прибуття в Україну вони не досягли повноліття;

4) особи, які набули громадянства України відповідно до законів України та міжнародних договорів України.

Особи, зазначені в п. 1 ч. 1 цієї статті, є громадянами України з 24 серпня 1991 р., зазначені у п. 2 – з 13 листопада 1991 р., а у п. 3 – з моменту внесення відмітки про громадянство України (*ВВРУ. – 2001. – № 13. – Ст. 65*).

Відповідно до зазначеного Закону документами, що посвідчують громадянство України, є: паспорт громадянина України; свідоцтво про

належність до громадянства України; паспорт громадянина України для виїзду за кордон; тимчасове посвідчення громадянина України; проїзний документ дитини; дипломатичний паспорт; службовий паспорт; посвідчення особи моряка; посвідчення члена екіпажу; посвідчення особи на повернення в Україну.

4. *Особами без громадянства* визнаються такі, яких жодна держава відповідно до свого законодавства не вважає своїми громадянами (див. ч. 2 п. 2 коментаря до ст. 6 КК).

Згідно з ч. 1 ст. 26 Конституції України іноземці і особи без громадянства, що перебувають в Україні на законних підставах, користуються тими самими правами і свободами, а також несуть такі самі обов'язки, як і громадяни України, за винятками, встановленими Конституцією, законами чи міжнародними договорами України. Стаття 7 КК має на увазі осіб без громадянства, які постійно проживають в Україні на підставі українських документів – посвідки на постійне проживання.

5. Злочинність і караність діяння, вчиненого за кордоном громадянами України, а також особами без громадянства, які постійно проживають в Україні, визначаються за КК незалежно від того, чи визнається таке діяння злочином у тій країні, де воно було вчинено.

6. Якщо громадяни України та особи без громадянства, які постійно в ній проживають, за вчинені злочини зазнали кримінального покарання за межами України, то згідно з ч. 2 ст. 7 КК вони не можуть бути притягнені в Україні до кримінальної відповідальності за ці ж злочини. Не має значення, де було вчинене суспільно небезпечне діяння, за яке особа за межами України зазнала кримінального покарання: на території України чи в іншій державі.

Нормативне положення, що закріплене в ч. 2 ст. 7 КК, введено до КК 2001 р. відповідно до ч. 1 ст. 61 Конституції України, де зазначено: «Ніхто не може бути двічі притягнений до юридичної відповідальності одного виду за одне й те саме правопорушення». Що стосується інших правових наслідків засудження судом іноземної держави громадянина України і особи без громадянства, яка постійно проживає в ній, то такі наслідки можуть мати місце при притягненні їх до кримінальної відповідальності в Україні за новий злочин (див., зокрема, коментар до ч. 2 ст. 9 КК).

7. *Особами, які зазнали покарання*, у ч. 2 ст. 7 КК вважаються особи, які відповідним судом іноземної держави були засуджені з призначенням їм кримінального покарання за суспільно небезпечне винне діяння, яке за законодавством України також визначається як злочин.

Стаття 8. Чинність закону про кримінальну відповідальність щодо злочинів, вчинених іноземцями або особами без громадянства за межами України

Іноземці або особи без громадянства, що не проживають постійно в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають в Україні відповідальності за цим Кодексом у випадках, передбачених міжнародними договорами або якщо вони вчинили передбачені цим Кодексом тяжкі або особливо тяжкі злочини проти прав і свобод громадян України або інтересів України.

(Стаття 8 в редакції Закону України № 3316-IV від 12 січня 2006 р.)

1. Стаття 8 КК містить положення, які відображають космополітичний (універсальний) та реальний принципи чинності закону про кримінальну відповідальність у просторі. Вони передбачають поширення чинності кримінального законодавства України на суспільно небезпечні діяння, вчинені за межами України іноземцями або особами без громадянства, що не проживають постійно в Україні.

2. *Космополітичний (універсальний) принцип* базується на міжнародно-правових зобов'язаннях України у сфері боротьби із злочинністю. Він полягає в тому, що іноземці або особи без громадянства, що не проживають постійно в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають в Україні відповідальності за КК у випадках, передбачених чинними міжнародними договорами, учасником яких є Україна та на підставі яких до КК внесено відповідні норми, що передбачають кримінальну відповідальність за такі злочини.

3. Визначення поняття «іноземець» наводиться у п. 6 ст. 1 Закону України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства» від 22 вересня 2011 р. № 3773-VI. Це «особа, яка не перебуває у громадянстві України і є громадянином (підданим) іншої держави або держав» (ГУ. – 2011. – 25 жовт. (№ 199)).

4. *Особа без громадянства* (див. ч. 2 п. 2 цього коментаря до ст. 6 КК).

5. Особлива частина КК містить низку статей, що були включені до КК 2001 р. згідно з міжнародними договорами про боротьбу з окремими видами злочинів. Це, зокрема, дозволяє порушувати питання про видачу осіб, які вчинили на території іншої держави злочини проти інтересів України. Так, у ст. 284 «Ненадання допомоги судну та особам, що зазнали лиха» закріплені положення Брюссельської конвенції «Про зіткнення суден на морі і про надання допомоги на морі» від 23 вересня 1910 р. (СЗ. – 1926. – Отд. II. – № 31. – Ст. 188). Стаття 447 «Найманство»

була введена до кримінального законодавства України відповідно до «Міжнародної конвенції про боротьбу з вербуванням, використанням, фінансуванням і навчанням найманців» від 4 грудня 1989 р., що була ратифікована ВРУ 14 липня 1993 р. (*Укр. у між.-пр. відн.* – С. 293–301). На підставі космополітичного (універсального) принципу ці норми КК можуть застосовуватися в межах положень, що відповідають міжнародним угодам, до іноземців і осіб без громадянства, які не проживають постійно в Україні і вчинили злочини за її межами.

6. Згідно зі ст. 8 КК іноземці або особи без громадянства, що не проживають постійно в Україні, які вчинили злочини за її межами, підлягають в Україні відповідальності за її КК також у випадках, якщо вони вчинили передбачені КК тяжкі або особливо тяжкі злочини проти прав і свобод громадян України або інтересів України. Це положення відбиває *реальний принцип* чинності закону про кримінальну відповідальність у просторі. Цей принцип засновується на загальновизнаних нормах і принципах міжнародного права, сутність яких полягає в тому, що будь-яка держава має право карати діяння, які вчинені іноземцями за межами її території і порушують її кримінальні закони, якщо ці діяння посягають на основні права і свободи її громадян або ставлять під загрозу інтереси держави. Наприклад, за ст. 115 КК – у разі вбивства громадянина України на території іншої держави чи за ч. 2 ст. 258 КК – за вчинення поза межами України терористичного акту за попередньою змовою групою осіб з метою провокації воєнного конфлікту між Україною та іншою державою. Уведення реального принципу до кримінального законодавства України є однією з форм реалізації конституційного положення, яке зобов'язує державу гарантувати піклування та захист своїм громадянам, які перебувають за її межами (ч. 3 ст. 25 Конституції України).

7. Визнання злочину *тяжким* або *особливо тяжким* можливе лише на підставі КК (див. коментар до ч. 4 та ч. 5 ст. 12 КК).

8. Поняття *прав і свобод громадян України* – див. коментар до ст. 1 КК.

9. Поняття *інтересів України* є оціночним і має визначатися з урахуванням значущості для держави охоронюваного КК об'єкта та суспільної небезпечності посягання. Зокрема, злочинами проти інтересів України можуть бути визнані злочини проти основ національної безпеки України, певні злочини проти громадської безпеки, у сфері охорони державної таємниці, недоторканності державних кордонів, забезпечення призову та мобілізації, проти авторитету органів державної влади, органів місцевого самоврядування та об'єднань громадян, проти миру, безпеки людства та міжнародного правопорядку (про

інтереси держави див., зокрема, п. 3 Рішення КСУ від 8 квітня 1999 р. № 3-рп/99).

10. Застосування космополітичного (універсального) принципу, як і реального, до іноземців та осіб без громадянства, які не проживають постійно в Україні, можливе за умови, якщо такі особи не були засуджені в іноземній державі і притягаються до кримінальної відповідальності на території України.

Стаття 9. Правові наслідки засудження особи за межами України

1. Вирок суду іноземної держави може бути врахований, якщо громадянин України, іноземець або особа без громадянства були засуджені за злочин, вчинений за межами України, та знову вчинили злочин на території України.

2. Відповідно до частини першої цієї статті рецидив злочинів, невідбуте покарання або інші правові наслідки вироку суду іноземної держави враховуються при кваліфікації нового злочину, призначенні покарання, звільненні від кримінальної відповідальності або покарання.

1. У частині 1 ст. 9 КК вказано на можливість врахування вироку суду іноземної держави до громадян України, іноземців або осіб без громадянства, які були засуджені за злочин, вчинений за межами України, та знову вчинили злочин на території України, за який вони притягуються до кримінальної відповідальності. Це відповідає вимогам ст. 56 «Європейської конвенції про міжнародну дійсність кримінальних вироків» (ратифікована Законом України від 26 вересня 2002 р.), згідно з якою «кожна Договірна Держава приймає таке законодавство, яке вона вважає за доцільне, для того, щоб надати можливість своїм судам при винесенні вироку брати до уваги будь-яке попереднє європейське судове рішення у кримінальній справі, винесене за інший злочин... з тим, щоб додати до цього вироку усі чи деякі наслідки, які її законодавство надає вирокам, винесеним на її території. Вона визначає умови, за яких такий вирок береться до уваги».

Положення ст. 9 КК рівним чином можуть бути застосовані до громадян України, іноземців та осіб без громадянства, які були засуджені за межами України і щодо яких обвинувальний вирок, винесений судом іноземної держави, набув чинності. При цьому врахування вироку суду іноземної держави є правом суду України або іншого відповідного

органу, а не обов'язком. Таке врахування можливе як відносно осіб, що повністю або частково відбули призначене їм покарання, так і тих, які покарання не відбули.

2. Згідно з ч. 2 ст. 9 КК рецидив злочинів, невідбуте покарання або інші правові наслідки вироку суду іноземної держави враховуються при: кваліфікації нового злочину; призначенні покарання; звільненні від кримінальної відповідальності; звільненні від покарання.

3. *Рецидив* – це вчинення нового умисного злочину особою, яка має судимість за умисний злочин (див. коментар до ст. 34 КК).

4. *Невідбуте покарання* – див. коментар до статей 71 і 82 КК.

5. *Інші правові наслідки* – до них належать повторність і сукупність злочинів, вид і розмір призначеного покарання, зобов'язання при умовно-достроковому звільненні, зобов'язання відшкодувати заподіяну в результаті злочину матеріальну шкоду тощо.

6. *Кваліфікація злочину* – це встановлення і юридичне закріплення точної відповідності між ознаками вчиненого діяння й ознаками злочину, передбаченого нормою статті Особливої частини КК. Така відповідність встановлюється на підставі складу злочину.

7. *Призначення покарання* – див. коментар до статей 65-73 КК.

8. *Звільнення від кримінальної відповідальності* – див. коментар до статей 44-49 КК.

9. *Звільнення від покарання* – див. коментар до статей 74-87 КК.

10. Застосування положень ст. 9 КК може бути обмежене дією міжнародного до говору, учасником якого є Україна. Зокрема, при ратифікації Законом України від 3 березня 1998 р. Протоколу до Мінської «Конвенції про правову допомогу і правові відносини у цивільних, сімейних та кримінальних справах» (укладена державами – членами СНД 22 січня 1993 р. та ратифікована Законом України від 10 листопада 1994 р.) (*Укр. у між.-пр. відн. – С. 1014-1082*), що був підписаний 29 березня 1997 р., було зроблено застереження щодо нової ст. 761 Конвенції «Визначення вироків». Зазначено: «Україна не приймає на себе зобов'язання визнавати і враховувати вирoki, винесені судами договірних сторін, при вирішенні питань про визнання особи особливо небезпечним рецидивістом, про встановлення факту вчинення злочину повторно і порушення обов'язків, пов'язаних з умовним засудженням, відстрочкою виконання вироку або умовно-достроковим звільненням» (*БВРУ. – 1998. – № 26. – Ст. 162*). Спираючись на це застереження, суди України при вирішенні питань, зазначених у ньому, не враховують вирoki, постановлені судами держав СНД (*БВСУ. – 2004. – № 5. – С. 19-20*).

Стаття 10. Видача особи, яка обвинувачується у вчиненні злочину, та особи, яка засуджена за вчинення злочину

1. Громадяни України та особи без громадянства, що постійно проживають в Україні, які вчинили злочини поза межами України, не можуть бути видані іноземній державі для притягнення до кримінальної відповідальності та віддання до суду.

2. Іноземці, які вчинили злочини на території України і засуджені за них на підставі цього Кодексу, можуть бути передані для відбування покарання за вчинений злочин тій державі, громадянами якої вони є, якщо така передача передбачена міжнародними договорами України.

3. Іноземці та особи без громадянства, що постійно не проживають в Україні, які вчинили злочини поза межами України і перебувають на її території, можуть бути видані іноземній державі для притягнення до кримінальної відповідальності і віддання до суду або передані для відбування покарання, якщо така видача або передача передбачені міжнародними договорами України.

1. У статті 10 КК закріплені основні положення інституту екстрадиції. *Екстрадиція* – фр. *extradition*, від лат. *ex* – з, поза і *tradition* – видача, передача (див.: *Юридична енциклопедія* : в 6 т. /редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К. : Укр. енцикл., 1998. – С. 350).

Під екстрадицією особи, яка вчинила злочин, розуміють видачу або передачу такої особи однією державою (яку запитують), на території якої ця особа перебуває, іншій державі (яка запитує), на території якої було вчинено злочин або громадянином якої вона є. Стаття передбачає два різновиди здійснення екстрадиції: 1) *видача* особи, яка вчинила злочин, для притягнення до кримінальної відповідальності і віддання до суду (частини 1 і 3) та 2) *передача* особи для відбування покарання (частини 2 та 3). Видача або передача особи, яка вчинила злочин, є суверенним правом держави, а не обов'язком.

2. У частині 1 ст. 10 КК відповідно до статей 25 та 26 Конституції України наведені суттєві обмеження щодо можливості застосування інституту видачі особи. Ці обмеження стосуються громадян України та осіб без громадянства, що постійно проживають в Україні, які вчинили злочин поза межами України. Вони не можуть бути видані іноземній державі для притягнення до кримінальної відповідальності та віддання до суду. Водночас зазначене положення стосується лише національної,

а не міжнародної юрисдикції. Щодо видачі зазначених осіб повноважному міжнародному суду, то вона можлива. КСУ у висновку (справа про Римський Статут) від 11 липня 2001 р. роз'яснив, що міжнародний кримінальний суд не може прирівнюватися до іноземного суду, оскільки створюється за участю та згідно з державами-учасниками на основі міжнародного, а не національного права (абз. 2 п. 2.3.2 мотивувальної частини зазначеного висновку). Отже, використані законодавцем у ч. 1 ст. 10 КК слова «та віддання до суду» треба тлумачити обмежено, маючи на увазі випадки віддання лише до іноземного суду, що здійснює національну юрисдикцію. Треба також зазначити, що видача, а точніше, «передача» зазначених у ч. 1 ст. 10 КК осіб до міжнародного суду можлива лише за умови приєднання України до відповідних установчих угод (конвенцій, статутів тощо) та прийняття на себе певних міжнародно-правових зобов'язань. Щодо «Римського Статуту Міжнародного кримінального суду» від 17 липня 1998 р., підписаного від імені України 20 січня 2000 р., про який ідеться у висновку КСУ від 11 липня 2001 р., то на цей час приєднання України до цього Статуту не ратифіковане ВРУ.

Термін «передача», що застосовується в окремих міжнародних договорах, ратифікованих Україною, передбачає можливість повернення в Україну її громадян, щодо яких було здійснено інтервенцію. Так, 15 листопада 2006 р. ВРУ ратифікувала своїм законом Угоду про незаконний обіг на морі, укладену на виконання ст. 17 Конвенції ООН про боротьбу з незаконним обігом наркотичних засобів та психотропних речовин. Законом було проголошено: «Україна заявляє, що, діючи як інтервенуюча Держава, вона здійснюватиме таку інтервенцію за умови, що особи, які мають її громадянство та були передані Державі прапору згідно зі статтею 15 Угоди і там засуджені за відповідне правопорушення, матимуть можливість бути переданими назад в Україну для відбування призначеного покарання» (ВВРУ. – 2007. – № 2. – Ст. 11).

3. Відповідно до норм конституційного права України (ст. 26 Конституції України) не підлягають видачі також іноземці та особи без громадянства, яким Україною було надано притулок у порядку, встановленому законом (див.: *Конституція України. Науково-практичний коментар / редкол.: В. Я. Тацій (голова редкол.), О. В. Петришин (відп. секретар), Ю. Г. Барабаш та ін. ; Нац. акад. прав. наук України. – 2-ге вид., переробл. і допов. – Х. : Право, 2011. – С. 185).*

Законом України «Про біженців та осіб, які потребують додаткового або тимчасового захисту» від 8 липня 2011 р. № 3671-VI визначені умови, за яких іноземець чи особа без громадянства не може бути висланий або примусово повернений до країни, де їх життя або свободі загро-

жує небезпека (ГУ. – 2011. – 3 серп. (№ 142)). Сутнісні обмеження щодо можливості видачі іноземців та осіб без громадянства містяться також у Законі України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства» від 22 вересня 2011 р. № 3773-VI. У статті 31 цього Закону встановлена заборона щодо примусового повернення чи примусового видворення або видачі чи передачі іноземця та особи без громадянства (ВВПУ. – 2012. – № 19–20. – Ст. 179).

4. Згідно з ч. 2 ст. 10 КК іноземці, які вчинили злочини на території України і засуджені за них на підставі цього Кодексу, можуть бути передані для відбування покарання за вчинений злочин тій державі, громадянами якої вони є, якщо така передача передбачена міжнародними договорами України. Видача особи, яка вчинила злочин, є суверенним правом держави, а не обов'язком. Підставою такої видачі служить вирок, який набрав законної сили, винесений судом держави, що запитується, щодо громадянина держави, що запитує, а також міжнародний договір, учасниками якого повинні бути Україна і держава, що запитує. При цьому видача для виконання вироку може бути здійснена лише щодо осіб, які вчинили діяння, що відповідно до законодавства України та законодавства держави, що запитує, є кримінально караними. Наприклад, така видача злочинців передбачена «Європейською конвенцією про видачу правопорушників» від 13 грудня 1957 р. (ратифікована Законом України 16 січня 1998 р.), Мінською «Конвенцією про правову допомогу та правові відносини у цивільних, сімейних та кримінальних справах» від 22 січня 1993 р. (ратифікована Законом України 10 листопада 1994 р.) та Протоколом із застереженнями до неї від 28 червня 1997 р. (ратифіковано Законом України від 3 березня 1998 р.), «Європейською конвенцією про міжнародну дійсність кримінальних вироків» від 28 травня 1970 р. (ратифікована Законом України від 26 вересня 2002 р.). Так, згідно з ч. 2 ст. 56 Мінської конвенції видача для виконання вироку можлива лише за таке діяння, яке визначається злочином в обох державах і за вчинення якого особа, яку треба видати, була засуджена до позбавлення волі на строк не менш одного року або до більш суворого покарання. Відповідно до Європейської конвенції 1970 р. «санкція може виконуватися іншою Договірною Державою тільки у разі, якщо згідно із її законодавством дія, за яку була встановлена санкція, була б злочином у разі її вчинення на її території, та особа, якій було встановлено санкцію, підлягала би покаранню, у разі якщо вона вчинила б цю дію там» (ч. 1 ст. 4).

5. Згідно з ч. 3 ст. 10 КК іноземці та особи без громадянства, що постійно не проживають в Україні, які вчинили злочини поза межами України і перебувають на її території, можуть бути видані іноземній

державі для притягнення до кримінальної відповідальності і віддання до суду або передані для відбування покарання, якщо така видача або передача передбачені міжнародними договорами України. Так, видачу з метою проведення кримінального переслідування встановлено п. 2 ст. 60 Договору між Україною і Республікою Польща про правову допомогу та правові відносини від 27 травня 1993 р. (Укр. у між.-пр. відн. – С. 981–1019). Мінська конвенція 1993 р. та Протокол із застереженнями до неї 1997 р. передбачають видачу правопорушників для притягнення до кримінальної відповідальності за діяння, які в запитуваній і запитуючій договірних країнах караються за законом позбавленням волі на строк не менше одного року або більш суворим покаранням (ч. 2 ст. 56 Конвенції). 7 жовтня 2002 р. держави – члени СНД підписали у Кишиневі нову Конвенцію про правову допомогу і правові відносини у цивільних, сімейних та кримінальних справах, яка після її ратифікації ВРУ повинна замінити застосування в Україні Мінської конвенції та Протоколу до неї (лист МЮ від 21 січня 2006 р. № 25-53/7).

Стаття 25. Необережність та її види

1. Необережність поділяється на злочинну самовпевненість та злочинну недбалість.

2. Необережність є злочинною самовпевненістю, якщо особа передбачала можливість настання суспільно небезпечних наслідків свого діяння (дії або бездіяльності), але легковажно розраховувала на їх відвернення.

3. Необережність є злочинною недбалістю, якщо особа не передбачала можливості настання суспільно небезпечних наслідків свого діяння (дії або бездіяльності), хоча повинна була і могла їх передбачити.

1. Необережність – це друга основна форма вини у кримінальному праві. Необережна форма вини характерна для порушень правил безпеки руху та експлуатації транспорту, порушень вимог законодавства про охорону праці й безпеку виробництва, окремих службових злочинів тощо.

2. У частині 1 ст. 25 КК зазначено два види необережності: *злочинна самовпевненість* (за КК 1960 р. цей вид необережності визначався як злочинна самонадіяність) та *злочинна недбалість*. Визначення цих видів необережної форми вини наведені у частинах 2 і 3 ст. 25 КК.

Аналіз статей Особливої частини КК показує, що в них у більшості випадків передбачена відповідальність за необережні злочини у зв'язку

з настанням суспільно небезпечних наслідків див., наприклад, статті 119, 286, 367 КК). Ці норми сконструйовано за ознаками матеріального складу злочину. Із наведених у ст. 25 КК визначень злочинної самовпевненості (ч. 2) і злочинної недбалості (ч. 3) випливає, що законодавець у нормах цієї статті якраз і сформулював необережність через ставлення особи до наслідків свого діяння, тобто дав ці визначення відповідно до матеріальних складів злочинів. Разом з тим окремі статті Особливої частини КК передбачають можливість відповідальності за самі дії (бездіяльність), вчинені з необережності. Наприклад, умисно або необережно можуть бути порушені правила охорони рибних запасів або диких водних тварин при проведенні вибухових робіт (ст. 250 КК), правила міжнародних польотів (ст. 334 КК). Ці норми сконструйовані за ознаками формального складу злочину. При визначенні ознак такого складу необхідно встановлювати форму вини щодо самого діяння (дії, бездіяльності).

Що стосується злочинів, нормативне визначення яких викладене в законі за ознаками усіченого складу, то їм необережність не притаманна.

3. Злочинна самовпевненість, як і інші види вини, характеризується двома ознаками – інтелектуальною і вольовою.

Інтелектуальну ознаку злочинної самовпевненості відображено у законі лише вказівкою на ставлення суб'єкта до суспільно небезпечних наслідків. Закон не містить характеристики психічного ставлення особи до вчинюваного нею діяння (дії, бездіяльності), хоча в дійсності воно є. Діючи певним чином, особа усвідомлює фактичну сторону свого діяння, відповідно об'єктивним ознакам злочину, визначених законом, такою мірою, якою це необхідно, щоб передбачити можливість настання від нього суспільно небезпечного (-них) наслідку(-ів). Так, майстер виробничої дільниці направляє на роботу працівника, який прибув до нього, не провівши з ним відповідного інструктажу з техніки безпеки. При цьому він просить інших досвідчених робітників, обізнаних з вимогами правил техніки безпеки, контролювати поведінку новачка і допомагати йому. У цьому разі майстер, розуміючи, що інструктаж необхідний, прагне нейтралізувати можливу небезпеку свого рішення обставинами, які, на його думку, не допустять спричинення негативних наслідків. У наведеному прикладі особа усвідомлює, що порушує відповідні правила техніки безпеки і це може призвести до суспільно небезпечних наслідків.

Передбачення особою можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Говорячи про цю сферу інтелектуальної діяльності суб'єкта, на яку вказано безпосередньо в законі, слід зазначити, що особа, діючи

самовпевнено, передбачає як фактичні ознаки можливих наслідків своєї дії (бездіяльності), так і суспільно небезпечний характер. Діючи (не діючи) злочинно самовпевнено, суб'єкт передбачає, що діяння, подібні до вчиненого ним, взагалі-то призводять до суспільно небезпечних наслідків, однак упевнений, що вчинена саме ним дія (бездіяльність) не повинна спричинити таких наслідків. Тому, діючи (не діючи) у відповідній конкретній обстановці, особа не усвідомлює і реального розвитку причинного зв'язку між своєю поведінкою і наслідками, хоча й могла б це зробити за більшого напруження своїх психічних можливостей. При злочинній самовпевненості має місце передбачення абстрактної можливості настання наслідків.

Вольова ознака злочинної самовпевненості полягає у тому, що особа легковажно розраховує на відвернення суспільно небезпечних наслідків. Особа розраховує на цілком реальні, певні обставини, які за своїми властивостями, зв'язками здатні відвернути настання наслідків. Це її власні, особисті якості (спритність, уміння, досвідченість, майстерність), дії інших осіб, фізичні або хімічні закони, вплив обстановки, сили природи тощо. Розрахунок же на втручання обставин, що в момент вчинення діяння були відсутні, а їх вияв не є закономірним, виключає самовпевненість.

Незважаючи на впевненість суб'єкта у ненастанні наслідків, його розрахунок виявляється неправильним (легковажним), оскільки надія па певні обставини (властивості, зв'язки діяння) або частину таких була помилковою і не змогла відвернути суспільно небезпечних наслідків. Таку помилку особи зумовлено тим, що вона переоцінила можливості та значення обставин, на які розраховувала.

4. Відмежування самовпевненості від непрямого умислу. За інтелектуальними і за вольовими ознаками зазначені види вини мають певну схожість. Так, і при злочинній самовпевненості, і при непрямому умислі особа передбачає можливість настання суспільно небезпечних наслідків. Разом із тим, якщо при злочинній самовпевненості особа передбачає абстрактну можливість настання наслідків, то при непрямому умислі – реальну конкретну можливість їх настання. У другому випадку наслідки передбачаються нею досить чітко. Особа, діючи (не діючи) з непрямым умислом, передбачає, що її діяння цілком імовірно, за даних конкретних умов, може спричинити суспільно небезпечні наслідки. У цьому полягає відмінність зазначених видів вини за інтелектуальною ознакою.

За вольовою ознакою відмінність злочинної самовпевненості від непрямого умислу полягає в тому, що при злочинній самовпевненості

воля особи спрямована на відвернення можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Розрахунок особи – конкретний, спирається на певну обставину (властивість, зв'язок діяння) чи групу обставин, здатних, на її думку, відвернути настання наслідків. Вона в цьому впевнена. Однак, як уже відзначалося, у результаті цей розрахунок виявляється помилковим, неправильним, бо особа переоцінила можливості обраних нею обставин. При непрямому ж умислі особа свідомо допускає настання суспільно небезпечних наслідків. При цьому в неї, як правило, немає розрахунку на їх відвернення. В окремих випадках воля особи нібито і спрямована на недопущення наслідків свого діяння, тобто є немов би якийсь розрахунок, проте такий розрахунок і надія, що ним була обумовлена, мають абстрактний характер. Надія, що виникає в особі, є невиразною, пасивною за змістом, це надія на «навмання», на випадковість, а не на конкретні обставини. Наприклад, суб'єкт, який штовхає у воду людину, котра не вміє плавати, з човна, що знаходиться посеред широкої і глибокої ріки, не має будь-яких достатніх підстав для реальної надії на те, що потерпілий не загине. Тому теорія та судова практика розглядають такі випадки як учинені з непрямым умислом.

5. Злочинна недбалість відрізняється від інших видів вини (прямого та непрямого умислу, злочинної самовпевненості) тим, що особа не передбачає настання суспільно небезпечних наслідків. Для встановлення злочинної недбалості також необхідно знати її інтелектуальну і волюову ознаки.

Інтелектуальна ознака злочинної недбалості характеризується відсутністю в особі усвідомлення суспільної небезпечності вчинюваного нею діяння (дії або бездіяльності), а також відсутністю передбачення можливості настання суспільно небезпечних наслідків від цього діяння.

За ставленням до діяння (дії, бездіяльності) можуть бути такі варіанти психічного стану:

а) суб'єкт усвідомлює, що порушує певні вимоги обережності, але не передбачає можливості настання суспільно небезпечних наслідків. Таке ставлення є характерним для випадків, коли суб'єкт вважає своє відступлення від потрібної поведінки неістотним і нездатним набути негативного соціального розвитку. Наприклад, охоронець без належного дозволу пропускає на об'єкт, закритий для сторонніх, свого знайомого, не припускаючи, що останній може використати перебування на цьому об'єкті для вчинення протиправної дії;

б) суб'єкт, здійснюючи свідомий вчинок, не усвідомлює, що в такий спосіб він порушує вимоги обережності. Наприклад, водій, керуючи транспортним засобом, не знизив швидкості до потрібної, оскільки

не помітив попереджувальний знак «Обмеження максимальної швидкості». Продовжуючи рух, він вважає, що діє належним чином;

в) саме діяння суб'єкта позбавлене свідомого вольового контролю, але цей контроль втрачено з його вини. Наприклад, робітник виробництва, перебуваючи у стані сильного алкогольного сп'яніння і намагаючись встати на ногах, хапається за рубильник, включає струм на лінію електропередачі у той час, коли на ній проводяться ремонтні роботи.

Непередбачення можливості настання наслідків свідчить про зневажливе ставлення особи до суспільних інтересів, її недостатню передбачливість при здійсненні службових обов'язків, виконанні спеціальних правил, які регулюють ту чи іншу професійну діяльність, додержанні загальноновизнаних норм людського спілкування. При дбайливому, уважному ставленні до суспільних інтересів особа, як правило, передбачає можливі небезпечні наслідки своєї дії (бездіяльності) і або запобігає їм, або відмовляється від такого діяння.

При визначенні злочинної недбалості в поведінці особи важливе місце посідає встановлення обов'язку і можливості суб'єкта передбачити суспільно небезпечні наслідки. Обов'язок, або повинність, передбачити наслідки («повинна була») в теорії кримінального права називають об'єктивним критерієм злочинної недбалості; можливість передбачення («могла») – суб'єктивним критерієм. Для констатації злочинної недбалості необхідне сполучення об'єктивного і суб'єктивного критеріїв.

Об'єктивний критерій злочинної недбалості базується на вимогах персональної відповідальності суб'єкта. Цей критерій означає обов'язок конкретної особи передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків при здійсненні нею дій, що потребують додержання певних заходів обережності. Це можуть бути як елементарні (прості) заходи, які застосовуються у процесі безпосереднього спілкування людей один з одним, так і складні, наприклад, вимоги безпеки при здійсненні професійної діяльності. Обов'язок бути уважним і обачливим при здійсненні відповідних дій, передбачити можливість настання від них небезпечних наслідків може впливати із законів, спеціальних правил (інструкцій, положень), що регламентують ту чи іншу службову або професійну діяльність, а також із загальноновизнаних (доступних для розуміння всіма) норм людського спілкування. Відсутність обов'язку для особи передбачити можливість настання суспільно небезпечних наслідків (об'єктивного критерію) означає відсутність у її діяльності злочинної недбалості. Наприклад, Н. було притягнуто до кримінальної відповідальності за те, що, працюючи завідувачкою магазином, не перевірила якості ремонту печі. При користуванні нею в магазині виникла пожежа

через те, що ремонт печі був неякісним. Суд, аналізуючи суб'єктивну сторону діяння, що його припустила-ся Н., встановив, що вона не зобов'язана була передбачити можливість виникнення пожежі внаслідок неякісного ремонту, оскільки контроль за такими роботами не входив до кола її службових обов'язків. Справу щодо Н. було припинено за відсутності вини.

Суб'єктивний критерій злочинної недбалості слід розглядати у тісному зв'язку з об'єктивним. Вирішальне значення тут має встановлення фактичної можливості особи передбачити зазначені в законі наслідки. Цю можливість необхідно пов'язувати, по-перше, з індивідуальними якостями особи (вік, освіта, ступінь підготовленості та кваліфікації, знання загальних і спеціальних правил обережності, наявність життєвого і професійного досвіду, інтелектуальний рівень, стан здоров'я тощо); по-друге – з тією конкретною обстановкою, в якій діяла дана особа. Наявність цих двох умов робить для суб'єкта реально можливим передбачення суспільно небезпечних наслідків. Указівка в законі на те, що при злочинній недбалості, крім обов'язку, має бути і можливість передбачити суспільно небезпечні наслідки свого діяння, виключає об'єктивне ставлення за вину. Тому невинно щодо введення в обіг на ринку України (випуск на ринок України) небезпечної продукції (ст. 227 КК) діє суб'єкт у разі, якщо вимоги щодо безпечності продукції змінені, але йому у встановленому порядку про це не повідомлено, і продукція продовжує випускатися на виробництві за старими вимогами щодо її безпечності. Незважаючи на обов'язок випускати продукцію відповідно до встановлених вимог, особа, яка не знає про їх зміни, в такому разі не може передбачити, що своїми діями допускає випуск небезпечної продукції.

Вольова ознака злочинної недбалості полягає у тому, що особа, маючи реальну можливість передбачити суспільно небезпечні наслідки своєї поведінки, не мобілізує власні інтелектуальні та психічні здібності для того, щоб здійснити вольові дії, необхідні для запобігання таким наслідкам. Щодо таких дій в особі відсутні характерні для волі переживання – «треба», «це необхідно зробити», «я повинен їх здійснити», хоча ситуація давала їй достатню інформацію (зовнішні сигнали) для цього, а за своїми особистими якостями вона могла сприйняти й усвідомити цю інформацію та прийняти правильне рішення.

6. Як уже зазначалося, законодавець у ч. 3 ст. 25 КК сформулював визначення недбалості відносно злочинів з матеріальним складом. Що стосується злочинів із формальним складом, то при визначенні вини характеристику її ознак треба давати щодо діяння (дії, бездіяльності), а

не наслідків. Таке переміщення тягне за собою заміну словосполучення з «не передбачила» на «не усвідомлювала». Звідси для злочинів, що мають формальний склад, недбалість може бути визначено таким чином: *особа, яка вчинила діяння (дію або бездіяльність), не усвідомлювала його суспільної небезпечності, хоча повинна була і могла це усвідомлювати*. Наприклад, при вльоті іноземного літака на територію України пілот, який ним керував, забув увімкнути відповідні розпізнавальні знаки. Продовжуючи політ, він не усвідомлював, що порушує правила міжнародних польотів, тобто вчиняє суспільно небезпечне діяння, визначене як злочин у ст. 334 КК, хоча повинен був і міг усвідомлювати цю обставину, якщо б виявив необхідну уважність.

7. **«Випадок»**. Від злочинної недбалості слід відрізняти «випадок» («казус»). «Випадок» у судовій практиці зустрічається нерідко, а актуальність питань, які з ним пов'язані, досить висока, оскільки йдеться про наявність або відсутність вини у кожному випадку. Особливо часто «випадок» зустрічається у справах про заподіяння шкоди життю та здоров'ю людини, виробничий травматизм, порушення правил безпеки руху та експлуатації транспорту.

«Випадок» є самостійним видом психічного ставлення суб'єкта до суспільно не-безпечних наслідків. Він має місце тоді, коли наслідки, що настали, перебувають у причинному зв'язку з діянням (дією або бездіяльністю) особи, яка, однак, не тільки не передбачала можливості їх настання, а й не могла їх передбачити. «Випадок» виключає вину в поведінці особи. На відміну від злочинної недбалості «випадок» характеризується відсутністю суб'єктивного критерію, який у поєднанні з об'єктивним визначає недбалість як вид необережної вини. Неможливість передбачити суспільно небезпечні наслідки може бути зумовлена як суб'єктивними особливостями особи (брак необхідних знань, навичок, досвіду, слабкі розумові здібності, хвороба тощо), так і тією конкретною обстановкою, в якій було вчинено діяння, що спричинило наслідки. Наприклад, М. і К. ішли польовою дорогою. М., закурюючи, кинув у зарослий травою кювет палаючий сірник, який потрапив у бочку з-під бензину, що там лежала, внаслідок чого бензин, що залишився на дні бочки, зайнявся і стався вибух. Дном бочки, що вилетіло, К. було заподіяно тяжкі тілесні ушкодження. Сам же М. від вибуху не постраждав, бочки, що лежала в кюветі, не бачив. У цьому випадку М. не передбачав можливості заподіяння шкоди К. і не міг її передбачити.

«Випадок» («казус») виключає кримінальну відповідальність за відсутністю складу злочину (зокрема вини) в поведінці особи.

Що стосується ситуацій, пов'язаних із відсутністю в особи обов'язку («не повинна») діяти певним чином та передбачати наслідки, то за таких обставин питання про вину або «випадок» («казус») знімається за відсутністю у поведінці особи діяння як ознаки об'єктивної сторони злочину.

КРИМІНАЛЬНИЙ КОДЕКС УКРАЇНИ. ОСОБЛИВА ЧАСТИНА. НАУКОВО-ПРАКТИЧНИЙ КОМЕНТАР*

Стаття 146. Незаконне позбавлення волі або викрадення людини

1. Незаконне позбавлення волі або викрадення людини – караються обмеженням волі на строк до трьох років або позбавленням волі на той самий строк.

2. Ті самі діяння, вчинені щодо малолітнього або з корисливих мотивів, щодо двох чи більше осіб або за попередньою змовою групою осіб, або способом, небезпечним для життя чи здоров'я потерпілого, або таке, що супроводжувалося заподіянням йому фізичних страждань, або із застосуванням зброї, або здійснюване протягом тривалого часу, – караються обмеженням волі на строк до п'яти років або позбавленням волі на той самий строк.

3. Діяння, передбачені частинами першою або другою цієї статті, вчинені організованою групою, або такі, що спричинили тяжкі наслідки, – караються позбавленням волі на строк від п'яти до десяти років.

1. Безпосереднім об'єктом цього злочину є суспільні відносини, що забезпечують особисту волю людини та її недоторканність. Під особистою волею розуміється свобода вибору людиною місця свого знаходження, включаючи переміщення. Відповідно до Закону України «Про свободу пересування та вільний вибір місця проживання в Україні» від 11 грудня 2003 р. № 1382-IV (ВВРУ. – 2004. – № 15. – Ст. 232) кожна людина має право на свободу пересування, під якою розуміється «право

* Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, В. І. Борисова, В. І. Тютюгіна. – 5-те вид., допов. – Т. 2 : Особлива частина / Ю. В. Баулін, В. І. Борисов, В. І. Тютюгін та ін. Х. : Право, 2013. – С. 106-111; 120-121; 524-527; 530-533; 535-537.

громадянина України, а також іноземця та особи без громадянства, які на законних підставах перебувають в Україні, вільно та безперешкодно за своїм бажанням переміщатися по території України у будь-якому напрямі, у будь-який спосіб, у будь-який час, за винятком обмежень, які встановлюються законом» (ст. 3). *Потерпілим* від злочину може бути будь-яка фізична особа. Виняток становлять певні потерпілі, позбавлення волі або викрадення яких потребує кваліфікації за іншими статтями закону про кримінальну відповідальність (див., *наприклад*, ст. 444 КК).

2. **Об'єктивна сторона** злочину передбачає такі діяння: 1) незаконне позбавлення волі; 2) викрадення людини. Вчинення одного із зазначених діянь є достатнім для встановлення об'єктивної сторони злочину. Склад цього злочину – формальний.

Незаконне позбавлення волі полягає в протиправному перешкоджанні людині обирати за своєю волею місце знаходження. Воно може виявитися у затриманні потерпілого в тому місці, де він знаходиться не бажає, або поміщення його в таке місце, яке він не має змоги вільно залишити. Це діяння може бути здійснене шляхом застосування фізичного насильства (наприклад, потерпілого зв'язують і зачиняють у підвалі, поміщують у задалегідь підготовлене місце тощо), а також шляхом психічного насильства (наприклад, під загрозою застосування зброї потерпілого примушують залишатися у приміщенні). Воно може бути вчинене і шляхом обману (наприклад, людину заманюють у будь-яке місце і зачиняють з метою позбавлення волі).

За статтею 146 КК карається лише незаконне позбавлення волі, тому відповідальність виключається, якщо особу було позбавлено волі внаслідок необхідної оборони (ст. 36 КК), правомірного затримання особи, що вчинила злочин (ст. 38 КК), або крайньої необхідності (ст. 39 КК). Виключається відповідальність у випадках, коли батьки застосовують примусово-виховні заходи щодо своїх неповнолітніх дітей. Питання законного позбавлення волі регулюються Конституцією та іншими законами України.

Найнебезпечнішою формою незаконного позбавлення волі є *викрадення людини*, тобто протиправне таємне або відкрите захоплення потерпілого, переміщення його з того місця, де він знаходився, та подальше утримання потерпілого викрадачем або іншою особою. Викрадення майже завжди супроводжується фізичним або психічним (погрози) насильством.

Незаконне позбавлення волі та викрадення людини припускають дії, що вчиняються проти волі потерпілої особи. Тому згода останньої на вчинення щодо неї таких дій виключає відповідальність за ст. 146 КК,

за винятком випадків згоди на такі дії малолітнього (див. коментар до ч. 2 цієї статті). Не може також йти мови про згоду потерпілого, якщо останній визнаний судом недієздатним внаслідок психічної хвороби або недоумства.

3. Діяння як у формі незаконного позбавлення волі, так і у формі викрадення людини вважаються *закінченими* з моменту фактичного обмеження свободи переміщення потерпілого. При цьому необхідно враховувати, що і незаконне позбавлення волі, і викрадення людини належать до триваючих злочинів, тому зазначені діяння вважаються вчинюваними аж до часу фактичного звільнення потерпілого. Виходячи з цього дії особи, яка приєднується до утримування потерпілого, що перебуває у стані позбавлення волі, можуть бути кваліфіковані як співвиконання або інша співучасть у вчиненні цього злочину.

4. Із **суб'єктивної сторони** злочин вчиняється лише з прямим умислом і може характеризуватися різними мотивами (користь, помста та ін.). Обов'язковим є усвідомлення особою незаконності діяння, що нею вчинюється.

5. **Суб'єктом** незаконного позбавлення волі або викрадення людини, передбачених ст. 146 КК, є лише приватна особа, що досягла 16-ти років. Службові особи за подібні дії несуть відповідальність за перевищення влади або службових повноважень, тобто за ст. 365 або статтями 365¹, 371, 375, 424 КК.

6. Згідно з **ч. 2 ст. 146 КК обставинами, що обтяжують відповідальність** за цей злочин, є дії, вчинені щодо малолітнього або з корисливих мотивів, щодо двох чи більше осіб, за попередньою змовою групою осіб, або способом, небезпечним для життя чи здоров'я потерпілого, або такі, що супроводжувалися заподіянням йому фізичних страждань, або із застосуванням зброї, або здійснювані протягом тривалого часу.

Малолітньою вважається особа, якій на час вчинення щодо неї дій, зазначених у ч. 1 ст. 146 КК, не виповнилося 14 років. Згода малолітнього на його викрадення не звільняє викрадача від кримінальної відповідальності.

Вчинення злочину з *корисливих мотивів* (про зміст таких мотивів див. коментар до п. 6 ч. 2 ст. 115 КК).

Вчинення зазначених у ч. 1 ст. 146 КК діянь щодо *двох чи більше осіб* передбачає випадки вчинення одиничного злочину, коли кількість потерпілих складає дві чи більше особи.

Вчинення злочину за *попередньою змовою групою осіб* див. коментар до ч. 2 ст. 28 КК.

Під *способом, небезпечним для життя чи здоров'я потерпілого*, слід розуміти випадки незаконного позбавлення волі або викрадення

людини, коли діяннями винної особи була створена реальна загроза загибелі потерпілого або загроза спричинення йому тілесного ушкодження, небезпечного для здоров'я, тобто такого, що здатне потягти за собою наслідки, передбачені ч. 1 ст. 121 КК.

Заподіяння фізичних страждань – це випадки, коли потерпілому спричиняється сильний фізичний біль або його тримають у виснажливих для людського організму умовах (наприклад, у холодному чи вологому приміщенні, без їжі).

Застосування зброї означає використання під час вчинення злочину вогнепальної або холодної зброї за її цільовим призначенням (наприклад, здійснення пострілу, завдання внаслідок удару кинджалом тілесного ушкодження). Це також випадки погрози використання зброї (наприклад, прицілювання в потерпілого, демонстрація зброї, приведення її в бойове положення). Зброя може бути застосована як проти потерпілого, так і інших осіб, які, наприклад, намагаються перешкодити викраденню людини. Якщо на зброю не було надано дозволу щодо законного поводження з нею, дії особи додатково кваліфікуються за ст. 263 КК.

Тривалий час. Ця обставина стосується, як правило, незаконного позбавлення волі. Зміст її визначається з урахуванням конкретного астрономічного строку, наприклад, тиждень та більше. Додатково можуть бути враховані умови тримання особи (місце, спосіб), стан здоров'я потерпілого тощо.

7. У частині 3 ст. 146 КК передбачені особливо обтяжуючі обставини цього злочину: вчинення його організованою групою або спричинення внаслідок позбавлення волі чи викрадення людини тяжких наслідків.

Про вчинення злочину *організованою групою* див. коментар до ч. 3 ст. 28 КК.

Тяжкими наслідками можуть бути визнані смерть потерпілого, його самогубство, спричинення тяжкого тілесного ушкодження хоча б одній особі або середньої тяжкості тілесних ушкоджень кільком потерпілим тощо. Ставлення винного до тяжких наслідків може бути як умисним, так і необережним. Дії особи, яка вчинила злочин, передбачений ст. 146 КК, і умисно вбила потерпілого, який був викрадений, мають кваліфікуватися за ч. 3 ст. 146 КК за ознакою спричинення тяжких наслідків і за п. 3 ч. 2 ст. 115 КК (за обставиною – умисне вбивство викраденої людини). Умисне вбивство особи, яка була незаконно позбавлена волі, кваліфікується за ч. 3 ст. 146 КК і за частинами 1 або 2 ст. 115 КК залежно від обставин, що супроводжували таке вбивство. За сукупністю злочинів кваліфікуються також випадки незаконного позбавлення волі

або викрадення людини, що супроводжувалися спричиненням умисного тяжкого тілесного ушкодження за обтяжуючих обставин (за ч. 2 ст. 121 та ч. 3 ст. 146 КК).

Стаття 147. Захоплення заручників

1. Захоплення або тримання особи як заручника з метою спонукання родичів затриманого, державної або іншої установи, підприємства чи організації, фізичної або службової особи до вчинення чи утримання від вчинення будь-якої дії як умови звільнення заручника –

карається позбавленням волі на строк від п'яти до восьми років.

2. Ті самі дії, якщо вони були вчинені щодо неповнолітнього або організованою групою, або були поєднані з погрозою знищення людей, або такі, що спричинили тяжкі наслідки, –

караються позбавленням волі на строк від семи до п'ятнадцяти років.

1. Ця стаття включена до КК відповідно до Міжнародної конвенції, прийнятої Генеральною Асамблеєю ООН у 1979 р., до якої у 1987 р. приєдналася й Україна.

2. **Об'єктом** злочину є не тільки суспільні відносини, що забезпечують особисту волю людини, а й такі, що забезпечують безпеку особи, захопленої як заручника. *Потерпілим* від злочину є фізична особа – заручник (див. коментар до п. 3 ч. 2 ст. 115 КК). Захоплення або тримання як заручника представника влади, працівника правоохоронного органу чи їх близьких родичів тягне відповідальність за ст. 349 КК (див. коментар до цієї статті). Викрадення або позбавлення волі осіб, які мають міжнародний захист, за умов, що відповідають захопленню заручників, тягне відповідальність за ст. 444 КК (див. коментар до цієї статті).

3. **Об'єктивна сторона** полягає в захопленні або триманні особи як заручника. Вчинення одного із зазначених діянь є достатнім для її встановлення.

Захоплення заручника – це його викрадення, яке може бути таємним або відкритим; воно може бути вчинене шляхом обману; супроводжуватися насильством, у тому числі із застосуванням зброї, або може обійтися без такого насильства. Оскільки викрадення людини є одним із способів захоплення заручників, то дії винної особи при застосуванні нею такого способу достатньо кваліфікувати лише за ст. 147 КК. Разом з тим, якщо викрадення людини буде супроводжуватися обтяжуючими

обставинами, які містяться у ст. 146 КК і не передбачені ст. 147 КК, то такі дії необхідно кваліфікувати за сукупністю ч. 2 ст. 146 та ст. 147 КК.

Тримання заручника – це, як правило, логічний наслідок його захоплення, хоча тримання може здійснюватися і особою, яка не брала участі у захопленні. Також тримання може бути здійснене і без попереднього захоплення заручника. Тримання – це позбавлення заручника волі, коли йому забороняють залишати певне місце або унеможливають це зробити. Як і при викраденні людини, тримання заручника може супроводжуватися обтяжуючими обставинами, що зазначені в ч. 2 ст. 146 КК і не передбачені ст. 147 КК. У такому разі дії особи також кваліфікуються за сукупністю ч. 2 ст. 146 та ст. 147 КК.

Злочин вважається *закінченим* з моменту захоплення потерпілого або з моменту фактичного позбавлення заручника права вільно пересуватися. Подальші насильницькі дії щодо заручника, якщо вони утворюють самостійні злочини, кваліфікуються додатково за іншими статтями Особливої частини КК.

4. Суб'єктивна сторона. *Вина* – прямий умисел. Обов'язковою ознакою цього злочину є також *мета*. Згідно з диспозицією ч. 1 ст. 147 КК особа вчинює злочин з метою спонукання родичів затриманого, державної або іншої установи, підприємства чи організації, фізичної або службової особи до вчинення чи, навпаки, утримання від вчинення будь-якої дії як умови звільнення заручника. Злочинець пов'язує звільнення заручника із задоволенням вимог, які він висуває вказаним вище особам, органам державної влади чи іншої установи (це, наприклад, вимога надання зброї, звільнення заарештованого, надання транспортних засобів тощо).

5. Суб'єкт злочину – особа, яка досягла 14-річного віку. У разі вчинення службовою особою з використанням своїх службових повноважень дій, зазначених у ст. 147 КК, вони кваліфікуються за сукупністю цієї статті та ст. 365 або ст. 3651 КК.

6. У частині 2 ст. 147 КК передбачені такі обставини, що обтяжують відповідальність: вчинення цього злочину щодо неповнолітнього або організованою групою, або якщо вчинені дії були поєднані з погрозою знищення людей, або якщо вони спричинили тяжкі наслідки.

Неповнолітній – потерпіла особа, якій на час захоплення або тримання її як заручника не виповнилося 18 років.

Організована група – див. коментар до ч. 3 ст. 28 КК.

Дії, що були поєднані з погрозою знищення людей, – це випадки погрози вбивства однієї чи більше осіб (до їх необмеженого кола). Погроза може стосуватися як самого заручника (наприклад, особа загрожує

підірвати будівлю, у якій перебуває затриманий), так і інших осіб (наприклад, близьких родичів заручника або осіб, які будуть намагатися його звільнити). Докладніше про зміст цієї обставини див. коментар до ст. 129 КК. Погроза вбивством охоплюється злочином, передбаченим ч. 2 ст. 147 КК і не потребує додаткової кваліфікації.

Тяжкими наслідками можуть бути визнані смерть однієї чи декількох осіб, самогубство потерпілого, заподіяння тяжких тілесних ушкоджень хоча б одній особі або середньої тяжкості тілесних ушкоджень кільком потерпілим, спричинення великої матеріальної шкоди (наприклад, внаслідок вибуху), тривала дезорганізація роботи установи, підприємства чи організації. *Ставлення винного до цих наслідків може бути як умисним, так і необережним.* «Дії особи, яка вчинила злочин, передбачений ст. 147 КК, і умисно вбила заручника, мають кваліфікуватися за ч. 2 цієї статті за ознакою спричинення тяжких наслідків і за п. 3 ч. 2 ст. 115 КК» (п. 7 абз. 3 ППВСУ «Про судову практику в справах про життя та здоров'я особи» від 7 лютого 2003 р. № 2).

Стаття 148. Підміна дитини

Підміна чужої дитини, вчинена з корисливих або інших особистих мотивів, –

карається обмеженням волі на строк до п'яти років або позбавленням волі на той самий строк.

1. Безпосереднім об'єктом злочину є суспільні відносини, що забезпечують особисту недоторканність дитини та її нормальний розвиток. Законодавець не зазначив у диспозиції ст. 148 КК вік або стан дитини, щодо якої можлива підміна. Тлумачення норми за сутністю її призначення та практика застосування надають підстави для судження, що під дитиною у цій статті слід розуміти, як правило, немовля – новонароджене або грудне, яке є чужим для винної особи.

2. З об'єктивної сторони злочин полягає в підміні чужої дитини, наприклад, у вилученні та заміні одного новонародженого або грудного немовляти іншим. Склад злочину – формальний. Вважається *закінченим* з моменту підміни дитини.

3. Суб'єктивна сторона. *Вина* – прямий умисел: особа усвідомлює, що підмінює чужу дитину, і бажає чинити саме так. Обов'язковою ознакою суб'єктивної сторони є також *мотиви*: корисливі (наприклад, підміна дитини для передачі іншій особі за винагороду) або інші особисті (наприклад, заміна своєї хворої дитини на чужу).

4. **Суб'єктом** злочину є особа, яка досягла 16-ти років і для якої дитина є чужою. Підміна новонародженого, що мала місце через небережність, наприклад, няні або медичної сестри пологового будинку, може потягти відповідальність за ст. 140 КК за наявності всіх інших ознак цього складу злочину.

Стаття 151. Незаконне поміщення в психіатричний заклад

1. Поміщення в психіатричний заклад завідомо психічно здорової особи –

карається арештом на строк від трьох до шести місяців або обмеженням волі на строк до двох років, або позбавленням волі на той самий строк, з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років.

2. Те саме діяння, що спричинило тяжкі наслідки, –

карається позбавленням волі на строк від двох до п'яти років з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років.

1. Незаконне поміщення в психіатричний заклад становить спеціальний вид незаконного позбавлення волі. **Безпосереднім об'єктом** злочину є суспільні відносини, що забезпечують особисту волю особи, її гідність та недоторканність. *Потерпілим* від злочину є тільки психічно здорова людина (ст. 14 Закону України «Про психіатричну допомогу» від 22 лютого 2000 р. // ВВРВ. – 2000. – № 19. – Ст. 143).

2. З **об'єктивної сторони** цей злочин полягає у незаконному поміщенні в психіатричний заклад психічно здорової особи на стаціонарне обстеження або лікування. Способи вчинення діяння можуть бути різними: насильство, обман, службове підроблення тощо. *Місцем*, куди поміщається потерпілий, є стаціонарний психіатричний заклад. Ця ознака є обов'язковою для об'єктивної сторони складу злочину. Це психоневрологічний, наркологічний чи інший спеціалізований заклад, центр, відділення тощо всіх форм власності, діяльність яких пов'язана з наданням психіатричної допомоги (див. ст. 1 зазначеного Закону). Вид нагляду в психіатричному закладі за хворим не має значення для визначення цієї ознаки складу злочину.

Злочин вважається *закінченим* з моменту поміщення потерпілого в психіатричний заклад на стаціонарне обстеження або лікування.

3. **Суб'єктивна сторона** злочину. *Вина* – прямий умисел, за якого винний усвідомлює, що поміщує в психіатричний заклад завідомо психічно здорову людину і бажає цього. *Мотиви* та *мета* цього злочину

не є обов'язковими ознаками складу злочину, вони можуть бути різними (прагнення отримати матеріальну вигоду, заволодіти житлом потерпілого, бажання позбутися людини тощо) і на кваліфікацію злочину не впливають. Вони можуть ураховуватися при призначенні покарання.

4. **Суб'єкт** злочину спеціальний – лікар-психіатр, який одноосібно чи у складі комісії лікарів-психіатрів приймає рішення про поміщення особи у психіатричний заклад. Якщо таким суб'єктом є службова особа (головний психіатр, завідувач відділення тощо), вчинене утворює сукупність злочинів і кваліфікується за ст. 151 і ст. 365 КК (перевищення влади або службових повноважень) чи ст. 3651 (перевищення повноважень...).

5. У частині 2 ст. 151 КК вказана **обставина, що обтяжує кримінальну відповідальність**, – спричинення *тяжких наслідків*. Такими наслідками можуть бути визнані смерть потерпілого, його самогубство, тяжка хвороба тощо. Ставлення винної особи до тяжких наслідків може бути як умисним, так і необережним. Залежно від виду тяжких наслідків та ставлення винного до них скоєне може бути кваліфіковано і за сукупністю злочинів: ч. 2 ст. 151 і відповідно частини 1 або 2 ст. 115, частини 1 або 2 ст. 119, ч. 3 ст. 120, частини 1 або 2 ст. 121, ч. 2 ст. 122 КК тощо.

Стаття 271. Порухення вимог законодавства про охорону праці

Порухення вимог законодавчих та інших нормативно-правових актів про охорону праці службовою особою підприємства, установи, організації або громадянином – суб'єктом підприємницької діяльності, якщо це порушення заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого, – карається штрафом від ста до двохсот неоподатковуваних мінімумів доходів громадян або виправними роботами на строк до двох років, або обмеженням волі на той самий строк.

Те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки, –

карається виправними роботами на строк до двох років або обмеженням волі на строк до п'яти років, або позбавленням волі на строк до семи років, з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до двох років або без такого.

(Стаття 271 у редакції Закону України № 4837-VI від 24 травня 2012 р.)

1. Відповідно до ч. 4 ст. 43 Конституції України кожний працівник «має право на належні, безпечні і здорові умови праці». У частині 1

ст. 6 Закону України № 2694-XII від 14 жовтня 1992 р. «Про охорону праці» (в редакції Закону України від 21 листопада 2002 р. № 229-IV) сказано, що «умови праці на робочому місці, безпека технологічних процесів, машин, механізмів, устаткування та інших засобів виробництва, стан засобів колективного та індивідуального захисту, що використовуються працівником, а також санітарно-побутові умови повинні відповідати вимогам законодавства» (БВПУ. – 2003. – № 2. – Ст. 10).

Охорона праці – це система правових, соціальних-економічних, організаційно-технічних, санітарно-гігієнічних і лікувально-профілактичних заходів та засобів, спрямованих на збереження життя, здоров'я і працездатності людини в процесі трудової діяльності (див. ст. 1 Закону України «Про охорону праці» в редакції від 21 листопада 2002 р.).

2. Статтею 271 охороняється безпека праці від порушень, що вчиняються на виробництві. **Основним безпосереднім об'єктом** злочину, передбаченого цією статтею, є суспільні відносини, що забезпечують безпеку праці. Згідно зі стандартами *безпеки праці* – це «стан умов праці, за якого вплив на працівника небезпечних і шкідливих виробничих чинників усунуто, або вплив шкідливих виробничих чинників не перевищує гранично допустимих значень» (п. 4.14 ДСТУ 2293-99. *Охорона праці. Терміни та визначення основних понять. Затверджені 26 березня 1999 р.* – К. : Держстандарт України, 1999. – С. 4).

Виробництво – це складна соціально-економічна і технічна відносно замкнута система, в основі функціонування якої лежить праця людини, спрямована на одержання суспільно корисного результату. Складовим елементом такої системи є правові і технічні норми. Виробництво поділяється на матеріальне і нематеріальне. Галузями матеріального виробництва є: промисловість, сільське, лісове і водне господарство, транспорт вантажний, зв'язок (з обслуговування підприємств виробничої сфери), будівництво, торгівля і громадське харчування, інші види виробничої діяльності, спрямовані на одержання матеріальних благ, їхній обмін, розподіл і споживання. У галузях нематеріального виробництва створюються особливі нематеріальні блага (духовні цінності), а також надаються нематеріальні послуги. Це послуги з охорони здоров'я, освіти, наукове консультування та ін. Для організації і забезпечення охорони праці на виробництві використовуються закони і підзаконні акти, що належать до різноманітних галузей права (трудового, природоохоронного, цивільного, господарського, адміністративного, кримінального тощо), а також технічні норми. У цій системі норми кримінального права охороняють безпеку праці від найбільш небезпечних посягань.

Поза системою спеціального нормативного регулювання й охорони безпеки праці на виробництві знаходяться: трудова діяльність людини в межах домашнього господарства; так звані неорганізовані промисли населення (збирання лісових плодів, вторинної сировини, заготівля дров, полювання, рибальство та ін.); робота окремих осіб за наймом; незареєстрована підприємницька діяльність. Безпека виконання такої діяльності забезпечується статтями КК, що охороняють життя і здоров'я особи, господарську діяльність, довкілля тощо.

3. *Потерпілими* від злочину «можуть бути тільки особи, які мають постійний чи тимчасовий зв'язок з певним підприємством, установою, організацією чи з виробничою діяльністю громадянина – суб'єкта підприємницької діяльності (безпосередньо працюють, прибули у відрядження, на практику, стажування або діяльність яких пов'язана із цим виробництвом тощо)» (п. 8 абз. 3 ППВСУ «Про практику застосування судами України законодавства у справах про злочини проти безпеки виробництва» від 12 червня 2009 р. № 7) (ВВСУ. – 2009. – № 8. – С. 16-17). Порухення вимог законодавства про охорону праці, що заподіяло шкоду життю або здоров'ю інших громадян, які не пов'язані із певним виробництвом (наприклад, особи, які випадково опинилися на території підприємства, установи, організації) тягне за собою відповідальність за статтями про злочини у сфері службової діяльності або злочини проти життя і здоров'я особи.

4. **Об'єктивна сторона** злочину включає: 1) порушення вимог законодавчих і інших нормативно-правових актів про охорону праці; 2) заподіяння шкоди здоров'ю потерпілого (ч. 1 ст. 271 КК) або загибель людей (ч. 2 ст. 271 КК), або настання інших тяжких наслідків (ч. 2 ст. 271 КК); 3) причинний зв'язок між порушенням вказаних вимог і наслідками.

5. Диспозиція ст. 271 КК є бланкетною. Для з'ясування змісту порушення потрібно звертатися до законодавчих та інших нормативно-правових актів, що регулюють безпеку виробництва та містять вимоги стосовно охорони праці. Необхідно встановлювати відповідні статті, пункти, параграфи, які порушено (див. п. 2 зазначеної Постанови) та показувати, яким чином відбулося їх порушення. Неврахування бланкетного характеру диспозиції ст. 271 КК може призвести до неправильної кваліфікації порушення вимог безпеки на виробництві (див. *Практика розгляду судами кримінальних справ про злочини, пов'язані з порушенням вимог законодавства про охорону праці* // ВВСУ. – 2007. – № 6. – С. 25–26).

Застосоване в диспозиції ст. 271 КК поняття «акти» наведено в загальній формі й охоплює різні джерела. В основному це закони, укази,

постанови, інструкції, положення, норми, стандарти. Ці акти встановлюють правила, що містять різноманітні вимоги до охорони праці. За характером вимог та їх галузевою спрямованістю розрізняють *загальні і спеціальні правила охорони праці*. До загальних належать правила, що регулюють питання охорони праці у всіх галузях виробництва. Це, наприклад, Закон України «Про охорону праці» в редакції від 21 листопада 2002 р., Закон України «Про забезпечення санітарного та епідемічного благополуччя населення» від 24 лютого 1994 р. № 4004-ХІІ (ВВРУ. – 1994. – № 27. – Ст. 218), а також окремі правила державних міжгалузевих і галузевих актів, що містять вимоги безпеки для всіх галузей виробничої діяльності (наприклад, вимога про проведення первинного інструктажу з техніки безпеки на робочому місці). Спеціальні правила містять вимоги безпеки для однієї галузі або для однієї якоїсь роботи.

Статтею 271 КК не охоплюються порушення спеціальних правил безпеки, які стосуються виконання робіт із підвищеною небезпекою (гірничих, будівельних, інших), діють на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах, містять вимоги ядерної або радіаційної безпеки, безпечного використання промислової продукції або безпечної експлуатації будівель і споруд. Порушення таких правил потребують кваліфікації за статтями 272–275 КК (див. п. 6 абз. 2 зазначеної Постанови).

6. Порушення вимог законодавчих та інших нормативно-правових актів з охорони праці зазвичай становить не одиничну дію (бездіяльність), а є сукупністю діянь (системою), де порушується не одна, а різноманітні вимоги щодо охорони праці.

Порушення вимог про охорону праці найчастіше полягають у відсутності необхідного інструктажу або у поверховому інструктажі з техніки безпеки, недостатньому нагляді за дотриманням правил охорони праці (див. Ухвалу колегії суддів Судової палати у кримінальних справах ВСУ від 16 січня 2003 р. у справі К. // ВВСУ. – 2003. – № 5. – С. 18–19), неогороженні рухомих частин механізмів, незадовільному санітарно-гігієнічному стані виробничих приміщень і робочих місць, несправності робочого устаткування, інструментів та ін.

7. Поняття «шкода здоров'ю потерпілого» (ч. 1 ст. 271 КК) охоплює «випадки, пов'язані із заподіянням особі середньої тяжкості чи легких тілесних ушкоджень, що спричинили короточасний розлад здоров'я або незначну втрату працездатності» (п. 21 абз. 1 зазначеної Постанови).

«Загибель людей» (ч. 2 ст. 271 КК) – це «випадки смерті однієї або кількох осіб» (п. 21 абз. 2 зазначеної Постанови).

Під «іншими тяжкими наслідками» (ч. 2 ст. 271 КК) слід розуміти випадки заподіяння тяжких тілесних ушкоджень хоча б одній людині або середньої тяжкості тілесних ушкоджень двом і більше особам.

Допущене службовою особою порушення, якщо воно спричинило зазначені в ч. 1 або ч. 2 ст. 271 КК наслідки та заподіяло одночасно істотну шкоду підприємству, організації або громадянам чи інші тяжкі наслідки, утворює сукупність злочинів, передбачених статтями 271 і 367 КК.

8. Обов'язковою ознакою об'єктивної сторони є *причинний зв'язок* між допущеними порушеннями правил безпеки і суспільно небезпечними наслідками, що настали. Причинний зв'язок у цих злочинах має низку особливостей. Зокрема, у більшості випадків має місце опосередкований, а не прямий розвиток причинного зв'язку. Крім того, настання наслідку може бути зумовлене порушенням кількох вимог безпеки. Такі порушення можуть бути допущені одним або кількома суб'єктами. У випадках коли для встановлення причинного зв'язку необхідні наукові, технічні або інші спеціальні знання, призначаються експертизи (див. п. 3 абз. 3 зазначеної Постанови).

9. **Суб'єктивна сторона** злочину характеризується змішаною або необережною формою *вини*. Щодо порушення вимог про охорону праці можуть мати місце умисел або необережність, щодо наслідків – необережність. Ставлення суб'єкта до наслідків є визначальним, тому в цілому аналізований злочин є необережним. Якщо стосовно наслідків суб'єкт діяв з умислом, скоєне кваліфікується як злочин проти життя і здоров'я особи.

У справах даної категорії необхідно встановлювати *мотиви* допущених порушень вимог про охорону праці, ставлення суб'єкта до їх дотримання, що важливо для кваліфікації, визначення ступеня суспільної небезпечності вчиненого, призначення міри кримінального покарання.

10. **Суб'єкт** злочину – *службова особа* підприємства, установи, організації, яка на підставі наказу адміністрації, посадової інструкції чи відповідно до займаної посади має спеціальні обов'язки щодо охорони праці, або *громадянин – суб'єкт підприємницької діяльності* (п. 8 абз. 1 зазначеної Постанови). Громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності відповідно до законодавства мають обов'язки з охорони праці найнятих ними працівників на підставі нормативно-правового акта або трудового договору (контракту).

У разі порушення вимог законодавства про охорону праці, що потягло кримінально-правові наслідки, *іншими службовими особами* останні з урахуванням обставин справи можуть нести відповідальність

за злочини у сфері службової діяльності, а *рядові працівники* – за злочини проти життя і здоров'я особи (див. п. 8 абз. 2 зазначеної Постанови).

Стаття 273. Порушення правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах

1. Порушення правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах особою, яка зобов'язана їх дотримувати, якщо воно створило загрозу загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого, –

карається виправними роботами на строк до двох років або обмеженням волі на строк до трьох років, або позбавленням волі на строк до трьох років, з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років або без такого.

2. Те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки, –

карається обмеженням волі на строк до п'яти років або позбавленням волі на строк від двох до десяти років, з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років.

1. Порушення правил безпеки на вибухонебезпечних виробництвах може призвести до вибухів, пожеж, пошкодження або знищення майна, загибелі багатьох людей. Діяння, передбачене ст. 273 КК, є одним із найнебезпечніших посягань на безпеку виробництва. **Основним безпосереднім об'єктом** цього злочину є суспільні відносини, що забезпечують безпеку вибухонебезпечних виробництв (включаючи безпеку праці).

Потерпілими від злочину, передбаченого ст. 273 КК, можуть бути «як працівники вибухонебезпечних підприємств (цехів), так і сторонні особи» (п. 13 абз. 5 зазначеної Постанови).

2. Об'єктивна сторона. Зазначене у ст. 273 КК діяння має бути вчинене у визначеному місці – вибухонебезпечному підприємстві або у вибухонебезпечному цеху. До вибухонебезпечних належать підприємства або окремі цехи, що використовують, наприклад, аміак, ацетон, бензин, бутан, доменний газ, силон, метан, спирт, толуол, коксовий газ, ефір, сірководень, сірковуглець, уайт спірит як сировину або основний продукт, або ці речовини виділяються при виробництві. Вибухонебезпечними визнаються підприємства і цехи, що виробляють вибухонебезпечні речовини, порох і боєприпаси. До вибухонебезпечних належать також

деякі цехи збагачувальних і брикетних фабрик (наприклад, цех термічного сушіння, подрібнювальний і пресувальний цехи). Це може бути і хімічна лабораторія, де в результаті різноманітних дослідів утворюються вибухонебезпечні речовини. До вибухонебезпечних підприємств належать і шахти, небезпечні через можливість виділення газу (метану), або через наявність вугільного, сірчаного або сульфідного пилу, це також шахти з розробки вугільних пластів, схильних до раптових викидів вугілля і газу або ж до самозаймання копалини.

Відповідальність за ст. 273 КК може настати при вибухах речовин, що зумовили визнання підприємства (цеху) вибухонебезпечним.

Належність підприємства (цеху) до вибухонебезпечних визначається не характером наслідків, що настали, а «категорією і класом виробництва, встановленими технологічним регламентом» (п. 11 абз. 1 зазначеної Постанови). Ці категорії, класи і подібні до них характеристики встановлюються проектними організаціями, міністерствами, виробничими об'єднаннями, Держгірпромнаглядом та його територіальними органами і деякими іншими організаціями як для підприємства в цілому, так і для окремого його комплексу, а також для різноманітних основних (цех, ділянка, відділення) і допоміжних (склади, лабораторії) виробничих підрозділів, зовнішнього обладнання, вугільних пластів та інших об'єктів промисловості, сільськогосподарських і інших підприємств. Діяння, що викликало вибух і заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого або загибель людей на виробництві, не віднесеному в установленому порядку до вибухонебезпечного, має кваліфікуватись як службова недбалість (ст. 367 КК), або як злочин проти безпеки праці (статті 271, 272 КК), або як злочин проти життя чи здоров'я особи (статті 119, 128 КК). Тому до матеріалів кримінальних справ про злочини, передбачені ст. 273 КК, необхідно додавати копії нормативних актів (наказів, положень, регламентів тощо) про віднесення підприємства (цеху) до певної категорії (класу) вибухонебезпечності (див. п. 12 зазначеної Постанови).

Для встановлення змісту порушення потрібно також звертатися до спеціальних правил, що передбачають дотримання заходів безпеки на вибухонебезпечних підприємствах (цехах) від вибухів і супутніх їм пожеж, отруєнь та інших тяжких наслідків (див., наприклад, *Інструкцію з організації безпечного ведення вогневих робіт на вибухопожежо-небезпечних та вибухонебезпечних об'єктах, затверджену наказом Міністерства праці та соціальної політики України № 255 від 5 червня 2001 р. // ОВУ. – 2001. – № 27. – Ст. 1218*). Зазначені правила в технічній літературі і нормативно-технічних документах іменуються правилами

вибухобезпечності. Відповідно до Держстандарту 12.1.010-76 вибухобезпечність – це «стан виробничого процесу, при якому виключається можливість вибуху, або у випадку його виникнення відвертається вплив на людей небезпечних і шкідливих факторів, що викликаються ним, і забезпечується зберігання матеріальних цінностей» (*ГОСТ 12.1.010-76 (СТ СЭВ 3517-81)*). – М.: Госстандарт СССР, 1976. – С. 12). Відповідно до цього для забезпечення вибухобезпеки необхідне дотримання, по-перше, правил, спрямованих на відвернення можливості вибуху, і, по-друге, правил, призначених для захисту людей і матеріальних об'єктів від небезпечних наслідків вибуху, якщо він все ж таки трапиться.

Порушення правил, що забезпечують безпеку виробництва на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах, може полягати в палінні у приміщенні вибухонебезпечного цеху, користуванні відкритим вогнем у газовій (метановій) шахті, веденні робіт за відсутності належної вентиляції тощо.

Порушення на вибухонебезпечному підприємстві (у цеху) інших правил безпеки (наприклад, про охорону праці, виконання робіт з підвищеною небезпекою) не містить ознак злочину, передбаченого ст. 273 КК. У таких випадках порушення, що мали місце, слід кваліфікувати за ст. 271 або ст. 272 КК.

Значна частина вибухонебезпечних підприємств (цехів) водночас є і пожежонебезпечними. Порушення на таких вибухопожежонебезпечних виробництвах встановлених законодавством вимог пожежної безпеки може як створити загрозу загибелі людей або настання інших тяжких наслідків внаслідок можливої пожежі або вибуху, так і спричинити реальні наслідки. Тому порушення на вибухопожежонебезпечному підприємстві (у цеху) встановлених законодавством вимог пожежної безпеки, якщо воно могло спричинити вибух чи пожежу або спричинило вибух, за відсутності людських жертв, інших тяжких наслідків підлягає кваліфікації за ч. 1 ст. 273 КК. Те саме діяння, якщо воно спричинило вибух і пожежу з наслідками, які не є тяжкими, кваліфікується за сукупністю ч. 1 ст. 270 КК (порушення встановлених законодавством вимог пожежної безпеки) і ч. 1 ст. 273 КК (*див. п. 13 абзаців 1 та 2 зазначеної Постанови*).

Порушення на вибухопожежонебезпечному підприємстві (у цеху) встановлених законодавством вимог пожежної безпеки, якщо воно спричинило вибух і пожежу, що призвело до загибелі людей, майнової шкоди в особливо великому розмірі або до інших тяжких наслідків, має кваліфікуватися за сукупністю ч. 2 ст. 270 та ч. 2 ст. 273 КК (*див. п. 13 абз. 3 зазначеної Постанови*). Те саме діяння, якщо воно спричинило

пожежу з такими ж наслідками, належить кваліфікувати за сукупністю ч. 2 ст. 270 та ч. 1 ст. 273 КК (див. п. 13 абз. 4 зазначеної Постанови).

3. *Наслідками* злочину є: створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяння шкоди здоров'ю потерпілого (ч. 1 ст. 273 КК); загибель людей або інші тяжкі наслідки (ч. 2 ст. 273 КК).

Створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків (див. коментар до ст. 272 КК).

Шкода здоров'ю потерпілого (див. коментар до ст. 271 КК).

Загибель людей (див. коментар до ст. 271 КК).

Інші тяжкі наслідки (див. коментар до ст. 272 КК).

4. Між порушеннями правил безпеки і зазначеними в ст. 273 КК наслідками необхідне встановлення *причинного зв'язку*.

5. **Суб'єктивна сторона** злочину характеризується змішаною або необережною формою вини.

6. **Суб'єкт – спеціальний**: особа, яка зобов'язана дотримувати правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах або у вибухонебезпечних цехах. Ними можуть бути: громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності; службові особи (керівники підприємств, головні інженери, начальники цехів, їхні заступники, механіки, завідувачі вентиляцією, начальники ділянок, майстри тощо), робітники та службовці вибухонебезпечних цехів і підприємств. Сторонні для цих виробництв особи, які знаходились з дозволу (правомірно) на таких підприємствах (практиканти, працівники інших установ та організацій, екскурсанти тощо), внаслідок реальної можливості усвідомлювати особливу небезпечність таких виробництв також можуть нести відповідальність за ст. 273 КК, якщо до їхнього відома у встановленому порядку були доведені вимоги щодо необхідності дотримання правил безпеки на вибухонебезпечних підприємствах.

Стаття 275. Порушення правил, що стосуються безпечного використання промислової продукції або безпечної експлуатації будівель і споруд

1. Порушення під час розроблення, конструювання, виготовлення чи зберігання промислової продукції правил, що стосуються безпечного її використання, а також порушення під час проектування чи будівництва правил, що стосуються безпечної експлуатації будівель і споруд, особою, яка зобов'язана дотримувати таких правил, якщо це створило загрозу загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків або заподіяло шкоду здоров'ю потерпілого, –

караються штрафом від ста до двохсот неоподатковуваних мінімумів доходів громадян або виправними роботами на строк до двох років, або обмеженням волі на строк до трьох років, з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до двох років або без такого.

2. Те саме діяння, якщо воно спричинило загибель людей або інші тяжкі наслідки, –

карається виправними роботами на строк до двох років або обмеженням волі на строк до п'яти років, або позбавленням волі на строк від двох до п'яти років, з позбавленням права обіймати певні посади чи займатися певною діяльністю на строк до трьох років.

(Стаття 275 у редакції Закону України № 4837-VI від 24 травня 2012 р.)

1. *Небезпека порушень*, передбачених ст. 275 КК, полягає в тому, що вони можуть спричинити під час використання продукції небезпечні для її споживача наслідки: вибух, пожежу, техногенну аварію, руйнацію будівель і споруд, що супроводжуються нещасними випадками, знищенням майна. Нормативно-правові акти про охорону праці, що містять спеціальні вимоги до виробничих будівель, споруд, устаткування, технологічних процесів, які вводяться в експлуатацію, повинні дотримуватися на виробництві. «Проектування виробничих об'єктів, розроблення нових технологій, засобів виробництва, засобів колективного та індивідуального захисту працюючих повинні провадитися з урахуванням вимог щодо охорони праці. Не допускається будівництво, реконструкція, технічне переоснащення тощо виробничих об'єктів, інженерних інфраструктур об'єктів соціально-культурного призначення, виготовлення і впровадження нових для даного підприємства технологій і зазначених засобів без попередньої експертизи робочого проекту або робочої документації на їх відповідність нормативно-правовим актам з охорони праці...» (ч. 2 ст. 21 Закону України «Про охорону праці» від 21 листопада 2002 р.). Введення в експлуатацію нових і реконструйованих об'єктів виробничого і соціально-культурного призначення, виготовлення і передання у виробництво зразків нових машин, механізмів, устаткування й інших засобів виробництва, впровадження нових технологій без дозволу відповідних органів забороняється. Тому «виробничі будівлі, споруди, машини, механізми, устаткування, транспортні засоби, що вводяться в дію після будівництва (виготовлення) або реконструкції, капітального ремонту тощо, та технологічні процеси повинні відповідати вимогам нормативно-правових актів з охорони праці» (ч. 1 ст. 21

зазначеного Закону). Таким же чином захищається безпека, життя і здоров'я споживачів продукції поза виробництвом – осіб, які купують індивідуальні транспортні засоби, побутову техніку, мешкають у будинках або відвідують об'єкти соціально-культурного призначення тощо. «Споживач має право на те, щоб продукція за звичайних умов її використання, зберігання і транспортування була безпечною для його життя, здоров'я, навколишнього природного середовища, а також не завдавала шкоди його майну» (абз. 1 ч. 1 ст. 14 Закону України «Про захист прав споживачів» від 12 травня 1991 р. (в редакції Закону України від 1 грудня 2005 р. № 3161-IV) // ВВРУ. – 2006. – № 7. – Ст. 84). Якщо буде встановлено, що при дотриманні споживачем правил використання, збереження або транспортування продукції вона заподіє або може заподіяти шкоди його життю або здоров'ю, виробник зобов'язаний негайно припинити її виготовлення до усунення причин шкоди, а в необхідних випадках відкликати таку продукцію.

2. Основним безпосереднім об'єктом злочину, передбаченого ст. 275 КК, є суспільні відносини, що забезпечують безпеку використання промислової продукції та безпеку експлуатації будівель і споруд.

Потерпілими від злочину є споживачі промислової продукції: ті, хто працює на даному або інших виробництвах; користувачі нею в побуті; особи, які працюють, проживають або іншим чином використовують будівлі та споруди.

3. З об'єктивної сторони злочин може бути спричинений порушенням правил, що забезпечують використання промислової продукції, при розробленні або конструюванні такої продукції (наприклад, серйозні прорахунки при розробці ракет-носіїв, авіаційних двигунів, турбін та ін.) або у процесі її виготовлення чи зберігання. Так, при виготовленні продукції може бути використано недоброякісні матеріали, а при її зберіганні – порушено, наприклад, вимоги температурних режимів або вологості сховищ. Крім того, з об'єктивної сторони злочин може полягати у порушенні правил безпеки при проектуванні або зведенні будівель і споруд (наприклад, помилки, допущені при проектуванні, або деконструктивні відхилення чи відхилення від встановлених технологій будівництва мостів, висотних споруд, складних перекриттів, виступаючих елементів будівель тощо).

4. До правил, що стосуються безпечного використання промислової продукції, а також безпечної експлуатації будівель і споруд, за порушення яких передбачено кримінальну відповідальність за ст. 275 КК, належать стандарти (державні, галузеві, окремих підприємств), будівельні норми і правила, окремі рішення компетентних органів про заборону

використання певних матеріалів, сировини, напівфабрикатів, акти, в яких установлено гранично допустимі концентрації шкідливих речовин у готовій продукції, приписи державних інспекторів наглядових органів тощо (див. п. 17 Зазначеної постанови).

5. Наслідками злочину, що передбачений ч. 1 ст. 275 КК, є: створення загрози загибелі людей чи настання інших тяжких наслідків (див. коментар до ст. 271 КК) або заподіяння шкоди здоров'ю потерпілого (див. коментар до ст. 272 КК). Відповідно до ч. 2 ст. 275 КК – загибель людей (див. коментар до ст. 271 КК) або інші тяжкі наслідки (див. коментар до ст. 272 КК).

6. Заподіяння шкоди у процесі створення промислової продукції внаслідок порушення правил охорони праці ст. 275 КК не охоплюється. За наявності відповідних підстав такі дії слід кваліфікувати за ст. 271 КК (див. п. 18 абз. 1 зазначеної Постанови).

7. Між порушеннями правил, зазначеними у ст. 275 КК, і наслідками має бути встановлено *причинний зв'язок*.

8. Із **суб'єктивної сторони** аналізований злочин може мати змішану або необережну форму вини.

9. **Суб'єктом** злочину можуть бути: громадяни – суб'єкти підприємницької діяльності, а також службові особи, конструктори, проєктувальники, працівники промислового або будівельного виробництва, які зобов'язані дотримувати правил, що стосуються безпечного використання промислової продукції або безпечної експлуатації будівель і споруд.

10. Злочин, передбачений ст. 275 КК, слід відмежовувати від злочину, передбаченого ст. 227 КК, – випуск або реалізація недоброякісної продукції.

Предметом останнього є недоброякісна і некомплектна продукція чи товари, що випускаються на товарний ринок або реалізуються безпосередньо споживачеві. У той же час предметом злочину, передбаченого ст. 275 КК, є промислова продукція, що не відповідає вимогам, які забезпечують безпеку її використання, тобто коли при використанні такої продукції (товару) було створено реальну загрозу загибелі людей, настання інших тяжких наслідків або заподіяно шкоду здоров'ю потерпілого. У таких випадках особа, яка при розробленні, конструюванні, виготовленні або зберіганні продукції допустила порушення правил, що стосуються безпечного її використання, несе відповідальність за ч. 1 або ч. 2 ст. 275 КК. За відсутності перелічених наслідків дії особи слід кваліфікувати за ст. 227 КК (див. п. 19 зазначеної Постанови).

ЗМІСТ

Передмова	3
Від укладачів	11

Розділ 1 ДИСЕРТАЦІЇ

Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ	13
Основные проблемы охраны безопасности производства в уголовном законодательстве Украины	30

Розділ 2 НАУКОВІ СТАТТІ

Суб'єкт злочинного порушення правил при проведенні будівельних робіт (ст. 219 КК УРСР)	280
Причинная связь при преступном нарушении правил безопасности социалистического производства	285
Деякі питання кваліфікації злочинних порушень правил охорони праці	293
НТП і питання кримінально-правової охорони безпеки виробництва	300
Конституція і кримінально-правова охорона безпечності виробництва	306
Уголовно-правовые нормы в системе правового обеспечения отношений безопасности производства	312
Ответственность за торговлю людьми по уголовному законодательству Украины	319
Корупція в Україні: поняття, відповідальність, стан	328
Кримінально-правова характеристика конститутивних ознак згвалтування	345
Відповідність кримінального закону конституційним принципам здійснення правосуддя в Україні	355
Питання караності злочину у конституційному судочинстві (на прикладі заміни смертної кари довічним позбавленням волі)	365
Сучасна політика держави у сфері боротьби зі злочинністю та її кримінально-правовий напрям	377
Питання систематизації Особливої частини Кримінального права	390

Иные уголовно-правовые последствия совершения общественно опасного деяния	400
Потерпілий від злочину як соціальний суб'єкт кримінально-правової охорони	420

Розділ 3

НАУКОВІ ДОПОВІДІ, ПОВІДОМЛЕННЯ ТА ТЕЗИ ДО НАУКОВО-ПРАКТИЧНИХ ЗАХОДІВ

Научно-технический прогресс и совершенствование уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность производства.....	429
Системний підхід при визначенні підстав кримінально-правової заборони	430
Наукове забезпечення протидії легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом	433
Кримінально-правова політика та питання соціальної обумовленості закону про кримінальну відповідальність	442
Конституційна відповідність у системі чинників соціальної обумовленості кримінального закону	445
Антикорупційна політика і практика: проблеми законодавчого забезпечення.....	448
Соціологічний аспект дослідження проблем кримінального права.....	453
Склад злочину як правова модель	458
Забезпечення кримінальним законом конституційних принципів здійснення правосуддя в Україні	461
Співвідношення кримінально-правової характеристики злочину та його складу	469
Проблеми запровадження у законодавство України інституту кримінального проступку	474
Закон про кримінальну відповідальність та форми його дії.....	478
Вступне слово до учасників і гостей науково-практичного семінару з нагоди дня науки.....	481

Розділ 4

РЕЦЕНЗІЇ ТА ПЕРЕДМОВИ ДО НАУКОВИХ ВИДАНЬ

Урахування європейського досвіду протидії організованій злочинності – запорука покращення криміногенної ситуації в Україні.....	483
---	-----

Відгук офіційного опонента на дисертацію «Відповідність кримінального законодавства України чинним міжнародним договорам».....	487
Передмова до монографії «Кримінальна відповідальність за порушення правил охорони або використання надр».....	496
Передмова до монографії «Неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей: соціальна обумовленість і склад злочину».....	498
Відгук офіційного опонента на дисертацію «Кримінальна відповідальність за пропозицію та надання неправомірної вигоди службовій особі (ст. 369 КК України)».....	501
Передмова до монографії «Кримінологічна характеристика та запобігання злочинності осіб без визначеного місця проживання в Україні».....	508
Передмова до монографії «Кримінально-правова характеристика зловживання опікунськими правами: соціальна обумовленість та склад злочину».....	511
Відгук офіційного опонента на дисертацію «Кримінально-правова доктрина США: генезис, обґрунтування, перспективи».....	514

Розділ 5

ПІДРУЧНИКИ, НАВЧАЛЬНІ ПОСІБНИКИ ТА ТЕКСТИ ЛЕКЦІЙ

Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ.....	522
Ответственность за преступное нарушение правил безопасности промышленного производства.....	557
Необережність та її види.....	590
Злочини проти волі, честі та гідності особи.	
Злочини проти статевої свободи та статевої недоторканості.....	606
Кримінальне право України. Загальна частина.....	627
Кримінальне право України. Особлива частина.....	670

Розділ 6

ДОВІДКОВІ ВИДАННЯ ТА СТАТТІ ДО ЕНЦИКЛОПЕДІЙ

Злочини проти обороноздатності держави.....	701
Від укладачів Кримінального кодексу України.....	702
Предисловие к Словарю криминологических и статистических терминов.....	703

Аналогія закону про кримінальну відповідальність.....	704
Видача злочинця.....	705
Зворотна дія закону про кримінальну відповідальність.....	706
Змішана форма вини.....	708
Невинне спричинення шкоди.....	710
Санкція кримінально-правова.....	711

Розділ 7

НАУКОВО-ПРАКТИЧНІ КОМЕНТАРІ ДО ЗАКОНОДАВСТВА ПРО КРИМІНАЛЬНУ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ

Ответственность за преступное нарушение правил при производстве строительных работ. Комментарий УК РСФСР.....	713
Кримінальна відповідальність за завідомо незаконні затримання, привід або арешт	719
Кримінальна відповідальність за незаконне виробництво, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання прекурсорів	726
Кримінальний кодекс України. Загальна частина. Науково-практичний коментар	737
Кримінальний кодекс України. Особлива частина. Науково-практичний коментар	760

Наукове видання

БОРИСОВ
Вячеслав Іванович

ВИБРАНІ ТВОРИ

Укладачі:

*В. В. Базелюк, С. В. Гізімчук, Л. М. Демидова, Д. П. Євтєєва,
М. Г. Заславська, Ю. В. Калініченко, Г. С. Крайник, Н. О. Мороз,
Н. В. Нетеса, В. В. Олійниченко, М. М. Панов, О. О. Пащенко,
М. В. Сенаторов, М. В. Шепітько*

Відповідальний за випуск:

М. В. Шепітько

Комп'ютерна верстка: *С. О. Сілічева*

Підписано до друку з оригінал-макета 24.01.2018.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Папір офсетний. Гарнітура Times.
Ум. друк. арк. 49. Вид. № 1830.
Тираж 300 прим.

Видавництво «Право» Національної академії правових наук України
та Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого
Україна, 61002, Харків, вул. Чернишевська, 80а
Тел./факс (057) 716-45-53
Сайт: www.pravo-izdat.com.ua
E-mail для авторів: verстка@pravo-izdat.com.ua
E-mail для замовлень: sales@pravo-izdat.com.ua

Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції — серія ДК № 4219 від 01.12.2011 р.

Виготовлено у друкарні ФОП Почернін В. В.
Тел. (057) 717-28-80